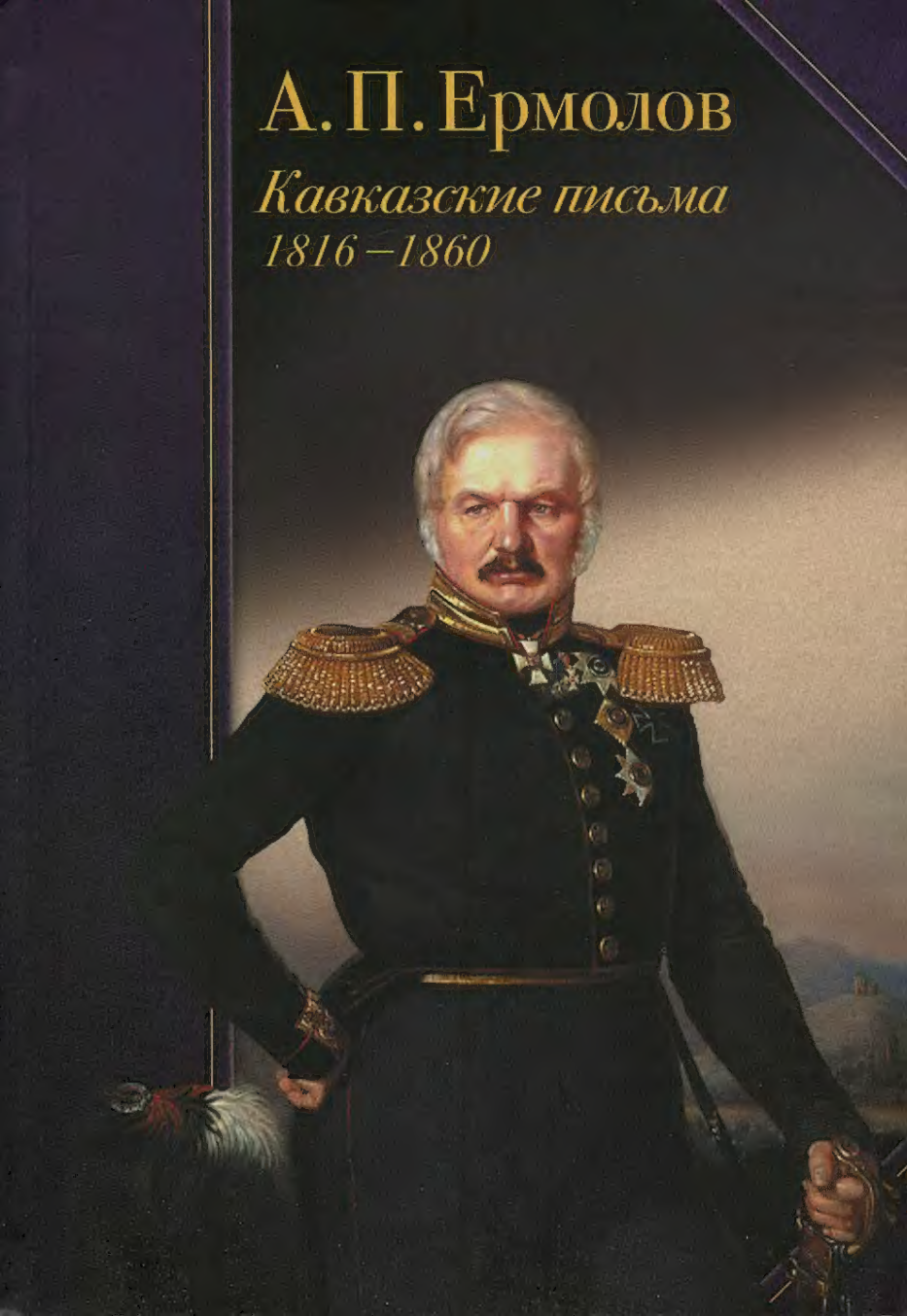
А. П. Ермолов

Кавказские письма
1816 – 1860



журнал ЗВЕЗДА

Издание выпущено на средства Фонда Кудрина
по поддержке Гражданских инициатив

А. П. Ермолов

Кавказские письма

1816–1860

Журнал «Звезда»
Санкт-Петербург
2014

ББК 84.Р1
Е 74

Ответственный редактор
Я. А. Гордин

Публикация писем А. П. Ермолова подготовлена группой исследователей (Я. А. Гордин, В. В. Лапин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов) в рамках совместного проекта редакции журнала «Звезда» и Европейского университета в Санкт-Петербурге при поддержке РГНФ в 2008–2009 гг.
Руководитель проекта Г. Г. Лисицына.

Приносим благодарность за помощь в реализации проекта сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива Т. Ю. Бурмистровой, М. С. Нешкину, Л. И. Цвижба, сотруднику отдела рукописей Российской национальной библиотеки М. Ю. Любимовой и заведующему отделом Государственного Эрмитажа В. М. Файбисовичу.

ISBN 978-5-7439-0214-9

© Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов (составление, комментарии), 2014
© Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов (вступительная статья), 2014
© В. М. Кислов (перевод с французского), 2014
© ООО «Журнал «Звезда», 2014
© В. А. Гусаков, худож. оформление, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) — одна из самых крупных фигур в российском общественном сознании. Единственный из генералов второго ряда времен Отечественной войны 1812 года и единственный из дюжины главноуправляющих и кавказских наместников, от П. Д. Цицианова до А. И. Барятинского, выросший в фигуру не только знаменитую, но и мифологическую. О Ермолове ходили легенды, многие создавал он сам, другие — его окружение, популярность его в обществе не знала границ.

Военный писатель, соратник Ермолова по наполеоновским войнам генерал А. А. Писарев декларировал сразу после назначения Ермолова на Кавказ: «Сей вождь, истый славянин, напоминает нам героев Святополкова века: он всегда при сабле, всегда спит на плаще; ни гагачьи пуховые постели помпадурские, ни штофные занавески Монтеспан[1] не манят его к неге и ко сну, который и в столице, равно и в кочевых станах, длится у него только до рассвета. Признательная Россия не забудет сего верного сына Отечества, когда всю тяжесть бремени года держал он на раменах своих[2], будучи начальником Главного Штаба при фельдмаршале князе Смоленском; за сим в 1813 году достойно предводительствовал Императорскою гвардиею и вел оную к славе и бессмертью. Ко всем его воинским достоинствам, герой сей хороший математик, историк, латинист; он переводит записки Юлия Цезаря, и конечно из оных научатся наши младые воины науке побеждать и науке убеждать, или красноречию»[3]. Таким образом, ермоловская легенда возникла еще до Кавказа, но Кавказ придал ей новые мощные черты.

Известный мемуарист Ф. Ф. Вигель, отнюдь не склонный к комплиментарности, писал: «Его появлением озарился весь Закавказский край, и десять лет сряду его одно имя гремело и горело на целом Востоке»[4].

Феномен этого мифа о «проконсуле» Кавказа сохраняется до наших дней, он проник на страницы книг, в электронные информационные ресурсы, топонимику, изобразительное искусство, литературу, на страницы учебников, в средства массовой информации, в сознание и историческую память общества. В Военной энциклопедии Ермолов назван «…героем всех наших войн с Наполеоном, положившим прочное основание покорению Кавказа…», что «увенчало наконец дело полным успехом, а князя Барятинского лаврами победителя и чином фельдмаршала…»[5]. Несмотря на то что Ермолова в 1827 году от завершения Кавказской войны в 1859-м отделяли более 30 лет, он не был забыт, хотя сам не раз кокетливо называл себя «московским сидельцем».

До последних дней жизни он сумел сохранить о себе представление как о главном покорителе Кавказа. «Визиты к нему считались важным ритуальным действием для

---

[1] Ф.-А. де Монтеспан (1641–1707) — фаворитка короля Людовика XIV; здесь имеются в виду специально устроенные для нее роскошно декорированные апартаменты.

[2] Рамены — плечи (*устар.*).

[3] *Писарев А. А.* Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году. М., 1817. Т. 1. С. 466.

[4] Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. IV. С. 66.

[5] Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. X. С. 346.

всех, кто ехал на Кавказ»[6], бывали у него А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и многие другие известные и малоизвестные истории военные и гражданские посетители, некоторые из них оставили свои впечатления от этих встреч[7].

После смерти А. П. Ермолова в 1861 году было издано немало статей о нем, опубликованы его «Записки», значительная часть частных и официальных писем, рапортов, приказов, воспоминаний о нем сослуживцев, друзей и недругов, некоторые из этих материалов широко распространялись в копиях. Известный историк, писатель и издатель М. П. Погодин начал собирать сведения о его жизни и деятельности еще при жизни Ермолова[8]. П. И. Бартенев, историк и издатель «Русского архива», тоже встречался с Алексеем Петровичем и с восхищением записал свои впечатления: «Передо мной сидел человек, бравший с Суворовым Прагу[9], с Зубовым ходивший к Дербенту, с Каменским осаждавший турецкие крепости, один из главных бойцов Кульма, гроза Кавказа…»[10]. Образ Ермолова — покорителя Кавказа — формировался в это время и благодаря изданиям полковых историй и специальных исследований по истории присоединения Кавказа и Закавказья к Российской империи и по истории Кавказской войны[11]. Официальным памятником российского владычества на Кавказе стали помпезно изданные в течение 1866–1904 годов «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» в 12 томах, из которых две части 6-го тома посвящены генералу А. П. Ермолову[12]. В армии сохранялись и передавались из поколения в поколение полковые песни и марши, а также устные истории о легендарном генерале.

Российское общество формировало свое представление о Кавказе, его жителях и героях на основе кавказских произведений А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, М. Ю. Лермонтова и других, менее известных, авторов — Ф. Н. Глинки, В. Кюхельбекера, А. И. Полежаева, В. Зотова, С. Хан-Гирея, В. И. Даля, в которых Ермолов, как правило, представлялся в героическом, романтизированном образе.

В период советской эпохи имя Ермолова публично эксплуатировалось лишь в те моменты истории, когда это было выгодно власти, например, в период депортации народов Северного Кавказа во время Великой Отечественной войны, но чаще всего его имя встречается в связи с декабристами и в отношении его к тайным обществам[13]. В целом же, за годы советской власти Ермолов был забыт, за небольшими исключениями[14]. Однако имя Ермолова никогда не забывалось чеченцами, ингушами и други-

---

[6] *Лапин В. В.* К образу А. П. Ермолова в исторической литературе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009. С. 14.

[7] *Пушкин А. С.* Путешествие в Арзрум // Собрание сочинений в 10 томах. М., 1960. Т. 5. С. 412; Из записок сенатора К. Н. Лебедева // РА. 1911. Кн. 1. С. 111; *Вигель Ф. Ф.* Письмо М. Е. Вигель от 27.01.1853 г. // РА. 1911. Кн. 1. С. 174; Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные. Печатано в типографии кн. Петра Долгорукова. 14, Panton-Street, Haymarket. London—Брюссель, 1863; *Погодин М. П.* Воспоминание об Алексее Петровиче Ермолове // М. П. Погодин. Историко-критические очерки. М., 1867. С. 399–540 и др.

[8] *Погодин М. П.* Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864.

[9] Предместье Варшавы.

[10] *Бартенев П. И.* Разговор с А. П. Ермоловым: (из недавних записок). М., «Русская старина». 1866. С. 854–860.

[11] Например, *Потто В. А.* Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии. Тифлис, 1888; *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. СПб., 1887.

[12] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Под ред. А. Д. Берже. Т. VI. Ч. I и Ч. II. Тифлис, 1874, 1875. (Далее: АКАК.)

[13] *Нечкина М. В.* А. С. Грибоедов и декабристы. М., 1951; *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов; *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа. М., 1990.

[14] *Кавтарадзе А.* Генерал А. П. Ермолов. Тула, 1977.

ми северокавказскими народами, сохранившими в своей памяти жестокость грозного генерала, принесшего на их земли слезы и смерть. Как писал сам Ермолов, его именем матери пугали детей.

В постсоветский период Ермолов вновь обратил на себя внимание, толчком к его популярности послужили осложнившиеся отношения на Северном Кавказе, сепаратистские настроения чеченцев, вылившиеся в «чеченские войны» 90-х годов XX века.

Но большой интерес к его личности почти не увеличил степень исследовательского интереса к эпистолярному наследию А. П. Ермолова. Частично этот пробел заполняют монография М. А. Давыдова «Оппозиция его величества», построенная на переписке за 1815–1825 годы нескольких генералов, государственных деятелей, представителей элиты русской армии и друзей: А. П. Ермолова, М. С. Воронцова, А. А. Закревского, П. Д. Киселева, И. В. Сабанеева и Д. В. Давыдова[15], а также книги Я. А. Гордина «Кавказ. Земля и кровь»[16] и второй том сочинения «Алексей Ермолов. Солдат и его империя»[17], в которых автор на основании анализа писем Ермолова выстраивает концепцию его плана покорения Кавказа.

Нас А. П. Ермолов интересует, прежде всего, как крупный военачальник на Кавказе в период, когда Российская империя реализовывала свои геополитические интересы, что привело к полувековой войне за влияние в этом регионе. Соперничество России с восточной деспотией (Персия и Турция) за влияние на Кавказ и Закавказье наблюдалось там задолго до появления Ермолова. Русско-персидские и русско-турецкие войны носили перманентный характер с середины XVI века. Постоянное присутствие русских на Кавказе началось с присоединения Восточной Грузии в 1801 году. Военную и гражданскую администрацию там представляли такие русские генералы, как К. Ф. Кнорринг (1801–1802), уволенный по непригодности к занимаемой должности главнокомандующего войсками в Грузии, П. Д. Цицианов, кумир Ермолова (1802–1806), И. В. Гудович (1806–1809), Ф. П. Тормасов (1809–1811), Ф. О. Паулуччи (1811–1812) и Н. Ф. Ртищев (1812–1816), которые были заняты военными операциями в войнах с Персией (1804–1813) и Турцией (1806–1812), предотвращением восстаний на территориях Дагестана, Абхазии, Имеретии и Карабаха, подстрекаемых персидскими и турецкими эмиссарами. С 1806 по 1813 год Россия получила такие новые территории, как Тарковское шамхальство и Дербентское ханство, по Гюлистанскому мирному договору Персия отказалась от своих притязаний на Восточную Грузию, Абхазию, Имеретию, Мингрелию, на все завоеванные и добровольно присоединившиеся к России области и ханства, а также на выход к Каспийскому морю. Никто из перечисленных генералов, за исключением рано погибшего П. Д. Цицианова, не оставил в истории присоединения Кавказа сколько-нибудь сопоставимой с Ермоловым памяти, в первую очередь потому, что решали сугубо военные задачи, выполняя действия, продиктованные текущим моментом, получали высокие награды, но Кавказ не стал для них смыслом всей жизни.

Не таковы были планы А. П. Ермолова, с молодых лет стремившегося связать свою судьбу с Кавказом и с необъятными пространствами Азии. Эта мечта родилась у него рано, возможно, что это стремление пробудилось уже во время Персидского похода 1796 года, в котором он получил первые впечатления о горских народах. Воспитанный на сочинениях Тацита и Цезаря, проникнутый идеями римской военной цивилизации, Ермолов по аналогии с противостоянием римского мира и древних германцев сопоставлял русскую армию и воинов прикаспийских ханств и кавказских горцев, понимая всю психологическую несовместимость этих двух миров. Однако такой

---

[15] *Давыдов М. А.* Оппозиция его величества. М., 2005.

[16] *Гордин Я. А.* Земля и кровь. СПб., 2000.

[17] *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II.

непонятный восточный мир уже поразил воображение молодого офицера, мечтавшего о переводе в казачьи войска, на Дон, знавшего, что они периодически и поочередно отправляются на Кавказ. Это стремление, видимо, было проявлением своего рода независимости, молодечества, азарта, жажды подвига, удовлетворения честолюбия, что достигалось им в огне наполеоновских войн с 1805 по 1815 год. Мирная войсковая жизнь не приносила удовлетворения Алексею Петровичу, он мечтал о большем, то есть о карьере, которая далеко выходила за пределы реальных возможностей русского генерала.

Период с 1815 по 1816 год был тяжелым в жизни Ермолова. Он устал от медленного продвижения по службе и банальных перспектив, от реальных и вымышленных несправедливостей со стороны начальства, которое он, как правило, не уважал, а часто и презирал. Его мятежная душа, «неограниченное честолюбие», нежелание подчиняться общим правилам принципиально отличали его от товарищей по оружию.

В отличие от многих своих друзей и соратников Ермолов не имел состояния. Маленькое имение отца фактически не приносило дохода, и Алексей Петрович жил исключительно жалованьем. Он понимал, что, став фактическим наместником Кавказа и Закавказья, он будет материально более независим, чем служа в центральной России. Положение «проконсула Кавказа давало еще и возможность быть максимально удаленным от „происков, подлости и самопроизвольства“»[18].

Наконец, в 1816 году долгожданная мечта о службе на Кавказе стала воплощаться. В письмах к многолетнему другу и соратнику А. А. Закревскому, откровенных и искренних, Ермолов пишет: «…Одну вещь приятную сказал ты мне, что Рт[ищев] подал в отставку. Это весьма хорошо, но для меня ли судьба сберегает это счастие. Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли…»[19] «Я уже две недели в Петербурге, — сообщал он 15 мая 1816 года М. С. Воронцову, — готовлюсь ехать в Грузию, где сделан я командующим. Вот, друг любезнейший, исполнившееся давнее желание мое… Теперь вступаю я в обширный круг деятельности. Были бы лишь способности, делать есть что! По справедливости могу назваться балованным сыном счастия…»[20].

О том, каким представлял себе Ермолов свое «владычество» на Кавказе и в Грузии, свидетельствует его «Записка», поданная императору перед своим отбытием в 1816 году[21], в которой он просил расширить права главноуправляющего с целью проведения крупномасштабных преобразований в сфере административного аппарата управления, главным образом, в области назначения и увольнения чиновников. Он просил издавать законы и постановления, касающиеся Кавказа, только после консультаций с ним, а также претендовал на подчинение ему определенной судебной власти. Предлагал в своей записке предоставить ему финансовую самостоятельность, право распоряжаться незаселенными землями и другие привилегии. В Петербурге отнеслись к такой инициативе более чем настороженно. Министр внутренних дел О. П. Козодавлев прямо заявил: «Обозревая все статьи сей выписки, нахожу я, что цель оной есть единоличное управление, то есть предполагается вверить в самовластное управление три губернии одному лицу, не… ограничивая его… существующими общими узаконениями»[22]. Ермолову запретили «предпринимать какие-либо меры, направленные на изменение административной системы, сложившейся к этому времени

---

[18] *Гордин Я. А.* Предисловие // Кавказские письма А. П. Ермолова М. С. Воронцову. СПб., 2011. С. 14.

[19] Настоящее издание. С. 24.

[20] Там же. С. 26.

[21] Записка командира Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанта А. П. Ермолова об управлении Кавказом, 1816 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб., 2005. С. 262.

[22] *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II. С. 19.

на Кавказе»[23]. Таким образом, с самого начала своего пребывания в новой должности Ермолов осознал, что мечта о независимости от верховной власти невозможна, тогда он просто присвоил себе право действовать, если не по закону, то по обстоятельствам, усвоив, со временем, обычаи и нравы своих противников.

Ермолов прибыл в Тифлис в начале ноября 1816 года. Одно из первых писем по прибытии он отправил 18 ноября Казадаеву: «Итак, друг любезный Александр Васильевич, я в той стране, к которой так давно стремились все мои желания, прежде самого даже правдоподобия успеха»[24].

Кавказ лежал перед ним, как лоскутное одеяло: простираясь с запада на восток от Черного моря — до Каспийского. С севера его территория ограждалась Кавказской кордонной линией, а на юг уходила до границ с Персией и Турцией. Часть Черноморского побережья (территория современной Абхазии) и часть Армении оставались в подданстве Турции. На востоке — на территории современных Азербайджана и Дагестана — существовали мелкие ханства, султанства и шамхальства, после присоединения к России, в первое десятилетие XIX века, преобразованные в мусульманские провинции.

Население Кавказа отличалось религиозным разнообразием, широким спектром общественных отношений — от родовых до феодальных, разной степенью экономического и культурного уровня, как правило — в замкнутых рамках своего языка, обычаев и быта. Условно горцы делились на «покорных», которые признавали над собой российское правление, и «немирных» или «непокорных», враждебно настроенных по отношению к российской власти. На территории Грузии царил полный произвол, российская форма управления смешивалась с грузинским судопроизводством и местными обычаями — таким предстал Кавказ перед взором нового командующего войсками и управляющего в Грузии.

Проезжая через Георгиевск — центр Кавказской губернии, Ермолов задержался там на две недели. «…Занимался гражданскими делами. Был в судах. Не удивлялся некоторым беспорядкам, ибо они везде почти одинаковы, но досадно мне нерадение, и кажется мне, что я заставил себя остерегаться. Гражданскую власть нашел в ссоре с военною, по общему везде порядку, но как это не мой порядок, старался примирить их…» — сообщал он Закревскому[25].

Войска на линии он нашел отличными, но положение их ужасающим. Солдаты жили в землянках, были плохо и неудобно для местных условий одеты, питались на грани нищеты, смертность от болезней в несколько раз превышала число погибших в стычках и в сражениях с горцами. Состояние личного состава армии и условия службы были не просто трудными, порой невыносимыми. В одном из писем Закревскому Ермолов описал образ жизни вверенного ему войска: «…Обстоятельно вникал я в образ жизни войск на линии и в Грузии. Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением, в коих можно только содержать людей за преступления; но и таковых мало, большею частию землянки, истинное гнездо всех болезней, опустошающих прекрасные здешние войска. Какая тяжкая служба офицеров, какая жизнь несчастная!»[26] Эти офицеры и солдаты должны были не только выживать, но и воевать. Ермолов высоко ценил преданность службе личного состава корпуса, храбрость и честность, не уставал писать ходатайства о наградах, ревностно следил за опубликованными списками награжденных, в письмах своих он часто сетовал Закревскому о несправедливом отношении к слу-

---

[23] Там же.

[24] Настоящее издание. С. 36–37.

[25] Там же. С. 33.

[26] Там же.

жащим на Кавказе, а порой писал о том же самому императору. Обращаясь к Закревскому, со свойственным ему сарказмом, Ермолов спрашивал: «…как должны люди, десять лет сидящие в обер-офицерских чинах, смотреть на гвардию, которая печатает полковников, как ассигнации»[27].

В Петербурге не спешили выполнять просьбы Ермолова, но и он не уставал писать Закревскому и прямо Александру I: «Что не разрешаете вы мне построение казарм и не даете просимых на то мною денег? Иначе не достигну я уменьшения потери солдат. Против злодейского здесь климата есть некоторые предосторожности, но доселе нестрого они соблюдаемы были. …Доселе все почти умирающие те, которые занемогли в июле и августе месяцах. Это время здесь убийственное и которого наиболее остерегаться должно…»[28] Непростой была и провиантская задача, к появлению Ермолова на Кавказе питание солдат было не только скудным, но и непригодным для здорового человека, многие болели цингой, желтухой, лихорадкой. Со временем Ермолову удалось увеличить мясной рацион армии за счет запрета забивать скот в течение двух лет, с тем, чтобы дать возможность получать большее поголовье баранов — основной мясной пищи на Кавказе.

Ермолов быстро понял, что традиционное для армии обмундирование неудобно для службы на Кавказе, и привел его в соответствие с требованиями местных условий, которые сводились к постоянным походам и бивачному образу жизни.

Полгода — слишком короткий срок для масштабных перемен, но за это время новому командующему удалось наметить план первых преобразований, которые он собирался продолжить после возвращения из Персии.

Александр I, назначая Алексея Петровича Ермолова на Кавказ, поручил ему ответственную дипломатическую миссию: он должен был отправиться в Персию, которая жаждала реванша после поражения в русско-персидской войне 1804–1813 годов, для проведении мирных переговоров. В Петербурге Ермолову запретили прибегать к любым действиям, могущим спровоцировать персидское правительство к войне, но Алексей Петрович отправился на Кавказ, имея на сей счет мнение противоположное правительственному. В письме к А. В. Казадаеву от 17 апреля 1817 года он писал: «Любезный друг, Александр Васильевич. Завтра отправляюсь я в Персию. Трудный и долгий предлежит мне путь! Ведет меня туда воля Государя моего благодетеля. Нужно некоторое щастие, чтобы выйти оттуда согласно с намерением моим»[29]. О том, как проходили переговоры с персидским двором, Ермолов подробно описал в «Записках»[30], но в письмах к друзьям — А. А. Закревскому, М. С. Воронцову, А. В. Казадаеву, рассказывая об этом событии гораздо более откровенно, эмоционально, остроумно и образно, посвятил ему многие страницы, которые дают возможность ясно представить себе характер мечтаний «рыцарей империи», начиная с Петра I, о достижении северных границ Индии, продвигаясь в глубь Азии, опираясь на Грузию и Каспийское побережье.

Итогом посольства в Персию стало блестяще исполненное поручение Александра I — Россия оставляла за собой все завоеванные и признаваемые Гюлистанским мирным договором территории и оттянула на продолжительное время новый военный конфликт.

С возвращением в Тифлис осенью 1817 года Ермолов начал воплощать в жизнь свои замыслы, начатые до поездки в Персию.

Еще накануне похода в Персию, в письме к М. С. Воронцову в феврале 1817 года он сообщал из Тифлиса: «Я в стране дикой, непросвещенной, которой бытие, кажется,

---

[27] Настоящее издание. С. 244.

[28] Там же. С. 54.

[29] Там же. С. 51

[30] *Ермолов А. П.* Записки. М., 1991.

основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека. Если бы на месте моем был гений, и тот ничего не мог бы успеть, разве начертать путь и дать законы движению его наследников; и тогда между здешним народом, закоренелым в грубом невежестве, имеющем все гнуснейшие свойства, разве бы поздние потомки увидали плоды»[31]. Эта фраза Алексея Петровича Ермолова стала пророческой, он в самом начале своей кавказской карьеры понял, что и Российская империя стоит в самом начале своего продвижения на Кавказ и «начертать этот путь» предстоит именно ему.

Горцы своими набегами наносили невосполнимый ущерб населению, живущему за кордонной линией, поэтому военные действия, которые Ермолов повел на Кавказе против них, носили в основном карательный характер. Одним из типичных способов, которыми пользовался Ермолов для психологического подавления противника, была холодно рассчитанная жестокость. Для демонстрации своих возможностей он выбрал чеченский аул Дада-Юрт. После того как чеченцы отказались оставить свои жилища, аул был окружен и атакован. 30 сентября 1819 года Ермолов писал Закревскому: «Посылаю также рапорт о Сысоеве. Он имел чрезвычайно горячее дело с чеченцами, штурмовал деревню, в которой жители защищались отчаянно до последнего. Их вырезано не менее 500 человек, исключая женщин и детей, взято в плен только 14 мужчин в совершенном обессилении, несколько женщин и детей. Сами женщины, закрыв одною рукою глаза, бросались с кинжалами на штыки в толпы солдат. Мужчины убивали женщин и детей, чтобы нам не достались… Я сделал с намерением сей пример с храбрейшими из чеченцев, дабы, устраша их, избежать впоследствии потери, ибо уже нигде впредь не найдем мы… ни жен, ни детей, ни имущества, а без того чеченцы не дерутся с отчаянием»[32]. Метод, с одной стороны, себя оправдал. Чеченцы заранее уводили женщин, детей, стариков в леса и сдавали аулы без особого сопротивления. Но память о трагедии Дада-Юрта только усилила накал ненависти к завоевателям и вряд ли способствовала гуманизации войны.

Ермолов подавил восстание в Дагестане в 1819 году. Закревскому из крепости Внезапной он, ничего не скрывая, писал в том же письме 30 сентября: «…Те народы, которых посетил я в прошлом году в Дагестане, участвовали в беспокойствах и теперь уже прячут в леса жен и детей своих, страшась истребления. Я умножаю ужас, сколько возможно, и они не воображают снискать прощение. Они будут прощены и примут за благодеяние, что я возьму у них скота на порцию войскам, и дадут мне подводы под провиант, которых здесь ни за какие деньги достать невозможно. С сими способами пойду я против других или иначе ни шагу вперед. Многие, завидуя деятельной моей жизни, может быть, возразят против употребляемых мною средств, но я уже познакомился с землею и знаю, что всякие другие меры не успешны. К сим средствам должен прибегнуть каждый начальник и даже во сто раз меня способнейший»[33]. А в письме к П. М. Волконскому, предостерегавшему его от рискованных действий, 11 ноября 1819 года с переправы на реке Койсу сообщал в более завуалированной форме: «…Из рапорта моего Вы увидите, что я выступил в Дагестан. Не беспокойтесь, прошу Вас, я не зайду, куда не надобно, и уже довольно познакомился с народами здешними, чтобы они обмануть могли меня. Я ничего здесь не делаю без верного расчета, ибо здесь не встречаются обстоятельства, могущие понудить делать то, чего, не хочешь, особливо, когда ведешь войну наступательную…»[34]

---

[31] Настоящее издание. С. 57.
[32] Там же. С. 202.
[33] Там же. С. 201.
[34] Там же. С. 207.

Когда Ермолов закончил строительство крепости Грозной на реке Сунже, крепостей Неотступный Стан и Злобный Окоп, «…откуда нападали прежде самые злобные хищники, и в память того, что на сем месте была переправа чрез Сунжу известного полковника Пиери, который погиб с полком против чеченцев, окружен будучи в лесу, где не могла действовать его артиллерия…»[35], он начал широкомасштабную рубку леса, что открывало «…нашим …удобство проникать на значительное расстояние в землях чеченских, где прежде густота леса делала сообщение вовсе невозможным»[36].

1819 год ознаменовался еще и восстанием в Имеретии, спровоцированным новым экзархом Грузии митрополитом Феофилактом. 28 августа Ермолов писал Закревскому: «В Имеретии происходит у меня величайшее смятение, благодаря распоряжениям главного здешнего духовенства, которое всякими и даже не самыми обстоятельствам приличествующими средствами хочет умножить церковные доходы»[37]. Он не раз предупреждал, что вводить перемены в Имеретии не то же самое, что в Грузии, что нововведения могут вызвать сопротивление со стороны духовенства и дворянства. Так и случилось, имеретинское восстание было жестоко подавлено в 1820 году. В Имеретии и Гурии были разрушены почти все крепости, сожжены многие дома, убиты, ранены и арестованы многие участники восстания.

Около десяти месяцев Ермолов провел за пределами Грузии, по возвращению он известил Закревского, что «…Грузия пристально смотрела на успехи возмущения и, как сама раз несколько была примером подлейшей измены, конечно, тайно не почитала того преступлением. Итак, в Имеретии и Гурии хотел я дать урок всей здешней стране. …Может быть, покажется жестоко, что детей бунтовщиков отправляю я в военно-сиротское отделение, но верьте, что это лучшее обуздание на будущее время…»[38].

В 1822 году была реформирована Кавказская губерния. В результате ревизии, проведенной сенаторами Д. Б. Мертваго и Б. А. Гермесом в Кавказской и Астраханской губерниях, первая из них произвела на сенаторов особенно удручающее впечатление. После ревизии административный центр из Георгиевска был перенесен в Ставрополь, а Ермолову было предложено составить проект административного преобразования губернии. Проект Ермолова был передан на рассмотрение в Сибирский комитет, созданный по инициативе М. М. Сперанского, который уже имел опыт составления проектов для управления национальными окраинами, и в 1822 году Кавказская губерния получила статус области[39].

1825–1826 годы — время волнений в Кабарде и Чечне. Ермолов не изменяет своим методам войны, он жестоко подавляет бунты. В одном из писем П. А. Кикину из Владикавказа он пишет: «Иду к чеченцам, всюду бунт, все под ружьем и давно на меня готовятся кинжалы. Но со мною мое счастие и знаю, что Бог поможет мне все по желанию кончить. Девять лет знакомства с краем, беспрерывная подвижность, знакомая здешним народам, дает мне большие средства. Не порадуются виновные моему посещению и знают, что тогда беда, когда появлюсь я кротким!»[40]

Существовало устойчивое мнение, что начало войны с Персией в 1826 году оказалось для Ермолова неожиданным и он, растерявшись, не сумел должным образом организовать сопротивление вторгшемуся неприятелю. Ненавидевший Ермолова и явно ему завидовавший А. Х. Бенкендорф с торжеством писал Воронцову: «Мож-

---

[35] *Лапин В. В.* Армия России в Кавказской войне. СПб., 2008. С. 113.

[36] Там же.

[37] Настоящее издание. С. 194.

[38] Там же. С. 239

[39] *Лисицына Г. Г.* Административная деятельность генерала А. П. Ермолова на Кавказе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009. С. 41.

[40] Настоящее издание. С. 364.

но ли представить себе, что великий Ермолов с 32-мя тысячами бойцов (согласно его собственным донесениям) просил помощи и своими приказами обязал солдат и всех прочих подчиненных не поддаваться страху и храбро защищаться? По приказу Императора войска двинулись вперед, и Мадатов в одиночку сумел справиться с призраком, напугавшим Ермолова. Вот вам пример того, как раздутые репутации, построенные на самомнении и интригах, рушатся, сталкиваясь с малейшим сопротивлением»[41]. Это очень характерный текст. «Раздутая репутация, построенная на самомнении и интригах…» Как будто не было наполеоновских войн, в которых Ермолов сыграл куда более значительную роль, чем Бенкендорф, и не было кавказского десятилетия.

Сетования Ермолова в письмах к друзьям на зависть и недоброжелательство петербургского генералитета имели под собой все основания.

В Петербурге совершенно не представляли себе реальной ситуации. 32 тысячи бойцов были разбросаны по обширному и сложному пространству. Их нельзя было сосредоточить на одном направлении из-за начавшихся мятежей в различных областях, прилегавших к персидской границе. Накануне вторжения Петербург категорически запрещал Ермолову «провоцировать» Персию — подтягивать войска к границе и строить укрепления, и это несмотря на многократные предупреждения Ермолова о близости войны. Письма — инструкции Алексея Петровича Мадатову и Н. Н. Муравьеву — свидетельствуют отнюдь не о растерянности, но о трезвой оценке ситуации. Именно, руководствуясь этими инструкциями, Мадатов одержал первую победу над противником.

Ход дальнейших событий подтвердил правильность осторожной стратегии Ермолова, представлявшего себе все опасности неподготовленного наступления, на чем грозно настаивал Николай I. После отставки Ермолова война затянулась надолго и окончилась только в 1828 году.

Власть на Кавказе давала Ермолову определенную независимость и свободу в выборе средств для управления этим краем, но в то же время она формировала его самого, его представления о способах покорения Кавказа, которые с течением времени хотя и претерпевали изменения, но основная, генеральная линия — полное покорение Кавказа Российской империей — оставалась неизменной. Эта линия четко прослеживается в письмах второй половины 1840-х–1850-х годов, когда на Кавказ назначается наместником М. С. Воронцов.

Однако необходимо признать, что стратегия Ермолова отнюдь не привела к «покорению Кавказа». Впереди было более тридцати лет кровавой изнурительной войны.

Многих Ермолов привлекает как сильная личность, «покоритель Кавказа», проводник российской имперской идеи, патриот, посвятивший себя служению Отечеству и его интересам. Другие видят в нем жестокого завоевателя, душителя и гонителя независимости кавказских народов, обвиняют его в геноциде, то есть целенаправленном уничтожении непокорных горских народов. На вопрос, какова истина и насколько справедливы возвеличивание деятельности Ермолова на Кавказе, с одной стороны, и непреодолимая ненависть — с другой, дают ответ более четкий, чем другие источники, опубликованные в данном издании его частные письма, в которых он был искренним и откровенным.

Весь публикуемый эпистолярный комплекс, состоящий без малого из 500 писем, можно условно разделить на несколько групп, причем каждая группа была ориентирована на соответствующего адресата и имела свое значение. Письма А. А. Закревскому были не только интимно-дружественные, но преследовали цель создать нужное представление о намерениях Ермолова в окружении императора, министров, вельмож,

---

[41] *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II. С. 431.

имеющих влияние на принятие важных для него решений. Письма к М. С. Воронцову, аристократу, англоману, «либералу», которые, как это знал Ермолов, иногда расходились по рукам довольно широкого круга читателей, были рассчитаны на либерально настроенных в окружении Воронцова генералов и офицеров. К П. А. Кикину, статс-секретарю, известному покровителю искусств, и А. В. Казадаеву, историку, государственному деятелю, члену Академии наук, которые были очень близкими друзьями Ермолова, часто помогали ему своим участием в его частной жизни, он адресует полные человеческой теплоты и заботы письма. «Внутренний мир человека для потомков лучше всего раскрывается из частной переписки его с людьми, с которыми он был, что называется, нараспашку», — писал от имени редакции журнала «Русская старина» М. И. Семевский в предисловии к публикации писем Ермолова к Р. И. Ховену[42].

Деловые, служебные, но при этом очень теплые письма адресованы будущему герою Карса Н. Н. Муравьеву и герою кавказских сражений, рано ушедшему из жизни В. Г. Мадатову. «В этом „эпистолярном протеизме“ Ермолов близок к Пушкину, который точно выбирал тон и стилистику письма в зависимости от типа адресата. Он точно знал, с кем он может быть откровенен»[43].

Суть взаимоотношений генерала со своими корреспондентами очень точно понял его неприятель генерал И. Ф. Паскевич, сменивший Алексея Петровича на Кавказе. Он справедливо видел в этой переписке средство влияния на общественное мнение, прежде всего на мнение бюрократических кругов, где вырабатывались важнейшие решения, и средство получения информации. В одном из писем с Кавказа в 1826 году Николаю I он писал: «Государь, у меня нет никакой протекции, кроме Вас, за меня никто слова не скажет, я не имею людей, которые, имея направление, говорят, разглашают вести; во все это время никому даже не писал, кроме генералу Дибичу. У генерала же Ермолова Закревский, Меншиков, Кикин — это его эхо, даже граф Воронцов, с которым вся его партия по его повелению кричит»[44].

Наибольшую открытость Ермолов позволял себе в письмах, адресованных самым близким друзьям, которым безоговорочно доверял. Большая часть этих писем доставлялась через фельдъегерей, посылать письма обычной почтой, где перлюстрации подвергалась даже переписка царского дома, было немыслимо. В 1840–1850-е годы находящийся не у дел Ермолов вел свою переписку с Воронцовым по взаимной договоренности непосредственно через московского почт-директора А. Я. Булгакова, что в какой-то степени гарантировало тайну переписки. Через того же Булгакова Ермолов получал и не прошедшие цензуру заграничные периодические издания[45].

Другим каналом неподцензурного общения были отправлявшиеся на Кавказ (часто с рекомендациями Алексея Петровича) и приезжающие оттуда офицеры, привозившие письма, минуя почту. Несмотря на это, Ермолов, переживший опалу в годы павловского царствования, во многих письмах настаивал на необходимости их уничтожения. Ермолов, Закревский и Воронцов дали друг другу слово, что будут уничтожать письма, но друзья не всегда выполняли свои обещания, видимо, понимая, какое значение они имеют для истории. Из некоторых особенно остроумных и ироничных писем Ермолова Закревский не делал тайны, и они во многих списках расходились по рукам, от чего особа «проконсула Кавказа» приобретала еще больший интерес и популярность в обществе.

Главное содержание «откровенных» писем Ермолова к друзьям и соратникам касается самого важного — доктрины, выработанной им во имя покорения Кавказа и во-

---

[42] Русская старина. 1876. Т. 17. С. 226.
[43] *Гордин Я. А.* Земля и кровь. СПб., 2000. С. 122.
[44] РГИА Ф. 1018. Оп. 5. Д. 462. Л. 2.
[45] Настоящее издание. С. 488, 489, 495, 510, 576, 613, 616.

площаемой им в жизнь методами, которые сделали имя Ермолова ненавистным для многих поколений жителей Кавказа. План Ермолова сводился к одной цели — полному и безоговорочному подчинению края Российской империи. Как носитель военной морали XIX века, он не представлял себе иного инструмента для подчинения непокорных, кроме насилия, жестокости и принуждения. С течением времени Ермолов еще больше укрепился в своей правоте, о чем писал Д. Давыдову: «Я многих по необходимости придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить добросердечием», — при этом компромиссные методы считались исключительно вынужденными[46].

Это не мешало ему делать четкое разграничение между насилием по отношению к сопротивляющимся «власти государя» и насилием и деспотией ханов, правивших своими подданными, на европейский взгляд, варварскими методами. Превосходство сильного человека над слабым, который не готов безоговорочно покориться, вызывает у Ермолова раздражение: «мошенник», «разбойник», «хищник», «каналья» — наиболее часто используемые им определения.

Справедливости ради необходимо заметить, что подобная риторика использовалась генералом не только по отношению к горцам, но и к единоверцам-грузинам, французам, которых он не жаловал, к нерадивым офицерам и всем, кого он не считал достойным уважения.

Кадровый вопрос в российской армии всегда был одним из самых трудных, а на Кавказе особенно. Кавказская армия считалась местом ссылки. Редкое из писем Ермолова не взывает к начальству с просьбой об отзыве нерадивых чинов, вплоть до генеральских, и направлении к нему в корпус достойных офицеров. Как командир корпуса крайние меры Ермолов мог применить только к тем, кто серьезно проштрафился, иллюстрацией этому может служить история с командиром Кабардинского пехотного полка В. А. Булгаковым[47] и командиром Навагинского пехотного полка Нагаткиным[48].

После отставки в 1827 году, на протяжении многих лет Ермолов оставался одним из основных неформальных экспертов по Кавказу. Он был центральной фигурой и для тех, кто покидал Кавказ, либо навсегда, либо временно; дом Ермолова в Москве был своеобразной Меккой для них. Встретившись в Москве в 1837 году с только что отставленным главноуправляющим генералом Г. В. Розеном, на вопрос Розена, не ехать ли ему теперь в Петербург, Алексей Петрович саркастически заметил: «Погоди немного, скоро пришлют сюда Головина, и тогда мы все трое поедем в Питер»[49]. На самом деле Головин недолго управлял Кавказом и был замещен А. И. Нейдгардтом, про которого Ермолов, понимавший всех этих «капралов — генералов», также сказал: «Нейдгардт, видно что немец: предусмотрителен. Нанял себе дом в Москве заранее и дал задаток, знает, что скоро воротится»[50].

В 1845 году на Кавказе было учреждено наместничество. На должность наместника кавказского император Николай I назначил близкого друга Ермолова графа М. С. Воронцова, наделив его неслыханными до того полномочиями. Ермолов, хотя и радуется назначению друга, однако, не скрывая зависти, пишет ему в июне 1845 года, умышленно сравнивая возможности Воронцова не со своими прежними возможностями на Кавказе, а князя Цицианова: «Никогда еще начальник не являлся в той стране облеченный такою властью, столько могущественный, в такой высокой у Госу-

---

[46] *Гордин Я. А.* Земля и кровь. СПб., 2000. С. 123.

[47] Настоящее издание. С. 328.

[48] Там же. С. 368, 371–372.

[49] *Лорер Н. И.* Записки. Иркутск, 1984. С. 192. Е. А. Головин занимал должность главноуправляющего Закавказским краем с 1837 по 1842 г.

[50] Там же. А. И. Нейдгардт был назначен главноуправляющим Закавказским краем в 1842 г.

даря доверенности. Тебе никто из министров не осмелится делать препятствий и еще менее вредить могут… Знаменитый и по справедливости незабвенный князь Цициянов далеко не имел равных способов»[51]. Часто в его письмах проскальзывают обида и легкий укор на невнимание к просьбе прислать необходимую карту, копию приказа по корпусу и другие подобные документы. Эти письма демонстрируют не угасавший интерес Ермолова к Кавказу, который он покинул 30 лет назад, но продолжал жить его жизнью. В первые годы наместничества Воронцова переписка между ним и Ермоловым носила наиболее интенсивный характер, это объясняется тем, что Воронцов нуждался не только в советах знающего Кавказ человека, но и в оценке своих планов и идей обустройства этого региона. Содержание и стилистика писем того периода (середина 1840-х — середина 1850-х годов) значительно отличаются от прежних, герои переписки поменялись местами, теперь Воронцов главное действующее лицо на Кавказе, а Ермолов лишь заинтересованный, но сторонний наблюдатель. Так, по поводу Даргинской экспедиции, ставшей настоящей трагедией для русской армии, в которой она потеряла трех генералов и больше тысячи солдат и офицеров, он выражал Воронцову и сочувствие, и дружеское участие, но не сдержал себя от упрека: «…я помню, что ты мне говорил о Дарго и в каком случае найдешь выгодным атаковать его. Кажется, произошло иначе нежели мне говорил, и для тебя хуже если по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно. Не много труда было бы выслушать меня десять минут; а случается, что я не всегда говорю вздор!»[52] Поздравляя князя с наградами, хотя и осторожно, все же дает волю своим рассуждениям о походе, завершившемся не так, как предполагали в Петербурге, но в письме к Н. Н. Муравьеву 10 октября 1845 года уже не сдерживает себя: «Не знаю, Воронцов ли успел придать ей вид блистательной, политические ли причины заставляют выдавать ее за таковую, но то доказывают весьма щедро рассыпанные награды. Воронцов чрезвычайно милостиво был принят Императором, долго занимался с ним, и, как говорят, он предоставил ему полную волю в действиях. К этому немалым было побуждением то, что Воронцов при всяком случае выставлял, что взятие Дарго было начертано волей Государя, и в этом уверил всех. Верно, что это может казаться неприятным, ибо немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами. Полагают к тому, что она не должна возвысить дух войск и, конечно, не унизит нравственной силы горцев. Против этого много есть возражающих, вероятно, не от полного в том убеждения, а из угодливости. Воронцов обращает на себя уважение важностью собственных пожертвований. Все ставится в счет: огромное его состояние, европейская известность, военная репутация, и, на все это невзирая, он поставляет себя в положение последнего рядового относительно опасности и самих трудов. Стремление исполнить волю Государя определяет степень приверженности к лицу его, а по мере ее воздается и признательность…»[53]

Совсем другую тональность приобретают письма к Воронцову, когда Алексей Петрович обращается к кавказскому наместнику с просьбами поспособствовать карьере брата, взять под покровительство сыновей или составить протекцию знакомому, а иногда и незнакомому молодому человеку. Ермолов никогда не забывал быть благодарным, и, хотя друзья виделись чрезвычайно редко, тем не менее дружба сохранилась до конца жизни Воронцова.

В частных письмах речь по преимуществу идет о делах — военных, гражданских, политических. Личные вопросы занимают в эпистолярном наследии Ермолова весьма незначительное место, тем не менее он раскрывается в них как сын, брат и, главное,

---

[51] Настоящее издание. С. 456.

[52] Там же. С. 463.

[53] Там же. С. 464–465.

отец. Ермолов никогда не состоял в браке, но брал кебинных жен из кавказских женщин, от которых имел пятерых детей. Воспитание детей, их образование, затем карьера — главное занятие Ермолова на протяжении многих лет. Все письма, в которых речь идет о сыновьях, проникнуты отцовской тревогой, заботой и гордостью за успехи детей. Всю жизнь он материально поддерживал свою кебинную жену Тотай и дочь Софию от брака с ней. Когда Ермолов, забрав с собой сыновей, навсегда покидал Кавказ, Тотай вернулась с дочерью к родителям, но даже когда затем вышла замуж, продолжала получать от него, как и дочь, ежемесячные пособия.

С течением времени, когда сыновья Ермолова служат на Кавказе, начинается переписка с их воинскими начальниками, бывшими адъютантами Ермолова, или служившими при нем в бытность на Кавказе, среди них Р. И. Ховен, В. О. Бебутов, П. Х. Граббе, Н. Н. Муравьев. Забота о родственниках рельефно проявляется в письмах к двоюродному брату С. Н. Ермолову, покровительство которому он ищет у М. С. Воронцова и других влиятельных лиц в столице.

Московский период жизни Ермолова прерывает переписку с А. А. Закревским, который становится московским генерал-губернатором, друзья имеют возможность встречаться лично, а исследователи потеряли возможность узнать подробности о предметах их рассуждений и бесед.

Многие друзья и соратники Алексея Петровича, основные его адресаты ушли из жизни раньше него, в 1829 году скончался верный соратник — В. Г. Мадатов, в 1834 году ушел из жизни П. А. Кикин, в 1854 — А. В. Казадаев, М. С. Воронцов и С. Н. Ермолов — в 1856 году, любимые братья Д. В. Давыдов — в 1839 году, П. Н. Ермолов — в 1844 году. Лишь А. А. Закревский, уехавший из России в 1860 году в Италию, скончался во Флоренции в 1861 году и верный Р. И. Ховен умер через три недели после смерти Ермолова.

Постепенно, начиная с 1840-х годов начинает меняться список адресатов Ермолова, все чаще он пишет своему двоюродному брату Сергею Николаевичу, у которого возникают сложности с поступлением на службу и семейные проблемы, своему бывшему адъютанту П. Х. Граббе, который принимал участие в устройстве на службу сына Ермолова — Петра, с которым он откровенно обсуждал текущие события Кавказа; с середины 1840-х годов до отставки в 1854 году с должности наместника кавказского велась активная переписка с М. С. Воронцовым, в 1850-е годы начинается интенсивный обмен письмами с Р. И. Ховеном, устанавливается регулярная переписка с В. О. Бебутовым и продолжается с Н. Н. Муравьевым, основными адресатами Ермолова.

Кроме писем к основным и постоянным адресатам, в настоящее издание включены отдельные сохранившиеся письма к разным лицам, написанные либо по служебным поводам, либо по личным, семейным или деловым, имеющие отношение к теме настоящего издания. Что касается деловой переписки, то иногда возникают трудности в разграничении деловых писем и официальных делопроизводственных документов, так как отличия подчас бывают довольно зыбкими. Это связано с некоторой размытостью норм оформления деловой переписки. Так, на некоторых документах, отправляемых Ермоловым и имеющих явно официальный характер, не стоят делопроизводственные номера, что в противном случае позволило бы однозначно отнести их к официальным материалам. В некоторых случаях формальное разделение источников по видам чревато разрушением целостности всего комплекса, поэтому в настоящее издание включены письма, адресованные по долгу службы, но написанные неформально, к ним можно отнести, например, письма В. Г. Мадатову и Н. Н. Муравьеву.

Собранные воедино письма представляют собой полный, вполне законченный психологический портрет человека, который на протяжении почти полувека (1816–1860) отражает в письмах разные периоды своей жизни: карьерное восхождения и триумф, унизительную отставку, жизнь мирного обывателя — «московского сидельца». Однако,

независимо от самоперсонификации автора писем, мы видим перед собой человека сложного, целеустремленного, независимого, амбициозного, авторитарного, жесткого, иногда до жестокости, иногда льстивого и завистливого, иногда язвительного и ироничного, но в то же время верного друга и задушевного приятеля, великолепного и остроумного собеседника, покровителя родных и близких, заботливого, но требовательного отца, вечного просителя за начинающих военную карьеру молодых людей, заступника за обойденных наградами сослуживцев, человека, в последние годы нездорового, но до глубокой старости не потерявшего интерес к жизни своей страны и всему, что происходило за ее пределами, но основным предметом его неиссякаемого интереса был и оставался Кавказ.

Кавказские письма Ермолова дают возможность существенно корректировать некоторые устоявшиеся представления о «проконсуле Кавказа». При внимательном их чтении становится очевидным жизненная трагедия этого, казалось бы, удачливого, прославленного, почитаемого современниками человека. Мы понимаем, что Ермолову не удалось удовлетворить свое «неограниченное честолюбие». Лавры Александра Македонского, покорителя Азии, и Цезаря, взошедшего на вершину власти, манившие этого мощного и талантливого человека, оказались утопией. Ему не удалось вырваться за пределы возможностей русского генерала. Комплекс кавказских писем разворачивает перед нами эту грандиозную человеческую драму.

Последнее письмо из опубликованных в настоящем издании датировано 15 февраля 1860 года, адресовано оно Р. А. Фадееву[54], автору исторического исследования «60 лет Кавказской войны», вышедшего в свет в 1860 году, это хотя и выглядит символично, но вполне закономерно, в рамках тех правил и образа жизни, которые А. П. Ермолов избрал для себя и до последних дней жизни им не изменял.

Судьба эпистолярного наследия А. П. Ермолова, на первый взгляд, сложилась удачно. Многие письма опубликованы в конце XIX — начале XX века известными историками и издателями, такими как Н. Ф. Дубровин, М. П. Погодин, М. И. Семевский, П. И. Бартенев, тем не менее значительный комплекс его эпистолярного наследия остался за пределами издательских интересов. Неполноту опубликованных писем, собиравшихся первыми публикаторами по разным частным коллекциям, мы относим к объективному и не главному недостатку их издателей, основную критику вызывают отбор имевшихся в их распоряжении писем и качество публикаций. В этом отношении характерна история издания документов в 1890 году из архива А. А. Закревского под редакцией Н. Ф. Дубровина в Сборнике императорского русского исторического общества, куда вошли и письма А. П. Ермолова. Архив Закревского находился в собственности его зятя князя Д. В. Друцкого-Соколинского, который в 1889 году предложил его А. А. Половцову, председателю Русского исторического общества (РИО). Закревский, один из героев Отечественной войны 1812 года, начальник особенной канцелярии военного министра, а также русской разведки и контрразведки, в послевоенные годы занимал должности дежурного генерала Главного штаба (1815–1823), финляндского генерал-губернатора (1823–1828), министра внутренних дел (1828–1831), московского генерал-губернатора (1848–1859)[55]. А. А. Закревский, как уже отмечалось, был близким другом и соратником М. С. Воронцова, А. П. Ермолова, П. Д. Киселева, В. И. Сабанеева, Д. В. Давыдова, представлявших собой особенный круг русских генералов, «оппозиционно» настроенных к верховной власти[56]. По совокупности причин, бумаги Закревского, в состав которых наряду с официальными документами,

---

[54] Настоящее издание. С. 646.

[55] *Миловидов Б. П.* К истории публикации эпистолярного наследия А. П. Ермолова // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009. С. 60.

[56] *Давыдов М. А.* Оппозиция его величества. М., 2005.

входила и его приватная переписка, в том числе с перечисленными выше адресатами, не могли не вызвать интереса Половцова, который немедленно послал обращение на имя императора — почетного председателя РИО — с просьбой разрешить принять архив Закревского, находившийся в то время частично в г. Прато (Италия), частично — в Пензенской губернии[57]. Разрешение, полученное от Александра III на передачу архива, и дальнейшая переписка между Друцким-Соколинским и Половцовым привели к тому, что уже в апреле 1889 года Дубровин приступил к подготовке публикации переписки Закревского. Подробности о судьбе архива А. А. Закревского и его издании изложены Половцовым в его дневнике[58]. Интерес публикаторов, обратившихся к личности А. П. Ермолова и его письмам к Закревскому, вполне закономерен, высокая информативность ермоловских посланий несомненно представляла собой большую историческую ценность, но часто встречающиеся в них интонации иронии и порой сарказма по отношению к «постоянно присутствующим в царских резиденциях»[59], резкие характеристики ряда начальствовавших на Кавказе лиц и местных жителей были ими опущены. С купюрами опубликованы письма от 18 ноября 1816 года о командирах кавказских полков: «Есть ужасная дрянь, которую только потому терпят, что давно служит», далее в этом же письме вырезанный фрагмент «Таковы полковники Пятериков Вологодского полка, Лавенцов Троицкого. Весьма не худо их во внутреннюю стражу»[60]. В письме от 9 января 1817 года И. В. Гудович назван «скотиной» за то, что принял на русскую службу и представил к чину генерал-майора шекинского хана, бежавшего потом в Персию. «Он же скот Гудович раздал богатейшие около Дербента владения одному владельцу, который одну отправляет службу, что дает убежище нашим дезертирам»[61]. В публикации эти не подобающие генеральскому чину и графскому титулу, бывшего командующего войсками на Кавказе, эпитеты заменены на «также Гудович» и «тот же Гудович». Не напечатаны и пассажи, где «скотами» названы генералы Дренякин[62] и Мерлини[63]. О князе Эристове в письме от 19 февраля 1817 года: «он храбрый весьма солдат, но чрезвычайный грузин» и далее опущенный в публикации комментарий: «а кровь грузинская не много лучше армянской»[64]. Опущены были и некоторые неприличные с точки зрения публикаторов подробности из жизни армии на Кавказе. Так, Ермолов писал, что на Кавказе нет женщин, а они в некотором количестве необходимы «…по обыкновенному вещей порядку»[65]. Исключены упоминания о таких проблемах армии, как распространение венерических заболеваний, при этом упоминание о пьянстве среди офицеров публикаторы в письмах сохранили. Исключены из писем места, где Ермолов эмоционально и неблаговидно отзывается о грузинах, армянах и других народах. Осталось неопубликованным письмо от 26 января 1817 года о неблаговидной связи имеретинского управляющего генерал-майора Хотунцова[66].

---

[57] РГИА Ф. 746. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

[58] *Половцов А. А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 152, 182, 251, 265, 274, 293. В настоящее время архив хранится в Российском государственном историческом архиве, в фонде А. А. Закревского № 660, который состоит из 156 дел, из которых три — письма А. П. Ермолова.

[59] *Лапин В. В.* К образу А. П. Ермолова в исторической литературе // Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX — начале XX века. СПб., 2009. С. 23.

[60] Настоящее издание. С. 25.

[61] Там же. С. 43.

[62] Там же. С. 111.

[63] Там же. С. 113.

[64] Там же. С. 52.

[65] Там же. С. 150.

[66] Там же. С. 49.

Все эти и многие другие примеры цензуры или самоцензуры публикаторов были продиктованы разными причинами. Оскорбительные эпитеты, которые щедро расточались Ермоловым, особенно по отношению к лицам высокопоставленным и известным, в 1890 году могли быть болезненно восприняты их потомками. Упоминания о недостатках и злоупотреблениях в армии, о состоянии войск, видимо, могли дискредитировать в глазах общества героические заслуги Кавказской армии и, возможно, спровоцировали бы сравнения с современными условиями в армейской среде, в которой за тридцать лет после пленения Шамиля некоторые перемены произошли, но такие проблемы, как болезни, пьянство и аморальное поведение, особенно в офицерской среде, по-прежнему существовали. Неблаговидные характеристики, которыми Ермолов наделял народы Кавказа, так же как и оскорбительные эпитеты по отношению к немцам, французам, евреям и другим, были опущены при публикации писем, видимо по соображениям соблюдения корректности.

Кроме того, сравнительный анализ опубликованных Дубровиным писем Ермолова с оригиналами обнаружил, что часть из них не вошли в публикацию, потому что издатели отнесли их к «пустякам», не заслуживающим внимания. В этих письмах речь идет преимущественно о кадровых вопросах: наградах офицеров и чиновников, их личных характеристиках, судебных делах и т. п. Эти отвергнутые публикаторами письма, которых набирается более полусотни, но которые имеют прямое отношение к кавказским сюжетам, в совокупности с другими позволяют отследить кадровую политику Ермолова и способы ее реализации.

Однако часть писем Ермолова к Закревскому вообще не попала в распоряжение Половцова и Дубровина. Речь идет о комплексе писем за 1820 год. Как эти письма и по какой причине оказались отделены от основного собрания переписки, остается пока не выясненным, возможно, хранились отдельно от переданных Половцову Друцким-Соколинским, но тем не менее они попали в поле зрения историков при необычных обстоятельствах. Двенадцать писем А. А. Закревскому за 1820 год, письмо Александру I и письмо П. М. Волконскому после революции в 1917 году «были занесены в Дагестанский музей неизвестным гражданином и уступлены за незначительную плату», а в 1826 году опубликованы в Сборнике материалов для описания Кавказа А. Тахо-Годи[67], наркомом просвещения Дагестана в 1922–1929 годах, и созданным им в 1923 году Дагестанским музеем. Местонахождение оригиналов до настоящего времени не выяснено.

В том же 1890 году, когда Дубровин с Половцовым напечатали письма Ермолова к Закревскому, П. И. Бартенев в 36-й книге «Архива князя Воронцова» издал его письма к М. С. Воронцову. Эти письма, как и прочие документы, опубликованные в многотомном издании, хранились тогда в составе частного архива Воронцовых, ныне составляющего отдельный фонд в Российском государственном архиве древних актов. Приступая в 1870 году к его изданию, Бартенев писал, что «в домашнем архиве князя Воронцова сохранилось немало писем и бумаг, имеющих не одно частное значение, но и важность общеисторическую»[68].

Одновременно Бартенев издал в «Русском архиве» и ответные письма Воронцова Ермолову, начиная с 1845 года. Эти письма были переданы для публикации родственниками Алексея Петровича[69]. Ныне подлинники этих писем и копии с них хранятся в фонде Ермоловых в Российском государственном архиве древних актов[70].

---

[67] Тахо-Годи А. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала. 1926.

[68] Русский архив. 1890. Кн.1. Вып. 1–4.

[69] Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 161.

[70] РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381.

Одним из главных препятствий для полноценного научного использования эпистолярного наследия является и качество дореволюционных публикаций.

Так, обнаружилось, что Бартенев вынужден был пойти на некоторые отступления от подлинника. Например, при перечислении чиновников, «бежавших» с Кавказа при появлении там Воронцова, член Совета главного управления Закавказского края Н. П. Безак обозначен в публикации лишь литерой Б[71]. До 1845 года письма воспроизведены достаточно точно, не считая единичных опечаток и случайных пропусков слов. Однако начиная с середины 1846 года письма опубликованы с большими купюрами. Вероятно, по соображениям экономии места, опущены формулы приветствия и прощания (что вообще характерно для публикаторской практики тех лет). Кроме того, спешка, в которой Бартенев готовил публикацию, имевшую для него «коммерческий» характер, не позволила ему внимательно проанализировать состав собрания писем Ермолова Воронцову — листы писем в нем часто переставлены местами, фрагменты разных писем перемешаны. Однако Бартенев, не обратив на это внимание, печатал текст в том порядке, как листы отложились в деле. Вместе с тем анализ формата бумаги, нумерации страниц, данной самим Ермоловым, и логики повествования позволили в ряде случаев компоновать текст таким образом, чтобы приблизить его к авторскому варианту. Характер некоторых купюр в письмах, по-видимому, объясняется этическими соображениями по отношению к родственникам Алексея Петровича, в частности, на момент публикации были еще живы трое его сыновей и многие другие лица, упоминавшиеся в письмах Ермолова.

При публикации писем в некоторых из них были сокращены целые куски текста и оставлено, по выражению самого Бартенева, лишь «существенное». В результате можно считать, что за этот период опубликованы лишь фрагменты писем. Оказались выброшенными страницы, где речь идет о кавказских событиях, полностью опущены сюжеты, связанные со службой на Кавказе сыновей Ермолова, и, что особенно важно — бесконечные, из письма в письмо повторяющиеся просьбы Ермолова о чинопроизводстве, наградах и определении в состав экспедиций различных лиц. Эти просьбы, казавшиеся Бартеневу совершенно неважными (два десятка писем, из одних таких просьб состоящие, не опубликованы вовсе), в совокупности дают ценное представление о системе протежирования и неформальных связей, которыми была пронизана русская армия в XIX веке.

Все пропуски, допущенные при публикации писем, опечатки, искажения и случайно пропущенные слова и целые фразы в настоящем издании публикуются в исправленном и дополненном виде.

В 1872 году в журнале «Русская старина» были опубликованы письма А. П. Ермолова к близкому другу П. А. Кикину. Подлинные письма хранились в архиве светлейшего князя П. М. Волконского, который и передал их для публикации через Ф. К. Опочинина. При издании этих документов были опущены два письма: от 12 сентября 1824 года из Кабарды и от 23 июня 1832 года из Москвы, а также отрывок из письма от 12 октября 1827 года из Орла. Во всех перечисленных письмах речь идет о господине А. А. Павлове, муже родной сестры Алексея Петровича, Анны Петровны. Место хранения оригиналов установить пока не удалось, видимо, они были возвращены владельцу, но в фонде редакции журнала «Русская старина» остались копии этих писем[72], которые опубликованы в настоящем издании, они говорят о родственных отношениях Алексея Петровича, о душевном состоянии после отставки в 1827 году, когда он переживал один из сложнейших периодов в своей жизни.

---

[71] Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 290; РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 136.

[72] ОР ИРЛИ (ПД) Ф. 265. Оп. 1. Д. 7. Л. 256–263.

В 1876 году в журнале «Русская старина» М. И. Семевский опубликовал письма А. П. Ермолова к племяннику, сослуживцу и многолетнему другу Р. И. фон дер Ховену. Письма в редакцию журнала были переданы братьями Похвистневыми.

В советский период, несмотря на официально принятую высокую оценку деятельности Ермолова на Кавказе, письма его издавались эпизодически[73]. Остаются нерешенными и такие вопросы, как полнота сохранности эпистолярного наследия А. П. Ермолова, очевидно, что собранные письма составляют лишь его часть, однако пока не обнаружены, если не бесследно исчезли (кроме единичных), письма к друзьям, знакомым и родственникам, с которыми Алексей Петрович переписывался в период службы на Кавказе: к Д. В. Давыдову, к отцу — П. А. Ермолову, к сестре — А. П. Павловой, к брату — А. М. Каховскому, ко многим сослуживцам. Существуют лакуны в переписке с М. С. Воронцовым, А. А. Закревским. Длительный период после отставки представлен также неполно: не обнаружены письма к сыновьям, хотя он вел с ними регулярную переписку, имеются пробелы в переписке с родственниками, друзьями и знакомыми, нет писем к А. А. Вельяминову, с которым Ермолов поддерживал дружеские отношения, находясь в отставке. Среди опубликованных писем в настоящем издании отсутствуют письма А. П. Ермолова к любимому брату, другу и соратнику П. Н. Ермолову, скончавшемуся в 1844 году; они сохранились, но оказались недоступны публикаторам в период подготовки этого издания.

Группа исследователей, подготовившая к изданию эпистолярное наследие А. П. Ермолова, ставила перед собой цель наиболее полно выявить «кавказские письма» Ермолова и подготовить их к публикации. В результате были найдены сотни ранее не опубликованных официальных и частных писем в десятках фондов различных архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Ставрополя и Киева, например комплекс писем к Н. Н. Муравьеву, впервые переведенных с французского на русский язык, А. В. Казадаеву, С. Н. Ермолову, Н. П. Годеину, А. И. Философову и другим. Кроме того, проверены на полноту и соответствие оригиналам ранее опубликованные письма к М. С. Воронцову, А. А. Закревскому, П. Х. Граббе и т. д.

Публикация писем по сохранившимся оригиналам, атрибуция и комментирование имеют важное значение при исследовании процесса управления национальными окраинами империи, а также проблем взаимодействия центральной власти с местными институтами. В то же время они позволяют взглянуть на бюрократический аппарат и армию как систему, функционирующую, как правило, на основе протекций или личных связей, понять механизм принятия политических и кадровых решений.

В XXI веке, во времена тяжелых межконфессиональных и межнациональных конфликтов, кавказские письма Ермолова отнюдь не потеряли своей политической актуальности. Этот комплекс текстов, суммирующих опыт крупного деятеля, пытавшегося по сути дела решать те же проблемы, которые нередко встают перед современными государственными и военными деятелями, дает возможность оценить, прежде всего, те опасности, которыми чреваты попытки игнорировать фундаментальную самобытность народов и цивилизаций.

Настоящее издание кавказских писем генерала А. П. Ермолова значительно восполняет имеющийся пробел в опубликованных изданиях, но не ставит точки в процессе выявления и публикации его эпистолярного наследия, представляющего собой неоценимый материал для исследования глубинных проблем российско-кавказских отношений.

Я. А. Гордин, Г. Г. Лисицына, Б. П. Миловидов

---

[73] Тахо-Годи А. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала. 1926.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 3 января 1816**

Милостивый государь, Арсений Андреевич[1]!

Приехав в Орел[2], нашел я первое письмо Ваше, потом вскоре получил и второе, когда доставили Вы мне алмазные знаки[3]. Ваше превосходительство скорым просьбы моей исполнением доказали, что не забываете старых Ваших знакомых.

Прошу заметить, как пишут к особам значащим, как, например, дежурному генералу Государя. Но я лучше стану попросту писать к старому приятелю и скажу от души, любезный и почтенный Арсений, благодарю тебя за исполнение моего поручения. Я заслепил глаза здесь алмазами; что за прекрасней-ший народ живет в провинциях! Я, как приехавши, налепил три свои звезды, так и думают, что я Бог знает что за человек. Насилу в 10 дней мог уверить, что я ничего не значу, и то божиться надобно было, и святых подымать. Я подорву кредит нашей братии, которая здесь пыль в глаза пускает. Надобно что-нибудь делать; а это не бесполезно.

Поздравляю тебя, любезный друг, с новою должностию. Спасибо царю за добрый выбор. Не робей! Ты сладишь. Говори другим, а я тебя знаю. Все будет исправно. Искусный М[азепа][4] обращением своим всех приохотит заниматься и дело будет в порядке. Ты еще можешь поучить других. Из газет видел я обширность должности твоей, но с твоим трудолюбием, точностию и усердием к Государю Бог тебе поможет. Не измени, любезный друг, прежнему твоему доброму со всеми обхождению. Гордых бранят и бранят сильно. Ты меня разумеешь…

Я живу покойно, но уже в 10 дней праздность мне наскучила. Много впереди времени, не отчаиваюсь привыкнуть к новому роду моей жизни. Долго, любезнейший друг, тебя не увижу, что крайне мне жаль. В Петербург не поеду — боюсь дороговизны!

Ожидаю нетерпеливо весны. Поеду на Кавказ. Болезнь гонит меня в дальний сей путь, но избавиться невозможно. Не забудь, любезный Арсений, о сем путешествии. Я уже давно не засыпаю. Случилось раз на дороге, но сделалось гораздо хуже и труба уже заливная[5] плохо помогает. Надежда на воды, а где они лучше как на Кавказе?

Поклонись от меня Коновницыну[6] и поздравь. Порядочно его обработали. Видно привязан он к пышным титулам. Военный министр. Громкое дело!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 18 генв[аря]», «Отвеч[ено] 7 февр[аля]».

Поклонись от меня любезному Петру Федоровичу[7], он наказывает меня своею деликатностью, я уже и писать к нему не смею.

Завожу процесс с Мамоновым и исполню долг мой относительно до Петра Федоровича, которому столько обязан.

Прилагаю письмецо к В. Р. Марченко[8], попроси его, чтобы замолвил слово о Кутузове. Я боюсь, чтобы доброму сему и бедному человеку не дали худой аренды. Не думаю, чтобы можно было более его нуждаться.

О ты, во власти которого все алмазы мира! Ты, украсивший меня оными и удививший ими отечество мое Орел, рассыпь блеск их и на брата моего Петра Николаевича[9]. Он взывает к тебе и ждет благотворного луча для согрения груди его.

Прощай! Люби по-прежнему
преданнейшего *Ермолова.*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 18–19 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 28 февраля 1816**

Любезный и почтенный Арсений!

Письмо твое получил. Одну вещь очень приятную сказал ты мне, что Рт[ищев] подал в отставку[1]. Это весьма хорошо, но для меня ли судьба сберегает сие счастие.

Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли. Не хочу скрыть от тебя, что Гренадерский корпус меня сокрушает и я боюсь его[2]. Всякий другой вместо него не столько бы страшил меня. Не упускай, любезный Арсений, случая помочь мне и отправить на восток; впрочем, как ты обязан наблюдать пользу, то я нимало роптать не буду, если определите туда человека способнейшего или полезнейшего, по пословице «всякие люди Богу надобны». Тогда останусь я там, куда судьба меня бросит. Так и быть!

Уведомь, сделай дружбу, если что похоже будет на исполнение желания моего. Я не прошу тебя писать ко мне, ибо не хочу похищать у тебя время, которого и лишнего у тебя нет, и оно на полезнейшие занятия необходимо. Тогда только пиши, когда что до Грузии касаться будет.

Вчера получил от тебя сообщение, что я исключен из списка гвардейской бригады[3]. Я отнюдь не удивился тому, ибо по порядку надлежало то сделать, когда занят я другою должностью и напрасно занимаю место, но я из сего вижу, что великий Таубе[4] о том много хлопотал, ибо если бы случилось мне приехать в Петербург, я для него гость не самый приятный. Не удивляюсь я достоинствам знаменитого сего мужа. Меня именным указом не заставишь думать, что он похож на человека. Итак, я уже не принадлежу гвардейской бригаде. Но скажи мне, не потеряю ли я с тем мое жалованье из 6000 руб. Тогда я пропал и не буду иметь способов существовать на службе. Указ о моем жалованье дан такой, что я получаю его до тех пор, пока командую гвардейской бригадой.

---

* Помета А. А. Закревского: «К сведению».

Тебе не может быть неизвестно, если дано повеление о прекращении его. Узнай под рукою, и если еще не дано, то не приводи на память. Я не буду знать, что делать, если лишусь его. Поступи с сим осторожнее! Военный министр, если узнает, не упустит одолжить меня, вспомня старую приязнь. Понимаешь!

Недавно был здесь бесценный Сабанеев[5], которого люблю я душевно за честные правила и благородные чувства. Мы с ним прожили три дня Масленицы. Вспомнили о разных прошедших происшествиях, о многом посмеялись и прожили весело. Я подговариваю его к Кавказским водам лечить ту болезнь, от которой употребляются заливные трубы, и которой живущие в Петербурге не избавляются. Сабанеев почти уже согласился, и тебя, если бы не занимала важная должность, не трудно, конечно, было бы согласить, если в тебе хоть малая есть признательность. Бойся Бога, до костей зараженный М[азепа]! Вить худо будет!!

Поклонись от меня истинно почтенному Василию Романовичу[6], которого я много весьма уважаю.

К Розену[7] недавно я писал. Каков провор? Выхлопотал жене знаки[8]. Не без труда, думаю, было. Великий механик. Какие, думаю, подвел пружины. Ожидаю, что вскоре несколько членов барклаевской фамилии того же добьются. Не худо! Очередь Дибича[9] и товарища вашего Толя[10]. Что будет Розен просить Мишелю? Загадка! Прощай! Еще повторяю тебе, не пиши, не теряй напрасно времени. Разве что нужно уведомь.

Доброму товарищу Ф. П. Желтухину мой поклон. Благородный и славный малый!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 20–21

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 24 марта 1816**

Дабы не занимать тебя вздором и не отнимать время, которого, конечно, лишнего не имеешь, я в письме моем условился, чтобы ты не писал ко мне иначе как что-нибудь до меня касаться будет, и потому удивляюсь, что ты ни слова не сказал мне о том, что Волконский[1] объявил мне высочайшую волю, дабы я приехал в Петербург. По получении сего я тотчас бы пустился в путь, но я весьма болен. Ко всем прежним и общим с тобою болезням присоединился еще и сильный ревматизм, так что несколько дней не только ходить, ниже не мог пошевелиться. Я писал бумагу к Волконскому по службе, что я болен и потому не выезжаю тотчас, но что гораздо прежде окончания отпуска моего приеду. Писал также и партикулярно. Боюсь, чтобы замедление мое мне не повредило. Я прошу тебя, почтенный Мазепа, употребить со своей стороны приличный способ к моему извинению. Ты великое мне сделаешь одолжение. На святой же неделе, невзирая ни на здоровье, ни на дорогу, я непременно выеду. Если же, к несчастью, мне не нужно уже будет ехать, то уведомьте меня, ибо я напрасно ехать и сделать для меня чувствительные издержки не хочу. Сделай

---

* Помета А. А. Закревского: «К сведению».

дружбу, уведомь, что тебе скажет Волконский. Я успею еще здесь получить твое письмо. Не оставь просьбы моей в рассуждении извинения моего.

Душевно преданный *А. Ермолов*.

Отдай Калиостро[2] записочку мою.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 24

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 13 апреля 1816

Любезный Роман[1]! Завтра выезжая отсюда в Петербург, хотел с тобою, как некогда с товарищем и сотрудником, проститься. По всем слухам, назначаюсь я в Грузию[2]. Бог знает, когда мы увидимся или увидимся ли когда-нибудь. Прошу, Роман любезный, сохранить ко мне прежнее твое, доброго приятеля расположение; расти детей, если не буду счастлив довольно, чтобы тебе быть полезным, буду заботиться о твоих ребятах и заступлю у них твое место. Учи их по возможности; годных людей нет лишних, и они всегда в цене. За добрых и хлопотать легко; у меня счастие нечеловеческое. Если голова уцелеет, не Грузией кончу — не радоваться врагам нашим! Прощай.

Верно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 229

М. С. ВОРОНЦОВУ[1]

*С.-Петербург, 15 мая 1816**

Благодарю тебя душевно за портрет твой. Я получил его живши праздно в продолжительном отпуске моем. Нахожу его чрезвычайно похожим, и приятно мне было любоваться на старого товарища, брата, друга, чудеснейшего из человеков! Другое твое письмо получил перед отъездом моим из отпуска в Петербург, то есть в начале апреля. Сегодня видел приехавшего от тебя *Муравьева*. С нетерпением разрывал конверты на имя Закревского, думал найти что-нибудь для меня, но ты, любезнейший брат, ничего не написал ко мне, и мне очень жаль было. Я уже две недели в Петербурге, готовлюсь ехать в Грузию, где сделан я командующим. Вот, друг любезнейший, исполнившееся давнее желание мое.

Боялся я остаться в Гренадерском корпусе, где бы наскучила мне единообразная и недеятельная служба моя. Теперь вступаю я в обширный круг деятельности. Были бы лишь способности, делать есть что!

По справедливости могу назваться балованным сыном счастия. Если бы не корпус твой во Франции, едва ли бы получил я сие назначение; ибо ты, служа при наилучшем в том краю начальнике[2], узнал землю и, конечно, более всех там полезен; между нами двумя нельзя делать выбора. Я первый уступаю тебе преимущество. Теперь я той страны житель. Вступаю в управление земли мне

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 13 (25) июня».

незнакомой; займусь родом дел мне неизвестных, следовательно, без надежды угодить правительству. Мысль горестная! Одна надежда на труды!

Скажу тебе еще вещь страннейшую, которая и удивит тебя, и смешить будет. Я еду послом в Персию! Сие и мне самому еще в голову не вмещается, но, однако же, я точно посол, и сие объявлено послу персидскому нотою[3] и двор его уведомлен. Ты можешь легко себе представить, что, конечно, никаких *негоциаций* нет, а что это настоящая *фарса*, или бы послали человека к сему роду дел приобыкшего. Не менее, однако же, и самое в Персию путешествие любопытно, а паче в моем звании. Не худо получше узнать соседей! Итак, вскоре между нами с тобою будет несколько тысяч верст; по различию же народов, я могу назваться твоим *антиподом*. Прощай, любезнейший друг, легко, быть может, и навсегда. Со мною будут воспоминания приятнейшего времени, которое некогда провели мы, служа вместе, времени непродолжительного.

Прощай Польша и то, что украшало ее! *Злодейка*[4], прощай навсегда! Правду говоришь ты, что я не умею так любить, как ты! Мадатов[5] едет со мною в Грузию. С ним будем мы говорить о жизни нашей в Кракове. Где *Черные Глаза*[6]? Говорят, что они несравненно прекраснее стали и что их видеть небезопасно. Но ты их увидишь, и я за тебя не боюсь; разве какая красота во Франции заставит тебя пренебречь счастием обладать ими. Прощай, продолжи мне бесценную дружбу твою; пиши ко мне через *Закревского*. Вообрази, как в отдалении порадуют меня письма твои. Не откажи сего удовольствия.

Поклонись от меня *Святому*, *Лисаневичу*[7], за которого бы дал половину жизни моей в моих обстоятельствах. Поклонись *Полторацкому*[8], *Старой гвардии, Раевскому*[9], *Франку*[10] и *Бутлеру*[11], великому капитану *Рослякову*[12] и всем старым нашим товарищам.

Прощай. Всегда твой душою *А. Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 30–31 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

С.-Петербург, 1 июня 1816 г.

Два уже от тебя курьера, приехавших при мне, и от брата любезного, редкого из человеков, нет ни строки. Забываешь старого товарища!

Письмо сие пишу я к тебе последнее из России. Недели через две надеюсь отсюда отправиться. В Тифлисе остановлюсь некоторое время и пускаюсь далее[1]. Там грозит мне весьма продолжительное пребывание; ибо если нужно мне будет прислать сюда раза два за разрешением, то по образу дел здешних, то есть по скорости, с каковою они производятся, надобно по крайней мере год времени, считая отдаленность пути. Странно тебе, живущему во Франции, будет получать письма из *Тегерана*.

Другой на месте моем собственно *pour la rareté du fait** писал бы; мне позволишь то делать по душевному удовольствию.

Здесь живу я месяц, и голова как в чаду. Дела встречаются, о которых понятия не имею, и в меня вселилось отчаяние, что я не исправлю поручений так

---

* Ради необычности ситуации (*фр.*).

успешно, как ожидают. Признаюсь тебе, что путешествие в Персию уступил бы я охотно другому. Одна польза, которой от того ожидать смею, что, будучи уже назначен начальником в Грузию, не мешает познакомиться с соседственным народом и узнать землю их и, буде возможно, способы их.

Грузия, о которой любишь ты всегда говорить, много представляет мне занятий. Со времени кончины славного князя Цицианова, который всем может быть образцом и которому не было там не только равных, ниже подобных, предместники мои оставили мне много труда.

Мне запрещено помышлять о войне, и я чувствую того справедливость; позволена одна война с мошенниками, которые грабят там без памяти и в отчаяние приводят народы. Вот чего я более всего боюсь. Ты у нас, любезный брат, молодец; а Арсений уверяет, что сверх того пишешь новые законы во Франции[2], но и тебе не легко бы было сладить с гражданскими кровопийцами в Грузии, а меня совсем с ума сводит управление.

Арсений наш заболел, однако же это не мешает ему хлопотать о награждении знаменитого Еврея медалью. Судя по участию, которое он принимает в справедливом воздаянии отличных заслуг его, надобно думать, что он когда-нибудь имел опыты его способностей. И я помню, что видал его скитающегося по длинным коридорам квартиры нашей в Нюренберге. Помнится мне, что провождал он тебя в ночных твоих экспедициях.

Пора тебе, любезный брат, прекратить сии подвиги. Неужели во Франции надобно прибегать к тем же способам? Сочини новую тактику. Прекрасный пол во Франции стоит трудов. Прощай *Черные Глаза*! Не хочешь ли ты и со стороны постоянства быть чудесным человеком? Оставь нам хотя одну слабую сторону. И без того мы уже божимся тобою.

Случается, в разговорах между людьми тебе короткими, что если рассуждаем о ком, то чтобы высокое дать понятие, говорим: *этого и Михаил не скоро проникнет*. Конец однако же всегда тот, что *брата Михайлу* никто не проведет.

Арсений показывал мне письмо, в котором ты бранишь несправедливость генеральского списка[3]. Для тебя в нем нет старшинства; знаем, *брат Михаил*, что тебе не помешает порядок, но спасибо, что ты вступился за бедного старого служивого *Гурьева*[4]. У этих бедняков без протекции одна надежда — добрый начальник.

Ты мучишь Арсения *Желтухиным*[5], а мне не смеешь упрекнуть; разве я тебе не сформировал *Свечина*[6]? Что можешь сказать вопреки его? Малой хоть куда! Послужить, в карты ли поиграть. Но сие последнее достоинство я застал уже прежде моего с ним знакомства. Не знаю, почему ты опрокинулся на *Юшкова*[7]: он преизрядный рыцарь и, право, хорошо командовал полком.

Вижусь часто довольно с любезным Никол[аем] Михайловичем[8], который совсем не дипломат. Но однако же он точно такой же *аккурат*, как и ты. Ужасная твоя аккуратность доставила ему топографию твоего погреба с означением номеров вин, и между ними есть некоторые, что он и понюхать не дает нам, а предлагает какие-то подозрительные и с короткими пробками. Мы на вас вопием к господу вин. Прощай!

Любящий вечно *Ермолов*.

У тебя в корпусе служит в артиллерии Гедеонов; прикажи доставить ему приложенное у сего письмо.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 32–32 об.

А. В. КАЗАДАЕВУ

Москва, 21 августа 1816

Любезный друг Александр Васильевич[1].

Я приехал сюда довольно скоро и хорошо. Здесь дождался Государя и теперь живу праздно и весело. Меня удерживают разные покупки и наем людей в Персию, однако же намереваюсь скоро выехать.

Рад чрезвычайно случаю, сделавшему меня свидетелем пребывания здесь Государя. Народ в восхищении и боготворит его. Он между приверженными к нему подданными совершенный отец. Так благосклонно к нему обращение, столько свободен до него доступ.

Он обласкал дворянство и все состояния. Хотя в другой раз все готовы зажечь Москву без ропота. Для него, кажется, нет им ничего невозможного. Я в первый раз вижу подобные чувства и до сего не имел о том понятия. Слава русскому народу!

Благодарю тебя, любезный друг, за дружбу твою во время пребывания моего и всегда мне оказываемую. Я приемлю ее со всею чувствительностию и никогда не в состоянии забыть то искреннее расположение, которое в продолжении стольких лет умел ты не изменить ко мне. Скажи мое почтение любезной твоей хозяйке[2]. Поцелуй детей за меня и Софью Александровну[3], пока еще ребячество ее дозволяет мне иметь сие желание. Владимира[4] особенно как собственность.

Деньги твои и письмо тотчас по приезде отослал я графу Павлу Ивановичу[5]. Он ко мне приехал и доставил мне случай познакомиться с собою. Я нашел в нем весьма любезного человека и приятного. Как сходство с покойным братом напомнил он мне некогда любезного мне друга, к которому привязан я был душевно. Он возбудил во мне сладостные и в то же время горькие воспоминания. Прощай, любезный Александр Васильевич! Впереди меня отсутствие бесконечное от друзей моих. Бог и необычайное щастие мое еще дадут удовольствие увидеть вас. Прощай!

Душевно преданный *Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 56–57

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Москва, 26 августа 1816 г.

Милостивый государь, Арсений Андреевич!

Надзиратель императорского лицея господин Фролов[1] вошел ко мне с письмом, требуя ходатайствования моего о награждении его медалью 1812 года. Препровождая при сем свидетельство генерала графа Палена, присоединяю

к тому, что будучи тогда в звании начальника Главного штаба 1-й армии, я тогда же извещен был о пожертвовании и пособии, которое оказывал г[осподин] Фролов войскам нашим и которые по справедливости соделывают его достойным того воздаяния. Я прошу Ваше превосходительство не отказать ходатайствования нашего.

С совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

Прощай, любезный Арсений! Люблю тебя как наилучшего брата. Благодаря трем месяцам пребывания моего у тебя, школе, в которой научился я почитать тебя как человека свойств, которые редко встречаются в жизни. Люби меня как прежде. Я поставляю в том большую цену. Буду уметь или по крайней мере стараться быть достойным твоей дружбы. Посылаю письмо к Воронцову. Прочти его. Также посылаю записки.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 25–26

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, [26 августа 1816]**

Любезной брат, редкий из человеков!

После письма твоего последнего к Арсению мог бы я на несколько времени отказать тебе название редкого, ибо рассердиться за письма, в которых кроме пустой шутки ничего не было, непростительно. Предполагать со стороны моей хитрое намерение сказать тебе колкости, есть то же что отказать мне и самый здравый смысл. Как же не хотел ты видеть, что оба мы с Арсением писали и в одном смысле и об одних предметах? Если я против тебя имею что-нибудь неприятного, какая необходимая причина Арсению, тебя давно знающему, столько же давно любящему, разделять со мною одни чувства? Ты не похож был на себя, когда писал последнее письмо свое[1], и, чтобы то, которое ты обещал писать ко мне, не показало мне любезного брата столько же неосновательного, я просил Арсения, прочитав, удержать у себя. Между приятелями горька необходимость объясняться. Справедливость не будет на стороне твоей, и хотя я уверен, что ты дашь объяснению весь приличествующий вид, но оно меня не утешит! Упомянем причины гнева твоего, чтобы и ты увидел, что его могло вызвать: старшинство Гурьева, производство Вигеля[2], медаль Еврея, ябеда Эрикса[3] и палатки[4]. Я со всеми с ними незнаком и, может быть, в жизнь мою и видеться не буду, и статься может и не весьма жалеть о том стану и под одной палаткой не встречусь! Виноват ли я, что Вигелю надобно было быть роднею фельдмаршала[5]? Вот что взяло тебя за сердце! Неужели ты не предполагаешь во мне довольно сметливости, чтобы видеть, что графу Воронцову не нужна Елена Ивановна[6]. Мне приятно будет, если ты уверишься, что я точно того мнения. Из всех сих особ, признаюсь по развратности моей, что мне более всех жаль Еврея. Тем судьба, может быть, предназначает быть полезными, а Еврей уже был таковым и если ты имеешь право роптать, то на Арсения за

---

* Вместо даты под письмом: «День Бородинского сражения».

его нечувствительность к его услугам. Не могу не обратиться к Вигелю. Он точно достойный человек, ибо великодушный заимодавец. Я ему был должен 2000 руб. Я не был его начальник, но он и мне снисхождением своим искал понравиться. Это одно уже есть отличие. Проклятый Эрикс! Тебе не знаю, что сказать в похвалу? Никогда не видывал тебя! Разве звание твое комиссионера может мне ручаться за твои добродетели! А ты, о Гурьев! Не дерзаю в хвалу тебе открыть недостойные уста мои. Гласит о тебе Саксония, свидетель великих дел твоих. Разве изреку сожаление, что зависть, верная спутница достоинств, ищет в списке генералов похитить старшинство твое, но бдит справедливость начальника, и имя твое пребудет незабвенным.

Довольно о вздоре. Скажу тебе, что я прожил здесь десять дней в присутствии Государя. Москва являет истинную приверженность к царю своему. Народ боготворит его, и здесь чувством общим возвышается чувство каждого. Здесь народ в своем достоинстве. Здесь царь в полном величии.

Сию минуту еду я в Грузию, где многое напомнит мне пребывание некогда там брата моего. Какие противуположные страны назначены судьбою для нашего пребывания! Отдаленность не должна быть в сердцах наших. Прощай, пиши ко мне. Арсений верно доставит, и хотя мы в заговоре против тебя, он однако же так хорош, что ты его и рассердить не умеешь. Прощай.

Любящий тебя по смерть *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 40–41 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 9 сентября 1816**

Поздравляю тебя, любезный и почтенный Арсений с получением милости Государя, которая доказывает, что он знает труды твои. Рад душевно, что вознаграждается справедливо усердная служба твоя, видел из записки, присланной ко мне Красотою[1], что по представлению твоему награждено также и *Божество*.

Благодарю за брата моего, который ходатайством твоим произведен в прапорщики в Бородинском полку[2]. Сему бедняжке долго бы еще не досталось, служащему без всякой защиты. Бог награждает тебя за благодеяние.

Сегодня еду я в царство мое. Старика отца[3] оставляю весьма дряхлого и, кажется, уже в последний раз вижу его.

Посылаю у сего две книги Ивана Васильевича, которые нечаянно захватили люди мои. Хорошо, что я осмотрелся, а то бы путешествовать им в страны дальние. Прощай, почтеннейший Арсений, будь здоров, по правилам и доброте твоей счастлив будешь!

Любящий по гроб *Ермолов*.

Ермолов, капитан Семеновского полка[4], находящийся при мне, вероятно в продолжении пребывания моего в Персии произведен будет в полковники. Сделай дружбу, любезный брат Арсений, исходатайствуй ему назначение к старшему полковнику, порядочному человеку, где научась командовать пол-

---

* Помета А. А. Закревского: «Отвеч[ено] 11 октября».

ком, заслужит он сделаться командиром впоследствии. Тогда возьми его под твое покровительство и доставь ему порядочный полк. Кажется по справедливости и строгости твоей я не затруднительную испрашиваю у тебя милость.

Целую тебя, брат любезный.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 29–30

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Воронеж, 11 сентября 1816**

Любезный брат, Арсений Андреевич!

С каким удовольствием встретился я здесь с Адамом Ивановичем[1]. Я мог говорить с ним о тебе. Вспомни жизнь нашу в Петербурге и обо всем том, что принадлежит до тебя. Я начинаю уже чувствовать, что значит отдалиться от знакомых и приятелей. Здесь в последнем городе русской земли я как будто прощаюсь с соотчичами. Здесь каждый встречающийся как будто родной. С сим чувством увиделся я с Адамом Ивановичем. Вспомнили даже о Божестве. Здесь меня [пилили] даже верноподданные мои царицы грузинские[2]. Он тебе расскажет обо всем. Как в отдалении сожалительны простолюдины. В каком живут невежестве. Меня здесь приняли за значащего человека, и я как многие мне подобные не старался вывести их из заблуждения. Я воображаю, что здесь значат люди, Государю принадлежащие! Прощай! Будь ко мне всегда одинаков.

Истинно любящий *Ермолов*.

Забыл сказать тебе, что нашел здесь чудесную землю, нашел губернатора честнейшего[3], провиантского комиссионера Чернякова бескорыстного.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 27–28

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

27 сентября [1816]

Мой гвардейский капитан[1], — чтобы не сказать просто капитан, ибо это ничего или почти ничего не значит, — поздравляю Вас с повышением в чине, которое имело место 30 августа, в этот счастливый день для всей Вашей семьи, ибо Ваши кузены — 1) Камбург 2) Крафштрем 3) де Гинсгаузер 4) Гильдсбурггаузен 5) Элленстров 6) Штральзанд 7) Пистолинкорс 8) Гозенкнопф 9) Ш[т]реаборг и 10) Пимперкрампф — были уже повышены в чине. Досадно, что бедный Канкрин до сих пор ничего не получил[2]. Вот, г-н капитан гвардейский (т. е. не мой), как я принимаю участие во всем, что имеет к Вам отношение. Молю Бога и первейшего святого заступника Вашей семьи, блаженного Мартина Лютера, оберегать Вас своим священным и достойным покровительством.

Прощайте. Курьер отправляется тотчас.

Ваш *Ермолов*.

---

* Помета А. А. Закревского: «Получ[ено] 11 октября».

P. S. Любезный Муравьев, поздравляю тебя и с товарищами, из коих от радости забыты следующие: Роченсальм, Гибральтар[3] и Гозенштраль.

Ради стараться в пользу Вашу!!!

А. Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. Перевод с фр. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 18 ноября 1816**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Не льстя тебе скажу, что в свободные минуты моей здесь жизни, одно имея удовольствие вспоминать о малом числе друзей моих, знаю я тебя одним из наилучших, люблю и почитаю душевно. Скажу тебе о путешествии моем и что доселе заметил. В Георгиевске[1] прожил я более недели. Занимался гражданскими делами. Был в судах. Не удивлялся некоторым беспорядкам, ибо они везде почти одинаковы, но досадно мне нерадение, и кажется мне, что я заставил себя остерегаться. Гражданскую власть нашел в ссоре с военною, по общему везде порядку, но как это не мой порядок, старался примирить их.

Войска на линии, которые случилось мне видеть на пути, все прекрасные, все таковы, какие должны быть славной армии великого Государя. Начальствующий линиею г[енерал]-м[айор] Дельпоццо[2], человек усердный к службе, самый благонамеренный и бескорыстный, но так стар и более еще слаб, что на линии[3] беспрерывные случаются происшествия, кордонная стража сонная, нерадивая и горские народы делают дерзкие шалости. Я ругаюсь и не люблю потворства, но я еду далее и будет нехорошо, вы увидите. На линии должен быть начальник строгий и деятельный. Поговори о том с князем Петром Михайловичем, надобно об этом подумать. По мнению моему, очень хорош может быть в сем месте генерал-лейтенант Эмануэль[4], а может быть вы и другого найдете. Дельпоццо надобно однако же наградить, он много сделал хорошего. Крепость Владикавказ, чрезвычайно для нас важную, устроил почти без всякой казне издержки. Выселил из гор неприязненные нам народы, которые обеспокоивали Грузинскую дорогу[5], а теперь вместо нас дерутся с чеченцами.

Обстоятельно вникал я в образ жизни войск на линии в Грузии. Нимало не удивляюсь чрезмерной их убыли. Если нашел я кое-где казармы, то сырые, тесные и грозящие падением, в коих можно только содержать людей за преступления, но и таковых мало, большею частию землянки, истинное гнездо всех болезней, опустошающих прекрасные здешние войска. Какая тяжкая служба офицеров, какая жизнь несчастная! Предупредите Государя, что я буду просить денег на постройку казарм и госпиталей и ручаюсь, что кроме сохранения людей, сберегу я и деньги в других многих случаях. Я недавно здесь, но вижу возможность уменьшить издержки по продовольствию войск. Дайте возвратиться из Персии. Бог будет за добрые мои намерения. Ничего столько не желаю как мира и спокойствия. Много в земле сей можно сделать пользы государству. Сегодня принимаю я посланцев ко мне от одного народа. Вчера

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получено 24 дек[абря]», «Отвеч[ено] 25 генв[аря] 1817».

уже говорил с ними, и есть у нас в виду богатейшая свинцовая руда, каковых изобилием может быть нет равных. Здесь все есть, а у меня все время на службу Государя. Нет ни жены, ни любовницы, никакой страсти, ни развлечений. С утра до вечера за делом. Как рано все встают. Как всех подстрекаю. В судах сидят и при свечах, без моего принуждения, а только грожу посещением.

Провиантская часть с ума сводит. В магазинах нет ничего. Денег не присылают вовремя, присылают мало, и до сих пор все почти ассигнациями, которых здесь не берут или чрезвычайно невыгодно для казны. Скажи князю П[етру] М[ихайловичу][6], чтобы третью часть на продовольствие непременно присылал серебром, так было представляемо и предместником моим; я к военному министру делаю о сем представление. Теперь в таком беспорядке часть сия здесь, что все войски в Грузии местными способами довольствуемые, остаются без запасов и живут от одного дня до другого. Ручаюсь вам, что сего впредь не будет, но не прежде, как по возвращении из Персии, которая, отвлекая меня отсюда, много делает вреда.

Кутузова[7] ожидаю я нетерпеливо. Ему в отсутствие мое надобно командовать здесь войсками, но как здесь есть старшие, которым нельзя того поручить, то надобно чтобы князь Петр Михайлович написал мне, что ему поручается начальство как старшему. Тогда никто не усумнится, чтобы он не имел права на командование. Кавказской же линии начальнику до прибытия моего предпишу я относиться по службе к князю Петру Михайловичу. Вижу я, какие здесь будут беспорядки без главного здесь управления, но что делать.

Если же вы что лучше придумаете, то поспешите чрез нарочного дать мне знать. Не пренебрегайте сим обстоятельством. По положению края сего, оно весьма важно. Прощай!

Душевно твой *Ермолов*.

Хотел ограничить себя четырью прежними страницами, но никак невозможно. Видел я, как ты принимаешь длинные письма. Достается и брату Михайле, что любит пописать, но пощади мои письма, как жителя далеких стран, которому редки случаи скучать любезному Арсению. Ты можешь припомнить слова Воронцова, обыкновенно на конце 8 или 12 страницы: «Спешу кончить, виноват, за скорым отправлением курьера не мог на сей раз ничего сказать, но с будущим напишу обстоятельно». Едва было и мне не случилось пилить тебя двенадцатью, но из благопристойности я решился стеснить строки. Не знаю, что делает брат Михайло, но если до сих пор я того же не делаю, твоя вина. Нет типографии, нет приказов, а меня на приказы очень позывает. От скуки пустился я в манифесты к разным народам[8]. Здесь мои предместники слабостию своею избаловали всех ханов и подобную им каналью до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких, и жестокости, которые и турки уже стыдятся делать, они думают по правам им позволительными. Предместники мои вели с ними переписку, как с любовницами, такие нежности, сладости и точно как будто мы у них во власти. Я начал вразумлять их, что беспорядков я терпеть не умею, а порядок требует обязанности послушания и что таковое советую я им иметь к воле моего и их Государя, и что я берусь научить их сообразоваться с тою волею. Всю прочую мелкую каналью, делающую нам пакости и наглые измены, начинаю прибирать к рукам. Первона-

чально стравливаю между собою, чтобы не вздумалось им быть вместе против нас, и некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов[9]. Надобно по необходимости некоторых удостоить отличного возвышения, то есть виселицы. Не уподоблюсь слабостию моим предместникам, но если хотя немного похож буду на князя Цицианова, то ни здешний край, ни верные подданные Государя нашего ничего не потеряют.

Сделай дружбу, любезный Арсений, для пользы службы самой прошу, будь при том, как будет читать бумаги мои князь Петр Михайлович. Я в них пишу о таких вещах, которые требуют непременно скорого исполнения. Я знаю твою настойчивость, и она нужна необходимо в сем случае.

Я воспользовался отправлением людей в гвардию, и капитана, который их ведет, назначаю для познания порядка службы. При нем есть особенный унтер-офицер и рядовой. Прикажи их славно одеть на мой счет. Мы после разочтемся. Офицера сего возьми под свое покровительство и поручи Карлу Бистрому[10]. Пошли за моим Ермоловым и ему, как хорошему офицеру, прикажи, чтобы им занимался.

Вспомни, что это сделано по условию, и выведи из сего славную историю. Скажи, что я сделался совсем годный человек, даже люблю фрунт. Здесь нашел я войска, похожие на персидских сарбазов[11]. Но люди прекрасные и молодцы. Народ храбрый, жаль что мир необходимо нужен. Обманутся неприятели мои, думая, что я заведу драку. Неправда! Вижу, что надобно спокойствие для пользы нашей, и Бог свидетель, что на все средства пущусь, чтобы выторговать несколько лет мира. Употреблю кротость, ласку, лесть и все способы.

Но если успею, то ручаюсь, что после не по-прежнему будем оканчивать войну в здешнем краю.

Посылаю по службе бумагу об утверждении командирами полков. Я избрал лучших офицеров. Но здесь не в каждый полк достанется молодец, ибо надобно дожидаться, чтобы некоторые вышли. Есть ужасная дрянь, которую потому терпят, что давно служит. Таковы полковники Пятериков[12] Вологодского, Лавенцов [13] Троицкого. Весьма бы не худо их во внутреннюю стражу. В последнее производство пожалованы полковниками Ладинский[14] и Дьячков[15]. Не знаю почему обошли вы старших и их обидели безвинно. Ладинский мало служил, был окружным начальником и в должности комиссионера. Не его дело командовать карабинерным полком. Офицер знакомый в канцеляриях начальников. Дьячков храбрый весьма человек, но весьма простой и был бы счастлив иметь полк не гренадерский, где бы желательно определять офицеров, которые вперед что-нибудь обещают. Сие служило бы отличием. В Херсонском полку подполковник Рябинин[16], старый офицер, но в том полку надобно бы лучшего командира. Он хороший фронтовой, но внутренность полка несчастная. Весьма было бы справедливо 7-й карабинерный и Херсонский полки дать хорошим полковникам из гвардейских. Скажи о том князю Петру Михайловичу, чтобы он сказал желание мое Государю. Ладинскому можно дать другой полк. Он молод и подождет. Рябинина определю окружным начальником, где также надобны надежные офицеры. Нельзя ли выпросить мне подполковника Пузыревского[17] в корпус. Отличный сей офицер мне был бы весьма полезен, у него и полк будет хорош. Здесь есть молодой офицер, подполковник Абхазов[18], ученик Котляревского[19], храбрый и славный человек, достойно воспоминающий

о своем наставнике, на него имею я глаза и у Государя будет необыкновенный человек для здешнего края. Котляревский срезал меня. Он таков, что его здесь никем не заменишь, да и везде подобные ему редки. Про него по истине надобно сказать Герой! Я писал о нем Государю, прося особенного воззрения. Скажи о сем брату его[20].

Мадатов назначен главнокомандующим в Карабах, место его рождения. На меня сердит. Говорит, что я змей и хуже Сабанеева. Мысль прекраснейшая! Прощай.

Душевно любящий *Ермолов*.

Пришли, сделай милость, список генеральский, который я забыл у тебя в Петербурге, и полковничий. Поклонись моим знакомым: П. Ф. Желтухину, Калиостро, Киселеву[21] и Орлову[22].

Мой поклон Котляревскому[23], Адаму Ивановичу, Кондратию Яковлевичу, Красоте и Крепкой натуре. Уведомь, получал ли фельдмаршал от брата Михайлы письма[24].

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 31–34

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 18 ноября 1816**

Почтенный Арсений Андреевич!

Податель письма сего, житель здешнего края, весьма хороший молодой человек, князь Аргутинский-Долгорукий[1], отправляется в Петербург с намерением вступить в военную службу. Будучи одной из лучших фамилий, [ему] весьма полезно было бы доставить выгодную по службе дорогу, дабы тем приохотить молодых здесь людей, из коих могут выйти Государю годные люди.

Он два года служил при канцелярии главнокомандующего и без жалованья, с тем, чтобы дать заметить свое поведение, и заслужил рекомендацию. Сделай дружбу, обрати благосклонное внимание на благородный сей поступок и удостой своего покровительства. Я шалуна рекомендовать не стану, тем еще менее тебе, строгого поведения подчиненных блюстителю. Определи его в гвардию, или где можно скорее получить офицерский чин. Словом как ты заблагорассудишь.

Истинно приверженный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 47

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 18 ноября 1816

Итак, друг любезный Александр Васильевич, я в той стране, к которой так давно стремились все мои желания, прежде самого даже правдоподобия успеха. Я там, где невзирая на многие трудности, на недостаток познаний о земле, на предметы многоразличные и для меня совершенно новые, вижу я, что

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 28 февр[аля]», «Отвеч[ено] 11 марта».

при усердии моем и доброй воле могу быть полезным службе моего Государя. Следовательно, достиг я моей цели. Доселе большею частию праздная жизнь, в продолжении лишь войны кратковременная деятельность, не удовлетворяли моей наклонности. Теперь обширное поле. Предместники мои, а более еще противные им обстоятельства, оставили мне много трудов, но вместе с ними и возможность заслужить доверенность Государя и так щедро рассыпанные на меня милости его. Скажу тебе, как другу, приемлющему участие во всем, до меня касающемся, образ моей жизни. В пять часов утра я в мундире. Солнце не встает меня ранее. Тотчас принимаюсь за дело и в продолжении дня не много остается свободного времени. В вечеру по обыкновению приходит весьма много людей, которые не знаю чем заняты, ничего лучшего не находят, как прийти скучать ко мне. Половина или более из них не говорят даже по-русски, следовательно, ты представить можешь, что разговор мой с ними не весьма занимателен. Прежде девяти часов все по домам, и у меня остается несколько человек собственных своих людей, и не более как чрез час я в постели. Некогда почти книги взять в руки. Общества нет никакого, развлечений ни малейших. Ничего нет удивительного, если всегда почти занимаясь делом, в продолжении некоторого времени сделаешь что-нибудь порядочное. Не знаю, надолго ли таким образом меня станет, но иначе невозможно, ибо много нашел расстроенного или того, что по необходимости должно быть приведено в другой совсем вид. Сколько не остерегаюсь я перемен, но оне однажды неизбежны. На многие вещи не могу я смотреть с той стороны, с которой видел их мой предместник. Не с тем говорю, чтобы винить его, но лета его, образ воспитания обоих нас положили между нами разницу. Он опирался на долговременной своей службе, на сильных связях своих и тем считал себя в праве на уважение. Я простой солдат, но которому щастие сделало многих завиствующих. Нет у меня связей и я похож на поденщика, который трудами своими должен вырабатывать некоторое к себе внимание. Так всегда чувствовал я, и отсюда происходила моя деятельность. Прости сие не весьма возвышенное чувство, но так провождала меня служба моя и я не виноват.

Желал бы я знать, любезный друг, что делается с тобою. Больно мне было, что я не мог тебе ни малейшим образом быть полезным и возвратить тебя к деятельности, которая есть отличительным твоим свойством. Меня не удивило, что мне не удалось, но горестно, что в наилучшем намерении не помог нам Бог! Неужели Оленин[1] изменит своему обещанию. Он не знатной господин. Напиши ко мне обстоятельно и отдай письмо Закревскому, аккуратнейшему из людей.

Скажи мое почтение Надежде Петровне. Поцелуй за меня детей. Береги Владимира наименованного собственностию. Он будет славный человек! У меня с ним дружба, и потому слушать будет совет мой, чтобы учился хорошо. Поклонись любезному Павлу Петровичу[2], которого с первой минуты я полюбил.

Прощай. Сколько почитаю и люблю тебя — ты знаешь.

Ермолов

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 58–59

М. С. ВОРОНЦОВУ

Тифлис, 29 декабря 1816 г.

Легли между нас тысячи верст, и я, любезнейший граф Михаил Семенович, медленно получаю твои письма. Недавно Арсений доставил мне последнее от 4 (16) сентября. Читаю о тебе в газетах. Вижу похвалу *Веллингтона*[1] российским войскам. Воображаю состояние их под твоим начальством и с твоею заботливостию. Радуюсь душевно, что ты доброе о русских мнение распространишь и утвердишь в землях чужих, где долгое время не знали цены их. Уважение, которое они заслужат, должно быть приятно сердцу каждого из русских, и по мере того тебе благодарение. Какие разные дала нам судьба назначения. Я в такой земле, где незнакомые мне предметы, занятия, по роду для меня совсем новые, дают мне чувствовать недостатки моих способностей. Беспорядок во всем чрезвычайный. В народе врожденная к нему наклонность, слабостию многих из предместников моих ободренная. Мне надобно употребить чрезвычайную строгость, которая здесь не понравится и, конечно, не вселит ко мне привязанности. Вот первое сильное средство, которого я должен непременно лишиться. Наши собственные чиновники, отдохнув от страха, который вселяла в них строгость славного князя Цицианова, пустились в грабительство и меня возненавидят, ибо также и я жестокий разбойников гонитель. Я не в состоянии заменить их лучшими, следовательно, верных помощников иметь не буду.

Здесь военных нашел я совсем других. В продолжение всей моей службы жил я с ними, как товарищ. Теперь нет здесь *Котляревского*, нет *Лисаневича*, ни *Симоновича*[2], нет многих других известных офицеров. Половину оставшихся надобно удалить, ибо самое снисхождение терпеть их не в состоянии. Необходимы меры весьма строгие. Они не заставят любить меня. И так, поживши здесь некоторое время, не сделав большой пользы, отправлюсь отсюда, обремененный общим негодованием. Невзирая на все то, если только служба моя угодна будет Государю, я решился жить здесь. Теперь, по причине скорого в Персию отъезда, не могу я порядочно за все приняться. Для некоторых моих намерений надобен мир. Если Персия даст нам свободы на сколько-нибудь времени, я тотчас объявлю войну внутренним неустройствам и домашним неприятелям, и как невозможно истребить совершенно беспорядки, с помощью счастия моего, много уменьшу их.

Ты, любезнейший брат, редкое существо, обладающее общею всех любовию. Ты должен быть поставлен судьбою для водворения здесь порядка и будешь всеми боготворим. Я предсказываю тебе сие назначение, разве ты сам его не пожелаешь. *Все дороги ведут к Риму*. Разумеешь!! Мне одного только жаль в тебе, что ты не имеешь неприятелей. Не смешивай с ними завистников. Это люди почтенные, которые служат проповедниками достоинств того, который возбуждает в них чувство зависти, и неприметно служат к его пользе. Но для счастия человека надобны неприятели. Они удерживают в бдительности и оживляют силы к деятельности. Я только тем и живу. Какое сладостное существование назло своим неприятелям! Я отделился от прежних Кавказом, но тоска жить в разлуке заставила меня здесь запастись новыми. Пошла работа!

Позвольте мне, ваше сиятельство, за вас покраснеть немного. Вас на минуту оставила ваша тонкость, которою мы до сего дня клялись даже. Вы

прогневались за некоторые невредные насмешки, между приятелями весьма обыкновенные, и мы с Арсением торжествуем! Выгодно с человеком необыкновенным сблизиться, хотя в некоторых свойствах. Вытащили небольшую слабость! Я признаюсь в умысле и потому его не скрываю, что уже в другой раз не удастся мне торжествовать. От Арсения ты бы не дождался признания: этот и еще надует.

Скажи, как можно принять иначе как за шутку то, что писали мы о *Еврее*, человеке, впрочем, знаменитом, о *рыцаре*, требующем старшинства? Он и без того похож на кардинала, которого при наименовании называют равным всем царям, высшим над всеми князьями. *О производстве за отличие. О законах*; вот статья, которая взяла тебя за живое. Я готов был и теперь распространиться на сей счет. Перо порывается против воли моей, но воздерживаюсь писать против себя, ибо и я даже попал в законодатели. Насчет обуздания строгого чрезмерно с подчиненными в полках обхождения я не могу ни слова сказать, ибо сам убежден опытами, что можно совсем другое употреблять средство и с большею пользою. Напротив, я не могу не почитать сего намерения, и внушение его прочим есть дело, тебя, любезнейший брат, достойное. Ты виноват против М[азе] пы, полагая его осуждающим сие правило. Я видел его совсем другим с сей стороны, и не один раз. Он заметил это в бывшем моем Гренадерском корпусе и тотчас предостерег меня.

Забыл сказать тебе о *Швецове*[3]. Он до сих пор терпит ужасно. Вначале можно было схватить знатнейших андреевских владельцев[4], по-видимому в сем участвовавших, и, по связям их с чеченцами, заставить достать его. Сие средство упустили, и теперь остается одно — выкуп. Мне кажется, точно как и тебе, средство сие неприличным и которого могут быть последствия вредными. Я употребляю все возможные, но без успеха. Неосторожное опубликование в газетах заставило возвысить его цену. И я в отчаянии, что еду в Персию. Надобно стать на *Сунже* и пожить некоторое время. Все дадут, что нам надобно. Это неизбежно, но мне без себя сделать того не хочется.

Прощай, будь тем же бесценным для меня братом.

А. Ермолов

Поклонись всем прежним моим товарищам: Святому, блаженному Полторацкому, Лисаневичу, приближенным твоим особенно. Дал бы не один год жизни, чтобы прожить с ними хоть несколько дней. Здесь царство скуки и отчаяния.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 42–43 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 4 января 1817**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Существующая во Владикавказе и в некоторых местах Кавказской линии чума подвергает курьеров продолжительному карантинному очищению, почему и не посылаю я сей раз фельдъегеря, а отправляю бумаги по пересылке, хотя это и не лучший способ, но единственный для ускорения.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 генв[аря]», «Отвеч[ено] 11 марта».

Я здоров. Здешний климат мне впрок. Не знаю, что от жаров будет летом. Веду жизнь ту самую, как тебе описывал, а потому и не жирею. Благодаря предместникам дела довольно, работаю как вол. Доброй воли много, Бог даст, наконец слажу.

Недавно возвратился от обозрения границ. Виделся с тремя ханами[1]. Давно бы надобно было мне познакомиться с ними. Тут узнал я, что не худо здесь быть главнокомандующим. Но если можно спросить прежних, они еще лучше то знают. Мне делаемы были подарки (не знаю точно, по обычаю ли земли или по обычаю главнокомандующих); они состояли из прекраснейших верховых лошадей, дорогих золотых приборов, драгоценного оружия, великолепных шалей, от которых глаза наших красавиц, конечно бы, разбежались. Я жалел, что не женат, тогда бы предложили жемчуги и кое-что для хозяйства не лишнее. Какие добрые люди! Вить обижаются коли не принимаешь! Я некоторым позволил подарить мне из простого ремня по одной узде и плетке. А как здесь из всего выводятся толки и заключения, то я нарочно выдумал сии эмблематические подарки. Но чтобы не обидеть отказом подарков, со всех ханов взял баранами и уже у меня есть до семи тысяч. Весною от полков посланы будут за ними приемщики прямо к ханам. Полкам запрещение два года употреблять их в пищу, а стараться о размножении. Чрез два года, два раза в неделю солдатам мясо. Чрез некоторое время полушубки на войска. Государю не будет стоить ни гроша. Увидите, как менее будет умирать людей от улучшения пищи и одежды. Шинель и мундир выслужат сроки без истребления. Я намерен и вперед не быть жестоким на отказы подарков!!! Семь тысяч баранов по здешней цене по 2 р[убля] 50 коп[еек] серебром делают ассигнациями 70 тысяч. Все это, однако же, менее тех подарков, что мне предлагали. Опять повторяю, что здесь не худо быть главнокомандующим!

Меня утешает, что я изобрел такую важную штуку, что Воронцов сам лучше не выдумает. А как он пропечатал в своих приказах сотворение кваса, то я пропечатаю создание баранов. Поживем долее — не то еще будет! Посылаю письмо к Воронцову. Прочти и отправь. Он от наших шуток пришел в ярость, а особливо статья о законах взяла его за живое и нам обоим досталось порядочно. Я смягчая его, еще поддал жару, опять пойдет в гору. Однако же мы счастливы, нам удалось взбесить, и он не приметил шутки. Наш брат Исаакий[2]! — вот что его зарежет. Больно как люди обыкновенные надувают! Брат Михайло тонкий человек, но напрасно нас за простоту пренебрегает. Прочти со вниманием письмо мое к нему. Моя тш* мастер отправлен в Карабахское ханство командовать расположенными там войсками и надзирать за управлением хана[3]. Какое предоброе и бескорыстное создание. Там надобен такой, ибо Котляревский обворожил их своею честностию и беспристрастием. Этот человек не по одним способностям военным достоин почтения. Его надобно уважать и по строгим правилам его поведения. Простой народ лучший в сем случае свидетель. Жаль, что у нас немного ему подобных! Я доволен, что имею Мадатова. Если случится война, эта собака может быть весьма полезна. Жесты его и русский язык еще стали совершеннее.

---

* Так в оригинале.

Видел я в «Инвалиде»[4], что Муромцев произведен в полковники в Кабардинский полк. Там старший граф Гудович[5] подал в отставку, и на место его я представил другого. Теперь, если приедет Муромцев, я не буду знать, что из него делать. Ты верно забыл, что я просил при производстве назначить его по армии, ибо он маршалом при посольстве.

Типография, что ты ко мне отправил, сидит в Моздоке в карантине. Говорят, что по тягости станок не может в зимнее время перейти чрез горы и никто его разобрать не умеет. Если выйдет производство в генералы тех, о которых спрашивал моего мнения, по крайней мере, предоставьте мне избрать, кто здесь более полезен; а ни вам, ни здесь не надобных, не оставляя у меня, можно определить по армии. Есть из прежних на то очень способные.

Мне пришла мысль, по которой ты должен ходатайствовать у Государя. Кутузов по отъезде моем остается здесь начальником.

Здешним народам, а паче азиатцам, весьма дико видеть начальника без значущей декорации. Доложите Государю, что я прошу ему Анненскую ленту и он ее заслужит и я за нее заслужу, ибо почту за собственное меня награждение. Не оставьте без внимания моей просьбы собственно для пользы службы.

Поклонись брату Василию, прочти ему письмо мое, ибо особенно писать теперь нечего. Скажи мой поклон тем, кто меня еще не забыли. Прощай, почтенное и добрейшее создание, М[азе]па.

А. Ермолов

Переменил намерение и посылаю фельдъегеря, а не эстафетой.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 36–37

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 9 января 1817**

Подобно брату Михаилу от 4-го числа написал я тебе предлинное письмо. Но после того приехал от тебя еще фельдъегерь, и я, приглашен тобою будучи, писать пускаюсь далее. Фельдъегерь доставил мне новости 12-го числа декабря. Прибавление жалованья есть предмет весьма важный[1]. Достойна почтения заботливость об улучшении содержания бедных офицеров! Государь приобретет большую признательность. Я не понимаю сего дела, а потому не знаю возможности уравнять выгоды между служащих, но кажется мне, что столовые деньги, в значущем количестве положенные, не равные представляют выгоды человеку, живущему в столице или польских губерниях, и тому, который в Малороссии и во многих других дешевых местах государства. То истинное мудрое дело, кто бы сего достигнуть мог. Итак, по-видимому, решена судьба фурштатских баталионов[2]. Простите мне, господа придворные жители (ты не в сем числе), что я по глупости моей сего испугался. Одно звание фурштатский приводит меня в содрогание как артиллерийского офицера.

У нас некогда артиллерийские лошади принадлежали особенному фурштату, а не ротам. Следствие того было одно то, что роты не двигались. Боюсь, по глупости, чтобы не произошло того с провиантом. Мне пришла смешная

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 генв[аря]», «Отвеч[ено] 11 марта]».

мысль, если случится, что армии будут возвращаться к провианту, а не провиант будет подвозим к войскам. Надут Жомини[3] со своими сочинениями; тогда надобно будет пригласить фурштатских баталионных командиров сочинить новую систему, как вести войну.

Со вниманием приглядываясь к положению здешнего края, я нахожу невозможность учреждения баталионов, и когда дойдет до меня повеление о преобразовании, по должности честного солдата, я сделаю представление. Не послушают, не моя беда!

Вчера приехал также фельдъегерь, отправленный с типографией, но типография дошла до гор и, гнушаясь ступить на снега Кавказа, ожидает улыбки весны и ковра из зелени для торжественного ее шествия. Я уверен, что все сделано наилучшим образом, но по удовольствию ругаться, спрошу вас, как не вошло вам в голову разобрать станок и научить кого-нибудь, как его складывать? Вы знали, что чрез горы, а особенно зимою, ничто кроме вьюков не проходит. Теперь я и дожидаюсь весны и то не знаю, как сладить. Весна в горах не прежде конца апреля. Эта толстая типографическая фигура, любезный Быков[4], наделал хлопот. За наказание употреби его вместо пресса. Для чего не распечатал ты письмо брата Михайлы, оно прелюбопытное. Он досадует, что не понял нашей шутки, как приметно, стыдно ему; что он против нас делал ужасную вылазку. Я его к тебе посылаю.

Правду ты говоришь, что брат Михаил перетонил[5], как можно подобное сделать предложение? Это не лучший способ нравиться! Ему и тем нельзя оправдаться, что он не знает обстоятельств. Не прост! Выбрал лучшую дорогу чрез Каподистри[6]. Увидишь, что успеет! Тогда надобно с ним поступить как с колдуном. Я не понимаю, что с ним сделалось. Ты знаешь его человеком не только не роскошным, напротив весьма бережливым. Если это узнают, он потеряет в мнении.

Ты желаешь знать, как я умничаю. Скажу вкратце. Вчера отпустил присланного от наследника персидского престола[7] с поздравлением о прибытии моем. Ртищев низким уважением истолковал им, что они, по крайней мере, равные нам. Я писал учтивое письмо, на словах велел сказать, что жду удовольствия с ним познакомиться, слыша, что он во всем уподобляется просвященным европейцам. Недавно один из их знатнейших людей прислал мне конфектов и пишет, что он желает, чтобы так сладка была между нами дружба, и что надеется иметь доброго во мне соседа. Я отвечал, что я готов быть добрым приятелем, но что мерою дружбы я приемлю самые поступки, а потому, если он себя будет лучше вести, нежели с Ртищевым, то мы поладим. Получил превежливый ответ и все требования удовлетворяются. Не знаю, что будет вперед, но отвечаю, что мы удержим должное к нам уважение. У нас есть некоторый род собственных царьков. Это ханы, утвержденные грамотами Государя и которым трактатами предоставлены права совсем для нас невыгодные и умедливающие устройство земли. Лучший из них хан ширванский генерал-лейтенант Мустафа[8]. Это сильнейший также, а потому я с ним приятель и он начинает иметь ко мне великую доверенность: дал слово приехать ко мне в Тифлис с детьми. Он сам сказал мне, что он ни для кого из начальников того не делал. Я его надул важным письмом и потом с пятью человеками офицеров, не имея ни одного казака в конвое, приехал к нему для свидания. Вот чем

я его зарезал. Прочие ханы трепещут. Одного жду смерти нетерпеливо, как бездетного[9]; другого хочется истребить, ибо молод[10]; ждать долго, наделает, скотина, детей, которые по трактату должны быть наследниками. Если в обоих сих ханствах удастся учредить наше правление, народы будут счастливы и Государь по крайней мере получит 100 000 червонцев доходу. Ртищев мне и это испортил. Он именем Государя хану карабахскому бездетному назначил изменника наследником, который, имевши наш полковничий чин, бежал в Персию, подвел неприятеля и у нас истребили батальон. Он, посылал за ним в Персию, склонил возвратиться и простил. Я узнал от самого изменника, что это сделано не без греха. Паулуччи[11] при побеге захватил его имущество и, вещам составивши опись, по выезде своем отсюда оставил их под сохранением в правительстве. Теперь всем рассказывает изменник, что он тех вещей не получил обратно. Вот и наследник ханства, о котором, конечно, Государь не воображает. А ханство по крайней мере дало бы 50 000 червонных доходу.

В другом ханстве по милости графа Гудовича[12] мы имеем хана. Та глупейшая скотина принял из Персии беглеца, доставил ему чин генерал-майора, анненскую ленту и ханство, которое должно было иметь наш образ управления, ибо после хана последнего не было кому заступить место и, не нарушая трактата, сделался бы российский уезд. Он же, скот Гудович, роздал богатейшие около Дербента селения одному владельцу, который одну отправляет службу, что дает убежище нашим дезертирам. Признаюсь тебе, если гудовичев и ему подобных будете сюда присылать начальников, достигнем легко, что нас возненавидят и проклянут имя русское навеки. Началы тому уже благонадежные!

Теперь обратимся к единоверцам нашим — к народу, Грузию населяющему. Начнем с знатнейших: князья не что иное есть, как в уменьшенном размере копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными. То же благоразумие, одних в законодательстве, других в совершенном убеждении, что нет законов совершеннейших. Гордость ужасная от древности происхождения. Доказательства о том почти нет, и требование оного приемлют за оскорбление. Духовенство необразованное, глупое, те же меры жестокости употребляющее в изучении истин закона, житием своим подающее пример разврата и вскоре обещающее надежду, что магометанская вера распространится. Многие из горских народов и земель, принадлежащих Порте Оттоманской, бывшие христиане, перестали быть ими и сделались магометанами, без всякой почти о том заботы. Если наши не так скоро ими сделаются, то разве потому, что, по мнению их, весьма покойно быть без всякой религии. Народ простой, кроме состояния ремесленников, более глуп нежели одарен способностию рассудка; свойств более кротких, но чувствует тягость зависимости от своих владельцев. Ленив и празднен, а потому чрезвычайно беден. Легковерен, а потому удобопреклонен ко всякого рода внушениям. Если бы князья менее были невежды, народ был бы предан нашему правительству, но не понимают первые, еще менее могут разуметь последние, что они счастливы, принадлежа России; а те и другие чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словом, народ не заслуживает того попечения, тех забот, которые имеет о них правительство, и дарованные им преимущества есть бисер, брошенный перед свиньями. По несчастию, во время последних возмущений в Грузии[13], слабый Ртищев, управляем будучи мошенниками, многих

из явных бунтовщиков хороших фамилий оставил покойными без наказания и возвратил им имения[14]. Они возмечтали, что прощение им даровано, боясь огорчить дворянство, и почитают себя нам опасными. Я начинаю вразумлять их и наконец сделаю, что постигнут настоящий смысл, чего они стоят и как мало страшны. Мне надобно три года мира, чтобы не быть отвлечену отсюда, и образ мыслей они нехотя переменят. Войны боюсь потому, что она всегда сопровождаема внутренними беспокойствами. В три года с ними управлюсь по крайней мере столько, что они будут разуметь обязанности свои правительству и Государю, слишком для них милосердому. Вот тебе некоторые замечания о Грузии, ты их иметь желал. Можешь прочесть их старику Петру Ивановичу[15], который пишет, что вы меня ругаете с ним вместе и жалеете, что я далеко. Не для того ли, чтоб ругать меня в глаза? Знаю, как это понимать. Старика люблю как отца. Тебя, благороднейшее существо, разумею как заслуживаешь. Хорош ты, М[азе]па, что взялся доставить книгу от старика, а того и не рассудили, что листья разрезаны и помяты. Верно, старик давал по ней уроки. Я не упустил того заметить! Скажи ему о том.

По приказанию твоему посылаю тебе приказ, отданный мною при вступлении в командование. Ты, конечно, ожидаешь витийства, напротив: короткий и простой. Брат Михайло, полагая во мне такую же страсть к приказам, как и в нем, просил присылать их к нему — можешь послать ему копию. Сделай одолжение, присылай мне его приказов по одному экземпляру и с того времени, как расставшись с тобою, я уже их не видал.

Когда выйдет преобразование по гражданской части, не умедли уведомить. Я ожидаю полезной перемены, ибо хуже того, что теперь есть, быть, конечно, не может. Не изобретут ли средства уменьшить грабеж и разбои. Пришлите тогда ко мне рецепт. Не худо, если бы ввели в употребление полезные в сем случае операции, то есть отсечение головы. У меня здесь многие бы наследовали царство небесное.

Ты хотел, чтобы я Петрахану[16] написал что-нибудь смешное. Я это исполнил. И насмешу и настращаю; возьми у него и прочти.

Сделай дружбу, прикажи верно доставить письма мои к разным лицам в Петербурге. Погоняй порядочно, отправленного от меня прежде, фельдъегеря. Он дрянь и ехал как баба. Последний ехал как молодец. За исключением пребывания в карантине, прибыл на 15-й день. Петру Ивановичу, если можно, отдай сам письмо мое. Он тебе его читать будет.

Муромцев, добившись чина полковника и прельщенный молодою женою, сюда ехать не намерен и даже оставляет службу. О брате моем Ермолове уведомлю тебя после. Если бы можно его сделать полковником при производстве по армии, это было бы большое для него счастие, ибо старшим будучи из восьми детей, он должен заняться устройством разоренного и оскудевшего имения. Тогда был бы он в Москве и хлопотал по делам. Если же невозможно, тогда в полк к старшему полковнику. Я напишу куда именно. Прощай! Поклонись: Красоте, Крепкой натуре, Котляревскому, Адаму Ивановичу, брату Кондратию, Быкову, имеющему вид типографического пресса.

Будь мне тем же приятелем, душевно мною почитаемым.

А. Ермолов

Прилагаю копию с ответа на рескрипт о продовольствии войск.

Стихи подполковнику Наумову[17] по случаю приуготовления к празднику в Новый год

Любимец Марса, Терпсихоры,
Отец разводов и забав,
Которого проникли взоры
Различных сих вещей в состав;
Тебе единому возможно,
Соединять в себе не ложно
Толико нужных нам доброт.
Дежурством славно управляешь,
В парадах войски учреждаешь,
И в играх — веселишь народ.
Куды свой взор не обращаю,
Везде плоды твоих забот;
То хитрый вымысел встречаю,
То неусыпных след работ.
Одной рукой кроишь мундиры
Другой настраиваешь лиры
И слух наш ими веселишь,
То обелиски воздвигаешь,
Огнями взоры поражаешь
И пальмам цвесть зимой велишь.
Прости, что слабый глас дерзаю
К тебе возвысить ныне мой,
В усердьи пламенном желаю
Прославить гений редкий твой;
Хвала тебе пусть раздается,
И слава о тебе несется
К далеким невским берегам,
Чтоб сам Сипягин[18] изумился,
В тебе собою возгордился,
Дивяся таковым делам.

Сочинил *Е[рмоло]в*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 38–42

М. С. ВОРОНЦОВУ

Тифлис, 10 января 1817

Любезный брат Михаил, редкий из человеков!

Вчера получил письмо твое от 4 (16) октября. Как гора свалила у меня с плеч, ибо ты увидел, что шутка, заключавшаяся в прежних моих письмах, была без всякого намерения вреда. Не понимаю, как прежде ты не хотел того заметить. Можно ли таким образом вредить кому-нибудь, не только тебе? Не потерпел бы то Арсений, который тебе добрый и верный приятель; а он писал одно и то же. Признаюсь тебе, что неприятно мне было одно место в прежнем

письме твоем; вот настоящие слова: «легко и не рассмотревши меня судишь и публично хулишь». Если бы я мог сделать первое, то всеконечно последнего не умею. В этом даже неприятели меня оправдают, которых не люблю я хулить, а просто ругаю без церемоний. В отношении к тебе, с которым обещали мы всегдашнюю один другому дружбу, что могло вызвать меня на подобный поступок? Ты еще меня не знаешь. Но довольно; обратимся к другому.

Я здесь живу очень счастливо. Нет никаких развлечений. Вечная работа. Доселе потому бесплодная, что скорый мой в Персию отъезд препятствует взяться за дело порядочно. Приеду назад, и если меня потерпят здесь, надеюсь что-нибудь сделать. Надобна истинная любовь к пользе отечества своего, чтобы решиться жить долго между народом, каков здешний. Я не вижу ни признательности к правлению, устраивающему благо его, ни приверженности к Государю, столько для него милосердому. Исключая небольшое число служащих военных, прочие не стоят тех попечений, которые о них имют. Давно ли был бунт в пользу царевича[1], которому глупостию и подлостию нет равного. Завтра большая часть Грузии будет за него, если легковерному и несмысленному здешнему дворянству чуть обстоятельства покажутся благоприятными. Словом, этот народ не создан для кроткого правления Александра, для него надобен скиптр железный. Прочие здесь народы гораздо лучше. Они знают свое невежество. Не в претензии быть людьми. Их так разумеешь и по мере того терпеливо ожидаешь их образования. Оно тогда только возьмет свое действие, когда в ханствах введено будет российское правительство и истребятся ханы[2], в пользу которых даны чрезвычайно выгодные трактаты, вначале вырванные у нас необходимостию, в продолжение времени утвержденные слабостию и неспособностию начальствовавших здесь после князя Цицианова, человека единственного! Граф Гудович, *гордейший из всех скотов,* и по ненависти к князю Цицианову, вменил себе в долг делать все вопреки его предначертаний, принял беглеца из Персии и сделал ханом шекинским. Хан карабахский, болезненный и бездетный человек, не оставлял по себе наследника. Ртищев, *создание совершенством неспособности отличное*, определил ему наследника Джафар-Кули-агу, который бежал в Персию, нес против нас оружие и, подведя персидские войска, истребил наш один баталион. Ртищев посылал к нему в Персию, согласил возвратиться, простил его преступление и именем Государя наименовал наследником ханства[3]! Вот две прекраснейшие и богатейшие провинции, потерянные надолго для России. Если бы только одна глупость начальников была причиною, но тут вмешались гораздо гнуснейшие причины. Ртищев был человек добрых весьма свойств и намерений, но *мерзавка-жена*[4], распутная и корыстолюбивая, окружающие мошенники и явные грабители управляли им самовластно, а он, слабая и, может быть, и не совсем невинная тварь, допустил ужасные распутства. Вот, любезнейший друг, беспорядки, которые предлежит мне исправлять, тогда как ни способов, ни способностей не имею. Здесь надобно другого князя Цицианова, которому я удивляюсь и которого после смерти почувствовали здесь цену. Но земля вообще чудесная изобилием и сокрывает большие сокровища, которые ждут, чтобы коснулась их искусная рука. В нынешнем году предоставлено свободное ископание руд,

которые до сего времени были в большой наклад казне. Появились свинцовые руды, которым нет во свете подобных богатством; например, из пуда камня или материи достают 30 и 32 фунта свинцу и 6 и до 7 золотников серебра.

Военная здесь часть в ужаснейшем расстройстве. Лучших начальников не стало. *Котляревский*, единственный человек, за ранами не мог приехать, подал даже просьбу в отставку, но его не отпустили. *Лисаневича,* славного и храброго офицера, ты подговорил, а он мне дал слово послужить со мною года два. Мне бы он большим был пособием, совершенно зная землю и наших сосдей. Мне здесь не много помощников.

В Персию я еду не прежде конца февраля или в начале марта. Там собираются большие силы для того, думаю, чтобы при переговорах сохранить уважение. Впрочем узнать нельзя. Политика *в красном мундире*[5] много там действует. Трудно узнать точные намерения правительства, никакой постоянной системы политической не имеющего. Шах, роскошный и распутный человек[6], желает дожить конца в сластолюбии, но на него действуют внушения. Корыстолюбивым вельможам война дает в руки большие сокровища. Увидим, что будет. Из *Тегерана* непременно пишу к тебе. Прощай, любезный и редкой брат. Извини, если длинно письмо. Ты желал, чтобы я обо всем писал. Прощай! Люблю тебя душевно. Надеюсь на твое расположение и дружбу, когда меня узнаешь более.

Душевно преданный *А. Ермолов*.

Ты называешься прислать мне книг, то сделай дружбу, пришли: Précis des événements militaires par Dumas*[7]. Не забудь вновь вышедших двух книг его. Если вышла L'Histoire de l'Arménie par Cirbied**[8], так мне ее назвали, пришли.

Благодарю за экстракты писем *Сабанеева* и *Бенкендорфа*[9]; первого мнение чрезвычайно мне лестно, как славного офицера и человека достойнейшего, но оно происходит от расположения его ко мне. Последнего благодарю за делаемую мне честь, но он совсем меня не знает и мало даже знаком со мною. *Злодейка* где, не знаю. Разлука уже не огорчает, ибо и надежды нет когда-либо видеть. Помню однако же, сколько начинал я иметь к ней привязанности. *Черные Глаза*, я слышал, прекраснейшая, как ангел. Ты легко можешь с нею видеться; можешь быть счастлив, судя по началу. Какая различная со мною участь!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 47–48 об.

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 20 января 1817

Любезный друг, Александр Васильевич.

Я редко пишу к тебе, но причиною тому не лень, нечего писать. Жизнь совершенно единообразная, занятия постоянно одинаковые, не представляют случаев, о которых или достойно или же любопытно было бы сообщить приятелю. Я живу не скучно, ибо упражнение сокращает время. Работаю сколько

---

* «Обзор военных действий» Дюма (*фр.*).

** «История Армении» Кирби (*фр.*).

умею, но вижу, что великой нужен Героизм, чтобы решиться долго жить здесь. Ужасные предстоят труды желающему ввести какое-нибудь благоустройство. Первые к тому орудия, по необходимости почти везде, а здесь и более нежели где-нибудь, должны быть избраны из числа дворянства. Здесь оно крайне необразованно. По свойству прежнего правления царей получило свойства властолюбия, своеобычливости и неимоверной к деньгам алчности. А как власть царей неограниченная, должна была порождать ропот и неудовольствие, то в сердцах его легли семена неблагодарности и теперь надобны чудеса, чтобы оно на что-нибудь могло быть годным. В первом в нем нахожу я препятствие ко введению устройства и, если уже привыкаю к глупому его упорству, никак не могу привыкнуть к неблагодарности. Ты удивишься, если скажу тебе, что гораздо легче ввести порядок в землях магометанских, нежели между грузинами. Правда, что успехи будут медленны, но, по крайней мере, не будут упорствовать против пользы и удобны ее чувствовать. Грузины, а более армяне, ничего кроме личной пользы не хотят понимать. Сии последние точные жиды, со своими отличающими их качествами. Я предвижу, какую борьбу иметь буду против закоренелого невежества и своеобычливости. Однако же я решился и меня не отвратят трудности.

Позволь, друг любезный, по праву тобою мне данному, прибегнуть к тебе в моих надобностях. Здесь ничего достать нельзя, а мне нужен *фаянсовый сервиз*. Сделай дружбу, купи мне два комплектных сервиза. Один английский с хорошею цветною каймою, подобный тому, что я у тебя видел; а другой — обыкновенный белый. Прошу, чтобы блюд было мелких много и весьма много тарелок. Пожалуй, похлопочи, любезный Александр Васильевич Кутузов[1] уверил меня, что на то весьма достаточно тысячи рублей, которые посылаю. Если же бы, чего впрочем не ожидаю, остались деньги, купи дюжин пять хороших толстых стаканов гладких и несколько графинов. Будущим летом отправятся из Петербурга лодки астраханского купца Сапожникова. Его приказчик явится к тебе, и ему уже доставленные можешь отдать сервизы. Поручи сделать хорошую в дальний путь укладку. Все сие нужно мне по возвращении моем из Персии. Я думал найти все нужное у предместника моего, но обманулся, думаю потому, что нашел его оставшегося налегке, а жена и обозы отправлены уже были в Россию. Можно бы было уступить что-нибудь наследнику, ибо о составлении хозяйства оба они весьма заботились, как после мог я узнать. А я должен был заплатить ему за изломанные столы и стулья.

Прощай! Поклонись от меня почтенной Надежде Петровне. Поцелуй детей и невесту, не исключая Владимира особенно. Он будет славный человек. Люби меня по-прежнему. Чрез Закревского можешь верно писать. Письма будут доставляемы ко мне в Персию. Всегда известие о приятеле делает удовольствие, в отдалении необходимо более. Повидайся с Лебрехтом[2], возьми у него форму моего портрета, снятую с того, что ты видел у меня из камня сделанный. Я настоящий подарил сестре, а некоторые из приятелей желают иметь мою рожу.

Прощай!

Душевно любящий *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 60–61 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 26 января 1817**

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич!

Обещавши писать с каждым фельдъегерем, хотя недавно отправил одного с бесконечным письмом, теперь пишу опять.

Я отправил списки по 20-й дивизии и гренадерской резервной бригаде для производства на вакансии. Сделай дружбу, ускори производством. Бедность ужасная в офицерах, особливо в баталионных командирах. При производстве некоторые хорошие выйдут в штаб-офицеры. Списки 19-й дивизии доставлю после. За отдаленностию нельзя было достать скоро. Здесь есть у меня генерал-майор Тихановский[1], старый весьма офицер и довольно много служивший, но утомленный службою, силы свои нередко укрепляет такими средствами, которые ноги ослабевают. Нельзя ли меня избавить от него, вызвав в Россию. Или, по крайней мере, сделать его по армии, ибо он человек способов для истиной службы весьма ограниченных и я, лишась его, ничего не потеряю. Сжальтесь надо мною, и без него есть у меня генералы ни на что не годные. В сем смысле особенно рекомендую Загорского[2], Мерлина[3], хорош и Пестель[4]. Он поехал в отпуск и лично будет иметь честь представить тебе свою неспособность. Хотунцов[5] у меня умнее их многих. Он отправляет должность имеретинского царя. Горд как великий визирь. Ни с просьбою, ни с делом нет к нему доступа. Запасся прекраснейшею женою. Участь лиха, не вставиха! а бережет, как будто одной мало. Сидит у самого входа в святилище и ничего более не делает! Описал бы вам других, но боюсь быть увлечен строгостию в обличении. Я писал к тебе о полковых командирах гренадерских полков. Если не сделал ты никакой еще перемены, то останови оную до возвращения моего из Персии. Из некоторых при строгом присмотре можно что-нибудь сделать. Если нет, представлю к истреблению.

Позволь теперь, любезный Арсений, собственную мою принесть просьбу. В 5-м карабинерном полку есть подпоручик Каховский[6], сын родного брата моего[7], молодой и весьма хорошо воспитанный юноша. Поговори с князем Петром Михайловичем, чтобы он доложил Государю, что я прошу о переводе его в гвардию и определении ко мне. Это один ближайший мне родной и которого хочется мне сделать способным на службу Государя. После меня останется он, которого приготовлять я буду как сына. Если вы меня находите на что-нибудь годным, то я ему сообщу мое к службе усердие и правила. Если невозможно перевести его в старые полки гвардии, то в молодые. Ежели же и того сделать не захотят для меня, то прошу о переводе в 7-й карабинерный полк. Это уже не большая милость, ибо сюда в Грузию присылаете вы за наказание. Постарайся, любезный Арсений, прошу, как друга и брата. Кому не удавались подобные просьбы?

Здесь в Нижегородском драгунском полку есть разжалованный из Кавалергардского полка в солдаты Розен[8]. Исходатайствуйте ему прощение в память родного дяди его покойного генерала Ваврженцкого[9], который привержен был

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 февр[аля]», «Отвеч[ено] 11 марта».

собственно Государю и всегда усердствовал пользам России. Возвратите его в гвардию. Бог свидетель, доброе дело!

Новое о прибавке жалованья положение должно приводить в отчаяние артиллерийских генералов. Неужели командующие артиллерией в корпусах не могли быть сравнены с бригадными командирами? О них нет ни слова, и нет им столовых денег. На Литейной пребывание артиллерии[10], кажется, по соседству. Неужели могла она не прийти на память?

Повторяю просьбу мою о Кутузове. После меня не будет ему здесь житья без ленты. Здесь они бывали на ханах. Странно будет видеть начальника без оной. Я правду говорю! Азиатцев поражают наружности! Я как представляю пред них свою фигуру в 9 вершков ростом и с широкими плечами, так они и думают, что я настоящий начальник и что в назначении моем не одна была воля Государя, но и самый произвол небес. Прибавь к сему три звезды и пасмурную рожу — все трепещет! У Тормасова[11] сего последнего недоставало, а с нежною усмешкою и румяным лицом не признают за посланца небес. Что-то и в Ртищеве нашли сумнительного, не знаю!

В рассуждении Кутузова я ожидаю, что по первому моему письму вы пришлете мне бумагу, по которой провозглашен он будет сея страны повелителем. Это необходимо. Я уже писал к Белому[12], что именем его я учреждаю здесь его начальником, но это решительно, ибо есть старшие. На них, однако же, невозможно положиться, потому что не с тою доброю волею, не с тем жаром возьмутся за выполнение моих приказаний после моего отъезда. А здесь в том и главнейшая вина была начальников, что почти каждый поступал непременно вопреки намерений предместника. По несчастию, после славного Цицианова был глупый Гудович, а что еще хуже, был непримиримый Цицианова неприятель. Не знаю, любезный Арсений, не надуваешь ли ты меня, показывая желание знать о том, что здесь происходит и что делать я предпринимаю.

Грузия, если Бог благословит нас необходимым миром, придет мало-помалу к устройству и спокойствию, но меня терзают мерзавцы чеченцы, которых по возвращении из Персии должно наказать непременно. От Моздока до Кизляра нет спокойствия на линии. Беспрерывные хищничества, увозят и убивают людей. Слабое на линии управление избаловало поселенных казаков, и они нерадиво охраняют порученные им посты. Пустились в промыслы, завели пивоварни, мельницы и день ото дня делаются похожими на мужиков. Дайте мне возвратиться из Персии. Побываю на линии и приведу их тотчас в порядок. Будут по-прежнему славными казаками. Это не донские казаки, мечтающие, что они составляют особый народ, и которого вредные преимущества правительство беспрестанно подтверждает грамотами.

Я уже предупредил своих, что распутства их заставят меня дать им регулярных войск начальников и что тогда только можно ожидать от них порядка и настоящей службы. Это необходимо надобно будет привести в исполнение. Я по одиночке берусь их перещупать. В рассуждении чеченцев я не намерен следовать примеру многих господ генералов, которые, нападая на них в местах неприступных и им знакомых, теряли множество людей, им не наносили вреда, напротив, всякий раз утверждали их в мнении, что их преодолеть невозможно, и по сочинении пышной реляции, уверив правительство в геройских своих подвигах, возвращались, озлобив их более прежнего. Я приду на реку

Сунжу в места прекраснейшие и здоровые. В горы ни шагу! Построю редуты и хорошие землянки, соберу посеянный ими хлеб и целую зиму не позволю им пасти свой скот на плоскости[13]. Продовольствие сыщу у народов, называющихся приязненными нам, мирными. Это злые мошенники под личиною друзей, участвующие во всех злодействах чеченцев, пропускающие их чрез свои земли и дающие им убежище. Останусь до тех пор на Сунже, пока выдадут мне всех наших пленных, заплатят деньги за убытки частных людей, или если достану денег довольно, то на Сунже заложу порядочную крепостцу, в которой расположу некоторую часть войск, теперь на большом расстоянии по линии рассыпанных. С будущею весною уже распоряжено у меня построение одного сильного редута на Сунже от стороны Владикавказа, о чем просили меня горские народы, враги чеченцев, желающие выселиться из гор на плоскость для удобного хлебопашества. Некоторые из таковых народов уже выселились, в короткое время разбогатели, развели и скот хороший и хлебопашество изобильное. Честь сия принадлежит собственно генерал-майору Дельпоццо, который честностию своею, бескорыстием снискал доверенность у некоторых горских народов и умеет с ними обращаться, когда обстоятельства не требуют ни твердости, ни строгости. Жаль мне, что при всех добрых и почтенных его свойствах, он слаб чрезмерно.

Вы не обойдетесь без того, чтобы переменить его, но надобно старику дать место, которое было бы довольно почетное и могло вознаградить перемену. Не испугайся намерением моим наказать чеченцев. Я ничего не предприниму без верных расчетов и без себя ничего сделать не позволю. Стыдно нам платить дань и не уметь её избавиться. Со времени прибытия моего сюда переменились в турецких смежных с нами областях начальники и поведение их в отношении к нам гораздо лучше прежнего. Сие удержит в спокойствии закубанские народы, которые делают беспрестанные хищничества на линии, а более еще в землях черноморцов[14]. Сии последние в команде Ланжерона[15], а потому поговори ты с князем Петром Михайловичем, что к черноморцам надобно непременно поставить один полк пехоты, дабы держать в почтении закубанцев. Казаки одни не сладят с ними, а в Крыму праздно стоят полки. Содержание полка на Тамани будет стоить дешево, и черноморцы охранятся от утеснения горцев, которые вредят ужасно богатой их промышленности. Хотя сие не принадлежит до меня, но я пишу тебе как другу.

Подобно брату Михайле, хочу и я напасть на список генеральский. В нем неверно поставлено старшинство генералов. Я не по себе то примечаю, но в генерал-майорах и мой Кутузов надут ужасно.

Прощай, почтенный Арсений. Не сердись, что много пишу, ты желал того сам, и я признаюсь, что весьма большое удовольствие говорить чистосердечно доброму приятелю.

Брат Михайло пишет к Змею[16], и я отправляю манифест. Отошли его, сделай дружбу вернее. Это дело, касающееся обстоятельств здешнего края. Прощай!

Верно любящий по смерть *А. Ермолов*.

С Тихановским что хочешь сделай, только лучше, чтобы его здесь не было.

Мадатов преблагородное существо и мне здесь весьма полезен.

Он должность свою отправляет похвальнейшим образом, как лучше я не желаю, и уверен, что приказание всегда исполнено в точности. Всегда честно и бескорыстно. По-русски еще лучше стал говорить и руками важно разводить. На сих днях жду его к себе.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 43–46

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 19 февраля 1817**

Письмо твое, почтенный Арсений Андреевич, получил и от души благодарю тебя. Ты возлагаешь на меня самое приятнейшее поручение писать тебе обо всем обстоятельно. Это так сходно с собственным желанием моим, что не нужно мне подтверждать о том.

Все просьбы мои исполнены и так скоро, как никогда прежде не делывалось. Я вижу работу полезного и доброго Арсения. Благодарю за Пузыревского. Не знаю, будет ли он благодарить, ибо назначенное ему место, по совести, несравненно хуже Сибири, но если полк так устроит, как я требую, представлю в полковники за отличие и уверен, что никто не позавидует. За Берникова[1] не благодарю, но знаю, что не твой выбор и делать нечего. Я признаюсь тебе в ошибке моей, что не представил подполковника Рябинина в полковые командиры, и у меня лежит это на душе, ибо он один из самых лучших здесь командиров и полк Херсонский гренадерский, которым он командовал, лучше всех других. В Херсонском полку я для того не желал его иметь, что он давно не был употреблен против неприятеля, а Херсонский полк не имеет славной репутации и оную составлять должно, но всякий другой полк он лучше многих устроит. Я представляю его в командиры Севастопольского полка; прошу, почтенный Арсений, исходатайствовать утверждения, и если нужно, то скажите даже, что я в нем ошибся и признаюсь, однако же, в ошибке, ибо я дал слово ни одной из них не скрывать. Благодарю за Кутузова, отличный сей офицер много мне здесь полезен, но что вы делаете со мною, что не назначаете его начальником во время моего отсутствия. Вы не воображаете, сколько вы делаете мне хлопот. Если бы было повеление, никто бы и роптать не стал, но я на себя накличу проклятие старших. Не менее, однако же, если и не получу, я учреждаю его начальником.

О бригадных посылаю представление. Вы требуете, чтобы я непременно одного из своих избрал в гренадерскую резервную бригаду. Я повинуюсь, но слезы на глазах у меня, что прекраснейшую сию бригаду должен отдать князю Эристову[2]. Он храбрый весьма солдат, но чрезвычайный грузин. А кровь грузинская немного лучше армянской. Не будет уметь обходиться с офицерами, а здесь молодым надобно давать воспитание. Здесь нет городов, кроме гнусного Тифлиса, вообще нет общества, где бы молодой офицер мог иметь добрые примеры в наставление. Они вечно в землянках, вечно между собою. Сверх службы никаких занятий, и большая часть оканчивает карьеру фрянками[3] или пьянством. Начальнику нет другого средства к поправлению, как просить

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 марта», «Отвеч[ено] 6 апреля».

судьбу о чуме. Она часто посещает край сей, но предместники мои не умели воспользоваться благотворительным ее действием. Я постараюсь обратить ее в пользу. Производством в генералы вы мне надавали множество лишних, но я нашел всем место. Генерал-майор Хотунцов, которого предместник мой сделал управляющим Имеретиею и управлением которого я не весьма доволен, представил прошение в отпуск на год. Сделай дружбу, постарайся, чтобы скорее отпустили. Я боюсь за фельдмаршала Барклая, чтобы не отнял он у него команды. Он так стар в генеральском чине. Исходатайствуйте ему жалованье на время его отпуска, ибо он человек бедный. Я его не видывал, но говорят, что он весьма не глупый человек и могущий быть годным на дело, но горд как визирь и зол как чесотка.

Сему вояжу он мне обязан, я порядочно любезных товарищей прибираю к рукам. Кроме славного Котляревского, все прочие позавелись хуторами, табунами и хозяйством, а полкам от того ни малейшей нет пользы. Мерлини — дрянное существо, ни на что для службы не надобное, имеет до тысячи штук скота и лошадей. Теперь, сдавая полк, вдруг пополняет всех недостающих в нем лошадей, в один казачий полк продал он 70, и под экипажем его выходит на Кавказскую линию слишком 40 лошадей. Вот как командовал он полком! Но кончились эти счастливые времена. Теперь, если будут какие небольшие выгоды, будут и расходы в пользу полков. Я делаю представление, коим Мерлини лишается бригады. Что за снисхождение к дряни. Ее так много, что нельзя опасаться всея перевести, а надобно когда-нибудь начать. Если несправедливо от каждого требовать чрезвычайных талантов, то, по крайней мере, не надобно давать быстрого хода совершенно неспособным, и то еще будет мера весьма человеколюбивая. Сим человеколюбием одушевленный, представляю я Загорского в бригадные командиры. Свидетельствуюсь Богом, что он дурак, но по крайней мере за него ходатайствует долговременное служение, и как человек, на которого навел я ужасный страх, он будет слепой исполнитель воли. Здесь полезно завести институт подобных слепых, и будет! Курнатовский[4] — старый офицер, храбрый и неглупый, гоним будучи Ртищевым, жил в службе без пользы: я приехал, поддал старику охоты, и он у меня делает чудеса. Его представляю я на место Хотунцова в бригадные командиры. Обясните Государю, что это потому нужно сделать непременно, что та бригада расположена в Имеретии, управление которою хочу я возложить на Курнатовского. Он все будет делать как должно, и его там любить будут. Если же бы случилось, что не годится (в чем, однако же, сумневаюсь), то он, как временный начальник и Государем не утвержденный, тотчас будет мною истреблен. Мадатов служит похвальнейшим образом. Заботится о сохранении солдат; войски у него довольствуются и хорошо и дешевле других. С ханом умно ладит, и я надеюсь с пособием со стороны его успеть ханство Карабахское по смерти хана обратить в российский округ. К сему приуготовляются там разные люди, и, может быть, даже достанем бумагу от хана, что он после себя не допускает никакого наследства, а ханство поручит милосердию Государя. Сие для того нужно, чтобы дать законный вид действию моему. Впрочем, так или нет, по смерти хана ханству не бывать; у меня готовы другие меры и также имеющие благовидную наружность. Я прилагаю у сего рапорт мой Государю в копии, из которого все увидишь. Доведите до Государя о службе Мадатова.

Что вы не присылаете сюда губернатора; генерал-майор Сталь[5], хороший весьма офицер, человек очень честный, но не годится быть губернатором и быть им не желает; мне весьма нужен способный, а паче еще хороших свойств человек, ибо он главнейший мне помощник и один, который может способствовать к преобразованию свойств грузин, весьма свинских и гнусных. Господа сии начинают также понемногу привыкать повиноваться, чего до сих пор не знали. Они попробовали устрашить меня, что неудовольствия могут произвести неприятные следствия, а я им толкую, чтобы и не смели думать о бунтах, что я имею единственное средство укрощать их, но что потому только не люблю их, что большею частию страждет невинный и глупый, а настоящих зачинщиков обыкновенно весьма немного и для них не стоит проливать кровь. Толкую им, что прежде не так здесь усмиряли бунтовщиков, а что я так искусно обращать умею к обязанностям, что на сто лет выбью из голов не только действие, но даже самое слово бунта.

Если пять лет продержите вы меня здесь, то ручаюсь вам, что будет кое-что заведено порядочное и наследнику моему передам грузин шелковых. В продолжение сего времени надеюсь сладить с ханами. Я уверил магометан, что я сам из татар, что, служа России, недавно отцы мои переменили закон. Они рады чрезвычайно, и я с ними важно поступаю. Если бы случилась война, увидишь как любезных моих магометан будут резать вместо русских. Ежели персияне имеют глупость помышлять о войне, они не будут в барышах. Здесь все делал один Котляревский, а другие весьма мало или ничего. У меня нет Котляревского, но будут делать все, кто что умеет, и общим всех усилием я дам порядочную валку. С моей стороны будь уверен, почтенный Арсений, я войны не затею, и если возможно пристойным образом, то уклонюсь ее. Я замышляю дома большие дела, к которым нельзя будет приступить, если извне будут меня беспокоить. Не бойся, Арсений, не посрамим земли русской!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 48–51

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис], 22 февраля 1817**

Что не разрешаете вы мне построение казарм и не даете просимых на то мною денег? Иначе не достигну я уменьшения потери солдат. Против злодейского здесь климата есть некоторые предосторожности, но доселе нестрого они соблюдаемы были. С выступлением весною в лагерь, я приказал начать испытание, и убыль людей в будущем году надеюсь будет менее; но, когда построю казармы, отвечаю честию моею, что вы увидите вдруг разницу. Доселе все почти умирающие те, которые занемогли в июле и августе месяцах. Это время здесь убийственное и которого наиболее остерегаться должно.

Весною у меня движение в войсках. 7-й карабинерный полк стоит теперь на аванпостах; я привожу его ближе к Тифлису, чтобы гренадерскую бригаду иметь вместе. На его место станет другой. Расположение войск соображаю

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 марта», «Отвеч[ено] 6 апреля».

с удобностию продовольствия. Доселе в некоторые места перевозка провианта стоила дороже, нежели самый провиант. В сих последних распоряжениях имел участие управлявший при Ртищеве военною частию обер-аудитор Ключин[1]. Вот разбойник, которого если не истребишь, Бог тебя накажет! У меня продовольствие идет важно и никогда так дешево не бывало. Провиантские находятся на пище святого Антония[2]. Подвело бока, рожи постные и меч, висящий над главою управляющим комиссиею.

Я очень доволен, скажи о том Коновницыну.

Теперь принимаюсь за комиссариат. Никогда из Дмитревского депо не присылают вовремя аммуниции, никогда, не доставляют полной. Ежели пришлют сукно, не отпустят подкладки. Теперь потому остановлены выбранные из Нижегородского драгунского полка люди, что не пришла аммуниция и одеть нечем. Весною отправлю в самое лучшее для дороги время. Мне хочется из крепости Св[ятого] Димитрия[3] перевести комиссариатскую комиссию в Ставрополь. Там построены новые казармы для квартировавших некогда драгун. Строения прекрасные и для войск на линии никогда не будут надобны. Жаль, если без пользы обрушатся. В крепости Св[ятого] Димитрия комиссариат довольствует весь Грузинский корпус и сверх того одни только войска в Крыму стоящие, которых весьма немного; их можно обратить к какому-нибудь другому депо, и не с меньшею удобностию. Казне стоит чрезвычайно дорого перевозка аммуниции в Грузию, а когда будет комиссариат в Ставрополе, начальник войск на линии и губернатор, оба подчиненные мне, доставят ее и дешевле гораздо и всегда в удобнейшее время. Теперь, как нарочно, идут транспорты, когда в горах ужасные снега и самые трудные сообщения. Я пишу о сем военному министру и князю Волконскому. Если найдете мысль мою основательною, прошу поддержать; если нет, откажите. Я не имею глупого самолюбия думать, что предложений моих не может быть лучше. Только не браните, ибо всегда я их делаю, имея в виду пользу. За ошибку наказывать не должно!

Я помышляю теперь о заведении на сто человек кадетского корпуса. О сем предложено было Тормасовым и возвращено для соображения, но не отказано. Нужно сделать некоторые перемены. Здесь есть училище для дворян самое несчастное[4]. Во время Цицианова при самом учреждении оного выходили полезные люди, а после совсем нет. Государь по милосердию своему определил на содержание училища доходы двух провинций, составляющие до 13 тысяч рублей серебром. Теперь без всякой пользы выходит до 10 тысяч и ученики без всякого образования остаются теми же грузинами, то есть совершеннейшею дрянью. Надобно из них сделать русских, а иначе нельзя сделать, как содержа их подобно кадетам, то есть отлуча от родительского дома, где получают они теперь самые гнусные примеры невежества, грубости и закоснелости в глупых правилах. Первоначально их употреблять в здешние полки на службу, а потом понемногу переводить в Россию. Таким образом между здешним дворянством, со временем, водворим мы такой образ понятий, какой согласен будет с намерениями и целью правительства. Иначе они останутся тою же тварью ни на что негодною, как и теперь большею частию.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 52–53

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис], 24 февраля 1817**

Надобно сказать тебе что-нибудь и о гражданской части. Не берусь я истребить плутни и воровство, но уменьшу непременно; а теперь на некоторое время приостановилось. За недостатком знания в делах я расчел, что полезно нагнать ужас, и пока им пробиваюсь. Насчет грабительства говорю реча публично и для удобнейшего понятия в самых простых выражениях. Открыл несколько достойных людей и посредством их разные нечистые дела. Уже наложил секвестр на имущество всех членов казенной экспедиции[1] и произвожу ужасное дело в утраченном от нерадении казенном доходе. Учредил в городе полицию, которая существовала по имени и наполнена была здешнею канализею и гнуснейшими из армян. Установил квартирную комиссию, которой и не бывало. Дворянство и прочие сословия не хотели избрать членов в оную и тем показать, что можно противиться воле начальства и узаконениям. Дворянство скоро согласилось, ибо ближе ко мне будучи короче узнало мои правила ничего не уступать из того, что потребовано. Граждане и купечество, избалованное нелепыми преимуществами, имели несколько шумных собраний и немного оказали себя дерзкими. Я велел сказать, что я их запру и не дам есть, пока не изберут, и некоторых как возмутителей посажу в крепость. Но, что если они приказание мое почитают за угнетение, они имеют право жаловаться на меня Государю, и что я просьбу их доставлю вернейшим образом. Тотчас выбраны были депутаты и все в наилучшем порядке. Теперь бедные из жителей, которые ужасно утеснены были, увидели свою пользу и благословляют, а как таковых более нежели богатых, то я имею за себя большинство. Квартирная комиссия действует с успехом. В бывшей прежде полиции нашел я слишком 600 нерешенных дел и за 12 лет неразобранные дела и без всякой описи. Я избрал полициймейстера нового, человека расторопного, двух прежних полициймейстеров и секретаря исполнительной экспедиции[2], человека, здесь весьма могущего и плута, посадил в полиции под караул, и менее нежели в две недели дела за 12 лет приведены в известность, составлена им опись, сданы в архив и отделены нерешенные. Сия мера произвела здесь важное действие. До тех пор как не узнают коротко правил моих и точного намерения сделать пользу здешнему краю, мною будут недовольны и дойдут вопли до вас посредством разных армян, но вы не бойтесь, все будут довольны впоследствии. Я страшусь ваших филантропических правил. Они хороши, но не здесь. В здешнем краю и добро делать надобно с насилием. Не беспокойтесь, все будет исправно! Я толкую здесь, что, взяв на себя охранение земли и дав высокое покровительство Грузии, Россия должна повелевать властию, а не просьбами. Что грузины дышут могуществом России, нимало его собою не утверждая. Что в ограждение их льется кровь наша и в защиту собственной земли их ни одной капли они не проливают. Что подданные здешних стран народы разной веры с нами никогда против России не поднимали оружие, а единоверцы грузины не переставали возмущаться. Поучения мои, всегда основательные и справедливые, производят очевидную пользу. Дайте время и увидите ощутительные

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 марта», «Отвеч[ено] 6 апреля».

плоды, но нет ничего легче, как их уничтожить. Пришлите после меня одного подобного тем, какие были прежде, и я вас поздравлю с успехом.

Посылаю у сего копию предписания моего к одному хану. Надобно тебе заметить, что преступления его все сделаны до моего прибытия и предместнику принесена была жалоба[3]. Были причины, что по ней не сделано изыскания. Один из потерпевших, услыша о скором моем приезде, дождался меня, скрываясь в городе, и подал мне жалобу. Тебе даст предписание мое некоторое понятие, как я здесь поступаю. Между тем, однако же, с ханами, заслуживающими внимание, я приятель. Есть имеющие сильные связи и партии, тех глажу по шерсти до времени, но к счастию такой один и истинно молодец и верит в меня как в Магомета. Этого признаюсь, что надул исправно. Ты и не таких обрабатываешь и даже христиан. Грех перед Богом!! Продолжение будет впредь.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 54–55

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 24 февраля 1817, после полудня**

Письмы твои, любезнейший брат граф Михаил Семенович, от 4 (16) декабря и 5 (17) генваря, получил в одно время. Сие самое объясняет мне, отчего мои к тебе не доходят порядочно, хотя, впрочем, к тебе каждый месяц отправляются обратно твои курьеры. Благодаря газете, она известила тебя, что я обедал у *Ртищева*. До сего времени, кажется, нечего другого и сказать обо мне; я лучшего ничего еще не сделал. Хорошо еще, что не пишут в газетах, когда обедаю у себя дома, в том только бы и заключалось описание жизни моей. Кажется мне, нельзя и тебе ничего сделать, о чем бы не тотчас свету дано было известие. Твое положение несравненно приятнее моего. В стране просвещеннейшей, между отличнейшими людьми нынешнего времени, в вихре происшествий, обращающих общее всех внимание, в малом числе избранных, ты поставлен на вид не одним твоим соотчичам, но и всем другим, и всем отличные способности твои сделают тебя известным. Представь за сим, какая блистательная ожидает тебя *перспектива.* Усмотри разницу моего положения. Я в стране дикой, непросвещенной, которой бытие, кажется, основано на всех родах беспутств и беспорядков. Образование народов принадлежит векам, не жизни человека. Если бы на месте моем был *гений*, и тот ничего не мог бы успеть, разве начертать путь и дать законы движению его наследников; и тогда между здешним народом, закоренелым в грубом невежестве, имеющем все гнуснейшие свойства, разве бы поздние потомки увидали плоды. Но где гении и где наследники, объемлющие виды и намерения своих предместников? Редки подобные примеры и между царей, которые дают отчет народам в своих деяниях. Итак, людям обыкновенным, каков между прочим и я, предстоит один труд — быть немного лучше предместника, или так поступать, чтобы не быть чрезвычайно хуже наследника; ибо если сей последний не *гений,* то всеконечно немного превосходнее быть может. Итак, все подвиги мои состоят в том, что какому-нибудь князю грузинской крови помешать делать злодейства, которые

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 29 апр[еля] в Париже».

в понятии его о чести, о правах человека, суть действия ознаменовывающие высокое его происхождение. Воспретить какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши, который в образе мыслей своих не допускает существования власти, если она не сопровождаема истреблением и кровопролитием. Вот в чем состоят главнейшие мои теперь занятия, и я начинаю думать, что надобен великий героизм, чтобы трудиться о пользах народа, которого отличительное свойство есть неблагодарность, который не знает счастия принадлежать России и изменял ей многократно и еще изменить готов. Я, невзирая на то, начинаю помалу приниматься за порядок. Он здесь весьма незнаком, глупым головам кажется диким. Ропщут понемногу, меня не любят очень. Но я, когда что приказал, требую исполнения. Здесь после каждого приказания есть привычка трактовать об уступке, и испытывается, нельзя ли несколько не послушать. Помню князя Цицианова название *армяшки*. Вот род людей, буде людьми назвать пристойно, самый презрительный, у которого Бог — свои выгоды, и никаких в отношении к другим обязанностей. Европа не должна гнушаться жидами, они удобно покоряются порядку и при строгом наблюдении не более могут делать вред, как *армяшки*, во всем с худой стороны им подобные!

Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального образования обществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничижающих человечество. Когда возвращусь из Персии, введу перемену в образе их управления. Хан карабахский, как добрый, хотя слабый человек, по счастию болезненный и бездетный, не будет уже иметь наследника, и, конечно, после него не бывать там ханству. Шекинского владения хан, ужасная и злая тварь, еще молод и недавно женился на прекрасной и молодой женщине[1]. Каналья заведет кучу детей, и множества наследников не переждешь. Я намерен не терять время в ожиданиях. Богатое и изобильное владение его будет российским округом, и вскоре по моем из Персии возвращении. Подобные дела надобно производить решительно и не спрашивать повелений. Я сделаю опыт, который без сумнения и правительству понравится. Ты конечно помнишь *Мустафу,* хана ширванского. Этот поистине молодец. Подвластные его им довольны, беспокойств начальству нет. В земле похвальное устройство, и я сыскал его ко мне доверенность. С ним буду уметь ладить.

Прощай! Верь истинной дружбе почитающего тебя всею душою *А. Ермолова.*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 49–50 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 27 февраля 1817**

Благодарю тебя, любезнейший Михаил Семенович, за книги. Одна чрезвычайно любопытная; другая, то есть кампания 1812 года, есть не что иное, как продолжение военных сочинений последних времен Франции. Скажи мне хотя одну военную книгу, где бы более было справедливости? Разность в том

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 29 апр[еля] в Париже».

только, что гнусную ложь и подлую лесть Наполеону успехи его несколько оправдывали, и войны его, большею частию счастливые, но между тем не занимавшие всех народов Европы в одно время, могли некоторым из них казаться таковыми, как представляли их лживые описания. В 1812 году вся Европа участвовала, и надобно быть и дерзку и подлу, как французу, чтобы Наполеона сметь представлять человеком чрезвычайным. Слишком много было свидетелей, слишком много участников горестных происшествий, за которые проклятие преследовать будет Наполеона до гроба. Вот славные дела, которые превозносит сочинитель. Для чего скрыл он имя свое? Он в подлом французском народе нашел бы многих со своей стороны, и мог ли он, обнаружа себя, бояться быть более подлым? Французская нация, в сих отличающих ее свойствах, не терпит соперничества! Сочинитель избрал для описания самые верные источники, официальные, как называет он, известия, то есть bulletins de la Grande Armée*, и с нашей стороны, кажется, реляции партизанов. Какие заставляет он говорить речи! Какие отдает приказы! Водит армии наши, как хочет, везде бьет нас, сколько хочет, и если до сих пор существует Россия, то, кажется, и тем обязаны мы сочинителю. Я, любезный брат, если бы знал французский язык, как ты, непременно опровержением убил бы в гроб *подляшку француза*. Стыдно вам будет, если ничего не выдадите против гнусной и бесчестной сей лжи; или, по крайней мере, неужели ни один из русских офицеров не публикует в газетах, что сочинитель приглашается обнаружить себя для исправления некоторых погрешностей в своем творении, в чем могут ему способствовать наши офицеры их сведениями. Конечно, никто другой не возразит, ибо в 1812 году вся Европа была в услугах у Наполеона и перед ним на коленях. Каждый из народов имел свой участок бесчестия и срама. Выгода всех их молчать!!

Ты заботишься о Дельпоццо, и весьма справедливо. Он человек чрезвычайно усердствующий пользам Государя, истинно благонамеренный и правил примерной честности и бескорыстия. Я оказываю ему должное уважение и уверен, что ладить по службе буду. До сего времени я упрекал ему слишком большим снисхождением к подчиненным, отчего была кордонная наша стража весьма оплошна, но он стал гораздо строже, и пошло лучше. Упрекал ему великодушием и доверчивостию к горским народам, которые понятия не имеют о добродетели и всегда во зло употребляли кротость его, толкуя, что оная происходит от слабости и недостатка средств наших. Теперь он поступать принужден решительнее, ибо горцы сделались весьма наглыми и смеют делать величайшие хищничества. Самые даже *кабардинцы*, чумою в четвертую долю приведенные, истребляемые бедствиями всякого рода, позволяют себе разные дерзости. Сих последних приказал я смирить оружием порядочно. *Чеченцы* весьма усилились и нападают большими партиями на линию. До возвращения моего из Персии отложил я наказание их и без себя не позволю ничего сделать. Я намерен из *Дагестана* чрез *Андреевские слободы* и с *Терека* в достаточных силах прийти ко времени снятия хлеба на *Сунжу* и там, собравши хлеб, сделать небольшие укрепления и остаться на всю зиму, отнюдь не входя в горы. Андреевские богатейшие селения занять также войсками и прервать сношения и большой торг их с *чеченцами*. Тебе, думаю я, известно, что мы имеем редут

---

* Бюллетени Великой армии (*фр.*).

один на Сунже от Владикавказа в 25 верстах, к которому некоторые из горцев переселились и занимаются хлебопашеством. Они во всегдашней вражде с чеченцами и тем обеспечивают сообщение наше с постами по дороге к Моздоку. В проезд мой чрез Владикавказ другие из народов горских просили меня о позволении выселиться из гор и обрабатывать землю. Ты не сумневаешься, что я был доволен их намерением и тотчас согласился. Им определено место на Сунже, и приказано весною устроить для охранения их редут, которого они желали, и что в понятии их составляет страшную крепость. Народы сии также неприязненные чеченцам. Редут сей от первого будет далее в 20-ти верстах. Таким образом чрез несколько времени построится цепь редутов по Сунже, без всякой со стороны нашей потери, и при них заведутся селения, которые жители охраняя, будут между тем ограждать левый фланг Кавказской линии, который теперь открыт их нападениям. Я большую уже нахожу пользу, что вместо русских будут истребляемы другие и на линии водворится чрез то гораздо большее спокойствие и безопасность.

Прощай, любезнейший брат. Скоро отправляюсь в Персию, но прежде отъезда еще писать к тебе буду. Поклонись всем старым моим товарищам. За *Фалькенберга*[1] честь тебе и слава! Подобные представления еще более тебя любить заставят. Удивляюсь участи *Полторацкого*, что родные его не должны уметь говорить по-русски. У него была еще племянница такая же штука!

А. Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 51–52 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис], 28 февраля 1817, после полудня**

Ты разоряешь меня, почтенный Арсений, требуя от меня 40 экземпляров отдаваемых здесь приказов. На первый раз я посылаю их такое число, но сделай милость уменьши их в половину, по крайней мере. Бумага дорога очень и грех истреблять ее на подобные вещи. Храня экономию, я велел напечатать их вместе за все время до прибытия типографии. Не забудь приказать, чтобы доставляли ко мне приказы брата Михайлы; ты прежде обещал мне. Извините, что мои не красноречивы, я стараюсь в них употреблять слог для солдата вразумительный, а красноречие обращено на разные манифесты, к ханам посылаемые. Там, в восточном вкусе такая горячка, что и сам я часто не понимаю. Нет пощады ни луне, ни солнцу, ни звездам, достается зверям и всем гадам. Брат Михайло завидует, что не может таковых насылать на европейские народы. Здесь критики нет, пиши что хочешь, дело в том состоит, чтобы подвластные цари принимали с подобострастием. За сим наблюдается строго. Вы не знаете, жестокие люди, что приказами нашими истребляете нас. Доселе многие, подобно мне, с невинною простотою передавали чувства свои товарищам. Теперь как приказы делаются известными всем, мы начнем витийствовать и сделаем из сего особенную науку. Появятся и в мирное время реляции, военное законодательство и многое тому подобное. Вы будете судить о нас по про-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 марта», «Отвеч[ено] 6 апреля».

изведениям нашим, а мы в простоте души нашей не будем и подозревать того. Иной прямо в дураки! Но справедливая судьба отмстит вам за невинность нашу. Будут между нами и таковые, которые очаруют вас пленяющим слогом. Вы поверите их высокому уму, мудрым распоряжениям, усердию, ревности, трудам. И что из того? Вы надуты, а герой дурак дураком! Если бы можно было обязать каждого клятвою, чтобы чужие труды не выдавать за свою работу, поверил бы я, что страшный суд не после смерти человека. Многим можно бы было поставить в преступление, что и грамоте учились. И в Петербурге был бы перебор. Тогда сказал бы я, согласно священному писанию: из дел твоих сужду тя, рабе лукавый.

Обратимся к делу! У меня страшный недостаток в офицерах. Сделай одолжение пришли несколько душ. Я никогда не забываю преостроумного сего выражения. Мне кажется, что их сюда и присылать надобно, ибо при слове «душа», тотчас рождается мысль о будущей жизни человека, а из числа отправляемых сюда душ, по крайней мере половина, тотчас наследует жизнь вечную. Можно смело адресовать их к бессмертию. Мне кажется даже, что можно без ошибки определить число, сколько во избежание казны бесполезных издержек должно побивать их в Петербурге при самом назначении в Грузию и [на] Кавказскую линию. Покойный Клейнмихель[1], как человек предусмотрительный, прежде самого выпуска, еще в Дворянском полку[2] истреблял их.

Напоминаю тебе обещание дать в Грузинский корпус несколько обучавшихся музыке школьников. Здесь никаких нет средств, если не сделаете пособия. Я набрал из лучших музыкантов для посольства, но вообразить нельзя, что это такое! На несчастие наше существует опера Весталка[3]. Я всегда растроган, когда слышу сию музыку. Мне кажется слышать ее вопли, но не жалобу на то, что ее погребают живую, а что с нее сдирают кожу. Это музыканты чрезвычайно натурально выражают. Директор музыки у меня Наумов, который из всех существующих музыкальных инструментов знает один рупор, на котором игрывал бывши морским офицером. Суди об успехе!

Типография прекрасная и приводит всех в восхищение, но много вещей недослано. Есть буквы, которых так мало, что в наборе могут сделать помешательство. Прикажи прислать при случае с фельдъегерем. Вес велик не будет. Какое чрезвычайное облегчение для канцелярии, и со времени учреждения здесь типографии я уменьшил писцов. Теперь занимаюсь строением для оной и будет в совершенном порядке. Я достал литеры грузинские и армянские и два станка. Они были в небрежении и без употребления, со временем и их обращу в действие. Наумов у меня единственный человек усердный, все исполняющий с доброю и волею и совершенно бескорыстный.

Бог даст, почтенный Арсений, которого люблю как брата, со временем заведу здесь кое-что порядочного, с пособием благонамеренных людей, которых имею по счастию. Я должен благодарить вас за Кутузова. Это человек преспособный, хорошо учившийся и трудолюбием своим заслуживает уважение. Не могу понять, отчего до сего времени не получаю я повеления о назначении его в отсутствие мое начальником. Будут мне хлопоты, ибо здесь есть старшие. Воля Государя всех бы примирила.

Богу будете вы отвечать, что на место Дельпоццо не готовите начальника на Кавказскую линию. Он чрезвычайно стар и долго не прослужит. Чего вы

жалеете Эмануила? Место, которое я ему прошу, вознаграждает его службу и он в нем более имеет случаев быть службе полезным, буде вы хорошего, так же как и я, о нем мнения. Кого я могу избрать и как мне узнать, согласится ли тот, кого я назначу? По моему правилу, люди должны там служить, где они полезны, а не там только, где им приятно. За то начальство имеет способы вознаграждать. Иначе это не служба, а условие. Подумай, любезный Арсений, нет ли у тебя на примете кого славного человека и сообщи мне, а там вместе и определим его в ссылку на Кавказ.

Прикажи Красоте, чтобы при отправлении ко мне фельдъегерей в проезд их чрез город Елец принимали они на мое имя письма от старика-отца моего, который один сей случай имеет писать ко мне. Я прилагаю о сем особенную записку.

Ты не обманулся, что льстит моему самолюбию определение моих адъютантов командирами гусарских полков. Спроси собственные чувства твои насчет успехов по службе Красоты и увидишь, что весьма большое удовольствие доставить Государю верных и способных слуг. Я рад без памяти и в душе благодарю Государя, когда вознаграждает он достойных!

Здесь та же, как и везде, странная вещь, что полки егерские лучше полков линейной пехоты. Я делаю представление в 20-й дивизии два полка обратить в егерские. Прочти его и увидишь причину. Поддержи с твоей стороны мое мнение. Здесь войски не можно удержать в том составе, как в других местах, и покорить тому единообразию, которое так удобно в армиях наших в России. Здесь полки должны быть единообразны, но они могут быть различны с полками в России. Предупредите Государя, что со временем представлю я о некоторой перемене в одежде солдата. Я не хочу сделать того без обстоятельного опыта, но уверен, что достигну способа облегчить солдата для действия в знойном здешнем климате, в земле чрезвычайно гористой повсюду. Суди ты, что уже у нас 22 градуса теплоты на солнце! Что должно быть в июле месяце — вы может быть подумаете, что я, желая вводить новое, представляю о переменах. От вас зависит не иметь уважения к моему мнению, даже сказать можете, что я говорю вздор, и ничего не сделать, но я уверен, что в последствии времени увидите истину моих предложений, а между тем уморим мы довольно много людей напрасно и выйдет, что не я виноват, что доселе предместники мои или мало обращали на то внимания, или не смели сделать возражения против того, что утверждено вышнею властию. Я по простоте моей думаю, что Государь за три тысячи верст необходимо должен видеть глазами других, а потому верю, что и моя есть обязанность смотреть. На Литейной дадут мне звону за умствования, но я служу Государю и служу немного и собственному имени моему. Не наше дело помышлять об огромной славе, по крайней мере стараться надобно о добром имени!

Теперь я не завидую брату Михайле, что он 42 письма отпустил вдруг. Это немудрено, если только дело идет о комплиментах, можно одно и то же в разных представить видах, а мое письмо к тебе одно чего стоит! Однако же, в оправдание мое сберегаю письмо твое, в котором приказываешь, чтобы я обо всем извещал тебя обстоятельно. Жалок ты мне, если только из вежливости предложил мне о том. Заметь однако же, что сие сострадание о тебе почувствовал я только при конце 23 страницы и продолжаю далее. Всегда вредила

мне чрезмерная моя чувствительность! Меня весьма удивило, что приехавший от Нессельроде курьер не привез от тебя ни одной строки. Из чего заключаю я, что, конечно, от тебя скоро отправлен будет фельдъегерь. Я еще ожидаю от вас некоторых разрешений. Ты, Арсений, любишь быть справедлив, а потому возьми в покровительство фельдъегеря Грознова. Он в 12 дней приехал, в том числе одну станцию в горах шел пеший по причине чрезвычайно глубоких снегов. Приехал и, бедный, болен от ужасной усталости. В минуту приятную выпроси у Государя ему офицерский чин. Поистине молодец, и награждение дано будет лихому курьеру. Во все время ни один сюда так не прилетал.

Прощайте! Желаю тебе, как полезному и благороднейшему существу, здоровья и счастья.

Письмы к брату Михайле нарочно посылаю открытые. Может быть, рассудишь их прочесть. Я немного его надуваю, но с ним иначе невозможно.

Душевно твой *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 56–59

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 19–21 марта 1817**

Последний фельдъегерь от графа Нессельроде[1] не привез мне от тебя, любезный и почтенный Арсений Андреевич, ни слова, а потому и вздумалось мне, что, конечно, скоро должен от тебя приехать другой, но кажется вы меня забыли. На письмо мое к Белому о необходимости строить казармы для солдат и тем остановить необычайную смертность нет ответа. Время уходит. Здесь работы не могут продолжаться, как в России, во весь год, по причине климата, и так чего не сделаешь весною, надобно ожидать осени, а между тем полгода как не бывало. В продолжение зимы рубил я здесь лес и, сберегая от прочих расходов экстраординарную сумму, кое-как из нее заплатил рабочим за труды. Но больших сумм таким образом употреблять я не вправе и нет их. Итак, будем без казарм и без госпиталей. Я просил на то лежащих здесь без пользы 100 000 медью на первый раз[2]. Не дают, не я виноват, а между тем бедные солдаты мрут большею частию от сырых убийственных землянок, и весьма скромно считаю, если от того собственно умирает излишних в год 3000 человек. Письмо мое могло у Белого заваляться нераспечатано или прочтено без внимания. Сделай милость, из человеколюбия напомни о том князю Петру Михайловичу или сам скажи. Я препровождаю формальное мое к нему о том сообщение; обяснись прежде с ним, и если не будет оно принято с неприятностию, то отдай его; иначе истреби!

Вы представить не можете, какую делает разницу молчание по сему предмету. Я еду скоро, и хотя даю наставление, но не будучи уверен, что утвердится представление мое, не могу тех сделать распоряжений, какие бы сделал я получа разрешение.

Забыли послать представление об утверждении командиром Севастопольского полка подполковника Рябинина, и я опасаюсь, чтобы между тем не

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 16 апреля», «Отвеч[ено] 26 мая».

назначили вы другого при производстве. Сделай одолжение, помоги ему. Я виноват против него, и он здесь весьма многих лучше, а полком командовать не знаю, может ли кто лучше его. Херсонский полк, который он сдавать будет, исправнее всех прочих. С Кутузовым делаете вы мне ужасные хлопоты. В письме твоем ты одобряешь, что начальнику линии поручаю я относиться к начальнику штаба его величества[3], дабы не перессорились, из чего заключил я, что вы соглашаетесь назначить Кутузова начальником после меня, но вы молчите. Неужели трудно вам то сделать, что я сам сделать решаюсь?

Как бы я был счастлив, если бы до отъезда моего получил разрешение или отказ на представления мои. Я поехал бы совершенно покойным и не мучил себя ожиданиями. Я тебе как истинному другу скажу, что кроме ничтожной просьбы моей о племяннике моем Каховском, все прочее прошу я единственно для пользы службы, и нет у меня других видов! Я не вижу зла, если бы все так заботливы были о должностях своих, как я, и не вижу причины охлаждать усердия таковых.

Любезный Арсений, не могу я сравниться с тобою в точности и порядке и знаю, что я много от того теряю, но усердием, всегдашним занятием, должностию и деятельностию, право, уподобляюсь тебе, что, впрочем, не легко, а потому возьми ты себе в пример, как досадно, когда не так идет, как хочешь и как нужно необходимо. Я готов уже был отправиться в Персию, и передовой мой уехал уже с предуведомлением о том пограничного начальника, но курьер графа Нессельроде меня остановил и я уже более двадцати дней жду другого курьера, который через неделю после первого должен был отправиться. У вас я вижу новое счисление времени и вы мне на то не присылаете официальной бумаги. Я думаю, что по части иностранной коллегии гораздо с большим, нежели где-либо, успехом приведут сие в систему. Однако же, как ни хитр дипломатический корпус, я приметил то, еще из Петербурга не выезжая. Вот что значит самому быть министром! Я боюсь, чтобы способностию моею не устрашить дипломатов. Граф Нессельроде недаром говорил, что я не хуже его вижу (но только глазами).

Забыл тебе послать Мадатова портрет, теперь препровождаю. Нет ли у вас еще таких уродов, присылайте их ко мне. Он так здесь служит и так благородно себя ведет, что мне одного жаль, что он не русский, ибо он сделал бы честь нам своею службою и бескорыстием. Многим из здешних наших можно поставить его в пример. Но зато какой шут и как начинает говорить. Час от часу хуже! Тебя любит чрезвычайно и брата Василия[4] отлично уважает. Впрочем, ругает весь свет и со мною частые весьма схватки.

Окончится март, и все возвратятся из отпусков. Трепещу, что мой Пестель как тут и есть! Брат[5] ограбил его умом и способностями и мой Пестель пренесчастное существо! Он перед отъездом имел великодушие успокоить меня насчет возвращения своего, чтобы не впал я в отчаяние, и я боюсь, что он, как немец, будет иметь аккуратность в исполнении обещания. О боже! Хотя бы на минуту перестал он быть немцем!

Посмотрю я твою ловкость, как ты отсюда отдалишь г[енерал]-м[айора] Тихановского или оставишь его здесь для испытания винограда, который во множестве земля сия производит. Заметь, что он в шестистах верстах от меня командует бригадою и управляет Дагестаном, где народы воинственные,

сильные и хитрые. Каково мое положение? Если отзовете его, то дайте кого-нибудь*. Мне совершенно определить не кого из здешних. Сие и потому необходимо, что по возвращении из Персии войска из Дагестана обращу я для наказания чеченцев и хотя без себя ничего не позволю я сделать, но как не всегда он будет под глазами и невозможно наблюдать за каждым шагом, то не мешает иметь лучшего генерала. Жаль! Говорят, что смелый офицер и давно служащий!

Не опасайтесь намерения моего наказать чеченцев. Я без пути ничего не предприниму. Против разбойников не тщеславие ведет меня. Они не сделают мне военной славы, но сносить невозможно наглости и дерзости их, и пример их питает возмутительный дух в других народах, которые, злодейства их видя не наказанными, уверены в недостатке средств наших и не признают власти. Я так сделаю, как описывал тебе прежде. Хочется мне затащить с собою по нескольку войск от каждого из подвластных нам владетелей, с тем, чтобы их перессорить с чеченцами и тем отдалить впредь всякое их с сим народом соединение. Мимоходом от некоторых народов потребую возвращения наших дезертиров, которые во множестве проживают в горах. Если кротость и милосердие для Государя делают ему бессмертную славу между народами европейскими, то здесь снисходительное наказание преступлений народами не непросвещенными принимается за слабость. Здесь за важные преступления необходима казнь, и строгость сия предупредила бы много преступлений. Доложите Государю, что беглецов наших к горским народам необходимо надобно расстреливать. Конечно, не всех, которые в руки попадутся, но виновнейших из них, которые по закоренелости в преступлении не хотели даже воспользоваться всемилостивейшим манифестом[6], который многим из них известен. На сих днях привели ко мне восемь человек, и из них некоторые жили в горах по 10, 12 и 15 лет. По производстве над ними суда я нарочно пришлю к тебе с них допросы. Они все населят у меня Сибирь, но те, кои и там ни на что не надобны, полезно было бы их расстрелять, разослав в такие полки, где пример сей весьма поучителен. Не считайте меня жестоким. Я хочу, принеся в жертву справедливому наказанию несколько разбойников, избавить от преступления невинных, которых вовлечет одна надежда мало соразмеренного наказания. Здесь за кражу, грабительство и самое даже убийство одно наказание — шпицрутеном и сослание на поселение или работу в Сибирь. Я учредил новый разряд преступникам. За смертоубийство в Сибирь, в работу. За все прочее в солдаты и сибирские гарнизоны. Почему им не служить, если вина, ими сделанная, может быть заглажена усердием и верностию. Сие относится до грузин, армян, магометан и вообще всех народов, области наши населяющих!

Что сказать тебе о гражданском моем служении? Помалу все идет изрядно. На сих днях сидел я часа по четыре в уездном суде и уголовной палате, ибо набралось много колодников и дела шли несколько медленно. Потом, забравши с собою председателя палаты и уездного судью, секретарей и журналы, отправился с ними в крепость, где содержатся арестанты. Сверил, давно ли

---

* Я на место его придумал определить генерал-майора Дренякина[7], что по квартирмейстерской части Он не мудрый человек, но офицер усердный, поведения отлично хорошего и храбрый Его надобно будет сделать бригадным командиром — *Прим автора*

каждого производится дело, за какие именно преступления и скоро ли могут быть окончены. Некоторых, по возможности, облегчил участь или, по крайней мере, ускорил решение судьбы.

Посещаю иногда присутственные места. Нагнал ужасный трепет. Делаюсь ужаснейшим сутягою. Как грузины мои начинают повиноваться исправно и не отчего более, как от настоятельного требования исполнения того, что приказано без всякой перемены приказания или уступки, как прежде сего водилось и чем слабое начальство приучило к ослушанию. Завожу понемногу в городе порядок. Недавно надобно было сломать стены ветхого, внутри города находящегося, кладбища армянского. Я предложил им, но по привычке делать по-своему не хотели. Я в память погребенным назначил построить часовню, где ежегодно учреждено будет поминовение. Кладбище приказал засыпать камнем и обратить в площадь. Прах усопших остался почтен. Стены в один день исчезли и в городе тесном, неопрятном и вонючем площадь прекрасная. Все очень довольны! И нет ропота!

Помилуй, почтеннейший Арсений Андреевич, что делает брат Михайло? Читаю в газетах, что он член общества Библейского[8] и старается о распространении слова Божия между командуемыми им войсками! Ничего не проронит! Мимо ничто не пройдет, из чего можно извлечь пользу! Если нужно хоть в стихарь[9]! И фельдмаршал упражняет мирные свои досуги проповеданием в армии евангельского учения. Также видно из газет. Хотя брат Михаил и тонкая особа, но фельдмаршал поисправнее будет в сей должности, ибо и прежде всегда по-ходил на пастора.

С сим фельдъегерем, подобно брату Михайле, собственной руки отправил я множество бумаг, но мои более по делам службы. Чтобы не повторять одно и то же, прочти мои бумаги к князю Петру Михайловичу, из них увидишь многое относящееся до обстоятельств здешнего края. Приложи старание об исполнении просимого мною. Я ничего без точной нужды не требую. У соседей моих большие приуготовления, и уже неподалеку появляются войска, которых не было прежде. Свидетельствуюсь Богом, что не только не рад войне, но дам три года из жизни моей за три года мира. Так он здесь нужен! Учини нападение на провиантский истребляющий голодом департамент. Он гроша денег не присылает. Поговори о том с министром военных провиантских и комиссариатских сил[10]. Они меня убивают! Комиссары — адские силы недавно только прикрыли наготу нашу. Если они рассчитывают на благосклонный климат, то хотя нет у нас зим, но есть дожди и ненастье.

Посылаю тебе, почтеннейший Арсений, ведомость представлений моих, на которые еще не вышло разрешения. Если можно, ты, конечно, ускоришь.

Приготовь мне свой портрет, такой, как видел я у Сипягина, и пришли. Я к тебе прикомандирую свою рожу, снятую, когда в ярости говорю речи мерзавцам грузинцам. Нельзя ли с брата Василия снять план. Мне бы очень хотелось.

Если фельдъегерю Грознову доставишь чин, то будет весьма справедливо. Он, шедши в горах станцию пешком, приехал из Петербурга в 12 суток. Со времени пребывания здесь россиян в 16 лет был один только подобный случай. Заслуга та его не мала, что он успел застать меня здесь, ибо я готов был выехать, передовой мой был уже в Персии, а совсем не мешает, что я не

выехал. Поклонись всем твоим. Благодарю Кондратия Яковлевича за память. Я люблю искреннего и доброго сего жениха и волокиту. В. Михайловичу, Ад[аму] Ивановичу мое почтение. Красоту приятно поцеловать. Крепкой натуре желаю лучшего действия слабительных. Жив ли Великий Карабинер, ничего не слышу? Фельдмаршал, друг брата нашего Михайлы, будет ли генералиссимусом, желаю знать. Бог судья, что его не производите!

Жаль мне чрезвычайно, что милая и ласковая жена[11] П[етра] Фед[оровича] Желтухина больна и не поправляется. Дайте мне его в начальники на линию, он со мною не откажется служить и заслужим важно! Поклонись Орлову и Киселеву. Эти повесы для того ко мне не пишут, что по-русски писать не умеют. Пусть пишут по-французски, теперь есть у меня народы, могущие в ответ отпустить министерьельную ноту[12], а я подпишу. Не раз в жизни случится каждому из нас чужой труд выдать за свой. Я, как знатный господин, уже тем промышляю.

Прощай! Будь тот же, бесподобный Арсений.

Любить по смерть буду, *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 60–65

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 20 марта 1817**

В 29-й день ноября прошедшего 1816 г. последовала по делу инженер-подполковника Зубрицкого конфирмация: отставить от службы и впредь никуда не определять. Сие было мнение генерала Оппермана[1], хотя генерал-майор Дельпоццо, свидетель поступков виновного, не находил его заслуживающим столь жестокого наказания и полагал мнением, вменяя в наказание долговременный арест, сверх того перевести в гурийский гарнизон. Почему генерал Опперман отяготил участь несчастного, не понимаю? Я думаю, из удовольствия не согласиться в мнении. Двадцать лет доброй и усердной службы могли бы склонить уважение, бедное положение отца семейства должно было бы подвигнуть к состраданию. Знаю, что уже трудно тому помочь, но если есть средство какое-нибудь, употреби его, почтеннейший Арсений Андреевич в пользу несчастного, когда по делу увидишь ты его не столько виновным. Я дела не имел в руках моих и сужу только по мнению других. Прикажи посмотреть его. Прощай!

Покорнейший слуга, *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 82

А. А. АРАКЧЕЕВУ

Тифлис, 20 марта 1817

Я имел честь получить письмо Вашего сиятельства с препровождением копии с указа по делу князей Эристовых[1]. Чрезвычайно лестно для меня благосклонное внимание Ваше на поведение мое в сем деле, и я надеюсь заслу-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 23 июня», «К сведению».

жить оное впредь, ибо, невзирая ни на что, всегда буду я со стороны правой. Давно и теперь будучи Вашего сиятельства подчиненным, я хорошие имел уроки и, Вас благодаря в душе, хвалю и себя, что избрал добрый пример для подражания, от которого и не отстану. Знаю, Ваше сиятельство, что подобным поведением не всегда снискивается благосклонность сильных, но я и не хочу приобретать оную средствами недостойными; довольно для меня справедливости их.

Государь оказал правосудие, одним великим из царей принадлежащее, и я, пользуясь сим случаем, внушил дворянству здешнему, непризнательному и неблагодарному, всю доверенность, каковой подобное деяние достойно, и с удовольствием заметил, что сей пример великодушия Государя произвел чрезвычайное действие.

Ваше сиятельство позволили мне писать к Вам обо всем, что я здесь делаю, и я со всею откровенностью скажу, что я немного успел сделать по краткости времени, но одно постоянно строгое наблюдение произвело то уже, что по гражданской части уменьшилось злоупотребление и производству дел придал я военную живость. Бываю сам в судах, и судьи нередко и после обеда посещают присутственные места. Грузины привыкают к моей строгости и начинают вразумляться, что повиновение нужно, и тем более видят того необходимость, что у меня нет собственной воли и власть одна законная. Без самолюбия скажу Вашему сиятельству, что в три года грузин узнать нельзя будет. Вскоре делаю я представление, дабы позволено было дворянству поселять из заграницы выходцев, с тем однако же, чтобы они оставались свободными[2]. Средством сим надеюсь я успехов в населении земли. До сего времени был указ, чтоб все выходцы были казенные. Может ли казна столько о том заботиться, как частный человек, которого с тем сопряжены существенные выгоды. Я к Вашему сиятельству препровожу на рассмотрение.

Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей
в царствование императора Александра I. М., 2006. С. 185–186

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 1 апреля 1817**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!
Прочти со вниманием рапорт мой к военному министру[1] и посмотри, какие дают ему подписывать бумаги, а что еще хуже, что он заставил подписать такой рескрипт, которого исполнить невозможно, а как я в рапорте моем на высочайшее имя объяснил дело порядочно и дошло до развязки, то Провиантский нечистивый департамент и утаил полученную от меня смету. Сделай дружбу, сообщи военному министру от себя, что бумага моя точно в канцелярии твоей получена и отправлена. Важный провиантский крючок однако же совсем не забавный; ибо может быть Государю донесено, что я похвастал уменьшением цен и сметы не доставил, то есть сделал фальшивый рапорт. Сделай дружбу,

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 6 мая», «Отвечал».

выведи меня из преступников, ибо таковыми почитаю я подобных доносщиков. Я 25 лет офицером и не могу сделать себе по службе ни одного упрека. Прощай, люблю тебя душевно.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 66

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 9 апреля 1817**

Ожидал нетерпеливо от тебя письма, и наконец ты наградил меня пространным. Благодарю тебя, почтеннейший Арсений Андреевич! По многотрудным занятиям твоим невозможно тебе уделять много времени на переписку со мною, а потому и предлагаю тебе тот же способ, о котором говорил и прежде. По отправлении фельдъегеря тотчас принимайся опять писать. Каждый день несколько строк не отнимут у тебя время, а в продолжение многих дней и выйдет целое письмо. Иначе мне бы совестно было ожидать от тебя писем, ибо тебе надлежало[бы] похищать несколько у сна твоего.

Рад был я чрезвычайно, что произволу моему предоставлено было ехать в Персию или вместо себя послать другого. Долго я рассуждал о сем и наконец решился ехать сам. По воле Государя, объявленной мне графом Нессельроде, весьма ясно и обстоятельно поручено тогда только остаться, когда точно удостоверюсь я, что Персия имеет неприязненные намерения, и если то в чем-либо не нарушит дружественных связей, между обеими державами существующих. Я доносил о приуготовлениях Персии, и точно они делаются чрезвычайные, но после донесения моего прошло три месяца и кажется без ошибки вижу, что все приуготовления делает страх, а не желание еще испытать судьбу оружия. Звание мое, главнокомандующего соседственных земель, вселяет величайщий ужас, чему немало способствовало пребывание мое здесь шесть месяцев и тот образ, каким я принялся за дела и разные лица. Тифлис наполнен персиянами, ведущими торг, и мне известно, что шпионов множество, которые о малейшем поступке моем дают известие.

Недавно случилось мне заболеть странным образом. Сидя весьма покойно, я чихнул и тотчас после того едва уже дойти мог до постели, и пролежал десять дней. Отсюда ту минуту отправлено известие, что я отчаянно болен и нет надежды, чтобы был жив. Из Персии ко мне пришли известия, что я умер и в Грузии бунт. Мое счастие необыкновенное, я уверен, что с ним все кончу как надобно и [не] уверен, чтобы кончил кто другой, ибо не шутя говорю тебе, что меня ужасно боятся. Как вежливы пограничные начальники, какая услужливость! Исполняются все по делам случающиеся требования, я им отпускаю благодарные рескрипты. Не могу не ехать, боюсь, чтоб мне не поставили после в вину, если в чем-нибудь не сделается по желанию. Если я в чем не успею, скажут все, что было невозможно успеть. Если бы на место меня поехал человек несравненно меня способнейший, его неудачу непременно отнесут мне на счет, что я ехать не захотел. Еще скажу одну важнейшую причину. Кто может

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 мая», «Отвеч[ено] 26 мая».

более вникнуть в состояние Персии, как я, которому судьба на долгое время назначила здесь пребывание. Кому полезнее знать соседей, как мне, имея всегда с ними необходимые сношения? Словом я, конечно, с большим старанием буду искать познакомиться с их способами и средствами. Мне нужно узнать непременно два обстоятельства, имеющие влияние впоследствии на мое в здешнем краю управление. Первое, можно ли полагаться на продолжение дружественных отношений с Персиею и постигает ли она, что в том есть существенная ее выгода? Или Персия, посторонним влиянием управляемая, может надеяться оружием приобрести выгоды? Второе, если нельзя положиться на прочность связи с Персиею, то нужно знать, до какой степени могут велики быть беспорядки и междоусобия после смерти шаха, дабы мне, предав их лютости внутренних раздоров и растравляя ловким образом, иметь время управиться с разными народами, населяющими горы в тылу нашем, которые хотя не весьма опасны, но весьма беспокойны. Между ними беспрерывно посеиваем мы вражду и раздор, разве более преступление разжечь войну между персиян? А мне надобен покой со стороны сих последних, чтобы ловче приняться за своих, надобно пожать и пустую, неблагодарную и мятежную каналью грузин, еще не внемлющих необходимости устройства для собственного их блага.

Как мне не ехать? Из Тегерана от бывшего у нас посла приезжал нарочный узнать, когда я буду? Ему, конечно, приказано было узнать, а не он послал из одной ко мне дружбы. От Аббаса-Мирзы наследника шахского было двое нарочных, из коих один значащий чиновник. Два раза уже приходили войска к границам нашим для встречи, и все приготовлено. Я думаю, что Персия не рада уже и посольству, а что жители, конечно, нет, ибо с них дерут кожу, чтобы вооружить множество войск, получше одеть их и мне похвастать. Я уже готов. Вперед приготовил множество приветствий и сочинил довольно похвальных слов. Если они мастера говорить великолепный вздор, то я отвечаю, что они услышат высокопарную нелепицу. От сего дня чрез неделю пускаюсь. Долго не отвечали на донесения мои от 9 генваря и меня продержали до того, что я долгое в дороге время захвачу несносных уже жаров. Как вспомню о 1300 верстах верховой езды, в земле знойной, гадкой, бедной, ей-богу, ужас берет. Такое расстояние составляет более двух третей пути от границ наших до Парижа. Прогулки — не поход! Получа окончательные наставления по части дипломатической, я уже не надеюсь от Нессельрода иметь курьеров в Персии, но тебя, почтеннейший Арсений, прошу писать, когда посылать будешь фельдъегерей к Кутузову. Из Тифлиса будут отправляться деньги на содержание посольства и другие случаи.

Что сказать тебе о Грузии? Ты желаешь, чтобы я всегда что-нибудь сообщал тебе о ней, и я повинуюсь. Теперь представляю я об учреждении небольшой военной школы, наподобие наших губернских военных училищ. Еще Тормасов представлял о том, но возвращено было для некоторых поправлений. Здесь есть благородное училище[1], на которое употребляются большие издержки и без малейшей пользы. Надобно, чтобы учащиеся удалены были от родительских домов, дабы молодость, удобная ко всякого рода впечатлениям, не имела в глазах гнусных примеров отцов своих, которые в домашней жизни своей распутные мужья, нерадивые о детях родители, жестокие в обращении с своими слугами, в жизни публичной — мятежные граждане и неблагодар-

ные подданные, непокорливые. Молодые люди, воспитанные в духе нашего правления, будут образцом просвещения и началом введения обычаев наших в здешнем краю. Желал бы я, чтобы утвердили представление мое, тем более, что на содержание школы немного надобно прибавить против того, что теперь употребляется на училище. Грузия, чем более вникаю я, тем нахожу более возможности привести ее в лучшее состояние. Ободряю хлебопашество, дабы приохотить жителей к жизни постоянной, ибо, уподобляясь нашим ханствам и вообще всем провинциям магометанского закона, имеют еще наклонность к переселению и жизни бродяжнической, к которой нередко побуждает их худое обращение с ними помещиков. В ханствах наиболее стараюсь приохотить их к хозяйству. С самого приезда моего сюда, большое довольно количество войск, которое прежде довольствовалось привозным из России хлебом, я довольствую в самой земле и гораздо дешевле. Магометане лакомы к деньгам и, видя, что хлебопашество дает большие выгоды, привяжутся к земледелию, а чрез то в непродолжительном времени ослабнет наклонность к кочевой жизни. Сие наиболее полезно нам будет в землях, границу нашу составляющих.

В Грузии начинают, по счастию моему, появляться иностранцы для заведения некоторых фабрик. Приехал немец для стеклянного завода[2]. Ты не поверишь, что здесь бутылка обыкновенная 20 и 25 копеек серебром! В домах потому бумагою заклеены окошки, что стекла неимоверной цены. Приехал кожевник и будет завод великолепный. Теперь не умеют хорошо выделывать кож, и у нас сырые буйволовые кожи, могущие доставлять большой доход, чрез турок и греков выкупают англичане, впуская за них турецкие шелковые и бумажные материи и весьма редко деньги. Здесь в ханствах шелковичные заведения начинают быть в хорошем состоянии. По возвращении моем из Персии я займусь тем особенно, а наиболее когда (как уже писал тебе) введу в некоторых наше правление, то добьюсь весьма значащих выгод и богатой отрасли промышленности.

Если Бог благословит меня успеть в некоторых предполагаемых мною преобразованиях, то чрез пять лет, может быть, не будем мы вывозить из России сюда серебряных и золотых денег.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 67–70

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 12–17 апреля 1817**

По уважению к тебе, любезнейший Арсений Андреевич, мне весьма приятно, что ты одобряешь некоторые из бумаг моих, как, например, донесение по делу Эристовых. Я думаю немного из знатных людей сделал я себе им приятелями, но у меня глупая душа простолюдина, которая и не любит вельмож и боится. Каждый из них может ожидать быть важно атакован, лишь бы пред-

---

* Помета А. А. Закревского: «Отвеч[ено] 26 мая». В начале текста: «12 апреля», в конце текста «17 апреля». Письмо имеет единую нумерацию страниц с предыдущим, следовательно, они были отправлены вместе. Однако, судя по пометам Закревского, он рассматривал их как два разных письма.

ставился случай. С сим фельдъегерем нападаю на морского министра[1], и надобно признаться, что важная дрянь. Я пишу об нем и к князю Петру Михайловичу. Ты увидишь, как я сражаюсь против гордой его глупости и твоей прошу помощи! Я надеюсь тебе понравилась и та бумага, что писал я к Государю и в которой изобразил простосердечно важные дела графа Гудовича и Ртищева, и то как я берусь истребить одного хана. Я приложил тебе копию. Теперь прилагаю копию с одного манифеста к кабардинскому народу. Я сам смеюсь, писавши такие вздоры, но я раз сказал шутя истину, что здесь такие писать должно и что сим способом скорее успеешь. Ты в сем манифесте узнаешь слог Бонапарте, когда в Египте, будучи болен горячкою, говаривал он речи. Я брежу и без горячки! Однако же, как бы то ни было, я в горах между неприязненными нам народами начинаю поселять великий ужас. Трепещут и называют хуже Цицианова! А нам подвластные стараются мне нравиться отличными делами. Недавно адресовался я к аварскому хану[2], предлагая ему подарок деньгами с тем, чтобы он достал Швецова. Выкупать, а особливо начальствующему здесь неловко, ибо таковым поступком ободришь мошенников к разбоям. Хан отвечает мне, что, не имея собственных денег, он предлагал чеченцам в заклад вещи и оружие, но они без денег отдать Щвецова не согласились, просит меня, чтобы я приказал выдать жалованье его за два года 10 тысяч рублей серебром, что, он не требуя подарка и денег за труды свои, выкупает своим жалованьем, ибо слышал он, что на выкуп Швецова[3] собрали деньги офицеры, которых он, как людей небогатых, не хочет лишить знатной суммы. Разумеется, я послал на выкуп деньги, поблагодарил за предложение и на него согласился. Написал рескрипт, и чрез некоторое время Швецов будет свободен. Каков поступок? Не каждый из просвещенных европейцев сие сделает. Предложи любому немцу потерять 10 тысяч рублей серебром — увидишь кислую рожу.

Дельпоццо моим начинаю я быть весьма довольным. Я поддал ему перцу, и он важно поступает. Я велел ему нахватать и посадить в тюрьму сколько можно более из тех князей, чрез земли которых чеченцы провели Швецова, и тех, кои с сими мошенниками в дружбе, и заставить их выкупить Швецова. Надлежало сие сделать моему предместнику, и тотчас когда его схватили, но сие упущено было без внимания, и когда я приехал, то немногих можно было уже схватить, однако же, до сего времени 5500 рублей серебром стянул с них и контрибуция продолжается. Деньги годятся на какие-нибудь полезные заведения, а мошенникам то самое чувствительное наказание. Имею уже известие и о чеченцах. Ожидают казни и гнева моего, и боязнь проложила пути к их сердцу. Они видят, что я ловко принимаюсь за них. Теперешнею весною устраивается на Сунже редут новый[4] и выселяются из гор к нему народы от злодеев чеченцев. Понемногу буду спускаться по Сунже и заложу по возвращении из Персии порядочную крепостцу[5]. Они мне заплатят за издержки с избытком. Я не оружием намерен наказывать, а под покровительством, оного наказывать деньгами! Ничего так я не желаю, как 3 или 4 года мира. Хочется мне для несчастных здешних войск выстроить хорошие жилища и улучшить образ жизни их. Сие есть единственное средство избежать смертности, опустошающей здешние войска. С ноября месяца прошу я, чтобы мне отдали в распоряжение 100 000 медью, которые здесь находятся без употребления, и до сего времени ответа не имею. Пришло время начать работы и приуготовление

разных материалов, у меня нет денег и не будучи уверен, что их когда-нибудь дадут мне, не смею употреблять большого количества из экстраординарной суммы. Пройдет весна, летом от жаров работать невозможно, и так год уже почти и потерян. А людей в лишний год столько умрет без нужды, что и всею требуемою суммою не заменишь. Сделайте милость, как люди близкие Государю, доложите ему; он, без сомнения, не сделает не только в том затруднения, но одобрит заботливость мою.

Теперь вникнув в службу в здешнем краю офицеров и солдат, вижу я, что в России о ней понятия не имеют и не отдают ей должного уважения. Представь состояние офицера. Полки раздроблены мелкими частями. Редко по нескольку офицеров живут вместе. Случается, что офицер живет один в несчастной землянке, если на границе, то непременно в степи, ибо по причине войн жители близкие к границам места оставляют. Но если бы даже и селения были близки, они так бедны, что нередко вещей первейшей потребности не могли бы доставить нуждающемуся офицеру. Прибавь к тому незнание языка земли. Я не понимаю, как живут офицеры, что могут они доставать в пищу себе. Бога ради самого выпросите у Государя деньги на казармы. У меня редко где менее баталиона будет вместе, будут и по два иметь непременные квартиры. Я буду всевозможно избегать раздроблений и кроме необходимейших постов не буду отделять войски или по крайней мере целою ротою вместе и сии посты будут служить школою офицеров, в которой будет усматриваться расторопность их, сметливость, способность распорядиться и заботливостью о сбережении людей. На посты сии будут избираемы благонадежнейшие офицеры, и посты сии будут крепкою заставою, чрез которую обер-офицер должен пройти к производству за отличие. Здесь в короткое время моего пребывания заметил я несколько отличных офицеров, которые впоследствии должны быть наилучшими помощниками начальникам здешней земли.

О представленных мною к производству в полковники я не настаиваю, ибо, видя, что по армии многие есть старее, несправедливо требовать, и я очень знаю, что не успел бы. О Кутузове теперь молчу, хотя бы и не думал, что офицеру достойному откажут такое награждение, которое не знаю я, кто не получает и даже многие такие, которые ордену не делают чести. По совету твоему я потерплю и по возвращении из Персии представлю, ибо тогда будет за что дать по справедливости, если он все то исполнит, что мною поручено будет. Я тебе как другу говорю, что мне сей отказ был несколько огорчителен. С меньшим неудовольствием принял я отказ о переводе племянника моего в гвардию, ибо точно по молодости не мог быть употреблен в прошедшей войне и Государь может иметь правило, которое изменить не хочет. К тому же человек незнатного происхождения, простолюдин, не имеет права роптать на неудачу, хотя, впрочем, адъютант генерала Эссена[6], также в прошедшую войну не употребленный, переведен в старую гвардию. По крайней мере постарайся перевести его в 7-й карабинерный полк, если бы даже и с тем условием, что вперед зачтется мне сие в награждение. Мне до того нужды нет, ибо мне необходимо одно только награждение то, чтобы я сам был доволен отправлением должности и чувствовал приносимую служением моим пользу. Вот в чем я нынче заключаю все мое честолюбие, впрочем, ко всему равнодушен и всему свету желаю быть фельдмаршалами. Сюда ни одного не принесет

черт ко мне на шею! Ты удивляешься бесстрашию моему, что я смею желать фельдмаршалов, тогда как и одного Барклая довольно к неудовольствию российских армий.

Как благодарен я вам за исходатайствование повеления, чтобы за наказание офицеров и солдат не определять в Грузинский корпус. До сего времени мы беглецами своими комплектовали неприятельские войски. К стыду нашему есть у них и офицеры наши, но надеюсь не будет того впредь. Я о сем отдал приказ по корпусу.

Попроси князя Петра Михайловича, чтобы доложил по представлению моему в рассуждении возвращающихся из-за границы солдат наших. Я просил позволения обращать в казаки желающих из них. Я распространял сие на одних попавшихся в плен по разным случаям, но не изменников или беглецов. Сие заставит их к нам возвратиться, чего теперь они не делают, избегая опять попасться в тягостную в полках службу. Нагнав ужас на горы, я начинаю доставать наших дезертиров и, не наказывая их здесь, отправляю в сибирские гарнизоны, где они, по сообщению моему, будут отданы под суд и наказаны. По возвращении из Персии я надеюсь в одном месте достать их несколько сотен.

Мучит меня страшное желание в 20-й дивизии полки линейной пехоты обратить в егеря, так чтобы кроме егерской бригады в обеих прочих было по одному егерскому полку, то есть в 6-ти полках дивизии будет 4 полка егерских. Сие необходимо по роду войны в здешнем крае, часто малыми частями, всегда в таких местах, где егеря гораздо с большею употребляются выгодою. Вы мне скажете, что так же может быть употреблена линейная пехота. Я у вас спрошу: почему же по пропорции войск гораздо более хороших егерских полков? Немало делает их таковыми род самого ученья, а еще более особенный способ употребления. Преобразование сие приличествует здесь и потому, что для резерва есть гренадерская бригада. Я не делаю еще о сем формального представления, дабы по краткости времени не могли вы почесть его неосновательным, и потому что не имел я случая вникнуть в обстоятельства, но я уверяю вас, что я очень хорошо рассмотрел того пользу и прошу вас предложить то Государю на рассуждение.

Благодарю тебя за обещание постараться о семеновском Ермолове[7]. Если возможно, сделайте его по армии, что поставит его в состояние заняться делами бедного его семейства. Если нельзя по армии, то определите к старшему в полк, один из тех, что в Москве или окрестности оной. Он примет сие за величайшую милость, а впоследствии можете дать ему полк, ибо он многих весьма не будет хуже.

Очень доволен, что пустыми письмами моими заставляю вас иногда смеяться. Ты уведомляешь о том, что я писал к князю Петру Михайловичу. Недавно получил ответ его с Берниковым. Скажи ему, что я люблю уважать в нем добрые его свойства и чувства прямого русского, делающие ему честь. Я поистине люблю его! Князь Петр Михайлович и ты, любезнейший Арсений, оба превеличайшие шуты. Я лью горькие слезы, описывая вам моих генералов и прошу мне дать хотя несколько годных, а вы присылаете в насмешку список военной контрабанды и между ними поручаете сделать выбор. Признайтесь, кто из вас сделал в списке злодейские пометки? Я могу утвердить, что замече-

ны наилучшие люди, которых совестно отнять у вас, и я уверен, что отечество не согласится на сослание их в Грузию под начальство жестокого из *проконсулов*[8]. Судит вас Бог, если вы не приуготовите хорошего начальника для Кавказской линии на место Дельпоццо, которого, не знаю почему, почитаете вы бессмертным. Там надобно молодца и место столько важное, что можно бы определить кого-нибудь из лучших дивизионных командиров, ибо и команда большая. Будете жалеть и трудно будет поправить. У меня нет ни одного, кто бы заместить мог его.

Благодарю за приказы брата Михайлы. Из них вижу я, что у него много хлопот по продовольствию и таможням. Обе части могут с ума свести порядочного человека. Вижу также, что немало и побегов, и суды беспрерывные. Это предзнаменует, что при выходе корпуса из Франции порядочно *шерахнутся* его легионы и он сам немало будет тому причиною, ибо многие приказы прочитываются у него в ротах такие, о которых мог бы солдат и не знать никогда. Я согласен с тем известием, о котором ты пишешь, что у него ослабевает дисциплина и иногда оказывается непослушание. Он русского солдата трактует на манер иностранный. Он ударился в законы и беда!

Не правда ли, что брата Михайлу надул я баранами? Отпечатал важный приказ, после которого *квас* его хуже уксуса. То ли будет вперед, как пущусь печатать. Нужна только равная с ним охота. Не ручаюсь, чтобы не соблазнился. Если ты не шутишь, что с одним курьером прислал он 42 партикулярных письма, то он человек непостижимый, ибо если полагать его подобным всем нам, то я первый признаюсь, что при всей способности писать вздор и пустяки, меня не станет на 42 письма, разве некоторые из них часть циркуляры или со вложением газет. Скажи, что за чудная мысль просить прибавления денег на содержание? Все разумеют его человеком, имеющим огромное состояние из числа богатейших в государстве, или, по крайней мере, такое, которое, конечно, не допускает никакой нужды и недостатка. Мне жаль, что подобная неосмотрительность может сделать неприятное на его счет заключение, ибо первое что представится, что он не воздержан и чрез меру роскошен, тогда как ни того, ни другого в нем нет. Не всегда в одинаковых будет он обстоятельствах и проживать столько как теперь. Если бы и случилось сделать некоторый долг, возвратясь в Россию, непродолжительным воздержанием мог бы поправить.

Я делаю представление о выдаче некоторой части войск мясной и винной порции, по примеру того, как отпускается войскам в Крыму и Бессарабии, где они имеют гораздо лучший климат и несравненно менее трудов. Число таковых войск ограничил я, сколько возможно, и назначил те только места, где без сего пособия люди существовать не могут и мы гораздо более терять будем, отказав сие содержание, нежели употребя издержку, которая, впрочем, не весьма и значительна. Несравненно более сего и даже более нежели в два раза сохраним мы от перевозки из Астрахани провианта ежегодно и покупкою провианта на Кавказской линии, которую учредил я по прибытии моем сюда.

Представьте о сем Государю и подкрепите вашим ходатайством, попроси князя Петра Михайловича от меня и если возможно, прочтите ему в подлиннике рапорт мой. Тогда можно будет ручаться, что достигнем знатного уменьшения потери людей, особливо, как я предполагаю уничтожить несколько постов, которые как нарочно расположены в самых нездоровых и убийственных

местах. Я намерен все лежащие по берегам обоих морей укрепления оставить с самыми малейшими гарнизонами единственно для караулов, а войски иметь в одном переходе поселенные в хороших жилищах, откуда они могут приспевать куда надобность потребует. Иногда несколько далее избранное подобное место может снабжать войсками не одно укрепление. Хотя с трудом, добьюсь, что не будет истребляться много людей и даже немного более нежели в других местах. Прошу вас самим Богом доложить Государю, чтобы как на построение казарм, так и порции войскам отпущены были деньги.

Я надеюсь ты не упрекнешь мне, что я мало пишу. Между прочим, многое попадется, которое тебя совсем не займет или мало, но в том виноват ты сам, ибо поручаешь обо всем уведомлять что касается до Грузии и о том, что я делаю. Я повинуюсь твоей воле.

Письма брата Михайлы не присылай ко мне не прочитавши, как и прежде мы условились. Мы между собою ничего не пишем, чтобы нельзя было прочесть каждому из нас трех. Посылаю тебе рожу мою, о которой писал прежде; ты найдешь ее чрезвычайно сходною. Сделай дружбу, пришли свой портрет к моему возвращению из Персии.

Отправь письмо мое к брату Михайле; ему также препровождается рожа взамен за его портрет.

Забыл тебе сказать, что с генваря месяца ты увидишь некоторое действие моей строгости. Ведомости об умирающих совсем не те, что прежде. В одном месте много умерло, но невозможно иначе, ибо люди осенью до моего сюда прибытия употреблялись в тяжелую работу, и от того размножилась между ними жестокая цинготная болезнь.

Прощай. Так дел много, что не успевши до отъезда моего отправить фельдъегеря, беру его с собою и отправлю с дороги. Будь здоров, поклонись от меня брату Василию, не успел отвечать ему на письмо, но он прочитает то, что к тебе пишу. Марье Осиповне[9] мое почтение.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 67–78

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 17 апреля 1817**

Любезный и редкий брат.

Давно от тебя не имею писем, и последний из Петербурга курьер ничего мне о тебе не привез. Ты живешь в земле, поистине можно сказать средоточии всего любопытного, на сцене происшествий наиболее занимающих и вблизи Англии, в которой, если верить газетам, также готовятся разные забавы, могущие нам припомнить невинные шутки революции[1]. Тебе, я вижу, досадно, как человеку, проводившему лета юности в сей земле[2] и, конечно, имеющему если не точную привязанность, то всеконечно большую привычку. Ты ничего не пишешь. Не странно, если я пишу изредка, ибо нечего сказать, или надобно мучить тебя разными вздорами, или повторением одних и тех же вещей.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 28 мая(9 июня)».

Грузия, до тех пор пока не буду я уметь вникнуть во все обстоятельства и не постигну выгод, которые извлечь можно из счастливого положения моего, представляет мне большею частью упражнения единообразные, мелочные и по необходимости не что иное, как необходимые последования и точное продолжение дел моих предместников, которыми и занимать тебя бесполезно, и Лисаневич скажет тебе лучше, нежели я описать могу.

Сегодня отправляюсь я в Персию, умедлив по разным обстоятельствам долгое время отъезд мой. Из Тегерана буду писать непременно, если бы то случилось и для одной редкости. Теперь завален бумагами; нечего совершенно сказать тебе. Прощай! Посылаю тебе довольно удачно сделанный мой *силуэт*. Твой портрет у меня сохранен и выставлен на стене. Многие из знающих тебя и служивших вместе с тобою уверяют, что не так переменился, чтобы хотя мало трудно было узнать его. Многие с восхищением вспоминают дружбу и знакомство с тобою.

Прощай, сделай одолжение, пиши ко мне.

Верно преданный *А. Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 53–54

А. В. КАЗАДАЕВУ

*Тифлис, 17 апреля 1817**

Любезный друг, Александр Васильевич.

Завтра отправляюсь я в Персию. Трудный и долгий предлежит мне путь! Ведет меня туда воля Государя моего благодетеля. Нужно некоторое щастие, чтобы выйти оттуда согласно с намерением моим. Нужно щастие и в других отношениях!.. Мог ли я предвидеть, что таково будет по службе мое назначение? Не так я провел свою молодость. Бедное состояние семьи моей не допустило дать мне должное воспитание. Подобно отцу моему поздно обратил я внимание к службе моей и усердию. Впоследствии доставили они мне некоторые способы, но уже вознаградить недостатки знаний, а потому и способности, не было времени. Если доселе иду я путем не совсем обыкновенным, то пред тем же щастием моим должно стать на колена, на которое и теперь полагаю мою надежду. Я знаю, как ты меня любишь и сколько приятно тебе находить во мне что-нибудь доброго, прошу тебя как друга убедиться истиною того, что я тебе говорю, и отнюдь, как всегда ты делаешь, не относить действие простое щастия к другим достойнейшим причинам. Поверь лучше мне в сем случае! Нет моей выгоды собственно о себе делать каждому подобные признания, но тебе как другу сказал я правду и то сам ты должен видеть, знав меня с самых дней моей молодости.

Я завтра еду! Желаю тебе щастия и здоровья. Сокрушает меня неудача твоя в получении места. Ожидал я известия, более ли успеха доставит тебе граф Алексей Андреевич, к которому намерен ты был адресоваться. Испытай сие средство, я надеюсь на справедливость его.

---

* Помета карандашом: «Посольство в Персию».

Поклонись почтенной Надежде Петровне, поцелуй детей и Владимира особенно.

Прощай! Всегда и одинаково любящий

А. Ермолов

К возвращению моему нужны мне будут некоторые вещи, о коих Кутузов даст знать, а между тем посылаю тысячу рублей ассигнациями.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 62–63

С. К. ВЯЗМИТИНОВУ

[Тифлис], 17 апреля 1817

Во время правления здесь грузинских царей жаловалось ими за заслуги чиновниками своим караванбашество, состоящее в том, чтобы отводить транспорты из Грузии в границы Персии и Турции, едущие за солью, и приводить обратно с охранением оного собственными караван-баши людьми от неприятельских нападений и грабежей, за что они от каждой арбы получали в награду по 1 р[ублю] и доход сей простирался до 1500 р[ублей]. В последнее время право сие пожаловано было от царя наследственно ныне н[адворному] с[оветнику] Соломону Меликову[1], коим он пользовался по царской грамоте и при российском правительстве, потому что оное не было до сего времени уничтожено. В 1815 же году предместником моим открыто, что на половину сего караванбашества имел право также по грамоте царя умерший около 10 лет назад мелик Апов, которое ему пожаловано не наследственно, а только посмертно, почему ген[ерал] Ртищев сделал распоряжение, чтобы принадлежащую Апову половину дохода с караванбашества отдавать каждогодно одному из грузинского дворянства чиновнику, оказавшему отличные заслуги и преданному российскому правительству, а другая оставалась бы по-прежнему в пользу князя Меликова, ныне грузинский губернский маршал, ген[ерал]-м[айор], кн[язь].

АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 7

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Селение Караклиса, близ персидской границы, 25 апреля 1817**

Хотя же, любезный и почтенный Арсений Андреевич, и писал я к тебе с сим самым фельдъегерем пространное письмо, но как будто знал, что нужно еще будет писать, взял я его с собою до самой почти границы Персии и теперь скажу тебе странные случившиеся со мною обстоятельства. Я, приблизившись к границам, не смею ехать в Персию и, конечно, никто из самых тончайших наших дипломатов не отгадает причины. Вот она, и я самим Богом клянусь, что нимало не виноват. Вся Эриванская область взбунтовала, как жители, так и самые войска, и ожидают только прибытия моего, чтобы занять крепость Эриванскую, представить ко мне персидского сардаря[1] (то есть главнокомандующего) и всю провинцию отдать мне до реки Аракса. Дело в том только со-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 мая», «Отвеч[ено] 26 мая».

стоит, что желают знать, угодно ли мне живого или мертвого начальника персидского. Баталион новых регулярных войск также ожидает моего повеления. Всех персидских войск на первый случай в совершенной команде состоящих у меня слишком пять тысяч человек, но уверяют, что за рекою Араксом ожидают только, что я сделаю с Эриванскою областию, чтобы последовать примеру. Все готово вооружиться, и я в три недели могу быть в Тавризе, столице наследника персидского, любимого сына шаха. Сего последнего я бы не сделал, конечно, ибо бесполезно для России и кроме пустого шума ничего бы не принесло, но признаюсь, что локти кусаю у себя, что область Эриванскую не могу взять; ибо объявлено мне строжайшее Государя повеление стараться всеми образами удержать дружественные с Персиею связи. Приобрести богатейшую провинцию, границы по Аракс и без выстрела, ту самую, которая стоила нам стольких трудов, потери стольких войск! Боже мой! Сердце мое обливается кровью, и я не смею того сделать[2]! Какая дружба с коварною и изменническою Персиею. Никогда в жизни не представится такого случая, но я должен исполнять волю Государя. Текут с досады слезы мои, свидетельствуюсь Богом! Я уже трех человек отправил в Эривань убеждать жителей, чтобы они были покойны и повиновались персидскому правительству или, по крайней мере, дождались бы моего из Персии возвращения. Сумневаюсь успеть в том. Они взбунтуют, когда я уже буду в Персии. Никто не поддержит их; правительство персидское отмстит им истреблением их. Эривани мы иметь не будем, потеряем доверенность в народах, на нас уповающих, на меня падет подозрение Персии, дружбы ее никак тогда я не снищу и легко быть может, что меня арестуют, посадят в тюрьму или даже отравят. Вот прекрасная перспектива погибнуть и без пользы для отечества! Я остановился немного в ожидании ответов с моими посланными, но еду непременно далее. Если остаться, необходимо надобно взять Эривань, ибо и без того исчезнет дружба с Персиею. Каково, любезный и почтенный Арсений, счастие мое? Лишь только приехал сюда, как в пользу нашу переменились обстоятельства, но каково же и несчастие, что я всем тем пользоваться не могу! Не знаю, что из меня будет, но надобно особенное покровительство судьбы, чтобы я выпутался из Персии. Тогда став на колена пред моим счастием, скажу что нет ему подобного!

Я делаю, согласно твоему совету, представление о награждении Кутузова анненскою лентою; сделай одолжение, любезный Арсений, приложи твое старание. Тебе никогда не было трудно помогать добрым людям и в добрых намерениях.

Граф Нессельроде должен будет прислать ко мне курьера в Персию. Сделай дружбу, не пропусти сего случая писать ко мне, ибо уже надолго должен я отказать себе сие удовольствие. Письмо мое к Каподистрии вели доставить верным образом, также и к Нессельроде конверты. В них есть интересные рапорты Государю.

Почтеннейшему брату Василию поклонись. Я для того не пишу к нему особенно, ибо он прочтет письмо мое к тебе.

Не истребляй письма сего. Может быть, я не возвращусь из Персии, оно будет служить доказательством, что я предузнавал мою участь. Прощай.

По смерть верный *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 79–80

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Султаниэ, в лагере, 15 августа 1817**

Любезный и почтенный Арсений.

Письма твои, пришедшие после моего отъезда, я получил исправно. Не отвечаю теперь обыкновенным моим порядком на каждую статью особенно, ибо содержание оных наиболее относится к делам моим по Грузии; могу только сказать, что нет ни одного решения Государя относительно до Грузии, за которое бы не мало было благодарить на коленях. Он вырвал у меня слезы благодарности за назначенные для продовольствия войск мясом деньги. Бог должен наказать нас, если не все употребим усилия изыскивать средства доказать, что могут люди, преданные своему Государю. Награждение усердствующих и у места рассыпанные милости оживляют дух моих товарищей. Скажи Государь, что он хочет, и нет ничего для нас трудного!

Из какой дальней пишу я к тебе стороны. Судьба забросила меня сюда для тяжкого испытания многих неприятностей. Возвращусь, ты все обстоятельно узнаешь.

Я принят здесь шахом с изъявлением возможного уважения к званию моему.

Шах не упускает ни одного случая оказывать глубокое его почтение к Государю. В рассуждении дел однако же все это здесь немного значит, ибо сим шах наименее занимается, а те, которым они поручены, имеют свой образ понятия о вещах. Им кажется, что довольно шаху чего-нибудь пожелать, что все так и должно быть сделано, и что тот и счастлив, который ему угодить может, хотя бы и с потерею чести, которая здесь есть нечто баснословное. В их разумении нет блага отечества, славы национальной. Все заключается в рабственном угождении неограниченной воле шаха. Всегдашняя низкая лесть приучила его сему верить, и еще удивляются, что каждое его желание не есть для меня священнейшим законом. Во всеобщем понятии я должен быть наряду с прочими угождателями. Довольно для тебя сего!!!..

Со времени выезда моего из Грузии, проезжая города, имел я квартиры, но все прочее время живем лагерем[1]. Местах в трех или четырех закрыты мы были тению садов, но в самые знойные месяцы года мы на чистом воздухе, с миллионами гадов на земле.

Нет ни у кого постели, и даже не без труда ковры достаем мы на подстилку. Если бы не взяли мы с собою столов и стульев, то не на чем было бы отобедать. Недавно увидели мы вино, которое можно не считать отравою, а то должны были с дороги посылать за ним в Тифлис. Не хочу занимать тебя многими другими мерзостями.

Вот внимание, на встречу чрезвычайного посольства, о котором год знали прежде. А в разговорах ежеминутно великий Государь, царь царей, великое государство и из снисхождения равное России, но Богом божусь, что в мнении во всем нас превосходят.

Я здесь нашел *друзей наших* европейцев[2]. Какими неистовыми подлостями снискивают они едва приметное внимание. Вот как достается золото! Едва ли из кремнистой скалы труднее оно достается.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 16 сент[ября]», «Отвеч[ено] 9 окт[ября]».

Я здоров и огромною своею фигурою многих здесь поражаю страхом. Министерство не имело сего в виду, а [я] уверяю, что [это] немало может содействовать успеху дел. Божусь, что не говорю в шутку.

Прощай, завидую жизни крестьян последней русской деревни.

А. Ермолов

Поклонись от меня Киселеву[3]. Мне чрезвычайно жаль, что я получил письмо его уже здесь и недавно, и потому не в состоянии был оказать услуг моих отцу его[4], находившемуся у вод на Кавказской линии. Кроме уважения, которым я ему обязан, мне бы приятно было сделать все угождение ему собственно по дружбе к Павлу[5]. Не менее досадно мне и потому, что он не мог найти ни малейших выгод во время пребывания у вод, ибо в проезд мой чрез Георгиевск я был там нарочно и ужаснулся страшного беспорядка, которому не мог я помочь по причине скорого отъезда моего в Персию. Что можно было я сделал, осмотрены воды, сделан план строению для удобства купающихся, и это уже составило значащую сумму, а за покои для жилья и приняться не смею, ибо и кустарника нет, которым бы обжигать кирпичья, не только строить что-нибудь из дерева, где одно хорошее бревно стоит более 25 рублей. Откуда возьму я деньги и смею ли я просить, когда на необходимейшие предметы прошу я с осмотрительностию. Однако же по возвращении с пособием верных наших солдат примусь я делать понемногу заготовления, и может Бог даст мне способ более предместников моих сохранять экстраординарную сумму, из которой буду я уделять по частице.

Устроение вод в порядок должно бы, однако же, быть занятием правительства, ибо издержки на то употребленные возвратятся с выгодою. Сие заведение не менее достойно внимания, как и инвалиды, на которых все состояния государства беспрерывные делают пожертвования. Я по возвращении в Грузию намерен сделать из жалования моего первое пожертвование и сообщить министру полиции для приглашения прочих желающих. Сделай милость, доложи при случае Государю, благоугодна ли будет ему сия мера, и дай мне знать к прибытию моему в Тифлис. У сих же вод израненный солдат, возобновивший силы на продолжение верной отечеству службы, благодарить будет за попечение о нем правительства. Здесь же несчастное семейство обмоет слезы свои, видя сына исцелившегося, в котором была единственная его надежда и подпора. Прошу тебя, как друга военных, поговорить о том Государю и отвечать мне.

Удержи письма на имя Капо д'Истрии до его возвращения и не забудь отдать по приезде его. Повидайся с братом Василием и, отдав ему письмо, прочти мое к тебе.

Пишу к брату Михайле, величайшему из министров, военному законодателю. Посмотрел бы я, чтобы он здесь сделал со своею ловкостию, а особливо, как бы он смотрел на друзей наших того почтенного народа, между которым он был воспитан и где проведенная молодость приняла многие впечатления в пользу его. Они нам здесь важные оказывают услуги, которые к утешению моему получат они в свою очередь от других. Тут бы должен он был похоронить свою к ним привязанность[6]. У нас прежде бывали между собою жестокие за них схватки, и я однако же не всегда бывал виноват, что с ребячества едал

простой хлеб русский, хотя сие и не столько благородно по нынешнему образу мыслей.

На сей раз не успел написать брату Михайле, ибо с Грузиею с одною едва мог отделаться. Вскоре другого отправлю курьера и тогда напишу.

Кланяйся моим знакомым и Красоту поблагодари за аккуратное исполнение моего поручения.

К Калиостро будет послание после, теперь нет времени.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 84–87

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Середина августа 1817]**

Любезный брат Арсений!

Рекомендую тебе подателя г-на Лукьяненку, который во время пребывания здесь показал наилучшее поведение и скромность. Прошу взять его на благосклонное замечание. Словесно поручил я ему доложить тебе многое о здешней земле, и многое он сам видел и, конечно, неосновательно не скажет. Ты сам усмотришь, что столько порядочного человека наградить не стыдно.

Верный по смерть, *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 88

А. В. КАЗАДАЕВУ

*Лагерь при Султании в Персии, август 1817***

Любезный друг, Александр Васильевич.

После отъезда моего из Тифлиса доставлено ко мне три письма твоих от 8 апреля, 12 и 13 мая, и ни в одном нет ни слова приятного в рассуждении тебя самого[1]. Теперь еще менее ожидаю я по причине отсутствия двора в Москве… В. Р. Марченко пишет ко мне об увертливых отзывах Оленина, из которых я ничего доброго не предвижу. Помню я, что ты сообщал мне мысль твою прибегнуть к графу Алексею Андреевичу[2] и не уведомил еще, привел ли ее в исполнение и ждешь ли успех. Не знаю, что могло остановить тебя, ибо нет сумнения, чтоб он не принял с уважением желание твое обратиться к деятельности, зная прежнюю твою службу и не менее самые правила. Чрезвычайно жаль мне, что человек благомыслящий может встречать препятствия в похвальнейших своих намерениях, и, зная меня, ты вообрази, сколько досадно мне, что душевному моему усердию не соответствовали мои способы. Не лучше бы г[осподи]ну Оленину в глазах моих остаться благородным человеком, признавшись в бессилии своем, нежели притворяться могущим делать обманчивые обещания. Я живу между азиятцами, которые редко прощают оскорбления.

---

* Пометы А. А. Закревского: «К сведению», «Получ[ено] 16 сент[ября]».

** Помета карандашом: «Из Персии».

Благодарю любезный друг за портреты. Ты в сем случае все сделал как истинный друг мой и еще более, ибо всегда видел я досаду твою, что я не вмещен в военный список армии, обращенной в портреты[3]. Нахожу, что гравер также все сделал, но кажется, что Мошков один не все исполнил, ибо я, как все уверяют, ни мало не похож. Однако надобно с ним примириться, ибо он сделал меня похожим на графа Витгенштейна[4], что по крайней мере привычно будет продавцам. Не возможно ли уничтожить надпись? Надобно сказать тебе о Мошкове[5] как о собственном твоем человеке. Я им чрезвычайно доволен. Невозможно быть ни добронравнее, ни лучшего поведения. Мы называем его Красною девушкою и он любим все[ми] […]* его талантами, которыми не был я доволен в Петербурге по сделанному им опыту. Он привезет с собою весьма любопытную коллекцию, ибо превозмог и последний свой недостаток — леность. Поистине прекрасный молодой человек!

Вот уже четвертый месяц как я в Персии, видел шаха, двор, вельмож, пышность и прочее, поистине, кроме чрезвычайной гордости у вельмож и всеобщей нищеты в народе, ничего не видал. Невежество всех состояний неимоверное. И самой России, кажется, из милости позволяют они быть равною, но в мнении своем они во всем нас превосходят и самолюбию нет меры. Необходимость быть в сей земле крайне неприятна, и я бы желал, чтобы те которые завидывали назначению моему, оную испытали.

Совестно мне обременять тебя собственными моими препоручениями, особливо зная, что по точности твоей, ты верно сам занимаешься, но уже я сделал это и мне остается благодарить тебя по дружбе твоей […]**, а по небережливости людей наших, ожидаю и другого в запас, только сделай одолжение уведомь, что я тебе должен буду, ибо я в знатности моей сохранил прежнюю солдатскую привычку платить долги.

Поклонись от меня почтенной Надежде Петровне, поцелуй детей и невесту, а особенно Владимира, о котором уведомь, каково он учиться. По предсказанию моему о нем, мое замешано самолюбие.

Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 66–67

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Нахичевань в Персии, 25 сентября 1817****

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

С чудесною скоростию окончив дела мои в Персии и сходно с волею Государя Императора, возвращаюсь я к половине будущего октября в Тифлис. Сначала приняли было ловко меня персияне, но окончилось тем, что я их застращал так, что отказались от конференций со мною и оставили все свои претензии на возвращение им земель, нами завоеванных. Я вершка не уступил[1],

---

* Дефект оригинала.

** Дефект оригинала.

*** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 окт[ября]», «Отвеч[ено] 19 окт[ября]».

хотя предоставлено мне было найти возможность сделать шаху угодное. Приходило так, что я объявил министрам персидским, что если малейшую увижу я холодность или намерение прервать дружбу, то я для достоинства России не потерплю, чтобы они первые объявили войну, тотчас потребую по Аракс и назначу день, когда приду в Тавриз. Надобно заметить, что это столичный город любимого сына, назначенного наследником. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда говорил я о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового хватить зубами за горло. К несчастию их заметил я, что они того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, то я действовал зверскою рожею, огромною моею фигурою, которая производила ужасное действие, и широким горлом, так что они убеждались, что не может человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило до шаха известие, что я человек-зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отпускал ему разные нежности и отравлял его лестью, так что уже не смели ему говорить против меня и он готов был обвинять того, кто мне угодить не умеет. Не говори брат Арсений, а раз случилось, что я, выхваляя редкие и высокие души его качества и уверяя, сколько я ему предан и тронут его совершенством, призвал слезу на глаза и шах растаял от умиления. На другой день только и говорено обо мне и что не было такого человека под солнцем. После сего не смел никто говорить против меня и я с министрами поступал самовластным образом. Чего они не смели докладывать, я сам объяснял, и до того довел шаха, что он шутя и смеясь расспрашивал, почему я ему никакой области не отдаю. Сему поверить невозможно, чтобы о том предмете, которого исполнения ожидал он с таким нетерпением и так долго, мог он рассуждать не только равнодушно, но даже с шуткою. Министры удивились сему происшествию и говорили, что я ворожея. Вот, сказать по справедливости, надул важно, но сие потому извинительно, что тут ничего не возьмешь порядочным образом. Теперь некогда, спешу отправлением курьера, но из Тифлиса буду писать обстоятельнее, или если успею кончить собственный мой журнал[2], то лучше пришлю его, чтобы ты когда свободно прочитывал. При нем будут и все мои бумаги, которые все без исключения писал я собственною рукою, дабы никто не мог взять чего-либо на свой счет. Меня отправляли как невинного юношу и дали мне наставников[3], а я их оставил в покое и сам марал как Бог положил по сердцу. Избави Боже, если бы я последовал обыкновенному порядку, то бы мне сели персияне на плечи, а теперь я такого задал страху, что думают довольно мне задумать о гибели Персии, то я сделаю, что и Государь не проведает, а его имя дрожат. Здесь подлые англичане, живущие на жалованье у персиян, в угождение им делали самые гнусные на счет наш внушения. Расскажи Государю пресмешную случившуюся со мною историю. Я приезжаю в Тавриз, один беглый француз, кавалер Почетного легиона, находившийся при лице Наполеона и в персидской службе полковником, осмелился двух моих музыкантов, поставленных на квартиру в дом, где он жил, ударить саблею и выгнать вон. Я послал требовать от наследника, чтобы он был наказан за дерзость. Мне обещали удовлетворение и не сделали. Я среди столицы поставил свой караул, велел взять полковника-наполеониста под стражу и обиженным музыкантам отмстить за обиду. Он был наказан пощечиною и высечен плетьми, а саблю я отослал к наслед-

нику, и он тотчас был выслан из города. Вот каким образом в бестолковой сей земле поступать надлежит или ничего не добьешься! Это не дипломатический поступок, но весьма удачный и решительный. Прощай! Поклонись брату Василию и Кикину[4], буде он в Москве. Из Тифлиса буду ко всем писать.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 89–90

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 22 октября 1817**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Фельдъегерь доставил мне последнее письмо твое. Он в шестой день был уже в Моздоке, но снег ужасный в горах заставил его идти пешком, и он сюда не прежде мог приехать как в одиннадцатый день.

Итак, любезный брат, возвратился я из Персии и дела мои кончились, благодаря Бога, сходно с желанием. Я сам не думал, что так скоро могу отделаться, но мое счастье богатырское. С тобою как с другом могу говорить откровенно; вообрази ты положение мое! Совсем не знаю дела, никогда не входит в голову военного человека приуготовлять себя на подобное препоручение. Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле. В ней поручено мне поступать по общепринятой ныне *филантропической системе*, которая совсем здесь не приличествует и всякая мера кроткая и снисходительная принимается за слабость и робость. Еду ко двору, известному нестерпимою гордостию и надменностию, и что же везу с собою? Отказ на возвращение областей, которое шах ожидает четыре года, а вместе с тем грамота государя к нему и письма графа Нессельроде, объясняющая ему, что на меня возложена обязанность изыскать средство сделать ему угодное. Ко всему тому шах и министерство уверены, что посольство не может быть отправлено с другим намерением, как искать высокого его дружества и с покорностию поднести требуемые провинции.

Призвав Бога на помощь и всегда покровительствующее меня счастие, пускаюсь. На самой границе встречают меня чиновники и назначенный ко мне главным приставом довольно знатный человек, бывший сам послом два года при Наполеоне[1]. Встречаю их с ужаснейшею гордостию, и первый вопрос — будет ли ко мне навстречу *сердарь эриванский*? Надобно заметить, что это один из знатнейших людей в государстве, приближенный к шаху и командующий пограничными провинциями, который терпеть нас не может и славится в Персии двумя несчастливыми нашими предприятиями на Эриванскую крепость, которую он защищал против нас. Шах уважает его отлично, и он одарен особенною доверенностию и преимущественными пред прочими правами. В составленном для встречи моей церемониале именно сказано было, что он не встречает. Я потребовал, прикрикнул, и он исполнил мое желание. Потребовал потом, чтобы он сделал мне визит, и он приехал первый. Далее в Таври-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 27 ноября», «Отвеч[ено] 7 декабря».

зе, где живет наследник и скопище наших неприятелей, я не был доволен приемом, уехал не простясь и ругал как каналью первого его министра, с которым поссорился я с намерением, чтобы он не мог при переговорах о делах употреблен быть непосредственно, ибо я решился требовать, чтобы он удален был от участия. Шах узнал, что я неприятно расстался с наследником любимым его сыном, и был в отчаянии, особливо, когда взял я на себя труд довольно ясно истолковать, что на персидский престол всходить не легко без главнокомандующего в Грузии. Понеслись известия к шаху, что я человек чрезвычайно гордый, характера зверского и стараюсь изыскать все причины к вражде. Шах высылает ко мне одного из любимцев своих, третьего министра, человека весьма умного, под видом будто бы занимать меня, чтобы нескучно было мне до его приезда, который отложен был на три недели, а точное намерение состояло в том, чтобы узнать, которые из провинций отдать я соглашаюсь и как далеко можно простирать требования. Он имел *полную мочь* вступить со мною в переговоры. Он препроводил письменную сию доверенность, и я, не прочтя, возвратил ему обратно, объяснив, что я не бухарский посланец, которые к ним приезжают на поклон с шалями. Что, не имевши приемной у шаха аудиенции, я ни с кем переговоров о делах не имею, но с ним, как с человеком умным и которого желаю я приобресть дружбу, я весьма охотно хочу рассуждать о делах не официально, но приятельски. И так все то, чего не мог бы я говорить как министру, я говорил как приятелю. Были споры, ссоры, меня стращали войною, я по обстоятельствам, то боялся ответственности пред Государем за оную, то сам вызывал, уверяя, что я душевно желаю оной и что мне в оправдание пред Императором только то надобно, чтобы я не был причиною. Что, впрочем, это желание всех русских. Одно, что было постоянно в моих разговорах, это отказ провинций. Двадцать дней мучил он меня скучными повторениями требований, но как человек весьма умный заметил мою решительность и твердость и что нет никакой на то надежды. Наконец отправился он навстречу шаху и, конечно, обо всем донес ему. Шах приехал, и я имел мой въезд в Султанию. Он был приуготовлен видеть во мне ужаснейшего человека и самого злонамеренного. Как удивился шах, когда с первого шагу начал я ему отпускать такую лесть, что он не слыхивал в жизни и все придворные льстецы остались назади. Чем более я льстил и чем глупее, тем более нравилось и я снискивал его доверенность и до того достиг, что он даже о самих делах рассуждал со мною, чего по обычаям шах не делает, а особливо с иностранцами. Министры ужаснулись, ибо того не могли они умничать или что-либо делать вопреки, боясь, чтобы я не пожаловался шаху, говоря обо всем свободно.

Шах давал праздники, забавлял меня и всячески старался сделать удовольствие. Не было разговора обо мне, чтобы он не распространился в чрезвычайных на счет мой похвалах, поручая вельможам своим, чтобы они оказывали мне возможное внимание. Он даже один раз в присутствии их сказал, что как я имел счастие быть удостоин доверенности Императора, то и он уполномочивает меня со своей стороны все то делать, что может служить к утверждению согласия между обоими государствами. Можешь представить, что значат подобные слова в устах деспота, произнесенные рабам. Я после сего вельможами уважаем был как будто сам из первейших членов государства. Иногда я сам поступал с ними как с невольниками, и если бы нужно было для пользы дел

моих потребовать чей-нибудь нос или уши, то едва ли бы сделали в том затруднение. Вот, брат Арсений, как я шаха надул, и теперь беда тому, кто бы стал обо мне говорить худо. Он уверен, что я исполнен удивления к высоким его добродетелям и люблю его славу и что предан ему душою. Как уговаривал он меня, чтобы я познакомился ближе с сыном его наследником престола и полюбил его. Какой строгий был послан фирман, чтобы наилучшим образом был я принят в Тавризе и чтобы выехал довольным. Шах, отпуская меня, сказал мне при всех, что язык его не хочет выговорить, что он меня отпускает. Что оставалось мне сделать из благодарности? Я навел слезы на глаза, и шах тронут был моею чувствительностию и чистосердечием. Я при выезде из Султаниэ сделал производство в память российского посольства. Главному приставу, сопровождавшему меня, выпросил милостивый фирман, и двух ужаснейших подлецов, находившихся при посольстве, пожаловали в ханы лишь только я пожелал того. Я выдал себя за потомка славного Чингисхана, покорившего некогда Персию. Шах знает, что в то же самое время татары владели Россиею и что многие провинции сего народа принадлежат ныне России, сохраняя закон свой и обычаи. Мне поверили и с радостию смотрели на меня, как на человека, происходящего от знаменитой крови и мусульманина. Страшные усы мои, которые по обыкновению азиатскому подкрашиваю я черною краскою, утвердили их в вероятии, и теперь в Персии, если назовешь меня по фамилии, немногие знают; если скажешь потомок Чингисхана — все знают непременно.

Государь не подозревает, что он между подданными своими имеет столько знаменитого человека, предупреди его, хотя для того только, чтобы не взыскано было с меня за усы, которые приобрели мне великое в Персии уважение. Легко весьма быть может, что персияне узнавать будут, точно ли я Чингисхановой породы. Я писал и к Каподистрии. Не сказал я тебе, что шах, из особенного внимания к русским, дал моим чиновникам свой орден *Льва и Солнца* и мне первой степени оного. Я просил князя Волконского о позволении поместить его в число имеемых мною орденов.

Многие, любезный Арсений, из завидующих моему счастию, взбесятся, что дела мои кончил я столько удачным образом. Им бы хотелось, чтобы увлеченный желанием начальствовать отдельными войсками по собственному произволу, заварил я кашу и тем бы не исполнил воли Государя. Обманулись! Я очень знаю, где польза моя собственная должна молчать пред пользою моего отечества, и если бы надобно было и еще большие принести в жертву выгоды, то бы я ни минуты не задумался. Ты дал мне известие о Каподистрии, что он в пользу мою говорит *Самому*[2]. Это происходит от удовольствия, что простой солдат не изгадил их планов и намерений. Я люблю сего человека, как отлично умного, и отдаю ему справедливость, что никто лучше не видит пользы политических наших дел.

В письме твоем ты говоришь мне, что о замещении покойного Кутузова[3] пишешь ко мне по воле Государя, но ты ничего о том не прислал. Уведомь меня, какие вы имеете намерения и кого мне дадите. Едва ли возможно заместить его кем-либо ему подобным. Потерял я наилучшего помощника, столько же усердного службе, сколько сберегавшего доброе мое имя. Помоги, любезный Арсений, пособить бедному его семейству, когда буду я просить Государя. Дайте Бога ради кого-нибудь годного человека. Я один сделать ничего

не успею. Весною надобно мне быть на Кавказской линии и не на кого положиться в моем отсутствии. Приготовьте также способного человека на место Дельпоццо. В его лета мудрено не делать много вздора и пора думать, дав ему спокойное место, его переменить другим. Видите вы необходимость в двух хороших генералах. Мне надобно часто отлучаться, дабы узнать землю и придумать способы привести ее к лучшему состоянию. Без точных сведений ничего сделать нельзя и все самому видеть надобно. Дайте мне способы, и вы что-нибудь увидите порядочное. У меня все такие генералы, исключая Сталя, что я собрал их в Тифлис, находя полезнее не отпускать их по местам.

Кто вам вложил в голову сделать Дренякина командиром 1-й бригады? С местом сим соединено начальство над Дагестаном, землею обширною, часто неспокойною и от меня отдаленною на 700 верст. Там необходим человек умный и сметливый, а про него кто же не знает, что он человек ужасно тупой и в сей должности совершенно негодный. Во всякой другой бригаде его терпеть весьма можно. Вы вскоре получите представление мое о большой перемене мест между генералами. Какими судьба казнит меня товарищами! Надобно поблагодарить тебя, почтенный Арсений, за Наумова. Мы очень хорошо понимаем, что он тебе обязан производством, ибо его втащил ты на самом конце. Знаю я и то, что ты же причиною, что Ховен произведен в генерал-майоры. Вот достойнейший человек, которого бы почел за счастие иметь здесь, если бы не препятствовало бедное его семейство. Не худо и тебе его присвоить к себе. Доволен будешь. Поздравляю вас с богатым производством в генералы. Скажи Орлову и Киселеву, что я весьма рад. Бедняжка простячок Калиостро важное пригрел себе местечко[4]. Свернет он голову многим из коллегов своих.

Скажи, откуда столько нечаянно напало графство на Мишо[5]? Неужели Россия не могла без того обойтись? Если же папа[6] производил его, то можно позавидовать!

Пришли, сделай дружбу, квартирное расписание армий[7], я ничего не знаю; а как то может быть тайна, то я сохраню ее.

Теперь важная предстоит просьба. Разбогатевши от сделанных мне в Персии подарков, вздумал я сам делать подарки, состоящие в шалях, которые мне, солдату, беречь для себя непристойно, но и продавать не приличествует. Выбравши лучшие из них, посылаю я царской фамилии, а прочие знакомым. Я пригласил здесь купечество, и оно оценило все сделанные мне подарки. Одних шалей было на 44 тысячи рублей. Я вообще всех их разослал и у меня ни одной не осталось. Прочих вещей всякого вздора было на 28 тысяч и 9 лошадей, из коих некоторые весьма хорошие. Их не отдаю, но заведем завод и тебе конь будет добрый. Хочу некоторых отослать и в Россию, ибо здесь они меня разорят, но боюсь, что не выдержат нашего климата, тогда как и в Персии никак минуты не бывают оне без попон. Впрочем, как бы то ни было, но весною путешествуют они в любезное отечество — Орел. Я прилагаю у сего список, кому посылаю шали. Сделай дружбу, прикажи снять обшивку с ящиков и разошли шали, а царской фамилии изыщи средство чрез кого-нибудь представить. Также посылаю я два ковра графу Аракчееву и князю Петру Михайловичу. Поручи все это Красоте Ивану Васильевичу, тебе нельзя заняться пустяками. Шали же, идущие за границу, сделай милость отправь с первыми курьерами.

Тебе, почтенный Арсений, посылаю также шаль. Прими, как добрый приятель безделицу на память.

Не взыщи с меня, что отсюда отправил я фельдъегеря чрез Орел; мне хотелось старику-отцу дать известие о моем возвращении.

Свалившийся с гор снег засыпал дороги, и не мог я скоро отправить курьера. Обвалы так велики, что старики не помнят подобных. Более трех суток остановилось течение Терека и на три версты пространства засыпало дорогу снегом толстотою на пятьдесят саженей и даже более. Нам иногда пишут о снежных глыбах Швейцарии, если о наших, то никто не поверит.

Фельдъегерь Дешевой приехал в 6-й день в Моздок и очень скоро сюда. Вскоре по его проезде обрушился снег. Это славный малый и хорошего поведения. Не знаю, откуда ты достаешь их? Фельдъегерь Матвеев, которого ты давал в посольство, во время пути в Персии сходил с ума, сие приписали действию чрезвычайных жаров, но вылечили тотчас. По возвращении в Тифлис повторился тот же припадок, но бросили кровь[8] и в один день помогли и прошло совершенно. Доктор поручил ему делать более движения. Он был беспрестанно на глазах, получил жалованье и пропал без вести. На руках его были вещи посольства, как у человека особенно честного и верного. Все совершенно сбережено и даже собственное жалованье его цело до копейки. Жаль прекрасного сего человека, и ты получишь формальную бумагу.

Не забудь обещанных мне музыкантов из военной школы. Здесь во всех полках прежалкие. Я едва мог собрать для посольства и теперь их распустить не могу. Здесь нельзя не иметь музыки для наружности, которая между здешними народами необходима. Все подобное внушает уважение, а здесь нередко надобно действовать на мнение людей, особенно таких, которых поражает наружность. При сих музыкантах намерен я сделать некоторый род школы для полков, и если дашь ты мне несколько человек, то они усовершенствовавшись разойдутся по полкам. Ты желаешь иметь мой журнал, но у меня его нет, а есть некоторые пустые и глупые записки на все то, что видел я смешного в Персии. Переписавши их, я тебе доставлю, и как в них все вздор, то можешь их показать кому угодно.

Прощай. Будь здоров, ибо я всегда говорил тебе, что ты человек полезнейший, присоединяющий к тому и прекраснейшую душу.

Верный *Ермолов*

Записка о препровождаемых шалях.

Императрице Марии Феодоровне[9].
Елисавете Алексеевне[10].
Великой княгине Александре Феодоровне[11].
В особенных ящиках за границу.
Ея величеству Екатерине Павловне[12].
Великой княгине Марии Павловне[13].
Анне Павловне[14].
Его высочеству Константину Павловичу.
Василию Романовичу Марченко.
Петру Андреевичу Кикину.
Александру Васильевичу Казадаеву, в особенном ящике.

Брату Арсению.
Ковер графу Аракчееву.
Ковер князю Волконскому.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 91–97

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 28 октября 1817

Любезный брат, Петр Андреевич.

Хотя не давно расстались мы, но видно много ты от меня отвыкаешь, ибо не вверяешься в счастие мое со мною неразлучное. Скорое возвращение мое из Персии дало тебе сумнение насчет успеха порученных мне дел, но оно уже рассеяно, ибо после письма твоего, чрез два дни, должен был приехать от меня курьер с донесением, что дела по желанию окончены, что Персия отступает от претензий своих на некоторые из областей наших, что положено доброе основание дружбе и что можно ею пользоваться, сколько нам приличествовать будет. Я не дипломат, но в руках наших сохранил средство или быть в приязни или завтра за бороду! Не трудно умничать, когда Государя слава велика и мать Россия могущественна! Многие нередко промышляют сим средством, а часто им относят в особенную способность и приписывают талантам. Я чистосердечнее их и признаюсь, что к успеху способствовали и огромная фигура моя и приятное лицо, которое омрачил я ужасными усами, и очаровательный взгляд мой, и грудь высокая, в которую ударяя производил я звук, подобный громовым ударам; когда говорил я, персияне думали, что с голосом моим соединяются голоса ста тысяч человек, согласных со мною в намерениях, единодушных в действии. Одним таковым средствам гордость персидская уступить должна, и по счастию моему, я попал на выбор средства. Я не преступил данных мне наставлений dans les résultants*. Не перешел пределов, но признаюсь, что был на крайней черте оных. Не остановиться на самой было бы то же, что дать вперед несколько шагов над собою. Неужели русский пред троном шаха должен пасть на землю и с уничижением принести в дань области, приобретенные кровью нашей. Не знали персияне могущества России и во мне ожидали найти подобно многим из предместников моих, которых восхваляют умеренность. Надменность персидская ожидала от меня низких угождений, а кончилось тем, что сам шах хвастал вниманием моим к нему и то не оставил без замечания, что я, отказавши покориться оскорбительному этикету, входить без обуви в красных чулках, когда бывал у него в сапогах, позволял при входе сопровождавшему меня лакею обтирать с них пыль. И это принималось за одолжение. Более всего нравилась лесть, которой отраву приуготовлял я на европейским манер, для шаха довольно в новом роде. Собственных льстецов, как и у всех царей, у него также много, но к ним он прислушался, а иностранцы в таковых случаях имеют преимущество.

---

* В исходе дела (*фр.*).

Ты хочешь описания моего путешествия. Но когда было его сделать. Самое любопытное время было пребывание мое в Султании, но я все его употребил на лесть шаху, на споры и иногда ругательства министров. Есть некоторые записки, собственно до меня касающиеся, и правду скажу, что самые вздорные; я обещал их прислать Закревскому, прежде пожелавшему их иметь, и тогда ты возьмешь их у него.

Потеряли мы доброго Кутузова, а я лишился в нем наилучшего помощника и мне здесь необходимого. Сюда не скоро заманишь хорошего. Я, как говоришь ты, существо, но какое впрочем ни есть, ты должен признаться, что не всякий, подобно мне, пойдет сюда на беспрерывные труды и с успехом, весьма сумнительным. Я не génie créateur*, а здесь всему надобно дать начало и в некоторой степени совершенства; здесь одно только зло.

Посылаю, любезный Петр Андреевич, сестре шаль из подаренных шахом. К ней не адресуюсь для того, что выгоднее к тебе, как к человеку, столь же мало как я знающему. Представь, что я сам выбирал и с моим в сих вещах вкусом. Одно оправдание, что она из числа шахских шалей. Я уверен, что почтенная сестра примет снисходительно от человека усердного.

Твой верный брат *А. Ермолов*.

Почтенная сестра Мария Ардалионовна[1]. Какое начало! На клочке бумаги, в одном письме с мужем! Кто пишет? Посол!!

Чего ожидать можно доброго от такого невежды, и ему поручаются дела как порядочному человеку! Представьте, какую перемену принесло мне кратковременное в Персии пребывание. Давно ли из Петербурга? Я помню себя там милого и любезного в обществе, особенного приятного в обращении с женщинами; словом помню себя душою общества. Более всего мучит меня то, что завидующие моим совершенствам восторжествуют. Я вижу брата Петра Андреевича, который даже о красоте моей говорит с презрением. И взгляд его кажется ему приятнее и улыбка милее; а до сего времени трудно было решить, на кого из нас природа более рассыпала щедрых даров своих.

Со всею, однако же, переменою во мне, я сохранил тоже совершеннейшее почтение и истинную приверженность, с коими имею честь быть покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 501–503

А. В. КАЗАДАЕВУ

*Тифлис, 30 октября 1817***

Любезнейший друг, Александр Васильевич.

Весьма досадно всегда говорить доброму приятелю о счастии и тем воспоминать ему, что оно не столько или совсем ему не благоприятствует. Вот мое положение в отношении к тебе. Но как ты принимаешь дружеское участие во всем, что до меня касается, то я скажу тебе, что после довольно трудного и столько же неприятного путешествия возвратился я из Персии чрез шесть

---

* Творческий гений (*фр.*).

** Помета карандашом: «Возвращение из Персии».

месяцев моего отсутствия. Дела мои кончил я совершенно сходно с желанием моим, то есть с волею Государя. Трудное по новости своей для меня поручение в земле неизвестной у двора горделивого и надменного, меня весьма устрашало, но усердие мое и добрую волю вознаградил Бог успехом. Не легко было отвергнуть требования персиян, ибо слишком нерешительные до того употребленные меры утвердили их в надежде, что мы то сделаем непременно, чего они желают. Надобно все было отказать и притом еще связи дружества и согласия сделать прочнейшими. Тут испытал я, что счастие записалось в мою службу и в повиновении у меня. Я понравился шаху средствами лести, теми, которые уже стары в Европе и весьма еще действительны в Азии. Вельможи персидские самые величайшие льстецы, которых единственное средство, всегдашнее ласкательство, должны были уступить мне, и я овладел благорасположением и даже доверенностью шаха. Меня сие не удивило, ибо нередко видал я, что немалыми преимуществами пользуются иностранцы. Шах по обычаю в Персии никогда с иноземцами не говорит о делах, но со мною сам рассуждал о них, и потому только взяли они столько скорый оборот, а министры терзали меня до того несносными утомительными повторениями преглупых требований. Собственно особенному шаха ко мне благоволению обязан я, что все так же кончено, как мне хотелось, и он не упускал случая давать мне чувствовать, что благорасположение его не малое имеет в том участие. Он искал мне доказать его отличным вниманием и уважением ко всем русским, принимая их самым благосклонным образом. Уничижительный этикет двора, которому покорялись французы во время Наполеона, которому доселе покоряются англичане, для меня был переменен и тогда даже как шах еще не знал меня. Я предупредил, что я ничего не приму подобного и могу возвратиться, ибо если я не исполню поручений моих как посол, то могу утешиться как главнокомандующий в Грузии. Сие последнее обстоятельство весьма не нравилось. Вам, жителям столицы, видящим ничтожность нашу, кажется сие смешным, но персияне даже и к царям грузинским, сколько, впрочем, не достойны были они презрения, имели особенное уважение.

С шахом простился я так, что он жалел меня отпускать, вельможи рады были, что я еду, ибо я трактовал их с такою гордостию и презрением, что если они не всегда тем оскорблялись, то, конечно, навсегда вселил я в них страх ужасный. Я в утешение их уверял, что еду прямо в Россию и не остаюсь в Грузии, и видел их радость. Теперь не знаю, как им объявить, что я сосед их по-прежнему. На возвратном пути моем я даже некоторую взял осторожность в пище. В Персии нет преступлений, все в понятии возможным*.

Скажи совершенное почтение мое любезной и почтенной Надежде Петровне и проси ее от меня принять шаль из числа полученных мною в Персии в подарок от шаха. Я сам выбирал ее и потому не надеюсь на вкус, но утверждают знатоки, что будто должна она нравиться странностию. В простом понятии моем это весьма незавидный способ нравиться.

Поцелуй милых детей и Владимира особенно.

---

* Так в оригинале.

Отошли, сделай дружбу, препровождаемую посылку к Петру Ивановичу Меллеру-Закомельскому. Я писал к нему, что поручил тебе как аккуратнейшему человеку.

Прощай. Люби меня по-прежнему, а моя к тебе привязанность и чистосердечна и беспредельна.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д.33. Л. 68–69

ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСЕЕВНЕ

Тифлис, 30 октября 1817

Ваше императорское величество, всемилостивейшая Государыня.

Имею счастие всенижайше поднести Вашему императорскому величеству две шали, избранные из полученных мною от шаха персидского в подарок. Не мог я, Государыня, сделать лучшего из них употребления, и надежда, что Ваше императорское величество благосклонно простить изволите смелость сию, меня к тому ободрила[1].

РГИА Ф. 535 Оп. 1. Д. 10. Л. 155

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 5 ноября 1817**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Только что приехал Стабуш, и я сажусь писать к тебе. Благодарю за его производство. Я не знаю человека лучшего поведения и скромнейшего. Пришли его обратно, мне нужно будет послать его в Персию когда-нибудь, а там надобен человек не лакомый на подарки. Он испытан мною и точно таков. Какое благодеяние сделал ты возвращением чина несчастному Розену[1]. Жаль, что в приказе, когда он был разжалован, не было сказано об орденах его и потому в виду они не были, когда ему отдали чин, ибо нет сомнения, что и их бы возвратили подобно как Кавалергардского полка офицерам.

Какие чудесные получил я со Стабушем письма. Каподистрия и Нессельроде не говорят ни слова о моем деле, так точно как будто или я не ездил в Персию или, по крайней мере, все перепортил. Если бы обер-офицер делал какое-нибудь пустое следствие, то бы и оно обратило более внимание. Я вижу из писем недоверчивость к здравому моему смыслу и что я только все кончил на словах и ни на что нет доказательства или бумаги. Тебе скажу правду с тем, чтобы ты не говорил никому, что не только есть все нужные бумаги, но посылаю к Нессельроде и мнение мое, что ему вперед делать надобно. После всего того без досады приму, если он удивится скорому окончанию. Надобно думать, что он привык к медленности, или имел дело с людьми не весьма расторопными или такими, которые его важно надували. Я не виноват, что случилось мне избрать хороший способ и что меня несколько испугались, что, впрочем, не

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 27 ноябр[я]», «Отвеч[ено] 7 декабря».

должно быть странным, ибо нужно только дать разуметь, что Россия и Государь российский. Не мне должно упрекать, если другие не умеют столько сами чувствовать и других заставить, кому они принадлежат. Я по делам политическим был бы величайшею невеждою при европейских дворах, а в Азии после того, как присмотрелся, сумневаюсь, чтобы мне нужно было получать наставление от иностранной коллегии. Данные мне помощники ничего более меня не знали и ничему меня не научили. Я посылаю письмо к брату Михайле — он меня мучил, чтобы я ему написал о Персии. Прочти его и отправь. Увидишь, что я говорю о любезной ему нации. Будет мне хлопот с ним, но за правду и терпеть можно. На меня нашел *столбняк*, ибо я тогда только вспомнил, что у него сестра за англичанином.

Ты увидишь из письма вкратце состояние Персии. Увидишь всю истину насчет поведения там иностранцев. Я не был бы сердит, если бы о том в точном виде дойти могло и далее. Бог знает, так ли доходят сведения?

Мне Стабуш сказывал, что ты не очень здоров, и уведомил меня о твоей потере. Жаль, любезный брат, и не менее потому, что тебя огорчает.

Михайлова дельно вы отваляли и *Дельпоццо, старому макарону,* не даром помоете голову: приметь пакостное намерение, лишь только я отлучился, то он и сделал представление. Эта каналья ворочает у него всеми делами и на линии чудеса происходят. Лишь только весною можно будет проехать чрез горы, тотчас отправляюсь на линию. Надобно уничтожить несколько крепостей, которые хороши были 30 лет назад, надобно некоторые сделать. Нужно сделать положение линейным казакам, которые доведены до ужаснейшего распутства и мошенничеством полковых своих командиров несут неравные тягости и чрезвычайно терпят. Видишь ли, почтенный Арсений, что мне надобен весьма способный человек для командования Кавказскою линиею. Доложи Государю о том. Я один ничего не сделаю без помощников. Сил не станет человеческих. Невозможно и из Грузии надолго отлучиться. Весною у меня назначено начертание границ с Персиею и тут не без хлопот будет!

Между тем наскучили *чеченцы*, и дерзкое поведение их дает вредный пример другим народам, которые, смотря на их успехи, думают, что мы не в состоянии усмирить их. Это совершенная правда, что нельзя смирить прежними способами, ходя к ним в горы и теряя напрасно людей, но как я взялся, то смирим и не весьма в продолжительное время. Я об этом напишу к вам по службе подробно и прошу пользоваться спокойным временем, чтобы в продолжение оного сделать то, что в другое время сделаться может вредным и помочь будет невозможно. Как хотите, но дайте мне один полк пехоты на линию. Будет время — я и сам его лишнего иметь не захочу. Сообразите, сделайте милость, что с линии взяты Борисоглебский и Нарвский драгунские полки и уже с приезда моего отпущены два полка донских казаков. Арсений, друг любезный, возьми свои меры, чтобы мне не сделали отказа и начатое мною распоряжение занять реку Сунжу не осталось бы без уважения. Тогда я брошу сие предприятие и вам стыдно будет переносить дерзость и нахальство чеченцев, которое производит весьма худое влияние на горские народы. Вы получите обстоятельный сему план, и я хотел приступить к тому с начала весны, когда сам я буду на линии, ибо не под своими глазами я не хочу сего делать.

Прощай, любезнейший друг, будь здоров. Вскоре пришлю я фельдъегеря Дешевого с разными нужными бумагами, а Стабуша возврати ко мне.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 98–99

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Тифлис, 5 ноября 1817]

Податель письма сего поручик фельдъегерского корпуса Стабуш, человек отлично благородного поведения, о котором не могу я сказать довольно похвалы, сколько он достоин. А ты награди его приветствием, которым сделаешь его счастливым.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 109

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 5 ноября 1817**

Любезный и редкий брат.

Я возвратился из Персии в шесть месяцев отсутствия моего из Грузии. Не мог я сам ожидать того, и еще менее другие, а потому и различны были заключения насчет скорости, до того времени, как приехал от меня курьер. Счастие мое не оставило меня и в сем совершенно новом для меня препоручении. Дела кончил я совсем сходно с нашим желанием. Персияне не довольно хорошо знали нас и не имели к нам доверенности. Иноземцы, живущие у них, не имели выгоды представлять нас в настоящем виде, дабы не внушить им желания сблизиться с нами и утвердить приязненные сношения, в каковом предположении теряли они могущество своего влияния. Они не только не опровергали мнения, весьма невыгодно для нас распространившегося, напротив, старались придать ему вид основательности. Из всех иноземцев, посетивших Персию, действие французов было более открытое. Наполеон искал вредить России всеми образами и Персию потому старался возбудить против нас. Прислал мошенников, которым удобно было пользоваться тогдашним нашим с Персиею несогласием, и они, истолковав неудачные войны наши в Европе, глупых персиян уверили, что они могут быть нам опасными. Французы не имели однако же нас главнейшею целью своих занятий и персидским войскам старались дать образование для того, чтобы обратить их на Индию. Я, будучи в Персии, узнал у верховного визиря, что было уже условие ввести французские войска, и Персия обязывалась присоединить свои, и приуготовлены были даже маршруты. Генерал *Гарданн*[1] не был довольно терпелив, не умел перенести прибытия англичан, взбесился и уехал. Теперь же визирь признался, что они дали более денег, нежели французы, и потому к ним расположился шах, человек скупой до крайности.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 5 (17) янв[аря] 1818».

Англичан первые старания были отвлечь внимание персиян от Индии и для того надобно было изобрести *épouvantail**. Они указали на нас и все употребили усилия приуготовленную французами недоверчивость укрепить внушением боязни. Нам приписали намерения завоеваний и уничтожение Персии междоусобными войнами и выдали себя за единственных спасителей их. Предложили учреждение регулярных войск и тем более сделались необходимыми. Персияне по глупости не видят, что это не для ограждения их, но чтобы иметь средство продать выгодною ценою самое гадкое свое сукно и брак из оружия. И в то время, как заводят они литейные дома, арсеналы, строят крепости, тогда же все употребляют меры отдалить персиян от заведения своих суконных, шелковых и бумажных фабрик. Не дают им средств вычищать сахар, который имеют они в изобилии и ежегодно привозят оного из Индии на миллион червонцев. Словом, овладели совершенно торговлею и, придав поступкам своим наружности почтенные, все действия свои учреждают на правилах ростовщиков, то есть на законах чести, свойственных купеческим нациям. Сему всеобщему стремлению к чести уступили и военные их люди. Они служат в Персии не по одному повиновению к воле правительства своего, но за получаемые от персиян деньги, по контракту и на определенное число годов.

Это самый бедный торг, производимый англичанами и в котором не достигнут они *монополии*, ибо много совместников и весьма мало глупых земель, как Персия, где верят военным их талантам и за ничтожные их способности платят чрезвычайную цену. Весьма странным казалось мне видеть офицеров английских при фронте персидских войск, когда они выставлены были для встречи моей, как посла. Они по крайней мере должны были снять мундиры своей нации, обязаны будучи их не бесчестить. Я видал их командующими внутренним у наследника караулом. Видал их, в угождение ему, в овчинных персидских шапках.

У персиян не имеют они стула и садятся, сложа ноги, на ковре. Входить обутыми не смеют, но снимают обувь и в одних входят чулках или надевают красные чулки по этикету персидскому. В то же самое время и в их присутствии каждый из офицеров моих ничего того не соблюдал, и мне не трудно было отдалить сие требование. Следовательно, господа купцы честь свою положили в курс и, конечно, выгодный. Не знаю, не положат ли и телесное наказание в цену, но случиться может, ибо персияне начинают раскрывать глаза, что они не столько опасны и что за оскорбление их, лишь бы торговля от того не потерпела, купцы не вступятся.

Извини, любезный брат, что я занял тебя недостойным предметом, но вина моя более в том, что я имею странное о чести понятие, и по оному оскорбляет меня нарушение ее. О Персии мог бы я ничего тебе не говорить, ибо есть множество сочинений, довольно обстоятельно о ней рассуждающих. Последнее из таковых известное путешествие *Малькольма*[2], но как в Персии и малейшее время делает во всем приметную разницу, то я тебе скажу то, что по кратковременному моему там пребыванию самим мною и некоторыми из моих товарищей замечено. Персия вообще по пространству своему населена мало. Бога-

---

* Пугало (*фр.*).

тейшие и многолюднейшие области ее лежат к границам нашим и по берегам Каспийского моря. Во многих местах земля такого свойства, что производить ничего не может, а причиною тому и недостаток вод, и народонаселения. Промышленности почти нет, и потому торговля ничтожная. Их мертвит неуверенность в собственности. В государстве нет удобных сообщений, ни дорог, ни судоходных рек, и единственный способ транспортирования — верблюды и лошаки. Все сие препятствует торговле, имеющей нужду в скорых оборотах произведений земли и изделий.

Образа правления определенного нет. Власть шаха беспредельна, по свойствам их более или менее тягостная для народа. Нынешний шах скуп до чрезмерности и любит собирать деньги. Грабительство сделалось необходимостию. Надобно иметь деньги, чтобы делать ему подарки. Без них нет милости шахской, нет покровительства вельмож, нет уважения равных. Деньгами приобретаются места, почести и преимущества. Ими заглаждаются преступления и получается право делать новые. Законов нет, понятия о чести нет, обязанности различных состояний государства не известны, права, им приличествующие, не определены. Вера злодейская, послабляющая страсти, гонящая просвещение. Невежество народа стоит на коленах пред иступленным духовенством, и сие дает закону истолкование по произволу или каковое полезно правительству, всегда с ним единодушному и взаимными преступлениями соединенному.

Народ вообще удобен принять образование. Покорлив, терпелив, воздержен и спокойно принимает новые установления. Надобно царствование одного шаха, который бы отрекся от права на жизнь и покорил бы ее законам, чтобы слабого оградил против сильного, следовательно, обеспечил собственность, и все вообще из персиян сделать возможно. Аббас-Мирза, второй сын шаха, назначенный наследником, подает большие надежды к устроению Персии. Пребывание при нем иностранцев дало ему некоторое образование, и он имеет несравненно обширнейшие понятия пред прочими братьями. Лучшего сердца, гораздо кротчайших свойств, но со всем тем персиянин, и иногда вырываются черты, достойные злодея. От законов природы уклониться невозможно, и это одна зависимость, которую признают властелины Персии.

После смерти Надир-шаха[3] долгое время внутренние войны раздирали Персию, и нынешний шах, воспользовавшись утомлением народа, а паче во время Аги-Магмет-хана[4], удобно соединил [ее] под власть свою и 20 лет царствует покойно. Смерть его вновь повергнет Персию в междоусобие. Старший сын, несправедливо удаленный наследства[5], питает к брату своему вражду неугасимую. В государстве известны разные партии и все готово к жестокому кровопролитию. Думать надобно, что успех будет со стороны наследника, ибо он не перестает усиливать свои войски, которые, будучи устроены по-европейски, имеют большие преимущества и всегда в готовности; а у брата его войск постоянных нет, и прежде нежели собрать их может, подвергнется такой опасности, которая охладит его сообщников и даже отвлечь может.

Я видел регулярные войски Персии. Артиллерия в весьма хорошем порядке; мне показывали практическое ее учение, и у нас не все так хорошо приучены. Мне представляли ученье баталиона пехоты. Я мало видел иностранных войск лучше выученных, а в Грузии все мои вообще хуже их в ученье. Появи-

лись крепости по образу европейских. Завелись литейные дворы, снабжаются арсеналы, разрабатываются рудники и прочее. Со временем будет работа моим наследникам, разве внутренние беспорядки похоронят все успехи сих заведений, что весьма правдоподобно. Персия, населенная народами воинственными, может поставить сильные ополчения против внешних неприятелей и положением своим сохраняет большие выгоды для обороны. Самые те же причины внутренние беспокойства делают опасными. Природа почти каждую из больших областей оградила цепьми гор и положила твердые пределы. Почти каждую населила народом, особенные свойства имеющим, которые правительство должно различать в правах и преимуществах и потому не обладает одинаковою их приверженностию и между ими посеяло зависть. В Персии примеры возмущений делают большой разврат, ибо свежи в памяти происшествия, утверждающие в возможности освободиться от власти и зависимости. Недовольные всегда выжидают, чтобы народ возмутившийся или приобрел успехи или усилился какими-либо внешними пособиями, и тогда распространяется пламя, возгорается война. Теперь бунтует область Хорасанская[6], богатая и многолюдная, и афганцы, неприятели непримиримые, им способствуют, и если бы не мир и дружба с нами, уже бы многие последовали их примеру.

Не докончил, ибо совестно и тебя занимать вздором, и мне персияне наскучили, чтобы далее говорить о них. Прощай. Вперед буду писать, как я был принят и какую важную разыгрывал я фарсу.

Люблю тебя душевно. *Алексей Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 55–58 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 30 ноября 1817**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Благодарю тебя за доставление от Воронцова книг и моего портрета, который, впрочем, все находят непохожим. Брат Михайло точно поступает побратски, присылает появляющиеся вновь военные книги, и мы иногда почитываем их в скучной нашей жизни. Наливка твоя чудесная, и я начинаю подозревать, не коснулась ли ее какая-нибудь прекрасная рука, ибо твоего собственного искусства наливки были убийственные; я очень помню, что они в глазах моих производили движение, подобное *молниеносным содроганиям* нашего некоторого приятеля. Но присланная тобою поистине удивительная. Неужели у тебя произрастает паленица[1] в том самом саду, где всегда цветы превращались в салад, где за нужную розу, с нетерпением ожидаемую, награждаемы бывали мы *пушистою крапивою*, или за прелестную лилию, которую каждый из нас желал видеть первый рождающуюся, получали мы *махровый репейник*. Признайся, Арсений, нет ли прекрасного существа, принявшего на себя труды домашнего устройства?

Сколько ни говори пустого, надобно наконец приступить к делу. Три дни принимался за перо и откладывал, не зная, что написать тебе о моих товари-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 17 декабря», «Отвеч[ено] 5 генваря 1818».

щах генералах. Тифлис похож стал на знаменитую главную квартиру; сюда собрал я всех генералов и живу между ними. Не подумай, любезный Арсений, что для того собраны они, что я без них обойтись не могу и они нужны мне для наставления меня по новости. Нет! Для того, что разослать их к местам я не смею. Если бы только лежали на них занятия по званию бригадных командиров, они были бы терпимы, но мое положение тем неприятно, что на них должен я возлагать управление областями и не под глазами моими, итак я решился жить с ними вместе и дела производить чрез способных штаб-офицеров. Одного из генералов согласил я перейти во внутреннюю стражу и по несчастию он из числа лучших, но меня понудила к тому старость его, ибо уже он сорок два года в службе, а мне здесь нужны люди живые и быстрые, а паче теперь, когда бригада его употреблена будет против чеченцев. Сделай дружбу, уважая порядочную и беспорочную его службу, исходатайствуй ему назначение во внутреннюю стражу и в край полуденный, где ему удобнее существовать без состояния. Теперь что делать мне с Загорским? Сего невозможно мне отправить во внутреннюю стражу, ибо он совершенно ничего не имеет и умрет с голода, а также весьма скоро и он сорок лет в службе и невозможно не уважать столько долговременного служения и он еще весьма усердный и с доброю волею служащий человек. Ты сделаешь и ему и мне благодеяние, если бригадным командиром переведешь его в другую дивизию, он там будет преисправный, а мне, пусть Бог будет свидетелем, ни на что не надобен и достаточно не мудр! Покойный Кутузов наделал мне хлопот своею смертию, и я не знаю кого просить на место его. Придумал наконец генерал-лейтенанта Вельяминова[2]. Я не искал в нем фронтовых способностей, ибо здесь дивизия расположена на бесконечном расстоянии и исправность полков должна лежать на бригадных командирах, но мне полезны будут его знания, ибо он отлично хорошо учился. Если однако же затруднительно будет его сюда переместить, то в таком случае определите генерал-майора Сталя 2-го, которого, впрочем, несравненно лучше иметь начальником Кавказской линии. В нем нет того огня, который желал бы я иметь в чиновнике, управляющем обширною частию, но взамену того, я знаю его усердие и уверен в честности и благородных его правилах. Вы люди чудесные и хотите дать законы самой природе и от 70-летнего Дельпоццо требуете таких способностей, как от человека со всею свежестию рассудка и с полною силою души. Он устарел ужасно, слабо смотрит за линиею; там беспорядки чрезвычайные, между войсками нет устройства, окружающие его люди страшные делают лихоимства и нет командира казачьих полков, который бы не платил дани. Ко мне беспрерывно приходят жалобы, и я очень рано весною еду сам на линию. Михайлов, которого вы весьма справедливо разжаловали в солдаты, мошенник величайший; он в вечер проигрывает по двести и более рублей в карты и из старичишки Дельпоццо, по незнанию его русского языка, законов земли и самого порядка службы, делает что хочет. Я пишу рапорт и представляю его за прежнюю службу к ордену Владимира 2-го класса. Не пожалейте дать его человеку, который, конечно, одной ленты износить не успеет. При сем случае можно ловким образом отозвать его к другой должности.

Помоги, любезный Арсений, моего Вельяминова[3] произвести в генерал-майоры. Он, как ты знаешь, достойнейший офицер, и между тем в послед-

нее производство поступили некоторые не старее его и между ними Кишкин[4] и Самбурский[5]. После сих двух рыцарей, я надеюсь, можно произвести Вельяминова. Он у меня совершенно на каторжной работе. Не огорчите меня отказом, отнимете охоту трудиться. Вить и я здесь не в удовольствиях живу. Еще представляю одного молодца подполковника князя Севарсемидзева[6]. Этот со временем заступит Котляревского, а на Лисаневича и теперь не променяю. Меня оскорбляет часть путей сообщения. Я представляю о награждении офицеров, которые в беспрерывных трудах, а им комитет сего департамента объявляет признательность от лица начальствующего оным. Скажи, сделай дружбу, какой хороший офицер станет служить из благодарности Деволана[7]? Прошу дать сему лучший оборот, или я принужден буду с *водяными*[8] ругаться, а у меня не всегда легко выиграть. Меня побранят *свыше*, я перенесу, а как Деволану слегка скажут, то придворную душу паралич хватит. Возьми на себя, почтенный Арсений Андреевич, труд просмотреть все мои представления к Государю. Мне полезно, чтобы ты взглянул на них со вниманием. Я многое говорю дельное! Надобно подумать о *чеченцах*. Не бойтесь, я не драться с ними хочу, а просто усмирить. Время мира к тому удобное. Дайте, ради Бога, один егерский полк. Не дадите, я не возьмусь за дело и стыдно будет терпеть страм от мошенников. После захотите — поздно будет!

Не назначайте моих генералов именно в какую бригаду, утверждайте просто бригадными командирами и довольно, а то я не знаю, что делать и кому поручить областей управление. Против здешних народов, а паче, когда соседи не перестают подстрекать их, надобно начальников ловких и сметливых. Невозможно ли мне разрешить по одиночке их к вам доставить полюбоваться на них. О бригадных я делаю представление, и хотя есть у меня чудаки, но когда предоставлено мне самому будет распределять их, то кое-как получше размещу их нежели теперь. Взываю к тебе, о, Арсений! Возьми от меня Загорского, но не лиши его существования, коего способы доставляют ему одне столовые деньги. Он беден, но зато честный человек!

Как не пришло в голову определить столовые деньги дежурным в корпусах штаб-офицерам. Когда получают их полковые командиры, то по справедливости можно и им дать их также, особливо, когда они столько в малом числе. Государь, как видно из приказов, объезжая корпуса, произвел многих штаб-офицеров; я также представил, кроме князя Севарсемидзева, еще двух, которые вскоре должны командовать полками. Я приуготовляю им места.

Со мною были в Персии кабардинцы, один из князей сын знаменитого человека и несколько узденей, из которых намерен я впоследствии сделать людей полезных нам для Кабарды. Князю прошу я поручичий чин, а прочим чины прапорщиков. Если откажут, то прекрасно рекомендуют меня в Кабарде.

Ты увидишь одну бумагу мою, в которой доношу я, что издержал данную мне в посольство экстраординарную сумму, состоящую из 100 тысяч рублей ассигнациями, но что я возвращаю их из сумм, положенных на содержание. Сии последние даны мне в полное распоряжение и без отчета, взамен также и жалованья, которое я принять не согласился. Ты верно доволен, что подобный тебе богатством человек делает подарки ценою в сто тысяч рублей. Знай наших, брат Арсений! Пожалуй, обрати на это внимание Государя, не мешает, если он увидит, что в деньгах я не первое поставляю счастье.

В Персии я мог, по крайней мере, взять миллион с Аббаса-Мирзы, которого надобно только было признать за наследника престола. Я сие мог сделать на основании данной мне инструкции, которая меня разрешала, но я видел в том нам вред и за сто миллионов бы не согласился. Много нашлось бы мастеров, которые бы и деньги взяли, и поступку своему придали похвальный вид. Меня многие примут за дурака!

Жаль мне будет, если ты описание всего со мною случившегося принимать будешь за хвастовство с моей стороны. Мое, божусь, не то намерение, а я признаюсь тебе, что мне приятно сказать о том, что в глазах добрых друзей моих даст мне некоторую цену, ибо я дорожу их обо мне мнением.

Ты поступил со мною злодейски, совершенно как М[азе]па. Зачем тебе было спрашивать, вывозить ли отсюда генерал-лейтенанта князя Орбелиана[9]. Неужели губернатор представит что-либо противное моему намерению. Цапнули бы, дело в шляпе и я прав! Но теперь когда угодно вам знать мое мнение, вот оно и с некоторыми подробностями. Орбелиани вызвать надобно, ибо он здесь в командование Ртищева будучи совершенным его приятелем делал здесь что хотел и имел большую власть. Многим доставлял места и важный производил побор. Теперь удален будучи от службы, а от меня вместо доверенности получая одни только комплименты и никакого влияния на дела, он очень недоволен, жалуется на несправедливость правительства, неуважающего долговременную его службу, и жалобами своими производит нехорошее впечатление. В многочисленной фамилии Орбелиановых он находит многих готовых к неудовольствиям, ибо они, принадлежа к знатнейшему сей земли роду, с огорчением видят себя лишенными тех преимуществ, которые давало им беспутное царей правление, и не понимают, что другие могут иметь равные с ними права. Желательно было бы, чтобы вы вызвали его к какой-нибудь должности, хотя незначащей, а тем самым недовольным не дали бы повода роптать с основанием. Вызвать его непременно надобно, а теперь и очень ловко, ибо он ожидает ответа на письмо, писанное им к князю Петру Михайловичу, и ему можно будет написать, что потому не было долго ответа, что уважая его службу, хотели вместе известить его и об определении к должности. Не понимаю, куда определить можно генерал-лейтенанта и человека, кроме личной храбрости, никаких других способностей не имеющего. Соглашусь, что вы мудрецы, если ему и Дельпоццо приищите вы место.

Напиши, любезный Арсений, по-приятельски, как говорят о скором моем окончании дел в Персии? Я боюсь дипломатов, ибо солдатом будучи, не мудрено, что я им может быть не во всем угодить умел. Мне кажется, главное дело то, чтобы ничего не дать и не возбудить вражды. Это я сделал, а более, право, невозможно и от меня требовать не вправе, особливо грамотами Государя и письмами первого министра, давши прежде большие надежды и сказавши даже, что на меня возложена обязанность изыскать средства к удовлетворению желаний шаха. Напиши что бы то ни было, хвалят или бранят, досадно будет если несправедливо, но я не умру с горя, ибо я не могу иметь в предмете сделать себе имя в дипломатической карьере.

Я ожидаю от тебя любопытных известий в награждение того, что меня не можно упрекнуть леностию, потому что весьма долгое время мы с тобою

обстоятельной переписки не имели. Скажи мне о твоих занятиях по службе и в свободное время, буде его имеешь. Кто составляет твое общество, с кем ты иногда проводишь время, как иногда бывало в Петербурге? Что наш брат Василий делает, которого я люблю верно более, нежели он меня, ибо его добрые качества скорее можно видеть, нежели то, что во мне есть не худое. Я уверен, что он видит у тебя мои письма и потому бесполезно писать к нему повторения. Поклонись Кикину, он счастливее вас, ибо он, будучи в Москве, может с должностию своею согласить приятности семейной жизни. С тобою тоже случится, что и со мною, пройдет неприметно на службе время, придавит дряхлость и не будет жены. Я здесь чувствую сей недостаток, общества нет, женщины дики, мужья ревнивы и продовольствие весьма худое. По знатному чину моему требуют дорогой платы, и храня пристойность, дела сии прикрываю я такою тайною, каковой у нас не требует и самая наиболее о чести пекущаяся праведница. Прегадкая жизнь! Остерегись, Арсений!

Прошу еще о Вельяминове, и если будет он произведен, то скажи Красоте, чтобы прислал шитье на мундир и эполеты, а первый фельдъегерь привезет деньги, чего будут стоить.

Чтобы тебе представить пред глаза вдруг всех, о производстве коих я прошу, препровождаю список и прошу подтвердить Калиостро, чтобы он не забыл о тех, о коих прямо писано к князю Волконскому.

Я прошу также Государя о полном пенсионе жене Кутузова, прочти мою бумагу и помоги семейству бедному и несчастному. Надобно думать, что у сих сирот нет помощи, если я их ходатаем! Жена вздумала было везти тело его в Россию, я взбунтовал против сей мысли, ибо состояние не позволяет делать подобных издержек, и 24-го числа его здесь похоронил. Всякий день с горестью вспоминаю о его потере и никогда, конечно, не заменю другим, который бы столько любил меня и усердно помогал в трудах моих. Я не знаю, что делать? Надобно весною быть на линии, надобно быть здесь, ибо начнется начертание границ с Персиею и в то же время надобно быть на берегах Каспийского моря. Вельяминова посылал во время пребывания моего в Персии на Черное море и теперь могу сам не быть несколько времени, но кого в отсутствие мое оставлять буду в Тифлисе, не понимаю? Дела столько, что если не надолго отлучиться, столько наберется, что после сладить невозможно.

Вижу, почтенный Арсений Андреевич, что так работая, как я, не станет сил моих на долгое время и я измучась и с отчаянием в душе, что ничего не мог сделать порядочного, должен буду бежать отсюда. Нет людей способных и совсем нет помощников.

Вскоре делаю тебе представление о награждении мошенника аудитора Ключина, ибо я видел из приказов, что награждены чинами адъютанты Ртищева, а особливо некто Попов[10] лейб-уланского полка, естественная каналья из армян, известный здесь грабительством. Неужели в этом нельзя было отказать блаженному Ртищеву, который сам подлежит взысканию, каким он образом укрался в генералы от инфантерии. Уведомь, пожалуй, правда ли, что ему дали все то содержание, какое он имел в Грузии? Нет ли у вас тайного положения всем дуракам давать награждения, несмотря и на то даже, когда они сами порядочно промышляли о снабжении себя. Я не из зависти говорю о том,

ибо я о денежных наградах не думаю и деньги государевы славно сберегаю. Заставляет говорить досада, ибо за что ни возьмусь здесь, нет ничего, ниже первых начал к какому-нибудь порядку или устройству и по наследству от него досталось столько мошенников, бывших под покровительством или жены его, или канцелярии, или адъютантов и прочих доверенных особ.

Пришла в голову пресчастливая мысль насчет определения князя Орбелианова — спешу сообщить ее, дабы не вышла из памяти. Едва было не забыл, что в прошлом году в Петербурге случилось мне заседать в совете военного департамента, где также присутствует князь Салагов[11], который столько уже от старости сделался неспособен, что не лучше Орбелианова. Посадите туда же сего последнего, а его уверить можно, что он там надобен на случай постановлений, делаемых на Грузию, как человек, хорошо край знающий. Он будет в восхищении, что без него правительство обойтись не может. Если же выйдет он в отставку, сюда его никак не пускайте.

В представлениях моих увидишь о генерал-майоре Ховене, сделай дружбу, помоги мне достать его и как случиться может, что дрянь жена его нападет на него и будет препятствовать, то, ни слова не говоря и не спрашивая его согласия, определите сюда и дайте на проезд несколько денег, а я знаю, что он будет после весьма доволен своим назначением. У меня будет и честный и толковый губернатор, а сия часть у меня весьма немного имеет порядка.

К тебе явится коллежский советник Мазаревич[12], который при посольстве назначен был доктором и которого по способности употребил я иначе и четыре месяца прежде себя послал в Персию. Если только разуметь будешь его русский язык, он тебе много любопытного скажет о Персии и весьма подробно о том, что со мною там происходило; он был свидетель всего. Приласкай его по дружбе ко мне, он человек весьма умный. Я отправил его к Нессельроде с поручениями по делам с Персиею.

Вскоре пришлю я к тебе ведомость о состоящих в полках ружьях, из которой увидишь, каких много различных они калибров и сколько таких, которые во всех прочих местах уже не в употреблении. По расположению полков на большом расстоянии нет никакой возможности передать их из одного в другой. Единое средство состоит в том, что ежегодно надобно, по крайней мере, чтобы вы присылали новых ружей на три полка, начиная прежде с егерских полков. Старые буду я отбирать и сохранять в крепостях, где ружья всякого калибра, хотя с некоторым неудобством, быть однако же могут. Впоследствии вы получите проект мой о сформировании в здешнем краю гарнизонов совсем на особом положении, нежели до сих пор. Сии гарнизоны могут быть вооружены отобранными от полков ружьями и могут служить запасом для пополнения в полках убыли во время войны. Там будучи собраны, разобраны будут по сортам. Помоги, Бога ради, мне в сем случае; ты представить себе не можешь, в каком ужасном они здесь состоянии и поправить нет способов, не так как в России. Недавно получил я расписание о нижних чинах, поступающих ко мне по уничтожении вторых в полках баталлионов. Взгляни, любезный Арсений, как Бога не боятся, что сюда посылают людей из Финляндии. Одно расстояние и путь в зимнее время достаточны истребить людей, а еще более разность ужасная климата, а после будете взыскивать за убыль людей. Неужели

невозможно было назначить из ближайшего корпуса. Грех у вас будет на душе, и я напрасно потерплю неприятность. Вы можете еще переменить сие распоряжение весьма удобно. Подумайте о сем.

Не забудьте по обещанию назначить в бедный мой корпус несколько музыкантов из солдатских детей. Ты приказывал мне подождать, и я уже год терпеливо ожидал. Я получил новое положение о казачьем Астраханском войске[13]. Все прекрасно и благодарить вас должно, кроме одной непростительной погрешности. Как можно постановить правилом непременно между самим войском избирать атамана и полковых командиров?! Вы отнимаете у себя выгоды или определять людей по способности или из самих же их, но вменяя им в особенное то награждение.

Будучи весною на Кавказской линии, я вам представлю проект о поселенных на линии казаках, которые в ужаснейшем расстройстве, но я буду просить в командиры полков непременно штаб-офицеров кавалерийских, если собственно из них не будет молодцов, и облегчу сие тем, что сам определю некоторых на места негодных полковых командиров, которые делают нетерпимые мошенничества по слабости и неразумению Дельпоццо. Эту дрянь надо успокоить!

Фельдъегерь Дешевой, скоро весьма сюда приехавший и здесь очень похваляемый за поведение, просил меня, чтобы я ходатайствовал у тебя о присылке его обратно в Грузию. Он сим ищет заслужить ваше внимание и, кажется, некоторый проступок свой. Я по всей справедливости его одобряю. Он молодец! Прошу о нем весьма!

За домашнюю твою наливку ничего не могу я послать домашнего, ибо не может быть более беспорядочного хозяйства, но узнавши, что ты любишь орехи, посылаю тебе произрастающих в здешней стране весьма хороших орехов и плода, называемого *алибухара*[14]; в особенном ящике найдешь ты конфекты персидские, вчерашний день полученные мною в подарок от одного из знатнейших персидских вельмож. Ты можешь по ним судить об их вкусе и несколько о роскоши. Не подумай, чтобы я избрал худшие, но они почти все такого рода и весьма немногие из них без примеси бараньего сала.

Старик-отец мой, описывая мне проезд Государя чрез Орел и всю свиту его и те вежливости, кои были оказаны ему некоторыми знающими меня, ничего не писал о тебе. Без сомнения, ты, любезный Арсений, оставался, как и в прошлом году, в Петербурге, обремененный своими делами. Конечно, ты бы не потаил от старика, что мы приятели.

Прощай! Отошли Воронцову письмо мое. Я для того посылаю его запечатанным, что в нем одно известное тебе описание поездки моей в Персию. Калиостро покажет тебе писанное к нему.

Сохрани ко мне лестную для меня твою дружбу.

Душевно преданный *Ермолов*.

Напиши, позволительно ли мне надеяться когда-нибудь перевести Каховского в гвардию? Неужели мне одному надобно испытывать отказы относительно до ближайших моих.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 100–108

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 30 ноября 1817**

Милостивый государь! При отъезде моем из Петербурга объявлено мне было, что ее величеству Государыне Императрице Марии Федоровне угодно было, чтоб я привез из Персии семян лучших цветов. Я ничего не нашел отлично редкого, но что мог найти лучшего, при сем препровождаю. Прилагая также описание, покорнейше ваше превосходительство прошу доставить оное для представления ее величеству. С совершенным почтением имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 111

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 30 ноября 1817***

Любезный и редкий брат.

Я писал к тебе с первым фельдъегерем по приезде моем из Персии и вкратце сообщил то понятие, каковое имею я вообще о сем мало известном государстве. Теперь скажу о том, что собственно до меня касается и как я был там принят. При первом шаге моем знал я, что буду иметь дело с людьми несносной надменности и гордости и что снисходительность и умеренность наша никогда не относится к свойствам нашего правительства, но к слабости и потому к уважению их. Предместник мой чрезмерными угождениями наиболее утвердил их в сей мысли. Итак я начертал себе план поведения, которого они совсем не ожидали.

Я при самом начале показал себя столько гордым, что они примера подобной гордости не видывали. С первым должен я был встретиться сардарем эриванским, человеком знатным и по власти ему данной, и по расположению к нему шаха, как к соплеменнику, ибо они оба из народа *каджаров*[1]. Ему казалось несовместно выехать ко мне навстречу; я потребовал, настоятельно объявивши, что я приеду в Эриван и во все время моего там пребывания в отношениях моих не буду признавать его за начальника, а адресуюсь к старшему по нем, и тем истолкую народу, как я его разумею. Надобно заметить, что народ им недоволен и что он его остерегается. Сардарь выехал навстречу, и я по выезде из Эривана оказал ему уважение. Далее до Тавриза никто не допустил сделать себе напоминовения.

В Тавризе сделана была великолепнейшая встреча, все войски расположены были, не доезжая до города, знатнейшие чиновники и даже визирь высланы были навстречу. На другой день все и каймакам[2] сделали мне посещение, и потом был я у наследника. Мне стороною сделано было внушение, что в Персии существует этикет надевать красные чулки, которому покорялись все

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 17 декабря», «Уведомить, что получены и доставлены», «Писано Ермолову 18 декабря 1817».

** Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 18 февр[аля] 1818».

до меня бывшие послы, и самих англичан не исключая. Я отвечал, что я сего не сделаю, ибо хорошо весьма чувствую, что я посол державы Российской и, что более, соседственной. Аббас-Мирза выдумал преглупый способ, чтобы не позволить мне войти в сапогах в комнату, принять меня на дворе внутреннем своего дома, стоя сам на ногах под навесом, к стене приделанным. Я не показал неудовольствия, ездил с ним потом на ученье, в загородный его дом, но когда, пред выездом моим из Тавриза, пригласил он меня с собою на прогулку за город, я отвечал, что быть не могу, ибо рано завтра выезжаю, а что не прошу прощальной аудиенции потому, что, будучи принят на дворе, я не разумею себя послом, а его сыном шаха, но приятно мне было познакомиться с ним, как с любезным молодым человеком, с которым знакомство мог бы я сделать и в конюшне, если бы мы были охотники до лошадей. Не столько оскорбил я его ответом, как обидно ему было, что я не приехал по приглашению и отправляюсь не откланиваясь и что народ увидит, что смеют наследника не уважать до такой степени. Употреблены были все со стороны его средства, чтобы дать сему лучшую наружность, употреблены были просьбы, но я отказал и в 5 ч[асов] поутру выехал с одним адъютантом, оставя всю свиту (ибо для оной не успели так рано приготовить лошадей), а одному из советников приказал идти к нему и объяснить мое неудовольствие. Каймакам, наставник Аббаса-Мирзы, воспитывавший его с ребячества и теперь им управляющий, дервиш Сеидова поколения[3], человек самой гнуснейшей и черной души, употреблял всю свою хитрость, чтобы удержать меня, но я без церемонии послал ему сказать, что он величайший из подлецов и что я его презираю. Надобно заметить, что он второй чиновник в государстве!

Шаху послано было донесение, что я человек чрезвычайно гордый, характера ужаснейшего и все случаи изыскивающий к раздору, словом сказать — зверь. От шаха был прислан ко мне навстречу один из министров[4], его любимец, под видом будто бы сократить мне время беседою своею до его в Султанию приезда; а между тем поручено ему было разведать о провинциях, которых посол персидский требовал возвращения: можно ли надеяться получить их. Ему дана была доверенность вступить со мною в переговоры. Я не принял полной мочи, ответствуя, что, не имея от шаха аудиенции, я ни с кем не вхожу в рассуждение о делах, но что, уважая его и желая сыскать его дружбу, я буду говорить с ним, как с приятелем, обо всем том, о чем не могу я сказать ему, как министру. И в таких отношениях пробыли мы три недели, в одном живучи лагере и никаких других занятий не имея. Меня стращали войною, сильными Персии ополчениями и прочею глупостию. Я делал то же со своей стороны; споры были горячие. Наконец удостоверились, что я дать ни которой из провинций не намерен, и так шах был предупрежден. Он приехал, и вскоре я имел аудиенцию и принят был самым приятнейшим образом с изъявлением возможного уважения.

Испытаны были все средства склонить меня к уступке земель, но бесполезно; наконец должно было со мною согласиться, ибо не смели надеяться оружием возвратить оные, хотя англичане образованием на европейскую ногу войск внушили в них большую доверенность к своим средствам. Ты не можешь вообразить, любезный граф Михаил Семенович, какое ужасное нашел я в мини-

страх невежество и с которым тем труднее мне было бороться, что англичане, в мнении их желая сохранить первенство, об нас не передали им настоящего понятия, и они Россию почитали державою едва Персии равною. Одна кампания 1812 года могла им некоторое дать к нам уважение, но и та в глазах их чрезвычайно обезображена; войну же 1813 и последующих годов англичане взяли на свой счет и все успехи без исключения себе приписали. Я должен был начать вразумлять их с первых элементов, и в людях такой необразованности всегда трудно истребить действие первого впечатления, но наконец не без шуму, не без угроз истолковал я им, что российский Государь не в состоянии ничего пожелать, чего бы он не мог исполнить, что я один из начальников малейшей государства части, но что в руках моих способы не только произвести в Персии внутреннюю войну, но указать прямейший к престолу путь и наименовать шаха, которому не трудно достигнуть оного, ибо царствующий ныне не более имеет на то права. Высланный навстречу ко мне министр, о котором сказал я выше, был один, который постигал истину моих слов, и, будучи в особенной у шаха доверенности, сколько мог я заметить, способствовал рассеять вкоренившееся насчет наш невежество. Без его представлений не так скоро мог бы я привести к окончанию дела мои и не имел бы утешения видеть перемены о нас мнения.

Не более как в три недели времени кончил я дела мои, из коих о некоторых поручил мне шах снестись с Аббас-Мирзою, как управляющим и областями, и делами пограничными. Потом давали мне пресмешные праздники, фейерверк и другие увеселения. У шаха я так часто бывал, как никто из иностранных послов, и он имел ко мне особенное благорасположение. Во все время пребывания моего любимая речь бывала обо мне. При свидании мы разменивались удивительными приветствиями, и как уже он прислушался к лести азиатской, то европейская ему чрезвычайно нравилась, и он утверждал замечание мое, что царей редко весьма она оскорбляет.

Шах, ко всеобщему удивлению, вопреки древнего обыкновения, говорил всякий раз со мною о делах, и министры, не обыкшие видеть человека, смело говорящего пред шахом, трепетали, чтобы когда-нибудь не принес[я] жалобы на них или не сказал моего на них неудовольствия. Я в такой был у него доверенности, что по обычаю персидскому мог бы попросить нос, уши или глаза которого-нибудь из них, и трудно было бы отказать мне в том. Шах не один раз признавался в моем присутствии, что ему сделано было несправедливое обо мне донесение и что он во мне находит человека, которому ни минуты не остановится он вверить собственные интересы. Я выехал из Султании осыпанный ласками всех вельмож, всех окружающих шаха и с чувствами к нему уважения, ибо нашел его весьма кротким, добросердечным, умным и благонамеренным. В Султании не было со мною ниже тени неудовольствия. Всем чиновникам моим оказано самое обязательное внимание и уважение, и не было человека во всем лагере, в котором считалось по крайней мере 60 т[ысяч] человек, чтобы с удовольствием видел отъезд наш. Шах, в ознаменование благорасположения своего к русским, всем чиновникам посольства дал знаки своего ордена Льва и Солнца различных степеней и мне первый класс оного с фирманами при каждом самыми лестными.

О проезде моем чрез Тавриз на возвратном пути скажу я тебе после; теперь устал смертельно. О персиянах и похвала утомительна, а в Тавризе не обо всем сказать оную должно.

Я получил от тебя книги, и весьма любопытные. Мало я имею свободного времени, но с удовольствием прочитываю понемногу. С любопытством взялся я за кампанию 1813 года и с таким же прочту о войне в Гишпании. Перу *Дюмаса* надобны великие предметы[5]. Надобно удивляться описанию кампаний 1799 и 1800 годов; в следующем за сими году есть уже много мелочей, и они не могут быть изображены тем пламенным пером, которому столько подражать трудно, а *Дюмас* избежать не мог, чтобы не уподобиться несколько обыкновенным писателям военных журналов.

Благодарю тебя за план и диспозицию маневра твоего. Мне весьма было любопытно видеть, что делают товарищи мои и что когда-нибудь и я здесь делать буду. Теперь все мои занимаются деланием кирпичей и копанием земли. Благодаря предместникам моим, ничего здесь нет!

Чудесная мысль чудесного из человеков заставить выгравировать портрет мой. Но он, любезный брат, совсем не похож, и уже нападают на меня, чтобы я к тебе послал другой; ибо к красоте природной моей присоединены страшные усы со времени путешествия в Персию. Прощай!

Всегда верный друг *А. Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 59–62 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[1817 г.]**

Почтенный Арсений Андреевич заметит, что дело о провиантском комиссионере Попове никогда отправлено от предместника моего не было. Некогда величайшая каналья и грабитель, бывший при нем аудитор Ключин тому причиною. Он истребил дело, как думают, взяв за то изрядную подать. Он здесь величайшие делал мошенничества и мутил благочестивого душою моего предместника, которого и впредь заставит он делать беззакония, буде злодей сей при нем останется. Будете пред вашею совестию отвечать, если его не истребуете.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 81

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 22 января 1818***

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Давно уже никакого не имею я от вас известия, из чего заключаю, что вы гораздо важнейшими заняты делами, нежели каковыми я вам наскучаю, а по-

---

* Помета карандашом рукой А. А. Закревского: «Писать тотчас к Ртищеву в Москву, дабы уведомил, где сей аудитор находится. 20 [и]».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 14 февраля 1818», «Отвеч[ено] 22 февраля 1818». «О Павлове послать справку».

тому ожидаю терпеливо! Однако же в минуты несколько свободнейшие бросьте взгляд и на дела наши, ибо от разрешения некоторых из них зависят занятия мои на продолжительное время вперед и отъезд мой на Кавказскую линию, куда пристойнее мне совсем не казаться, нежели приехать с ничтожными средствами и, не сделав ничего, вразумить о недостатке средств наших, и ободрить чеченцев и союзных с ними к большим еще прежних наглостям. Вот мои мысли и я не отступаю от того, что надобно делать во время мира то, о чем в войне поздно помышлять будет. Разрешение ваше распределением бригадных командиров по приличию весьма меня развязывает, и у меня вскоре последует великое перемещение, о котором донесу тогда же. Теперь о начальнике 20-й дивизии, который бы в отсутствие мое мог занимать пристойно мое место и о начальнике на Кавказскую линию жду разрешения, которое по принятым правилам, знаю, не много вас затруднит. Но войдите и в мое положение!

Поздравь от меня князя Петра Михайловича и скажи, что я ему не завидую, ибо по должности, им занимаемой, и трудам его нельзя его покорить общему порядку награждений, и потому в сем случае весьма было бы нерассудительно рассчитывать старшинство. Я верю однако же, что многие сделали кислую рожу, но таковым надобен *свыше* некоторый комплемент, и дело в шляпе! Скажи, почтенный Арсений Андреевич! За что судьба преследует моих ближних? Покойный Кутузов представлял об отдании старшинства и производстве 7 карабинер[ного] полка поручика Каховского, которого моложе поступили в поручики потому единственно, что за недоставлением вскорости из прежнего полка о нем формуляра его не внесли в производство. По сему столько справедливому представлению князь П[етр] Михайлович отказал. Не знаю, по какому праву? Теперь другое скажу обстоятельство. Уланского гвардейского полка штаб-ротмистр Павлов[1], зять мой, при отставке своей не удостоен даже чина. Кому делал он тем обиду и кто не получает таковых при отставке из гвардии? Он не шалун. Спроси Николая Павловича[2], который знал о нем в пребывание свое в Берлине. Неужели преступление наше, что мы люди незнатного происхождения и что некому взять нашу защиту. Признаюсь, что сие весьма больно! Прощай, почтеннейший Арсений Андреевич.

Продолжи мне лестную дружбу твою.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 112–113

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 27 января 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Податель письма сего квартирмейстерской части прапорщик Воейков[1], находившийся при посольстве в Персии, как достойный молодой офицер, заслуживает добрый твой прием, о котором я и прошу тебя. Если случится у тебя свободная минута, он может рассказать тебе кое-что и о путешествии моем в Персию. Тебе хотелось иметь журнал мой, но как я имею только пустые

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 марта 1818», «Отвеч[ено] 29 марта 1818».

записки, ежедневно мною составляемые, то и не могут они ничего представить тебе любопытного, которые для того, чтобы не изменить привычке моей ничего от тебя не скрывать, у сего препровождаю. Когда во время отдохновения твоего в вечеру заставишь ты Красоту прочесть их, то обрати их ко мне, ибо довольно взгляда одного на них, чтобы краснеть мне за такое пустое и вздорное произведение. В пользу мою есть одно только извинение, что я писал среди забот и скуки и что в таком состоянии трудно написать что-нибудь порядочное. Занимаясь пустяками, я по крайней мере отвлекал внимание мое от предметов неприятных, и сия есть единственная выгода, которую извлек я из путешествия моего весьма мало забавного.

Нынешняя почта привезла мне из Москвы письма и вместе известие о производстве Вельяминова[2]. Совсем не удивляюсь я, что ты не писал ко мне, ибо знаю я твои занятия и сколько мало тебе свободы, но скажи поистине, не должно ли аркебузировать Красоту или Крепкую Натуру за то, что не уведомили меня о деле столько мне приятном. Благодарю тебя, почтенный Арсений, за ходатайство, ибо без пособия и сего, думаю, для меня бы не сделали, хотя есть генералы Кишкины[3], Абамелики[4] и тому подобные животные, оставляющие испытателей природы в недоумении, к какому царству они принадлежат.

Прощай! Не забывай и люби по-прежнему, верный Арсений.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 114

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, январь 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич! На письмо мое, которым спрашивал я тебя, нельзя ли испросить возвращение орденов бывшему солдатом и прощенному Розену, ты отвечаешь, что ордена его были ничтожные и нет нужды хлопотать о них. Позволь мне, любезный Арсений, сказать тебе, что молодому человеку, а паче недавно бывшему в несчастии весьма лестно иметь их. Тебе, конечно, не доложили, что у него кроме 4-го класса Святой Анны, был и крест Святого Владимира 4-й степени, который и я и ты таскали довольно долгое время. Похлопочи, любезный брат, чтобы не лишен он был того, что стоило ему и трудов и опасностей. Мог бы другой случайный человек не столько дорожить сими награждениями, надеясь вдруг получить важнейшие, но тот, кто имел нещастие обратить на себя гнев Государя и дав оному основательную причину, не может надеяться так легко возвратить потерянного. Впрочем, согласитесь со мною, что когда возвращены они другим, не менее виновным, то нет причины отказать их Розену или надобно поступить пристрастно. Доложи Государю и подтверди недавним примером его милосердия. Ты любишь делать добро, и я не отчаиваюсь, что ты успеешь, лишь бы только захотел. Прощай! Я немного нездоров. Теперь ломаюсь с выбором дворянским[1]. Не понимаю, как все хотят делать здесь по образцу нашему, когда в здешнем дворянстве нет ни чувств, ни правил благородства. Надобно было

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 1 марта 1818», «Отвеч[ено] 29 марта 1818».

бы прежде испытать его, и удостоверясь, в свойствах, отличному классу дворянства приличествующих, тогда только поступать по общим правилам. Прощай. Верный до гроба *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 115–116

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 12 февраля 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Душевно обрадованный производством Вельяминова и прочих достойных офицеров, благодарю за ходатайство твое. Государь наградил людей, которые ему славно служить будут и меня не устыдят, что я о них старался. Весьма благодарен, что в 20-ю дивизию назначили Вельяминова. Мне здесь не столько нужен великий человек по фронту, ибо по обширности земли и как разбросаны полки, он их редко видеть может, но надобен умный человек, которому бы поручить можно все дела во время моего отсутствия, а в сем смысле я надеюсь на него. Когда поехал я в Персию, роптали на меня старшие генералы, что я подчинил их Кутузову, и теперь собирался всем заправлять Дренякин, яко старший, но Бог свидетель, что он величайшая скотина и сколько ни могущественно покровительство**, но от того не будет он способнее и умнее. Теперь сражен он внезапным назначением командира в 20-ю дивизию, который при том выше чином. При сем посылаю письмо к Вельяминову, не знаю где он. Это по части Красоты, который буде не избаловался в Москве, отошлет куда надобно, так равно и письмо к Граббе[1], некогда его товарищу.

Я по совету твоему писал к князю П[етру] М[ихайловичу] письмо о старике Печерском[2] и сделал также представление. Помоги старому и честному солдату, а между тем я буду жалованье давать из экстраординарной суммы. Не должен я терпеть, чтобы военный человек мог жаловаться на равнодушие начальства к его бедности; я был бы виноват за то пред Государем.

Неужели вы чего-нибудь не выдумаете лучшего, нежели определить Дельпоццо в Астрахань комендантом? Но что бы то ни было делайте скорее. Судит вас Бог, если Загорского не переведете куда-нибудь. Впрочем, я человек весьма сговорчивый, если не его, то Дренякина, может быть, сей последний будет вам нужнее. А если нет, то кого угодно из прочих. Представьте мое положение, что у меня Пестель из лучших, кроме находящегося на линии Дебу[3], который всех их умнее. Берите кого угодно, могу ли я противиться вашей воле и смею ли роптать? — но благодаря Судьбе, установившей генеральские списки, к утешению моему вижу я, что и в других местах не все мудрецы. Здесь по крайней мере прячем мы простоту нашу за незнанием языков здешних народов, а у вас и этой нет выгоды, ибо всё наружи как на ладони.

Дерзнул написать о Каховском и посылаю к тебе. Я простолюдин и меня одним отказом не устрашили, я опять возвращаюсь к атаке. Теперь, если откажут, буду искать, чтобы кто-нибудь другой просил за него, и может быть

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 марта 1818», «Отвеч[ено] 29 марта 1818».

** Генерала Толя. — *Прим. автора*.

счастье даст ему в покровители немца для вернейшего успеха. Я отнял у него счастие, ибо генерал Рот[4] хотел взять его к себе в адъютанты, и поступивший на место его уже переведен в гвардию. Мне можно отказывать, ибо я не немец и не за немца прошу.

Прощай! Дай Бог вам счастья за то, что дали егерский полк, теперь с уверенностию в успехе принимаюсь я за Сунжу и чеченцев. Больно и стыдно было терпеть их наглости. Уверь князя П[етра] М[ихайловича], что я не воевать иду и что тем только хвастать буду, если выстрела не сделаю.

Верный по гроб *А. Ермолов*.

[P. S.] Если переведен будет Каховский в гвардию, то нельзя ли сделать его адъютантом к генерал-майору Вельяминову. Если же то противно порядку, то я брату его генерал-лейтенанту Вельяминову постараюсь передать его и единственно для того, что он не имеет состояния служить в полку в Петербурге. Если можно то сделай, а я представление пришлю после.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 117–118

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 10 марта 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич! Не от лени давно я не писал к тебе, но не было довольно важного обстоятельства, чтобы послать можно было курьера, а прислать с чем-нибудь пустым, боюсь замечания. К тому же последние присланные от вас фельдъегери едва привозили по нескольку от тебя строк, и сие заставило меня думать, что вы заняты чрезвычайно. С какой неимоверною скоростию переносите вы из одной столицы в другую. Нам, в отдаленности живущим, остается только удивляться. Надобна большая привычка к деятельности! Я, так быстро проскакавши от Москвы до Петербурга, не приехал бы способным на дело, а вы тотчас сели на конь и ну работать! В газетах описан парад! Ты ныне также искусно маневрируешь, ибо уведомляешь, что не сопутствуешь царю в Варшаву. Там будут горы дела.

С последнею почтою увидел я из газет производство Пузыревского в полковники. Это твое дело, добрый и благородный Арсений, и я благодарю тебя, ибо по справедливости он офицер достойный и должно ободрить человека, которого судьба загнала служить в страну, подобную ссылке. Всякой день благодарю счастие мое, доставившее мне твою дружбу, ибо ею делаю я добро многим отличным людям, которые усердием и трудами большую впоследствии принесут пользу. Если бы другой был на твоем месте, не мог бы я иметь к нему такой доверенности. Представления без ходатайства не всегда приемлют благосклонно, а отказы, хотя я и более других к ним равнодушен, не делают удовольствия или всеконечно то производят, что воздерживаешься от представлений, хотя бы они и справедливы были. Я могу привести в пример, если не совершенно такой, то подобный сему случай моего Каховского. Видя, что без всякого разбора переводятся офицеры в гвардию, я не смел уже писать о нем, если бы ты не дал мне на то наставления. Вот действие отказов,

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 марта», «Отвеч[ено] 4 апреля».

но суди сам, сколько бы еще чувствительнее были они, если бы испрашивал я награждение отличного и славного офицера! Я представил о полковнике путей сообщения Воронове[1], который просит увольнения к водам за границу. Он имел несчастие упасть и повредить раненую свою ногу. Как человеку совершенно без состояния я прошу ему жалованье и пособие на дорогу. Помоги, почтенный Арсений, сему усердному, достойному и бескорыстному офицеру. Я много весьма теряю, что он оставляет Грузию, ибо невозможно найти человека более благонамеренного и трудолюбивейшего.

Скажи, зачем Пивовариус[2], издатель «Инвалида», напечатал рескрипт на орден Дельпоццо, тогда как мне предписано не прежде его послать к нему, как вместе с его новым назначением? Я ожидаю некоторых хлопот с перемещением старика, который, конечно, не будет доволен, ибо мечтает, что он создан для командования.

Что ты не утешишь меня переводом Загорского в другую дивизию в Россию? Он престарательный и усердный человек, но здесь надобно поумнее немного, впрочем, за бригадою он славно смотреть может и на всякие уставы преспособный. Не подумай, однако же, чтобы я хотел сбыть его с рук, божусь нет и даже я не менее в состоянии хлопотать, чтобы ты перевел Дренякина. Этот не менее глуп, но никак не хочет того чувствовать и умничает от того, что долго квартирмейстерская часть равнодушно смотрела на его неспособность. Избавь меня хотя от этого, Бог свидетель тяжел очень! Не могу я похвастать и германским рыцарем Пестелем, но он у меня из лучших и все по службе исполняет исправнейшим образом. Жаль, что в нем нет живости; он также принадлежит к тому числу людей, которых по справедливости уподоблю я Ледовитому полюсу. Мерлини у меня такая редкая скотина, что уже грех кого-нибудь снабдить им, и всеконечно надобно оставить у меня, ибо я почитаю в лице его волю Бога, меня наказующую. Есть какие-нибудь тяжкие грехи мои! Представь жалостное мое положение, что я должен еще дать ему бригаду, ибо он сколько ни скотина, но по общему закону природы требующая пропитания, а в теперешнем состоянии заводного животного он скоро должен умереть от голода. Истолкуй мне, почтенный Арсений, какой злой дух понуждает вас производить подобных генералов? Не изобрел ли кто системы, доказующей, что генералы суть твари совсем для войск ненадобные и что они могут быть болванами, для удобнейшей просушки с золотым шитьем мундиров? Это было бы преполезное открытие, которое бы многим простакам доказало, как грубо доселе они ошибались. Сообщи мне о сем для моего успокоения, если то не тайна государственная!

Теперь я принимаюсь за инспекторские смотры полков чрез генералов, и некоторые полки требуют большего поправления, некоторые думаю сам буду смотреть. В войсках на Кавказской линии наибольшее расстройство и из всех прилежнейший офицер командир 16-го егерского полковник Греков[3], который в скорое время приведет полк в то состояние, какого я желаю. Таковы, по крайней мере, доходят до меня слухи; там что найду, обо всем тебя уведомлю.

Предупреди, сделай дружбу, Государя, что мне нужно крайне, по крайней мере, три штаб-офицера кавалерийских славных, которых бы хотя на время сделать командирами полков поселенных на линии казаков. Теперь они в руках собственных офицеров и из славных казаков делаются мужиками. Служба

отправляется нерадивым образом, тягость оной разлагается неуравнительно и падает более на бедных, которые от того никогда не поправляют своего состояния и на службу выступают неисправными. Теперь боясь меня, несколько уменьшилось зло, а до сего все было продажное, и надобно было заплатить за дела мелочные своему командиру, а где власти его было недостаточно, — в дежурстве командующего на линии. Начальники вдались в домоводство, размножились хозяйственные заведения, хутора, табуны, и солдаты и казаки принялись за мастерства, а не за ружье, угождая воле начальников.

Предвижу величайшие хлопоты и труды на линии и тьму неприятностей.

Я послал к князю Волконскому проект о крепостях и о снабжении их обороною, независимо от войск здешнего корпуса, то есть чтобы, как прежде, не развлекать на защиту их полков из корпуса, от чего все действия наши были частные и нерешительные, хотя многие весьма блистательные и славные для оружия.

Уведомь, почтенный Арсений, скоро ли вы переведете Дельпоццо в Астрахань или куда лучше придумаете, ибо время туда отправить Сталя, когда прибудет сюда Вельяминов. Поспешите прислать скорее Ховена, он мне необходим, ибо часть гражданская здесь в ужасном расстройстве. Я ему для того не писал, чтобы не дать время толковать с женою, боясь, чтобы она не имела на него влияния своими убеждениями. Он здесь, получая хорошее содержание, может иметь средства воспитывать детей в России, и уверен я, что будет доволен своим назначением.

Доброе дело, что вы князя Багратиона[4] определили по армии. Он здесь всеми неправдами согласил казаков на выбор его атаманом, и бывшей астраханский комендант Отто[5] немало помогал ему. Нужно было бы взглянуть на сих казаков: говорят, что весьма беспутные. Не похожи эти Багратионы на покойного князя Петра Ивановича[6]. Он унес с собою в гроб ум и способности всей фамилии. У меня здесь какие скоты столь славного имени!

Исходатайствуй, Арсений, благодарность в приказах полковым командирам за старательный присмотр за людьми, ибо в прошедшем 1817 году умерших в половину против прежнего времени, бежавших в четвертую долю. Кавказская линия того не заслуживает, ибо там все прежние беспорядки. Я делаю о сем представление, и приказ мой по корпусу то объясняет. Дела удерживают меня в Тифлисе, и гнусная и беспутная гражданская часть отнимает большую часть моего времени, а я уверен, что если раз объеду полки, то они будут впередисправнее и с людьми лучше будет обращение.

Я делаю представление о некоторых офицерах квартирмейстерской части, бывших со мною в Персии; помоги доставить им некоторые награждения, они славно сняли дорогу до Султании, что стоило труда и осторожности. Ты знаешь полковника Иванова[7], которого службою я весьма доволен.

Теперь позволь, почтенный Арсений, поговорить с тобою о последнем письме твоем, то есть о деле, собственно до меня относящемся. Ты уведомил меня, что подстрекаешь наших *дипломатиков*, чтобы они хлопотали о награждении меня и что стыдно им будет, если я без оного останусь. Я удивляюсь, что они до сих пор не получили за дела с Персиею награждения, а не тому, что мне не дают оного. По части дипломатической это весьма обыкновенно, что они берут все на свой счет и что тот, кто трудится, называется орудием или болва-

ном, их волею движимым. Это правда, что я ничего не сделал чрезвычайного, но потому больно быть болваном их, что я если и успел что-нибудь сделать, то потому, что не следовал данным мне наставлениям. Они дали мне инструкции точно как бы послан я был ко двору европейскому, и если бы так я поступал, то до сих пор можно бы меня наказать за дела с Персиею. Когда-нибудь увижу я тебя и ты узнаешь такие вещи, которые мне теперь сказать тебе неловко. Поблагодаришь меня как добрый русский и приятель. Это делал не по инструкции! Но как бы то ни было, если не заслужил я награждения или по некоторым причинам дать мне его невозможно, по крайней мере, в четыре месяца надлежало бы уже сказать, так ли исполнил я возложенное поручение или нет и дать разрешение или на представления мои, которые не терпят отлагательства, или наставление, как исправить ошибки, буде я сделал таковые. В четыре месяца ни слова! Что могут думать персияне, что, домогавшись всеми силами утвердить доброе согласие и связи дружества, шесть месяцев как уехал я из Султании и нет обо мне слуха, тогда как *шах* от Государя даже ожидал приятного какого-нибудь отзыва. Господа дипломаты слишком мудры, если думают, что ошибку их или даже и неблагоразумие приму я на свой счет. Сколько ни мало уважительно мнение персиян, но и в их понятии не хочу я быть виноватым, и так я ничего на себя не возьму, а господа дипломаты могут меня наказать тем, что вперед не сделают мне никакого поручения и я им позволяю считать сие за казнь и великое для меня несчастие, а в самом деле это мне одолжение, ибо хорошего поручения я не ожидаю, а нехорошие не всегда удобно с рук сходят. Заметь, любезный Арсений, что Строгонов[8] в Константинополе не более меня успел сделать, а награждение тотчас дали. Я правду тебе говаривал, что одно из преступлений моих то, что я не знатной фамилии и что начальство знает, что я кроме службы других средств никаких не имею.

Ты пишешь ко мне, что, по мнению твоему, *чин для меня не лишнее* и что ты о том хлопочешь и спрашиваешь, понравится ли мне то, или бы в противном случае я тебя уведомил. Смешно было бы, если бы вздумал я уверять тебя, что я весьма равнодушен к тому, дадут ли мне чин или нет. Конечно, чин есть самое в моем положении приятнейшее для меня награждение, особливо когда выеду я из сего края, он доставит мне те выгоды, что всегда надеяться буду я иметь команду или, по крайней мере, не каждому из генерал-лейтенантов дадут оную прежде меня и то, что не каждому полному генералу подчинят меня под начальство. Признаюсь тебе, добрый друг мой Арсений, что крайне больно мне, что о вознаграждении меня нужны хлопоты и ходатайство и что только в отношении ко мне одному начальство не имеет собственной к тому наклонности, тогда как многим весьма другим за меньшие гораздо заслуги успели бы сделать множество приятностей.

Скажи, если бы в моем положении нашелся брат Михайло, чтобы ему до сего времени сделали? Если бы Чернышев[9]? Если бы Ожаровский[10]? Я умалчиваю о множестве немцев, которые, по крайней мере, равные с ними имеют преимущества. Больно, любезный Арсений, хотя необыкновенное счастие мое всегда щедро вознаграждает меня за претерпеваемые мною неприятности. Я бы желал знать, чем другим можно наградить меня кроме чина, и потому не нахожу я, что ответствовать на вопрос твой, нравится мне или нет?

Если, первое, дать мне Владимира первой степени, то можно получить его подобно Яшвилю[11] при каком-нибудь смотре войск. Выпишите меня к приуготовляемым вами для короля прусского маневрам и сего довольно! Второе, дать мне *графское достоинство* — я ручаюсь, что жизни не рады будут, ибо подам рапорт, в котором изъясню причины, почему не желаю иметь его. Довольно для вас Милорадовичей[12] и Тормасовых[13], которые от подобных пустяков без памяти, а мне все средства в службе заключающему надобно то, что дает право на некоторую команду, единый способ оказать усердие к службе и добрую волю к трудам. Я очень хорошо понимаю, что я и в Грузию не попал бы, если бы нашлись другие желающие, а в звании полного генерала не всегда легко обойти без особенных причин. Третье, если бы хотели *дать мне денег*? Я сам дал сто тысяч собственных, в которых никому не обязан был отчетом, ибо они в мое собственное даны были распоряжение в замену жалованья, которого не принял я по званию посла. Конечно, не дали бы мне столько, то и в награждение почесть невозможно, да я если бы служил из денег, то здесь умел бы я достать их и без соизволения на то начальства, а вы взгляните, что я их ежегодно по всем частям управления сберегаю в сравнении с тем, что делалось прежде. Итак, почтенный Арсений, делайте, что Бог вам положит по сердцу, или ничего не делайте, как вы заблагорассудите. Я знаю, что ты не выпустишь из виду того, что мне полезно, а если теперь ничего нельзя сделать, то вооружимся терпением, ибо это уже не в первый раз, а там покровительствующее меня счастие не оставит. Я пишу к П. И. Миллеру[14], доброму начальнику. Когда увидишься с ним, поговори обо мне. Некоторые слова письма твоего кажутся мне немного удивительными. Ты говоришь, что согласил Петрахана хлопотать о моем производстве. Неужели он противился тому, получа сам все то, что можно. Я по совести скажу, что не позавидовал ему, хотя он и был меня моложе и точно понимал, что, служа близ Государя и в его звании, он не может быть в наградах подчинен общему порядку. В чем может препятствовать ему мое производство!

Если ты упрекаешь мне ленью, то и я похвастать не могу, чтобы и ты с некоторого времени пускался в большую переписку, а ты верно более имеешь сказать мне любопытного, нежели я, живущий в ссылке и которому не о чем сообщить, разве о снежном обвале в Кавказских горах, каковых недавно свалилось три, прервавших почти сообщение. О землетрясении или о сильном громе, бывшем 5 марта. Хотя все сии происшествия для вас необыкновенны, но нет ничего в них хорошего. Настаивай и подкрепи мнением своим представление мое об устроении в здешнем краю крепостей и сформировании для них постоянной обороны. Тогда, имея свободными несколько войск, учрежу я беспрепятственное сообщение с Россиею *чрез Дербент* и устрою порядочную дорогу, теперь весьма небезопасную. Весьма неприятно не иметь верного сообщения и не иметь возможности надеяться на доставление необходимых для войск потребностей. Сформирование защиты для крепостей я предлагаю самым хозяйственным образом, распределив на сроки. Может быть, негодовать будут на меня, что я нахожу некоторые вещи в одежде солдата несвойственными здешнему климату и представляю о перемене их, но я не виноват, что здесь солнце более согревает, нежели у вас, и что здесь природа если не большим трудам подвергает солдата, то все, конечно, совсем другого рода.

Я вижу возможность сделать одно постановление для войск по всему пространству России, ибо оно у нас существует, но одной высочайшей воли недостаточно, чтобы оное равно было удобно для Камчатки и Грузии. Вот мое оправдание!

Похлопочи о производстве представленных мною квартирмейстерских офицеров, бывших в Персии. Я писал о них также князю П[етру] М[ихайловичу], которому должна быть приятна заботливость моя об его подчиненных, особливо, когда разборчив я в испрашиваемых их наградах.

Не отказывайте мне в представлениях моих, ибо, конечно, редко, кто скромнее или лучше сказать скупее меня, тогда как каждые приказы должны бесить порядочного человека бесстыдными многих представлениями. Например, Глазенап[15], старичишко корпуса своего дежурного штаб-офицера представил за отличие, а он будучи на Кавказской линии дежурным Портнягина[16], вместо имени своего Гаврило назывался Грабило — и сей произведен! Отличных людей ни в одном веке столько не бывало, а особливо немцев. По простоте нельзя не подумать, что у одного Барклая фабрика героев! Там расчислено, кажется, на сроки и каждому немцу позволено столько времени занимать место, сколько оного потребно для отыскания другого немца, сверх ежегодно доставляемого Квочкою[17] из Лифляндии приплода. Приготавливай, любезный Арсений, немецкую типографию, не одни военные узаконения, но и самые приказы скоро не будет армия понимать на русском языке. Толстому Быкову будет подрыв разве искусится в божественном языке.

Прочти, сделай дружбу, *Духа журналов*[18] *нынешнего года в книжке 6-й* статью о конскрипции в прусских владениях[19]. За это можно вступиться, ибо там одежда солдата по образцу нашему. Я уже не говорю, что и по свойству можно бы защищать некоторую невинную наклонность к парадам. Если такие злые будут сатиры, то хотя запирай экзерциргаузы и сколько должно погибнуть знаменитых мужей, сим искусством прославившихся. Прах Клейнмихеля[20] содрогнется!

Для разных здесь казенных строений поручено купить столярный инструмент в Петербурге. К тебе явится человек, у которого будет записка Вельяминова, чтобы он к тебе их представил. Прикажи, почтенный Арсений, хотя по частям сей инструмент сюда доставить.

Сию минуту признался Мадатов, что он к тебе писал разные обо мне мерзости, что я от скупости берегу казенные вещи и только дарю одними футлярами. Он первый испытал сию умеренность в расходах над собою, ибо ему отпускается столько прогонов, что, по крайней мере, он половину дороги ходит пешком, и уже в пище ограничен или скромным завтраком из сорочинского весьма дешевого здесь пшена или некоторым количеством производимого здешним краем сафрана[21], который между тем и ту приносит пользу, что гонит мочу для излечения его от несчастного сообщения с каким-то чудовищем. У него нет гроша денег, и он продает твои эполеты, чтобы иметь обед раза два в неделю.

Воейков, квартирмейстерский офицер, думаю, доставил уже тебе мои о Персии записки. Я предупредил тебя, что они ничего дельного в себе не заключают и из них ничего не узнаешь ты о Персии, но ты хотел иметь их и я тебе повиновался.

Время кончить, ибо и дело и вздор все я переговорил. Прощай! Пиши, если достанет у тебя время, ибо, читая твои письмы, я могу сказать, одно имею приятное время. Несносна здесь жизнь и отягчена большими заботами, недолго можно пробыть здесь человеку, который все время свое любит употреблять на службу, не станет сил и возьмет черт. *Фельдъегерь прапорщик Яковлев* приехал сюда, судя по состоянию дороги, чрезвычайно скоро и во все время здесь прекрасно вел себя. Ободри его каким-нибудь награждением или ласкою.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 119–127

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 19 марта 1818**

Милостивый государь, Арсений Андреевич!

Доставляя пред сим через посредство вашего превосходительства разные растения к ее императорскому величеству Государыне Марии Федоровне, прошу я теперь покорнейше доставить препровождаемые при сем луковицы лилий особенного рода, произрастающих на берегах Черного моря, и как Вы находитесь в Петербурге, то не обращая их в Москву, отдать в которую-нибудь из дворцовых оранжерей. С совершенным почтением честь имею быть, вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 135

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 26 марта 1818***

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Отлагаю писать к тебе пространнее до другого фельдъегеря и с сим пишу только несколько строк, но отложить не могу благодарности моей не за одно уведомление о моем производстве[1], но и за то, в чем ты по деликатности твоей не признаешься: за старание и хлопоты о том. Можно ли благороднее и великодушнее сделать поступок того, что ты писал с фельдъегерем к старику-отцу моему? Мне казалось, что я уже коротко тебя знаю, но я беспрестанно открываю новые качества благороднейшей души твоей, которые почитать обязан, и если бы отдал тебе душу мою, едва ли бы жертва соразмерна была дружбе твоей и одолжениям, почтеннейший Арсений! Мне сказывал фельдъегерь, что ты сделал со стариком моим. Он плакал и смеялся в одно время, а в письме ко мне говорит, что он к семейству своему мысленно причислил и тебя, любезный Арсений, но похищает у меня бесценное наименование брата, ибо таковым тебя называет.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Препроводить к Вилламову для представления ее величеству, о чем уведомить и генерала Ермолова. 3 мая 1818», «Ермолову 3 мая».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 10 апреля», «Отвеч[ено] 23 апреля».

Благодарю теперь за себя и вижу весьма, какие преодолели вы трудности. Пожалованный мне чин исполнил все мои желания, и я признаюсь, что я не совсем твердую в том имел надежду, предполагая не без основания многие препятствия и со стороны старших и со стороны завиствующих счастию моему, которых судьба ко мне благосклонная приуготовила во множестве. С будущим фельдъегерем пишу обо всем обстоятельно и к Петрахану и к Каподистрию. Я на сих днях еду на Кавказскую линию и в самое ужасное время. Надобно некоторое счастие, чтобы проехать горы безопасно, но делать нечего. А ехать вокруг и время потеряешь много без пользы и поздно приняться надобно будет за дела на линии. Прощай.

Истинный брат и друг *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 128

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 29 марта 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Собираясь писать обстоятельно с особливым фельдъегерем, между тем отправляю других и совестно не написать чего-нибудь.

Послезавтра выезжаю я на линию, если что не воспрепятствует. Дорога в это время самая ужасная и снега с гор грозят обрушиться. Ранее не мог никак выехать. Дел такая куча, что надобно слоновье здоровье.

Выпивая, так сказать, по капле славную твою наливку, недавно я оную кончил, теперь посылаю тебе две бутылки здешней, *из айвы* сделанной, думаю, что понравится. Также посылаю фиников и алибухары, которые, как говорят, будто так свежими не приходят к нам. Прощай! Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 129

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Моздок, 17 апреля 1818***

С последним фельдъегерем писал я к тебе несколько слов, надеясь вскоре за ним отправить другого, но трудный чрез горы проезд и вдруг скопившееся множество бумаг умедлили отправление его. Теперь отвечаю на письмо твое.

Ты ругаешься на какое-то письмо мое, которому ты дал наименование грозного, но мне кажется, ты не совсем справедливо винишь меня. Иногда восстаю я против некоторых замедлений в разрешении представлений моих, но можно ли винить противу нетерпения моего, когда служба есть единственная цель моя. Ты скажешь, что много и без меня делающих представления и ожидающих разрешений. Правда! Но невозможно тебе не согласиться, что большая часть из таковых не находится в том положении, что все надобно начинать с первых оснований и за что ни возьмешься, оно выходит из обыкновенного порядка дел

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 16 апреля», «Отвеч[ено] 23 апреля».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 1 мая», «Отвеч[ено] 12 мая».

и требует особенного начальства или рассмотрения или постановления. Все же прочие, подобные мне, корпусные командиры мало скучают вам делами своими, которые, хотя и в большом количестве стекаются у вас, но зато по большей части, покорствуя обыкновенному ходу, удобнее разрешаются. Не вини меня, друг почтеннейший Арсений, что я иногда тороплюсь немного, божусь, хочется что-нибудь успеть здесь сделать, а так много предметов, требующих улучшения, что по которому истребую разрешение, то я счастлив, — и приступаю к другому, и сия есть истинная причина моего иногда нетерпения.

На мне сидят также министры ваши, от которых надобно отделываться. Сей фельдъегерь везет кучи бумаг к Нессельроде и Каподистрии. Моя политика как-то не встретилась с нынешними правилами благочестия, основанного на священном законе; надобно было пространное объяснение. Предложения мои не годились, и я по данным мне наставлениям должен дела мои с Персиею вести на точном духе христианства и истин библейских. Кто хотя мало знает персиян, никак согласиться на сие не может. Я знаю обязанность повиновения и в строгом смысле буду поступать как приказывают, но дабы не упрекнули, что я не сказал своих мыслей, и желая оправдать свое впредь поведение, я написал мое мнение, смирив сколько возможно перо мое, которое нередко следует за кипящим моим характером. Будь осторожен, любезный Арсений, и не говори, что я тебе о сем пишу, мне может сие много повредить.

Благодарю за поздравление меня с чином, но я по справедливости должен еще более благодарить за старания в пользу мою. Мне старик П. И. Миллер все обстоятельно пишет, что ты как истинный друг не мог бы более принимать участия для родного брата. Скажи, Арсений, что ты за пречудесное создание и когда могу я заслужить дружбу твою?

Вы важную одержали победу над супостатами разных племен и закона. Все попалось под один почерк!

Я воображаю, какими смотрели на вас глазами все обиженные. Нельзя было им не догадываться, что ты и Петрахан мне благоприятствовали. Вы по должности своей слишком выставлены на виду, чтобы действия ваши были неприметными и ты, почтенный Арсений, сколько, впрочем, ни М[азе]па верно в сем случае никого не надул, ибо любя меня показал удовольствие и радость. Как нарочно все старшие *некогда товарищи мои, ныне подчиненные** собрались в Москву, чтобы торжествовать мое производство, и вы не хотели трудов их сделать напрасными, вы их утешили! Я представляю длинные рожи, дрожащие голоса, рожи плачевные. Вижу угрозы оставить службу, вижу упреки отечеству неблагодарному! Вижу Яшвиля, который отвергает возможность, чтобы кто другой удостоился награждения, когда он не имел случая заслужить его.

Я могу большим числом считать умножившихся друзей моих, ибо не против одних только виноват я старших, но и против тех, которые превосходят меня рождением, воспитанием, знатными связями, известностью у двора и проч[ее], и проч[ее]. Тут входят все завидующие, которые на старшинство не смотрят. Но как бы то ни было я восхищен милостию Государя и признателен и тебе как истинному другу признаюсь, что радостию моею много обязан я то-

---

* Каково мы ныне говорим? Совсем не гордо и простосердечно. — *Прим. автора.*

му, что Государь наградил во мне простого солдата, усердного к службе его, и не остановился за тем, что имя мое не столько знакомо общему слуху или не так приятно звучит в ушах, как имя, воспоминающее знаменитые заслуги или происшествия, то есть что Государь не основывается на том, что достоинства праотцев должны быть непременным наследием потомков, а смотрит на дела каждого. Иначе и тебе, и мне, как и подобным нам, доставались бы в удел большие труды и весьма малые приятности.

По совету твоему отпустил важные письма к Петрахану и Каподистрии и благодарю тебя как друга, что сообщил мне мысль свою, а ты, сделай мне одолжение, скажи Петру Ивановичу, как я благодарен ему за его старания. Поистине говорю, что я в этом человеке имел и начальника достойнейшего и благодетеля, который всегда желал мне добра и давал полезные советы.

Ты уведомляешь меня об описании военных 1812 года действий, составленном фельдмаршалом Барклаем[1], и не прежде соглашаешься доставить оное ко мне, как взяв прежде от меня слово, что я не пущусь в дружескую с ним переписку. Если сочинение сие не печатное и не выпущенное в публику, а только им самим раздаваемое некоторым особам по доверенности, то я и не смею тебя выдать нескромностию моею; если же печатное, то дойдет до меня и тогда против тебя я не погрешаю и могу возражать как Бог по сердцу мне положит. Во всяком случае могу тебя уверить, что мне теперь заниматься сим некогда и время на то терять я не стану. Должен однако же я заметить, что Барклай не прежде взялся за сочинения как приобрел в семейство свое людей, писать умеющих. И как вся фамилия засядет писать, то не дай господи с ними и связаться, а собственные его способности сочинять тебе лучше каждого известны. Итак, присылай сие достопамятное творение, а мы станем любоваться.

Описание, или лучше сказать весьма пустые и глупые записки о вояже моем в Персию, я отправил к тебе в Москву с прапорщиком квартирмейстерской части Воейковым, но его, по мудрому распоряжению, так долго держали во всех карантинах, что он не застал тебя уже в Москве, и не знаю, что с ними сделал. Он, как слышал я, возвращается опять в Грузию и если не отослал он их к тебе, то получа от него обратно, пришлю с фельдъегерем. Теперь у меня остается кроме Стабуша один фельдъегерь Силин, то присылай какого-нибудь еще, ибо по отправлении буде потребуют обстоятельства Силина, останется Стабуш, которого я берегу на случай послать в Персию, как человека весьма скромного и отлично благородного в поступках. Дубинкин прекрасного поведения и как красная девушка, возьми его на благосклонное замечание, он благонадежный молодой человек.

Сию минуту раскрыл конверт, содержащий вопрос: можно ли Астраханский гарнизонный полк обратить во внутреннюю стражу? Я буду отвечать вам о причинах, по коим сие невозможно, и я к несчастию вижу, что сие обстоятельство оставляет на руках моих неспособного Дельпоццо. Ради Бога и службы возьмите сего человека, я уже на сей стороне Кавказских гор; там, где он командует, следовательно, еще основательнее говорю вам, что он здесь не надобен. Не прими, почтеннейший брат Арсений, сие за сетование мое. Я бы желал, чтобы ты его видел и только пять минут, и, конечно, он не долее бы счислялся в здешнем месте.

Прощай, о всем что здесь делать буду, кроме должных донесений, буду тебе писать как другу. Не обвиняй меня, если немного буду строг в искоренении закоснелых на линии мошенничеств и потребую истребления разбойников. Зло так уже велико, что требует крутых и сильных мер. Развращение от слабости и корыстолюбия многих начальников в верховной степени. Прошу помогать в истреблении и не ослабеть от сострадания. Люби по-прежнему верного и преданного по смерть *А. Ермолова.*

Прибавление. По приказанию твоему препровождаю у сего ведомость представлениям моим, на кои не последовало еще ответа. Вижу восхищение твое, что по частям, тобою управляемым, почти нет ни одной бумаги без ответа, и ежели находятся некоторые, то потому, что тебе нужно по оным объяснение и толкование с другими. Просмотри, сделай дружбу, сию ведомость и порадуйся на военного министра. Я помню слова твои и право думать начинаю, что с именем военного министра неразлучна черная книга, известная под именем *Омат*. Он не виноват — это уже судьба такая! Есть, брат Арсений, и за Петраханом залеглые бумаги, да теперь уже и делать нечего, им, я думаю, кружат голову разными пирами и торжествами. С сим вместе представляю я об увольнении от службы 9-го егерского полка командира полковника Якимова[2] за болезнию, об утверждении на место его подполковника Реутта[3], славнейшего и редкого офицера. Исходатайствуй, друг любезный, первому, как хорошему и бедному офицеру, просимое мною денежное награждение. Я для облегчения сего нарочно прошу деньги из экстраординарной моего распоряжения суммы.

В 9-м егерском полку есть по списку полковник Анненков[4], но он отправляет должность коменданта в Тифлисе, а ему можно будет отыскать другой со временем полк, а в егерском надобен офицер, знающий землю, род войны и соседей. Я не посылаю просьбу Якимова, но за сим не затрудняйся, и если надобно необходимо, то я после доставлю. Если же без того невозможно его уволить от службы, то, по крайней мере, за болезнию его и отсутствием от полка, утвердите Реутта командиром, а между тем, придет чрез несколько времени и его просьба. Он в Карабахе сдает полк и далеко.

Прощай. *Ермолов.*

Раскрываю письмо для того, чтобы сказать, что сейчас от тебя прибыл фельдъегерь и привез мне два письма, которые едва успел я пробежать и готовлю себе удовольствие прочитывать со вниманием, когда буду на свободе и дадут мне покой пилильщики. Фельдъегеря не задержу. Прощай.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 130–134

А. В. КАЗАДАЕВУ

Моздок, 17 апреля 1818

Любезный друг, Александр Васильевич.

На два письма твои от 18 ноября и 28 декабря, не имев ничего доселе сказать, теперь вдруг отвечаю.

Больно мне, что судьба не смягчается против тебя своей суровостью, и больно потому, что любя жизнь деятельную, не сносишь ты равнодушно бездействие. Обманул нас хвастун Полу-Барин[1], объясняя и тая бессилие свое, от-

влек нас от изыскания других средств. Напрасно боялись мы прибегнуть к могуществу известного вельможи. Отказ в подобном случае не тому делает стыд, кто его получает. Многие не успевают в намерениях самых благих, но употребляют все способы, дабы не упрекнуть себе пренебрежением некоторых. Я, пользуясь дружбою твоею, говорю мнение мое, не выдавая его за такое, против которого возразить невозможно, и тем менее почитать должен таковым, ибо постоянно благоприятствующее мне счастие поставило меня в положение совершенно твоему противное. Я угадывал твою осторожность и предварительно снесся с В. Р. Марченко, который, с негодованием против Полу-Барина, уверяет, что я ничего не сделаю худого, обратясь к вельможе. Итак, не отступаю от правила испытывать все меры, пишу я к нему с сим курьером и посылаю тебе письма копию. Если откажет, я не устыжусь, ибо ты то же бы для меня сделал, а я и бóльшим обязан твоей дружбе. Неужели не поможет нам Бог, свидетель доброго намерения.

Благодарю усердно за присланные покупки. Я получил белый фаянсовой сервиз, стаканы и графины, но синего сервиза Сапожников[2] мне не доставил, о котором требую я от него сведения. Привезены также и краски, за кои благодарю, ибо Мошков был почти празден. Я боялся недостатка денег, но по бережливости твоей, как доброго хозяина, достало против чаяния моего. Когда буду иметь деньги, позволь несколько прислать в запас, на случай покупок, о которых просить тебя буду. О производстве моем ты уже знаешь, и я уверен, что ты обрадован. До тебя, конечно, дошел крик завидующих и стон ропщущих. Но счастие мое не покорило меня общему всех прочих ходу.

Мое почтение твоей Надежде Петровне и детей поцелуй. Скажи любезному Павлу Петровичу, что я весьма чувствителен к его памяти обо мне и я никогда не в состоянии забыть его дружбы.

Я по делам приехал на Кавказскую линию и думаю пробыть здесь несколько месяцев, столько много хлопот, требующих моего здесь присутствия.

Прощай и люби по-прежнему.

Верный навсегда *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 70–71

А. А. АРАКЧЕЕВУ

[Моздок, около 17 апреля 1818]

Долго не дозволял я себе смелости обеспокоить ваше сиятельство моею просьбою, но решился наконец. Прежде испытал все средства: на усиленные просьбы мои даны были мне обнадеживания и самые обещания и, наконец, был я обманут. Не удивитесь, ваше сиятельство, просьбы моей, я прошу за доброго друга! Не смею я уподобляться вам, но в постоянной к друзьям привязанности позволительно мне иметь ваше сиятельство примером. С самых молодых лет моих имел я дружественную связь с г[осподином] Казадаевым, служившим некогда в артиллерии и потом в других местах, всюду с честию и усердием, ныне находящимся в отставке. Он желает выйти в службу, чувствуя способность быть полезным, и искал место помощника статс-секретаря в Государственном совете, желание по чину его весьма скромное! Нет у него

ни случая, ни людей, которые бы хотели способствовать ему в добром его намерении; я, бессилен будучи подать ему помощь, бесполезно просил вельмож и настоящих, и мнимых и к сожалению моему не успел ни в чем. Теперь обращаюсь к старому и великодушному моему начальнику и могу ли не надеяться на его справедливость. Не откажите, ваше сиятельство, просьбу покорнейшую, просьбу о друге!

С глубоч. и прочая

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 72. Копия

А. А. АРАКЧЕЕВУ

Кавказская линия, 30 апреля 1818

Вашему сиятельству в благосклонном письме изъявить угодно было участие, приемлемое во всемилостивейшем награждении меня чином. Мне тем лестнее оно, что Вам, как всегдашнему моему начальнику, обязан я многими по службе выгодными шагами, ибо, кроме Вашего сиятельства, всегда одобрявшего усердие мое, не изыскивал я других путей, твердо надеясь на беспристрастие Ваше и справедливость. Я не обманулся и никогда не изменю моим правилам.

Весьма справедливую Ваше сиятельство изволили упомянуть пословицу: «За Богом молитва, а за Государем служба не пропадает», а я присоединю к тому, что я собою убедительнейший пример представляю, ибо и Бог по своему милосердию, и Государь по щедроте своей превыше заслуг воздают мне.

Позвольте мне в первый раз усумниться в словах Вашего сиятельства, что я буду фельдмаршал, ибо Вы сказать изволили, что тогда будете Вы проситься в начальники штаба. Сии два обстоятельства кажутся мне равно невозможными, и если бы Государь имел в армиях своих таких начальников штаба, я бы осмелился предложить испытать, не возможно ли обойтись без фельдмаршалов.

Дубровин Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I. М., 2006. С. 218–219

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис, апрель 1818]**

Два письма твои от 29 марта и 4 апреля получил. Ты знаешь, что господствующая страсть моя есть служба и потому в чувствах моих принадлежит тебе благодарность, во-первых, за то, что вообще делаешь ты для службы и мне вспомоществуешь быть полезным; ибо по делам военным имею я разрешения и скорые и удовлетворительные; во-вторых, благодарю тебя за письмы; ты, как добрый друг, отнял у себя время малого своего отдохновения. Люблю тебя, Арсений, и всякий раз более научаюсь почитать благороднейшие свойства

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 мая», «Отвеч[ено] 4 июня 1818».

твои, которые редко природа сотворяет. Это написал бы я тебе кровью моею! правде Бог свидетель!

По условию, то есть не по порядку и что пришло в голову.

Скажи, Арсений, какой злой дух изощрил тебя искусству надувать меня! Ты, кажется, сочетал меня вечным союзом с Дренякиным и Загорским? Отделался от меня шутками и одно даешь мне утешение, что подобными обогащены и прочие корпуса. Какое могущественное средство к успокоению! Скажи правду, другие подобные мне начальники вопиют ли на злую участь свою, как я? Если нет, то отдай мне справедливость, ибо молчание в таком случае есть верх гордости потому, что они думают недостатки других дополнить своими способностями, а я лучше хочу признаться, что мне нужны помощники и на часть каждого уделив труды, отдать и то, что принадлежит их достоинствам. Правда, что весело взглянуть в список генеральский, кажется счастие для всех было одинаково щедро.

Назначение Дренякина *гевальдигером*[1] в персидскую армию так чудесно, что думаю я и Толь лучше бы не придумал.

Печерский весьма хороший старик. По новому внутренней стражи расписанию видно, что получил место, но ты получишь мнение мое насчет Астраханского гарнизонного полка и внутренних баталионов в Грузии, Имеретии и Мингрелии, и он будет опять без места. Ты найдешь мнение мое справедливым и поддержи его. Признание в ошибке моей совсем необыкновенно, но для службы полезнее, чтобы я не скрыл оную.

Пестель у меня в отличных людях, но шутки в сторону, я доволен тем, что он верный исполнитель и, боясь меня как чумы, делает что может точнейшим образом. Как вы по секрету отпустили фельдмаршала за границу и в приказе не хотели отдать, а болтливые газеты всему свету тайну сию сообщили? *Скажи Петру Михайловичу, что я об отбытии героя узнал и что теперь некого уже поставить против меня.* Вот благоприятствующая минута, и я уже начинаю забирать в плен старика Дельпоццо с его сонным войском. На первый случай; и то не худо!

Полк 8-й егерский подоспел вовремя[2]; жаль только что молод и не видывал неприятеля. Сего бы и Барклай одолел! Но шутки в сторону, он так молод, что боясь, чтобы не растащили его чеченцы или черкесы, я на первую зиму располагаю его в квартирах сколько можно дальше от границы. Полковник старательный молодой офицер и полк уже около Георгиевска и приведен в порядок.

Чеченцы друзья наши, кажется, уже надуты. По приуготовлениям думал я, что они оставят ближайшие селения и разбегутся, но они лучше сделали, они в совершенной беспечности, что я по примеру прежних на линии начальников дождусь глубокой осени и, когда лес обнажится от листьев, пойду пожигать их селения, из которых обыкновенно удаляют они своих жен и лучшее имущество, а наши рыцари придут, и пожгут пустые дома, потеряют множество людей, и все подвиги заключат лживыми и пышными реляциями.

Я, напротив, прикинулся не желающим другого, как оградить себя от хищничеств и разбоев, уверяю их, что они люди честные, не мешаю в сельских их работах и занятиях, а посеянный ими хлеб возьму на себя труд жать солдатами и сено их скошу в пользу войск. Теперь, чего никогда еще здесь не бывало, открываю подряды на перевозку к Сунже провианта, и некоторое количество

берутся ближайшие чеченские деревни перевозить за плату, которая не выше будет той, что даем мужикам нашим. В нынешнем году не успел я занять всей Сунжи, а в будущем некоторые из деревень, называющихся *мирными* и кои делают нам ужаснейший вред, получат благосклонное приглашение удалиться в горы и оставить прекраснейшие земли свои в пользу стесненных казаков наших и верных нам и добрых *нагайцев*, около Кизляра живущих. Удалиться в горы значит на пищу св[ятого] Антония. Не надобно нам употреблять оружия, от стеснения они лучше нас друг друга истреблять станут. Вот верней-ший план, которого, если бы держались мои предместники, давно бы мы были покойнее на линии. Ты слегка говори об нем, почтенный Арсений Андреевич, ибо я и без того слыву уже человеком, для которого нет затруднения в выборе способа. Однако же со всем тем сегодня имею рапорт, что один весьма богатый кизлярский купец, недавно схваченный и за выкуп которого просили 10 000 серебром, возвращен и нам не стоит ни гроша. Я то же употребил средство, как для Швецова, велел посадить в крепость несколько богатых кунаков чеченских и секвестровать скот — и армянин тотчас доставлен. Не мудрая, но спасительная тактика, ее здесь знать не хотели!

Жаль почтенного старика Петра Ивановича, которого должна убивать смерть его сына и смерть, в глазах благомыслящего человека не оставляющая по себе сожаления.

Напиши, когда узнаешь истинную тому причину. Я предполагаю любовь, ибо молодой сей человек, во всех отношениях необычайно воздержанный, не мог, кажется, быть подверженным другой страсти. Петр Иванович уведомляет, что он получил по службе приятность, но не говорит какую. Напиши о сем также, ибо я почитаю старика, ко мне постоянно благорасположенного.

Я посылаю тебе формальную бумагу о необходимости дать здешним казакам хороших полковых командиров регулярной кавалерии, ибо беспорядки достигли до неимоверной степени. Поторопитесь прислать их, потому что во время моего здесь пребывания казаки все сделают, что только я хочу, без меня не так ловко будет. Великая была бы твоя дружба, если бы в числе их прислан был майор или подполковник Петров[3], служащий в Александрийском гусарском полку, он мне здесь был бы полезен в полку на границе чеченской. Я знаю его способности и ум. Не мешало бы, если бы с ними присланы были хотя по одному хорошему обер-офицеру.

Нельзя видеть без досады, в каком расстройстве славные казаки. Прежние здесь многие начальники кроме Дельпоццо, человека честного, требовали от казачьих начальников непозволительных угождений, как то и лошадей и скота из полученной добычи и даже из воровства части и за все, то надобно было сквозь пальцы смотреть на их беспутства, а потому теперь средствами обыкновенными поправить невозможно.

Благодарю за прекрасную речь, говоренную новым Царства Польского подданным[4]. Счастливы поляки толиким о них попечением, и гордость, сродная надменному сему народу, питается тем, что они впоследствии должны служить нам примером. Судьба не дала им другого рода торжества над нами, по крайней мере льстит им со стороны образованности и просвещения. Это не относится вообще к народу, который несравненно глупее нашего, но собственно касается возвышенного класса оного, то есть дворянства. Это нам привет-

ствие! Ты требуешь на сие откровенных моих мыслей, они, конечно, не будут различествовать от твоих.

Я думаю, судьба не доведет нас до уничижения иметь поляков за образец и все останется при одних обещаниях всеобъемлющей перемены. В Польше класс дворянства издавна истребил в понятии и чувствах простого народа свободу и поселянин заключает ее в одном том смысле, когда беспрепятственно может он в корчме жида пропивать свое благосостояние. В Польше простой народ, если бы и рассуждал о предметах, то беспутным долгое время существовавшим направлением, провождаем будучи от одного изменения к другому, может ожидать в перемене выгод, но он не рассуждает, а допускает всегда действовать одно дворянство. У нас народ удобен рассуждать лучше, но удобен рассуждать исключительно в свою пользу, которую весьма понимает и по малому еще образованию не допускает совместность пользу другого состояния людей, а потому власть дворянства есть необходимая сила для удержания равновесия и выгода правителя состоит в точном определении сей силы, ибо чрезмерность с той или другой стороны лишает его власти, ему приличествующей и которая по свойству народа, по обширности земли, по многосложному составу разнообразных частей, необходима в том степени, который для всякого другого народа был бы излишним и тягостным. Напрасно думают, что дворянство в России много потеряет от перемены: оно сыщет способ извлечь пользу из своего положения по мере той надобности, которую имеет в нем простой народ, не в состоянии будучи найти в себе самом все способы, заменить его по непросвещению своему, а потеряют одни правители, лишась дворянства яко подпоры, ибо оное, соединя близко свои выгоды с народом, найдет пользу быть с его стороны, и в руках правителя останется одна власть истребления, то есть силою оружия заставлять покорствовать народ своей воле, когда законы запрещают раболепствовать пред нею! Вот мои мысли, и я очень верю, что при моей жизни не последует никакой перемены, то есть Государь при жизни своей оной не пожелает.

Я заболтался и так же сокращу, как ты.

Копии с шести писем, в 1812 году в большой мне вред изобретенных, я не имею, ибо тебе известна привычка моя писать набело. Я сам желал бы иметь их теперь как памятник пылкости и, может быть, неблагоразумия тогдашних моих лет и хотел бы сделать поверку, так ли бы теперь я видел вещи. Я ни минуты не замедлил бы прислать их тебе, если бы у меня хотя одна строка была. В одном из них важно надул я брата М[азе]пу и теперь вспоминаю с восхищением о том, ибо я сказал правду и с наилучшим намерением. Не понимаю, как тогда, живши всегда вместе, не мог я показать тебе. Сему не могло быть другой причины, как и твои и мои тогдашние хлопоты, ибо подобного письма не мог я иметь выгоды скрывать от тебя и на твое же свидетельство ссылаясь. Скажи, Арсений, не упоминает ли чего о том Барклай в своих записках, ты как-то подозрительно меня спрашиваешь. Если догадки мои справедливы, то он хватил нас обоих ножичком. А ты взял с меня обещание не возражать. Погубил ты меня[5]!

Когда-нибудь отыщем некоторые о 1812 годе записки[6]. Теперь они разбросаны и замараны, а тебе как другу я их со временем непременно сообщу.

Ты уведомляешь, что Воейков доставил тебе записки о поездке моей в Персию. Я сказал тебе, что я писал их для смеха, и хотя в них все справедливо, но представлено в шутливом виде, но когда увидимся, я покажу тебе, что я писал пообстоятельнее. Теперь ты сам от меня их не потребуешь. Когда прочтешь их, сделай дружбу — пришли их обратно, ибо у меня остались клочки и в таком беспорядке, что я их собрать не могу.

Ты шутишь насчет проекта моего о крепостях и обороны оных независимо от войск корпуса. Ты, как истинный русский, должен употребить весь свой кредит для поддержания проекта сего, в нем первое достоинство то, что нет ни малейшей пользы для составившего оный, ибо невозможно, чтобы в стране сей пробыл я столько времени, что построятся и в совершенном порядке учредятся крепости; что гарнизоны, кои первоначально употребятся на работу, успеют потом быть в приличном воинственном виде. Столько времени при моей деятельности я не вынесу. А к тому скажу тебе, как другу, что в три и четыре года соседи наши не придут еще в такое состояние, чтобы были для нас весьма опасными, да к тому я недаром был в Персии, *ибо там нашел способы, как вредить ей более, нежели нашими крепостями*, но и то скажу тебе, *что заступивший мое место сих способов может быть иметь не будет*[7]. Я со временем дам тебе объяснение сих подчеркнутых строк, а ты и сам смекать умеешь. *Бога ради молчи о сем!*

Видишь ли, почтенный Арсений Андреевич, что я хлопочу не за себя, а за того, кто будет после. Увидите, что по быстрому ходу всех воинственных в Персии учреждений ему не так уже легко будет и что, потеряв теперешнее время, поздно будет помышлять о сем после. *Не дожить бы до стыда, не зная другого, кроме славы!* Еще повторю: употреби свой кредит и взгляни со вниманием на сроки, которые положил я на составление гарнизонов, и ты еще более убедишься, что я не в свою собственную пользу толкую. Не будете иметь ни одного на моем месте, который бы так мало помышлял о войне, как я. К моим проектам можно быть доверчивее! Скажи мне не шутя мысли свои о сем проекте, не говоря о перемене амуниции, за которую, может быть, и побранят, но она не составляет важного пункта, а я лишь бы сказал правду, брани не боюсь!

Успокой Петрахана, я право начинаю верить, что он иногда черт знает что обо мне мыслит, а как еще подумаешь, что ему *маршировать вместо Барклая*, то прощай все мои проекты. С ним можно примириться тем, что прежде могут выступить Витгенштейн и Милорадович!!! О назначении первого из сих во 2-ю армию ты писал ко мне о носящемся слухе, но скажи, что второй значит в представительном правительстве, в новом нашем царстве? Помнится мне, что ни в одной конституции в свете нет особенного законоположения *о шутах*. Зачем выпустили вы его в Варшаву, на нем Андреевская лента, и сердце мое обливается кровью, вспоминая о чине его. Примечаешь ли, что я уже о сем весьма забочусь. Как не завидовать генерал-лейтенантам, им нет никакой нужды быть неравнодушными. История производства моего чрезвычайно интересна. Ты, почтенный Арсений, и сам поступал и других подстрекал важно. Как отчаянно действовал Петрахан, скажи не задал ли ты ему шпанских мух?

Совершенно справедливо мнение твое, что с чином никакого награждения сравнить нельзя, но что благоволительный рескрипт гораздо лучше и лестнее 1-го Владимира. Сим последним вы бы меня исправно резанули.

По дружескому твоему совету я благодарил Петрахана и Каподистри, но слегка, ибо письмы их могут быть прочитаны, и я боялся сделать им самим вред. Теперь прилагаю у сего по записочке каждому, которые удержи у себя и отдай сам, как они возвратятся.

Весьма неприятно мне было прочесть то, что пишешь о брате Михайле. Как он с чудесною своею деятельностию не успел достать ко времени ремонты? Но впрочем, если и чувствительно было получить о том указ, лучше было бы признаться в неосмотрительности, нежели писать, что он примечает делаемые ему неудовольствия. Подобное письмо может быть причиною неприятного на счет его заключения и недостойно его, ибо кто согласится с ним, чтобы имели в виду огорчать его при его способностях, при его рвении в службе, которую предпочитает он всем прочим занятиям, при заслугах им оказанных? Кто не понимает, что Государю приятно и даже удобно благотворить такому человеку, которого достоинства подкрепляемы и знатною породою и известным именем и памятию заслуг праотцев. Многие подумать могут, что он человек недовольный! Ты, почтенный Арсений Андреевич, должен остерегать его, как человека, тебя душевно любящего, и при подобных указах предупредить, что ему делать, особливо зная его характер. Он всеконечно будет тебе благодарен, а то с ним случится, что со всеми, имеющими завистников, что воспользуются обстоятельствами и будут искать вредить. Говоря с тобою откровенно, могу сказать, что до сего доводит брата Михайлу чрезмерная его тонкость и он, конечно, решившись послать письмо, имел что-нибудь в предмете, что мы с тобою оба не понимаем. Зачем ему необыкновенные средства, он имеет столько выгод со своей стороны, что ему довольно одной прямой дороги?

Прелюбопытно описание воинского поселения, но я трудно его понимаю, ибо оно совсем изменилось против прежнего предположения. Там выгоняли поселян *на кочевье*, чтобы воспользоваться их землею, а теперь поселяне, кажется, хотят бросить землю, но их бежать не пускают. Не зная постановлений, не могу ничего сказать; я письмом прошу графа Аракчеева прислать мне узаконения о сем новом совершенно учреждении. Нельзя не удивиться, какие орудия избраны для приведения в исполнение сего трудного и многосложного плана. Лисаневич[8], Витт[9], Княжнин[10] и Александров[11] не самые благонадежные залоги в успехе. Я постигаю возможность здесь сделать хорошие заведения, но совсем в другом роде, и здесь они не представляют ни малейшей опасности, ибо поселяне, угрожаемые от соседей опасностию, весьма близки к воинственному состоянию и знакомы с оружием, то истинная перемена будет состоять более в звании или имени нежели в самой вещи, но и к сему не иначе приступить должно, как с чрезвычайною осторожностью. Я о сем буду думать и составлю замечание; теперь собственно из осторожности запасаюсь разными сведениями.

Не можно ли, почтенный Арсений Андреевич, достать в делах бывшей военной коллегии постановление о поселении гусарских полков из сербов и молдаван на Днепровской линии. Оно, кажется, мне проектировано было генералом (Алексеем Петровичем) Мельгуновым[12] в 1764 или близких годах. Сделай дружбу, прикажи порыться в бумагах, а между тем я пишу на удачу к екатеринославскому губернатору, нет ли там каких следов оного. Кто сей молодец, который бы отыскал в военной коллегии план графа Захария Григо-

рьевича Чернышева[13] о поселении войск и против коего Екатерина II возразила одним тем только, что в таком большом количестве соединенные военные люди могут быть опасными внутреннему спокойствию государства. Известно тебе, что человек сей был один из умнейших, каковых производит природа, и легко быть может, что у него найдем мы лучшее основание учреждениям, которые мутят теперь головы и нередко заставляют поступать ощупью там, где можно бы идти с большею верностью при свете опытности. Не заставляй отыскивать своего собственного Княжнина, он сообщит другому, под мудрым коего наблюдением процветают нынешние поселения, мы вызовем сильную вражду и препятствия разного рода, если когда надобно будет приняться за дело.

Спасибо за прапорщика Яковлева, что ты простил его проступок. То, что другие делают строгости, ты имеешь дар исправлять великодушием. Одно другого гораздо лучше!

Старик наш граф Беннигсен[14], как ты говоришь, идет в отставку. Жаль было бы еще более достойного сего человека, если бы ему двадцатью годами было менее, теперь и он уже мало способен. Но со всем тем вы его не вознаградили Витгенштейном. Совсем не дивлюся, что Рудзевич[15] с сим последним служить не намерен, человек так хорошо известный не потерпит беспутства, еще менее взять их на счет свой.

Формальная бумага моя покажет тебе, каким образом укомплектовывается мой корпус людьми из вторых баталионов 1-й армии. Ты представить не можешь, какие поступают карикатуры, но на сие роптать не имею я права, ибо где бы то ни было они, будучи еще годными, служить должны. Но ко мне поступило и в числе способных все дряхлое, вялое, неопрятное и даже бывшие нестроевыми. Как можно требовать от сих людей деятельной и живой службы, здесь поистине не менее необходимой, как и в 1-й армии. После сего удивляться будут, что впоследствии много людей оказываться будут неспособными и вечное требоваться пополнение. Я сам осматривал каждого неспособного порознь со вниманием, многих не показал таковыми и теперь заваливаю ими и гошпитали и полковые лазареты. Сими 2 баталионами приказано было пополнить недостаток в 2 действующих, но люди мне показали, что в баталионах переменяли наличных людей. Доведи о сем в разговоре до сведения Государя, за что здешний корпус должен быть вместилищем всех мерзостей 1-й армии. Новый главнокомандующий ваш Дибич поступил нечестно и не знает, что делалось в полках.

Прощай! Люби по-прежнему душевно тебя почитающего

А. Ермолова.

Еще вторительно благодарю тебя за племянника моего Каховского. Если бы не настоятельность твоя, почтенный Арсений Андреевич, может быть, и ничего бы не было, а ты Петрахана, так сказать, изнасильствовал. Если затрудняет тебя к которому из Вельяминовых назначить его в адъютанты, то напиши к моему, то есть начальнику штаба, у него по недавности в чине еще нет оного. Я воображаю, какую это сделает радость отцу его, который, имея его одного сына, отдал на службу в армейский полк унтер-офицером. Хорошо, что тогда можно было скоро выпросить в прапорщики, а мог бы и долго не быть им. Он содержится у меня в страхе Божием. Ему внушается, что он бедный

человек и незнатной породы и что ему надобно трудиться, чтобы службою достать что-нибудь. Перевод в гвардию есть такое для него счастие, которое, конечно, он не ожидал, да и я не совсем смел на то надеяться и какое благодеяние, что назначаете адъютантом; он по недостатку не мог бы содержать себя в гвардии и должен бы лишиться приобретенных переводом выгод. Благодарю тебя, почтеннейший Арсений.

А. Ермолов

Если Самойлову[16], который у меня, не мешает чин подпоручика, то сделай его адъютантом ко мне. Он лейб-гвардии Преображенского полка. Если же мешает, то в должность адъютанта. Мне бы не хотелось прекрасного сего молодого человека отлучать от себя, и его мать того желает. Он принадлежал к посольству, как кавалер оного, и я его удерживаю — не знаю почему. Сделай дружбу, присвоение его мною сделай законным. Я был некогда облагодетельствован отцом его и был его адъютантом; мне приятно было бы, в свою очередь, быть полезным его сыну. Ты верно одобришь сие чувство и намерение. Дождись Государя и тогда сие сделай.

Я представляю о переводе штабс-капитана Попова из Казанского полка в 15-й егерский. Сделай дружбу, переведи, офицер хороший и в полку гоним командиром и уже много потерпел, так что хотя и важно надул я командира, но ему в полку никак остаться невозможно. Скажи, что в 15-м егерском нужны офицеры, ибо полк почти весь расположен поротно и важные занимает посты. Не откажите, Бога ради, боюсь пропадет хороший офицер, а у меня таковых немного.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 136–149

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лагерь на р[еке] Сунже, 31 мая 1818**

Почтеннейший и любезнейший Арсений Андреевич.

Последнее письмо твое получил с фельдъегерем Ивановым и рад чрезвычайно, что с таким человеком, который умел мне рассказывать некоторые подробности о твоей жизни. Не можешь представить, любезный брат Арсений, как в стороне такой, как я живу, радостно слышать добрую весть о хорошем приятеле. Он сказывал мне, что чудесное устройство управляемых тобою частей дает уже тебе возможность иногда после обеда быть свободным и помышлять о некоторых прогулках. Простое сие замечание имеет однако же основательность, ибо он же в продолжение многого времени мог видать тебя столько занятого, что и на сон едва ли доставалось времени.

Всех лучше Ив[ан] Алекс[андрович] Вельяминов мог, как человек умный, рассуждать о том успехе в устройстве, которого достиг ты неимоверными трудами твоими и терпением. Он сказывал мне, что давши и быстрый и порядочный ход всему, ты даже не упустил из виду и самую типографию твою сделать общим удивлением. Желал бы я хотя минуту все это видеть и сему, любезный Арсений, надобно случиться, конечно, не будущую зиму, но следующий

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 14 июня», «Отвеч[ено] 4 июля».

год мне может быть необходимым взглянуть на вас хотя мигом. Сего может потребовать польза самой службы. Я обниму тебя, как истинного друга, и ты увидишь еще большее почтение, которое имею я к благороднейшим свойствам редкой души твоей.

Болтливая молва донесла и в дальний мой край слух о твоей женитьбе[1], и любящие тебя уведомляют меня о том, а ты скрываешь от меня и не говоришь ни слова. Мало у тебя близких, кого же можешь ты более меня тем обрадовать? Я забочусь об жене, но уверен, что и ты изберешь и судьба справедливая даст тебе жену достойную. Не менее знаю, что не бесполезно и хорошее состояние, ибо ты и нужное у себя отъемля, умел наделять нуждающихся. Прошу Бога, от сердца чистого о твоем счастии, но ты скрываешь от меня и не говоришь ни слова!

Теперь и я скажу тебе о том, что здесь происходит.

Переправясь чрез возвысившиеся весьма воды Терека, я с 24-го числа нахожусь на Сунже. Предшествовавший явлению ужасной рожи моей слух обо мне еще ужаснейший содержит чеченцев в страхе и трепете. Ближайшие из них, которых постигнуть может казнь, чрезвычайно покорны, возят мне в лагерь хворост и 500 повозок с Терека перевозят мне провиант безденежно. Живущие за Сунжею присылали уже старшин просить позволения жить безмятежно и в безопасности. Ответ мой: отдайте всех пленных русских, и тогда стану я говорить с вами и можете надеяться пощады и милости. Я успел уверить их, что не Сунжа есть главным моим предметом, но что в сердце земли их устрою я крепость. Между тем, бегут из-за Сунжи многие деревни, жен и детей увозят в горы, бросают хозяйство и в душе отчаяние. Я готов весьма на то, что мне пленных не отдадут, особливо таких, которые уже переменили закон, обженились и имеют детей и сему причиною будет надежда их да высокие в Сунже воды и на лес, густым листом покрытый; спадут и воды и листья, главнейшая их оборона, и я увижу их покорнейшими. Между тем, уже обещают продать мне строевой для крепости лес или по крайней мере до того дойти надеюсь, что допустят меня вырубать оный без большой опасности. Как бы переменили они мнение свое, если бы узнали, что мне нет никакой пользы идти за Сунжу и что я даже того сделать не могу, ибо три четверти людей моих так молоды и недавно в службе, что не видывали неприятеля и что таковых, не приуча несколько прежде, не поведу я против зверей, каковы чеченцы и которых самая крайность призовет к обороне. Я избрал вернейшую систему. Позволю им храбриться и между тем буду строить крепости. Во все продолжение лета простоят они под ружьем и в робкой осторожности, ни жать хлеба, ни сена возить нельзя будет и семейства их, скитаясь в горах, удалены будут от хозяйства. Настанет глубокая осень, у меня будут крепости, у них не будет хлеба, обнажится лес и не будет защиты, — осторожность утомит их; река Сунжа будет глубиною по колено и от крепостей моих до самых злодейских селений не далее 20 или 25 верст. Тогда я буду господствовать и заплотим за слезы и кровь русскую, пролитые разбойниками.

До сего времени с их стороны было несколько пустых выстрелов ночью по цепи лагеря. С нашей стороны один ружейный выстрел, сделанный молодым солдатом от робости. Далее что случится, буду тебе писать обстоятельно.

Благодарю за исходатайствование командиров в поселенные казачьи полки. Казаки так нерадиво служат, что я такой мерзости не видывал. На пикетах спят как на квартирах, и все причиною негодные их чиновники, но у меня в большом действии плети. Ими наделяю казаков, а офицеров их приглашаю к себе в ставку по-дружески и там без свидетелей *за святые и в потасовку*. Им объявлено, что если кто из них будучи в должности найден будет ночью спящим, а паче еще в постели, то немедленно наказан будет плетьми, под видом будто денщик (драбант)[2], воспользовавшись отсутствием своего офицера, дерзнул влезть в его постель.

Сие счастливое изобретение весьма их устрашает и таково, что нельзя никак ко мне привязаться.

Шультен[3], о коем ты пишешь, есть славнейший храбрый и отлично благородный человек, словом достойный приятель Котляревского, но причины, по коим не может он с пользою быть командиром казачьего полка, объяснил я тебе в формальной бумаге. Я рад был бы душевно, если бы он избрал какое место в Грузии, ибо он сокровище, а так много мест, где бы он был нужен.

По приказанию твоему сообщать тебе обо всем, до здешнего края относящемся, я препровождаю тебе несколько копий с письма и бумаг моих к Государю. Ты из них увидишь план *новой линии левого фланга*[4], которую необходимо учредить надобно. Письмо же объяснит тебе состояние здесь гражданской части; о сем последнем не говори ради Бога никому, ибо мошенники легко могут предупредить и отвратить действие оного. Вот проклятая часть, отъемлющая у меня большую часть времени. Одна бумага, которою требую я права лишать чинов офицеров иррегулярных войск по приговорам военного суда, также равно иноверцев, чины офицерские имеющих. Я теряю сим преимущество, которое над многими начальниками я имею, то есть привязанность ко мне офицеров, но меня к тому понудила самая необходимость. Здесь без страха ничего не сделаешь, а надобно только весьма небольшое число строгих примеров. Верь, любезный друг, что сколько я ни строг, но не легко однако же мне делать несчастливых, ибо я сделал над собою самим полезный опыт, как тяжко переносить несчастье.

Старика Дельпоццо огорчило его назначение[5], ибо он принимает оное за неблаговоление Государя, и он меня весьма тронул, ибо прискорбно видеть старика слишком гораздо 70 лет, отчаивающегося в милости Государя в предверии почти гроба. Если по порядку, тебе лучше известному, возможно исходатайствовать ему рескрипт за собственноручным подписанием, в котором упомянут, что за бескорыстие жалуются ему, яко человеку недостаточному, столовые деньги, те, о коих я прошу, то ты отпустишь старика счастливым на тот свет и он еще при жизни будет в раю. Сделай сие благодеяние и меня успокоишь, ибо хотя скромный старик не говорит мне, но кажется обвиняет меня в несчастии, *а я терплю за вас, ибо просил ему другого места!*

Как благодарить тебя за Каховского? Он благополучен свыше моего ожидания. Я признаюсь, что я потому только поверил глазам моим, читая о переводе в Егерский гвардейский полк, что знал о твоем для меня старании.

Ты чрезвычайно тронул меня письмом твоим, почтеннейший Арсений, в ответ на то, которым благодарил я тебя за обрадование отца моего известием

о моем производстве. Скажи, благороднейший Арсений, как мне не любить и не почитать тебя как брата? Прочти в душе моей и, конечно, будешь мне другом!

За что убиваешь ты меня производством барона Вреде в генерал-майоры[6]! Неужели недовольно горести и несчастия моего от кончины Загорского? Представь, что тот, которого в низких чинах не истребили палочные удары, в получении коих он хвастливо признавался; тот, которого в степенях вышних не сокрушила и самая язва, ныне пал под слабыми обыкновенной болезни усилиями. Боже, справедливый! Не страшусь, если падет и Дренякин, ибо вижу неистощимые твои запасы и в лице барона Вреде убеждаюсь в оном! Взгляни на мое представление о сем последнем, и как я представлял о нем!

Поблагодари Марью Осиповну Марченкову за наливку. Я верю, что она должна была быть чрезвычайная, судя по одной оставшейся бутылке, ибо прочие, к сожалению, разбились вдребезги. Какого лишен наслаждения человек, живущий в лагере! Однако же я не менее благодарю сестру. Брат Василий не забыл меня и писал из Варшавы.

Государя я не видал, ибо в то самое время переправлял я войски за Терек и не смел отлучиться, впрочем, он был в Черкасске[7] только сутки и, следовательно, в суматохе.

Верный и преданный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 150–155

А. С. ШИШКОВУ

Лагерь на [реке] Сунже, 31 мая 1818

Милостивый государь, Александр Семенович[1].

Не весьма задолго перед сим имел я честь получить письмо Вашего превосходительства и, не прибегая к пустым изворотам в извинение, что доселе не отвечал на оное, скажу истину, что я хотел прежде дождаться Вашего племянника[2], чтобы, увидев его, иметь что-нибудь утешительного сказать Вам как отцу и благодетелю, столько пекущемуся о его щастии. Два тому дни, как он приехал и, будучи со мною в лагере и почти беспрерывно на глазах, он дает надежду смириться в резвостях молодости. Сколько могу я обещать себе, кажется, что строгий надзор и упражнение в должности обратят его на тот путь, которым желаете Вы, чтобы он приблизился к сердцу Вашему, всегда готово-му возвратить ему прежнюю нежность.

Редко, чья молодость не была несколько бурлива, и на собственное Ваше, милостивый государь, пошлюсь наблюдение, что весьма нередко шалостливый в молодости делается наилучшим человеком в летах зрелых, смиряя опытностию чрезмерную порывчивость и сохраняя от оной позволительный степень живости.

Не почтите меня, милостивый государь, по суждению моему, слишком наклонным поблажать шалостям молодых людей, нет! Я умею быть весьма строгим по приличию и по правилам моим и по праву, вами мне предоставленному, все употреблю средства утешить Вас воздержанием Вашего племянника.

Примите уверение в совершеннейшем почтении и неограниченной преданности, с коими имею честь быть

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

РГИА Ф. 1673 Оп. 1. Д. 160. Л. 1–2

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лагерь на [реке] Сунже, 9 июля 1818**

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич.

Наконец и в наши страны отдаленные достиг слух о кончине фельдмаршала[1]. С робостию ожидал я, что весть сия произведет отчаяние в войсках, но мало здесь служивших под его знаменами, мало весьма немцев и потому мало слез. Я думал, не горесть ли, стеснившая сердце, остановила течение их; ожидал и нет ни капли! Растерзанный печалию, которая тем тягостнее, что никто ее не разделяет, я обратился наконец к Виртембергской моей колонии[2]. Неблагодарные! Они говорят, что не одна земля произвела их с героем. Не знают, что великие люди принадлежат вообще всем народам. Неужели судьба жестокая возложит всю печаль на одних лифляндцев?

В последнем письме моем ничего не сказал я тебе о замечаниях его на кампанию 1812 года, которые ты мне с такими ужасными условиями доставил. Не знаю, с каким намерением он их писал! Ошибки не преступления и в них не было нужды оправдываться, а что с честию и усердием служил он, то и самые неприятели его в том не сомневаются. Не дай Господи и оправдываться таким неловким образом! Он многих нас старался важно обработать. Мне напрасно дал наименование *интриганта*, ибо я весьма явным образом признавался, что я в нем ничего не видал, кроме человека весьма обыкновенного и даже посредственного. Как приметна злоба его на меня за приверженность мою к великому князю[3] и за то, что я привязан был к покойному князю Багратиону. Мещанская холодная душа незнакома с чувствами благодарности. Я до смерти не забуду благодеяний первого и память последнего почту искреннейшим воспоминанием. И рижский мещанин хотел, чтобы я изменил священнейшим обязанностям! Часто помню я рассуждения твои о свойствах души умершего и вижу справедливость. Довольно двух страниц для человека, которому и двух строк нельзя посвятить без упрека совести!

Теперь о деле.

Ты увидишь рапорт мой о смерти полковника барона Шульца[4]. Надобен на место его хороший командир для полка совершенно молодого, о котором он заботясь много, сыскал общую всех привязанность и оплакиваем всеми. Я мало видал столько молодой полк, и по несчастию в нем есть немало определенных из бродяг, которые дают всякие развратные примеры; бежавшие также нередко случаются. Старайся, почтенный Арсений, чтобы полковой командир был с некоторым состоянием; ибо полк весьма беден и здесь при средствах

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 20 июля 1818», «Отвеч[ено] 29 июля 1818».

чрезмерно малых, не будет он в том состоянии устройства, который дает позволительный избыток.

Жаль мне, что бывший в Егерском гвардейском полку Ермолов[5] подпал под гнев Государя. Здесь его настоящее место. Он неблагопристойно счастлив был по службе и потому надобно еще то заслуживать; весьма молод и несколько проведенных здесь лет может еще не считать потерею, на что, конечно, многие не решатся, ибо отказаться надобно от всех в жизни удовольствий, которые молодыми людьми ставятся в большой очень цене. Иметь состояние, которое здесь ни на что не надобно, если не употреблять его на пользу службы или в помощь бедным офицерам. Я, любезный Арсений, хотел только сказать мое мнение, впрочем, не прошу тебя ходатайствовать за Ермолова, он должен сам заслуживать доброе замечание и имевши такое воспитание, как он, и так хорошо учившись, рано или поздно увидят, что он весьма годен. Служба наша не слишком богата мудрецами! При мне есть брат, служивший в Семеновском полку[6] — не определите его как-нибудь. Он человек весьма бедный и будучи старшим в семействе, имеет семь человек на своих руках; его сие назначение погубит. Он может быть весьма хороший полковой командир, но я буду после просить ему полк в России, где может он иметь некоторый присмотр и за своим семейством. И Хотунцов умер! Если бы не гордость в нем турецкого султана и злобный характер, за который ненавидели его подчиненные и который наклонял его к большим несправедливостям, я бы жалел его, как лучшего из здешних генералов. По старшинству в чине его я не знал, что из него делать, и смерть большие разрешила затруднения. Хорошо, что он умер в России, а то подозрительно, что я помалу сбываю с рук. Никто не покушается на Дренякина. Не надеются одолеть, тяжелая скотина!

Горе заставило просить о производстве полковника Краббе[7]. Он из старших полковников, конечно, лучший, но не мешало бы, если бы на место его дали мне лучшего, но где они у вас в излишестве и кто захочет жить в Дагестане, в сравнении с которым и Грузия есть уже земля просвещенная. Стану на колени, если дадите мне *молодца* для Дагестана. Земля сия издавна служит убежищем изменникам и всем злонамеренным людям, которых Персия употребляет как орудие для возмущения горских против нас народов, где могут стать большие против нас силы и народов более нежели в других местах согласных.

До сего времени войны и продолжительные возмущения в Грузии, предместников моих при малых их средствах заставляли их ласкать сии народы и смотреть сквозь пальцы на разные злодейства их и злоумышления, а иногда по необходимости даже и быть снисходительными в самых преступлениях. Теперь видят они, что нельзя всего того делать, что прежде и что многие из управляющих сими народами теряют от того власть свою и большие выгоды, они стараются теснейшею соединиться дружбою и, возбудив глупый народ внушениями, что вера магометанская угрожаема опасностию, приуготовить его восстать на нас всеми силами, когда внешняя война будет к тому благоприятствовать. Тебе как другу верному скажу, что я вижу сии замыслы и собирающуюся грозу.

Притворяюсь до времени, что я того не примечаю, и многих из самых мошенников уверяю в дружбе и признательности за их верность. Хотел осенью

быть в Дагестане, но думаю, что здешние обстоятельства не допустят. Весной же буду непременно, и замыслам злодеев — удар. Тотчас между ними родится ссора, явятся предатели и ничего не будет сокровенного. Не из хвастовства скажу тебе, почтенный Арсений, что здесь одно имя мое заменяет несколько баталионов; трепет ужасный! Между здешними народами невозможно поступать иначе. Если все силою и оружием, у Государя не станет солдат. Я был бы с ума сшедший*, если бы думал Дагестан удерживать силою; там у меня четыре баталиона весьма не комплектных и самых скверных полков, которые теперь только и весьма еще мало начинают поправляться. Дагестанцев двадцать и более тысяч легко собраться могут. Не шутя найдите *молодца* или мне наделаете хлопот. Доложи Государю, что я знаю способного для того человека — полковника Николая Столыпина[8], командира Оренбургского уланского полка. Он офицер неустрашимый, что необходимо надобно; бескорыстный, что не менее нужно, ибо многие бывшие там начальники не могли сим похвастать и имени русскому немного сделали чести. Если произведут его в генерал-майоры, он может иметь 1-ю бригаду 20-й пехотной дивизии и управлять Дагестаном, а горских народов управление я возьму на себя и буду помогать ему, что и теперь делаю не менее. Краббе может иметь другую в той же дивизии бригаду, а произведенный недавно из артиллерии барон Вреде может быть при дивизионном командире. Чтобы великий князь не прогневался, что я прошу офицера из кавалерии без его соизволения, я пишу о том к Куруте[9], которое письмо прошу приказать ему доставить.

Я живу в лагере на Сунже. Чеченцы, на левом берегу сея реки живущие, начинают понемногу приучаться к необходимости покорствовать нам и к удивлению в полтора месяца пребывания здесь войск оказывают некоторое усердие, конечно, из страха, ибо хлеб их и скот весь на нашей стороне. Родственные и мошеннические связи все за рекою, где жители, защищенные густыми лесами и трудными проходами, нам противятся и, удалив в леса жен, детей и имущество, все под ружьем ожидают моего прибытия, которому весьма верят и не подозревают, что я и в помышлении того не имею. Не смеют приняться за сенокосы и уборку хлеба, который хотя на той стороне реки, но поблизости от нашего лагеря. Между тем многие уже деревни ищут примирения и дают аманатов, но я предлагаю условия, которые им не нравятся. Я в том нахожу довольно верный счет, ибо не соглашаясь содержу их в опасности, отвлекаю от домашних работ, а в продолжение того приближается осень и лист обнажа леса, теперешнюю их твердыню, покажет им, что противиться долее невозможно, и я получу то, что требую, или, по крайней мере, конечно, в будущем году того достигну. Мне надобны все схваченные ими в плен русские люди, а паче беглые и уже принявшие закон их. Сии два обстоятельства наитруднейшие, но необходимо нужные, дабы солдаты наши воздержались от побегов, видя, что чеченцы укрывать их не могут. В сем может быть и не успею скоро, но возвратить пленных, которые закона не переменили и у них не оженились, в сем не откажут и уже есть к тому готовность. Теперь непреклонность их происходит от того, что они ожидают помощи от соседственных лезгин, жителей гор, в которые не проникало оружие наше. Мне жаль, что они обманутся в на-

---

* Так в оригинале.

деждах своих и столько не получат помощи как ожидают. Может быть, они осмелились бы выйти из засад своих, и тогда чеченцев и лезгин можно бы было задушить одним разом для сокращения хлопот.

Не можешь представить себе, какую скучную веду я жизнь на Сунже; если бы не дела, которых множество, можно сойти с ума. Копаю крепость, которую при освящении наименовал Грозною[10]. Конечно, она не даст покойного сна чеченцам, стоя близ больших самых дорог и удобнейших самых бродах, чрез которые обыкновенно переправлялись они для нападений на Кавказскую линию, куда потому уже не так свободен доступ, что возвращение не столько, как прежде, безопасно.

Будущий год с удовольствием увижу большие во многом перемены, особливо, когда порядочно примусь за самозванцев-князей, живущих по самому Тереку, которые под именем мирных, делали наивеличайшие злодейства. Я скажу тебе об одном из главнейших сих *князей-мошенников* и по какому праву пользуется он прекраснейшею землею и довольно значащим от нефти доходом. Командовавший на линии (и потом в Грузии) генерал Кноринг[11] любил весьма женщин; трое братьев-князей сих достали ему девку, укравши оную от семейства; брат сей девки, мстя за похищение, убил одного из трех князей. Кноринг, опасаясь, чтобы будучи причиною смерти не сделался сам жертвою их злобы, в удовлетворение их дал им землю прекраснейшую, на самом берегу Терека, против станицы Моздокского казачьего полка, у которого земли и недостаточно и та гадкая.

Подобными сим правами многие пользуются здесь снисхождением нашего начальства. Меня и девкою приобресть невозможно; ни подарков, ни лошадей не берем, друг любезный, и мошенникам пришла жизнь плохая. Пользуясь еще временем пока ты не женился и еще *засыпаешь беззаконным образом*, чтобы сказать тебе, что если бы здесь явилась подобная Катерина Ивановна с таким же полезным заведением, то она принята была бы как божество. Я начинаю уже думать, что прекрасный пол не мешал бы, если бы он и не для размножения рода человеков был создан, ибо *невинная* с ним забава, от которой ничего не происходит, имеет однако же свои приятности и не менее как я подозреваю, ибо нередко мужья не сердятся, если кто другой берет на себя труд размножения.

Ты, конечно, в жизнь свою не видал такого монашечного лагеря, нет совершенно ни одной женщины, даже нет близко ни одной чеченской деревни, где бы женщина строгость нелепого закона своего обманула хотя одним украденным взглядом. После такого воздержания надобно являться пред женщин, ибо сколько бы жен, любовниц показались прелестнейшими, сколько бы им мужчины казались постояннейшими, пламенными! Присылайте сюда для исправления охладевших обоего пола, впрочем, что до женщин касается, то не забудьте и самых огненных, которые не будут раскаиваться.

Не шутя о женщинах, имею я один полезный план. Мне кажется, что тифлисский внутренний баталион не худо было бы обратить в поселение или здесь или в Грузии и дать ему жен из вдов, оставшихся после солдат в российских деревнях. Они бы в пустых местах развели хорошие селения, со временем некоторые заведения, как, например, суконную в Грузии фабрику, и если не брать от них детей в службу, то можно со временем завести фабрики и сит-

цев или других бумажных материй. Здесь и шерсть и бумага весьма хорошие. Поселение сие можно произвести разделяя роты, особенно смотря по удобности, и если правительство может иметь в предмете размножение сих селений или таковых, откуда бы дети поступали бы в военную службу*, то можно причислять к ним из полков тех солдат, которые по неспособности и без того поступили бы во внутреннюю стражу. Напиши мне о сем твое мнение и что на то скажут, если ты сообщишь оное знакомым из людей деловых.

Если (что я ожидаю) неудобно давать в замужество солдатских вдов, то нельзя ли на первый случай баталион пополнить при будущем наборе женатыми рекрутами, а там от них будут дети и между собою переженятся.

Человек, служивший солдатом, редко может быть хорошим хлебопашцем. Его трудно уверить, чтобы земледелец не был состояния низшего, нежели человек, несший оружие за отечество. Кроме того, и сама долговременная отвычка уничтожает уже способность. Здесь, в Грузии, фабрики могут придать ему охоту к занятиям, ибо от приобретенных выгод щедро платить за труд возможно, или если и без фабрик будут некоторые селения, то виноградные сады вознаградят с избытком всякое другое возделание земли и в понятии простого человека не уничтожат его занятием сохою.

Фабрика стеклянная даст казне такой доход, которому поверить невозможно, ибо в Грузии бутылка 25 копеек серебром стоит, немного порядочней — рубль серебром. Я писал к министру финансов[12], чтобы прислали с казенной петербургской фабрики мастера осмотреть удобство и как устроить завод, он ответствует, что нет мастера свободного.

Адресовался я к министру внутренних дел, чтобы пригласил людей партикулярных, он дает мне знать, чтобы я сам их вызвал. Вот ответы, достойные министров страшнейшей в свете монархии, вот пособия, преподаваемые усердному и пламенному ревнителю пользы!

Я послал к тебе с последним фельдъегерем письмо, которое писал я Государю в рассуждении беспорядков в Кавказской губернии и просил ревизора из сенаторов также и для Астрахани. Что, думаешь ты, сделалось с сим письмом? Конечно, не угадаешь. Его принял он как донесение и отправил в копии в Комитет министров[13]. Вот твой способ внушить в меня доверенность. Таким образом можно только заставить молчать и о самой правде, какая выгода может поссорить меня со всем светом. Может быть, имели вы ловкость не точную послать копию, однако же в том сумневаюсь.

Давно чрезвычайно не имею я писем от брата Михаила; намедни в двух только словах уведомил, что ожидает Михаила Павловича[14]. Прикажи отправить мое к нему письмо о пребывании на Сунже. Он знает старую сию мысль, но не знает нового к тому дополнения моего. Если бы и он здесь командовал, то бы, конечно, не пренебрег бы сим планом. Скажи, часто ли ведет он с тобою переписку? Неужели охладел ко мне?

Производство мое не может быть тому причиною. Он слишком благородный человек, я же был его старее в чине и без несправедливости нельзя было обойти меня, когда нет случая сделать что-нибудь полезного.

---

* Таковые не должны быть в Грузии, разве только на линии, ибо в Грузии полезнее будут они работниками при фабриках, а солдат можно иметь других. — *Прим. автора.*

Скажи, продолжаются ли слухи о конгрессе и когда поедет Государь[15]? Ты, почтенный Арсений, пустишься ли также странствовать или дела твои прикуют тебя в Петербурге? Признайся в женитьбе несколькими словами, никто более меня добра тебе не пожелает!

Грусть мучительная беспрестанно приводит на память Барклая. Кто назначается на его место? Сакен[16], конечно, по всему праву того ожидает, не собирается ли Милорадович, не надеется ли Раевский[17]? Одного претендента вы уже поместили и весьма хорошо, а иначе пришлось бы теперь дать ему большую армию. Или дабы заставить молчать зависть, будет Дибич начальствовать армиею именем Барклая, дабы сего последнего таким хотя образом сделать бессмертным. Это мысль премудрая! Старшие генералы, повинуясь ему собственно, от сего не получили облегчения, что он пожалован генерал-адъютантом или сие звание не допускает никакого расчета во времени службы?

Не шутя, уведомь меня; я, право, не знаю, а часто от неведения погрешаешь.

Прощай, почтеннейший Арсений. Прежде завоюют меня чеченцы, нежели я изменю чувствам искренней моей к тебе привязанности и почтения, и то и другое равно невозможно!

Вернейший Ермолов

Прочти письмо мое к Воронцову, ты увидишь краткую картину земли здешней*.

В приказах Барклая, апреля 17 сего года, за № 67, упоминается о каком-то наставлении для обучения карабинерных и егерских полков, также и состоящих стрелков в гренадерских и пехотных полках. Говорится также и о «правилах рассыпного строя, или наставлении о рассыпном действии пехоты».

Прикажи, сделай дружбу, мне оные доставить поскорее. Я, ничего о сем не зная, но по свойству земли и образу войны здешних народов, сим уже занимаюсь, а еще лучше, ежели и сии постановления можно употребить в пользу.

Прикажи прочесть сей приказ Барклая и по оному все мне доставить.

Поручи также кому-нибудь из твоих адъютантов все подобные до войск относящиеся новости доставлять ко мне, ибо иначе я ни о чем не услышу. Пусть присылает он и то, что составлено будет в Дибичевой армии или в каком-нибудь из корпусов, все равно, что хорошее изобретается, где бы то сделано ни было, а последовать доброму всегда полезно.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 156–164

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Лагерь на [реке] Сунже, 9 июля 1818***

Любезный брат, редкий из человеков!

Давно не имею я от тебя писем, кроме нескольких строк, которыми извещаешь меня, что великий князь будет осматривать твой корпус. Я не изменяю

---

* Дальнейший текст на отдельном листе меньшего, чем остальные листы, формата вставлен между двумя последними листами письма, написан немного другими чернилами, лист имеет чистый оборот. — *Прим. публ.*

** Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 23 авг[уста] 1818».

обещанию моему и всегда пишу, лишь что-нибудь хотя мало заслуживает внимания. Зная, по словам твоим, что все обстоятельства здешнего края занимательны для тебя, и теперь сообщаю о том, что переменилось после моего последнего уведомления.

Я привожу в исполнение давнее намерение занять Сунжу и укротить оскорбительные злодейства чеченцев, которые превзошли уже всю меру терпения. Другой уже месяц стою я лагерем на Сунже против *Хан-Кале*, известного дефиле трудностию прохода и прежними неудачными Булгакова[1] предприятиями[2], которые стоили нам большой потери, ободрили оною чеченцев и сделали их дерзостнее в их разбоях и хищничествах. Я заложил тут крепость, именованную *Грозная*. В ней будет гарнизона до тысячи человек и страху для чеченцев на пять. Я предполагал в нынешнем году сделать более сего одного укрепления, но недостаток во многих вещах и сопротивление чеченцев, которым не нравится наше здесь пребывание, умедливают чрезвычайно работы, и я ничего не успею сделать более. В будущем году устрою еще одну не столько большую крепостцу и в нескольких пунктах при удобнейших чрез Сунжу бродах редуты, и чеченцы будут сговорчивее. Потом деревни чеченские, по берегу Терека расположенные, в которых укрываются под именем мирных разбойники по соседству наиболее вредные, истреблю; раздам прекраснейшие их земли казакам нашим, которые или совсем в них нуждаются, или имеют весьма неудобные. За сим первым актом следует важнейший.

Дагестан, который тебе знаком и где всегдашнее убежище изменникам и врагам нашим, где весьма покойно живут и беглый подлец царевич[3], и злобный Ших-Али-хан[4] и где теперь дышет все возмущением[5], я намерен связать с Кавказскою линиею посредством дороги чрез Дербент. Со временем линию укреплений по Сунже доведу я почти до устья оной, то есть ниже места, где впадает Аргун, перейду на правый берег оной, где для сообщения будет редут, *в Аксае* заложу крепостцу; *в Андреевской деревне* немного сильнейшую и левый фланг линии примкну к Сулаку, у *Костюковского* селения. Закрою совершенно Кизляр, богатый город и родом своей промышленности единственный. Шамхал тарковской[6], утесняемый злодеями своими, никогда так усердно не прибегал к нашей защите, просит в *Тарки* войск и в распоряжение наше отдает богатые соляные озера, которые чеченцев и все довольствуют горы. Уцмей каракайдакский[7], также злодей наш, в худом положении и просит от неприятелей защиты. Здесь будет у меня военный пост для связи с Дербентом. Таким образом получу я другую дорогу, во многих обстоятельствах нам полезную. И движение по оной войск, и частое оных в земле обращение познакомит нас более с народом, а ему истолкует, что для смирения его имеем мы средства, которые теперь весьма недостаточны. Весь сей план довел я до сведения правительства, и он не кажется неосновательным.

Еще представил я систему крепостей для областей наших, по ту сторону гор лежащих, вводя в предмет умножение и усовершенствование войск в Персии. Она требует обстоятельного рассмотрения, ибо стоит и некоторых издержек. Я об оной сообщу тебе впоследствии, когда правительством или утверждена или откинута будет. Если допустится, то границы наши, сколько возможно по порочному виду их, примут некоторую твердость, и в случае даже распространения оных крепость ни одна не останется бесполезною. Сего,

конечно, уже я не приведу к окончанию, ибо несколько лет на то надобно, но по крайней мере план со всеми обстоятельствами соображенный должны будут исполнять мои преемники, и не так как доселе все предоставлялось произволу начальствующего, который иногда по злобе, иногда по самолюбию, а иногда и по невежеству уничтожал распоряжения предместника, и от того все осталось *в состоянии начала*. Таким образом исчезли все предприятия славного и необыкновенного Цицианова. Злоба и невежество Гудовича изгладили до самых признаков. Я сам испрашиваю на себя законы, но сносить стану их терпеливо, чтобы и другие на месте моем им покорялись.

Прощай, любезный и редкий брат.

Пишу не по-твоему. Ты или ленишься или забываешь.

Душевно любящий и верный *А. Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 63–64 об.

ФЕОФИЛАКТУ

Крепость Грозная, 1 августа 1818

Ваше высокопреосвященство[1],

Милостивый государь!

Не имея ничего сообщить вашему высокопреосвященству достойного внимания, доселе не писал я; и теперь хоть нечем занять вас важнейшим, но стыдясь долговременного молчания, обращаюсь с несколькими строками, надеясь, что вы благосклонно примете и простое описание упражнений моих по службе Государю.

Я живу на Сунже и, терпеливо следуя предначертанному плану, занимаюсь устроением укреплений, которые в начале умедленные ненастною погодою, с некоторого времени идут так успешно, как я ожидать не мог, во многом имея недостаток. Занятия мои кажутся странными многим из здешних, ибо различествуют в свойствах с занятиями моих предместников, которые в действиях своих искали более блеска, но, боясь приступить к средствам, которые, хотя несомнительны, но медленностию могли страшить, что честь приведения к концу, а потому и собрание плодов надобно приготовить для наследника. В сей самой земле, где я теперь, сколько раз лилась наша кровь, но неприятель не смирен в дерзости, ни ослаблен в способах, и ко всегдашним чувствительным потерям нашим ежечасно прибавляем был и самый ропот, что на Кавказской линии, по Тереку, несчастным жителям не было от хищников и разбоев успокоения. Пустые и ничтожные дела рождали пышные и лживые донесения, отдаленность отклоняла возможность проверки, и правительство было в полной уверенности, что край наслаждается спокойствием совершенным.

Я один бестрепетно взялся за невыгодную систему — не тешить правительство льстивыми и ложными донесениями и, не придавая важности действиям моим, идти тихими шагами, но верными и к успехам столько же несомнительным, мало заботясь о том, что не мне может быть случится пользоваться плодами трудов собственных.

В скором времени окончится главнейшая на Сунже крепость, которой я дал наименование Грозная. По положению между больших дорог, ведущих

в землю чеченскую, и близость удобных бродов, которыми проезжали чеченцы для нападения на линию, имя ей весьма приличествует, и они, при всем невежестве своем, уразумели невыгоду сего соседства, ибо не только стоят под ружьем и мало занимаются хозяйственными упражнениями, но, не надеясь на собственные силы, призвали в помощь горских жителей лезгин, которых толпы стекаются для защиты единоверцев, и 29 числа, в первый раз испытали они появиться в силах на нашем берегу реки, и постыдно были прогнаны с небольшою потерею потому только, что бегство спасло от чувствительнейшей, а дремучие леса остановили, дабы (подобно, как прежде случалось) не потерять солдат из одного пустого хвастовства, что преследовал за Сунжу, и они в самых твердых местах не нашли убежища. На первый случай довольствуюсь я прекраснейшею землею, на которой, конечно, не менее, как половина целого населения Чечни, имеет богатое хлебопашество и сенокосы, и то, и другое у меня в руках, — и нынешний год столько у чеченцев в недостатке, а будущий год, если того не сделают, чего я требую, то избавлю их труда пахать и засевать; впоследствии Бог даст и более, а вы, милостивый архипастырь, подкрепите меня вашим благословением.

С совершенным высокопочитанием имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства всепокорнейший слуга

Алексей Ермолов.

Воскресный досуг. 1864. № 96. С. 334–335

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лагерь на [реке] Сунже, 10 августа 1818**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

По справедливости должен я начать письмо мое удивлением, что при всей торжественной и праздничной вашей суматохе[1], при множестве хлопот с такою скоростию разрешаете вы мои представления. Ты насмешливым образом называешь их предписаниями, но мне до того нужды нет, и я без смеха скажу тебе, благороднейший Арсений, что нередко и самые предписания так быстро не исполняются и я все-таки к тебе, как источнику необычайной деятельности, обращаюсь с благодарением. Ей-богу, чудесно! Скажи мне, не ругаете ли вы меня за бесконечные мои представления? Но что мне делать, когда все нужды представляются заботливому человеку, у которого служба Государю одно занятие. Не имею я нрава негодовать, что некоторые из представлений остаются без исполнения, ибо знаю хорошо, что многие могут или не приличествовать обстоятельствам, которые от меня сокрыты, или могут быть уважены впоследствии времени.

Мне вы должны в непременную поставить обязанность делать всякого рода представления, ибо может на месте моем быть столько же усердный и даже гораздо способнейший офицер, которому легче уже будет усовершенствовать и сообразить вещь, когда о ней сделано уже предложение, нежели начинать с первых оснований. Таким образом, один другому может служить указате-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 25 авг[уста] 1818», «Отвеч[ено] 10 сент[ября]».

лем полезных предметов, а способнейшему даст счастие честь исполнения! Но в то же время должны вы мне позволить одно желание, чтобы на всякое мое представление сказано мне было*: 1) Оставлено по обстоятельствам без исполнения. 2) Может быть приведено в исполнение со временем. 3) Не может быть уважено по причинам* (но сии должны быть точно основательные и весьма уважительные). И наконец разные другие, которые всегда начальство удобно находит и подчиненному заграждает уста. Сему учить ни которого из начальников не должно.

За Пятерикова вы меня побранили, но лучше за некоторое снисхождение, нежели за неуважение полковника и более 40 лет службы. Я не сердит! А за хорунжего не стоило бы дать выговора. Правда, что я присвоил некоторую власть, но это не более странно, *нежели командовать армиею именем умершего!* Разве одним немцам могут приличествовать такие чудеса?

Как я разумею тебя, почтенный Арсений Андреевич, ты слова не напишешь о том, что тебе собственно за меня неприятно, но почему же ты не посмеялся данному мне уроку, как писать *по форме рапорты* или для смеха недоставало, чтобы прислать образец прописи, которой должен я сообразоваться и в самом почерке? Деликатность твоя удержала руку от начертания на объявлении нумера, но ты тоже виноват против *могущественной формы*!

Признаюсь, что не без благодарности прочел я мнение твое, что представление *об обороне крепостей* и потому нужно, что войск по обширности земли весьма немного. Это я весьма чувствую по обстоятельствам, в которых теперь нахожусь. Нарочно рапорт мой к князю Петру Михайловичу препровождаю в твоем конверте, чтобы ты прочел его. Я знаю, что он закричит против меня, но пусть что-нибудь найдет в опровержение.

Тебе могу я говорить откровенно, что если хотят, чтобы в короткое время учредил я здесь некоторый порядок и дал ему основания прочные, то надобно непременно усилить мой корпус, пока спокойствие и мир с Персиею продолжаются и пока внутреннее ее состояние весьма далекое от тишины тому способствует.

Теперь нужно войск на время и не так много; после будете давать более, но поздно, ибо не принесут такой пользы. Сколько у вас праздных, ничего не делающих внутри России войск, которых и продовольствие немного дешевле здешнего, а может быть и дороже. У меня они, по крайней мере, сделали [бы] дороги, помогли бы делать строения, чего я войсками корпуса, повсюду разбросанными, конечно, сделать не успею.

Твой голос силен как человека благоразумного, представь им основательность моих желаний, ибо когда буду я оправдываться, что не успел в том или другом, примут ли в оправдание, что я не имел способов? Не все ли говорить будут, что мне ни в чем не отказывали и что я все изгадил моею неспособностию и только что хвастал и писал?

Я знаю, что не дадут мне больших способов, но думаю, что весьма справедливо корпус мой составить из трех дивизий пехоты, то есть в резервную бригаду прибавить один полк егерский и два линейной пехоты, но не включать 8-й егерский полк в то число, который я возвращу по окончании новой учреждаемой линии, как случая экстраординарного. Прибавление сих войск весьма умеренно и нужно только до совершенного сформирования *обороны*

крепостей. Тогда многие из войск корпуса будут свободны и уменьшить будет возможно. Если бы прибавили полки, нужно две роты легкой артиллерии, ибо здесь пушки заменяют весьма большое число людей и не требуют дорогого содержания. Если бы не пушки, мне бы и здесь не легко было бы удержаться или, конечно, до сего времени имел бы я чрезвычайную в людях потерю. Сих двух рот можно бы тотчас сделать назначение и без потери времени, они могут быть осенью нужны.

Рапорт мой встревожит Петрахана, но если только малейшее обратят внимание, то нет ни малейшей в нем неосновательности и труда удовлетворить его! Ты можешь о сем при случае отпустить слово Белому. Не пренебреги сим средством для самой службы.

За что брат Михайло к нам не чистосердечен? Как справедливо говоришь ты, что нам в нем кроме дружбы его ничто не надобно. Не думаю, чтобы мог он найти людей, более его любящих и желающих ему счастия. Неужели вина наша, что в обоих нас не находит он равное ему знатности, но, впрочем, в отношении к нему, конечно, ничем другим упрекнуть нам невозможно!

Я в сравнении с тобою могу назваться новым ему знакомым, но против тебя перемениться еще более непростительно. Меня, я думаю, погубил чин, но можно ли когда мешать графу Воронцову? Нам, почтенный Арсений, это урок, и мы научимся до гроба не перемениться один к другому. Многие имею я причины уважать твою дружбу, но и того забыть не могу, что ты сделал с стариком-отцом моим. Ты вырываешь слезы мои!

Весьма рад, что ты доволен признанием моим о внутренней страже, правда что чудесное!

Я замечаю весьма странное стечение обстоятельств, что предшествовавшие обеих армий главнокомандующие и теперь оными начальствующие, ни один не имеет русской фамилии. Был еще в запасе и Винцингероде[2], но судьба хочет кому-нибудь из русских дать место! В самой вещи однако же сие немало случается странно.

Петров точно[3] ротмистр и что странно, что я его отыскал здесь у вод и он в здешнем краю женится на Столыпина родной племяннице[4], чего до вчерашнего дня я не знал и послал за ним, чтобы он ко мне приехал. Его точно я желаю, но других, право, никого не знаю в кавалерии и даже списка не имею штаб-офицеров кавалерийских, которые бы привели кого-нибудь из знакомых на память. Пришли, сделай дружбу, списки, а между тем, если возможно, из того же Александрийского гусарского полка дай ротмистра Верзилина[5]. Он храбрый офицер и имеет Георгиевский крест. Потом и о других помышлять будем, но признаюсь, что по распутству казаков нельзя терять времени!

Теперь, почтенный Арсений Андреевич, с сердцем искренним, с душевною радостию поздравляю тебя с намерением сочетаться с графинею Аграфеною Федоровною. Тебя зная, не менее знаю я, чего ты желаешь и ищешь в своей жене; следовательно, как будто знаком я и с графинею. Засвидетельствуй ее мое совершенное почтение и познакомь ее с моими странностями, из коих первою почтет она ту, что я в ней вижу как добрую мне родную. Девушке большого света удивительною покажется такая смелость непросвещенного чеченца, но узнает меня и простит простоте моей. Хорошее вздумал ты дело, любезный Арсений Андреевич; я нахожу, что никому более как тебе не прили-

чествует состояние супруга, ибо холостым был ты порядочнейшим человеком, был почитаем всеми твоими сослуживцами, теперь с теми же благороднейшими свойствами будет у тебя жена добрая и милая и окружающие вас будут любить без вас памяти, а я точно как у родных буду в доме.

В [18]19 году, последуя твоему совету, приеду зимою в Петербург. По делам здешнего края нужно было бы в нынешнем году, но не знаю, можно ли мне будет по некоторым здесь беспокойствам; впрочем, кажется мне, что и ты в письме своем говоришь не о будущей зиме, а о дальнейшей. Напиши, сделай дружбу, как я понимать должен?

Благодарю, что отдал мои записочки Петрахану и Каподистри. Они написаны по-твоему совету и потому ты должен производить надувание.

О населении военном в здешнем краю я точно подумаю, и оно здесь чрезвычайно полезно быть может, но если не будет оно уподобляться теперешнему и, сверх того, если рассматриваемо будет на *Литейной*, то может быть и смешается с грязью, но я сердиться не буду, ибо такие вещи и впоследствии могут находить защитников, а я прав буду, что сделаю представление! Я достал из Екатеринославской губернии о том сведения.

Самый жестокий критик не может не одобрить с удовольствием издания военной типографии об отличиях, войсками полученных. Издание роскошное! Достойно было бы твоей типографии издание истории всех войск в России с самого начала учреждения каждой части, с объяснением всех происшедших в оных перемен и с точным описанием походов или отличных дел. Есть уже, сколько помню, что-то сему подобное, но не обстоятельное и о весьма небольшом числе войск. Скажи, почтенный Арсений, свое о сем мнение! Желал бы я хотя на один день впустить моего Наумова[6] в твои департаменты, дабы научиться порядку и хотя весьма в малом вид оному уподобиться. Я не знаю бесценнее человека для устройства и точности, и хотя великий Сипягин[7] не благоволил к нему, опасаясь в нем счастливого соперника, но я знаю, что ты бы весьма дорого дал за сего трудолюбивого и благороднейшего офицера.

Хотя и сбит, как ты говоришь, великий человек с поля славы, однако же вижу я, что он сохранил свою коммуникацию со Всеволожским[8], и это из ретирад, конечно, не весьма худая.

Правду и весьма правду говоришь, почтеннейший брат Арсений Андреевич, что письмо мое зло и тебе не должно нравиться, но кто мог ожидать предательского способа, каковым с ним поступлено[9]. После сего станут еще сомневаться, что простосердечие мое не вредит мне. Конечно, после сего и самую правду буду я говорить сквозь зубы, если за нее должен я покупать себе злодеев, которыми и без того очень изобилую. Воображаю, как на меня дуются министры и какие готовы делать мне пакости, но я не буду сердиться и их в свою очередь буду сколько возможно истреблять, хотя весьма уверен я, что сражения не всегда будут в мою пользу. Жалею, но поздно, друг любезный, о сем письме и признаюсь, что не надеялся такого поступка. Не знаю что за Гельмерсен, но знаю очень, что Саблин[10] не бритва. Однако же я и за ними смотреть буду и нарочно после них буду сам осматривать в подробности все суды. Зачем черт носил их на галеру? Я не пощажу!

Хотелось бы взглянуть на почтенного и постоянного каммарада Сабанеева. Я люблю и ум и правила сего достойного человека.

Любопытен знать, кто будет командиром Литовского корпуса, и отгадать не умею. Не Ожаровский ли?

Важный придворный маневр учинили вы с Голицыным[11], а Васильчиков[12] искусно в сем случае фланкировал[13]. Брат Михайло будет в восхищении от Сакенова корпуса[14], но я нахожу, что гренадерский еще бы более ему приличествовал, ибо войско отборное и он молодец!

Жалею, что не сохранил копий с писем, писанных в [1]812 году *к известному приятелю*. Теперь он так *занимается* и зарыт в делах, что у него оных не добьешься.

Воображаю, как замучили вас праздники, почти не прерывавшиеся для короля прусского. Извинит его прусское величество, если усумнимся мы, чтобы у него могло что-нибудь быть лучше, нежели что он видел. Совершеннейшее, что он имел, красавицу дочь его, и та в земле нашей!

Любопытно постановление о наместниках, но если и они, подобно губернаторам, будут рабами каждого из министров, то это никуда не годится и лучше старого беспутства не умножайте новым. Иначе будут они весьма непристойным Государя изображением.

Послал я к Петрахану представление о назначении брата моего полковника Ермолова[15] командиром Грузинского гренадерского полка на место умершего полковника Дьячкова. Если возможно, постарайся, чтобы не отказали, ибо в Херсонском полку Берников ни в чем ему не равен. Если же он не будет удостоен, то дайте поскорее кого вам угодно. У меня один полковник Анненков, но сему достаточно и не гренадерского полка.

Не слыхал ли ты чего о егерском моем Ермолове? Долго ли будет он наказываем, ибо видел я, что все прочие офицеры, бывшие под наказанием, возвращены в гвардию. Неужели ему никогда не дадут полка? Зарезал его Бистром самым злодейским образом!

Набор с 500 по два без труда предвидеть возможно было, ибо по малому числу во вторых баталионах людей невозможно пополнить убыли в полках. Может быть, и ко мне попадутся не уроды, какими обезображен мой корпус.

Не забудь меня, любезный Арсений, при укомплектовании. Божусь честью, что такие люди здесь только умножают беглецов у наших злодеев, ибо между ними все люди наигнуснейшего поведения соединены вместе.

Чеченцы мои умничают и, призвав в помощь толпы горских народов, участников в их злодействах против нас, думают понудить меня к снисходительнейшим условиям, к каковым приучила их непростительная слабость многих моих предместников. Нередко нападают они на мои транспорты и один раз осмелились приблизиться к самому лагерю, но как одна конница была без пехоты, то и ушла поспешно и без большой потери. Где однако же случается, их всегда бьют сколько возможно.

Ты увидишь рапорт мой к Волконскому о происшествиях. Я надеюсь, что меня не упрекнут драчливостию. Прикажи рассказать фельдъегерю, как я здесь живу и как наметаны у меня войска. Каждые день пред светом все в линейках и я перед фрунтом, музыка играет и песни повсюду. Против здешних народов самое опаснейшее время утренняя заря и нет их способнее для внезапного нападения. Прощай! Не забывай душевно преданного и почитающего по смерть *А. Ермолова*.

Прикажи, почтенный Арсений, Красоте нашей подписаться за меня на получение картин, издаваемых генерал-адъютантом Сипягиным, — знаменитых боев прошедшей войны. Красоте пришлю я деньги, а теперь нет со мною гроша. Одной из сих картин видел уже я описание в «Военном журнале». Я виделся с ротмистром Александрийского гусарского полка Петровым и прошу его определить. Я ему готовлю самый распутный полк казачий и знаю, что он поправит. Писал я к тебе о Верзилине, но узнал после, что он уже в отставке. Если возможно, дайте мне еще Александрийского гусарского полка ротмистра Ефимовича[16]. Он со мною охотно будет служить, и я его весьма с хорошей стороны знаю. Если надобен на сие от меня рапорт, то я его пришлю задним числом, а между тем составьте записку от моего имени и по оной исходатайствуйте определение, дабы не терять времени.

Фельдъегерь, податель сего, невзирая на то, что имел множество развозить посылок, приехал чрезвычайно скоро. У меня живет фельдъегерь Силин, сокровище поведением и скромностию и беден до крайности.

Верный по смерть *А. Ермолов.*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 167–175

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Лагерь на реке Сунже, 10 августа 1818**

Любезный и редкий из человеков!

Недавно получил от тебя книгу *Victoires et conquêtes des Français***[1], но перебрал все листы, надеясь найти письмо, и весьма обманулся. Полагаю, что захлопотавшись не имел ты времени.

В отдаленной стороне нашей пронесся слух, что в нынешнем году выступаешь ты с корпусом из Франции[2]. Я весьма рад, ибо приятнее быть с тобою поблизости или по крайней мере в отечестве. Угадывая же назначение твое, могу надеяться и не совсем быть в отдалении. Приезжай, любезный брат, и поживи в России, от которой служба долгое время тебя отдаляла. Тебе надобно подумать и о женитьбе, ибо от человека такой фамилии могут требовать того любящие тебя и имеющие в тебе надежды соотечественники. Я, пропустив сам время, не без основания могу остерегать в том приятеля.

Недавно писал я тебе весьма подробно о моем на Сунже пребывании и занятиях; теперь могу то только прибавить, что чеченцам весьма не нравится наше соседство и способ, каковым мы за них принимаемся, и они в помощь к себе призвали лезгин, стекающихся большими к ним толпами. Было несколько неважных сшибок, которые обыкновенным кончатся образом, то есть подлейшим бегством с их стороны, даже и после потери весьма мало для них чувствительной. Теперь постигаю я войны здешнего края и час от часу более жалею о потерпенных нами немалозначащих потерях. Здесь, в виду известного *Хан-Кале*, нельзя без негодования вспомнить о *Булгакове*!

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 22 сент[ября] 1818».

** Победы и завоевания французов (*фр.*).

Ты был свидетелем одного из отчаянных сопротивлений лезгин Чарской области[3] и действующим лицом, но таковой был один случай, и доселе не престают поставлять оный примером. С того времени в кахетинском бунте[4] было гораздо более их числом, и они ни в чем не были похожи на чарцев. То, что здесь вижу я, надобно признаться, что гнуснейшая каналья и, конечно, более разбойники и воры, нежели народы воинственные. И сии давали прежде повод к пышным и великолепным реляциям.

Сделай одолжение, купи мне сколько возможно лучшую зрительную трубу, если бы цена оной продолжалась и *до тысячи франков*, или поручи сделать на заказ, что, думаю, будет благонадежнее; а что будет стоить, я перешлю деньги к Николаю Михайловичу[5]. Вельяминов[6] просит достать ему Фортификацию *de Montalambert*[7]. Прошу приказать ее купить также.

Похлопочи пожалуй о трубке и наилучшей. У тебя есть молодежь, которая может на себя взять сей труд. Бутлер преаккуратнейший все сие сделает.

Поклонись старым товарищам. Прощай.

Искренно и душевно любящий по смерть *А. Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 65–66 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лагерь на [реке] Сунже, 17 августа 1818**

Почтенный Арсений Андреевич!

С чудесною деятельностию твоею, друг любезный, дела мои разрешаются с неимоверною быстротою.

Благодарю за указ о казачьих офицерах[1]; уверяю тебя, что я только на первый раз употреблю его силу и потом сколько можно редко, ибо надеюсь делать много страхом и совсем не желаю делать несчастливых, если можно исправлять их другим образом.

Как могу я благодарить тебя за егерского Ермолова, ты угадал желание мое и точно он того достоин. Видел я из приказов, что в одно с ним время выписанные из полка офицеры все возвращены в гвардию, следовательно, не могу некоторой не допустить надежды, чтобы и ему отказали милость. Но все тебе будем, и я и он обязаны. А для 8-го егерского полка поистине нет приличнейшего командира.

Столыпиным меня надули, но весьма понимаю, что невозможно во всех непременно успеть желаниях, и я ни мало не ропщу, только простительно мне удивляться, что не хотят разуметь, где офицер принести может большую пользу службе. Жаль, что подобные назначения не зависят от любезного моего Арсения, всегда бы встретились мыслями относительно до пользы нашего Государя. Из моих генералов, конечно, лучший для Дагестана Краббе, но все не таков, как бы мне хотелось. Из ваших не знаю кого попросите? Попадешь на героя, вам будет надобен в бригадные, или такого выберешь, что сядет на шею, как Дренякин.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 28 авг[уста]», «Отвеч[ено] 10 сент[ября]».

Представление мое об уничтожении тифлисского баталиона легло в черную портфель. Ты в своем письме подчеркнул сии слова, и я уразумел, что сие значит, а особливо не забыв прежнего тобою данного названия, *омут*. Змей[2] забунтует против сего, по крайней мере уже вновь не сделают баталиона в Имеретии, если от сего бесполезного не избавят.

План мой о вдовах солдатских важно ты отделал и люблю, ибо основательно, и я тотчас же его выбросил из головы, потому что несчастные поистине. Я прошу, почтенный Арсений, всегда так говорить мне, ибо я не перестану всегда спрашивать твоего мнения. Рекрут на укомплектование весьма полезно дать сюда женатых, но как же доставят так далеко жен их? Если не так велики затруднения, то весьма одолжишь, если прикажешь. Я начинаю замечать, что здесь немалою причиною побегам то, что солдаты живут вечно без женщин, особливо между мусульманами, где женщин скрывают тщательнейшим образом. Для сего некоторое число солдаток весьма необходимо. Они довольствовать будут большое число солдат по обыкновенному вещей порядку. Я предлагал укомплектовать баталион внутренней стражи только один раз женатыми рекрутами и то в таком случае если бы баталион назначено было поселить или обратить на фабрики. Иначе я знаю, что сие выходит из обыкновенного порядка.

Рад я душевно, что брат Михаил возобновил по-прежнему с тобою переписку, но я по любви его к тебе всегда того ожидал, а некоторое время точно он казался переменившимся единственно от грусти, ибо письмо его ко мне доказывает, что он имеет какое-то огорчение и не скрывает, что он чрезвычайно недоволен чем-то по службе. Он весьма принимает к сердцу и его столько это трогает, что он говорит об отставке и даже об смерти. Не знаю, что могло его до такой степени огорчить? Ты мне ничего не говоришь о том, а он пишет, что не хочет описанием того наводить мне скуки. Жаль было бы, однако же, если бы основательно имел он причину негодовать. Такого молодца, как брат Михаил, надобно сберегать и нежить всеми способами, ибо во всех отношениях ему мало подобных и может даже быть, что и совсем нет таковых. Я надеюсь, что возвратясь обратно из Франции и получа, как ты говоришь, 3-й корпус, он успокоится и будет совершенно доволен и пройдет грусть его. Он ко мне также долго не писал, но теперь пишет совершенно по-прежнему, и я люблю его душою!

Итак, решено уже, что нынешний год союзные войска оставят Францию. Она, кажется, не выпускает из виду составления армий и о крепостях заботится.

Я, сидя здесь в отдалении, от сердца желаю ей счастия, ибо надобна узда на несносную надменность *немцев*, особливо новой *нашей родни* и на всемирных ростовщиков Пудингов[3], которые не к добру себе начали вылезать на твердую землю. Затмившийся блеск оружия возвращается обыкновенным средством, победою, и это сделает Франция подобно другим народам, но я ожидаю гораздо большего, когда мстить она будет претерпенные ею в последние три года наглости и оскорбления. Тут поедет работа!

Весьма любопытен слух о разделении на 12 наместничеств[4]. Отличные места сии, по крайней мере, ту принесут пользу, что почетным образом можно удалить нашу братью из армии. А как мы и за сии должности возьмемся с усердием, то со временем уподобимся сенату! Впрочем, если будут люди способные, то, конечно, могут принести пользу.

Благодарю за доставление новостей, выходящих в армии и корпусах, а егерские маневры Сабанеева ожидаю с нетерпением, и извлекши из них, что в здешнем краю может быть полезно, буду держаться правил сего отличного и достойного офицера. До сего времени нет ничего постоянного о егерях, а мы здесь только ими и дышим. Вот великое сделаем дело, если успеешь умножить в здешних войсках егерей, обратя в оных полки линейной пехоты[5]. Дело почти свыше сил человеческих, но предвидеть нельзя, чтобы непременно не могло исполниться.

Уведомь меня, какое произвел действие на Петрахана рапорт мой о некоторых в Дагестане беспокойствах и что я не мог в сем случае двинуть более двух баталионов пехоты и ясно излагаю ему, что войск, по обширности здешнего края, чрезмерно мало. Подумайте со вниманием о сем предмете, не должно смотреть на сие равнодушно!! Если вы прибавите, как я писал тебе, три полка, дабы с 3-мя гренадерскими было *три дивизии пехоты* и еще две роты легкой артиллерии, то я много сделать успею, а по мере составления *обороны крепостей*, их можно обратить в Россию, ибо точно они без нужды были бы в тягость. Делай наблюдения свои о сем важном для меня предмете, ибо иначе буду я мучиться, растерзаюсь и в десятую долю не буду полезен государству, как бы я мог и как умею.

Хорошо, что ж в запас *приголубливаете* Раевского. Но что за участь, что мы беспрестанно должны оплакивать вождей наших? Жаль, однако же, что болезни одолевают Сакена, ибо он достойный и умный начальник (кроме некоторой слабости, что обыкновенно имеет он к окружающим). Сии частые перемены всегда происходить будут, когда в командующие армиями непременно должны поступать старые обветшалые люди. Витгенштейн и Раевский[6], как люди довольно молодые, дадут вам надолго роздых! Что скажет Милорадович? Правда, что вы благоразумные принимаете меры заблаговременно сделать из него Вязьмитинова[7]. Я нахожу тут нечто в честь Васильчикова, ибо искусным его маневром отрезан от гвардии князь Голицын и брошен на 2-й корпус. Теперь, кажется, сбивает он с позиции и Милорадовича, которую надолго займет он торжественно! Сего искусства не предполагал я в военном человеке!!

Вот, почтенный Арсений, несравненно тончайшие люди, а меня, или мне подобных колпаков, нередко обвиняют в тонкости. У них учиться надобно со всеми жить ладно, никому не досадить, всем угодить и общим всех пособием идти со всеми приятностями и удовольствиями к своей цели! А я и счет уже потерял моим неприятелям и в самых наилучших намерениях находить должен возможные препятствия и радость общую о неудаче!

Кого-то изберет великий князь[8] в Литовский корпус? Это загадка, но я думаю не обманусь назначая Дибича! О нем и царя и царевича мнение самое наилучшее и общее всех согласуется с ним, а к тому же помню слова твои, что Сакен и прежде не очень с ним ладил.

Это будет верный шаг и к чину и к командованию армиею! Но только запасайте место и своему генерал-квартирмейстеру[9], если хотите быть покойными, а не то быть беде! Вы недаром провозгласили их в Петергофе главнокомандующими, и мы поняли, что это должно служить предуготовлением нас к будущему. Быть посему и дело в шляпе!

Ты требуешь, чтобы я не скупился и чаще присылал курьеров, но разве ты не примечаешь, что сие было бы бесполезно, ибо, конечно, нет возможности писать более меня, и брат Михайло того не может, а только редкие строки растягивает на несколько листов; я же от чистого сердца сыплю мелким бисером. Одна мысль утешает меня, что и самый умный человек, не умел бы, столько писавши, обойтись без вздора, как и я делаю, а потому и продолжаю смело!

Писарев прислал мне свое сочинение о кампании 1812 года[10]. Чего там не написано, даже и для меня нашлось место! Вот удивительное трудолюбие! Нет ни одной книги, упоминающей о сей достопамятной войне, которую бы он или не прочел или бы не пробежал. Вижу, однако же, что не легко писать о нашей войне отечественной *и что то не одного человека дело*, ибо доселе выходят все отрывки или частные описания и нет ни одного объемлющего общую связь кампании 1812 года. То же делает Сипягин, собирая от каждого частные дела, а Толь под своим именем слово в слово напечатал мою реляцию о кульмском деле[11], которую я представил графу Остерману[12], поручившему мне написать другую и от его имени. Я ожидаю, что при бородинском деле также попадет моя реляция о взятой мною батарее, которой овладение насильно приписывают другим и никто еще не отнес на счет мой, кроме Барклая[13]! Тогда появиться должны и мои записки, которые написаны будут как оправдание в щедрых наградах, которые рассыпал на меня Государь в своем милосердии.

Тебе, почтеннейший Арсений, пришлю я их непременно, но заклинаю тебя *именем твоей чести* никому их не показывать, ибо я пишу по большей части о том, что непосредственно до меня относилось в 1812 примечательнейшем году в моей жизни, или о том, что случилось мне самому видеть или слышать, и тут иногда многие из героев являются на сцене не в точном виде великих людей. Ты найдешь много вздора и нечто смешного, которое вмешивал я, чтобы иногда прерывать единообразное и сухое описание происшествий, весьма нередко между собою сходствующих, которым одно только искусное перо умеет придавать вид различный, не терзая читателя томительными повторениями, не казня его за терпение и не выпрашивая со слезами снисхождения, без чего ни один наш брат *писачка* не может обойтись. *Чур, слово честное* никому не показывать.

Жаль мне, что брат наш Василий не в ладах со Змеем; я боюсь, чтобы сие не повредило его службе, особливо с его бедным состоянием и с большим семейством. Сего я не ожидал никак, ибо и верность его и честность ручались за противное.

Государь, как есть слухи, едет на конгресс; дай Бог счастливо и кончите без шуму, в котором нет нам пользы и весьма не мешает спокойствие. А Императрицы[14] зачем едут? Кто же будет у нас князь Салтыков[15]?

Скажи, не от того ли не едет ко мне Говен[16], что вы ему ничего не дали на подъем? Он совершенно бедный офицер, и поистине ему нечем будет подняться. Выпроси, Бога ради, ему пособие.

После всех твоих одолжений, после чудесно скорого на многие представления мои разрешения не должен бы я, кроме благодарности, ничего другого и говорить, но по приказанию твоему кое о чем привожу тебе на память.

Не имею ответа:

1) На представление мое о ружьях в корпусе, при коем и ведомость по калибрам от войск в Грузии от меня; о тех, что на линии, прямо от Дельпоццо. Я просил давать некоторую часть новых, дабы тем поровнять прочие по невозможности передавать из одного полка в другой, по причине расстояний. Здесь на линии нашел я множество гнуснейших ружей.

2) Представление о жаловании Дельпоццо, ибо я для успокоения старика должен был уверить его, что не в пример другим ему назначен трактамент дивизионного. Большая была бы милость, если бы дали ему рескрипт.

3) Представление об атамане в Астраханское казачье войско. Я принужден удерживать от того ни на что не надобного князя Багратиона[17].

4) Из комитета г[оспод] министров не последовало разрешения о представленном штате для полевого грузинского управления.

5) *Слезное прошение мое* о производстве по-прежнему жалования всем чинам грузинского корпуса по курсу, утверждаемому главными здесь начальниками в комитете г[оспод] министров.

6) Представление мое рапортом Государю, мая от 18 числа, с Кавказской линии о выдаче мне указа для занятия новой линии левого фланга от реки Сунжи чрез *Аксаевские и Андреевские* селения до реки *Сулака*, для ограждения поселенных по Тереку казачьих полков и города Кизляра. Указ потому нужен, что при нынешнем урожае должен я сделать заготовление в Саратове провианта и прочие снабжения учредить к раннему весеннему времени, каковая операция по здешнему краю довольно многосложна и надобно приступать заблаговременно.

Прощай, люби по-прежнему верного и душевно преданного

А. Ермолова.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 176–183

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Река] Сунжа, 20 октября — 30 ноября 1818

Любезный и редкий брат.

Письмо последнее твое получил. Благодарю за книги. Martin[1] много весьма любопытного говорит об Армении, особливо что до географии оной касается. Мне приятно было прочесть и другие книжки, в которых справедливо говорится о славном Цицианове. Поистине после смерти его не было ему подобного. Не знаю, долго ли еще не найдем такового, но за теперешнее время, то есть за себя, скажу пред алтарем чести, что я далеко с ним не сравнюсь. Каждое действие его в здешней земле удивительно, а если взглянуть на малые средства, которыми он распоряжал, многое казаться должно непонятным. Ты лучше других судить можешь, бывши свидетелем дел его. От старика Дельпоццо знаю я, как он любил тебя, и ты все право имеешь хвастать, что служил под начальством сего необыкновенного человека. Меня бесит, что я никого при себе не имею, кто бы мог описать время его здесь начальствования, но думаю, что и материалов для того достаточных не найдется. Я нашел здесь архив в бесчестном беспорядке, многие бумаги растеряны, сгнили, стравлены мышами.

Трудолюбивый мой Наумов[2] собрал, что осталось; теперь он в совершеннейшем устройстве, разобран по содержанию бумаг, по годам, и все в переплете. Одного недостает, чтобы в сем виде был он тотчас после смерти Цицианова.

Ты мне упрекаешь, что я тебя не известил о переходе чрез Терек. Не только при самом начале предприятия, ниже теперь по прошествии пяти месяцев ничего нельзя еще сказать хорошего. С начала прибытия моего на Сунжу потребовал я от чеченцев выдачи наших пленных и чтобы не принимали к себе дезертиров, требовал также аманатов. Наперед знал я, что не согласятся на выдачу пленных, особливо беглых, из коих есть переменившие веру и оженившиеся. Чеченцы все вооружились, заняли леса, дороги и главнейший пункт, знаменитый нашими потерями, называемый Хан-Кале. В помощь им пришли толпы довольно многочисленные лезгин, и тогда вместе один раз подходили к лагерю и один раз выступили против транспорта, идущего с Терека. В обоих случаях имели они потерю малозначащую, ибо бегут самым подлейшим образом, и артиллерия редко имеет случай действовать порядочно.

Лезгины, пробывши с небольшим месяц, отправились обратно в дома свои, отзываясь, что не могут сносить жаркого летнего времени, но справедливая причина была та, что не нашли они добычи, в надежде на которую они из гор приходили. Чеченцы после того не смели появляться на сей стороне Сунжи и ограничили себя нападением на оплошные пикеты казаков или на посылаемых из лагеря людей. Один только раз дрались весьма смело в лесу, который нам рубить надобно было. Между тем некоторые из деревень, лежащих на левом берегу Сунжи, за вероломство и мошенничество наказаны, и в сих случаях удалось убить более несколько людей и жен, нежели в сражениях, ибо не столько всегда удобно бегство[3].

В продолжение сего времени построилась весьма порядочная крепостца против самого Хан-Кале, в 6 верстах от оного и поблизости лучших дорог, в Чечню идущих. Я назвал ее *Грозною*! Таким образом по течению Сунжи от Владикавказа в 30 верстах имеем мы редут в *Назране,* где попечением благороднейшего старика Дельпоццо выселены из гор ингуши почти в тысяче семейств. Оттуда в 30 верстах близ селения чеченского Казах-Кечу в прошлом году построена крепостца *Преградной Стан*. От оной до *Грозной* около 45 верст незанятого пространства по причине недостатка средств, ибо столько мало у меня на линии войск и столько повсюду много беспокойств, что я, собрав вместе семь только баталионов, должен был в то число привесть из Грузии два баталиона, один из Дагестана, и выпросил из Крыма 8-й егерский полк, из коего находились два баталиона. Будущий год, если особенные не воспрепятствуют обстоятельства, на промежутке, о котором сказал я выше, учредится крепостца, и потом между всеми ними укрепленные коммуникационные посты, и Сунжа составит линию, которая прежде была по Тереку и заключала в себе большие для нас невыгоды. В будущем году сам я намерен заняться построением крепостцы в Андреевской деревне и со временем протянуть линию от Сунжи чрез аксаевские владения, андреевские и по реке Сулаку, дабы закрыть порочный левый фланг прежней линии и город Кизляр, единственный своею промышленностию и пользою, казне приносимою. Не знаю, дадут ли мне на сие средства, ибо с войсками, которые я имею, нельзя за то приняться. Впрочем, не моя вина, если на предложения мои не согласятся;

моя обязанность представить правительству мое мнение; его дело поправить погрешности и, опровергая оное, сказать, почему не хорошо и что лучшего делать должно.

Теперь, объяснив тебе, что делалось на Сунже, скажу, что происходит в Дагестане. В начала лета шамхал тарковской, человек верный Государю, и уцмей каракайдакской, близким родством связанный с шамхалом[4] и один из величайших мошенников и вероломнейших людей, прислали ко мне множество жалоб, что лезгины и известный сильный акушинский народ готовятся напасть на них за то, что чрез владения их дают они свободный проход нашим войскам и, давая пособие подводами, приучают русских к требованию некоторых повинностей. Как подданных России, должен я был оградить от опасности и, хотя ни малейших не имел к тому средств, решил однако же собрать из Дагестана два баталиона пехоты с шестью орудиями артиллерии и отправил с ними г[енерал]-м[айора] Пестеля на реку Бугам за один марш вперед Дербента. Ему приказано было показывать готовность идти вперед, и распущен был слух о запасах провианта для войск, идущих с линии. Народ акушинский, сильный и гордый воспоминаниями славы своей, когда, предводимый отцом беглого Ших-Али хана, покорял он Ширвань[5], оставил намерение напасть на шамхала, но собрался вместе и, желая отдалить г[енерал]-м[айора] Пестеля, обратился на него. Аварский хан[6], имеющий чин генерал-майора и 5 т[ысяч] руб[лей] сер[ебром] пенсиона, брат его родной[7], известный мошенник, и самый уцмей, просивший нашей защиты, тайно акушинцам содействуют. Владения уцмея явно обнаружились против нас и просили акушинцев прийти к ним на помощь. *Башлы,* главный город каракайдакский, первый приступил к тому, но г[енерал]-м[айор] Пестель предупредил соединение их и 1000 человеками пехоты испуганные *Башлы* занял без выстрела, взял аманатов от жителей и укрепился в замке, лежащем в городе. Теперь акушинцы вместе с соседними народами и с лезгинами, более нежели в 20 т[ысяч] человек, идут атаковать г[енерал]-м[айора] Пестеля, от которого имею я о сем известие, равно и с других сторон, с тою только разностию, что силы более гораздо увеличены.

Из всего того ожидаю я, что они придут к городу Башлы, постараются, сколько возможно, более выказать свои силы, постреляют издалека, ибо к пушкам не любят приближаться, и потом, по причине и погоды, и потому, что затруднительно продовольствие для многочисленной сволочи, разойдутся по домам. Будущею весною, если чуть возможно мне будет, я приду разведаться с мошенниками в собственные их жилища, и тут будет конец и уцмеевскому достоинству, а жители богатой земли сей и нам необходимо нужной отдохнут под милосердым правлением Императора от злодейской власти, их утесняющей.

Письмо сие пишу в несколько приемов, а потому скажу далее о Пестеле, если получу от него известие.

Октября 25-го, Сунжа. От Пестеля не получаю ничего, но из Тарков есть известие, что жители города сего рассеялись, боясь собравшихся лезгин, и что все владение шамхала взбунтовало и соединилось с оными, что сообщение с Пестелем прервано и мои к нему предписания не достигают. Мятежники присылали возбудить против нас жителей деревень, принадлежащих владельцам андреевским. Я, дабы удержать сих последних, решился идти к ним и завтра

выступаю. Со мною идет пять весьма неполных баталионов пехоты, в числе коих новосформированный 8-й егерский полк, прибывший ко мне из Крыма и не видавший неприятеля. Идут 350 едва движущихся казаков, но идут 15 орудий артиллерии, составляющей главнейшую мою силу. Дальнейшее движение мое зависеть будет от известий, которые получу от Пестеля.

Октября 30-го. Пришел я в Андреевскую деревню, и отовсюду есть слухи, что Пестель был атакован, дрался два дни сряду и вышел из Башлы[8], что в ближайшие здесь деревни привезены убитые лезгины. Недоброжелательствующие нам весьма увеличивают нашу потерю.

Октября 31-го дня. Давши отдых войскам, нынешний день я иду в Тарки, дабы движением сим отвлечь собравшихся мятежников и не допустить идти на Кубу, как они намереваются и где нет у меня войск, которыми удержать было их можно.

18 ноября. Шатаясь долгое время, наконец в свободную минуту опишу я тебе все случившееся со мною. Не доходя трех часов пути до Тарки, остановился я у одного селения, откуда идет дорога довольно свободная во владения всех возмутившихся против нас мошенников. Начались дожди проливные, и я принужден был, оставя все выгоды моего направления, идти в Тарки, дабы войска расположить на квартирах и снабдить себя провиантом, которого мало уже у меня оставалось. В Тарки прожил я девять дней, ибо казалось, что самое небо далее меня не допускало, проливая на нас дожди ужаснейшие; наконец выступил в горы[9] прямо к столице аварского хана, генерал-майора и подлейшего изменника. В трудном весьма дефиле встречен я им был с довольным числом мятежников. Было уже поздно, люди устали от перехода, и обоз мой весьма растянут. День сей кончился несколькими выстрелами из пушек и слабым ружейным огнем; неприятель остался на вершине горы в торжестве, что не дал нам дороги. Расположась лагерем, в десять часов вечера послал я один баталион Кабардинского полка в обход на гору, и он так удачно подкрался, что нашел неприятеля в совершенной неосторожности у огней в разных забавах. Залп из ружей и ура рассеяли мошенников, и с того времени вселился между ними трепет; ибо по справедливости нигде уже удобнее остановить нас было невозможно. Более суток употребил я, чтобы подняться с артиллериею на гору и селение Параул, столицу и место рождения хана аварского, нашел совершенно оставленную жителями. На другой день пошел я в селение Джунгутай[10], принадлежащее брату его, молодому человеку, владеющему большим округом и который более всех способствовал к возмущению против нас Дагестана. Здесь нашел я мятежников в большом собрании, в крепкой позиции, защищенной окопами. После некоторой перестрелки окопы взяты были штыками, но неприятель не мог иметь большого урона, ибо и артиллерия наша мало действовала, и во время сражения столько густой распространился туман, что неприятель мог спастись бегством, почти не преследуем по причине темноты. Селение Джунгутай и в 3-х верстах от него другое того же имени[11], оба прекраснейшие и лучшие, нежели многие из уездных наших городов, приказал я разорить совершенно. После сего все возмутившиеся владения шамхала, все брата аварского хана и некоторые из селений, ему самому принадлежащих, покорились и прислали старшин просить помилования. Шамхал во все время остался верным и был с войсками нашими при Пестеле; в вознаграждение

его из владений аварского хана, брата его и еще одного мошенника, дал я ему в управление четыре больших городка с селениями, составляющими более четырех тысяч семейств. Сверх того из остальных составляю особенный небольшой уезд, никому не принадлежащий, кроме Императора, намереваясь впоследствии иметь тут военную дорогу с линии в Дербент и кратчайшую, и несравненно удобнейшую. Таким образом кончив дела здешней страны, возвращаюсь я на линию, дабы успокоить войски, которые уже семь месяцев на бивуаках, и здесь поблизости к горам уже зима порядочная. В бытность мою в Тарки получил я от Пестеля рапорт, что лезгины в числе более 15 т[ысяч] человек атаковали его в Башлы и что 10 т[ысяч] сверх того, ожидая последствий дела, готовы были броситься на Кубинскую провинцию. Пестель занимал замок и часть домов, прилежащих к нему, которые приуготовил он к обороне; с ним было две тысячи пехоты и 6 орудий, конницы Аслан-хана кюринского[12] и нашей кубинской слишком 500 человек. Три дни лезгины дрались упорно, и жители Башлы, изменив данной присяге, присоединились к ним и впустили их в дома свои. Тогда Пестель, не имея сообщения с Дербентом и опасаясь недостатка в провианте и снарядах и видя сверх того, что неприятель начал окружать замок окопами, выступил ночью из Башлы. На дороге два раза безуспешно нападал на него неприятель, но с большим прогнан уроном, и Пестель благополучно пришел на прежний при реке Бугаме лагерь, где атаковать его неприятель не решился. Потеря с нашей стороны по образу здешней войны необыкновенная, ибо с убитыми и ранеными простирается до 370 человек; неприятель, а паче изменники селения Башлы потерпели ужасно. Теперь по предписанию моему Пестель выступил из Дербента для совершеннейшего разорения Башлы и прочих селений взбунтовавшего владения каракайдакского уцмея[13].

В будущем году пойду я наказать акушинский народ, сильнейший в Дагестане и наиболее нам враждебный, и после того вся сия страна будет совершенно спокойна и лучше многих других повиноваться. Здесь не так легко я кончу, как теперешний раз, но кончу непременно.

Вот, любезнейший брат, вернейшее тебе описание всего здесь происшедшего и даже частию моих впредь предприятий. Не думаю, чтобы мог ты упрекнуть, что не пишу к тебе обстоятельно и обо всем.

Теперь позволь отнестись с собственною моею просьбою, состоящею в следующем. У меня на Сунже был m-r Joubert[14], известный человек, бывший при французском посольстве в Персии и теперь по препоручению правительства находящийся в России; я получил от него в подарок некоторые инструменты и сказал ему, что в подарок жене его пошлю шаль. Теперь оную при сем отправляю и прошу ей доставить, если бы даже и выступил ты из Франции с корпусом. Сделай одолжение, не откажи сего, ибо иначе нет мне способа ее доставить, и более всего стыдно не сдержать данного мною г-ну Joubert слова. Прощай и сохрани мне дружбу свою, которой я истинную цену знаю.

Верный *Ермолов*

20 ноября. Сейчас доносит Пестель, что, по распоряжению моему, выступив вторично из Дербента, разорил он до основания город Башлы, для защиты коего весь Дагестан вооружался. Я сам находился от оного в восьми часах пути, дабы отвлечь внимание акушинцев и дать ему беспрепятственно довер-

шить истребление. Таким образом гордые, а равно глупые дагестанцы видят все усилия свои бесплодными, и ужас царствует повсеместный. Я завтра возвращаюсь на линию!

30 ноября. Перешел я обратно Терек благополучно. Прощай.

Верный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 67–77.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Не ранее октября 1818]

Воейкова от всей души поздравляю, вообрази, mein Lieber, что я скоро буду немец, твой брат женился на Шаховской[1], которая мне родня, а как тебе родня Канкрин, и по сему ты немец, то я сделался родня тебе, твоему брату, Канкрину, а по сему и всем новоприезжим вюртембергским колонистам. Прощай, друг любезный. Почта идет и только что вздор сей успел написать, а дела ничего.

А. Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Декабрь 1818]**

Никогда, почтеннейший и любезный Арсений Андреевич, не случалось мне так долгое время не писать к тебе, но теперь обо всем случившемся обстоятельно тебя уведомлю.

Начинаю по порядку происшествий.

В октябре месяце ездил я на границу Кабарды[1], где собирал всех князей и отличнейших из узденей, дабы представить и истолковать им, сколько неблагоразумно их поведение и каким подвергаются они опасностям, с такою наглостию поступая против российских подданных. Я предуведомлен был, что мое присутствие нужно, ибо никогда не было в Кабарде такого ужаса и что надобно пользоваться им. В самом деле, князья терпели, я дал им наставления и, ничего не переменяя в образе их правления, обещал в будущем году ввести некоторый между ними порядок. Точно в нынешнем году некогда было мне ими заниматься! Стыдно было мне, что при свидании с кабардинцами не мог я иметь более 250 человек пехоты и 60 несчастных казаков, смененных с почт. Еще стыднее, что не имел я другой с собою артиллерии, кроме трех гарнизонных орудий, под которыми запряжены были мужичьи лошади и мужики ими управляли.

Вот, любезный Арсений Андреевич, лучшее доказательство, что здесь войск чрезмерно мало.

По возвращении на Сунжу спешил я окончить работы при крепости Грозной, ибо предуведомлен я был генерал-майором Пестелем, что жители Даге-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 30 декабря», «Отвеч[ено] 5 апреля».

стана собираются в больших силах, дабы напасть на него и понудить выйти из города Башлы, который он занимал войсками своими, как место подозрительное по связям с неприятелями нашими и просившее помощи у горских народов. Я предуведомлен уже был, что всеми собирающимися мятежниками начальствует вероломный аварский хан, имеющий чин наш генерал-майора и 5000 серебром пансиона, что с сим мошенником родной брат его, злой неприятель наш, и прочие подобные разбойники. Я вознамерился идти к сторо-
не Андреевских владений, которых, как слышал я, стараются горские народы склонить к своей стороне, дабы движением сим как их удержать в повиновении, как и самых мятежников, заставя обратить на меня внимание, отклонить от намерения идти на Кубинскую нашу провинцию, в которой по выступлении Пестеля оставалось у меня так мало войска, что не с чем было ему противиться, особливо когда и то малое количество разбросано, чтобы содержать соседственные народы в почтении.

Октября 26 дня выступил я от крепости Грозной, со мною пошло пять баталионов пехоты, до 400 весьма утомленных службою на Сунже казаков и 15 орудий артиллерии, всего вообще до четырех тысяч человек. Признайся, друг, что с такою армиею, особливо когда еще между тем два баталиона 8-го егерского полка, составленные из детей, никогда еще не видывали неприятеля, не весьма забавно пуститься на такое предприятие, но нечего было делать, и я прибыл в Андреевские владения 30-го числа и следующий день дал войскам на отдохновение. Здесь отовсюду получил слухи, что лезгины в больших весьма силах несколько дней сряду дрались с Пестелем и что он вышел из Башлы и в окрестные селения привезены уже убитые в сражении лезгины. Тут же получил сведение, что шамхала Тарковского владения взбунтовали против нас, кроме одного города Тарки, и что сам шамхал, верный Императору, находится с Пестелем. С сим последним прервано уже было сообщение, и все предписания мои оставались в Тарки.

Дабы получить о Пестеле обстоятельнейшее сведение, решился я идти в Тарки и сблизиться с мятежниками. Проливные дожди задержали меня девять дней в Тарки, которое время употребил я на приуготовление провианта.

Наконец получил я рапорт генерал-майора Пестеля, что лезгины и в помощь им пришедшие из гор народы в числе более 25 000 человек, разделяясь на две части, из коих одна атаковала его в Башлы, другая, ожидая последствия сражения, готова была броситься в Кубинскую нашу провинцию; что три дня сряду дрались они с жестокостью в Башлы, где занимал Пестель замок и прилежащие к нему дома, приуготовленные им к обороне; что он, опасаясь движения неприятеля на Кубу и будучи уже отрезан от Дербента, откуда не мог получать ни провианта, ни снарядов, и что сверх того начал неприятель малый отряд его окружать окопами, решился он оставить город Башлы и отошел на прежний свой лагерь, не доходя Дербента. Неприятель на пути два раза его атаковал и был отбит с уроном. Надобно отдать справедливость Пестелю, что он против неприятеля, в восемь раз превосходящего его силами, выдержал упорнейшее сражение и имел мужество его дождаться, ибо иначе неприятель возгордился бы и без сумнения напал на Кубу. Потеря неприятеля его остановила, и наш урон по образу здешней войны весьма чувствителен, ибо убитыми и ранеными простирается за 370 человек, что весьма необычайно. Я говорил

с чиновниками шамхала, бывшими в сражении с нашей стороны, и они все единогласно говорят, что никогда такой храбрости войск наших они не видывали.

Постарайся, почтеннейший Арсений Андреевич, ходатайствовать о вознаграждении храбрых сих войск, ибо если в таком случае не поощрить их достойно, то не в состоянии я буду требовать, чтобы горсть людей сражалась против тысяч. Здесь прежде меня за многие ничтожные дела во время бунта в Кахетии даны были важные награждения.

В Тарках дождался я лучшей погоды и что проливные дожди прекратились. Я выступил к городку Параул, месту рождения и жительства аварского хана, изменника, предводительствовавшего мятежниками, который торжественно объявил им, что он охотно оставляет и чин генерал-майора и 5000 серебром жалования. Трудная в горах дорога и ужасная грязь дали время неприятелю занять дефиле, которое должен был я проходить. Усталые войска и растянувшийся обоз заставили меня расположиться у подошвы горы лагерем, и день кончился несколькими пушечными выстрелами и небольшим ружейным огнем. Неприятель разными ругательствами изъявлял радость, что отнял у нас дорогу. В десять часов вечера, в темное весьма время приказал я одному баталиону обойти гору и нечаянно напасть на неприятеля. Сие так удачно исполнено было, что мятежников застали у огней в разных веселостях и поющих ругательные собственно на имя мое песни. Вдруг залп и «ура!» так испугали мошенников, что многие бежали, оставивши ружья, другие заколоты были, не сделав выстрела, а некоторые оставили и штаны, и обувь. Таким образом овладели мы высотою и спуском с оной, которые уже неприятель защищал.

Целые сутки поднимал я артиллерию и обоз на гору и пришел в Параул, из которого бежал и аварский хан, и жители.

На другой день пошел я к городку Джунгутаю — месту всегдашнего пребывания мошенника брата аварского хана. Армия моя была уже гораздо слабее, ибо оставлена была часть у прикрытия тягостей в Тарки, где и парк запасный. Джунгутай нашел я защищаемый неприятелем, который довольно в больших силах расположен был в окопах по крутым высотам. Огонь ружейный был весьма силен, а распространившийся густой туман способствовал нам подойти весьма близко, и в короткое время окопы взяты были на штыках с весьма малою со стороны нашей потерею.

Но тот же самый туман неприятелю дал средство к отступлению, ибо в шестидесяти шагах нельзя было видеть человека. Мятежники бежали самым спешным образом, какой нам неизвестен, живущим в Европе. Селения Джунгутай, Большой и Малый, прекраснейшие и лучшие, нежели многие из уездных наших городов, истребил я до основания. На другой день после разбития все не только окрестные селения, но даже в горах лежащие, куда почти нет дороги, пришли просить пощады и помилования. Всю фамилию мошенника аварского хана я разорил до конца. Лучшую часть владений брата его отдал я в вознаграждение шамхалу Тарковскому, генерал-лейтенанту, сохранившему верность Государю и находившемуся при Пестеле. В числе сих и Параул, столица аварского хана. Нескольким селениям объявил свободу, и что они не принадлежат никому, кроме Императора, и тут со временем учрежу особенного пристава, ибо впоследствии может быть здесь наилучшее сообщение

Кавказской линии с Дербентом. Здесь никогда еще не бывали русские войска и прекраснейшие места здешние были нам незнакомы. Здесь последняя долина, и далее лежат горы неприступные. Владея сими местами, лучше, нежели оружием, можно покорить горы, ибо у жителей гор нет земли и богатейшее скотоводство, их единственное имущество, сохраняется в сих долинах, которые сверх того снабжают их хлебом.

Не думал я, чтобы в такое короткое время мог я успокоить довольно обширный край и весьма многолюдный, и найти столько готовности и покорности нашей власти. Здесь, как примечаю я, народ скорее многих других приобыкнет к нашему правлению и немалую со временем может принести нам пользу. Не хочу обманывать себя, чтобы все сделал я одним оружием; мне много способствовало и время, ибо уже здесь зима, и жители с женами и детьми и скотом не могут в лесах укрываться, а в деревнях боятся жить, дабы не подвергнуться истреблению. Тебе по-приятельски могу я сказать, что здесь вселяет ужас и мое имя, ибо я имею совсем другое поведение, нежели мои предместники, которые ласкою и подарками так избаловали здешних мошенников, что они получали их как дань, им принадлежащую, и сего в доказательство могу тебе сказать один пример: недавно весьма аварский хан писал ко мне, что злодей брат его и другой мошенник, родственник его, желают быть подданными Государя, но хотят знать наперед, какую получат от него милость[2]? Представь, друг любезный, что подлецы думают, что Государь покупает подданных и что они с ним могут торговаться! Вот плоды управления моих предместников, и мне несчастному надобно преодолевать и переменить сии затруднения. Божусь, что минуты не имею я покоя.

Но самых сих торговавшихся мошенников допустил меня Бог наказать жестоко и лишить совершенно всех их владений. По распоряжению моему выступивший вторично из Дербента Пестель разорил до основания город Башлы, для спасения которого весь Дагестан вооружился. Я знал, что пребывание мое в горах не допустит мошенников помышлять о его защите.

Не думай, друг любезный, что сим довершил я успокоение обширного Дагестана. Еще остается сильный весьма народ акушинцы, несколько более прочих воинственный, гордый прежними своими подвигами и имеющий связи с горцами. Сей народ возмутил весь Дагестан в глупом мечтании, что отнимет у нас путь с линии до Дербента. Его непременно надобно наказать, или вечные будут беспокойства в Кубинской и прочих наших провинциях, ибо у него прибежище всем врагам нашим. Теперь по быстроте движения моего не мог он собраться против меня, и если бы точно не знал я о том, я не решился бы идти в горы. Не без основания мог бы я просить немалого числа войск для усмирения сих злодеев, но теперь, познакомясь с землею, нахожу, что могу сделать с десятью тысячами войск и потому прошу трех полков и двух рот легкой артиллерии. Полки разумею я в три баталиона. Надобно, чтобы 8-й егерский полк не был включен в то число и остался здесь на некоторое еще время. Прошу тебя и честию оружия нашего заклинаю к исходатайствованию сего у Государя. Если откажут, я потеряю все плоды, приобретенные внушенным теперь страхом, и Боже избави, если впадут злодеи в Кубу, ибо затем неминуемо последует возмущение в ханствах, из коих в Ширванском было уже одно весьма близко.

Доселе власть наша была здесь уважаема, и я лучше теперь соглашусь потерять мое место, нежели так занимать его как мой предместник. Поговори о сем с князем Петром Михайловичем. Тебе как другу без всякого самохвальства скажу, что тяжело будет после меня другому и поздно уже, если не воспользуемся теперешним мирным временем. Поспешите, ради Бога, дать мне знать, откажут или нет в моей просьбе, ибо необходимо заблаговременно сделать распоряжение в рассуждении продовольствия, которое требует времени. Тогда без всякой огласки может быть и здесь найду я купить некоторую часть продовольствия и не весьма дорогою ценою.

30 ноября войска перешли обратно Терек и так счастливо, что через два дня пошел густой лед и несколько дней не было переправы.

Я посылаю моего Попова[3] курьером с донесением. Похлопочи, почтенный и любезный Арсений, чтобы награждены были рекомендованные мною. Бог свидетель, что войска молодцы и офицеры готовы всюду. Надобно ободрить их, ибо здесь прежде награждались по протекциям и много весьма храбрых, которые ничего не получили. Я представляю число умеренное, но таких, которым нет ничего трудного. Адъютантов своих не представляю ни одного и никого, мне принадлежащего. Я не хочу уподобиться предместникам моим, которые на них предпочтительно обращали награды, но по-приятельски скажу тебе, что я был бы доволен, если бы Попову дали Владимирский крест, ибо он пламенной храбрости. Ему принадлежал он за Париж, но Таубе[4] при многих признался мне, что он потому его не представил, что почитал его под покровительством Сухозанета[5]. Это известная история. Доставь ему крест за привезенное известие и ты на меня можешь сослаться, что я одобряю его храбрость.

Наш Мадатов, по известиям, дошедшим в Тифлис, был послан генерал-лейтенантом Вельяминовым, чтобы прийти на помощь Пестелю, которого думали окруженного и непременно близкого к погибели. Он приехал в Дербент и был в отчаянии, что нашел уже Пестеля там. Писал ко мне прегорькое письмо, что Пестель был выгнан, что бежал, что неприятели теперь ободрятся и, видя со стороны нашей подобную трусость, и что от того должны быть величайшие следствия; что напрасно приказал я вторично идти Пестелю из Дербента, что с ним войска непременно должны погибнуть. Примечаешь ли, что Мадатов в отчаянии, что ему не случилось схватиться с лезгинами и ему тоска от праздности. Нетерпеливо желаю его видеть и руки будут в чрезвычайной работе. Боже, если Пестель получит ленту, которую точно надобно дать за чудесное сопротивление с горстью людей против сил ужасных и за непонятное отступление, в котором не оставил он даже ни одного раненого. У него был майор Износков 1-й[6], как я слышал, совершенно такой храбрости, как описываются древние герои.

У меня кровь остановилась в жилах, когда я услышал, что такие пошли лезгин силы. Прочти рапорт мой Государю и донесение обстоятельное Петру Михайловичу, но зато как гора свалилась с плеч, когда, рассеявши изменников, вышел я из гор обратно.

Похлопочи, Бога ради, о ружьях; в иных полках такие гадкие и столько разных калибров, что невозможно принимать из парков готовых патронов…

Дня через два собираюсь в Грузию; ужасно наскучила жизнь кочующая. Представь, семь месяцев не видать крыши!

Теперь надобно сказать тебе и о сенаторах. Они здесь осматривать губернии вознамерились на повозках. Повсюду они пробыли короткое время и нельзя не видать, что получили приказание находить все в хорошем виде более, нежели есть на самом деле. Ко всему придираются, дабы сколько возможно извинить беспорядки, словом приметно, что ищут сделать представление противное тому, как говорил я о здешних гражданских разбойниках.

Нельзя при царствующих ныне министрах, при дремлющем инвалидном Сенате достигнуть правосудия!

Гермес[7], я вижу, послан был в надежде на чуму или на горячку, по крайней мере, но как ужасно обманулся, еще возвращается навозить землю русскую!

Мертваго[8] весьма умный человек, но чувствует недавно еще нанесенное поражение и, кажется, знает десницу, его каравшую, боится повторений! И он не выступит на бой. Не знаю, зачем посылают сих господ? Гораздо лучше послать первого плац-адъютанта, который простым порядком ордонанс-гауза найдет истину.

Я рад чрезвычайно, что с ними не случилось мне видеться, я бы откровенен был на их счет и, если бы должен был почесть в них звание, то я бы объяснился насчет весьма неблагонамеренного их к беспутствам снисхождения и, как солдат, подвел бы закон военный, по которому у нас наказываются смертию те вины, от которых они искусством или изворотами только разве подвергнутся слабому замечанию. Трудно поверить мне, что сенаторы уехали 23 ноября, а от 30 ноября поступил мне ужаснейший донос на злоупотребления гражданского начальства. А из Астрахани, в то время как они там находятся, донос чрез военное там начальство, представляется ко мне. Из сего должно заключить, или доступу к ним нет, или они не принимают жалоб, или, приметя виновное их снисхождение, не смеют к ним адресоваться. Как бы то ни было, ожидать должно, что правительство от подобных ревизоров ничего обстоятельного не узнает, а думать будет, что все ими исправлено. Признаюсь, что если со мною еще подобным образом раз несколько поступлено будет, я донесу Государю. Сенату, похитившему имя, столь знаменитое и столь мало ему приличествующее, все опишу и брошу службу. Пусть судит Бог, если можно быть гнуснейшему беспорядку. Я попробовал бы говорить правду Государю — но как представлено ему то будет? Назовут меня дерзким, строптивым, и когда буду я просить одного взгляда на злодейства и беззакония, в то время отвратят внимание от жалоб моих и не будет мне доверия. Не мне делают обиды и угнетения. Обязан я доводить до Государя стон угнетаемых!

Сделай дружбу, отошли к графу Михайле письмо мое и одну шаль, которую, попроси его, чтоб он отправил в Париж. У меня на Сунже был известный Жубер, и я, получив от него нового изобретения инструмент, посылаю шаль в подарок жене его. Другую шаль и письмо прикажи отправить в Варшаву. Это одной старой женщине, в доме которой в Кракове принимаем я был весьма дружественным образом и муж которой, известный человек и редких добродетелей, весьма любил меня. Боюсь, что брата Михайлу найдет письмо весьма далеко от Франции и он, затрудняясь доставить его в Париж, меня погубит.

Поведай, любезный Арсений, что слышно о представлении моем в рассуждении учреждения в Грузии крепостей, приказано ли рассмотреть его или нет?

Вельяминову моему прошу я Анненскую ленту, поддержи твоим мнением, у нас часто явятся завидующие и будут противоречить. Надобно знать труды, наваленные на сего человека, и знать его способность. Он будет нужен, и потому не надобно останавливать! У нас таких людей нет лишних. Потяни на сторону достойного!

Болезни нынешнее лето здесь ужаснейшие, и гибло чрезвычайно много всякого народа, досталось и бедным войскам, кроме бывших на Сунже. Вы назначили мало весьма рекрут, постарайся сие поправить, ибо велик недостаток.

Прощай, верный по смерть *А. Ермолов.*

Позволь теперь собственно в рассуждении себя объясниться по-дружески. Боюсь, чтобы не вздумали обидеть меня каким-нибудь награждением за труды нынешнего года. Мне будет стыдно, ибо похоже будет на то, что я не должен делать одного шага, не получая за то платы. Чина мне хотелось ужасно, и я не стыжусь признаться, но также должен сказать правду, что если случится мне оказать несколько важную услугу, то и тогда не надобно помышлять о моем награждении. Сделай мне одолжение, почтенный Арсений Андреевич, прошу тебя как брата, внуши сие князю Петру Михайловичу, и если бы могла быть мысль сия, то помоги сделать по моему желанию и отврати то, что бы меня краснеть заставило. Ради Бога, прошу тебя о том! Если бы был я так знаком с князем Петром Михайловичем, чтобы мог говорить ему о собственных делах моих, то я бы сам писал к нему о том, а по сей причине и не скрывай от него, что я прошу тебя.

О испрашиваемых мною наградах выхлопочи в пользу храбрейших офицеров и войск. Здесь вечные им труды, нет удовольствий и даже нет покоя.

Неприятель, конечно, не весьма страшный, но мира нет никогда!

Ее превосходительству Аграфене Федоровне скажи мое совершеннейшее почтение и иногда напоминай ей обо мне, ибо я уверил себя, что жена благородного Арсения будет расположена ко мне как добрая родная, а потому и не могу не желать, чтобы предварительно была предупреждена, по крайней мере насчет моей странности. Прощай, будь мне тот же добрый приятель, которого люблю я как брата.

Преданнейший *А. Ермолов.*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 184–194

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Декабрь 1818]**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Не столько по просьбе генерал-майора Портнягина, как потому, что совестно смотреть на человека, сорок лет служившего, что остается он без пристанища, обращаюсь я к тебе с моею просьбою[1]. Сделай милость, исходатайствуй ему или место комендантское, где бы мог он иметь пристойное существование, или назначение окружным начальником во внутренней страже. В сем последнем месте он может быть годен на службу, ибо ожидаю я, что недостатка

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 31 декабря», «Отвеч[ено] 5 апреля».

усердия в нем не будет. В здешнем краю употреблен он быть не может, раз занимая уже одно из главнейших мест. Ты уже из вопля и стонов моих должен был заметить, что здесь и на бригадных командирах лежит не одна обязанность смотреть за исправностью полков, но поручаются управлению [их] народы, ни нравами, ни свойствами неизвестные или знаемые весьма мало. Здесь, конечно, Портнягин находится и мы все находимся в затруднении, ибо менее или более вериться надобно переводчикам, не зная языка народов. Он же и прежде замечен был излишне доверчивым к окружающим.

Пристрой бедняка сего к месту, ибо поистине жаль офицера, которого славный Цицианов ободрял некогда усердие и храбрость. И ленивый офицер сорок лет без трудов не прослужит. Подумай и чем можно помоги ему, но кажется, внутренней стражи нет ничего лучше.

Фельдъегеря Силина, если будет случай, пришли опять сюда. Он не из числа знаменитых, следовательно, вам не так уж нужен, а здесь он первым все время был со мною на Сунже и я употреблял его по службе. Редко можно быть лучшего поведения, как он, и такого спокойного свойства. Он же притом беден и боится издержек петербургской жизни.

За Стабуша и не знаю, как благодарить тебя. Это человек самых благороднейших свойств и всеми вообще уважаемый. Я по недостатку надежных людей употребляю его в разные должности, и где надобно непоколебимой честности, лучше его, конечно, поступить невозможно. Он вместе с Поповым ловил в Астрахани отправляемую за границу медную монету. Не бери его от меня, он же здоровья ненадежного и недолго проскачет. Вслед за Поповым мог бы я и не отправлять фельдъегеря, но у меня их два кроме Стабуша, и я боюсь задерживать, как то случилось нынешнею весною, и потому спешу отправить.

Прощай. Я весьма нездоров, а завтра однако же выезжаю в Грузию; не знаю, хорошо ли пройду горы, снега, говорят, ужасные.

Вернейший *Ермолов*.

Поклонись от меня брату Василью. Чрезвычайно больно мне было слышать о случившейся с ним перемене. Еще досаднее видеть, что честность и бескорыстие не ведут ни к чему доброму. Жаль, что теперешнее место не может занять всех его способностей, и в сем нахожу я величайшую потерю для службы.

Прощай.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 195–196

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Моздок, 14 декабря 1818

Милостивый государь, Арсений Андреевич.

Я имел честь относиться к начальнику Штаба его величества, прося об исходатайствовании Войска Донского генерал-майору Сысоеву 3-му[1] пустопорожней земли. Зная, что вашему превосходительству известна служба отличная достойного сего офицера, могу я сказать только то, что всегдашнее на службе его пребывание разрушило последнее его состояние и дети малые остаются без способов воспитания, а потому и склоняю в пользу его ваше

внимание. Земля, мною испрашиваемая, есть следующая: 1) Между Азовом и казенным селением Койсугам с левой стороны реки Азовки и правой Кагальника, казенный 7-й участок, заключающий в себе 1400 десятин удобной земли, 618 неудобной, в длину имеет 12 верст, широты 600 саженей; 2) В смежности с сим участком казенная земля, заключающая в себе 1551 десятину удобной[земли] и неудобной 574 десятины.

Для лучшего усмотрения вашего препровождаю у сего небольшой план и еще повторяю покорнейшую мою просьбу об исходатайствовании ему обоих сих участков, всю выгоду для него имеющих единственно по близкому расстоянию к его имению.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 1б

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*13 февраля 1819**

Я пишу к тебе, почтеннейший Арсений Андреевич пречудесное послание о грамотах дворянских[1]. Не откажи моей просьбы, или иначе буду я в хлопотах ужасных и пропаду с любезным моим дворянством, которое едва мог я согласить на доказательство о происхождении своем, чему противились они явно при всех моих предместниках и слышать не хотели, чтоб можно было сумневаться в знаменитости их родов. А я, виноват, думаю, что наилучшее доказательство будет *пестрый лист*, о котором прошу. Жаль только, что он не пришпиливается к одежде, ибо когда не видать его, то Бог знает, на что похожи князья мои и дворяне. Однако шутки в сторону, похлопочи о грамотах и пергаменте.

Я посылаю Государю и Константину Павловичу по экземпляру рисунков войск персидских[2]; взгляни на них, они очень любопытны. При них Государю посылается описание, весьма хорошо и подробно составленное братом моим Ермоловым.

Ты, думаю, слышал, что на меня как туча, неожиданно нашли колонисты виртембергские, которые мучут меня своим беспутством. У сего препровождаю выписку из сообщения моего министру внутренних дел собственно из предосторожности[3], чтобы после не хватились, что бесполезные люди сии так дорого казне стоят. Уверен, что выписку сию найдешь ты основательною, и я для того ее посылаю, чтобы бумагу мою под сукно не положили.

Досталось тут и *Апокалипсису* от души, ибо я писал, будучи весьма весел. Ты представить не можешь, что за вздорный народ, несмотря что знает Библию наизусть. А без Апокалипсиса, божусь, ни шагу! Они так тесно соединились духом с Богом, что между людьми они уже ни на что не надобны.

Не рассердись на меня, что назначенного командиром кубанского казачьего полка ротмистра Ефимовича определил я в Гребенское казачье войско. Там

---

* Помета А. А. Закревского: «Отвеч[ено] 5 апреля».

он по распутству войска необходимо нужен, а в Кубанском полку есть весьма хороший штаб-офицер и старый служивый, которого никогда не хотел я переменить и о том не представлял. Я посылаю о сем официальную бумагу на твое имя. Можешь что хочешь из нее сделать. Я прошу об исходатайствовании позволения грузинам и прочим получающим военные чины носить общий мундир легкой кавалерии, что весьма полезно для преобразования самих их. Постарайся о сем и поспеши меня уведомить. Не упусти при сем из виду, что надобно предоставить им носить сабли, ибо нельзя от людей, родящихся с саблею, требовать, чтобы носили шпаги. Прикажи отослать препровождаемую саблю к полковнику Граббе[4], некогда славному моему адъютанту.

Прощай, верный по гроб *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 2–3

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, февраль 1819**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Два письма твои, от 30 декабря и 3 января, с последним фельдъегерем получил, из которых вижу, что прибытие Государя[1] еще более умножило твои занятия, с которыми и прежде могла сладить одна твоя деятельность.

Вы начали новый год весьма весело, производством множества генералов, и ты, Арсений, не забыл трудящихся с тобою. Наконец успокоили и Яшвиля[2], или справедливее сказать себя успокоили, ибо нет сомнения, что он кричал против непризнательности вашей к отличным его достоинствам и думаю даже укорял в неблагодарности. Не знаю я, почему более испугались вы его шуму, нежели маркиза Паулуччи, который, конечно, не менее кричать будет. Не говорю я о графе Штейнгеле[3], но за прочих благодарю судьбу, что не вместе меня возвысила, ибо я не нахожу ничего худого, что произведен прежде их, на всякий случай, если когда уважаемо будет старшинство. Можно вас поздравить, что вы обогатились полководцами, приуготовляйте одного из них на мое место, ибо если бы для благоустройства здешнего края откажете мне в трех полках пехоты (которые здесь не более потерпют, как у вас от парадов), по чести говорю тебе, что я не хочу здесь служить, как Тормасов и Ртищев, и не могу понимать, чтобы власти могущественного Государя могли не повиноваться мошенники. Прошу тебя собственно для пользы Государя довести сие до его сведения. Я не хлопочу о своих выгодах, ибо все лучше проживу моих предместников, не затею бесполезных беспокойств и, если бы они могли случиться, не кончу их хуже. Но боюсь я, что мы не воспользуемся мирным расположением соседственных земель и не укротим внутренних беспорядков, а когда случится война внешняя, то все горские народы и сядут нам на шею. Желаю я, чтобы сего не случилось, но вы, не дав войск, тому много будете способствовать. Что бы, впрочем, вы ни сделали, я должен идти и еще осенью пойду в Дагестан, и если не буду иметь средств укротить народ акушинский, о котором есть мое по службе донесение, то должен, по крайней мере, наказать

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 9 марта», «Отвеч[ено] 5 апреля».

разбойников за то, что нет проезда из Дербента на Кавказскую линию и грабят купцов и большие с товарами караваны. Сего, по крайней мере, нам допускать неприлично. Я вместе с сим пишу письмо к Государю, а ты со стороны своей способствуй мне полезным внушением.

Ты пишешь, что многие по расположению ко мне важно говорят о моих здесь делах и что тебе даже досадно. Перестань негодовать, не только я, но редкий из людей необыкновенных кто-либо избегал молвы ядовитой. На мой счет и потому многое говорить будут, что вопреки желанию злословящих счастие не устает благотворить мне. Посмотрим молодца на моем месте и посмотрим на дела! Не шутя говорю, приготовляйте кого-нибудь из хвастунов. Сюда дошли слухи о преобразованиях по части гражданской. Вы как будто беременны ею, что все ожидают разрешения, дай Бог благополучно, но иногда бывают и несчастливые родины, которых, впрочем, нельзя вам опасаться, ибо ничего не будет хуже теперешнего.

Нельзя ли сделать, чтобы судьи не воровали или бы не воровали столько безбожным образом? Будет чудо!!!

Бумагу для рисунков получил, но живописец мой[4] так болен, что все лучшее время осени пролежал и ничего не успел сделать. Я его удерживал здесь с намерением сделать несколько видов здешнего края для Государя, но и он подпал всеобщей прошлого года болезни, которая ни одного состояния не пощадила. Здесь в корпусе самих лекарей умерло более десяти человек и недостаток в них ужаснейший. Поговори, сделай всем нам милость, чтобы Виллие назначил в полки лекарей и сколько можно меньше из Москвы, ибо там они никакой практики не имеют.

Не у места был я чрезвычайно скромен и выпросил только на два полка в год новых ружей, но сего чрезмерно мало, ибо в большей части полков оружие скаредное и, конечно, нет возможности иметь в исправности то, которое служит со времен Екатерины. Вы не поверите сему, но точно не мало есть такового. Невозможно ли прибавить еще на два полка в год или право стыдно видеть оружие, особливо между здешними народами, которые тем одним только и хвастают. Военный министр[5] справлялся, что станет доставление на целый корпус, как ты писал ко мне прежде, следовательно, нет у вас недостатка в оружии! Постарайся, почтеннейший Арсений Андреевич, а мы из благодарности первый выстрел из оных сделаем в честь тебя.

Попов мой доставил вам обстоятельнейшее донесение мое о делах и происшествиях здешнего края, но Дагестан опять угрожаем беспокойствами, и сильный народ акушинский, о котором я писал, производит величайшие возмущения и подкрепляет тех изменников, которых наказал я и выгнал. Он нападает на владельцев, сохраняющих верность Государю, и если не укротить его, то легко произойти может, что владельцы, лишенные защиты, найдут выгоды свои изменить верности. Я ожидаю, что будущее лето народ сей, вспомоществуемый горцами, не только будет вредить нам всеми мерами, но может напасть и на Кубинскую нашу провинцию, в которую и прежде делали они набеги, и тогда не так ловко быть может. Вот почему и прошлого года приказывал я выступить вперед Пестелю, ибо опасался беспокойств внутри и в земле, не весьма нам приверженной.

Сию минуту входит ко мне старший Вельяминов и показывает письмо, полученное им из Могилева, в котором уведомляют его о слухах, дошедших до немецких остатков бессмертного Барклая, что в Грузии войскам нанесено ужасное поражение и что соединившиеся горские народы принудили оставить Тифлис. Вот слухи, доказывающие глупейшее невежество насчет здешнего края, простирающееся до непозволенной степени! И таким образом судят генералы. Не напрасно ли делаете вы, что производите их десятками? Это не лучший способ придать уважение сему званию! Из всех последнего тиснения генералов я позавидовал счастию Тухолки[6] и Айгустова[7], ибо с трудом согласиться можно признавать первого за человека, а ему поверили, что он и генералом быть может. О последнем же можно в делах 1-й армии отыскать рапорт мой, в коем ясно изображено, что он трус естественный, и сие чистосердечное со стороны моей признание последовало вот как: он жаловался, что остался не награжденным за сражение при Малом Ярославце. У генерала Дохтурова[8] спрошено было, от чего то произошло? Он спросил у меня, так как полки в городе бывшие дрались под моим распоряжением; я ему письменно отвечал, что когда Либавскому пехотному полку приказал я ударить в штыки, поручив при атаке находиться самому генерал-майору Талызину[9], у коего в бригаде был полк, то лишь вошел полк в город и вступил в драку, где отличал себя блистательным образом, Айгустов, оставив при себе один взвод, спрятался в первом саду ближайшем на пути и не видал неприятеля. Тогда же о сем донесено было г[енерал]-м[айором] Талызиным. Ответ мой генералу Дохтурову препровожден был к Барклаю, как от самого Дохтурова я узнал. Итак, поздравляю вас с героем!

Скажи, почтеннейший Арсений Андреевич, не имеете ли вы на худом замечании бывшего адъютанта моего Фонвизина[10], что он не произведен в последний раз в генерал-майоры. Не могу теперь ничего сказать в пользу его, но знаю, что он прехрабрейший офицер, умный весьма человек и учился отличным образом. Знаю, что он и фрунтовой необыкновенный. Отвечаю вам, что и в прежних и пожалованных вновь у вас не много лучших и далее вы сами то увидите. Уведомь меня о нем по-приятельски.

С егерским Ермоловым, которого просил я определить сюда в корпус, прекрасно поступил великий князь[11]. Неблагосклонным отзывом замарал его в мнении Государя, представя и ленивым и неблагодарным и что он не удостоен даже к командованию баталионом. Самым неприятным образом сообщил мне о том официально князь Петр Михайлович, и не прошло после того одной недели, как сам же великий князь дал ему полк и полк расстроенный, с тем, чтобы он его поправил. Если это сделано для того, чтобы не выпустить его из Литовского корпуса, то довольно сказать было, что мне не дадут его, и это бы ему не повредило!

Брат Михайло говорит в письме своем, что последнее время пребывания его во Франции так ему наскучило, что имело даже влияние на его здоровье и что он рад до бесконечности, что войски оттуда выходят и он едет отдохнуть в Англию. Уведомляя меня о полученном награждении, он говорит: «Теперь ты не скажешь, чтобы я был счастливее тебя». Из всего вижу я, что ему хотелось быть произведенным не менее, как мне хотелось того некогда. Я признаюсь из опыта, сколько желание сие беспокойно. Теперь я пришел в благопо-

лучное состояние ничего не желать более, как чрез некоторое время вырваться отсюда, чего, впрочем, и отказать не можно! Охотники на мое место избавят от затруднения.

Некогда говорил я с тобою, почтеннейший Арсений, что мне нужно побывать в Петербурге, и я точно вижу того необходимость, но я отнюдь не хочу, чтобы мне почли то за отпуск, ибо я никакой не имею нужды по собственным делам, а единственно по делам службы. Итак надобно, чтобы мне приказали приехать и не назначая времени, ибо не всегда мне можно отлучиться и мне по обстоятельствам легче самому избрать время и то еще весьма непродолжительное, почему и не должно удерживать меня в Петербурге напрасно.

Если сие не противно порядку вещей, то ты это распоряди и приуготовь как за благо рассудишь и меня ни о чем не спрашивай. Не пренебрегайте здешним краем, ради Бога! Прикажи обстоятельно уведомить меня о литографии, мне необходима она для народов мусульманских, ибо и способ легок и издержки умереннее, нежели завести типографию; кстати о сем: вспомнил я о Быкове[12], которого ты присылал сюда. Он довольно дерзкий болтун и столько похож на гвардии капитана, как я на епископа. Проезжая Москву, он сказывал старику-тестю твоему[13], что здесь войски наши вырезаны и что обо мне нет слуху. Я не знаю, почему он не убил меня, ибо по здешним слухам, в самом Тифлисе сочиняемым, я непременно всегда убит, и даже иногда и не выезжая из города. Мне досадно, что у старика Быкова[14] сын не имеет его головы.

У нас зима жесточайшая, каковой никто не помнит, и в Тифлисе около двух месяцев лежит снег и весьма холодно. Река Кура была покрыта льдом, стали все мельницы, так что нельзя было молоть несколько времени провианта. Стали все подвозы, особливо у нас, где все делается быками, а на лошадях только на разбой ездят.

Прощай, скажи мое совершеннейшее почтение ее превосходительству Аграфене Федоровне.

Я подробно расспрашивал, как ты живешь, и знаю, что ее благодарить надобно, что свободные от трудов минуты проводишь ты приятнейшим образом. Бывало и у нас четверть часа свободы, перед тем как ложиться спать, как вели мы жизнь монашескую и бывало побраним, побраним кто попался и ляжем, но это однако же не самое лучшее дело!

Душевно любящий и преданный *Ермолов*.

Я пишу официально к князю Петру Михайловичу об исходатайствовании производства в чин четырех отличных майоров. Сделай милость, почтеннейший Арсений Андреевич, помоги и в том, ибо я прошу за достойных служивых. И самое время в одних чинах говорить за них. При здешней неприятной и тяжелой службе грех не одобрять трудящихся. Прошу исходатайствовать Наумову перемену ордена Св. Анны 2 класса на алмазный. Я потому только прошу сие ничтожное награждение, что боюсь отказа, если бы просил я более, но редко благородному сему человеку дал бы я душу свою. Если когда нужен тебе будет человек честнейший, на которого надобно положиться, то не забудь Наумова. Полк нельзя ему дать, он был бы у него в совершенной исправности, но он сам того не желает, ибо по бедности боится расстроить. Дежурным быть штаб-офицером может не всегда казаться лестным, и он без меня здесь не останется. Если бы случились места по твоим департаментам, то подумай

о нем. Я бы желал, чтобы он попал в место прибыльное, чтобы имел он случай доказать свое бескорыстие, за которое своею честью я отвечаю. У него от канцелярии и типографии около 5 тысяч экономии, что служить может доказательством бережливости. Вот на что задумываем мы сделать литографию, буде силы одолеют.

Поспеши, сделай милость, прислать рисунки полковым обозом, и особенно прошу о патронных ящиках. Здесь ужасная пестрота, и я не знаю, как надобно переделать обозы. Полковые командиры пристают ко мне.

Научи, что мне сделать с Мерлини, он в жалком положении, не имеет бригады и поистине ему есть нечего. Довольно кажется два года совершеннейшего поста. Можно бы дать ему бригаду в другом корпусе, где, право, многих не будет он хуже, но здесь потому невозможно, что нет ни одного бригадного командира, который бы не имел в управлении области или бы не имел дела с народами, нам не покорствующими.

Вот единственная причина, заставляющая меня желать [от] некоторых избавиться. Если бы Мерлини вам не нравился, всегда можете избавиться [от] него, а мне, божуся, тяжело видеть его без куска хлеба, и от меня собственно, ибо множество не лучше его не лишаются бригад. О Боже, что за тяжелая скотина Дренякин, и ничем не усовестишь его, что он никуда не годится здесь, а везде в другом месте бригадир чудесный!

Не поможет ли тебе Бог сделать что-нибудь в пользу бедного барона Розена, разжалованного из Кавалергардского полка, о переводе коего в гвардию сделал я представление. Мне жаль его и потому, что он, имевши скудное весьма состояние, лишается и того, не имея возможности быть в отпуску, потому что не был в офицерском чине. Помоги в переводе его, буде можно. Он довольно долго и жестоко наказан!

При сем будет несколько писем моих, прикажи повернее их доставить. Н. Н. Раевскому и Дениске Давыдову[15] прикажи отослать, ибо не знаю, где они находятся.

Прочти у Петра Ивановича Миллера[16] письмо мое, которым хочу я рассмешить прекрасного и умного старика.

Из Кизляра дал я поручение отправить к тебе копченой рыбы *шаман*[17], которая там вкуса чудесного.

Стыдно *Крепкой твоей натуре*, если нет у тебя сей рыбы. Если бы он доставлял хотя с тех мест, которые его отцу не принадлежат, то уже довольно*! Теперь посылаю тебе странного весьма меду, который называется здесь *каменным*. Ты не найдешь его вкусным, но, конечно, удивительным и какого нет у нас в России. Меня терзает отставной генерал-лейтенант князь Орбельянов[18], чтобы я представил о произвождении получаемой им пенсии вместо ассигнаций, как обыкновенно, но по здешнему курсу, которым выдается жалование служащим. Сделай милость, напиши мне официально на то отказ, ибо по справедливости того и требовать не можно, и он не заслуживает. Здесь прегнуснейшие попрошайки. Он и в гроб смотрит, и человек бездетный, а мерзостей делывал кучу.

---

* Так в оригинале.

Скажу тебе чудо, говорят, что Климовский[19] совсем перестал пить и что полк его Нижегородский драгунский в удивительной исправности, таков общий голос.

Прощай, *А. Ермолов*.

Со времени возвращения моего с линии живет здесь князь Мадатов, человек прекрасный и предобрейший, но каким говорит чудесным русским языком, ты его не узнаешь. Лента нас мучит! Надобно приискать случай.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–11

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 25 марта 1819**

Милостивый государь, Арсений Андреевич!

Препровождая при сем на имя Вашего высокопревосходительства рапорт на имя начальника Главного штаба князя Волконского, каким прошу о назначении в должность старшего адъютанта в Грузинский корпус 30-го егерского полка майора Бутлера, покорнейше прошу Ваше превосходительство не докладывать по сему рапорту до тех пор, доколе не получите Вы от господина Бутлера уведомление, согласен ли он ехать сюда и не расстроит ли его в чем-нибудь сие назначение. Зная, сколь много устрашает Грузия судящих о ней по слухам, сколь много удаление страны сей от сердца России отклоняет от нее служащих, я не хочу, чтобы господин Бутлер назначен сюда был вопреки желанию его и мог упрекать меня в отвлечении его от какого-нибудь назначения, которое, может быть, считает для себя выгоднейшим. Из прилагаемого при сем на имя его письма, которое покорнейше прошу приказать ему доставить, узнает он о делаемом мною об нем представлении и не замедлит уведомить Ваше превосходительство, решится ли он ехать в Грузию.

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть
Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 12

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 8 апреля 1819***

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич.

Приехал мой граф Толстой[1], и часто о тебе мы с ним беседуем. Узнаю о тебе от других, но ты, друг любезнейший, давно не пишешь ни слова. Мой Краббе, восхищенный благороднейшею твоею душою и ласковым и обязательным приемом, которого не отказываешь никому, невзирая на важные и бесконечные дела твои, пишет ко мне, что он нередко имеет честь бывать у тебя.

---

* Письмо написано писарским почерком, но подписано самим А. П. Ермоловым. Помета А. А. Закревского: «Писано Ермолову 16 июня № 227».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 10 мая», «Отвеч[ено] 15 июня».

Ты привязываешь меня час от часу более, ибо я вижу, что совершенно коротко меня знаешь. Лучшее сему доказательство есть граф Толстой, которого никогда не видывал я в жизни и, конечно, не мог бы сам избрать лучшего. Ты мне ручался, что я буду им доволен, и точно, ты хорошо меня угадал. Я думаю, что и он любить меня будет. Мне нравится его образ поведения и скромность, а как он офицер служивый и храбрый, то я прошу Ваше превосходительство не думать, что в угождение Вам буду я впредь стараться о выгодах его по службе, я буду то делать по справедливости.

У нас зима по крайней мере продолжалась полтора месяца более обыкновенного, и до сих пор и дожди не перестают проливные. Сделай милость, передай письмо мое к князю Петру Михайловичу, которое нужно, чтобы он прочел тебе и далее…

Поручи кому-нибудь из окружающих тебя принимать от меня письма к разным лицам и отправлять их по принадлежности. Красота в отпуску и без него мне горе. Часто по незнанию, как адресовать их, я отправляю их к тебе.

Кто тобою будет избран, я не беспокоя тебя, буду их препровождать прямо к нему, и далее пойдут они по назначению и верно. А. А. Писарев, к которому прилагаю у сего письмо, не получил моего к нему давно посланного через твою канцелярию, но сего не может случиться, когда одному о том будет приказано.

Прощай, люби меня по-прежнему. Душевно преданный *А. Ермолов*.

Ее превосходительству Аграфене Федоровне приношу мое совершенней-
шее почтение*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 13–14

АЛЕКСАНДРУ I

Тифлис, 8 апреля 1819

Ваше императорское величество!

По высочайшему Вашего императорского величества соизволению начальник штаба Отдельного Грузинского корпуса генерал-майор Вельяминов получил орден Св. Владимира 3-й степени. Не имев счастия снискать внимания Вашего величества ко всеподданнейшему представлению моему, подверг я достойного офицера награждению, которое дает место невыгодному мнению насчет его служения; не обращаю я внимание Вашего императорского величества на каждое действие подчиненных моих, не испрашиваю наград за каждую их службу, а потому милостивое воззрение на них справедливо.

В начальнике штаба Отдельного Грузинского корпуса недостаточна обыкновенная должность, не удовлетворительны обыкновенные способности и его не потерпел бы я в сем звании, если бы в два с половиною года его здесь служения не был он достойнее полученного им награждения.

Государь! Не должен я скрыть пред Вами боязнь мою, что подчиненные мои, потеряв доверенность к ходатайству моему о них, ослабеют в надежде

---

* Далее часть листа обрезана и на полях помета А. П. Ермолова: «Забрызгал чернилами и должен был отрезать».

воззрения на труды их и, охладев к оным, лишат меня возможности исполнить с успехом мою должность. Боязнь моя основательна — и смею ли я пред Государем, благодетелем моим, умолчать о пользе службы его.

Вашего императорского величества верноподданный генерал от инфантерии *Ермолов*[1].

ОР РГБ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 256. Л. 115. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 20 мая 1819**

Почтенный и любезный Арсений Андреевич!

Наконец возвратился Попов[1], но, заболевши в дороге, остался в Георгиевске и до меня не доехал, и так, чтобы на словах мог пересказать, я ничего не знаю.

Скажу без сердца, но не без сожаления, что я не воображал посылать его за лентою Пестеля и некоторыми другими мелочными наградами и не думал, что сии разрешения так долго могли его удерживать.

Теперь могу тебе сказать как истинному другу, что я ничего не предприму по делам здешнего края, а буду только того избегать, чтобы не пришли взять за горло. Ты правду говоришь, что за здешние народы принялся я иначе, нежели было до сего времени, но если увидят они недостаток моих средств и уразумеют, что нет причин меня бояться, тогда не без хлопот здесь будет и, конечно, не я буду иметь безрассудность того дожидаться. Жаль, что мы упускаем мирное время и внутреннее устройство соседей и сами не пользуемся обстоятельствами. После будем жалеть и поздно!

Ты уведомляешь меня, что реляции и списки доселе не рассмотрены. Сделайте милость, исходатайствуйте решение по оным, ибо с теми же войсками надобно мне нынешнее лето работать и осенью драться в Дагестане, совестно пред офицерами, которые служат славно и всегда награждаемы худо. Если и теперь при справедливом старании моем о них ничего они получить не удостоятся, то чего им ожидать возможно будет. Здесь, почтеннейший Арсений Андреевич, надобно ободрять несчастных офицеров.

Насчет прибавления войск я по письму твоему потерял совсем надежду. Государь намеревается о сем написать ко мне. Труд напрасный! Ибо от того не будет отказ менее неприятным, ни дела не пойдут успешнее. Дерзости неприятелей я не укрощу, и если теперь не будет она иметь вредных очень следствий, то при случае внешней войны мы весьма ее почувствуем. От недостатка средств должен я буду оставить многие из предприятий и столько же мало сделать пользы, как и мои предместники. Не знаю, какие важнейшие виды заставили не дать трех полков, когда столь сильно многочисленны наши армии? Еще менее для меня понятно, какая крайность могла заставить отвратить рекрут при большом недостатке людей в корпусе. Я думал, что нужны они для укомплектования по границе расположенных войск, но увидел, что назначены они в Московский корпус. Намерение весьма хитро скрытое! Однако же

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 15 июня», «Отвеч[ено] 7 июля».

тысячи две рекрут, невзирая на распоряжение, успели прорваться и, кажется, еще одна партия успеет то же сделать. Отнятие рекрут мог бы я почесть за насмешку надо мною, особливо когда прошу я прибавления войск, но думаю, что как не очень забавны могут быть следствия, то, конечно, не насмешка была в предмете.

Вельяминова важно обработали орденом. В тех же газетах дан он многим председателям уголовных палат. Сравнение для него выгодное и обдуманное!

Жалею, что Попову не мог выхлопотать креста, который никому из орденарцев не отказывался. Конечно, я один из генералов, который думал прежде о награждении строевых офицеров, нежели адъютантов, но и сие не заслужило уважения.

Говоришь, почтеннейший Арсений Андреевич, о ленте Мадатову. Я службой его весьма доволен и нынешнего лета предназначается он на важные довольно занятия, и если по справедливости заслужит он ленту, я не вижу причины, почему не поступить с ним как с Вельяминовым, которому менее справедливо отказать оную, хотя и говоришь, что не уйдет от него. Точно не уйдет! Ее недавно по рекомендации Канкрина дали действительному статскому советнику Аверину[2], гнуснейшему из подлецов, которого едва не побил я палкою в Кракове в 1814 г. Он с Вельяминовым награжден в одно время!

Сенаторы славно обозревали губернии, и как Мертваго по справедливости слывет за умного человека, то не должно по той же справедливости отнимать у него достоинства быть отличным из подлецов. Я уже разведал, кому в угождение хвалили они губернаторов! Они, возвратясь в Петербург, задрали меня бумагою, поданною князю Лобанову[3] и дошедшею до Государя. Я посылаю копию с бумаги, писанной мною к князю Лобанову по тому предмету[4]. Отдай ее кому-нибудь из людей, скромностью подобных газетам. Надобно, чтобы знали поступки сенаторов!

Не смею верить слухам, которые, может быть, разглашает клевета, но говорят, будто они в Астрахани счастливо играли в карты. Узнаю верно и тебя уведомлю. Жалею, что не имею копии с партикулярного письма моего к князю Лобанову о них.

Хорошо, что брат Михайло женится. Жена красавица[5], и не худо, что богата. Теперь важно заправит теща его имением. Постников должен готовиться к отчету, ибо с нею не легче иметь дело, чем с *Мемельскою комиссиею*[6]. Можно безбоязненно и самому шурину поручить в управление часть хозяйственную!!!

Жаль весьма, что брат Михайло имеет в службе неприятности. Надобно беречь подобных ему людей; у вас нет таковых излишних! Не по дружбе к нему, но по самой строгой справедливости оцените его и без сомнения найдете, что люди с его достоинствами редки. Прибавьте и ту выгоду, что он молод, и государство может долго пользоваться его услугами.

Во всем свете люди на высокие степени по большей части восходят поздно. Тем лучше, что человек способный может достигнуть их в молодости! Я очень люблю Киселева, но кто не согласится со мною, что не он должен заменить брата Михайлу. Киселев не чувствует, что мне обязан своим местом, ибо я первый отвалил камень с дороги в начальники штаба армии[7]. Я признаюсь, что был менее его неустрашим, чувствовал, что надобно было готовиться к сему

званию, и от него отказывался. Свидетели тому сам Государь и граф Аракчеев. Я не обманул их, ибо после меня выгнали, конечно, не для того, чтобы испытать затруднение, кем заменить меня. Досадно, если и ложи масонские могли способствовать неприятностям. Он, конечно, учредил их с хорошим намерением, но неужели не можно было без них обойтись? Это дело не его ума и во Франции эти ложи и еще менее надобны были. Хорошо, любезный Арсений, что нам случилось избежать сих вздоров. Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, и я опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно, но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным. Сипягин для тона был масон, и верно ложа не столько имела в нем надобности, как генеральный штаб Гвардейского корпуса. Отдаление от столицы, уменьшая его занятия, редко представит случай отличиться, а нам остается вопрошать: *како паде сей сильный*[8]?

Наконец дошло время и до представления о крепостях Грузии, то есть что из портфеля Петра Михайловича перейдут они в бесчисленные кипы бумаг, лежащих в кабинете Государя. Смею думать, что полезнее было прежде отдать их на рассмотрение Инженерного департамента, который с своими замечаниями и сократя скучную бумагу менее бы затруднил в прочтении. Теперь еще, по крайней мере, год ожидать надобно решения.

Сей губительной медленности подвержено, кажется, и представление мое о ружьях, и следуя совету твоему, почтенный Арсений Андреевич, делаю оное вновь и прошу перемены в два года.

О лекарях также представляю, у нас в них величайший недостаток. Учащиеся в Москве никакой практики не имеют и снискивают опытность за счет жизни солдат. Приближаются жары и сердце замирает, ожидая обыкновенных в сие время болезней, а паче при недостатке необходимых лекарей. Я представил об умножении некоторых лекарств, в полки доставляемых. В перемене количества и рода их сообразовался я с свойствами господствующих здесь болезней. О сем сообщил я Виллие[9]; он не может того опровергнуть, ибо сделан был комитет из лекарей, давно живущих здесь и весьма искусных, и представление есть плод их опытности и рассуждений. Моего тут быть ничего не может!

Что делать, если Портнягину ничего доставить нельзя. Я заботился не о нем, но о долговременной службе его. Теперь объявлю ему наотрез!

Клейнмихель[10] важно идет вперед. Вот еще рыцарь, готовый в генералы и верно очень скоро. Неужели он надобен для успеха поселений. Важнейшую услугу, которую можно оказать в его звании, в том состоит, чтобы прекратить ропот и негодование как жителей, обращаемых в военные поселяне, так и самых поселяемых войск, которые, как слышно, весьма недовольны. Это не думаю, чтобы легко было сделать! Пришли, сделай милость, все постановления, вышедшие по предмету поселения войск, я никакого понятия о том не имею; о кавалерии же и в голову мне не лезет. Весьма решительно приступили к поселению вдруг большого числа войск. Мне кажется, нужно было сделать испытание над небольшим числом, что и в рассуждении издержек не было бы излишним.

Поселяне могут получить такую ненависть к военным, что в нас будут наконец бросать каменьями, а из нас не каждый достоин быть святым Стефаном[11]. Это один случай, в котором граф Аракчеев не сыщет завидующих.

О фон Визине говоришь, что есть многие старее его непроизведенные в генералы. Мне кажется, что есть некоторые моложе, которые произведены. С которого времени столько строго соблюдается старшинство? Или только для одних менее достойных закон не писан?

За четырех майоров, произведенных в чин, нельзя не благодарить чистосердечно. В некоторых, признаюсь, и не будет большого весьма толку, но зато один чего стоит, и это уже много!

Наумов у меня истинное сокровище. Немного есть людей беднее его в мире, но, конечно, не может быть честнейшего и усерднейшего в службе. Не вините его, что он не умел нравиться Сипягину. Взгляните, что с того времени не один уже дежурный штаб-офицер переменился в гвардии, а я переменять Наумова и не помышляю. Прошу тебя как друга и как брата пристроить его к месту по военному департаменту, когда я выеду из Грузии; ты жалеть о том не будешь! Вам усердные, бескорыстные и деятельные люди надобны. Не думай, друг почтеннейший, чтобы о выезде из Грузии говорил я по самолюбию, то есть допуская мысль, что могу быть нужен в другом месте. Пусть накажет меня Бог за такое помышление, но я не только без всякой досады и ни малейших не имея по службе неприятностей, напротив, имея выгоды видного весьма места, думаю его занимать недолго, ибо совестно пользоваться милостями Государя и никакой не приносить пользы. А отсюда выехавши, я вас собою обременять не буду и вы, если вздумаете, на что употребить меня, хорошо; если не употребите, и то не худо, ибо после пребывания здесь и на такой, как я, работе, отдохновение весьма будет нужно. Одно желание мое было сделать здешний край покойным и покорным и ввести хотя начало устройства. С теми средствами, которые я имею, успеть в том невозможно, а напрасно жить здесь или жить подобно моим предместникам не нахожу счета и не с моим характером пачкаться и страмиться.

Согласен с тобою, любезный Арсений, что мне нужно быть в Петербурге по делам службы, и я просить буду позволение, но если мне предоставлено будет в виде отпуска, то я в нем нужды не имею и чувствительных для меня издержек делать не намерен. Теперь о том бумаги не посылаю, ибо хочу еще посмотреть на обстоятельства, пришлю, когда буду на линии.

Благодарю за Дренякина и Мерлини, которых как бы то ни было хочешь взять отсюда. Признаюсь, что оба они ни на что здесь не надобны. Климовский, как все меня уверяют, перестал пить. Если не помешает разлитие вод, то я намерен посмотреть его полк до отъезда на линию. Он несравненно в лучшем состоянии, нежели был.

13-го числа отправил я Вельяминова на линию, и как провиант скоро станет прибывать из Астрахани, велел поспешно собираться войскам, дабы идти к селению Андреевскому, где в нынешнем году, если не помешает Дагестан, намерен я построить крепостцу.

Между народами Дагестана сделана общая против нас присяга, и уже они собираются[12]. Боязнь моя за Кубинскую прекраснейшую провинцию, где мало весьма войск. Если они туда обратятся, то мне и помышлять о работах нель-

зя будет, а надобно тотчас вступить в горы, откуда я близко находиться буду. Одна надежда на скотскую глупость дагестанцев и мое счастие. Персияне посылают к ним деньги, которые доставляют ханы, наши подданные, и я должен притворствовать, что того не примечаю. Если и впредь столько же мало давать будете мне средств, то дождемся чего-нибудь худого. Вас бедных три полка пехоты и две роты артиллерии сделают весьма слабыми и поставят в политическую зависимость в Европе. А здесь я ими все бы сделал. Ты говоришь, чтобы я не настаивал на прибавлении войск. На моем месте ты настаивал бы конечно, ибо требует того польза Государя, и в таком случае оба мы молчать не умеем. Даю тебе, как офицер, честное слово, что я в последний раз иду в Дагестан, ибо теперь, если бы и даны были мне полки, через месяц они прибыть не успеют, а через месяц могут найти меня неприятели, и потому обязан я употребить все, что от меня зависит. Я кончу нынешний год как умею, а далее, честное даю слово, что не служу и вам выгоднее найти человека, который лучше меня все сделает. Прошу сохранить сие между нами, ибо не надобно утешать сим моих неприятелей, а в Петербурге будучи, я объявлю о том официально. Я не был ленив на службу, и не все поверят, что вдруг сделался неспособным. Как хотите! Не подумай, почтеннейший Арсений Андреевич, чтобы, говоря вообще, мог я тебя заключать вместе.

Спрашиваешь меня о Толстом. Я прежде писал к тебе о нем, и теперь приятно мне повторить, что он преблагородный человек и наилучших свойств. Я надеюсь, что он не захочет со мною расстаться. Надобно, Арсений Андреевич, подумать перевесть его в гвардию и ускорить ход его по службе, иначе ото всех отстанет. Дагестан даст мне случай его рекомендовать, а твое будет дело хлопотать. Мне многое в нем нравится, а к тому еще и сходство в состоянии должно сближать нас. Нам обоим терять, кажется, немного. Признаюсь, что я люблю, когда знатные фамилии хотя чем-нибудь с нами равняются.

Скажи совершеннейшее мое почтение Аграфене Федоровне. Я знаю, что по дружбе твоей ко мне, она хочет видеть, что я за человек, которого ты любишь? Что нужды, что я *чудак*, но она увидит, что я привязан к тебе как к брату. Предупреди ее, что я не живал в столице и что она должна извинить некоторые неловкости человека, привыкшего к лагерной жизни.

Посылаю, почтеннейший Арсений Андреевич, судное дело по глупейшему доносу капитана Эйнгольма. В отсутствие мое из Грузии не мог я предварительно собрать сведения и потому поручил суду сделать дознание, вышли ужасные вздоры и глупости. По отправлении же дела, когда квартирмейстерские офицеры, обижаясь его поступком, стали просить меня избавить их от него, узнал я многие подробности, которые заставили меня переменить мысли о Эйнгольме. Вместо усердия и горячей любви к пользам Государя нашел [я], что он сделал донос тогда уже, как объяснено ему было, что над ним смеялись. Гордеев[13], которого он отлично рекомендовал, будучи с ним на съемке, потому был им вовлечен, что не согласился участвовать с ним в оклеветании Беклемишева, на которого простирал он всю злобу свою за насмешку. Эйнгольм показывал, что он согласился быть членом общества для того, чтобы разведать о тайных его намерениях. Неправда! Он верил от души, что он точно фельдмаршал тайного общества, и точно давал присягу, вымышленную молодыми повесами. Он как шут одет был в преглупую одежду. О всем том знали

генерал-майор Сталь и генерал-майор барон Вреде, и подсудимые, боясь сделать им неудовольствие, в суде о том не показали. Гордеев, весьма неглупый молодой человек, видя наклонность Эйнгольма к мечтательности, один раз ночью приходил к нему в виде тени и просил отмщения за несправедливое лишение его жизни в подземельях здешней татарской мечети, где будто собиралось тайное общество. Эйнгольм не узнал, что тень — Гордеев, хватился за пистолеты, но с вечера были кремни заменены деревянными, и на другой день Эйнгольм в ужасе сказывал о привидении! Есть еще одно обстоятельство, совсем не забавное, которое Гордеев должен был утаить, боясь строгости законов. Эйнгольм заставил его драться с собою на пистолетах. Доверчивый Гордеев позволил ему выбрать пистолет. Пуля пролетела близ Гордеева, а он попал и пыж загорелся, но пули не было в пистолете. Если то так, то сие похоже на злодейство, впрочем, исследовать точно невозможно, ибо Эйнгольм и не такие отвергает показания. Все сие и многие другие сведения, совсем по делу не поставленные на вид, заставляют меня просить о перемене моего мнения, то есть чтобы в аудиториате не имели на него внимания. Эйнгольм довольно искусный офицер, весьма хорошо знает землю и здесь весьма нужен по недостатку офицеров и по чрезвычайной в них надобности. Я прошу перевести его за наказание в армейские полки здешнего корпуса, где я могу употреблять его на съемки. В отличном корпусе, какова квартирмейстерская часть, непристойно ему оставаться. Жаль бы мне было совсем потерять его, если бы перевели его в другое место. Ежели же хотите несколько облегчить наказание, то дабы не мог он переведен быть с худым замечанием, я предложу ему проситься самому в армейские полки, дабы между новыми товарищами не мог он при самом начале служения с ними подпасть худому мнению.

Мечтательность Эйнгольма весьма приметна — у него, как и у многих, в голове *Ерусалим*. С колонистами виртембергскими у него большая дружба, и они перестают жалеть о потере одного из знаменитых своих проповедников, говоря, что Эйнгольм имеет дар превосходнейший. Не шутя я говорю сие, и у него с ними великая дружба! Напиши мне поскорее, что вы сделаете с глупым сим происшествием, а Гордеева весьма жаль, что десять месяцев просидел в крепости невинно. Справедливо было бы хотя впоследствии усладить его несчастие — больно терпеть за сумасшедшего рыцаря крестовых походов!

Сделай милость, пришли чертежи обоза, полковые командиры не знают, как его строить.

С любезным, могу сказать, *нашим* графом Толстым выбрал я из множества шалей лучшую, все оказались с пороками, хотя и были прекраснейшие. Одну отыскали мне в городе, но как уже я познакомился с шалями, то и не весьма ею доволен. Ты назначил цену, за которую можно в Персии достать шаль чудесную, что я и сделаю через нашего поверенного, и надобно иметь терпение. Шаль, теперь посылаемая, далеко менее заплачена заплаченных тобою денег. Пришли ее назад, если не годится, она взята на условии. По мнению моему, лучше подождать, но иметь уже славную! У тебя нет лишних денег, чтобы напрасно бросать их. *Я знаю.* Прощай. Продолжи мне бесценную твою дружбу. Верный навек *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 23–32

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 1–2 июня 1819**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Вельяминов мой встретился во Владикавказе с едущим от тебя Дешевым. Ему известно было, что я отправляю к тебе фельдъегеря, и потому приказал он Дешевому возвратить его в Тифлис, если попадется на дороге. Так точно и сделалось, и я весьма рад, что мог переменить некоторые бумаги, ибо разрешения, с Дешевым полученные, совсем дали другой вид делам моим. И так податель сего отправляется в другой уже раз!

Теперь, любезнейший друг, начинаю письмо совсем с другим духом. Предисловием к радости была милость Государя в награждении офицеров, которые поистине достойны и, конечно, не может быть храбрейших.

Прибавлением войск вы в первый раз дали мне чувствовать, что проживу здесь с пользою и без стыда[1]. Начинал я терять надежду, и устрашали меня упреки. Ты знаешь мой характер огненный и, к несчастию моему, я еще более нетерпелив, когда дело идет о службе. У меня многие замыслы и без хвастовства скажу тебе, дельные и довольно обширные. Теперь есть возможность привести многие в исполнение, и я щадить трудов не буду.

Замирало сердце князя Петра Михайловича, когда решили дать мне войска; он верно думал, что я заварю какую-нибудь кашу. Напротив, я только усмирю мошенников дагестанских, которых приязненная Персия возбуждает против нас деньгами, а там все будет покойно! Правда, что многочисленны народы, но быть не может у них единодушия и более сильны они в мнении. Здесь все думают, что они ужасны, и привыкли видеть их таковыми, ибо в прежние времена в здешней стране не происходило ни одной войны или набега, в которых бы они не участвовали и всегда в силах. Многолюдство давало им сии выгоды! С того времени вселили они ужас. Я довольно хорошо познакомился со свойствами здешних народов и знаю, что не столько оружием смирить их удобно (ибо они убегают), как пребыванием между ними войск, чем угрожается их собственность, состоящая большею частию в табунах и скотоводстве, которые требуют обширных и открытых мест. А в сих то местах войска наши, хотя и в умеренном числе, но всегда непобедимы. В два года Дагестан, повсюду, где есть путь войскам, будет порядочно изучен покорности. Меня восхищает, что я власть Государя могущественнейшего в мире заставлю почитать между народами, которые никакой власти не признавали, и гордость сих буйных чад независимости достойна пасть во времена Александра. Как ханы наши сделаются смиренны и благочестивы в ожидании обуздания их бесчеловечной власти и кажется отдохнут стенящие под их управлением народы!

Еще замышляю я важнейшую сделать дорогу, но донести не хочу о ней, не сделав обстоятельного обозрения. Теперь от Тифлиса до Дербента 700 верст. Дорога проходит местами, где народ в летнее время оставляет жилища и от несносных жаров укрывается на кочевье в горы. Палящее солнце выжигает поля, и уже в июне нет для лошадей корма, и войски кроме раннею весною или осенью проходить сими местами не могут. Новая моя дорога сократится

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 15 июня», «Отвеч[ено] 7 июля».

без малого 300 верстами, проходить будет местами населенными и где народы прочное имеют жительство, где летом нет жаров несносных. Народонаселение и земля изобильная облегчат мне способы транспортирования, что здесь очень важно. Есть неудобства, которые требуют большого терпения для преодоления их. На некоторое расстояние дорога должна проходить близко от хищных и беспокойных народов, но тут мы имеем выгоду довольно открытых мест. Я должен прорезаться чрез хребет высоких и каменистых гор, и не менее 16 верст расстояния и вот главнейшее затруднение! Однако же сия ветвь Кавказа не столько высока и неудобна, как та, которую теперь переезжаем мы по дороге из Тифлиса в Россию. На новой дороге также бывают снежные обвалы, но не столько большие. Все прочее пространство дороги довольно удобно и больших работ не требует. Если и предположить, что дорога сия в продолжение четырех месяцев зимы будет неудобна, то в сие время горские народы завалены непроходимыми снегами и бывают совершенно для нас безопасны. В остальные же месяцы года она прекрасная. Войски из Грузии в Дагестан могут приходить в короткое время. В случае войны с Персиею дорога сия закрыта течением Куры и безопасна для транспортов. Кубинская богатейшая провинция и Дагестан будут иметь торговлю с Грузиею, которой они теперь не знают. Товары русские, в большом количестве приходящие из Макарьевской ярмарки[2], возьмут тогда направление по новой дороге, несравненно удобнейшей. Содержание и исправление дороги со временем заплатят торгующие, тогда как теперешняя дорога требует ежегодно значительных издержек и трудности едва преодолимы!

Вот намерение, могу без хвастовства сказать, счастливое и стоит труда без сожаления!

Указ об умножении войск написан довольно темно и нельзя благодарить того, кто взял на себя труд такого сочинения. Я сидел с грифелем, чтобы не обмануться в расчете людей и, кажется, меня им не надули. Князю Петру Михайловичу донесение мое покажет, что я осторожен. Тебе нужно просмотреть его со вниманием. Рапорт мой Государю не в собственные руки и прошу прочесть, как объяснился я, что мне не нужны побочным образом предуведомления. Не знаю почему угодно ему считать меня шпионом? Кажется, я и открыто не боюсь говорить мои мысли? Признаюсь, что мне неприятно было подобное обо мне заключение, равно как и о тех, которые могут быть со мною в сношении. Видно еще не хорошо я известен!

Я пишу Государю о Мадатове! Ему хан карабахский, как уроженцу Карабаха, дает хорошие поместья и просит меня об исходатайствовании высочайшего соизволения о принятии оных. Мадатов усердный служивый, храбрый, бедный и честный, а потому и надобно помогать ему и на твою долю также[3].

Похлопочите достать мне о сем повеление поскорее.

Прекрасный способ награждать без всякой казны потери. Он заживет господином! Многие будут завидовать, что не татары, подобные Мадатову, а права его, поистине, точно столько же основательны, как мои, на Римскую империю! Не надобно упускать случая, ибо Мадатов в том же ханстве Карабахском за то заслужит, а время недалеко, чтобы избавиться глупого и гнусного правления ханов. Тут Мадатов будет надобен!!!

Нынешнее лето Мадатов будет у меня употреблен с отрядом в Дагестане и уже, конечно, хуже Пестеля ничего не сделает. Сего спас Бог от гибели, но видно с перепугу он еще стал бестолковее. Препровождается на линию к бригаде, и ему сделано особенное и важное поручение *ни во что совершенно не мешаться*! Иначе свяжет он Грекова, который служит с отличною пользою.

Доселе чрезвычайно доволен я поведением барона Вреде в Кубинской провинции, и все делает он с толком. Теперь начинаю я узнавать, что он способнее всех почти здешних генералов. Сжальтесь над Мерлини, ему нечего есть, и он как медведь сосет уже лапу. Худое командование полком происходило от добродушия с примесью некоторой глупости, но отнюдь не от недостатка усердия к службе. Не шутя прошу тебя сыскать ему место, где бы не умер он с голоду. Он честен, и можно поручить ему интересные дела, где надобна верность!

О Дренякине без зазрения совести скажу, что редкой глупости, как ни потирански я с ним поступаю, его никогда без твоего пособия не сбуду с рук. Не знаю, чего ожидают подобные болваны? Скоро должен будет отправляться и любезный мой Курнатовский, который похож дряхлостью на Глазенапа. Этот моей фабрики, ибо я свидетельствовал о нем, но обманула меня продолжительная его служба и бескорыстие, которые почитал я себя обязанным уважать. Справедливо совершенно, что он точно таков, но за то уже как и неспособен! Его в управлении Имеретии замещу я Пузыревским, которому приказано уже собирать о ней сведения. Офицер сей расторопный, умный и деятельный, надеюсь, переменит вид Имеретии и, конечно, в короткое довольно время!

Посылаю тебе записку о несчастном лишенном дворянского достоинства унтер-офицере Рыки. Если можно при случае что-нибудь ему сделать, не упусти оного из сожаления.

Не браните меня за приказ, которым предписываю я в полках обучать по нескольку человек услуги при артиллерии. Здесь без сего никак невозможно! Впрочем, я не думаю, чтобы это было худо! С удовольствием могу тебе сказать, что войска здесь совсем переменяют свой вид, а до сего были в ужаснейшем запущении и на солдат едва походили, кроме храбрости, которою всегда отличались. Я запрещаю много занимать их учением, ибо повсюду большие караулы, довольно тяжелая работа и близость границ, привлекающая к побегам, но со временем и терпением будут в хорошем состоянии.

Получил о полковых обозах письмо и постараюсь выполнить как советуешь.

С фельдъегерем посылается сабля, которую знаменитый здешний оружейник представляет великому князю Константину Павловичу. Два года назад представлена им сабля Императору.

Прочти со вниманием и с прежним участием во всем том, что до меня касается, записку мою под названием *добавление С*. Прощай, почтеннейший и благороднейший из людей.

Верный и преданный *А. Ермолов.*

Добавление С

2 июня

Объясни мне, сделай милость, почтеннейший Арсений Андреевич, смысл указа об умножении войск в корпусе.

Должен ли я разуметь, что корпус впредь комплектоваться по новому числу людей будет? Меня приводят в недоумение два места в указе, которые при сем слово в слово выписываю:

1-е: «Я могу *временно* выслать под начальство ваше десять полков пехоты с тем предположением, чтобы ими укомплектовать единожды надежным образом Грузинский корпус».

2-е: «Таким образом корпус, вам вверенный, конечно, может иметь *всегда* под ружьем здоровых более 50 000 человек».

«Сим же средством равномерно может быть выполнено предположение ваше о назначении *непременной обороны для крепостей*», из сего ясно, что Государь назначает новый комплект полков Грузинского корпуса прочным на будущее время.

Но выражение укомплектовать *единожды надежным образом* чрезвычайно непонятно.

В конце самого указа весьма внятно сказано:

«Сими распоряжениями вы будете иметь средство *единожды навсегда* устроить превосходным образом Грузинский корпус *в надлежащую силу*».

Взгляни на тот пункт указа, где сказано прислать из здешних полков кадры; вот содержание оного:

«Из оных предоставляю вам перевесть в корпус, вам вверенный, всех тех штаб- и обер-офицеров, коих служба и опытность признана будет вами полезна в Грузии и на линии. Вы пришлите им списки с означением, в которые полки они будут вами переведены. Сим же самым образом вы укомплектуете по лишнему офицеру в роту».

Сего я совершенно не понимаю, ибо я с кадрами разумею должно возвратить тех самых офицеров, которые прибудут из России с полками, а не из Грузинского корпуса, где офицеров всегда недостаток, следовательно, мне и посылать с кадрами некого, а по той самой причине и выбирать также не из кого.

Не могу я думать, чтобы я должен был оставить здесь офицеров, которые прибудут с полками, ибо что делать мне со всеми полковыми командирами и множеством штаб- и обер-офицеров?

Не может также быть полезно для службы переменить офицеров, то есть с кадрами послать здешних и взять таких, которые не знают здешнего края.

Я боюсь наделать глупостей от невинного недоразумения; знаю также, что именных указов толковать не позволено, а потому сделайте милость спасите меня от неприятностей и дайте объяснение на все пункты моих сумнений.

Я рапортом требую от князя Петра Михайловича некоторых по предметам состоявшегося указа наставлений и при сем случае вам весьма удобно предписать все то, что необходимо для объяснений. Божусь, почтеннейший Арсений Андреевич, что я наделаю больших ошибок, которые легче вам отвратить, нежели исправлять после. Пока устрою я новым посетителям Грузии путевое продовольствие, я не посылаю приказания о выступлении войск из теперешнего их расположения, а потому прежде, нежели они сюда придут, успеете вы прислать фельдъегеря с нужными наставлениями. Убеждаю вас войти в мое избавление, особливо насчет офицеров, что крайне меня затрудняет! Попроси от меня князя Петра Михайловича, он, конечно, не с удовольствием примет, если я наделаю глупостей. Прощай, верный до смерти *А. Ермолов*.

Не мог ранее отправить как завтра поутру*!

Посылаю напоказ два прекрасных султана. Они из шерсти, потому что за лошадиные хвосты азиятцы режут кинжалами. Итак видишь, что великолепие не от прихоти. Шерсть не крашеная и не марает во время дождя, [на] вид не хороши, но потом высохнут прекрасные. Тягость однако же неудобная! В Петербурге многие бы носить согласились, и прекрасная нежная рука не отказала бы прикосновения.

В «Инвалиде» прочел я, что командующий 5-м карабинерным полком полковник Медведев[4] переведен в 36-й егерский полк и даже не командиром. Если не покажется нескромным с моей стороны, ибо неизвестна мне вина его, то выпроси его в Грузинский корпус. Он офицер отличный!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 15–22

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Моздок, 27 июня 1819***

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Наконец приехал я на линию и по-прежнему принимаюсь за дело нынешний год, думаю, еще более у меня будет забот и потому что не мог ранее приняться за работу. Прошедшая жестокая зима, рано открывшаяся, охватила льдом в устьях Волги шедшие суда с провиантом, и я не мог получить оного прежде как восстановилось морем сообщение, а на раннюю весну не имел ни зерна в запасе.

Не могу изобразить тебе, сколько вреда сделало мне то, что долгое время не рассмотрены были мои представления. Я не мог предузнавать, что даны мне будут войска. А потому в продолжение зимы не мог сделать закупки провианта в Воронеже, который был бы уже на месте. Теперь совсем нет хлеба и в Кавказской губернии ожидается весьма худой урожай. На одно путевое продовольствие войскам, идущим из России, не мог я купить одной четверти, и я готов был на нынешний год отказаться от войск, если бы не сельские магазины, из которых взял я заимообразно необходимое количество.

Теперь были бы войска у меня, а они не прежде придут как чрез полтора, а некоторые и чрез два месяца, тогда как неприятель собирается между тем в больших силах и может напасть на прекраснейшую Кубинскую провинцию, где головы также татарские, наклонные к беспокойствам. У меня нет там войск достаточного числа и некем было их умножить. Тебе как другу говорю я все мои чувства. Государь не мог милостивее решить моих представлений, я не должен был ожидать, ни желать даже лучшего оным успеха, ибо все то утверждено, что нужно, но нельзя принять без некоторой досады, что я на счету таких пустых людей, которых бумаги можно не читать четыре или пять месяцев. Так сделано со мною, а от сего и произошло, что я впал в излишние затруднения и почти на год надобно отсрочить то, чтобы я теперь же сделал.

---

* Текст двух последующих абзацев расположен на двух отдельных листах, вставленных между листами «добавления С».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 10 июля», «Отвеч[ено] 17 июля».

Прочти мою бумагу к князю Петру Михайловичу о здешних происшествиях и, видя поведение мошенника хана ширванского[1], уразумеешь, легко ли мне притворствовать лишний год, тогда как он сам должен чувствовать, что поведение его слишком явно и непримечаемо быть не может.

Когда поверите вы мне, что здешний край многих не хуже я знаю и что донесения мои заслуживают некоторое уважение?

Из доставленных мною известий усмотришь поведение шахского сына Аббас-Мирзы[2]. В бытность мою в Персии несколько трудно мне было отделаться от признания его наследником, хотя в инструкции дано мне было на то право. Я видел злобу против нас сего подлеца и черную гнуснейшую его душу; видел с неудовольствием во всем его умеренность и что будучи шахом, теперь накопленные сокровища и доходы государства все обратит он на регулярные войска и на учреждение разных заведений, пригласит искусных иноземцев, и персияне будут приходить в цветущее состояние, тогда как ненавистные свойства сего презрительного народа должны по справедливости удерживать его во всяком роде беспорядка, беспутства и междоусобиях. Мне скажут, что желать соседям последнего невеликодушно и далеко человеколюбивых правил нынешнего времени. А я скажу, как простолюдин, что при всех нынешних мудрых и утонченных средствах не видал я, чтобы медведей привязывали розовою лентою, а не цепью железною, или обучали их одними знаками, а [не] толстою дубиною! Теперь довольно правдоподобный дошел до меня слух, что Аббас-Мирза признан наследником. Что скажут сами персияне о нас? Не могут ли они подумать, что трактовать о сем важном для них предмете довольно было послать конюха, которому поручено было довести лошадей? В делах с народом, до чрезвычайности надменным, необходимо сохранять важность в поступках!

От чего произошло признание наследником? От той же самой причины, что нет довольно доверия к моим донесениям, в которых нельзя упрекнуть мне, чтобы я называл людей не точными их именами. Надобно было видеть, какой сделал я портрет Аббаса-Мирзы и в точности оного честь моя порукою! Прошу тебя, почтеннейший Арсений Андреевич, о сем никому не говорить, дабы не могли заключить, что я привязан к своему мнению и что недоверчивостию ко мне почитаю себя оскорбленным. Не всякий примет в виде хорошем мое сетование. Кто так, как ты, знает, что за малейшую пользу стою я горою? Молчи, друг любезнейший, последствия меня оправдают! А тебе пишу для того, чтобы ты знал, что я того не просмотрел. Признаюсь тебе, что я не из числа тех, которые Нессельроде почитают великим политиком, особенно в случаях, до Персии относящихся, которая столько же известна ему, как всем нам Верхний Египет.

Прочти партикулярное письмо мое к князю Петру Михайловичу, где признаюсь я ему в моих недоразумениях и прошу пояснить их. Возьми на себя труд истолковать то, что не так я разумею, ибо стыдно бы было сделать ошибку. Есть еще время, пока придут полки к своим назначениям, дать мне полное разрешение. Иначе найдусь я в величайшем затруднении и после вы меня бранить станете. Напишите ко мне скорее о гарнизонном Гурийском полку и батальонах Бакинском и Дербентском, которые тотчас по новом укомплектовании корпуса должно уничтожать. Ружей с прибывшими людьми поступит на пере-

мену худых и старых по счету моему столько, сколько теперь недостает людей в комплект по-прежнему полков штату, то есть более 12 тысяч ружей. Посему можете вы сделать расчет, сколько впоследствии времени надобно будет прислать ружей в корпус. Сии новые ружья делают мне большую весьма пользу, а то столько совсем негодных, которые не могут быть в употреблении.

Похлопочи, почтенный Арсений Андреевич, о сделанном мною представлении об уничтожении теперешнего полевого провиантского при корпусе управления. Оно никак существовать не может и по причине чрезвычайной обширности земли, и паче по затруднительным сообщениям производит величайшие запутанности. Я препроводил штаты нового предлагаемого мною управления, разделенного на две части, Грузинскую и Кавказскую, под наблюдением и отчетностью состоящего при корпусе обер-провиантмейстера. Каждые день испытываю я неудобства теперешнего управления, и кто не согласится со мною, что таково должно оно быть, когда из Тифлиса должно управлять действиями комиссионеров, производящих главнейшие закупки в Воронеже и Саратове. Каждая малейшая перемена, всякое ничтожное приказание не иначе последовать может как из Тифлиса. Поспешите сделать разрешение и избавьте меня от теперешнего порядка, который долго я не вводил, но и терплю ужасно!

Андреевцы, куда назад тому дней пять прибыл отряд войск наших, показывали наклонность к возмущению, но люди богатые и купцы не воины и потому без труда и без шуму все приходит в должные порядок и покорность[3]. Таким образом в короткое время будет и во многих местах. По Сунже нынешний год никаких не будет производиться работ, ибо полки придут поздно, а до того совсем нет войск, что весьма жаль, ибо они от одной ничтожной крепости *Грозной* весьма переменились и даже несколько присмирели. *Кабардинцы* продолжают свои шалости с тою только разницею, что делают мелочные, а больших опасаются, но я принял до сего весьма удачные меры; за украденный скот требую у них уплаты скотом же или деньгами, за похищенных или убитых людей всякого состояния — ловлю людей. Теперь требую нескольких убийц и знаю, что мне их не представят, дан срок и знаю, что пройдет без всякого успеха. Чрез месяц человек десять годных в солдаты отправляю на службу в Россию. Солдаты будут славные, но только подалее, дабы не могли уйти. Кабардинцы еще не видали подобных случаев, и может быть, пример полезно на них подействует!

Не сделаешь шагу здесь, чтобы не встретить в душе неприятеля, с которым трудно примирение, ибо зверский, а паче худо толкуемый закон разжигает его злобу против нас.

Ты удивился, получа два мои письма с последним фельдъегерем, а сколько различно обоих их содержание. Первое писано не в наилучшем расположении духа.

Пришли мне положение поселяемых войск, я о них не имею ни малейшего понятия, и каждый о том рассказывает по-своему. Из числа находящихся у меня фельдъегерей Стабуш, как человек самый верный и отлично честный, употребляется на разные поручения и важные следствия. Лощевский послан с предписаниями о выступлении полкам; Дешевой так сильную имеет грудную боль, что не мог бы доехать до Петербурга, и я принужден отправить его

лечиться к минеральным водам. Затем должен я был послать пятидесятника, не имея никого другого, прошу иметь внимание, что то сделал я по необходимости. Я хотел послать эстафету, но по новому положению стоит отсюда 702 рубля, и я испугался, а пятидесятника можешь или отправить обратно при фельдъегере или отдать адъютанту моему для препровождения персидского хана. Ему надобны люди.

Толстой твой — сокровище, он ездит со мною на телеге, я ему не даю спать, иногда есть, и мы все путешествуем благополучно. Солнцем нажгло нам обоим уши, они распухли как подушки, лезет кожа, и кажется, без оскорбления не останутся и прелестные наши лица. Толстой на все решается и сегодня обыкновенным порядком продолжаем путь наш далее!

Преданный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 33–36

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лагерь при Андрее, 6 августа 1819**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Последнее письмо твое доставил мне фельдъегерь Соболев. Справедливо выговариваешь мне, что я со всем светом перебранился и неприятелей у меня число несметное.

Слушаю твоего дружеского совета и начинаю смягчаться.

Ты не знаешь, что с министром юстиции[1] приятельская переписка; правда, что чрезвычайно редко. С министром полиции[2] самые сладкие приветствия взаимно. Финансы неблагосклонны[3], но если то от гордости, то не будет ему пощады, и я знаю то, что самое счастливейшее царствование Александра ничем не сделают его лучше того, что он есть, и об уважении к нему нельзя отдать в приказе. Впрочем, как он сам тебе жалуется на меня, то уверь его, что, конечно, несправедливо внушают ему обо мне. Я, повинуясь тебе, и ему даже пишу комплименты и всему достохвальному его семейству, то есть графу Нессельроде, который точно человек прекраснейший, но я не виноват, что имею с ним дело как с министром. На обеде, завтраке при устрицах я всегда ему приятель, но службе Государя я требую не одной любезности!

Быть по воле твоей! Не буду сердиться за медленность разрешений и, не бранясь, буду только делать повторения, а вы делайте, что за благо вам рассудится, лишь на мне не взыскивайте.

Теперь скажу о моих делах.

Нынешний год тяжел для меня чрезвычайно. В татарских областях, называемых здесь дистанциями, едва было не сделалось возмущения, и примеру их многие бы последовали. В Имеретии бунт[4], но благодаря Бога, кажется, обойдется без пролития крови. Причиною сему пожалованный вновь митрополитом Феофилакт, человек редкого ума и необыкновенных достоинств, но недавно награжденный за приумножение церковных доходов, расчел, что за них же еще можно получить и Андреевский орден. Он начал неистовым образом

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 августа», «Отвеч[ено] 7 сентября».

собирать деньги как лучшую рекомендацию заслуг его, и сие произвело бунт, ибо он коснулся и частных имуществ самым несправедливым и наглым образом. Народ возмутившийся стал возвращаться к спокойствию, когда он выехал из Имеретии: столько всеми был он там ненавидим. Надобно заметить, что умножает он церковный доход мерами чрезвычайно утеснительными. Если бы обстоятельства бунта потребовали употребления оружия, я не знал бы что делать, ибо в двух полках, находящихся к стороне Черного моря, такой недостаток в комплекте, что в самой Имеретии нет и 2000 человек. Я весьма обязан благоразумию и хладнокровию старшего Вельяминова. Впрочем, я и сам, невзирая на огненный характер мой, должен бы был смириться.

Жаль мне очень, что до крайности слабое здоровье Вельяминова не допустит его долго служить в здешнем краю, а то с его трудолюбием и до того познакомясь с обстоятельствами и народами, он мог быть весьма годным здесь начальником. За моего Вельяминова отвечаю, что когда по чину можно ему будет командовать, то не надобно вам будет искать другого, ибо я таким образом употребляю его на службу, что он совершенно на все готов будет.

В Кубинскую прекраснейшую провинцию готовы были вступить горцы, и воспрепятствовало одно их несогласие. Там было несколько сообщников известного беглого дербентского хана[5], которые в пользу его возмущали против нас народ. Я приказал схватить их, и они путешествуют морем в Астрахань, учиться верности своему Государю, после чего стало спокойно чрезвычайно. Командующим там генерал-майором бароном Вреде я отлично доволен, и он как поведением благоразумным, так и совершенною честностию приобретает доверенность народа. Я нашел его более способным, нежели ожидал. Но зато какая мокрая курица у меня Курнатовский, какая тяжеловесная скотина Дренякин, какое жалкое и голодное создание Мерлини!

Как уже нет надежды с ними расстаться добрым манером, придется понемногу снабдить ими графа Комаровского[6]. Я уже отправил туда авангард, состоящий из генерал-майора Печерского, и его поздравляю!

Брат Михайло, имевший несколько в предмете Грузию, теперь думаю, о ней и помышлять не станет. Не поверю, чтобы теща согласилась его отпустить сюда, и взбунтует жена молодая, прекрасная; а ему здесь можно бы было побыть некоторое время!

Вижу благодарность за поселение войск, и думать надобно, что успехи чрезвычайно велики, но удивляюсь, что Клейнмихель не произведен в генералы, а уже время!!!

Досадно однако же, что я не могу иметь постановлений, изданных по предмету поселений, и никакого о том понятия не получаю. По особенному приказанию не давать их тебе, я вижу существующую между вами услужливость, которою противник твой всегда отличался. Попов мой сказывал, что я, кажется, лишился высоких милостей, и не понимаю, право, за что? Я так вел себя осторожно. Теперь вознегодует на меня за полевое провиантское управление, об уничтожении коего я представил, ибо не может быть учреждения противнейшего местным обстоятельствам и я проклинаю день, в который допустил его здесь существование. Я никогда не делал несчастнейшего испытания!

По совету твоему, почтеннейший Арсений Андреевич, я прошу позволения приехать в Петербург по делам службы, но боюсь, чтобы сего не сочли

мне в отпуск, в котором я нужды ни малейшей не имею. Мне тяжело лишиться жалования, ибо у меня нет ничего другого. Не подплетите меня! Жаль, что ты мешаешь мне сказать о Петербурге, что я еду в такой город, где кроме приятелей никого не встречу. Съедусь с друзьями, и боже дай терпение. Вижу, что много на меня злых, и их хорошо знаю, но знают ли они, что я человек неприступный страху?

Государь предприемлет, если не далекий путь, то чрезвычайно непродолжительное полагает на него время. Великий князь манит его в Польшу, и если бы во всех возрастах человека равно могли женщины пленять, то я не переставал бы говорить о Польше, что земля прелестнейшая. О них теперь рассуждаю я как старик, а о самой Польше как ребенок, не понимая чудесного сего царства.

Благодарю за уведомление о Медведеве, которое успокоило меня насчет сего достойного офицера.

Сделай милость, уведомь о моем Граббе: здесь неприятный слух, будто он застрелен одним из его офицеров. Жаль было бы сего отличного молодого человека, дающего большие надежды.

Удивлен я назначением Капцевича[7] и вижу могущество ходатайствовавшего о нем. Надобно признаться, что трудно было избрать более неспособное создание. После сего пусть осмелятся усумниться, что я вскоре буду командовать армиею. Мне подобные назначения много придают гордости, ибо жду своей очереди, но и нельзя не жалеть того, что вы не можете ни от кого отделаться. Я предсказываю вам, что вскоре потребую армию, и как вы от меня избавитесь, если хотя мало у вас есть совести. Я покажу по соразмерности на Капцевича и проч[их]. Но прежде нежели получу армию, скажу тебе, почтеннейший друг, о теперешнем моем положении.

Я живу между народом, сто лет называющимся подданными России, и, конечно, трудно найти величайших злодеев и между самыми злейшими врагами. Пребывание наше здесь весьма не нравится, ибо нельзя продолжать делать разбои и надобно покорствовать. Измены ежечасные; исключая некоторое число людей благоразумных, все прочие явно со стороны неприятелей. Город Андрей не менее 1600 домов, и теперь нет в нем пятидесяти семейств, все разбежались, показывая вид, что боятся приближения лезгин, которых они сами и прислали. Остаться им было невозможно, ибо явно обнаружилось бы их соучастие, когда лезгины пришедши не стали бы действовать против них и никакого вреда им бы не сделали. Надобно знать, что месяц целый вывозили скрытым образом свое имущество к тем самым народам, которые теперь поднимают против нас оружие. Старший владелец уведомлял меня обо всем, но я не имел средств удержать их и было бы несправедливо обнаружить подозрение тогда, как никто еще не собирался из горских народов и нельзя было уличить их в согласии с ними, ибо и самые горские народы не показывали себя неприятелями. Изменник аварский хан собирает большие силы, ему содействуют все вообще чеченцы, все почти деревни владений Андреевских и большая часть Аксаевских. Завтра будет часть скопищ их верстах в 20 отсюда. Они прячутся в лесах, пока соберутся со всеми силами для общего нападения. Соединение всех и начало действия положено на сих днях.

Я продолжаю построение начатой крепости и остаюсь, невзирая на весьма малое число войск со мною[8]. Опасно отступлением ободрить изменников, ибо

тогда восстанут многие и потеря во мнении их долго и самыми успехами не вознаградится. Из рапорта к князю Петру Михайловичу ты увидишь, с какою страшною стою я здесь армиею и ожидаю тучи неприятелей. Поздно извещен будучи о прибавлении войск к корпусу, затруднен я был в приуготовлении для них продовольствия, и потому один самый ближайший полк не прежде еще будет как чрез десять дней, хотя и ускорил я его марш. Все прочие придут гораздо после. Фельдъегерь, посланный от меня, нашел некоторые полки недошедшими до квартир, назначенных им в Екатеринославской и Таврической губерниях; от некоторых из них находятся люди в караулах в большом расстоянии и даже целыми баталионами, которых полки дожидаясь не выступают в предписанное время. Две роты артиллерии, назначенные в корпус, находятся в Полтаве, и когда отыскал их фельдъегерь, то они не имели лошадей, следовательно, из такого отдаления скоро ли прийти могут? Вот положение моих дел и, конечно, не самое лучшее! В предписании ко мне сказано, что в 10-ти полках пехоты, идущих из России вместе с 8-м егерским, здесь находящимся, состоит людей до 26 тысяч человек. Теперь получаю я от полков рапорты и редкие из них в две с небольшим тысячи человек, но многие гораздо менее, а об одном уже известно, что пяти комплектных рот не составляет. Я думаю, что с прорвавшимися четырьмя тысячами рекрут не будет даже до 26 тысяч. Полки идут обремененные заручною от расформированных 2-х баталионов и недостающих в комплект людей аммуницею, и я не знаю, что делать; полкам на своз оной не отпущено ни малейшей комиссариатской суммы, и они верно разбросают ее по дороге, и те ружья, которых ожидал столько нетерпеливо.

Не подумай, друг любезнейший Арсений Андреевич, что я говорю тебе с огорчением. Оно бесполезно, и теперь знаю я, кто делал распоряжение, следовательно, не укорять хочу кого-нибудь. Но желаю, чтобы ты знал, как друг мой, как все то делается и как не вовремя все получаю я пособия, впрочем, по справедливости чрезвычайные. После сего прошу судить о затруднении, в котором я находиться должен, и мудрено ли, если ошибусь я в некоторых расчетах.

Ты пишешь, что прислали вы объяснения на мои вопросы, но кажется, нужны еще будут некоторые на те вопросы, что отправил я с урядником казачьим, из Моздока.

Фельдъегерь твой Лащевский ведет себя прекраснейшим образом, но чрезвычайно попрашивался в Петербург, однако по приказанию твоему пришлю я его несколько выдержавши; Дешевому есть легче, но здоровье его неблагонадежно, а зато Силин занемог лихорадкою жестокою в проклятом Моздоке, где находится он с вещами. Не знаю, откуда берешь ты фельдъегерей, но я не видал еще ни одного, которого бы поведение не заслуживало одобрение.

Принеси совершеннейшее мое почтение ее превосходительству Аграфене Федоровне.

Толстой твой час от часу лучше. Нельзя быть скромнее, осмотрительнее и осторожнее, как он, и для военного времени должен он быть человек бесценный; я его люблю душевно!

Прощай, продолжи мне несравненную твою дружбу.

Душевно преданный *А. Ермолов*.

Весьма хорошо сделал ты, прислав обратно шаль, ибо она мне самому не нравилась, и я, посылая, хотел только показать тебе, что я исполняю скоро твое

поручение. Я так был уверен в недостатках оной, что тогда же писал к Мазаровичу в Персию достать мне шаль щегольскую.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 37–42

В. Г. МАДАТОВУ

Андрей, 22 августа 1819

Целую тебя, любезный мой Мадатов, и поздравляю с успехом. Ты предпринял дело смелое и кончил славно[1]!

Весьма хорошо, что сие произошло в самое то время, когда дагестанская каналья делает против нас заговор и присягу.

Теперь не время помышлять им о истреблении неверных, надобно думать о собственной защите.

Некоторое время должен я, любезный князь Валериан Григорьевич, стеснить твою деятельность, но сего требуют обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, где службе царя нашего полезна будет храбрость твоя и усердие.

Если бы я мог столько положиться на каждого из моих товарищей, то не столько было бы мне трудно, ибо ты не менее каждого делаешь по должности и не мало еще сделаешь по дружбе ко мне и давней свычке.

Ты не воображаешь, сколько я восхищен, что под твоим начальством служат татары храбро. Я все то опишу в рапорте Государю и уверен, что он будет весьма доволен.

По причине неверности в сообщениях буду я впредь писать тебе так, чтобы бумаги, доставшись в руки неприятеля, ничего не могли открыть ему.

Ne provoquez point les Akouschis, je voudrais qu'ils fussent tranquilles jusqu'à mon arrivée au Daguestan. S'ils veulent prendre la défense d'Abdulla Beck, vous prendrez alors une position pour défendre Kouba d'une invasion. Quoique votre détachement n'ait pas des forces considérables, ils ne descendront pas dans la plaine pour vous attaquer et vous pourrez, en cas qu'ils hasardent quelques parties, tomber sur eux avec votre cavalerie, car ils ne peuvent en avoir ni d'aussi bonne que la vôtre, ni même de plus forte. Je ne prétends pas que vous restiez toujours dans la position, je veux seulement, que s'ils allaient passer le Samour, vous soyez à portée de le leur défendre, ou les battre au passage, car si vous passiez d'abord — vous ne pourriez le faire à temps. Vous savez que la province de Kouba reste sans troupes et Schih-Ali-Khan a beaucoup de partisans.

Je crois que la défaite d'Abdulla-Beck produit une terreur dans les montagnes et n'influera pas peu sur la conduite du scélérat Sourhai-Khan, dont vous devez strictement observer toutes les démarches; aussi bien que du traître Mustapha, sans toutefois les aigrir tous les deux, jusqu'à un certain temps.

Je désirerais que les sujets d'Outzmey lui fussent obéissants, mais soupçonneux et fourbe comme il est, il ne les emploie pas contre nous. Tâchez de lui insinuer que sans la protection du Gouvernement il ne peut que perdre, et que jamais il n'y aura de repos dans ses possessions.

Adieu cher Madatow, je n'ai qu'une chose à vous recommander, c'est de prendre garde aux Akouschis et qu'ils ne vous arrivent avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement retrograde de votre part pourra les encourager et faire du

tort à nos affaires. Tâchez de tenir la plaine où vous serez invincible, mais quittez au plus ôt le pays montagneux de Tabassaran, d'où il ne vous sera pas facile de sortir en leur présence*.

У меня несколько дней жил наш Франк, бывший при Воронцове. Он был у вод и вчера только поехал отсюда. Не можно представить, какие забавные рассказывает он вещи.

Верный Ермолов
Мадатова С. А. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863. С. 213–216

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Кр[епость] Внезапная, 28 августа 1819***

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич.

Последний фельдъегерь ваш привез мне многие разрешения, облегчающие меня в немалых затруднениях, но как я ничего столько не боюсь, как не угадать воли начальства, то хотя и буду казаться вам скучливым, решаюсь однако же еще сделать некоторые вопросы, о коих посылаю официальные бумаги.

По привычке уведомлять тебя обо всем случившемся я пишу обо всем, что приходит мне в голову.

Против меня в заговоре все возможные затруднения, и я не понимаю, как из некоторых я выпутываюсь. В прошлом году, как тебе известно, замерз мой

---

* Не провоцируйте акушинцев, я хотел бы, чтобы они сохраняли спокойствие до моего прибытия в Дагестан. Если они вознамерятся защитить Абдуллу-Бека, вы займете позицию, которая обеспечит оборону Кубинского ханства от вторжения. Хотя ваш отряд не располагает значительными силами, акушинцы не станут спускаться на равнину, чтобы вас атаковать, и вы сможете, в случае если они отважатся на какие-то действия, напасть на них, используя свою кавалерию, ибо у них не может быть кавалерии столь же сильной и столь же искусной, как ваша. Я не предлагаю вам постоянно удерживать занятые позиции, я только хочу, чтобы, буде им вздумается форсировать Самур, вы оказались бы на достаточно близком расстоянии и могли бы этому воспрепятствовать, или же атаковать их на переправе, потому что если бы вы переправились первыми, вы не смогли бы успеть вовремя. Вы знаете, что Кубинское ханство остается без войска, а Ших-Али-Хан имеет многочисленных сторонников.

Я полагаю, что разгром Абдуллы-Бека посеет страх в горных районах и весьма существенно повлияет на поведение изменника Сурхай-Хана, за всеми действиями коего вы должны неукоснительно следить, так же как и за действиями предателя Мустафы, не озлобляя, впрочем, их обоих, вплоть до определенного времени.

Я хотел бы, чтобы подданные Уцмея продолжали ему повиноваться, но чтобы он, известный своим лукавством и подозрительностью, не стал их использовать против нас. Постарайтесь внушить ему, что без поддержки Правительства он наверняка проиграет и спокойствия в его владениях не будет.

Прощайте, любезный Мадатов, я могу дать вам только один совет: остерегайтесь акушинцев, не допускайте, чтобы они собрали против вас слишком большие силы. Самый малый шаг назад с вашей стороны сможет воодушевить их и причинить ущерб нашим планам. Постарайтесь удержать в своих руках равнину, где вы останетесь непобедимыми, и как можно скорее выведите войска из горной области Табасарань, откуда в присутствии акушинцев отступить вам будет нелегко (*фр.*).

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 24 сентября», «Отвеч[ено] 29 сентября».

провиант при устьях Волги; теперь, по удивительной деятельности астраханского губернатора[1], провианта у меня множество, но от пристани развозить нечем. На линии скотский падеж ужаснейший, и нагайцы, которых сам я пригласил к перевозке, даже и то количество, которое они поставлять обязаны, перевесть не в состоянии, а мне надобно двойное. Тут я стал в пень! От сего может не состояться мой поход в Дагестан, который намеревался я сделать приходящими из России войсками до их по полкам распределения, ибо когда разойдутся по назначению, то опять трудно мне будет собрать достаточное для действий количество. Вот, друг почтеннейший, досадные встречи и которых никакая не в силах отвратить деятельность, хотя ты во мне находишь оную.

Посмотрим, что будет, если не злодейским Дагестаном, то займусь ближайшими соседями чеченцами, которые делают наглейшие шалости. Одна в прошедшем году построенная крепость Грозная, оказывая нам величайшие услуги, не может однако же смирить сильный народ и избалованный. Другая такая познакомит их с голодом, а левый фланг линии отдохнет от бедствий.

Я теперь в Андрееве. Неимоверною скоростию строющиеся укрепления в такое приведены состояние, что я ожидаю горцев спокойно и даже в малом числе моих войск нахожу излишество. Сообщения мои не самые только верные, но скоро придет 42-й егерский полк, тогда и о том заботиться не буду.

Лезгины соединились с чеченцами, и все почти подвластные андреевских владельцев с ними в заговоре. Жители самого города Андреева разбежались, боясь будто приближения неприятеля, тогда как достоверно знаю я, что они сами приглашали изменника хана Аварского прийти для их освобождения от русских.

Глупым народом, населяющим Андреев, управляют несколько злодеев старшин, и сии то желали бы весьма, чтобы нога русских не была на земле их. Я притворствую, что верю страху их, не удивляюсь, что жители разбежались, некоторых из главнейших возмутителей удерживаю особенными ласками, ожидая, что, уверясь в простоте моей, соберутся они в большем количестве и тогда в одно прекрасное утро я их *цапну*. Увидят бедные и невинные, что наказаны возмущавшие их, и получат к нам привязанность.

Мадатов наш командует пречудесным войском, с ним собранные с ханств татары и весьма мало войск наших. Ему строго приказано не только не раздражать сильных неприятелей наших, но даже показывать, что ни малейшего о них не имеем помышления. Сделай одолжение, для общего приятеля, постарайся, чтобы граф Нессельроде вошел к Государю с докладом по моему представлению, в рассуждении имения, возвращаемого ему ханом карабахским. Мадатов служит похвальнейшим образом, и мне по обстоятельствам необходимо, что он приобрел доверенность хана. Я боюсь, чтобы граф Нессельроде, сердясь на меня, не повредил ему. Для тебя он все сделает, а меня крайне бы огорчило, если бы оставили мое представление. Я знаю состояние и нужду семейства Мадатова. У него жива еще мать старуха, о которой он заботится.

Спроси князя, Петра Михайловича, где назначит он места, куда бы мог я посылать отсюда на службу разные народы? У меня здесь столько шалунов, возмущающих спокойствие людей, готовых быть добрыми подданными Государя. Хотел я чеченцев и кабардинцев отправлять в Сибирь в войска, но не знаю, почему оттуда посланные даже в работу уходят без больших затруднений. В одном ханстве шекинском имею я таковых недавно возвратившихся

из Сибири 22 человека. Есть в Персии и даже здесь в Андрее был один. Они проходят чрез киргизцев, а бухарцы как единоверцев принимают хорошо и дают всякое пособие — в прошедшем году несколько чеченцев отправил я в Камчатку из предосторожности от побегов, но я сам знаю, что это худое средство, ибо многие со временем могли бы быть годными, а не каждый вынести далекий путь может. Нельзя ли на остров Эзель, в Финляндии, или Архангельск? Здесь есть разные *беки, беи* — то есть владельцы, которые почитают храбростью и удальством собственными руками убивать своих подвластных. Нельзя наказывать их как преступников, пока законы наши не будут распространены на них, особливо когда между здешними народами подобные деяния приемлются отличием; но нельзя вразумить их, что то преступление, иначе как некоторым смирением и таковых, по мнению моему, надобно определять в службу унтер-офицерами, как людей, принадлежащих высшему состоянию или здешнему дворянству. У меня теперь уже сидит один в крепости ребенок едва в 18 лет возраста и уже убивший двух человек, о чем никто не сказал ни слова, как о происшествии весьма обыкновенном. Он из владельцев и хорошей фамилии, отправится с кадрами в Россию. И так мне надобно разрешение, куда в дальние места отправлять *простолюдинов* в солдаты и куда не столько далеко отправлять людей *лучшего происхождения* в унтер-офицеры. Пригласи, сделай милость, князя подумать о сем обстоятельно.

В Имеретии происходит у меня величайшее смятение, благодаря распоряжениям главного здешнего духовенства, которое всякими и даже не самыми обстоятельствам приличествующими средствами хочет умножить церковные доходы. Едва было не дошло до оружия, и мы не могли бы угасить мятеж и скоро и достойным образом; а в таких случаях невыгодно показать недостаток способов. И так, я, соблюдая возможную умеренность, решился поступкам моим давать вид сожаления к заблуждению народа и всю наружность великодушия. Нельзя было в сем случае лучшего иметь поведения, как генерал-лейтенант Вельяминов 1-й, которые все распорядил в мое отсутствие из Грузии и до сего времени не было ни одного выстрела. По последним оттуда известиям начинают не с прежним жаром составляться скопища мятежников и некоторые из главных возмутителей не ту уже имеют силу в народе. Бог даст, все обойдется скромным образом, и точно мы обязаны сим Вельяминову. Между разговорами старайся довести о сем до сведения с хорошей стороны и упомяни о Сысоеве[2], который там употреблен теперь и командует войсками.

Я получил письмо от бывшего адъютанта моего полковника Фонвизина, которым убеждает он меня, чтобы я просил тебя, почтеннейший Арсений Андреевич, о переводе его в Грузинский корпус. Не знаю, почему надеется он на сих днях произведен быть генерал-майором, но признаюсь тебе, что в чине генерала он здесь еще более мне нужен. Постарайся, сделай милость, перевесть его, все равно будет ли он произведен или нет, я посылаю к тебе официальную о том бумагу, употреби ходатайство твое у Государя.

Вы совсем загоняли меня упреками, что я пишу очень резко, так что я уже и без желания писать резко не знаю как составлять мои по службе бумаги, а потому тебе только дружески скажу, что полки, идущие сюда из России, совсем не в том числе людей, как сказано в указе. Не знаю, кому было выбрать приказано полки, но выбор поистине чрезвычайный. Есть такие, что не сильнее

одного баталиона по здешнему новому положению, но идут со множеством офицеров, ведут лошадей и тьму нестроевых людей, которые фуражом и провиантом разорят меня совершенно.

В 45-м егерском полку какая-то дрянь из гвардии полковник, который беспрестанно пишет рапорты на офицеров, а они на него жалобы, и я, не видав еще на грош от них пользы, должен уже начинать арестами и военным судом.

42-й егерский полк, теперь у меня находящийся, точно весь выпущен из школы, начиная с самих офицеров, между коими три или четыре имеют вид человеческий; солдаты же все дети и только что довольно одеты чисто, но о настоящей службе понятия не имеют. Командующий им ожидает чина генеральского[3]. Он точно старый офицер, но, кажется, нет в нем большой нужды.

Апшеронский полк хвалят, и я его вскоре сюда ожидаю; когда прибудет, тебя подробно уведомлю. Я не сомневаюсь, что он в порядке, ибо брат Михайло доставлял командирам весьма большие выгоды, и стыдно было бы им не иметь полков в исправности.

43-й егерский полк, как я слышал, состоит весь из рекрут и пренесчастный.

Вообще в полках множество людей, неспособных к службе, некоторых надлежало бы освидетельствовать и сюда не засылать далеко понапрасну.

По большому в полках недостатку людей множество заручной амуниции должен я был приказать оставить в ведении комиссариата, и с тем вместе остались ружья, которыми бы нужно переменить негодные в здешних полках, но я не знаю, когда и как в состоянии буду их перевезть. Словом, я не понимаю, каким образом я укомплектуюсь и как слажу с ужаснейшими хлопотами собственно от образа укомплектования происходящими. Не прими, друг любезнейший, сие за жалобу, тебе одному говорю о том и в десятую долю не напишу официально. Увидите только, как велика погрешность ваша в исчислении людей и как затем велик будет в людях недостаток, который необходимо должно будет пополнять рекрутами. Не откажите мне их в будущем году, ибо мне и действовать и работать надобно!

Хотел еще продолжать письмо и отправить фельдъегеря, но останавливаю его до моего возвращения. Завтра иду против лезгин, которых собрал изменник аварский хан довольно в больших силах и, почитая меня слабым и занимающимся строением крепости, осмелился подойти довольно близко. Вскоре уведомлю я тебя о последствии, и до того фельдъегерь не поедет.

Не прощаюсь, буду писать более.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 47–50

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Андрей, 10 сентября 1819**

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич.
Я сдержал свое слово и, недолго остановив фельдъегеря, пишу к тебе.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 24 сентября», «Отвеч[ено] 1 октября».

Пред рассветом 29-го числа августа пошел я против лезгин[1], которых изменник аварский хан, соединив с чеченцами и другими горскими народами, имел не менее 6 тысяч человек. Укрепление их было в местах чрезвычайно твердых положением, но они с некоторыми силами имели глупость выйти навстречу. Две роты наших егерей два раза опрокинули гораздо большие силы, но должны были уступить, когда в третий раз с большим остервенением бросились они в кинжалы и сабли. На такую схватку редко пускаются здешние народы и в сем случае дорого заплатили за дерзость. Неприятель не мог видеть расположенных за возвышением семи рот Кабардинского полка, из числа которых две врезались в самую толпу штыками, и когда и хотел неприятель бежать в сторону, встретил три роты того же полка, за чем и последовало такое поспешное бегство, что только можно было успеть преследовать двумя егерскими ротами, дравшимися прежде, и двумя кабардинскими, опрокинувшими всю толпу, к коим присоединились спешенные казаки, ибо с такой высоты сброшен был неприятель, что не без труда пехота могла спуститься. Неприятель после сего засел в приуготовленных окопах, конечно, ожидая, что преследующие войска наши бросятся в оные, но я, напротив, собрал войска, расположил их в долине довольно покойным лагерем и только передовыми постами и артиллериею стеснил в ущелье неприятеля и отрезал ему сообщение с долиною, где от неблагонамеренных нам жителей получал он продовольствие. В сем положении продержал я его четверо суток, в продолжение коих хотя и получил он сикурсы, но только могла переправиться одна конница, ибо вода в реке Сулаке слишком высока была для пехоты. В ночи на 3-е число неприятель побежал и рассеялся совершенно. Я сделал один марш в горы такими местами, что войска наши ужаснулись и жители земли теперь верят тому с изумлением. Я не встретил ни одного человека, и если бы не призывали меня работы в крепости Внезапной, я мог бы пройти в горах куда хотел и едва ли бы большое нашел препятствие, разве от самое природы!

Не вообразишь, почтеннейший Арсений Андреевич, какое особенное счастие представило мне сих глупых лезгин. Предводитель их, изменник аварский хан, взял со всех присягу на истребление русских, повсюду разосланы были возмутительные прокламации, глупые мусульманские муллы возбуждали законом, представляя его угрожаемого падением и что хуже колебались подвластные нам народы, а некоторые и изменили. Рассеяние неприятеля сделало всех услужливыми и мягкими, а распространившийся ужас приготовил мне добрых слуг, которые на поход мой в Дагестан будут исправно возить мне провиант, которого не находил я средства транспортировать, и я, не заплатя за то ни гроша, за величайшее милосердие выставлю то, что я пощадил их и даже даровал жизнь. Жаль мне, что, не зная здешних народов, не примутся в настоящем виде здешние дела, ибо важность оных привыкли мы оценивать количеством нашей потери. При моей осторожности сего не должно случиться, разве силы неприятеля будут чрезвычайно превосходны, но и тогда употреблю я все от меня зависящие средства и на успех оных не могу не надеяться!

Сделай дружбу, постарайся, чтобы представленные мною офицеры были награждены; я выбрал число весьма малое, а собственно мне принадлежащих я назначил тех только, например: князя Бековича[2] и Самойлова[3], которым за дела прошлого года я ничего не просил и, конечно, всякий бы другой им до-

ставил. Ты можешь судить о скупости моей в сих случаях потому, что я молчу о твоем графе Толстом, которого я люблю много. Я нарочно не представляю о нем, что у меня в виду экспедиция на чеченцев и по средствам, которые имею я теперь, несомненная; тогда упомянув о службе его в теперешнем случае и в новом буду просить о переводе его в гвардию. Ему нечего уже давать и надобно его подвинуть вперед. Из него будет добрый, старательный чрезвычайно и осмотрительный офицер, с которым не должен я расстаться, пока я здесь сам. Между тем, прошу поставить на вид стороною, что будучи тебе истинным другом, ничего, однако же, для дружбы не делаю. Это принесет большую пользу и теперешним и будущим моим представлениям, и мне легче будет ободрить службу достойных офицеров. Имей уважение к сему моему намерению. Мои адъютанты важно служат: Бекович в свалке с лезгинами изрубил собственною рукою двух человек, а граф Самойлов из пистолета застрелил одного. Столько каждый из служащих желает отличиться. У всех много доброй воли, и я должен сказать о Кабардинском полку, что он храбростию своею стоит тысячей и чрезвычайно хорошо знает род здешней войны. Если встретится важный случай, я не обойдусь без сего полка и буду просить ему Георгиевских знамен. У него есть Мальтийские знамена, покойным Императором пожалованные за храбрость[4].

Если случится разговор, то скажи слово о сем полку. Досадно, что по описанным мною в рапорте обстоятельствам полк сей должен переменить свое имя, в котором оказал он отличные заслуги, и я не знаю, что делать с его жалованными знаменами?

Пришел наконец и Апшеронский полк, о котором говорил я тебе в первом письме. Я не знаком еще с ним коротко, кажется, что должен быть исправен. Оружие у него прекраснейшее и амуниция. Людей под ружьем не много, в числе их до 150 человек неспособных, частью поступивших из милиции старых и немало отморозивших пальцы на ногах во время пребывания их в Москве. Таковых не надлежало бы посылать сюда для того только, чтобы, сделав дальний путь, показать мне то, что должны были видеть начальники до их отправления. Полковника Гарталова[5] в полку не терпят, и я не подозревал, чтобы он был великий человек. Еще повторю тебе, что полки приходят сюда в весьма малом числе людей, и вы увидите какой будет недостаток в людях по новому комплекту.

Я копаюсь со своими крепостями, которые занимают чрезвычайно много время, но без которых нельзя никак здесь обойтись. Нынешний год также свирепствуют здесь болезни; жары большие и ночи весьма холодные. Простуда у нас одолевает, и больных ужасно много. Для сохранения людей я перевел войска на квартиры в Андреевскую деревню и ожидаю, что число больных много уменьшится.

Повторяю просьбу мою о Фонвизине: сделай милость, постарайся о его переводе в Грузинский корпус. Он вам не столько нужен, и, конечно, Государь не захочет отказать мне офицера, который служил мне адъютантом. Уважьте мою бедность в генералах, а он, если бы и не был еще произведен, то по старшинству своему займет место оного справедливо. Он сам того желает и очень просит. Я думаю, что он просить тебя сам о том будет. До сих пор офицеров, которых видел я с пришедшими полками, то не многих я здесь оставлю, а про-

чие возвратятся в Россию с кадрами. Не знаю, что в тех полках, которые прямо пошли в Грузию? Видно, однако же, что и у вас не великий избыток в славных офицерах.

Засвидетельствуй мое совершеннейшее почтение ее превосходительству Аграфене Федоровне; хотел было пуститься писать к ней на французском языке, но не мог ничего выдумать, ибо для меня это не так легко.

Напиши, сделай дружбу, о брате Михайле. Н. Н. Раевский уведомлял меня, что его вскоре ожидают в Россию. Он пишет, что он сделался еще интереснее прежнего и уверяет, что много весьма выиграл своею женитьбою. Здесь был у меня Франк и сказывал, что то сделалось совсем неожиданным образом, и брат Михайло, прежде о том не помышлял. Теперь не заманишь его в Грузию, а я, право, думал, что он скоро явится сменить меня. Он занимается здешним краем и не мудрено, если воспоминает о нем с приятностию, ибо он был во времена славного поистине Цицианова.

Прощай, друг почтеннейший, прикажи вернее доставить письмо мое старику Петру Ивановичу. Я отправил к Государю славнейшую персидскую лошадь, и она должна некоторое время побыть на конюшне старика, чтобы отдохнуть с дороги. Нельзя ли, когда приведут ее, предупредить, чтобы не вздумали мне платить за нее, ибо я не с тем послал намерением, чтобы стащить деньги или какой-нибудь подарок. Меня бы это обидело!

Еще есть усерднейшая до тебя просьба, чтобы ты отклонил от меня всякую награду за здешние дела. Я божусь самим Богом, что и за важнейшие, если случаться, мне досадно будет получить что-нибудь, ибо столько доволен я своим положением, что бессовестно было бы желать чего-нибудь более.

Прощай, люби меня по-прежнему и верь вечной моей приверженности.

Ермолов

Не забудь попросить графа Нессельроде, чтобы доложил Государю об имении, которое отдает князю Мадатову хан карабахский. Может быть, сердясь на меня, он и ему сделает вред, а с тобою будучи в хорошем отношении он не испортит. А нынешнюю зиму надобно *ти мастеру* и лента! Он, право, молодец!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 43–46

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Кр[епость] Внезапная, 30 сентября 1819**

Почтенный и любезный Арсений Андреевич.

Ты не перестаешь быть другом, в котором я всегда более познаю и душу прекраснейшую и свойства благородные. Спрашиваешь, скоро ли могу я быть в Петербурге, и желаешь, чтобы я у тебя остановился в доме. Мне приказывает о сем и Аграфена Федоровна, чему я и не удивляюсь, ибо от многих слышал я, что у тебя и жена любезностию и добротою чудесная. Ты весьма угадал, что мне немало двух небольших комнат, но мне тебя не должно обманывать и потому скажу тебе, что мне казаться будет, что я вас беспокою. Если я и в ближайшем стану трактире, то я всегда буду у тебя, ибо я не намерен бегать по

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 октября», «Отвеч[ено] 22 ноября».

городу, и где такие знакомые, у которых было бы мне лучше, нежели у моего достойнейшего Арсения Андреевича? Во всяком случае, прежде февраля месяца мне никак приехать невозможно, ибо необходимо должен я идти зимою в Дагестан. Зима — то время, в которое не все одним оружием приобретается успех, следовательно, и с меньшею гораздо потерею, по той причине, что народы в одном скотоводстве имеющие все свое богатство и за него страшатся, особливо, когда овладею я плоскими местами, где непременно стада должны находиться или непременно погибнут от стужи.

В бумаге твоей сказано, что не прежде могу я воспользоваться позволением ехать в Петербург, как по укомплектованию корпуса. Я надеюсь, однако же, что ты сие переделаешь, или мне нынешнюю зиму совсем не ехать. Я посылаю на сей счет официальную бумагу, из коей увидишь причины, и сделай милость постарайся. Презатруднительное укомплектование меня губит, и я вижу величайшие неприятности за медленное отправление отсюда кадров, но и на сей предмет есть к тебе отношение, которое совершенно меня оправдывает. Я боюсь ужасно неудовольствий, когда нет ни малейшей вины со стороны моей. Ты говоришь мне, чтобы я не опасался Петербурга. Мороз по коже продирает! Разве снисходительны будут к неловкости жителя Азии, иначе я пропал! Однако же столько власти, любезнейший друг, имеют надо мною твои советы, что я по новой системе не отчаиваюсь успеть во многом. Благодарю за графа Нессельроде, он весьма благородный человек, и мне самому жаль, что я против него действовал наступательно. Я еще пишу к нему, и мы поладим! У меня и с финансами давно нет спора, и мы находимся в пресладких вежливостях, но точно мутят его душою, иначе имел бы я в ней уголок, из Петербурга не выеду, не заняв в ней постоя! Полно воевать, особливо всегда здесь злодействуя, совсем отвыкнешь от мирного обращения.

За что раздираешь ты мне сердце, воспоминая, что никогда не избавлюсь я Дренякина и Мерлини. Сего последнего мне уже и жаль. Он без столовых денег состоит на пище св[ятого] Антония и похудел до крайности. Не примут ли худо, если я ему отыщу такую бригаду, которой он почти и видеть не будет, следовательно, будет годен. Если из человеколюбия позволят сие сделать, то напиши ко мне, а в России, божусь, он мог бы быть бригадным командиром. Там не поручаются области и народы в управление и слишком хорош надзор, чтобы можно быть негодным!

Вреде не знал я хорошо и по веселому характеру его почитал его шутом, но он умный человек и совершенно бескорыстный, знает здешние народы и будет полезен. Я весьма доволен им!

Курнатовского скоро выкурю, но должен уважать храбрость сего офицера и долговременную службу. Ему ничем нельзя упрекнуть, кроме чрезмерной слабости. Если дадите вы мне Фонвизина, то я буду иметь славного честного начальника, умного и способного. Не откажите, ради Бога.

Вельяминовы у меня золото: 1-й[1] — человек умный, строгой честности и самый усерднейший слуга Государю; жаль только, что наклонность к жизни уединенной отдаляет его от людей. Мне он помощник удивительный. Я веду жизнь кочующую и за Грузию совершенно покоен; как бы не продолжительно было мое отсутствие, он ничего не просмотрит! 2-й[2] — офицер редких способностей и благороднейших свойств и будет надобный человек Государю,

но хотя ты и говоришь, любезный друг, что он и без меня полезен будет в этом месте с теперешним его званием, однако скажу тебе, что я его буду просить с собою куда бы вы меня не бросили. Я имею в нем приятеля, и оттого вдвойне он мне полезен на службу Государю, и мне нечего опасаться сделанной к нему привычки. Нет, любезный Арсений, с ним не разлучат *и за келью*[3], сказать можно, что вы мне никем другим его не замените.

У меня теперь сын Н. Н. Раевского[4], и я часто говорю с ним о брате Михаиле. Раевский привязан к нему и хорошо его знает. Он говорит, что господствующая страсть его служба, что нет никаких других, и потому заключаю я, что он не имеет намерения оставить службу. Признаюсь, что мне казалось бы странною мысль сия, и если бы видел я его, то имел бы с ним схватку. Я люблю его и слишком люблю пользу Государя, чтобы не стараться побороть такую дикую мысль. Кому же служить можно, если не служить графу Воронцову? Его воспитание, его счастливые способности всегда уважаемы будут достойно, и, конечно, никто затмить его не в состоянии. Ты, как хороший ему приятель, старайся устыдить его подобною мыслию, но, впрочем, я не думаю, чтобы столько мог он быть неосновательным. Со времени женитьбы его он уже не писал ко мне, но сему думаю то причиною, что он по почте писать не хочет. Если приедет он в Петербург, как бы желал я с ним встретиться! Но если бы и не случилось того, то к твоим убеждениям присоедини и мое мнение и скажи ему, что я просил о том тебя. Меня здесь в отдалении мучит, что выдают его за недовольного и огорченного. Я бешеный и самый опрометчивый человек, но знаю, что эта роль не самая выгодная, и не желаю ему оной!

Ты говоришь, что Клейнмихель произведен может быть 12 декабря, следовательно, будет производство и других также. Я прошу тебя взглянуть на старшинство артиллерии полковника Базилевича[5]. Есть уже младшие произведены и даже по артиллерии, что весьма обидно хорошему офицеру, а особенно когда те ничем не лучше.

Я писал намедни к тебе о командире 42-го егерского полка полковнике Ляховиче; теперь короче узнавши его, скажу, что полк содержит он в исправности и уважаем мною за прекрасную в полку нравственность. Стоит в квартирах между татарами с отличною скромностию.

Меня жестокая погода и холодные ночи загнали в квартиры, и я наказываю ветреных жителей Андрея постоем, к чему еще в прошлом году начал я приучать дагестанцев и чего не смели прежде. Удивиться надобно, как скоро привыкают и какая тишина. Лавки открыты, и торг производится покойнейшим образом. Мне кажется, что смелые женщины дадут средство переменить и породу изменников.

Как обрадовал ты меня известием о Граббе. Жаль бы было потерять и храброго офицера, и рыцаря в благородстве. Какие глупые слухи, и они-то всегда рассказываются с правдоподобием. Если ты коротко знаешь его, то верно нашел его достойнейшим молодым человеком.

Вижу, что поселения ваши хуже идут, нежели мои виртембергские колонии: у вас идут войска для усмирения, а я своих главных вольнодумцев и зачинщиков беспорядка просто посадил в крепость и вместо того, чтобы мучить продолжительным судом и отвлекать от семейств, лишая оные пропитания, просек немного розгами и все благополучно! Незавидное положение гр[афа]

Ар[акчеева] усмирять оружием сограждан[6]. Я подобное дело почел бы величайшим для себя наказанием. Надобно думать, однако же, что не шутка, ибо он ведет несколько полков. Доселе не понимаю тайны, как селить конницу!

С того времени как ты женат, нападаешь на меня, чтобы и я женился также. Между нами в сем случае есть некоторая разница. Мне уже перешло за сорок, ты молод; мне еще надобно выбирать жену и Бог знает, на какую попаду, а тебе он уже дал и молодую, и хорошую, и любезнейшую, которая тебя любит. Итак, друг любезнейший, тебе хорошо толковать, а я буду искать удовольствия, радуясь счастию друзей моих, между которыми станет на первом месте мой благороднейший Арсений Андреевич.

Жаль мне, что я старею, а то взялся бы я за детей ваших, и им приносить пользу было бы большим наслаждением. Ты говоришь о потомстве. До такой степени не простираю я моего самолюбия. Граф Румянцев[7] был не я — и что после него осталось? Молодой Суворов[8] с наилучшими качествами его, не заменил бы бессмертного отца своего! Много ли у нас отличных людей из фамилий знаменитых, а отцы их заботились о потомстве, ибо фамилии существуют. Дай Бог свой век прожить порядочно, не заботясь, будет ли сын мой пачкать имя мое или возобновит его в памяти других. Было время, что, не помышляя о потомстве, имел бы я его, ибо весьма близок был от женитьбы, но скудное состояние с моей стороны и ее бедность не допустили меня затмиться страстию. Чтобы из меня теперь вышло? Я, как и ты, имею правило ничего не просить, а дать мне, может быть, не догадались бы, и я теперешнюю свободу променял бы на всегдашнее сетование. Теперь нет богатейшего человека в мире! Итак, друг любезный, дай некоторую цену тому, что я люблю тебя как брата, и прости мне, что не будет у меня сына, который бы любил тебя столько же!

Тебе, имеющему внимание на все до меня относящееся, скажу о здешних обстоятельствах: рассеявши лезгин и другие горские народы, приходившие с изменником Аварским ханом, я совершенно покоен. Повсюду распространился ужас, и я, именем великодушного Государя, даю уже многим прощение.

К числу помилованных всегда у меня принадлежат те, которых не могу я наказать теперь же, имея в предмете другие занятия, но как здесь все народы склонны к измене или могут дать причины к основательным неудовольствиям, то прощение есть отсрочка наказания, а иногда они и исправляются. Еще снискивают помилование те, которые пособиями, от них получаемыми, могут быть мне полезными для наказания других. Те народы, которых посетил я в прошедшем году в Дагестане, участвовали в беспокойствах и теперь уже прячут в леса жен и детей своих, страшась истребления. Я умножаю ужас, сколько возможно, и они не воображают снискать прощение. Они будут прощены и примут за благодеяние, что я возьму у них скота на порцию войскам, и дадут мне подводы под провиант, которых здесь ни за какие деньги достать невозможно. С сими способами пойду я против других или иначе ни шагу вперед.

Многие, завидуя деятельной моей жизни, может быть, возразят против употребляемых мною средств, но я уже познакомился с землею и знаю, что всякие другие меры не успешны. К сим средствам должен прибегнуть каждый начальник и даже во сто раз меня способнейший.

Мадатов служит похвальнейшим образом и делает невероятные успехи. У него до сих пор только два раненых казака и вся потеря в одних татарах. О нем получите вы донесение. Посылаю также рапорт о Сысоеве. Он имел чрезвычайно горячее дело с чеченцами, штурмовал деревню[9], в которой жители защищались отчаянно до последнего. Их вырезано не менее 500 человек, исключая женщин и детей, взято в плен только 14 мужчин в совершенном обессилении, несколько женщин и детей. Сами женщины, закрыв одною рукою глаза, бросались с кинжалом на штыки в толпы солдат. Мужья убивали жен и детей, чтобы нам не доставались. Здесь не было подобного происшествия, и я сделал с намерением сей пример с самыми храбрейшими из чеченцев, дабы устраша их, избежать впоследствии потери, ибо нигде уже вперед не найдем мы жен, детей и имущества, а без того никогда чеченцы не дерутся с отчаянием. Небольшой отряд наш дрался с невероятною храбростию и по справедливости заслуживает отличное награждение. Мой граф Толстой командовал в сем деле частию пехоты и казаков и вел себя достойно уважения. Он и теперь с Сысоевым послан чрез крепость Грозную в Чечню, где на сих днях будет дело, я сам иду от Андрея на селения чеченские, называемые *качкалыкскими*. Толстой служит не так как адъютант, и я прошу не оставить без уважения представления моего о нем. Я умел не рекомендовать его прежде, но теперь не вправе того делать, ибо по самой строгой справедливости надлежит наградить его.

Сысоев сам ранен пулею в ногу, но славный сей офицер по двум словам моим, как товарищ и приятель, не говорит мне о ране и идет в Чечню. Не могу без чувствительности сказать тебе, с какою верностию и усердием служат все Государю от солдата до генерала. Сысоев уже сменен другим генералом, пришедшим с донскими полками, но я оставил его на поход в Дагестан, ибо он мне весьма нужен. Доложи о сем Государю, чтобы за сие не было мне неприятности; поговори также об отличной его службе. Я ему и Мадатову прошу ленты. Сделай так, чтобы могло дойти, что я прошу сего за особенную милость, ибо и стыдно мне, и грешно, если оба сии храбрейшие офицера останутся без награды, а им, кроме лент, и дать нечего, ибо все прочее имеют. Ты обоих знаешь и со стороны твоей надобно ходатайство. Меня огорчили отказом Вельяминову, который обременен у меня трудами; можно бы было князю Петру Михайловичу при сем случае между слов напомнить. О Мадатове и Сысоеве можно сказать, что у них в Дагестане служба и что наградою за теперешнюю надобно ободрить их к трудам.

Теперь к тебе как доброму другу отношусь и с собственною просьбою. Может быть, за хлопотливую жизнь мою и некоторые встречающиеся труды вздумают чем-нибудь наградить меня, сделай милость — употреби старание, чтобы того не делали, ибо совестью божусь, что я чрезвычайно доволен моим положением и ничего не желаю более. Если хотят искренней благодарности моей, то пусть наградят представленных офицеров: свыше сей милости нет для меня, ибо те труды, каковых требую я от войск, то надобно, чтобы они видели мое о них попечение. Сделай милость, похлопочи обо мне собственно и не огорчите меня награждением, право оно будет не у места!

Писал я к тебе прежде и теперь прошу испросить разрешение, куда на службу отправлять мне разные отсюда народы. Всегда бывает несколько чело-

век из чеченцев и прочих годных в солдаты. На рудокопные заводы еще приличнее назначение, но не всякий туда дойти может и жаль терять людей.

Вскоре за сим отправлю я другого фельдъегеря, а между тем, должен сказать, что я ни одного из сих господ не видел, чтобы не был отличного поведения и справедливо принадлежит им всякая похвала. Лащевский ведет себя чрезвычайно хорошо, и за сим он уже прислан будет. Здесь он порядочно выдержан. Силин — великий рыцарь, но болен лихорадкой в Моздоке, это прехороший молодой человек.

Прощай, почтеннейший Арсений Андреевич, не прошу тебя о продолжении дружбы, ибо не с твоими свойствами перемениться возможно. Верь непоколебимой моей привязанности.

Верный по смерть *Ермолов*.

P. S. Милостивой государыне Аграфене Федоровне прошу принесть мое совершеннейшее почтение и поцеловать ручку за позволение приехать в дом ваш. Столько обязательное предложение показывает мне, как я должен быть благодарен.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 52–57

А. В. КАЗАДАЕВУ

Крепость Внезапная, 30 сентября 1819

Любезный друг, Александр Васильевич.

Ты удивляешься, что я долго не писал к тебе, и удивление твое справедливо, ибо, любя тебя как истинного друга, странно мне и самому сие продолжительное молчание, но как причиною оного не есть забвение лучшего из друзей, то я, не затрудняясь опять писать, начинаю.

Гораздо более любопытно мне знать, что с тобою делается, нежели чем могу возбудить твое в отношении ко мне любопытство. Скажи, стою ли неужель и теперь жестокостию преследует тебя неблагоприятствующее щастье? Больно мне, друг любезный, и никогда прискорбнее не бывает для меня мое бессилие, как о твоем положении помышляя. Зная наклонность твою к занятиям и сколько деятельность твоя на основании прежних правил чести может быть полезною, удвояется негодование мое, что не знают цены тебе и достоинства твои мертвят бездействием. Напиши мне о домашних делах твоих и как учатся твои дети? О Владимире уведомь особенно! Надобно, чтобы из него вышло что-нибудь необыкновенное!

Скажу о себе: я опять на Кавказской линии уже более трех месяцов; живу в лагере между народами самыми гнуснейшими и зверообразными, у которых всякое коварство есть добродетель, измена и вероломства — обыкновенное действие. Обстоятельства налагают на меня тяжкую необходимость то грозить, то наказывать и весьма редко доставляют случаи щадить и прощать, и то делаю я, конечно, не по заслугам, а по расчету. Положение неприятное! Недавно дрался я с лезгинами, которые по обыкновенному вещей порядку должны были бежать и исчезли, как будто земля их поглотила. С ними вместе были народы, издавна признающие власть нашу и столько же давно делающие нам вред. Это последние их в сем роде подвиги и уже отнят у них труд делать набеги, а я сам хожу к ним и в соседстве с ними учреждаются крепости, которые

ту имеют уже пользу, что при всей скотской глупости здешних народов постигают они, что под стенами их должны они погрести зверскую свою свободу. Я сам не мог предполагать, что приступя к сему только с прошедшего года, в короткое время, произойдут довольно уже ощутительные перемены в здешних народах. Предместники мои были несравненно люди знатнейшие, нежели я, и любя жизнь, состоянию их приличествующую, не проводили восьми месяцев в год в лагере; а я кочующею жизнью и моею подвижностью привожу в отчаяние здешние народы. Они думают, что где главный начальник, там и все силы, а как вместе с ними и ужас, я же сам повсюду, то и ужас объемлет всех. Просто сказать, мы пользуемся их глупостью, спеша вознаградить то, что мы упустили не пользовавшись. Государь, внимательный к состоянию здешней страны, дает мне все способы, и если я чего-нибудь не сделаю, то или я непризнателен к попечениям его, или совсем ни на что не годен!

Прощай! Принеси совершенное почтение мое Надежде Петровне. Поклонись Павлу Петровичу[1], он меня любил некогда, и напиши о Дмитрии Петровиче[2], он бывал начальником моим и мне приятно вспомнить о знакомых.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 73–74.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*В лагере, 3 октября 1819**

Не взыщи, почтеннейший Арсений Андреевич, на фельдъегеря за медленность, я не мог его отправить прежде нынешнего дня, ибо по случаю движения войск не хотел я делать отрядов для конвоя транспортов, ибо без того по необходимости уже много войск в отлучке для занятия постов. Фельдъегерь был свидетелем атаки одной сильнейшей деревни чеченской[1], населенной самыми величайшими разбойниками. Войска наши дрались храбро, и деревня взята скоро. Ужасное истребление, нанесенное прежде селению Дада-Юрт, было причиною, что жены, дети и имущество были вывезены и сопротивление не было отчаянное, а потому и потеря так мала, что я сам не ожидал. Фельдъегерь до Терека отправлен с ранеными и может тебе сказать, как их мало. Через час иду я атаковать другие селения и надеюсь, что кончу не менее счастливо. Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 51

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Андрей, 10 октября 1819***

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Недавно весьма отправивши к тебе фельдъегеря, писать уже более нечего, скажу только, что 3-го числа напал я на чеченские селения[1], известные мошен-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 19 октября», «Отвеч[ено] 22 ноября».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 октября», «Отвеч[ено] 24 ноября».

ничеством жителей. Местоположение одного из сих селений способствовало много выгодной обороне, и жители, знав злодеяния свои, казались к тому готовы, ибо когда послано было за старшинами, то они отвечали, что в руки не отдадутся. Тотчас за ответом сильная канонада развязала меня с мошенниками и они не могли удержаться в селении; без всякой совершенно потери войска заняли селение и истребили до основания, каковой участи подверглось и другое, которого жители даже и канонады не дожидались. Во весь день имел я только двух раненых в следовании. Наконец некоторые из других селений, видя, что нет средства к спасению, пришли просить помилования. Желая показать, что есть милосердие для кающихся и что снискивается оно покорностию, я их простил и потому еще, что менее участвовали они в мошенничествах. Я брал с собою человек 150 андреевских и аксаевских жителей и несколько князей и заставил их драться с чеченцами, и кажется, что сего довольно, чтобы их поссорить. Это было мое намерение!

В одно время с действием моим со стороны качалыкских селений генерал-майору Сысоеву приказал я с прибывшим из России Куринским пехотным полком переправиться через Сунжу к крепости Грозной и, пройдя знаменитое урочище Хан-Кале, истребить приготовленное в большом количестве сено и хлеб на равнине, лежащей за оным. Он в точности выполнил намерение мое, и хлеба сожжено до ста скирдов, а сена до пяти тысяч стогов. Чеченцы собрались в довольных силах, и он имел с ними перестрелку, проходя Хан-Кале обратно, которое занято им было пехотою и артиллериею. Вся потеря его состоит в двух егерях, а ранены один казачий офицер и нижних чинов девять человек. Сысоев отлично рекомендует полковника Грекова 1-го[2], командира 16-го егерского полка, и моего графа Толстого, который командовал частью войск. Приметь, друг любезнейший, как употребляются мои адъютанты. Самойлов также при занятии Горячевского селения все время командовал цепью стрелков и порядочную имеет контузию. Я брал с собою разжалованного из Кавалергардского полка Розена, и он, храбро дравшись в Дада-Юрте, в Горячевской деревне ранен в голову тяжело пулею. Войсками я чрезвычайно доволен. Апшеронского полка батальон без выстрела взял окопы, и часть 42-го егерского полка дралась отлично. Сто раз благодарить я должен за прибавление в корпус артиллерии. Она удивительно страшит злодеев, и мы менее несравненно теряем людей. С сим фельдъегерем посылаю я списки отличившихся в разных случаях офицеров, попроси князя Петра Михайловича, чтобы ходатайствовал он о их награждении, и солдат надобно наградить, ибо предстоит поход в Дагестан не без трудов и неприятель сильный и самое время строгое. Я почел нужным сам просить князя П[етра] М[ихайловича] и письмо к нему прилагаю. Сию минуту возвратился мой Толстой из похода в Чечню. В подтверждение прежнего моего о нем представления он за отличия в других делах помещен в списке рекомендованных, что должно подкрепить просьбу мою о переводе его в гвардию.

Похлопочи о моем Каховском, которого я как родственника моего представляю к весьма скромной награде, которой однако же прошу как друга отнюдь не переменять. Употребляя моих адъютантов в настоящую службу и прося им награды наравне с другими, я приобретаю привязанность офицеров. Замолви слово о бароне Розене, который тяжело ранен в голову пулею.

Возвратите ему прежние его ордена и дайте чин. Также определившегося солдатом Ревазова возьми под свое покровительство. Не понимаю, почему не хотят принять есаула Чернова в службу, он человек необходимый мне. Посмотри бумагу мою о нем к Волконскому.

Прощай, почтеннейший Арсений Андреевич, принеси почтение мое ее превосходительству Аграфене Федоровне. Спешу кончить дела, отправляемые с фельдъегерем. Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 58–59

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Андрей, 18 октября 1819

Любезный племянник Роман Иванович. Ты совсем забыл меня, и со времени отъезда моего из Грузии я не видал от тебя ни строки. Мне к тебе писать особенно совершенно нечего, все же, что касается до занятий моих по службе, ты, и по званию своему и по дружбе ко мне, конечно, знаешь чрез Ивана Александровича[1]. Помогай ему, любезный Роман Иванович, твоим трудолюбием в многотрудной его должности. Мы живем в такой стране, где для успеха дел наших не довольно исполнения должности по одной к тому обязанности, но необходима связь и по самым чувствам. Избранные правительством к главнейшим должностям люди, признаваемые им необходимыми, должны собою давать подчиненным пример полезный. — Заметь, друг любезный, и у себя спроси, не более ли успеваю я дружбою моих товарищей, нежели самой властию; взгляни на труды всех переселившихся сюда со времени моего пребывания. Слава Богу, дела идут не хуже прежнего!

Как ты обрадовал меня отысканным тобою стекольщиком, и я уже в восхищении от первых опытов. Не знаю почему здесь, в Азии, непременно все делается из чрезмерно тонкого стекла? Так видел я и в Персии. Это можно поправить. Поговори с Иваном Александровичем об учреждении на первый случай небольшого завода; он хороший хозяин и у вас обоих мысли гораздо порядочнее моих. — Хорошо если б нашелся порядочный угол земли казенной, чтобы нам не связываться с людьми частными. Знаю я, что всякая фабрика лучше в руках партикулярных, но не здесь и не с понятием здешних. Откуда возьмете вы работников — не знаю. На первый раз приуготовление дров можно делать солдатами, и если вообще работы не тягостны, то хорошо бы впоследствии к заводу приписать инвалидов, улучшая состояние их приобретаемыми заводом выгодами; но я сего порядочно не понимаю. Напиши, что́ наши колонисты и много ли еще без пользы съесть они казенных денег[2]? Иван Александрович обрадовал меня докончанием постройки в Сартачалах; признаюсь, что меня мучила ужасная медленность, теперь терзает большая издержка, которую тягостно будет выплатить бедным колонистам. Что делают прочие колонисты, паче елисаветпольские, которые не могут быть довольны своим состоянием; что их переселение? Обо всем скажи мне не как губернатор, а человек, беспристрастно о сем рассуждающий, и примечаешь ли ты хотя малейшие от них признаки пользы или надежду когда-нибудь приобрести оную?

Прощай. Трудитесь и благо вам будет на небеси; а я, как человек любящий землю, буду стараться, чтобы и вам было на ней получше.

Верный *Ермолов*

Русская старина. 1876 Т. 17. С. 229–230

П. М. ВОЛКОНСКОМУ

Переправа через Койсу, 11 ноября 1819

Почтеннейший князь Петр Михайлович!

Из рапорта моего Вы увидите, что я выступил в Дагестан. Не беспокойтесь, прошу Вас, я не зайду куда не надобно и уже довольно познакомился с народами здешними, чтобы они обмануть могли меня. Я ничего здесь не делаю без верного расчета, ибо здесь не встречаются обстоятельства, могущие понудить делать то, чего не хочешь, особливо, когда ведешь войну наступательную. Здесь средства в руках располагающего таковою. Или быстро наступишь, не дашь соединиться, или, ежели собрались в больших очень силах и нельзя не иметь чувствительной потери, надобно остановиться шесть или семь дней. В толпах различных народов, не покорствующих одной власти, родятся рассуждения и за ними вслед несогласие, тогда или половина противится, или если и все, то уже такой от раздора делают вздор, что все успехи приобретаем почти даром.

Мне гораздо опаснее слухи домашние, которые всегда разбивают начальствуемое мною войско и меня непременно убивают, так что нет года, чтобы я не был в необходимости воскреснуть.

Нет сумнения, что и теперь не более благоприятные на счет мой будут разглашения, но прошу Вас, почтеннейший князь Петр Михайлович, не беспокоить себя ими. Не мне здесь губить войско моего Государя, не мне гибнуть от глупых здешних народов! Прежнее бессилие наше придавало бодрость сим народам, а хвастовство их больше Bulletin французских. Многие из наших им верили, и здешние успели внушить к себе излишнее уважение.

Алексей Ермолов

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 46–47

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*У переправы чрез Сулак, 11 ноября 1819**

Любезный и почтенный князь Арсений Андреевич!

Долго не имел я от тебя никакого известия, наконец приехал фельдъегерь Гусев, но и тут едва было не лишен я был твоих писем, ибо он, проезжая земли Донские, потерял чемодан, в котором и твои письма и бумаги по службе находились. Чемодан вскоре был отыскан, ибо похитивший оный, воспользовавшись некоторыми посылками, бросил его в воду, где найдены все бумаги кро-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 ноября», «Отвеч[ено] 18 декабря».

ме нескольких утратившихся. Тебе, думаю, дал о сем знать официально атаман донской, ибо уведомил меня, задержав фельдъегеря до отыскания чемодана.

Ты пишешь о глупых слухах насчет здешних происшествий. Не понимаю, кто изобретает их, но думать надобно, что люди, неразумеющие здешних обстоятельств, ибо то, что говорят, никогда случиться не может, если даже предположить, что я безрассудный и неосмотрительный человек. Например: я хожу в горы и, конечно, между народов несравненно сильнейших нас, но я хожу с пушками, а здесь с ними, если уже куда прошел, то они же и назад путь отворяют свободный, следовательно, отрезать или окружить невозможно. Итак все, что случиться может, в том состоит, что или не достигнешь предназначенной цели и тотчас заменишь другим столько же полезным предметом, или, имея горячую схватку, потеряешь лишних до ста человек, но, столько нанеся вреда, что отнимешь охоту нападения. Ты видишь, почтеннейший друг, до какой степени верить слухам возможно! Теперь допусти ты тот еще расчет, что я и не совсем безрассуден и несколько осмотрителен, то какие должны быть со стороны моей выгоды. Заметь, что я хожу в такое время, когда зима препятствует удобному народов соединению, ибо завалены снегами горы и почти невозможны сообщения, следовательно, силы против меня не совокупны. Солдату нашему холодное время отдых и не так переносят его здешние народы или, по крайней мере, лучше быть желают покойными. Я нахожу фураж готовый и не раздробляю сил для собирания оного. Все у меня вместе и все в минуту под ружьем. Солдаты и офицеры храбрые, всюду готовые и меня любят. Не мне в здешнем краю испытывать неудачи, и счастие, покровительствующее мне, сделало имя мое страшилищем здешних народов. Причина сему самая простая; я сам повсюду и никак не уверишь народы, чтобы с главным начальством не были силы ужасные. Нынешний год я опоздал, но зато идущими впереди страхом и трепетом приуготовлены уже народы к покорению и я без больших затруднений дойду до гордого акушинского народа. Здесь встречу большие силы, но, имея за себя местоположение, разобью их и, возвратясь, запру им выходы на плоскость, где зимою пасут они скот свой, главнейшее их богатство. На плоскости войска наши непобедимы, и я буду по очереди отделять полки в Кубу для сформирования войск в новый комплект, ибо иначе потребовалось бы время весьма продолжительное. Не беспокойся, почтеннейший Арсений Андреевич, а только наблюдай действия мои. Летом я не пойду в горы, а в сентябре сделал я один трудный чрезвычайно марш почти местами непроходимыми, но я знаю, что значит здешний неприятель, раз уже разбитый, и тому доказательство, что я вышел из гор, не потеряв человека.

Неприятна предместникам моим деятельная и подвижная жизнь моя, тогда как или обстоятельства не выпускали их из Грузии, или приятнее находили они пребывание в Тифлисе, нежели в лагере, где провожу я большую часть года. Конечно, ни Тормасову, ни Ртищеву не сделают удовольствия мои успехи, но я, когда и терять буду способности мои, хуже их не буду.

Недавно схватил было я порядочную горячку, но воздержание и силы в пять дней дали болезни оборот, только возвращение сил было несколько медленно, теперь однако же я оправился и сегодня выступаю в поход в Дагестан. Сегодня же в Тарки (за четыре отсюда перехода) вступают четыре батальона и 13 орудий артиллерии, которые поспешил я отправить, ибо мошенники акушинцы хотели напасть на семейство шамхала, наилучшего и верного

Государю подданного, чего они теперь сделать не посмеют. У нас дня три лежит снег в Андрее, что весьма необыкновенно, и начавшиеся холода смирят наших злодеев. Мадатов ведет себя чрезвычайно благоразумно, и грех не наградить его службы. Ты давно говорил о ленте, теперь справедливо можно дать оную, и я сделал представление о двух храбрых: о нем и Сысоеве. Рана сего последнего совершенно легкая, но по болезни, ему приключившейся, должен я был отпустить его на Дон, а Мадатову предстоит еще служба нелегкая.

Сей раз пишу я к тебе против обыкновения моего чрезвычайно мало. Долго не будете вы иметь от меня известия, ибо вошедши в горы, сообщения мои с линией не будут безопасны, но прошу не беспокоиться и не верить слухам.

Принеси мое совершеннейшее почтение твоей Аграфене Федоровне. Прощай, будь всегда добрым моим другом, и которому не имею я подобных.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

Не должно утаить от тебя, почтеннейший Арсений Андреевич, что идущий в Россию для формирования 8-го егерского полка подполковник Сутгоф[1] есть самый пустой человек и командовать полком совершенно не способный, он же сверх того и не столько разборчив в вине, как мы с тобою, следовательно, чаще встречается с таким, которое ему по вкусу. Он давно служит и для того, как человека весьма бедного, успокойте в гарнизоне или внутренней страже. Иначе он вам не годится.

Не давайте полка полковнику Гарталову, который возвращается с кадрами Троицкого полка. Могу сказать, что он дрянь величайшая, и я не замечаю его горячим против неприятеля.

Немного слышал и о полковнике Бибикове, командире Куринского полка, который возвратится с кадрами полка Севастопольского, но сам еще не видел его и не смею сказать о нем своего мнения, но после уведомлю.

Справедливо похвалить могу командира 42-го егерского полка полковника Ляховича 1-го, который возвратился с кадрами 9-го егерского полка. Офицер старый, чрезвычайно порядочный, в полку видно благоустройство и поведение полка отличное, что сделано совсем не излишнею строгостию. Имейте старика сего на замечании!

За что, казнь Божию, прислали вы 43-й егерский полк? Какие в нем мерзости, доносы, несогласия. Я его расформировал на пополнение разных полков, дабы оставя во всем составе, не сообщить кому-нибудь скверной заразы. И офицеры виноваты, и не думаю, чтобы и полковник был прав. Словом подобный полк — злокачественный зачёс.

Полковника Оранского[2], командира Тенгинского полка, я оставляю здесь, ибо выгнал одну ужасную дрянь, полковника Максимовича[3], который доселе существовал по одной слабости Дельпоццо. Не подумайте, чтобы я восхищен был Оранским. В нем ничего нет завидного, но всякому другому надлежало бы принимать вдруг Тенгинский полк и с ним соединяющийся Суздальский, и щеты* не кончились бы вовек.

Я бежал затруднений.

Прощай. Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 60–61

---

* Так в оригинале.

И. Я. БУХАРИНУ

Тарки, 19 ноября 1819 г.

Милостивый государь, Иван Яковлевич.

Перед самым походом моим в Дагестан в дороге получил я многие из бумаг Ваших, и мне досадно чрезвычайно, что, не имея при себе канцелярии и для дел гражданской части, не могу я отвечать на оные до возвращения моего на Кавказскую линию, где однако же, оставляя А. И. Рыхлевского[1], приказал я ему все приготовить к моему приезду.

Жалею весьма, почтеннейший Иван Яковлевич, что хлопотливые и беспокойные обстоятельства, сопровождавшие все время моего в крепости Внезапной пребывания, лишили меня полезного с Вами свидания. Несколько раз порывался я назначить съехаться в Кизляре, и непременно встречались всегда препятствия. Теперь я в Тарки, где вскоре соединяясь, войска выступят в горы. Неприятели приуготовляются к обороне, и благодаря прозорливому попечению Государя я имею средства истолковать им, как наказываются злодеи, давая в то же самое время примеры снисхождения и самой пощады просящим помилования. Доселе продолжавшиеся в Европе войны, отвлекая внимание от здешней страны, не давали начальствовавшим здесь способов грубые и необузданною свободою избалованные народы познакомить с могуществом нашим, и доселе не внушено к нам надлежащего уважения. Я имею несчастие бороться с сим закоренелым невежеством и горькую необходимость употреблять крутые меры, которые устрашить могут народы, но умедливают их расположение к правительству. Всю знаю я неприятность такового положения и больно не иметь других способов! И среди самого Дагестана нельзя нам без особенного уважения воспоминать деятельность и труды Ваши, обеспечившие успехи войск приуготовлением для них продовольствия. Вы, почтеннейший сослуживец, предупредили и самые мои желания, которые соразмерял я затруднениям, Вам противостоявшим. Вы превозмогли их и Вам по строгой справедливости принадлежит благодарность! Я забавляю себя удовольствием видеться с Вами зимою, и как не могу я возвратиться прежде полутора месяцев из Дагестана и поздно уже будет ехать в Грузию, особливо с тем, чтобы приехать раннею весною на линию, то располагаю я зимовать на линии и могу приехать в Астрахань.

Примите уверения в совершеннейшем почтении и преданности, с коими имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

ОР РНБ Ф. 542 Оп. 1. Д. 907. Л. 1–2

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Селение] Параул в Дагестане, 6 января 1820 г.

Любезный и редкий брат!

Часто весьма присылаемыми книгами и другими вещами доказываешь мне, что помнишь душевно любящего тебя брата, но понять не могу, так же

как и не жалеть не умею, что давно чрезвычайно ко мне ни слова не пишешь. Не тебе отговориться возможно, что писать ничего не имеешь! Говори о себе, и довольно! Если же потерпишь, чтобы я о тебе самом говорил, я начинаю.

Тобою, как человеком известным и слишком примечательным, многие занимаются, и потому и в мой отдаленный край довела молва слухи, что ты желаешь уклониться от службы. Могу ли верить, что ты, отличив себя на пути военном редкими и счастливыми способностями, снискав общее уважение, питая надежду каждого видеть в тебе одно из главнейших орудий правительства, хочешь отнять у себя вернейшее средство быть ему полезным? Не может быть мне незнакома особенная наклонность твоя к ремеслу военному и некогда даже господствующая страсть к оному. Неужели какое минутное неудовольствие и несколько умедленное исполнение желаний могут вызвать тебя, по крайней мере, на бесполезную решительность? Если можно в подобных случаях позволить себе предложить совет — мой всегда одинаковый и неизменный, что того ты делать по многим весьма причинам не должен. Как верный тебе приятель, убеждаю не употреблять крайних средств, когда обойтись можно легчайшими. Не отнимай у себя удовольствия превосходить других в способах, и слишком в обыкновенные не впадая! Ты будешь смеяться, что с моими свойствами порывчивыми и нетерпеливыми могут представляться мне меры благоразумные. Рассудок в обстоятельствах, относящихся до других, действует без страсти; касательно друзей служит он мне в полной силе. Я, а может быть, и ты сам, вспомнишь впоследствии с удовольствием, что я исполнил обязанность приятеля.

Скажу тебе о собственных делах.

В Андрее построил я довольно изрядную крепостцу, которая весьма не понравилась горским народам, и они в августе собрались, чтобы помешать работам. Были разбиты войсками нашими. Князь Мадатов с небольшим отрядом пехоты и с татарскою конницею, набранною в наших ханствах, покорил возмутившуюся Табассаранскую область, проникнув во внутренность ее быстрыми и смелыми маршами[1]. Выгнал изменника уцмея каракайдакского из его владений[2]. Сысоев взял штурмом одно чеченское селение, коего жители, и самые даже женщины, защищались почти до последнего с ужасным остервенением[3]. Под его командою войска в конце сентября проходили за Хан-Кале, где прорублена довольно широкая дорога. Под моими глазами в начале октября разорены качальские деревни гнусных мошенников. 11 ноября пошел я с войсками из Андрея в Тарки, где акушинцы хотели похитить семейство верного шамхала. Далее пошел я в горы путем весьма трудным. 19 декабря войска наши встретили неприятеля в числе 15 т[ысяч] в твердой и укрепленной позиции. Акушинцы, народ гордый и могущественный, в Дагестане соединили против нас покорствующие ему слабые народы. Не знаю, какой внезапный ужас объял неприятеля, и он, самым слабым образом защищаясь, без всяких со стороны нашей усилий, от одного движения на фланг, рассеялся совершенно и спасся постыдным бегством. Вслед за сим взят был город Акуша, и область приведена в подданство[4]. Прежний адъютант твой *Раевский* был со мною в прежних делах и в сей последней экспедиции и все тебе расскажет обстоятельнейшим образом. Спроси его по вниманию твоему, которое всегда обращал ты на здешнюю страну.

Прощай! Почел бы первейшим из удовольствий, если бы встретил тебя в Петербурге нынешнюю зиму, куда надеюсь я приехать. Меня Закревский уведомлял о намерении твоем быть там, но уже с некоторого времени ничего не говорит о том, и потому теряю я надежду.

Верный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 79–80 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Кизляр, 17 февраля 1820

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич!

Думал я к марту месяцу приехать к вам в Петербург, но долго слишком задержали меня дела в Дербенте и, по возвращении на линию, столько нашел накопившихся в отсутствие мое бумаг, что не только обработать не могу вскорости, даже распечатать недостает времени. В конце, однако же, месяца надеюсь пуститься. Только мучит меня слух, что Государь в марте отъезжает в Варшаву. Я буду пренесчастную играть роль, имея множество дел, на которые необходимо его изволение, и будучи, может быть, принужденным долго его дожидаться. Более еще боюсь, если приказано будет туда ехать, где между празднествами и пирами некогда мне будет говорить о деле, и что хуже, что я потеряю время, для меня бесценное. Впрочем, не могу я думать, чтобы Государь пробыл там долго, а я и без того по состоянию в России дорог прежде половины мая не могу поехать из Петербурга, разве пожелаю утонуть в грязи. Итак, как бы то ни было, пускаюсь в путь, но прошу тебя, почтеннейший друг, поспешить выслать мне фельдъегеря навстречу с точным известием о выезде Государя и времени его возвращения, тогда, по крайней мере, остановлюсь я несколько лишних дней у старика — отца моего. Досадно было бы и его проехать, и к вам опоздать. Знаю, что ты не откажешь вывести меня из сего неприятного затруднения. Отложил бы я на нынешний год мою поездку, но я в таком живу краю, где нельзя никогда полагаться на будущее время, а непременно пользоваться настоящим. Не могу я иметь счастливейшего, как теперь, окончания дел моих, а впереди забот у меня и трудов много

Между бумагами нашел я здесь доставленные награды по представлениям моим. Не могу тебе изобразить, как радует меня делаемое сослуживцам моим поощрение. Нет для меня большего счастия, как уважение трудов храбрых моих товарищей! Посылаю рапорт князю Волконскому о нападении на Чирагский военный наш пост, из коего увидишь, что нельзя не восхищаться службою войск наших. Божусь, что они затмевают славу римских легионов!

Не браните ли вы меня за *римские мои приказы*?

Я уверен, что многие возразят против сего рода приказов и потому назовут новизною, что никто у нас его не употребляет, но вы просмотрите сквозь пальцы и никто не посмеет находить их странными. Ко всему привыкают! Они производят здесь хорошее действие, и я примечаю, что приказы других начальников не с большим читаются удовольствием. У меня верит солдат, что он мне товарищ!

Не стыдно ли графу Нессельроде, что он изгадил сделанное мною представление о Мадатове, которому хан карабахский возвращал предкам его принадлежавшее имение. Комитет министров не с настоящей стороны смотрел на мое представление, а Нессельроде не умел дать настоящего направления рассуждению комитета[1]. У меня готово возражение, но я берегу его до моего приезда.

Поговори о сем предварительно с Каподистрия. Жаль Мадатова! Чудесно, как могут иногда странно понимать дела. Похлопочи, почтеннейший Арсений Андреевич, об успехе последних моих представлений. Приобретение Акушинской области дает уже чувствовать благоприятные последствия и само по себе весьма важно.

Как рад я производству Ляховича в генерал-майоры и удивляюсь, что Фонвизин — офицер отличнейший, остается, тогда, как множество ужаснейшей дряни идет впереди его.

Поздравляю тебя от души с получением табакерки, украшенной портретом, но я более был бы рад другому, чего, впрочем, я и ожидал. Оно весьма должно быть недалеко!

Прощай, пришли мне навстречу, ради Бога.

Вижу, какие *строите вы куры*[2] Витгенштейну, и сие, дает мне хорошие надежды насчет брата Михайлы, которому не должны скупиться делать приятности, как человеку полезнейшему!

Фельдъегери твои, ни одного не исключая, поведения прекрасного и достойного уважения.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 5–7

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Моздок, 5 марта 1820

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Заставляют меня обстоятельства отсрочить приезд мой в Петербург, хотя бы многие дела и требовали того чрезвычайно. Меня удержало готовое возгореться в Имеретии возмущение, невзирая на которое решился я вывезти оттуда несколько главнейших лиц духовенства, наиболее к тому возбуждающих. На сие имею я даже разрешение правительства, — следовательно, тут нет моего произвола. С тобою могу я, однако же, говорить откровенно, что всех сих беспокойств причиною начальствующий здесь митрополит наш Феофилакт. Не познакомясь хорошо с обстоятельствами здешнего края, сделал он представление о преобразовании по Имеретии духовного управления, и сие представление было представлено на утверждение. Но когда приступлено было к самому преобразованию, духовенство имеретинское, видя потерю своих выгод, возбудило дворянство, которого Феофилакт также неосторожно коснулся интересов, дворянство сообщило дух мятежа народу, и в прошедшем году все было под ружьем. Феофилакт, не рассуждая об утеснении, хотел умножением церковных доходов сделать угождение своему начальству. Князь Голицын[1],

не будучи расположен ко мне, не хотел спросить мнения моего, можно ли без неудобства приступить к тому, и теперь дошло до того, что надобно употребить оружие и, хуже еще того, что народ противится постановлению, утвержденному Государем. Феофилакт, известный необыкновенным умом своим и редкими способностями, *не-монашески* ищет угождать начальству и знает, что это лучший способ достигать собственных выгод. Он ни на чем не остановится, не затруднится, и у нас здесь не обойдется без хлопот неприятных. Хотел бы я не иметь по должности дела с монахами, которые со времен самой древности почти не изменили постоянных свойств своих и которые не всегда были достойны почтения, — теперь должен сим к неудовольствию заниматься.

Здесь разнесся слух, что меня отзывают и другой назначен на мое место начальник. Многие письма то подтвердили, и ты представить не можешь, какая была радость князей и дворянства грузинского, и в сем чувстве с ними сравнялись одни чеченцы, которые в восхищении. Грузины думают, что они сыщут тоже виновное снисхождение, каковым пользовались они при моих предместниках, а чеченцы ожидают, что можно будет безнаказанно продолжать те ж хищничества и разбои, которые прощались им 30 лет. Надобно сказать справедливо, что между теми и другими мало весьма разницы в чувствах и правилах! Трудно поверить, какое делает влияние на дела наши отъезд мой, из чего заключаю я, что не самый я приятнейший начальник. Впрочем, не тебя уверять я должен, что не корыстолюбие, лихоимство и неправосудие причиною сей ненависти. Одна строгость во мне не любима и, что пред лицом справедливости не имеет у меня преимуществ знатный и богатый пред низкого состояния и бедным человеком — вот преступление!

Чеченцы мои любезные — в прижатом положении. Большая часть живет в лесах с семействами. В зимнее время вселилась болезнь, подобная желтой горячке, и производит опустошение. От недостатка корма, по отнятии полей, скот упадает в большом количестве. Некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу и в первый раз чеченцы дали ее на подданство. Теперь наряжается отряд для прорубления дорог по земле чеченской, которые мало-помалу доводят нас до последних убежищ злодеев.

Скоро, любезнейший друг, прекратятся продолжительные и горькие оскорбления бедных наших жителей Кавказской линии. Тебе приятно было бы слышать, как благодарят меня. Не раз упоминал я тебе о благоприятствующем мне счастии. И точно, надобно мне стоять пред ним на коленах, ибо здесь все предприятия мои успевают скорее, нежели я предполагаю. В одних подобных расчетах не погрешаю я несносною моею нетерпеливостью!

Девять месяцев в году, определенные мною на кочевую жизнь, образ жизни строгий и неприхотливый, делающий меня чрезвычайно подвижным, заставляют меня чрезвычайно страшиться. Всем кажется, что я иду, и если нет где меня — не верят, чтобы я не пришел. Здесь делаю я сие по расчету и вижу большую пользу.

Недавно, проходя в Дербент, пустился я горами отыскивать кратчайшую военную дорогу. Со мною было 800 человек пехоты, 35 казаков и ни одного орудия. Всюду принят был с трепетом и всем казались силы со мною несметные. Два тому года назад я не смел бы сего сделать. Выгоды сии доставил мне

последний поход мой в горы. Теперь повиновение неимоверное и везде, где войска проходили, жители — подданные России, чего доселе они не понимали.

Вчера дошли до нас газеты, и я вижу моего Попова полковником. Также артиллерийского Базилевича произвели в генерал-майоры. Все это дает мне надежду заключать, что с благоволением приняты дела храбрых наших войск и поистине они сего достойны. Не бранили ли вы меня за приказ в роде *римского*? Многие смеяться ему будут, а многим бы и хотелось подобные делать фарсы, но никто не посмеет. Может быть, не дошел он до тебя обыкновенным порядком, а потому при сем и посылаю экземпляр. Скорее растерзайте меня, если надобно. Впрочем, ты, однако же, замолви нечто прежде в защиту мою.

Хотел я лично хлопотать о деле Мадатова в рассуждении имения, принадлежавшего его предкам и возвращаемого ханом, но Нессельроде так испакостил его, не умея порядочно изъяснить Комитету министров, что уже и получил я отказ.

Какое пренесчастное создание этот род министров и как они равнодушны, когда не о них идет дело! Мне ужасно сие досадно, и я намереваюсь, сделав возражение, опять войти с представлением. Или лучше отложить до моего приезда? Сделай дружбу, меня уведомь.

С каким сожалением помышляю я о тех двух комнатах, которые нашел бы я в доме доброго друга и как бы сверх того, умножил я суматоху в твоих собственных. Помнишь ли ты мой обыкновенной порядок, который ты называл *чумою*? Я бы явился к тебе с большею еще против прежнего к тому способностью, и любезный брат Арсений не потерял бы всегдашней ко мне снисходительности. Признаюсь, я думал приятно отдыхать в доме твоем от скучных забот несносной здешней жизни. Однако же в мае или июне я предстану пред тобою, ибо я понимаю, что мне разрешено всякое время, когда только здешние обстоятельства то допустят. Вы меня сразите, если только предоставите время, узаконенное для отпусков. Я в отпуске никакой не имею нужды, и из такой ли страны отдаленной позволительно помышлять о нем? Пощупай сие нежным образом и вразуми меня. Кажется, однако же, я хорошо бумагу понимаю? Не мешает, однако же, предупредить насчет моего приезда, кому о том знать надлежит. Боюсь ужасно столицы! Толстой мой немного было заболел, думаю, от кочевой жизни, ибо мы всю зиму путешествовали и, конечно, не всегда с большими выгодами насчет покоя. Я всем товарищам моим наскучил смертельно, и спасибо им за чистосердечие, они того от меня и не скрывают. Теперь, однако же, Толстой здоров, и мы живем уже роскошно, то есть хотя и в холодных домах, но несносный бивака дым от нас уже зависит заменять угаром. Спроси своих фельдъегерей — и те не рады жизни, когда ко мне попадаются. Должен одобрить поведение Чаусова и Григорьева, теперь отправляемых: ими по справедливости можно любоваться. В Григорьеве мне особенно нравится веселое и праздничное его лицо. Несчастного Силина 7 месяцев мучит упорнейшая лихорадка, и он чуть только жив. Его отправляю в Грузию, чтобы поправить в тамошнем климате. Это его обработал Моздок, где ужасные и вечные болезни и смертность между самими даже жителями.

Прощай, любезнейший Арсений Андреевич, принеси совершеннейшее и искреннее почтение мое Аграфене Федоровне.

Я догадываюсь, что она имела великодушие простить мне, что я не пустился писать к ней на французском языке. Ты не знаешь, чего мне стоит Нессельроде и Каподистрия!

Посылаю тебе пистолет, которого вся оправа сделана в крепости Грозной, человеком, который работает самоучкою, никогда в глаза не видывал никакого инструмента и только употребляет долото, шило и иголки. В роде здешней оправы это работа, которой все удивляются.

Прощай. Поклонись брату Михайле, мне кажется, на него пущены некоторые очарования. О сем и «Инвалид» не умолкает.

Верный по смерть *А. Ермолов.*

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 7–11

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Георгиевск, 11 марта 1820

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Я в Георгиевске, повсюду у меня хлопоты. Скоро еду в Тифлис и не знаю, как проберусь через горы, снега идут ужаснейшие, и надобно будет по пояс проходить пешком. Не поверишь — как огорчает меня, что я не мог приехать в Петербург. Из проклятой здешней стороны не выбьешься, начинает и мне уже скучать несносная жизнь моя.

Вчера в «Инвалиде» видел производства по моим представлениям. Вот истинная для меня награда свыше всякой!

Прощай.

Верный *Ермолов*

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 11

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 13 апреля 1820

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич!

Итак вместо удовольствия пожить с тобою и в доме у тебя я очутился в Тифлисе, куда приехал я не за увеселениями. В самое худое время проезжал я несносные горы, и счастие провело меня почти без всяких трудов. Здесь, Бога благодаря, все спокойно и доселе тиха Имеретия, в которой ожидал я замешательств, которые если и случатся впоследствии, не думаю, чтобы были весьма важными. Сими обстоятельствами обязаны мы будем непреодолимой страсти духовного здешнего начальства к крутым переменам и преобразованиям. Мне сюда дали, конечно, из умнейших монахов в России, митрополита Феофилакта, но нет сумнения, что я более монах по свойствам, нежели он. Душа его, кажется, прекрасно подобрана к цвету монашеской одежды! Я подобного ябедника и шпиона не видывал, и он с такими людьми входит в связи,

что казаться может, что составляет шайку разбойников. В здешнем необразованном краю не мешал бы в лице начальника духовенства человек с лучшими правилами. С духовною ябедою, поддержанною князем Голицыным, меня ненавидящим, у нас добра не выйдет, и больно понести неудовольствия за духовную каналью!

Возвратясь после десятимесячного из Грузии отсутствия, нашел я войска приметно улучшивающимися и г[оспода] полковники принялись за полезное в полках щегольство. И. А. Вельяминов заботливый весьма человек и все держит в должном порядке.

Полки, из России сюда прибывшие, нас не удивили. Некоторые из них лучше выучены тому, без чего мы здесь обойтись можем и чего не надеюсь я достигнуть и не буду добиваться, ибо если к трудной службе и беспрерывным работам солдат начать учить их по два раза в сутки, то мне надобно будет сделаться лазаретным надзирателем.

Надобно тебе, почтеннейший Арсений Андреевич, знать, что полки прибыли сюда весьма в малом количестве людей и от того весьма много недостает здесь до комплекта. Ты услышишь вопль и стенание насчет людей, данных мною на составление кадров, то я предупреждаю тебя, что я дал самых сквернейших, которые здесь непременно бы перемерли, а там может быть спасутся наполовину. Они все вообще прибывшие в 1818 году из 1-й армии и не могущие привыкнуть к здешнему климату, потому что от неспособности разрушены их силы. Если войдут к вам с официальною о кадрах бумагою, то и не требуйте от меня объяснения, ибо я то же самое скажу, что я именно дал приказание таких людей отправить, которые год назад почитались годными служить в Грузии. Я, в сем случае, не устрашусь и знатности барона Дибича, который отозвался, что неспособных в Грузию отправлено не было.

Я недавно послал к тебе просьбу генерала Пестеля об увольнении его в отпуск. Не должен скрыть от тебя, что он обещал мне продолжить удовольствие разлуки. Бога ради не затруднитесь отпустить!

Теперь препровождаю просьбу в отставку Курнатовского. Ему, как старому солдату и служившему честно, надобно дать пенсию, и по законам она следует. Похлопочи о сем и о том, чтобы отставили его по просьбе, прежде генваря поданной. Он так стар и слаб, что в Имеретии, по теперешним обстоятельствам, никак не годится. Впрочем, по прежней службе достоин внимания. Известный тебе полковник Пузыревский заменяет его во всех отношениях, с тою разницею, что несравненно деятельнее и в Имеретии боятся его, как огня, что по мятежным и изменническим свойствам дворянства той земли необходимо. В представлении моем я прошу не назначать командира в 3-ю бригаду 19-й пехотной дивизии, ибо тогда вместе с начальством над бригадою надобно взять от Пузыревского и управление Имеретиею, а в сей должности никто его не заменит.

Он умен, молодец и умеет заставить уважать правительство наше. Имей на сие внимание и не допусти никого в бригадные командиры. Сей отличной офицер весьма нужен будет вам впоследствии.

Теперь должен сказать тебе о некоторых из командиров, прибывших из России с полками.

Начну с благодарности за произведенного в генерал-майоры Ляховича. Он достойный старый офицер и, как человек, свойств благороднейших. Я имел к нему особенное уважение.

Бывшего Куринского, теперь Севастопольского, полка полковник Бибиков 1-й[1] — старательный офицер и полк его, составлен будучи из многих прегнусных офицеров, был в большом порядке. Он человек благородный и ничего не жалел для полка. Я охотно оставлял его здесь, но его увлекли домашние обстоятельства.

Бывшего Апшеронского, теперь Троицкого, подполковник Гарталов совершенная дрянь и полка иметь не должен, он же, кажется, и не весьма горячий человек против неприятеля.

8-го егерского полка подполковник Сутгоф и пьяный, и ни на что не годный человек. Не допустите его испортить какой-нибудь полк.

Бывшего 44-го, теперь 15-го егерского, подполковник Пригара[2]. Я его не видал, но нет никого, кто бы не говорил о нем совершенной похвалы, как о человеке достойнейшем, и полк его был всех вообще лучше.

Имей на замечании сего офицера, он человек не молодой, но всеконечно отличный.

Не мог бы я утешить брата Михайлу описанием 41-го егерского полка, ниже самого Лашкевича[3], который его сдавал. Прошу тебя дружески не говорить ни слова ему, но скажу тебе поистине, что и нравственность солдат не наилучшая. Здесь нарушили мы его законы и должны были прибегнуть к старому средству палок, которые, впрочем, в одной только необходимости позволяю я употреблять. Его бы огорчило, если бы он узнал о сем, но я не имею намерения делать ему неудовольствие.

Рад я душевно, что вы успокоили брата Михайлу и что извлекли его из праздности[4]. Не должно было оставлять без употребления человека столько, как он, полезного и редкого.

Соседи наши — *персиане и турки* — делают необыкновенные военные приуготовления: приумножаются приметно войска и крепости снабжаются и исправляются. Для чего все сие — не известно, но желал бы чрезвычайно, чтобы не было войны, ибо она разрушит весь вводимый мною внутренний порядок и опять поколебаться могут народы, которые начинали познавать необходимость покорности и повиновения. Странно многим покажется желание мое мира с соседями, но я давно уже рассуждаю более о пользе государства, нежели о собственной.

Не знаю, почтеннейший Арсений Андреевич, как ты не истребил письма моего[5], писанного тебе от 11 генваря из Дагестана с моим Поповым, но оно ходит по Москве в разных обезображенных копиях и мне делает много вреда. Ко мне прислана одна копия. Имей терпение прочесть его, буде оно не пропало, и ты увидишь, что я, писавши тебе со всею откровенностью, говорил о многих, не скрывая имен их и моих чувств, и между таковыми есть люди, могущие делать мне большие неприятности.

Сделай одолжение, письма мои по получении истребляй немедленно. Как ты, аккуратнейший человек в мире, пренебрег сию необходимую осторожность? Теперь насядут на меня гр[аф] Витгенштейн, бар[он] Сакен, гр[аф] Коновницын, гр[аф] Нессельроде, все исчадие гр[афа] Тормасова и неприятно

будет брату Михаилу и гр[афу] Каподистрии, о коих пишу я в письме сем то, что пришло мне в голову. Два последние могут даже сердиться и за похвалу, которую говорю я на счет их. Не сердись на меня, почтеннейший Арсений Андреевич, но я, жалея только о твоем невнимании на письмо мое, поистине вздорное, не могу быть равнодушен на счет того человека, который, доставши его, не мог распустить без намерения вредить мне. Признаюсь, что подобное намерение меня очень огорчило. Прошу тебя убедительнейше истребить до последней строки моей. Мой образ писем, если каким-нибудь образом откроется, не сделает мне пользы, а многие и о тебе рассуждать станут.

Из рапорта моего князю Петру Михайловичу увидишь, что во время пребывания моего на Кавказской линии приказал я сделать экспедицию за реку Сунжу против чеченцев. Она кончена самым успешнейшим образом. Теперь немного остается мест в земле чеченской, куда бы не было для нас дороги не только проходимой, но даже и удобной.

Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои. Досель дерусь для того, чтобы иметь пути сии, потом будут являться войска, когда того совсем не ожидают, — тогда приходить станут войска, когда занят каждый работой и собраться многим трудно. Для драки не будет довольно у них сил, следовательно, и случаи к драке будут редки, а голоду все подвержены и он поведет к повиновению. До сего времени непроницаемые леса укрывали их, нельзя было знать, какое число прячется в оных; с малыми силами невозможно было двинуться, и одних препятствий в пути без всякого со стороны их сопротивления достаточно было остановить в предприятии, а им дать время собраться.

Как храбро дерутся чеченцы, употребляемые с нашей стороны, и первый сделанный над ними опыт имел успех совершенный! Полковник Греков для управления чеченцами и наставления их в покорности — человек единственный. Не отчаиваюсь, что года через два будут они штурмовать селения единоземцев, а войска наши будут наблюдать за верностию. В моем новом *«ордр де баталь»*[6] пушки будут позади для управления действием.

Я рекомендую нескольких отличившихся офицеров и прошу за величайшую милость исходатайствовать им награждение. Особенно представляю полковника Грекова[7], командира 43-го егерского полка. Деятельности его и неусыпности сами чеченцы удивляются; а их нельзя упрекнуть сонливостию. Прошу о производстве командира Гребенского казачьего войска майора Ефимовича. Не затруднитесь, что недавно он майором: отличным и молодцам не надобно старшинства. Недавно произведен так товарищ его Петров, командир Моздокского казачьего полка. Сим двум офицерам благодаря, я вижу большую перемену в командуемых ими казаках, и когда введут они между ними порядок, то ручаться можно, что линейные будут всеконечно наилучшие казаки в России. Бога не боишься, Арсений Андреевич, что не выберешь мне еще человек двух хороших кавалерийских офицеров.

По известному делу Мадатова я получил отказ Комитета министров и весьма основательный, ибо комитету совсем не в таком виде представлены обстоятельства дела, как надлежало, а потому и рассуждал он об оном совсем в другом отношении. Скажи, любезнейший друг, как не досадовать на гр[афа]

Нессельроде. Верно, собственно к делу, до него касающемуся, не был бы он столько равнодушен! Видите ли, что не всегда один я виноват… Я собираюсь делать Государю донесение о сем.

Употреби ты со своей стороны старание, буде возможно, ибо статься может, что после сделанных мною пояснений дело опять поступит в Комитет министров. Жаль, что Мадатов лишается единственной собственности.

Прикажи вернее доставить письма мои к Каподистрии и Бетанкуру[8].

В письме к Петру Михайловичу прошу я о переводе в гвардию двоюродного брата моего. Не думаю, чтобы сие могло быть затруднительно, ибо он служит не в весьма знатном чине и сверх того имеет, говорят, способности.

Он, г[осподин] прапорщик Ермолов, служащий в 1-м пехотном корпусе по квартирмейстерской части[9]. Неужели не сделают для меня сего одолжения? Право, столько я уже заслуживаю! Похлопочи о сем, любезный Арсений Андреевич, и если будет возможно, то, по переводу в гвардию, употребите его здесь на службу. Не бойтесь, даром у меня ничего не достанет!

Не забудь, пожалуй, о *литографии*. Ты давно уже весьма обещал мне оную, но верно самого тебя обманули. Здесь она весьма полезна, и я давно ожидаю.

Старик-отец мой уведомляет, что от тебя во время пребывания в Москве отправлен ко мне из московского почтамта эстафет, которому поручено было отыскать меня по дороге к Орлу. Он прибыл в Орел и там отдал бумаги на имя мое почтмейстеру. Не знаю, что ты писал ко мне, но, судя по времени, думаю, что бумаги уже отправлены к тебе обратно. Представить не можешь, как скучно, давно не имея от тебя ни строки! Знаешь, что я ни с кем в свете не имею переписки. Если ты молчишь, то можешь поверить, что уже никто ко мне не пишет.

Сегодня получил известие, что в Имеретии начиналось маленькое в одной округе беспокойство, но кончилось без всяких следствий, и я воспретил со стороны нашей употреблять силу для усмирения, разве в чрезвычайных случаях. Надеюсь, что обойтись можно будет без больших хлопот. Наказывать не трудно, но по правилу моему надобно, чтобы самая крайность к тому понудила. Представить нельзя, что за подлейшее здесь дворянство, а имеретинское и еще превосходит! Вы совести не имеете, что царевича Константина[10] отпустили в отпуск на 6 месяцев. Он здесь совсем не надобен, а пакости делать может. Я думаю, что и правительницы мингрельской[11] не даром здесь пребывание. Увидишь из рапорта моего поведение сына ее[12], служащего в Преображенском полку. Все исчадие здешних царей и владетельных князей одной бешеной собаки не стоит! Много у меня дела, а то бы принялся я за них и припомнил им времена князя Цицианова, которого память одна в трепет приводит. Прощай, принеси совершеннейшее мое почтение Аграфене Федоровне.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Истребляй, ради Бога, мои письма, не давай видеть вздора, их наполняющего.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 12–18.

АЛЕКСАНДРУ I

[Между 13 и 22] апреля 1820

Едва успел я во всеподданнейшем рапорте моем отдать должную справедливость командиру 44-го егерского полка полковнику Пузыревскому 1-му, как уже войска В[ашего] и[мператорского] в[еличества] лишились достойнейшего сего офицера самым гнуснейшим убийством.

Владетеля Гурии генерал-майора князя Гуриела[1] дядя родной того же имени[2], в полном смысле злобнейший из разбойников, дающий у себя пристанища всем явным изменникам, чувствуя против правительства вину свою и боясь бдительного надзора полковника Пузыревского 1-го, схватил его шайкою всегда окружающих его злодеев, увлек его в свое жилище и лишил жизни. К сожалению, можно предвидеть, что сия не последняя жертва, которая принесена будет за введение необходимого порядка и должного властям повиновения.

Исключая собственно Грузию, то есть Карталинию и Кахетию, где молодые люди княжеского и дворянского происхождения ищут пользоваться способами просвещения, можно сказать об Имеретии, Гурии и Мингрелии, что почти все находящееся в них дворянство, заимствуя все пороки и разврат от соседей, долгое время господствовавших над ними, дало укорениться коварству, неблагодарности и наклонности к измене до такой степени, что класс дворянства похож более на шайку разбойников, нежели на отличное сие сословие. Здесь дворянство служит примером и ободрением всякого злодейства. Народ простой вообще наклонностей более добрых. Недавно сие дворянство обуздывала власть царей неограниченная, — скорый переход и без всякой постепенности к власти кроткой и снисходительной медленно смиряет своевольства.

Не помышляю я отвращать от народов здешней страны благотворное действие милосердных законов В[ашего] и[мператорского] в[еличества], но по долгом и внимательном наблюдении нахожу, что здесь полезно внушить большую боязнь власти, паче в двух наиболее обыкновенных случаях: возмущения в народе и измены, которой следствие есть бегство за границу. В сих случаях по точном в преступлении удостоверении, по мнению моему, нужно взять имение и, не присвояя его в казну, как делается сие повсюду, обращать в вознаграждение отличающихся усердием и преданностью, хотя бы совершенно другой фамилии, буде предпочтительно не будут достойны того родственники. Средство сие положит обуздание, ибо дворянство сребролюбиво свыше воображения. Не имея довольно честолюбия достигать значительных степеней в службе В[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] и ею приобретать почтение, не имея отличных способностей или добродетели, чтобы ими снискать уважение граждан, дворянство ограничилось одними видами стяжания. Предоставления сея власти начальствующему в здешнем краю необходимо собственно для общего спокойствия, и если благоугодно В[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] найти замечание мое основательным, я испрашиваю власть сию тому, кто будет на моем месте, дабы казаться не могло, что я достигал оной из каких-либо видов.

Теперь управление Имеретией, Гурией и Мингрелией возлагаю я на полковника князя Горчакова[3], командира 41-го егерского полка, которого избрал

я как офицера отличного прилежания к службе, деятельного и неусыпного, — таковой нужен по беспокойному той страны состоянию, — но и сего должен был я отвлечь от назначения в Казыкумыкское ханство, куда шел он с одним баталионом командуемого им полка. Так мало имею я офицеров, на коих возложить могу отдельное командование! Удостойте, всемилостивейший Государь, воззрения приложенный при сем список генералов, командующих бригадами в корпусе. Я осмелился сделать на нем отметки для собственного сведения В[ашего] и[мператорского] в[еличества].

Я отправляю начальника корпусного штаба г[енерал]-м[айора] Вельяминова в Гурию для наказания князя Койхосро Гуриеля за злодейское убийство полковника Пузыревского. Сумневаюсь, чтобы мог он найти его, ибо по тесной связи с турками он, конечно, уже бежал к ним, но если достанется он в руки войск, решаюсь, Государь, подвергнуться минутному гневу В[ашего] и[мператорского] в[еличества] — ибо таковым он должен быть по справедливости, — но сего явного злодея, своевольством своим дающего пример, с намерением в страх другим расстреляю. Ответствую перед Вами, Государь, что знаю здешней страны свойство народов и что устрашающим сим примером отвращу тяжкую необходимость наказывать большее число виновных впоследствии, — отвращу, может быть, и самое бедствие, угрожающее стране закоренелою необузданностью и посмеиванием власти.

Испрашиваю Ваше и[мператорское] в[еличество] назначения командиром 3-й бригады 19-й пехотной дивизии г[енерал]-м[айора] Фонвизина, который, будучи при мне адъютантом, известен как отличный офицер, имеет хорошие знания и способен достойно занимать должность правителя Имеретии. Я на место сие решительно никого способного из генералов не имею или отвлечены они другими не менее важными должностями.

Не откажите, Государь, сея милости, мне необходимой!

Верноподданный

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 47–49; по копии Закревского

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 22 апреля 1820

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич!

Недавно писал я тебе через фельдъегеря и теперь нечего сказать кроме одного весьма неприятного происшествия.

Полковник Пузыревский, которого по последней службе здесь узнал я отличные способности, убит в Гурии самым изменническим образом. Сие произошло в доме родного дяди владетельного князя Гурии. Ты увидишь обстоятельства из донесения моего Государю. Опасаюсь я, чтобы сие не было условленным сигналом к возмущению, но доселе сам владетельный князь не выходит из обязанности послушания. В Имеретии приметны некоторые сумнительные признаки беспокойств, но оные не явны и может быть обой-

тись удастся без употребления оружия, чего я чрезвычайно желаю. Здесь всем сим обязан я буду митрополиту Феофилакту, который мудрым приведением в известность церковных имений так напугал и не одних даже духовных, но и светских, которые, жертвуя в пользу церкви какою-нибудь частию доходов с своих имений, теперь опасаются потерять и самые имения. Я стараюсь успокоить, пишу прокламации и весьма мало успеваю. Таков образ поведения духовных наших властей!

На место Пузыревского послал я в Имеретию князя Горчакова, командира 41-го егерского полка. Отмечаю, что полковника отличного и заботливого о полку, но, конечно, не искусного правителя. Со всем тем, однако же, не имею ни одного бригадного генерала, который бы был его лучше. Дайте, Бога ради, мне Фонвизина. Но удерживайте Курнатовского, который по долговременному служению, имеет все право на покой и между тем тупых весьма способностей. Отпустите Пестеля, я всегда краснее ленты, которую ему выпросил. Это — дрянь совершеннейшая!

Хотя и боюсь уже я тебя с того времени, как ты не истребил одного из моих писем, но посылаю в копии списочек, каковой приложил я при письме *в собственные самого* руки. От тебя не должно быть сие сокрыто, но истреби его, сделай дружбу.

Графа Толстого, как исправного и надежного офицера, отправил я в Гурию, с Вельяминовым. Я так беден чиновниками, что роздал моих адъютантов. Одного послал с Мадатовым против изменника казыкумыкского хана. Теперь у меня один граф Самойлов, которого пришлю к тебе с тем, чтобы испросить позволение употребить на год при полку во фронте, ибо весьма шалостлив и малые весьма дает надежды, хотя мог бы иметь наилучшие способности. Надобно позаботиться об его исправлении!

Как давно не имел я от тебя известий, так что не знаю, что думать? Я ни с кем в свете не имею переписки и потому, когда ты не пишешь, то я как будто в иностранной службе.

Сейчас входит от тебя фельдъегерь, вносят за ним разные награждения моим товарищам, и я в восхищении. Письма твои не успел еще прочитать и нетерпеливо ожидаю свободной минуты за них приняться.

Отвечать после буду. Теперь отправляю со всем Муравьева[1], и одно к тебе письмо было только незапечатанное.

В душе благодарен Государю за его милости. Обязан служить с ревностью за облагодетельствованных моих товарищей! В Орле, в ожидании меня, долго пролежали твои письма и разные по службе бумаги. Но и в них много для меня будет нового, ибо я давно никакого слуха даже из России не имею. В первый раз столько сильно почувствовал я скуку отдаленности.

Прощай, будь прежним для меня несравненным и единственным другом.
Верный по смерть

А. Ермолов.

Присылай сюда обратно Попова. Не думаю, чтобы он зашалился.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 19–20

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Май 1820

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич!

Долго и нетерпеливо ожидал я от тебя известий, наконец получил с последним фельдъегерем. Видно, однако же, обременяют тебя дела, что редко когда случалось получать столько короткие письма.

Прежде начну описание здешних обстоятельств.

После убийства Пузыревского возгорелся бунт в Гурии[1] и в одно время в нескольких местах Имеретии появились шайки мятежников. Были уже схватки, и одна довольно значащая. Из рапорта моего князю Петру Михайловичу увидишь самое обстоятельное описание. Больно лить кровь не в войне против неприятеля! В первый еще раз в жизни и с особенным прискорбием употребляю я оружие против собственных народов и единоверцев и за скаредную причину, за самовольство монаха. Здешний экзарх Феофилакт видит, как человек умный, что министерству приятно умножение церковных доходов и что за то даются награды, он не упускает выдирать их с насилием и не только не удивительно, что имя его ненавидят в Имеретии, но статься может, что и здесь также наделает он нам хлопот, ибо начинают уже вырываться неудовольствия.

Вижу, что не обойдется у нас без схватки и что правительству надобно будет озаботиться разысканием, кого из нас удалить отсюда полезнее. Нельзя отвергать, чтобы он не был человек обширного ума, но по свойствам приличествует ему быть главным инквизитором, что, однако же, в нынешний век уже не во вкусе народов. Впрочем, может он быть еще шпионом тайной полиции (*haute police*). Во всех случаях не тот, однако же, он человек, с которым бы легко можно было разойтись без боя, и я готов!

Порадуйся, как отличается гвардии Преображенского полка подпоручик князь Георгий Дадиани. Он делает нам много чести, ибо, едва умея командовать взводом, он уже годился начальствовать частью войск. Это плоды воспитания матушки, которая — величайшая из сплетниц. Ненавидя старшего своего сына, владетельного князя[2], человека весьма благонамеренного и верного, желала бы она, чтобы на месте его был сей гнусный изменник.

Я писал к графу Кочубею[3], чтобы исходатайствовал запрещение жить ей в С.-Петербурге, ибо не прилично быть матери изменника на глазах Императора. Хорошо, если бы он не умедлил сделать доклад, ибо она скоро возвратится.

У нас в Имеретии появился из ревностных бунтовщиков один князь Яшвиль. Этот, не завидуя славе нашего Яшвиля[4], довольствуется ремеслом разбойника и выполняет точное предназначение имеретинского князя. Легко быть может, что подобные таковым некоторые зацепятся за виселицу. Прошу, чтобы не почли меня не довольно признательным к заслугам и достоинствам, я право, сколько понимаю, стараюсь быть справедливым! Глупый бунт в Имеретии и областях, лежащих к Черному морю, не может иметь важных следствий, но продолжиться может и отвлекает меня от некоторых полезных предприятий, и я теряю целого лета время работы.

Как я счастлив, что возвратился сюда, а не поехал в Петербург, ибо хотя и без меня здесь все в том же делается порядке, но могли бы упрекнуть мне,

что я только свои имел в виду выгоды. Впрочем, и то не мешает, что я здесь, ибо народы прекрасной страны весьма склонны к бунтам, а знают, что я человек не весьма снисходительный, и остерегаются.

Надобно признаться, что меня здесь очень не любят, но и то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же боятся. Со здешнею *дичью* не много выиграешь благостию!

Надобно, прежде всего, переговорить обо всякой мерзости, и потому от здешних князей перехожу к *чеченцам*.

Войска опять принялись за работу укреплений[5], и им постоянное сие занятие не нравится. Они дали баталию, когда войска приближались, что, по обыкновению, кончилось бегством. Это укрепление одно из стесняющих наиболее чеченцев; остается устроить несколько гораздо меньших — и тогда голод более, нежели теперь, начнет производить опустошений. Впрочем, есть уже селения, лежащие по ту сторону урочища Хан-Кале, доселе почитаемого непроходимым, которые повинуются нам порядочно, и крайность заставляет их даже быть довольно честными. Сим обязан я ловкости, неусыпности и терпению полковника Грекова. Имейте внимание на сего отличного офицера!

Я, как житель Азии, говорю вам о бунтах, но вы, просвещенные обитатели Европы, вы тоже делаете, только что у вас слово бунт заменяется выражением *революции*. Не знаю, почему это благороднее? Однако же и при сем том в Гишпании возмутились войска[6], к ним пристал народ, и то, чтобы приличествовало испросить у короля, у него вырывают силой. Прекрасные способы! Хороши и написанные к нему письма! Какой неблагоразумный поступок, оскорблять то лицо, которое и при перемене правления должно остаться первенствующим. Это — приуготовлять собственное уничтожение! Скажите, сделайте одолжение, вас что заставляет все эти мерзости печатать в русских газетах? Неужели боитесь вы отстать в разврате от прочих? Нам не мешало бы и позже узнать о подобных умствованиях, которые, конечно, ничего произвести у нас не в состоянии, но нет выгоды набить пустяками молодые головы. А французская наша газета[7] еще лучше: в ней написана даже и королевская присяга, которую посовестились перевести в «Инвалиде».

Важно вы отыгрались от Потемкина[8] и Розена[9], впрочем, не справедливо, что так долго удерживали их против желания. Однако же и о них пропечатали рескрипты в газетах, чтобы не подумали простолюдины, что ими могли быть недовольны.

Странно, однако же, случилось, что в одном только Измайловском полку командир имеет фамилию русскую[10].

Не почтите со стороны моей за нескромность подобное замечание. Бог свидетель, я не имею никаких на сей предмет глупых мыслей, но нет сумнения, что многим, конечно, покажется сие весьма странным, и то покажется невероятным, чтобы в армии не было русских, равных с ними достоинств и способностей, особливо когда в командиры полков по большой части избирались из армии.

Переводом Черноморского войска в зависимость Грузинского корпуса[11] вы мне ничего приятного не сделали. Я, не успевая прежних обрабатывать дел, сими новыми буду обременен бесполезно и войску расстроенному, делам за-

путанным ни в чем помочь не в состоянии. Их загоняли закубанцы, и в том же положении при мне они останутся или еще и хуже прежнего, ибо граф Ланжерон более имел возможности ими заниматься. Не самая благополучная мысль пришла вам в голову! Если бы мог я управиться, то и сам предложил бы вам о сем.

Благодарю за присланный маршрут путешествия Государя[12], но, видно, обстоятельства помешают мне воспользоваться позволением прибыть в Петербург и едва ли во всяком случае можно мне будет приехать прежде зимы, а многие дела требуют сего непременно и надобно бы представить к рассмотрению многие предположения. Скоро я уже здесь четыре года, есть некоторые замыслы, которые хотел при себе привесть в исполнение, и потому я не желаю переменить место, ибо жаль трудов и ужаснейших забот, не заключив их делом, правительству полезным, а теперь можно сказать, что я только делаю приуготовления.

Но со всем тем, почтеннейший Арсений Андреевич, нельзя не помышлять о приуготовлении себе какого-нибудь в другом месте пристанища на будущее время, и ты удивишься, что я не о честолюбивых видах помышляю. Мне бы хотелось некоторое время пожить за границею в полной свободе, ибо служба моя, хотя довольно приятная и необыкновенно счастливая, оставляет, однако же, чувствительную усталость и уже прежняя привычка к деятельности допускает мысль, что и жизнь спокойная может иметь свои удовольствия!

Брат Михайло захлопотался у вас в столице и пишет весьма редко. До меня дошел слух, что он едет в чужие края, но он о том ничего не говорит. Впрочем, я в досаде почитаю и Белую Церковь[13] чужими краями. Ты правду говоришь, что он вдался в польскую нацию!

Мой граф Толстой с Вельяминовым действуют в Имеретии. Я употребляю его как офицера столько же храброго, как и осмотрительного, и сие последнее качество здесь не меньше необходимо! Вот почему он не пишет.

Не сердитесь на меня, что гишпанца Вангалена[14] употребил я при действующих войсках. Он намерен возвратиться в отечество и не хотел оставить службу, не изъявив трудами своими благодарность, коей обязан за милости Императора. Его велено иметь было при полку для изучения русского языка, но теперь он ему не нужен.

Принеси мое совершеннейшее почтение Аграфене Федоровне и представь ей шаль, которую недавно достал мне Мазарович в Персии. По роскоши петербургской она не будет казаться чрезвычайною, но, впрочем, хороша весьма, нова и особенно тонкая. Здесь находили ее принадлежащей к хорошему разбору шалей. Впрочем, если не понравится, то без церемонии обрати ее назад, и будем продолжать домогаться лучшей, но уже не в Персии, а надобно изыскать другое направление.

Прощай. Продолжи мне бесценную твою дружбу.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 22–27

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 29 мая 1820

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Вчерашняя газета меня утешила, ибо генерал-майор Пестель по армии. Я держал его без всякого по службе занятия, ибо к природным весьма посредственным его способностям присоединился какой-то *столбняк* и, наконец, вся должность его состояла уже в одних любовных сношениях с Ниною, мингрельскою правительницею.

Порадуйте также и в рассуждении Курнатовского. Он никуда не годится, и я ему делаю много чести, относя то к старости лет. Отставляйте скорее! За что не уволили в отпуск Королькова? Что у вас за несчастное соблюдение форм, когда ясно вы видите, что я отделываюсь от людей ненадобных. В сем случае надобно только сохранить уважение к службе соблюдением приличных наружностей, я это и делаю! Неужели лучше было бы сказать: возьмите г[осподина] генерал-майора для того, что здесь он в этом звании никуда не годится?

За подполковника Сорочана[1] также не заслуживал я выговора. Как в ничтожной безделице отказать хорошему офицеру, в котором сверх того была нужда? Вы также бы его уволили, но только мне надлежало спросить, то есть потерять два месяца времени. Начальство не имеет выгод приучить к выговорам. Не в похвалу прежде говорили: *«Арест, как воды стакан»*. Это было при покойном Государе.

Не подумай, почтеннейший Арсений Андреевич, чтобы я негодовал на сие, я со звания ротного командира к тому привыкаю и в оном даже не делывал больших ошибок, следовательно, и теперь те же получаю выговоры. Время к навыку было довольно.

Что ты молчишь о литографии? Сделай одолжение, прикажи о ней что-нибудь написать ко мне.

При вступлении в командование черноморцами мне уже надобно поздравлять их с чрезвычайною наградою. Сумневаюсь в справедливости оной, ибо сам я был на линии в то время, как закубанцы их тормошили. Их гоняют, как баб! Казаки — вечно *данники*. У графа Ланжерона могут быть расторопные правители дел! Посмотрю со временем поближе и тебя, как друга, обстоятельно уведомлю. Между нами, и ты никому не скажешь.

Переменяю систему, запасаюсь приятелями, чтобы не насели после, когда повешенный на стену меч съедаем будет ржавчиною. Прощай.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 21–22

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 7 июля 1820

Любезный и почтеннейший Арсений Андреевич!

Знаю, что последние донесения мои найдут Государя в путешествии, следовательно, ты их скоро не увидишь, а потому посылаю копию с моего рапорта

Государю и князю П[етру] Ми[хайловичу. Мадатов приобрел успехи, каковых не было еще здесь, против горцев. И сей раз конечно бы рассудили они за благо уйти, если бы он не отрезал у них дороги, что и сделало потерю их чрезвычайною.

Тебе, как другу, хочу признаться, что покорение всего Дагестана меня весьма потешило. Народы сии имеют знаменитость и никакой не признавали над собою власти. Здесь такой вселяли они ужас, что никто верить не хотел, что их усмирить возможно.

Ты помнишь, что в конце самом прошедшего года взята Акуша, теперь 15 июня сделано дополнение ханством Казыкумыкским[1].

Знаю я, что Государь, по милости своей, наградит офицеров, ибо предполагается, что не прошу я за недостойных, но могу ли не заметить, что к самым происшествиям ни малейшего не имеется внимания, и конечно, это не много делает приятности. Жалел бы я, если бы приметили то мои подчиненные. За что огорчать людей, исполненных величайшего рвения?

Сколько дел бывало в Молдавии не лучших, и о них известно; не скрылось ни одно дело партизан, хотя многие далеко не стоили здешних. Не стыдимся ли мы признаться, что Дагестан нам не повиновался? Стыд весьма напрасный, ибо земли непокоренные не повинуются: их надобно взять прежде!

Не могу, любезный Арсений Андреевич, отнять у себя удовольствие объясниться с душевным уважением насчет беспримерной твоей замкнутости. Ты принимаешь с чувствительностью то, что об одном из писем своих сказал я тебе, как другу, не намереваясь упрекнуть тебя, но из одной предосторожности. Ты в своем письме несколько раз возвращаешься к сему происшествию, и всякий раз вижу я внимание ко мне благороднейшего друга. Я, забывши между множеством бумаг препроводить копию с письма моего Государю, совсем невинным образом заставил подозревать тебя, что не хотел того сделать. Хорошо, что ты объяснился, ибо я уверен был, что послал, и мне не пришло бы в голову о том подумать. Теперь оную препровождаю, ты увидишь сущую истину!

Государь сделал большую милость, дав мне Фонвизина, но я уже колеблюсь употребить его в Имеретии, ибо полковник Горчаков ведет себя там с особенною ловкостью и, сверх ожидания моего, показал способность и в делах, касающихся до самого управления. Полковой командир он редкий: как переменился полк в его командование! И внутренность в таком порядке, что сдаст он его в 24 часа. Я не думаю, что у вас много весьма было таких полковников, но я по окончании дел в Гурии намерен просить о его производстве, ибо он и в чине давно уже и производство скоро и по линии ему принадлежать будет.

В Имеретии, благодаря Богу, рассеяны все шайки мятежников и несколько дней тому назад разбита последняя партия одного князя, главнейшего из мошенников. Многие из бунтовщиков схвачены, и такова была бы участь большей части из них, если бы паша ахалцихский не принимал их к себе, вопреки трактату или, по крайней мере, вопреки правил благородного человека. Но тебе известно, что из турецкой сволочи не много бывает людей порядочных. Пашу ругаю я, как каналью и, право, думаю, что иногда принимает он за похвалу. Войска скоро пойдут в Гурию, где гораздо более обнаруживается злодеев, нежели в Имеретии. Жаль, что уйдет убийца Пузыревского! Здесь нельзя ожи-

дать, чтобы дерзость или отчаяние завлекли кого-нибудь, и он попался. Злодей, зная гнусное преступление, о бегстве, прежде всего, помышлять станет. Надобно мне будет, почтеннейший Арсений Андреевич, попросить о вдове Пузыревского, ибо он был без состояния и сдача полка стоит последнего, потому что здешними малыми средствами не мог он в короткое время внутренность оного привести в желаемый порядок, хотя, впрочем, не тот уже полк, что был при г[енерал]-м[айоре] Печерском, который совершеннейший колпак.

Не знаю, как сие письмо дойдет к тебе, и потому пишу коротко.

Сделай одолжение, перешли к графу Воронцову чепрак, который давно уже лежит у меня, присланный из Персии от Мазаровича, я полагал его давно отправленным, и причиною сей неаккуратности корпусный адъютант.

Принеси мое почтение Аграфене Федоровне, которое принадлежит ей в совершенстве по всем отзывам о ней моих знакомых.

Не замедлю прислать другого фельдъегеря и буду обо всем писать обстоятельно.

Поспеши доставлением литографии.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 27–29

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 5 сентября 1820

Редкий брат Петр Андреевич. Прими благосклонно подателя письма сего Chevalier de Gamba[1], человека достойного. По соизволению своего правительства объезжал он Грузию и мусульманские наши области, с намерением учредить компанию для торговли с Азиею, и буде можно ввести несколько колонистов для разведения различных плантаций, которых лишилась Франция с потерею своих колоний. В здешней стране люди, могущие обращать большие капиталы, весьма полезны, и заведения всякого рода в руках частных пойдут успешнее. Не нам и не здесь учреждать возможно казенные фабрики. Дюк де Ришелье, рекомендовавший мне сего иностранца, кажется занимающимся сим предметом и войдет в сношение с нашим министерством. Я нахожу большие для нас выгоды, если правительство изъявит на то свое согласие; боюсь только, что не обратит на то должного внимания, или, не имея о здешнем крае достаточных сведений, не обоймет предмета во всех его отношениях. Что сказать о себе? К вам не попадешь никаким образом, здесь дело одно за другим и свободной нет минуты. В течение года времени у меня большие перемены, которых польза еще была бы ощутительнее, если б не помешал бунт в Имеретии (который давно, однако же, кончился) и Гурии. Должен сказать с прискорбием, что между христианами правительство имеет злейших врагов и что мусульмане, невзирая на различие веры, криво истолковываемой невежественным духовенством, в короткое время будут вернейшими и послушными подданными. Теперь уже многие из них служат вместе с войсками нашими, а христиане проливали нашу кровь в бунтах против правительства, с ужасней-

шим ожесточением. Теперь, благодаря деятельности начальников и храбрости войск, отысканы мятежники в местах неприступных и действует ужас там, где нет места великодушию. В Гурии также кончились беспокойства! Не всегда употребляя средства самые строгие, но не пропуская вины без наказания, обуздываю я здешние народы, и часто преступники сами себе произносят приговор. Так теперь бежал генерал-лейтенант Мустафа-хан ширванский, чувствуя вину свою и зная, что не умедлится взыскание. Давно он мошенничал, но я занят был другими делами и лишь только сделался свободнее, он рассудил за благо не ожидать вразумительного поучения пушек. Бегство его отягчило нас сладким бременем более полумиллиона дохода. Это достано без выстрела! В прошедшем году один из ханов умер и я, растолковав трактат, как муллы объясняют Алкоран, взял ханство в российское управление с полумиллионом же дохода[2]. Итак, любезный брат, Петр Андреевич, не все я здесь дерусь бесполезно, как говорят обо мне, а сие то и производит, что, смиряя лютейших, заставляю слабейших вознаграждать за труды наши. Прощай, поцелуй ручку у сестры несравненной!

Верный по смерть

А. Ермолов.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 503–504

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 6 сентября 1820

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Ты лучше всех знать должен, сколько в рассуждении многочисленных армий наших мало имеем мы отличных штаб-офицеров и что потому простительно начальникам отыскивать таковых всяким образом.

Я прошу тебя, почтеннейший друг, способствовать переводу полковника Раевского[1] в здешний корпус. Николай Николаевич того сам желает и я не менее, ибо сын его — офицер поистине с наилучшими и счастливыми способностями и службе везде полезным будет. Здесь мне он весьма надобен, и я найду ему занятие лучше даже командования полка. Мало-помалу раскидывается наше владычествование и повсюду нужны начальники сметливые и расторопные, которые бы не уронили достоинство нашей власти.

Я о Раевском просил князя Петра Михайловича, но боюсь, что он не приложит своего ходатайства, ибо некогда старался Николай Николаевич доставить ему звание флигель-адъютантом и даже имеет надежды.

Боюсь я, чтобы сие не воспрепятствовало определению сына сюда в корпус, ибо случиться может, что не решится возразить Николай Николаевич, когда встретит затруднение.

Ему неловко говорить за сына!

Постарайся, любезнейший друг, ты доброе сделаешь дело.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 30

М. С. ВОРОНЦОВУ

Тифлис, 6 сентября 1820

Любезнейший граф Михайло Семенович.

Давно уже не писал я к тебе, и сему то было причиною, что я ожидал видеться с тобою в Петербурге, потом уведомлен был, что ты едешь в Англию, и точно не знал, когда оставил ты Петербург и где твое пребывание.

Раевский, будучи у меня в Тифлисе, получил письмо твое о скором отъезде твоем в Англию, и я пишу, полагаясь на обещание его доставить письмо.

Я здоров, живу нынешнее лето совершенно праздно и действую моими лейтенантами[1]. Мадатов разбил Сурхай-хана[2] в Казыкумыке, и ты, зная здешние народы, удивишься потере ими понесенной. Войска наши окружили их в твердых окопах, отрезали отступление, ударили в штыки, слишком 1200 человек было убитых, 603 взято в плен; далее занят Казыкумык, досталось в добыч[у] весь лагерь, 11 знамен и 7 пушек, некогда оставленных Шах-Надиром.

Вельяминов употреблен был на смирение взбунтовавших имеретин и гурийцев, и все приведено в надлежащий порядок. Войска наши проходили места ужасные и доселе почитаемые неприступными. Глупые народы думали сыскать в лесах своих убежище, и храбрые солдаты наши, не разумеющие трудностей, не помышляли даже иметь с собою артиллерию, без которой здесь прежде неохотно хаживали. Ужас повсюду свыше всякого описания. Мустафа, хан ширванский[3], убоясь наказания за давние и доселе продолжавшиеся измены, о коих достоверно узнал я, схватив приближенных ему людей, убежал со своим семейством и приверженцами в Персию, куда незадолго пред тем проводил он же бежавшего в Персию Сурхай-хана. Итак, менее нежели в год в руках наших Шекинское и Ширванское ханства и более нежели миллион дохода. Не стоили оба ни одного выстрела!

Внутреннее устройство идет медленно или, лучше сказать, почти совсем нет успехов, но впоследствии ожидать их должно.

Открыта новая дорога чрез Кавказ от Тифлиса до Дербента, местами прекрасными, населенными и короче прежней более, нежели 300 верст, во всякое время года проходимая, и с весною начинается работа.

Находится чрез Кавказ новая дорога на линию и уже осмотрена посланными от меня людьми, а на сих днях отправляется офицер для обозрения. Мы избавимся беспрерывных опустошений Терека и снеговых обвалов, которых ни деньгами, ни искусством отвратить невозможно!

На Сунже производится построение укреплений; в Аксаевском владении в нынешнем году построятся два укрепления, и теперь уже чеченцы и без зимы еще в самом стесненном положении. Дойдет дело и до всех!

Благодарю покорнейше за телескоп, но он привезен ко мне в порошке; даже не было подозрения, что были стекла, ибо все до такой степени истреблено. Тем более жаль мне, что без сумнения ты выбрал хороший. Впрочем, он одного был размера с той прекрасной трубкой, которую ты ко мне прислал прежде.

Будь здоров, любезный брат; жаль мне, что отсутствие твое на долгое время из отечества лишит меня удовольствия тебя видеть; а быть может, что нынешнюю зиму я буду в Петербурге.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 81–82 об.

С. С. ИВАНОВУ[1]

Тифлис, 6 сентября 1820

Милостивый государь Семен Сергеевич!

На письмо Ваше августа от 27 дня ответствую*.

Напрасно приискиваете вы причины, по коим не хотел я принять вас у себя.

Вы без ошибки найдете их в собственных поступках, которые дают все право не иметь к Вам, по крайней мере, ни малейшего уважения.

Первый контракт, заключенный Вами с Мустафой Ширванским на десятилетнее вновь содержание Сальянских рыбных ловлей, не мог иметь силы без моего утверждения, и потому приказал я признавать его недействительным.

В нем без того внесены были урочища, Мустафе не принадлежащие, которые потому только представлены были в откупное Вам содержание, что Вы нагло обманули моего предместника, утверждавшего контракт [с] чрезмерною для Вас снисходительностью. Итак, за контракт, не имевший законного утверждения, весьма странно, что Вы могли дать в роде задатка более нежели за сто тысяч рублей вещами и деньгами, а если и дали что-нибудь, то без сомнения, по прежним каким-либо расчетам, и мне до этого нет ни малейшей нужды. Я рассматриваю одни квитанции, которые Вы должны иметь от бывшего хана, в получении им откупной от Вас суммы. Второго контракта вы не должны были заключать с бывшим ханом, ибо когда 2 августа прибыли Вы к нему в Санеут, то уже явна была его измена; беспрестанно производились совещания, отправлялось имущество за Куру и намерение его бежать не предавалось никакой тайне. Приставу капитану князю Макаеву подробно были известны злодейства изменника Мустафы и его замыслы, о чем им донесено было начальству.

В сие самое время Вы заключили вторительный с ним контракт и утвердили меня в прежнем мнении, что корыстолюбивому откупщику нет приличий, а деньги ему свыше всего прочего.

Вы готовы утверждать, что о поведении Мустафы Вы ничего не знали, ибо бессовестно утверждаете в письме Вашем, что не смели отказаться от принятия контракта, по силе вновь последовавшего от меня Мустафе предписания. Но что скажете Вы противу показания капитана князя Макаева, что вы обнадежили изменника Мустафу поправить дело его, чему сверх того имело доказательством подлинное письмо к Вам изменника, в коем видно условие употребить 5000 червонцев, которые на счет его обязались Вы дать из Ваших денег? Привезший письмо сие изменника Мустафы чиновник показывает, что сии деньги должны были обращены быть на подарки.

---

* Фраза присутствует только в копии РНБ.

Мустафа злодеяниями и наконец бегством доказал, что ходатайствовать за него, по крайней мере, бесчестно, а ходатайство это Вы приняли на себя, стараясь деяниям его придать другой вид, единственно из побуждений корыстолюбия, которому честь Ваша и в должностях прежде Вами занимаемых не бывала обузданием.

Ограждены будучи чином, дающим право дворянства, Вы не отъемлете у меня права дать Вам приличнейшее название и, конечно, не благородного человека.

В заключение скажу Вам об откупах, что если желаете иметь в содержании Сальянские рыбные ловли, от вас будет зависеть [явиться] к торгам и удержать их за собою, предложив казне выгоднейшие цены.

Затем, надеюсь, Вы сделаете мне честь прекращением Вашей со мной переписки.

Вашего Высокородия покорнейший слуга

А. Ермолов.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 3–4. Копия;
ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 10. Л. 5. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 24 сентября 1820

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич!

Давно не писал к тебе, никогда так не случалось и мне больно сие, но ни одного не было отъезжего фельдъегеря. Множество вещей сказать тебе нужно и отвечать многое по твоим письмам, но меня замучили дела, до такой степени вдруг умножившись, что я, поспешая их кончать, даже откладываю к тебе писать до другого фельдъегеря. Желаю тебе, другу почтеннейшему, благополучия и здоровий, у милой твоей супруги поцелуй за меня ручку.

Прощай.

Душою преданный

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 29

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 16 октября 1820

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Податель письма сего, лейб-гвардии Уланского полка штабс-ротмистр князь Багратион, был здесь в отпуску и возвращается к своему месту. Прими его благосклонно, ибо он достоин того благороднейшим поведением своим и отличною скромностию.

Я любовался на сего молодого человека и жалею очень, что здесь мало весьма ему подобных. Оставя с ребячества сей край, он был в нем как иноземец и другого не имел общества, как между русскими.

Что сказать тебе о себе? Хлопоты те же, год тяжелый, хлеба мало, фураж так дорог, что если бы можно кормить лошадей пшеном сарачинским, то едва ли бы дороже ячменя. Я начинаю понемногу прихварывать, и кажется, что лета напоминают, что уже не по них должность многотрудная. По справкам оказалось, что из всех здесь бывших начальников я живу в Грузии более прочих, а жизнь подобная не красит! Напрасно, друг любезнейший, замышляешь ты женить меня: прошло время и жене наскучить можно одним попечением о сбережении здоровья дряхлого супруга. Хорошо тебе рассуждать, еще молодому человеку, избравшему жену чудесную. Не думаешь ли, что все такие? Тебя судьба наградила по справедливости, а если мне достанется характера, моему подобного, то мы можем давать уроки *малой войны*.

Давно не скучал я тебе моими просьбами, за то теперь и просьба, и жалоба.

Ты знаешь служившего при мне Ермолова[1], теперь командующего Грузинским полком? У него есть родной брат (мне двоюродный)[2], хорошо весьма учившийся, одобряемый начальством прапорщик квартирмейстерской части Ермолов. Я просил князя Петра Михайловича о переводе его в гвардию и уже давно, но ответа не получаю. Газеты наполнены переведенными в гвардию адъютантами и в таких чинах, что вы вмиг увидите их полководцами. Не сумневаюсь, что сие делается из уважения к их генералам, но неужели нет между ними таких, с которыми могу я быть сравнен и даже без большего самолюбия?

Приложи, любезнейший друг, старание о переводе Ермолова, если ты не сделаешь — то мне и совсем надобно будет отступиться. Неужели должен я вменять в милость мне собственно оказанную и то, что дают награды офицерам, заслуживающим оные трудами и храбростию? Думаю, им оказывается должная справедливость, которую отказывать неприлично, и мне за каждого из таковых нельзя почитать себя обязанным! В рассуждении меня собственно могу тебе сказать, как другу, что я чрезвычайно доволен моим положением и не могу иметь желаний, но думаю, однако же, что не истощил милостей и вы столько великодушны, что не почтете меня подавленным под бременем оных. Почтите во что-нибудь четыре года моего здесь пребывания, которые в России умел бы я провести с меньшими трудами и большею приятностию.

Жаль мне, что я прежде не просил тебя и не стыдно бы мне было того не получить, что редко кому-либо отказывается. Прошу по-приятельски, уведомь о причинах, если сего сделать не захотят. Тогда обращусь я с просьбою к Скобелеву[3] или Маевскому[4] и, может быть, успею.

Не смею просить Клейнмихеля, а то бы успел, конечно! Ты, верно, смеешься моей выдумке, а я не шутя думаю к ним адресоваться и, конечно, распущу письмо мое. Ты на меня не рассердишься, а других я не боюсь!

Чрезвычайно давно не писал я к тебе, а множество глупых вещей наполняют мою голову и мне надобно рассказать их, чтобы облегчить тягость головы. От тебя давно не было фельдъегеря, но как скоро возвратится Государь, то я и ожидаю восстановления прежнего порядка и с тем вместе верного случая писать к тебе.

Собираюсь зимою к вам, и в расчет мой входит удовольствие пожить с тобою. Дел собственных у меня нет никаких. По службе — что хотите; в рассуждении сего я самый лучший человек и на все, все готовый!

Принеси мое совершеннейшее почтение ее превосходительству Аграфене Федоровне, которую, по слухам, уважаю я душевно.

Письмо у сего графу Каподистрии отдай по возвращении его. Прикажи фельдъегерям привозить пересылаемые от книгопродавца Вейера[5] книги.

Прощай! Люблю и почитаю тебя чистосердечно.

Верный по смерть

А. Ермолов.

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 30–33

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 30 ноября 1820

Любезный брат и благороднейшее существо! Не хочу ничего скрывать от тебя, ниже моих ошибок. В черные минуты, каковые жизнь здешняя доставляет во множестве, о тебе, как о человеке значащем, судил я по другим, но ты существо пречудесное, и я обманулся! Казалось мне, что просьбу мою о брате почел ты прихотливою, тронуло чувствительно, что не обратил внимания на состояние его поистине бедное. Я узнал, что необходимо было соизволение Государя, не мог не знать, что собственные правила твои изъяснят тебе, что необыкший просить, не решается просить без крайности, и как после того мог я истолковать твое молчание?

Но сильнее самой ошибки моей чувствую я цену благородного твоего поступка и вместе с братом благодарность наша есть жертвою, тебя достойною! Ты сделал более, нежели к чему и самая обязанность наклонять может, сделал для тех, кому ничем не обязан, теперь пусть, что хотят, делают сильные!!!

Какая странная мысль пришла тебе показать письмо мое, и я, не помня точно содержания оного, боюсь, не в желчь ли обмокал я перо мое. Ты можешь повредить моей скромности…

Я пропал, если что-нибудь говорил о вельможах, и разве только то спасет меня, что уже не может возрасти их ко мне неблаговоление. Хорошо, однако же, сделал ты, что мужественно защищал выпуск в свет письма моего. Это не Академическая выставка и могла бы не быть мне полезною. Я уже прекрасно во многих случаях рекомендован, и за связь со мною были бы и тебе упреки.

По возвращении Императора не упусти припомнить министру. Вельмож насыщают приветствия людей твоего разряда, и дело от того может иметь благоприятный оборот. Меня и Дружинин[1] не удостоил ответом, чего же мне ожидать от вельможи?

Ты, однако же, бранишься в письме твоем, и я готов бы с тобою схватиться, но как просителю не прилично возражать, то и оставляю объяснение до личного с тобою свидания. Какая ловкость! За что же у знатных не снискиваю к себе благоволения? Хочется мне побывать у вас, и как ныне ко всему восточному есть особенное внимание, то и на меня вы оное обратите. Что до-

селе с нашей стороны появлялось у вас, едва ли могло, по справедливости, занимать место между людьми, и мне кажется, чтобы дать о себе выгодное понятие, они весьма неловко делают, что приводят с собою лошадей. Тогда не затруднишься дать преимущество!

Что за вздоры происходят у вас в мире просвещенном? Головокружение хуже чумы нашей, а укрощать и ту болезнь не легче; у нас та выгода, что восстающих против законной власти и разрушающих установленный порядок просто называют бунтовщиками и их душат, ибо напрасен труд вразумлять не рассуждающих, а при переворотах таковыми является большая часть людей; движущие же пружины в малом всегда числе или многосложная машина сама собою повреждается. Не нравится мне новый характер революций, производимый армиями. Если сии последние способствовали иногда властолюбивым удерживать народы в порабощении, то сколько же раз были оградою внутреннего царств спокойствия, благоденствия народов. Не в нынешние времена могут быть армии слепыми орудиями власти, следовательно, не им приличествует содействовать к разрушению оной! Просвещение открывает народам пользу их, изучает властителей не пренебрегать общим мнением и довольно! Кто ныне не разумеет, что лучше сегодня дать добровольно то, что завтра может быть вырвано насилием. Достоинство есть свойственный вид власти, ей приличествует дар добровольный, не совместно соглашение, а народы не менее воспользоваться могут им принадлежащим.

Владыкам, собравшимся на конгресс в Троппау[2], нельзя терять столько времени, как на конгрессе в Вене. Соседний Франции пожар не благоприятен. Гишпанцы не взяли за образец хартию Людовика XVIII, следовательно, можно думать, что есть что-нибудь лучшее. Напрасно возлагать надежды спокойствия на одном рождении герцога Бордо[3]. Он долго не будет полезнее напитка сего имени, а это не много!

Неополитанцы прикидываются, будто чувствуют себя людьми; впрочем, для беспорядков много годных инструментов, и если ладзарони возмечтают, что революция может дать им лучшую пищу, нежели излавливаемые в море черви, то и ими прнебегать не должно.

Благодари, что я при конце страницы, иначе мог бы тебе наскучить пустым рассуждением, а болтать была охота необыкновенная. Не много солдат великих политиков. Смейся, я этого ожидаю!

Поцелуй у бесподобной сестры ручку. Прощай! Верный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 105–106

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 27 ноября — 5 декабря 1820

Давно не говорил я с тобою, почтеннейший Арсений Андреевич, как мне хочется, не посылал фельдъегеря, думая, что спросят, зачем посылаю, ежели нет особенного дела. Надумался и послать решаюсь.

Скажу, любезнейший друг о себе.

Здешним пребыванием начинаю скучать и не мудрено, ибо жизнь несноснейшая, нет никаких удовольствий и трудов без конца. Все надобно делать,

при малых способах идет все медленно, а если и могут быть успехи, то ими пользоваться будут мои преемники, но, конечно, не я. Признайся, что подобная работа тягостна, и мало таких людей, которые бы не лучше желали наслаждаться плодами трудов в настоящее время, нежели одними ожиданиями таковых в будущем времени. К сему последнему потребен великий героизм, а я не герой!

Не оскорби меня, друг любезнейший, подозрением, чтобы я чем-нибудь был недоволен. Я был бы человеком неблагодарным и не заслуживал бы твоей дружбы! Не может быть подобной причины, но скучаю собственно самым родом жизни. Надобно мне непременно быть у вас, повидаться с приятелями, немного подышать другим воздухом. Я думаю, однако же, что если не просить на то позволения, надобно, по крайней мере, предварить на счет моего приезда, дабы не был неожиданным. Досаден будет вопрос: зачем приехал? Сделай дружбу, распоряди все пристойным образом и меня уведомь. Кажется, нынешнюю зиму дела здешние допустят меня месяца на три отлучиться, но не более, и мне бы хотелось выехать в декабре месяце, дабы на возвратном пути избежать распутицы. Поспеши уведомить.

Ты хочешь, чтобы писал я к тебе о брате Михайле. Дилижансы, как теперь из описаний видно, вещь есть весьма полезная, но жаль, что от человека необыкновенных дарований, как он, это предложение было первое по возвращении его из-за границы. С его способностию и свойством все наблюдать, не сумневаюсь, что он мог бы предложить какое-нибудь полезнейшее учреждение или улучшение. Мысль о свободе крестьян смею сказать, невпопад. Если она и по моде, но сообразить нужно, приличествуют ли обстоятельства и время. Подозрительно было бы суждение мое, если бы я был человек богатый, но я хотя и ничего не теряю в таком случае, далек, однако же, чтобы согласоваться с подобным намерением и собою не умножил бы общества мудрых освободителей. Как вообразить, что нам все то приличествовать может, без чего другие существовать не в состоянии? Вред сих замыслов не состоит в самом предложении, но в примере, которому последовать могут многие неблагоразумные люди, единственно по доверенности к мнению известного и отличного человека. При таковых случаях действуют бедные, а их большее всегда число. Не думает ли брат Михайло сделать себе бессмертное имя? Ему надобно остерегаться, чтобы не оставить по себе памяти беспорядком и неустройствами, которые необходимым будут следствием несогласованного с обстоятельствами переворота. Не большое счастье быть записану в еженедельное издание иностранного журнала!

Весьма разительно твое замечание, что, помышляя дать свободу, он продал часть некоторую имения. Таким действием он может разрушать доверенность к своим предложениям и дать повод к невыгодным на счет свой заключениям.

Просто сказать: у него ум за разум зашел!

Божусь, не узнаю брата Михайлы и неужели он не по-прежнему с тобою и не открыл тебе своих намерений? Надобно было, почтеннейший Арсений, предостеречь его! Долговременное из России отсутствие могло многие обстоятельства сделать ему не довольно известными. Мне не нравится и самый способ *секретного общества*[1], ибо я имею глупость не верить, чтобы дела добрые требовали тайны. Вижу, однако же, большое влияние брата Михайлы,

ибо успел он согласить людей порядочных и умных. Калиостро[2] дальновиден и человек, знающий расчет, был им очарован, а после него не удивлюсь, если и многие последовали. Мне брат Михайло ничего подобного не сообщает, и стиль писем его приметно переменился; я сам стал писать к нему об одном здешнем крае и о прочем никакого рассуждения. Прежде я шутками высказывал свое мнение о некоторых предметах, но он принимал иногда за насмешку, и я перестал.

Вижу, любезнейший брат, большие успехи в поселениях. Лучшее доказательство удовольствия есть Александровская лента, данная Витту. Признаюсь, что награждение ужасное и надлежало бы умерить его *вычетом* с него Георгиевского креста, который при мирных добродетелях его совсем излишняя для него тягость. Сделай дружбу, не сказывай никому нескромного моего замечания: и без того мало у меня приятелей! Признайся, однако же, что я изыскал премудрый способ уравнения наград. Основатель поселений должен быть в восхищении, ибо повсюду чрезвычайные награды, и они должны разрушить все невыгодные о поселениях толки. Вот новый способ получить командование армии и, кажется, довольно многочисленной. Г[оспода] главнокомандующие армиями скоро почувствуют, что имеют сильного соперника и который может на выбор брать у них наилучших офицеров. Я не столько знатный человек, но охраняют меня горцы от поселений. Честь учреждения оных будет принадлежать другому, а основатель до того счастливого времени не доживет. Здесь в некоторых местах будут они полезны впоследствии, но я боялся бы утеснительных правил, на коих они основаны, и здесь неудовольствие жителей может быть пагубным. У вас плети все решают, а здесь недовольным могут помочь неприятели. Равная осторожность извне и внутри не выгодна!

Если что подобное замыслят — вместе с приказанием присылай мое увольнение. Не сделаешь ошибки!

Ответствую на слова твои: представления ваши утверждаются без перемены. Правда, и я благодарю чистым сердцем. Скажу тебе, как другу, что хотя я и строг в назначении наград и прошу их точно служащим славно, но всегда принимаю собственным мне награждением, и так ты можешь судить, до какой степени я признателен. Это подтверждает, что в начале письма сказал я о себе.

Главнокомандующие, говоришь ты, получают отказы.

Не их ли вина, если просят о пустом или просят многого? Я не в равном с ними состоянии, и потому в просьбах умереннее, и всегда поступаю с разбором. Знатные сии господа не чувствуют моих над ними выгод. Им малейший отказ чувствителен, а я, иногда таковой получая, не оскорбляюсь и спустя некоторое время возвращаюсь с вторительною просьбою. Таковые случаи ты столько же хорошо знаешь, как и я. Мои бумаги читают, говоришь ты, и часто. Я не иначе то понимаю, что мои бумаги поступают на *ценсуру*. Я осторожнее иногда, но нельзя быть постоянно благоразумным с таким *прекрасным характером*, как мой. Знаю свои недостатки! Иногда, чтобы припомнить о себе, выпускаю странные бумаги и приказы, на которые другие не решаются пуститься. Могу в таковом роде сообщить тебе переписку мою с одним богатейшим откупщиком, у которого есть в Петербурге знакомства. Он при моем предместнике Ртищеве находил большое к себе снисхождение и на таковое же при мне надеялся[3].

Сей подлейший армянин готов был на все происки и, деньгам поклоняясь вместо Бога, надеялся на их силу. Я пресек ему все пути и обнаружил его мошенничества. Дойдут слезные его жалобы до Петербурга, но ты отдай мою переписку кому-нибудь из молодежи, и пусть забавляются ею. Подлеца сего надобно истребить! Представь себе, что он от бежавшего в Персию Мустафы-хана ширванского имел поручение подкупать моих окружающих, чтобы скрыты были его злодейства, и он оставлен был ханом. Ему поручено было не щадить ни денег, ни подарков.

У меня все, благодаря Богу, покойно, давно кончился мятеж и в Гурии. Подлые изменники старались делать нам возможно вред, турки мало помогали им людьми, но явно давали у себя убежища, снабжали свинцом и порохом.

Грузия пристально смотрела на успехи возмущения и, как сама раз несколько была примером подлейшей измены, конечно, тайно не почитала того преступлением. Итак, в Имеретии и Гурии хотел я дать урок всей здешней стране. Я расчел, что лучше наказать примерно такие области, от которых мы еще никакой пользы не получаем, и тем устрашить Грузию, которая начинает приходить довольно в цветущее состояние. Кажется, что сей последней пройдет охота к бунтам, ибо наказание Гурии привело в трепет. Может быть, покажется жестоко, что детей бунтовщиков отправляю я в военно-сиротское отделение, но верьте, что это лучшее обуздание на будущее время. Некоторых из знатнейших фамилий наказал я отнятием в казну имений, и простолюдины, несравненно лучших наклонностей, нежели владельцы и князья и дворяне, в восхищении, что, принадлежа казне, избегли они злодейского с ними их обращения.

Некоторые из преступников, по уважению, что дети их, находясь в службе, ведут себя достойным образом, сохранили имения свои в фамилиях, и я с удовольствием вижу, что крестьяне ропщут, что они в казенное ведомство не поступили. Это на предбудущие времена дает надежду, что в возмущениях не будут они содействовать своим помещикам и, чтобы принадлежать казне, будут обнаруживать их замыслы.

Войска наши поступали с чудесною храбростию, 44-й егерский полк важно отмщевал убийство своего полковника[4].

Жители в местах, которые почитали неприступными, не находили убежища, но всюду были наши войска, — в горах и лесах ужаснейших. Надобно было уничтожить мнение, что в лесах можно противостать русскому солдату, мнение, здесь весьма вкоренившееся и которое многих здесь поддерживало в возмутительных замыслах.

Не испугайся, любезнейший Арсений Андреевич, что в военно-сиротское отделение отправил я одного царевича. Отец его был ужаснейшая скотина, и в Имеретии его называли Коровою[5]. Дурака обманули, что он может быть царем, и он был из горячайших бунтовщиков.

Ничтожность его доказывается тем, что когда по присоединении Имеретии генерал Тормасов желал удалить царскую фамилию, то его и в предмете совсем не было. В бунте он явился с шайкою и стоил нам потери двух казаков, но тем и кончились его подвиги. Вскоре шайка была рассеяна и он убит.

В продолжении беспокойств имел я выгоду заметить несколько людей весьма усердствующих, которые нам весьма надобны быть могут.

Мною представлены будут офицеры к награждению, которых как храбрость, так не менее и самые труды заслуживают уважения. Возьми в рассуждение одно движение беспрерывное в самое знойное время года в климате убийственном и шесть месяцев. Потеря в людях от болезней ужасная, ни одного не осталось здорового офицера, и Вельяминов мой был без надежды — теперь только выходит из опасности. Постарайся, почтеннейший Арсений Андреевич, доставить им испрашиваемые мною награды.

С последнею почтой получил я от брата Михайлы письмо из Белой Церкви от 18 сентября. Он в беспрерывных поездках и, кажется, весьма занимается своими хозяйственными делами. Уведомляет меня о намерении на возвратном пути из Англии проехать через Францию в северную часть Италии. Дает мне некоторые политические известия, прекрасно о них рассуждая. Брат Михайло поистине редкий человек!

Завидовать можно положению его во многих отношениях: лета молодые, состояние огромное, жена прекрасная, достоинствами снисканное уважение, способности редкие!

Временем своим располагает по произволу и приятнейшим образом. Наш брат отлучись от должности на короткое время, и есть будет нечего. Ты, однако же, молчи о таковом моем рассуждении, дабы не можно было подумать, что я приговариваюсь к аренде. Божусь, в ней нет нужды! Не сердись, что предостерегаю тебя, ибо знаю, что по дружбе твоей ко мне ты в состоянии сказать, что у меня ничего нет и что я существую одним жалованием. Здешнее место, при обыкновенной моей воздержности, дает мне способ жить, и стыдно было бы просить что-нибудь без нужды.

Прошу тебя, как брата, если бы и было намерение подобным образом когда-нибудь наградить меня, твое мнение много значит — отклони неприятную сию награду.

По обыкновенному вещей порядку долговременное служение ведет ко многим наградам, и мне, подобно Вязьмитинову, Тормасову и Коновницыну, могут предстоять оные. Боже избави, если и меня вздумают обезобразить графским *титулом*! Это хуже и самой аренды и сего я не мог бы перенесть. Поверишь ли, любезный друг, что это будет указ об отставке! Я бы желал тщеславных людей, домогающихся сих пустозвучных титлов, перенести в Грузию, показать им толпу безобразных князей и спросить после: стоит ли труда честного человека желать с ними сравниться? Что же после того графы, которых в Польше не много менее, как жидов?

Благодарю за литографию! Изобретение прекрасное и здесь чрезвычайно полезное, особливо не имея татарской типографии.

У меня, благодаря редкой попечительности моего Наумова, русская типография в прекрасном состоянии. Он отыскал одного из преступников, хорошего резщика, и делает матрицы. Данные тобою мальчики выучены набирать по-грузински, и на сем языке печатают весьма изрядно, особливо когда другой в земле нет типографии.

Поручаю вниманию твоему Наумова, поистине редкого усердием, деятельностию, правилами чести и благонамеренностию. Поверишь ли, что не много людей, на которых бы можно более положиться, как на него. Помоги мне ис-

ходатайствовать ему аренду: он очень беден и на руках его многочисленное семейство. Не откажите благодеяния нужного и у места употребленного!

Сейчас получил известие, что кончены нынешнего года работы против чеченцев. Построена довольно хорошая крепостца, называющаяся *Неотступный Стан.*

Построен редут, именуемый *Злобной Окоп*[6]. Так назван он по положению его на месте, откуда нападали прежде самые злобные хищники, и в память того, что на сем месте была переправа чрез Сунжу известного полковника Пие-
ри[7], который погиб с полком против чеченцев, окружен будучи в лесу, где не могла действовать его артиллерия. Давно бы отмстил я за сие происшествие, но чеченцы начинают не только покорствовать, но даже и служить важно. Построено еще временное укрепление при самом Аксае, для ограждения его от чеченцев. Докончены многие работы в крепостях Грозной и Внезапной. Все сие сделано малыми весьма средствами и помощью вновь покоренных народов за ничтожную цену, не требуя на сие ни гроша от казны денег генерал-майор Сталь оказал большую заслугу и кончил возложенные на него поручения отличнейшим образом. Он открыл сообщение Грозной с крепостями Неотступным Станом и Внезапною. 2000 человек кумыков и чеченцев с топорами, вместе с нашими 500 человеками рабочих, в продолжение шести дней прорубили пять верст дремучего леса, и теперь дорога пролегает по Сунже широтою в полверсты, а там, где проходит чрез лес, прорублена шириною на версту, дабы проходящие войска не могли быть вредимы из лесу. На чистом же месте неприятель не подвергается опасности, ибо всегда выгода с нашей стороны.

Подобные труды достойны быть известными Государю, и ты, почтенный Арсений, можешь забросить слово, ибо нет хвастовства, а самая истина.

Кабардинцы несносными шалостями вызывают на бой, и я должен терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями чеченцами и имею в предмете некоторые работы со стороны Дагестана, дабы упрочить обладание наше сею важною и воинственною страною. Когда пьют кровь змеи, тогда жало комаров не так чувствительно. Так разумею я кабардинцев. По сему смотрится с большим равнодушием на их разбои.

Что за мерзость навалили вы на меня войско *Черноморское*? Атаман — дрянь естественная, казаки застращены и загнаны закубанцами, и я не знаю, что с тем делать.

Посылаю состоящего в корпусе войска Донского генерал-майора Власова 3-го[8], чтобы надзирал за исправною стражею границы и жил бы там целую зиму, ибо время сие есть удобнейшее для нападения закубанцам. Атамана займу хозяйственным по войску распоряжением, а на Власова возложу оборону и если возможно, хотя роты две подвину пехоты, в чем, впрочем, я не уверен, ибо нет у меня лишних войск на Кавказской линии, все на кордоне и ни человека в резерве, а крепости копают приведенные из Грузии. Весьма умножили вы заботы мои, и к сокрушению моему едва ли буду я полезнее черноморцам, как и Ланжерон, что, впрочем, весьма немного. У меня слишком много дела и на него не станет времени. Неужели нельзя было иметь там особенного начальника? Нечего теперь делать, но при первой с турками войне горько мне от сего будет! Червоморцы трусливы, и тени нет порядка и послушания. Конечно, можно сие переменить, но если бы мог я несколько месяцев прожить

между ними. Отсюда мне отлучиться никак невозможно! Многие из замечаний Киселева я нахожу весьма основательными и вижу, что он во все входил со вниманием. Это чести много ему делает, особенно по неопытности его даже весьма удивительно. Он показывает способность быть дельным человеком. Не знаю, кого имел он сотрудником? Ты говоришь в письме своем, что его обработали, но из чего о том ты заключаешь? Если по умеренным наградам, то в этом обмануться можно, ибо они не всегда означают недостаток особенного уважения. Ты в сем случае лучший пример. Государь тебя коротко знает и все-конечно уважает, для сего достаточно даже многотрудной должности твоей, с чудесным порядком отправляемой, кроме известных ему твоих правил. Ты, однако же, еще не генерал-лейтенант, а Витт произведен и Александра имеет. Неужели же он его более тебя уважает? Невозможно! Итак, Киселев, снискавший уже отличную доверенность, своего не потеряет. Быть немного скорее или медленнее генерал-адьютантом и с лентою, не делает разницы. Этот человек пойдет не по-сипагински, и сему придется рапортовать ему. Нет сумнения, что Сипягин пошел бы охотно и на место его, и в его шкуру. Как упало величие его, и смел ли кто думать, что он и Храповицкий[9] будут одинаковое занимать место? Давно ли мечтал он быть даже на месте князя Волконского? Таковые примеры научают благоразумной умеренности и лучшим служат уроком, что ход, обыкновенному порядку подчиненный, есть наилучший!

Толстой наш, служа похвальнейшим образом в Имеретии и Гурии, по успокоении оных возвратился, но все не может справиться со здоровием и так же, как все прочие, заплатил дань тамошнему краю болезнью. Но, впрочем, он выздоравливает. Если возможно мне приехать в Петербург — то его привезу с собою.

Ты мне дал доброго и благоразумнейшего товарища и точно в выборе не обманулся. Он некоторый род святого, по образу его жизни и поведения. В Петербурге будет комплектовать адъютантов. Я Толстого представил в полковники, помогай, чтобы мне не отказали, но произведите и оставьте у меня при корпусе. У меня есть для него место чудесное!

27 ноября

Множество дел задержали отправление фельдъегеря, и от тебя приехал нынешний день. И так отвечаю и на сего.

Пречудесные проказы сделались у вас в Семеновском полку[10], и справедливо огорчится Государь. Здесь в городе, прежде известия от тебя, были уже известия партикулярные и по обыкновению в другом и нехорошем виде. Вся-кий судит по-своему, и я между прочим имею свое мнение.

Надлежало при самом начале, когда одна еще рота объявила неудовольствие, не выводя из происшествия ни какой важности, командующему корпусом дать оклик роте и человек пять шесть передрать розгами, хотя бы в число то попались и не самые виновные. Таким образом, не было бы огласки и если точно Шварц[11] дал справедливый повод жалобам — приказать ему сказаться больным до приезда и разрешения Государя и полком тотчас командовать другому. Весьма странно целую роту посадить в крепость и, конечно, это верное средство возбудить в целом полку ропот и негодование. А что целый батальон посадили, то кто ни узнал о сем, первое чувство — хохот! Это не самая

мудрая мера! Вы увидите, что таковое наказание оставит худые следы в общем мнении. В какое трудное Государь приведен положение. Наказывать большое число не ловко, не наказывать нельзя, ибо примеру сему последуют другие.

Хочу тебя, любезнейший друг, спросить: что бы ты сделал? И между тем изложить мое престранное мнение.

Я бы строго наказал Шварца за то, что допустил в полку такие беспорядки, и выгнал бы его вон. Командира роты тем же чином перевел в армию за своевольство, в роте допущенное, ибо у капитана, любимого подчиненными, ничего не делается без его воли и каждый солдат ищет угождать ему. Из роты всех старых солдат, которые должны знать подчиненность и служить молодым наставниками, перевести в дальние полки армии, всем прочим придать двухлетний срок, уменьшенный в гвардии. Полк весь, без всякого на счет его замечания, возвратить по-прежнему на службу. Знаю, что сего не сделается, ибо тем оскорбится барственная гордость Васильчикова[12] и жаль расстаться со Шварцем.

Но это не последняя в гвардии мерзость, если будут полками начальствовать Шварцы и им подобные. Солдат видит, что офицер не может иметь уважение к такому полковнику. Офицеры не могут, а быть может, даже и не хотят, скрывать того и солдат почерпает вредный пример разврата. Офицеры в гвардии большею частию таковы, что начальник над ними должен достоинствами иметь права на уважение, а одними подвигами в экзерциргаузах, манежах и на всех возможных рынках их удивить невозможно!

Воля ваша, но, по крайней мере, в гвардии надобно начальников людей благовоспитанных, а не таковых, кои, окончив подвиги свои на плац-параде, никакого после того внимания к себе не внушают и спасаются от явного презрения нескольким золотцем, на плечах налепленным.

В полку начальник не может каждому нравиться, но никто не забудется против человека благородного, ибо не избежит презрения товарищей. В том же Семеновском полку Потемкин — лучший пример и нельзя не отдать справедливости его поведению. Вспомни, что против его были даже интриги и месту его завидовали, но благородный человек не довел до беспорядков.

Увидишь, что напишут в иностранных газетах и сколько будет домашних глупых толков, и все это неприятно!

Ты не перестаешь зазывать меня в Петербург. Знаю весьма, что и для дел по службе это необходимо, а, кроме того, право хочется и тебя видеть и хотя несколько пожить времени для удовольствия. Я писал выше, чтобы ты уведомил, не будет ли то противно, но если мне ожидать ответа, то пройдет время бесконечное и потому располагаю не дожидать выехать из Тифлиса около конца декабря, ибо в половине у меня торги по некоторым откупам. Пока перееду горы, остановлюсь немного в Георгиевске и будет за половину генваря. К вам, — если не сидеть в карантине, как тут, — к масленице. Весельчаку не должно иначе! Похлопочи, друг любезнейшей, чтобы на меня не рассердились, — вить Вас не угадаешь.

Теперь уже не заслужу упрека, что пишу мало, ибо не знаю сам, как мог наполнить столько страниц. Впрочем, и твое последнее письмо не пространно и ты или время не имел, или писать не хотелось.

Когда поеду в Петербург — пришлю Толстого вперед по хозяйственной части. Он сверх того, что я о нем писал, преаккуратнейший человек, что, кажется, по состоянию обоим нам необходимо. *Проконсул Кавказа* должен иметь важной экипаж и предупредить масленицу, дабы не быть разорену до конца, и другие заготовления сделает мне бережливый товарищ.

Я сам забавляюсь моим в Петербург приездом, и беспутное мое воображение представляет мне разные престранные вещи. Весьма необыкновенное дело человеку, дожившему до моего чина, быть незнакомым в столице и в обществе представлять одинокую фигуру с трухменцами, башкирами и другими тварями, которые к вам приезжают. Иначе, как по делам, я никуда ни шагу: парады наше дело! Меня мучит вечное твое занятие, а то праздновали бы почасту дома и наиприятнейшим образом. Выхлопочи у почтенной и милой супруги твоей некоторое снисхождение к моим странностям. Она, жившая в большом свете, редко встречается с чудаками, и люди, разбору коих я принадлежу, есть некоторый род карикатур.

Взгляни на мои представления, в них прошу я о прощении некоторых виновных, возьми их, как всегдашний защитник несчастных, под свое покровительство. Одному разжалованному из капитанов в солдаты Дону прошу я заодно отличие унтер-офицерский, и за другой случай офицерский чины. Я знаю правило ваше в сем случае. Всякое подобное обстоятельство огорчает и всегда слезы на глазах от радости, когда облегчается участь несчастного.

Я представил двух майоров к следующему чину за отличие против неприятеля и некоторых представил за усердие, имея в предмете вознаградить долговременное в одном чине служение. Помоги, чтобы не отказали.

Незадолго пред сим, сбыл с рук служивших по 12 и 13 лет майорами. Безбожно так долгое время не иметь внимания к службе офицеров и тем пользоваться, что несчастный не имеет других средств существования, кроме службы! Какова для таковых гвардия, которая полковников печатает, как ассигнации?

Между бумагами есть письма к Кикину и министру финансов. Прикажи их отдать, и вернейшим образом, последнему.

Сей вельможа не отвечает ни на бумаги, ни на письма.

Ты говоришь, чтобы с ними я не бранился, но возможно ли, когда они даже невежливы и тогда не отвечают, когда к ним пишешь о деле по службе. Приеду и дам баталию! Знаю всех против меня союзников. Прикажи пощупать Змея[13]: каков он на счет мой? Обстоятельство сие должно быть введено в расчет моих действий. Этот может лишить выгод войны наступательной, и тогда кроме азиатского хищничества ничего более не сделаешь.

Прощай. Нетерпеливо ожидаю времени, когда обойму тебя, почтеннейшего друга.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

5 декабря

Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 33–46

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 20 декабря 1820**

Недавно весьма писал я к тебе, почтеннейший Арсений Андреевич, но как отправляется фельдъегерь, не должен пропустить случая и еще пишу.

Не поздравить ли тебя после 12-го числа, дня радостного? И по сердцу было бы для меня приятно и по трудам твоим и заслугам справедливо! Вижу повсюду щедрые награды, а трудов более твоих нет! Надеюсь и приеду к тебе радоваться. Ты в пользу свою имеешь общее мнение и твои одни успехи не возбуждают зависти.

Доволен я чрезвычайно, что моего Горчакова[1] произвели в генерал-майоры. Я поспешил представлением, ибо, кажется, уже произведены некоторые с меньшим старшинством. Он офицер достойный, и новое место его открыло в нем способности, которых я не подозревал в такой степени. Он со временем будет весьма полезным службе.

Из приказов вижу я еще какую-то историю в гвардейской артиллерии против полковника Давыдова и нескольких офицеров наказанными. Какие неприятные и досадные происшествия! Как начальники не умеют сыскать в своих подчиненных, чтобы они берегли их? Даже в армейских полках, где, конечно, быть не может такого выбора офицеров, но подобные редко встречаются случаи. Присылайте виновных ко мне, у меня молодые люди не шалят, а многие, может быть, и поправят свои ошибки службою.

Нетерпеливо желаю, почтеннейший брат, к вам ехать, навезу дела кучу, и если вас мало буду *пилить*, то министрам не без хлопот со мною будет.

Правду не раз писал ты ко мне, что необходимо нужно мне приехать в Петербург. Меня одно страшит, что без всякой нужды долго меня задержат, а здесь и дела много и не хорошо, чтобы отсутствие мое было продолжительно. Бога благодаря, начинает у меня многое приходить в тот вид, от коего можно ожидать пользы и вновь необходимо строгое наблюдение, а здесь верят все, что я человек весьма страшный и от моего здесь пребывания многие обучаются быть покойными.

Еще повторю мою просьбу, чтобы предупредил ты о моем приезде. Не знаю, почему думаю я, что на меня рассердятся, что пользуюсь позволением прошлого года и не просил нового позволения. Во-первых, надобно сего избежать, а потом совокупно станем работать, чтобы не подумали, что я приехал похлопотать о чем-нибудь в свою пользу. Тебе, как истинному другу, и прежде сказал, что, будучи совершенно моим положением доволен, я ничего не могу желать.

Поздравь от меня Красоту с производством в полковники, но горе мне, если не найду его в Петербурге. Он чудесный комиссионер, а как я намерен быть отчаянным *щеголем*, то я без него пропал, и разные проекты останутся без исполнения.

Напомни, сделай милость, Кикину о деле брата моего Каховского, он знает, что надобно и даже хорошо бы сделал, если бы сказал о нем министру финансов. Если сам я просить буду, могу испортить.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 генваря», «К сведению».

Мадатов наш возвратился из Ширванской провинции и едва не умер; теперь понемногу поправляется. Стал менее разводить руками, но зато чудесно говорит по-русски. В отчаянии, что нет решения по представлению моему о карабахском его имении, и я сам удивляюсь, что нет никакого ответа. Вели ловким образом разведать, что происходит по сему делу, или попало оно в *омут*? Жаль, что ему отказывают, а то бы много мне способствовало проложить путь к бегству последнему мерзавцу хану, каковых, сколько возможно скорее, надобно избавиться.

Лично лучше объясню тебе, какие здесь в короткое время произошли большие перемены, и я понемногу подбираю разные земельки в казенное управление, что и народ вскоре сделает довольным нами и доход казны знатно умножается. Надеюсь, что начальство должно быть сим довольно, ибо прежнею методою долго бы до того не достигнуть!

Представь мое совершеннейшее почтение ее превосходительству Аграфене Федоровне. Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 67–68

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*22 [декабря 1820]**

Кажется, друг любезнейший, уже скоро я выезжаю, ибо главнейшие занятия, для коих я оставался, кончаются. Торги на некоторые важные откупа возвысил я невероятным образом, так что вельможа министр финансов усумнится, что бы то была правда, и я хорошее сделал начало, чтобы сыскать его благоволение. Также удерживали меня дворянские выборы, и пречудесное мое дворянство начинает иметь некоторые благородные *замашки*. Все идет наилучшим образом и счастие в товариществе со мною!

Приготовляй, почтеннейший брат Арсений, жилище, но так чтобы я не мог быть тебе в тягость, ибо как уже частию гражданский человек, я буду иметь дело до множества различных фигур и всеконечно таковые у меня появляться будут.

Сумневаюсь, но хорошо, если бы несколько комнат, то есть не более трех, можно было сыскать поблизости к тебе или даже в ближайшем трактире, какой бы, впрочем, оный ни был, только ночлег иметь в нем буду, а весь день, конечно, у тебя. В трактире потому лучше, что вся великолепная прислуга моя состоять будет из двух человек, следовательно, я роскошествовать не могу.

Прощай, более уже писать не буду, ибо по скупости фельдъегеря уже не пошлю без крайней нужды. На Кавказской линии рассчитываю пробыть до конца генваря, и кажется, к вам не более проеду 20 дней.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

P. S. Приготовь мне отличного командира в Нижегородский полк. Полковник Климовский отчаянно болен и надежды нет, чтобы выздоровел, впрочем, если бы и возвращен был к жизни, то надлежит по справедливости его произвести в чин, ибо и поведение издавна уже хорошее, и полк таков, что сравнивать с прежним состоянием не только нельзя, но даже думаю, что у вас таких полков

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 генваря», «К сведению».

немного. В командиры необходим полковник, ибо теперь в полку есть полковник князь Чавчавадзев[1], такой *истый грузин*, которому полка, по крайней мер некоторое время еще, поверить невозможно. Впрочем, молодой человек весьма неглупый и может быть полезным, но надобно выдержать порядочно.

Сделай милость, позаботься о выборе и не упусти из виду, чтобы более был хозяин, нежели пустой щеголь. Здесь нельзя содержать таким образом полк, как большая часть то делают в России.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 64–65

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 3 февраля 1821**

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Едва выбрал время вырваться из скучной страны моей, где зима одна дает некоторое спокойствие, и поспешил к вам, как, приехав в Орел к старику-отцу моему, узнал из газет, что конгресс[1] перенесен в Лайбах. Этого одного достаточно было меня расстроить, не зная времени возвращения Императора, но к тому еще из партикулярных известий слышу, что конгресс перейдет в Италию и что Государь не прежде мая месяца возвратится в Россию. Долго не решался я, что мне делать, но, проехав уже так далеко, вознамерился продолжать путь мой в Петербург и повидаться с вами, то есть с тобою, более, нежели с кем-нибудь. Представить себе не можешь, как мучит меня, что выехал я из Грузии, не дождавшись обстоятельнейших известий, впрочем, невозможно было сего предвидеть, и я всего более полагался на твои письма, в которых давно уже толковал ты мне, сколько необходимо мне приехать в Петербург.

Большую бы ты мне сделал милость, если бы, получа от меня фельдъегеря, предупредил меня, что так долго еще не возвратится Государь, и я остановился бы на линии, не предпринимая дальнейшего пути. Теперь возвратиться было бы весьма странно для народов, мною управляемых, и я между невеждами дал бы повод к различным невыгодным толкам. Так и быть, еду к вам, почтеннейший и любезный друг, твое дело будет стараться, чтобы не сделали мне за то неприятности. Пробыв здесь весьма немного времени, я отправляюсь.

Прощай, принеси совершеннейшее почтение мое ее превосходительству Аграфене Федоровне.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 69

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Февраль – начало марта 1821]***

Почтенный брат Арсений Андреевич.

Прочел все бумаги и вижу, что Государь не скоро будет — мне только и надобно знать.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 22 февраля», «К сведению».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 3 апреля», «К сведению».

О себе не нашел ни слова, верно полагают меня в дороге.

О взятии Неаполя нет ни слова, и не вижу, чтобы австрийцы все уже сделали[1]. Армии наши идут.

Расспроси фельдъегеря, ему какой-то проезжий сказывал, что Ожаровский утонул. Это весть неприятная и хуже того, что бумаги с ним пропали.

Чрезмерно неосторожно, что на письме Волконского забыли положить печать, и оно открытое было всю дорогу у фельдъегеря, а в нем многое написано тайное.

Какой Ипсилантий[2]? Прощай, ожидать меня более нечего: еду далее.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 70

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*7 апреля 1821**

Почтенный друг.

Быть может, дела в Италии без нас обойдутся, и дай Боже. Это было бы счастливо для России по средствам ее небогатым. Но что-то не совсем верю я, чтобы все утихло от одного повеления выступить войскам. Это лесть министров. Выступить и прибыть не все равно. Что скажет Франция? Но одни австрийцы и Италии не удержат, не оставлять бы и там брата Михайлу. Рано Волконский заготовил квартиру, а я еще и до Великих Лук не дотащился. Весьма нездоров, и дорога измучила. Правду он думает, что будет рассказов и уверений и не то еще, а я их заговорю. Прощай, спешить я не буду, ибо легко случится, что и возвратят[1]. Опять позволь к тебе!

Поцелуй ручку у ангела жены твоей.

Верный брат *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 71

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*М[естечко] Орша, 11 апреля 1821***

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Не еду, мучусь! не редко в день не более 50 верст и болен. Представь мое отдохновение, я еду в перекладной повозке, для того чтобы выиграть несколько часов, ибо коляска, невзирая на то, что весьма легка, некоторые станции делает по 8 или 10 часов. В Белоруссии жиды, содержатели почт, встретили меня известиями, что я назначен главнокомандующим. Как они люди самые достоверные, то я и не смел усумниться в истине! И так тебе, любезный друг, остается меня поздравить!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 10 апреля», «Отвеч[ено] 15 апреля».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 15 апреля», «Отвеч[ено] 15 апреля».

Как ни забавны эти глупости, но меня в отчаяние приводит злодейская дорога. Я думаю, что она может сносною казаться одному спасающемуся от виселицы, но ни для какого благополучия нельзя делать ее терпеливо.

Письмо сие заготовил я в ожидании проезжего фельдъегеря. Поздравляю тебя с праздником, и я, как добрый христианин, отслушал заутреню и обедню в Витебске и после пустился в путь.

Поцелуй ручки у Аграфены Федоровны, и как по выезде из Петербурга не успел я поблагодарить ее, то скажи, сделай милость, что я от самого чистого сердца признателен ей за обязательный прием, которого удостоила она меня в своем доме, заставив приятным и милым общением своим забыть, что я не в доме самой любезной родной моею. Если бы я смел, то назвал бы ее милою сестрою моею!

Прощай! Не знаю, как поеду далее, но стращают меня дорогою между Брестом и Краковом и быть может, хотя и не был намерен, пущусь через Варшаву.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 72–73

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Брест-Литовский, 15–16 апреля 1821**

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Благодарю за письмо с последним фельдъегерем. Какую кучу бумаг прислал ты ко мне, пришедших из Грузии. Есть и приятные и также не без досадных, однако же, Бога благодаря, все там покойно, а Греков мой делает чудеса с чеченцами[1]. Открыты дороги в самые твердые и последние их убежища и все без выстрела. Один казак только ранен изменнически мошенником, но никто другой виновным не был. Теперь повсюду нам путь, куда без больших потерь никогда войска не хаживали. Это и мне, знающему край, кажется удивительным.

Генерал-майор князь Эристов[2] стоит с малым отрядом около селения Чары[3], где во время князя Цицианова убит генерал Гуляков[4] и 700 человек солдат. Нет выстрела, дают нам в большом количестве хлеб, в котором в Грузии величайший недостаток. Вот что значит нагнанный страх, но я боюсь, чтобы не исчез он, когда вы меня оттуда удалите. Об этом даже пишет ко мне мой Вельяминов!

Здесь от великого князя[5] было повеление принять меня с величайшими почестями, но я, въехав в город и увидев приуготовления, выскочил из коляски и скрылся в жидовские переулки. Едва меня отыскали, и я тогда возвратился в квартиру, как уже ни одного не было часового. Великому князю пошел эстафет о законопротивных моих поступках. Ту же встречу приказано мне сделать в Люблине, и также спасусь я бегством. Чрезвычайно странно, что во всех уже газетах назван я главнокомандующим. Великий князь встречал Канкрина,

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 22 апреля», «Отвеч[ено] 22 апреля».

думая, что я еду, и я один о том не должен ничего знать. Это шутка, и презабавная, но и я отшутить надеюсь порядком!

Благодарю, почтеннейший брат, за сохранение моих сокровищ. Панцирь и шишак отошли Дениске Давыдову, он для него привезен. Вели все открыть пистолеты, и если присланы французские, то прикажи отдать их хорошему мастеру в починку и после отослать к Вельяминову, ибо они принадлежат экстраординарным вещам. Азиатские пистолеты мои, и прикажи их сохранять при твоих вещах, равно как и сабли, от Павлова доставленные. Тюк с шалями прикажи отдать под расписку служащему в кабинете господину Леташинскому[6], который был отправлен с подарками в Персию. Они посылаются к нему от одного персиянина посредством нашего Мазаровича и при сем к нему препровождаю письмо. Все это может сделать мой А. И. Рыхлевский.

Вот распоряжение всех сокровищ.

В иностранных газетах есть, что 40 тысяч французских войск собирается к стороне Пьемонта, и будто Людвиг XVIII сложил с себя корону. Если это неправда, то довольно и первое нехорошо!

Поцелуй ручки у жены чудесной и премилой.

Верный по смерть *Ермолов*.

Забыл сказать вам, почтенный друг Арсений Андреевич, что меня мучило всю дорогу: написали ли вы повеление об отправлении из моих рекрут одной партии не менее двух тысяч человек в Ставрополь? Они там необходимо нужны, и потому, если еще не дали вы повеления, то прикажите поскорее. Новый начальник резервной армии, может быть, сделает затруднение в конвое, но оный непременно нужен до города Ставрополя, что, впрочем, не так далеко, но мне послать за ними самому, ей-богу, некого, до такой степени заняты все вообще войска.

Назначение начальника в резервную армию меня немало удивило, но он, конечно, предупрежден был, ибо говорил мне о предположенном составлении сей армии. Давай Боже счастья!

Я думаю, вы заметили, сколько на имя его было конвертов с собственноручною подписью с последним фельдъегерем. Я удивился, когда станет на то время. Было письмецо и к Мещерской[7]. Теперь при крестообразном поклонении обо всем будет знать. Дорогою обо всех передумал генералах Ермолов, и нет по сердцу начальника главного штаба, доброго помощника!

Ермолов

Прикажи с первою почтою отправить конверты мои в Грузию и на Кавказскую линию. Многое успел написать, всю ночь ни на минуту не ложась спать. Вольский[8] в восхищении будет от подобного железного здоровья.

16 апреля 1821

Не смел распечатывать конверты на твое имя и потому письма Волконского не видал. Теперь иду без известий, как в потемках, и как я угадывал, то глупые слухи на каждом шагу, что ужасно мучительно. Прощай, я через Варшаву не поехал.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 74–77

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Вишау, 4 мили от Брюна и гораздо ближе от Аустерлица, 22 апреля 1821**

Почтеннейший друг Арсений Андреевич.

Едва пробрался я мучительною дорогою от Бреста прямо на Краков. Какие гнусные дороги, какие скаредные лошади в царстве бесподобном! Прочел последнее письмо Волконского и в восхищении! Кажется, что все уже и без нас кончено, и если еще двигаются войска к границам, то вы, не торопясь, все успеете сделать в порядке, и матушке России не столько будет стоить как пустой поход заграничный. Не можешь себе вообразить, как я рад, и я думаю первый еще главнокомандующий с такими чувствами. Люблю, друг почтенный, пользу моего отечества и о своей не помышляю.

Видишь ли, что тебе ни минуту не оставаться в Петербурге, если бы дела пошли поважнее немного, и признаюсь, мне это приятно было прочесть. Боюсь я, любезный брат, чтобы и мне не приказали жить где-нибудь в России, пока еще войска наши будут на границе и будет продолжаться сия демонстрация.

В Италии во всех газетах я пропечатан начальствующим войсками, следовательно, подумают, что меня не ловко отпустить в Грузию. По расчету моему я встречу Государя на дороге и верно мне сказано будет возвратиться в Петербург, и так, поцеловавши ручку у милой хозяйки, проси, чтобы *приемыша* приняла опять в дом, впрочем, не делай церемонии и если нельзя, то прикажи нанять те комнаты, где жил Рыхлевский, и я ежеминутно буду у тебя!

Довольно скучную сделал я прогулку, и Волконский безбожно поступает, что ни слова и никогда мне не написал.

Прощай!

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 78–79

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лайбах, 27 апреля 1821***

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Вчера приехал я сюда во время обеда, и в тот же день приказано мне к вечеру представиться Государю. Он занят был делами с Меттернихом[1] до 10 часов, и с того часу до половины первого по полуночи позволил мне быть у себя. Главнейший разговор в том состоял, что Государь взял на себя труд изобразить мне картину положения политических дел, и я, признаюсь, что я ни от кого более и яснейших понятий не мог бы иметь. Мне Государь изволил объяснить о моем назначении начальником армии и о причинах, к тому побудивших, и хотя, для блага нашего, рад я, что мы уклонились действий, но из основательного рассуждения его вижу, что они были необходимы. Государь ко мне по обыкновению милостив и в звании главнокомандующего, хотя, впро-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 5 мая», «Отвеч[ено] 6 мая».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 мая», «К сведению».

чем, мнимого, удостоил меня несколько большего, нежели прежде, степени доверенности. Успел о многом расспросить относящемся до края, где я живу, и сведениями об этом показал, что он имеет большое на дела оного внимание. Более на первый случай не могу тебе сказать, и кажется, ничего уже более и не будет, ибо Государь весьма занят делами и скор отъезд его отсюда, а мое здесь пребывание не продолжится долее трех суток.

Поцелуй ручку у милой твоей Аграфены Федоровны.

Скажи моим народам, что чрез месяц я возвращусь к ним.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 80

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Лайбах, 28 апреля 1821**

Любезный брат Михаил Семенович.

Едва было судьба нас, величайшим расстоянием разделенных, не соединила под одни знамена. Скорое окончание дел в Италии и успешное действие австрийцев могло одно отдалить нас от Италии. Ты удивишься, что я из Грузии мог попасть сюда, и мне точно показалось, что я употреблен буду, хотя, впрочем, ничего о том официально сказано не было. Прибывши сюда, с восхищением услышал я, что в случае движения ты непременно прибудешь к своему корпусу, и о том же уведомил меня из Петербурга Закревский.

Накануне, так сказать, свидания с тобою, я должен опять проститься и без сумнения надолго. Сегодня я прошу позволения отправиться. Еду в Петербург, где не знаю, как долго пробуду, и сколько возможно скоро поспешу в Грузию, где множество у меня занятий, которые ничего не выиграли моим отсутствием. Не похвастаю тебе успехами в сей стране, но каждое начало есть уже род сотворения и утешает трудящегося. Прощай. Бог знает, когда теперь увидимся?

Душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 83–83 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Вена, 5 мая 1821***

Почтеннейший друг Арсений Андреевич.

Последние бумаги твои получил и не знаю, как благодарить тебя. Я здоров, отдыхаю в *Вене*, и между тем доканчивают коляску, которую должен я был здесь купить.

Посылаю бумаги, чрезвычайно для меня важные, прикажи их тотчас отправить по адресу, паче в Грузию скорее!

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 14/26 мая 1821».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 17 мая», «К сведению».

В половине июня я пред вами, и поговорить есть многое, и правды, и надувания. Теперь спешу ужасно, и минуты нет времени.

[Ермолов]

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 81

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Варшава, 27 мая 1821**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

С 20 мая я здесь и прежде 2 числа июня выехать не надеюсь, ибо великому князю угодно, чтобы я видел вступающую 1-го числа в лагерь польскую армию. Здесь бываю я всякий день, или на ученье, или у развода, или осматриваю какого-нибудь рода заведения, весьма любопытные, и рад очень, что так проходит время, ибо скука в городе смертельная. Все разъехались по деревням и город ужасно пуст.

Скажи, сделай дружбу, князю Петру Михайловичу о продолжении моего здесь пребывания, и что если к 10-му числу июня я не приеду в Петербург, как я доложил Государю, то потому единственно, что здесь пробуду я сверх предположения моего долго. Великий князь говорит, что Государь приказал меня удержать сколько ему угодно. В Вильне нужно мне повидаться с родным братом[1], с которым 15 лет я почти не видался. Боюсь, что по состоянию твоего здоровья я тебя не застану и буду в отчаянии, если уже ты ухал отдыхать от трудов твоих.

Поцелуй ручку у жены твоей. Прощай!

Когда буду я в Грузии, не знаю!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 82

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Варшава, 1 июня 1821***

Почтеннейший друг Арсений Андреевич.

Я зажился здесь гораздо более, нежели предполагал, ибо так угодно великому князю; надеюсь, однако же, что по вступлении войск в лагерь мне позволено будет отправиться. Давно не видал я моего брата или лучше сказать в 15-ть лет видал его не более двух недель, а здесь скучаю смертельно и время теряю напрасно!

Бесчеловечно насылает на меня тучи бумаг сотрудник мой Вельяминов, сам мог бы по многим делать исполнение и даже решать, у меня ни канцелярии нет для справок, ниже переписчика и Самойлов мой остался больной в Вене. Ты, друг почтеннейший, при множестве твоих занятий, обременяющих сильно уже расстроенное твое здоровье, разбираешь с дружеским вниманием

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 4 июня», «К сведению».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 11 июня», «К сведению».

кучи моих бумаг и от многих меня избавляешь. Теперь видишь разнообразие моих занятий, и мудрено ли, что я часто обращаюсь к вам с вопросами?

Еще многие обстоятельства удаляет от вас моя решительность. Надобно быть страстну к службе, чтобы желать подобного моему места, а я похож на сумасшедшего, что раз выехавши из Грузии, желаю туда возвратиться.

Не умею сказать тебе, как желаю тебя видеть. Боюсь, чтобы худое состояние здоровья не заставило тебя скоро выехать из Петербурга. Я соскучу тогда ужаснейшим образом!

Кажется, 4-го числа я отсюда выеду, пробуду несколько у брата и 20-го июня у вас! Не подумайте, что здесь я живу, бегая за увеселениями. Не в моем положении о них думать и здесь же скука смертная. Прикажи разослать мои бумаги и в Грузию, сколько можно поспешнее!

Поцелуй за меня ручку почтенной жены твоей. Поклонись почтенному старику Петру Ивановичу. Нетерпеливо желаю тебя видеть!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 83

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Окрестности Петербурга, 20 июня 1821]

Я здесь на почте, спешил приехать в назначенный мною день. Господин здешний почтмейстер исполнил поручение Ваше и объявил мне, чтобы я ехал на Вашу здесь квартиру. Я думаю, он не так все уразумел, ибо здесь не думаю, чтобы кому-нибудь можно было быть без особенного позволения. Если можно, то повидайся, а у меня болит нога и я спешу в город, где и ожидаю почтеннейшего Арсения Андреевича.

А. Ермолов

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 83

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Окрестности Петербурга, 4 июля 1821]**

Точно, любезный и почтенный друг, я бы[л] нездоров оттого, что не послушал и не принял лекарства. Теперь гораздо однако же лучше! Завтра и я в город!

Вчера я *видел*[1]. Кончил все дела мои и выпросил позволения отправиться в путь. Если бы готовы были некоторые мелочи, кои мне купить нужно, то я бы мог и прежде тебя уехать. Давно мы с тобой расстались и хочется тебя видеть.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 85

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 15 августа», «К сведению».

М. С. ВОРОНЦОВУ

*С.-Петербург, 9 августа 1821**

Любезный и редкий брат, граф Михаил Семенович.

Вскоре по приезде моем из Лайбаха случилось Н. М. Лонгинову писать к тебе, и [я] просил его присоединить и мое убеждение, чтобы ты сюда возвратился[1], ибо обстоятельства такого рода, что присутствие твое, и даже скоро, потребовать могут. Теперь еще беспристрастнее мое мнение, и ты принять его должен с некоторым вниманием.

Тоже говорил я несколько тому назад времени, но мог находить собственные в том выгоды; теперь чрез неделю выезжаю я обратно в Грузию и, конечно, в отношении к тебе не собственные в виду расчеты.

Ты сам знаешь, что может внушать мне намерение вызывать тебя в Россию? Ей служба твоя полезная, отличная, возлагает на меня сию обязанность, и если бы даже не нужно было тебе мое мнение, мне непростительно было бы умолчать его!

Я здесь довольно уже давно, совершенно ничего не делаю, но приятно даже и отдохновение после четырех с половиною годов пребывания в Грузии. Не буду я спорить, что можно прожить там с пользою, но также никто оспорить не в состоянии, чтобы то не была ссылка.

Странно тебе покажется, что у меня здесь дела одни гражданские, и я смею прикидываться, что будто их разумею. Как судишь ты о тех, кои сему верят?

Не забывай меня! Любить тебя и уважать есть долг для меня приятнейший.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 84–85.

А. В. КАЗАДАЕВУ

[Петербург, август–сентябрь 1821]

Поздравляю тебя, любезнейший именинник Александр Васильевич, и как доброму другу желаю благополучия. Сегодня отказался от обеда, дабы быть у тебя, но устал смертельно и [к] тому же нездоров ужасно и по сей причине, к сожалению, быть у тебя не в силах[1].

Верный *Ермолов*

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 77

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Москва, 23 сентября 1821]***

Мы, почтеннейший Арсений Андреевич, доехали и скоро, и благополучно[1]. Хозяйка была покойна, немного уснула дорогою и теперь чрезвычайно хороша. У самой Москвы встретилась с нами Ринк[ев]ичева[2] и едва все не испортила. Подъезжая к дому, хозяйка просила провести ее к матери, я обещал,

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 9/21 сен[тября] 1821».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 24 сентября», «Отвеч[ено] 24 сентября».

но нам удалось проводить ее прямо в твой кабинет, и кажется, она уже сегодня не желает видеть матери, ибо мы забавляли ее и минуты не даем задуматься. Она удивительно хороша, как я не ожидал. Спрашивает тебя, и когда ты приедешь. Я сказал завтра после обеда. Поутру напиши к ней ласковую записочку и можешь сказать, что, успокоясь, насчет ее здоровья, ты остался на завтрашний день за нужными делами. Записку вели привезти ко мне, и я посмотрю по времени, прилично ли отдать будет?

Прощай.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 86

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Москва, не ранее 24 сентября 1821]

Хозяйка в наилучшем состоянии, но слаба после болезни. С самого сюда приезда не было ни малейших спазм, надеемся, что все хорошо будет. Я говорил с В. А. Пашковым[1], и он говорит, что, отпевши тело, нет никакой нужды ехать с ним вместе всю дорогу и что лучше сюда приехать посмотреть жену. Я сам сих мыслей и рассчитываю, что ты успеешь быть при опущении тела в Царево[2]. Сделай таким образом, почтеннейший Арсений Андреевич.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 87

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Москва, не ранее 24 сентября 1821] 4 часа пополудни

Благодаря судьбе, почтеннейший Арсений Андреевич, хозяйка приняла объявление с благоразумием и кажется, слезы избавили нас больших хлопот, ибо облегчив ее, удалили страдание. Она весьма рассудительно переносит горесть и довольно покойна. Письмо твое приняла с большим удовольствием, но догадалась из слов, что ты будешь завтра.

Я видался с Шульгиным и сделано распоряжение завтра ночью провезти тело покойной чрез город, дабы избежать дальнего и трудного объезда. Еще раз говорю тебе, посоветовавши с людьми, разумеющими приличие, что тебе по окончании службы в церкви и отправлении тела в Царево должно сюда приехать. Сделай это и жену успокоишь. Я ее уверил, что сегодня похороны, дабы она не просилась видеть оные и потому нет ей причины желать тотчас ехать в Царево, что нас затруднил бы чрезвычайно. Нам много весьма помогала жена Ринкевича, женщина умная, а муж так расторопен, что без него не знали бы мы, что делать.

Андрей Толстой[1] поехал сам в Троицкую лавру к митрополиту, фельдъегеря отправляем для заготовления лошадей. Все будет хорошо, а всего лучше, хозяйка благоразумна и покойна как мы не ожидали.

Прощай, верный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 88

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 8 октября 1821**

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Грустно весьма было расстаться с вами, живши так долго вместе, и как с наилучшими родными быть с вами сделалось для меня необходимостью.

Прими благодарность мою, почтенный друг, за приятнейшее и обязательное твое ко мне расположение; никогда не забуду дружбы твоей, всегда одинаковой и постоянной, умею знать ей цену, и при всех странностях моих судьба не отказала мне [в] чувствительности!

Я приехал в Орел, нашел отца здорового, но уже старость разрушает его силы, и кажется свидание мое с ним уже последнее.

Я здесь живу праздно, и нет рассеяний, могущих отвлекать мысль мою от моих приятелей, и так ты первый в голове, как наилучший из оных.

Размышляя о положении вашем, об устроении хозяйства, не забыл я, что тебе надобно сделать некоторую перемену в образе твоей жизни, то есть так расположить твои занятия по службе, чтобы иметь несколько часов для себя всякий день. Это даст тебе средство сделать знакомство приятное и для тебя и для хозяйки. Молодой женщине нужно общество и некоторые забавы. Для чего не потанцевать и не порезвиться? Невозможно всегда сидеть одной дома, не всегда прилично беспрестанно бегать со двора, еще менее пристойно иметь общество одних молодых людей. Зачем давать повод к разным заключениям, которые тогда только не вредят, когда уничтожает их твердо основанная репутация. Хозяйка при всех наилучших склонностях, при сердце прекраснейшем, так еще молода, что подобной репутации основать не имела времени и потому должна остерегаться наружностей, которые могут быть толкованы невыгодным образом. Лучшее ручательство в поведении есть хорошее знакомство, а для женщины и еще более оное необходимо[1].

Исполняя против тебя обязанности верного приятеля, должен напомнить тебе, что хозяйке надобно с большим приличием почитать память покойной ее матери, ибо многие знают, что она небольшую имела к ней привязанность. Нет выгоды размножать на свой счет слухи злоречивые; общим мнением пренебрегать не должно. Не менее и тебе, любезный друг, должно исполнять последнюю волю тещи. Я надеюсь, что ты не забыл, что ей угодно было, чтобы ты отпустил англичанку. Не мое дело рассуждать, до какой степени права покойная, но я то знаю, что о репутации дочери никто не может заботиться более, как мать, и верно есть какая-нибудь причина, что она желала удаления мисс. Я любил англичанку, но на месте твоем, повинуясь воле родителей, отпустил бы ее тотчас. Представляю себе, как недовольна будет мнением моим хозяйка, но я всегда скажу мысли мои, и потому, что я привязан к ней, должен быть чистосердечным. Она не может усумниться, что я люблю ее как сестру и обоих вас счастие близко к моему сердцу. Она не должна сердиться.

Прощай, буду еще писать отсюда.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 89–90

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 8 октября 1821**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Податель письма сего, племянник живущей в Москве грузинской царицы Марии[1], князь Цицианов желает вступить в службу. Он зачислен был в Пажеском корпусе и в доме ее продолжал науки. Я воображаю, что он не весьма ученый человек, но сие не должно препятствовать ему служить Государю, ибо ты, почтеннейший друг, множеством душ таких снабжаешь, которые гораздо хуже сего молодого человека.

Если ему продолжать науки в Пажеском корпусе, то сие продолжится бесконечное время, а если возможно то, способствуй ему поступить в полки Грузии. Впрочем, ты лучше меня знаешь, чем помочь сему юноше. Я прошу из уважения к памяти Цицианова, который был ему близкий родственник, и вообще фамилия сия, знаменитая в Грузии, весьма бедна и без покровительства, и сего достаточно, чтобы по редкому сердцу твоему ты благодетельствовал юноше.

Прощай. Душевно преданный, верный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 91

А. Ф. ЗАКРЕВСКОЙ

Орел, 9 октября 1821

Приучен будучи, милая хозяйка, к жизни приятной, которую вы делали таковою, вам должен я жаловаться на грусть, которая сопровождает меня, расставшись с вами. Бывши столько времени между вас и как будто принадлежавши к семейству вашему, почувствовал я, что значит быть одиноким.

Теперь, милая хозяйка, прежде восьми часов приходит ко мне верная моя подруга и, сколько не беспокойна перекладная повозка, сопутствует мне постоянно. Здесь нехотя вспоминаешь лета немолодые и верность подруги устрашает! Надобно иметь некоторую силу души, чтоб пред женщиною молодою и прекрасною сделать такое признание. Позвольте, милая хозяйка, исполнить приятнейший долг сердца моего, благодарить вас за обращение, которого вы мне удостаивали. Я не легко делаю мои знакомства, вас любить и уважать всегда буду. Вы мне как жена наилучшего из друзей моих и как женщина с хорошим сердцем бесценны, quoiqu'un peu folle et parfois légère**.

Без боязни помню я, что иногда вам противоречил и верю, что вы не вспоминаете того с неудовольствием. Вы знаете, что люди немолодые любят молодым давать наставления, а у меня сверх того есть порок, что я люблю послушание. Это порок военных! Как вы смеетесь странной мысли моей повелевать женщине, и мне жаль, что не могу доказать вам, как можно заставить повиноваться, не делая власть тягостною. Недостает жены для примера!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

** Хотя немного сумасбродны и иногда легкомысленны (*фр.*).

Вам как другу хочу дать совет, а как повелевать нельзя и нет права требовать послушания, то ожидаю я уважения к совету. Поговорите с мужем, что пишу я ему насчет любезной моей мисс. Исполните последнее желание покойной вашей матери. Мне, человеку постороннему, оно известно, а родным вашим, конечно, еще более. Итак, не должно дать им причины говорить, что вы не имеете должного почтения к воле матери. Подумайте, милая хозяйка, без огорчения, и увидите, что я говорю основательно.

Вы, думаю, удивляетесь мне, но кого я люблю, мне приятно говорить правду. Не воображаете, милая хозяйка, как одолжили вы меня, назвав в письме cher général, я прошу и впредь не давать мне другого имени, если за теперешнее письмо мое не осердитесь.

Продолжите мне приятнейшее расположение ваше.

Преданный *Ермолов*

Il est impossible divine Annette de renfermer dans le peu de mots que vous me dites autant de choses obligeantes. Vous y avez réussi et vous auriez opéré de plus grands prodiges encore, si l'âge que j'ai ne défendait mon cœur contre vos atteintes. Oui adorable ainsi que légère Annette je crois vous avoir presque échappé. Cependant je vous avoue que votre billet fait mon bonheur. Ne devrais-je pas vous faire un autre aveu encore*?

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 92–93

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Орел, 9 октября 1821]

Ты, любезный друг, верно покажешь хозяйке письмо мое к тебе, и потому сию записочку прилагаю для собственного твоего прочтения.

Не прими за дерзость со стороны моей, что я писал с такою откровенностию. Как человек благорассудительный, как приятель верный, ты увидишь доброе намерение и узнаешь, что я пишу таким образом для милой, но весьма молодой хозяйки, которая однако же при всей ветрености, видя, что я желаю ей добра, имела ко мне доверенность и с похвальною терпеливостию выслушивала мои замечания. Для нее не будет сие новым, ибо я при старике графе и по воле его говорил ей многое! О *англичанке* упомянул я по условию с тобою, и если ловко тебе будет, то скажешь ей, что о удалении ее говорю я на основании письма покойной графини и она увидит, что я рассуждаю не по произволу только моему. Прочти приложенное при сем письмо мое к хозяйке и отдай, запечатав, дабы не подумала, что я пишу, с тобою условившись.

Еще скажу тебе об одном, и что исполнишь ты по сердцу твоему. Это о старике графе. Ласкай его за благодарное понятие о тебе, ибо он точно узнал свой-

---

* Невозможно, божественная Аннетта, уместить в те немногие слова, которые Вы мне написали, столько лестного для меня. Однако Вам это удалось, и Вы способны были бы сотворить еще бóльшие чудеса, когда бы мой нынешний возраст не обезопасил мое сердце от Ваших притязаний. Да, прелестная и легкомысленная Аннетта, я думаю, что почти ускользнул от Вас. При всем том должен признаться, что Ваша записка доставила мне большое удовольствие. Не следует ли мне сделать Вам еще одно признание? (*фр.*)

ства твои и правила, и доверенность его к тебе есть поступок достойный уважения. Я и к нему прилагаю также у сего письмо, благодаря за приятное обращение.

Прощай. Пиши ко мне с очередным фельдъегерем и прикажи ему непременно ехать через Орел, ибо еще может застать меня здесь.

Благодарю душевно за письмо, присланное с фельдъегерем, который сегодня, 9 числа, приехал весьма рано.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 94

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 9 октября 1821**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Проезжая через Орел, два отставленные офицеры Павлоградского гусарского полка, не имеющие защиты, пришли просить меня, чтобы написал я к тебе письмо как покровителю людей несчастных. Мне понравилось название, которое дают они тебе, и я не мог отказать их просьбы.

Они, как говорят, просились в отпуск за границу, но вместо того получили отставку[1]. Не знаю, правда ли то, но они имеют наилучший аттестат при отставке и в поведении свидетельство всех офицеров. Признаюсь, что меня обстоятельство сие удивило, и больно, что офицеры отбрасываемы от службы, для нее годные, и тогда как у нас нет в них излишества.

Рассмотри, почтенный друг, дело сих несчастных. Они греки, и потому уже достойны внимания великодушного человека. Неужели в России должно их преследовать?

Дай им сильное твое покровительство и умножь число облагодетельствованных тобою.

Прощай. Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 95

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 14 октября 1821***

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Тебе, участвующему во всем до меня касающемся, скажу я и о домашних делах моих. Старика моего нашел я слабым, имение наше не только управляемо худо, но почти без надзора. В первый раз обстоятельно узнал я, в чем заключается состояние наше, и теперь открыто мне, что, разделив с сестрой имение, не более будет у меня семи тысяч дохода. На имении есть довольно значительный казенный долг, следовательно, и при самой строгой умеренности моей, едва буду я иметь способы существования и тогда даже, как присоединю я принадлежащее мне по законам за 30-летнюю в офицерском чине службу половинное жалованье и получаемый за Георгиевский крест пенсион.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 30 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

Поверишь ли, друг любезный, что при всем ничтожном состоянии сем покупаю я под Москвою деревню. Вот разрешение загадки.

У меня есть алмазные знаки Александра, есть три перстня, пожалованные императорскою фамилиею, их я продаю; есть до двадцати тысяч рублей денег, все обращаю на покупку деревни. Мне дают родные вдобавок сумму за самые умереннейшие проценты, сами выбирают и покупают имение, им управляют и из доходов платят проценты и ежегодно некоторую часть капитала. Ты не удивишься, что в числе домов, расписанных под постой в Москве, назначена и у тебя квартира. Мне по состоянию нельзя иметь собственно в Москве дома, и потому буду я приезжать и жить у родных и друзей моих. Я постоялец покойный и неприхотливый и, конечно, никому не наскучу.

С первым фельдъегерем пришлю я мои вещи и прошу тебя отдать их Сергею Ивановичу Комарову[1], который уже от меня предупрежден лично. Деньги по получении отошли к Хрущевым[2], живущим в Москве.

Скажи мне, любезный друг, что мне делать с табакеркою, пожалованною Государем. И жаль мне снять с нее бриллианты, и боюсь того сделать, но на что она бедному человеку, у которого ничто ей соответствовать не будет?

Долго оспаривал я желание многих оставить службу для присмотра за имением, но скажи мне, что мне делать, чтобы не лишиться скудного моего состояния? Неужели и отпуск мне отказан будет?

Если еще судьба допустит меня продолжать службу, прошу тебя, почтенный друг, как человека, имеющего честь служить при Государе, следователь-но, у источника милостей, употребить старание в случае, если и на меня обратится внимание, чтобы мне не дано было или аренды или денежной награды. Не меньшим почел бы я наказанием, если бы пожаловали меня и графом. Не есть это дело невозможное, ибо столько есть их и не все люди чрезвычайные в них попадают; я также прошу тебя употребить ходатайство, дабы отвратить от меня сию награду, ибо я ни минуты не останусь служить и не приму сего титла, хотя бы и самое наказание испытать должно было.

Вот тебе, любезнейший друг, моя исповедь и самые душевные тайны мои. Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 96–97

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 15 октября 1821**

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Какой чудак наш Денис[1]! Всякий день бывали мы вместе, и никогда ни слова не сказал он о деле, о котором не бесполезно было бы и посоветоваться вместе. Надобно намерение его рассмотреть во многих отношениях, и тем мнение мое должно быть решительное менее прочих, что оно не беспристрастно, ибо с Денисом желаю я служить вместе и мог бы из способностей его извлечь большую себе помощь. Если Котляревский откажется служить[2], я сделаю

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

о Денисе представление, ты будешь в Петербурге и подкрепишь своим кредитом, и я не знаю, почему не успеть в том? Но если будет война с турками, что будет делать Денис на линии, где предполагаю я действия ничтожные и один важнейший пункт *Анапу*, беру за Балканом или в Анатолии? Денис будет разрываться с досады и справедливо и в то самое время равные ему в чине и весьма не равные в способностях, но, служа в действующих войсках и может быть под глазами Государя, достигнут выгод, которых он лишен будет.

В одно мирное время, когда у нас повсюду одно упражнение в обучении солдат, или лучше сказать парадное истребление войск, начальствование на линии, конечно, лучшее место, ибо можно сделать много полезного, но и тут, думаю, Денис в некоторый введет расчет то, чтобы служить со мною вместе. Ты сам знаешь мое намерение, и что в Грузии более двух лет я никак не пробуду, и может быть менее. Сделай дружбу, поговори с ним обо всем обстоятельно и меня уведомь. Скажи ему от меня, что он и себя и меня мало знает, что не хотел сказать ничего в бытность мою в Москве. Я сам для того не пишу к нему.

Здесь нашел я пустоту ужасную. Корф при иноземных целительных водах укрепляет разрушенные годами его прелести. Кретов в Курске пленяется увериями одной женщины, что еще можно слушать его без скуки и будто видеть без отвращения. Пьет и лесть, и вино до насыщения. Ершов приехал при мне и изощряет кирасир на истребление врагов на площадях городских. Но, кажется, разумеют кирасиры настоящее назначение свое пожирать все средства истощенной голодом Орловской губернии. Один Евдоким Давыдов[3] прекрасно проводит свое время и малый любезный. С ним большое делают *свинство*, что не дают бригады, тогда как есть многие бригадиры в поношение человечества.

Брат Михайло напрасно боится, чтобы ему предпочли Рота[4]. Это быть не может и потому, что он и по фронту даже превзойдет его, и потому, что может угодить начальству. И Сакен не забудет, что в нем имел он сильного защитника. Брат Михайло немного делает себе пользы, шатаясь в чужих краях, будто мы в России не родимся и для жены его необходимы пособия врача иностранного.

Успокойся насчет Васильчикова; я твоего мнения, что несколько поцелуев усладят его, и он смягчится. Дибичу сделается колика, но кончится тем, что он воцарится в гвардии, и тогда-то начнутся счастливые дни Белого. Пропал тогда Петрахан, ибо он и его оттереть успеет, и немецкая гибкость проложит себе пути неизвестные. Вот будет немцам масленица. Однако же и из сего можно будет ту извлечь пользу, что скорее возненавидят сих фигляров.

Отошли, сделай милость, письмо мое к Хрущеву и к сестре. Будь к родным моим благосклонен, им судьба не предопределила никакой защиты и меня лишила средств быть им полезным.

Поцелуй за меня ручку у милой хозяйки, поклонись Анне Александровне.

Прощай. Верный *Ермолов*.

Письмо твое посредством почт-директора может дойти ко мне вернейшим образом, следовательно, можешь не ожидать фельдъегеря и писать ко мне.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 98–99

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 15 октября 1821**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Посылаю при сем письмо по условию составленное, которое, если рассудишь, можно показать будет[1]. В нем сказал я тебе все, что у меня на душе, и точные намерения мои. Между тем, точно пришлю я вещи, которые отдай Комарову. Табакерку я не пришлю в Кабинет, дабы не возбудить против себя неудовольствия, ибо когда увидят письмо твое, верно после возьмут сведения. С сею почтою посылаю Хрущеву верящее письмо на покупку подмосковной.

Благодарю тебя, почтенный друг, за великодушное попечение о сестре моей. Здесь все я употребил, дабы склонить старика отца к прощению, и все безуспешно. Раздирают сердце мои домашние обстоятельства, и ничто меня не утешает.

Большое сделаешь благодеяние, если достанешь место Павлову[2], ибо и теперешнее звание ты же ему доставил; но колеблюсь и даже не желаю, чтобы для того, что жена его сестра моя, что-нибудь ей дано было. Я не хочу быть обязан никаким благодеянием. Скорее дам я все, что имею мне принадлежащее, но отнюдь не соглашусь, чтобы за меня дано было сестре моей, без малейших заслуг ее мужа. Может быть, уже до того времени я служить не буду, и тогда пусть дают и делают что хотят, я и знать о том не хочу! Пусть Павлов попробует доставать своими трудами, так делали и ты, и я.

Рад я, что вы без приключений возвратились из Царева, могла бы возобновиться болезнь ее.

Теперь хочу сказать тебе одно дело, но беру честное слово, что ты даже не дашь вида, что я открыл тебе о том, что скрывать обещался. Пред отъездом моим из Москвы старик тесть твой[3] сказал мне и так благородно, чтобы я тебе не сообщил и никому из служащих при тебе, что лишь приедет он в Петербург, то сделает духовную и имение, ему принадлежащее, отдает тебе имянно, но не дочери своей. Он добавил сими словами: «К вам напишут о сем, и дочь моя и зять мой и при сем случае скажу я им, что я еще в Москве открыл вам мое намерение, как доброму другу детей моих». Видишь ли, почтенный Арсений Андреевич, что ты обязан не только молчать, ниже дать чувствовать, что я из привязанности к тебе не хотел сохранить тайну. Тебе приятно должно быть, что я заслужил доверенность твоего тестя и столько же жаль будет, если заметит старик, что за оную заплатил я нескромностию. Признаюсь тебе, что весьма уважаю сие благородное его намерение и радуюсь, что он так хорошо узнал тебя. У тебя и друзей много, которые лучше тебя знать не умеют!

Не у места было бы мне советовать тебе ласкать старика, ибо поведение его само по себе того достойно; следовательно, ты будешь делать должное! Но хочу сказать тебе, что надо бы старика взять с собою и, если бы обещал он после приехать и скоро, без себя не оставлять его одного в Москве. Я, как истинный друг, прошу вас о сем и имею на то причины!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

Павлов адъютант приехал и сказывал, что ты 6 ноября отправишься в Петербург. Боюсь я проклятой твоей должности и того, что ты не имел ни малейшего отдохновения. Прощай!

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 100–101

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 16 октября 1821**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Совсем неожиданным образом А. П. Красовский[1], отъезжая по приглашению твоему, дал мне случай писать к тебе. У меня было готово письмо для отправления по почте, и потому теперешние несколько слов есть прибавление к оному. Совесть зазрела, что ничего не написал к хозяйке. Отдай ей прилагаемую у сего записку.

Повторяю просьбу мою отослать письмо к *сестре и Хрущеву*.

Сие последнее заключает верящее письмо на покупку деревни. Не поверишь, почтенный друг, как возрастает во мне охлаждение к службе и за какую несносную потерю почитаю я возвращение в Грузию. Теперь единственное желание, чтобы не было войны с турками, которая могла бы удержать меня.

Разрешаю я слишком долго продолжавшееся заблуждение мое, что без службы существовать невозможно.

Пиши, ради Бога, это одно утешение в моем отдалении. Уведомь, какое действие произведет письмо мое, которое покажешь ты ловким образом Петрахану по возвращении в Петербург. Уверь ты их, что я ни о чем не помышляю, кроме отпуска, то есть необходимого мне отдохновения. Старайся убедить, что причиною удаления моего отнюдь не есть неудовольствие или негодование; мне весьма низкою кажется роль человека недовольного. Отдаю в руки твои, как наилучшего из друзей, дело самое для меня деликатное.

Здесь отыскал я людей и между прочими Красовского весьма знакомого Котляревскому, и меня уверяют, что он не в силах возвратиться к деятельной службе. Скажи мне свое мнение насчет Дениса по-приятельски, и то, что он скажет тебе на письмо мое. Его легко остановить может то, что не намерен я долго пробыть в Грузии. По способностям Дениса каждый из начальников будет к нему хорош, но не мешает, однако же, иметь в начальнике хорошего приятеля.

Прощай, люби по-прежнему, никогда не забуду я твоих одолжений и заслужить их не в состоянии.

Не забудь прислать мне портрет твой, обделанный в черную простую табакерку, ибо я хочу носить его.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

Прочти мое письмо к хозяйке и отдай, но чтобы читал Красота, а не другой.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 102–103

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 октября», «Отвеч[ено] 5 ноября».

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Ставрополь, 9 ноября 1821**

Любезный и редкий друг Арсений Андреевич.

Наконец я на своей стороне, доехал с ужасным трудом, по гнусной и несносной дороге и времени. Был в войске Черноморском[1]. Непостижимое распутство в сей толпе не войска, но можно сказать *бурлаков*. Прочти о сем партикулярное письмо мое к Петрахану и довольно.

В Грузию не знаю как проберусь; дорога, как тебе известно, разрушенная Тереком, не успела быть исправлена, а теперь завалена ужаснейшими снегами. Вьюги страшные встречают повелителя Кавказа, и я чрез них действую пешком!

Мой донской генерал-майор Власов важно отработал злодеев закубанцев[2]. Турки их против нас подстрекают, но сами в здешней стране чрезвычайно бессильны и каналью можно бы было проштрафовать. Англичане в Персии делают нам пакости и успели прекратить военные действия персиян против турок[3]. Сии последние были биты как свиньи.

Прощай, после буду писать обстоятельно.

Поцелуй ручку милой хозяйки.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 105

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Георгиевск, 21 ноября 1821***

Почтеннейший и редкий друг Арсений Андреевич.

Получил с фельдъегерем письмо твое. Благодарю душевно за попечение о родных моих великодушное и могу сказать благодетельное. Сестра моя умеет знать полную тому цену. Не знаю, что из Павлова будет, но служба, кажется, единое ему средство. Как не глупый человек, если будет прилежен, успеть может. От тебя не скрою, но мне кажется, он в делах своих не аккуратен и едва ли еще не мотоват.

Кто стыдится бедного своего состояния и, бедность закрывая, делает долги, тот не *мой человек*. Жить соразмерно способам, хотя бы, впрочем, и скудно, никогда не бесчестно. Так я приблизился к старости моей и мне бедностию не упрекали! Еще и от души благодарю тебя, почтенный друг, за великодушие твое в отношении к ним!

Мне досадно, что *старик* ваш куролесит и пустился в беспутство. Он человек слабый характером, и сею наклонностию могут воспользоваться проворные мошенники. Ни под каким видом не оставляйте его одного и долго. Каталог в Петербурге еще удобнее делать и можно туда перевезти библиотеку[1]. Мне замыслы его ужасно не нравятся, и его могут сбить с толку!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 3 декабря», «Отвеч[ено] 11 декабря».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 2 декабря», «Отвеч[ено] 11 декабря».

Весьма благородно сделал он, что дал тебе верящее письмо, и сие необходимо для спасения имения от его распоряжений. Не даром покойница[2] в руки ему его не отдавала. Важно бы управил! Пора и тебе, любезнейший Арсений Андреевич, устраивать в запас пристанище. На службе твоего рода не мудрено, что когда-нибудь изменят силы, ты не бережливо с ними поступаешь!

Хозяйка пишет мне горькое письмо об англичанке, но решилась отпустить ее, сколько ей ни прискорбно. Еще больше убедился я в отличной доброте ее сердца, ибо, невзирая на то, что я был тут действующим лицом, она без вся-кого на меня огорчения пишет и говорит, что готова исполнить волю матери. Даже выговаривает мне за то, что я предполагал, что она на меня рассердится, и уверяет, что она не может не уважить полезного совета. При занятиях твоих умей уделить время, чтобы доставить ей некоторые веселости, и точно моло-дой женщине вечные бумаги твои могут наводить тоску.

Теперь речь о посторонних делах.

Васильчиков[3] в Совете! Место, однако же, почетное и значительное. Мож-но было удалену быть от гвардии и без сего внимания. Не ожидал ли он, что его удерживать будут? К чему служило ему, если он не хотел остаться, истре-блять столько народа, чтобы действовать на просторе? Не думаю, чтобы он оставил по себе много плачущих в гвардии, разве Сухозанета[4] и подобных. Великая слава! Не рассердись, как добрый ему приятель, но не такие люди на-зываются отличными! Верю в душе, что Дибич будет на его месте, и тому ве-рю, что при сем назначении сохранит влияние и на первую армию и что в ней ни производств, ни перемен не будут делать без его совета, будем мы в совер-шенном плену у немцев и из сего произойдут весьма неприятные следствия. Судами и наказаниями не всегда смирять удобно. Будут шуметь, а за слова не всегда наказывать ловко и не успеешь.

Справедливо ты заметил, что я не весьма охотно сюда ехал, но сие надобно необходимо для приведения дел в некоторый порядок, за то отсюда отправ-люсь не скучая и, кажется, уже я не слуга, ибо необходимую чувствую нужду в отдохновении и жизнь, подобную моей, невозможно вести долгое время; на-добно здоровье железное, а мое изменять начинает!

Князю Петру Михайловичу пишу о Котляревском, прочти у него письмо мое. Прошу Дениса, но желал бы поступить деликатно со Сталем[5]. Он благо-родный человек и того достоин. Пишу также об Эртеле[6]. Тебе надобно непре-менно видеть письмо мое и по другим заключающимся в нем предметам. За что насильно навязывается на меня Эртель, и если он нужен был Барклаю, то это не значит, чтобы мне был надобен. Если же это шпион для надзора за мною, то по старшинству я ему сдаю в команду корпус. Это я сделаю; я служу не из крайности и не одним сим средством могу доставать себе существовать

Не знаю, дадут ли мне Дениса, но я уверен, что человек с его умом и его пылкостию, скоро привыкнув к делам, был бы весьма полезен. Если же назна-чение сие не угодно, то прошу оставить у меня Сталя, ибо не узнаешь, какого приобретешь.

Испроси позволение некоторых из офицеров отпустить в отпуск. Есть лю-ди, имеющие крайнюю в том нужду, и могут разориться так, что после не-обходимо уйдут из службы, а отпуском отвратить сие возможно. Здесь в зим-нее время они не нужны, не так как в других местах, и потому можно сделать

исключения из общего положения. Поспеши о сем меня уведомить, дабы не упустить время, и предоставьте сии отпуска и за январь месяц, то есть далее оного.

Через час еду в Тифлис. Здесь попался в ад бумаг и там будет не лучше. Кричу «караул»! Так все наскучило, скоро вам надобно будет отпустить меня, нет сил!

Прощай, люби по-прежнему, нет у меня другого брата Арсения!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 104, 106

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис, начало января 1822]**

Отправляя к тебе, любезный Арсений Андреевич, мои сокровища, возбудил я ропот моих окружающих, что посылаю я знаки Александровские. Но сие должен я был сделать непременно, по известным тебе моим намерениям; впрочем, пользе моей не мешает, чтобы вещи были проданы дороже, и потому уверяют меня, что будто если нельзя продать перстни ювелиру, работающему на Кабинет, то, конечно, возьмет он выгоднее орден, и я менее потеряю, нежели десять процентов, которые вычтут с меня в Кабинете.

Сделай, друг любезнейший, как рассудишь за благо; я много выиграю, если не рассердишься на меня, что занимаю тебя случайными просьбами.

Говоря о драгоценностях, не должен забыть о Денисе Давыдове. Что вы намерены с ним делать? Дадите ли мне его или откажете, а право он весьма многих лучше и здесь он мне весьма полезен. Не могу не сказать похвалы о Стале, но в теперешнем месте он ни мало не годится, а вы, Бог знает, дадите ли лучшего, ибо и вы не богаты хорошими. Уведомь об ответе Государя, каков бы он ни был.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 117

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 6 января 1822***

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Просидев долгое время во Владикавказе и не дождавшись ни хорошей дороги, ни хорошей погоды, пустился я далее и с большим трудом переправился пешком чрез горы. Снег ужаснейший выпал давно уже ранее обыкновенного.

13-го числа я приехал в Тифлис и не знаю, друг любезнейший, продолжительная ли дорога причиною или усталость, но здесь скучнее мне прежнего. Не хочу примечать, но, кажется, начинает спокойствие иметь для меня неко-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 генв[аря]», «Отвеч[ено] 1 марта».

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 генв[аря]», «Отвеч[ено] 1 марта».

торые приятности. Не здесь, впрочем, возможно находить его, и если повсюду служба требует деятельности, то здесь большего степени оной.

До прибытия моего сюда распространялись слухи, что я не возвращуся, и надежды сии не весьма малому числу были приятны; были, однако же, и таковые, которые без меня тотчас бы оставили Грузию, и сии не будут худшие люди, следовательно, начальству удаление их должно быть чувствительно. Нельзя угадывать обстоятельств, но если встретились таковые, которые отзовут меня к другому назначению, мне нужно будет иметь с собою начальника корпусного штаба Вельяминова 3-го, а потому повтори просьбу мою князю Петру Михайловичу, чтобы прислали сюда полковника князя Горчакова[1], находящегося в корпусе генерала Раевского, или Воронцова. Офицер сей с отличными способностями и прежде здесь бывший, тотчас познакомится с обстоятельствами края и заменит Вельяминова.

Не отнесите просьбы сей к тому, чтобы хотел я переменить мое место или бы желал дать о том чувствовать. Божусь, не имею сего в мыслях, ибо угасли пламенные мои замыслы, и многое уже кажется мне химерою; но в то же самое время знаю, что увлечен могу быть обязанностями и должен буду продолжать службу, но в таком случае не скрою я, что мне не весьма приятны будут немцы, каковыми уже снабжен я был в Италию и которых так не трудно заменить другими. Ни один из тех не стоит Вельяминова.

Подумай о сем обстоятельнее!

Не знаю, что у вас происходит с турками, здесь они лучшего теперь поведения, нежели когда-нибудь. По недостатку у нас продовольствия продавали нам хлеб из Карского пашалыка и даже требовали, чтобы войска наши взяли на себя препровождение оного, которые и были у них некоторое время в границах, и турки обращались с ними весьма дружелюбно. У них с персиянами были неприязненные действия, и пребывание войск наших в их пределах спасло некоторую часть земли их от разорения персиян. Войска наши возвратились весьма ими довольны, и дружба продолжается. Турки и теперь продолжают доставлять нам провиант. В Ахалцихский пашалык прибыл новый паша и всемерно старается прекратить издавна вкоренившиеся разбои и набеги в границы наши. Неурожай двухлетний, паче же нынешнего года, поставил нас в затруднительное положение и если бы не турки и горские жители (доселе худо повиновавшиеся) дали нам хлеб, я не знал бы, что делать с войсками. Странные происшествия, но тебе, как другу, могу сказать, что не каждый воспользуется подобными средствами. Вот где настоящее счастие!

Какой жестокий год, какие ужасные в войсках и даже между самыми жителями болезни; но к удивлению, смертность не более прежних лет. Рекруты болеют во множестве. Снега и метели в горах остановили их на пути, и стеснены будучи в бедных горских селениях и сами заболели и повсюду зародили болезни. Теперь в одном тифлисском госпитале более тысячи человек рекрут и до пяти сот их жен.

Исходатайствуй, почтенный друг, чтобы лечение и содержание в госпитале рекрутских жен было принято на счет комиссариата. Полугодовой провиант, выданный оным, для того недостаточен. Его недовольно и для здоровых, ибо ничего не может остаться хотя для некоторого обзаведения, что, впрочем, не-

обходимо. Иначе было бы сие весьма недорогое военное поселение и так даже, что дешевле ваших. Сего не должно допускать как оскорбления!

Забыл в последнем письме моем сказать тебе, что мне ничего не отвечали на записку, мною в Петербурге поданную, в рассуждении Владикавказского гарнизонного полка. Нынешний год более, нежели когда-нибудь, мог я видеть его вечные в горах работы. Летом наводнение разрушило все плотины и мосты, и надобно было возобновить оные; зимою беспрерывная расчистка снегов и ужасных обвалов. Одно даже конвоевание есть уже труд великий. Но, кроме того, те же люди во всегдашней опасности и нередко дерутся с горцами, и все это должны делать солдаты гарнизонные, полка наполняемого неспособными. Повсюду употребляются офицеры, которые живут в местах, где все в цене ужаснейшей и у них бедное гарнизонное жалованье, на которое одну только одежду едва здесь иметь возможно.

Не попечение правительства, но просто одно сострадание должно переменить сего полка положение. Неужели может сему воспрепятствовать одно то только, что полк по составу дивизии будет излишним, если из гарнизонного сделается полевым? Если же сего никак сделать невозможно, то хотя офицерам, в сравнение с полками армейскими, положите добавочное жалованье под именем столовых денег. Это уже улучшит их состояние! Сделайте что-нибудь или откажите на бумаге, чтобы мог я оправдаться в глазах подчиненных моих, что я ходатайствую о воздаянии за труды их. Император отказом может не огорчить; мое равнодушие к нуждам — подчиненного оскорбляет.

У меня недостает одного генерала в корпусе на место выбывающего Дренякина. Не определяйте, сделайте милость, никого, ибо отличных и у вас немного, а в худом и мне нет нужды. Я к производству могу представить полковника и молодца, а медлю только потому, что на него возложено поручение и по окончании оного производство может быть наградою. Лучше не даром! Бога не боитесь, что дали мне Шабельского[2]. Сей скороспелый герой принадлежал бы лучше главной квартире Витгенштейна, в которой и прижит он генералом Довре[3] 1812 года в Полоцке, у коего, будучи адъютантом, стяжал он всю славу. Полковник, не имеющий полка, когда даются оные многим подполковникам, худо себя рекомендует. Жалею, что не удостоил я князя Чавчавадзева, он, всеконечно, лучше его несравненно.

Лежит передо мною бумага князя П[етра] М[ихайловича] об Эртеле, и отвечать на оную официально нелегко. Если это шпион за мною — бесполезно; если он должен меня заступить здесь — не более полезно! Ежели не надобно, чтобы я здесь был, то без околичностей сказать о том, и я удалюсь без сожаления. Я не ставлю себя в число тех людей, которые в претензии на нежности, и потому мне услаждения не надобны. Узнай о сем, любезнейший друг, и уведомь.

Между делом и вздор идет в голову. Прикажи сделать мне ту чудесную трубу, на коей унтер-офицер Измайловского полка играл на театре концерт в Великий пост. Присоедини к сему и то одолжение, чтобы один из военных воспитанников, знающий ключ сего инструмента, был сюда прислан, дабы обучить нас. Ты мне обещал сие.

Посылаю, почтеннейший друг, все мои сокровища, состоящие в алмазных знаках св. Александра и трех перстнях. Прикажи кому-нибудь из моих зна-

комых, служащих при тебе, оценить их у ювелира, дабы знать, чем менее заплатят за них в Кабинете, где, невзирая на то, надобно отдать их, ибо не купят в другом месте. Деньги, по условию, прикажи переслать к Хрущевым.

Не на шутку пускаюсь я в приобретение имений, и минуты скуки моей не мало услаждает воображение будущей жизни. Поручи нашему брату корпусному командиру хлопотать у Лабенского[4] о портрете Государя, чтобы успеть зимою доставить его до Георгиевска.

По желанию твоему, я представил о переводе в корпус подполковника Поперовского[5]. Из формуляра видна давняя и хорошая его служба, но он должен быть весьма уже немолодой человек и удивительно мне желание его служить в здешней стране.

Я говаривал с тобою некогда о старшем шахском сыне, который был неприятелем брата своего, назначенного наследником, и оспаривал престол. Он умер[6], и я потерял человека, бывшего совершенно в моем распоряжении, предприимчивого, пылкого и молодца. Теперь наследник будет гораздо покойнее! Это отнимает у меня большие способы.

Если бы с турками случилась война, есть у меня в Ахалцыхе приверженный человек, имеющий сильную партию и могущий быть нашим собственным пашою. Жаль только, любезнейший Арсений Андреевич, что трудно мне будет взять от вас войска, ибо не могу изыскать средств продовольствовать войска на пути и, что досаднее, в наших границах, далее же в земле неприятельской я бы все нашел в изобилии, ибо успехи оружия ничто бы не остановило. К сему надобно ввести в расчет и мое счастие, ибо здесь страшатся имени моего. Не прими, друг любезный, за хвастовство.

Дренякин не едет на свое иркутское княжение, но просит отставки. Он несколько не дослужил до 40 лет, но не затрудняйтесь дать ему увольнение и по справедливости полное окладное жалованье. Прочти письмо мое к князю П[етру] Михайловичу, где прошу я нынешний 1822 год не брать отсюда людей в гвардию и описываю выбор лучших из моих рекрут вместо данных в конвой людей из поселяемых баталионов. Это славное дело славного генерала Мелко-Мишина[7]!

Я прошу о множестве наград, самых, впрочем, справедливейших. Помоги исходатайствованию оных, почтеннейший друг! Неужели после того, что дано в Бешенковичах[8], можно отказывать за истинные труды?

Прежде воспрещения отставок офицерам представлено отсюда об увольнении некоторых, и я прошу, буде можно, не задерживать их, ибо они в службе ни на что не надобны. Хорошего офицера я умею соглашать на продолжение службы, и мало таковых меня оставляет.

Старший Вельяминов просит о переводе адъютанта его Медокса[9] в младую гвардию. Не должно оскорблять его отказом, хотя адъютант его, величайшая дрянь, многих адъютанты не лучше его, впрочем, в гвардию переведены.

Прощай. Люби меня по-прежнему и пиши, буде останется время свободное.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 116–117

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

Тифлис, 11 января 1822

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Письмо было уже к тебе готово, но приехал фельдъегерь и я принимаюсь за другое.

Он сказывал, что встретил тебя близко Новгорода, из чего заключаю я, что болезнь хозяйки долго в Москве тебя задержала. Мне об оной писала сестра моя. Уведомь, что с нею случилось, и я готов думать, что неосторожность тому причиною.

В отсутствие твое много сделалось перемен в гвардии и Желтухин достиг желаемого[1], не переставая говорить, что он, презирая суетности мира и находя одно блаженство в прилеплении к Богу, ничего уже не хочет в жизни. А мне кажется, не бесполезно пока и к гвардии прилепиться!

Неужели суждено Депрерадовичу[2] до фельдмаршальского чина быть командиром Кавалергардского полка?

Преважное назначение Бенкендорфа[3], но доволен ли он таковым? И Мартынов[4] весьма у места, и лента, конечно, немало его подкрасила, что не бесполезно!

Ты, друг любезный, и брат мой Дениска, изрядно надуты назначением Уварова[5], вы оба думали на Дибича и право жаль, что ошиблись, ибо лучше его для потешной команды изобрести невозможно. Немцы верно в горести, ибо от того несколько менее быстр ход их; на глазах будучи, удобнее испрашивать милости.

Ожидаю срочного фельдъегеря от 1 генваря и известия о наградах 12 декабря[6], о которых, конечно, многие вздыхают. Чин полного генерала не мало мучит, и между друзьями нашими есть претенденты. Ты с Васильчиковым, а я с Воронцовым; всех же благонадежнее Паулуччи с могущественным покровительством. Нельзя ли еще дать, что-нибудь маркизу Траверсе? Как любезный Петрахан без ленты Андреевской? Когда уже Селявин[7], только что секретарь одной части обширного управления его, изукрасился в продолжение небольшого времени. Грызет нашего Калиостро досада, но вы без 2-го Владимира от него не отделаетесь! И он прав! Истреби, почтеннейший друг, письмо сие, и без того мало у меня приятелей; делай то же и со всеми от меня получаемыми, как ты по дружбе и обещал мне. Не долго существовать мне на службе, и нет расчета заедаться, отыщут злодеи и в жизни спокойной!

Начинаю отдыхать от страха войны с турками. Она мне помешала бы в моих здесь упражнениях, которые гораздо лучше пустой славы, коей, может быть, я даже и достигнуть не мог бы, не будучи на сцене главных происшествий. Поразила меня мысль твоя, дать здесь чему-нибудь имя мое, и мне хочется открыть лучшую чрез Кавказ дорогу и, конечно, прилично будет оставить память человека, пробывшего в несносной здешней стране долгое время, когда гораздо лучше быть он мог в другом месте. Кажется, мы войны не желаем, и если льстит она честолюбию многих, я не в числе сих последних и ее не хочу.

Теперь о собственных делах.

Посылаю 500 рублей на известную трубу, о которой писал прежде; 400 рублей на серебряные генеральские эполеты, которые прикажи сделать на казенной фабрике, и чтобы были матовые и две пары. Посылаю Брегетовые[8] мои часы, которых не умели поправить в Петербурге, и как они весьма бегут, то заключаю я, что повредились оси и потому попроси Константина Яковлевича Булгакова[9], чтобы отослал их в Париж и поручил бы сделать, чтобы все оси обращались в камнях. Лучше всего самому отдать их Брегету, который и прежде поверял их. Ты меня весьма одолжишь сим и я терпеливо ожидать их буду, чтобы уже иметь их надежными.

Не будьте скупы и присылайте иногда фельдъегерей; теперь таковы обстоятельства, что скучно быть долгое время без известий Вы затеете с турками войну, а я и знать не буду. И то случиться иногда может, что забывши обо мне, не подумаете мне прибавить войск, и хотя турки не сделают мне много вреда, но я буду играть весьма печальную и в то же время смешную ролю. Ты сам согласишься, что мне срамиться нет выгоды, и я с моими правилами, хотя, впрочем, и странными, не подорожу моим местом и службою.

Прощай, почтеннейший друг, поцелуй ручку у милой хозяйки и уведомь, что и как сделали вы с англичанкой.

Забыл просить тебя о деле весьма важном. По недостатку казенных инструментов и давно прося их безуспешно, обратился я к Бетанкуру, и он для меня, надеюсь, выпишет из Англии и гораздо дешевле, нежели у нас. Сделай дружбу, дай ему на мой счет денег, сколько потребует; я тотчас возвращу с благодарностию.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 118–119

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 29 января 1822

Любезный друг, Александр Васильевич.

Со времени моего из Петербурга отъезда получил одно письмо твое, но писать было нечего и я не отвечал. И теперь столько же мало, но боясь упрека в лености, пишу.

Приятно мне было узнать, что ты покороче познакомился с достойнейшим Николаем Семеновичем[1] и я нахожу в том выгоду мою, ибо иногда возобновить можешь в памяти его, что между многими и я не менее умею почитать высокие его дарования и отличные свойства.

Порадовало меня производство твоего Петра[2], ибо медленность оного и тебе, и ему скучать начинала. Теперь он на хорошей дороге и остается только не дать себя увлечь рассеянности — общему пороку молодых людей в Петербурге и быть умеренным в издержках, чего собственная его польза, не менее как и твое состояние, требует. Боюсь необузданного щегольства, истребляющего молодых людей в службе, и потому думал бы лучше быть ему в пешей гвардии. Со стороны производства он может даже выиграть, содержание же и в половину не будет стоить. Ему, может быть, не понравится мое мнение, но я уже

прошел лета молодости и при моих даже свойствах пленяли меня шпоры и сабля, а сии почасту единственные причины, призывающие к конной службе.

Ты знаешь, любезный друг, что я не богат знакомыми в Петербурге, а еще менее есть людей мне благорасположенных и потому прошу поддерживать князя Дмитрия Ивановича[3] в его ко мне благоволении. Он один из начальников моих, не делавший мне неудовольствий, все прочие выставляли меня как человека, с которым ужиться невозможно.

Скажу о себе: живу, как и прежде, теми же заботами и не без скуки, дела, кажется, ежечасно умножаются, и я, не богатый терпением, начинаю уже терять последнее. Скучает мне, друг любезный, жизнь моя несносная, и я не престаю благодарить счастливый вымысел купить небольшую под Москвою деревню. Ты, может быть, примешь это в шутку, но, проезжая Москву, я уже делал распоряжение, дал верующее письмо на покупку и даже некоторую часть денег, которые умножаться продажею пожалованных мне бриллиантовых вещей, уже отосланных мною к Закревскому для передачи в Кабинет. Я принимаюсь весьма нешуточным образом.

Поклонись от меня почтенной Надежде Петровне.

Люби меня по-прежнему

Верный по смерть *А. Ермолов**.

Зять мой Павлов, которого ты ласкал в Петербурге, переселяется на житье в Петербург вместе с сестрою моею; бедное состояние его заставляет желать в службе средств существования, которых лишают его обстоятельства. Познакомься, друг любезный, с сестрою моею. Ты найдешь в ней женщину умную и отличных правил, и прошу тебя познакомить ее с почтенною Надеждою Петровною, которой благорасположение сестра моя, конечно, заслужит. У них нет никого знакомых, но и при множестве таковых, знают они, что лучшего нет у меня друга, как ты!

Посылаю письмо к Сизову[4], отдай его по адресу. Он будет делать для меня некоторые вещи. Вес оных не превзойдет десяти фунтов или превзойдет мало. В 1816 году за фунт взял он с меня по 105 рублей простой гладкой работы. Железо к ножам и хороший ящик надобно заплатить особенно. Посылаю при сем 1250 рублей, чего будет достаточно. Ускорять работою не нужно, когда готова будет, заплатя ему деньги, отдай, сделай дружбу, вещи Арсенью Андреевичу для доставления ко мне. О получении уведомь!

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 75–77

К. Я. БУЛГАКОВУ

Тифлис, январь 1822

Любезнейший Константин Яковлевич.

Заехавши на Кавказ, кажется, я сделался для Вас какою-то восточною совсем не любопытною фигурою. Но я не забыл, что живши в Петербурге, вместе с Вами и у Вас особенно в доме, я проводил приятнейшее время, и как

---

* Далее внизу листа 76 помета рукой А. П. Ермолова: «Письмо лежало по неотправлению фельдъегеря до 23 февраля».

у нас, восточных народов, гостеприимство весьма уважается, то я погрешил бы против себя, не благодаря Вас за оное. Сообщите от меня и любезной Марье Константиновне[1] сие чувство моей благодарности. Нет причины, могущей ее расположить против меня. О патриархе[2] не перестаю я грустить, о трапандосах вздыхаю и столько же страшусь, чтобы место первосвященника не занял какой-нибудь израильтянин.

Прощай, чудесный любезностью Константин Яковлевич. Не будьте столько равнодушны к почитающим Вас, а я между таковыми и сверх того люблю Вас душевно.

Ермолов

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Ед. хр. 56. Л. 3

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 23 февраля 1822**

Почтеннейший друг Арсений Андреевич.

Давно уже не имею я от вас известий и последнее письмо, по причине болезни глаз твоих, было весьма сокращенное. Неприятно жить в таком отдалении, особливо, когда сближаемся мы со временем, в которое должны случиться важные происшествия. Все так медленно доходит до нашей страны отчужденной! Не знаю, что сделаете вы с турками, но, кажется, не легко избежать войны[1]. Иностранные кабинеты, особенно английский, стараются о восстановлении наших с Портою сношений. Им выгодно продолжить время, ибо они истощевают малые средства всем светом оставленных греков и нас виновною терпеливостию и бездействием поставляют пред народами в невыгодном виде. Кончится тем, что в греках, нам приверженных, оставим мы справедливое на нас озлобление! Я, как тебе известно, весьма несчастный политик и, конечно, о политике говорю вздор, но и без дипломатических глубоких знаний можно чувствовать свое достоинство[1]. И я не даром принадлежу народу могущественному! Никогда в таком роде не писал я к тебе чепухи, но прости говорящему сердцу.

Долго ты, любезный друг, зажился в Москве, и по обыкновенному ходу зависти, уже приуготовляла молва другого на твое место. Монашествующий Желтухин, столько чуждый суете мира, думаю, не совсем был оскорблен сею молвою. Он без всяких видов, смиренно, принял бы труд сей в пользу отечества, но полагаю, заставил бы попросить себя прежде и согласие свое выставил бы не малым пожертвованием! Ты возвращением своим разрушил мечту его, впрочем, и теперешним положением можно быть еще ему довольным. К какому назначению приуготовляете вы Криднера[2]; я видел, что он уже флигель-адъютант. Неужели он вам необходим?

Сию минуту пришла странная мысль в голову и не могу не сообщить ее. Тебе необходимо ехать надобно весною к водам. Воды кавказские по справедливости чудесные и точно роду болезни твоей приличествующие, подумай о них! Мы бы тебя успокоили и носили на руках! Я одно вижу препятствие —

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 15 марта», «Отвеч[ено] 4 апреля».

милую хозяйку, которой весьма основательным образом захочется лучше приятно провести время в чужих краях, нежели ехать в край скучный и пустой. Но если бы знала она, как ей воды наши полезны!

Какою бы отрадою мог быть нам Денис, если его определят на линию! О нем что-то молчит Петрахан, и я из сего не самые хорошие извлекаю заключения. Впрочем, он потому что был уже начальником корпусного штаба и собственно по старшинству в чине может занять сие место.

Не знаю, будет ли соизволение на разные мои представления, посланные с прежними фельдъегерями. Я просил произвести Грекова в генерал-майоры, Эристову и Власову 3-му — Анненские ленты[3]. Неужели можно отказать, когда дали оную великому адмиралу Карцеву[4]! С теперешним фельдъегерем идет штат провиантский к военному министру, по утвержденному прежде преобразованию здешнего провиантского управления. Я составил его, сколько возможно, бережливым образом, хотя, против прежнего, сумма умножена гораздо. Попроси старика Петра Ивановича, чтобы скорее представил к рассмотрению, и Морде[5] скажи, чтобы по-прежнему не делал помешательств, ибо я ругаться с ним стану. Теперешняя провиантская часть у меня в жалостнейшем положении!

Сделай милость, подобно как перевели капитана Шишкова[6], переведи 41-го егерского полка майора Маркова в который-нибудь из полков в России. Здесь ведет он себя гнуснейшим образом, так напроказил, что неизбежно мог быть солдатом. Он племянник родной Евгению Ивановичу Маркову[7], весьма не глупый и способный офицер, и мне совестно было подвергнуть его несчастию, когда дядя его, мне его рекомендовавший, всегда был моим начальником и желал мне добра. Не пренебреги моей просьбы!

Прошу я о переводе квартирмейстерской части полковника Верховского[8] командиром в Куринский пехотный полк; постарайся, чтобы князь Петр Михайлович не воспрепятствовал. В рапорте моем сказал я все истинные причины, и мне в сем случае отказать не должно. Какую милость оказали вы переводом отсюда Шишкова. Я такой гнусной и подлой мерзости едва ли видывал, и жаль попечения о нем честного старика Александра Семеновича. В отсутствие мое наделал он множество проказ и, не знавши о них, я уверял старика, что в племяннике не столько много худого.

Вы верно удивитесь, получая рапорты об убыли людей. От прошлого года остались нам свирепые болезни и смертность не только в войсках, но и между самыми жителями ужаснейшая. Не отнесите потери к недостатку попечения о людях или к худому состоянию госпиталей. Все соблюдается строжайшим образом, а в полках лазареты поистине заслуживают одобрения. Но при всей потере нашей мы еще счастливы в сравнении с соседями нашими персиянами, у коих в Эриванской области не собрано половины с полей хлеба за болезнию поселян, а в Индии считают более полутора миллиона убыли людей. Многие думают, что в самом воздухе были причины к зарождению сих болезней, и мы не менее подпали сему бедствию. Впрочем, заметить должно, что большая смертность началась со времени прибытия рекрут и едва ли не причиною тому два года совершенный неурожай в России хлеба, доводящий людей до изнуренного положения. Рекруты, поступившие в армии, в России расположенные,

небольшой подверглись разнице в климате и могли перенести оную, а сюда прибывшие не выдерживают оной.

Полковник квартирмейстерской части Муравьев[9], известный тебе поездкою его в Хиву, просит также о переводе его в армию, и я весьма охотно предлагаю ему полк. Я предупредил о сем князя Петра Михайловича письмом, но если ты не замолвишь, то он в состоянии сделать пакость, отказать мне. Ему можешь откровенно сказать, что для теперешней службы Муравьев особенных дарований не имеет, но что в армии будет он штаб-офицер и командир полка отличнейший и что, конечно, полезно распределять чиновников по способностям.

Скажу тебе по-приятельски, что я переменяю им командира 41-го егерского полка подполковника Авенариуса[10], бывшего старшим адъютантом в 1-й армии. Его вызвал генерал-лейтенант Вельяминов 1-й и, невзирая на то, что он величайшая дубина и дрянь, имеет к нему оскорбительное для прочих предпочтение. Странная вещь, и я не умею понять ее! Старик и прекрасный человек Вельяминов, когда я назначался в Италию, готовился быть здесь корпусным командиром и уже проговаривал, по слабости человеческой, о некоторых распоряжениях и намеревался переменить многих чиновников. Таким образом, многим кажется, что можно делать и поступать лучше другого! А между нами сказать, и прошу тебя не сообщать никому, что здесь надобно другого начальника, ибо он весьма нелюбим по странному образу его обращения и по удивительной застенчивости, имея, впрочем, все наилучшие качества.

Пришли мне, из любопытства прошу, ведомость за 1820 и 1821 года о числе умерших нижних воинских чинов всех вообще войск в 1-й и 2-й армиях, означив убыль каждого месяца особенно. Мне хочется знать, чем мы более убиваем народа, а паче против 2-й армии, у которой есть часть войск в Бессарабии, местах очень нездоровых.

Прощай, отдай записочку мою милой хозяйке.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 120–123

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 12 марта 1822**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Письмо сие пишу, ожидая, что оно уже тебя не застанет, и даже того желаю, ибо до сего времени пребывание твое в Петербурге не иначе могло бы продолжиться, как по болезни. Ты, верно, поспешил последним зимним путем проехать по крайней мере до границ наших и вместе с весною вступить в земли чужие. Я полагал, что ты несколько пробудешь в Варшаве, но теперь не знаю, видя, что великий князь у нас в гостях; надеюсь, однако же, что пред отъездом ты меня уведомишь, как располагаешь путь свой и пребывание за границею. Для меня весьма продолжительным покажется твое отсутствие по многим причинам и, собственно, по служебным делам, коих ход ускорял ты

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 3 апреля», «Отвеч[ено] 4 апреля».

чрезвычайно и не менее по всему тому, что относилось до здешнего корпуса. Примечаю, друг любезнейший, что уже прималчивают на некоторые из бумаг моих и даже ничего не выходит по сделанным о наградах представлениям, тогда как оные не отказываются и менее трудящимся. Какой лучше пример адмирала, начальствующего флотом у Каменного острова[1], впрочем, конечно, исправнейшею частью морских наших ополчений!

Сказать тебе нового ничего не имею; снегами завалены горы и со стороны соседей покойно, внутри делаются шалости в надежде, что война с турками займет наши силы и бунтовать удобно будет, но до того еще времени их порядочно смиряют. Не знаю, что со стороны вашей покажет весна! Дипломатики наши молчат и оставляют меня в совершеннейшем неведении об обстоятельствах, но думаю, что и они немного знают более, когда за них англичане и австрийцы работают в Константинополе. Мы прекрасных и верных имеем стряпчих. Между тем греки, оставленные всем миром без помощи, одни несут на себе неистовства ожесточенных мусульман, и тогда восстановим мы переговоры с Портою, когда не о чем переговаривать будет.

История прославит наше время и нам собственно отдаст должную похвалу. Уже год целый, как лютость турок христианские державы насыщают кровью греков, и кажется, не довольно!

Важно обработан в приказах несчастный князь Вадбольский[2], а офицер отличнейший. Напиши, что за происшествие; я очень его уважаю! Неужели нельзя наказывать не посрамляя?

Я с некоторого времени нездоров; кажется, привез из любезного отечества ревматизмы. Растравляю болезнь свою множеством хлопот, и служба смертельно начинает скучать мне. Не долго могу я подобным образом упражняться. Приводи к счастливому окончанию дела мои, друг любезнейший, и отправляй к Хрущевым миллионы, если Кабинет не отказывает принять моих сокровищ.

Поцелуй ручку милой хозяйки, не оставь по-прежнему благотворить семье моей и люби меня, как всегда.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 124–125

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис, конец февраля — первая половина марта 1822]**

Я писал тебе, любезный Арсений Андреевич, что по просьбе одного приятеля моего Конст[антин] Яковл[евич] Булгаков выписывает из Парижа Брегетовы часы. Если надеется он получить их, то я дожидаться буду, если достать таковых не может или слишком долгое потребно для того время, то есть у П. Ф. Желтухина настоящие Брегетовы часы с собственным его свидетельством, я бы желал, чтоб ты купил их, но в том и в другом случае прошу сыскать денег и заплатить, а я тотчас по уважению их доставлю. Уведомь меня, сделай дружбу, обстоятельным образом.

---

* Помета А. А. Закревского: «Отвеч[ено] 4 апреля». Возможно, это продолжение предыдущего письма А. А. Закревского.

Прикажи доставить вернее письмо мое к обер-прокурору Казадаеву, ибо в нем вложены деньги по собственным моим поручениям.

Спроси также у князя Меншикова, кто из часовых мастеров делает для Главного штаба столовые часы, которые видел я в его канцелярии и которые хвалит он особенно, и уведомь о цене их.

Сестра моя, как я располагаю, уже в Петербурге. Мне не нужно просить Вас о родных моих, ибо без всяких заслуг с их стороны Вы, достойнейший Арсений Андреевич, собственно мне в одолжение оказывали им уже милости. Вы давно знаете меня, но я уверен, что представить себе не можете, до какой степени чувствителен я к благороднейшим и великодушным Вашим в отношении их поступкам. Почтенный друг Арсений Андреевич! Давно мы добрыми приятелями, много сближают нас подобные свойства, и по происхождению незнатному, и по состоянию бедному мы похожи друг на друга, спроси сердце свое и поверишь, что одолжениям твоим я цену знаю! Не мне уже заслуживать тебя, вознаградит тебя судьба справедливая!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 126–127

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 22 марта 1822**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Всякий раз, что пишу к тебе, думаю, что письмо мое тебя в Петербурге уже не застанет, и сие по медленному ходу почты, конечно, такую будет иметь участь. С последним фельдъегерем я обо всем писал, теперь скажу о том, что забыл при его отправлении.

Меня старший Вельяминов снабдил подполковником Авенариусом, изрядною дрянью; в полку, им командуемом, наделались мерзости и ссоры, и он ожидает формального следствия или уже самого суда; дабы показания против него сделать недействительными, многих в списках кондуитных[1] обработал препорядочно и по большей части несправедливо. Не желая делать скверной истории, каковых во все время моего здесь пребывания не бывало, хочу я виновных, хороших, впрочем, офицеров, наказать определением на некоторое время в службу при гарнизонных полках и вам донесу официально, хотя, впрочем, я рискую иметь выговор. Но что это значит, когда сохраняю я для службы несколько полезных офицеров. А дабы не претерпели они от гнусных кондуитных списков, сделай дружбу, пришли их ко мне, и Авенариус переменит их другими. Сам же сей рыцарь представлен будет для счисления по армии по причине неприличествующего ему здешнего климата. Не раз уже случалось, что мы для исправления возвращали некоторые бумаги, и потому просимую не откажи прислать скорее. Я пишу о том и к молниеносному вице-директору на случай твоего отъезда, но еще лучше, если ты о нем скажешь.

Прикажи в отсутствие твое Красоте обо всем уведомить меня, а то я ничего не услышу, ибо ты знаешь, что с обитателями Петербурга у меня не более

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 22 апреля», «Отвеч[ено] 24 апреля».

партикулярных сношений, как с Америкою. Конечно, ни один в подобном мне положении не может сказать сего.

Впрочем, со мной и поступают прекрасно, я в ноябре из Георгиевска писал партикулярно к некоторым из министров, также и отсюда, чего они сами желали, дабы предварительно объясняться в некоторых случаях, но ни один не отвечал мне. Теперь остается им только подумать, что они мне на что-нибудь надобны, чтобы насладиться грубейшим заблуждением!

Красота уведомил меня, что со стариком[2] он к вам отправился. Старик хотел немного попользоваться свободою, стряхнувши кандалы тесной зависимости. Не худо делала супруга, что придерживала в руках проказника, не те бы еще были беспорядки! Однако доволен я, что все сделано по-надлежащему, и остается одна только вещь, впрочем, сколько я тебя знаю, не самая легчайшая, но тебе надобно пуститься на оную: старику очень хочется иметь ленту, и я, право, не прочь, чтобы ему дали оную. Это делается для многих, и конечно, не более его надобных людей. Почему целому семейству Киселева даны были награды? И сколько других могу сказать примеров! Если ты слово только скажешь Юсупову[3], он облегчит дело сие представлением, и ты будешь в стороне. Подумай о сем, друг любезный, порядочно, и ты, утешивши старика, сделаешь и жене приятное. Она не может быть равнодушна ко вниманию твоему к ее ближайшим. Напиши мне, что ты по сему решился сделать. Я признаюсь тебе, что я бы желал того и для молвы. Тебе не помешает это в Москве! Едва ли тебе удастся скоро жить человеком свободным, а в службе и приближенному не должно пренебрегать некоторыми наружностями и такового человека особенные отношения.

Прощай, давно о тебе ничего не знаю, ни что делается. Видно, у вас суматоха, на множество представлений нет ответа!

Верный по смерть *А. Ермолов*.

Не забудь о переводе из корпуса 41-го егерского полка майора Маркова, и чем скорее будет, тем лучше.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 128–129

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 29 апреля 1822**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Пишу и воображаю, что письмо мое в Петербурге уже не застанет тебя. Как грустно думать, что долгое время не буду иметь о тебе известий.

Благодарю, почтенный друг, за хлопоты о моих сокровищах и за отосланние к Хрущеву денег. Ты скрыл от меня, но я случайно узнал, что ты ездил нарочно к министру финансов, чтобы упросить его взять в казну мои перстни. Странно, что он тебе отказал, а мне, я знал, что он ничего приятного сделать не захочет. Впрочем, и сумма ужасная 12 000 ассигнации, которой не сыскалось в императорском Кабинете. Перстни всегда сего стоят, и мы

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 июня в Карлсбаде», «Отвеч[ено] из Франц-Бруна 15 августа».

сбережем их до времени. Пришли их ко мне обратно, может быть, в Москве набежит какая-нибудь щеголиха.

Отработали Граббе[1] препорядочно, и отличный сей офицер остается без пропитания. Ему делать нечего, как идти в иностранную службу. Я боюсь, что и сие почтется за вольнодумство, когда не что иное есть, как совершенная крайность. Наказать надобно непременно, но не следовало бы выпускать его из службы, или, по крайней мере, чрез некоторое время выгнать и Васильчикова, совершенно ни на что не надобного!

Понемногу являются в газетах награды по моим представлениям, но нет ничего о генерал-майоре Власове, о котором просил я прежде всех, после приезда моего сюда. Благодарю тебя от души за старание об оном; не забудь пред отъездом твоим приказать и о прочих напомнить Петрахану.

Весьма хорошо, что не докладывано о князе Горчакове: он только что женился, и это бы его ужасно расстроило. Да и нет в том нужды, ибо, кажется, что уже отсюда ни на какую не попаду я службу, следовательно, и Вельяминов мой не будет мне надобен. Боже мой, до какой степени мне все наскучило, невероятно!

Перепугались, что войска мои были в границах турецких, а турки благодарили за милость. Попроси у Петрахана посланный мною к нему рапорт одного полковника и увидишь! Теперь просили турки, чтобы прислал я войска, но мне запрещено, а потому персияне вошли в Карский пашалык и его разоряют до основания. На случай войны и у меня такие же впереди степи, как в Молдавии. Что за мысль, что меня обманут? Мне нельзя о себе хвастать, и потому не знают, на каком счету людей я здесь, и что, конечно, более известен я моим соседям, нежели правительству своему.

Насчет положения дел наших с Турциею у нас делают великую тайну, а в газетах говорят о том и, как нарочно, весьма основательно. Мы поступаем прекрасно и с большою для себя честью! Невероятно, чтобы поездка Татищева[2] в Вену повела к чему-нибудь решительному, кажется, непременно есть намерение отделаться от войны, хотя, впрочем, турки делаются чрезвычайно несносными.

Огорчили меня отказом Дениса и весьма несправедливо, если имеют о нем прежние невыгодные мысли. Поговори Петрахану, что они лишают деятельности человека способного и что не весь генеральский список наполнен людьми нужнейшими. Я ему пишу довольно ясно.

Если правда, как пишут, что на место старика Петра Ивановича возьмете вы старшего Вельяминова, то и еще буду просить у вас генерала; посмотрим кого мне дадите?

Наконец достали вы старика, который несколько в Москве пришаливал. Этого не было приметно, чтобы он был таким нежным любовником. Однако же, я весьма его уважаю за благородный его с тобою поступок, и делает ему честь, что в сем случае была одна собственная его воля и никакое постороннее внушение. Он ко мне обо всем пишет, но извини, что не имел я время отвечать и чтобы старик не рассердился.

Важно обработали дела в твое отсутствие, если надобно было сидеть по утру и после обеда несколько недель. Я воображаю, что будет по возвращении из чужих краев! Ты ни слова не сказал о пребывании у вас великого князя[3]; так ли

он расположен к тебе, как и прежде? Он верно мерзости говорил обо мне и ты молчишь по деликатности. Досадно, что я не заслужил его сердца, а впрочем, от того не умирают! Узнай буде можно, не жаловался ли он на меня Государю?

Как хорошо ты делаешь, что сжигаешь мои письма, и мне жаль твоих, чрезвычайно, но я с ними делаю то же. Будем оба постоянно исполнять обещанное.

Поклонись от меня милой хозяйке; теперь я не пишу и нечего. Но готов вступить в переписку на русском языке, и она несправедлива будет, если потребует языка французского, на котором я столько же искусен, как она на русском. Но с сим она познакомится скоро, а того я не выучу никогда. Вот разница!

Завтра выезжаю я на линию. Кабардинцы делают большие пакости по наущению закубанцев, которые, партиями приходя к ним в помощь, нападают на линию. Я пять лет терпел, на многое смотрел сквозь пальцы, ибо занят был в другом месте, но теперь пришла их очередь и я намерен порядочно уже проучить их, и если успею, то даже хочу переменить и положение прежней линии, которая имеет величайшие недостатки[4]. Доведи о сем до сведения выше…

Прощай. Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 130–131

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 4 мая 1822**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Получил два письма твои в одно время. Очередной фельдъегерь не мог так скоро ехать и даже заболел, последний обогнал его и привез с собою и его бумаги.

Любопытно возвращение Татищева, и как мы не вертимся, не понимаю, как можно отделаться от войны. Много времени потеряно, и то, что прежде легко было сделать, теперь придется не без потери, а наглости, турками делаемые, и оскорбления, нами понесенные, останутся в барышах**. Благодарю за предупреждение Морды о штате провиантском, мною представленном, но прикажи, однако же, подтвердить ему о том, а то и Морда может заумничать.

Жаль, что не можете перевести сюда майора Моркова, и я не могу, пока по просьбе моей не пришлют для поправления ошибки в кондуитных списках 41-го егерского полка. А здесь нельзя иметь его. Какой нелепый доклад Петрахана о Верховском. Не посмотрел он, что прежде служил он капитаном в армейском полку и что нет нужды учиться ему фронтовому мастерству. Таким образом, или останутся полки без командиров, или дадут Бог знает каких, тогда как мною просимые мне здесь надобны.

Благодарю за списки о смертности и побегах в армиях. Я не могу идти с ними в сравнение по злодейскому здешнему климату, но, конечно, ближе я ко

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 июня в Карлсбаде», «Отвеч[ено] из Франц-Бруна 15 августа».

** Так в оригинале.

2-й армии, ибо один корпус оной расположен в Бессарабии. Истребили меня рекруты, и смертность раздирает сердце мое.

Поблагодари милого Константина Булгакова за исполнение комиссии о Брегетовых часах, я буду ожидать их!

Не знаю, что делать с сестрою, болезнь ее удержала в Москве Павлова, а без тебя нельзя и помышлять ему приехать в Петербург, ибо в толпе просителей затрут его и никто о нем не вспомянет. Какое несчастное их положение и как меня мучит, что я помочь им не в состоянии.

Грешно, как говоришь ты, роптать мне на то, чтобы отказывались мои представления, и точно правда, но если я иногда и кажусь нетерпеливым, то из боязни, что их не уважат. Боюсь я за тех, кои могут обижены быть отказом, когда другие его не испытывают. Слава Богу, что есть люди, которых и небольшие награды восхищают, не надобно охлаждать их!

Удивляешь ты меня, что почтенный старик Петр Иванович согласился продолжить службу в теперешнем месте. Нельзя в летах его иметь достаточной деятельности и когда-нибудь не избежит он тяжких неприятностей.

Божусь, не понимаю, как человек умный того не видит? Еще более удивительно, что берется он заниматься делами твоими в твое отсутствие, когда при неимоверном трудолюбии твоем едва достает время, но и то с истреблением самого здоровья, которое уже нуждается в заграничной прогулке. Конечно, не испортят после тебя порядка дел, но что запущены будут они — непременно. Придется и по возвращении портить вновь здоровье!

Великой лишился Желтухин отрады Криднерши[1]. Разве утешит генерал-адъютантство. Но неужели долго еще заставят страдать его в ожидании? Надобно думать, что необходима фамилия Криднер, ибо появился на сцену известный рыцарь!

За что умер князь Зубов[2], кажется, и жить не худо было. Теперь могут охотники на молодую вдову делать спекуляции[3]. Как ты одолжил меня, что известил способ через Красоту продолжить нашу переписку, а я не знал, как придумать. Но это пречудесный комиссионер, и я уверен, что письма доходить будут с точностью.

Скажи, любезный друг, почему не таковы обстоятельства, чтобы мог я вместе с вами ехать за границу. Это намерение мое, и несколько позднее я ни минуты не задумался бы. Как бы не скучно нам было! Я не желаю, чтобы болезнь когда-нибудь могла быть еще причиною твоего путешествия, но если для удовольствия, и я буду свободен — я твой товарищ.

Прощай, почтенный Арсений Андреевич, письмо мое должно найти тебя уже весьма далеко и даже за Варшавою. Опиши, по-прежнему ли принят будешь? Не скрой и тех ругательств, которые обо мне услышишь. Приноси мое совершенное почтение милой хозяйке. Ожидаю хотя несколько слов ее из-за границы, но на русском языке, дабы мне отвечать удобнее.

Какой чудесный прислал ты портрет Наполеона, но Кикин сочинил Мадатова из своей головы, и он в восхищении. За что вы и меня тут же припутали и столько же непохожего сделали.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 132–133

Д. А. ГУРЬЕВУ

Лагерь в Кабарде, 17 июня 1822

Милостивый государь граф Дмитрий Александрович! Желая избегать случаев, в которых объяснения официальные не могут быть приятными, я имею согласие вашего сиятельства на переписку партикулярную и сим пользуясь, прошу покорнейше взглянуть на сообщение, писанное ко мне от 3 марта за № 720-м.

Ваше сиятельство изволите увидеть, что можно было избавить меня от заключающегося в конце оного вопроса. Вы, конечно, не сделали бы такового, если бы хотя минуту остановили внимание ваше на том, что провинцию Шекинскую присоединил я к управлению нашему, приняв на себя исполнение в пользу нашу дарованного хану трактата, ясно представляющего наследственное оным владение, тогда как провинция сия приносит более полумиллиона доходу; а сделанные мною издержки не составляют и десятой доли оного; сверх того, они употреблены на предметы, делающие честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные, да на содержание фамилии умершего владетеля[1].

Я не имел на сие высочайшего разрешения, что вам не может быть неизвестно, и мне, когда нужно было действовать, затруднительно ожидать оного единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядок, который, впрочем, на провинцию, вновь к управлению присоединенную, до прочного основания в ней устройства, распространяться не может.

Передав уже раз сбор доходов в введение министерства финансов, я не входил ни в какое распоряжение оными, но за прежнее до того время и по законам и по собственным правилам чести, я ничем не обязан кроме ясной отчетности, и таковая отдана правительству.

Может быть, незнаком я вашему сиятельству со стороны бережливости, но в течение довольно продолжительной, а иногда и видной службы, хорошо будучи замеченным, оскорбительны подобные вопросы, а если сделаны с намерением, то и нестерпимы.

Вам, милостивый государь, в поступке моем, когда я ищу только приличия, угодно видеть присвоение излишней власти. Уверьтесь, ваше сиятельство, что я не кичусь* воспользоваться ничтожностию.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

Русская старина. 1892. Т. 76. С. 215

А. А. АРАКЧЕЕВУ

[Июнь] 1822

Ваше сиятельство, милостивый государь!

Желая избегнуть случая, в котором объяснения личные могут быть неприятными, я имею позволение на переписку партикулярную и, сим поль-

---

* Так в оригинале.

зуясь, покорнейше прошу взглянуть на письмо, писанное ко мне от Вашего сиятельства.

Ваше сиятельство изволите увидеть, что можно было избавить меня от заключающегося в оном вопроса. Конечно, Вы бы не делали такового, если бы хотя на минуту остановили Ваше внимание на том, что я приобрел Шекинскую провинцию, которая дает более полумиллиона доходов и сбор оных доселе употреблен на вспомоществование упадшим ханам. Передав уже раз объяснение министру финансов, я более ничем не обязан как по законам, так по собственным правилам чести, кроме ясной отчетности, и таковая отдана правительству.

Быть может, не знаком я Вашему сиятельству со стороны бережливости, но в течение немаловременной, а иногда видной службы, хорошо будучи замеченным, оскорбительны подобные вопросы, а ежели сделаны с намерением, то даже нестерпимы.

Вам, милостивый государь, когда я только ищу приличие, угодно видеть в поступках моих присвоение излишней власти. Увертесь, Ваше сиятельство, что я не льщусь воспользоваться ничтожеством. Имею честь быть и проч.

А. Ермолов

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 2 об. Копия;
ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 1–1 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Лагерь на реке Куме, 11 июля 1822

Господину полковнику и кавалеру Муравьеву.

Прежде получения рапорта Вашего поручил я г[осподи]ну генерал-лейтенанту Вельяминову уведомить Мехти шамхала тарковского, кому из беков, живших при Ших-Али-хане, позволено возвратиться в границы наши, которым навсегда воспрещается возвращение. Теперь перехваченных Вами отпустить извольте. Если же свобода, им данная, ободрит прочих и решатся приехать Багыр-бек, Хан-бутай и Ахмед-бек, то их арестуйте и содержите как преступников.

Надобно остерегаться оскорбить шамхала и не лишить его как человека усердного и верного уважения в народе и соседях, и потому не арестуйте их в собственном их доме. Для сего, полагаю, может быть вам полезным Мирза-Исмаил, которому скажите вы, что вскоре объявится ему чин прапорщика, в который он произведен. Состояние сие делает его независимым, но храните в тайне подобную его услугу, дабы не подвергнуть отмщению.

Благодарю о уведомлении, что шамхал намерен женить сына на дочери убийцы князя Цицианова[1].

Сего допускать не должно, и я воспретил ему посылаемым у сего открытым письмом. Писал о том же и Аслан-Хану Кюринскому.

Старайтесь, сколько возможно, ускорить производством работы в крепости[2], дабы другому начальнику передать оные с очевидным успехом, ибо вскоре получите Вы другое назначение.

Генерал Ермолов

Прежде рапорта твоего последнего предписал уже и баталион Износкова дать другому. Сие распоряжение последует от Ивана Александровича[3]. Жаль, что офицер отличной храбрости может быть порочным в одинаковой степени.

Не оскорбляй шамхала, напротив, старайся оказать ему дружбу, ибо не много людей равной с ним верности и правительство имеет выгоду сберегать их. Тверди ему о неприличии желаемого им супружества его сына, чтобы по слабости он того не сделал и что я на сии случаи строгие имею наставления и не могу не исполнять их. Внушай, что я непримиримый гонитель всех изменников и даже до самого праха Ших-Али-хана терпеть не могу в земле нашей!

Будь ласков в переписке с Зугум-кади акушинским[4], но напоминай при случае об обязанностях верноподданных и требуй возвращения беглых. Напиши, что я могу быть снисходительным, но что ты, давая отчет в действиях своих, должен будешь принимать меры, в которых не найдут они выгод.

Проверишь ли, любезный Муравьев, что уже есть в приказах, что ты командир 7-го карабинерного полка. Ты по крайней мере так скоро его не ожидал и, может быть, даже и не думал.

Было время, что желали мы 41-го егерского полка, а карабинерный лучше! Служи с удовольствием и счастливо! Прощай.

А. Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об. – 4. Копия

П. А. КИКИНУ

Константиногорск, 28 июля 1822

Сию минуту вздумал, любезный брат, Петр Андреевич, что кроме удовольствия писать к существу несказанному, я имею даже и просьбу.

Благодаря заботливости графа В. П. Кочубея, утверждены проекты зданий и для минеральных здешних вод, и даже отпущены уже на строение деньги. Но недостает архитектора, о чем я и писал к нему.

Ты любишь покровительствовать заведениям и вообще предприятиям полезным; без сумнения, лучше многих известны тебе художники, и что более, мнение твое имеет вес; возьми на себя труд, приищи с хорошими способностями молодого в академии архитектора и склони г[осподина] Кочубея, чтобы его прислали сюда. У меня был некто г[осподин] Вильстер[1], молодой искусный человек, и если бы кто и менее его имел дарования, я был бы доволен.

Вы сами не богаты архитекторами, но здесь не изобретать, а уже предложенное приводить в исполнение нужно. У меня же и таковых нет на Кавказской линии, а из Грузии, по множеству работ, отделить невозможно!

Сделай дружбу, похлопочи, любезный и редкий брат. Не слушай А. Н. Оленина. Здесь был некто г[осподин] Юни, тебе, как говорит он, весьма знакомый. Я, дав ему поручение, лучше, однако же, рассудил сам к тебе написать. Он напомнит тебе и о профиле галереи Таврического дворца. Прикажи сделать его и пришли!

Есть еще одна просьба.

Стесненное состояние бывшего атамана донского генерал-лейтенанта Денисова[2] и гонение человека беззащитного в его старости, солдата, издавна уважаемого по его храбрости, заслуживало бы лучшей участи. Не виню в оной Чернышева, человека знатного и в делах не весьма сведущего; но тем больнее, что долговременная и отличная служба может быть помрачена Б[олгарским][3], разбойником, управлявшим пером Чернышева. Счастье сего мошенника, что невозможно изобличать во взятках и что дающий должен равномерно укрываться преследования законов, а то здесь славную имеет он репутацию и точно достоин, ибо уже и награжден лентою. Денисов чрез тебя писал Государю. Не откажи оказать ему по силам помощь. Не твоего характера люди могут страшиться сильных. Положи честь твою и правила твердым, в покровительстве угнетаемого, оплотом. Еще мы с Чернышевым ничего не брали штурмом! Ты не оставляешь без внимания просящего, истина дает силу словам.

Я боле двух месяцев таскаюсь по Кабарде, хочу перенести гнусную и убийственную прежнюю Кавказскую линию. Не без трудов, но прибавь к имени существа прилагательное счастливого, и буду тот же верный брат, который любит тебя душевно, почитает по достоинству. *Ермолов.*

Я думаю, некогда из разговоров ты слыхал, что я имею родную сестру, она замужем за Павловым, которого, конечно, видал ты у меня в Петербурге. По обстоятельствам переселяются они на житье в столицу, где зять мой, в маленьком и ничтожном чине его, надеется получить место с лучшим, нежели где-либо, жалованьем. Сделай дружбу, любезный брат, Петр Андреевич, приласкай его и сестру мою, которую и познакомь с милою женою. Сестра — женщина немолодая, и ты увидишь, что весьма умная, которая, конечно, благорасположение ваше сыщет и, без сомнения, заслужит.

Прости сестре некоторую неловкость, как женщине, брошенной обстоятельствами среди незнакомого мира в бедности, которая сопровождаема некоторою застенчивостию и собственно к самому себе лишает доверенности. Предуведомь сестру мою, любезную и редкую жену твою, что ласка ей оказанная, будет собственно мне милостию. Привези к ней родных моих сам, и если когда пожелает она, чтобы они у нее бывали, то просто посылай за ними экипаж, ибо по бедности они его иметь не в состоянии. Я уже писал им, чтобы умели они не стыдиться бедности.

Надобно думать, любезный и редкий брат, что я не в блистательном положении, если в подобном состоянии терплю сестру, которая только одна и есть у меня. Я бы по бедности годился быть военачальником лучших времен республики. Меня это нимало не огорчает, но и я бывал молод, и не так легко было привыкать к подобному состоянию и познакомиться с мыслию, что с таковым надобно окончить жизнь. Теперь я в сем отношении не уступлю наилучшему из философов!

Прощай!

Верный по смерть *А. Ермолов.*

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 507–509

П. А. КИКИНУ

Владикавказ, 4 августа 1822

Любезный и редкий брат! Отправивши к тебе письмо с Похвисневым[1], я очень заболел, и до сего дня было мне весьма тяжело. Теперь пишу с трудом, но уже не имею причины опасаться болезни. Прав ты совершенно насчет заведений при водах. Боюсь потери денег, не перестаю думать об устройстве вод, но нет у меня человека. Имею одного чудесного для сего предмета, но не могу без него обойтись в Тифлисе, и на нем лежат обширные поручения. Хочу экономическую часть поручить Павлову, человеку, конечно, с редкими и наилучшими правилами, и тогда за деньги бояться не буду. Не думай, редкий брат, чтобы желчь моя заставляла меня видеть все с худой стороны и чтобы не любил я слышать правды. Это несправедливо, но надобно, чтобы основательны были делаемые предложения и в соображение взяты были средства мои. В доказательство, что желчь не всегда действует, я не вижу даже много худого из тех мерзостей, которые наделал мне мудрый Лисаневич. О Грекове жалею и не знаю, кем заменить его. Устал смертельно, прощай, писать буду к тебе из Грозной. Не могу выразить досады, что тебя не увижу. Думаю, что чувство сие способствовало усилению болезни. После буду писать, после.

Верный *Ермолов*

В какой маленькой записке, в каком малом числе слов, милая сестра, сколько сказала правды. Кисловодск точно St.-Hélène[2], и кто живет здесь, скоро уже девять лет, немало заслуживает сострадания. Еще несноснее подобная ссылка тому, о ком и не вспомянут впоследствии! Знаменитому узнику была утешением слава! Нельзя без некоторого героизма прожить в здешней стране долгое время. И зная, что каждое действие отравляет клевета.

Прекрасное предположение ваше, что я отделался разными предлогами, чтобы не видеться с вами, от страха слышать правду. Это свойство господствующих, а я сам под игом иноплеменных, и могу ли я, как они, бояться правды. Je suis un bien pauvre Sire*! А вы, мои единственные ближние, против меня!

Прощайте, целую ручки милой сестры, чудесной женщины! Душевно преданный

А. Ермолов.

Браните меня еще и всегда, но живит сердце мое чувство благодарности за благосклонное расположение ваше к сестре моей, боялся оскорбить вас выражением милости.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 509–510

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Екатериноград, 31 августа 1822***

Возвратясь в Россию, ты, любезный брат, меня уже и не уведомил. Прекращению прежней дружеской переписки должна быть какая-нибудь причина.

---

* Я ничтожный, жалкий человек! (*фр.*)

** Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 17 ноября 1822».

Если бы со стороны моей был к тому повод, не вызывался бы я на объяснение, ибо неприятно выслушивать упрек в вине своей; но я прошу тебя сказать, что заставляет тебя переменить прежнее твое расположение? Не мог я сумневаться в дружбе твоей и не хочу думать, чтобы мог лишиться оной, с своей стороны стараясь утвердить оную. Если кто, завидуя, хотел вредить ей, в собственное оправдание надобно исследовать истину. Тебе, любезный брат, принадлежало это сделать; мне нельзя было предузнавать, что ты переменишься, когда я наименее того ожидать должен. Мне нет нужды знать, кто мог завидовать нашей дружбе и какими происками хотели охладить тебя; я ожидаю, что ты, по крайней мере, скажешь, что, внушено будучи тебе на счет мой, могло отклонить от меня прежние твои чувства редкого брата. Скажи, ибо я к сему не могу быть равнодушным!

Ничего не пишу о себе, ибо ты и знать о том, быть может, уже не желаешь. Ожидаю с нетерпением ответа.

Алексей Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 86–86 об.

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 30 сентября 1822

Любезный друг, Александр Васильевич.

Давно не писал к тебе, не от того, чтобы не одинаково всегда помнил я друзей моих, но мало или даже и совсем нет предметов, внимания достойных. Ты хотя и позволяешь мне говорить обо всем, что со мною случается, но право совещусь рассказывать пустое. И теперь кроме подобного сему сообщить не имею.

Недели две как возвратился я из Кабарды[1], которую прошел два раза с храбрыми моими легионами. Наказал своевольных и дерзких, но главный предмет был обозреть землю, и богатством и красотою редкую и которая, к стыду, была нам мало доселе известна. Я проходил места, где еще не бывали войска наши от лености и бездействия моих предместников; учредил во многих местах укрепления, расположил часть войск для надзора за порядком и спокойствием, отдалил от большой части прежней линии нашей разбой и хищничества, а на будущее лето оставляю старую линию, и местоположением нездоровым и знойностью климата убийственную, и переношу к подошве Кавказа, в страну прелестнейшую. Сколько доселе бесполезно потерянных войск, которые бы спасло одно несколько лучшее их расположение. И я умедлил от множества других не менее важных занятий. Вот одно из обстоятельств, которое в здешней стране заботы мои заставит вспомнить с некоторою благодарностию. Мне скажут спасибо храбрые мои войска, и я уже награжден довольно! Едва ли заметят то другие! Наскучило мне все, любезный мой Александр Васильевич, и судьба знакомит меня слишком со многими огорчениями. Сегодня похоронил я моего Наумова, дежурного полковника, о котором ты слыхал, конечно, от Рыхлевского. В нем потерял я офицера отличного и человека, мне особенно приверженного. Нынешний год особенно мне несчастлив, ибо еще несколько достойнейших сослуживцев стоят на краю гроба; ежеминутно страшусь их

лишиться, а некоторых и заменить не имею кем. Обстоятельства сии порождают во мне ненависть к здешней стороне, и я бежать собираюсь.

Благодарю за присланное серебро, оно хорошо сделано. Здесь вещами сими делаю я подарки знатнейшим из владетелей, и как в экстраординарных вещах никогда таковых не бывает, то я роздал все, что было у меня собственного, и потому прошу, любезный друг, заказать г[осподи]ну Сизову новые для меня вещи. Я у сего прилагаю к нему письмо с реестром того, что он для меня прежде делал, и таковой же для сведения твоего, дабы мог ты видеть, если захочет он лишнее. Ты не пишешь, любезный друг, достало ли тебе на уплату посланных от меня денег, а я и не помню, сколько посылал.

Вещи, когда готовы будут, или лучше еще по частям, можно будет пересылать через Арсения Андреевича, как и прежде ты делал.

Ты, присоединив гвардейского твоего воина[2], теперь живешь среди всего твоего семейства, и конечно, должность твоя, сколько, впрочем, не заботливая, облегчается удовольствиями домашней жизни. Поклонись от меня почтенной Надежде Петровне. Тверди Владимиру[3], чтобы учился прилежно. Теперь брат, как офицер гвардии и уже человек порядочный, может присмотреть за ним.

Напиши, однако же, и о самой сей знатной особе, каково ведет себя? Я знаю хорошие его правила и свойства, но желаю знать, воздержан ли он и хозяин? Из собственного удостоверился опыта, что умеренность даст впоследствии большие выгоды, хорошо с молодых лет быть с нею в некотором знакомстве!

Принеси почтение мое достойнейшему Николаю Семеновичу, которого внимание ко мне почитаю я наградою. Не могу воспоминать о подобных людях без сожаления, что никогда Судьба, в молодости моей, не дала мне таковых начальников. В теперешнем положении моем были бы ощутительны плоды их наставлений.

Деньги на заплату г[осподину] Сизову 3600 рублей получишь от полковника Шатилова, служащего у Арсения Андреевича, которому сегодня же пишу я о том. Сделай дружбу — возьми на себя труд присмотреть, чтобы Сизов сделал вещи порядочным образом и с отсутствующего не вздумал взять излишне дорого.

Прощай, любезнейший друг, люби меня по-прежнему, будь счастлив и меня то радовать будет.

Душевно преданный *Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 78–79 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 8 октября 1822**

С удовольствием воображаю, почтеннейший Арсений Андреевич, что письмо мое придет к самому времени твоего возвращения, если только ты не замедлишь. Какое продолжительное твое отсутствие! Хорошо, если воды принесли тебе облегчение, чего, впрочем, по роду болезни твоей, непременно я ожидаю, как и того, что неумеренные занятия твои опять могут тебя рас-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 28 октября», «Отвеч[ено] 31 декабря».

строить. Неужели не с большею, как прежде, осмотрительностью будешь ты располагать твоими трудами? Последуй, почтенный друг, моему замечанию, что надобен тебе другой в отправлении дел порядок, и чтобы не все на тебе одном обрушивалось. Умножь число помощников или чтобы объясняли тебе словесно некоторую часть дел, а ты сделаешь распоряжение. Это можно будет и не сидя вечно делать и даже при некотором отдохновении. Тебе вредит твоя неподвижность.

Я представляю себе, как теперь засядешь. Быть не может, чтобы все так шло, как ты желал; случится даже, что и не все дела обработаны, а я знаю твою привычку хотеть все вдруг поправить, и ты возвратишься вдруг к прежним трудам, а с ними вместе возвратиться могут и прежние болезни! Горестно в лета твои прибегать к пособиям вод и лекарств. Нельзя ли тебе сделать конвенцию, чтобы в каждый год иметь два месяца для разъезда. Можно бросить взгляд на дела хозяйственные и сего времени половину употребить в пользу службы, обозревая части, военному управлению подчиненные.

Как досадно, что я говорю напрасно; вижу, что все сделается иначе!

Пришли мне твой журнал путешествия и всех твоих замечаний. Если нужно, я сохраню в непроницаемой тайне. Ты не откажешь, ибо я ничего не скрывал от тебя.

Что я скажу тебе, друг любезнейший? Скучаю ужасно, обстоятельства беспрерывно рождают дела новые, многое не ладится, многое улучшается чрезмерно медленно, не согласуясь с нетерпеливым моим усердием, с моим пламенным характером. Употребляю усилия возможные, но успехи самым постоянным трудам не соответствуют. Какая жизнь несносная! В продолжение отсутствия твоего Петербург был для меня иностранным городом; редко от кого придет письмо; замолкло и малое число приятелей моих.

Красота Иван Васильевич почти один, но и тот весьма не часто писал ко мне.

Брат Михаил со времени возвращения из-за границы не пишет ко мне и не уведомил даже о приезде. Кто-нибудь, конечно, старался нас поссорить, я писал к нему чрез Красоту недавно и просил, чтобы объяснил причину молчания. Ты можешь узнать от Лонгинова. Что может поселять между нами неприязнь, положение нас обоих столько между собою различно, и если позволительно допустить чувство зависти, то, конечно, не со стороны его должна она иметь доступ.

Уведомь, что делает старик ваш и доволен ли был ты им в путешествии? Лучше ли здоровье милой хозяйки[1]? Конечно, с удовольствием видела она земли для нее новые, и после нашей, не могли они ей не нравиться. Обо всем, почтенный друг, напиши обстоятельно. Все, до тебя касающееся, мне чрезвычайно любопытно.

Прощай! Сохрани мне прежнюю твою бесценную для меня дружбу.

Верный *Ермолов*

P. S. С фельдъегерем посылаю принадлежащее графу Толстому[2] жалованье. Доставь его к нему и напиши, что делает чудак сей?

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 134–135

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис,[не позднее 14] ноября 1822**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Два письма твои получил я вдруг: одно из Францбруна и последнее из Вены. Благодаря Красоте, он хотя и не часто, но уведомлял меня о тебе, и я уже знал, что Теплицкие воды не сделали тебе пользы. Не знаю, почему кажется мне, но я уверен, что здешние воды тебя бы исцелили. Легко быть может, что по многотрудной должности твоей не скоро уже вырвешься из Петербурга, но не мешало бы испытать действие их и отсутствие от места не столько нужно продолжительное как за границу.

Жаль, что здоровье хозяйки требует пребывания в чужих краях, но лучше раз излечиться порядочно, нежели временно получать облегчение. Нельзя пренебрегать болью в боку и еще довольно уже продолжающеюся. Не мало расстроит домашние дела твои ее путешествие, ибо она не весьма сильна в экономии, но делать нечего! Все, до тебя относящееся, любопытно мне знать, и потому скажи мне приятельски, что тебе стоит твоя поездка вообще? Уведомь, как по возвращении найдешь дела? Точно лучше нельзя было сделать, как поручить их доброму старику Петру Ивановичу. Леность его могла только не дать довольно быстрого хода бумагам, и могли дела залежаться нерешенными, но он сохранил порядок прежний течения их и не сделал никакой перемены, которые по большей части производят более путаницы, нежели пользы. Твоя чудесная деятельность, постоянный и строгий надзор, привычка к тебе твоих отличных чиновников придаст всему прежний успех.

Если и не совсем тебе приятно, но благоразумно сделано, что на время отсутствия Государя приказано тебе возвратиться в Петербург. Надобно, почтенный друг, людей толковых и деловых, особенно в отлучках столько частых. Не все непременно таланты могли достаться в удел Милорадовичу и Уварову. Сакен слишком стар, чтобы исправлять должность надзирателя над ними! Разве и тут поможет ему Дибич! Весьма хорошее дело, что согласился ты заехать к брату Михайле в Белую Церковь. Посмотришь, как живет среди польской родни своей в очарованном замке? А теща его[1], точно волшебница и его, конечно, обворожила. Слышу ото всех, что жена достойная и чрезвычайно любезная женщина. На меня, кажется, брат Михайла сердит, ибо по возвращении его в последний раз в Россию даже и не уведомил меня. Верно, кто-нибудь старался нас поссорить, хотя бы, впрочем, надлежало прежде объясниться. Я писал к нему чрез Красоту и думаю, что, по крайней мере, из вежливости отвечать будет, а сего довольно, чтобы увидеть, продолжать ли или прекратить переписку.

Неужели брат Михаил, человек в наисчастливейшем положении, может в чем-нибудь мне завидовать? Как во всем различно состояние наше! Он может иметь минутные неудачи, но несправедливо было бы не пользоваться его способностями и достоинствами, и он всегда будет человеком надобным. Его привязанность к службе известна, и она составляет главнейшую его наклонность. О себе скажу тебе откровенно: не могу я не чувствовать некоторых в се-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 3 декабря 1822», «Отвеч[ено] 31 декабря».

бе к службе способностей, деятельность моя *имеет* круг довольно обширный и может быть замечаема, но служба не только уже не есть, как прежде, господствующею моею страстью, но я начинаю совершенно к ней охлаждаться.

Человеку, трудящемуся для возбуждения деятельности или возобновления, так сказать, сил, надобны желания и цель. Нет у меня другого желания, как жизнь свободная и покойная! Я думаю, что не был бы я и здесь так долго, если бы не удерживали меня некоторые дела или не получившие еще надлежащего вида, или которым не успел я дать прочного основания, а мне не хочется, чтобы занятия, стоящие забот и усилий, могли уничтожены быть произволом моего наследника. Вот, как день ото дня проходит время мое, и я зажился в стране здешней. Повторяю тебе, почтеннейший друг, прежние слова мои: ужасно наскучила мне служба и мои упражнения и отдохновение мне необходимо!

Из сего ты видишь, что если бы и мог я быть соперником по службе брату Михайле, то я оставляю ему поле широкое и на нем ему не встречусь, а напротив, охотно признаюсь, что не имею равных ему способностей и состояние бедное не могло доставить мне равных способов воспитания.

Удивляюсь, что он не имеет некоторого терпения и сильно хочет получить место. Место Ланжерона[2] точно видное и полезное, особливо, когда мирное время не представляет лучших занятий, и я нахожу весьма благоразумным сие его желание, но неужели можно отказать ему в том, что не затруднились предоставить Ланжерону? Не позволительно столько мало справедливости в отношении к брату Михайле! Зачем, однако же, искать сего и чрез Кочубея. Вот непростительный шаг и менее всего ему приличествующий! Могущественный Дибич не соизволяет на предоставление корпуса. Время немцев, и Рот, конечно, надобен!

Весьма огорчаєт меня несчастная история Граббе. Как за ничтожного Васильчикова должен пострадать офицер достойнейший? Хорошо, что ты меня об нем обстоятельно уведомил, а я едва было на счет его не отозвался к князю Волконскому. Ему бы я не помог и на себя навлек неудовольствие. Хорошо, если бы мне его отдали, он нигде не был бы столько полезен.

Любопытно весьма, что произведет конгресс[3]? Великодушно намерение Государя сохранить в Европе мир и тишину, и желательно, чтобы он успел в том. Но предание греков на истребление сохранит ли наше достоинство? Черное пятно сие не изгладится из истории нашей нынешнего царствования. Кто не видит, что мы теряем существенные наши выгоды? Какую боязнь внушает Англия, народ совсем нестрашный. Вся беда, что редок у нас будет сахар и кофе и щеголих юбки не будут английские. Дела Италии и Гишпании нам очень нужны, и конгрессу до них дело! Гишпанцы и знать не хотят о конгрессе, а колпака короля не выпустят[4]! Не вздумают ли героя Веллингтона на них направить, но Англия имела в Гишпании соперником Наполеона ей опасного, а смирять гишпанцев для того, чтобы возвратить королю утеснительную прежнюю власть и отдать ее в руки глупого человека, она не найдет своих выгод, и народ свободный похищать свободу у другого не станет. Английскому купеческому народу надобны торговые выгоды, и Гишпания их не представляет!

Греки не выходят мне из головы, и признаюсь, что, если бы случилось дорваться до турок, я бы припомнил им их поступки порядочно. Вот была бы война чудесная, особенно в здешней стороне; разве бы употребили турки силы

чрезвычайные; иначе их валять можно в гроб, ибо даже самые персияне умеют не весьма уважать их!

О Денисе не ожидаю никакого благосклонного отзыва, хотя я в последних числах августа еще писал к Петрахану. Теперь, по новому образованию управления Кавказской области[5], мне еще более нужен начальник деятельный, и генерал-майор Сталь 2-й совершенно не годится. Не понимаю, почему насчет Дениса столь несправедливое предубеждение? Неужели вечно продолжается молодость человека без перемены? Сталю можно бы дать кавалерийскую или даже пехотную дивизию, и он будет очень годен.

Старик Петр Иванович губит меня, требуя, чтобы повесу сына его, который у Левенштерна[6], взял я к себе в адъютанты. Сам признается, что он ленив, всегда был туп в науках и что он ожидает только, что он будет офицер храбрый. Ты знаешь, что я всегда хвастал адъютантами и что точно много было у меня молодцов, но сей мне чести не сделает. Не понимаю, как от него отделаться? Не поможешь ли ты мне в сем случае? Старику можно представить, что, его уважая, не буду я к сыну взыскательным, что не употреблю над ним довольной строгости и он еще более своевольствовать станет. Старик обещал мне другого из сыновей, которого я беру чрезвычайно охотно, и прошу только прямо определить ко мне. Если почтешь за нужное, то признайся, что я откровенно к тебе пишу на сей счет. Старик благоразумнейший человек, конечно, на меня не рассердится, а я боюсь взять сына к себе, чтобы не вышло какой-нибудь неприятной истории. Ты знаешь причины, что мне менее, нежели кому другому, можно иметь у себя адъютантом шалостливого молодого человека. Не я буду виноват, но многие захотят вину отнести на мой счет.

Странно, что Константин Павлович ничего не говорил тебе обо мне. Видно уже и к тебе не та доверенность! Я слышал от драгунского Розена[7], который был на водах, что ко мне уже не благоволит. Вот совершенно не знаю причины!

Тебе уже верно известно, что я получил рескрипт на перенесение, по предложению моему, Кавказской линии. Я надеюсь, что скоро увидят сей перемены выгоды. Кабардинцам не нравится, что за ними учреждается ближайший присмотр[8]. Многие уже бежали за Кубань, и многие бежать собираются. Им бы хотелось, чтобы мы по-прежнему снисходительны были к их изменам и разбоям. Видно давно надобно было таким образом за них приняться. Представить себе не можешь, какая прекраснейшая земля и какой здоровый климат! Военные люди и поселяне Кавказской линии будут мне благодарны!

Мадатов мой час от часу лучше, ловчее и искуснее в русском языке. Теперь он по особенным поручениям отправлен в ханства, где пребывание его нужно, и потому едва ли нынешнею зимою можно отпустить его в отпуск; но мне кажется, что ему, как состоящему по армии и не имеющему команды, можно дать увольнение и летом, что я и намерен сделать, только уведомь, позволительно ли сие по установленному порядку? Впрочем, если только не очень бранить будут, то по усердию Мадатова я на сие пущусь. Он очень хорошо служит и в сию минуту бьется об умножении в одной провинции казенного дохода.

Как до сих пор Желтухин не генерал-адъютант? Я думаю, он кричит против неблагодарности и что не видят заслуг его. Я помню, что он готовился на твое место. Однако же появился Криднер, и, конечно, Желтухин имеет в нем опасного соперника. Каково то идет его набожность, и ездит ли он поститься

в Финляндию? Что, если бы Криднер пошел по сей дороге и по душеспасительным назиданиям знаменитой госпожи сего имени, он бы еще был опаснее. Не догадался!.. Говорит ли Желтухин о суетности мира и что он ничего на земле не желает?

Пишешь, что в Австрии не любят Каподистрии. Вероятно! Но зато, без сомнения, любят Нессельроде. Теперь Меттерниху праздник! Мне кажется, что немного опасен ему и великий Татищев. Думать надобно, что не богаты вы людьми, когда сей господин вышел в великие герои. Посмотрим, каково пойдут дела наши на конгрессе? Весьма часто повторяют цари сии дипломатические прогулки, которые, конечно, не дешево стоят. И едва ли за то благодарить можно.

Старшего Вельяминова, как говоришь ты, помышляли определить на место Петра Ивановича. Я поистине скажу, что он для сей должности человек единственный, ибо честности примерной, деятельности и точности удивительной. Он жестокий гонитель воровства и смотрел бы за тем самым бдительным образом. Я уверен, что вскоре заметили бы порядок в делах его и бережливость. Если когда коснется до него разговор, скажи мое мнение, а для пользы службы и то думаю, что в звании военного министра не мешало бы допустить его влияние и на генерал-интендантов обеих армий, ибо он не просмотрит и там за выгодами казны. Впрочем, не всегда быть ему здесь и со временем надобно помышлять дать ему корпус. Нельзя, думаю, отказать ему, когда командовал Гельфрейх[9], командуют князь Шаховской[10], Рот и даже Волков[11]. Но я бы предпочел место министра! Кого-то назначите вы на место Коновницына[12]? А когда-нибудь нужно приняться, чтобы в корпусах не одному обучались ружью и фронту. От сего десятый не выходит офицером полезным. Неужели не примечается сей недостаток? Перемена, которую делаю я в Кавказской линии, Государем утверждена и уже в половину приведена в исполнение. Скоро приметите вы, как умеренна будет потеря в войсках, в новых сих местах расположенных, и как удобна будет земли оборона. Я уже успел построить несколько укреплений и временные на зиму жилища. Как доволен я войсками, и ты, друг любезнейший, не поверишь, какие труды они переносили в самое ненастное время и жестокие жары. Менее двух месяцев были они в движении и сделали 1400 верст всегда с веселою рожею и песнями! Мне можно сказать тебе, как другу, и ты не почтешь наглым хвастовством, что войска ко мне привязаны и негодуют на то только, что я переношу труды наравне с ними. Не раз говорили: «Зачем ходит сам, прикажи нам, мы все сделаем!»

Благодарю, почтеннейший Арсений Андреевич, за великодушное намерение иметь попечение о моем Павлове. Не знаю, какого добивается он места, но я также приметил, что он умеренным пользоваться не умеет. Как мучит меня сих несчастных положение, но не изыскиваю средств наклонить отца к прощению, и никто не состоянии уговорить его. Так, кажется, продолжится до смерти. Желал бы я лучше, чтобы Павлов получил место в губернии и не жил бы в столице. Ты лучше успеешь его вразумить, а по звании его можно дать место порядочное. Если же безрассудно захочет он быть вице-губернатором, то сие непристойно и тебе не приличествует помогать ему.

Ты утешаешь меня известием, что твой старик поступает с тобою хорошо и благородно. Весьма полезно, что вы с собою его провозили, и там не достава-

ло ему времени на любовные дела. Я в удовольствие тебе буду ему охотно писать, пусть что-нибудь мне напишет. Заведу и с милою хозяйкою великую корреспонденцию, и по возвращении твоем ты уже нашел письмо мое к ней. Я признаюсь тебе, что пишу редко не от лени, но мне французский язык не так знаком и потому не без труда обходится. Хорошо, если бы пустились мы на русском.

Ты удивишься, почтенный Арсений Андреевич, что едва успел появиться, как уже нападаю я на тебя с просьбою. Это о двоюродном брате моем прапорщике Ермолове[13]. Я на особенной бумаге прилагаю у сего, чтобы ты мог показать князю Волконскому. Увидишь обстоятельства просьбы и, конечно, по возможности, не откажешь помочь ему.

Прощай. Желаю, чтобы здоровье твое не расстроило то множество дел, которыми обременен ты беспрерывно, и вспомни, что не раз я говаривал, сколько нужно иначе расположить твои занятия. Душевно почитающий и верный *Ермолов*.

С сею почтою получил от тебя бумагу о твоем возвращении. От брата Михаила, что с тобою виделся и будто много обо мне говорил. Раевский уведомляет, что ты проехал. Брат Каховский пишет, что просил тебя об определении дежурным штаб-офицером сына его[14], служащего адъютантом у графа Сакена главнокомандующего. Если это возможно, то я прошу тебя покорнейше, но с тем, чтобы не перевели его из гвардии, ибо тогда потерял бы он выгодную карьеру. Впрочем, примеры сии не редки, и таким образом был у меня полковник Наумов, принадлежавший гвардии.

Заметь, как я рад возобновленной переписке. Как бисером нанизываю каждую страницу, и все еще конца нет!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 138–145

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*[Тифлис, не ранее 14] ноября 1822**

Ноября 14-го получил эстафету твою.

Жалею, почтеннейший друг Арсений Андреевич, что ты оставил хозяйку, ибо не сделал бы того, если бы не было расстроено ее здоровье и достаточно помогли ей воды. Я думаю, однако же, что более самих вод принесет ей пользу то, что проведет она зиму в кротком климате. Где она в Италии жить намерева-ется, или будет переезжать из места в место?

Прелюбопытное сообщил ты мне о брате Михайле сведение. Я уверен был, что он обворожит волшебницу свою тещу, но не думал, чтобы до такой степени, а если уже, говоря о нем, пускает она слезы и он также от умиления плачет, к тому же, как ты заметил, начал он любить деньгу, то великий наследник граф Браницкий[1] должен быть осторожным! Мне казалось и прежде, что бережлив он был в деньгах, а теперь тем оправдывать будет привязанность к деньгам, что сохраняет их в пользу детей. Однако же, как вижу из письма твоего, он уже не столько, как прежде, к тебе откровенен, ибо не сказал, как был принят в Петербурге и что желал место Ланжерона. Также и ко мне пишет, что не

---

* Помета А. А. Закревского: «Отвеч[ено] 31 декабря».

хотел корпуса и надеется надолго от него избавиться. Он, кажется, обоих нас надувает. К чему это ему надобно, или делает то по привычке? Тебя же ему и обмануть не легко, ибо ты живешь в Петербурге у самого источника и подобные обстоятельства не могут укрыться от твоего сведения. Хорошо мне рассказывать, живущему в глуши.

Ты забавно описываешь, как Сакен действует с Милорадовичем, но больно видеть, что Государь не может свести двух человек вместе, чтобы они не перессорились. Неужели в личной вражде нельзя не вмешивать службу? Кажется, что это две вещи совершенно разные. Какие странные свойства людей и сии выставлены, будучи на первейшие степени государства, находясь на виду, дают собою другим пример весьма развратный!

Как часто у нас люди не на своих местах, и, ей-богу, нельзя требовать от нас такого ослепления, чтобы мы даже того и не видали. Почувствуешь или увидишь, тотчас же запишешься в карбонарии! Счастливы люди свободные, никакими должностями не обязанные. Вот чего я добиваюсь всем сердцем.

Происшествие в академии прелюбопытно. Таким образом, в члены оной попасть не весьма приятно. Однако же Лабзин весьма дерзок, и подобное поведение, по справедливости, заслуживает наказания[2]. Хорошо платит г[осподин] Лабзин за особенные милости Государя. Вот пример, который научить должен с большею осмотрительностью избирать людей. Поступок сей ближе всего к карбонарству, и заметить надлежит, что происходит от людей, которых таковыми не почитали. Многих еще дождемся подобных происшествий, ибо тоже повторю, что многие не у места и что многие избалованы неприличествующим уважением и наградами, которых никакими заслугами недостойны. Посмотрим, какой конец будет иметь сия история?

За инструменты, от Бетанкура доставленные, благодарю, что заплатил деньги, которые при сем же посылаю. О трубе, которую для меня делали, писал я Красоте и держу с ним баталию, ибо в таком прислана ящике, что она разбилась совершенно и негодна на употребление. Ему посылаю долг мой и назначенные тобой сто рублей Шелгунову[3]. Отдай ему письмо мое.

Боюсь, чтобы то же не последовало и с математическими инструментами, которые ты намерен отправить. Прикажи их уложить хорошо и чтобы ящики были крепки. В Петербург приедет Похвиснев, служивший у Константина Булгакова в московском почтамте. Если можешь оказать ему милость, меня одолжишь чувствительно. Он человек весьма хороший и ты сам определил сына его в инженерную школу.

Мадатов, не думаю, чтобы нынешнюю зиму успел быть в Петербурге, ибо он мне весьма нужен здесь по обстоятельствам.

Мерзости, которые, как тебе известно, мне писали, я оставил, чтобы не уничтожить человека в его чине. Он сам только тем виноват, что не остановил их, когда делал его ближайший родственник. А если бы ты знал, что за родня его? Есть ужаснейшие канальи и подлецы. Впрочем, его, как состоящего по армии, могу я отпустить и летом. Прощай.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 146–147

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 16 ноября 1822

Любезный брат, существо редкое! Родные мои, встретившись с вами в Киеве, пишут, что тобою и милою сестрою были чрезвычайно обласканы. Чувствую я одолжение сие и благодарность вам, для меня любезным, есть чувство сладостное. Ты, однако же, конечно, не похвастал пред моею сестрою, что пишешь ко мне часто, что тем услаждаешь скучную и единообразную жизнь мою. Тебе бы надлежало сказать ей, что ты хоть и редкое существо, но столько же ленивое, что от тебя иногда можно добиться ответа, но что сам никогда на переписку не вызовешься и что любишь, чтобы приятели твои верили, что их помнишь без всякого, со стороны твоей, на то доказательства. Однако же, не шутя скажи, как можно так долгое время оставить без всякого о себе известия? Я даже и то хотел бы знать: на богомолье ездил ты в Киев или, наконец, почел за нужное наведаться о твоем имении, которое в той стороне? Как человек, обвыкший к жизни в столице, посетил провинцию и как ему она показалась? Или уже чувство старости наклоняет к набожности, которая, как помнится, не сильна была прежде.

Я здесь, по обязанностям моим, ближе вас к церкви, ибо беспрерывно обороняюсь от ее присвоений, и понимаю, что значило, когда обладала она имениями в России. Здесь не более нашего ловко духовенство, а достаточно ощутительно, что со священными хищниками ничто в алчности сравниться не может. Покойный Феофилакт был знаменитый поборник церкви!

Известный тебе Тимковский[1], служит со мною. Я намерен занять его изысканиями о разных здешних, совсем неизвестных, народах. Может быть, со временем появится какое-нибудь о них описание, или, по крайней мере, по недостатку удовлетворительных исторических сведений, сообщатся какие-нибудь любопытные отрывки. Исключительно, на первый раз, займу я его обитающими в пределах наших калмыками и остатками монголов, нашими властелинами.

Я переношу большую часть прежней убийственной Кавказской линии в места прелестные и здоровые, работы у меня ужасные, средства ничтожные!

Все идет медленно и с пламенным моим характером несогласно. Живу здесь давно, ничего не сделал, и это меня мучит до крайности. Браните меня, предайте проклятию, но не станет терпения и я бегу! Горестно оглянуться на шесть лет пребывания в здешней стране и ничего не произвести довольно ощутительного, чтобы свидетельствовало об успехах. Самому внимательному наблюдателю могут только быть приметны перемены, следовательно, они не велики или еще при самых началах. Вот, любезный и редкий брат, досадное состояние нетерпеливого человека. Прощай! Удивишь, если, превозмогши лень, напишешь; ни мало не удивишь, если по-прежнему любить будешь. Поцелуй ручку у несравненной сестры.

Верный *Ермолов*

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 510–511

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 16 ноября 1822**

Позволь, любезнейший Арсений Андреевич, просить тебя о собственном деле. Здесь в Грузии служит двоюродный брат мой Гвардейского генерального штаба прапорщик *Ермолов*[1].

Князь Петр Михайлович сделал мне одолжение, перевел его в гвардию, но по множеству забот его забыл он о моей просьбе и перевел его годом целым позже, а вслед за тем некоторые из прежних его товарищей были произведены в чины. Прежде же наравне с ним служившие, одинаковое с ним имевшие поручение, не пользовавшиеся сильною протекциею, или получали чины или переводимы были в гвардию и уже далеко от него впереди, а он получил перстень и пять лет прапорщиком!

Сделай дружбу, попроси князя Петра Михайловича, чтобы перевели его в который-нибудь из гвардейских полков 1-й дивизии и оставили при мне.

Он офицер, и с некоторыми способностями, и, право, совестно оставить его в сем положении, когда множеству молодых людей, не более его надобных, предоставляется гораздо выгоднейшее служение.

Трудно просить за своего, но я беру на себя сию обязанность, потому что я слишком долго смотрел с равнодушием на те несправедливости, которые он вытерпел, и не старался ему помочь. Божусь тебе, что грустно смотреть на прапорщика в летах моего брата и когда поистине стоит он лучшей участи.

Неужели откажут мне в моей просьбе, когда столько адъютантов переведено в гвардию у генералов, из коих конечно не каждый более меня имеет права на милости Императора. Я по крайней мере тем не менее их заслужить милость сию надеюсь, что для себя собственно ничего не пожелаю и не попрошу.

Отвечай мне, что сделает князь Волконский, не скрывай, если даже и откажет. Незнатного господина, каков я, отказ не оскорбляет, особенно в деле собственном. Это участь простолюдина!

Прощай! Душевно любящий *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 112. Л. 136–137

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 16 ноября 1822

Любезный друг, Александр Васильевич.

Письмо твое получил и при нем изображение надписей, в Сибири найденных. Графу Румянцеву[1], как вельможе, столько заботящемуся о просвещении и большие пожертвования делающему для полезных открытий, предложите на его иждивении прислать сюда несколько ученых людей для описания здешней страны и населяющих ее народов. Это был бы памятник, его достойный! Сообщи ему слегка мысль сию в разговоре.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 3 декабря 1822», «Отвеч[ено] 12 февраля».

Как хорошо делаешь ты живши ладно с князем Дмитрием Ивановичем[2]. В нем есть немало свойств, заслуживающих почтение. Ему скорее всего понравится человек честный и бескорыстный, и потому к тебе он постепенно расположен будет.

Приятно мне слышать, что полюбил ты моего Рыхлевского. Он человек дельный, жаль, что не с удовольствием служит он в теперешнем месте. Мы, люди военные, не мастера на дела гражданские, и много таковых из нас, у которых секретари особы сильные.

Я имею канцелярию чудесно составленную, но и тут недреманно стою на карауле. Начальник Рыхлевского не так осторожен[3].

Прекрасно вздумал ты, что переводишь Петра в пешую артиллерию. Разница ужасная в содержании, и в производстве ничего он не потеряет. Молодому человеку жаль может быть расстаться с щеголеватым мундиром, но он верно столько благоразумен будет, что с сею мыслию примирится. А ремонтирование точно обстоятельство разорительное!

Желал бы я, чтобы А. П. Никитин[4] взял его к себе за адъютанта. Столько известный генерал всегда будет хорошо употреблен, Петр будет иметь случай научиться при нем службе и в награждении за оную ни от кого не отстанет.

О переводе его в пешую артиллерию ты хочешь говорить с Желтухиным? Если еще не успел того сделать, то при сем прилагаю к нему письмо, которое удержишь и истребишь, ежели уже не нужно. Хорошо, что не делаешь мимо сего вельможи!

Поклонись от меня усерднейше почтенной Надежде Петровне. Приготовляй Владимира, из которого намерен я сделать собственность, если еще служить буду.

Прощай! Люби меня по-прежнему.

Верный *Ермолов*

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 80–81

П. Ф. ЖЕЛТУХИНУ

Тифлис, 16 ноября 1822

Милостивый государь, Петр Федорович.

Позвольте обратиться с просьбою моею к Вашему превосходительству, старому сослуживцу моему. Сын доброго приятеля моего обер-прокурора Казадаева служит офицером в гвардейской конной артиллерии. По состоянию весьма небогатому отца разорительно содержание его в сем роде службы, требующем значительных издержек, почему и желает он быть переведен в пешую гвардейскую артиллерию. Состояние есть достаточною для того причиною, и я не сумневаюсь, что если Вашему превосходительству угодно будет дать ему Ваше покровительство, он в том успеет. Вы меня весьма одолжить изволите.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д.33. Л. 80–81

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 28 ноября 1822**

Любезнейший и почтеннейший Арсений Андреевич.

Письмо сие подаст тебе Нижегородского драгунского полка подполковник Саликов[1], которого в прошлом году видел ты в Петербурге. Он служил здесь двадцать лет и служил весьма хорошо; теперь желает быть по армии, ибо домашние дела его требуют возвращения в Россию. Если можно сделать сие без неудобства, ты одолжишь офицера весьма храброго. Не откажите ему сей милости. Трудно было бы ему сделать чувствительные на продолжительный путь издержки опять сюда возвращаться. Избавьте его от разорения.

Прощай! Верный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 8

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, ноябрь 1822***

Любезнейший граф Михаил Семенович.

Письмо твое сентября от 27 получил только что вчера, и сие невольным образом напоминает о неприятности отдаления, в каковом я живу. Ты, конечно, уже получил мое письмо, где с горестью выразился я насчет того, что, с самого возвращения твоего из чужих краев, ты ни строки не написал мне. Я мог думать, что ты со стороны моей чем-нибудь недоволен, и как не изыскал я никакой причины, то и относил сие на счет сплетней людей, дружбе нашей завидующих. Письмом твоим ты меня обрадовал, и я, с искренним удовольствием возобновляя переписку, не спрашиваю и объяснения, почему ты некоторое время забыл обо мне.

Князь Роман Багратион[1] заставил тебя писать о деле его тестя. Поверишь, любезный брат, что не может входить в расчет мой делать без нужды неудовольствия, а паче обиды; господину же Иванову[2] сделать угодное — надобно изменить совести.

Вот в чем дело. Г[осподин] Иванов имел от ширванского хана в десятилетнем откупе рыбные ловли. Об измене хана и приуготовлениях его к побегу было мне все известно, и в то самое время, когда пристав при хане предварял о том г[осподина] Иванова, заключавшего контракт еще на десятилетнее время, он не остановился, напротив, спешил сколько мог окончанием. Хан между тем бежал, и контракт мною, вопреки выгод казны, не был утвержден. Г[осподин] Иванов говорит, что ему стоило нескольких, на подарки хану, издержек, чтобы склонить его на заключение контракта. Я хочу верить сему, но, будучи предуведомлен приставом, мог он легко не впасть в сии убытки. Словом, г[осподин] Иванов хочет еще десять лет пользоваться теми выгодами, которые предместник мой, беззаконно и нарушив прежде тем же ханом заключенный контракт, отдал ему в руки. Я был весьма снисходителен, что прежний

---

* Помета А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 марта», «Отвеч[ено] 22 марта».

** Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 21 дек[абря] 1822».

контракт хана в полной оставил силе до окончания десятилетнего термина, хотя и мог ожидать, что большую за рыбные ловли предложат откупную сумму. И теперь может г[осподин] Иванов откуп сей сохранить за собою, предложив при торгах большую цену.

Я желал бы, помня благодеяния покойного князя Петра Ивановича, быть полезным его брату, но в сем случае не мог бы сделать, не преступя правил чести, к чему понудить меня ничто не может.

Теперь видишь, любезнейший друг, что я основательные имею причины не исполнять прихотей корыстолюбивого армянина!

Закревский писал мне из Вены, что на возвратном пути будет у тебя в Белой Церкви. Я воображаю, как приятно ему было видеть тебя счастливо живущего среди твоего семейства. После трудов твоих позволительно некоторое отдохновение, особливо в мирное время. Таким образом провел я прошедший год, только, как одинокий; незнаком я со счастьем семейственной жизни. Теперь опять в занятиях хлопотливой моей должности. Недавно возвратился с Кавказской линии, которой большую весьма часть переношу к горам, охватывая ею прелестную землю кабардинскую. К сему понудили меня беспрерывные и наглые их разбои и смертность войск в прежнем их расположении. Новая линия имеет все вообще удобности и лучше охраняет жителей Кавказской области.

Недавно в первый раз был я в великолепной Кахетии, видел *Чары*, где ты был действующим в кровопролитном сражении войск наших. Много с того времени переменились места сии. Не столько уже дерзки сделались сии народы, ибо и нынешний год за ослушание и вредное сообщество с горцами были наказаны; селение *Катехи* истреблено[3], и окопы в твердых местах гор взяты штурмом. Теперь, благодаря постоянному попечению Государя, даны мне средства несравненно большие тех, которые знал ты, будучи здесь.

Если когда, хотя из любопытства, бросишь ты взгляд на здешнюю страну, тебе лучше другого приметны могут быть перемены.

Прощай; если не поленишься, пиши по-прежнему.

Душевно любящий *Ермолов*.

Поклонись от меня Александру Николаевичу Раевскому; я рад, что поправляющееся его здоровье не требует заграничного лечения, которое не могло кончиться коротким временем.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 87–88 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 4 декабря 1822**

Почтеннейший Арсений Андреевич! Известнейший тебе мой Попов[1] отправляется в отпуск. Старик отец[2] его в болезненном состоянии желает того, и ему непростительно было бы не исполнить его воли.

Приласкай Попова как и прежде был ты ему благосклонным, ибо достоин он того по службе как офицер усердный и весьма деятельный. Он командует

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 2 генваря 1823», «Отвеч[ено] 8 генваря».

полком отлично хорошо, и полк не похож на тот, каким он был при полковнике Берникове, хотя сей и дан был из Семеновского полка. Сверх того Попов сделался великим архитектором и строит у меня для своего полка казармы. Поистине скажу, что для здоровья и удобств мало таковых и у вас, а о цене, чего стоят, спроси у него самого и получишь понятие о моей щедрости и сберегаю ли я казенные деньги.

Мне весьма приятно будет, если ты доведешь до сведения самого о хорошей Попова службе. Он как адъютант был некогда моей собственностью.

Прощай! Верный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 7

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 15 декабря 1822**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Пишу потому, что отправляю фельдъегеря, но так писал много с последним, что теперь почти сказать нечего.

Кажется, забыл объясниться по поводу приглашения твоего сообщить замечания мои на так называемую *желтую книгу*, которой недостатки намереваетесь вы исправлять всем собором начальников главных и прочих штабов[1]. Скажу тебе откровенно, что я так давно не заглядывал в оную, что почти совсем не знаком с нею, следовательно, надлежало бы несколько раз перечитывать, чтобы в состоянии быть сделать на нее примечания, а у меня нет лишнего времени, или же, конечно, лучше можно употребить его, нежели на желтую книгу. Впрочем, при исправлении ее нужно иметь в соображении военные постановления прочих государств, которые могут заключать в себе полезные примеры, а здесь ничего такового иметь я не могу, следовательно, и взялся бы я за работу, которую не могу сделать порядочно. Итак *да мимо меня идет чаша сия*! Я, напротив, прошу тебя, любезнейший друг, если бы у кого из генералов и спросили по сему предмету мнение, от меня его не требовать. Пустого я дать не пожелаю, а порядочное займет много времени и я не возьмусь за него. Отказ же со стороны моей может мне навлечь неприятности. Таким образом, о сем ни слова более!

Скажу о себе:

Разъезжаю по разным местам Грузии, которая, по беспрерывным занятиям моим, доселе была совершенно мне незнакома. Вскоре еду осматривать ханства, которые поступили в управление наше по разным случаям, как-то: после смерти или бегств ханов. Недавно хан карабахский, одной из прекраснейших провинций, бежал в Персию[2], оставя нам приятную заботу управлять его владением и собирать в казну доход. Я без негодования принял его поступок и даже не завидую, что он жить будет в Персии, сколько, впрочем, не лестно быть шурином его величества шаха, за коим в замужестве сестра его. Признаюсь, давно хотелось мне, чтобы сей царек отправился, ибо живет на границе и перешептывает с персиянами. Мадатов в сем случае немало помогал мне;

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 2 генваря 1823», «Отвеч[ено] 8 генваря».

теперь заправляет в Карабахе в ожидании моего приезда. Он важно заслуживает милость, которую сделал ему Государь позволением принять от хана имение. Не худо было бы довести до сведения в разговорах, что я службою его здесь очень доволен. Не может ничто быть выгоднее для правительства нашего здесь, как удаление сих ханов. В них никогда не было к нам приверженности и предоставленные им права не допускали власть начальства действовать решительно. Теперь, почтенный друг, кажется, уже и бежать некому, ибо все земли, которые должны быть нами управляемы, все у нас в руках. Здесь в короткое время произошли чрезвычайные перемены и вам на место мое надобно избирать по крайней мере столько же, как я, счастливого начальника. Не прими за хвастовство слова мои, а меня в сем случае оправдают все, которые только захотят сказать истину.

Недавно истребился также один из сильных владетелей, изгнанный мною в 1820 году и не перестававший делать нам некоторые пакости. Его искусно поссорили с одним из приверженных нам людей, и сей по вражде убил его. Так исчезают неприятели наши! Не скучай, друг любезный, что о всякой подробности пишу к тебе, ибо иначе что бы сказать мог тебе при жизни моей здесь столько однообразной?

Теперь кончился уже конгресс, общее всех любопытство привлекающий, и мы, в отдаленности живущие, не менее других желаем знать о последствиях. Если что сделается известным, сделай дружбу, уведомь! Меня терзает участь греков, и горько будет, если не смирят зверских поступков турок. Они привыкнут позволять себе неуважение к требованиям нашим и, наконец, не обойдется без неприятностей. Не великий я дипломат, но кажется мне, что если бы в прошедшем году корпус Сабанеева появился на Дунае, Молдавия и Валахия не были бы пустынями[3], бедные обитатели оных не подверглись бы бесчеловечным истязаниям злодеев, и если в общей политической системе нельзя допустить совершенной свободы греков, уже бы решена была их участь, они избегли бы продолжающихся бедствий. Посмотрим, что сделают с Гишпаниею, но случиться может, что кортесы и народ не почтут себя в обязанности исполнять волю конгресса[4]. Лишь бы не насмеялись!

Пришли мне, почтеннейший Арсений Андреевич, копию с указа покойной Екатерины II, изданного по случаю отобрания в казну церковных имений[5]. Хочу и я предложить сделать здесь то же и, конечно, не в состоянии изыскать основательнейших резонов, каковые в указе том описаны. Неприлично им управлять имениями, и я шлюсь на самые отдаленные времена, что не было более алчной, как сия каналия. Она все бы старалась присвоить, если бы тому не поставляли препятствий. Сколько здесь с церковью тяжб, в какие вдается она бессовестные ябеды, сего представить невозможно. На меня озлоблена будет священная каналия, но я пренебрегаю и самим оной проклятием. Ожидаю с нетерпением копии сего указа.

Получил от Дениса уведомление, что вновь еще по просьбе моей отказано его сюда назначение. Конечно, уже не стану говорить о нем вперед, но это не заставит меня не примечать, что с ним поступают весьма несправедливо. Впечатление, сделанное им в его молодости, не должно простираться и на тот возраст его, который ощутительным весьма образом делает его человеком по-

лезным. Таким образом можно лишать службы людей весьма годных, и это будет или каприз, или предубеждение. Признаюсь, что это мне досадно, а князь Волконский даже и не отвечает на письмо. Словом, насмехаются [над] нашим братом! Подобного успеха ожидаю я и по прочим просьбам. Не я теряю, ибо человек моего состояния не рискует лишиться кредита, им никогда не пользовавшись, но служба не найдет своих расчетов, удаляя достойных.

Я посылаю Стабуша с тем, чтобы он легче мог достигнуть намерения своего — перейти в статскую службу. Возьми его, почтеннейший друг, в свое покровительство и, как человеку отличного поведения и честности, не откажи сделать помощь. Он, будучи довольно давно капитаном, может получить при отставке чин асессора и определиться на службу в Грузию, куда за приезд дадут ему чин надворного советника. Все сие в порядке вещей обыкновенных, гораздо легче сделаться может, когда ты замолвишь за него слово, ему приказано *пилить* тебя.

Ты прислал мне отзыв полевого обер-священника Державина[6], на представление мое к награде одного протоиерея. Какая обер-скотина г[осподин] Державин в своих ответах, и я прошу сделать известным официальный отзыв мой по сему предмету. Дело бы г[осподина] министра, князя Голицына, не терпеть неприличных ответов Державина, но он сего не разумеет, ибо собственного достоинства не чувствует.

Ты писал мне о Лабзине, и с некоторого времени есть известия, что уже ему приказано выехать из столицы. Весьма справедливо наказана дерзость, и ему ли дозволительно быть неблагодарным? Вот что значит расточать милости недостойным! Какие заслуги могли его поставить наряду с людьми полезными?

Недавно писал я к Красоте, чтобы прислал мне новоизобретенный инструмент (трубу), которую доставили ко мне совсем изломанною. Скажи ему, чтобы кроме укладки в прочном ящике, который бы выдержал дорогу, надобно, чтобы она лежала на мягком и таковым же была обкладена. Иначе опять придет в обломках. Из музыки моей, весьма немногочисленной, убыло несколько человек; не можешь ли, почтеннейший друг, как прежде, дать мне обученных несколько кантонистов? В квартирмейстерском депо издаются картины сражений последней войны. Ежели есть на то подписка, прикажи за меня подписаться и дай на то деньги. Если же просто продаются, прикажи купить вышедшие и доставь ко мне.

Спроси из любопытства, не вышло ли сколько-нибудь гравированных портретов генералов, на которые и я, между прочими, сделал г[осподину] Дову подписку[7].

Сию минуту пришла мне преглупая мысль в голову, читая в газетах об отсрочке графа Головина[8] лотереи, чтобы взять *два* билета. Прикажи взять их на счастье, и я с благодарностью прилагаю у сего *сто рублей*. В таком количестве натурально можно надеяться на выигрыш, особливо когда в подобных случаях и прежде я ни булавки не выигрывал. Мадатов взял несколько билетов; я так верю в постоянное его счастье, что непременно ожидаю, что он что-нибудь приобретет важное.

Князь Волконский мне не отвечает уже на мои письма, верно потому, что чрезвычайно занят конгрессом. Как туда еще не потребован Уваров[9]? Недавно появилось в журнале *«Благонамеренный»*[10] великолепное описание сего последнего рыцаря, где он расхвален как бы и о Суворове сказать более невозможно было. Не поленись, просмотри статью сию, она любопытна очень! Это, конечно, Смирнов, который сочинил жизнь и военные дела (или приличнее назвать похождение) графа Платова[11].

Если увидишься с любезным Константином Булгаковым, напомни ему о часах моих, которые отправлены *в Париж к Брегету* для постановления всего хода на камни. Какое имеет о них известие? Я тебя мучу такими мелочами и безделицами, что если ты хотя мало справедлив, то должен скоро плюнуть мне в рожу.

Помню упреки твои, что я скуп на фельдъегерей. Остерегись, чтобы тем же я тебя не упрекнул. Сюда иногда из жалости надобно присылать их, ибо мы в такой глуши, что ничего не знаем. Боже, какая жизнь скучная!!!

Я отпустил в отпуск моего Попова, который не знал, что старик отец его умер. Если бы вздумал он, по домашним обстоятельствам, остаться в России, не допусти его к тому, ибо он может тем повредить себе на службе, и я желал бы, чтобы он был здесь, потому что любим в полку и им хорошо весьма командует.

Заметь, что большая часть из бывших моих адъютантов исчезла:

Граббе, офицер достойнейший — несчастлив.

Фонвизин, с отличными способностями, — кажется не на хорошем замечании.

Поздеев[12], исправнейший полковник, умер.

Не говорю о других, менее заслуживающих внимание. Остается Попов, который будет полезным слугою и даст себя заметить.

Самойлов[13], который не знаю, когда перестанет быть повесою. Но, впрочем, в походе нынешний год в Кабарде сделал я его дежурным по отряду, и в исправности, заботливости и порядке ни один из офицеров, более его опытных, с ним не мог сравниться. Он таков, что и тебе аккуратнейшему из людей, конечно, умел бы понравиться.

Уведомь меня, что будет с Граббе и можно ли мне послать ему некоторое пособие? Я бы сделал осторожно, ибо препроводил бы к губернатору письмо мое незапечатанное, следовательно, никому не подверженное подозрению. Отвечай мне скорее по сему предмету, ибо мне совестно, что до сего времени я не писал к нему.

Прощай, будь здоров и умереннее в твоих занятиях! Одному человеку всего не переделать.

Верный по смерть *Ермолов*.

Что успел ты сделать по просьбе моей отклонить старика Петра Ивановича от намерения дать мне в адъютанты повесу его сына? Меня мучит мысль, что мне неловко отказать ему в сей просьбе.

Избавь меня!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 1б–6

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 2 марта 1823**

Почтеннейший и любезный Арсений Андреевич.

Получил письма твои от 31-го декабря и [ге]нваря от 8-го, а последнее с эстафетою от 25-го числа. Первым из них ты хотел, кажется, наградить меня за весь прошедший год, ибо столько большого письма никогда от тебя не получал. Хорошо, если бы мог я по оному заключать, что ты имеешь более свободного времени, нежели прежде, но едва ли сему должен я верить и скорее думаю, что на одних словах у тебя новое распределение твоего времени, которым однажды ты мне похвастал. Вижу, что мучат тебя занятия, ибо не даром желаешь ты опять ехать за границу. Жаль мне сего, но, друг почтеннейший, прежде нужно здоровье, а с ним всегда надобен ты будешь службе. Не раз о сем мы с тобою говаривали! Всему есть время, нельзя от человека требовать совершенного от всех удовольствий отречения, ты не одинокий и потому более у тебя обязанностей. И мне, бобылю, скучают мои упражнения!

Кажется чрезвычайная деликатность твоя заставляет тебя говорить, что по возвращении нашел ты дела свои в порядки. Быть не может, чтобы не потребовали они трудов, пока дал ты им прежнее течение. Кто заменить мог твою ужасную деятельность? Хотел бы я на сей счет испытать самых хвастливых!

И так в мае месяце ты едешь в Карльсбад и оттуда возвращаешься с любезною хозяйкою. Проведенная ею зима в Италии, без сомнения, поправила ее здоровье и верно не нужно будет продолжительное пребывание в Карльсбаде.

Вижу из письма твоего, что не малозначащих издержек стоит их путешествие. Хозяйке нельзя упрекнуть большею бережливостию, и ты чрезвычайно хорошо сделал, поручив домашние расчеты графу Андрею[1]; нельзя требовать, чтобы занялась она всеми мелочами и точно не стало бы и большого терпения. Но никак не думал я, чтобы старик такой был мот, что не взирает на самую запутанность домашних дел.

Как при начальном описании имения твоего, худо знали расстроенное его положение. 450 000 рублей долгу тяжело при том, как ты необходимо проживать должен много, и по занятиям твоим, не можешь уделить времени на приведение в порядок хозяйства, требующего по сложности своей большой бдительности. При таковом состоянии дел старик слишком прихотливо назначил себе часть доходов, можно бы менее! Я не полагал долгов и половины, и тогда часть его была бы умерена! Жаль, что я не имею и надежды с ним увидеться, а то дал бы баталию. Ты шутишь, что он меня прибаивается, но хорошо бы, без шуток, чтобы он несколько боялся и мы общими силами несколько бы его смирили. Я точно ожидаю, что в Италии наделает он долгов; там столько предметов и в его наклонностях. На всякий случай, однако же, по наставлению твоему пишу к нему письмо. Со стариками надобно и дело говорить шуткою!

Грустно было из письма твоего видеть болезненное состояние почтенного старика Петра Ивановича[2], но недавно получил бумаги за его подписанием, следовательно, миновалась опасность. Его положение не блистательное и по огромности семейства его, паче по свойству шалунов детей, смерть его будет

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 марта», «Отвеч[ено] 2 апреля до 5 числа».

причиною больших домашних беспорядков[3]. Ненадолго будет пособием жалованье, которое получит он при отставке, а более мудрено!

По совету твоему о сыне Петра Ивановича пишу я к Петрахану, а ты постарайся, чтобы отвечал он мне, что адъютантом ко мне определить его невозможно, и старик менее огорчится. Сделай милость устрой сие получше.

Мадатов начинает здесь скучать и помышляет о России, что и неудивительно, ибо он почти уже семь лет здесь. Впрочем, он затевает разные в имении своем заведения, как-то: строения, суконную фабрику, имеет у себя умного человека иностранца, который за всем присматривает, и мне кажется, что некоторое время невыгодно было бы ему оставить край сей. Побывать, однако же, ему у вас надобно, и кажется, он мною недоволен. Я тебе скажу подружески и прошу не сообщать ему. Он до крайности самолюбив, ему кажется недостаточно награжден он за службу и во сне видит генерал-лейтенантский чин, почитал меня в обязанности доставить ему оный и ни мало не рассуждая, что и при старании с моей стороны успеть в том невозможно, особенно когда знаю я хорошо, что подобное производство многих и справедливо бы обидело. Тебя немало удивит, что мы и в правилах не совсем с ним сходны. Прошу на сие молчания!

Смешную весьма вещь рассказываешь ты о приказах Уварова. Жаль, что запрещено печатать их в журналах и молодые люди лишены хороших образцов. Я читал уже один из приказов в иностранных газетах.

Почему Желтухин, предавшийся христианской кротости, чуждый сует мира и прилепившийся к Богу, не умеет с ним поладить? Он изменяет тому, чем казаться желает. Ничего не хочет, ничего не ищет кроме душевного спокойствия, а для будущей вечной жизни и ему в сем мире, кажется, нужно звание генерал-адъютанта. Трудно ныне заставить сметливых людей видеть вещи не с настоящей стороны.

Благодарю, почтеннейший друг, за старание о моем двоюродном брате. Его может застигнуть старость в прапорщичьем чине, и я право не так самолюбив, чтобы думал, что лучшая карьера принадлежать должна человеку моей фамилии, но жаль офицера способного. Перевод его в пехотную гвардию его подвинет впоследствии, но я прошу оставить его при мне или при Кавказском корпусе. Он здесь работать будет. В С.-Петербурге трудно или невозможно существовать ему по бедности. Не разорите! Благодарю за письмо к брату Каховскому о его сыне. Ты победил его твоею чудеснейшею вежливостию. Немногие сие сделают для человека, живущего в неизвестности. Он один сын у него, и отец разумеет твое благосклонное попечение!

Брат Михаил возобновил со мною переписку и иногда, по великодушию, прикидывает несколько комплиментов. Он тебя уважает, ибо во всяком письме не упускает сказать, как приятно было ему, что ты к нему заезжал в Белую Церковь. А Браницкому зевать не должно.

Но сказать можно не шутя, что положение брата Михаила пресчастливое. Жена характера прелестного и умная, есть дети и состояние огромное. Всякого ли судьба сим наделяет? А у меня ничего из того не будет. За что он мне завидует?

Математические инструменты довезены в совершенной исправности и словом ничто не повредилось. Уверен, что Красота также и трубу уложить

прикажет. Мне уже жаль, что ты ему дал баталию, он преаккуратнейший молодой человек и комиссионер чудесный. В отсутствие твое я много обязан ему за известия о тебе и люблю его много.

Нет нам удачи с Денисом, и больно видеть, что неосторожность и некоторые шалости в молодости могут навсегда заграждать путь человеку способному. Это несправедливо и почему теперь не хотят взглянуть на образ его жизни. Он лучшею может быть порукою! Нечего делать, и я прекращаю мои домогательства до лучшего времени. Ты говоришь, что можно Сталю дать дивизию в 1-й армии. Это нужно, но кого дадите вы мне начальником на Кавказскую линию? Надобен и солдат хороший и вместе разумеющий дела гражданские. Много ли у вас таковых, а еще добавьте к тому, что жить надобно на линии, которая есть некоторый род ссылки. Кто не предпочтет места в России и жизни приятной?

Ты прислал мне *два билета* на лотерею Головина. Без сумнения, при таковом количестве билетов можно надеяться на выигрыш. Но как бы я горд был, если бы что-нибудь мне досталось, ибо я булавки в жизни мою не приобретал.

Из списка выгравированных портретов генералов вижу, что Дов пустился на предприятие, от которого может быть внакладе. Я ожидаю, когда умножится число оных, и сделаю из них выбор. Я уже подписался на несколько оных. О моем портрете тебе сказала Е[катерина] А[лександровна][4], что сердит написан. Это немного справедливо, и мне кажется, что сам Дов, по свойству лица моего, приискивал приличное ему выражение. Его я точно пленил, ибо иначе нельзя хотеть делать и бюст мой, и портреты в разных видах. Но при сем могу сказать тебе откровенно, что весьма бы не худо сделал ты, если бы прислал мне свой гравированный портрет, ибо прежним твоим я недоволен и находил чрезвычайное сходство в портрете, который писал Дов. Сего-то мне и хочется. Жду с первым курьером!

Саблук[ова], к удивлению, постоянна в своих чувствах, но она, как тебе известно, весьма нужная нам особа, ты должен иногда делать ей нежности, только не от моего имени. Ты как редкий из друзей с приятностью занимаешься всем, что до меня принадлежит, и потому я от тебя ничего не скрываю. Наследник мой точно умер, был малыш прекрасный, но у меня скорые средства комплектования и потому теперь двое и важных ребят. Один современник умершего[5], ибо в одну неделю было у меня двое от разных стран. Меньшего же заготовил я по возвращении из Петербурга[6]. Когда-нибудь увидишь, что завод преизрядный и штука одна взрастает помудренее меня. Если не забыл ты, что сказал мне о детях моих в письме своем, то угадал совершенно, что я ругаюсь смертельно. Ты сказал: «будут слуги отечеству…»

Жаль мне моего Граббе, и хотя совсем не верю сделанному о нем замечанию, но, впрочем, таково его положение, что я не смею вызваться с моим пособием. Весьма грустно, что участь такая постигла отличного молодого человека. Вижу наконец из приказов и отставку Фонвизина. Теперь мне некого терять, ибо у меня только два адъютанта, еще весьма незаметные. Хочу из армейских выбрать молодца офицера, незнатного и бедного и не нахожу. Надобно думать, что таковых не весьма у нас много. Самойлов мой делает небольшие повесничества, но чрезвычайно переменился и, кажется, писал я тебе, что в походе был он у меня за дежурного, каковых у меня и не бывало прежде

заботливостию и деятельностию. Он, перебесившись, славнейшим будет офицером, и полк у него будет отличный!

Точно, как говоришь, выходят мои представления и редко бывают отказы. Но, друг любезнейший, отдай справедливость бескорыстиям моих просьб. Я ходатайствую за людей или усердно и верно служащих, или по способностям обещающих быть полезными. Хвалю ли я кого по собственным расчетам и видам? Люблю людей, Государю и земле нашей надобных. По сему не я теряю в делаемых мне отказах. Ты меня знаешь и то, что самому мне ничего не надобно. Завтра не понравится мне что-нибудь и завтра я не служу, ибо ничего не домогаюсь. Имею самолюбие исполнять обязанности мои столько хорошо, сколько разумею, и действую всеми от меня зависящими средствами. Плата за сие принадлежит помогающим мне сотрудникам. За них мои старания, и Бог споспешествует моим усилиям. Вижу, однако же, что с медленностию идут занятия, ибо представления мои выходят не по обыкновению, но клочками. Петрахан не щеголяет деятельностию, и способности его стареют. Доклады твои по аудиториату наиболее то свидетельствуют. Или овладела им еще большая прежнего робость. Теперь еще ты во многом способствуешь, но поедешь за границу и тогда хотя и не пиши. В конце письма прибегну с просьбами и только на твое содействие возлагаю надежду. Не знаю почему кажется мне, что он ничего для брата моего не сделает. По его же милости переведен он был в гвардейский генеральный штаб, но только годом позднее, потому что забыл о письме моем и от того произошло, что он не попал в производство, а до сего времени состоит в высоком звании прапорщика уже пять лет.

Получил виды баталий, за которые благодарю, но оные по роду рисования мне не нравятся и потому более прошу ко мне не присылать. Труба доставлена и в совершеннейшей целости, как будто с места тронута не была. Теперь остаётся Красоте прислать несколько хороших для оной нот.

Стабуш выгодою своею по службе обязан будет единственно твоей милости.

Хорошо сделал, что отсрочил князю Горчакову[7]; точно, по случаю женитьбы ему сие необходимо. Я со своей стороны доволен тем, что молодой человек, имея средства жить с удовольствием, пренебрегает сими выгодами и соглашается ехать в край несноснейший, на службу трудную, собственно уважая доверенность, которую я к нему имею. Мне нельзя не быть обязанным подобным сотрудникам, а Горчаков еще столько мне нужен, что мне и заместить его некем. Не менее готов я на отсрочку моему Попову, ибо он славно заправляет полком и малый предостойный! Сюда таковых заманить нелегко, и сие может только принадлежать моему счастию!

Против выбора людей в гвардию я уже и не возражаю; вижу, что без них русская армия слаба будет. Пресмешное дело, что в подобных распоряжениях не смотрят на издержки и на недостаток людей в здешнем корпусе. И того, и другого должно быть достаточно для отмены сей нелепости.

Как наконец согласились вы усмотреть, что граф Штейнгель[8] ни на что не надобен. А что давно полезно было бы удалить его, мы все знали! Толь не откажется на его место, и он таков, что не проронит своих выгод. В сем смысле он жесточайший немец.

Не знаю, рад ли Кутузов[9] своему месту, но если все управление корпусами зависит от Варшавы, то едва ли лучше прежнего они будут. А не богаты мы славными офицерами и откуда вы доставать их будете, непонятно!

Надобно сказать тебе, почтеннейший Арсений Андреевич, что я выбрал наконец время объездить и осмотреть провинции наши, бывшие ханствами. Употребил на то два месяца самой скучной жизни. Не знаю, скоро ли может в провинциях сих водвориться порядок, но они дадут большие выгоды; народ татарский удобен уразуметь обязанности верных поданных, если любить будет правительство, и гораздо прежде можно на него будет положиться, нежели на единоверцев наших, в сих странах обитающих. Вот люди примерно неблагодарные, и кажется, говорящей грузинским языком твари ничего нет хуже под солнцем во многих отношениях. Какие богатые и прелестные мусульманские наши области; какой народ воинственный! Жаль, что не ранее достались они в руки правительства. Если бы имел я для управления ими людей способных и несколько таковых, кои бы разумели некоторые искусства, в хозяйстве необходимые, можно бы извлечь величайшую пользу, но в сем отношении поверить нельзя, до какой степени мало у меня средств.

Я жителями повсюду был принят хорошо, но заметил, что не мешает иметь имя, вселяющее некоторый страх. Моя малейшая ласка идет за награду. В Карабахе жители города и старшины, управляющие в провинции, подносили мне саблю с великолепною надписью. Это может служить доказательством, что провинция не огорчена бегством хана и ожидает счастья своего от российского правительства, а с тем вместе и ко мне имеет доверенность. Подобное чувство в жителях земли пограничной, где персияне всегда стараются иметь партию, весьма для нас приятно. В разговоре упомяни о сем *в приличном месте*, ибо приятно, чтобы знали мое здесь поведение и не подумали, что я собираю подарки. Сабля стоит *пятьдесят червонцев*. Ты советовал мне быть осторожным в моем путешествии. Я точно поступаю согласно с характером народов, и для того по обеим сторонам Кавказа поведение мое различно. На Кавказской линии мало кому я верю, здесь есть многие, в которых сомнения не имею. Теперь у меня и караул и конвой были татарские, и за тем они, конечно, более боялись. Я знаю, что не могу здесь быть любимым и [для] самых соседей, я не весьма любезный человек. Но верь, все будет благополучно!

Ты, почтенный Арсений Андреевич, из постоянной дружбы твоей ко мне, хвалишь многие из моих предприятий, занимаешься тем, что я сделал, с удовольствием смотришь на труды мои и некоторые успехи, но сколько ни лестны мне твои одобрения, я вижу, что иногда ты на счет мой не беспристрастен и ты свыше справедливости иногда меня одобряешь. Ты хочешь, чтобы я здесь был и что будто это нужно для некоторых моих предположений. Не согласуешься, чтобы мыслил я об отдохновении. Я уважаю твое мнение, и грустно мне, что оно одинаково с моим. Без самолюбия признаюсь, что здесь надобен после меня начальник деятельный и могущий внушить к себе почтение, что уже сделаны многие начала и во многих случаях нужно только следовать проложенному пути, не увлекаясь желанием изменений. По сей единственной причине доныне один разрушал труды другого, и почти не оставалось признаков ни малейшего улучшения. Скоро будет семь лет моего здесь пребывания, и оные, будучи проведены с трудолюбием, много должны облегчить моих на-

следников. А мне, друг почтеннейший, по справедливости, скоро можно будет удалиться на некоторый покой!

Разными средствами выживаю я отсюда людей бесполезных и между таковыми генерал-майора барона Вреде. Он, по немецкой своей породе, слишком любит выгоды и празден до такой степени, что кроме собственных дел ничем не занимается. Постарайся о скорейшем разрешении просьбы его об отпуске за болезнию с отчислением по армии.

Я представляю к производству за отличие полковника Ермолова[10]. Досадно, если подумают, что я забуду о нем как о родственнике. Ему шесть лет в чине, а из полковников, по обыкновенному порядку, производят в семь лет. Он офицер способный, имеет в здешнем краю выгоду опытности. Вы мне, конечно, лучшего не дадите!

На место его представляю Петрахану в командиры полка артиллерии полковника Копылова[11] и в то же время рапортом просил его высочества фельдцейхмейстера, чтобы определению его не препятствовал. Если случится, скажи ему о сем между слов.

Если же он откажет, то получишь мою бумагу, чтобы командиром назначить подполковника графа Симонича[12], а того полка полковника князя Чавчавадзе прошу определить при мне для особых поручений, ибо ему рано еще дать полк.

Повторяю просьбу об отчислении по армии командира 41-го егерского полка подполковника Авенариуса. Несправедливо отказать то, что сделано для другого, например, командира 7-го карабинерного полка Ладинского[13].

Тебе скажу откровенно, что я его иметь здесь не желаю, по особенному к нему расположению генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го и предпочтению, которое других оскорбляет. Он же не умел вести себя с офицерами. На место его в командиры представил подполковника Понеровского, тобою определенного в корпус. Он также не орел, но давно весьма служит и его испытать должно!

Пишу опять Нижегородского драгунского полка о Якубовиче[14], офицере совершенно отличном. Государя воля не переводить его в гвардию, но за службу, хотя другую награду отказывать непристойно!

Употреби по всем сим просьбам моим свое благосклонное ходатайствование и прикажи, у Петрахана отыскав многие другие мои представления, дать им ход, ибо давно нет на некоторые ответа.

Старик Петр Иванович предлагает мне купить для Тифлиса его библиотеку. Он заключает в себе отличный выбор книг и многоразличные предметы, следовательно, дорого, а потому не приличествует Тифлису. Предложение сие означает, конечно, недостаток, а потому нельзя ли будет сказать, что прилично купить такую библиотеку для которого-нибудь из учебных заведений, как-то: Пажеского корпуса, Лицея и проч[их]. Я сообщил ему, что к тебе писал о сем. Уведомь, что сделаешь? Забыл тебе сказать о досаде, которую искал мне сделать Михаил Павлович. Поручает мне сказать мнение мое о капитане артиллерии Кусанове, нахожу ли я его достойным в командиры роты? Офицер точно того заслуживает, но не ожидая испрошенного у меня мнения, определяют другого, прописывая в причину одобрение его князем Яшвилем. Если это насмешка, то я ничем не заслужил ее и осторожным весьма поведением не дал

повода к оной, если думают, что приму я сие за обиду с намерением, я хорошо понимаю, что она не в выгоду его высочества. Я замолчал и ему не написал ничего. Прекрасные поступки!!!

Ты пишешь, что я сживаю Вельяминова, рекомендуя его в военные министры. Отнюдь нет! Вот истина: у вас другого способнейшего на сие место, конечно, нет, по его точности и чудесной деятельности, но у меня вы отнимете такого помощника, какового, конечно, у меня не будет. Он занимается чрезвычайно и уже много приобрел опытности для здешнего края. Я рекомендовал его потому, что сам здесь долго не пробуду, но начальником здесь, конечно, мог бы другой быть и не с меньшею для края пользою. Впрочем, как сами хотите!

Не знаю, чего уже не написал я к тебе, и потому благопристойно и кончить когда-нибудь. Прощай, друг почтеннейший. Мадатов сидит и тебе приказывает сказать разные приветствия; все дни писал к тебе. Вот рукописи, которые сохранять надлежит, а мои, сделай дружбу, предавай истреблению, как ты и обещал мне.

Прикажи приложенные письма доставить с верностию.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 13–24

М. С. ВОРОНЦОВУ

Тифлис, 9 марта 1823

Любезнейший граф Михайло Семенович!

Получил три письма твои из Белой Церкви, из Кучук-Ламбата[1] с квартирмейстерским офицером и наконец последнее весьма недавно с эстафетою. Не успел отвечать тебе, ибо объезжал бывшие ханства, покойным князем Павлом Дмитриевичем принятые в подданство, ныне обращенные в провинции российские под управлением наших комендантов[2].

Кажется, не писал я тебе, что и хан карабахский оставил нас и бежал в Персию. Ты представишь себе, что я не весьма огорчен был сею разлукою. Давно скучали мне сии господа беспутным своим управлением, неблагодарностию правительству, им благосклонному. Наконец они распрощались со мною для счастья своих подданных, для спокойствия здешней страны! Теперь повсюду власть наша могущественная единая!

Не без труда и хлопот сие сделано, но всеконечно это немаловажная правительству услуга.

Теперь повсюду у нас чрезвычайно тихо.

Персияне повздорили с турками, но ничего важного произойти не может. Турки, раздираемые внутренними мятежами, бессильны и противиться не в состоянии. Не знаю, почему персияне их боятся, но всякие готовы употребить меры к прекращению раздора.

Ты замечаешь, любезный брат, что некоторые из писем твоих ко мне не дошли. Весьма досадно, что одно сие обстоятельство могло быть причиною, что ты начинал мне показывать холодность и что, если бы не вздумал я вы-

зваться на объяснение, то уже бы едва имел я удовольствие пользоваться приятнейшею твоею перепискою.

Не бесполезно, для большей верности, писать или при случаях сумнению неподверженных, или чрез Арсения Андреевича. Ты знаешь, каким обязаны мы уважением нашим почтам, и я сколько можно меньше их беспокою.

Ожидаю писем твоих из Петербурга.

Душевно любящий *Ермолов*.

Сделай дружбу, любезнейший брат, пришли мне модель моста, который употребляли англичане в кампаниях их в Гишпании. Мне сказывали, что мост состоит из сплетенных особенным образом веревок, которые, проходя с одного берега на другой, сверху покрываются досками, между собою связанными. Уверяют, что видели у тебя модель и что по такому мосту с удобностию переходит артиллерия и все тягости. Здесь подобные мосты принесут чрезвычайно великую пользу, особливо на реках крутоберегих. Не откажи моей просьбы и, если бы у самого тебя не было модели, постарайся достать оную, чем чрезвычайно обяжешь.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 89–90

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 10 марта 1823**

Последнее письмо твое, почтеннейший Арсений Андреевич, по эстафете от 12 февраля получил.

Отправление людей в гвардию остановил и весьма распоряжением сим доволен, ибо они мне немалую делают разницу, особливо когда в нынешнем году употребляю я все усилия ускорить производимыми работами, ибо без особенных мер, по множеству предметов, едва какие-либо приметны успехи.

Пишешь, что подозреваешь у старика Петра Ивановича водяную в груди. Если точно такова болезнь его, то напрасно доктора отправляют его сюда к водам, они только ускорить могут смерть.

Поговори Петрахану, чтобы сколько можно вежливее отказали мне сына его в адъютанты, он менее огорчен будет. Но мне кажется, что он угадывает, что я его не желаю.

В рассуждении отсрочки Попову по 1 мая, для чего не прислал ты бумаги, а то в месячном рапорте будут его показывать в просрочке. Не забудь приказать о сем в инспекторском департаменте, чтобы не поставляли на вид, точно продолжение отпуска необходимо!

Какой нелепый врут вздор французские газеты, но я не менее благодарен за присланную выписку. Я примечаю, что с некоторого времени сделался весьма интересною особою для иностранцев. Недавно один пропечатал в книге и в числе исполнителей обширных России замыслов (которых не существует) на востоке, наименован *le fier Yermoloff* — гордый Ермолов. Видишь ли как коротко меня знают! Таким обо мне мнением заставят наконец полагать меня чего-нибудь стоящим и некоторое иметь ко мне уважение.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 марта», «Отвеч[ено] 9 апреля».

Но сколько все сие ни смешно, на меня будут сердиться ваши главнокомандующие, что меня почитают достойным равной с ними доверенности начальствовать армией. Разве их успокоит Дибич, который *в совещаниях* истолкует нелепость подобных рассуждений и мое ничтожество. Сильный за них ходатай и который никогда впереди себя не даст мне места. Давайте ему армию в Гишпанию и куда хотите! Беспрекословно он более имеет навыка ею командовать, ибо кто не видит, что не Сакен, а он давно ею начальствует? Завидная жизнь Чернышева, он подобно нам, азиатцам, может иметь жен сколько хочет и празднен не бывает. Хорошо, что истребили разбойника Болгарского, но если он в Петербурге, опять овладеет его душою. На Дону многие будут помнить его благодеяния!

Брату Михайле писал. Ему бы, по страсти к законодательству, хорошо бы там быть, и я уверен, что он не оставил бы недовольных. Пишу к нему и у сего письмо посылаю. Напиши, что делает он у вас и каково ему жить?

Каков Демидов[1], что и Штейнгеля места не желает. Не тоже ли армия в предмете, но он Дибичу столько же, как и я мало опасен.

Посылаю открытыми письма* мои к старику графу и милой хозяйке; хочу, чтобы ты прочел их. Старику писал по твоему желанию, но сам не решился бы; впрочем, я уверен, что за такое письмо он сердит быть не может. Я, однако же, насчет небережливости ясно выразился. В самом деле, друг любезнейший, надобно подумать о долгах твоих, но более еще об устройстве имения и присматривать за стариком, чтобы не мотал. Весьма выгодно без всяких трудов, ничего не делая, брать 60 000 рублей, тогда особенно, как по расстройству дел составляет половину всего дохода. Но делать долги весьма не великодушно! Я воображаю, как обманывают его в Италии и какого он накупил вздора и за цену дорогую!

Ты пишешь, что если не помогут тебе воды за границею, то приедешь к кавказским. С сим условием я отрекаюсь от удовольствия тебя видеть. Но полезно тебе собственно по службе делать поездки. О брате моем Ермолове поручил тебе Петрахан сказать мне, что он, служа в гвардейском генеральном штабе, ничего не потеряет. Я на сей предмет прилагаю тебе особенно небольшую записку с намерением, чтобы ты показал ее Петрахану, и объясняюсь откровенно!

Сделай дружбу, определите ко мне постоянного фельдъегеря, как был некогда Стабуш. Конечно, не для почести он мне нужен, но случится послать с чем-нибудь важным и не будет кого.

По обещанию твоему терпеливо ожидаю музыкантов, в которых весьма нуждаюсь. Прилагаю сколько и каковых мне нужно, но если число таковых покажется тебе чрезмерным, назначишь по твоему благоусмотрению. В сем случай мне не позволительно прихотничать. Красоте Ивану Васильевичу поручаю напоминать тебе о сем. Прощай!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 9–10

---

* Запечатай облаткою после прочтения. — *Прим. автора.*

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 11 марта 1823**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

По просьбе моей о переводе двоюродного брата моего Ермолова в один из пеших полков гвардии князь Петр Михайлович поручил тебе уведомить меня, что, оставаясь в гвардейском генеральном штабе, он в рассуждении производства ничего не потеряет. Я чрезвычайно благодарен за обещание и согласен оставить его на некоторое время в генеральном штабе, ибо боюсь, чтобы того не случилось, что было при переводе его в гвардию, чтобы тотчас по квартирмейстерской части было производство, а он им не воспользовался. Теперь он в генеральном штабе 3-й или 4-й прапорщик, если перевести его, тоже вскоре может последовать производство. Но я признаюсь тебе, что я не верю обещаниям и некоторые имею причины.

Современники по службе старого сего прапорщика есть уже поручиками гвардии и не менее как подпоручики, вышедшие после него. Я молчал бы, если бы все они более его имели для службы способностей, но достоинства некоторых состоят единственно в сильной немцев протекции. Не стану молчать, что одного генерал-майора Гартинга[1] достаточно, чтобы доставить выгоды, которых брат мой не достигнет.

Таким образом, некто Тучков уже поручиком генерального штаба, так многие произведены по его представлению, и брату моему дан перстень.

Признаюсь, что больно сие обстоятельство. Я скажу тебе с откровенностью, что если бы не состояние недостаточное, заставляющее его надеяться что-нибудь достать службою, я первый советовал бы ему оставить оную. По службе нет причины роптать на медленность производства, если быстрейший ход товарищей не оскорбляет.

Итак, друг почтенный, поблагодаря князя Петра Михайловича, оставьте брата до производства в генеральном штабе, а после надеюсь я, не откажет он мне одолжением перевести его в пешие полки гвардии, а ты избери сам в который, но оставьте его при мне в Грузии, где он у меня будет праздным!

Прощай. Верный по смерть *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 11–12

Н. М. ЧЕКАЛОВУ

Тифлис, 24 апреля 1823

Милостивый государь Николай Михайлович[1]!

Давно доходит до меня ропот несчастных, коих дела поступают на суждение уголовной палаты, и слух насчет ваш не делает вам чести; готов я верить, что безопасны будучи от явных изобличений, Вы слухов сих не устрашаетесь, но глас общий, известные многим некоторые дела, поступки Ваши окажут[ся] правдоподобными и могут [иметь] следствия для Вас невыгодные.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 марта», «Отвеч[ено] 5 апреля».

По обязанностям звания моего и собственно для ограждения себя от справедливого упрека, что виновным снисхождением даю повод распространяться злоупотреблениям, я убеждаю Вас, милостивый государь, оставить занимаемое Вами место и оставить его без замедления. Бесполезны в сем случае объяснения, и я письмо сие препровождая к Вам через г[осподина] областного начальника, поручил ему дать мне знать, если по получении оного к первой почте не изволите представить просьбы об увольнении от должности, не скрою от Вас, милостивый государь, что я буду просить *Государя Императора* о удалении Вас и должен буду с обыкновенным упованием моим на правосудие его объяснить побуждающие меня к тому причины. Имею честь быть и проч.

Ермолов

ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 10. Л. 8. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 8 июня 1823**

После письма твоего, почтеннейший Арсений Андреевич, со срочным фельдъегерем, мы имеем с почтою известия о больших у вас переменах. От первого тебя знал я о Дибиче[1], а наконец и копию с указа Сенату сообщил князь Волконский.

Брат Михаил ничего не сказал мне о двухдневном его объяснении, о котором ты упоминаешь. Зачем делает он из того тайну? Я, конечно, не позавидую, чтобы с ним ни случилось счастливого, напротив жаль всем нам, его знакомым, что долгое время оставался он праздным. Но если основательны слухи, что он заступает место Репнина в Малороссии[2], то о сем весьма жалею, ибо мог он быть полезным в другом назначении и генералов, каков Воронцов, смею думать, у нас и везде немного! Неужели мог он желать его? Если же не трудно было удалить его от армии, то, конечно, лучше определить его в Одессу, где граф Ланжерон не более его надобен.

Какое внезапное падение Гурьева и многих, думаю, удивило назначение Канкрина[3]. Но финансы, без сомнения, будут в лучшем состоянии, судя по его знаниям и способности. Я, как обитатель гор, могу уподобить падение вельможи отторгающейся скале, за которою вслед неприметно валятся в долину множество небольших камней. Между каменьями, ты знаешь, что есть называемые голышами. Но не в сем разряде будут Обрезков, Дружинин, Взметнев и множество им подобных[4].

Видно, Чернышев успел в хорошем виде представить свое законодательство, судя по награде ему данной, и по производству в сенаторы Болгарина[5], величайшего из разбойников, который, по старой привычке, грабил и на Дону. Много приобретет признательности правительство, возводя таковых в верховные степени!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 июня в Ахене», «Отвеч[ено] 29 июня из Пар[м]онта».

Весьма искусно развели Толя с Дибичем[6], но лучше еще, что дали ему звание генерал-адъютанта, ибо, по крайней мере, будет он себе подобных более уважать и во дворце воздержится ругаться непристойно.

Хорошо заменили и Желтухина. Нейдгардт[7] точно офицер отличный, а понравиться умеет не менее предместника, имея сверх того ту неоцененную выгоду, что он немец и любимец Дибича. Теперь только прочным образом основалось царство немцев и, конечно, попользуются они случаем.

Тебе угодно, как доброму приятелю, спросить мнения моего, прилично ли оставаться при теперешней должности, если кн[язь] Волконский не возвратится к своему месту?

Признаюсь, почтенный Арсений Андреевич, странно было бы видеть тебя докладывающего Дибичу. Более сие было бы сносно, если бы он не в одном с тобою был чине, чего, впрочем, весьма скоро ожидать надлежит, но и совсем тем, какая необходимая нужда домогаться тебе бесконечными трудами истребить последние силы твои. Если по каким-либо видам желаешь ты продолжать непременно службу, то неужели нет других должностей? Подумай о сем и скажи мне какие будут твои мысли?

Многие одолжены назначением Дибича, и если благоволение к нему предуготовляет главнейшие места в государстве, то занимаемое им теперь могло бы приличествовать кому-нибудь из русских.

Из уменьшения во 2-й армии войск расформированием 2-х баталионов вижу, что мы решительно войны уклонились. По многим причинам сие чрезвычайно полезно, но жаль, что турки, уверившись в том, умножат несносную свою гордость.

Всякий барон имеет свою фантазию, и я позволяю себе думать, что лучше было бы целый корпус, около Москвы расположенный, обратить в кадры, нежели на границах стоящую армию. Экономия не менее была бы соблюдена! С досадою читаем в иностранных газетах, что туркам объявил английский посланник в Константинополе, что союзные монархи оставляют греков в полном их распоряжении и решительно без помощи[8]. Сие великодушие восхвалят будущие времена и свое возьмет история!

Итак, любезнейший друг, я почитаю тебя уже выехавшим из Петербурга, хотя последние от тебя бумаги были 21 апреля.

Жаль, что к тому понуждает расстроенное твое здоровье, которое, кажется, порядочно ты обработал твоею несноснейшею должностию. Возвратись скорее и привези милую хозяйку; пора вам заняться устройством домашних дел. Нужно ускромить старика, или он наделает вам кучу долгов, ибо весьма не худо, ничего не делая, никаких забот на себя не приемля, получать хороший доход и далее проживать свыше оного. По-приятельски могу сказать тебе с откровенностию, что ты должен построже с ним обходиться в рассуждении его издержек. Он по доброте своей слушаться будет!

Позволь поблагодарить за помощь и ходатайство по моим представлениям. Почти все уважены и только остается мне жалеть, что отказывают несчастным, которых вины, долговременным служением заглаждаемые, могли бы наклонить к некоторому снисхождению. Музыкантами великую сделал ты нам помощь, и хотя не ожидаю я из них людей чрезвычайных, но нам они необходимы.

Портрет твой похож чрезвычайно, и хотя г[осподин] Дов весьма экономически их гравирует, ибо род гравирования невысокий, но вообще сделано с искусством. Я чувствительно благодарю, что ты прислал мне оный, и я изгнал прежний тобою доставленный, которого в сравнении с сим терпеть невозможно. Вели истребить все экземпляры.

Теперь позволь, друг почтеннейший, поговорить о собственных делах.

С положением сестры моей что делать, не придумаю, и если тебе прислал Павлов письмо, которое не делает чести его чувствам, то я, в свою очередь, получил от сестры письмо престранное. Она почти упрекает мне равнодушием к ее бедственному состоянию. Весьма ясно дает мне разуметь, что я должен просить у Государя ей помощи и что сие есть единственное средство спасти ее. Обращусь к беспристрастному суждению твоему в сем случае. Как просить мне чего-либо, когда нет у меня другого помышления как оставить службу сколько можно скорее. Приняв награду, а паче выпросив ее, справедливо навлеку я на себя наименование неблагодарного, если, не заплатив за оную трудами, удалюсь от службы. Или должен я принести в жертву свободу мою, угождая прихотливой и нерасчетливой жизни любезного зятя. Что от меня зависело, или мог я сделать собственными средствами, я исполнил. Теперь предлагаю сестре уделять ежегодно от моего жалованья от полутора до двух тысяч рублей, соглашая ее жить у брата нашего Каховского или родной тетки, одинокой, живущей спокойно недалеко от Москвы в небогатой деревушке. Ближайшие родные сии будут ей весьма рады и найдут удовольствие в ее беседе. Кажется мне, что лучшего предложения сделать я не могу, но всеконечно не соглашу на оное. Оба они не перестают твердить, что *сестре моей* не приличествует быть в состоянии столько бедном. Нарочно подчеркнул я слова *сестре моей*, чтобы дать тебе заметить, сколько самолюбиво и нелепо подобное рассуждение. Я доказывал им, что случайно послужившее мне счастие не сделало меня богатым, не вывело нас из состояния, в коем мы рождены. Что не может лежать на правительстве забота о благосостоянии семейства каждого из служащих, что подобной обязанности не могут возлагать на него даже великие люди отечества нашего, не только я, отличных заслуг и подвигов не оказавший. Итак, *сам я* и *сестра моя*, не выходя из класса людей обыкновенных, должны, уклонясь неуместного самолюбия, почитать себя в равных правах с прочими.

Сверх того, припомнил я Павлову, что он должен был ожидать встретиться с нуждами, избирая жену в семействе небогатом, чего нельзя было ему не предвидеть.

Знаю, друг любезнейший, что сколько рассуждение мое ни основательно, но оно возбудит негодование.

П. А. Кикин, с которым я хороший приятель, уже горячо упрекает мне, что я не хочу помочь ближайшим родным, и называет поведение мое *самолюбием и егоизмом*. Между нами сказать, он не судья в подобных обстоятельствах, ибо брату своему, человеку, нигде не служащему, напротив если и известному, то не с лучшей стороны, выпросил он заимообразно и значительную весьма сумму.

Так поступить я не в состоянии и не могу иначе понимать, что каждому трудами своими доставать должно. Мне жаль, что в отсутствие твое могут довести выше о бедности их положения и не в настоящем виде, чтобы склонить

к себе внимание. Я уверен, что средство сие употреблено будет и некому объяснить настоящего! При таковом случае можно и на счет мой быть недовольно справедливыми. Вот, друг любезный, неприятное положение и неудовольствие от ближних есть вещь самая тяжелая!

От твоего великодушия ожидаю, что ты ему достанешь место, но и тут боюсь, что он приехал слишком поздно, когда ты готовишься в путь. Слышу стороною, что он из Москвы выехал, но сам ко мне не пишет. Тебе, благотворящему ему, предвижу, будут хлопоты от неумеренности его желаний.

От сына старика Петра Ивановича, кажется, я отделался, ему пишу я, что от Волконского не получил ответа. Об отъезде Волконского жалею, ибо не успел он ничего сделать брату моему Ермолову, вечному прапорщику гвардейского генерального штаба. До возвращения его нечего ему ожидать! Впрочем, и то случиться может, что сделается привычка к отсутствию его и он более уже надобен не будет. Я не имею ни малейшей причины быть им недовольным, собственно в отношении ко мне, и потому мне его жаль. Всеконечно не с такою приятностию можно с Дибичем иметь дело как с ним, и я, сколько можно, буду избегать сих случаев! По совету твоему, посылаю чрез Красоту письмо к Петрахану и тем более хочу, чтобы он видел, что я не по месту его только оказывал ему уважение.

Прощай, почтеннейший и родной друг, желаю, чтобы здоровью твоему принесло пользу твое путешествие. Поправь его, и все прочее будет тебе принадлежать по справедливости. Поклонись от меня милой твоей хозяйке и возвращайтесь к нам скорее.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 25–28

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 8 июня 1823

Любезное существо, редкой брат! Благодарю за письмо с последним курьером, хотя и без милосердия ругаешься. Хотел бы удовлетворить желанию твоему в рассуждении описания здешних народов, но сколько ни умеренно оное, теперь сделать не могу. Если бы даже одного было довольно известия, где живут сии чучелы, то и в сем случае вкрались бы неверности, ибо не со всеми из них мы знакомы, а проживши здесь семь лет, издать в публику пустое, признаюсь, не хочется.

Ты думаешь, что я мелочами пренебрегаю. Посмотри со вниманием и увидишь, что по образу устройства нашего управления едва ли чем, кроме их, заниматься возможно? Не весьма легкий выставил ты образец к подражанию. Ты говоришь о бессмертном Петре и указываешь, что между великих дел его имели место мелочи. Но знаешь ли, что у людей, у коих все действия не что иное, как мелочи, они делаются скучными. Не многим предоставлены средства придавать им благородство деяниями необычайными!

Ты великодушно предначертываешь мне: «положить всему начало, сделать общую систему, назначить чему быть через 200 лет», как легко сказать сие

и как бы самолюбиво было с моей стороны почитать себя того способным! Обратимся к другому предмету.

Ты не прав в рассуждении Мошкова[1]. Подарок, сделанный ему Государем, не составил ему того, чтобы мог он приобрести, если бы имел способы, виды им нарисованные, предать литографии. Государь не платил ему за работу, но оказал благоволение, как воспитаннику академии, попечениями которой получил он образование. Там сделаны Государем издержки, но за них нельзя требовать вечной, даром, работы. Справедливо уделить ему часть из выгод, которые приобретутся продажею литографированных видов по мере издержек, которые вы на то употребите.

Я хотел сказать мнение мое, впрочем, если и ничего вы не дадите, делать нечего! Не стану оправдывать его, чтобы ленив он не был, ибо и сам его в том упрекаю. Теперь, однако же, составляет он другую коллекцию видов, несравненно лучших, нежели прежние, и для сего объезжает горы.

Ты уведомляешь о приезде брата и сестры твоих к водам кавказским[2]. Хорошо, что предупредил ты генерала Сталя, но и то боюсь, что по множеству, в нынешнем году, посетителей, трудно ему будет доставить им выгодное помещение, ибо все дома заблаговременно расхвачены.

Теперь, по желанию твоему, объяснимся в рассуждении сестры моей. Начну благодарностию за великодушное участие, которое в ее положении ты принимаешь. Точно, состояние ее не представляет никаких надежд благоприятных. Не может не тягчить сердца моего неблаговоление к ней родителя и вижу с горестию, что тщетны были все мои старания склонить его к прощению.

Ты не усомнишься, что в рассуждении недостатка ее готов был бы я подать всякую помощь, но известны тебе мои средства, и я могу сообщить тебе, что кроме весьма не роскошного, по месту, жалованья, я ничего не имею. Не достает мне оного, и я потому только не вошел доселе в долги, что проживаю некоторые остатки, сбереженные от звания посла, по коему получая содержание, мог я сохранять то, что принадлежало мне по месту здешнего начальника. Ты в письме твоем изрек уже приговор за эгоизм мой и неуместное честолюбие. В первом заслуживал бы я упрек, если бы мог ты упомянуть хотя об одном случае, где я о моей только старался пользе, но самые действия мои доказывают противное. В честолюбии признаюсь, но его заключаю я в том, чтобы ничего не просить и не получать не заслуживая. Сие необходимо потому, что усталость от трудов требует отдохновения и не хочу я, чтобы могли сказать, что и на самые расточаемые мне награды невзирая, я неблагодарен и трудов уклоняюсь. Я, можно сказать, накануне того, чтобы кончить службу мою, могу ли принять награду, за которую заплатить не в состоянии? Не мое это правило, и если кто осуждать меня станет, конечно, многих будет иметь за себя, ибо не каждому выгодно руководствоваться подобными правилами, но это не значит еще, чтобы оные были не хороши.

Вот слова письма твоего: «Подумай обо всем хорошенько и напиши обстоятельно, но без всякого вздора, смотри на вещь, в каком она ныне положении, и отнюдь ни слова отчего и как». В сем предложении, конечно, не то трудное, чтобы не говорить вздора, ибо иногда умею я избегать того, но странно требование, чтобы мог я основать рассуждение, не принимая в соображение причин.

Под таковыми условиями не легко удовлетворить твоему желанию, а я признаться должен, что и не в состоянии! Повторю тебе как наилучшему из друзей, как человеку благороднейшему, что готов помогать сестре всем, что собственно от меня зависит, что достоин был бы презрения, если бы думал иначе одну минуту. К ее услугам все в распоряжении моем средства, но не могу выпрашивать чужих, а паче тогда, как чувствую, что права на них не имею.

Не угрожай мне прекращением твоей дружбы, довольно причиняет горестей худое состояние моего семейства и невозможность быть ему полезным. Не знаю, успел ли Арсений Андреевич до отъезда своего сделать что-нибудь Павлову, но досадовал, что не может дождаться его из Москвы. Он имел надежду доставить ему место, но если уехал, то еще затруднительнее будет положение их! Прощай, и люби по-прежнему. Верный *Ермолов*.

Забыл о сочинении Броневского о Кавказе[3]. Доселе не было обстоятельнейшего описания страны здешней, и во многом столько истины, что трудно было бы поправить или сказать что-либо достовернейшего. При таковых началах удобно будет кому-нибудь другому приобщить подробнейшие известия. Тут отыщешь ты все народы, коих издаются литографные костюмы.

Прибывший фельдъегерь доставил мне письмо сестры моей, которая уведомляет, что кроме благосклонного расположения вашего, вы оказываете ей и самые благодеяния, позволив на время отсутствия брата твоего расположиться в его доме. Мазарович же, с коим говорил ты о положении сестры, пишет, что ты имеешь великодушное намерение доставить ей помощь. Знаю, что нет других средств, кроме просьбы. Государь все может, но тем достойнее его благотворить женщине собственно по ее бедности и даже крайности, нежели для того сделать добро, чтобы наложить на меня новые обязанности, тогда как я прежних исполнить сил не имею. Не понимаю, как ты это сделаешь, но в отчаянии буду, если войдет в расчет мне собственно делать милости и мне за них платить трудами несноснейшей моей службы. Сего принять на себя я не в состоянии.

Теперь о другом:

Как покровитель артистов и со вниманием вникающий в таланты их, скажи мне твое мнение о коллекции портретов, гравируемых попечением живописца Дов. Мне еще не случилось видеть ни одного гравированного, но Закревский прислал мне свой и оный литографирован довольно искусно. Я, еще бывши в Петербурге, подписался на несколько портретов и высматриваю в газетах, которые уже появляются в публику. Посему узнал я, что и я пропечатан Довом. Я отношу к некоторому сумасшествию его желать взять за бюст мой по 50 рублей. Так дорого не платят и за людей необыкновенных! Он обманется жестоким образом, а мы, по уменьшении вскоре цены, узнаем, что они с рук не сходят. Странная мысль продавать мой бюст, тогда как желающим иметь мою рожу гораздо удобнее получить ее напечатанную на листе.

Какие у вас перемены неожиданные. Как могли вы расстаться с Гурьевым? Грозит падение и О-ву[4]. Неужели потерпят, чтобы кто с великим сим мужем вступил в одинаковые грабить права без ответственности. Это было бы неблагодарно и не признательно к великим его заслугам. Кто же после трудиться захочет?

Воображаю Дибича, который, конечно, земли не чувствует под собою. Но едва ли не вредно вельможам надолго отдаляться от двора и допускать делать к другим привычку. Таким образом может Волконский не быть уже столько надобным. Что сделаете вы с другими из сильных, но некоторых из министров неопасно заменить худшими. Прощай!

Ермолов

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 511–514

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 9 июня 1823

Любезный друг, Александр Васильевич.

Давно не имел от тебя известия и не знаю, как ты с почтенным твоим семейством поживаешь.

Я здоров, никуда по обстоятельствам не мог выехать из Тифлиса и пропадаю от жару. У нас теперь уже 26 градусов в тени и ночи по 22 и 23 градусов. Не знаю, что с нами будет в июле и августе, когда жары самые несноснейшие. Хотел быть на Минеральных Водах, чтобы повидаться со многими знакомыми, но дела без конца и не могу вырваться.

Позволь, друг любезный, попросить тебя о собственных делах. Посылаю при сем 1455 рублей ассигнациями за столовые приборы, которые должен мне сделать господин Сизов. В письме, здесь прилагаемом, я его прошу о сем. Деньги не прежде отдай ему как по доставлении вещей. С подобными приятелями осторожность не лишняя. Цену 1455 рублей назначил я ту самую, какую взял он за присланные ко мне недавно приборы, которые должен я был отдать в экстраординарные вещи для подарков.

Скажи ему, сделай дружбу, отчего не присылает он вещи, прежде ему заказанные, как то: чайный сервиз и большой поднос. Я не мог отыскать письма твоего, в котором ты уведомляешь меня, что он обещал тебе скоро сделать сии вещи. По изготовлении оных передай для доставления ко мне Ивану Васильевичу Шатилову полковнику, служащему в Главном штабе е[го] и[мператорского] в[еличества]. Я думаю, что уже он с тобою познакомился.

Прощай, друг любезный. Писать нечего и некогда. Поклонись почтенному семейству твоему.

Душевно любящий *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 82–82 об.

А. И. БАЗИЛЕВИЧУ

Бешкечет, 29 июня 1823

Любезный Александр Иванович.

Князь Баратов[1] явился ко мне и просил, чтобы я не подвергал наказанию офицера, причинившего ему обиду. Я сим весьма доволен, но прошу приказать объявить виновному, что не буду я уметь скоро забыть неблагородный по-

ступок. Не знаю, сказал ли Вам П. В. Попов, что надобно переделать орудия, приготовленные к походу в горы?

Я поручил то же представить Вам и г[осподину] Симчевскому. Прикажите приступить к работе и заметить г[осподину] Комаровскому[2], что у него лаборатория прегнусная и не разрывает гранат.

Прощайте. Покорнейший слуга *А. Ермолов*.

P. S. Представьте совершеннейшее почтение мое ее превосходительству.

РГИА Ф. 1101. Оп. 1. Д. 389. Л. 1

А. И. БАЗИЛЕВИЧУ

Караклисса, 8 июля 1823

Любезный Александр Иванович.

Ничего не отвечаешь на письмо мое из Бешкечета о переделании орудий, приуготовленных для похода в горы. Гордо поступаешь с приятелями!

Я в Караклиссе, где долго проживал г[осподин] Вахрушев[1]. Здесь узнал я о славных делах его и потому только не одолжил его приказом по корпусу, что остерегался сделать тебе досаду. Можно благодарить болезнь его, что избавила нас от ужаснейшего Арендатора.

Не весьма точное доставлено тебе о нем понятие, и я довольно долго был в артиллерии, чтобы знать хороших в ней офицеров!

Генеральше мое почтение. Прощай!

Ермолов

РГИА Ф. 1101. Оп. 1. Д. 389. Л. 2

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 24 июля 1823

Любезный друг Александр Васильевич.

Уже более месяца приехал Стабуш и привез мне письмо твое, на которое по случаю отправления фельдъегеря отвечаю.

Благодарю за доставление чайного прибора. Работа весьма изрядная, но последний фасон не свидетельствует о лучшем вкусе.

Точно, как говоришь ты, и до нас дошел слух о переменах в министерствах. *Како паде сей сильный.* Ты угадаешь, что я говорю о Гурьеве. Совсем неожиданно падение! Как рад, что разбойника Обрезкова удалили и, конечно, не сам он догадался оставить место.

Дибич сделался великим магнатом, и мне кажется, должность сия дана ему для того, чтобы производство его менее обидным могло показаться старшим. Он по ловкости своей всем воспользуется, и Волконский чем более продолжит путешествие, тем для него хуже — и это место не мешало бы занять кому-нибудь из русских, но видно нет способных и миллионы наши ничего не производят!

Жаль мне было бы если бы твой начальник поскользнулся, он исполнен пламенного желания добра и человеком, известным честностию. Здесь разнесся слух, будто бы место его занять должен был статс-секретарь Муравьев[1], служащий при Вельможе.

Огорчило меня известие о смерти старика, Петра Ивановича. За несколько времени писал он ко мне, что собирается к водам Кавказским и, может быть, дабы провести зиму в теплом климате, приедет в Тифлис. Я любил в нем человека, который желал мне добра, ибо я не имел других чувств в отношении к нему. Какое ужасное осталось семейство, какие невоздержные сыновья, какое небольшое и не весьма устроенное состояние!

Невыгодно заслужиться слишком долго и оставить детей почти без пропитания. Большой чин и значение понуждают к тем издержкам, которые гораздо было бы приличнее сохранить их пользу. Скажут: зато дети выведены на ту дорогу, которая ведет к надежде приобретения и что таковую имеют дети людей знатных. У тебя Петр весьма еще молод, но такой же офицер гвардии. У меня жив отец, чтобы свидетельствовать о происхождении моем, весьма обыкновенном.

Благодарю за уведомление о сестре моей, я уверен что она сыщет ваше расположение и вы ее не для меня любить будете. Она при уме своем достойна внимания и по своим несчастиям.

И у меня нет состояния, чтобы помочь сестре единственной!

Канцлер на водах[2], но я его не вижу, ибо разные обстоятельства удерживают меня в Грузии.

Поклонись от меня твоим домашним, которым желаю всякого благополучия.

Уведомь, не знаешь ли чего о Рыхлевском? При новом начальнике те же будут мошенники, как и при прежнем, и все ему нехорошо. Собственная вина в том, что честен!

Представь мое почтение Николаю Семеновичу, в котором столько приятно мне уважать его превосходительство. Не знаю, чего бы не дал я, чтобы близко к нему пожить несколько времени.

Прощай, почтенный друг, люби меня по-прежнему.

Верный *Ермолов*

Июля 1823

Пишу прибавление сие, потому что прибыл фельдъегерь и с ним твое, любезный Александр Васильевич, письмо от 26 июня.

Благодарю тебя и скажи о моей совершеннейшей признательности почтенной Надежде Петровне за благосклонное расположение к сестре моей, о чем она меня уведомляет.

Пишешь, что министр твой также не на прочном основании зиждет величие свое[3]. Кочубею прописано и в газетах, что нужен климат теплый, для коего отправляется в Крым[4]. Твоего мне и потому жаль, что он знал уже тебя коротко, твои правила, способности, трудолюбие, а с новым знакомиться надобно. Когда Кампенгаузен[5] внутренних дел министром, хотя, впрочем, как говорят, человек весьма умный, почему не быть немцу министром юстиции.

По некоторым странностям в характере моем мне досадно, что нельзя заменить князя Голицына[6] без некоторого неудобства. Я здоров и не боюсь

Cholera morbus*, которая, опустошая соседние земли, ворвалась уже и в уголок наших владений, но к нам более снисходительна. Семь лет я здесь, и подобных мерзостей не случалось, видно, время удалиться, и горе, если оставит меня единое благоприятствующее мне счастие.

Получил поднос, Сизовым сделанный, но приборов столовых не могу завести, ибо едва только ты пришлешь *экземпляр*, я должен подарок кому-нибудь из владетельных особ, дабы сии образчики царей не пачкали рук бараньим салом. Так наделил я владетелей Гурии, Мингрелии и Абхазского. Надобно, кажется, будет позаботиться и о мусульманских, но гораздо сноснее видеть руки их запачканные, нежели христианские.

Ты хотел знать, что заплачено Сизову за последние им доставленные приборы. Именно 1455 рублей, которые недавно получил ты, как извещаешь, дабы передать Сизову для приготовления новых приборов.

Теперь не страждет аккуратность твоя, и ты имеешь весь полный счет. Расписки Сизова у меня обо всей его работе.

Прощай. Душевно любящий *Ермолов*.

ОР РНБ Ф 325 Оп. 1 Д 33 Л. 83–86

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 31 июля 1823***

Любезнейший граф Михаил Семенович.

Последнее письмо твое имею от 30 апреля, в то время как Закревский уже предуведомил меня о твоем назначении, а ты не сказал мне, что тебе о том было известно.

Любя пользу Отечества, рад я был, что ты получил место, в котором большие можешь оказать ему заслуги. Как сравнить его с предложением сделанным, тебе занять место Штейнгеля[1]? Не приличествовало тебе быть там, где мог заменить тебя молодой человек граф Бутурлин[2] в чине полковника. Не знаю, лучше ли было накупаться[3] на Семибашенный[4]: ибо наглости, сделанные Строганову[5], безнаказанно могут дать охоту повторить оные и со всяким другим. Весьма решительным почту человеком того, кто добровольно вызовется на сие поручение, и рад, что не на тебя пало оное!

Ты говоришь, что в мирное время лучшее место мое. Я не оспориваю того, ибо могу я сделать нечто полезного в краю, где все ново и в беспорядке ужаснейшем; но кто узнает об этом, и может чума или Cholera morbus похоронить меня безызвестным. Едва ли в семь лет моего здесь пребывания оставлю я что-нибудь по себе, чего бы не могли изменить наследники мои, и таким образом, что даже следов не останется трудов моих; ибо между народами в грубом и упорном невежестве не мог я в образовании сделать больших и решительных успехов. Когда к управлению графа Ланжерона присоединили область Бессарабскую, дали тебе способ употребить твою деятельность. И у тебя есть земля, в которой все создать надлежит[6]. Но в Европе, среди народов про-

---

* Холера (*лат.*)

** Помета М. С. Воронцова «Получ[ено] 7 сент[ября 1823]»

свещенных, в глазах множества иноземцев не укроются труды твои, и успехи произведут плоды ощутительные, государству полезные. Равных не доставит страна здешняя, или сколько десятков лет надлежит ожидать их? Сколькие из преемников моих того не достигнут и проведут время, можно сказать, в черной работе, приуготовляя для других роскошное отдохновение. А скуку надобно ли почесть во что-нибудь? Она ужасная и отъемлет охоту заниматься. Я скоро уже готовлюсь проститься с здешним краем и устал до такой степени, что, конечно, долгое время не примусь ни за какое дело. Вижу с восхищением свободу, которой я предамся! Не верит сему большая часть моих знакомых и, быть может, ты сам между прочими; но приближается время опыта.

Ты, живши в Петербурге, свидетелем был некоторых перемен в министерстве, и, как описываешь, Гурьев должен иметь особый талант, чтобы заставить ненавидеть себя до такой степени. От Канкрина как человека умного можно ожидать большой пользы и по расстройству финансов наших как не желать того? Ты писал о министре юстиции[7], но сей удержался. Теперь по слабости здоровья едет в благословенный климат Крыма гр[аф] Кочубей и едва ли возвратится. Его точно убивает климат петербургской, и жаль человека сего, приятнейшего из министров. Место его занимает Кампенгаузен. Ты теперь будешь иметь дело со всеми из них и, конечно, будешь счастливее меня, к которому они не весьма благоволят. Но все-таки испытаешь немало досад! Покоен будешь по крайней мере по части военной, ибо корпус твой от тебя далеко, а в мирное время подобная команда небольшое удовольствие. Я воображаю, как рад будет достойнейший Сабанеев, что он с тобою вместе, и ты пребывание его в той стране сделаешь приятным.

Дибич заправляет делами важно, и они идут необыкновенно скоро, бумаги не залеживаются. Он сделался, как говорят, весьма могущественным вельможею и легко может приучить к себе Государя, особливо если князь Волконский продолжит свое отсутствие. Дибич, конечно, не забудет своих единоземцев, и они появятся во всех видных местах, где дается доверенность особенная!

Теперь скажу тебе о здешних обстоятельствах. Нерешительное поведение наше с Портою дает повод ко вредным для нас между глупыми здешними народами толкованиям. Закубанцы, в больших собираясь силах, делают нападения и разорили у нас Круглолесское селение, увлекши в плен триста душ обоего пола. Бежавшие от нас в 1810 году ногайцы, заняв ближайшие по той стороне Кубани места, не только дают способы закубанцам к набегам, принимая и довольствуя их у себя, но в последнем предприятии были с ними в числе 500 человек конницы. Известно также, что готовятся еще к нападениям. Я послал моего Вельяминова, дабы, собрав нужные об обстоятельствах сведения, избрал удобный случай к наказанию злодеев.

Высокие в Кубани воды не допустили сделать движение довольно скрытым; но Вельяминов такую употребил скорость, что не успели ногайцы спастись с семействами и имуществом, и он захватил их слишком 1400 душ обоего пола с большим числом скота. Он был преследуем; желание отбить пленных заставило их против привычки драться с упорностью, но, потерпевши урон и ничего не сделавши, разбежались. Осенью, если что особенное не помешает мне, хочу посетить закубанцев[8] и дать некоторый урок разбойникам. Впро-

чем, в нынешнем году есть у меня и в других местах некоторые беспокойства, а войск такой некомплект, что одних рядовых недостает 17 000 человек.

После разведываний в продолжении многих лет, наконец, добился я до открытия новой через Кавказ дороги. Офицеры, посыланные для обозрения оной, уверяют, что будет несравненно лучше теперешней. Со стороны Грузии ходил уже небольшой отряд войск и перешел главный хребет. Самые большие трудности предстоят на северной покатости гор вопреки ожиданий всех нас. Дорога немного весьма далее будет, но взамен представляет большие выгоды против теперешней, требует однако же больших работ на несколько лет. Более сказать нечего о здешней стороне.

Теперь собственная просьба. Ты благосклонно принял в Петербурге зятя моего *Павлова* и предложил ему служить под твоим начальством. Обрати, почтеннейший друг, вежливость сию в настоящее дело, ты окажешь благодеяние человеку весьма порядочному и находящемуся в самом несчастном положении. Одного тебя доселе просил я об нем, ибо правило мое не просить за родных. Закревской делал ему добро, но как должен был ехать, он остался без помощи, кроме заботящегося о нем Кикина. Если Павлову дашь ты место, то позволь мне употребить одно условие: для меня не иметь к нему ни малейшего снисхождения. Если не понравится он тебе или не будет уметь служить, как ты желаешь, тотчас прогони его, нимало себя не стесняя.

Прощай. Душевно почитающий *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 91–94

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Коджоры, 8 августа 1823

Любезный Николай Николаевич!

Я несколько уже дней живу в Каджоре, и теперь время прекраснейшее для обозрения дороги на Манглис. Поспеши приехать ко мне и в то время отправь человек пятьдесят карабинер, которые составят караул мой в Манглисы. Не медли, ибо мне нужно для торгов быть скоро в Тифлисе.

Прощай. *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. Копия

А. И. БАЗИЛЕВИЧУ

Коджоры, 11 августа 1823

Любезный Александр Иванович.

Савич потерял письмо мое и я пишу другое.

Нельзя удерживать его, если домашние обстоятельства его требуют удаления из службы; жаль только хорошего офицера и который мог быть нам полезным.

Вы как адъютанта можете отправить его под видом поручения, и сего никто Вам воспретить не вправе.

1 сентября отпущу я его в отпуск, о коем возьмите от него прошение. Тогда же представлю его и в отставку, если уже то необходимо. Поклонитесь от меня генеральше.
Жалею, что Вас давно не видал!
Покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 1101. Оп. 1. Д. 389. Л. 4

В. А. БУЛГАКОВУ

[Тифлис], 12 сентября 1823

Милостивый государь, Василий Алексеевич[1]!

Весьма сожалею, что должен Вам сказать такую истину, которая Вам, конечно, не понравится, но о которой я, по долгу моего звания, умолчать не могу. Непрестанно слышу я, что обращение Ваше с офицерами вверенного Вам полка весьма не приличествует той доверенности, какую имеет к Вам начальство. Говоря прямо — вы содержите у себя распутную женщину и требуете к ней такого уважения, какого можно желать только к законной жене.

Быв начальником, не прилично Вам иметь у себя такую женщину, и уже одно это делает Вас виновным: ибо поселяете тем соблазн в Ваших подчиненных.

Кроме сего, не оставляете Вы права, самими Вами присвоенного, распечатывать чужие письма, право, сколько непозволительное, сколько и не делающее чести, особливо в вашем звании.

За сим мне остается еще сказать Вам, что внимательное начальство сколько умеет уважать службу, столько не прощает оно и приватного образа жизни и неприличного обращения с подчиненными.

Заключаю тем, что Вы весьма хорошо сделаете, если перестанете менять попечение Ваше об офицерах на распутную женщину, которая стоит того, чтобы ее удалить от себя, или не быть исполнителем ее воли.

А. Ермолов

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 5–5 об. Копия

Г. А. СЕРГЕЕВУ

Тифлис, 12 сентября 1823

Григорий Александрович[1]!

Между хлопотами совсем забыл я отдать Вам должные двести пятьдесят рублей ассигнациями за лошадь, которую Вы мне уступили. Я при сем их посылаю. Вчера, прощаясь, могли бы Вы мне о том напомнить, и если не сделали Вы [это] по деликатности, то позвольте сказать по-приятельски, весьма не у места.

Покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 17. Л. 1

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[1823?]

Благодарю Вас покорнейше, почтенный Николай Николаевич, за Алхаса Елиссуйского, он по приказанию Вашему явился ко мне вторительно, и мне надобно было принудить его, дабы возвратился, ибо боялся Вас прогневать. Также равномерно заставил я есаула Харуева возвратиться, который намеревался преследовать меня до Кашаура. Благодарю Вас за обязательное внимание, которое мне оказали. Брат Сергей[1] представит вам совершенное мое почтение.

Желаю Вам счастия. *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 6. Копия

А. В. КАЗАДАЕВУ

[Тифлис, 1823]

Любезный друг Александр Васильевич.

Замедлил с ответом на письма твои, был в отсутствии из Тифлиса. Обозревал прелестные наши мусульманские области и, тебе как другу, сказать откровенно могу, что восхищался мыслию, сколько введение в них управления российского послужит в короткое время к их улучшению. Сколько ни противится вера сих народов всякому просвещению, сколько истолкователи оной, по озлоблению на христиан, ни охлаждают против нас, не могут они не чувствовать выгод благоустройства, которых достаточно объясняет одно обеспечение, неприкосновенность собственности. Введение нашего управления есть дело мне нераздельно принадлежащее и меня утешает польза, Правительству принесенная! Может быть, на сие и совсем не обращается внимания, но я награжден собственным чувством удовольствия.

Желал бы угодить графу Николаю Петровичу[1] доставлением называемого им *персидского живого овса*[2], но под сим именованием никто его суть не знает. Нет ли ему звания на латинском языке? Уведомь и я пущусь в разыскания. Поклонись от меня достойнейшему и почтенному Николаю Семеновичу[3], которого уважать есть наслаждением души моей. Как бы я счастлив был, если бы мог спрашивать наставлений подобного человека во многих затруднительных встречающихся мне случаях. Я воспользовался бы ими для выгод служ-бы, следовательно, земли нашей.

Как чувствую, друг любезнейший, недостаток сведений моих по обширности моих занятий, как досадна мысль, что непременно впаду во множество погрешностей, которых при некоторых познаниях, даже весьма обыкновенные люди удобно избегают. Все мои усилия недостаточны и я, бывши некогда изрядным солдатом, грущу что в половину не таков сделавшись администратором.

Благодарю за исполнение просьб моих. Вижу неподражаемую твою точность. Приборы от г[осподина] Сизова получил и ими доволен. Хорошо, что спросил у тебя о числе посланных денег, ибо забыл, подозревал, как и случи-

лось, что их было недостаточно. Следующие за отданные тобою за излишний вес серебра 202 рубл[ей] 67 ½ коп[еек] у сего препровождаю.

Я не столько как ты в делах моих порядочен, а потому прошу как друга, прошу не оставлять меня в долгу, ибо случиться может, что не угадавши настоящей цены вещи, не дошлю я нужного числа денег. Когда Сизов прочие отделает вещи, передай их Шатилову, он мне их доставит. Нужно уложить хорошо, ибо фельд[ъе]гери возят безбожно!

Добрый наш Рыхлевский[4] думаю, уже взял увольнение от должности. Нельзя было ужиться с окружающими людьми начальника, не самыми наилучшими. Здесь пронесся слух, что Клокачев[5] умер, не знаю, правда ли. Тогда и Рыхлевскому не нужно будет переменять место.

Прощай. Засвидетельствуй мое совершеннейшее почтение Надежде Петровне[6], кланяюсь Софье Александровне[7], прочих поцелуй за меня.

Душевно любящий *Ермолов.*

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 88–91 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*В Дагестане, 12 января 1824**

Почтенный и редкий друг, Арсений Андреевич!

Прошло время бесконечное, что я не писал к тебе, ибо иначе как с верным случаем я того не делаю, теперь же фельдъегери давно уже редки.

Я не отвечал тебе на письма от 10-го августа из Пирмонта; 6 и 31 октября из Москвы, которые пришли одно после другого немного спустя времени.

Итак, ты в новом своем месте[1]! Я скажу только, что досадно могло тебе быть, что последовало назначение до возвращения твоего из чужих краев и что Государь чиновника близкого и давно при нем служащего мог бы определить о том предупредивши. Но ты из объяснения видел, что о том заботился человек сильный. С основательностию мог Государь предполагать, что с небольшим удовольствием служил бы ты подчиненным Дибича и лучшего, конечно, не было средства развести вас. Теперь скажу о месте: важное, почетное и прекрасное! Правительство само много выигрывает, определяя там начальника с твоими правилами и честностию, а я сверх того думаю, что должность столько обширна, что займет трудолюбие твое и деятельность. Предместник твой[2] немногое, думаю, сделал; а слишком много к стыду делала дражайшая его супруга[3]. Великолепным и превозносящим до небес рескриптом сего не закроешь!

Совсем не мешает, что с важною должностию ты соединяешь звание отдельного корпуса командира. Я уверен, что брат Михайло не почел бы лишним иметь корпус и отдельный! Я скажу по-дружески, что напрасно хочешь ты ограничить малым временем свое в теперешнем месте служение.

Если можешь ты найти человека, который бы под руководством твоим завел некоторый порядок в хозяйственных твоих делах, то не оставляй твоего места, послушай меня! На прежнем остаться тебе было уже невозможно, или

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 февраля 1824», «Отвеч[ено] 25 марта».

бы кончил ты совершеннейшею потерею твоего здоровья. Ничего нет приятного часто ездить на минеральные заграничные воды! Ты сам говоришь, что нельзя избрать места удовлетворительнее честолюбию служащего, следовательно, нет причины оставить. Я вижу одно неудовольствие — незнание языка, но это встретилось бы с большею частию генералов, ибо там знать надобно или земли язык или немецкий, а сего последнего мало мастеров. Удаление твое от прежней должности истолковало мне, что Петрахану не бывать в прежнем месте и назначение Дибича членом совета[4], кажется, не менее то доказывает! Власть немецкая, по-видимому, на прочном утвердилась основании!

Чудесный выбор сделан в Потапове[5], посмотрим, надолго ли!

Слатвинский[6] весьма хороший офицер, и я желаю ему всякого добра, но, кажется, забыт Монтрезор[7]. Напрасно не взял он у меня в корпусе драгунского полка! Я был бы доволен, и он может быть не потерял.

Возвращаюсь опять к твоему новому месту. Ты намереваешься пробыть в оном до сентября будущего года и потом смотреть, что будет надобно делать. Обещаешь, однако же, спросить моего на то совета. Ожидаю! Чувствительнейшим образом тронул ты меня, почтеннейший друг, требуя моих советов и называя меня вторым отцом твоим. Доселе любил я тебя как брата и не понимаю, что еще прибавить мог к моей привязанности, но чувствую, что доверенностию твоею ты более сделал меня тебе преданным. Божусь тебе, что всегда сердцем откровенным скажу тебе мысль мою и, конечно, самому себе лучшего ничего не пожелаю. Люби ты меня по-прежнему, давнее наше знакомство не укрыло от тебя свойств моих, и, конечно, тебе не тем я кажусь, как обо мне думают многие!

Благодарю искренне за старание доставить Павлову[8] место. Я не дал ему подозрения, что знаю от тебя, как он писал о старике, отце моем. Признаюсь, что я не знаю, что мне делать. Сестра, имеющая нрав ангельский, и та пишет мне оскорбительные вещи. Говорит, что я, будучи в положении счастливом, не могу чувствовать горести их и бедности. Не знал я, что можно завидовать богатому моему состоянию. Неужели не известно ей, что жалованье есть единственное мое достояние и что если не дает ей отец довольно, то и совсем ничего от него не получаю!

Не поверишь, до какой степени мучат меня дела моих ближних. Брат мой Каховский, человек отлично умный, также расстроенный в состоянии своем, вздумал женить сына своего[9], не более имеющего 22 лет, на девушке совершенно без всякого средства существования. И все думают, что я должен вечно служить и что мне вечно благотворить будут.

Согласен ты с мнением моим, что Павлову не место жить в столице. А теперь в тебе потеряли они и последнюю помощь, ибо ни от кого другого получать оную непристойно!

Ты желаешь, почтенный друг, знать, справедливы ли доходящие до тебя слухи, что я намерен удалиться из Грузии. Вот чистосердечное помышление мое: в 1825 году хочу я поехать на минеральные воды, там возьму курс, сдав прежде формально команду старшему, и потом подам рапорт, что расстроенное здоровье требует лучшего пользования и успокоения. К тому времени, кажется, будет сорок лет службы по формуляру, разумеется, со включением унтерофицерской в гвардии, и я попрошу отпуска с полным жалованьем, ибо иначе

мне нельзя существовать. Между тем, сделай дружбу, поручи Красоте, чтобы он приказал отыскать формуляр в артиллерии, где во время Екатерины II служил я капитаном, ибо после того не приказано было помещать в формулярах унтер-офицерской службы. Красота все отыщет, ибо ему в том не откажут[10]!

Не думаю, чтобы хотели удержать меня против воли, особливо, когда будут охотники на мое место. Не поверю, чтобы то сделать было возможно!

Трудно мне будет прожить первый год, сделав привычку к жизни деятельной, но, конечно, второй после того и все последующие не будет помышления моего о службе. У меня два сына и не в глазах отца, но по мнению посторонних, молодцы преумные; третий в готовности! Они составят занятие мое, ибо намерен я воспитать их важно и сделать понадобнее себя. Возьми к себе одного, когда наслаждаться будешь жизнию покойною и свободною. К тому времени, может быть, даст тебе Бог сына и мой татарин иметь будет любезного товарища. Ты уведомляешь, что цесаревич спрашивал у тебя обо мне. Не то уже ко мне его расположение и, хотя не имею я нужды в его милости, весьма жаль, без вины, потерять расположение человека, и желавшего и делавшего мне добро долгое время. Не упрекнет он мне неблагодарностию, как бы он ни поступал впредь со мною.

Дениса Давыдова мне не дали, и он писал ко мне, что, не имея более надежды получить места, где бы могла быть видна его деятельность, намеревается оставить службу. Жаль будет человека весьма способного!

Меня уверяли, будто заметили во время бытности Меншикова[11] на водах, что он желал бы получить место начальника на Кавказской линии. Он приятель моему Вельяминову, но, однако же, о том ничего не говорил! Тебе скажу по-дружески, что при всех его счастливых способностях он здесь способнее Дениса не будет!

Важно умножается Государственный совет, и думать надобно, что большой в людях недостаток, если и Сукин[12] сделался необходимым! Не знаю, чего нельзя достигнуть терпением и низкопоклонностию. Здесь пронесся слух, что Петрахану, московскому Голицыну, Толстому и Уварову[13] даны Андреевские ленты. Но потом слухи сии не подтвердились. Это право, жаль!

Мадатов наконец собирается ехать в отпуск, и я писал Вельяминову, чтобы он не задержал его. Письмо твое к нему отправил и сверх того писал, что ты желаешь, чтобы он приехал к тебе в Финляндию. Весьма недурно, если бы он женился, и я уверен, что, по армянскому его счастию, он сыщет жену достойную. Но думаю я, что он намерения сего не имеет, ибо здесь влюблен смертельно в одну замужнюю женщину, грузинку. Не понимаю, что его привязывает. Она только что не дурна, но глупа до крайности, и кажется весь ум ее в том состоит, что она ему не поддается, и человек, рожденный в здешнем палящем климате, готов на все решиться от ярости. Не сказывай ему, что я писал о сем, ибо он готов рассердиться навеки! Насчет поведения и службы Мадатова должен отозваться справедливо, что я им доволен!

Из последнего письма твоего вижу с удовольствием, что милая хозяйка возвратилась из чужих краев и что путешествие поправило ее здоровье. Она так была любезна, что прислала мне портфель с своим портретом. Жаль, что не видал я его, ибо сберегая его, сюда ко мне не прислали. Чувствительно одолжила воспоминанием о человеке, любящем ее как родную, а я, получивши

прекрасную твою табакерку с портретом, вместе с благодарностью готов был упрекнуть тебе, что по просьбе моей и твоему в бытность в Москве обещанию ты мне не прислал ее портрета. Потом она мне истолковала, что на то была твоя воля.

Я пишу к ней письмо у сего прилагаемое, но прошу сверх того поблагодарить ее особенно.

Хорошо делаешь, что старика[14] везешь с собою. Пусть в новом царстве твоем собирает новые сокровища. Ко мне пишет пространное письмо и так вывертывается, что можно почесть его воздержным и в издержках бережливым. Он хвастает, что не только не расстраивает он ни мало состояния, но что, напротив, он величайший хозяин и что им и порядок держался. Не поссорь нас между собою, ибо не мешает, что старик имеет ко мне доверенность.

По делам весьма примечаю я, что не с тобою, но с другими имею я дело. Лежат представления без разрешения, являются отказы, которые можно бы и даже было бы прилично не делать. Делаются шиканские[15] запросы, и надобно будет бросить немецкое царство. Словом, изобретаются все средства поселить к службе всякого рода охлаждение.

Прочти письма мои, у сего прилагаемые к старику графу и милой хозяйке. Последнюю утешаю я на счет Финляндии, доказывая, что тебе выгодно сохранить сие место для будущих видов, а что она может иметь там приятное общество, которое не дает место скуке. Старику закинул слово о бережливости.

Брат Михайло ничего не пишет и только вижу, что по его представлениям даются награды. Кажется, он собирает около себя собственных людей. Не он ли хлопотал о ленте одесскому Гурьеву[16]?

Прощай, сохрани мне прежнюю твою бесценную дружбу и верь, что моя привязанность вечно постоянная!

Верный по смерть *Ермолов*.

Напиши, как принят будет Волконский по возвращении и что из него сделают, а немец не допустит до прежнего места.

Не слыхать ли чего о Каподистрии? Давно никакого нет известия! Калиостро приискал себе назначение, и не сомневаюсь, что даст себя заметить, имея счастливые чрезвычайно способности!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 29–32

П. А. КИКИНУ

Дагестан, 22 января 1824

Редкий брат Петр Андреевич! Ты бы уже бранил меня, что я давно не писал к тебе, если бы не равное также имел я на то право. Итак, о сем ни слова!

С сентября месяца я оставил Тифлис, живу между татар в Дагестане, в прегнусной деревне, скуке ужаснейшей. Так по большей части провожу я восьмой год моего здесь пребывания; но сей раз счастливее прочих, ибо, прибыв в Дагестан, кончил я возникший мятеж без выстрела; заставил признать власть нашу, те из горских народов, которые никогда нам не покорствовали. Они дали аманатов и теперь повинуются. Я вскоре выезжаю для обозрения мусульманских наших провинций, и, конечно, не для приятнейшей жизни. Присылайте друго-

го насладиться сим вожделенным состоянием! А вы нас совсем уничтожили, а Кавказскую линию отдали в обладание закубанцам. Впрочем, не мешало бы отдать им некоторых из посетителей минеральных вод. Трусость их заставила распустить нелепые слухи, и между сими рассказчиками главнейший есть некто знаменитый генерал-майор Аклечеев[1]. Надобно было бы шепнуть мне на ухо, а я бы и выдал! Смешна выдумка, будто бы на выкуп Желтухина собираема была подписка. Не бойтесь, друзья любезные, не так много нанесено вреда, и уже более, нежели вчетверо заплачено за оный. Не в мое время останется оскорбление неотомщенным! Уведомь, о какой проказе моей по крестам солдатским писал ты ко мне? Это еще вымысел, и мне никогда и ничего в голову о том не приходило. Я любопытен знать, что такое?

Ты говоришь, что я у вас стекла выбиваю и что по климату вашему это несколько жестоко. Я право не знаю, в чем еще мне упрекают; но мне кажется, что я менее никогда не производил шуму. Впрочем, мудрено, однако же, согласить меня молчать, когда будут вызывать на бой министры почасту нелепыми бумагами, или, возмечтав быть начальниками. Теперь задирает меня Ланской, а я ему и на троне польском не удивлялся[2]. Не прикажете ли и ему раболепствовать? Напрасно вооружаешься (как говоришь) против сильных моих порывов и грозишь мерою изобретения против них оплота. Ты не подумал, что мера таковая потребует внимания на вещь и деятельности, а тогда не будет места порывам. Не думаю, чтоб неусыпностью своею могли быть страшными г[оспода] министры.

Совсем не понял я приуготовляемой тобою мне казни за жену З., и что не удивился бы ты, если из Италии очутится она в Тифлисе[3]. Давно ли произвел ты меня в ловеласы? Я сам не подозревал, что я человек столько опасный, хотя столько же, как и ты, не сомневался в могуществе прелести своей. Могу уверить тебя, что я столько же и виноват, как ты, и со стороны ее, кажется, не более преступления! Ничего не знаю о пребывании ее в Италии и ее не защищаю, но в отношении ко мне ничему не подверглась она предосудительному, и я, если бы даже [на] 20 лет был моложе, умел бы в подобном случае заставить уважать мои правила. Тут же и торжества ни малейшего не было над собою, ибо с обеих сторон кроме равнодушия не было другого чувства.

Прошу, любезный друг, не оскорблять меня столько несправедливым подозрением, или надобно лучше знать доброго приятеля!

И ты, редкий брат, присутствуешь в сенате[4]. Конечно, столько же как и я, ты удивлен был тем, ибо верно почести сей ты не добивался.

У вас 12-е число было богато милостями, и кроме множества наград, я также получил штук до 15 коллегов. И ты утешишься, если некоторых сделают товарищами по Сенату.

Прощай, принеси почтение мое почтеннейшей жене твоей, сестре моей несравненной. Душевно любящий *Ермолов*.

Из последнего письма сестры моей видел, что ты был очень болен, но она же обрадовала меня, что ты поправился — и я рад, как за себя. Бог не может оставить человека, тебе подобного.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 515–517

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*В Дагестане, 23 января 1824**

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Давно готово было письмо к тебе, но я задержал фельдъегеря и теперь имею случай еще писать.

Не заботься о формуляре моем. Недавно, отправляя срочные бумаги, видел, к досаде моей, что в 1825 году не будет мне сорока лет службы и что я могу лишиться полного жалованья, на которое я рассчитывал. Это горько, но в здешнем заботливом месте я дотягивать не намерен.

Я не отчаиваюсь получить отпуск с жалованьем, но когда просить буду о совершенном увольнении, то и потеряю на жалованье право, ибо за вычетом времени отпуска тот же будет до 40 лет недостаток.

Я в состоянии буду дослуживать при каком-нибудь оружейном или пороховом заводе или в совете Военного министерства на место выбывшего Сукина. Ты, я вижу, смеешься, но мне право не шутки!

Мадатов должен быть уже в дороге, скачет без памяти. Близок великий пост, охота жениться смертная! Я искренно советовал ему сие сделать, и хотя без стыда лжет он насчет лет своих, но видно, что уже вянет красота его. Теперь должен сказать тебе о нем по истине. Ты помнишь, что по полученным в бытность мою в Петербурге из Грузии письмам я был им недоволен, но возвратясь в Грузию и до сего времени я не только не имел тени неудовольствия на него, напротив, по ханству Карабахскому сделал он для службы великую весьма пользу, ибо умел искусно сжить с рук хана[1]. И вообще должен я похвалить его служение. Из имения, которое он получил, я для облегчения жителей уменьшил доходы, и он без ропота на то согласился. Ты можешь сказать ему, как о нем я отзываюсь.

Дошли, наконец, и до нас известия о милостях, ознаменовавших 12 декабря. Вижу Петрахана в восхищении[2], но не видать ему прежнего его места, и уже иностранные газеты возвещают о новом его назначении, которое если не совсем справедливо, то, по крайней мере, весьма правдоподобно придумано.

В каких попыхах вижу Уварова[3], но это не последняя степень возвышения.

В полных генералах, надобно думать, большая была нужда.

Долголетием всего достигнуть возможно! И Сукин[4] дождался. Однако же, он и Эртель[5] дают надежду на вожделенный мир. Теперь из благопристойности надобно дать им соответствующие места. Неужели в сем чине можно быть комендантом и полицмейстером армии? Ты скажешь, что есть калиточка, в которую выходят в генерал-губернаторы. Правда! Но это, кажется, не лучший способ обеспечить порядок внутреннего управления государства.

Я рад многим получившим награду, но более всех, конечно, И. В. Сабанееву[6], как человеку прекраснейшему и полезному. Жаль, что граф Пален[7] вышел в отставку, вот еще человек отличнейший!

Но если произведен Бахметьев[8], почему лишен того Обрезков[9]?

Признаюсь, что после подобных наград можно надеяться всего достигнуть, но уважение к чинам сим не умножится!

---

* Пометы А А Закревского «Получ[ено] 8 февраля 1824», «Отвеч[ено] 25 марта»

От брата Михайлы недавно получил письмо, в котором описывает труды свои и занятия. Он точно со времени определения своего мало был на месте[10], и если так продолжать будет, то сделает много полезного. Мне жаль, что с горестию примет он, что не попал в такое всеобъемлющее производство. Его можно бы было потешить сим, как человека, по способностям его примечательного и которого весьма многими из произведенных ныне заменить, конечно, невозможно, даже и великим приятелем твоим Васильчиковым. Я на сих днях еду по разным провинциям, кончивши дела мои здесь наилучшим образом. Мне удалось взять аманатов от народов, которые не только не покорствовали нам, но надеясь на крепкие места, ими обитаемые, куда пути непроходимы, вели себя весьма гордо и возмущали нам повинующихся, а в прошедшем году дрались против войск наших. Аманатов взял я без выстрела, делая небольшие войсками демонстрации. Это мне немало сделало удовольствия, ибо понуждая к тому оружием мог бы подвергнуться чувствительной потере. Хорошо сделать одним страхом, которого прежде здесь не знали удаленные от нас обитатели гор.

Теперь повсюду сделался я их соседом! Далеко ходят войска и препятствия преодолевают с твердостию. Не хвастаю тебе, друг любезный и редкий, но скажу, что никогда прежде войска такой доверенности сами к себе не имели. Теперь нет трудного! Вчера получил последнее письмо твое от 2 января, которое привез фельдъегерь.

Новый год почти никакими не отличен милостями или малым числом оных. Как будто 12 декабря их истощило. Я ожидал нескольких генерал-лейтенантов, ибо многие есть и достойные и в чинах старые генерал-майоры.

По совету твоему пишу к Петрахану и рад весьма, что возвращается утешенным наградою. Я ожидаю, что многие были бы довольны, если бы занял прежнее место. Я сам кладу белый шар в пользу его и признаюсь, что со времени отъезда его я чувствовал в сношениях моих некоторые неприятности.

Не скрою, что небольшой охотник я до немцев и не престану думать, что не в таком месте быть им приличествует, ибо нет пользы знакомить чужеземца, и даже еще не поданного России, со всеми внутренними нашими средствами. Это никому не пришло в голову, а кажется, не безделица! Если не повредит мне, скажи сие замечание мое Петрахану. Внуши ему, что я ему всего доброго желаю. Ты упоминаешь мне о разговоре твоем в рассуждении Швеции. Этого ты, конечно, ожидал по прежнему ходу дел и, без сомнения, сие не совсем согласно с твоим образом мыслей, *но знают про то пиршие!* К сему обязан ты приноровиться и исполнять по желанию.

Я все не перестаю место твое разуметь прекраснейшим и важным и смотрю на него как на ступень, проводящую к обширнейшим поручениям. И ты, как от друга, требуя от меня мнения, заставляешь меня сказать тебе, чтобы ты не скучал твоим назначением, ибо с твоим трудолюбием, с твоею постоянною деятельностию, бескорыстием ты будешь любим в земле, а военные, там заброшенные, обрадуются тебе без памяти.

Я имею предчувствие, что тебе недолго там заживаться, а между тем ты поправить можешь здоровье, ибо занятиям твоим дав более правильности, ты будешь иметь время и для отдохновения и для удовольствий. Итак, ступай, почтенный друг, тебе и жить долго в Петербурге непристойно. На всякий случай

к тебе письма хозяйке и новому сенатору отправляю, особенно к Ивану Васильевичу[11]. Пиши, как придешь ты в твое герцогство, в каком положении найдешь дела, кто будет главными твоими помощниками; кого избрал ты правителем гражданской твоей канцелярии. Меня все к тебе относящееся интересует, ибо я уже испытал трудности гражданских дел.

Прощай, любезный Арсений Андреевич, более писать к тебе нечего.

Забыл сказать тебе, что по отъезде твоем за границу, потеряв надежду вывести брата моего Ермолова из прапорщиков, должен я был, сколько ни тяжело, просить о нем Дибича, и он соизволил на мое прошение!

Душевно любящий верный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 33–36

А. В. КАЗАДАЕВУ

В Дагестане, 23 января 1824

Любезнейший друг Александр Васильевич.

Так давно не писал тебе, что ты мог уже и забыть обо мне. Но мне не упрекнешь ты леностию, ибо не пишу я к тебе иначе как со случаями верными, а от сентября доселе не было от меня ни одного фельдъегеря и с тех пор я в отсутствии из Тифлиса.

Какие между тем не доходили до тебя слухи? Здесь по нескольку раз в год мы все вырезаны; Кавказская линия во власти закубанцев, и сие мало еще, а надобно было прибавить к тому и всех посетителей Минеральных здешних вод. Какого добра не желают мне друзья мои?

Невзирая на то, любезнейший друг, я употребляю все труды, каковые могут еще допускать мои силы. Вот четвертый месяц живу в прегнусной татарской деревне, в скуке несноснейшей. Меня вызвали бывшие в прошедшем году в Дагестане беспокойства, но таково сопровождающее меня счастие, что я пришел и недоброжелательствовавшие нам рассудили, что выгоднее исполнить требование мое, нежели противиться. Я получил аманатов (otages) от тех из горских народов, которые никогда нам не покорствовали и почитали себя, по местоположению ими занимаемому, непреодолимыми. Мне удалось сделать сие без выстрела и даже без угроз. Некоторые примеры взыскательности прежде истолковав, что и теперь противящиеся наказаны быть могут, сделали их сговорчивее, а впоследствии привычку сделают повиноваться. Тебе сделают удовольствие известия сии, потому что, прослыв человеком крутым и несколько жестким, вопреки мнения сего обо мне, поступаю я с кротостию.

Не думаю, чтобы кто из начальников мог легко достигнуть той доверенности, какой я пользуюсь между здешними народами. Ко мне приезжают известные из разбойников и злодеев, испрашивая прощения. Некоторые получают его, смотря по вине; другим, не делая ничего неприятного, позволяю обратно отправиться, и если отказывается прощение, то сие не препятствует ему пользоваться приемом благосклонным. Доселе не было примеров подобной доверенности!

Вчера и в нашу глушь дошли известия о милостях, ознаменовавших 12 декабря. Вижу, что долготерпением многое стяжать возможно! Порадовался

о достойных, получивших награду, пожалел, что между Андреевскими лентами не нашлось одной для почтенного Николая Семеновича[1], который, по справедливости, не идет в очередь с прочими!

Благодарю за присланный счет Сизова, со всею точностью составленный.

Мазаровича по приезде его я не видал, и потому и с ним отправленных приборов, но уверен, что сделано все, как я желал.

Поблагодари от меня почтенную твою хозяйку за приязненное и благосклонное расположение к сестре моей, которому она умеет быть признательною.

Что паша твой[2], конечно умеющий видеть труды твои, не доставляет тебе никакого изъявления благодарности за оные? Благоволит ли тебе могущественный Журавлев[3], на меня с некоторого времени прогневанный? Скажи ему от меня, что, невзирая на гнев его, по старой приязни, я посылаю ему поклон мой.

Здесь пронеслись слухи, будто Закревский будет управляющим Министерством внутренних дел. Вижу, что я напрасно радовался.

Прощай.

Душевно любящий *Ермолов*

Сию минуту получил известие от моего Павлова, что ты переведен в 1-й Департамент и что место сие, по общему мнению, принадлежит […]*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 83–87

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 30 мая 1824

Любезный Александр Васильевич.

Прежде, нежели чрез фельдъегеря получил письмо твое, увидел из газет, что тебе дан орден. Не порадовался я и не поздравляю.

Которому из директоров департаментов, г[осподину] Вронченко[1] и многим подобным ему не дано большей награды? Скольким за меньшие гораздо труды и, конечно, немалому числу таковых, которые не похожи на тебя строгими правилами чести и бескорыстия. А в то время получаешь ты сию награду, как тебя переводят в 1-й департамент как отличного. К сожалению, подобной справедливости примеры нередкие.

Человек, в ладах живущий со счастием, худой советник в таковых случаях, но желал бы я, чтобы ты сего не принял к сердцу. С давнего времени, друг любезнейший, испытуешься ты в школе терпения, перенеси и сей раз с твердостию. Трудолюбие постоянное, занятия твои обширные отдалят от тебя сетования, и неужели судьба не кинет благосклонного взора на человека достойного?

Нет, вижу я, у тебя заступника, и все предлежит тебе снискивать трудами великими, но Бог благословит тебя.

Что же делал твой паша, которого хвастал ты мне благорасположением? Иначе поступил он со многими и кому желал, успел он просить награды.

---

* Далее текст приписки уходит в переплет.

Обратимся к предметам приятнейшим, о чем весело поговорить.

Как я рад, что твоя Софья Александровна сделала хорошую партию и ты в зяте своем уважаешь добрые свойства. Весьма утешительно, что человек, ими украшенный, будет ею счастлив.

Таким образом, остаются на руках твоих одни рыцари, но сии не требуют столько забот и один на хорошей уже дороге и может быть полезным меньшему впоследствии.

Знаю тебя хорошо как человека, знаю как отца попечительного, и мне приятно наслаждаться утешением, которое они тебе доставляют.

Скажи совершенное почтение мое твоей Надежде Петровне, будь здоров, прощай!

Верный *Ермолов*

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 92–93

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 30 мая 1824**

Получил, любезный и почтеннейшей Арсений Андреевич, письмо твое из Гельзингфорса. Редки уже случаи, когда мы один к другому писать можем, ибо кроме очередных фельдъегерей другие уже не бывают, а скоро, быть может, и сии отменятся.

Итак, ты вступил в новую свою должность, которая, по мнению моему, весьма лестна, а по образу как отправлял ее твой предместник, сделает тебя полезным краю, тебе вверенному, и умножит уважение, которое все к тебе имеют. Люди твоих правил и свойств суть редкие явления в нынешнее время, и ты повсюду приобретешь любовь и почтение.

Знаю неприятность, которая происходит от незнания языка земли и законов. Точно то же и мое здесь положение, но здесь по судопроизводству никогда не представляются дела столько важные, как в твоей стране. Конечно, выгоднее было бы знать их, но разве одни мы из начальников испытываем сии затруднения. Сие весьма обыкновенно в других государствах, а в Англии обширные колонии ее все таким образом управляемы. Скажу тебе дружески, что на месте твоем не оставил бы я твоей должности, во-первых, как весьма видной и где никак не скроются труды твои, а не менее и потому, что при деятельности твоей и трудолюбии не найдешь ты без службы занятий достаточных. Обстоятельно рассуди о сем и решайся скоро. Не вечное вместо ты занимаешь, могут дать тебе другую должность, вместе с которою и большая представится удобность озаботиться устройством твоих домашних.

550 000-[н]ый долг весьма тяготительный и, конечно, требующий размышления. Я верю, что нельзя быть покойным, не сделавши некоторых распоряжений и, может быть, собственными не взглянувши глазами. Но для сего надобен отпуск, а не отставка. Не раздражай, показывая неудовольствие! Ты был столько благороден, что объяснился с Государем и представил, что в новой должно-

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] во Фридрихсгаме 27 июня 1824», «Отвеч[ено] 27 сентября».

сти твоей ты не принесешь пользы, соответствующей твоему усердию. Пусть это так, но за сим следует вопрос самый естественный: легко ли заменить тебя таким, который бы мог быть полезнее, и могут ли таковые люди быть праздными и другими не заняты обязанностями? Кажется, не на излишество людей способных мы жаловаться должны. Обо всем ты размыслить должен, а мне как человеку истинно к тебе привязанному нельзя не страшиться и того, чтобы не навлек ты себе неприятность. И у тебя, конечно, есть завистники, которые намерениям твоим дадут несправедливое истолкование и представят недовольным.

Не в наилучшем положении нашел ты управление земли, но сие потому для тебя выгодно, что каждому о том известно и о поступках хищнических супруги твоего предместника, следовательно, будут знать и о том, когда смиришь ты лихоимство и злоупотребления.

Редко случается, чтобы за 70 лет человек мог быть способным, а предместник твой, может быть, и в самой молодости имел способности негражданского человека. Зачем было так долго его удерживать как необходимого? При тебе, почтенный друг, остались его чиновники; пока отыщешь лучших, сих остерегайся, ибо слышно, что плуты величайшие. Чем скорее с рук, тем лучше!

Я воображаю, что и самая жизнь не весьма приятна и общество твое должно быть из наших чиновников, которых там чрезвычайно мало. Более еще скучать должна твоя хозяйка, но ты не допускай и склонять тебя оставить место, ибо можно поблизости столицы пользоваться ее увеселениями некоторое в году время и думаю даже не каждый год непременно, лучше нежели оставить службу для того, чтобы жить в Москве.

Не можешь ли ты избрать благонадежного человека, который бы умел войти в рассмотрение, какие лучшие средства устроить твое хозяйство, а может быть, даже и продать что-нибудь из менее нужного? Ты же можешь сам поумерить между тем издержки в доме и, вероятно, в Финляндии удобно сие сделать и, конечно, твой предместник не роскошествовал, к чему, впрочем, жители и по собственному состоянию не привыкли.

Итак, друг любезный, дела Петрахана кончены таким образом, как он, сам ты и многие другие не ожидали[1]. Теперешнее положение его незавидно. Восторжествовали пришельцы и помощию *могущественного* прочно утвердятся. Расчет дальновидный и весьма небезвыгодный; таковой сообразить может одна немецкая расчетливость! Хочу не сомневаться, что все пойдет в наилучшем порядке и нам приведется полюбоваться, но кажется издали, ибо мне служба перестала уже представлять удовольствия и вотще ожидать я буду приятностей. Точно хотел бы в 1825 году отправиться отсюда; но случиться могло бы, что и лишний один год пробуду для окончания некоторых предположений и основания довольно важных предметов, как-то: проложения выгоднейшей чрез Кавказ дороги, к чему собраны мною многие нужнейшие сведения и часть дороги даже осмотрена. Но не ручаюсь, чтобы не выгнали меня неприятности прежде, ибо по делам нередко встречаются таковые, особенно с г[осподами] министрами, мне не благоволящими. Нельзя чтобы не делал я ошибок и по множеству занятий моих, а иногда и по малому сведению в некоторых предметах, всякая таковая ошибка выставляется в большем гораздо виде и пользуются случаем вызвать против меня неблаговоление. Известно

мне, что самую нравственность мою и даже образ жизни подвергают строгой рецензии.

Каждый из осуждающих меня неужели без упрека и неужели осужден я в каждом видеть совершенства, тогда как отказано мне и малейшее с ними сходство.

Так, любезный и редкий друг, недолго наслужишь без неудовольствия, а могут сделать обиду, вызвать на поступок неосторожный и, воспользовавшись оным, придать самому оскорблению вид справедливости. Сего дожидаться не благоразумно! Я работаю как поденщик, и служба потеряла для меня прежнее могущественное очарование. Из-за Андреевской ленты не сделаю я ни одного лишнего шагу. Ее могли многие получить легко, могли долго не давать Мордвинову, конечно достойному человеку, а я и без ней могу прожить очень довольным, когда и теперешние декорации мои при моем состоянии будут тягостными в отставке. Итак более о сем и никогда ни слова!

С чувствительностию принял я дружеское предложение твое взять одного из сыновей моих на воспитание. Поступок со стороны твоей великодушен, и как я тебя знаю, то оному и не удивился, а потому и не покраснею принять предложение. Благодарю искреннейшим образом и воспользуюсь сим пособием, для меня во многих отношениях важным. Порадовался бы я, если бы дал ты сыну моему хорошего *товарища*. Воображаю, как бы тебя сделало сие счастливым, а особливо, когда наконец прибегнешь и ты под кров жизни свободной и спокойной! Благодарю за домик, который намереваешься выстроить для меня на Москве-реке. Точно имея собственный и потому что план оного, тобою мне предоставляемый, будет в размере весьма скромном, он не разорит тебя, но теперь о сем не будем мы заботиться, ибо на некоторое время после удаления моего от службы нужна жизнь безвестная, и я располагаю иметь пребывание в Крыму, где благодаря доброму Попову[2], некогда моей собственности, нынешний год будет дом выстроен. Первое время в Москве мне жить неприлично, ибо мне придадут вид недовольного, а это мне невыгодно и сверх того несправедливо. Впоследствии мы снесемся между собою, и я от домика на Москве-реке не прочь!

Брат Михаил вправе роптать, что он не произведен после большого и, конечно, не необходимого производства, ибо достоинства его делают его для службы и полезным и нужным, а произведенные многие никогда таковыми не будут. Что за страсть у него к Гурьеву, которому хлопотал он достать ленту. Впрочем, кто же ныне оной не имеет!

Денис должен был надеть фрак[3], жаль только, что он и охоту служить имел и способен, но что же оставалось делать?

Доволен я, что Мадатов в Петербурге вел себя хорошо, он весьма не прост натурально, но и ты, равно как и я, не знали, что великий армянин и деньгу любит ужасно. Прежняя расточительность была из выигрышных, следовательно не собственных денег, теперь знаю я его совсем иначе и последняя моя поездка чрез некоторые ханства точнейшее дало мне о нем понятие.

Давно грызет его страсть генерал-лейтенантства, и он никак не допускает, что нельзя произвести его без обиды других. Самолюбие у нас беспредельное! Производство Эртеля и подобных не дает права смирять самолюбие прочих и даже нельзя не снисходить оному, а Мадатов и не того еще желает.

Павлов, известив меня о разных тебе известных вещах, удивил меня присланным от архимандрита Фотия[4] образом. Я когда не был знаком с ним, и мы один другого даже не видывали. Нельзя не почесть его монахом весьма храбрым, ибо сражается против клеветы, многочисленными неприятелями моими изобретаемой, и не скрывает добра, которое желает мне. Дело нелегкое! Надпись на данной тебе им печати имеет смысл значительный и, конечно, служит предостережением. Мне видно уже недостаточно осторожности, и он одними молитвами ищет оградить меня.

Хорошо, что взялся Павлов за набожность, ибо она открыла ему путь к месту и сестре небесполезна оная, ибо ею, конечно, снискано знакомство с графинею Орловой[5], которая предложила ей дом свой в Москве и все нужное. Посмотрим, что Павлов сделает далее, но как я говорю, доселе было бы выгоднее ему быть за кухмистерским столом, нежели за обер-прокурорским!

Месяц уже как возвратился из моей поездки. Объехал некоторые провинции, где нужен был взгляд мой и успел кое-что сделать. Чрез месяц опять еду, буду в Кабарде, зайду на воды посмотреть начинающаяся строения и что делается в назначенном мною новом для полков расположении и все кончивши, может быть, при начале осени, если не воспрепятствуют особенные обстоятельства, пройду и чрез Кавказ, где быть новой в России дороге. Если успею сделать сие, я много уже приуготовлю отъезд мой отсюда.

Прощай, принеси совершенное почтение мое Аграфене Федоровне. Я чрезвычайно доволен был узнав, что вы поехали вместе, ибо здесь был слух, что она по причине болезни в Петербурге осталась. Здесь я нашел портфель с ее портретом, но прежде нежели мог я открыть его, уже вышло стекло, которым покрыт портрет, и ожидал, что испорчена живопись, однако же, непонятным образом сохранилась оная. Я нахожу весьма много сходства, хотя артист, конечно, был не превосходный!

Скажи милой хозяйке, что я воображаю ее говорящею чрез переводчика и что такая приятная беседа, конечно, не приглашает к словоохотливости. Я с собою всякий день сие испытываю, и прекрасные грузинки потому не большие слышат комплименты. Однако же, весьма похвально терпение, с которым она привыкает к новому роду жизни, и, вероятно, находятся люди и приятные и уважения достойные.

Прощай, писать более нечего и тебе наскучил бы мелочами. Будь здоров и благоразумно умеряй труды, которые всегда допускал ты свыше сил и платил за то здоровьем.

Верный по смерть *Ермолов*.

Благодарю, почтеннейший друг, за деньги, *тысячу рублей*, данные Павлову. Я для доставления их тебе препроводил к Красоте Ивану Васильевичу. Знаю, что ими ссудил ты тогда, как у самого тебя весьма мало было!

Забыл поговорить о Калиостро. Знаю весьма, он не хотел и не мог, по званию его, быть в корпусе начальником штаба, но он весьма ясно давал уразуметь, что он принял бы место генерал-майора Сталя 2-го, т. е. командующего войсками на Кавказской линии и областного начальника, и сие может казаться правдоподобным, ибо место видное!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 37–42

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 30 мая 1824

Любезный и редкий брат! Редко пишем мы один к другому, но не случалось мне видеть фельдъегеря без письма твоего и потому грустно было не получить оного. Или захлопотался, или заленился, но верно нет другой, молчанию, причины. Не переменишь ты ко мне дружбы твоей, желание мне добра неистощимо! Что скажу о себе? Живу скучно по-прежнему, но к сему издавна сделал привычку, уверив себя, что со мною другого встречаться не должно. Тружусь по-прежнему, но охлаждают пламенное усердие мое, кажется, умышленно делаемыми неприятностями.

И после сего станут упрекать мне друзья мои, что иногда я огрызаюсь. Испытывал я средства терпения и чрез долгое время даже признака не давал моего существования, но мне насылают запросы и замечания, тем более досадные, что никакой основательности не имеют. По содержанию таковых, подозреваю иногда, что имя царя употребляется всуе. Легко могут проистекать оные от единого неблаговоления сильных. Какой способ поверки?

Вразуми, что должно заставлять меня нести службу, давно потерявшую прежнюю очаровательную свою силу? Я исполнил обязанности мои и готовлюсь к новым, ожидающим меня в состоянии гражданина. Равнодушие в службе — разврат. С сими чувствами полезнее от оной удалиться. Прежде собственным примером возжигал я усердие сотрудников. Неудобно произвести таковое душа хладеющая. А где те, коих усердие неоживляемо поощрением?

Читал письмо Рыхлевского к приятелю его. Тебя благодарил в сердце за великодушный твой поступок и его хвалю, что чувствовать умеет, сколько тебе обязан и что обязан тебе единому. Как похоже на тебя: благотворить и думать, что делаешь обыкновенное! Едва было не подвергнули наказанию самому жестокому и вине, совершенно не соразмерному.

Сестра моя пишет ко мне о милостивом к ней расположении редкой жены твоей. Не новая причина быть тебе благодарным. И прежде таковыми были вы к родным моим. Поцелуй у почтенной сестры ручку.

Многие с некоторого времени произошли перемены. Закревский, как пишет, свыше ожидания, заняв место по многим отношениям лестное, недоволен им, ибо чувствует, что оному не соответствуют его способности. Я однако же уговариваю не оставлять его, ибо правила его, бескорыстие и любовь к порядку много произведут полезного.

Много смеялся я заключению твоему на счет исходящего зловония. Однако же не помешало, и, по успеху его судя, кажется, не менее действует упояющего сладостию аромата.

Здесь часто говаривал я о тебе с Мазаровичем, в душе тебя уважающем; он многое рассказал мне и о твоей неизменяемой ко мне дружбе. Не знаком я с бонтонным Рибопьером[1], но жена Мазаровича[2] недостаток красоты заменяет умом и любезностию. Сам он принадлежит к числу тех людей, которые осуждены переносить некоторые неприятности за то, что служат со мною или мною одобряемы.

Прощай, любезный брат, редкое существо! Где и когда мы с тобою увидимся? Поклонись беспримерной жене твоей.

Люби верного *Ермолова*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 517–518

М. А. КИКИНОЙ

[Не ранее 30 мая] 1824

Благодарю вас, почтенная и милая сестра, за несколько бесценных строк в письме брата. Я думаю и тем обязан вам, что его писать заставили, ибо лень им овладела. Он тогда только не чувствует оной, когда бранит меня. Тут он и неутомим, и красноречив равномерно.

Сестра моя уведомляет меня, с какою благосклонностию вы ее приняли, и я, подобно ей, не в состоянии выразить чувств признательности. Ищу утешить себя, что не одним несчастным состоянием своим обращает она ваше на себя внимание, и приятно мне думать, что она будет уметь снискать ваше благорасположение. Будьте к ней милостивы, и я не отниму у себя наслаждения быть вам, почтенная сестра, благодарным. Если бы знали вы, что переносит бедная сия женщина! К скуке, которая сопровождает жизнь мою, должен я прибавлять и горести семейственных неустройств, а ваш Петр Андреевич уверяет, что мне и помышлять непозволительно о сокращении моего здесь пребывания. Какие великодушные обо мне заботы! Побраните его за меня, если умеете, а я намерен выдти совершенно из послушания.

Примите уверение в неограниченном моем высокопочитании. Истинно преданный *А. Ермолов*.

Сестре вы подарили портрет мой. Что нет необходимости иметь в доме пугалища, я согласен, а живописец точно не употребил ни малейшей лести. Вижу торжество брата и сожаление, что, лишаясь портрета моего, теряет выгоды сравнения!

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 515

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 6 июня 1824

Любезный Николай Николаевич.

Ты ждешь инспекторского смотра и, желая пощеголять на оном, удерживаешь людей праздными, тогда как в Манглиссе много принесли бы они тебе пользы, занимаясь работою. Это неверный расчет, ты покажешь хороший батальон, а на зиму не успеешь сделать жилищ, и по необходимости надобно будет разделить полк и не на короткое время остаться надобно будет на Бешкечете. Теперь ни словим не похвалю за исправность и чрезвычайно похвалил бы, если бы устроил какое-нибудь для людей пристанище. В половине сего месяца думаю побывать в Манглисах, тебя уведомлю заблаговременно.

Прощай, верный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Георгиевск, 8 августа 1824**

Давно ничего не знаю о тебе, почтеннейший и любезнейший Арсений Андреевич, и последний срочный фельдъегерь ничего не привез от тебя и ни строки от Красоты. Я подозреваю, что и сие средство переписки не сделалось ли уже неверным. Так мало у меня близких, немного таковых, с кем имею я переписку, что лишиться сего удовольствия крайне досадно! Красота скромен и ничего не скажет, но так мне кажется. От тебя он не утаит. Не знаю, как живешь ты на севере; слышу, что множество, благодаря предместнику, имеешь забот и упражняешься в трудах и деятельности подобных прежним. Ласкаю себя мыслями, что места твоего не оставишь, как о том помышлял прежде и как убеждал я тебя неоднократно того не делать для общей и твоей собственно пользы. Воображаю не весьма веселою жизнь твою, но знаю, что к таковой и прежде не привыкал ты и что занятия уменьшают скуку.

Ты дружески позволял мне говорить тебе мои мысли, и я, не изменяя чувств моих желать тебе добра, еще повторю, что полезной службы твоей ты оставлять не должен и хотя дела хозяйственные терпят от того расстройство, лучше на время изобрести средство некоторого улучшения, но для сего предмета не удаляться от службы.

Часто случаются в глазах наших перемены и почему ты можешь ожидать, что и тебя приблизят обстоятельства, и что получишь большую удобность направлять устройство твоих домашних дел и успокоить долги, много тебя досадующие. Все это случиться может!

Итак, Петрахан умел устраниться от новой своей должности. Не мудрено, что после прежней не кажется она занимательною. Уничтожен он могущественным наследником безвозвратно. Сей подставил под себя твердые подпоры и поколеблется разве при случае чрезвычайном. Он действует с вернейшим расчетом. Но Пе[тра]хан поступил благоразумно, если не грызет его желание знатности. Есть несчастные, которые преследуемы ненасытимостию оного!

Я здоров, перехожу от одних хлопот к другим. Недавно укрощал мятеж в Дагестане[1], теперь потушаю бунт в Абхазии[2]. Сюда приехал по множеству призывающих меня дел, и надобно было случиться к тому еще, что генерал-майор Сталь умер и линия закавказская остается без начальника.

Не знаю, кого мне дадут, но сомневаться нельзя, что не дадут хорошего. Ты вспомнишь, любезный друг, что не раз просил я Дениса. Теперь был бы он мне наилучшим и деятельным помощником. Столько же, как и другой, был бы он нов по гражданской части, но он умел бы заставить и приохотить людей знающих усердно помогать ему, а сего многие другие не сделают. Хотя не раз мне отказано, хотя Денис в отставке, но я решаюсь писать о нем чрез Дибича. Посмотрю что будет.

Недавно получил от него письмо, из которого вижу, что не так легко может он привыкнуть к спокойной и недеятельной его жизни.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 22 августа в Борго», «Отвеч[ено] 27 сентября».

То же и с тобою, а может быть, даже и более случиться может, по большему твоему к трудам навыку. Утешаю себя, что с человеком моих лет, по силам уже утомленным, произойти сего не может.

Не забываю, друг любезнейший, чувствительного для меня обещания твоего взять некогда одного из детей моих на воспитание под твоим надзором. Начинаю уже помышлять о том и вижу, что в одолжении твоем иметь буду нужду. Старший мой взростает отлично умным и предобрейшим. Мне не сделает он стыда и тебя не заставит краснеть, что облаготворишь его твоим о нем попечением.

Уверь в совершенном почтении моем милую твою хозяйку. С удовольствием слышу, что пребывание в Финляндии не находит она неприятным. Желаю сего от всего сердца и не сумневаюсь, что если только захочет она, то найдет в оном некоторые удовольствия и если небольшое, но может составить приятное довольно общество.

Прощай, люби по-прежнему верного по смерть *Ермолова*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 43–44

М. С. ВОРОНЦОВУ

*В Кабарде, 12 сентября 1824**

Почтеннейший и любезнейший граф Михаил Семенович.

Приезжавший на Кавказскую линию камергер г[осподин] Скаржинский[1] дает мне приятный случай писать к тебе. Давно не имел я сего удовольствия и, средств верных не имея доставить письмо, не хотел с почтою писать пустое. С г[осподином] Скаржинским, отзывающимся о расположении твоем к нему с особенною признательностию, многое говорил я о твоих трудах, о твоих занятиях и заметил, что обоим нам одинаковые предстоят трудности к успехам. Но я признаюсь, что во многих случаях позавидовал тебе, и ты меня оправдаешь. Ты успел истребить многих плутов, заменяя их лучшими и способнейшими чиновниками. Я также удалил некоторых, но не так счастливо замещаю многих: ибо в край, тобою управляемый, представляющий кроме выгод служения под твоим начальством и жизнь довольно приятную, чиновники идут с охотою; сюда же редко кого заманить возможно, либо приезжают на один год взять трудный чин коллежского асессора и, не принеся пользы службе, удаляются с сею добычею. Меня, как тебе известно, не весьма жалуют министры, и даже прибавление весьма ограниченного числа чиновников в канцелярии моей отказано. Судить можешь, что при малом знании моем гражданской части, при совершеннейшем незнании части администрации могу я без помощи способных людей сделать полезного? И так живу здесь долго и бешусь, что даже начала самого не сделал порядочного. Много трудов оставили мне предместники мои, но и немало забот передам я моим наследникам. Жалеть надлежит, что в край здешний не завлекла судьба способнейшего начальника, не с одними, как я, наклонностями солдата. Не подумай, чтобы, как многие, гово-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 28 дек[абря] 1824».

рил сие *par fausse modestie**; божусь, что не скрываю от тебя истинных чувств моих. Гораздо решительнее скажу тебе, что войска и все то что в управлении военном, теперь в лучшем состоянии, нежели прежде было.

Народы, которые не повиновались нам, теперь лучше покорствуют, солдат в бодром духе и более уважаем. Сему без труда ты поверишь, ибо я давно солдатом. По всем прочим частям немалая у нас суматоха, и ее преизрядно умножают мусульманские провинции, в которых при мне уже ввелось наше управление[2].

Слышу от Скаржинского, что ты ведешь жизнь весьма подвижную. Знаю необыкновенную твою деятельность и что минуты не можешь ты быть без занятий. Желал бы я сюда подобного тебе начальника. Здесь все надобно видеть собственными глазами, а от такового ничто бы не укрылось. Подобный тебе привлек бы множество полезных сотрудников. Ты имеешь перед многими сие преимущество, и теперь слышу, что размещаешь повсюду прежних твоих сослуживцев. Долго невидная служба моя не дала мне средств сделать большого знакомства; немало препятствовало тому и состояние, которого я не имею; и так весьма ограничено число людей, которые хорошо мне известны, и из таковых кое-как удерживаю я здесь некоторых.

Как приятно мне было узнать о привязанности и уважении, которые приобрел ты в краю, тобой управляемом. Похвалы г[осподина] Скаржинского — повторение тех, которые прежде слышал я во множестве; и он подробнее мог мне сказать о пользе твоих распоряжений, о сильной защите выгод всех состояний. Не без удовольствия слышу, что у тебя высокославный Витт на своем месте, хотя прежде устрашал его могущественный его повелитель[3]. И могу забыть замечания генерала Емануила[4], что мирное время делает его un general colossal**. Можно сим доказывать необходимость войны!

Я теперь в Кабарде, приехал взглянуть новую линию и полюбоваться прелестными местами, занимаемыми ею. Скольких избавились мы неудобств, которые в себе заключала прежняя линия, жаль только, что беспрерывные беспокойства, развлекая войска, лишают меня средств приступить к прочным построениям и заведениям. Те самые препятствия и в других местах.

Теперь наказываются закубанцы, разграбившие в прошедшем году *Кругло-лесское селение*, и уже плачено им жестоким наказанием. Бессильное Оттоманское правительство не может удерживать сих разбойников, и паша, имеющий пребываниие в Анапе[5], менее похож на их начальника, нежели на пленника их. Один *г[осподин] Скасси*[6] мог уверить министерство наше, что он между закубанцами имеет большие связи и сильное на них влияние. Ему поверили, что он может посылать туда своих агентов с его билетами и восхитились выгодами, которые обещал он от торга с ними. Знающих край сей, никого не спросили, а моим даже официальным не верят донесениям, что он *шарлатан* и что обещания его не что иное, как бессовестное хвастовство. Трудно положение мое. Нельзя оставить без наказания разбои и оскорбления, наносимые закубанцами; но смотрят свыше с неприятностию на действия против их. Я даже не избегаю замечаний.

---

* От ложной скромности (*фр.*).

** Великим генералом (*фр.*).

Подданные Порты недавно вспомоществовали возмутившейся Абхазии, а я не должен наносить им вреда! Благодаря соседу моему Грейгу[7] на военных судах, ими присланных, успел *генерал-майор князь Горчаков*[8] сделать десант на берега Абхазии, рассеять сильные толпы бунтующих и освободить с малою весьма потерею две роты наши, которые более месяца находились в блокаде, защищая молодого владетеля Абхазии, нам приверженного.

С горстью людей сделал Горчаков сие смелое предприятие, и войска наши, сопровождающее счастие и в сем случай совершенно нам благоприятствовали.

Таким образом перехожу я от одних беспокойств к другим и отрываюсь от полезнейших занятий. Многие начаты у меня необходимые строения, пролагаются военные дороги, учреждается прочное расположение полков, но все остановлено от недостатка рук; ибо вся здесь работа производится одними только солдатами. У меня всегда некомплект ужаснейший!

На сих днях собираюсь я в горы осмотреть новую чрез Кавказ дорогу. Не менее шести лет отыскивал я оную повсюду, посылал людей здешних, посылал даже офицеров, немалой подвергая их опасности, но только недавно достал сведения о той, которую сам обозреть намереваюсь.

Ты всегда любопытствуешь о здешней стране, и потому не боюсь скучить тебе некоторою подробностию.

Она из Тифлиса пойдет мимо Гори в 30 верстах, войдет в Осетинские горы, из коих вытекает Лиахва[9]. Далее направление на Рачинской округ, Имеретии принадлежащий, вверх по реке Риони, потом чрез хребет Кавказа спускается в Алагирское ущелье по реке Ардон, которая впадает в Терек. Выход из гор в Кабарду в расстоянии 50 верст от Владикавказа.

Снеговых обвалов на дороге нет. Река Ардон почти не менее Терека; но в горах имеет берега постоянные и работ, раз сделанных, разрушать не может. Для учреждения постов более несравненно удобностей, и пастбища в изобилии. Из Рачинского округа дорога разделяется и проходит как в Грузию, равно [в] Имеретию. Выгоды весьма ощутительны, если только окажется удобною к разработанию*.

Отысканием дороги, составлением проектов к проложению оной и хозяйственными по сему предмету распоряжениями хочется мне кончить скучное мое здесь служение, восемь уже лет продолжающееся.

Скаржинский мне сказывал, что ты в последнее твое посещение Крыма купил небольшие участки земли на полуденном берегу оного и будто говорил, что один из таковых намерен мне предоставить. Если точно это мысль твоя, то ты, утешив меня воспоминанием, одолжишь, если дашь один участок в 10 или 12 десятин земли. Таковое поместье можно одолеть моими собственными средствами. Всего лучше, если будет земля сия близко к принадлежащей тебе; а что есть мое намерение жить в Крыму, свидетельствуюсь тем, что *Василий Степанович Попов* еще при жизни своей в имении его при источнике Салгира[10], приказал строить для меня домик по моему плану, и сын его[11] сие теперь исполняет. Но только не таково местоположение, как на полуденном берегу, где видам прелестным здесь только подобные могут находиться. Сделай меня своим соседом!

---

* Так в оригинале.

Ты слышал уже о женитьбе *Мадатова.* Недавно весьма возвратился он из Петербурга, восхищенный благосклонным у двора приемом, доволен связями, доставляющими ему родство, и связи обширные[12].

Сказывал мне многие любопытные вещи и что есть слухи, что тебя ожидают в Петербурге.

Давно, любезный Михаил Семенович, мы не видались с тобою, и жаль, что не могу обещать себе скоро сего душевного удовольствия. Вне службы, по состоянию моему, должен я буду вести жизнь скромную и потому довольно уединенную. Скорее всего в Крыму мог бы я встретиться с тобою, но теперешнее назначение твое не может продолжиться: ибо тебе, по справедливости, должны предстоять важнейшие упражнения, от коих удаляет тебя конечно одно мирное состояние наше.

Прощай. Продолжи бесценную для меня твою дружбу и верь, что чувствовать оную я умею.

Может быть, не скоро дойдет к тебе письмо сие; но я не имею причины сумневаться, что по крайне мере дойдет верно.

Душевно почитающий *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 95–98 об.

П. А. КИКИНУ

В Кабарде, 12 сентября 1824

Любезный брат и родное существо! Мало тебе звания есть поистине! Но ты, думаю, и не подозреваешь даже, что благотворить для тебя дело обыкновенное. Не говоря о многих случаях, скажу о моем Павлове[1]. Кроме благосклонного расположения, которого ты его удостаиваешь, ты еще помогаешь ему в его тесном положении. Он уведомляет меня, что тебе угодно, чтобы жили они в твоем доме. Ты не позволишь мне почитать сие величайшим одолжением, но как можно назвать сие по справедливости? Попросту можно милостию!

Желал бы, чтобы ты видел, с каким чувством я это принимаю, и оно истолковало бы тебе, что поступок твой необыкновенный. Ты по свойствам твоим будешь негодовать даже и за благодарность, но я тем склоняю снисхождение твое, что с удовольствием и, не краснея, позволяю пользоваться твоими родным моим благотворениями. Ты знаешь, любезный брат, что надобно быть тобою, чтобы таковые мог я желать принять.

Не мог понять из письма твоего, что хочет сделать графиня Орлова[2] сестре моей[3], но догадываюсь, что намерение ее сделать милость, ибо пишешь, что я со временем буду обязан ее благодарить.

Алексей Александрович еще менее вразумительного объясняется на счет сей. Он всегда спешит писать, употребляет непонятные сокращения, и от них кажется и самый смысл терпит. Нельзя ли ему поручить стенографическое заведение?

Однако не могу без восхищения слышать о столико великодушном поступке графини, движимой собственно сердцем и никакою обязанностию. Мышляющий* о несчастных! Прощай. Верный *Ермолов*.

Как ни мало строк приписки вашей, милая и редкая сестра[4], но не может укрыться душа Ваша, исполненная добродетели. Вижу, сколько радует Вас улучшение горестного состояния сестры моей. Что бы не последовало с нею, я знаю, что облегчаете Вы его вашею благосклонностию и она, гордясь ею, будет уметь быть благодарною. Мое дело посвятить Вам чувства искреннейшего почтения.

Алексей Ермолов

ОР ИРЛИ Ф. 265. Оп. 1. Д. 7. 260–261. Копия

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 6 ноября [1824]

Спешу с только отправленным курьером, что не имею время написать тебе, любезный Александр Васильевич, кроме того, что прошу по приложенной у сего записке купить мне красок и в самом маленьком ящичке прислать в Москву к Закревскому для доставления ко мне.

Верный по смерть

А. Ермолов.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 94

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 10 декабря 1824***

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Довольно уже давно не имею я от тебя известия и с последним курьером не получил. Красота всегда о тебе уведомляет. Знаю, любезнейший друг, какие неприятности сопровождают служение твое и что ты почти уже решился оставить службу. Может быть письмо мое найдет тебя, к тому приступившим. Жаль весьма и для службы и для тебя, ибо непродолжительное со стороны твоей терпение, может быть, дало бы другой вид делам твоим. Понравилась мне, приведенная Красотою на память пословица: в год воды много утечет.

Впрочем, если уже пал жребий, то могу я себе обещать, по крайней мере, удовольствие скоро тебя видеть. Неможно мне долго здесь оставаться, ибо недостает сил, и занятия беспрерывные меня утомили. Хотелось бы дотянуть до 40 лет службы[1], каковой срок весьма не отдален, ибо по состоянию моему нельзя пренебрегать пенсионом, который я даже скудным не почитаю. На большее ни на что я права не имею, но жалованье доставит некоторое пособие для воспитания детей. Я обогатился ими. Трое налицо и готовится четвертый[2]! У меня всегда сыновья, и это еще счастье!

---

* Так в оригинале.

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 2 генваря 1825», «Отвеч[ено] 11 января».

Ты меня порадовал мыслию построить для меня маленький домик под Москвою. Я принимаю то за величайшее одолжение и, конечно, им воспользуюсь. Неужели вне службы нет для человека удовольствий? Ты молод и по свойствам имеешь нужду в деятельности, а потому одни занятия по делам домашним могут не наполнить всего времени. Я гораздо старее тебя и мне кроме упражнений хозяйственных, по состоянию моему, весьма ограниченных, есть заботы воспитания детей, следовательно, совершенно праздным не буду я, но и занятий найдется достаточно.

Старик мой[3], как слышу я, жизнию не довольно расчетливою порядочно порасстроил состояние и умножил долги, следовательно, на первое время я и не без хлопот буду. Я тебе никогда не говорил о сем, ибо материя не самая приятная, да и сам не хотел тому верить. Как нередко случается, что люди старые возвращаются к погрешностям молодости.

Научи меня, как приступить мне к испрошению детям моим дворянского достоинства и какой-нибудь фамилии? Чрез кого я должен действовать? Весьма недавно были примеры и, между тем, сделали то для генерал-лейтенанта Талызина[4], довольно великого мерзавца. Неужели мне-то откажут? Я ожидать буду обстоятельного от тебя уведомления.

Ты, конечно, уже знаешь великодушный поступок графини Орловой с моею сестрою. Это великое благодеяние, дающее сестре средства безбедного существования. Как восхищен я тем и что не было крайности прибегнуть к другим способам. Благодарю Бога, что не был я в положении просить для них. Тягостно принять благодеяние, не имея на оное права, не оказав заслуг. Еще благотворящая судьба до того не допустила!

Я воображаю тебя в Петербурге свидетелем больших перемен, новых на сцене лиц! Так, друг почтенный, все переменяется. Так пришедшими, увидим мы могущественнейших!

Я, благодаря Бога, мне милосердного, здоров; лета смиряют кипящий мой характер, и я ко всему привыкаю! В столице по-прежнему сильные не благоволят мне. Приучаюсь к отказам, хотя себе собственно ничего не прошу. Знакомлюсь с неудовольствиями и не должен роптать, ибо, конечно, не один я им подвержен.

Прощай, пиши ко мне; все до тебя касающееся меня занимает. Люби меня по-прежнему, ибо не для приветствия скажу, что нет у меня ближайшего к сердцу человека.

Скажи мое почтение милой хозяйке и поцелуй у нее за меня ручку.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 45–46

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Тифлис, 1824]

Любезный друг Николай Николаевич.

Обманутый погодою отменил я поездку мою к Цалке и потому у тебя не буду, жалею, что не увижу тебя, ибо скоро намереваюсь ехать на линию, а между

тем и для того желал бы быть в Манглиссы[1], чтобы вместе с тобою осмотреть ту дорогу, которая гораздо выгоднее, нежели пролагаемая теперь.

Я поручил Воейкову тебе оную показать, ибо посылал его обозреть оную. Не сердись, любезный друг, что мне не понравился ужасный и бесконечный спуск, который ты избрал. По назначаемому вновь направлению будет дорога удобнее и работы менее.

Прощай. Верный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 6 об. – 7. Копия

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 20 января 1825

Любезный и редкий брат! Мы с тобою чудесную ведем переписку. Я тебя ни о чем не спрашиваю, а ты рад, что есть журналы Свиньина[1], записки и даже о наводнении[2] не скажешь ни слова, которое и тебя должно было постигнуть в загородном твоем замке. Прошу уведомить, ибо зная тебя заботливым охотником до садов, великим домостроителем, жалел бы о разрушениях в своих заведениях. Какие бедствия причинило наводнение, и нет причины, чтобы еще не повторилось, а, быть может, и жесточайшее! Не утешительно для столицы, великолепнейшей в мире, если оно периодическое и если даже одно в 50 лет! Немного будет охотников жить на тех местах, где вода наиболее свирепствовала, и в сем отношении едва ли роскошные дачи с тем же, как прежде, восстанут великолепием. Если в прекрасном Петербурга климате останутся опустошенными его окрестности, еще приятнее он будет. Я вам не завидую!

Вопрошаю, не шутя. Скажи, существо редкое, но столько же и ленивое, для чего по несколько месяцев ни строки я от тебя не имею? Знаю, что имеешь ты занятия, но неужели, каждое из них лучше того, как когда ты ко мне пишешь? Люблю слышать о тебе, ибо слышу справедливую похвалу благороднейшим свойствам твоим. Теперь есть у меня Шимановский[3], которого заставляю повествовать о тебе. Люблю сего молодого человека и люблю более с тех пор, как отнял у него портрет твой[4], который сохранял он с большим уважением, как человек, тебе благодарный.

Ты, который печатаешь разного рода мои карикатуры, почему не хотел дать мне твой портрет, который нахожу я чрезвычайно похожим?

Искусный художник, набросив на тебя лет десять молодости, умел скрыть морщины, которые, конечно, не умножают твоих прелестей, но в то же время дал совершенное лицу выражение, и я, если не пленяюсь красотою, люблю видеть спокойствие души прекраснейшей. Будешь опять ругаться, но обратись к самому себе и узнаешь, можно ли заставить тебя говорить вопреки чувств твоих. Почему же мне отказывать те же свойства? Тебе я льстить не стану, существо чудесное!

А вы, любезная и редкая из женщин, милая сестра[5], не думаете ли, что я не знаю, что у вас есть портрет мой, самим Доу сделанный. Знаю, что вы равнодушны к прелестям лица моего, но я заметил, что вы особенную находили приятность в кротком и привлекательном выражении зеленоватых глаз моих,

которые умел Доу выставить в настоящем виде, и что составляет всю цену его картины.

Остроумный живописец, изобразив горы, хотел дать разуметь, что посреди их природа скрывает свои сокровища, оне производят алмаз и драгоценные каменья. Он более чувствовал, а я, по скромности, даю сие истолкование[6]! Прекратив пустословие, скажу вам, что благодарный за благосклонность к сестре моей. Храню я к вам чувства совершеннейшего и искреннего почтения.

А. Ермолов

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 518–520

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 20 января 1825**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Разделяющее нас расстояние сделало переписку нашу весьма редкою. Почти никого не вижу я кроме срочных фельдъегерей, и если кто пишет ко мне, в каждом замечаю ту же осторожность, как бы и по почте. Держится и Красота сего правила, и так я один никаких известий не имею и только от других нечто слышу. Скучно жить подобным образом в таком отдалении.

Что делаешь ты, любезный друг, с собою? Знаю намерение твое оставить теперешнее место и смотрю в приказы, кто назначается на оное. Бенкендорф случившимся в пользу его наводнением, кажется, сблизился с Финляндиею. Думаю, я не ошибаюсь, ибо сыпятся милости на все ему принадлежащее!

Исчез со сцены Уваров[1], и воображаю, сколько было готовящихся на его место. Но, конечно, никому не приходил в голову теперешний начальник[2]!

Отпуск Раевского[3], кажется, продолжительным, и едва ли по состоянию здоровья его возвратится он на службу. Для военного времени имел он весьма полезные способности. До меня дошел слух о каких-то будто бы потерпенных неприятностях, но верного не знаю.

В последнее производство не попал брат Михаил (граф Воронцов) и сего жаль очень. Он большие делает у себя перемены и хищников настойчиво преследует. Но сильно и многочисленно сие сословие и одолеть его невозможно. Разумеет он, что Дибич долго его в сем чине не задержит.

Сабанеев наш как умный человек и славный офицер, как слышу, важно правлял делами и в строгом порядке. Теперь из людей знатных возвратился в наше состояние. Полезно, что его лучше узнали. Есть о Красоте слухи, что идет в отставку. Жаль сего, и как он слушается тебя, я на твоем месте воспретил бы ему, ибо он для сей должности человек отлично способный и по службе надеяться может на хорошую перспективу. Слышу, будто не расположен к нему дежурный генерал, но весьма, хорошо знает его и уважает Дибич; следовательно, терять он ничего не может.

Таким образом, небольшое число знакомых моих в Петербурге еще уменьшится.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 февраля в Петербурге», «Отвеч[ено] 17 марта».

Успешно ли идет строение твое на Трех горах? Мне полезное знать о сем, ибо там есть и для меня угол, как по-дружески обещал ты мне. Некогда заживем мы в приятной свободе и беспечности. Тебе много представят занятий расстроенные дела твоего хозяйства, а мне предлежит забота о воспитании взрастающих рыцарей[4].

Скажи мне, какими путями испрашивается фамилия и дворянское достоинство воспитанникам, чему есть многие примеры и еще весьма недавно сделано то для генерал-лейтенанта Талызина, человека не чрезвычайно знаменитого. Может быть, и мне не откажут. Я ожидаю твоего наставления и никому о том не говорил.

Я здоров, живу в той же скуке, в тех же заботах. Прошедший год богат был разными досадными происшествиями и сопровождался многими неприятностями. Болезни в некоторых местах произвели ужасные опустошения. И у нас было наводнение и на берегах Мингрелии разбило небольшое военное наше судно.

Милой супруге твоей[5] приношу мое совершенное почтение. Воображаю, как мало станет она жалеть, когда расстанешься ты с прелестным твоим краем[6]. Не думаю, чтобы большими весьма удовольствиями сопровождалось ваше там существование, — я по себе сужу, ибо по одному жестокому климату я бы туда не пошел в цари.

Прощай, продолжи мне бесценную твою дружбу.

Верный *Ермолов*

Изыщи случай доставить мне списанные для тебя записки мои кампании 1812 г. Я сделал в них некоторые поправки и даю тебе слово прислать копию. Я прежде писал тебе о сем, но ты не отвечаешь, и меня досадует твоя недоверчивость. Здесь мало мне свободного времени, но я также успел намарать некоторые для памяти записки и намереваюсь в свободной некогда жизни привести их в порядок для воспоминания о пребывании моем здесь и занятиях, его сопровождавших.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 47а–49

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 20 января 1825

Любезный и почтенный друг Александр Васильевич.

Из последнего письма твоего от 4 ноября вижу хорошее расположение к тебе начальников и уважение их трудов и усердия твоего по службе. Вижу, что после утомительных занятий вкушаешь успокоение среди достойного и доброго твоего семейства. Сим последним, как благом, вознаграждает судьба редкие свойства души твоей и твои правила.

Утешаюсь тем, что здоровье почтенной Надежды Петровны[1] поправилось от поездки ея в Малороссию, но лучше бы еще было, если бы осталась она там на зимнее время, что небесполезно испытать один раз и что сделать удобно, ибо нет у тебя малых детей, о коих беспрерывное матери попечение необходимо. Петр[2], по прежним свойствам, должен быть человеком степенным, Владимир[3], резвяся, смиряется чувством, что по хорошим успехам его в на-

уках счастие приуготовляет ему необыкновенную будущность. Ты знаешь, что это любимец, и у людей старых сильное самолюбие, когда в выборе удастся им не обмануться. — Это я в отношении к Владимиру!

Люблю кротость и сердце прекрасное твоей Софьи Александровны[4], и участь ее исполняет меня радости. Она должна быть счастлива, ей приуготовлены права на то нежным попечением добродетельной матери.

По давней и постоянной дружбе между нами я составляю, как бы сказать, частичку некоторую твоего семейства, и счастие его меня утешает.

О себе что скажу? Те же труды, заботы и та же скука. Есть и немалая доля неприятностей.

В столицах меня сменяют, иногда казнят, но это не мешает мне, пока лежат на мне обязанности, отправлять их с усердием и хорошо сколько умею. Между тем я здоров и любуюсь на некоторые, хотя, впрочем, малые весьма успехи, восьмилетнего моего здесь пребывания. Есть по крайней мере начала изрядные для последователей.

Прощай, люблю и почитаю по-прежнему.

Истинно любящий *Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 96

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, февраль 1825

Любезный и почтенный Александр Васильевич.

С большой радостию прочел я в газетах, что труды твои удостоены награды. Не должен я был досадовать и на прежде данную, ибо постепенность в оных принадлежит людям незнатным, есть удовольствие быть не многим обязанным счастию! Вижу любезный друг, что министр твой[1] уважает труды и что сам он высоких чувств чести, любит ея и в других. Вот что приобретало ему всегдашнее мое почтение и заставляет ценить особенно его ко мне расположение. Ты знаешь, что никогда не был я поклонником!

Прошу Бога, чтобы благословил он твое полезное служение. Кланяюсь почтенному твоему семейству. Прощай!

Душевно любящий

А. Ермолов.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 97

И. Г. ЗЕНИЧУ[1]

[Тифлис], 4 марта 1825

Милостивый государь, Иван Григорьевич!

Дошло до сведения моего, что подполковник Долгово-Сабуров[2] делает разные притеснения капитану Летюхину[3] и дурным своим обращением заставил всех почти офицеров иметь справедливое на него негодование.

Желая иметь обстоятельное о сем сведение, я прошу Вас приказать капитану Летюхину прибыть в Тифлис для личного ко мне объяснения. Известно также мне, что Кавказской гренадерской бригады подпоручик Дейтрих[4] по болезни просил г[осподи]на Долгово-Сабурова об увольнении его в Тифлис для излечения на 28 дней прошением на Высочайшее имя, с представлением свидетельства медицинского чиновника, на Гамборе же находящегося, но Дейтрих до сих пор не получил никакого разрешения. Если сие справедливо и Дейтрих действительно болен, то прикажите ему тотчас прибыть в Тифлис, а между тем потребуйте объяснения от г[осподи]на Долгово-Сабурова, почему им задержано прошение, на Высочайшее имя поданное. Весьма полезно было бы, чтобы Вы сами побывали в Гамборах и, разобрав все неприятности г[оспод] офицеров на Долгово-Сабурова, сообщили мне о сем и Ваше мнение.

С совершенным почтением имею честь быть *Алексей Ермолов*.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 12 об. Копия

И. Г. ГОГЕЛЮ[1]

[Тифлис],12 мая 1825

Милостивый государь, Иван Григорьевич!

При осмотре мною работ, при Тифлисском артиллерийском гарнизоне производящихся, я желал видеть вновь присланного сюда из Брянска слесаря литейного дела, в каковом мастере гарнизон всегда нуждался, и к удивлению моему найден он не только искусство сие [не]знающим, но переименован в сие звание из молотобойщиков почти накануне своего сюда отправления, как Ваше превосходительство изволите усмотреть из препровождаемой у сею записки. Зная строгую справедливость Вашего превосходительства, я не хочу входить о сем официально, но прошу покорнейше войти в положение здешнего арсенала, где, как Вы сами известны, мастеровые необходимы по множеству работ производящихся, и приказать прислать сюда хорошего слесаря литейно-медного дела.

Уверен будучи на уважение сей моей просьбы,

[Ермолов].

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 15 об. Копия

И. И. ДИБИЧУ

[Тифлис],12 мая 1825

Милостивый государь, барон Иван Иванович!

Бывший Учебного карабинерного полка поручик Симборский[1] Высочайшим приказом от 17 июля 1823 года выписан в 41-й егерский полк, и велено ему, за неприличное поведение, в уважение молодости лет, служить за младшего прапорщика впредь до засвидетельствования начальства о службе и поведении его. Сей молодой офицер с весьма хорошими способностями со

времени определения его в 41-й егерский полк ведет себя отлично и служит с большим усердием. О возвращении ему чина поручика я имел честь просить Ваше превосходительство отношением моим от 7 октября прошлого года за № … Ныне г[осподи]н Симборский представил мне письмо, в котором уведомляет мать его, что страдает водяною грудною болезнию, и просит, чтобы он прибыл к ней увидеться с ним, может быть, в последний раз. Так как он под гневом Государя Императора, то я не вправе принять от него просьбы по форме об увольнении его в отпуск, но обращаюсь к Вашему превосходительству, чтобы Вы исходатайствовали ему оный у Государя Императора на 8 или даже на 6 месяцев. Могу свидетельствовать вам, что если он и сделал по молодости лет своих непозволительный поступок, то отлично служит и поведением своим заслуживает совершенного прощения и достоин того, чтобы просьба его в отпуск была уважена.

С истинным почтением имею честь быть *Ермолов*.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 14 об.–15. Копия

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 24 мая 1825

Любезный брат, редкое существо! В ожидании свидания с наследником Персии[1] я терял надежду застать тебя на водах, но переменились обстоятельства, и я тебя увижу. Глупые персияне, отвергая сделанные много о границе предложения, доставляют мне сие удовольствие.

Между тем хочу сказать тебе несколько слов прежде свидания, как изъявившему готовность (по точным выражениям последнего письма твоего) ругаться, если что найдешь не соответствующего твоим желаниям. Прежде надлежало бы определить меру желаний сих, соразмерить их способам, от меня зависящим, и не ожидать от меня того, чего другой на месте моем с равными средствами также бы исполнить не был в состоянии. Тогда укоризна справедлива была бы, если бы что упущено было от нерадения, но если еще ожидания превосходят и самую меру моих способностей, то вините правительство, не избирающее людей, более годных для исполнения его видов. Вопросите его, дало ли оно в руководство какое-либо начертание, по которому бы судить можно было об уклонении от его намерений. Ругаться столько же нетрудно без основания, как легко обвинять несправедливо!

Ты, будучи на водах праздным, конечно, из любопытства пожелаешь собрать некоторые сведения о стране и стольких различных племенах. Жалею, что не будет моего Вельяминова[2], которого долговременное пребывание довольно познакомило, и он мог бы во многом удовлетворить тебя. О мусульманских землях, лежащих на полуденной стороне Кавказа или ханствах Шекинском, Ширванском, Карабахском, в которых ввел я русское управление, может дать тебе сведения служащий при мне по части пограничной коллежский советник Нагибин[3]. Менее его времени находится при мне надворный советник Устимович[4], но, более образованный, даст тебе известия занимательные и с большею связью. Прошу познакомиться с коллежским советником Ребровым[5], ты найдешь в нем человека, весьма умного, и, конечно, о Кавказской

области никто основательнейших сведений не имеет, и ему известны многие из моих предположений. О военных делах тебе поговорить не с кем. Ты едешь в нашу сторону, конечно, не весьма хорошо о ней предупрежденный, но взгляни на нее пристально, и ты можешь рассеять многих других предубеждений, которые немало вредят ей. Весьма досадно, что, будучи так близко от Грузии, ты не увидишь земли, во всех отношениях превосходной и которую нельзя сравнить с гнусною Кавказскою линиею.

Поклонись от меня любезной сестре, достойнейшей супруге твоей. Прощай! Верный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 520–521

А. А. БЕСТУЖЕВУ[1]

Тифлис, 7 июня 1825

М[илостивый] г[осударь], Александр Александрович! Не удивляйтесь столь медленному изъявлению признательности за лестное весьма внимание Ваше ко мне, которое угодно было оказать препровождением книги «Полярная Звезда»[2], в издании коей участвуете Вы столько же блистательным, как и полезным образом. Давно весьма имел я честь писать к Вам, но за отсутствием из Москвы приятеля, которому поручил я представить Вам письмо мое, оно возвращено было ко мне. Вот причина медленности со стороны моей, которая, конечно, приобретет мне снисхождение Ваше.

С истинным удовольствием повторяя благодарность мою, я прошу покорнейше сообщить оную достойному сотруднику Вашему господину Рылееву[3]. Имею честь быть с совершеннейшим почтением милостивого государя покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

Русская старина. 1880. Т. 60. С. 593

А. И. ТАТИЩЕВУ[1]

Тифлис, 7 июня 1825

Милостивый государь, Александр Иванович!

О[б] испрошении наград некоторым из чиновников входил я с представлением к Вашему Высокопревосходительству. Сверх того письмом моим обращался к Вам с покорнейшею просьбою. Вам угодно было отвечать мне с изъявлением обещания. Долгое время не получая никакого разрешения, я осмеливаюсь препроводить у сего записку, означающую время, когда сделаны мною представления, и надеюсь, что по справедливости, отличающей вас, вы изволите обратить на нее внимание, ибо нет причины, если я не сохранил прежнего Вашего ко мне благорасположения, чтобы теряли от того мои подчиненные. Имею честь…

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 16. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Белый Ключ, 30 июня 1825

Любезный Николай Николаевич.

Все было готово, чтобы ехать к тебе рано поутру. Офицером осмотрена была дорога, выслана палатка к спуску от Беденей[1], но сегодня сильный дождь дорогу сделал без сумнения таковою, что мне случилось бы изломать руку или ногу. Итак, я отменил странствование и долго уже тебя не увижу. Не сердись, что обманул тебя обещанием.

Прощай. Душевно любящий *А. Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 7. Копия

МИХАИЛУ ПАВЛОВИЧУ[1]

Тифлис,11 июля 1825

Ваше имп[ераторское] выс[очество]!

Военно-судное дело Тифлисского артиллерийского гарнизона о прапорщике Водопьянове[2] на благоусмотрение В[ашего] и[мператорского] в[ысочества] имею счастие представить. Употребляемо это выражение потому, что жребий несчастного в руках великодушнейшего из судей! В[аше] в[ысочество] благотворить прилично! Несчастный, по долговременному служению, достоин воззрения; расторопностию, опытностью и хорошим поведением он полезен службе. Вместе с тем, В[аше] и[мператорское] в[ысочество], восстановите семейство его, чрезвычайно многочисленное; не разврат или злонамерение вовлекли его в преступление, но крайность, которой нередко и люди твердые противостать сил не имеют.

Прошу и о прочих, В[аше] в[ысочество], воздадите им суд по благости сердца Вашего.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 17. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис,12 июля 1825**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Отвечаю на письмо твое с Павловым от 13-го марта и кажется большего не надобно доказательства, как редка наша переписка и сколько на прежнюю не похожа. Мало верных случаев, с которыми бы писать было можно, и Красота собственным примером осторожности научил меня быть осмотрительным.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 27 июля», «Отвеч[ено] 21 сентября».

С каким удовольствием прочел я, что готовится дом на Трех горах и что в нем будет и для меня угол. Не заставлю я повторить о сем известия, ибо так велико мое желание им воспользоваться.

Надобно, друг любезнейший, чтобы когда-нибудь нас соединила жизнь свободная. Почему не желать нам жить для себя некоторое время? Ты, приведя в устройство твое имение, можешь еще возвратиться на службу, если наскучит тебе спокойствие. Умеренные лета твои допустят то сделать и, между тем, поправится потерпевшее здоровье.

Не в том я положении, ибо уже к старости клонятся лета мои, мне уже почти не принадлежит удовольствие. Не по силам были труды мои и утомление призывает болезни. Прошу Бога, чтобы без больших оскорблений мог я расстаться со службою.

Скоро возрастут дети и потребуют воспитания, вот в праздности мои занятия. Кажется, дают они хорошую надежду и не заставят жалеть о трудах, употребленных на них.

Ты не чувствуешь, какое благодеяние оказываешь мне, желая взять одного из сыновей[1]. Кому лучше могу я его вверить и чье великодушнее будет о нем попечение? Немалым почитаю я одолжением и то, что облегчен я буду в издержках, чего нельзя принимать по состоянию моему равнодушно, коего улучшить я средств не имею, ибо служба мне ничего не доставит.

Пособие, которое я от одного тебя принять соглашусь, даст мне способ без нужды воспитать других детей, и я, по справедливости, назову тогда себя счастливейшим человеком.

Воображаю, как гордо живу я на Трех горах, ибо ни в ком нужды не имею. Не думаю, чтобы трудно было расстаться с жизнью суетною, особливо как с нею вместе оставишь преследования досады и горести! Не отмени намерения твоего взять моего сына, это много меня успокаивает и утешает!

Нет мне времени самому смотреть за ним, а ты можешь поручить его кому-нибудь из людей, тебе приверженных, чего я сделать не могу. Я скоро еду на линию, увижу там Дибича, который давно уже приехал к водам, увижу Кикина и спрошу, что заставляет его куртизанствовать?

Брат Михайло, кажется, прекрасно обработал дела свои. У него все идет как по маслу, и он, конечно, доволен. Впрочем, он много делает хорошего! Разоряет управляемый им край война греческая[2], ибо пресеклась торговля. Дорого нам это стоит и впоследствии отзовется!

Здесь я сосед турок и слышу, что обстоятельства их не в лучшем положении. Бог, удалив от греков помощь царей христианских, взял дела их в свою опеку!

Павлов мой, приехав на линию, заболел и потому ничего не мог сообщить мне, и о тебе ничего я не знаю. Вижу из приказов, что ты объезжал управляемый тобою край и корпус. Вот все известия!

Я живу в тех же заботах и хлопотах, спорю с персиянами за границы и потому еще не на линии, где ожидает меня множество дел. Немного было у меня помощников, но мне еще дали Лисаневича[3], который самых обыкновенных понятий не имеет и после сего будут кричать, что я в делах не имею успеха. После смерти Сталя я просил о Денисе, но мне таким образом отказано, что

я и рта разинуть не могу более. Жаль, что его хорошо не знают и остаются его способности бесполезными.

Окажи мое совершеннейшее почтение милой хозяйке, я воображаю скучную жизнь ее в вечных льдах твоего края. Прощай, желаю тебе здоровья и успехов. До Трех гор прощай! Душевно любящий и верный *Ермолов*.

Слышу, что Тимковский[4] определяется к брату Михайле, жаль если о нем столько же мерзостей будет он говорить, как обо мне! Здесь он ничего не делал, не желал занятий, которые ему я предлагал, любил праздность, любил весьма вино, а после ругает, что он напрасно потерял много времени. Прекрасные свойства!

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 50–51

П. А. КИКИНУ

Тифлис, 12 июля 1825

Любезный и редкий брат! Давно слухи, что ты на водах и не было известия верного, но письмо от 21-го июня, вице-губернатором доставленное, весьма однако же медленно, удостоверило наконец, что воды наши напояют* существо редкое. Досадую, что проклятые дела меня здесь удерживают и что я уже не с вами. Еще более досадно будет, если только пред самым отъездом вас застану.

Благодарю за Воейкова, который уведомляет меня о благосклонном приеме ему, тобою сделанном, и о ласках, которых его удостоил. Справедливо заметил благороднейшие его свойства, и мы все таковым его знаем. Не знаю, почему не понравились тебе другие. Они имеют также хорошие стороны, хотя во многом не похожи на Воейкова.

Познакомься с Ребровым. Несмотря на странности человека без воспитания, ты найдешь в нем хороший, основательный ум и лучшие о крае сведения. Это живой архив. Догадываюсь, что Устимовича ты уподобляешь Тимковскому, но между ними есть разница. Первый не имеет тех гнусных свойств неблагодарности, которыми повсюду отличается последний. Впрочем, мне надобен человек, для службы годный, хотя бы ко мне и не имел большой нежности.

Устимович способен, и в должности мудрено быть усерднее. Нагибин флегма и не скоро понравится, но достоин уважения честностью правил. Сей выигрывает, когда короче узнают его!

Читал письмо твое к Роману Ивановичу[1] и удивляюсь не у места употребленному тобою выражению: «Славны бубны за горами»[2].

Кто прославлял их? Не у нас ли в любезном отечестве намерения и действия не могут быть представляемы в виде только противном, но по произволу, даже и в преступном? Не вы ли, господа, близкие Государю, в состоянии смирить клевету, чтобы она не раздирала невинного, и отвратить поражающие

---

* Так в оригинале.

его удары? Славу составляет общее мнение, у нас нет его и смеют ли обнаружить мнение, вопреки желания сильных?

Меня, кажется, давно уже предали порицанию, и если б я был лучше того, что я в самом деле, то тщетно было бы мое рвение! Нет в нас ничего славного, но принадлежит справедливое уважение терпению нашему, ибо мы без надежды на воззрение употребляем все усилия и все те способности, которые даны нам. Это истинный героизм!

Почему всюду не употребляете вы способнейших, вы, творцы существ необыкновенных, столько ими избыточествующие? Что может укрыться от прозорливости вашей всеобъемлющей?

Увидимся — поговорим! Прощай! Верный *Ермолов*.

Обеим сестрам мое искреннейшее почтение.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 521–522

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Тифлис, 12 июля 1825**

Любезный граф Михаил Семенович.

Искренно благодарю за письма, в которых вижу прежнее дружеское расположение. Любопытно описание занятий твоих и прекраснейшей страны, тобою управляемой. Слышу от посещающих нас о переменах, которые ты там сделал, и радуюсь, что возобновляешь внимание, которое начинало охладевать при твоем предместнике. Жалеть надобно, что смутные обстоятельства в земле соседней[1], уничтожая торговлю, следовательно, богатство края, лишают тебя больших средств.

Вижу из несносных пустыней рождающуюся Бессарабию, превращающуюся в землю населенную, прекрасную, благоустроенную; ты справедливо приобретешь имя творца оной. Должен бы я завидовать сему: ибо здесь, какие бы ни сделались улучшения, могут они отнестись к началам, положенным большим рядом моих предместников, и даже к самому времени, которое страна сия находится под владычеством России.

Явны будут труды твои; ибо собственно положение земли в отношении к соседственным, и Одесса, торговлею своею оживляющая полуденные области России, привлекают множество свидетелей оных. Но от Грузии отгоняет всех ужас и развеваемая на счет ее молва. Кажется, мы, русские, против нее в заговоре; ибо нет мерзостей, которых бы о ней не рассказывали. Кто посещает ее? Или проезжающий из Индии англичанин, который, конечно, не найдет ничего достойного внимания после богатств Индии, ее ужасного населения, изобилия, важных заведений и обширных предприятий правительства, частных огромных имуществ и капиталов, все преодолевающих. Посещают миссионеры, отыскивающие жидов для окрещения или заводящие школы для обучения азиатцев европейским языкам, дабы впоследствии изъяснить преимущества нашего закона пред мусульманским. Приедет ученый, посещаю-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 4 авг[уста] 1825».

щий Восток для изысканий сходства персидского языка с датским, дабы определить, который из двух народов первенствующий и давший бытие другому. Иверия[2] в древности не знаменита и едва ли была она лучше того, что теперь; а потому всякий спешит далее отыскивать сокровища Востока. Итак, что о нас вы узнаете или из календаря о существовании нашем?

Я заметил, что у нас обращается внимание на начальника, которому поручаются провинции в управление, а на самые провинции нет оного. Завтра будет здесь знаменитый человек начальником, сильный связями, и зашумят похвалы о Грузии; все будет в ней хорошо, все переменилось, следовательно, он сделал сие превращение и с какою магической скоростью, ибо вчера еще охуждали* несносную Грузию. Надобны звучные имена для начальников; имена, подобные моему, оскорбляют слух, ибо не находятся в списке знатных, из коих, естественно, призываются к занятию верховных мест.

Ты в письме своем упомянул о неприятелях, которых имеешь, и что их гораздо более, нежели у меня.

Должен я поистине чувствовать многие преимущества твои, но в сем случай я не хочу уступить тебе и, конечно, не покажусь дерзким. Ты проехал Москву, эхо Петербурга; теперь ты в сем последнем. Какие достойнейшие могу избрать доказательства справедливости слов моих? Произнеси имя мое и услышишь ли голос, защищающий в сумме порицателей?

Положим, что неприятелей число у нас равное; но возможно ли допустить равное число доброжелательствующих? На твоей стороне преимущества происхождения, имени, ознаменованного важными заслугами предков, средств, доставляющих связи и способы утверждать их, и даже множество приверженцев. Мне отказаны все сии выгоды!!!

Восхищаешь ты меня описанием Крыма, пролагаемой новой дороги в прелестнейшую часть оного. Ты знаешь Грузию и согласишься, что мало мест, подобных красотою полуденному берегу Крыма. Все, что близко к морю, у нас самое худое. В отдалении от моря *Кабарда* и *Черные*, так называемые горы, точно составляют чрезвычайно красивую сторону, соединяющую все, что приятно с величественною природою Кавказа. Ты верно не в том смысле, как я, принимаешь предложение доставить мне небольшую дачу на полуденном берегу. Я просто принимаю за величайшее одолжение и с такою деликатностию сделанное, которая может быть одному тебе свойственною. Избери по своему вкусу; но если только что прикажешь построить или завести сад, то чтобы было по моим средствам, то есть чтобы было самое умеренное и даже несколько скудное.

Слышу, что ты надолго едешь в Англию; уведомь. Посылаю письмо Мазаровича[3] с примечаниями его на холеру.

Верь душевной привязанности моей, которая всегда одинаковая и вечная.

Алексей Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 99–100 об.

---

* Так в оригинале.

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 12 июля 1825

Почтеннейший Александр Васильевич.

Давно уже известна мне последовавшая с тобою перемена, с которою поздравив тебя, мог бы поздравить и самого Государя, ибо подобный выбор есть свидетельство мудрости его и прозорливости[1].

Место занимаешь ты важное, ибо посредством твоим многие истины достигнут престола, и глас страждущего или утесненного услышит Государь благотворить любящих.

Прошу Бога подкрепить труды твои и утвердить тебя в прежних наклонностях сердца твоего, готового желать добра и его делать.

Восхищает меня мысль, что в новой должности твоей еще лучше тебя узнают. Радуюсь от души, что долго противная тебе судьба, наконец, обращат[ь]ся к тебе начин[ает].

Она должна вознаградить претерпенное тобою с такою твердостию, которая не каждому знакома.

Письмо твое от 10 марта, которое отдал ты майору Павлову для доставления ко мне, не прежде дошло как в половине июня, почему доселе на оное я и не отзывался.

Оно утверждает меня изображением хорошего положения твоего семейства. Пристрой Петра к военному министру[2]. Довольно познакомивши с фронтом, что впрочем, необходимо, небесполезно обратить его к другим по службе занятиям. Будучи при министре нетрудно найти оных. Таким образом, положится хорошее основание его карьере и пройдет он малой [степенью], с котор[ой] неразлучны мелочные и неприятные заботы.

Владимир, примечательный из юношей, давал большие надежды, и нет сумнений, что успехи в науках дадут ему и в службе большие преимущества. Жаль, что он в квартирмейстерской части, ибо род сей службы, весьма льстящий молодому офицеру, не представляет в дальнейшем больших выгод или для достижения оных надобно переменить его, что не всегда легко быть может. Хорошо, что при производстве его оставляют в Петербурге, ибо в пылкой молодости первые чувства свободы должны быть направляемы попечительному надзор[у]. Кто лучше отца даст молодому человеку наставление, чей пример может быть поучительнейшим.

Пусть для счастья их дети твои наследуют твои чувства и правила!

Вижу с радостию, как утешает вас положение Софьи Александровны, истинно вас достойной, и приятно мне мысленно любоваться ее к вам нежностию.

О себе скажу, что я здоров, и кажется вечные труды и заботы необходимы для поддержания сил моих, но уже начинаю чувствовать приближающуюся старость. Не по уменьшению усердия и даже некоторой пылкости могу я замечать то, но не с тою смелостию приступаю я к предметам, и те трудности, на которые прежде пускался я решительно, ныне меня устрашают. Словом, я скоро буду совсем не годен для службы и соглашусь с теми, которые таковым уже меня представляют. Не преодолеть мне всех завидующих и враждующих мне, которые каждое из благонамереннейших действий моих преврат-

но из[ворачи]вают. Нельзя не знать мне, сколько у меня неприятелей и что за молва обо мне. Прощай.

Верный по смерть *Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 92–99 об.

П. А. КИКИНУ

Владикавказ, 30 июля 1825

Любезный и редкий брат Петр Андреевич! Со мною должны встречаться все странные случаи и все, что неприятно.

Не в сем числе должно быть возмущение чеченцев и горских их соседей, ибо здесь это довольно обыкновенно, и если бы жив был отличный генерал-майор Греков[1], то все было бы приведено в порядок, и мне не нужно было бы самому туда ехать, следовательно, я застал бы тебя на водах, хотя один или два дня, но надобно, чтобы судьба во гневе дала мне генерал-лейтенанта Лисаневича, который, по чрезмерной ограниченности своей, думал, что он все лучше других знает, и потому, не следуя мнению Грекова, человека умного, дальновидного и опытного, взялся сам распоряжаться всем.

Правда, что как человек храбрый, он решился с горстью войск напасть на многочисленных мятежников, разбил их и рассеял, но не хуже его сделал бы то же и генерал-майор Греков, но вслед за сим совершенным успехом, который давал выгодный делам оборот, он умел бесполезно и без нужды попасть на кинжал злодея.

Вызвавши к себе жителей города Аксая, явно изменивших нам и участвовавших в нападении на укрепление Герзель-Аул, от коего с уроном отбиты были мятежники, он, выговаривая им в измене, вздумал взять главнейших виновников. Не мог отклонить его Греков, представлявший, что не прилична мера сия и не время еще употреблять строгость и розыскания, он не послушал. Двое преступников, вызванные из толпы, предстали с покорностию, но когда взяли третьего, он бросился на Лисаневича с кинжалом и его ранил смертельно, Грекова же убил одними ударом. Истребили убийцу, но это не заплата за достойного Грекова!

Увидя происшествие, прочие аксаевцы бросились бежать, но ожесточенные солдаты, возбужденные сверх того приказанием Лисаневича колоть их, истребили их наполовину, большею частью обезоруженных. Прекрасные и благоразумные действия Лисаневича. Я, в донесении Императору, ничего по обыкновению не скрывая, признался, что еще один на линии начальник, подобный Лисаневичу, и дела наши надобно будет исправлять немалыми пожертвованиями. Просил я сюда Дениса Давыдова, но мне не раз отказали, думая, что в сорок лет он такой же повеса, каковым был в молодые лета, хотя и тогда он им не бывал для того, кто коротко знавал его.

Государю нельзя знать всех генералов, и потому назначил он Лисаневича, которого, верно, хорошо ему рекомендовали. Если бы знал он, что могущественный Дибич, желая избавить друга своего, генерала Рота[2], от Лисаневича,

совершенно бесполезного, представил его для помещения на линию, думаю, не был бы доволен.

Желая мне вредить, не надобно вредить службе Государя!!!

Не станет меня, друг любезнейший, если бы даже и более был я способным, когда таких будут давать мне помощников и когда я только то и должен буду делать, что исправлять их ошибки. От меня нельзя требовать свыше сил моих, а я не стыжусь признаться, что мне, по неблаговолению сильных, делается затруднительным мое положение.

Ожидаю, что дела здешние будут разглашениями доведены до Государя в прекрасном виде и, конечно, далекие от истины, и во всем обыкновенно должен я быть виноват один. Государь также должен будет верить, как и добродетелям Лисаневича, и меня ожидает приятная перспектива.

Надобно быть моего характера, чтобы не терять доброй воли к службе, и я могу уверить тебя как редкого моего друга, что зная вымышляемые на мои счет мерзости, я берусь всегда за дело с духом свободным и тою деятельностию, которую ничто не умерщвляет.

Иду к чеченцам, всюду бунт, все под ружьем и давно на меня готовятся кинжалы. Но со мною мое счастие и знаю, что Бог поможет мне все по желанию кончить.

Девять лет знакомства с краем, беспрерывная подвижность, знакомая здешним народам, дает мне большие средства. Не порадуются виновные моему посещению и знают, что тогда беда, когда появлюсь я кротким!

Смените меня другим начальником и увидите, что не те еще будут обстоятельства. Умнее меня недолго пробудет здесь, ибо надобен будет в важнейшем месте или будет чувствовать, что имеет на то право и не согласится по-моему мучиться здесь.

Если же мне подобный или, может быть, несколько и слабейший, то нет причины, чтобы лучше управил он делами.

Я, не шутя, ожидаю смены, которая, может быть, и потому нужна, чтобы дать место кому-нибудь из клиентов людей могущественных!

Как бесит меня то, что я тебя не увижу и, будучи в таком уже близком расстоянии, но в сем случае знаю, что мы одинаковых чувств, то есть, что, во-первых, должны идти обязанности по службе, а там друзья и дела посторонние!

Досадно также, что не увижу сестры моей, которой бесподобная жена твоя, по дружбе и по милости, доставила случай быть на водах.

Поцелуй ручку Марии Ардалионовны. Прощай! Верный *Ермолов**.

Не найдешь ли ты за нужное сберечь письмо мое и показать его Самому[3], как ты то сделал один раз, когда писал я об аренде брата моего[4] и жаловался на министра Гурьева[5].

Уведомь меня, сделаешь ли или не почитаешь нужным?

Выставь на вид то, что я с тобою не видался!!!

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 522–524

---

* Далее — особая записка.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Тифлис — Владикавказ, июль 1825]

Рад очень, что рана твоя хороша, как сказывал мне Устинович и что вскоре можешь ты излечиться. Я не писал прежде, ибо нечего было сказать о действиях наших.

Все разбежалось, попряталось и никогда не было труднее получить аманатов, как теперь, ибо не от кого и требовать и не кому отдавать их. Бежавшие селения, то есть все, так рассеялись, что не более семейств по девяти вместе. Пророк на войну собрать никого не может!

До перехода в Айду не было одного ружейного выстрела. — На дороге к Гили ожидаем что драться будут.

Прощай, любящий тебя брат

Ермолов.

Шимановский изменил, однако же я благодарен, что он с тобою остался и не дает тебе умереть со скуки.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 2. Копия

А. П. ПАВЛОВОЙ И М. А. КИКИНОЙ

Крепость Грозная,14 августа 1825

Вижу из письма твоего, милая сестра Анна Петровна[1], что беспокоит и напугала тебя болезнь моя и что даже готовилась ты ко мне ехать. Сколько ни был бы я рад тебя видеть, но жалел бы о труде твоем, ибо, конечно, не более суток случилось бы пробыть нам вместе.

Гораздо до письма сего возвратится к вам Николай[2], следовательно, и говорить тебе о здоровье моем нечего, а только то могу добавить, что довольно скорый марш и один день весьма знойный ни малейшего влияния на него не сделали, и мне кажется, что только движения одного недоставало для совершенного выздоровления.

Итак, прошу тебя не беспокоиться нимало, ибо уже нет во мне и признаков болезни, а только оставила она мне талию стройную и прелестную, которою хвастаю я, конечно, не пред прекрасным полом, но пред окружающими меня, из которых, к счастию, нет ни одного красавца.

Прощай, мой друг, прошу Бога, чтобы дал тебе здоровья и душевного спокойствия.

Верный брат *А. Ермолов*

А вы, милая сестра Мария Ардалионовна, хотя и бранитесь со мною, но пожалели-таки о болезни моей. И тут вы последовали вашей непеременяющейся справедливости, ибо, если ни на что я уже не гожусь, как говорят многие, но могу быть добрым и постоянным приятелем. По словам вашим, спущусь с гор, но скажите, где, наконец, вы спокойно жить будете? Я спущусь в это мирное и счастливое обиталище редких друзей моих и буду уметь проститься с ложными мечтами, которые, гнездясь в пустой голове моей, довольно до поздних дней, удалили меня от настоящего счастия. Не правду ли сказал, что я pauvre sire*?

---

* Ничтожный человек (*фр.*).

Но что же заключить должно о тех, которые и таковому завидуют положению? Сюда точно думают ездить на царство, и сии то цари, предместники мои, заставили меня вести жизнь кочевую и оставили столько забот; что многие из наследников моих с ними не сладят. С трепетом смотрю на письмо ваше, вы сказали в нем то, что надобно было скрывать под непроницаемою тайною. Вы от богатырской воды всякий день были пьяны. Прощай, источник несравненный, единственный! Исчерпают его вице-губернаторы вместо простой воды, которою доселе наделяли les amateurs* государственного напитка. По скупости, которую находит во мне брат Петр Андреевич, я не прочь удалить посетителей вод, а их отдать на откуп. Как будут благодарить меня! Тогда я истинно прославлюсь, а вы, господа, наполовину приезжающие здоровыми, довольствуйтесь горячими и другими водами, пока еще не открыли мы в них подобных свойств заменять государственный напиток. Вероятно, что люди искусные не оставят их без точнейших исследований! Вы милостивы к сестре моей, покажите ей письмо мое, и она уверится, что я здоров, ибо больному редко можно бывает с такою свободою написать столько много вздора.

Между тем, прощаясь с богатырскою водою, выпейте ее на здоровье! Может быть, поможет и чистосердечное мое желание.

Душевно преданный *А. Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 524–526

П. А. НАГАТКИНУ[1]

[Крепость Грозная], 25 августа 1825

Милостивый государь, Петр Александрович!

Незадолго пред выездом моим из Тифлиса писал я к Вам откровенно, что способ, которым Вы думаете командовать полком, не делает его хорошим, не приобретет Вам привязанности подчиненных.

Хочу верить, что г[осподи]н бригадный командир[2] не прав против Вас, но это не препятствовало Вам быть исправным по службе — не было причины сидеть полгода запершись и знать полк по одному цвету эполетов.

Вы никого не знаете в полку и окружены малым числом не самых лучших офицеров. В лагере стоит батальон и более не знают, существуете ли Вы. Вы приказываете привести к себе роту и к ней выходите в шлафроке и туфлях.

Давно отвлекаемы будучи особенными должностями, Вы оставили или не приобрели навыка командовать полком и рискуете подвергнуться весьма невыгодным следствиям или отрешению от командования.

Из всегдашнего поведения моего в отношении к Вам не имеете Вы причины сомневаться, чтобы не желал я всякого Вам добра, но я решаюсь дать Вам совет оставить службу, требующую большой деятельности, нежели к какой Вы способны: оставить полк, который в короткое время Вашего в нем жительства приходит в упадок и не избежит совершенного расстройства, а избрать род службы, который бы представлял Вам более спокойствия. Теперь, по случаю, что полк еще не принят, Вы не подвергаетесь затруднениям сдачи, а приближающийся сентябрь представляет удобность к перемене службы.

---

* Любителей (*фр.*).

Ожидаю неудовольствия Вашего и, может быть, несправедливых порицаний, но терпеливо снесу их; ибо, сделав ошибку в выборе Вам по службе должности, по крайней мере, не допущу большего от этого вреда.

С совершенным почтением имею честь быть

А. Ермолов.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 13–13 об. Копия;
ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 7 об. – 8. Копия

К. К. КРАББЕ

[Крепость Грозная], 25 августа 1825

Милостивый государь Карл Карлович!

Не мог я прекратить доверенности моей к Вашему превосходительству, ибо служба Ваша и образ правления приобретают по справедливости оную. Не должен скрыть от Вас, что имел причину досадовать, ибо при первом появлении в полку подполковника Нагаткина Вы обращением своим с некоторыми офицерами, оказавшими ему неуважение, довели их до дерзости, даже до неповиновения.

Не стану утверждать, чтобы г[осподин] Нагаткин был отличный из полковых командиров или бы имел для службы редкие способности, но надлежало обнаружить недостаток сих последних, а не возбуждать против него явное непослушание. Каков бы он, впрочем, ни был, ему не может быть предпочтен алчный разбойник[1], ограбивший Левенцова[2]. Не понимаю, как до сих пор не сделали вы расчета по приему полка и не хотите избавиться скорее [от] разбойника, которого пребывание между другими вредно. Простите мне, Ваше превосходительство, откровенность мою, коею собственно доказываю я уважение мое к Вам и доверенность, на которую Вы имеете все право.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть *А. Ермолов*.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 7. Копия

Г. А. СЕРГЕЕВУ

*[Крепость] Внезапная, 12 сентября 1825, 7 часов утра**

Григорий Алексеевич,

ночью получил записку Вашу, которая подтвердила совершенно мои догадки. Но в крепости здешней слышали рано даже ружейные выстрелы, чему трудно поверить, ибо мошенники, которые здесь прятались по лесам, не пойдут делать нападение на укрепление.

Вы обо всем уведомите меня обстоятельно, и я полагаю, что без всякого затруднения можете доехать до Герзелиаульского укрепления.

Майора Муссу-Хасаева[1] доставьте безопасно домой и скажите ему от меня, чтобы послал людей в *качкалыковские деревни*, дабы успокоить народ и удер-

---

* Помета Г. А. Сергеева: «[Получено] 12 сентября 1825, в 12 часов утра».

жать на жительстве. Вы увидите по числу неприятеля, можно ли Вам, не подвергаясь опасности, идти далее Герзели-аула, ибо я желал бы, чтобы чеченцы не принудили жителей селения *Хошгельды* бежать в горы. Это желание мошенников и сему возможно помешать, если Вы покажетесь с конницею близ селения, майор Пантелеев может выслать 200 егерей и два орудия версты на две от укрепления. Мусса имеет там людей, и жителей можно будет успокоить[2].

А. Ермолов

ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 17. Л. 3

А. П. САПОЖНИКОВУ[1]

[Кавказская линия], 21 сентября 1825

М[илостивый] г[осударь], Алексей Петрович!

Государь Император, как думать надобно, изволит осчастливить Астрахань своим посещением[2]. После трудов, которые для того предпринимать изволит, обязаны мы помышлять, какое доставить Ему удовольствие во время отдохновения его от оных.

Среди увеселений Император никогда из виду не упускает пользы — и я знаю, что ему приятно будет видеть знаменитейшее купечество, обогащающее государство просвещенною своею деятельностию, мерами благоразумного распоряжения, тонкими расчетами торговых оборотов.

Между таковыми, по справедливости, вы должны занимать место из первейших, и мне приличествует отнестись к Вам с тем, чтобы Вы пригласили российское в Астрахани купечество дать Государю праздник. Я бы думал, что лучше всякого другого праздника был бы завтрак, на котором находились бы все знатнейшие чиновники, и в особенности все известнейшие особы из торгующих иноземцев всяких вообще наций.

После Императора Петра Великого первый Государь удостаивает воззрения Астрахань — их царствования сходствуют великими делами, одно попечение о благе Отечества.

Петр I дал бытие торговле астраханской; во время царствования Императора Александра достигла она блистательной степени. Вам, господа, споспешествующим полезным видам его, приличествует изъявить ему чувства Ваши за благосостояние, которым наслаждаетесь по его трудным попечением.

Уведомьте меня, что Вы заблагорассудите сделать по моему приглашению, и если что имеете в намерении другое, прошу не стеснять себя моим предложением.

А. Ермолов

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 9–9 об. Копия

К. К. КРАББЕ

[Кавказская линия], 22 сентября 1825

Милостивый государь, Карл Карлович!

Входя в положение Апшеронского пехотного полка, я вместе с сим представил о переводе в оный одного известного мне хорошего штаб-офицера,

который должен быть назначен баталионным командиром, по сему я прошу Ваше превосходительство до перевода его в сей полк не представлять к утверждению в баталионные командиры произведенных в майоры в сей полк г[оспод] Шепелева[1] и Ребинина[2]. Майору же Войнову[3], коему отказано мною от командования баталионом, по наступившему удобному времени для подания прошений, предложить оставить Отдельный Кавказский корпус, ибо я не должен скрыть мнения своего, что кроме дурных его поступков, деланных в Кубе, поведение его и в 44-м егерском полку не было одобрено, а в действиях против неприятеля, несмотря на величественную его фигуру, доказал, что храбрость свыше его понятий.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 14. Копия

Г. А. СЕРГЕЕВУ

*[Кавказская линия], 6 октября 1825**

Григорий Алексеевич.

Сего дни я буду у Вас и сего дни отправить хочу в Герзели-аул за пушками, а потому прошу приготовить 500 человек апшеронских, все Ваши четыре орудия и 200 казаков.

Чтобы готовы были пришедшие из Внезапной роспуски и арбы. Отряд сей выступит, когда я прибуду, не прежде[1].

Алексей Ермолов

ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 17. Л. 5

Г. А. СЕРГЕЕВУ

[Кавказская линия], не ранее 6 октября 1825

Дайте знать, Григорий Алексеевич, что у Вас происходит, ибо слышны пушечные выстрелы. Удалось ли Вам сделать вред мошенникам?

Завтра откройте, что делается в Герзели-ауле или Аксае.

Будьте осторожны.

А. Ермолов

ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 17. Л. 9

П. А. НАГАТКИНУ

[Кавказская линия], 20 октября 1825

Милостивый государь, Петр Александрович.

Только что получил письмо Ваше, на оное ответствую.

По беспокойным в здешнем крае обстоятельствам я постоянного места пребывания не имею и потому не могу согласиться, чтобы Вы сюда приехали, впрочем, нет в том и нужды ни малейшей, ибо по службе между Вами и мною ничего не может быть столько тайного, о чем бы Вы не могли написать офи-

---

* На обороте письма адрес: «Господину полковнику и кавалеру Сергееву на Таш-Кичу».

циально. Если же хотели Вы доказать мне неосновательность заключений моих насчет командования Вами полком, то я признаюсь Вам, что трудно было бы заставить меня переменить мнение, что Вам гораздо более приличествовать может служба, меньшей деятельности требующая. Вы, однако, [не] хотите приметить, что отвлекаемы будучи разными должностями, Вы не приобрели навыка командования и полк под начальством Вашим не будет в том состоянии, которого не могут не желать при всей умеренности моих требований. Не пренебрегайте моим советом, который обязуюсь я повторить, дабы избегнуть больших неприятностей. Вы поверите, что я тверд[о] решился не отстать от сего предложения и готов под порицание, которым Вы многих так легко наделяете.

Имею честь быть с отличным почтением и проч[ее].

[Ермолов]

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 8–8 об. Копия

К. Ф. ОЛЬДЕКОПУ[1]

[Таш-Кичу], 11 ноября 1825

При Воронежском пехотном полку находится под судом Александрийского гусарского полка корнет Ефимович, коего родной брат, подполковник Ефимович[2], отличный офицер, служащий в Кавказском корпусе, просит ходатайства моего об ускорении решения судного дела.

Не зная обстоятельств дела, я не оправдываю, хотя, впрочем, не решаюсь думать, чтобы молодой весьма человек при первых шагах своих на службе мог сделать какое-то преступление, которое бы требовало исследования нескольких годов.

Я прошу покорнейше, Ваше превосходительство, великодушного внимания на участь сего несчастного молодого человека и скорейшего окончания судного над ним дела. Я не сомневаюсь в успехе просьбы моей, ибо я взываю к справедливости Вашей. Вы одолжите чувствительно старого некогда сослуживца.

Имею честь быть и проч[ее].

[Ермолов]

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 8 об. Копия

И. И. ДИБИЧУ

[Таш-Кичу], 13 ноября 1825

Барон Иван Иванович,

вместе с сим представляю к Вашему превосходительству о[б] исходатайствовании некоторых наград несчастным Ширванского полка, поступившим на службу по особенному желанию из отставленных от службы офицеров, и покорнейше прошу Ваше превосходительство оказать Ваше содействие, чтобы представление сие было уважено. Я могу уверить Ваше превосходительство, что те, о которых я теперь ходатайствую, по всей справедливости заслуживают милостивого воззрения Государя Императора как хорошим поведением своим, так и усердием к службе, каковую несут совершенно наравне

с солдатами, и не скрою от Вашего превосходительства, что многие из них терпят несправедливо от пристрастных прежних своих начальников аттестаций, как например, унтер-офицер Вульф, о котором Вам известно из прежней переписки моей. Сей молодой человек весьма далек от всего дурного. Обратите, Ваше превосходительство, внимание Ваше на сих несчастных. Я уверяю совестию, что они оного заслуживают, и я прошу справедливости. В ожидании благосклонного отзыва Вашего превосходительства я с совершенным почтением и таковою же преданостию имею честь быть и проч[ее].

[Ермолов]

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 8 об. Копия

П. А. КИКИНУ

Кавказская линия, 13 декабря 1825

Любезный и редкий брат Петр Андреевич! Давно мы ведем себя прекрасно, ты совсем забыл меня и не пишешь, я, полагая тебя в разъездах, в свою очередь, письмами тебя не беспокою. Наконец решаюсь.

Три скучных месяца занимавшись построением укреплений, проживши в лагере до порядочных заморозков, приехал я поближе к Кабарде, чтобы взглянуть пристальнее на возгоревшийся там мятеж, по счастию, скоро ослабевший, дожил я до того, что пришло внезапное известие о кончине Императора[1] и теперь привожу я к присяге войска новому Государю.

Помня заботы твои о минеральных водах, вызвал я сюда архитектора[2], обо всем собрал нужные сведения и, благодаря деятельности майора Павлова, увидел лучший порядок в строительной комиссии, успешное заготовление для предстоящих весною работ и надеюсь, что при нем все примет другой вид. Помню замечания твои об украшениях, поистине необходимых, ни против одного из замечаний не возражаю и с приятностию приступил бы к исполнению, но связывает руки неловкость, с которою я к тому приступаю.

Не остановлюсь признаться тебе, что ты не совсем не прав, упрекая мне бережливостью и что даже может оная иногда быть не у места; но нередко не из видов бережливости боюсь я издержки, а просто не умею приняться за вещь и в понятии моем недостатки здесь средств делают приступ страшным.

Позвольте, милостивый государь, почтительно вопросить вас, какое право имеете вы требовать утонченной разборчивости, изящного вкуса от солдата, проводившего лучшую часть жизни на отдаленной границе или в болотах и лесах, или постоем в корчмах жидовских? В понятии такового, удобства заключаются в тесных пределах, а роскошь и прихоти голова не вмещает. Знаю из рассуждения, что в некоторой степени оне привлекательны и уже сделались потребностию, но предоставь мне приуготовление оных, и, конечно, должен выйти вздор. В разведении садов, простригу я деревья в виде рыб и зверей; посажу плакучую иву на сыпучем песке, а крыжовник у журчащего источника; беседки размещу, как почтовые дворы. В убранстве комнат сделаю преступное соединение цветов. У меня древний люстрин[3] займет место нежной ткани, восхитит прочностию гродетур[4]. Никто не смей упомянуть о мебелях новейшего вкуса, везде будут у меня канапе и комоды. Вспомню, что римля-

не не едали сидя. Вместо канделябров, жирандолей, всюду паникадила! Курю комнаты росным ладаном и, изредка, стираксом[5].

Доволен ты готовностью моею блеснуть роскошью и все употребить обворожения, чтобы привлечь к водам посетителей? Если же ты в состоянии придумать что-нибудь лучшее, то, не укоряя меня в недостатке вкуса, пришли хорошие рисунки, внятно напиши наставление, как приступить к тому, куда адресоваться, чтобы по незнанию не быть обманутым и чтобы не насмешить невежеством.

Помоги твоею заботливостию, твоею неподражаемой волею, стремящеюся к улучшению всех вообще предметов. Я от души поблагодарю тебя как брата и друга, и ты за меня краснеть не будешь! Знаю, что милая сестра Мария Ардалионовна довольна будет моим описанием и порадуется об усовершенствовании моего вкуса и успехах в просвещении, за что целую ее ручки. Прощай! Верный по смерть *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 526–527

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Кавказская линия, 13 декабря 1825**

Почтенный и редкий друг Арсений Андреевич.

Не имея случая, не отвечал я тебе на последнее письмо, теперь, пользуясь отъезжающим фельдъегерем, скажу несколько слов. В конце июля выехал я из Тифлиса, в начале августа был болен без всякой надежды и отказался от всяких лекарств, ибо не было спасенья кроме Бога, и я выздоровел! Едва поднявшись на ноги, я пустился против мятежников[1]. Не было почти никаких дел, а я и выстрела не слыхал до сего дня, но присутствие главного начальника, с которым здешние народы предполагают всегда ужасные ополчения, беспрерывные движения, к которым понуждали меня весьма небольшие мои силы и чего мятежники не разумеют, заставили их смириться и обуздали их предприимчивость. Явившийся между ими пророк[2] потерял много доверенности и перестав прорицать успехи, сделался по-прежнему дурак дураком!!

Недавно начавшаяся худая погода обратила мои легионы под крышку на Кавказскую линию, однако же ненадолго, ибо вскоре намереваюсь идти не для усмирения уже, но для наказания.

Что делать будут чертоги, на Трех горах устроенные, где по дружбе назначал ты мне уголок. Думаю, обстоятельства изменят твои намерения, и мы Бог знает когда увидимся. Но ты не изменишь дружеского твоего ко мне расположения и великодушного намерения взять одного из сыновей моих на воспитание[3]? Он не опоздал, ибо ему недавно только пять лет, но хочу я в будущем году его отправить. Не знаю, как ты пристроишь его и кому поручишь на руки? Нет ли у кого из друзей твоих учащихся детей, вместе с ними было бы всего лучше, но тебе не должно забыть, что мой сын не имеет моей фамилии, ибо жаль было бы, если бы с самого младенчества почувствовал он пренебрежение к нему.

Мало людей, чуждых предрассудков!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 28 декабря 1825», «Отвеч[ено] 11 марта».

Подумай о сем как друг мой добрый и постоянный!

Ты спрашиваешь о роде воспитания. На сие скажу в ответ: пусть имеет хорошие правила и будет честный человек. Надобно твердить ему, что происхождение его и бедность одни могут вознаградить достоинство и способность. Один для него путь — служба военная! Детям буду просить дворянское достоинство: многим дали оное, неужели откажут мне одному.

Приближающаяся старость истолковывает обязанность ускорить их образованием, ибо, кажется, сие одно останется наследие.

Принеси мое совершенное почтение милой хозяйке Аграфене Федоровне.

Будь здоров и благополучен. Прощай!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 52–53

А. В. КАЗАДАЕВУ

[Екатериноград], 13 декабря 1825

Давно почтеннейший друг, Александр Васильевич, не имею я о тебе никакого известия и сам не писал к тебе.

Теперь скажу о себе:

В конце июля оставил я Тифлис, вызван будучи разными на Кавказской линии неприятными происшествиями; долго таскался по разным местам и весьма недавно суровая начавшаяся погода загнала меня под крышку. Теперь я на Кавказской линии и весьма скоро опять начинаю движение.

По дружбе ко мне не огорчайся могущими доходить до тебя слухами. Их рассеивают недоброжелательствующие мне и, по большей части, не основательные, до того даже, что я или убит, или ранен беспрестанно.

Впрочем, я уже привык к сим слухам, а жалею только о том, что изыскивая мне делать вред, нередко дела хорошие, представляют в обезображенном виде.

Уведомь меня, любезный друг, о твоих домашних, все ли они здоровы, как служат твои молодцы и что Владимир, которым любовался я с самой его юности.

Прощай, люби меня по-прежнему.

Верный по смерть *А. Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 100–100 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Екатериноград, 19 декабря 1825

Письмо твое, почтеннейший брат Михайло Семенович, доставлено мне верно, но жаль, что посланный мой скорым отъездом своим не дал времени уведомить меня подробнее. Можешь представить, сколько неприятно жить близко и не знать ничего и даже того, что по обстоятельствам нужно знать скорее многих других[1]. Дабы отклонить разные догадки, посылаю расторопного человека, чрез которого все можешь написать с доверенностию. Он снабжен паспортом, который приказано предъявить начальству.

Сделай дружбу, любезнейший брат, поспеши обо всем меня уведомить. Податель письма сего, под видом отпуска, послан собственно в твое распоряжение, которого возвратишь по твоему благоусмотрению.

Объясни те странные слухи, которые начинают распространяться и о которых даже подумать неловко. Ты знаешь, что, не имея ни с кем переписки, я долго останусь в совершенном неведении, которое ты один разрешить можешь, имея вернейшие известия.

По отправлении тела покойного Государя и по выезде всей свиты, я полагаю, ты не далее провожать будешь как до границы управляемых тобою областей, где по обстоятельствам пребывание твое, конечно, необходимо; а потому после можешь присылать ко мне нарочных до Ставрополя на имя *командующего войсками на линии генерал-майора князя Горчакова*, который извещен, куда мне доставлять их.

Спешу, и писать более нечего.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 101

Я. М. ТИХОЦКОМУ[1]

[Кавказская линия], 2 января 1826

Милостивый государь Яков Михайлович!

Получил письмо Ваше. Отпуск на 8 месяцев, Вы сами знаете, что без высочайшего разрешения Вам предоставить невозможно, и, конечно, Вы согласитесь со мною, что и невыгодно Вам иметь оный не старшему уже по Вас штаб-офицеру, но настоящему уже начальнику полка, которого я на место Вас назначу; следовательно, лучше теперь же кончить сдачу с настоящим командиром, нежели со временным, который, зная, что по чину не может он командовать полком, принимать его будет с излишнею, невыгодною, может быть, для Вас, осторожностию. Жаль, что не могу дать Вам полного числа денщиков для сопровождения Вас, но весьма легко позволить двум таковым отправиться с Вами до места. Итак, сожалея об обстоятельствах, побуждающих Вас оставить службу, я думаю, что нет другого средства заняться устройством домашних Ваших дел, и надобно прислать прошение в отставку.

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 9. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Кавказская линия, 12 января 1826**

Любезный друг Арсений Андреевич.

Проживая на Тереке, в казачьей станице, в глуши ужаснейшей, конечно, не о чем писать тебе, но пишу для того, чтобы сказать тебе, что я здоров, и сим отвратить какие-нибудь изобретательные на мой счет слухи.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 1 февраля 1826», «Отвеч[ено] 11 марта».

О нас обыкновенно говорят, что мы все вырезаны, все истреблено и линии уже не существует. Я в короткое время по нескольку раз убит или ранен.

Могут тебя по дружбе подобные слухи беспокоить, и если ты в десятую поверишь долю, то уже довольно будет по рассказам!

Я, шатавшись более трех месяцев, как будто для того возвратился на линию, чтобы услышать о кончине Императора и в то время, когда предупрежден будучи многими известиями, что Императрица Елисавета Алексеевна намерена приехать к минеральным здешним водам, послал я в Таганрог нарочного с письмом к князю Волконскому[1], дабы в том удостовериться и успеть сделать нужные к весне приуготовления. Представь, как должно было поразить внезапное известие!

С братом Михайлою давно мы взаимно замолкли, но ему, конечно, немало было хлопот по случаю печального происшествия в областях его управления. Спасибо Свиньину, он пропечатал, что для меня купил он дачу в Крыму и в прекрасном местоположении. Писатель обнаружил его деликатность и, может быть, лишил удовольствия сделать какой-нибудь *сюрприз*!

Примечаешь ли ты, любезный друг, что совсем не воображая, делаюсь я обладателем разных увеселительных зàмков. Таковой, и также в Крыму строит мне Попов, и помнится о намерении и на Трех горах устроить для меня пребывание. Не знаешь ли ты чего-нибудь о сем? Признаюсь, что довольно выгодно иметь столько попечительных приятелей! Доселе распоряжаю[сь] я чужими средствами, своей собственности не имея, кроме той, в которой ты со мною обещал поделиться, и распоряжаю[сь], кажется, довольно благосклонно!

Прощай, поклонись от меня милой хозяйке. Когда мы увидимся?

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 54 об.—55

В. А. БУЛГАКОВУ

[Кавказская линия], 17 января 1826

Милостивый государь Василий Алексеевич.

Хотел бы, согласно желанию Вашему, по прибытии подполковника Швецова[1] умедлить принятие им полка, но это был бы первый случай, противный тому порядку, которым я руководствовался доселе, и нахожу, что он был бы весьма вредным для службы. Во время беспокойств и приближения весны, вместе с которой беспокойства те возрастут без сомнения, г. Швецов не может иметь одного начальствования над кордоном и управление делами Кабарды и полк оставить в команде Вашей. Это было бы вредным поводом к беспорядкам. Вы простите мне также, что сдачу для Вас полка не нахожу я затруднительною, ибо известно мне, как Вы принимали оный от г[осподина] Подпрятова[2], и даже знаю, какие Вы имели расчеты с ним в последний раз в Екатеринодаре, где я находился.

Я не думал бы, что после того Вы изволите вызваться с подобным предложением, выставляя Ваши затруднения. Имею честь быть с отличным почтением и проч[ее].

ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 9. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Крепость Грозная, 25 февраля 1826**

Почтеннейший и редкий друг Арсений Андреевич.

Душевно поздравляю тебя с полученною от Государя наградою[1], восхитительна подобная справедливость, когда не забыты многие другие.

Не менее рад, что есть причины, долженствующие удержать тебя в службе, чего всегда я желал для пользы оной.

Я здоров, таскаюсь по чеченской земле, наказываю злодеев за гнусную измену, наказываю строго!

Живу на бивуаках, союзница моя зима строгая, она не менее карает их! Все укрываются в лесах, страждут семейства, страх распространился ужаснейший.

Надобен пример наказания непокорных! В злодейской стране здешней всегда много готовых на возмущение.

Думают, что я не те употребляю меры, которые надобны, хотят евангельской кротости. Жду мудреца на мое место.

До вас доходят слухи по большей части несправедливые, может быть, с намерением вредить мне; слухи всегда не в пользу нашу.

Ты по дружбе ко мне беспокоишься таковыми, но я для того пишу, чтобы ты знал нелепость их.

Не думай, друг любезнейший, обо мне. Неужели в десять лет моего здесь пребывания я не познакомился с землею, с народами и не знаю, что они могут сделать и что для меня возможно.

Пусть умствуют завистливующие, все делаю, что умею, и делаю усердно.

Клевета против меня все истощила, и мне худшего ожидать нельзя!

Поклонись от меня милой хозяйке. Прощай!

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 56

А. И. ТАТИЩЕВУ

[Кавказская линия], 28 марта 1826

Милостивый государь Александр Иванович!

Слишком давно привык я [видеть], с какою всегда справедливостию Ваше высокопревосходительство вознаграждаете усердием отличающихся чиновников, чтобы мог думать, что оставили без уважения представление мое о медицинских чиновниках Кавказского корпуса, сверх того, угодно было Вам, милостивый государь, обнадежить меня в Вашем ходатайстве, но уже третий год представление мое не разрешено, а некоторыя из чиновников, оказав новыя услуги, вправе были бы надеяться на большее одобрение.

Обязанностию считаю еще повторить покорнейшую мою об них просьбу.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 8 марта», «Отвеч[ено] 11 марта».

Вашему высокопревосходительству известен и недостаток здесь в медицинских чиновниках, и необходимость поощрять полезнейших справедливою наградою.

Имею честь с сов[ершенным] почт[ением] и предан[ностью]

А. Ермолов.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 2. Копия;
ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 9 об. Копия

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Кавказская линия, 31 марта 1826**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Получил письмо твое от 11 марта.

Прежде всего скажу, сколько обрадован я известием о беременности Аграфены Федоровны и воображаю восхищение твое. Итак, будет у тебя рыцарь, а если на первый случай и красавица, то и ею можно любоваться.

Это маленькое существо удовольствие вашей домашней жизни сделает несравненно приятнейшим.

Попечения о ней доставят любезной супруге твоей восхитительные занятия, и я от всего сердца могу тебя поздравить.

Наконец успокоился ты на мой счет и увидел, что увеличенные рассказы о происшествиях в здешней стране так же мало достойны были вероятия, как вымышляемые до сего.

Была на мой собственно счет молва довольно оскорбительная, но, конечно, таковая принята была тобою за нелепую. Я уже перестал трогаться подобными! Верь, друг любезнейший, что ничем постыдным не заставлю краснеть моих приятелей! Ты знаешь лучше других мои правила и что меня даже и то бесит, когда других вижу я поступки преступными.

Благодарю за приказание прислать моего старшего рыцаря[1]. Я помню твое обещание и полагаюсь на твою дружбу. Не разумею обещания сего иначе как милостию, но чтобы не оскорбить деликатность твою, я соглашаюсь признавать милостию для юноши. Воспитание дашь ты ему приличествующее военному человеку, а если противны тому будут его наклонности, оне не скроются и покажут направление, которому следовать выгоднее. Пусть из него будет то, что судьбе угодно, одно лишь необходимо, чтобы имел он хорошие правила, во всяком состоянии весьма уважительные!

Ты пишешь, что брат Михайло болен, но я не знал о сем, хотя из ближайших к нему по расстоянии. Впрочем, говоришь, однако же, что скоро будет в Петербурге, следовательно, болезнь не может быть важною.

Ты разрушил благополучие мое, подозревая, что Свиньин поет хвалу одной крымской даче, но не мне принадлежащей. Сразил ты меня, ибо не знаю, почему мечтал я, что я обладатель сего сокровища.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 12 апреля 1826», «Отвеч[ено] 4 мая».

А легко быть может и, кажется, правдоподобнее, что если дача прелестна, то барона Дибича, ибо *даровавший* оную, имел некоторые способы. Когда приедет брат Михайло, удостоверься в сем.

Совсем бы не мешало иметь мне там пристанище, ибо с давнего времени жизнь в теплом климате, особенно же последние десять лет здесь, полуденный край сделался мне необходимою на старость потребностию.

Пишешь о желании оставить Финляндию. Не удивляюсь сему, хотя место весьма важное и видное. Но рад я, что, до нынешнего времени, не успел ты оставить службы и торжествую, что я всегда был того мнения, что тебе удаляться не должно.

Что старик твой пустился в мотовство[2]? Неужели над ним не имеете вы никакой силы убеждения? Жаль, однако же, что он сделал много долгов и поставляет тебя в необходимость приступить к разделу имения. Чем виноваты несчастные, которые попадутся в его управление и не лучше ли бы было сделать другое какое-либо распоряжение? Жаль, что я давно не видался с прихотливым стариком, я думаю, что я устыдил бы его расточительность. Некогда он слушивал моих внушений. Ты с деликатностию своею ничего не сделаешь!

Меншиков[3] проехал, и я собственно для пользы здешнего края и даже для моего спокойствия желаю ему успеха.

Шрёдер возвратил мне мои часы, но в них не сделано, что я желал. Видно, человек аккуратный! Кто мне их возвратил, я не знаю, ибо даже записочки при них не было.

Могу поздравить вас, милая хозяйка[4], чуть было не сказал от радости прямо как желал, но поправился и скажу, что с праздником, ибо к сему точно времени приедет фельдъегерь. Однако же я вижу, что вы не рассердитесь, если говорить стану и о беременности. Молодой женщине это украшение и в глазах каждого делает ее интересною. Первая мысль матери иметь дочь, а я успел уже пожелать вашему мужу солдата! Я сего и потому желаю, чтобы не лишиться удовольствия, когда я приезжаю, жить у вас по-прежнему в доме, иначе вы, конечно, не допустите, чтобы я, молодой человек и жених, жил в одном доме с девушкою. Злословие даст место вымыслам! Итак, право, лучше солдата!

Прощайте, милая хозяйка, вы сто раз будете милее [и] бесценнее, сделав счастье истинного и редкого моего друга.

Прости, почтенный Арсений Андреевич. Прощай.

Верный по смерть *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 57–58

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Станица Червленная, 30 мая 1826**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич.

Благодарю за письмо, которым обрадовал ты меня, извещая о твоем выздоровлении. Я ничего не знал, ибо давно весьма не было от тебя ни строки. Воображаю восхищение твое беременностию Аграфены Федоровны и точно

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 июня», «Отвеч[ено] 2 июля из Москвы».

ты в семейной жизни твоей познаешь такое удовольствие, о котором не имел ты понятия.

Ты отослал ее в Москву, полагая, что и сам скоро туда поедешь, но теперешние обстоятельства должны тебя отдалить от нее на некоторое время, а весьма нужно бы пред родами иметь за нею наблюдение, ибо едва ли будет она довольно осторожна.

Не вообразишь, как я желаю, чтобы у тебя был сын, ибо моему хорошо бы было при нем жить и впоследствии даже учиться. Моему только 6-й год, следовательно, сколько-нибудь еще времени случиться им сидеть вместе за книгою.

Ты пишешь, что брат Михайло купил для меня в Крыму дачу, и даже в прелестном местоположении. Он хочет предложить мне ее в подарок, но со всем тем, что сие не разорит его, ибо говоришь ты, что стоит 5000 руб., но я не решаюсь принять без твоего на сей счет мнения. Скажи мне его чистосердечно, ибо ни от кого другого я оного не потребую.

Я непременно желаю иметь в Крыму небольшое пристанище, ибо по домашним обстоятельствам моим, негде мне поместить моего семейства, если случится мне выехать отсюда к другому назначению или вовсе удалиться от службы. Но при всем том я в состоянии заплатить столько умеренную цену, о какой ты пишешь. Можно сделать сие таким образом, что брат Михайло не обидится. Придумай ты, как это сделать и, наконец, вот средство последнее: ты сию дачу возьми для себя и даже упроси его, чтобы прикупил к ней лесу, как он сам предлагает. Быть не может, чтобы нуждался он в сумме, чего все это стоить будет, следовательно, денег тотчас от тебя не потребует, а я в продолжение нынешнего еще года вышлю к тебе деньги и за лес, и за дачу вместе.

Не думай, почтеннейший друг, чтобы это сколько-нибудь меня расстроило. Ты знаешь, что у меня есть несколько денег, а к тому еще кочующая моя жизнь почти каждый год доставляет мне средства сберечь некоторые остатки. Таковых на все слишком будет достаточно, и я уже на сей собственно предмет приказал требовать из казенной палаты столовые мои деньги по Кавказской области. Итак, я уже не ожидаю никаких затруднений. Между тем Попов строит мне небольшой домик в своем имении, который охотно я принимаю, где на первый случай будет убежище моей семье, пока приведется в порядок дача.

Все, благодаря Богу, устроится, и меня сие немало успокаивает. Пиши ко мне.

Поклонись от меня милой хозяйке. Я не пишу к ней, ибо не знаю, как доставить ответ. Бог знает, когда мы увидимся.

Я возвратился из Чечни и, кажется, за мятеж, за убиение наших генералов[1] отомщено порядочно злодеям.

Желал бы я дать им чувствовать более, но все бегут, скрываются в лесах, и страх, повсюду распространившийся, не допускает их схватиться с нами с твердостию. Словом, все мы не узнаем чеченцев, которые имели репутацию быть здесь из храбрейших.

Через месяц я в Тифлисе. Прощай!

Верный по смерть *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 59–60

П. А. КИКИНУ

Кавказская линия, 31 мая 1826

Любезный брат и редкое существо! Благодарю за письмо и рад, что ты здоров. Это одно, что можно видеть из письма твоего, ибо ни слова не говоришь ты более! Для подобной переписки нам надобно будет изобрести новый формат. Столько в коротких словах неловкий человек не будет уметь пожелать доброго утра. Скажу о себе.

Я возвратился из Чечни, где более рубил дрова, нежели дрался. Я прочищал леса и пролагал пути, а неприятель прятался повсюду и показывался редко. Теперь со мною как с искусившимся не говорите ни слова о дорогах, или приглашу видеть их в Чечню. Тацит не более ужасными описывал леса Германии и, точно, встречались мне древнейшие многих знаменитых фамилии, которые не могли бы при них быть даже ничтожными пеньками. Все одолевал я небольшим числом людей, но трудами и терпением добрых наших солдат.

Вот уже одиннадцатый месяц я из Грузии и уже седьмой на чистом воздухе без крыши. А у вас против меня все ругательства, но только, по чрезмерной нелепости своей, к счастию моему, не весьма оскорбляющие.

Думаю, около месяца я еще протаскаюсь здесь и потом в Тифлис, где тоже не на покой.

Несчастное происшествие[1], как слышу, заставило отложить коронацию, но меня мучит, что и совсем тем я приехать не могу, ибо не смею в настоящих обстоятельствах отдалиться от моего места. Чувствую, что для меня, не менее как для самих дел по службе, было бы сие необходимо.

Желал бы я, чтобы мне позволено было приехать, когда-то могу без упущения должности.

Вспомнишь ли ты, что говаривал мне о садовнике для минеральных вод. Я понимал, что он нужен, но теперь, видев множество прелестных полевых цветов, которые бы впрочем украсить могли великолепные цветники ваши, я начинаю верить, что можно к ним пристраститься.

Вижу, что уже готов ты с требованием, но я отражу невежеством. Не знаю, которые бывают в луковицах, которые в семенах и когда собирают то и другое. Итак, обратись к просвещеннейшему.

Скажи, за что больна единственная и милая сестра моя Мария Ардалионовна? Ты скажешь, что не помогли воды кавказские, а мне позволительно ли спросить, почему помочь не умеют искусные врачи столицы? Я тоже несколько лекарь и думаю, что не мешало бы оставить на некоторое время прекрасный климат ваш и, вырвавшись из болота, подышать чистым воздухом в деревне. Несколько жизни беспечной — средство целительное!

Скажи милой сестре мое совершенное почтение. Прощай, люби по-прежнему.

Не беспокойся за меня, не верь нелепым слухам; верь одному, что за меня никогда не покраснеешь! Верный по смерть *А. Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 527–528

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Екатериноград, 19 июня 1826**

Почтенный друг Арсений Андреевич.

Слышу, что твоя болезнь продолжается и жалею, что так долго не можешь от нее отделаться.

Недавно писавши к тебе, не остается ничего сказать, разве догадку мою, что, конечно, за скорым отъездом брата Михайлы ты не успел переговорить с ним о даче на берегу Черного моря. Он, конечно, бы уступил ее тебе, если же обидится тем, что я не хочу от него принять оной, а иначе нельзя получить ее, то я соглашусь принять, особливо же судя по весьма умеренной и, можно сказать, ничтожной цене ее, что она не прихотлива, я его не разорю и буду еще в состоянии поквитаться каким-нибудь образом. Жаль только, что это будет пустошь и никакого на ней приюта.

Впрочем, Попов выводит меня из затруднения, как прежде писал я тебе.

Надобно когда-нибудь подумать о хозяйстве. Моего отца лета немолодые, когда уже мне 50-й год, слышу, что слабеет приметным образом, домашние дела в совершенном расстройстве и небольшое состояние обременяется долгами.

Десятилетнее здесь пребывание и мой век сократило. Меня начинают уже посещать болезни, с которыми не бывал я знаком прежде. Два уже года скоро, как смотрю в очки, и силы, прежде неистощимые, ощутительно изменяют.

Когда остановлю мысль на положении моем, с каким чувством благодарности принимаю одолжение твое, что берешь на воспитание одного из детей моих. Боялся оскорбить тебя и потому вместо благодеяния написал нехотя одолжение.

Теперь надобно к совершенной моей радости, чтобы милая хозяйка твоя родила сына и тогда мой, с лишком пятью годами старее, по природе весьма скромный, совсем не резвый и не похож на возраст свой, будет за твоим наблюдателем.

Из моего, как я сказал прежде, сделай доброго человека, и это не трудно будет по его наклонностям и сделай военного! У него не будет ничего, и он все доставать должен трудами и службою!

Ты пишешь, что надеешься быть в Москве; мне крайне жаль, что не могу приехать на коронацию[1], ибо неприлично отлучиться отсюда, пока князь Меншиков не кончил переговоров своих с Персиею[2]. Не сомневаюсь, что все сделает он наилучшим образом, но не менее того я должен ожидать окончания. Если бы не так скоро была коронация, я непременно просил бы позволения приехать. Завтра, если успею, отправлюсь в Грузию, но прежде осмотрю проложенную чрез Кабарду новую от Владикавказа дорогу.

Скоро уже год, как я из Тифлиса, и время сие провел самым скучным и беспокойным образом.

Прощай, почтеннейший друг, и не забывай меня.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 61–62

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 13 июня», «Отвеч[ено] 2 июля из Москвы».

В. А. БУЛГАКОВУ

Лагерь при реке Белой, 25 июня 1826

Милостивый государь, Василий Алексеевич!

Мне надобно было пройти чрез Кабарду, чтобы узнать, до какой степени неблагоразумно было поведение Ваше, когда в прошедшем году шайка разбойников сделала нападение на селение Солдатское[1].

Здесь же должен был я узнать, до какой степени простиралась подлая Ваша трусость. Когда догнав на Баксане ту шайку, но уже утомленную трудами, обремененную добычею и пленными и менее, нежели в половину имевшую сил противу войск, с вами бывших, Вы не смели напасть на оную.

Слышны были голоса пленных наших, но Вас заглушала подлая трусость. Рвались подчиненные Ваши освободить соотечественников, но Вы удержали их. Из мыслей их нельзя изгнать, чтобы Вы не были или самый презрительный трус или изменник. И с тем и с другим титлом нельзя желать оставаться между людьми, имеющими право гнушаться Вами и с трудом воздерживающимися от изъявления достойного презрения, и потому я надеюсь, что Вы ускорите отъезд свой с линии. Я поручил взять меры, чтобы проезжая селение Солдатское, Вы не были посрамлены оставшимися жителями. Конечно, я беру сию осторожность не спасая труса, но охраняя носимый Вами чин.

Примите уверение в почтении, каковое Вы заслуживать можете от

А. Ермолова.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 13–13 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 10 июля 1826

Почтенный Муравьев,

князь Меншиков, свидетель столкновения с вражеской конницей, мне поведал об этом в подробностях и отдал должное способности и непоколебимости наших войск.

Достойно сожаления лишь то, что у Вас не было кавалерии, дабы преследовать мерзавцев, которые наверняка понесли бы значительные потери. Вместе с тем, по словам князя, Севарсемидзев[1] совершенно не ведает, что происходит вокруг него; неприятель может появиться, когда ему вздумается, а для того, чтобы вовремя предупредить его появление, не делается ничего[2].

Князь Севарсемидзев не верит вовсе сообщениям жителей и не предпринимает никаких предосторожностей. Ваши фортификационные работы длятся целую вечность и удерживают Вас в совершенном бездействии, тогда как важнее всего попытаться неприятеля, которого, впрочем, довольно трудно настичь, если не разбить, то хотя бы удерживать в страхе. Время уходит, а враг, против которого Вы ничего не предпринимаете, грозит нам разбоем и разорением.

В ближайшее время я направлю к Вам грузинскую кавалерию, которая не уступает персидской, но ее следует беречь и особенно принимать меры, чтобы она не лишилась лошадей, ибо отличается неописуемой опрометчивостью.

Постараюсь обойтись как можно дольше без тех двух рот, которые собирался у Вас забрать, дабы не задерживать Ваших работ и Вас не ослаблять.

Дорогой Муравьев, я представляю себе Ваше недовольство тем, что Вы не возглавили 6 рот Вашего полка, выступивших в поход, но мне пришлось оставить Вас на посту, который Вы занимаете в настоящее время, исключительно ради успеха операции. Впоследствии я сумею использовать Вас более блестящим образом. Вы отсылаете Кашутина[3] слишком поздно, ибо связь с Мадатовым далеко не надежна, и вновь отправить его я уже не решаюсь. Вы совершенно зря оставили при себе большое количество старших офицеров, в то время как их не хватает здесь. Я до сих пор не могу дождаться объяснений по этому поводу! Все воспринимается с недовольством, все критикуется!

Казахские татары опасаются, как бы эриванский сардарь не направил войска, чтобы ввести их в возмущение, пока наши войска уйдут вперед. Это весьма вероятно, и следует, по крайней мере, распространив слухи, напугать его Вашим наступлением, дабы сдержать и вынудить к защите. Постарайтесь настроить князя Севарсемидзева в этом направлении.

Хочу отправить к Вам генерал-майора Дениса* Давыдова, дабы понять, что у вас происходит и в каком состоянии дела. Поручаю Вам оказать ему помощь Вашим опытом и Вашими наблюдениями над неприятелем, с которым он встречается впервые. Он сумеет поправить то, что не мог сделать князь, и заставит соблюдать строжайшие меры осторожности, от которых тот уклоняется.

Мадатов проявил себя блестяще, пленные уверяют, что Амир-хан-сардарь дядя Аббаса-Мирзы, убит.

Преданный Вам *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–15. Перевод с фр. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 18 июля 1826

Николай Николаевич.

По расчету моему ты уже в Караклисе, чему я весьма рад, ибо не могло быть более вовремя. Ты, следовательно, уже знаешь, что персияне делают, у меня в виду один бестолковый рапорт майора Варламова, из которого даже не вижу, где Севарсемидзев. От вероломства подлейших мошенников всего можно ожидать, и быть может, что он уже не существует. В таком случае ты принимаешь команду над войсками и остаешься в Бамбаках[1]. Получишь о сем бумагу! Надеюсь на храбрость, будь чрезвычайно осторожен и не рассеивай сил. Впрочем, Бог благословит! Посмотри последнее предписание мое Севарсемидзеву.

Прощай! Душевно любящий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7 об. Копия

---

* В тексте по-русски «Дениса».

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 19 июля 1826

Господину полковнику и кавалеру Муравьеву.

Артиллерии г[осподин] подполковник Флиге[1] доносит, что на Гамзачиманском посту отогнали персияне лошадей, изрубив несколько человек солдат, вероятно, бывших в прикрытии.

Что третий был уже день, как не доходило известия, где полковник князь Севарсемидзев и что есть слух, будто около Гумри[2] было сильное сражение и что оттуда до Беканта отрезано сообщение.

Г[осподин] подполковник Флиге изъясняется так: «Я нахожу необходимым с частью войск идти на выручку своих, где находятся полковник Фридрикс[3] и подполковник Долгово-Сабуров и, как здесь говорят, что один из последних двух ранен».

Весьма неясное донесение заставляет думать, что кроме прерванного пути между Гумри и Бекантом должны быть атакованы и другие пункты, ибо не говорит он, что полковник Фридрихс или подполковник Сабуров там находились, а один из них ранен. Он говорит, что идет на выручку сих двух, но ничего не предпринимает для выручки князя Севарсемидзева.

Я предписываю Вашему высокоблагородию, собрав тотчас сколько возможно войск, употребить все усилия для освобождения постов, которые обложил неприятель. Вы немедленно оставите Мирак, если еще не преодолели его персияне, и я нахожу, что полковник князь Севарсемидзев напрасно весьма упорствовал в защите его, когда несомненно выгоднейший пункт мог избрать в цепи гор Бамбакских. Столько же бесполезен в теперешних обстоятельствах и самой пункт Гумри по удалению своему и затруднении в сообщении с ним.

Полезнее войска, защищающие его, присоединить к числу действующих и на первый раз ограничиться обороной Бамбакской провинции, где по роду местоположения с удобностью можно удерживаться, имея главнейшей целью не перепустить неприятеля через Безобдал.

Сосредоточившись в Бамбаках, надобно удерживать Балыкчайский пост, если еще он в руках наших.

Казахскому приставу поручил я немедленно, собрав людей, идти с ними на Гамзачиман, открыть сообщение с постом Балыкчай и Караклиссой, имея часть конницы, готовой действовать по Вашему востребованию.

В коннице вообще имеем мы недостаток, на татарскую же отнюдь полагаться невозможно, и потому более необходимым нахожу оставить Шурагель[4], представляющую бесконечные равнины, и предпочитаю Бамбак, где персияне не смогут употребить своей конницы.

При известной мне Вашей заботливости и неусыпности я нужным почитаю поставить Вам на вид, что если всегда выгодно не раздроблять силы, то в теперешних обстоятельствах это одно может противостать превосходству сил неприятельских. Излишне самим Вам подтверждать об осторожности, но невозможно достаточно требовать оной от подчиненных Вам, на что и прошу иметь внимание.

Здесь собираю я отряд, который вскоре выступит. До того старайтесь собрать всех рассеянных людей и чтобы ни одного праздного не было.

Давайте мне известия, коль скоро оные сколько-нибудь важны.

Генерал *Ермолов*

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.–8 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 25 июля 1826

Сию минуту получил письмо твое, любезный Николай Николаевич, и не вставая со стула, отвечаю.

Я во многом согласен с тобой и в доказательство прочти письмо мое к князю Севарсемидзеву, до получения от тебя написанное. Там обо всем упомянуто. Ему сообщил я, чтобы тебе прочел оное, и ты требуй того.

3000 человек я послать не могу и негде взять их, по мнению моему, чрезмерно достаточно посылаемого мной батальона и четырех орудий, а я еще прибавляю к тому гранадерскую роту. Оставя Гумри, войска растянуты не будут! Прочтите непременно письмо мое. Требуйте от князя Севарсемидзева, чтобы карабинеры собраны были вместе и составляли баталион. Несчастная привычка всех здешних начальников перемешивать войска, хотя весьма нетрудно знать, что в таком состоянии они непременно хуже драться будут. Останься некоторое время в Бамбаках и как храбрый офицер помогай Севарсемидзеву от чистого сердца и за своими между тем посмотри.

Поклонись барону Фридрихсу.

Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.–9. Копия

И. И. ДИБИЧУ

Тифлис, 30 июля 1826 года

Милостивый государь Иван Иванович!

Из всеподданнейшего донесения моего его императорскому величеству усмотреть, Ваше превосходительство, изволите, о действиях Персиян.

Война сия является под признаками, гораздо жесточайшими, нежели ожидать было можно, ибо возбуждаема религиею. По сей причине должны быть предприняты скорейшие меры к доставлению сюда войск, без чего предстоит немалая опасность. Сейчас получил я известие, что весь Карабах, вся провинция Ширванская возмутилась и мусульмане приняли сторону персиян. В самом Елисаветпольском уезде появился уже неприятель.

Если благоугодно его императорскому величеству повелеть прибыть двум дивизиям пехоты, достаточно при них одной батарейной роты артиллерии, которую оставлю я на линии, а три роты легкой артиллерии возьму в Грузию.

[*не закончено*]

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 2 об. Копия;
ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 9 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 31 июля 1826

Мой дорогой Муравьев,
я нисколько не сомневаюсь, что Вы приложите все усилия, дабы помочь Севарсемидзеву в тех затруднительных условиях, в которых он сейчас находится.

Выбирайтесь из этой противной бамбакской ямы и встаньте так, чтобы Безобдал оказался меж вами и неприятелем. Пусть он спустится, причем со своей артиллерией, а вы, в отличие от него, рассеявшись по равнине, сумеете заставить его пожалеть о своей дерзости. В настоящем своем состоянии Бамбак никак не может пригодиться неприятелю.

Крепость Лори[1], хотя и разрушенная, может служить защитой не только для женатых солдат тифлисского полка, но одновременно и для наших складов провианта и боеприпасов.

Я не знаю, что сталось с батальоном и четырьмя орудиями, которые я Вам послал. Их можно было бы расположить на вершине Безобдала для успешного прикрытия вашего отступления.

Постарайтесь сделать все возможное.

Отправьте обратно грузинскую гренадерскую роту, которая вам доставила боеприпасы; она нужна мне здесь!

Вторая тифлисская гренадерская рота уже выступила к вам и, по моим расчетам, должна прибыть, когда Вы получите это письмо.

Храни Вас Бог.

Преданный Вам *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11. Перевод с фр. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 2 августа 1826

Мой дорогой Муравьев,
отвечаю на Ваше письмо от 30-го числа. Приложенная копия приказа, который я отдаю князю Севарсемидзеву, пояснит вам, чего я желаю и что должно быть исполнено беспрекословно — я не люблю его туманных рассуждений, ибо он воспринимает все совсем иначе. Из самолюбия он волнуется, что его репутация окажется подпорченной после отступления из Бамбака, но если сие требуется ради успеха дела, значит, так тому и быть. Я опасаюсь, как бы сюда не примешались и его материальные намерения, а какой же грузин сумеет им противостоять?

В какой-то момент я подумал, что было бы полезно укрепить Караклис, но при условии, что из Гумры и Беканта будут вместе эвакуированы все объединенные войска. Однако даже при этом предположении мне представляется абсолютно необходимым, дабы не распылять войска, переместиться на реку Каменную и оставить Безобдал, который в ближайшие два месяца окажется совершенно непроходимым для неприятеля, и тот не осмелится на переход

со своей пехотой и своими орудиями. Раз уж он не отважился перебросить свои силы на Балык-Чай. Армяне могут прочно держаться в Гамзачиманском ущелье или, лучше сказать, в [Орунларском], в общем, в том, которое за Караклисом.

Если Снеженский[1] и вправду хочет занять Балык-Чай и пробиться к вам, то сие по крайней мере доказывает, что казахи еще не совсем решились на предательство.

Я полагаю, что здесь Симонич играет немаловажную роль. Манин[2] подходит со своим батальоном сзади. В настоящий момент он должен быть уже у шамшадильцев, которым следует верить еще меньше, чем самим казахам. Завтра один батальон ширванского полка выйдет к Акстафе, чтобы наблюдать за Делижанским ущельем.

Две роты, оставившие Зурнабад, преследовались жителями Елизаветполя, но среди них не было персиян, которые, по слухам, находятся в верховьях Гокчи, а с ними и сын ганжинского хана[3]. Вряд ли они располагают значительными силами.

Преследовали и коменданта Нухи[4], когда он покидал город, но, похоже, жители были не очень распалены. Ему навстречу был выслан войсковой отряд.

В Ширване — настоящий мятеж, так же как и в Карабаге, и в сем последнем наши дела идут хуже некуда.

Словом, мусульманские провинции уже не наши, но чем быстрее они разлагались, тем быстрее подчинятся первой же нашей победе.

Храните в тайне то, о чем я Вам пишу.

Постарайтесь воодушевить солдат; следует мстить за посрамление и не менее того — за нанесенные потери.

Помогайте Вашими советами князю, поскольку ум грузина нельзя не направлять.

Сообщайте мне последние новости.

Преданный Вам *Ермолов*.

На Лори, как можно быстрее.

Прибывающий к вам провиант не переправлять через Безобдал.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11 об. Перевод с фр. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 4 августа 1826

Мой дорогой Муравьев.

Донесение князя[1] написано таким манером, что никто не может ничего разобрать, посему я не уверен, что Гумры и Бекант оставлены и войска Вами объединены.

Мне хотелось бы также удостовериться, что карабинеры соединились и находятся под Вашим присмотром. Отпишите мне в подробностях все это, а еще обстоятельства, при коих происходило отступление. Неприятель изменил боевую линию и, наверное, выбрал не самую лучшую, ежели, конечно, не имел

намерения возмутить наших татар, и так уже готовых к предательству. Согласно последним новостям все силы сардаря уже в Балык-Чае и Гамсачимане, а Делижанское ущелье занято его соединениями, впрочем незначительными. Столь непроходимое ущелье могло быть ими взято лишь в результате предательства казахов. Пристав[2] уже не рассчитывает на них и уверяет, что они непременно присоединятся к персиянам. Все же есть еще те, кто нас не оставит, но они бессильны.

Прочтите мое последнее письмо князю, датированное тем же числом, что и это, и хорошо обдумайте то, о чем я пишу. Следует проявлять большую осторожность, но нет ничего невозможного и в том, чтобы остановить продвижение персиян и отсрочить их победу.

Если все силы неприятеля действительно собрались слева от Вас, у князя, должно быть, весьма нерадивые лазутчики, ибо он не знает ни когда, ни как пришел неприятель. Итак, Вам следовало бы скорее объединить Ваши силы и оставить Гумры.

Постарайтесь уговорить князя как можно скорее перевезти все, что есть в Караклисе, дабы не оказаться в ситуации, когда войска откреплются для защиты поста, не представляющего для нас никакой пользы.

Действуйте, дорогой Муравьев, решительно и помогайте ему Вашими советами и самое главное — не рассеивайте войска.

Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 11 об.–12. Перевод с фр. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 9 августа 1826

Дорогой Муравьев,

вчера я получил Ваше письмо от 6-го числа и в сию же минуту письмо от 7-го числа, благодарю Вас за отписанные подробности: мне крайне приятно, что Вы угадываете мои желания, сие свидетельствует лишь о постоянстве и мудрости Ваших размышлений о данных обстоятельствах. Ах, да! Я не усматриваю особой необходимости в вашем отступлении из Бамбака; избавившись от всего, что вас связывало в Караклисе, вы вольны в ваших передвижениях и легки на подъем, дабы оказаться там, где потребуется; вы находитесь в позиции, угрожающей неприятелю. Притом фортификационные работы могут действительно замедлиться, но думаю, что сумею исправить это упущение, отправив князю первую роту его полка[1], которая, собрав разрозненных солдат, выступила вчера усиленная до 950 человек.

Рота несколько вымотана после форсированного марша, который только что осуществила, а также работами в Кабарде, но солдатам хватит лишь небольшой передышки, к тому же они будут рады соединиться наконец со своими полками после столь длительной разлуки.

Я рассчитывал вместо батальона Херсонского полка поставить на пост Агсабенск сильную роту, ибо намеревался перекинуть батальон в другом направлении, но готов потерпеть в ожидании откребления роты еще несколько дней.

По моему распоряжению генерал Вельяминов напишет Вам по поводу роты женатых солдат[2]. Вы, наверное, согласитесь с тем, что она Вас изрядно обременяет и будет разумнее как можно быстрее от нее избавиться. А потому, дорогой Муравьев, прошу Вас действовать деликатно, дабы не испортить настрой солдат, и сделать так, чтобы сие было испрошено у князя капитаном роты от имени женатых.

Итак, вы отведете их в Манглис, место, которое, полагаю, останется и впредь вне какого-либо надругательства. Сие назначение может Вас немного смутить, но я знаю Вас слишком хорошо и ни на секунду не усомнюсь, что Вы желаете именно того, чего настоятельно требуется по долгу службы.

Устройте мне это хорошо, и я буду Вам признателен.

Я написал бы Вам более, но пока перегружен другими заботами.

Преданный Вам *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13 об. Перевод с фр. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 15 августа 1826

Дорогой Муравьев, я рад тому, что наши войска объединились, и уже несколько дней чувствую себя успокоенным. Я буду еще более спокоен, когда узнаю, что Вы уже в Джалал-Оглы или что есть то же самое, когда Вы выведете из Караклиса все, что Вам мешает. Я полностью разделяю Ваше мнение, что было бы славно потрепать шельму перед тем, как отступить из Бамбака, но действовать следует с осторожностью и пользоваться самыми верными сведениями.

Вероятно, узнав о предпринятом вами движении из Караклиса, неприятель заявится сам, дабы преследовать вас при вашем отступлении, и именно в сей момент вы могли бы ошарашить его контрнаступлением.

Вне сомнения, трусы побегут, и я боюсь лишь того, что у них будет одна лишь кавалерия, преследовать которую вам будет нечем. Тем не менее их бегство сможет легко сдержать казахов, а возможно, даже подвигнуть их на действия, которые рассорят их с персиянами.

Я получил Ваше письмо, а также Ваше донесение, и мне приятно знать, что Ваши принципы и чувства остаются по-прежнему такими, какими они всегда мне представлялись благородными! Когда увидите борчалинского пристава Орбелиана*[1], скажите ему, чтобы убедил татар как можно быстрее спуститься в их деревни, ибо в том рассеянном состоянии, в коем пребывают сейчас, они своим бегством могут нам только навредить.

Передайте от моего лица тысячу комплиментов полковнику Фридриксу, действия которого при нынешних обстоятельствах я высоко ценю и сумею как следует отметить.

Ваш [*Ермолов*]

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–12 об. Перевод с фр. Копия

---

* В тексте по-русски: «борсалинского пристава Орбелиана».

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 22 августа 1826

Любезный князь,

Провианту отправлено к Вам сегодня не менее как на 16 дней. Прикажите испечь хлеб поскорей, выступайте с Богом. Полковнику Попову[1] поручил я передать Вам мои приказания по этому предмету.

Сегодня я получил от князя Меншикова письмо, которое ему удалось переслать ко мне тайно. С 2-го августа он находится в Эривани, где содержится по приказанию Шаха, как бы в ожидании ответа на сделанное им предложение на счет границ. До Эривани он доехал без всякого сопровождения, но там учрежден за ним караул, никого не допускающий к нему. Все офицеры его свиты при нем.

Князь уведомляет, что Шах переходит из Ардебиля и Агар в Уджин; но человек, доставивший письмо, утверждает, что Шах все еще в Ардебиле и при нем все войско, которое он мог набрать. Эриванская крепость снабжена огромным количеством провианта.

У Эриванского сардаря 4 баталиона регулярных, 2000 человек пехоты из милиции и 5000 конницы.

Шах Задэ, в Карабаге, располагает 9-ю баталионами регулярных войск, а всего 15000 человек всех оружий. Податель письма уверяет, что у шаха много регулярных войск, но это не совсем правдоподобно, потому что прежде у него не было более пяти баталионов.

По словам того же человека, сардарь ничего не предпримет до тех пор, пока Аббас-Мирза не перейдет за Елисаветполь атаковать нас. Тогда нападет со своей стороны и сардарь.

Он же уверяет что царевич, с 300 человек конницы, намерен вступить в Кахетию, чрез Дилижанское ущелье, где ныне находится. Нет сомнения, что изменники казахцы пропустят его. Постарайтесь узнать, кто из агаларов окажет ему помощь, чтобы впоследствии наказать виновных.

Преданный Вам *Ермолов*.

Мадатова С. А. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863. С. 228–230

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 23 августа 1826

Любезный князь,

Меграли-Ага объяснил мне сию минуту, что сам сардарь и брат его Гассан-Хан перешли с войсками на Майдан в Шамшадильскую дистанцию и что уже, вероятно, спустились с гор на Елисаветпольскую дорогу.

Если это правда, то должно полагать, что они намерены соединиться с войсками, находящимися в Таузе и Елисаветполе, и атаковать вас. Не мешало бы Вам иметь об этом обстоятельные сведения, хотя я и не верю полученному известию.

Во всяком случае неприятель не мог прибыть с большими силами и по трудности дороги не мог взять с собой артиллерии. Тем не менее осторожность необходима. Получив высылаемые мною провиант и подкрепление, атакуйте

эту негодную сволочь. Вы разобьете ее в пух, если она не разбежится. Следует однако полагать, что, состоя преимущественно из кавалерии, неприятель не вступит в серьезное дело, а станет, по удалении вашем к Елисаветполю, тревожить тех, кои останутся на Акстафе, или же отправится вслед за вами.

Это обстоятельство требует особенного внимания. Может также быть, что неприятель намерен прикрыть движение царевича[1] в Кахетию чрез Шамшадильскую дистанцию.

Преданный Вам *Ермолов*.

Мадатова С. А. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863. С. 231–232

П. А. КИКИНУ

*Тифлис, 28 августа 1826**

Любезный и редкий брат Петр Андреевич.

Не солгу, сказавши, что не имею свободного времени; свидетель Шимановский, которого расспроси обо всем. Жизнь моя похожа на казнь, но Бог милостив, и счастие служит.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 664. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 29 августа 1826***

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Сердечно обрадован рождением дочери[1], желаю, чтобы она была утешением вашим и чтобы, не любя одиночества, привела за собою товарища, чего и ожидать приятно. Надобен рыцарь непременно!

Поздравь от меня любезную и милую хозяйку. Желаю ей здоровья, а занятие приятное уже есть!

Письмо сие представит тебе служащий в канцелярии моей г[осподин] Шимановский, молодой человек, прекрасный и благородный. Он скажет тебе обо всем, и с доверенностью можешь делать ему всякие вопросы. Писать, божусь, некогда.

Прощай. Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 63

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Тифлис, 3 сентября 1826

Князь Мадатов наступает на Елизаветполь. Он сообщает, что в Шамхоре у неприятеля достаточно большие силы. Шамшадильцы*** извещают, что эри-

---

* Приписка, сделанная в конце письма А. А. Вельяминова П. А. Кикину.

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 сент[ября]», «Отвеч[ено] 2 октября».

*** В тексте по-русски: «шамшадильцы».

ванский сардарь, пройдя через Чардахлы с 4 т[ысячами] всадников, 800 сарбазами и 4 орудиями, соединился с войсками, прибывшими из Елизаветполя, дабы дать отпор Мадатову. Надлежит удостовериться, покинул ли сардарь Балык-Чай; в этом случае против вас будет стоять лишь его брат[1], на которого можно будет устроить охоту. По крайней мере, вы сумеете навести великий ужас. Не скрывайте от князя Севарсемидзева, что в атаке я опасаюсь лишь беспорядочности, которую он никогда не умел устранять, и желаю, чтобы за этим следили те, кто способны этого не допустить, а также чтобы главнокомандование он оставил за собой, но в выполнение своих личных приказов не вмешивался вовсе.

Мой дорогой Муравьев, Вам надлежит бдительно надзирать, а барону Фридриксу Вам в этом помогать. Я рад иметь под своим началом этого умного и волевого офицера.

Настройте Севарсемидзева на предусмотрительность, и, самое главное, я требую, чтобы по возвращении в лагерь он проходил Безобдал с осторожностью, ибо у меня есть сообщения о том, каким манером он его проходил перед отступлением из Караклиса.

Преданный Вам

Ермолов.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.–14. Перевод с фр. Копия

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 7 сентября 1826

Любезный князь Валериан Григорьевич! Весьма порадовали вы меня известием о разбитии мошенников[1]. Дело точно прекрасное и ожидаю, что произведет страх. Признаюсь, что не верил столько необыкновенному количеству побитых; расспрашивал подробно, и приятно было узнать, что потеря злодеев точно ужасна. Гаджи Мамед-Ага казахский, известный своими с сардарем сношениями и нам недоброжелающий, конечно, не радовался поражению друзей и на вопрос мой о числе убитых говорил то двести, то более, но никогда не свыше четырехсот человек. Но я вижу ложь и желание распустить слухи для уменьшения наших выгод. Я не дал ему сего заметить, обласкал и сделал подарок, награду обещал впоследствии.

Вы также ласкайте их. Они вам много верят!

Как хорошо случилось, что Вы, любезный князь, сделали начало совершено в подтверждение донесения моего, что распорядил* я наступательное действие прежде прибытия генерала Паскевича[2]. Думали, что мы перепугались и ничего не смели предпринять! — Досадно мне только, что упустили орудия, и я подозреваю, что это произошло от желания добычи, на которую бросилась наша конница, оставив без внимания орудия, ибо мудрено им было уйти, когда неприятель преследовал довольно далеко. Это много бы украсило победу.

Происшествие сие порадует столицу, а я ожидаю донесение о взятии Елисаветполя, где, может быть, также случится вам попугать мошенников. Дай Бог!

---

* Так в оригинале.

Будьте скромны в рекомендации, не представляйте, кроме истинно отличившихся.

Прощайте, желаю Вам счастия и на Вас много надеюсь.

Странно, что от Реута[3] нет известий. Неужели никто из наших посланных не прошел в крепость и оттуда к нам никто выйти не может?

Душевно почитающий *Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 98

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 7 сентября 1826

Любезный князь Валериан Григорьевич.

Сейчас получил известие о занятии Елисаветполя. Рад чрезвычайно, что дела Ваши идут блистательно и не сомневаюсь, что Государь будет доволен, ибо неимоверно показалось положение ваше опасным. Вы узнаете от тезки Вельяминова, что от того последовало.

Истинно почитающий *Ермолов*.

Мадатова С. А. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863. С. 239–240

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 9 сентября 1826

Любезный князь Валериан Григорьевич.

Вижу из последнего письма Вашего причины, по коим полагаете вы нужным ускорить движение в Карабаг. Я с Вами согласен, но в одном сомневаюсь, чтобы могло быть персидских войск 50 000 человек. Это арифметика здешних народов. Такое число людей при персидском порядке уморили бы с голоду, и потому я не слишком сему верю.

Вы, конечно, успеете, при появлении в Карабаг многих из жителей отвлечь от хана и, быть может, даже обратить на персиян, что сим последним было бы весьма невыгодно, ибо малые их отряды, фуражиры, транспорты и тому подобное подверглись бы опасности и поставило бы их в большое затруднение. Старайтесь, любезный князь, наносить всякий вред злодеям. Вы знаете всех, и к Вам жители имеют доверенность. Лучше Вас никто успеть не в состоянии. Пошлите от себя бумаги в Карабаг, доставьте Реуту сведение об успехах Ваших. Теперь найдутся желающие оказать услуги.

Не оскорбитесь, Ваше сиятельство, что Вы лишаетесь случая быть начальником отряда, тогда как предложит ему назначение блистательное. Конечно, это не сделает Вам удовольствия, но случай сей не последний, и Вы без сомнения успеете показать, сколько давнее пребывание Ваше здесь, столько знание неприятеля и здешних народов может принести пользы службе Государя. Употребите теперь деятельность Вашу и помогайте всеми силами новому

начальнику, который, по незнанию свойств здешних народов, будет иметь нужду в Вашей опытности.

Обстоятельства таковы, что мы все должны действовать единодушно.

Давайте мне сведения о Карабаге, и кто усердствует, и кто изменил нам.

Прошу Вас, любезный князь Валериан Григорьевич, трудиться всеми силами. Надобно выгнать из Карабага злейшаго из врагов наших Аббаса-Мирзу. Способствуйте сему всеми зависящими от Вас средствами.

Прощайте, душевно почитающий *Ермолов*.

Мадатова С. А. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863. С. 240–241

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Гассан-Су, 18 сентября 1826

Почтенный Муравьев.

Знаю усердие твое к службе и деятельность и потому ни минуты не усомнюсь, что всеми средствами будешь ты способствовать Давыдову[1], которому необходимы сведения твои о земле и неприятеле.

Ты узнаешь от него об успехе войск наших против Аббаса-Мирзы и о бегстве сего последнего.

Изыщи способ сообщить известие сие персиянам. Для сего можно отпустить персиянина, привезшего письмо от Монтиса[2], если еще вы его не отправили. Можно чрез наших армян известить соотечественников их, в Эривани живущих.

О мошеннике сардаре эриванском известно здесь, что он в селениях карапапахских по ту сторону Эшек-Майдана. Не более 1000 или 1500 человек конницы его находится в горах шамшадильских для переночевания* жителей сей дистанции.

Если генерал пойдет на Хасан-Хана, его брат сможет прийти ему на помощь одной лишь кавалерией, поскольку с пехотой не успеет. Не выставит он и свое орудие, к тому же я сомневаюсь, что Хасан-Хан захочет его использовать из опасения потерять.

Я бы хотел, чтобы неприятель узнал о поражении Аббаса-Мирзы еще до того, как вы на него нападете. Постарайтесь для этого навести справки.

Прошу дружбы к Давыдову, о котором говорю я теперь как о брате.

Прощай. Душевно любящий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 13 об.–14. Рус. и фр. яз. Копия

В. Г. МАДАТОВУ

Гассан-Су, 29 сентября 1826

Любезный князь Валериан Григорьевич! Я сказал официально то, что и здесь приятно мне повторить насчет Вашей службы. Душевно благодарю Вас и доволен распоряжениями Вашими в рассуждении Шекинской и Ширванской провинций.

---

* Так в оригинале.

Припомните негодование Ваше, когда по прибытии в Карабаг приказал я Вам заняться провинциями. Кажется, я не ошибся, ибо знал, что в теперешних обстоятельствах никто лучше Вас к тому не успеет, ни деятельнейших мер употребить не может.

Если справедливо, удивляюсь, как залез в Кубу генерал Краббе. Неужели не мог он сладить со сволочью? Бесят меня подобные мерзости, которые при малейшей распорядительности случаться не должны! Благодарю Бога, что вам удалось прогнать подлого мошенника Аббаса-Каджара[1], который, не знаю отчего, так быстро побежал, когда не было у вас средств его преследовать и не остановить даже, когда и войск было у него много и артиллерии он не потерял. Вы, любезный князь, хорошее положили начало при Шамхоре.

Теперь скажу Вам по-приятельски о Ваших собственных делах. Нельзя без негодования и гнева принять зверского поступка карабагцев, которые не оставили в покое праха родителей Ваших. Я думаю, что это Мехти[2] мошенника мщение, который мечтал уже вечно обладать Карабагом!

Чувствую, что и совершенное расстройство состояния Вас огорчает, но советую иметь терпение и не дать повода заключать, что вы прежде всего помышляете о его поправлении. И у Вас есть неприятели, которые готовы не все лучшее сказать насчет Вас. Остерегитесь, прошу Вас, и верьте, что всех нас каждый шаг замечают, хотя бы и заслуживали лучшее мнение! По сей причине подвластных Ваших не удовлетворяю я тотчас и прежде всех прочих, и хочу употребить в том строгую осмотрительность и умеренность. Все закричат на Вас, и я не избегу упрека, которому не желаю подвергнуться. Вы согласиться должны, что всего возвратить и невозможно, и несправедливо. У нас в свежей памяти война, которая многих разрушила состояние и о восстановлении такового помышлять было невозможно.

В предписаниях моих найдете средства на первый случай поправить состояние Ваших подвластных, дабы не лишить их хлеба на будущий год, предоставя способы для распашки. Напишите мне скорее, что за суммы провинциального суда, и я часть денег прикажу дать на скот, дабы имели жители, что заплатить за плуги и другие потребности. Напишите в таком смысле рапорт.

Послушайте меня, имейте терпение.

Денис (Давыдов) разбил Бессан-Хана, брата сардаря, и прошел за два маленькие марша от Эриванской крепости.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 98–99

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 10 октября 1826

Любезный князь Валериан Григорьевич! Получил письмо Ваше и вижу, сколько огорчены Ваше сиятельство последним в генерал-лейтенанты производством, в которое вы не включены. Весьма справедливо скорбите Вы, и я могу уверить Вас, что меня самого чрезвычайно тронуло отказанное Вам повышение в чин, тогда как произведены многие, не имеющие равных с Вами прав.

Мудрено отгадать настоящую сему причину, но позволительно думать, что вам есть сильные неприятели. Государь Император не иначе мог отказать Вам в чине, как по внушениям неблагоприятным, насчет Вас сделанным. Но служба ваша была усердна и полезна, и потому нет причины, чтобы неприятели Ваши могли всегда отвращать от оной внимание Императора.

Ваше сиятельство, не будете сомневаться, чтобы я не хотел отдать справедливое уважение службе Вашей и свидетельствовать о подвигах, и потому будете иметь доверенность к дружественному совету моему, состоящему в том, чтобы имели Вы терпение и твердость, отбросив неприличное намерение удалиться от деятельной службы и состоять по армии в то время, когда здесь война, в которой Вы, будучи употреблены, принести можете большую весьма пользу знанием земли и неприятеля. Послушайте меня, любезный князь, и будьте терпеливы, не могу я не желать Вам добра и милостей Государя, которыя Вы заслужили. Отбросьте намерение Ваше, и Вы заставите замолчать недоброжелательствующих Вам усердием вашим и известною всем сослуживцам Вашим отличною храбростию. Узнает Император истину, которая от него не скрывается, по его неимоверной деятельности.

Возвратившийся Мирза-Джан[1] скажет Вам многое и, может быть, знает он, кто наиболее вредить Вам может.

Прошу Вас еще продолжать по-прежнему Ваше служение и не помышлять быть по армии. Боюсь я, чтобы таковым требованием не повредили Вы себе во мнении Государя, которому может не понравиться Ваш поступок. Неужели никогда не бывали потери по службе вознаграждаемы, и почему одни Вы могли бы на то не иметь надежды, особенно при Государе справедливом.

Верьте моему совершенному почтению.

Истинно уважающий, *Алексей Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 99–100

В. Г. МАДАТОВУ

Нуха, 21 октября 1826

Нечего писать много, любезный князь Валериан Григорьевич, довольно поздравить Вас от души с чином и саблею[1].

Уверяю Вас, что не более может обрадовать меня собственная награда! Я доволен, что искал Вас успокоить, и вскоре оправдалась надежда моя на справедливость Императора. Дай Бог счастья, любезный князь, а служить, знаю, будете славно!

Рад душевно, и я успокоился, ибо оскорбительно для меня было бы.

Истинно почитающий, *Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 100

В. Г. МАДАТОВУ

С[еление] Шемаха, 20 ноября 1826

Я ожидаю Вас, любезный князь Валериан Григорьевич, в Пиразы или Ареш, куда я буду не прежде одиннадцати дней, следовательно, Вам доста-

точно времени, чтобы собрать всех тех, кого мне видеть и обласкать нужно. Я весьма желаю Вас видеть, чтобы обо всем переговорить.

Повидайтесь с Паскевичем пред отъездом, чтобы не навлечь на себя неудовольствий, к которым он, кажется, готов. Не раздражайте могущественного. Прощайте.

Душевно почитающий, *Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 100

В. Г. МАДАТОВУ

Лагерь при Ханабате, 7 декабря 1826

Князь Валериан Григорьевич! Получил рапорт Вашего сиятельства с Казум-Беком.

Странно письмо Чилаева[1] к Вам, и не понимаю, какие причины могли вынудить его оставить крепость, как он говорит.

Какой подлый поступок мерзавца Аббаса- Мирзы, что Чилаева и других отдал изменнику Гаджи-Агалару-Беку[2] для вымена семьи его и мошенника Аседа-Мирзы. Гаджи-Агалар смеет еще, сверх того, требовать Ростом-Бека[3].

Какие злодейские намерения, чтобы иметь в руках своих всех людей, по обширному родству своему и прежним связям могущих возмущать Карабаг и быть нам вредными.

Верю, что г[осподину] Чилаеву хочется получить свободу, но с такими условиями я не намерен доставать его, ибо вижу весьма ясно намерения подлеца Каджара[4].

Посмотрим, что пишет Аббас-Мирза г[рафу] Паскевичу. Он полагает, что я уже не существую и что чрез него может получить выгодный мир. Желаю ему и сей славы!

Между тем желаю, чтобы Ваше сиятельство сделали удачно то, о чем мы говорили, и желаю от души! Подумайте о сем со вниманием и осторожностию. Мне пишите обо всем, что узнаете, что предпримите[5].

Кузук-Бек просит о каком-то родственнике своем, желающем возвратиться из бегов. Рассмотрите вину его и, если правда, что он бежал, будучи настращен и по молодости, то возвратите его из уважения к памяти отца его, убитого в Кырчи, сражавшегося за нас. Прощайте.

Истинно почитающий, *А. Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 100–101

В. Г. МАДАТОВУ

Лагерь при с[елении] Чары, 14 декабря 1826

Князь Валериан Григорьевич! Получил бумаги Ваши, из коих вижу, что к 20 числу приказали Вы войскам быть в готовности.

Подлые персияне не перестают делать разбои и нападение их на Дизахский магал, досадно! Хорошо, что вы подвинули из Ахуглана подполковника

Миклашевского[1], который, если бы теперь не успел наказать их, то они не посмеют, по крайней мере, впредь делать нападение вместе с регулярными своими войсками.

Если обстоятельства представят Вам случай действовать на кочевья в Муганской степи, я уверен, что Вы соблюдете возможную осторожность.

Желаю Вам успеха и не сомневаюсь, порадуюсь, если Бог даст Вам наказать мошенников, которые много нанесли нам оскорблений.

Не теперь знакомлюсь я с храбростию Вашею и потому советую Вам быть осторожным. Если что случится с начальником, не всегда между подчиненными сохраняется порядок. Дай Вам Бог счастья, любезный князь.

Истинно почитающий, *Ермолов*.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 101

В. Г. МАДАТОВУ

Тифлис, 13 января 1827

Поздравляю Вас, любезный князь Валериан Григорьевич, с успехом, весьма полезным для дел наших и всеконечно распространившим большой ужас, которого пользу почувствуем мы впоследствии. Вы поверите, что мне приятно было узнать, что весь успех приобрели Вы, не употребив даже войск, кроме двух полков казаков, и что с усердием действовали те люди, о коих говорят, что они страждут под управлением нашим. Это может служить некоторым доказательством, что между ширванцами и карабагцами снискали Вы некоторую доверенность! Для пользы службы нахожу выгодным, что Ата-Хан[1] и брат его явились к Вам и просили о покровительстве. Ласкайте их и обнадеживайте, что они сохранят все свои права и выгоды, что начальство всегда с приятностию будет видеть их усердие. Истолкуйте им, что мы ничего от них не потребуем, но чтобы они персиянам никаких уже не оказывали пособий. Вероятно, что Ата-Хан в особенности уразумеет выгоды независимости от персиян и по злобе на Аббаса-Мирзу не будет желать ему добра.

Хорошо, что Вы приказали шагсеванцам кочевать на Муганской степи. Пусть познакомятся они со снисхождением нашим, но дайте, любезный князь, строгое приказание, чтобы войска наши, ни жители мусульманских провинций не делали им никакого вреда, ни беспокойств.

Пишите, что у Вас происходит. Жаль, что не попались Вам персидские войска, которые, конечно, были бы обработаны порядочно. Думаю, что худое время и недостаток в фураже ничего не допустят вас сделать более, ибо сверх того ожидать можно, что Аббас-Мирза примет какие-нибудь меры, чтобы вы не покусились на Агар. Неужели нет у него войск, ибо невероятно, чтобы в продолжение зимы не старался он набирать сарбазов и учить их? Будьте осторожны. Давайте мне знать обо всех случаях, ибо я должен весьма частые делать донесения.

Еще повторяю с удовольствием, что я весьма обрадован был успехами Вашими и желаю хорошего окончания.

Примите, любезный князь, уверение мое в совершенном почтении и уважении.

Ермолов

Я давно немного нездоров и со двора не выезжаю.

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 101–102

НИКОЛАЮ I

Тифлис, 3 марта 1827

Ваше императорское величество.

Не имея счастия заслужить доверенность Вашего императорского величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше величество мысль, что при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли; сей недостаток доверенности Вашего императорского величества поставляет и меня в положение чрезвычайное и затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решительности, хотя бы природа и не совсем отказала мне в оной. Деятельность моя охлаждается мыслию, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, всемилостивейший Государь!

В сем положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом[1], ибо в теперешних обстоятельствах может это быть приписано желанию уклониться от трудностей войны, которых я совсем не почитаю неопределительными*, но, устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему императорскому величеству меру сию, как согласную с пользой общею, которая всегда была главной целию всех моих действий.

Вашего императорского величества
верноподданный *А. Ермолов*.

ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 96. Д. 18. Л. 1. Копия

А. В. КАЗАДАЕВУ

Тифлис, 30 марта 1827

Любезный и почтенный Александр Васильевич.

Я пишу к г[осподину] министру финансов[1], прося ходатайства его в пользу коллежского советника Нагибина[2], служившего при мне девять лет в здешней стране. Отношение мое у сего прилагаю, прошу, по-дружески, к нему доставить.

Может быть, представление мое, как человека более уже не служащего, не будет уважено министром, но я прошу представительства твоего о нем и надежду в успех основываю на оном. Не откажи просьбы моей, ибо она о чинов-

---

* Так в оригинале.

нике отлично усердном к службе *императора*, весьма деятельном и совершенно бескорыстном.

Прощай любезный друг, желаю тебе здоровья и счастия.

Душевно преданный *Алексей Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 102

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Тифлис, 31 марта 1827**

Любезный и почтенный Арсений Андреевич!

Долго нечего было писать к тебе, но теперь позволь поговорить о деле, близком к сердцу. Ты желал быть благодетелем старшего из сыновей моих, хотел иметь попечение о воспитании его. Конечно, не переменишь ты намерения своего и благодеяние твое ему нужно. Состояние мое не позволяет мне дать поведение** детям моим!

В надежде на тебя я отправляю сына моего к двоюродному брату моему, состоящему по армии, генерал-майору Ермолову[1] в Москву, который к тебе его доставит, когда ему о том прикажешь. Ему седьмой год, и, кажется, обещает он изрядные способности, хотя понуждать его к учению еще рано. Я удержал бы его под моими глазами, но обстоятельства мои тому препятствуют. Неловко обременить старика-отца, которому за 80 лет, немалым семейством. Брат родной мой, в котором имел я друга, недавно умер[2], сестры моей[3] состояние тебе известно! У меня нет еще доселе собственности!

Не откажи благотворений твоих моим детям, они не имеют моего имени! Надеялся я заслужить им права дворянства, в чем многим не отказывалось, но теперь должен я ограничиться одним тем, чтобы они, получив хорошее образование, могли сделаться людьми годными. На сей предмет обращу я все то, что когда-либо принадлежать мне будет. Прощай, любезный Арсений Андреевич, продолжи мне лестную для меня твою дружбу, в продолжении стольких лет постоянную.

Душевно преданный, *А. Ермолов*.

Старшего сына моего зовут Виктором, фамилия, приличествующая детям моим, есть Горские.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 66–67

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Лукьян[чико]во, 23 июня 1827

Любезный Роман Иванович. Проживши довольно долгое время на линии в ожидании Вельяминовых[1], я отправился далее, заезжал в Таганрог единственно для того, чтобы видеть место кончины Императора, мне благотворившего, и 15-го числа прибыл в деревню отца моего.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 18 апреля 1827», «Отвеч[ено] 9 июня».

** Так в оригинале.

Старика моего нашел я здоровым, но уже весьма слабым. Кончина брата стоила ему больших огорчений, к тому же не утешает его и мое положение. Все сие нелегко переносить человеку за 80 лет! Старик замышляет удалиться от света и жить в уединении; собирается говорить о сем со мною.

Скажу вам о себе: я здоров, собираюсь заниматься хозяйством, о котором пресмешныя имею понятия, но не так велико состояние и не весьма многосложно управление, чтобы наконец и я не сделался экономом. Странная перемена в моем положении не кажется, однако же, мне удивительною, и я начинаю привыкать к оному легче, нежели я думал. Справедливо замечал покойный брат, что я animal d'habitude!* Соседей у меня мало, и еще менее порядочных; те, коих знал я в ребячестве моем, по естественному порядку, перемерли, и я здесь совершенно в чужой земле; больших знакомств я делать не намерен. Зимою, может быть, поеду в Москву месяца на два, дабы не сделать совершенной отвычки от людей. Прежде, однако же, успею снять с себя мундир, который теснит меня при небольшом состоянии моем и понуждает к издержкам, которыя, отяготительны.

Прошу, любезный друг, иногда уведомлять меня о себе и как вы послуживаете. Поклонитесь от меня тому малому числу людей, которые меня помнят, и еще меньшему числу тех, которых я помнить должен: разумеется, в числе сем не будет ни дурак Батон, ни п[одле]ц Евсеевич[2].

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 230–231

А. В. КАЗАДАЕВУ

Лукьян[чико]во, 6 июля 1827

Любезнейший и почтенный, Александр Васильевич.

С 15 числа июня я в деревне у старика отца моего, коему присутствие мое дает, кажется, силы. Начинаю привыкать к новому образу жизни и нахожу в нем приятности. На первой случай есть занятия, впоследствии буду их изыскивать. Ты знаешь меня чуждым праздности, не верь молве, которая делает из меня ленивца, распутного и даже весьма поглупевшего; это изобретатели, недоброжелательствующие мне, но уже перестаю и возбуждать зависть, и скоро не будет у меня неприятелей. Приехавши, нашел я письмо твое и благодарю душевно за старание о Нагибине[1]. Вельможа[2], обещавший отвечать на письмо мое, кажется, хотел обмануть вежливым образом, чего, впрочем, я и ожидал. Жаль только, что не получит места человек весьма годный на службу и самых строгих правил чести, в каковых, конечно, нет избытка.

Принеси мое совершеннейшее почтение милостивой государыне Надежде Петровне, будь здоров и счастлив, уведомь меня о детках твоих и подробно о Владимире! Продолжи мне прежнюю твою лестную мне дружбу.

Прощай.

Душевно любящий *А. Ермолов*.

---

* Животное, как правило (*фр.*).

Старик мой, вам почтеннейший друг, свидетельствует свое усерднейшее почтение.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 64

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Лукьянч[ико]во, 13 июля 1827**

Почтеннейший и редкий друг Арсений Андреевич.

Давно чрезвычайно не писал я тебе, но теперь начну благодарностию за сына моего[1]. Ты делаешь благодеяние юноше, который вступит в свет без всякого покровительства и с единственным наследством толпы неприятелей моих, никаких других прав не имея. Будь милостив к нему, любезнейший друг! Я предуведомлю тебя, когда его отправлю, но, конечно, не прежде будущей весны. Сделай к тому времени твое распоряжение. Учение его прикажи учредить таким образом, чтобы он знал иностранные языки нужные и приуготовлен был к военной службе, если не обнаружится других решительных наклонностей. Всего прежде нужно, чтобы он был добрый человек и непоколебимых правил чести. Может быть, сие последнее небольшие принесет выгоды в жизни, но он будет уметь находить утешение, если природа наделит его дарованиями.

Я 15-го числа прошедшего июня приехал в деревню к старику отцу моему, которому придало силы мое присутствие. Старик с неописанным великодушием принял детей моих и называет их сиротами. Я живу весьма покойно, и сия жизнь кажется мне не без приятностей. Давно нужно мне было отдохновение, к которому, впрочем, мог я перейти не таким образом. Но, почтеннейший друг, чиста у меня совесть, и не оставит судьба без наказания врагов моих, оклеветавших меня пред Государем. Что делали со мною в Грузии! Какой гнусный ябедник Паскевич, непостижимо! Когда-нибудь увидевшись, переговорим. Желтухин заезжал ко мне на несколько часов, и мне любопытно было его посещение.

Теперь прошу тебя объяснить мне, каким образом пожаловано мне 5000 рублей серебром столовых денег? Государь и без сей новой милости пожаловал мне жалованье по чину и столовые деньги по званию корпусного командира, чем я совершенно был доволен и чего более не мог желать. Теперь, если 5000 рублей серебром отменяют прежнее назначение, то я внакладе, ибо сего последнего дара если и не смел я отказать, то, по крайней мере, не обращу в свою пользу, что увидишь из прилагаемой у сего копии письма моего графу Дибичу[2]. Я не должен был поступить иначе, и, конечно, ты ожидал от меня сего. Угадываю, что неприятели и самую милость Государя будут уметь истолковать во вред мне. Скажут, что мне заплачено за удаление меня из службы и обнаружение негодным. И поистине, такова наружность сей награды. Уведомь меня, сохранят ли мне прежнее жалованье и столовые деньги, указом 4-го апреля министру финансов данный?

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 21 июля 1827», «Отвеч[ено] 16 сентября».

Я теперь занимаюсь приведением в порядок моей библиотеки, которая, не будучи весьма большою, довольно, однако же, хороша. Езжу верхом, дабы сохранить прежнюю подвижность и по возможности продолжить какого-либо рода деятельность. Не верь, почтеннейший друг, распускаемой на счет мой лжи, что будто я облинился, сделался праздным и лишился прежней способности. Все это изобретено злобою, и ты уверишься в том при свидании. Верь, что я не потерял прав на прежнюю твою дружбу!

Находясь в 12-ти верстах от Орла, я там еще не был, и у меня нет там знакомых, как будто в иностранном городе. Зимою, однако же, надобно жить там, ибо в деревне дом из щепок и нет ни одной печи. Желалось бы побывать зимою в Москве, но не знаю, удастся ли; впрочем, жалованье дает средства. Не подумай, что я говорю о 5000 руб. серебром, я не коснусь их! Что если бы домашние дела твои привели тебя в Москву и могли бы мы пожить несколько времени вместе! Сомневаюсь я в сем и, кажется, забавляю себя пустою надеждой! Напиши, однако же, будет ли сие возможным.

Прощай, любезный друг, узнай, как будет новым графом[3] принято письмо мое, которое я с тем писал, чтобы по оному было доложено Государю. Мне может быть одно и осталось преимущество, не казаться корыстолюбивым, и сего не намерен я лишиться.

Здесь слышу, что брат Михаил скоро возвратится. Напомни ему о даче на полуденном берегу Крыма. Быть может, он забыл о сем, но теперь было бы сие весьма прилично и я не отказал бы.

Продолжи мне лестную свою дружбу.

Верный по смерть *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 68–70

И. И. ДИБИЧУ

Лукьян[чико]во, 13 июля 1827

Спешу отозваться на почтеннейшее письмо Вашего сиятельства, извещающее о новой награде, которою его императорское величество всемилостивейше ущедрять меня изволит, назначая 5000 рублей серебром в год столовых денег[1].

Исполненный верноподданнических чувств признательности, принял я прежнюю милость Государя, которою определено мне жалованье по чину и столовые деньги по званию корпусного командира. Милость сия, оказываемая другим в одних со мною чинах в одинаковом положении, столько, по образу жизни моей, велика для меня, что всякий другой дар соделывает излишним. Но, не осмеливаясь уклониться новой награды, дабы не умножить неблаговоления его императорского величества, которое имею несчастие явно носить на себе, я, приемля оную, буду чувствовать обязанность мою щедроту Монарха употребить достойным ее образом, ничего не отвращая в пользу свою.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью.

[*А. Ермолов*]

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 71. Копия

П. А. КИКИНУ

Орел, 6 августа 1827

Любезный и редкий брат, Петр Андреевич. Жалею, что путешествие твое в Ревель лишило меня удовольствия писать к тебе; еще более жалею о причинах путешествия твоего[1]. Что сделалось с сестрою, которой подобных мало! Порадуй, если поправилось ее здоровье.

Тебе г[осподин] Мазарович все скажет, относящееся до меня. Он был в Тифлисе последнее время моего там пребывания, и ты услышишь множество странных вещей.

Продолжительно было бы описание всего, но нечто вкратце писал я А. А. Закревскому и просил его показать тебе письмо мое!

Ты не удивишься, ибо нет ничего нового под луною! Может быть, найдешь не совсем справедливым поведение могущественных людей против меня, но и сие весьма обыкновенно, как и то, что поправших меня увидим падение в свою очередь. Разница в том, что меня давно престало баловать счастие и перемена положения моего не постигла меня внезапно, что с другими может случиться иначе!

Я здоров, живу со стариком моим в деревне, нашел его уже слабым; но, сколько могу, служу ему утешением. Привыкаю к новому состоянию моему и, благодаря Богу, нахожу средства быть им довольным. Давно расстался со многими мечтами, и ближайшее рассуждение о них обуздывает прежние, лет молодых, страсти. Первого злодея — честолюбие — гоню из обиталища моего; редко уже беседует со мною льстивая подруга-надежда, и я очень хорошо разумею, что жизнь спокойная, безызвестная есть моим уделом! Не время делать новые связи, новые знакомства; счастлив буду, если сохраню прежние, и в числе малом мне достаточные! Люби меня по-прежнему и обещай, в утешение мне, что я тебя увижу. Хотел бы видеть твое семейство, моих родных, но где и когда?.. Я буду в Москве зимой, ты в Москве не бываешь. В Петербурге мне быть незачем! Вельяминов[2], обитатель Тулы, сосед мой, пускается от кавказских вод и вскоре здесь будет и это ближайший мой знакомый. Здесь я иностранец, вышедший на берега африканские. Как все пусто, как дико! Люди с состоянием живут в столицах; с умеренным — прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами, и наш город Орел кажется взятым штурмом ябедниками и подьячими.

Невзирая на все сие, я строю каменный двухэтажный дом в городе. Не пугайся, он в фасаде имеет до 6-ти саженей и будет вмещать в себе три небольшие для меня комнаты и три, в коих расположится не весьма многочисленная моя библиотека. У меня есть изрядные книги, которые вместе с тобою приобретали мы в заграничных наших прогулках. Найду какое-нибудь упражнение, но жалею, что писать ничего не в состоянии, и соглашаюсь с теми из доброжелательствующих мне, которые ко многим другим обо мне заключениям присоединили и то, что я очень поглупел. Прощай! Поцелуй ручку у чудесной сестры моей[3], которая в письмах твоих ко мне присоединяла всегда пророчества на мой счет и которые сбывались непременно! Пришли несколько хоро-

шеньких рисунков для шкафов в библиотеку, но прошу не слишком вдаваться в majestoso*.

Верный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 528–529

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 6 [сентября] 1827***

Почтенный и редкий друг Арсений Андреевич.

Так редки верные случаи писать, что я оставляю тебя на счет мой в совершенной почти неизвестности и столько же мало знаю о тебе. Податель сего г[осподин] Мазарович перескажет тебе обстоятельно, все до меня относящееся. Приласкай его как человека, десять лет постоянно ко мне расположенного. Ты с любопытством услышишь о последнем времени моего пребывания в Тифлисе, о коем скажу сам вкратце.

Граф Дибич соблюдал со тщанием все наружности в обращении со мною. При самой первой встрече сказал мне, что поведение его докажет мне совсем противное общей молве, что он мне неприятель и что к вражде между нами не существует никаких причин. В начале думал он поладить нас с Паскевичем, далее говорил мне, что он весьма хорошо видит, что нам вместе быть невозможно, и не менее четырех раз утвердительно говорил, что Паскевич отозван будет непременно. Паскевич долгое время сказывался больным и не показывался; я работал, как невольник, дабы приуготовить все к войне нужное, и скажу тебе как честный человек, что сделал все, что в тамошней стране физически возможно.

Дибич должен был признаться, что он как войска, так и существующий в них дух и дисциплину нашел противными тому, как было донесено; видел выступавшие войска в авангарде с Бенкендорфом[1] в новой совершенно одежде и с весьма исправными обозами. Не знаю, как он доносил, но приметно было, что хвалить для него тягостно было, ибо надлежало говорить вопреки Паскевичу, которому Государь оказывал особенную доверенность и благоволение, и вопреки Бенкендорфу, у коего брат человек могущественный и близкий. Итак, думаю, Дибич в придворной премудрости своей определил принести меня в жертву. Он не переставал повторять, что медленные действия, не согласующияся с желанием Государя, который ожидает возможной быстроты, его прогневают и я подвергнусь неприятностям. Никакие рассуждения не принимались, и только подтверждаемо было: *скорей, скорей!* Так, без всякого толку послан был Бенкендорф с авангардом в самое гнусное время и по непроходимой дороге, и вскоре оказался недостаток в продовольствии, ибо доставлять его вслед было невозможно. Пусть спросят войска, что они терпели и что сделали? Бенкендорф, столько же великий генерал, как и министр[2], делал одну ошибку за другою, и наконец отправлено было ложное донесение

---

* Правильно: maestoso — величаво, торжественно (*итал.*).

** Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 29 сентября», «Отвеч[ено] 19 октября».

об одержанной победе, которая не что иное была, как ничтожная перестрелка[3]. Донесено было, что он разбил непобедимых куртинцев[4]. В Тифлисе все знали подробности сей мнимой победы, Дибич еще не выезжал, и я также, он мог узнать о всем достоверно, но согласился, однако же, сделать хвастливое и несправедливое донесение. Он мог бы употребить тех же самых шпионов, коих верил клевете на счет мой, и они бы не смели не довести об общей молве в народе, о победе.

Конечно, по его же донесению напечатано было в газетах, что лишь только принял Паскевич команду над войсками, тотчас отправлены были войска под начальством Бенкендорфа, дабы войти в неприятельскую землю. Не мог он забыть, что инструкция Бенкендорфу составлена была с общего моего и его согласия и повеление о выступлении мною подписано. Вскоре последовавшая перемена не дает, однако же, права распоряжение сие относить на счет Паскевича.

Потом распустили молву о недостатках в продовольствии и что нет к войне никаких приуготовлений. Еще в бытность Дибича согнали в Тифлис купленных мною быков для провиантских транспортов, не было даже признака подножного корма, и между ними открылся падеж. Вот плоды неуместной скорости, и со всем тем великий вождь Паскевич, по изгнании моем, не прежде умел выйти из Тифлиса, как почти чрез полтора месяца, невзирая на все пособия Дибича с его могущественною и все разрешающею властию. Отчего же во мне только найдена была медленность и недеятельность и десятилетняя моя опытность почтена ни во что? Дибич должен был лучше употреблять доверенность Государя!

Больно, достигнувши звания моего службою довольно продолжительною и довольно усердною, быть неизвестным до той степени, что принимались против меня самые гнусные доносы, по которым производились самые низкие разыскания. Выслушивались с доверенностью презрительнейшие мерзавцы, и никого не спрашивали из людей порядочных. Таково было поведение подлого и злобного Паскевича, который говорил, что он непримиримый враг мой за то, что я отнял у него славу покорить Тавриз после одержанной им победы[5], и так поступал граф Дибич! Словом, для истребления моего нельзя было избрать лучших орудий.

Бенкендорф, невзирая на ограниченные способности свои, играл также немаловажную ролю. Паскевич многие ябеды свои передавал чрез него могущественному его брату[6], дабы придать им более вероятия и быть самому в стороне. Наш Бенкендорф всему верил, и все казалось ему возможным, а, дабы удерживать его в благородном расположении вредить мне, от Паскевича приставлены были к нему генерал-лейтенант Красовский[7], самый величайший у подлецов, у которого в понятии все средства позволительны, и походный атаман Василий Дмитриевич Иловайский[8], по крайней мере, столько же подлый и которого Бенкендорф рад был найти глупее себя, а потому думал, что он ничего не скажет из хитрости. Вот шайка, составившаяся против меня, в которой Паскевич был главою. Он приуготовлял себе мое место, но те и со мною ничего бы не потеряли, Бенкендорфу брат все доставит и без заслуг. Красовскому доставит Дибич, имеющий о нем высокое весьма понятие и не без удо-

вольствия выслушивающий низкую его лесть. Он раз сказал ему: «Вас судьба привела в Грузию для ее спасения, немного после, было бы уже поздно!» Паскевичу в его очередь также расточали лесть за обедом, пивши его здоровье, генерал-лейтенант князь Эристов, ужасный дурак и подлец, сказал ему, что он отец-избавитель Грузии. Жаль, что не истолковал, от меня ли избавил ее или от неприятеля, и Паскевич не нашел комплимента лишним!

Множество есть пресмешных вещей, о которых перескажу, увидевшись. Покажи письмо сие Кикину и брату Василью[9], которые ничего обо мне не знают и, может быть, упрекают мне, что их не извещаю.

Я здоров, живу в деревне с моим стариком, весьма уже слабым. Занимаюсь приведением в порядок небольшой моей библиотеки. В городе был два раза, но ни с кем не видался. Приступаю к построению великолепного каменного дома, имеющего в фасаде до шести саженей и в два этажа. Тут будут у меня три комнаты для жилья и две довольно большие для книг. Я, благодаря Бога, нахожу средства быть довольным моим положением, сколько то можно! Понемногу взростают мои рыцари и, кажется, не глупы будут. Не забудь о старшем и благодетельствуй всем!

Скажи мое совершеннейшее почтение милостивой государыне Аграфене Федоровне.

Прощай, продолжи мне расположение свое, всегда для меня лестное.

Верный *Ермолов*

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 72–76

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 20 сентября 1827

Чувствительно благодарю Вас, почтеннейший Роман Иванович, за уведомление о себе и иногда об успехах оружия нашего; меня, как некогда солдата, они утешают, и я люблю помнить о моих сослуживцах. Привыкаю я к новой жизни моей, и она не без приятностей в деревне, пока хорошая погода, но приближается скучная осень и зима бесконечная, и я не знаю, что из меня будет? Я поздравлю себя, когда преодолею их.

Перестав быть предметом зависти, я уже не возбуждаю против себя клеветы, и неприятели менее меня раздирают. Мнения на мой счет различны, и не все казнят меня! Старик мой строит себе маленький домик близ церкви и жилища архиерея, с которым он дружен, и там намерен кончить дни свои. Ему наскучили заботы хозяйства и дрязги домашние; я ничего не понимаю в хозяйстве и буду весьма смешон…

Прощай, побеждайте врагов и дайте мир России славный и великих полководцев! Пока до истории, говорящей истину, успеют газеты много наговорить об вас и прозвонят колокола при благодарственных молебствиях!

Прощай, поклонись домашним твоим.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 231

П. А. КИКИНУ

Орел, 12 октября 1827

Любезный и родной брат Петр Андреевич! Получил письма твои, одно с г[осподином] Буниным[1], другое с сестрою Анною Петровною!

Не могу не знать обязанности моей благодарить тебя и почтеннейшую сестру Марью Ардалионовну за расположение ваше, для нее[2] лестное и поистине великодушное. Правду говорил любезный брат, что она кротостию своею и смирением необыкновенная. Всегда свойства ее достойны были уважения! В обоих письмах говоришь о ней, как будто не веря желанию моему ее успокоить, убеждаешь ее употребить старание, дабы поправить ее положение, как будто я никогда не помышлял о том.

Не знаю, что заставляет тебя думать таким образом. О домашних моих делах моих я редко говаривал тебе, особенно когда они неприятны, говорить о них нерадостно. Но нужно, чтобы ты знал некоторые обстоятельства, дабы видеть, что и не так легко уладить все по желанию.

Старики своеобычливы, их не переучивают, но переживают. Отцу еще менее прилично давать наставления! Мне запрещено было даже говорить о сестре или просить за нее. Теперь старик мой построил маленький себе домик близ церкви, желая сложить с себя заботы управления имением, и я при сем случае говорил ему о сестре, о ее положении, о том, что муж ее, оставя службу и вместе с нею лишась некоторых средств, не будет в состоянии существовать без его помощи. [У] старика нетрудно возбудить нежность к сестре, но не обещаю я себе примирить его с зятем. Нельзя переменить мнение его о нем как о человеке ветреном и необстоятельном. Божусь, что я все испытывал и ни в чем не успеваю. Я до сих пор не склонил его, чтобы он что-либо определил на их содержание. Конечно, все я сделаю, что только зависеть от меня будет, но мне старик не сказал еще доселе, в чем состоит его имущество и что составляет его доход. Говорит, что у него написана духовная и все распределено. Но я ничего не знаю. Сказал мне, что оградит сестру от мотовства мужа, которому, повинуясь, отдает она все свое состояние и может остаться без ничего. Дошло до сведения старика, что у зятя множество долгов, и он не понимает, как при малом состоянии родителей могли они возрасти до такой степени? Он относит все сие к его неумеренности и невоздержанию. Я представлял разные к оправданию причины, но признаюсь, что сильно возражать не смог.

Марья Савишна[3] моложе была отца моего, но скажи, одолевал ли ты ее своенравие? Она любила Марью Ардалионовну, утешалась твоею дочерью, но что для них она сделала? Старик мой поступков своих в отношении к сестре не иначе разумеет, как твердостью, и отнюдь не видит в них упрямства. Что вы хотите, чтобы я сделал? Я не знаю еще, что будет, когда Алексей Александрович[4] сюда приедет, и, конечно, не самое будет лучшее положение всех нас.

Ты знаешь, что есть самые благородные люди, которые сеют раздоры в семействах, и я не поручусь, чтобы не доходило до старика, чтобы Алексей Александрович не всегда на счет его был воздержанным в выражениях. Опять повторю тебе, что мне приятно будет сделать все то, что буду я в состоянии. Для сестры не будет для меня ничего трудного, но я предупрежу тебя, что я не-

многое могу сделать. Теперь мы будем жить вместе, и, быть может, в продолжении некоторого времени старик мой объяснится.

Не скрою я, что я не понимаю, зачем А[лексей] А[лександрович] оставил службу или, по крайней мере, оставил ее весьма не вовремя. Место давало ему некоторые средства, к ним присоединил бы я то, что можно и людям бездетным, хотя с нуждою, но существовать было бы возможно. Между тем узнал бы я намерение старика и что можно уделять им от всего состояния. Теперь я сам в полной зависимости, и в таком положении вместе жить нам не так удобно, особенно когда скажу я тебе, что я уже испытывал неприятные упреки Алексея Александровича, что у покойного Императора не выпросил я для него 100 т[ысяч] рублей. С желаниями в таком размере и при наших способах трудно будет удовлетворяться.

Я сказал тебе, любезный брат, все, что за душою, прошу твоей скромности, дабы не произошло между близкими родными раздора. Мы с тобою должны увидеться будущее лето, и я с тобою откровенно переговорю о многом.

Теперь о другом.

Удивляет меня, что дела в Персии идут не совсем успешно. Однако же если, как ты уведомляешь, пошел *Паскевич* с 30 тыс. прямо в Тавриз, он даст оборот делам. Я думаю, что если персияне встретят его на пути, то он не будет иметь битвы кровопролитной; Тавриза же, ожидаю, они защищать не станут, и он войдет в оный без препятствия и там ничего не найдет из всех европейских заведений, т. е. он разрушит пустые стены литейного дома и ничтожной ружейной фабрики, которая еще в младенчестве. Я бы на месте Аббас-Мирзы в опустошенный Тавриз открыл дорогу, подослал бы людей с просьбою, чтобы он поспешил освободить их как недовольных правительством и боящихся за то наказания, а сам атаковал бы на Араксе переправу, ее уничтожил и насел бы на хвост армии, и разорял бы транспорты с продовольствием. *Паскевич* не найдет в Адербиджане[5] средств существования, ибо их истребить возможно, и должен будет возвратиться назад. Приближается время, в которое чрез горы, на границе лежащие, дороги сделаются неудобными, транспорты будут двигаться весьма медленно, и всякое предприятие подвержено будет многосложным соображениям. Еще было занес перо, но вспомнил, что не мое дело рассуждать о сем, когда я признан за неспособного человека.

Не дай Бог, чтобы узнал *граф Дибич*! Прощай, прочти письмо мое Закревскому, чрез *Мазаровича* посланное. Верный по смерть *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 530;
ОР ИРЛИ Ф. 265. Оп. 1. Д. 7. Л. 256–258. Копия, фрагмент

М. А. КИКИНОЙ

Орел, октябрь, 1827

Почтеннейшая сестра, Мария Ардалионовна! Сестра Анна Петровна оставила мне письмо ваше и, невзирая на насмешки ваши, что я просил вас о милостивом к ней расположении, мне не менее приятно благодарить за то, что вы ей оное оказывать изволили. Она без слез не говорит мне об вас, и едва ли удовольствие видеть меня в состоянии смягчить горесть разлуки с вами. Жить

близко вас сделалось для нее потребностию, и никогда более не жалел, что Алексей Александрович оставил службу.

Вы меня просите за нее сомневаясь, как будто, что привязанность моя к ней не заставит меня употребить все возможные средства к ее успокоению. Не так легко ладить со стариками, что думаю, я и вы, милая сестра, и вы несколько знаете. Могло занятие мое прежде службою и долговременное отсутствие много мне препятствовать, но теперь, будучи свободным, близко к отцу моему, конечно, не упущу я ни одного случая, чтобы обратить его к ней нежность. Уверен, что не нужно к тому никаких усилий, судя по удовольствию, с которым встретил он сестру. Итак, почтеннейшая Мария Ардалионовна, по благосклонности к сестре, будьте на счет ее покойны.

В самом деле, вы проницательны в выборе людей по их способностям, назначая мне должность при брате, Петре Андреевиче. Требующей умственных способностей, конечно, не приму я на себя как-то учиться экономии, домоустройству, ибо я поглупел очень, как вы верно уже слышали. Если же хотя мало усомнитесь вы в том, то я представлю убедительное свидетельство графа Дибича и многих других, благоволящих ко мне особ. Но сохранил я еще несколько сил и пахарем буду усердным, под хорошим руководством.

Вы настращали меня вашими пророчествами. Вы предсказали мне удаление, или, справедливее назвать, изгнание из службы, но теперь, обращая меня к земледелию, вы не вселяете в меня страха. Не правда ли, что может назваться счастливым тот, которому нечего бояться? И глупость моя немало способствовать будет счастию. Ей благодаря, не станут называть меня либералом, карбонарии[ем] и видеть во мне человека, стремящегося нарушать порядок. Но что будет и со многими другими, когда с тою же прозорливостию будут рассматривать их способности? Неужели один я должен был поглупеть, и так поздно сие приметили. Подсмотрят впоследствии тоже и во многих нынешних мудрецах и избранных.

Однако же позвольте мне спросить вас, милая сестра, когда могу я надеяться увидеть моего Seigneur du village*. О вас не смею я думать, ибо вижу, что со столицею нелегко вам расставаться. По мнению нашему, жителей деревенских, мог бы чистый воздух, движение поправить здоровье ваше. Подумайте о сем; может быть, в сем хотя случае вы не найдете мнение мое глупым… Прошу покорнейше сказать мое совершеннейшее почтение Екатерине Васильевне[1] и искреннюю благодарность за благосклонное расположение к сестре моей.

Имею честь быть с чувствами истинной приверженности и отличного почтения душевно преданный *Алексей Ермолов*.

Что скажете, однако же, о докторе Вольском?[2] Он смеет любить меня и даже желать одолжить меня, предлагая мне пристанище в своем доме. Это не менее как героизм в отношении к человеку в моих обстоятельствах! Не смекнул ли он, как человек умный, что если излечивал он меня от болезни, может возвратить мне и прежние умственные способности.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 530–531

---

* Хозяина деревни (*фр.*).

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, октябрь 1827**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Получил письмо твое, за которое душевно благодарю. Знаю из него, что ты должен уже быть в Петербурге[1] и уже о приезде твоем подтвердила сестра моя, недавно сюда приехавшая. Ты получишь письмо, в котором подробно объяснил я тебе все происшедшее со мною. Судить можешь, как со мною поступлено и что, если бы я был чист, как Христос, я все был бы брошен, ибо говорят, что прежде отъезда своего из Петербурга Дибич не скрывал, что я сменен буду, и Паскевич, которому он доброжелательствует, приехал с полною уверенностию, что займет мое место. Следовательно, все было улажено прежде и мне избежать было невозможно. Жалею, что не могу долго иметь ответа твоего на мое письмо, мне полезно было бы твое рассуждение и замечания, с ними во многом бы я сообразоваться желал.

Как великодушен граф Дибич, заботясь доставить мне 5000 рублей серебром. Это плутни, которыми хотел он закрыть поступки свои против меня. Может быть, имел даже мысль, что можно платить мне деньгами за оскорбление!

Мне жаль, что Государь обманут на счет мой до такой степени и, что хуже, что перемена моя доселе не принесла никакой пользы. Меня упрекали медленностию, но теперь в чем же видна особенная быстрота? Она, кажется, не соответствует той нетерпеливости, какою от меня требуемо было. Слышно даже, что дела в Персии не совсем идут хорошо. Самые реляции, по которым, зная землю, могу я судить, обнаруживают ход дел и, кажется, неудачи. Персияне никогда не были столько дерзкими, и во всякое другое время произошли бы уже между ними несогласия и измены. Я начинаю подозревать, что они познали Паскевича и что войска, еще с ним не познакомившиеся, не имеют всей доверенности к его распоряжениям!

Надобен там будет гений Дибича, который мечтает, что от одного взгляда его все пойдет хорошо. Посмотрю я, однако же, как они заставят персиян заплатить издержки войны, особливо если между тем последует разрыв с турками. Тогда не Паскевичевой голове управлять делами тамошнего края. Дибич не променяет своего места на его.

Слышно, что Паскевич пустился на Тавриз. Его он займет без труда, ибо, конечно, персияне не станут защищать города, и он в нем, кроме одних бедных жителей, никого не найдет. Распишет пышную реляцию, которая нас может утешить, и должен будет скоро оставить город, ибо персияне могут действовать в силах на его коммуникации и не пропускать продовольствия. Я уверен, что они это сделают! Странно, что о взятии Эривана ничего не слышно, кажется, Сипягин давно уже доставил туда осадную артиллерию.

Забыл тебе сказать, что Красовский, которому ты всегда благоприятствовал, есть величайший подлец и низкая каналья. Ты не можешь представить, что он делал в угождение Паскевичу и Бенкендорфу! Какую гнусную лесть он расточал пред Дибичем и как старался мне вредить.

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 18 ноября 1827», «Отвеч[ено] 19 декабря».

Благодарю тебя, почтеннейший друг, за сына моего и за постоянное намерение благотворить ему. Он возрастает, и уже время начинать учить его, а у меня, как ты знаешь, средств немного, и еще менее они будут, когда возьму я отставку, ибо, вероятно, мне ничего не дадут. Просьбу об отставке я намерен чрез месяц отправить.

Скажи мне, кому поручишь ты принять моего сына, и если не привезу я его с собою зимою в Москву, то весною отправлю непременно. Поручи его в хорошие и строгие руки. Ему надобно ко всему привыкать, ибо по рождению не имея ни на что прав, он должен будет доставать все способностями своими и трудами.

Будь благодетелем его и дай ему тщательное воспитание. Надеюсь, что за него ты краснеть не будешь!

Ты, которого никакие обстоятельства не изменяют против меня, выполни, прошу тебя, мою о сыне, просьбу. Где хочешь помести его, в Петербурге или [в] Москве, мне все равно. Я могу не видать его, но лишь бы только учился хорошо, лишь бы не избаловался! После сего я буду покоен и ничего не пожелаю. Я привыкаю к новой жизни моей, с нетерпением ожидаю фрака, знамения свободы и совершенно простился со всеми мечтами и тщеславием.

Желаю тебе, любезный друг, здравия и благополучия.

Верный по смерть *Ермолов*.

Я слышал, что Калиостро[2] на счет мой выпускает разные шуточки, которые делают мне вред. Не пользуясь средствами общими, он, как умный человек, мог бы изобрести свое собственное, и я потому только жалею о сем, если правда. Невзирая на то, однако же, скажи ему от меня, что он также имеет неприятелей, между коими Паскевич и зааракский[3] Бенкендорф, которые, соединясь вместе, не будут делать ему добра.

Дибич осведомлялся о всем случившемся с ним в Персии и, как кажется, не имеет к нему большой нежности, но умеет то скрывать и мне говорил даже величайшие о нем похвалы. Те же два мудреца совсем и не скрывают неудовольствия.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 77–78

А. В. КАЗАДАЕВУ

Орел, октябрь 1827

Почтенный друг Александр Васильевич.

Последнее письмо твое, полученное мною, отзывается состоянием духа не наилучшим. Боюсь, чтобы причиною тому не были собственные обстоятельства, мне было бы горестно.

Если соболезнуешь ты обо мне, напрасно. Я живу покойно и, благодаря Бога, доволен моим состоянием. Существование беззаботливое удерживает и здоровье, и силы прежние, и я нахожу средства удалить скуку от моего обиталища.

Теперь, пока еще не заметало снегами, живу я в деревне. В город приезжаю на один или на два дня, где строю себе небольшой дом или, лучше ска-

зать, библиотеку. Многих знаю городских жителей, но ни с кем коротко знаком не буду.

Трудна мне будет первая зима, ибо в доме старика моего нет у меня угла теплого, но на будущий год заведу я себе жилище покойное и буду жить счастливейшим человеком.

Вознаграждая недостаток деятельности, намереваюсь ездить по России, от познания которой отвлекала меня служба. Иногда зимою поеду в Москву. Навещу когда-нибудь и вас в Петербурге.

Старик мой построил себе маленький домик близко церкви и живет особенно и довольно уединенно. Не мог я отклонить его от давно сего намерения, хотя то же уединение и еще большее мог он иметь, живя вместе со мною, ибо, не имея знакомых, не мог бы обременить его ими! Старикам трудно давать советы, еще труднее отцу! Теперь приехала ко мне сестра, и я не совсем в одиночестве.

Вскоре хочу, любезный друг, подать прошение в отставку, дабы принадлежать к какому-нибудь состоянию людей, ибо странно положение человека в эполетах, не состоящего по армии, не уволенного в отпуск ни по домашним обстоятельствам, ни по болезни. Во всяком другом месте подобное положение человека называется просто *проскрипциею*[1]. Ты, конечно, не полагал, чтобы таковой должен был подвернуться, я первый. Вот что значит не быть известным Государю или быть рекомендованным людьми хорошими. Дай Бог, чтобы участь подобная не постигла служивых полезнейших!

Описал все, до меня касающееся, я хочу сделать тебе упрек: жалею, что не писал ты ко мне с моею сестрою. Ты бы мог мне сказать о положении твоем, о службе. Слышу, что сие последнее много требует от тебя трудов, мало доставляет удовольствия и пользы.

Мне все надобно знать о тебе. 30 лет доброго знакомства стоят самого ближнего родства!

Скажи мое совершенное почтение Надежде Петровне. Обнимаю рыцарей твоих и желаю им счастия.

Сестра утешила меня известием о любезной твоей Софье Александровне.

Прощай, не пиши ко мне по почте пустых писем. Лучше молчание.

Будь здоров, благополучен, люби меня по-прежнему и не сетуй обо мне, я довольно счастлив, ибо душа моя не ослабла еще в прежних свойствах. Во всей силе слова: *не посрамим земли Русския*! Прощай.

Душевно почитающий *Ермолов*.

ОР РНБ Ф. 325. Оп. 1. Д. 33. Л. 102–103 об.

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 19 декабря 1827**

Почтеннейший Арсений Андреевич.

Давно не писал я тебе, не имея верного случая, и потому не благодарил за предложение иметь место в московском твоем доме. Г[осподин] Коризна[1], по

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 30 декабря», «Отвеч[ено] 7 февраля».

приказанию твоему, тотчас отозвался ко мне с предложением. Весьма чувствительно принимаю я внимание твое, но кажется мне, что в моих обстоятельствах не должен я воспользоваться твоим позволением. Я буду в Москве на короткое весьма время и остановлюсь у брата моего двоюродного, Ермолова[2], которого ты знаешь, где намерен я прожить, сколько возможно, неизвестным. Живши особенно, я не мог бы не принимать некоторых знакомых, но я и этого не хочу.

Итак, почтеннейший друг, я в отставке и уже не должен возбуждать злобу моих неприятелей. Может быть, теперь не станут язвить меня клеветою, ибо не будет завидующих некогда моему счастию.

Ты спрашиваешь о состоянии отца моего и в каком он положении. Я хорошо его не знаю, но, кажется, могу видеть без ошибки, что доходы с имения могут простираться до 12 000 или 13 000 рублей в год, но и то, чтобы год был хороший, а не такой скудный урожай, какой мы в нынешнем имели. Есть казенный долг и хозяйство в величайшем расстройстве, на восстановление которого надобно употребить деньги. Словом, состояние, при коем иначе как бедно жить невозможно, особливо когда имею я намерение уделить сестре половину, когда отец мой предоставит мне управление имением, которого, впрочем, я теперь не имею. Старость отца, препятствовавшая заниматься хозяйством, довела оное до совершенного беспорядка. Нет в деревне дома хотя бы из четырех комнат удобных, нет сарая, амбара, скотного двора, словом, ничего! Есть много лишних лошадей, на которых уже с октября покупаю я сено.

Вот истинная картина моего состояния, которое улучшить я способов не имею. Не знаю, в чем состоит предоставленное мне при отставке жалованье, но если обыкновенное окладное, то можешь представить себе, что я не весьма разбогатею. Впрочем, я не смею ожидать большего. Если же бы, сверх чаяния, дали мне более, то я нахожу выгоду не взять на себя хлопот управлять ничтожным имением, а буду жить пенсионом. Беспокоят меня дети, но неужели не будет великодушных людей, которые бы у меня их взяли и дали им воспитание?

Я в сем случае надеюсь и на брата Михайлу[3]. Он пишет мне о даче в Крыму[4], и я намерен воспользоваться его предложением. Мне приличествует пребывание уединенное или, по крайней мере, на время полезно туда удаляться по сделанной привычке к теплому климату.

Прошение мое об отставке посылал я к Дибичу, который, всегда желая мне добра, и в сем случае, по расчету моему, доставил мне отставку менее нежели в двое суток по получении просьбы. Все зло, которое я потерпел, конечно, им сделано. Ни во что поставлена довольно изрядная моя служба, и еще оклеветан я самым гнуснейшим образом. Неужели могущество его будет вечным? Есть правосудие Божие!

Ничего не пишешь ты, почтеннейший друг, о моем сыне; куда его намерен отдать учиться и что ты придумал? Ему только семь лет, следовательно, ему нужны начала и внимательное наблюдение за нравственностию. Ты знаешь, что рождение лишает его всех прав и что одни способности должны дать ему дорогу, следовательно, надобно учить хорошо.

Сделай одолжение, напиши мне по сему предмету. Признаюсь тебе, я почел бы себя весьма счастливым, если бы не было у меня детей. Преследует меня судьба!

Хотелось бы мне со временем и не весьма отлагая побывать в Петербурге. Что ты о сем скажешь, чистосердечно?

Прощай, любезный друг, скажи мое совершеннейшее почтение милостивой государыне Аграфене Федоровне. Продолжи мне прежнее твое расположение, которое не должно переменить теперешнее мое положе[ние]. Не хочу думать, чтобы ты поверил гнусным клеветам, на меня вымышленным. Прощай, будь благополучен.

Душевно почитающий *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 79–80

М. А. КИКИНОЙ

Орел, 26 декабря 1827

Почтенная и милая сестра, Мария Ардалионовна! Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сюртук, ибо не только буду я иметь щегольской, но избавлюсь насмешек, которые, конечно, вызвал бы я собственным вкусом. Я готов уже был выбрать какой-то аптекарский цвет и появиться в свет в этой микстуре. Уже в тяжких спорах были мы с Анною Петровною, а как теперь мне, отставному, повелевать некем, то я находил удовольствие, по крайней мере, ее не слушать. Но в то время, как исполнен я благодарности за сукно, напуган рисунком, по которому я должен быть одет. Огромная фигура моя (умолчу, что не весьма ловкая) не может иметь стройной талии, которая требуется. Я решался, несмотря на 50 лет, прибегнуть даже к корсету, но и в сем случае, не думаю, чтобы из меня что-нибудь вышло. До такой степени сделался я ни на что негодным! В рисунке означена шляпа дикого цвета. Говаривали прежде, что это цвет людей подозрительных правил, и я содрогнулся. Впрочем, простите человеку, долго жившему в глуши, если не довольно знает, как могут часто перемениться моды. Однако же, по боязни прежних толков, не пущусь я на шляпу подобного цвета! Если, согласно с рисунком, будет в петлице роза, я надеюсь, что вы не почтете, что я ношу собственное изображение. Много стоит скромности моей, когда нечаянно даже коснется красоты моей. Заметьте, что выше сего я говорил только о неловкости.

Итак, я одет по последней моде, но сего недовольно, надобно, чтобы Вы меня видели, и потому надобно весною ехать в деревню, куда я тотчас явлюсь. Я не возьму на свой счет, чтобы беседа моя способствовала Вашему выздоровлению, — не могу покорить всегда излишней скромности, но буду уметь отнести оное к чистому воздуху, жизни свободной, беззаботливой и более правильной.

Много люблю я Вольского, уважаю искусство его и приобретенную знаменитость, но смел бы сразиться с ним, если не советует он испытать жизнь деревенскую. Выздоравливайте, любезная сестра, и нам, любящим Вас, будет веселее!

Брат с некоторого времени возгордился и ко мне не пишет; я мщу ему и недоволен присланными им рисунками шкафов. Не шутя, однако же, скажу, что они точно весьма обыкновенны и ничего замысловатого в себе не имеют. Брат лучше меня знает, что простота наиболее приближается к совершенству, что не одно великолепие составляет красоту, но вкус может заменять оную. В ри-

сунках, им присланных, совсем нет последнего. Вижу, любезный брат, что сердишься, но справедливее должен на себя, ибо, конечно, не обратил внимания на рисунки.

Продолжите мне расположение Ваше, мое почтение к Вам будет и совершенным и вечным. Покорнейший слуга Алексей Ермолов.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 532–533

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 20 января 1828

Давно весьма, любезный Роман Иванович, не имею я от Вас известий. Не хочу думать, чтобы Вы ленились, но, конечно, у Вас забот немало.

Я дня через два или три еду в Москву, оттуда думаю возвратиться в конце февраля. Там съехалось несколько родных моих, с которыми давно я не видался и между коими приятно мне будет пожить немного. Вы поверите, что я не еду забавляться! Между тем надобно уже приискивать средства воспитания старшего сына; я не нуждаюсь в способах, благодаря милостям Государя, щедро наградившего меня при отставке всем содержанием, которое получал я в Грузии. Я не мог ожидать сего и, конечно, не имел никакого права. Теперь буду помышлять о хозяйстве, которое у старика отца моего было в совершеннейшем расстройстве, или, лучше сказать, не было никакого…

Напишите, любезный Роман Иванович, как Вы поживаете? С удовольствием читаю все в газетах о вашей стороне: ваши празднества в Тифлисе, совершенное превращение города, которого так в короткое время узнать невозможно. Удивляюсь скорому благоустройству Эриванской области попечениями гг. Красовского и Нерсеса[1] и невольно признаюсь, что я в таких предметах находил гораздо более затруднений, т. е. находил в себе менее способов. Вероятно, прежде, нежели на письмо сие могу получить ответ Ваш, Вы порадуете блистательным миром. Есть у нас слухи, что персияне соглашаются на все условия и платят большую сумму[2]. Справедливый штраф за гордую глупость! Любопытен знать о моих знакомых; пожалел об Унтилье, Ковалеве, Давыдове[3] и, конечно, не обо всех еще знаю. Уведомь о благочестивейшем архипастыре Нерсесе, который насаждает добродетель в земле покоренной.

Что делает Муравьев[4], которого люблю я отлично благородныя правила. Что происходит с Петром Максимовичем[5], который с занятиями гражданскими хотел сочетать военныя забавы. Какое действие произвели на тучного Долгорукого[6] жары иранские? Жив ли юный Суворов[7] и как побеждал врагов собственный твой рыцарь[8]?

Видел награду Грибоедова до заключения мира, следовательно, за дела военные![9] Как действует Раевский[10]? Воображаю его, вздыхающего о худобе лошадей; жив ли Маков[11]? Приятно было бы узнать о почтенном Вадбольском[12]; нет слуху о генерале Краббе. Напиши и о тех, если бы кто не пришел теперь ко мне в голову.

Прощай. Поклонись от меня твоему семейству и в особенности Морицу[13], о бездействии которого весьма жалею. Хорошо, если впоследствии будет ему лучше.

Вы никогда не писали мне столько пространного письма. Вот что значит жизнь свободная, беззаботная! Будьте здоровы и счастливы.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 232–233

П. А. КИКИНУ

*Москва, февраль 1828**

Почтеннейший Петр Андреевич! Из Москвы не писал я тебе, не имея верного случая. Я приехал сюда за пять дней до Масленицы и между родными, которых довольно съехалось здесь, проживаю довольно нескучно; кроме них, знакомых мало и я почти нигде не бываю. Особенная у меня приязнь с книгопродавцами и переплетчиками. Был, однако же, раза три в театре и два раза в собрании, где любопытная публика смотрела на меня с некоторым вниманием или как на изгнанника, или как на человека, замечательного щедрым пенсионом, который дан без больших заслуг. Словом, я столько же был бы любопытен в отношении к другому в равных обстоятельствах. Не знаю, что еще выдумают на мой счет доброжелательствующие мне, но скромнее и осторожнее вести себя, конечно, невозможно! Виноват ли я, что обращают на меня глаза и самые происшествия в Персии. Все говорят, что нет мира, а некоторые смеют думать, что *Паскевич* обманут и будто не было бы хуже и при мне. Нельзя воспретить мыслить! Вспомни собственные слова твои: «страшусь, торжества твоего», я не могу желать сего, но, конечно, не все идет наилучшим образом! Посмотрим на конец дела!

Здесь хлопочу я сыскать учителя моим ребятишкам и следую совершенно твоему совету. С сестрою говорим об вас, она сообщила мне утешительное известие, что весною намереваетесь вы ехать в рязанскую деревню. Прославляю *Вольского*, что он вам сие советует и ожидаю величайшей пользы!

Ты желал, чтобы я написал письмо, и я исполнил мысль твою. Посылаю тебе копию. Достоинство его есть истинная благодарность, впрочем, у места и краткость. Сделай дружбу, прикажи отдать письмо, у сего включаемое, *книгопродавцу Вейеру*. Лучше еще, если дашь ему знать, чтобы он к тебе приехал. Ежели достанет он требуемые мною книги, то возьми их к себе и сохрани до отъезда твоего в деревню, где я получить их могу. Их немного, и оне тебя не обеспокоют. На почте же отправить их невозможно.

Достойнейшей Марье Ардалионовне мое совершенное почтение. Прощай, любезнейший брат, продолжи мне твое лестное для меня расположение. Благодарю за милостивое расположение к *Талызину*[1]. Не знаю, за что гонит его несчастие? Неужели, дабы вредить мне, надобно было и его резать. Прощай!

Душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 533–534

---

* Помета А. П. Ермолова: «Податель письма г[осподин] Мацнев, весьма порядочный человек, приласкай его».

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Москва, 10 февраля 1828**

Видевши Казначеева[1], рад был я узнать, что ты здоров и благополучен, чего желают тебе все почитающие тебя. Скажу о себе. Перед самою Масляницею приехал я сюда и начал с того, что лютой зиме заплатил дань простудою, от чего и теперь лечусь.

Одичав в отдаленной стороне и давно ничего не видавши, я был в благородном собрании. Я удивляюсь множеству людей, убранству и щегольству красавиц, хотя, по уверению здешних, собрание совсем не похоже на прежние. У всех одни причины: что мало денег, худы урожаи, низки на хлеб цены и прочее.

Я вытвердил это как деревенский житель без всякой, впрочем, нужды, ибо щедрая награда Государя поставила меня выше всех недостатков, и, по образу моей жизни, справедливо могу я назвать себя весьма богатым человеком. Не только могу я жить, ни в чем не нуждаясь, но есть средства даже тщательно воспитывать детей моих. Это поистине благодеяние, и ты можешь судить, как я благодарен!

Не понимаю, как это сделалось, и не перестану признавать, что я не мог иметь на то права.

Награду в половину я бы почел бы величайшею милостию! Меня сделало сие весьма интересным в глазах здешних жителей, и на меня смотрели с немалым любопытством.

Я нигде почти не бываю, кроме моих родных, которых собралось довольно много и с которыми, можно сказать, я начинаю знакомство, ибо прежде видал их редко, будучи отвлекаем службою. Беседу нашу оживляет Денис[2], который, однако же, часто бывает болен и уже не так, как прежде, весел. С прежними знакомыми вообще встречаюсь редко и с такою осторожностию, которою был бы ты доволен. Словом, на меня можно изобрести клевету, но, по справедливости, нельзя вредить мне.

Москва, подобно прежнему, изобилует новостями и, кажется, сама их сочиняет. Здесь прервали мирные переговоры с Персией и Паскевича, утомленного уже победами, ведут к новым завоеваниям. Ему не дают ни гроша денег вместо миллионов, которых ожидал. Будто Аббас-Мирза трактовал о мире, не имея на то полномочия шаха, а сей намеревается продолжать войну. Словом, рассказывают неимоверные вздоры и как будто персияне могли обмануть Паскевича! Нелепости!

Мне кажется, что некоторое замедление в известиях есть лучшее доказательство, что будет мир, ибо вероятно, судя по времени, во всех главных статьях успели согласиться, но Паскевич ожидает прибытия денег для окончательного утверждения, и сия предосторожность не лишняя с коварными персиянами. Предусмотрительность сия делает ему много чести.

Москва не так озлоблена против турок. Их постращала немного войною и вскоре умолкла, и нет никаких слухов!

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 14 февраля 1828», «Отвеч[ено] 28 февраля».

Я люблю, что здесь не только войны объявляются, но иногда назначаются даже и начальники. Между прочим, и для графа Витта какая-то составлена была резервная армия в 90 т[ысяч] человек.

Рассуждать не мое дело, но забавляюсь, слушая разные вздоры, справедливым признаю одно только могущество графа Дибича! По опыту!

В начале марта, как помещик, по последнему пути, отправляюсь в деревню, где займусь построением себе хижины, ибо нет пристанища. Город украшаю великолепным зданием в два этажа, которое на шести саженях в фасаде представляет мне весьма роскошное помещение даже вместе с моими книгами, которые теперь в состоянии умножать полезнейшими. Маленькие мои подрастают и, кажется, не будут дураками. Словом, мое положение, по милости Божией, не могу иначе признавать, как весьма счастливым. Скажи мое совершенное почтение Аграфене Федоровне.

Продолжи мне бесценную дружбу твою и покажи редкий пример в нынешнем свете, что могут не перемениться люди.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 64 б – 66

П. А. КИКИНУ

*Москва, 25 февраля 1828**

Почтеннейший брат, Петр Андреевич! Не хочу пропустить верного случая, не написав тебе. Впрочем, я писал уже обо всем прежде и подробно.

Здесь я живу между родными, а далее знакомство мое с книгопродавцами и переплетчиками. Вчера был в концерте, любовался на красавиц, удивлялся многочисленности народа. На меня смотрят, вероятно, замечая, какое производит на меня влияние известие о мире с Персией. Конечно, происшествие неожиданное, так скоро, особенно после декларации, припечатанной в газетах о разрыве, довольно поспешно составленной и, может быть, неосторожно. Целую руку единственной сестры. Прощай! Душевно любящий *Ермолов*.

Приласкай бывшего адъютанта моего, Новикова[1], которого рекомендую отлично**.

Любезный брат, Петр! Податель письма сего есть репрезентант целого семейства, состоящего из десяти братьев, всех служащих Государю. Выслушай терпеливо кровную их нужду и суди по доброте сердца твоего. У римлян удивлялись погибшей в один день фамилии Фабиев[2]. В один день могут и у нас лечь 10 родных братьев за славу своего Государя. Прошу тебя за них.

Я видел слезы солдата, и ты увидишь, что их вырывает не собственное, но целого семейства бедствие.

Брат по гроб *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 534–535

---

* На обороте письма помета А. П. Ермолова: «Его превосходительству П. А. Кикину».

** Далее – особая записка.

П. А. КИКИНУ

Москва, 15 апреля [1828]

Любезный и редкий брат! Получил письмо твое и благодарю за уведомление о моей женитьбе, ибо мог бы я и совсем о том не проведать.

Женщина, точно весьма достойная и привлекательная для всякого желающего жениться[1]. Я видел ее один раз, два месяца тому назад, встретившись на званом обеде. Ты знаешь, как я ловок между незнакомыми людьми, особенно женщинами, к которым я подойти не умею, и так я не знаю даже звука ее голоса! Не понимаю, из чего заключить возможно, что я ищу на ней жениться. Ты, любезный брат, желаешь сего, боишься порывов упрямства моего, а сестра[2] говорит: «Но где ему такое умное дело сделать». И вот мое рассуждение: всякий человек в 51 год есть весьма плачевный Адонис, и я не удержался бы от невыгодного заключения о том, кто в подобные лета вздумал бы жениться; а самого себя умел бы я видеть смешным. Как же добровольно породить такое в себе чувство. Я боготворил бы жену, любящую пламенно, но не в мои лета человек удобен возжечь подобное чувство; меньшей степени любовью я не довольствуюсь! Благоразумие должно указать жену лет соразмерных. В таковой ли может быть священный огонь любви? *Par convenance** я составляю только партию в вист. Итак, не знаю, более ли меня вы правы, делая мне приговор на женитьбу. Так же как и вы, разумею я ее естественным предназначением для человека; уверяют, что сладостно возродиться в детях, вижу, сколько в летах, клонящихся к старости, горестно одиночество, но хорошо, если бы о сем напомнили вы мне поранее. Долго увлекаемый любовью к военному состоянию, я страстен был к *даме Славе*. Долго кокетствовала она со мною и изменила. Пришло время помышлять о женитьбе, и в сей последней боюсь я равного счастия, как и на поприще военном. Может быть, жена не столько бы нашла меня негодным, как слава, но велик риск, и я не хотел бы видеть жену сетующею, что не так легко пленять меня и, еще менее, владычествовать возможно. Хорошо тебе с сестрою рассуждать; вы в молодости любили один другого страстно, женились в лучшие лета; постепенно на старость запасались взаимною доверенностью, дружбою; слили, можно сказать, вместе бытие ваше; а от меня чего вы требуете? Любить страстно в мои лета смешно и едва ли возможно, и лет соразмерных красавица не будет понимать сего; свыкаться поздно, или, по крайней мере, бесполезно для кратковременного пребывания в сем мире, и так остается собрать единственный плод умедленной женитьбы: колики, спазмы, подагру и прочие подобные наслаждения, сопровождающие старость. Как сладостно заменять горячий поцелуй подогретою припаркою; объятия нежные, опоясанные пластырем! И вы, бесценные пиявки, вы нередко способствовать будете к продолжению счастливого существования нежных супругов! Не пустим *Вольского* в храм любви, да не сократит блаженных дней наших! Здесь у места приноровить текст из письма сестры: «Но где ему такое умное дело сделать». Готов на ужаснейшие возражения и ожидаю тебя, любезный брат, со всею твоею диалектикою! Вижу во гневе сестру, раздраженную против меня описаниями красоты моей, особенной ловкости в новом костюме. Алексей Андреевич, в пользу твою, конечно, наклоняем был братскою любовью,

---

* Из соответствия (*фр.*).

но он смущен был красотою моею и твоей не поставил впереди! Я не виноват в этом и, право, не тщеславлюсь, делая победы; я, может быть, и не приметил бы того, если б о том сестра не написала из зависти. Меня всегда отличала скромность! Однако же и во гневе вашем я люблю вас, достойнейшая сестра, и целую ручки ваши. Не сердись, брат любезный, что не попал в посаженые отцы. Прощай! Душевно преданный *Ермолов.*

Дорога исправляется, и я чрез неделю еду. Как наскучила здешняя праздная жизнь!

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 535–536

Н. М. СИПЯГИНУ

Орел, 5 мая 1828

Милостивый государь, Николай Мартемьянович! За отсутствием моим не мог я ответствовать на почтенное отношение вашего превосходительства, января от 27-го дня, за № 250, коим спрашивать изволите, на чье имя последовало высочайшее повеление, на основании коего предоставлено генерал-лейтенанту князю Мадатову вступить во владение имением, данным ему бывшим ханом карабагским, уведомляя при том, что, не отыскав оного в делах канцелярии, вы извещены г[осподином] корпусным командиром[1], что у него нет ни подлинника, ни копии с такового повеления.

Не знаю причин, побудивших г[осподина] корпусного командира на подобный отзыв, я имею честь уведомить ваше превосходительство, что ему доставлен мною подлинный рескрипт блаженныя памяти Императора, августа от 23-го дня, 1821 года, а им препровождена ко мне копия с оного за собственноручною его скрепою. Сняв список с оного для сведения вашего, у сего сообщаю; позволяя себе думать, что, по крайней мере, хранение высочайших повелений и рескриптов найдено будет в надлежащем порядке со стороны моей.

С совершенным почтением и про[чее].

Покорный слуга, *А. Ермолов.*

Русская старина. 1873. Т. 7. С. 97

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 16 июля 1828

Любезный Роман Иванович. Давно не писал я к Вам, но в жизни, всегда однообразной и только изменяющейся от одного несварения желудка, не найдешь предметов, о которых бы сообщить было достойно. Впрочем, я позволяю себе изредка мучить приятелей моих пустыми рассказами, и Ваша пришла очередь.

Я живу в деревне, еще странно мне в половине июля видеть повсюду зелень свежую, не таять днем от жара, ночи находить прохладными. Я перестраиваю дом, на развалинах коего жил я, как некий дух в замке радклифином[1]. Гордо возвышавшиеся чертоги (впрочем, по состоянию из теса построенные) превращаю я в обыкновенное жилище, но как помещаюсь я со всеми детьми, а мне надобны залы, гостиные и прочее, то и вышло нечто чудное. Есть

комнаты, кои весьма удобно могут быть превращены в шкапы; есть особенно удобные для уединения, ибо другое лицо произвело бы стеснение. В спальне можно укладывать только на ребро, как бритвы в шкатулке. Я помню такой дом у И[вана] Т[имофеевича] Дренякина, и едва ли не его принял я за образец в зодчестве.

Однако же, чтобы не совсем низкое имели Вы обо мне понятие, скажу я, что у меня будет подмосковная, конечно, не великолепная, как Вы можете себе представить, но, однако же, не без прихотей. Она уже почти куплена. Не скука гонит меня отсюда ближе к столице, но взростают дети, и сближается время дать им воспитание, чего в деревне не имею я средств, и дорого было бы иметь разных учителей.

Благодарю искренно за последнее письмо, в котором написали Вы мне о знакомых некогда моих. Ни от кого из них не имел я ни строки, кроме Попова… Другие знали меня, пока я им был надобен; это, впрочем, в обыкновенном порядке вещей, или бы весьма должны перемениться люди! Много одолжишь меня, если время от времени будешь извещать о себе.

Здесь несколько минут видел я Красовского и, хотя я не имел счастья пользоваться его благорасположением, или, яснее сказать, он, между прочим, также искал делать мне вред, однако же кажется, он не в большом восхищении от великих дел вашего графа[2], как я слышал от других, с кем он говорил приятельски. Впрочем, я готов не всему верить худому, ибо счастие возбуждает завидствующих! Не менее и его раздирать будут в свою очередь, как и со мною случалось.

Старик мой здоров, но лета приметно умножают слабость…

Кланяюсь Вашим домашним, и ежели есть смеющие помнить обо мне. Будьте здоровы и благополучны.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 233–234

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 16 февраля 1829**

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Не думай, чтобы когда-нибудь могли обмануть во мне чувства моей к тебе привязанности, чтобы мог я забыть дружбу твою, многими опытами мне доказанную. Не относи молчание мое к какой-либо перемене со стороны моей. Писать на почте я не должен был и знаю, что вперед писать не должен и сего не сделаю. Уверен также, что ты не забыл меня, и понимаю, сколько должен ты быть осторожен в сношениях твоих со мною, почему и не удивляюсь, что ты ко мне не пишешь! Писем твоих не ожидаю. Мучило меня, что доселе не имел я верного случая с тобою объясниться и уничтожить худое, может быть, впечатление, которое произвести могло в тебе продолжительное мое молча-

---

* Помета А. А. Закревского: «Получ[ено] 7 марта 1829».

ние. Теперь пишу к тебе через Шимановского, служившего некогда при мне в Грузии, весьма благородного молодого человека, которого коротко я знаю. Он жил со мною и может сказать, как я существую.

Позволь, почтеннейший Арсений Андреевич, надеяться, что молодому сему человеку доставишь ты честь служить при тебе. Я ручаюсь за наилучшие его свойства и чувства благодарные! У него нет покровительства, и потому к тебе обращаюсь я с моею о нем просьбою, ибо и мне никто, кроме тебя, не захочет сделать одолжения. Не откажи по прежней дружбе!

Я не поздравил тебя с новою твоею должностию, но в отставке уже, в глуши чувствую приносимую тобою отечеству пользу. Строгость твою признают власти, и, может быть, вскоре плуты боязливее станут.

В неутомимой деятельности твоей брось взгляд и в нашу страну! Нет конца беззаконий! Теперь утешают себя изобретенною молвою, что будто ты отказываешься от своей должности. Нашему губернатору желается видеть на месте твоем Дашкова.

Прощай, любезнейший друг, продолжи мне твою дружбу и верь постоянной моей приверженности. Не пиши ко мне, я не прошу о сем.

Душевно преданный *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 82–83

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, 18 ноября 1829**

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Министру получать просьбы дело весьма обыкновенное, но просьбе от меня никому не бывать, кроме достойнейшего друга, и я не сомневаюсь, что она принята будет благосклонно. Вот в чем состоит оная.

В орловском губернском правлении открылась вакансия советника, многие домогаются занять оную, и уже готовится представление от губернатора. Не хочу судить, о ком просить он будет, но я прошу за человека мне известного, изрядно учившегося, деятельного, хорошо знающего законы. Он служит в здешней почтовой конторе бухгалтером, особенно в должности своей исправным. При сем, почтеннейший Арсений Андреевич, прилагаю его просьбу и свидетельства от конторы, что к определению его нет никаких препятствий.

Не откажите просьбы моей, ибо не стану я наклонять Ваше внимание на человека, который бы его не заслуживал, и вообще весьма остерегаюсь ходатайствовать, особенно же боялся бы с Вашей стороны невыгодного замечания.

Будьте благополучны, почтеннейший друг, да и хранит Вас судьба на пользу отечества.

Душевно преданный, *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 81 б

---

* Пометы А. А. Закревского: «Получ[ено] 26 ноября 1829», «К сведению».

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

[Лукьянчиково], 6 марта 1830*

И ты, почтеннейший Роман Иванович, после долговременных трудов и служения, можно сказать, благонамеренного и примерно честного, наконец, обратился к жизни спокойной[1], буде таковою можно назвать ту, которую должен тревожить недостаток состояния.

Не имел великодушия могущественный твой начальник[2] доставить тебе несколько лучшего содержания. Государь награждает щедро, и его представления уважены особенно. Представить себе не можешь, как бы желал я видеться с тобою, и не теряю сей надежды, ибо, не имея никакого пристанища, ты не можешь предаться постоянному покою или особенной привязанности к какому-нибудь месту, и потому в переездах за семейством, может быть, когда-нибудь ляжет путь неподалеку от уединенного моего жилища. Побеседуем о стране, где оба мы отжили по десяти лет и где не всех оставили мы врагами своими. Не без трудов жили мы, и неужели ничто не должно привести нас на память?

Воображаю, как теперь должна процветать Грузия, получив новыя прочныя границы, значительныя средства к обогащению присоединением изобильной Эриванской провинции и возобновлением торговли, которой благоприятствует мир, конечно, продолжительный, судя по изнеможению соседей[3], настращенных неудачною войною. Если бы в таком выгодном положении нашли мы Грузию, думаю, и при ограниченных наших способностях умели бы мы сделать что-нибудь годное. Теперь и положение Кавказской линии не походит на прежнее. Какие огромныя средства!

Что сказать о себе? Я всю зиму живу в деревне и в городе бываю, только чтобы посетить старика моего, которого в лета его можно назвать молодцом. Удивительная свежая память, не менее удивительная способность рассуждать. Два года истребляют меня неукротимые лишаи, следствие совершеннейшего бездействия после жизни деятельной. Лишаи сии противостоят всем способам лечения; летом намереваюсь переехать в подмосковную: возрастающие дети того требуют. Когда-нибудь туда залучу я тебя, любезный Роман Иванович, и ты не должен отказать мне в сем одолжении. Соберемся вместе посетить семейство Каховского[4] и взглянуть на страну, где некогда довольно счастливо живали мы в молодости.

Прощай; поклонись от меня твоему семейству. Не думаю, чтобы когда-нибудь и Мориц (Коцебу) не вспомнил. Будь благополучен.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 234–235

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

*[Лукьянчиково]**, 8 апреля 1830*

Почтенный Роман Иванович! Вдруг получил я два письма Ваши; с удовольствием прочитал их не один раз. Хочу знать, что́ происходит с добрым прияте-

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

лем, коего так долгое время постоянно ко мне расположение. Не утешаете Вы, любезный Роман Иванович, состоянием Вашим, и судьба, как видно, отказывает Вам спокойствие жизни довольственной! Бесполезно давать в подобном случае советы терпения, Вы лучше знакомы с ним красноречивейшего наставника; но все это, повторяю я, не утешительно для человека, Вас любящего.

Как благодарен я Вам, что кое-что пишете Вы о Грузии; всегда с приятностию вспоминаю о стране, где в продолжение десяти лет многим приятным временем обязан я добрым сослуживцам.

Ко мне оттуда никто писать не смеет, и я совершенно ничего не знаю, разве нечаянно, по слухам. Так узнал я, что сенаторам поручено разыскивать злоупотребления прежнего времени[1], разумеется, я должен быть главным предметом. Эриванский[2] хочет показать, от каких ужасных беспорядков избавил он Грузию мудрым своим правлением. Не менее великий фокусник Сипягин[3] искал представить все прежнее в худом виде, и все принималось за истину. Нельзя, чтобы когда-нибудь не делали ошибок, но это не злоупотребления, а сие не всегда у нас различать умеют, если захотят[4]. Всего лучше изъяснить время, которое одно не во власти сильных.

Ванька-Каин[5], некогда правая рука и, всеконечно, важная часть головы высокоповелительного[6], слышал я, сделал себе огромное состояние, пользуясь доверенностию. Это не злоупотребление!.. Жаль мне и Краббе[7], человека благонамеренного; судя по награждению лентою, я думал, что им довольны… Я также слышал, что готовится наказание горцам: давно ли представляли их людьми наилучшими, которых разорял я несправедливо и поступал с ними с жестокостию. Как же хотят наказывать правых? Давно слышу о беспрестанных движениях за Кубанью, а линия еще лучше про то знает.

Надобно, любезный Роман Иванович, нам повидаться, а как Вы пробираетесь до Петербурга, то здесь или в подмосковной, разницы почти нет никакой: я в 24-х верстах от Москвы…

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 235–236

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 11 мая 1830

Почтенный Роман Иванович. Получил письмо Ваше от 17-го апреля и хотя некогда бывали Вы зловещею птицею, как сами Вы говорите, но прошу продолжать писать, ибо Ваших писем приятнее я не получаю. Не без удовольствия вспоминается о стране, где прожили мы долгое время.

Вы собираетесь посетить меня, и я сего желаю чрезвычайно, но, любезный друг, не делайте это иначе, как когда я Вас уведомлю о приличнейшем для того времени, ибо легко может случиться, что мне нужно будет побывать в подмосковной и по дороге заехать к тезке Вельяминову[1]… В подмосковной думаю заложить каменную библиотеку, здание огромное; оно будет в два этажа на 13 аршинах в фасаде. Это будет мудрою задачею для искусных архитекторов, ибо трудно сделать его не безобразным; по обширности здания не судите, однако же, с призрением о библиотеке: она весьма умножается и составляет уже изрядное собрание книг. Я умолчал, что в библиотеке будет покой, в котором, кажется, осную я свое пребывание, хотя есть у меня прекрасный

дом; вы знаете, что и в огромных палатах мне более одной комнаты не нужно! Вспомнив о Мухровани[2], вы погрустили о хозяине; желаю, любезный друг, чтобы случающияся Вам горести не большее всегда имели основание. Петр Николаевич[3] вышел в отставку почти в одно со мною время, жил большею частию в Москве, в трех верстах от моей имеет подмосковную, где старый château* переделывает на maison de plaisance**, довольно обширный…

Итак, в Тифлисе рассматриваются наши злоупотребления. Друг сенатор[4], конечно, многое сделает в угодность знатному приятелю[5]. Приведу глупую пословицу: Бог не выдаст, свинья не съест! Посмотрим, что будет? Я не знал, что Форбек[6] оставил Грузию; там, вижу, Мартиненго[7] играет важную роль, ему в Елисаветполе дана земля, которую не скоро бы у меня взяли.

Не знаю, за что Раевский[8] должен заплатить так много? А после меня все так исправлено! Против джарцев[9] 10 000 войск и 4 роты артиллерии; с таковыми же силами будут душить горцев. Вот мера способов теперешних и прежних, а в соразмерность и похвала. Прощай, будь благополучен.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 236–237

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

*Орел, июнь 1830****

Почтеннейший Арсений Андреевич!

Письмо сие представит Вам статский советник Алексей Федорович Ребров[1]. Скажу Вам о нем в коротких словах: он чрезвычайно полезен мне был хорошими своими способностями, совершенным знанием Кавказской области, особенною деятельностию; употребляем был по разным поручениям довольно долгое время без всякого жалования и будучи в отставке, ибо, имея изрядное состояние, не имел он нужды в службе. Был довольно хорошо награжден покойным Императором. Он в Петербурге по собственным делам, и я хотел сделать его известным Вам, как министру, в котором каждый из русских любит стремление к благу общему и на которого велики надежды каждого.

Г[осподин]н Ребров, занимаясь хозяйством, сделался известным в обработании шелка, который в доброте не уступает уже лучшим итальянским и, конечно, есть превосходнейшим в нашем отечестве. Ободрение столь полезной промышленности принадлежит Вам, и Ваше высокопревосходительство можете получить от него удовлетворительнейшие сведения о хозяйстве всякого рода в Кавказском краю. Я, конечно, делаю Вам угодное, представляя во внимание Ваше человека, столько полезного.

Продолжите мне, почтеннейший Арсений Андреевич прежнее расположение Ваше.

Душевно преданный *А. Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 84 б

---

* Замок (*фр.*).

** Загородный дом (*фр.*).

*** Помета А. А. Закревского: «Получ[ено] 31 августа 1830», «К сведению».

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Орел, 25 августа 1830

Почтенный Роман Иванович. Я на несколько дней ездил в Москву взглянуть на мою деревушку и возвратился. Теперь живу в ожидании иметь удовольствие тебя видеть, и, если возможно, то ты, конечно, доставишь мне величайшее!

В Москве, незадолго до меня, был Муравьев[1] и многое любопытное рассказывал о Грузии; но мне его видеть не случилось…

Ревизия по Грузии г[оспод] сенаторов, конечно, принесет земле большую пользу. Довольно уже прибавления сумм канцелярских по присутственным местам, чтобы иметь способнейших чиновников и, следственно, дать делам быстрейший ход, что одно вызовет благословения жителей, которых мучила медленность. Воображаю, как должно быть представлено прежнее управление и в каком виде мы выставлены в угождение могущества знаменитого начальника. Но какими упрекнут нас злоупотреблениями, и найдут ли хотя один случай неблагонамеренности? Хвалить могущество весьма обыкновенно, но может оно иметь конец, и истина провозгласит свое. Все рано или поздно предстанет в настоящем виде!

Как великодушно о тебе попечение, что до окончания ревизии остановлено представление к знаку отличия. Какое злобное животное[2]!

Ожидаю тебя с нетерпением. Прощай. Поклонись от меня домашним.

Душевно любящий *Ермолов*.

P. S. Благодарю чувствительно за Ганеманов способ лечения[3], но едва ли допустит приближающее суровое время. Впрочем, желаю, чтобы ты был истолкователем письма И. А. Прибиля[4].

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 237–238

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

[Осоргино][1], 24 сентября 1830*

Почтеннейший Роман Иванович. Вчера получил я письмо Ваше, и вижу, что не дошло до Вас мое, писанное вскоре по возвращению моему из Москвы. Не знал я, любезнейший друг, что уже оставил ты Елисаветград и что одинокой пустился ты в путешествие. Я ожидал, что, по обещанию, посетишь меня; теперь более еще тому верю, ибо уже перенесся в соседство. Приезжай, чем сделаешь мне величайшее одолжение; тебя не обеспокоит излишний шум в моем обиталище, ибо найдешь меня живущего в совершенном уединении, к каковому и ты даже не имел случая сделать привычки…

Мы настращены холерою[2], и я в состоянии думать, что тебя на пути из Курска где-нибудь приостановят. Разведай о сем, ибо нелепые беспрерывно разносятся слухи и, кажется, по трусости нашей, едва ли уже не заразили мы и самого Курска. Прощай.

Душевно любящий *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 238

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

[Осоргино], 20 июля 1831*

Почтенный Роман Иванович. Очень хотел я отвечать на первое письмо Ваше, но не знал адреса Вашего; теперь рад, что второе письмо мне объяснило оный, и я тотчас за перо.

Душевно радуюсь, что Вам обещают место, и если бы Вы хотя минуту колебались принять оное, я готов был браниться ужасно. Прощаясь в Орле, я предчувствовал, что нам не жить вместе; знаешь, любезный Роман Иванович, что собственныя выгоды у меня всегда на последнем месте, и потому я в восхищении. Невозможно быть лучше назначения: трудолюбие твое, правила чести и совершенного бескорыстия сделают тебя службе полезным, начальству приятным. Дай Боже тебе счастия! Я уведомил о сем старика[1], который весьма будет обрадован!..

Сенаторы, как ты говоришь, нашли в Грузии упущения; неужели более таковых, как во внутренних губерниях? Сомневаюсь! Уверен, что не нашли злоупотреблений начальства. Думали подслужиться!

Я думал быть в Орле к 20-му числу сего месяца, но отложил до некоторого времени по обстоятельствам, которыя, если не задержат в начале будущего, еду непременно. Доселе не оставляю твердого намерения перебраться совсем на зиму в подмосковную; тут некогда рассчитывал я жить с тобою вместе. Так-то люди, со всем умствованием, часто не далее носа своего видят!..

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 239

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Осоргино, 22 августа 1831

Почтеннейший Роман Иванович. Вижу из письма твоего от 8-го августа, что исчезли надежды получить место, которое было в виду. Весьма сие меня огорчает, и если возможно сколько-нибудь утешиться, то разве тем только, что ты, привыкши испытывать неудачи, умеешь и сию последнюю перенести с твердостью. Впрочем, по непостоянству, которое обычно приписывают фортуне, может быть, в минуту резвости своей, бросит она и на тебя взгляд благосклонный. Надобно присмотреться, нет ли еще мест, которыя бы могли тебе приличествовать, и лучше, как мне кажется, по тому же самому министерству[1]. Может быть, глава оного[2] более прочих будет расположен сделать тебе добро. Конечно, не у того удобнее можешь сыскать, которого так часто и без пользы посещал ты увеселительный замок; как искусно он ускользнул от тебя! В известном деле Рыцарей, ты, без сомнения, не успеешь, ибо в сем случае к твоей привилегии на неудачи присоединяется и их не весьма цветущее положение. У нас, простолюдинов, не всегда это в расчете!

Теперь слово о себе: в подмосковной переломал я дом, и уже он в том состоянии, что в нем зимовать возможно, и из него сделано что только возможно луч-

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из подмосковной».

шего. Вам, м[илостивый] г[осударь], заметить надлежит, что в стороне есть комната обширная, весьма покойная и теплая!..

Библиотека чудесной красоты вчерне окончена и покрыта; приводится к концу преизрядный погреб. Ты можешь представить, что человек, прослывший горькою пьяницею, о нем позаботился; в нем отыщется бутылка вина, которая разопьется при встрече доброго приятеля кавалера Лекипердаксака[3]. Милости просим пожаловать! Не прежде, однако же, октября, ибо сегодня отправляюсь я в Орел навестить старика моего и выпроводить сюда детей; в последних днях сентября я располагаю возвратиться…

Слышу вести с нашей стороны, что гнусные чеченцы дерзнули напасть на кр[епость] Грозную. Во времена прежняго глупого управления от ужаса далеко ее обходили, а теперь там и войска вдвое и начальники несравненно благоразумнейшие!

Посетители на водах, из предосторожности, также не пускаются в дальние прогулки.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 239–240

П. А. КИКИНУ

Москва, 14 августа 1832

Любезный брат, Петр Андреевич! Совершенно нечего писать, но совестно пропустить случай, а особливо такой, как представляется.

Я, по-прежнему, не весьма здоров, все лето прошло в ненастной погоде и холоде, и я не мог употребить лечения, которое должно было предшествовать употреблению ванн, а потому и сии последние отложены. Теперь я в Москве, остановленный ежеминутным ожиданием великого князя Михаила Павловича, ибо неловко уехать в деревню. Говорят, будто и Государь, на возврате из путешествия[1], проедет через Москву, но верно никто не знает когда.

По словам Алексея Андреевича[2], ты, любезный брат, намереваешься отправиться в Петербург, так, чтобы доехать туда хорошим временем. Не вижу необходимости торопиться, ибо, благодаря шоссе, дорога повсюду чудесная, а погода мало имеет на оную влияния. Впрочем, не бесполезно иметь некоторые сведения, ибо весьма опасаются, дабы холера не посетила Петербурга, а трусы, как зловещие птицы, уже разглашают, что она есть в Кронштадте, будто из Любека завезенная. Я не выдаю сего за истину и тебя прошу не говорить, что я сообщаю, ибо знаю, что стараются сокращать разглашения.

Воображаю, сколько было бы тебе досадно еще одну зиму не быть в Петербурге, чего, впрочем, случиться не может, ибо если бы и была холера, до того времени она не может продолжиться. А что до меня касается, я был бы в восхищении, ибо не сомневаюсь я, что мне продолжат мой отпуск, в чем необходимо буду я иметь надобность по случаю раздела имения, который не может иметь скорого окончания, когда я не прежде сентября поеду в Орел, дабы пригласить людей, которые бы занялись приведением в известность и разделом имущества. Недели две назад я послал прошение в орловскую граждан-

скую палату об утверждении духовной покойного отца[3] и сделал публикацию в газетах о кончине с вызовом кредиторов.

Между тем предварительно собираются некоторые нужные сведения. Жалеть буду, если ты уедешь в Петербург и ежели должен я буду прибегнуть к посредству других людей; впрочем, во всяком случае, я устранюсь, и со стороны моей ни малейшего не будет влияния. Как бы хотелось мне скорее кончить сие дело и быть свободным в распоряжениях. Не привык я к подобным занятиям, и всего менее приятны они с ближайшими родными. Но как бы то ни было, я хорошо выполню мое предположение.

Прощай, принеси засвидетельствование совершеннейшей моей преданности Екатерине Васильевне[4]. Будь здоров и благополучен. Душевно почитающий *Ермолов*.

Что если бы мог я исполнить сию минуту представившуюся мысль посетить тебя в твоей деревне. Мысль преблагородная! Но отъезд твой в Петербург, что с ним делать*?

Любезный брат, Петр Андреевич! Всегда о людях хороших способностей и заслуживающих особенное твое внимание, ты предупреждаешь меня письмом приятельским и заставляешь иметь о таковых попечение. Не такое извещение доставлено о Б[…]м[5], и я, тебя зная, столько же знаю, какое о них иметь понятие.

Верный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 6. С. 536–537

П. Х. ГРАББЕ

*[Осоргино]**, *5 сентября 1832*

Любезный друг Павел Христофорович.

С того времени, как непонятным образом, и к величайшей досаде моей не видались мы с тобою в проезде твой через Орел, я имел от тебя одно только письмо, когда, будучи начальником штаба генерала Ридигера[1], возвращался ты после кампании 1828 года. Я сберегаю письмо сие, и мог ли я не радоваться, что после 14 лет разлуки любезный сердцу моему Граббе сохранил всю живость чувств прежней ко мне привязанности. Но это было в 1828 году.

Ты не прав, если досадуешь, что я не отвечал на письмо. Живши в глуши моей деревни, я не знал, где искать тебя в беспрерывном движении, переходящего от одной войны в другую. Но ты замолк, и при официальной бумаге твоей за № 1883 нет ни слова. Признаюсь, что это меня огорчает.

О формулярном списке, препровожденном ко мне, скажу, что не имею бумаг и многие из обстоятельств непременно ускользнут от памяти. Паче же во времени неизбежно будут погрешности, и потому пришли записку обо всем, что должно быть помещено в отметках. Так поступают со мной все прочие. Сие в отношении к службе твоей еще более необходимо, ибо в звании адъютанта ты имел о себе поручения и даже употреблен был при *Вальмодене*[2]

---

* Далее – особая записка.

** Помета А. П. Ермолова: «Из подмосковной».

с иностранными войсками. Пришли записку сию в Орле на мое имя, куда на днях я еду по собственным делам.

Нынешнею весною в Петербурге, часто видавшись с *графом Паленом*[3], мы говорили о тебе, и мне приятно было видеть, что умеет отдавать тебе полную справедливость. Он восхваляет тебя до небес и сказывал мне, что всячески старался о производстве твоем в чин. Не трудно мне было догадаться, почему он не имел успеха, ибо еще в Тифлисе *могущественный военачальник*[4] обнаружил против тебя свою злобу. Кажется, Пален не довольно употребил настойчивости. Когда случится увидеться, поговорим о многом.

Что сказать о себе?

Скоро год, как я под эполетами, и столько же для службы бесполезен, как и без них[5]. Назначения и должности я не имею. По 1 октября я в отпуску, по домашним делам, ибо недавно лишился старика, моего отца. Дела сии понуждают к требованию отсрочки, которая весьма будет у места, дабы избавиться ничтожества, в котором пресмыкаюсь я в Петербурге. В моем состоянии не расчетливо платить дорого за подобные приятности.

В 25 верстах от Москвы имею я маленькую весьма деревушку или дачу, где живу очень счастливо, с настоящей стороны смотря на многие из сует. Ты поверишь спокойствию!!!

Прощай, если продолжил прежнее твое ко мне расположение, найдешь чувства признательности к тебе всегда постоянные.

Душевно почитающий тебя *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–4

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 10 января 1833

Любезный граф Михаил Семенович.

Чувствуя неприятность положения быть бесполезным приятелям моим или прежним сослуживцам, я обращаюсь к тебе, старому другу, называвшему меня некогда братом, и вот в чем состоит просьба моя. В бытность мою в Грузии служил обер-квартирмейстером в корпусе полковник Коцебу[1], о котором всякой скажет тебе, что он человек умный и офицер с отличными способностями и сведениями. Находясь теперь в главном штабе военных поселений, он, по новой реформе, лишается всех выгод и даже столовых денег и с семейством довольно большим одним жалованием существовать не находит средств, особенно в Петербурге.

Не можешь ли дать ему место при себе по особенным поручениям, и в таком случае уведомь меня, какое может он иметь содержание? Скажи мне откровенно, желаешь ли сие сделать или встречаешь какие-либо препятствия? В положении полковника Коцебу ему невозможно допускать надежды неосновательной.

Я живу в подмосковной и, по расчетам моим, надеюсь пробыть весьма долго. Прощай. Продолжи мне прежнее, лестное для меня расположение.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 102

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

[Осоргино], 2 марта 1833*

Почтенный Роман Иванович. После отъезда Вашего пустынею сделалось мое Осоргино, скучно ужасно, и как бы нарочно привязывают меня к нему терзающие меня лишаи. Последние дни Масленицы, для Дениса[1], и последние на первой неделе, для говения, проводил я в Москве, что не много сделало пользы для болезни, и оттого я уже не показываюсь на воздух, обвернутый пластырями.

Дети мои утешают меня привязанностью к нам и благодарностью за наше о них великодушное попечение. Какая радость от письма Вашего и воспоминания о них! Ждем Вас и не знаем, когда к нам возвратитесь, но не иначе желаем, чтобы успели Вы сделать для себя что-нибудь полезное. Дай Бог! Лучше бы всего была отставка с прибавлением пенсиона, и для того напоминайте о себе Адлербергу[2], человеку благородному. Я знаю, что Вы не мастер сего дела, но, чтобы устроить участь на остаток дней, надобно решиться на некоторое принуждение. Заживем после припеваючи! Еще повторю: дай Бог!

Шимановский покажет Вам ответ гр[афа] Воронцова, который он должен обратить ко мне; не знаю, правду ли он говорит, но верно, однако же, что есть затруднения, особенно иметь при себе полковника квартирмейстерской части, из которой и в меньшем чине офицера не любят давать генералам. Впрочем, не думаю я, чтобы Воронцов мог доставить порядочное содержание; хорошо, если бы составилась комиссия, о которой он говорит, и тогда мог бы он требовать штаб-офицера для себя и не упустить из виду его выгоды. Я признаюсь Вам, что не надеялся успеть, обращаясь с просьбою к Воронцову, ибо он имеет множество клиентов и, конечно, скорее для многих сделает, нежели для меня. Он смотрит на положение просящего, а я мое очень хорошо знаю! Итак, нам не удалось! Мне кажется, что Коцебу имеют в виду к назначению, ибо иначе не оставили бы ему прежняго содержания, и потому едва ли не лучше ему подождать, не изыскивая другой должности, разве бы представилось место прочное, не требующее подвижности. Вот бы директор для кадетского корпуса…

Петрушка, вам услуживающий, пишет Максимовичу[3], чтобы он испросил ему позволение остаться в Петербурге, где он вступит в службу (военную)… Давно эта была мысль его, и, конечно, где лучше место с малыми способностями, как не в военной службе, где терпят оныя и в высших даже чинах…

Прощайте, будьте благополучны, а я Вас и люблю и душевно почитаю по сердцу. *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 240–241

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 16 июля 1838***

Почтеннейший Павел Христофорович.

Скоро месяц, как я оставил Петербург и оставил с удовольствием, которое гораздо будет большим, если не буду принужденным туда возвратиться[1]. Здо-

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета П. Х. Граббе: «Отв[ечено] 12 августа. От Ермолова 16 июля 1838. Москва».

ровье мое в хорошем состоянии, на досаду искуснейшим врачам, от коих в несколько лет не получил ни мало помощи.

Теперь приступаю к делу трудному, к просьбам, каковые прежде всего выслушивал с неприятностию. Прошу взять к себе в адъютанты бывшего в сем звании при Вельяминове Бибикова, штабс-капитана Кабардинского егерского полка[2] (не смешивай с другим братом его, женатым человеком)[3]. Покойный Вельяминов[4] с похвалою отзывался об обоих братьях, но я знал в особенности привязанность к нему того, за коего я прошу. Мне нравится в нем чувство благодарности во всей его чистоте. А это весьма часто бывает руководителем к наилучшим действиям, и я уверен, что он изучит способ приобрести твое внимание.

Ты, конечно, помнишь, что некогда разделял я моих адъютантов на два разреза, на толковых, коих я брал в адъютанты, и тех, кои меня брали себе в генералы. Пусть мой принадлежит к последнему разряду, но я буду уверен в стараниях и усилиях его сделаться достойным служить при лице твоем. Не откажи, буде возможность, сделать мне сие одолжение. Я признаюсь тебе, что я охотно ходатайствую за Бибикова, что память Вельяминова, с которым весьма долгое время служил я и жил вместе в постоянной дружбе. На что ниже самая перемена обстоятельств не изменили отношений наших!

Меня многие просили о письмах к тебе, и хоть с трудом, но кое-как я увертывался, а потому ты ни одного случая не имел от меня. Однако же, может быть, что и не всегда успею я отделаться, то я предупреждаю, почтеннейший Павел Христофорович, что письма мои будут следующей формы: *Такой-то №*** просил меня* дать ему письмо к В[аше]му прев[осходительст]ву и прочее. Тут, чего бы я не просил, Вы можете быть равнодушным, и если ничего не сделаете, меня не огорчите, ибо я, таким образом, буду писать о человеке, которого лично не знаю, ни в его достоинствах не уверен.

Дайте мне, любезнейший друг, ответ на мою просьбу и адресуйте в Москву, на мое имя.

Будьте здоровы и благополучны.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–6

П. Х. ГРАББЕ

10 февраля 1839

Почтенный Павел Христофорович.

Подателя письма сего подполковника князя Айдемцова[1] прошу принять благосклонно, как человека, который будет тебе весьма полезен в Кабарде, где роды князей весьма обмелели и где он должен быть старшим. Я знал его молодым человеком и, когда он увлечен был другими, он мною был прощен как принадлежавший одной из лучших фамилий.

О сем прошу я потому, что он желал, чтобы я рекомендовал его, но прошу, как о собственности.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 7

П. Х. ГРАББЕ

С.-Петербург, 2 марта 1839

Почтенный Павел Христофорович.

С письмом этим предстанет пред тебя господин Никитин, родной племянник генер[ал]-майора Попова[1], бывшего моего адъютанта. Ты сделаешь мне большое одолжение, бросив на него время от времени благосклонный взгляд начальника и поручив кому-нибудь из приближенных твоих, чтобы молодой человек не совратился с доброго пути и внимания твоего старался удостоиться похвальным поведением.

Он единственный сын, и я успокаиваю трепещущих от страха родителей, что ты, конечно, не от зависти не допустишь его одного быть завоевателем Дагестана или вступить в раздел славы с *Раевским Колумбом*[2]. Я лучше бы желал, чтобы Никитин был с тобою! Впрочем, как угодно!

Я другая неделя [как] здесь, представился властям и живу так уединенно, что никого почти не вижу и решительно никого из великих. Стараюсь по болезни быть освобожденным от заседания в Совете, не знаю, как сего достигнуть, ибо, кажется, что и самое забвение почтется в величайшую мне милость!

Прощай, будь здоров и благополучен.

Душевно почитающий *Ермолов*.

К тебе в числе гвардейских офицеров приедет Мартынов[3]. Прикинь ему несколько ласковых слов. Я знаю родных его, которых очень люблю.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 8

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 2 апреля 1839**

Почтенный Павел Христофорович.

Боялся бы я наскучить тебе моими письмами, ничего другого, кроме просьб, в себе не заключающих, если бы в тебе самом не находил извинения, ибо тебе скажет сердце, можно ли отказать родным, на первую службу отправляющим молодых людей в край, знаменитый молвою о нем ужасною, против черкес, которых одно имя приводит в трепет.

Меня просили рекомендовать тебе офицера гвардии Новосильцева[1], отправившегося, между прочим, к тебе на службу. Из числа родных его есть люди, доброжелательствующие мне, и я, из благодарности, не должен был отказать им в том.

Я сказал, что молодой человек найдет в тебе строгого начальника, в глазах которого лучшее ходатайство есть достоинство и способности, которые предпочитаешь ты всякому могущественному председательству. Впрочем, испытай молодого человека, доставь ему случай познакомиться с опасностями войны, обрати на него внимание, если его заслужат порывы его и стремления.

---

* Помета П. Х. Граббе: «От Ермолова. Москва. 2 апреля 1839 г.».

Родные его могли бы достать значительную рекомендацию к Раевскому, но их желание есть, чтобы он имел честь служить под личным твоим начальством, и, конечно, не для того, чтобы это было легче.

Я, пробывши месяц в Петербурге, возвратился за три дни до Светлой[2] в Москву, получив увольнение от заседаний в Совете[3] до излечения болезни.

Я, благодаря Богу, здоров, чрезвычайно доволен моим положением, надеясь пользоваться долговременным и, что еще вернее, вечным спокойствием.

Детей моих поручил под надзор доброму и благородному Викторову[4], который заботы их принял на себя с совершенным великодушием, и я со стороны сей вполне обеспечен.

Прощай, желаю тебе поистине более того, что бы пожелал себе.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 9

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 28 декабря 1839**

Пред тебя, почтенный Павел Христофорович, предстанут трое из студентов здешнего университета, пожелавшие посвятить себя службе военной. С успехом продолжая науки и уже в высших находясь классах, они могли при выпуске воспользоваться значительными преимуществами, но, избрав путь военный, им не предоставлено ни малейших, и они, как вольноопределяющиеся, поступают на четыре года солдатами.

Без сумнения, были люди, порицавшие подобную решительность, многие могли найти невыгодную сторону такового предприятия, но я далек был охладить в них пламень сего порыва и не иначе разумею его, как призвание (vocation) и предсказал им счастливые успехи под предводительством начальника, которого высокие чувства оценят похвальное стремление.

Вот имена молодых людей:

1. Василий Голицынский
2. Яков Михайлов и
3. Павел Тимофеев[1].

Поручи их, любезнейший друг, внимательному полковому командиру, чтобы могли быть замечены их усердие и умение, ибо, если они окажутся способными и могут употреблены быть с пользою, жаль было бы и несправедливо томить их в низших степенях.

Ты должен с благодарностию взглянуть на молодых людей, которых живейшее желание служить под начальником, коего имеют и славными подвигами они воспламеняются.

Прощай, будь благополучен сколько того желает

душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 10

---

* Помета П. Х. Граббе: «28.XII.1839. От Ал[ексея] П[етровича] Ермолова о Голиц[ынском], Мих[айлове], Тимофееве, вольноопред[еляющихся]».

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 4 января 1840**

Любезнейший Павел Христофорович. Неужели не досадуешь на себя, что со времени отъезда на линию ты ни слова не написал мне, ниже не вздумал порадовать меня твоими успехам[и], равно примечательными, как предприимчивостью, твердостью и самим исполнением. Донесения твои получены во время пребывания здесь Государя, и ему угодно было о действиях твоих пересказать мне со всею подробностью, не упустить не малейшего обстоятельства.

Я сообщу тебе примечательнейшие места рассказа, собственно до тебя касающиеся: «Граббе, познакомившись с краем, приехал в Петербург, мы обо всем с ним переговорили, и он вполне исполнил мои ожидания», — далее, продолжая, сказал: «Граббе не тот человек, который, взявшись за предприятие, когда-либо отстал от него». Хвала тебе и, отдавая справедливость, заключил сими словами: «Он впоследствии будет отличнейшим главнокомандующим».

Надеюсь, любезнейший друг, что тебе приятно будет узнать об этом, и думаю, что о сем не сказали бы тебе и самые приближенные его; я же кому мог рассказал о сем, ибо со мною не может иметь места une conversation confidentielle**, следовательно, нет тайны!

Вероятно, никому сей Государя отзыв не мог быть столько приятным, как мне, но я виноват только в том, что замедлил сообщить тебе оный, и признаюсь, что ты хоть несколько строк напишешь о себе. Не правда ли, что подобные слова Государя лестнее самих наград, тебе предоставленных?

Теперь приступаю к различным просьбам, которые прошу выслушать с терпением.

К тебе отправляющийся полковник князь Голицын[1], податель письма сего, хотя известный тебе, убедительно просил меня рекомендовать его в твое расположение. Ты знаешь его как умного человека и храброго офицера, и я прибавлю к тому, что в бытность его в Грузии в мое время я во всех отношениях был им совершенно доволен. И надеюсь, что он служить будет отлично, а потому в том не посмею усумниться, чтобы он не нашел в тебе начальника, готового быть ему полезным и желающим направить его обстоятельства.

Покойного с[анкт-]петебургского почт-директора Булгакова жена[2] просила меня о воспитаннике Константине Зубкове[3], служащем в Кабардинском егерском полку, чтобы я написал тебе о нем, и желание ея заключается в том, чтобы произведен он был в офицеры. Я только привожу его на память, а далее определит твоя справедливость. Последняя просьба есть, собственно, моя, и много меня занимающая, которую, кажется, не трудно тебе исполнить, но прежде хочу, чтобы по-дружески сказал ты мне свое мнение.

Меньшой из сыновей моих[4], имеющий хорошие умственные способности, учится так лениво, что не сделает успехов, которые бы в положенные для принятия в учебные заведения годы дали ему возможность выдержать экзамен, для поступления в оныя установленный, почему хочу определить его в войско под твоим начальством. Ты сделаешь мне величайшее одол-

---

* Помета П. Х. Граббе: «От Ермолова замечательное. Ответ 2 февр[аля] 1840 г.».

** Конфиденциальный разговор (*фр.*).

жение и, конечно, благодеяние для него, если не откажешь мне принять его и поручить строгому из командиров. Вот мои условия, буде таковые позволительны, когда испрашивается милость. Ускорить производство его в унтер-офицеры, но далее офицерский чин он не должен иначе заслужить, как отличною храбростью и совершенною годностью. [...]* Я желаю, чтобы он достал его не по благоволению к нему (то есть ко мне), но за труды, и это при недостатке других дарований будет большим ему удовлетворением. Опасностей я за него не страшусь и самая смерть излишне не огорчит меня, ибо, вразумляя его, как и других братьев, я не мог внушить того прилежания к наукам, того стремления проложить себе путь трудами и усилиями и потому не почитаю его достойным равной с иным участи и со стороны моей равного о нем попечения. Теперь он учится в институте Лазаревых[5], и там отзываются с похвалою на счет его поведения, и при всей лености у него будут мелочные познания, каковые между большой частью армейских офицеров не весьма обыкновенные.

Недавно писал я тебе о здешних студентах, добровольно отправившихся служить солдатами под твоим начальством. Не знаю, почему воспитанник мой, не имеющий преимуществ породы, должен пользоваться бóльшими на службе выгодами, особенно же когда они, несравненно большие, оказали в науках успехи и могли сделаться людьми полезными.

Ожидаю твоего ответа.

Поздравляю с наступившим новым годом, желаю от души, чтобы он был для тебя столько же счастливым, как прошедший, и столько же благожелательные были твои успехи. Продолжи мне прежнее твое расположение, а я всегда одинаково почитаю тебя и уважаю.

Твой *Ермолов*

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 11–13

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 9 февраля 1840

Почтенный Павел Христофорович.

Не могу отказать просьбе славного человека, который почитает счастьем служить под твоим начальством. Это сын генерал-адъютанта князя Трубецкого[1], известный мне по отзыву многих как о молодце и весьма не глупом. Разные обстоятельства понудили его оставить выгоды служения в гвардии и искать, сколько возможно, вознаградить потери с доброю волею, пламенным усердием, решением посвятить себя всем трудам службы и опасностям, с нею сопряженным.

Возьми под сильное покровительство свое молодого сего человека и время от времени останови внимание твое на том, который все употребит усилия его сделаться достойным. Употреби с тем, чтобы не был он праздным. У тебя нет недостатка в случаях доставить занятия, а он хорошо весьма знает, что ника-

---

* Фраза неразборчива.

ким другим образом ничего у тебя не достанет. По сей причине я не затруднился просить тебя о нем!

Прощай, будь здоров, и да сопровождает тебя отовсюду счастие.

Душевно почитающий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 14

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 10 марта 1840

Почтенный Павел Христофорович.

Чрезвычайно рад случаю писать тебе, который дает мне молодой граф Канкрин[1], восхищенный тем, что служить будет под твоим начальством. Конечно, за него много предстательствующих, и мне нечего говорить о нем, особенно когда сам ты похвалишь добрую его волю бежать праздности и научать ея ремеслу своему.

Письмо твое доставил мне примечательный своими способностями *Милютин*[2], и только тогда понял я все неимоверные трудности штурма Ахульго[3], когда объяснил он мне все сопровождавшие его обстоятельства. Конечно, надобно знать их, чтобы познакомиться с непоколебимою твердостью начальника и бесстрашием исполнявших его волю. Рассмотрев чертеж местоположения, можно уничтожить слово «неприступный»! Благодарю тебя, любезный друг, за знакомство с твоим начальником штаба, которого не знал я прежде и никакого не имел о нем понятия и о котором могу сказать вкратце, что в один час разговора с ним я получил удовлетворительные сведения по всем частным о стране, оставившей во мне множество воспоминаний. Сведения, которых не имел я в продолжение 14 лет всех вопросах, с неутомимейшим любопытством. Можно справедливо похвалить г[осподи]на Траскина[4] весьма умную и дельную голову, глубокий и точный взгляд на предметы, необыкновенную способность представить их с убедительною отчетливостью, разборчиво употребляя средства в пользу их наклонить и приобрести мнение. Я вспомнил слова твои, что в нем имеешь наилучшего сотрудника, и теперь хорошо это понимаю.

Сделай дружбу, скажи ему от меня поклон и прибавь что прилично!

По слухам, Головина[5] твоего вскоре здесь ожидают, но слухи московские и потому возводят его на вершину величия, иногда не благоволят к нему и дерзают говорить, будто бы собою не оправдал он сделанного выбора. Нет у него ни чрезвычайных способностей, ни твердости воли, ниже памяти. Удивляюсь наглости тех, которые утверждают, будто какой-то *Тимофеев*[6] есть существо для него необходимое. *Великий фельдмаршал*[7] теперь в Петербурге и, конечно, поддержит его своим могуществом, которого благоволения будет он приобретать, конечно, всеми средствами. Ему и Розен[8] служит ангелом-хранителем.

Прощай, почтенный Павел Христофорович, будь здоров и да продлит тебе Бог свою милость.

Душевно почитающий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 16–17

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 12 апреля 1840

Почтенный Павел Христофорович.

В числе войск от здешнего корпуса, отправляющего к тебе, идет молодой офицер барон Баде[1], родственник хорошего моего знакомого. Сделай мне одолжение, приласкай его как весьма порядочного молодого человека и потому, что горит желанием быть употребленным под твоим начальством. Я не только не дал ему надежды, говорил напротив, что скорее предположить должно, что сделать это будет для тебя затруднительно. Вчера прибыл из Петербурга Головин и, ни с кем не видевшись, отправился для свидания с братом в окрестностях Москвы; вероятно, скоро возвратится. Плохо ему было жить до приезда в Петербург фельдмаршала, но лишь появился он, тотчас переменилось его положение, все пошло успешнейшим образом, представления все утверждены, и за самое преобразование внутреннего в Грузии управления, в котором, как говорят, он участвовал немного более, разве тем только, что сидел в Комитете[2] и согласился с предложением, вероятно, не возражая. Итак, любезнейший Павел Христофорович, он к Вам отправляется в великих победах. Надобно в числе Пенатов поставить образ могущественного воеводы.

Непонятною его силою даются способности служащему, ею творятся люди государственные или, по крайней мере, беспрекословно принимаются за таковых. Положение неисповедимо! К содержанию Головина прибавлено по 25 т[ысяч] рублей в год, и он едва ли не сравнен с главнокомандующим[3].

Теперь по доверенности, в которую он облечен, ожидать можно, что дела Ваши не встретят ни малейших затруднений, а собственно им произведенные присовокупятся к числу чудес.

Что делает Ваш Раевский[4], готовящийся стать на чреду главнокомандующих, здесь слухи, что он имеет случай сделаться самостоятельным и что будто и сам ты рад от него избавиться. Это принадлежать будет к числу чудесных распоряжений, принявших начало в обширных соображениях Воронцова.

Прости, что заболтался, у тебя нет лишнего времени счислить* пустяки.

Будь благополучен, чего от души желает истинно почитающий

твой *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 18

П. Х. ГРАББЕ

Москва, [1840][1]

Грустно мне было уехать отсюда, не видевшись с тобою, почтенный Павел Христофорович, давно не было от тебя известия, и только то знал, и что ты не здоров, что еще умножало досаду, что мы так расстались. Напиши мне, когда

---

* Так в оригинале.

отсюда выедешь, а я отвечать тебе буду в Полтаву[2]. Прощай, обнимаю тебя как друга, как брата.

Ермолов

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 15

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 14 февраля 1841**

Почтеннейший Павел Христофорович.

Не престаю твердить родителям, просящим рекомендательных писем о детях их, что они ни к чему не служат и что в глазах твоих лучше всегда предстательствовать способности и дарования молодого человека, не менее того, однако же есть случай, что я не могу отказать в сих письмах и решаюсь скучать тебе ими, и теперь я в том положении.

Письмо сие представит тебе господин *Бибиков,* которого я не только не знаю, но даже не видел никогда. Он, как говорит, отлично учился в Школе правоведения, одарен хорошими способностями и желал служить на Кавказе под начальством твоим, спешит туда отправится. Твой взгляд на него и, если он будет счастлив, что обратит на себя твое внимание определит, что из него должно будет выйти!

Писавши тебе как будто ex officio**, теперь несколько слов скажу по сердцу: получил письмо твое о последних действиях твоих и об успехах, их увенчавших. Понимаю труды твои, вижу, сколько еще таковых предстоять должно, и разумею, сколько утешительно чувствовать приносимую ими пользу. Но отнюдь не удивлюсь, если через некоторое время пожелаешь отдохновения.

Здесь разные слухи насчет вождя вашего Головина, но я не верю, разве приложит к тому руку Ган[1], могущественно поддерживаемый. Вчера узнал, что отзывается Раевский и на место его Анреп[2]. Впрочем, слухи здешние, которым верующих мало. Итак, другая страна озарена будет блеском слов Раевского!

Ваш берег Черного моря не одного еще похоронит Геракла!

Вскоре надеюсь прислать к тебе на службу одного из моих воспитанников[3], который разве потому только не удостоится быть de la chair àcanon***, что нет пушек у горцев или что судьба справедливая сберегает его в добре горячки или поноса, что гораздо приличнее негодяю, который ничему не хотел учиться.

Положусь на строгую справедливость твою, почтенный друг. Никакого снисхождения по дружбе ко мне и всю строгость и взыскательность. Он даже сожаления не достоин, ибо редко встречается создание более бесчувственное, упрямое и с наклонностями более низкими.

Желаю тебе благополучия и успеха в делах твоих.

Душевно любящий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 19

---

* Помета П. Х. Граббе: «14 февраля 1841 от Алексея П[етровича] Ермолова».

** По обязанности (*лат.*).

*** Пушечным мясом (*фр.*).

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 17 февраля 1841**

Почтеннейший Павел Христофорович.

Три дня назад писал к тебе с г[осподином] Бибиковым, которого любимая мысль была служить в твоих войсках, и, вкратце теперь позволю об этом объясниться несколько пространнее.

Мальчику[1] посылаемому только 16 лет, и в ребячестве оказывал он лучшие умственные способности, нежели обнаружились впоследствии, хотя, впрочем, и теперь нельзя назвать его глупым. Молодость его не была пренебрежена, ибо он учился с другими детьми моими, а когда они поступили в артиллерийское училище, он отдан был в институт Лазаревых в Москве, где начальником, служившим прежде в артиллерии, офицер, весьма хорошо мне знакомый, имел о нем особенное попечение, где наблюдал за ним инспектор классов, известный профессор, приятель мой, но на всё это не взирал, и на требование более четырех лет в институте, он только что перешел из самого низшего класса, куда поступают ребята, и то не за успехи, но единственно потому, что неловко было оставить между детьми болвана толстого и большого роста. В нем леность непреодолимая и отвращение к наукам, которого ничто, ни самое наказание победить не сильно. Трудно поверить, что он и того не знает, что пять лет назад было ему какое-нибудь втолковано. Словом сказать, что я в жизни моей не встречал животного более упрямого и бесчувственного. Я ничем не мог его устыдить, не видел ни разу покрасневшим.

Суди, любезнейший друг, как отец, утешающийся детьми своими, что я должен чувствовать все низкие его свойства, делающие его достойным украшением виселицы. Какие различные чувства вселяют в меня другие мои дети, с отличными успехами учащиеся в Петербурге, где один из них выйдет офицером годом прежде него. Это бывает в училище, по установленному порядку классов.

Сделай милость, любезнейший Павел Христофорович, определи его в службу на праве вольноопределяющихся. Я боюсь, чтобы дружба твоя ко мне не была виною излишнего к нему снисхождения, которого поистине он не достоин. Но я должен думать, что тебе легче последовать врожденному твоему чувству справедливости.

Определи его в Тенгинский полк, который чаще в деле с горцами, ибо ему осталась единственная надежда все достать службою и храбростью. Надежда, конечно, основательная, ибо есть офицеры равного с ним невежества и, между тем, даже полезные.

Велика милость твоя будет, если чрез некоторое время он произведен будет в унтер-офицеры. Это много облегчит его службу, но я почитаю необходимым, чтобы он послужил рядовым. Хотя бы даже несколько долее, чтобы не могли того почесть несправедливым предпочтением. Твоего благоусмотрения, и, я уверен, что, если представится случай, где он усердием и храбростью обратит на себя внимание начальника и поведение его заслуживать будет одобре-

---

* Помета П. Х. Граббе: «От Ермолова. Москва 17 ф[евраля] 1841».

ния, ты, конечно, наравне с другими, представишь его к производству в офицеры. Это не будет тогда нарушением справедливости и порядка.

Не знаю, почему наименовал я Тенгинский полк для определения его, не лучше ли будет который-нибудь из линейных батальонов в крепостях на берегу Черного моря. Там скорее схватка с неприятелем. Не устрашусь я, если выгоды по службе купит он ценою величайших опасностей. Таков должен быть его жребий по рождению, по свойствам же его. Это одно может отблагодарить его в глазах моих. Ты легко уразумеешь, почтеннейший друг, что к подобному существу не могу я иметь чувств нежного родителя.

Я угадываю, что ты поручишь его кому-нибудь из начальников, но при сем случае подтверди, чтобы смотрели за ним внимательно и строго. Можно внушить этому начальнику, чтобы он отдал его на руки хорошего фельдфебеля, у которого мог бы он жить, дабы вместе с другими не быть в артели.

Прочим моим воспитанникам, хорошо весьма учащимся и заслуживающим одобрения поведением их, я не хотел дать права именоваться моею фамилиею, но при определении в Артиллерийское училище, великий князь[2] то приказал, и потому они Ермоловы, впрочем, из купцов московских 2-й гильдии. Но этому несправедливо было бы дать равные права с людьми, имеющими достоинство, и не желая краснеть за существо, доселе заслуживающее единое презрение, я в свидетельстве о происхождении его называю его Горским[3]. Будет хорош и под этим именем, я не прочь делать ему добро!

Теперь же для содержания его, когда будет солдатом и в звании унтер-офицерском, достаточным полагаю ему в год триста рублей ассигнациями. Хочу, чтобы познакомился он с нуждою и научился быть бережливым, что впоследствии будет для него необходимо. Если далее будет он офицером, я положу ему капитал, из которого проценты будут обращаемы на его содержание, и оно будет достаточным хотя бы и для хорошего армейского офицера.

Деньги, мною полагаемые, и вскоре доставлю к тебе по почте, теперь же даю ему то, что нужнее ему в дороге. Жалею, что при занятиях твоих я наложил на тебя нелегкую заботу и сверх того мучу тебя мелочными подробностями. Но того, о чем я прошу тебя, для меня никто не сделает, ибо почти уже никого не осталось у меня из ближних моих, и если есть еще желающие мне добра, они бессильны и совершенно не могут ничего. Ты, устроив будущность его, сделаешь благодеяние, и оно достойно души твоей!

Прощай. Будь благополучен, да споспешествует тебе счастье!

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 20–22

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 3 марта 1841

Почтеннейший Павел Христофорович.

Позволительно мне похвастать давнею постоянною дружбою твоею, но, право, не этим привлекаю я множество просящих рекомендательных к тебе писем. Причина этому самая простая, ибо много весьма посылаемых и просящихся служить в Кавказском корпусе, и, как каждый из них знает, что воен-

ные действия только со стороны твоей, то и желают находиться в войсках под твоим начальством.

За подателя сего письма просил граф Толстой, известный под названием Американца, конечно и тебе знакомый[1]. Податель его — родственник той же фамилии, по словам его, хорошо весьма учившийся и пламенно желающий служить настоящим образом, впрочем, и тем уже хорошо рекомендующийся, что учился в Артиллерийском училище. Тебе, без сомнения, понравится то, что он не просил и не ищет находиться при генерале, следовательно, обрекает себя на все тяжкие.

Да будет по усмотрению твоему и справедливости.

Будь счастлив и желаю тебе всех успехов.

Преданный *Ермолов*

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 23

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 24 марта 1841

Почтенный Павел Христофорович.

Давно не писал к Вам и не прислал денег отправленному от меня для преодоления горных кавказских юноши Горского. Теперь препровождаю четыреста рублей ассигнациями, из коих 300 на годовое жалование и 100 на могущие встретиться надобности при вступлении в службу[1].

Повторю о нем просьбу мою отдать его на руки строгого и порядочного фельдфебеля, о чем Вам слово сказать полковому командиру. Подтвердите, сделайте дружбу, чтобы излишнего не было оказываемо ему снисхождения, надобно, чтобы познакомился он с трудами и нуждою. Если невозможно породить в нем чувств, хорошо уже пробудить чувственность, ибо и эта в усыплении.

Довольно сказать тебе, что о приезде его в Ставрополь я знаю из письма его к одному из школьных товарищей, вероятно, подобному себе. Мне не догадался написать ни слова.

Воображаю, сколько должен я скучать тебе просьбами моими. Когда меня уже заставляют терять терпение, не отведывающиеся* со своими. И вот в чем на сей раз состоит дело. У тебя служит инженерный офицер Бутков[2]. Отец его говорит сам, что он щедро весьма награжден, и просит только ходатайствовать о твоем к нему вниманий.

Недавно в 10-й Черноморский линейный батальон определен из гвардии поручик Шупинский. Я знал его еще в гвардейской юнкерской школе великим шалуном, и теперь просьба родных в том состоит, чтобы строго начальство не допускало его продолжать делать шалости.

Вот и конец дел моих.

Письмо мое только что застанет тебя, ибо, по слухам московским, ты выступаешь для окончательного низложения горцев. Говорят, на вас не возлежит обязанности употреблять евангельской кротости.

---

* Так в оригинале.

Желаю, почтенный Граббе, тебе совершенного успеха, чего не может случиться иначе.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 24

П. Х. ГРАББЕ

С.-Петербург, 18 апреля 1841

Почтенный Павел Христофорович.

Отправляющий на Кавказ корпуса жандармов подполковник Кушинников[1] просил меня поручить его благосклонному вниманию Вашему. О нем много говорил мне хорошего, и я в этом не хотел отказать близкому родному хорошего и долгое время приятеля моего *Марченко*, бывшего члена Государственного совета[2].

Он едет, как обыкновенно отправляется к минеральным водам чиновник жандармский и, вероятно, не будет напрашиваться на военные действия, на что, впрочем, я настаивал, зная, что ты имеешь г[осподи]на Юрьева[3], к которому сделал уже привычку.

Итак, да будет по благоусмотрению твоему, а человеку достойному тебе приятно быть полезным! Он будет уметь высокую дать цену благосклонному отзыву твоему на счет его, отзыву многоуважаемому.

Прощай. Будь благополучен, согласно с желанием истинно любящего Ермолова.

Надеюсь, что по дружбе ты не забудешь юношу Горского употребить на настоящую службу. Может быть, этим развяжешь мешковатость, и уменьшится почти непрерывающийся сон его, единственное его занятие.

Признаюсь, что, мало ожидая от подобного существа, рад я буду чрезвычайно, если природа не откажет ему в храбрости, подобно как многим не весьма благородным животным.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 25

П. Х. ГРАББЕ

[Осоргино], 28 сентября 1841***

Полковник Греков[1] доставил мне случай писать тебе, почтенный Павел Христофорович, и я чрезвычайно за это ему благодарен.

Сажи ему за это несколько почтительных слов, как человеку, гордящемуся честью быть под твоим начальством.

Давно весьма ничего и о тебе не знаю, совершенно ничего о действиях и успехах Ваших, которые, по мере способов, Вам представленных, должны были быть решительными и обширными, и таковыми ожидал их Государь Император, как о том были слухи. Вижу из официальной газеты, что создалась

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета П. Х. Граббе: «От А. П. Ермолова».

крепость Евгеньевская[2], и все имею право заключить, что подобный памятник есть свидетельством признательности важных заслуг. Полагаю, что на сей год уже кончены значительные предприятия и разве продолжаются одни мелочные действия, ибо имеем уже известие о возвращении Головина в Тифлис.

В последнее пребывание в Москве Император отзывался особенно довольным действиями Анрепа на берегах Черного моря. Не произнес он имени Раевского, но легко было заметить, что не [в] пользу ему выставлял совершенно успешную систему первого, говоря, что в закубанцах в короткое время его командования ощутительно желание его с нами сблизиться. Не знаю Анрепа и в жизнь мою его не видывал. Что сказать о себе? Для жизни политической я умер и нахожу, что после того весьма покойно существовать для небольшого весьма числа добрых приятелей! Восемь месяцев в году живу в деревне, остальное время в Москве, в кругу малом и не шумном. Здоров так, как бывал двадцать лет назад, и утешаюсь, что не одна только старость делает негодность мою для службы, о которой имею я благоразумие довольно уже давно не иметь помышления. Вот как возможно измениться от честолюбия.

Скажи, любезнейший Павел Христофорович, отчего ты редко или даже почти никогда ко мне не написал ни слова? О делах успешных и которые относятся ко славе русского оружия можно безболезненно уведомить, если же бы что могло случиться невыгодного, я о том и знать не хотел бы.

Прощай! Желаю тебе всего, что может быть приятным и полезным. Скажи мое совершеннейшее почтение ее превосходительству[3], которой, к сожалению моему, я доселе не известен. Прощай!

Дружески преданный *Ермолов*.

Полковник Белов[4] просил, чтобы я рекомендовал его тебе. В значительном его чине, сказал я ему, нельзя уже не быть известным начальнику. У вас же действия непрерывные.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 26–27

П. Х. ГРАББЕ

[Осоргино], 1 июля 1842***

Почтеннейший Павел Христофорович.

Без сумнения, Вы одобрите молодого человека, от службы покойной испрашивающегося на службу тяжелую, опасную, и по тому теперешнему случаю безболезненно прошу Вашего взора на *поручика Волкова*, который по желанию его переведен из Бородинского егерского в Апшеронский пехотный полк для того, чтобы быть в действии против горцев. Я не знаю и не видывал молодого человека, но не могу не склониться в пользу того, кто с веселым духом ищет случаев, где могут оторвать голову.

Прошу также взгляда Вашего *на господина Кавата*[1], определенного инспектором аптекарской части на Кавказ и в Грузию. Желая устроить часть сию, он необходимо будет обращаться к Вам со своими представлениями и хорошо

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета П. Х. Граббе: «От А. П. Ермолова. 1 июля 1842».

очень знает, что, удостоясь благосклонного внимания Вашего, он достигнуть может скорейших в том успехов. Туг мне не нужно усиленных просьб, ибо со мной согласовываться будет сама любовь Ваша к порядку и желанию устройства во всех подчиненных местах.

Когда же, любезнейший Павел Христофорович, из моего солдата сделаете Вы великого унтер-офицера[2]? Вы там заняты, что не естественно помнить о существе столько ничтожном, а далее перейдете к важнейшим назначениям, и он совсем останется или даже подпасть может начальству, которому приятно будет сделать мне оскорбление.

Да будет по воле Вашей!

Желаю Вам здоровья и счастья, и успехи должны Вам принадлежать!

Душевно почитающий *Ермолов*.

Дайте ради Бога Волкову случай схватиться с горцами.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 28

П. Х. ГРАББЕ

[Осоргино], 12 августа 1842***

Почтенный Павел Христофорович.

Прежде сего, по большой части, я ходатайствовал за кого пред тобою. Это бывало по просьбе родственников тех лиц, теперь прошу тебя за барона Розена[1], который будет служить под твоим начальством. За него прошу я убедительнейше и по собственному побуждению, зная его с самых юных лет как отличного молодого человека. Заставь его пересказать случившееся с ним и увидишь, что он был жертва гнусных подлостей генер[ал]-лейтен[анта] Иловайского, сумасшедшего, живущего в отставке. Дай ему случай служить полезным образом, что, думаю, можно делать и не будучи командиром батальона. У тебя столько мест, поручений и прочая.

Два уже месяца безвыездно живу я в деревне, и потому, не видевши никого, не знаю я ничего точного о тебе. По слухам московским, экспедиция твоя кончена, но что осенью и зимою будет продолжительнейшая и более решительная. Говорят, что ты проник в горы, где изумились, увидев войска, ибо дотоле почитались они недоступными, что хотя и понесли войска потери, но что горцы в чрезвычайном ужасе и оттого можно ожидать важных последствий[2].

Военный министр[3], проезжал в Москве, был не более суток, мне сказывали, что он никого не принимал, отобедал у здешнего начальника и дал заметить большую скромность.

Прощай, будь здоров, желаю тебе всех успехов и уверен, что превозможет трудности и препятствия.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 29

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета П. Х. Граббе: «От А. П. Ермолова 12 августа 1842».

А. И. КУЧИНУ[1]

Москва, 17 февраля 1843

Почтенный Александр Иванович! Приятно мне было видеть из письма твоего те же чувства, которые всегда уважал я в добром приятеле, в молодце старом сослуживце. Расспросив подробно о твоем образе жизни, о занятиях, с радостью узнал, что не поддаешься летам и что самыя раны, во множестве тобою полученныя, не только не ослабили твоих сил, но что, напротив, на место себя заготовляешь слуг Государю.

Пишешь, что старший получит скоро 14-й класс и порывается на военную службу. Я, как солдат, не буду советовать противного, но если бы пошел он по ученой части, то и она представляет большия выгоды. Надобно будет и о том подумать, чтобы со временем мог он заменить тебя в семействе, которым довольно щедро благословил тебя Бог.

Много говорили мы о тебе с добрым А. В. Трегубовым[2], который столько любим был в вашей губернии. По справедливости, человек достойный и благонамеренный!

Скажу теперь о себе.

Я пользуюсь, по милости Государя, неограниченным отпуском до выздоровления от болезни.

Благодаря Бога, здоровье мое, судя по 65-ти годам, весьма хорошо, и я ничего не переменил в образе жизни против прежняго. Ничем себя не балую, но скучаю праздностию, которую никогда я не любил. Живу лето в маленькой деревушке от Москвы в 25-ти верстах. Зимою проживаю месяца четыре в Москве посреди родных.

Государь жалует такой пенсион, какого я, по рождению бедного дворянина, и во сне не видывал.

У меня пять человек детей, из которых старший выпущен офицером из артиллерийского училища. Самому меньшому только 6 лет[3]. Так спокойно приближаюсь я к концу дней моих; но хотелось бы мне еще видеть тебя, почтенный Александр Иванович, и могу уверить, что я не проеду Тулы, чтобы не заехать к тебе. Поговорим о многом и вспомним старину!

Ты говоришь, что еще готов послушать свист ядр вместе со мною. Куда нам с тобою?

Со времени удаления моего из Грузии 17-й год: я не имел в моей команде более одного денщика моего, и тот недавно вышел, за заслужением лет, в отставку. Мне нетрудно было заметить, что я предназначался к совершенному бездействию.

Желаю тебе здоровья и жизни благополучной! Любить тебя много и столько же понимать — суть потребность души моей. Прощай! Преданный *Ермолов*.

Приезжавший человек твой — прехороший старик и все рассказал мне порядком.

Русская старина. 1874. Т. 9. С. 562–563

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[1827–1844]

Жалею чрезвычайно, почтенный Николай Николаевич, что вчера, заехавши ко мне, Вы меня не застали. До осьми часов вечера я сидел дома и тогда только поехал посетить одного больного, когда узнал, что брат Петр Николаевич ввечеру ко мне не будет; а как я ожидал его вместе с Вами, то полагал, что и Вы отложили до другого времени. Вот причина, лишившая меня удовольствия Вас видеть, а я признаюсь, что думал, что Вы заедете поутру, впрочем, не знаю почему, ибо брат, известив меня о намерении Вашем, не назначил, однако же, времени.

Преданный *Ермолов*

Надеялся посидеть с почтенным Николаем Николаевичем и не был так счастлив.

Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 16. Копия

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 2 февраля 1844

Почтенный Роман Иванович.

Благодарю усерднейше за письмо Ваше обстоятельнейшее и вмещающее в себе все, что может быть занимательным для меня…

Я, благодаря Бога, здоров, и все идет по-прежнему, в чем убедиться можете из того, что долго не отвечал на письмо Ваше и еще долее задержал письма к Вам Романа Романовича[1], которые Вы позволили мне распечатывать. Не правда ли, что все в прежнем порядке, которого, вероятно, ничто переменить не может. Я не посылаю копии с бумаги, которою слагается с Вас взыскание. Вы можете ее видеть в министерстве внутренних дел, ноября от 26-го дня 1843 года № 885, к главноуправляющему Закавказским краем[2].

Здесь справлялась об Вас полиция, вероятно, чтобы о том вас уведомить. Итак, со стороны этой Вы совершенно успокоены…

Живу прескучно, выезжаю несравненно менее нежели прежде; глазам моим гораздо лучше, а по вечерам читать нет времени.

Прощайте, желаю Вам здоровья. Воображаю наслаждение Ваше среди сонма внучат, возрастающих, рождающихся и имеющих родиться еще во множестве. Какое счастье…

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 241–242

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 20 апреля 1844

Давно не писал я к Вам, почтеннейший Роман Иванович, и даже не отозвался на последнее письмо Ваше, но и сказать нечего было, потому что нынешнюю зиму я постоянно сидел дома и нигде, кроме родных, не бывал, отговариваясь нездоровьем, хотя, впрочем, не могу на него жаловаться. Глаза,

однако же, мои мало поправились, и по вечерам не смею еще читать. Хотелось бы отправиться в деревню, но гнусная и чрезмерно продолжающаяся непогода препятствует; дороги непроходимы, и холод несносный.

Пора в деревню, да и Вам надобно будет к концу мая возвратиться в уединение и расстаться со множеством окружающих Вас родных, в особенности же внучат обоего пола, на которых старики обычно переносят всю нежность, которую имели к детям; а мой почтенный собеседник всем дедушкам может быть образцом! Не ошибаясь, замечаю, что и мои юноши помещены в число внучат, по участию, которое Вы принимаете во всем, относящемся до них. Я не умею высказывать, столько признателен Вам за милостивое и истинно благодетельное к ним расположение…

Не знал о смерти Гозиуша[1] и пожалел о нем. Помалу исчезают знакомые!..

Прощайте, желаю Вам благополучия. Почтение мое к вам беспредельно.

Преданный *Ермолов*

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 242

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 24 ноября 1844

Любезный и почтенный Николай Николаевич. Возвратившийся от Вас племянник ваш (homonyme)*[1] сказывал мне, что, быть может, нынешнюю зиму Вы не приедете сюда по причине, уменьшившей приметно число приезжающих в Москву. Жаль мне будет чрезвычайно, особенно рассчитывая верно прожить некоторое время вместе. Помню хорошо, что нам было бы что прочитать, а Москва дала бы и о чем поговорить.

Воля Ваша, никак не ладится с местоимением «Вы», и лучше по-прежнему говорить «ты» старому по службе товарищу.

О Кавказе здесь различные слухи, но все не весьма хороши. Впрочем, неудачи и потери всегда чрезвычайно преувеличены без нужды, ибо они сами по себе довольно значительны. Не было с неприятелем сшибок кровопролитных, но болезни истребляли войска. Поселения казаков левого фланга завалены больными, и г[енерал] Нейдгардт предложил начальству учредить госпиталь в Астрахани. Сами судите об удобствах, которые преумножает тамошний карантин. Здесь ожидают и самого вождя[2] грозных наших ополчений, который к одному здесь знакомому писал, чтобы он старался купить для него дом умершего графа Толстого[3] или, по крайней мере, нанять его.

На место вождя, по известиям из Петербурга, назначают Герштенцвейга[4], которого ты лучше знаешь и который скорее, может быть, познакомится с солдатом делами своими, нежели именем. Слышно, однако же, что, ссылаясь на раны и слабое здоровье, он уклоняется от назначения.

Есть молва и о генерал-квартирмейстере Берге[5], которого я совершенно не знаю. Но сему назначению многие не верят. Нет ли неизвестного нам пророчества, что Кавказ должен пасть пред именем немецким. Надобно попасть на него! Напрасно нападают на вышедшую недавно книжку забавную[6], как говорят

---

* Тезка (*фр.*).

La Russie envahie par les Allemands*. Тут, любезный Николай, родным твоим жизнь плохая! Кто-нибудь из наших, бродяжничествующих за границей, способствовал неназвавшемуся сочинителю.

Многие говорили из людей достоверных, что весной пред началом военных действий, когда на Кавказ посылаемы были огромные подкрепления, князь Меншиков желал получить начальствование (то есть фельдмаршальский жезл) на Кавказе. Это правдоподобно, но желал бы спросить его по совести, взялся ли бы он теперь?

При появлении сил наших у подошвы гор, известно достоверно, горцы пришли ощутительным образом в робость, и было между ними большое смятение, в особенности когда по переходе Койсу соединился Нейдгардт с Лидерсом[7] и превосходством сил могли раздавить Шамиля[8]. Никто не понимает Нейдгардта, который предпочел отпустить его[9]. Может быть, в надежде легчайших триумфов. После сего случая горцы ободрились чрезвычайно, и, может быть, подобного случая уже не представится. Невероятно, как рассказывают, до какой степени упала доверенность войск к Нейгардту, даже до насмешек. Не избежал того же и Гурко[10], и едва ли еще не более. Это меня удивило, ибо в нем весьма много хороших качеств и очень жаль этого. На линию надобен также начальник, и по Москве был нелепый слух о генерал-адъютанте Анрепе. Это по чину его невозможно! Не говоря о прочем! У нас, старожилов Кавказа, на уме ты, любезный Николай Николаевич, но, видно, мы глупо рассуждаем, ибо не сбывается по-нашему. Впрочем, когда говорят мне о происшествиях на Кавказе, говорят о стране незнакомой, до того все изменилось там. Сюда в отпуск ждут Гурко, которого я любопытен видеть, ибо спрашивали его, когда он ехал на линию, не повидается ли он со мною; он отвечал, что это совершенно бесполезно и что я так уже давно оттуда, что не знаю обстоятельств. Не знаю, как будет смотреть Нейдгардт после знаменитых подвигов. Он, говорят, болен совершенно и настоятельно требует увольнения. Желание, вероятно, исполнится, и без замедления. Здесь Головин, возвратившийся из-за границы, и я уверен, что внутренне он очень доволен собой. Я виделся с ним, но не имел случая говорить. Он не прочь от деятельной службы, но едва ли в состоянии быть годным, и, конечно, не в той уже стране[11]!

Чрезвычайно любопытно знать, кто назначен будет, и, кажется, должно это вскоре последовать, ибо с началом весны должны возобновиться действия, которые надобно поправить не для одних иностранных журналов. Хотел еще писать, но спешит отъезжающий, который письмо это отдаст на почту в Туле. Отсюда прямо я бы не написал его.

Прощай, люблю старого товарища, как прежде, уважаю еще более и знаю как достойного и полезного человека.

Душевно преданный *Ермолов*.

Наталье Григорьевне[12] мое совершеннейшее почтение. Не забуду, что удостоила посещения меня больного.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–18. Копия

---

* Россия, захваченная немцами (*фр.*).

Н. П. ГОДЕИНУ

Москва, 25 января 1845

Был готов сделать жестокую обиду моему почтенному и любезному Николаю Петровичу[1], хотел сказать, что забыл меня. Но и самому мне досадна подобная мысль, и может ли быть таковым? Его же возлюби душа моя. Однако же и не писать столько времени, не знаю, хорошо ли, особенно выманивши приметное желание завести переписку. Это уже может быть и не великодушно!

Всегда в Москве много молвы, но был некоторое время ужасный прилив оной. В числе нелепых и несбыточных рассказов было назначение мое в Грузию. Множество о том писем явилось из Петербурга с подробностями, которые в понятии других делали то правдоподобным. Наконец, должно признаться, и я порядочно струсил, ибо друзья мои могли пожелать сломить мне шею, а может ли представиться лучший для того случай? В голову мою не вмещается, чтобы возможно было все привести в желаемый порядок в короткое время, а в мои лета нельзя уже рассчитывать на года.

Назначение Воронцова[2] есть по справедливости наилучший выбор, и со званием начальника ему прилично дать власть, которую, конечно, никому бы не предоставили другому. С нею, без сумнения, все можно кончить с удобностию! Он человек весьма умный и имеет всю нужную тонкость, чтобы понять хитрых азиатцев и не допустить их обмануть себя. Он будет уметь приобрести их доверенность.

Итак, почтенный Николай Петрович, в скором времени мы увидим совсем другое положение дел на Кавказе, и будет конец неприятным происшествиям, дающим повод еще более неприятным разглашениям.

А проклятые журналы иностранные! Они замолкнут или, по крайней мере, перестанут быть ядовитыми.

У нас слухи, что генерал Гурко[3] назначен начальником главного штаба к Воронцову. Император милостиво изволил принять его и наконец пожаловал ему орден Св[ятого] Александра[4]. Итак, Воронцов будет иметь опытного человека и действиями которого должны быть весьма довольны.

Генерал Муравьев[5], бывший корпусной командир, теперь в Петербурге, куда приехал он по семейным делам, но молва выдавала, будто он имел виды вступить в службу и, быть может, попасть в Грузию. Я виделся с ним при проезде его и совершенно знаю, что в молве этой ничего нет похожего на правду; да к тому же я знаю и характер субъекта. Прикажут, он умеет повиноваться; просить он робок и никак не станет!

Вчера в приказах с удовольствием прочел я, что генералу Клугенау дана дивизия на Кавказе[6], также и Лабынцову[7]. Это два орла тамошней страны. Первого из них едва было не истребили, но Император проник его сам и остановил на нем внимание свое. И я уверен, что фон Клугенау заслужит благотворителю. Уже, конечно, не мне упрекнуть можно леностию после подобной епистолы. *Avis au lecteur**, у места сказано!

---

* Предуведомление для читателя (*фр.*).

Прошу сказать мое почтение милостивой государыне Анне Кирилловне[8] и привести меня на память красавицам. Выдумайте все, что вам, возможно себе пожелать, и это будет далеко менее того, что я желаю Вам.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 950. Оп. 1. Д. 245. Л. 3–4

Н. П. ГОДЕИНУ

Москва, 26 февраля 1845

Почтеннейший Николай Петрович.

В отношениях приятельских невозможно, кажется, дать письму лучшего начала, но немало досадно, и если уже надобно непременно выслушивать титла, то почему не употребите Вы много нравящегося мне *Ваше высокоблагородие*. Оно было бы и с положением моим очень сходно. Вы усмехаетесь, а я говорю то поистине. Итак, впредь уже без титлов…

Вижу из письма Вашего, что скучила бы Вам жизнь деревенская, особенно в такую гнусную зиму, но семейство, прелестные дети[1] и книги услаждают уединение, и, конечно, до того, что нередко Вы забываете о нас, не только не завидуете единообразной и принужденной нашей жизни. Мне она надоела ужасно, и этот раз я доселе не более был как в трех или четырех домах, и, конечно, не наскучал частыми моими посещениями.

На днях проехал здесь наместник Кавказа[2], облеченный властию, каковой не было и которая может приличествовать генералу, имеющему европейскую знаменитость и известному беспредельною преданностию особе Императора. Чувства подобные свойственны русским, но не всегда могут быть известны Государям. У одних есть проповедники, о других не только молчат, но еще не упускают случая вредить. Граф Воронцов, чувствуя могущество свое и высокое назначение, не устрашился, бывши в Петербурге, сказать, что, проезжая Москву, он будет видеться со мною. Это поистине принадлежать может к числу геройских подвигов, доселе еще никем не предпринятых. После сего можно ожидать решительности во всяком случае! Избрание Воронцова вообще принято было с восхищением. В Петербурге его носили на руках. В Грузии так обрадованы были, что, встречая друг друга, поздравляли и целовались.

Несчастного Нейдгардта всем сердцем желали избавиться. Я весьма мало был с ним знаком, но мне жаль, что ему приписывается и то в вину, что могло бы разделено быть другими. Многим весьма даны награды, и, кажется, ему не достанется ничего. Гурко получил Св[ятого] Александра, и в непроницаемой осталось тайне, за какой именно подвиг? Я слышал рассуждение, что ему относят сохранение крепости Темир-Хан-Шуры, которую не решились горцы атаковать, потому что он там находился. Впрочем, там 24 орудия и было 5 тыс[яч] человек для обороны. Никогда еще до такой степени не возрастала дерзость горцев! Хороши понятия подобно рассуждающих знатоков тамошних обстоятельств. Как бы то ни было, но все убеждены в благоприятном окончании дел.

Еще надолго, любезный Николай Петрович, мы расстались с Вами, а многое было бы о чем побеседовать. Воображаю, как Вы засыпаны снегом, когда

здесь по переулкам нет почти проезда. На Кавказе, говорят, 50 лет не помнят зимы подобной лютости.

Скажите мое совершенное почтение Анне Кирилловне, которая не много потеряла, не будучи здесь, ибо по причине разных трауров веселости прекращены. Опера итальянская, кроме одного знаменитого певца Сальви[3], весьма посредственная, и та уже кончилась.

Сохраните мне дружбу Вашу, столько для меня лестную, и верьте чувствам моего беспредельного уважения.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 950. Оп. 1. Д. 245. Л. 5–6

Н. П. ГОДЕИНУ

*Москва, 19 мая 1845**

Почтеннейший Николай Петрович.

Всегда с особенным удовольствием прочитываю я Ваши письма; приятно мне знать все, относящееся до Вас. Помню ласковый и всегда обязательный прием Анны Кирилловны и не забываю, как любовался удивительными малютками Вашими. Но все Вы были бы еще любезнее, если бы прошедшую зиму были здесь и не лишили меня удовольствия беседовать с Вами, а с любезным Николаем Петровичем какие были бы состязания о многом, в особенности же о музыке. Кроме оперы итальянской на нас нашествие было всякого рода музыкантов. Некогда Лист[1] проникал до сердца нашего с бедным своим инструментом и даже увлекал некоторых. Можно вообразить, что должен был произвести высокий талант Сальви. Конечно, нигде не доводил он до подобного исступления. В Петербурге даны певцам короны, а здесь мы готовы были сопричислить их к лику угодников Божиих. Я слышал восторженный им прелестный пол; говорено было, что подобный ангельский голос не может иначе исходить, как из божественных уст. Позволю себе думать, что были готовы принять вдохновение, конечно, невинным к ним прикосновением. Злоречие до того ядовито, что внушает подозрение, будто в подносимых букетах цветов могли укрываться записочки, конечно, не из текстов священного писания составленные. И мое охладевшее старика воображение допускает мысль, что не одной восхищенной красавице является Сальви в сонных мечтаниях и целомудренные уста произносят имя его. Вижу, как прислушивается нежный супруг к невинному их лепетанию. Благословляю счастливую чету!

Теперь скажу вам о слухах. На Кавказе совершенно все спокойно. Притихли горцы, и присмирел Шамиль, который чувствует, что наместник тяжелее всех прежних и с его могуществом невыгодный бой.

Граф Воронцов принят в Грузии с неизъяснимым восторгом. В войсках явился давно потерянный дух, и все исполнено наилучших надежд. Император, облекши доверенностию и властию человека, имеющего европейскую известность, даст другой вид делам Кавказа, и ожидать надлежит, что

---

* По числу на письме могут родиться мысли, что бывают именинники в этот день. — *Прим. А. П. Ермолова.*

последствия будут соответствовать благим его намерениям. Давно пора смирить наглость горцев, и, кажется, наскуча бедствиями и нищетою, они сами рады выйти из ужасного их положения, как скоро вразумятся в обещания и поверят святости сохранения их. Начальник, который будет уметь приобрести доверенность, многое успеет совершить! Придет время, что, согласно со Священным писанием, «мы переделаем мечи на серпы»[2], и этому славному делу положит начало Воронцов! Справедлива будет гордость его, ибо немногим предоставляет судьба счастье оказать Отечеству столько полезную услугу. Какое множество знатной молодежи и чиновников всякого рода службы отправляется к Воронцову. Ничего этого не бывало в мое время, и, конечно, трудно мне было доставать сослуживцев, тогда как теперь избыток в них.

Прощайте! Люблю Вас душевно и почитаю неограниченно.

Ермолов

РГИА Ф. 950 Оп. 1. Д. 245. Л. 7–8

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 19 июня 1845

Благодарю за письмо твое, почтенный граф Михаил Семенович[1]. Оно весьма любопытно, и для меня более всех, как некогда страны вашей сторожила. Напрасно, кажется, жалуешься на то, что начинаешь чувствовать усталость и думаешь, что лета тому причиною. Заставь молодого человека в короткое время объехать те места, которые ты обозрел со вниманием, где ты должен был работать головою, предусмотреть, расчесть и распорядить, и я погляжу на того молодого человека, будет ли он в состоянии обойтиться без некоторого отдохновения. Ты же не располагаешь на продолжительное, ибо письмо твое от 26, а 31 ты уже выступаешь в горы[2].

Желания в том успехов и уверенность в том суть общие. Давно уже известно, что назначение твое и появление обрадовало войска и восстановило их дух[3]. Генералов и офицеров всегда много было молодцов, но дух солдат давно уже никого не удивлял, а надобно было превозносить его, получая щедрые награды. Итак, любезнейший граф, можно вперед поздравить, что ты кончишь славно свои предприятия.

Никогда еще начальник не являлся в той стране облеченный такою властью, столько могущественный, в такой высокой у Государя доверенности. Тебе никто из министров не осмелится делать препятствий и еще менее вредить могут[4]. Представления твои все будут уважаемы, и сам ты имеешь власть поощрять служение подчиненных лестными наградами. Словом, Император имеет в тебе достойного наместника. Знаменитый и по справедливости незабвенный князь Цицианов[5] далеко не имел равных способов.

Надежда на тебя всех вообще, и все без исключения за тебя: ибо мы давно уже кричим, что ты не движешь войска по причине недостатка провианта; что лютая зима истребила средства подвоза и что тебе предстоит преодолеть и это новое препятствие. Шамиль, согласен я с тобою, избегать будет случая встретиться с грозными силами и будет себя беречь; но могут избавиться зверской его власти угнетаемые им общества, и он, ослабевши, потеряет вли-

яние на них и власть и перестанет быть вредным. Взятые им орудия, конечно, достанутся войскам. Это важные результаты, и каковых едва ли более ожидать можно. Тогда, без сумнения, успокоится страна, и претерпленные бедствия, потери и нищета заставят жителей желать спокойствия и тишины и наслаждаться ими. После надобно только поставленному над ними частному начальнику уметь управлять ими. У тебя множество людей способных, и, конечно, не будет ни одного, подобного Пулло[6]. А этому, как я слышал, хотелось бы послужить у тебя. Вижу из письма твоего, что ты до него не охотник! Справедливо удивление, как Граббе мог к нему иметь весьма большую доверенность. К таковым ошибкам ведет самонадеянность, что ничто укрыться не может от прозорливости и всеобъемлющего внимания. Многих заблуждает излишняя доверенность к самому себе. Граббе не хотел заниматься подробностями, почитая их ниже себя!

Жаль весьма, что этот отличный офицер остается без занятия; сделанные им погрешности могли бы служить ему наставлением, и я думаю, что он не упустил бы извлечь из них для себя пользу. Благодарю за уведомление, что сделанные мною на некоторые лица замечания оказались не без основания; иначе были бы они вредною клеветою. Поверишь легко, что я не мог против них *иметь злобы*: все это в мое давно прошедшее время было весьма ничтожно! Я ожидал сильного ходатайства за *Ваньку Каина*[7], которому ты имел великодушие не уступить. Не так сделал *Головин*, прося возвращения его как человека для Грузии отлично способного. Я жалел, что умный человек способен к столько рабственному угождению великому фельдмаршалу[8], впрочем, могущественному своему благодетелю!

Не знаю, почему он особенно не благоволил к *генералу Клугенау*. Если за то, что не бескорыстен, то в его время были люди, не меньшего порицания достойные, и вообще не было гонимых за мошенничество, хотя сам он на этот счет совершенно без упрека! Довольно одного *г[осподина] Фези*[9], чтобы не делать чести покровителю!

Здесь носится слух, что в том деле, где ранен какой-то молодой офицер *князь Мещерский*[10], ты собственно лицом своим подвергался большой опасности. Жалею, если это правда, ибо без нужды этого быть не должно, а войска, исполненные духа (как ты говоришь), до того не допустят.

Весьма понимаю, что при твоих занятиях не может быть свободного времени, а потому не пиши ты мне, а поручи кому-нибудь извещать меня о происшествиях, которые впоследствии должны обратиться во всеобщую известность. По крайней мере я не подпаду нелепым слухам и другим не допущу заблуждаться. Кажется, желание мое позволительно! Благодарю весьма за приветствие, сделанное мне уведомлением, что еще есть память о пребывании моем в вашей стране. Конечно, приветствие, почтеннейший граф, ибо до тебя никто не смел говорить о том, и я ни мало не удивляюсь, рассуждая об обстоятельствах прошедшего времени и моем собственно положении. После войны отечественной, оконченной самым блистательным оборотом дел, занятием Парижа и смирением Франции, причем ты был одним из деятельнейших участников, покойный Император[11], почти ежегодно являвшийся на конгрессах, где влияние его было могущественнейшее, не мог не скрывать, что Кавказ вмещал народы непокорствующие его власти и дерзающие оказывать ей

противоборствие, и потому все, что я делал, покрывалось полною безгласностью и, можно сказать, тайною. Между горцами не допускалось согласие, и не было тени религиозного фанатизма, их соединившего; непокорные наказывались поодиночке, следовательно, без большого затруднения; не было нужды в чрезвычайных усилиях и в подобных предприятиях, каковы взятие *Ахульго* и *Ичкеринский* поход[12], сохраняющие незавидную знаменитость. Число войск, хотя умноженное в мое время, было, однако же, весьма ограничено и, конечно, уже не хуже теперешних, и потому повторю, удобно было происшествия на Кавказе сохранить в неизвестности, а самого меня покрыть мраком. Вместе с назначением моим уничтожено звание главнокомандующего, которое имел *Ртищев* и даже маркиз *Паулуччи*[13].

Иностранные журналы не только были язвительны, но даже молчали. Теперь совсем другое: они умышленно оскорбительны и наглы, и, к досаде, им многие верят, хотя наполнены они неистовою ложью от первой строки до последней. Заставить их молчать надобны успехи или, если в них отказывает судьба, необходимы по крайней мере не столько значительные, как доселе, потери. Более нежели в два раза умножившиеся войска, ежегодное усиление их, потерянные крепости дают повод к язвительным заключениям. У меня во все время один раз, при занятии Акушинской области, могло собраться семь тысяч человек, присланных тогда на укомплектование корпуса; после того и до конца самое большое число войск не превосходило шести батальонов пехоты и до четырехсот казаков. Ныне с таким числом не пошлешь ты авангардного твоего генерала.

Ты, не сумневаюсь я, вскоре этого делать будешь, и уже слишком знакомо имя твое русскому солдату, чтобы под повелениями твоими они не убеждены были преодолеть противящихся и торжествовать постоянно. Тебе суждено быть смирителем гордого Кавказа. И, конечно, этого все тебе желают, и подвиг поистине тебя достоин.

Вот, почтеннейший граф, разность положения твоего с моим! Твоим подвигам есть польза наша дать известность; они по мере предоставленных тебе средств должны быть значительны; следовательно, легко будет обуздать журналы, что само по себе составит успех и даст успокоение. А если бы случилось допустить и некоторую прикрасу, это уже принято всеми, и мы сделаем весьма охотно, без упрека совести, когда при самих потерях допускаем хвастовство. Давно уже, по разным описаниям наших действий, войска стыдятся встретиться с числом горцев менее десяти тысяч человек, и редко дерзость их наказывают меньшею потерею как в половину.

Не излишне привести это несколько в благоприятный размер, ибо со времени удаления моего, или, лучше сказать, со времени начала побед, надобно удивляться, что не уничтожено все население гор.

Теперь ожидаю скорого о тебе и подвигах твоих известия, судя по времени выступления твоего, и только одного боюсь, что Шамиль будет иметь благоразумие уклониться встречи с нашими войсками. Впрочем, я исполнен прекраснейших предчувствий. Желаю тебе здоровья. Всего прочего у тебя много, и все зависит от тебя. Прощай.

Преданный тебе *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 103–108

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 31 августа 1845

Получил письмо твое, почтеннейший князь Михаил Семенович, из Темир-Хан-Шуры. Поздравляю с оконченным походом, с полученною наградою[1] и, не менее, с доставленными наградами подчиненным, знаменующими щедрость Государя, его удовольствие и совершение важного, им предначертанного предприятия. Желание его вполне исполнено, и Дарго не существует!

Чрезвычайно я был рад, что описание твое дало мне понятие о происшествиях, бестолково разглашаемых болтливою Москвою.

На минуту приехал я из деревни. Мне говорят, что Кавказ есть почти единственный предмет разговора в обществе и во всех состояниях. Всякой необдуманно говорит свое, и потому можно себе представить, какое из сего происходит безобразие.

Из письма твоего вижу, с какими войска твои боролись затруднениями, с какою превозмогали их твердостью, не ослабевая при поставляемых самою природою препятствиях. Кто мог предусмотреть, что в июне месяце будет мороз до 5 градусов, долженствующий нанести вред войскам и, истребя множество лошадей, уменьшить средства подвоза провианта? Жаль чрезвычайно, что нельзя уже было составить запаса, который бы обеспечил дальнейшие действия; ибо я полагаю, что ты не ограничился бы бесплодным появлением в Андии, но мог застигнуть незадолго пред тем удаленные семейства, обремененные имуществом. Без сумнения, ты не допустил бы истребить народ не воинственный, со времени грузинских царей наполняющий тифлисские базары своими изделиями, но мог нанести большой ужас и произвести полезное впечатление, даруя им пощаду. Ты говоришь, что несколько уже лет войска собирались идти в Андию, где русские никогда не были. Не знаю, кому первому пришла мысль туда проникнуть, но, конечно, не самому дальновиднейшему из наших начальников. Если только для того, чтобы сказать, что даже Андия свидетелем была славы нашего орудия, то являлось оно далее не менее трудными путями. Была крепость в Кунзахе[2], державшая в покорности некоторое население. За приверженность к нам истреблено Шамилем без различия пола и возраста все население верного Унцукуля[3]. Много мест, где не были войска русские, и я, убежденный, как и ты говоришь, что русской груди и штыкам русским ничто противустоять не может, думаю, однако же, что в тех местах и не будут.

Уже девятнадцатый год, как удален я из вашего края, совершенно изменились обстоятельства; все для меня до того ново, что я не только не позволяю себе иметь мнения, но чувствую, что недостаточны и даже несвязны мои понятия; а только держась общих правил и несколько опираясь на десятилетнюю опытность и изучение характера противоборствующих вам народов, я что-нибудь понимаю.

Довольно с давнего времени неудачные действия наши против Шамиля в собственное наше извинение выставили его за человека необыкновенного, за гения, против которого необходимы средства чрезвычайные! Тако равно и Дарго, разбойничий притон его, впрочем, ничтожная деревушка, каковых много на каждом шагу в земле гористой и которых твердость состоит в непро-

ходимости лесистых дорог, прославлена резиденциею, и породилась мысль непременно овладеть Дарго!

Никогда сам по себе не был бы ты в подобном заблуждении, и я убежден, что Дарго не был бы твоею целью. К чему приведет истребление резиденции? Шамилю наставление выбирать места, менее угрожаемые. Здесь жил Шамиль для ближайшего наблюдения за действиями нашими на плоскости, где твердо должно быть владычество наше. Здесь и теперь он жить будет; а для того, что не захочет вам отдать, найдет он места недоступные и безопасные. Не лазить же в каждую нору разбойника! Что взято в Дарго? Даже неподвижных чугунных пушек ни одной не отыскано. Прости, может быть, нескладную мысль, простосердечно высказанную, некогда старому по службе товарищу: я легко могу ошибаться и сведения не все имею точные!

Вижу, что в число огромных наград генералам один не попал фон Клугенау. Догадываюсь, что он наказывается за понесенную потерю при возвращении навстречу транспорту[4]. Позволяю себе думать, что все возможное он не упустил сделать, когда помощниками его были генералы Пассек[5] и Викторов[6]. Конечно, не в смелости был недостаток у Клюке! Припоминаю, что генерал Головин находил его нераспорядительным и не имеющим соображения. Хотел бы я видеть, что произвел бы высокий талант Головина-полководца в положении, в котором находился Клюке. Колонна его, отовсюду сжатая, не имеющая места для цепей по бокам ее; поперек дороги завалы, которых обходить невозможно. Не винить ли Клюке, что он не умел маневрировать? Итак, Клюке оставалась одна неустрашимость, а с нею бывал он всегда знаком!

Не могу верить здешним слухам, что бывшие с ним батальоны 5-го корпуса расстроились, долго не пришли в порядок и будто бы даже вышли из послушания. Молве сей противоставлю я похвалы, которыми ты превозносил войска 5-го корпуса, говоря, что ни в чем не уступают старым кавказским войскам; противоставлю множество сведений о том, что при слухе о назначении твоем было общее войск восхищение и что до удивительной степени возвысился дух войск, когда ты появился перед ними и повел их в горы. Все это мы здесь хорошо знаем; а затем не могу я постигнуть настоящей причины неудачи Клюке. Разве несоразмерное число неприятеля, а это и тебе случилось испытать в Ичкеринском лесу!.. Ты будешь меня бранить; но я решусь сказать, что Головин относительно Клюке сильное произвел на тебя впечатление!

Возвращусь в Ичкерийский лес и скажу с удовольствием, что, при злодейской дороге, при беспрерывной драке и даже иногда схватке, пройти, не оставя ни одного раненого, нельзя иначе, как молодецки и, конечно, славно! Этого одного достаточно приобрести беспредельную приверженность и доверенность войск. И пример хорош для подчиненных! Конечно, никто из них не оставил раненого!

В ужасном и продолжительном бою надобна была любовь солдата к начальнику, чтобы не вышло похожего на переход генерала Граббе. Происшествия подтвердили, что он ею не обладал. Этот славный офицер, при его отличных способностях, оставил по себе горестную память. Много значит громкое имя, и я поздравляю войска кавказские, что ты предводишь ими!

Какими молодцами явились у тебя генералы Фрейтаг[7] и Лабынцов! Я знаю неустрашимость последнего, но в сем случае заслуга первого еще важнее.

Честь предусмотрительности твоей, что приказал ему выйти навстречу, и он хорошо догадался, что, не остановясь у Герзель-аула, подвинулся к Мискиту[8]. Никогда не завидовал я хвастунам, говорящим: «Я это сделал с горстью людей!» Лучше употребите силы вдвое для вернейшего успеха. Я слышал о твоем приказе, и, конечно, Фрейтагу он лестная награда. Не столько чисты действия Аргутинского[9], который выходит в герои собственного сочинения реляциями. За действиями его нет поверки! Помню, что в Москве сообщил ты мне намерение послать его в Тилитлы; видел из донесений твоих, что он выступил из Казыкумыка, движением своим принес великую пользу общей связи дел, удержал против себя неприятеля, который мог усилить Шамиля. Аргутинский по причине возвышения вод не мог перейти Койсу. Это весьма вероятно, но слишком долго не переходил, а в горах воды не бывают стоячими. Его должно было провождать желание отмстить Кибит-Мулле[10], который некогда заманил его в Тилитлы, занял с тылу выход из ущелья и порядочный задал ему урок быть осмотрительнее. Он надеялся, что мошенник мулла без драки уступит Тилитлы. Читал реляцию, в которой нанес он мулле и Гаджи-Мюрату[11] большой урон: 200 человек осталось на месте, 400 сбросилось со скал. Этот способ истреблять неприятеля нахожу весьма удобным и потому, что контроль нелегка и даже невозможна*. Я вот как понимаю действия героя. Он выжидал, что будет предпринято с твоей стороны. Все время пребывания твоего в Андии он ничего не предпринимал, вероятно предполагая, что ты подвинешься вперед; но, когда узнал он, что ты обратился на разорение Дарго и, далее не возвращаясь в Андию, последовал в Герзель-аул, чем очевидно оканчивалась экспедиция, уразумел он, что горцы, избавясь тебя, наносившего им урон, не будут уже столько упорны в сопротивлении, и тогда атаковал их. Пребывание в Дарго, продолжительный бой в следовании к плоскости, по справедливости молодецкий, не имели наружности блистательной, которая нередко заменяет достоинство самых полных успехов. Он этим воспользовался, и его действию сами обстоятельства придали важность, и его выставили как бы некоторое вознаграждение понесенной неудачи. Я это слышу и вижу, как трудно заставить понимать вещи настоящим образом. До тебя, конечно, доходить будут разные нелепости, и я, как ты сам того желаешь, сообщу тебе некоторые после.

Второй период экспедиции, по словам твоим, займется устроением передовой Чеченской линии и вообще постов; действий наступательных не будет. Ты увидишь, что Аргутинский в это время постарается занимать внимание собою. Что ему значит уничтожать тысячи, а особливо толкая со скалы? Будет много побед, и горе бедным горцам!

Вспоминаю покойного князя Мадатова, который рассказывал мне однажды следующее: «Какая тш каналья! Хотел меня надуть на жидовскую штуку, а я пустил тш ему армянскую, и каналья тш не выиграл».

Аргутинский держится армянской штуки. Головин, человек весьма умный и с прекрасными познаниями, впрочем, столько же военный человек, сколько я митрополит, создал блистательную его славу и ее сиянием думал закрыть всякого рода потери, неудачи и беспорядки, пустившие глубокие корни, конечно, в незабвенное его управление. Чтобы не возвращаться к этой знамени-

---

* Так в оригинале.

тости, скажу не шутя, что для поправления после *Нейгардта* дел он ожидал, что возьмутся за него. Не знаю человека, который бы, подобно ему, умел так извлекать собственную пользу. Он письмо твое, в котором ты просил его советов, показывал военному министру[12], и об этом известно далее[13]. Не знаю, как известна записка его, где говорит он, что горная война *est une guerre d'embuscade**. Это в Петербурге для многих новое и было прочитываемо с восхищением! Человек этот с универсальными его способностями и от тебя умел воспользоваться похвалою. Ничего более!

Сию минуту говорят мне, что есть приказ о производстве Аргутинского в генерал-лейтенанты. Скажу в последний раз: какой богатый запас полководцев!

Понимаю совершенно основательность твоих заключений, что, не намереваясь ничего заложить прочного в горах, невозможно было заставить общества прибегнуть под покровительство и защиту нашу. Даже можно было желать, чтобы этого не случилось: ибо они подверглись бы наказаниям Шамиля за изъявление покорности. Если бы возможно было выселить на равнины прежних жителей оных, то, конечно, результат был бы удовлетворителен, и, с прибавлением к корпусу одной пехотной дивизии и сделав подвижными часть линейных батальонов, легко можно было оградить их от угроз и нападений Шамиля. Тогда следствия похода были бы чрезвычайно полезны и ощутительны. Я ни мало не сумневаюсь, чтобы это не сделалось в непродолжительном времени в твое командование: у тебя сильны движущие средства, власть велика, доверенность Государя беспредельна!

Теперь, от нечего делать, хочу завести с тобою спор. Ты, как я замечаю, столько же не любишь, как и великой Суворов[14], слово *отступление*; ибо усиливаешься уверять, что, идучи от Дарго к Герзель-аулу, ты был атакующим, и приводишь в доказательство, что ты шел прямо на неприятельскую позицию. Тогда по всем направлениям были неприятельские позиции, ибо неприятель окружил тебя со всех сторон. Марш из Андии до Дарго принадлежал беспрекословно к движениям наступательным; но неужели князь Бебутов[15], от Кирки спускаясь к Чиркею, делает движение наступательное? Согласись, по крайней мере, что это скорее назвать должно возвратным путем, каковой был и твой от Дарго до плоскости. Как хочешь, не могу признавать за наступательное движение, тобою совершенное. Что ты уклоняешься чести бестрепетного и искусного отступления, которое против горцев труднее всякого другого? Хотел писать более, но боюсь тебе наскучить.

Мнения болтливой Москвы почитаются ни во что; но ты приказал сообщить их, и я исполняю.

Говорят, что лучше было не ходить в горы, нежели главнокомандующему поставить себя в положение быть преследуему и окруженному; что неудачное предприятие должно непременно возвысить славу Шамиля и дать ему еще большую власть; что, если требовано неотлагательное разрушение деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь из генералов, и еще оставался бы страх, что может прийти сам главный начальник и поправить, буде бы что не хорошо было сделано. Безрассудно говорят, будто бы теперь несравненно

---

* Война засад (*фр.*).

сильнее, будут сопротивляться всякому из генералов, когда за потери их, хотя впрочем значительные, нанесено нам не менее чувствительное поражение.

Рассказчики выставляют потерю трех генералов[16], утверждая, что это без сильного поражения быть не могло. К сему присоединяются будто из получаемых писем заимствованные сведения, которых нет без сумнения. Против всякой очевидности говорят, что восстановленный тобою дух должен упасть необходимо и что это, конечно, не легко поправить. Соглашаются, однако же, что не тебе может предстоять это затруднение! C'est une concession, que l'on fait généralement et sans difficulté*. И соглашаются, что дело еще не худо! Многих встревожило, что главнокомандующего пять адъютантов вдруг могли быть подвержены опасности. Не известно, кто разгласил, что будто ты вынимал саблю в собственную защиту[17]. Словом, множество нелепостей, одна другой глупейших, но уже начинающих менее возбуждать вопросов и любопытства. Есть в то же время люди, убедительно доказывающие неправдоподобие и бессмыслие рассказов и бредней.

Ты, конечно, смеешься глупостям и презираешь ими. Твое значение, твоя известность служат тебе ограждением и недосягаемостию! Между тем слишком ощутительно, что ты исполнителем был предначертанной цели. И я помню, что ты мне говорил о Дарго и в каком случае найдешь выгодным атаковать его. Кажется, произошло иначе, нежели мне говорил, и для тебя хуже, если, по недостатку доверенности, скрыл от меня, что взятие Дарго требовалось настоятельно и безусловно. Немного труда было бы выслушать меня десять минут; а случается, что я не всегда говорю вздор!

Все говорят, что ты будешь иметь свидание в Крыму с Государем. Увидим в будущем году следствия.

Прощай, да благословит Бог твои начинания.

Любящий и преданный тебе *Ермолов*.

Не ожидая, что воспитанник мой[18] будет иметь счастие обратить на себя внимание главнокомандующего и не полагая, что в чине ничтожном и неизвестный он будет того достоин, я не смел просить о нем и ни словом не сказал тебе, почтенный князь, Михаил Семенович. Но теперь я должен благодарить за милостивый взгляд на него и такой об нем отзыв, который сам собою может быть лестнейшею ему наградою. Это уже принадлежит великодушию Воронцова и которого мог быть лишен сын мой тогда только, если бы он был негодяем. Ему дана перспектива все заслуживать усердием и трудами. Истолкована ему ничтожность его происхождения и что не должен он рассчитывать на покровительство. Можешь представить себе, почтенный князь, чувства мои после твоего об нем отзыва и надежды, которые смею я допускать, что он, как старший в семействе, может впоследствии быть ему полезным. Еще вскоре двое прибудут под твои знамена, выпущенные офицерами из Артиллерийского училища[19]. Они опоздали и по указу новому о дворянстве[20] долго не заслужат его или, может быть, никогда. Разве даст его впоследствии Владимирский орден[21], если не смирится еще Кавказ, но я того мнения, что ты после себя не оставишь его враждебным. Я не буду льстецом и не скажу, что это тотчас

---

* Это уступка, на которую идут часто и без усилий (*фр.*).

будет, но, если станет у тебя терпения, в продолжении времени ты, без сумнения, во многом успеешь, как никто другой!

Еще повторю совершенную благодарность за милости Ваши моему юноше.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 109–118 об.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 8 октября 1845

Почтенный Николай Николаевич.

Сосед твой отправляется обратно, и мне надобно сказать тебе, что послезавтра с отъезжающими на Кавказ детьми моими[1] будет послано к тебе письмо и оставлено на почте. Предупреди, чтоб оно не залежалось или не затерялось, ибо оно такого содержания, что должно дойти верно. Прощай, будь благополучен.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 22 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

*[Москва], 10 октября 1845**

Почтеннейший Николай Николаевич.

Давно чрезвычайно хотелось мне писать к Вам, и думал я, что буду иметь случай чрез соседа Вашего Лермонтова[1], но с ним не было ни строки от Вас, и это истолковало мне также не обременить его поручением. Теперь едут двое из моих воспитанников на Кавказ в помощь главнокомандующему для низложения Шамиля, и они письмо это оставят в Ельце. Не смел я беспокоить тебя их посещением, но, признаюсь, мне хотелось, чтобы они удостоены были твоего взгляда. Будет время, что любезный некогда мой товарищ возьмет их под свое покровительство как их начальник. В этом я уверен!

Воля твоя, любезный Николай Николаевич, я переменил местоимение, и мне приятнее называть тебя по-прежнему, как ты научил меня к тому.

Ты живешь на большой дороге, и о Кавказе у тебя первые известия. Но, однако же, и у нас есть подробности, которые экспедицию в Дарго поставляют единственной в своем роде, доселе не имеющей подобных.

Не знаю, Воронцов ли успел придать ей вид блистательной, политические ли причины заставляют выдавать ее за таковую, но то доказывают весьма щедро рассыпанные награды. Воронцов чрезвычайно милостиво был принят Императором, долго занимался с ним, и, как говорят, он предоставил ему полную волю в действиях. К этому немалым было побуждением то, что Воронцов при всяком случае выставлял, что взятие Дарго было начертано волей Государя, и в этом уверил всех[2]. Верно, что это может казаться неприятным, ибо немногие есть удивляющиеся этой экспедицией и восхищающиеся ее результатами. Полагают к тому, что она не должна возвысить дух войск и, конечно, не уни-

---

* 10 октября датирована вторая часть письма.

зит нравственной силы горцев. Против этого много есть возражающих, вероятно, не от полного в том убеждения, а из угодливости. Воронцов обращает на себя уважение важностью собственных пожертвований. Все ставится в счет: огромное его состояние, европейская известность, военная репутация, и, на все это невзирая, он поставляет себя в положение последнего рядового относительно опасности и самих трудов. Стремление исполнить волю Государя определяет степень приверженности к лицу его, а по мере ее воздается и признательность. Я слышал таковую от всех членов фамилии, теперь находящихся в Москве, и даже великого князя Константина Николаевича, следовательно, заимствованную.

Не мог я узнать ничего точного насчет предприятий Воронцова, но сказывали мне, что заготовляются полушубки и топоры и что приступлено будет к проложению дорог через леса и будто в 1846-м году это будет главным занятием войск. Присваивают мысль Воронцову расширить просеки так, чтобы от дороги в обе стороны было на пушечный выстрел. Этому смеются, и не без причины, — 1847 год ожидают, что Ичкеринский лес будет прорезан дорогами до хребта, отделяющего Андию, и Чечня будет в руках наших совершенно усмиренной провинцией. Командир бывшего твоего корпуса[3] Лидерс превозносим похвалами, но общая незавидная молва о 13 и 15 дивизиях. Попавшись в дела, каковых и прежние войска не испытывали, они не оказали довольно смелости и твердости и подверглись порицанию. Ты, верно, слышал, что Воронцов не раз обнажал шпагу, чтобы примером своим заставить войска идти вперед. При значительной потере 3 генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов артиллерию Шамиля уложила тремя орудиями.

Сказывают, что у него до 20 легких орудий, которые полагали взять в нынешнюю кампанию. Ныне не иначе уже называются походы против горцев. Ты, любезный сослуживец, не привык к подобной важности. В наше время все было мелочно, незначительно, и никогда не бывало начальника столько важного, такой огромной властью облеченного! Нельзя узнать Грузии!

Великий князь Михаил Павлович спрашивал меня, не в Москве ли ты? Бываешь ли у меня? Я отвечал, что во время пребывания в Москве мы видались всякий день. Он рассказывал мне, что ты представлялся к нему в тот же день как генерал Клюка. Мне чрезвычайно приятно было выслушать, как он отзывается о тебе с особливым уважением, и нетрудно было видеть, что он тебя любит. Ты знаешь, что они сообразоваться должны с Главным лицом и потому не могут всего высказывать.

Потерпи, любезный Николай Николаевич, ты еще молод и одарен прекрасным здоровьем, будет твоя очередь, и я еще могу это увидеть. Здесь при Константине Николаевиче[4] был флота капитан Лутковский[5], который сказывал мне, что был у тебя дежурным в Константинополе. Помнит это время и говорит о тебе как человек, не притворно приверженный. Это было при вице-адмирале Литке[6], которому, конечно, это было известно прежде. Прощай, скажи совершенное мое почтение Наталье Григорьевне. Никогда не забуду, что она сделала мне честь посещением своим.

Прощай, душевно преданный *Ермолов*.

Испросив несколько дней отсрочку для детей моих, и письмо мое должно дойти до тебя позднее, а между тем и я скажу еще что-нибудь.

Один из близких великому князю Михаилу Павловичу сказал мне, что он вспоминает о тебе, но я не умел понять, ему ли собственно или рассказывавшему мне принадлежит мысль или сожаление, что Воронцов не предложил тебе места начальника главного штаба. Полагают, что ты бы согласился, а насчет Гурки не слышал я ни одного отзыва, по которому надобно было почитать его таким полезным. Нельзя завидовать приобретенной им репутации, и едва ли можно неудачнее кончить служение, как Гурко. Здесь родные его говорят, что он непременно намеревался подать прошение в конце минувшего сентября об увольнении его от службы, но думают, что его не отпустят и дадут другое назначение. Некоторые видят в нем наследника Набокову[7], но им, однако же, весьма довольны, и потому это может быть не весьма близко.

Говорят также, что военный министр, желая иметь при Воронцове своих людей, как то генерал-майор Вульф[8], хочет будто бы в начальники главного штаба впустить к нему известного Вревского[9], человека ему близкого. Неужели Воронцов не будет иметь человека собственного выбора?

Воронцова приверженность или преданность, как сказал я, ценится чрезвычайно высоко, но заметил я, что действия отнюдь не восхищают. Мне это объяснил один случай!

Прощай, возвышающиеся на хлеб цены порождают во мне приятные ожидания и надежды. Не сделай надежд моих тщетными!

Преданный *Ермолов*

Здесь виделся я с князем Меншиковым, много говорили о Кавказе, и он не видит хороших следствий от последней экспедиции. Воронцов уверяет, что со стороны неприятеля потеря ужасная и что он долго не будет в состоянии что-либо предпринять. Это убеждение немногие разделяют. Меншиков подтверждает, что при свидании Воронцову была предоставлена совершенно полная власть в избрании цели или предмета, средств достижения и времени. Ничего лучшего ожидать, конечно, невозможно, и потому ожидают, что Воронцов будет иметь полный успех. Вчера прочитал я в газетах, что из числа строящихся в Англии пароходов повелено назвать один «Дарго»[10], другой «Андия»[11].

Монументы побед и в то же время удовольствия Государя! Одни иностранные журналы упорствуют не признавать это за победы, и являются разные комментарии. Почему нам не видеть в этом зависти!

Меншиков божится, что не имеет в помышлении Грузии, выдает, что не можно допустить честолюбивых расчетов при баталионных действиях против горцев и смешно было бы целить на жезл фельдмаршальский. Но многие уверяли меня, что всеми силами он того домогался. И едва ли не рассчитывает на усталость Воронцова. Но его привяжут разные проекты и даже самые начинания. Слышно, что занимает его торговля, и едва ли уже нет свободной. Англичане, можно предположить, не будут в накладе. Говорят, Сухум-Кале будет пристанью, откуда будет шоссе в Редут-Кале, пока не безопасно прямо через горы. В Англии лорды купцы, а наш князь разве менее лорда? Он возвратился впопыхах, теперь должен уже быть в Тифлисе, где победителя ожидают встречи и празднества! Давно не имею ни строки, вероятно, негодует за письмо, в котором изъяснился с солдатским простодушием насчет последних происшествий.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 18–20 об. Копия

С.Н. ЕРМОЛОВУ

Осоргино, 10 ноября 1845

Наконец, любезный Сергей Николаевич, дело раздела начинает выходить из состояния неподвижности. Но, кажется, что доселе сделано, могло бы не требовать столько продолжительного времени. По желанию вашему к подписи всех я присоединил и мою подпись. Следовательно, это еще приступ к написанию настоящей бумаги.

Поторопитесь собственно для самих себя, ибо по порядку дел у нас, всего более боятся надобно попечения, которое Правительство принимает на себя об охранении и сбережении, ибо разбойники исполнители благих намерений его обращают все во вред и разорение. Жаль, что вы давно не обратились с просьбою к воронежскому губернатору Ховену[1]. Он известен строгостию правил и, конечно, не был бы равнодушным к действию становых приставов. И теперь это сделать не лишнее, особливо вам всех приличнее как знакомому и верно служившему вместе.

Странно, что нет ничего нового ниже слуха о Кавказе, где уже, конечно, началась экспедиция, как думают, для расчистки лесов[2]. Знаю только, что наместника Кавказа встречали в Тифлисе при громе пушек с Метехской крепости и усыпая дорогу цветами. Все князья и дворянство, равно как и множество жителей, дожидались за городом. Иллюминация была великолепная в городе и по горам вокруг оного. Все описано в Кавказском вестнике[3]. Этот номер я сохраняю. Что будет далее, когда смирится Кавказ. О том, что Гурко подал в отставку, и я слышал, но думать надобно, что его не выпустят, судя по сделанному Государем приему.

Возвращаю книгу. Слишком мало время, чтбы многое заметить, но, избирая статьи, я нападал на ужасный вздор. А как всякому иностранцу хочется непременно говорить о Кавказе, и у этого бредней немало!

Хотел от скучных вечеров бежать в город, но оттепель и дорога, конечно, гнусная. Впрочем, долго не проживу.

Искренне преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–12 об. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Москва, не ранее 10 ноября 1845]

Почтеннейший Николай Николаевич.

Я получил письмо Ваше и чрезвычайно благодаря за него, я, конечно же, был им обрадован, ибо, вместе с Воейковым грустивши о болезни Вашей, я со времени отъезда его в деревню ничего уже не знал об Вас.

Не было ли вины любезного некогда сослуживца моего, что болезнь дерзнула к нему приблизиться, никогда прежде не появлявшаяся. Или уже не в той степени деятельность перестала быть охранением от них.

Я над собою имел опыт, что военному человеку необходима особенная деятельность, я готов удивляться каждому, кто вне службы найдет достаточную.

Уже девятнадцатый год, как грызет меня бездействие, и с ним познакомился я, когда мне был пятидесятый год. Вы недалеко переступили его!

Невозможно, любезный Николай Николаевич, поступать более обязательным образом как Вы сделали, войдя в дело, относящееся моего Елецкого имения[1]. Как я благодарен, что Вы приказали явиться к себе бурмистру. Безграмотному, как он, человеку, конечно, необходимо толковое наставление и приказание. Доверенность ему я давно уже послал. План у меня, снятый человеком г[осподина] Смирнова, братом нашего Воейкова[2], и, кажется, другого не бывало. В Межевом департаменте здесь давно уже достаю копии разных необходимо нужных бумаг, но это делается с неимоверными затруднениями и медленностью. Буду всячески стараться достать их и вперед испрашиваю позволение прислать их к Вам; боюсь, чтобы бурмистр не потерял их или бы, по неведению важности таковых, не передал кому-либо другому.

Не создан я для хлопот сего рода, не понимаю их и скучаю ими одинаково. Как рад, что могу кончить толкование о деле несносном.

Позвольте мне спросить Ваше превосходительство, от чего при свидании с Вами в разговоре не иначе изъясняюсь я, как употребляя выражения *ты, любезный и почтенный Николай*. Право, не знаю, почему бы не возвратиться мне к прежним *допущенным* мне правам и стеснять себя бесполезною церемониею? Божусь, мне легче писать, как я говорю, и потому почту изъясняться способом, который ближе к сердцу.

Со времени письма твоего есть уже известия о Кавказе, которые помещены в газетах. Гора Анчимер играет важную роль и грозит возбудить зависть в самих Казбеке и Эльбрусе.

Реляция есть или не чрезвычайно важная, то, конечно, уже не сокращенная. В ней упоминается и о тех распоряжениях и мерах, которые непозволительно было бы не соблюсти батальонному командиру.

Представляю себе описание покорения Андии и битвы, при том происшедшей. На днях проехал с известием курьер. Надобно ожидать чего-нибудь чрезвычайного, ибо в письме генерала Гурко есть между прочим: nous sommes empirés du quartier général de Schamil qui fuit comme un lâche*.

Не знаю, как истолковать выражение: Mon drapeau a été criblé de balles et mon aide de camps tué**. Здесь объясняет один близкий Гурко, будто каждый из генералов имеет знамя, которое за ним возится, и будто это заведено со времени *генерала Граббе*. Но это слышу я сегодня в первый раз и не верю, чтобы доселе не было это известно. Какой вздор, и было бы похоже на бунчуки турецких пашей.

Георгиевским крестам дается ход, и уже до Андии их дано пять штук. Хорошо, если бы тем можно было сделать иностранные журналы менее ядовитыми! Едва ли можно успеть в том!

Слышно, что *граф Воронцов* намеревается истребить *Дарго*, резиденцию Шамиля.

---

* Мы завладели главной квартирою Шамиля, который бежал как трус (*фр.*).

** Мое знамя все было пронизано пулями и адъютант мой погиб (*фр.*).

Слышно, что *Дарго* оставлено Шамилем, ибо в нем попался бы он, как в западне, но, вероятно, брошено им несколько чугунных орудий, из которых он не знает, что делать. А нам почему не прикрасить ими реляции и не прогреметь взятием Дарго? Нет необходимости объяснять, что там никого не застанут. Любопытно слышать, как не знающие края толкуют о победах, как превозносят завоевания, у них *Андия* не уступает в могуществе первостепенным державам. Я помню, как бедный народ Андийского общества приезжал ежегодно в Тифлис с караванами бурок на продажу, и всегда, по обычаю, со времен грузинских царей, одна бурка, вместо царя, подносилась русскому начальнику. У меня есть эта бурка. Андийцы существовали этим торгом и, вероятно, восхищены, избавившись зверской власти Шамиля.

Они, без сумнения, ожидали нетерпеливо приближения российских войск. Андиею нельзя, однако же, кончить, ибо у Воронцова на руках есть, конечно, люди, которым надобны георгиевские кресты, следовательно, ожидать надобно продолжения побед. Немудрено, что появление ужасных ополчений устрашит горцев и Шамиля многие оставят, боясь подвергнуть гибели жен, детей и имущества, и он, слабый, лишится влияния на них. Немудрено, что испросившие пощаду пожелают спокойствия, давно перенося все недостатки и убийственную нищету. Какими легкими путями можно достигнуть славы, которая, по крайней мере, станет наряду с приобретенной великим единственным фельдмаршалом[3]. Взглянул бы на сего, пока нет еще ему равного на земле русской! Уже и *Викинский*[4] получил *Белого Орла*[5]. Что же можно назвать неспособностью?

Прощай, почтеннейший Николай Николаевич. Всегда уважение мое совершенно, благодарю за дружбу твою, в последнее время доказанную мне самым чувствительным образом твоим расположением ко мне. Люблю тебя всей душой.

Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 24–26 ноября 1845

Многое беспрестанно слышу о тебе, почтеннейший князь Михаил Семенович, ибо все наполнено молвою о тебе, но давно, вопреки ожиданию, ни слова от тебя не имею.

Не хочу думать, чтобы ты досадовал за письмо мое. Ты требовал сам свободного сообщения моей мысли. Я это исполнил. Впрочем, мнение мое, по недостатку обстоятельных сведений, может быть неосновательно и не есть приговор, а потому не должно вызвать твоего негодования.

Более об этом ни слова; а после ты сам увидишь, прав ли ты? Мне это будет наставлением на будущее время!

Слышу здесь многое о свидании твоем с Государем, с каким высоким уважением к тебе, с каким особым благоволением изъявил он удовольствие свое насчет военных действий и дальнейших распоряжений твоих. Цесаревич

Наследник[1] изволил говорить мне с величайшею обо всем похвалою. То же самое и Константин Николаевич, с особенным восхищением упомянув, что Император изволил обещать ему дать случай быть на Кавказе. Если князь Михаил Семенович, сказал он мне, продолжит некоторое время командование в том краю, конечно, все приведено будет в желаемое устройство и порядок. Слышно, что действия всякого рода предоставлены совершенному и непосредственному твоему произволу. Видно из всего, что свидание твое было не только полезно, но и необходимо, и, конечно, все предприятия твои увенчаются полным успехом.

Говорят также, что в феврале месяце будто ожидают тебя в Петербург. Верю, что это можно будет тебе сделать; ибо горцы совершенно присмирели и со времени экспедиции в Андию ничего не предпринимают. Думать надобно, что Шамилю не всегда легко направлять их волю и что они неохотно берутся за то, где нет в виду добычи и одна верная опасность.

Итак, если вы и гневаетесь на меня, я не менее, однако же, приступлю к вам с просьбою, и тем смелее, что это не о себе и ни о ком из моих ближних.

Прилагаю у сего просьбу болезненной старухи, жены последнего царя грузинского Георгия[2]. Просьба, поданная ею Государю Императору, препровождена была генералу Нейдгардту на соображение. Рассмотри ее, почтеннейший князь, и дай делу конец, согласный с достоинством Империи и с твоею знаменитостью. Доселе не выполнены данные покойным императором Александром обещания. Недавно весьма умножил старухе пансион, а до того получала она скудный и часто нуждалась чрезвычайно. В таком положении совестно было видеть жену царя, после которого Грузия на вечные времена присоединена к России. Не вижу причины лишать ее того, *что* другим предоставлено без затруднения. Даже царица имеретинская[3] пользовалась несравненно большими выгодами и содержанием, но никогда цари Имеретии не были равными царям Грузинским.

Я не более двух раз в жизни видел царицу, но коротко знаком с сыном ее, царевичем Ильею Георгиевичем[4], человеком отлично благородным и достойнейших свойств. Он свояк покойного брата моего Петра Николаевича, которого ты знал. Он, как наш брат простой дворянин, должен был в первом офицерском чине служить в гвардии Егерском полку во время Отечественной войны и, наконец, в Измайловском полку, где имел счастие быть известным Государю Императору.

Я не остановился дать ему за тебя слово, что ты сделаешь все, что только справедливо и великодушно. Конечно, это не может тебе быть неугодным, и я ничего не обещал лишнего. Кто же, если не Воронцов, может воздать справедливость? Рассмотри, убеждаю тебя, со вниманием. Правосудие относится к твоей части, а я буду гордиться, что небогатому семейству доставил могущественного покровителя!

Ты, конечно, удивишься мнению Грузинского совета[5] и согласившемуся с ним начальнику, которыми представляется царице отыскивать право свое судебным порядком. С кем начнет она тяжбу, кому поступили во владение имения ее? Бессмысленное решение!!!

Что ты сделаешь по рассмотрении бумаги или, паче, какое рассудишь за благо положить решение, прикажи известить меня. Я желал бы порадовать или предупредить старуху, чтобы ей не было истолковано иначе.

Многие из грузин просили милостей, просили вознаграждений, ни одному из них не был указан судебный порядок. А в Совете сидят грузины, которым это, конечно, известно, как и то, что, случись им просить, они не обратятся к уездному суду, куда отправили бывшую их царицу!

Вот что заставило меня писать тебе, почтеннейший князь, и обстоятельства такого рода, что не поставишь мне в вину, что я тебя беспокоил, и еще доволен будешь, что я дал тебе случай оказать справедливость и великодушие.

Иначе я бы не писал и почел бы молчание твое наставлением, как мне поступать должно.

Прощай, ко всеобщим желаниям тебе всех благ присоединяю и мое, от искренней души происходящее. Любить и высоко уважать тебя умею.

Преданный *Ермолов*

Кончивши письмо мое, почтеннейший князь Михаил Семенович, я должен сделать к нему добавление, и ты, конечно, простишь смелость, которую я себе позволил. Взгляни на приложенную бумагу: это просьба сына[6] покойного генерал-адъютанта барона Розена, некогда начальствовавшего в Грузии. Прикажи рассмотреть ее и доложить тебе. Дела наследников Розена чрезвычайно запутаны, при имении весьма скудном, на котором лежит запрещение, по упущениям Тифлисской квартирной комиссии препятствующее сделать оборот. К великодушию твоему отнесется, если сделаешь добро семейству покойного, над которым в последние года жизни разразились многие несчастья. Подобным людям немного есть охотников оказывать благодеяние. Сделай это, и тебе слава принадлежать будет!

Моя благодарность ознаменуется тем, что вперед просьбами моими не займу времени, которое обращаешь ты на пользу службы в краю, где предместники твои заботились приуготовить тебе многотрудные занятия.

Не правда ли, что со стороны моей много неустрашимости, чтобы, замечая негодование твое, решаться повторять просьбы? Но и это должно обличать отличные твои свойства.

Прощай, не сумневаюсь во внимании твоем относительно препровожденной записки.

С прежними чувствами до гроба *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 119–122, 209–210

А. Я. БУЛГАКОВУ

[Москва], 26 ноября 1845

Я явился бы сам, почтеннейший Александр Яковлевич[1], с покорнейшею моею просьбою, но немного нездоров. По соглашению с князем Воронцовым, Вы мне позволили письма к нему представлять к Вам для препровождения. Сделайте милость, отправьте у сего посылаемое.

Теперь приведите Вы себе на память, что недавно еще просителя удостаивали Вы доверенности, и той же самой он теперь убедительнейше испраши-

вает. Я поднесу величайшую скромность в ручательство! Поверьте мне № 10 du Journal des Débats[2] и другие, буде есть не являющиеся в свет[3]. С совершеннейшим и отличным почтением всегда покорнейший слуга.

А. Ермолов

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 1

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 3 декабря 1845

Когда главнокомандующий удостаивает похвалы и одобрения службу маленького офицера, он должен принять это за лестнейшую награду. Сын мой имел это счастие[1]. Ты, почтеннейший князь Михаил Семенович, не остановился на том, что дал ему знак отличия и чин поручика. Не знаю, что сказать тебе, но, конечно, благодарности мало, как бы ни была она совершенна.

Меня утешает мысль, что он [все силы] употребит заслужить кровью твое благоволение, и я уже не скажу, что он служит без покровительства. Этого не смел я обещать себе, и какое лучшее тому доказательство, что тебе не сказал я о нем ни слова, боясь остановить внимание твое на недостойном. Теперь у тебя еще двое сыновей моих[2], служащих под твоими знаменами, и ты дал мне право великодушием твоим поручить их высокому твоему покровительству. Они без всяких прав по безгласному их происхождению. Милость им есть благодеяние.

Душою весь твой.

Ермолов

Употреби в дело моих юношей.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 123–123 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 24 декабря 1845**

Я получил письмо твое, почтеннейший князь Михаил Семенович, которое приказываешь разуметь *повесткою* о том, что вскоре за ним будет письмо гораздо обстоятельнейшее. Многое знаю из газет о сделанных тобою обозрениях по разным местам обширного управления. Знаю о некоторых распоряжениях, потому что приводятся они в исполнение; но со всем тем уведомление твое не одно возбудит во мне любопытство: я увижу многое, чего не предприняли твои предместники и что дало бы другой вид делам нашим[1]. Но что бы ни заключало письмо твое, оно не будет приятнее мне последнего мною полученного, в котором уверяешь меня, что не сердишься на меня, ниже немало негодуешь. Признаюсь, мне больно бы было потерять расположение человека, которому более тридцати лет принадлежали душевное мое уважение и привязанность. Благодарю тебя искренне за письмо и скажу,

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 5 янв[аря] 1846».

что тебе нелегко будет сделать мне более удовольствия, которое я тебе выразить, право, не умею!

Знаю из собственных некогда занятий, далеко не сравнивающихся с твоими, какими должен ты быть озабочен хлопотами; усматриваю, какие предстоят тебе труды по внутреннему управлению края, расстроенному нелепыми постановлениями Гана, которому Закавказские страны, конечно, не более известны были Верхнего Египта. Судя по чрезвычайной деятельности твоей, уверен, что ты со всем управишься; но в сем случае неизлишне сказать, что надобно быть осторожным в напряжении сил. Времени законы неотвратимы!

С некоторою гордостью хвалю я себя, что доставленные мною тебе записки обратили твое внимание и что с твоим встретилось мое мнение. Положение семейства царей грузинских достойно обратить великодушие и благотворительность российского монарха. Обладание наше за Кавказом есть грозным явлением на Востоке. Добровольная покорность царя грузинского оградила Россию от упрека властолюбивого и несправедливого покорения. Тебе предоставила судьба явить, сколько может быть полезным сделанное приобретение. Обеспеченный властью и полною доверенностью Государя, ты один в состоянии это сделать. На остатки семейства царя грузинского брось некоторый отблеск могущества нашего на Кавказе. Это дело государственного сановника!

Ты наполнил сердце мое радостью, говоря мне о бароне Розене, так жалостно окончившем дни свои. Ты увидел, что я ничего не сказал о нем несправедливого, и, конечно, нет чистосердечней тебе хвалы, как всего его семейства, которому несколько строк твоих были сладостнейшим утешением. Но скажу тебе без комплимента, что я удивлен, когда ты успел видеть мерзости гнусного доноса Гана[2]? Больно, что подобные действия могут губить добрых и усердных слуг Государя. Если бы не совершенно знал я покойного Розена, себя сберегая, я не стоял бы за него, и, не менее сохраняя твою дружбу, я не ввел бы тебя в заблуждение. Будь уверен, что и впредь ничего не услышишь от меня, не имеющего основанием справедливость. Сколько-нибудь открыть истину и восстановить омраченное клеветою имя Розена есть дело великодушного человека. Вот почему я ручался, что ты не будешь хладнокровным, если представится случай быть в чем-нибудь полезным хотя его семейству. Ты видел, что я знал Розена. Почему столько же верно не могу я знать тебя?

Повторю еще, что я в восхищении, что ты не сердишься на меня, и в надежде на то вот мои условия: не спеши писать ко мне, даже не пиши долго, не отнимай у себя минут от занятий несравненно полезнейших, а паче от кратковременного твоего отдохновения… Я всем буду доволен! Видишь, до какой степени ты покорил меня последним письмом — *повесткою*.

Истреби все прежние мои письма ничтожные, но сбереги это одно, где о тебе говорило мне мое сердце. Прощай, не употреблю обыкновением дополняемых фразов или приветствий!

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 124–125 об.

Н. П. ГОДЕИНУ

*[1845]**

Воронцов в большой переписке с Головиным, к которому тотчас по прибытии в Тифлис прислал письмо на восьми страницах. Благодарит за его советы, говорит, что намеревается делать, сообщает о многом свои мысли. В конце 8-й страницы поручает сказать мне его поклон. Это для обоих нас покойно и ни конечно не потребует меня к бесполезной для меня переписке. Впрочем, в Петербурге не скрывал, что в Москве будет видеться со мною и Головиным. Недавно был здесь Нейдгардт, заезжал ко мне, но не застал дома и, не видавшись со мною, уехал к жене в деревню. Он здесь нашел ожидающим его орден Св[ятого] Владимира I степени. Его сопровождал чрезвычайно милостивый рескрипт Императора, который его совершенно утешил, и поистине великодушие Государя неизреченно! Говорят, будто Воронцов донес, что он нашел все в наилучшем порядке. Если это правда, он поступил молодецки и, конечно, видит возможность легко исправить, буде есть беспорядки.

РГИА Ф. 950 Оп. 1. Д. 245. Л. 32

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 10 января 1846

На последнее дружеское письмо Ваше, почтеннейший Николай Николаевич, я ни слова не отвечал Вам, по той же самой причине и Вы не пишете. Употреблю собственные выражения Ваши: «Напишешь, и письмо ни с места!» Итак, содержание непременно должно быть о деле, и еще весьма скучном, и с таковым теперь являюсь. От души благодарю Вас за хлопоты по размежеванию моего имения. Вы чрезвычайно одолжили меня, дав Вашего землемера и наставления моему бурмистру, чтобы не изъявлял согласия своего, не показав Вам прежде бумаг. Конечно, и письмо Ваше Хрипунову[1] сделает большую пользу, но всего удовлетворительнее Ваши попечения. Вижу, однако же, и необходимость в документах, которые так умно названы бурмистром фундаментами, о чем недавно еще напоминал мне Воейков и требует их непременно. Некоторые из них были у меня, а недостающих отыскивали в здешнем Межевом департаменте с большим трудом, а потому и медленностью. Все, что сыскаться могло, я, не упуская времени, к Вам, любезный Николай Николаевич, доставлю. Надеюсь, что бумаги сии бросят некоторый свет на дело наше. По несчастью, соседи у меня казенные крестьяне и г[оспода] Апухтины[2]. За первых из них министерство г[осударственных] и[муществ] все отнимет, что возможно, чтобы избавиться от последних, я готов от многого отступиться. Превыгодное положение! Много уже лет стараюсь я продать имение и не нахожу случая напасть на охотника. Желал бы сохранить одну ничтожную мою подмосковную, последнюю станцию на пути моей жизни, уже непродолжительной.

---

* Фрагмент письма.

От души, как доброго приятеля, благодарю Вас за детей моих, на которых вы хотели взглянуть. Им нужно было спешить, но я не скрою от Вас, что я боялся ими Вас обеспокоить. Они, конечно, имели бы приказание мое принять Ваше благословение как отличнейшего военачальника и которому столько известен край, где судьба назначила им служение. Я не просил бы благословить их счастие, это не Ваше дело! Я и сам, некогда баловень его, не смел того сделать. С чувствительностью принял я великодушный отзыв Ваш на счет желания их видеть. Вижу в этом старого сотрудника моего почтенного Муравьева! Как жаль, что не умеешь делать из зерна золота, а то нынешнюю зиму беседовали бы мы в Москве. Когда же облегчатся Ваши житницы, а есть много даже не имущих средств бедного пропитания. Не хочешь ли, я открою заем, лишь только приезжай. Кондициями устыжу Ротшильда! На Кавказе дела улаживаются прекрасным образом, что увидишь из газет. Горцы дерутся между собой! Воронцов взялся за расчистку дорог, и, конечно, лучше наших прежних, ибо от дороги в обе стороны на пушечный выстрел. В наше время мы имели жестокость не давать горцам пушек, а теперь они улучшают нам дороги. Непростительная недальновидность! При мне в большой части Чечни были прорублены дороги, но теперь мысль эту приписывают Воронцову, и все в восторге.

Сию минуту слышал, что Гурко назначен начальником Главного штаба резервных и запасных войск гвардии и армии. Место, для него созданное! Начальник Главного штаба в Грузии меньшой Коцебу[3]. Есть уже в приказах! Какую карьеру делает последний!!!

Мое совершеннейшее почтение Наталье Григорьевне.

Продолжи мне твое дружеское расположение, всегда равное ему будет мое отличное уважение.

Прощай. Преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 23–24. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, февраль 1846

Долго умедленное письмо твое[1], почтенный князь Михаил Семенович, заставляло меня сумневаться о твоем здоровье. Я слышу, как беспрерывны занятия твои и что нет свободного времени; но думал, что ты поручишь меня уведомить, что не находишь времени писать и чтобы я имел терпение.

И я, с своей стороны, не торопился отвечать, но это по причине совершенно противоположной: во мне бездействие и праздность такую возродили лень, что за перо приняться не хочется. А к тому же и что напишу я достойного любопытства?

Буду отвечать на все предметы в том порядке, в каком изложены они в письме твоем.

Великодушно и достойно тебя представительство за царицу грузинскую. Не одна справедливость, но и приличие должны были остановить внимание на сие дело. Я сообщил сыну ее, человеку весьма многими уважаемому, о покровительстве твоем, и семейство это ты имеешь тебе преданным. Недавно

еще весьма скудно было содержание старухи-царицы, и жаль было это видеть. В то же время другие пользовались большими выгодами и уважением.

Радуюсь и за дело барона Розена, о котором скажу твоими собственными словами, «что оно в полном ходу». Ты один хочешь сделать ему добро и то смеешь, чувствуя свое могущество!

Верно говоря о Головине, я не умел внятно выразиться; ибо из письма твоего вижу, как будто мне удивительным кажется, что ты следуешь его советам или испрашиваешь его мнение. Я рад очень, что ты дал мне случай объяснить-ся по сему предмету.

Помню очень, что я признавал его столько же военным человеком, сколько я митрополит. Но это относилось единственно до военных его действий в Кавказе, где он не показал особенной распорядительности, ниже при покорении Ахты[2], что́ в то же время принесло величайшую пользу и во многих отношениях и по справедливости заслуживает уважение. Не думай, любезный князь, чтобы я мог сумневаться в способностях Головина и в том, что он может дать полезные сведения. Я слышал его рассуждающего, видел у него множество любопытных бумаг, читал некоторые, прекрасно им написанные, и убежден, что он может сообщить совершенно основательные замечания. Он был в знаменитую эпоху законодательства Гана, вспомоществовал ему и после разрушал его сотворение. Он резко доказывает нелепость их.

Он свидетелем был многих на Кавказе происшествий и был в положении прибегать к разнообразности распоряжений. Он был, когда военный министр, как благотворное светило, обтекал Грузию с обещаниями благоденствия Грузии[3]. Жаль бы мне было, если бы ты думал, что о Головине позволяю я себе быть невыгодного мнения. Я признаю в нем большим преимуществом то, что ему известны цели и намерения правительства, которое, до твоего назначения полномочным представителем, руководило каждым действием бессильных твоих предместников. Итак, убедись, почтенный князь, что без наглого самолюбия не могу я почитать себя более сведущим в теперешних края обстоятельствах и, по мере того, и предложить что-либо полезного стране, почти уже мне незнакомой. Вот как я думаю.

Относительно до генер[ала] Клюке, я, признаюсь, думал, что много подействовало внушение Головина; но когда уверяешь ты в противном, то могу ли я сумневаться? Кто может знать лучше своих подчиненных, как начальник, близко поверяющих их действия? Не скажу я ничего в защиту его в деле 14 июня под Андиею[4], ибо это происходило под глазами твоими, и, как ты говоришь, не умел он поддержать кабардинцев. В 1844 году в Бортунае[5] не положительны были приказания Нейдгардта, и он дожидался со стороны его атаки, долженствовавшей быть сигналом для его действий. Мне не раз случалось слышать многие об этом происшествии подробности. Не осмелюсь я оправдывать Клюке в сухарной его экспедиции[6]; но при близком взгляде на оную можно заметить нечто в облегчение вины его и отдалить от него приговор на вечное бездействие, которое ему определяется. Повторю, что защищать не смею, и не мое дело; но жалеть могу офицера, которого знал храбрым и исполненным доброй воли.

При Бортунае, как ты говоришь, могло зависеть от Клюке кончить войну одним ударом. При начальниках, подобных Нейдгардту нерешительностию,

с некоторыми из сотрудников тогдашнего времени едва ли возможно что-либо совершить окончательно. О Клюке в последний раз скажу, что бедное положение огромного его семейства заслуживает сострадательного взгляда.

Продолжаю по порядку письма твоего. Аргутинскому ты приписываешь достоинства и способности, каковые редко находились в самых отличнейших полководцах. Говоришь, что он никем незаменим в краю, где он начальствует, что к нему общая доверенность и наших войск, и туземцев. Как сметь что-либо сказать вопреки убеждению начальника, известного проницательностию, и особливо мне ли позволительно иметь мнение, когда совсем я не знаю князя Аргутинского, а дела его знаю из отзывов других? Но многие согласятся с простым рассуждением моим, что небесполезен иногда взгляд старшего за действиями частных начальников, распоряжающих произвольно и с тою же непринужденностию описывающих свои изумляющие подвиги. Право, не приметишь, как они пролезут в герои; а там что́ менее Грузии дать в команду прославленному? Аргутинской вместе с храбрым Шварцом[7], говоришь ты, занимали и оттянули все общества Среднего и Южного Дагестана. Первый из них мог оттянуть; но общества, против которых был последний, никогда бы не противостали войскам твоим в Андии, а еще менее боролись с ними в Ичкеринском лесу. Им слишком довольно охранять себя от его нападений. Кого не устрашат отовсюду вторгающиеся тысячи?

Тем тоном, которым говоришь об испрашиваемых наградах и в особенности о производстве в генерал-лейтенанты[8], ты как будто стараешься вразумить имеющего противное мнение или искоренить заблуждение, почитающего их чрезмерными. Сделай милость, не думай обо мне как о человеке, который выискивает случаи порицать и порочить. И что мне нужды до твоих героев? Ты боялся потерять Аргутинского, если бы он не был произведен? Ты сделал прекрасно, что удержал вознаградя, а он не просто поступил, что погрозил уйти, чтобы достать награду.

Шварц произведен за то, что с успехом и общею доверенностию занимал настоящее генерал-лейтенантское место (твои собственные слова). Столкновение по старшинству в генерал-майорских чинах представляло неудобство, которого избежали производством. Теперь может происходить столкновение по старшинству в новых чинах, и надобно новое средство.

Ты думаешь, что Россия вся говорила, будто войска на Кавказе обескуражены и нет в них прежней неустрашимости; что обильными наградами ты хотел возродить в них доверенность к самим себе, но что, вопреки общего мнения, ты нашел в войсках ту же готовность, ту же блистательную храбрость, каковою всегда отличались Кавказские полки.

Не знаю, как говорили в России; но в Москве и теперь проскальзывают суждения, что весьма немногие батальоны 5-го пехотного корпуса могут почитаться смелыми и что остальные не делают чести оружию нашему. Итак, любезный князь, не можно почесть аксиомою, что награды могут сделать героями и даже таких, которые на то непохожи. Верю, что, слившись с другими в новоформируемой дивизии, они ими сделаются и никому другим не уступят. Впрочем, это будущее.

Теперь приступаю к самому трудному предмету, который вызвал со стороны твоей сильные мнения. Это движение от Дарго к Герзель-аулу. Ты настаи-

ваешь, что оно наступательное, потому что неприятель был впереди и в первый день следования от Дарго не нападал на арьергард. Какая причина мне противоречит? Пусть движение будет последованием беспрерывных атак. Впрочем, мне довольно понятно, что Шамиль находил выгоды приостанавливать движение, дабы продлить пребывание в лесу, где только и мог он противостать и с большею с его стороны удобностью по знанию мест, по приуготовленным средствам к обороне. В этом он успел. Число сражавшихся уменьшилось, возраставшее количество раненых усиливало затруднения, скудели средства продовольствия и вовсе истреблялись, и, если бы не твоя непоколебимая твердость и всегда спокойная молодецкая наружность, войска, конечно, не явили бы того удивительного мужества, с каковым довершили подвиг свой. Многие из имевших честь участвовать в экспедиции говорили мне, что довольно было видеть тебя, чтобы совершенно исчезла мысль об опасности или трудности обстоятельств. Ты имеешь все право гордиться, давши такой дух войскам, с которым легко было им презирать опасности и кончить экспедицию, конечно, с честию. Понимаю, что тебе приятно было польстить гордости солдат, сказав в приказе, что они нигде не отступали, а беспрестанно шли вперед на неприятельские позиции (выражение письма твоего). Почему и не сказать в приказе? Это никому вреда не делает и не отнимает свободы рассуждать по изволению. Моя претензия в том, чтобы ты не имел на меня негодования свободно высказывать мое суждение. Я не выставляю его за самое основательное и не склоняю в пользу его внимания, но думаю, опираясь на известную формулу французских королей: *car tel est notre bon plaisire**, что вольно мне даже бредить, если так мне угодно будет. Итак, не говоря за себя, чье имя почти уже не воспоминается между живущими, но за позднейшие времена скажу, что несправедливо утверждаешь ты, что войска русские не появлялись там, где были они в прошедшем 1845 году. Частью по самой той дороге, по которой ты шел из Дарго, покойный генерал барон Розен и генерал Вельяминов[9] проходили до Белгатоя, переправились через Аксай и далее в селении Беной заставили выдать два орудия, взятые у полковника Волжинского во время командования Эмануэля[10]. Теперь в Москве Бутырский пехотной полк[11], которой, помнится, был даже в Дарго. Оно не имело нынешней знаменитости, ибо не было подозреваемо о Шамиле и верно его никто не знал. Владычествовал тогда Кази-Мулла[12].

Напрасно называешь ты *нареканием*, когда говорили, что около главнокомандующего убито или ранено четыре из его адъютантов. Этим в общем мнении (*тогда*) измерялась потеря войск и мера опасности, которой они подвергались; и не могло быть иначе: ибо, по краткости времени, не успели еще дойти разные подробности, как после. Я очень хорошо понимаю, что тебе неприлично было вдаваться в бесполезную опасность; но, конечно, ты приобрел любовь к себе войск и полную их доверенность, разделяя с ними и труды и опасности. После этого солдат и тем уже доволен будет, когда начальник не далеко от него будет.

Удивляюсь вместе с тобою, что Граббе, человек весьма умный и известных способностей, не внушил в подчиненных никакой к себе доверенности, не умел приобрести к себе расположения. И мне здесь даже случилось это

---

* Ибо так мне угодно (*фр.*).

слышать; я воображаю, какие сведения тебе доставлены. Впрочем, думаю, что об нем немало говорят излишнего и этому причиною ужасное его высокомерие. При расположении к нему военного министра[13] он, конечно, останется заброшенным, хотя Император оказывает ему поистине неизреченное великодушие: в прошедшем году пожаловал ему майоратство из уважения к огромному его семейству[14], и тогда пожаловал, как никто, конечно, ему не напоминал об нем. Жаль, что он остается в бездействии!

Ты говоришь, что никогда не простится ему покровительство г[осподам] Пулло и Зассу[15]. Непонятна доверенность к первому; но о последнем он откровенно докладывал Государю и не скрыл, что чрезмерно быстрым производством его вывели из приличествующей ему сферы.

Мнение твое, что Граббе служить невозможно на Кавказе, я уважаю и потому вопреки не говорю ни слова, хотя нетрудно доказать, что генерала его достоинств невыгодно заменять генералом Гурко[16]; а еще какие впоследствии быть могут, это частию также предвидеть невозможно!

С ужасом читаю я в письме твоем, что мог быть потерян оставленный в Андии батальон, если бы не пришел вовремя лазутчик. Но Бельгард[17] молодец и отступил славно, внушая к себе уважение.

Не прекословлю также, что, если бы Фрейтаг не пришел навстречу с сильным отрядом свежих войск, вы бы продрались. Но много ли бы вас вышло и что бы спаслось с вами? Об этом предмете различны суждения, и я не должен скрыть от тебя, что после сего происшествия имя Фрейтага сделалось известно и тем, кто не подозревал о его существовании. Высокое уважение к твоей особе и радость, что ты довершил предприятие, с таким самоотвержением тобою начатое, склонило всех к участию в его подвиге, и он прославился! Ты возблагодарил его великодушно и самым лестным образом. Кто под начальством твоим не употребит возможных усилий?

Чрезвычайно благодарен я тебе за присланный чертеж прорубленного Гойтенского леса[18]. Он сообщает мне точное понятие о предпринятом и конченном труде, о сообщениях, каковых не имели римляне, покоряя враждебную Германию. Но почему не приказал доставить мне карту Гехинского леса? Без сих просеков не знаю, как бы усидели две новые на Сунже станицы. И теперь возможен набег, но возвратный путь более нежели сумнителен. В Петербурге способ проложения путей принят с восторгом, как верный приступ к покорению гор, и приемлется совершенно новою системою. С ребяческим простодушием видят в устроении крепости *Воздвиженской*[19] вдохновение свыше, не подпадающее человеческому соображению. В 1822 году целое население Кабарды сведено с гор и поселено на плоскости[20]. У самого подножия гор устроена цепь крепостей, пресекающих все арбенные дороги. И этого никто не видит! В Кумыкских владениях, в самом важном для нас пункте, построена крепость Внезапная[21]. Все это делано без мысли, без намерений, и только теперь проявляется новая вдохновенная система. Ты один, почтенный князь Михаил Семенович, побуждаемый чувством справедливости, хотел приписать мне проложение дорог и присвоил мне мысль истребления лесов. Этого никто другой признать не смел. Меня это нимало не удивляет, ибо долгое время после изгнания моего из Грузии слыхал я, что во все время командования моего я, кроме беспорядков и запутанностей, ничего не сделал. Мне чрезвычайно

многое известно на этот счет, и вот чрез один месяц будет 19 лет, как я покрываю это молчанием. Что значит мне и теперь быть скромным и не оспаривать изобретение других? Этим всем воспользуется военный министр, который говорит, что уже 15 лет дела, до Грузии относящиеся, в руках его, и может справедливо похвастать, что до назначения тебя наместником он славно ими управил! Эти великие дела долго будут чувствуемы!

Умедлил поздравить тебя с происшествием чрезвычайно важным на правом фланге линии: это покорность сильнейшего племени абазехов. После этого Закубанская сторона примет совершенно другой вид, и это вдруг ощутительно будет. Поистине приятное событие, обещающее величайшие выгоды впоследствии.

На все отвечал по содержанию письма; скажу по слухам. Говорят, что в начальники главного штаба ты просил Коцебу[22], потому будто, что заметил в делах корпусного штаба, что в его время они отправлялись с лучшим порядком и исправностью. При мне он был маленьким офицером, весьма хорошим. Теперь он уже знатная особа, без которой едва ли уже возможно управлять военною частию на Кавказе! Кажется, и самому ему мысль эта не новая. Об нем большие похвалы; но в то же время замечают, что искусство интриговать не в числе слабейших его способностей. Это знать не бесполезно. Видно уже из приказов, что назначен к тебе обер-квартирмейстером известный *Вольф*[23]. Этого, думаю, ты не просил; но, конечно, старались иметь его при тебе. Одно, в чем ошибиться невозможно, что он с *Коцебу* великим будет приятелем. Это гении, предназначенные быть впоследствии повелителями на Кавказе, и скажут, что они изучились под наставлениями и руководством Воронцова! Пожелаешь ли ты подобным образом передать славу твою потомству, я не берусь угадывать!

Слышу, что гражданское управление истощает даже твое ангельское терпение и что занятия твои беспрерывны. Жалею о тебе; но утешаюсь, слыша, что мошенники и плуты боятся тебя, как грозного призрака. Довольно продолжительна была блаженная жизнь их. Здесь появился уже авангард бегущих из Грузии. Недавно проехал Безак[24]; но мне он не знаком, и я не видал его. Этот, как я слышал, не весьма восхищен тобою. Говорят, что твой начальник штаба по гражданской части *Ладинский*[25] находит также климат Грузии нездоровым и, сберегая драгоценное здоровее, ожидает хорошей чрез горы дороги. Я желаю ему всего, что может быть ему угодным, и даже приятного из Грузии путешествия. При новом водворяемом тобою порядке я не полагаю его необходимым. Не знаю, где приобрел он знание гражданских дел, но прежде не отличался он подобными способностями, разве по части провиантской, как он был употребляем до меня.

Оканчивая письмо мое, прошу представить мое совершеннейшее почтение ее сиятельству княгине Елисавете Ксаверьевне[26] и благодарность за ее великодушное и милостивое внимание к моим воспитанникам. Это в их положении чуть-чуть не преимущество дворянства!

Прощай, желаю тебе здоровья. Труды твои на пользу Отечества благословит Бог! Я покоен в уверенности, что за теперешнее письмо мое принадлежат мне дружественные твои чувства.

Душевно преданный *Ермолов*.

P. S. Я слова не смел сказать о детях моих, но ты, почтеннейший князь, удостоив воззрения старейшего из них, сделал его счастливым. Также и к двум меньшим был милостив. Это дало мне смелости просить тебя сказать одно слово генералу Козлянинову[27], чтоб он старшего не отправлял в *образцовую батарею* в Санкт-Петербург. Он гораздо более находит чести и даже выгод служить под твоим начальством. Согласно с его желанием, я прошу о сем убедительнейше. Несравненно лучше, если воля твоя будет приказать отправить его к Фрейтагу.

Младшие двое у генерала князя Аргутинского, и, конечно, они немало теряют, что они не армяне. Впрочем, я рад, что они не будут праздными!

Знаю, что у тебя много отличных офицеров, и потому, что все хотят иметь честь служить у тебя, и я имею одного желающего иметь это счастие.

Некогда выбранный мною из Александрийского гусарского полка Петров[28], храбрый офицер, умный и хорошо образованный, командовал Моздокским казачьим линейным полком. Впоследствии был начальником штаба войск на Кавказской линии у генер[ала] Вельяминова до самой его смерти и, наконец, военным губернатором города Каменец-Подольска, откуда и вышел в отставку.

Если бы было у тебя место, приличное генерал-майору, ты бы имел в нем отличного исполнителя и способного сотрудника. Вот бы атаман казаков! Напиши мне мысль твою и, если придумаешь что-либо другое, сообщи мне. Не стесняйся моими просьбами и, если я пишу такие, которые нельзя исполнить или даже они покажутся вздорными, *отказывай на отрез*! Это, думаю я, довольно покойно для тебя! Так и должно быть между давними знакомыми!

Наконец полно!!!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 126–137 об.

А. Я. БУЛГАКОВУ

Москва, 13 апреля 1846

Давно никуда не выезжая, почтеннейший Александр Яковлевич, я нигде не мог встретиться с Вами и поздравить Вас с Царскою милостию. Но и Вы давно оставляете меня в комплектном невежестве насчет происшествий, между которыми в настоящее время есть любопытные. Смею думать, что причиною того не может быть недостаток со стороны моей скромности.

Прикажите приложенное письмо доставить князю Воронцову, о котором давно уже ничего не знаю. Нет ли у Вас каких известий?

С совершенным почтением преданный *Ермолов*.

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 3

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 13 апреля 1846

Давно, почтеннейший князь Михаил Семенович, не имею я от тебя известий; но не подумай, чтобы, выражаясь таким образом, я смел позволить себе

легчайшее негодование. Нет! Я знаю, как беспрерывно ты занят и как мало остается минут свободных. Нетерпеливо ищу случая видеть проезжающих из стран твоих; но с некоторого времени их почти нет, а твои князь Козловской[1] и Золотарев[2] оба мне незнакомы, и я не видал их.

Последнее, что я слышал, это было в короткое время пребывания здесь Государя, когда и его собственный разговор был о Грузии, о пролагаемых тобою дорогах, которые должны доставить выгоднейшие последствия. Изволил говорить в особенности о дороге, предполагаемой из Кахетии, горами в Казыкумыкское ханство. Многое другое, относящееся до полезных твоих распоряжений. Словом, он изъявлял весьма большое удовольствие. После этого я только знаю из газеты о прорубке Гихинского леса.

При прорубке чрез Гойтинский ты приказал сообщить мне чертеж, изъясняющий преодоленный труд; я просил таковой же и последнего. На это надобно только приказание твое. А чтобы вывести меня из невежества и поставить сколько-нибудь в возможность судить, или, лучше сказать, разуметь происшествия, я просил также карту Дагестана и Казыкумыкского ханства совокупно со всеми обществами, по направлению к Кахетии лежащими. Тут войдут и *Тилитлы*, знаменованные действиями некоторых из наших героев-исполинов.

В последнюю польскую инсуррекцию[3], одержав бескровную победу над Люблиным, назвал в реляции оборону оного генерал граф Крейц[4] *второю Сарагосою*[5]. Посмотрю, чему уподобят твои лейтенанты падение грозной твердыни?

Ты, конечно, не сердишься на меня, что я так пишу. Я умел бы не писать таким образом, если бы позволил себе мыслить, что это хотя мало неприятно тебе; но первая всегда мысль моя о благоразумии твоем, которое очень хорошо понимаю; и оттого почему не писать мне, как я думаю?

Ты имеешь все выгоды со стороны твоей. Письма твои заключают всегда известия самые любопытные, особенно для человека, долго жившего в краю; ты говоришь о переменах, вводимых тобою, улучшениях, можно сказать, о сотвореniях: ибо в твоем краю долго еще будут оне требуемы обстоятельствами и могут иметь место. Ты можешь увлекать внимание, сообщая твои намерения; в этой области нет пределов, и выслушивающий их во власти твоей. Напротив того, что могу я сказать тебе любопытного, или, справедливее выражаясь, что достойного внимания, если ты рассуждения или замечания мои не вызовешь своим вопросом?

Здесь Государь изволил рассказывать, что он приказал подвергнуть военному суду полковника Копьева[6], лишив его достоинства флигель-адъютанта. Жаль чрезвычайно, что мог заслужить наказание офицер, известный блистательною храбростью, отличных способностей и имевший такую карьеру, которая обещевала ему самую лестную будущность. Разрушить ее таким постыдным образом непростительно! Немногим в молодых летах дает судьба такую завидную дорогу по службе. Воображаю, сколько досадно должно быть это Императору; а сколько повредило это несчастному бывшему командиру Эриванского карабинерского полка, разжалованному князю Дадиану[7], это я знаю. Надеялись испросить некоторое облегчение продолжающемуся уже девять лет его наказанию; но теперь и приступить к тому не осмеливаются, ибо в памяти Государя возобновилось его преступление. Если будешь писать мне, скажи, в чем состоит вина несчастного? Боюсь наскучить тебе моими просьбами,

но как на некоторые обратил ты великодушное внимание, то не мог не заметить, что я не обращаюсь с предметами, тебя недостойными.

В Апшеронском пехотном полку служит молодой человек *Кучин*[8], воспитанник (сын) Кучина, весьма хорошего мне знакомого, с которым 45 лет назад, служил я в одной конно-артиллерийской роте и жил вместе, который в свое время был замечательный офицер, без всякой протекции получивший в Аустерлицком сражении Георгиевской крест вместе с 3 ружейными и 9 сабельными ранами. Молодой его воспитанник, унтер-офицер, учась в гимназии, приобрел познания, достаточные для производства в армейские офицеры, поведения отличного. Что тебе значит произвести его за отличие офицером? Я обещал старику, отцу его, просить тебя о нем, и старик утешается надеждою, что ты удостоишь своею милостию юношу, без покровительства служащего. Во многих полках есть произведенные унтер-офицеры во множестве. По смерти генерала Пассека некому заботиться о нем. Покойный имел его во внимании, потому единственно, что я одобрял молодого человека и участь его меня занимала, а с Пассеком я и знаком не был! Неужели менее я найду в Воронцове?

Вообще я остерегаюсь и сколько возможно менее обременяю тебя просьбами; но как, при многотрудных занятиях твоих, неестественно помнить о мелочах, то не рассудишь ли ты за благо приказать составить для памяти особую записку, в которую вносилось бы все, о чем тебя прошу, и чтобы записку эту по временам тебе показывали.

На твоем месте, не имея свободного времени писать сам, я приказал бы составлять записку для уведомления меня о происшествиях, разумеется, таких, которые угодно было бы тебе сделать известными: и тебе было бы покойнее, и оставалось бы продиктовать одни предметы особенной важности или которые должны быть покрыты тайною. Как тебе кажется предлагаемый мною способ? Объясни, когда писать будешь. Меня многие спрашивают о тебе, всех занимают твои действия, и как я не лгу, то мне нелегко бывает отвечать, что я ничего не знаю, то есть, что ты ничего не пишешь.

Не думаешь ли ты хотя на короткое время побывать в Петербурге? Конечно, при данном тебе полномочии ты в этом не можешь иметь никакой надобности; но будет бракосочетание великой княжны Ольги Николаевны[9], и к тому есть молва, что приедет королева английская. Это молва, перешедшая из С.-Петербурга, но не московская нелепая, каковые по большей части здесь бывают. Сию минуту был у меня приезжий, утверждавший, будто Государь назначил уже для нее комнаты в Петергофе и приказано их отделывать.

Вчера получены известия о наградах в Светлое Воскресение, и между произведенными попал в полные генералы твой князь Эристов[10] (это мне сказывали, но сам я не читал). Неужели по твоему представлению, которое одно могло произвести подобное чудо? Или есть это собственным произведением Петербурга? На что может быть надобен человек, 25 лет назад бывший сумасшедшим и которого, из единого сожаления, представлял я в белой горячке? Он может возмечтать, что он необходим, и в Грузии найдутся люди, которые тому поверят. Какое обширное поле надежд каждого подобного ему в отличных способностях!

Все, что пришло в праздную голову, я высказал, и ничего уже в ней не осталось. Желаю тебе, твоему намерению соответствующих успехов для славы твоей, для пользы отечества. В полном убеждении, что иначе произойти не может.

Прощай. Душевно преданный *Ермолов*.

Без просьбы моей ты был милостив к моим сиротам, а потому напоминать об них почитаю бесполезным.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 138–141 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 15 апреля 1846

Едва успел я, почтеннейший князь Михаил Семенович, отправить на почту письмо к тебе, как представился случай писать новый, неожиданный.

Но я приступаю с робостию, ибо еще новую принесу просьбу. Впрочем, виною этому твоя знаменитость, твое громкое имя, возбуждающее желание молодых людей иметь честь служить под твоими знаменами. Податель письма — молодой человек *Беклешов*, внук славного строгою правдою Беклешова*, некогда много уважаемого Великою Екатериною[1]. Он также племянник статс-секретаря Молчанова[2], известного своею службою при покойном императоре Александре. Этот юноша не искал служить в гвардии и предпочел Кавказ единственно потому, что он под твоими повелениями. Семейство не препятствовало ему в похвальном его стремлении, и меня просил хороший мой приятель поручить его высокому твоему покровительству.

Прикажи принять его в службу и определить туда, где может он употреблен быть и получить офицерский чин. Не зная, где у тебя предназначены действия, я советовал ему определиться предпочтительно в бывший Кабардинский егерский полк, предполагая, что генерал Фрейтаг не останется в продолжение года без занятий. Я мог сделать ошибку, дав подобный совет, но ты назначь ему место, где он служить может с большею для него пользою, и прикажи написать начальнику, чтобы имел его во внимании и приучал к боевой службе. Молодой человек дает хорошие надежды и потому уже мне нравится, что исполнен пламенной воли. Дать ему случай с успехом проходить службу есть дело достойное тебя, как славного начальника. При множестве беспрерывных занятий не забудь моей о нем просьбы.

Желаю увенчания успехом всех начинаний твоих в пользу и славу России.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 142–142 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 7 мая 1846

Без сумнения, наскучил я тебе, почтеннейший князь Михайло Семенович, моими просьбами, но по деликатности ты не признаешься в том. Итак, впредь

---

* Который был впоследствии генерал-прокурором. — *Прим. А. П. Ермолова.*

чтобы не повторять бесполезно, что мне совестно тебя беспокоить, не вынуждая тебя говорить неправду, что тебе приятно, просто станем продолжать sans préambule*: я представлять просьбы, ты по мере уважения делать добро, тебя достойным образом. Моею обязанностию будет соблюдать строгую разборчивость в предметах. Итак, начинаю. Письмо это представит тебе *Орлов*[1], племянник графа Алексея Федоровича, сын родного брата его, умершего Михаила Федоровича[2]. Ты знал мать молодого человека, дочь знаменитого в отечественную войну Раевского. Юноша будет служить с усердием, скромен, доброй нравственности, не позволяет себе затейливых видов. Он прислушался к рассуждению моему, что в адъютанты к тебе попасть не можно, что по обширному командованию твоему необходимы адъютанты опытные и к делам навыкшие. Он знает, что он ни с кем сравнивать себя не должен, ни с теми даже, которые могут быть не более его надобными, но предпочтительно удостоены внимания начальника. Имей, почтеннейший князь, благосклонное к нему внимание и, если благоугодно тебе будет, со временем возьми его к себе от полку ординарцем. Никаких не знаю я военных наших постановлений новых, имел время забыть и прежние; но кажется мне, что у нас ординарец не то, что был у Наполеона *officier d'ordonnance***; а потому я позволил Орлову ласкать эту надежду, хотя не совершенно предаваться ей!

В Петербурге в восхищении от твоих действий и распоряжений, и все вообще свыкаются с незнакомым прежде спокойствием насчет будущности Кавказского края. О Кавказе разговоры давно уже не рождали улыбки. Теперь совершенно противное, и от тебя зависит поддерживать это веселие, препровождая посланцев, депутатов и аманатов покоряющихся народов.

Не знаю, сообщает ли тебе *Евг[ений] Александ[рович] Головин* записки свои, которые, как слышно, иногда подает он военному министру, или которые, скорее я думаю, от него требуют. Если точно требуют их, то по преданности к военному министру Головин допустит в них большие поправки. До меня мог дойти глупый слух, а ты узнаешь основательно, и узнать надобно.

Не знаю, что ты рассудил за благо сделать по записке царицы грузинской, к тебе препровожденной, но она на днях получила официальный отказ по письму, поданному в комиссию прошений. Письмо это подано было давно уже, и после того требуемы были сведения от главноуправляющих Головина и Нейдгардта. Теперь в данном отказе не упоминается о твоем мнении или чтобы оно было поводом к отказу. Я ничего не мог понять и ничего благоразумного в том не вижу.

Прощай, будь здоров, не истощай чрезмерною деятельностию сил твоих, для счастия Кавказа, для будущего его жребия необходимых, единых спасительных. Прощай.

Преданный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 143–144 об.

---

* Без лишних слов (*фр.*).

** Офицер для поручений, адъютант (*фр.*).

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 8 мая 1846

Письмо это, почтенный кн[язь] Василий Осипович, представит тебе Орлов, просившийся служить на Кавказе, молодой человек похвальнейших свойств. Он внук родной *Раевского*, знаменитого в войну отечественную, и племянник нынешнего графа А. Ф. Орлова. Прими его благосклонно и, сколько от тебя зависеть будет, способствуй ему быть в действии против горцев таким образом, чтобы не остался он неприметным. Он в семье сын единственный, но ближние его знают, что он служить будет с усердием и начистоту. Ты, конечно, удивляешься, что я прошу об нем, когда имеет он дядю могущественного. Точно, дядя его очень любит и от души порадуется его успехам, но не сделает ничего излишне скоро, и ему приятно будет, чтобы он достоин был внимания. Мать его, узнавши, что некогда ты был моею собственностью, просила меня рекомендовать его именно тебе и просить, чтобы имел великодушие не отказать ему в полезных наставлениях, особенно в первый раз поступающему на действительную службу в стране ему неизвестной. Если случится ему быть под командою начальников, тебе хорошо знакомых, обрати на него внимание их. Привык верить, что ты не без собственного удовольствия делаешь мне приятное, и потому насчет юного ратоборца я совершенно покоен.

Забыл я, но, кажется, я просил тебя о молодом человеке, Василии *Кучине*, который, помнится, должен быть унтер-офицером Апшеронского полка. Желалось бы мне, чтобы он поступил в офицерский чин. Отец его, лет 45 назад, был со мной в одной конно-артиллерийской роте, и мы живали вместе. О юноше имел попечение храбрый *Пассек*, но слишком скоро лишился он единственного своего покровителя.

Теперь сближается время, в которое ты менее будешь иметь свободного времени, но если представится оное, хотя изредка уведомляй меня о происходящем с тобою и о моих казикумыкских рыцарях[1], которые, кажется, попадут нынешнее лето в готовящуюся экспедицию. Ты, любезный Сципион[2], большую сделал им милость, поручив их вниманию их начальника. Говорю я об экспедиции, совершенно никаких не имея сведений, но единственно повторяя, может быть, и пустые слухи. Если же так, при Воронцове, надеюсь, все будет исполнено согласно с его распоряжениями. Может быть, и моим сиротам даст Бог счастье! Буду рад успехам их и в особенности Севера[3], в котором вижу гораздо менее наклонности к военной службе. Для Клавдия это настоящее назначение, и если он будет жив, не сомневаюсь, сделает себе дорогу. Если бы удалось Северу достигнуть награды, дающей право дворянства, тотчас вон из службы. Недалеко время, что мне старику нужна будет подпора и хозяин для сохранения небогатого достояния братьев его. Впрочем, воля Божия!

Прощай. Чувства дружбы моей к тебе всегда постоянны, им соразмерно мое уважение. Будь счастлив, преданный *Ермолов*.

Заметишь места гадко написанные; это я бессовестно дремал*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 433–434

---

* Приписка сбоку.

А. Я. БУЛГАКОВУ

[Москва], 8 мая 1846

Поздно весьма получил я, почтеннейший Александр Яковлевич, записку Вашу, и это истолковало мне, сколько приятно было Вам сообщить мне радостное известие. Давно предчувствия мои насчет дел Воронцова и наилучшие и постоянные. Но признаюсь, если бы мог я знать, что четыре почты не приходили (из Тифлиса), я, конечно, не отнес бы того единственно к худому состоянию дорог и к досаде без большого труда догадываться* о причине.

Надобно правду сказать, Воронцов ведет дела молодецки, и пусть молодой человек так перешагнет из Шемахи во Владикавказ[1]!

Весьма рад, что напрасно, и это всего лучше доказывает, как у него все распоряжено, что и присутствие его было излишне.

Досадно мне, что Воронцов приезжал, ибо мошенник Шамиль будет уметь истолковать, сколько появление его бывает опасным для русских. Воронцов не имел еще время узнать характер народов того края, и я уверен, что я буду делать иначе.

Воронцову должно было приятно быть, что заведенный им порядок так исполняется его лейтенантами, и это убедит его, что не везде необходимо его присутствие.

Я уже раз поставлял ему на вид, что он употребляет деятельность, несоразмерную летам его.

Он должен видеть, что один он имеет власть и средства дать прочное делам устройство и закон, по которому должны они совершаться впоследствии.

Благодарю Вас от души за известие. Тот же любезный и всеми уважаемый Александр Яковлевич насчет происшествий в Европе находит удовольствие содержать меня в совершенном невежестве, близком к невозмущаемому блаженству.

А я, все так же, и почитаю, и предан беспредельно.

Покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 5–5 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 13 мая 1846

С письмом этим предстанет пред тебя, почтеннейший князь Михаил Семенович, Генерального штаба капитан Дрейер[1], служивший старшим адъютантом в штабе 6-го пехотного корпуса. Давно желал он служить на Кавказе и почитает себя счастливым, что будет под твоими повелениями. Я давно знаю этого офицера, хорошие его способности, украшенные познаниями, которым служат основанием науки, в Военной академии преподанные. Имей на него милостивое внимание; он будет полезен и умеет им быть, лишь бы представился к тому случай. Не сделай из него чертежного инструмента! Я должен

---

* Так в оригинале.

был написать к тебе об нем, ибо отличающая его скромность могла долго не сделать его тебе известным.

На днях Булгаков[2] порадовал меня известием[3], что получил письмо твое от 1-го мая из Владикавказа; ибо давно уже я ничего не знал о тебе. Можно сказать, что прекрасно проводили Шамиля[4], и тебе, как начальнику, приятно видеть, как исполняются твои распоряжения; ибо и в отсутствии твоем все так было сделано, как бы под собственными твоими глазами. Это может успокаивать тебя на будущее время и давать тебе свободу заниматься другими предметами, не меньшую важность имеющими, как и самые дела военные.

Желал бы знать, что за мысль была Шамиля, чего я никак не понимаю? Было бы совершенным безумием думать, что он в Кабарде может иметь успехи. Да если бы и могла она возмутиться, то ее задавить возможно, и жены, дети и имущество от нас укрыться не могут. Следовательно, кроме шалунов, никто другой не принял участия в его действиях. Происшествие столько же неожиданное, как бессмысленное и едва ли не более вреда Шамилю наносящее!

Удивляюсь твоей деятельности: 14 числа ты выезжаешь из Тифлиса, достигаешь Шемахи, и уже от 1 мая письмо из Владикавказа; а другие утверждают, что ты был там 24 апреля. Пусть сделает это молодой человек! Дай Бог тебе сил. Тогда увидят и завидующие тебе, что из Кавказа сделаться может!

Прощай, да Бог благословит твои начинания!

Душевно преданный *Ермолов*.

Я просил тебя Апшеронского полка об унтер-офицере Кучине. Производишь число их несметное, а бедного Кучина нет!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 145–146

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 14 мая 1846

Почтеннейший Николай Николаевич!

Князь Григорий Алексеевич[1], твой свояк, так чудесно поступает со мной, что я готов от души причесться к нему в родственники. Здесь, пробывши короткое время, он повидался со мною и дал мне случай писать к тебе, чего обыкновенным образом не мог бы я сделать.

Не буду говорить тебе о моем деле, ты все придумаешь лучше меня и поступай как Бог положит тебе по сердцу. Терзай, если когда нужно, Воейкова.

Поговорим лучше о стране, которая оставила нам довольно приятные воспоминания и мне дала право называть просто любезным Николаем Николаевичем тебя, душевно мною уважаемого. Я уже стар, и для меня по естественному порядку не должно ничто возвратиться, но с досадой смотрю на тебя в силах, каковые не всем уделяет природа, с опытностью разного рода, приобретенной внимательным служением, приобретенным в различных должностях. А лета, а здоровье, и порукой за них жизнь строгая, умеренная!

По сложению ты скала гранитная Кавказа, между людей, и там место твое!

Еще многое впереди тебя, и, может быть, исполнятся твои предсказания. Могуществен Воронцов, деятельности неимоверной, но, быть может, и после

него останется еще много занятий наследникам его. Еще не последние совершаются на Кавказе происшествия.

Вчерашний день слышу, возвратился Гурко[2], о котором Воронцов отдал по войскам приказ великолепный. Такие приписаны ему похвалы, что он, вероятно, будет требовать еще награды; и почему не получить! Воронцов просил на место его Коцебу. Государь из Палермо[3] писал Паскевичу, чтобы он предупредил Коцебу, и, бывши в Варшаве у развода, при всех благодарил Коцебу в самых лестных выражениях за то, что не отказался от назначения. Натурально взяты на подъем деньги, тем более необходимые, что жалованья начальнику Главного штаба только *пятьдесят тысяч рублей*. С таковым содержанием и Гурко переходит к новой должности. Это не нашего времени размеры, и я получал только 40 тысяч рублей.

Вот тебе некоторые верные подробности набега Шамиля в Кабарду.

16 числа он перешел Сунжу у Казах-Кечу, послал одного из наибов в аул Бековича[4], который спасся в Моздок. Узнавши, что Фрейтаг идет вслед, Шамиль перешел Терек у Минаретского моста[5]. На переправе полковник Левкович[6] не мог остановить [его] с 2 батальонами пехоты, 2 орудиями и 200 казаками, хотя дрался упорно. Шамиль, переправясь, расположился у Минарета. Пришел в тот же день Фрейтаг к Тереку и расположился напротив. От Владикавказа пришел также Нестеров[7], и Шамиль, опасаясь на другой день общей атаки и видя себя окружаемого, перенесся в Кабарду у Черекского ущелья. [К] Нальчику подоспел командир Волгского полка с 6 ротами пехоты, 2 орудиями и 600 казаками. Шамиль не мог уже пройти в верхние кабардинские аулы. Карачаевцы, узнавши о большом числе войск наших в Кабарде, отказались ему содействовать.

Наиб, грабивший Бековича аул, спеша соединился с Шамилем, наткнулся на авангард Фрейтага, бросил взятых пленных, скот и множество арб и под картечными нашими выстрелами переправился через Терек. Между тем дожди возвысили воду в Тереке, и Шамиль, пробывши в Кабарде неделю, ушел благополучно с главными своими силами в Чечню.

Терек переправился он у того же Минаретского моста и только полковник Миллер-Закомельский[8] успел с 4 батальонами пехоты нанести большой вред его арьергарду. Фрейтаг маневрировал и просто прозевал Шамиля, с которым было несколько орудий и не одно нам не досталось. Фрейтаг пошел за Шамилем сам, сколько можно поспешая к Грозной, ибо повсюду у него оставались небольшие части войск, после того как с собою взял он 5 ½ батальона пехоты, 8 орудий, 800 казаков и с Миллером вышла большая часть войск из Воздвиженского укрепления. Вот чем кончилось движение такого огромного числа наших войск, и все в восхищении кричат, что Фрейтагом спасена Кабарда. Натурально всему дастся вид блистательной победы и посыпятся награды. Этот эпитет нередко присваивается делам не самым чистым.

Воронцов 14 апреля оставил Тифлис и царственно объезжал мусульманские провинции. В Шемахе узнал о сборищах Шамиля, возвратился в Тифлис, как говорят, и 26 числа был уже во Владикавказе. От 1 мая есть у него письмо к Булгакову, дабы предупредить в Москве нелестную молву. Ко мне весьма давно не пишет, вероятно, не совсем нравились мои замечания. Я давно уже не делаю таковых, и глупо, что прежде позволил себе их. Но если бы, почтен-

ный Николай Николаевич, допустить некоторые рассуждения о последних происшествиях, а знавши[й] хорошо местность Кабарды, сделал бы большой учет славных дел. Положим, Фрейтаг унесся на Нальчик для прикрытия Кабарды, и это, конечно, был вернейший способ охранить ее, но как же генерал Нестеров, находясь у станицы Николаевской, поселенного Малороссийского полка на дороге по левому берегу Терека или, лучше сказать, в Малой Кабарде[9] не умел приспеть к Миллеру и этот дрался один с 4 батальонами? В журнале «Кавказ» напечатано краткое известие о набеге Шамиля и сказано, что он, боясь окружения отовсюду стекающимися нашими войсками, отошел ночью и перешел Терек, не будучи замечен Фрейтагом, который расположен был близко к нему. С ним из Грозной пошло 800 казаков, командир Волгского полка с собой привел 600. Неужели не[кому] было хотя издалека наблюдать за действиями Шамиля. Это подпадает некоторому учету без всякой натяжки. В наше время скорее могло быть место излишне отважной предприимчивости, нежели излишне немцоватой* предосторожности. Нельзя оправдывать первой, но в теперешнем случае можно было с большим барышом вознаградить потерю, ибо, конечно, неприятель не скрыл бы своего движения и не ушел бы почти безнаказанно. Впрочем, говорят, что все теперь прекрасно и все худо было прежде. Почему и не так!

Фельдмаршал[10] исправляет в Польше la morale publique**, и кибитки во множестве пробегают в дальний путь через Москву[11]. Глухая есть молва, что драгоценная жизнь его была угрожаема опасностью, но Бог в милосердии своем сохранил ее для счастия отечества. Я не верю глупым слухам. Неужели полякам не выгоден правитель, который далее носа своего не видит?

Мелким бисером усыпавши страницы, я должен помыслить о ближнем из любви к человечеству.

Скажи мое совершеннейшее почтение милостивой государыне Наталье Григорьевне.

Желаю счастия доброму твоему семейству.

Будь здоров, продолжи бесценную дружбу душевно почитающему *Ермолову*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 24–26. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, [после 14] мая 1846

Почтеннейший Николай Николаевич.

Теперешнее положение твое называю я испытанием в терпении, сравнивая, разумеется, прежнюю деятельность твою; по роду занятий многоразличные соображения и глубокие размышления, нахожу, что весьма кстати навалил я на тебя дело размежевания, ибо этого одного довольно, чтобы истощить всякое, кроме твоего, терпение.

---

* Так в оригинале.

** Общественную мораль (*фр.*).

С вниманием и не раз прочитывал присланные тобой бумаги и вижу, что ты вникнул в них несравненно лучше меня, ибо иначе не мог бы ты составить сделанных тобой замечаний. Одно из них в выражении (уступаю), замененное словом *уступая*, обнаруживает искусство уничтожать могущие встретиться крючки. Не сидя в деревне и на деятельной службе этому не научишься!

Не хочу думать, чтобы посредник не вразумился в основательность твоих замечаний и, если, препроводит после этого на мое рассмотрение бумаги, я должен буду видеть в том намерение уловить мое согласие. Я намерен написать ему, что, желая уклониться всяких споров, хотя бы за пожертвование 27 десятин наилучшей земли, мог желать больших удобств, и в желании скорейшего окончания дела я соглашаюсь не иначе однако же, если сделаны будут поправки на основании твоих замечаний. Тогда не нужно уже будет ему сообщать мне бумаги, ибо я те же самые сделаю возражения и от того произойдет бесполезная потеря времени. Чрезвычайно обязал меня почтеннейший некогда сослуживец, вразумив меня в обстоятельства дела, ибо я признаюсь, что я ничего бы не увидел, совершенно не имея понятия о делах этого рода. Мне кажется, последнее предположение размежевания Власовской дачи выгоднейшим прежнего; правда что 27 десятин земли удобренной, но не 80 десятин, как того прежде требовал г[осподин] Апухтин. А удобрение будет впоследствии, и по качеству земли оно ме́ньших стоит затруднений, нежели во многих других местах. Возможность избавиться от г[осподина] Апухтина решила бы меня на большие пожертвования, столько я наслышался об этом герое. А между тем, цел будет участок леса, который должны мы были срубить для отдачи земли по первому предположению. Это не безделица, ибо продали бы на сруб-ку за бесценок, если бы сами снявши его утратили без у[по]требления в имении оброчном.

Разорил ты меня, давши 25 рублей Почтеннову[1] и решившись дать чувствовать, что я пущусь на употребление значительной суммы на перенесение трех однодворческих домов, *семидесяти пяти рублей ассигнациями*. Ты много взял на себя, а ежели бы получил письмо мое с князем Григорием Алексеевичем Долгоруковым, то не имел бы надобности присылать ко мне бумаги и план.

Не только, любезный друг, я благодарен буду за всякого рода издержку, которую заблагорассудишь сделать, но жалею очень, что прежде не пришла мне мысль посоветовать[ся] с Вами употребить некоторую сумму денег на облегчение размежевания предложением уплаты, вместо отходящей земли. Весьма бы могло случиться, что г[осподин] Апухтин, видя готовые деньги, согласился их взять вместо 27 десятин. По известной ценности земли и торговаться было бы мне у места. Деньги в руки и конец. Знаю, что с однодворцами это невозможно, но с помещиком весьма удобно. Купить же у него землю впоследствии, надобно будет совершать крепость и требовать отмежевания, что с подобным героем не обойдется без хлопот. Если бы возможно было теперь это сделать, я немедленно деньги выслал бы по извещении об его на то согласии. Подумай об этом, и нужно ли то для крестьян, а особливо, если удастся мне продать имение в казну?

Прежде прочтения бумаг твоих я думал, что уже кончено размежевание 2-го участка. Но это остается еще для твоего, любезный друг, терзания. Я почи-

таю неизлишним просить орловского губернатора[2] распоряжения, чтобы тому же посреднику поручил размежевание и второй моей дачи, что я и сделаю!

Вижу из письма собственные слова: *неисправных же сказал я бурмистру подписать не дам*. Чрезвычайно понимаю, сколько я за это должен быть благодарен, ибо я конечно бы тогда не усмотрел. Я должен признаться, что одно хорошо я понял, это план, и на нем назначенные, против прежнего, изменения.

Итак, почтеннейший Николай Николаевич, о теперешних делах более уже ни слова, но от меня прими усерднейшую просьбу с тем же великодушием и дружбой заняться рассмотрением остающегося 2-го участка на размежевание, и ты совершенно успокоишь старика-инвалида столько одинокого, что ему не к кому обратиться после Воейкова, озабоченного болезнью одного из его ребятишек и не расстающего[ся] с молодой женой.

Представь мое почтение, милостивый государь, Наталье Григорьевне. Мое к тебе уважение и преданность совершенны и не изменятся никогда.

Ермолов

Держу в руках копию с письма твоего губернатору князю Трубецкому, и точно такого содержания будет мое письмо к нему.

У тебя есть собственные топографы, и потому план, мне присланный, оставляю у себя. Ты всеконечно не остался без копии.

Брат Сергей Николаевич[3] женится на дочери Гежелинского[4]. От суетливости молод и жених, верно, ничего не писал тебе.

Несколько дней назад приехал сюда г[енерал] Гурко, оставивший линию после вторжения Шамиля. Подробно рассказав мне происшествия, он объяснил, что Шамиль ушел с незначительной потерей. Обманутый ожиданиями содействия кабардинцев, из которых немногие весьма с ним соединились, он удержан был недостатком продовольствия и в Черекском ущелье[5], стоял на одном месте пять дней. Генерал Фрейтаг преследовал, но не только не поражал его, но прибыл к Тереку тогда, как уже он переправился на левый его берег. Один встретил его на переправе полковник Левкович с двумя батальонами Тенгинского полка, 2 орудиями и 200 казаков. Дрался храбро и уступил превосходным силам. Фрейтаг, наблюдая движения его, спешил к Нальчику, чтобы соединиться с князем Голицыным[6] и прикрыть селения кабардинцев близ Малки лежащие, которые и остались покойными. Лагерь Фрейтага был в 14 верстах от Шамиля, почему и не мог узнать, когда он начал отступление, перешел Терек обратно на том же пункте. Преследовал один полковник Миллер[7] с 4 батальонами. С Шамилем была пехота и пять орудий артиллерии, и ничего в руках наших не осталось. Пехоту он распустил из лагеря при Череке, и она пошла по домам врассыпную, и потом сам перешел Сунжу беспрепятственно.

Приказ Воронцова заключает великолепную благодарность всем генералам и частным начальникам за распоряжения, быстроту, и что Шамиль конечно бы погиб, если бы долее остался на месте. Не обращено только ему в упрек, что он этого не сделал; впрочем сказано, что он бежал со стыдом, ничего не успевши сделать, и что конечно ослабеет власть его и влияние на горцев, что бегством он сделал себе величайший вред. Чрезвычайно между прочими выхвален Гасфорт[8], смелым движением малого отряда закрывший селения, лежащие по Малке. Словом, со стороны нашей все были герои и славны деяния их! Без сумнения посыпятся величайшие награды, чтобы

происшествия выставить в виде победы, что небесполезно и для иностранных журналов. Весьма любопытны предшествовавшие вторжению Шамиля распоряжения его. Он собирал в горах силы, и князья Аргутинский и Бебутов доносили, что они угрожаемы ими. Нестерова во Владикавказе удерживал он слухами, что хочет напасть на ингушские селения, и повыше Владикавказа показал силы, будто намеревается напасть на Военно-Грузинскую дорогу, что заставило отделить часть войск и прочие держать в соединении в ожидании известий, а сам перешел Сунжу и следовал в Кабарду. Это все сделано довольно расчетливо.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 26 об. – 29. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, [не позднее 28] июня 1846

Первым словом письма моего, почтенный князь Михаил Семенович, должна быть совершенная и искренняя моя благодарность, но прежде позволь сказать предисловие.

Совсем неожиданным образом прочитываю в высочайших приказах назначение двоюродного брата моего ген[ерал]-майора Ермолова[1] грузино-имеретинским гражданским губернатором. Знаю, что назначение не может быть без собственного твоего выбора, следовательно, лица тебе известного; но он не имеет счастья быть таковым, особенно или, по крайней мере, коротко, и потому я должен сообщить тебе о нем понятие. В нем все лучшие свойства родного брата его покойного Петра Николаевича[2], служившего при мне и которому ты оказывал благосклонное внимание. То же прямодушие и честность непоколебимая, правил строгих для себя, в поступках и действии без двуличия и ухищрений. Доброй воли и деятельности беспредельных и пламенных, собственно ему принадлежащих. Скажу в заключение, что всюду, где он служил, им были довольны, и даже *генерал Pom,* сохраняя доброе к нему расположение, всегда хорошо отзывается о нем. Ты можешь себе представить, что ты из него сделаешь, особенно в той степени, как он восхищен счастием служить под твоим начальством. Теперь только начинает он верить, что усердие его к службе может наконец быть ему полезным.

Давно замечал я, что гораздо выгоднее было бы ему носить фамилию Трандафилова[3], нежели быть одной со мною. Но ты один в могуществе твоем произносишь не только бесстрашно, но возобновляешь ее официально.

Воля твоя, но в грузино-имеретинском губернаторстве есть часть мне принадлежащая, и в противном никто меня не уверит. Сорокалетнее знакомство и дружба и некогда одинаковое положение много говорят [о] душе и чувствах человека, тебе подобного. Возражай после этого, что нет во мне хотя небольшой части губернаторства. Теперь, со всею откровенностью, должен тебе объяснить положение брата моего. Он никакого состояния не имеет; двух недель нет еще, как он женился, не полагая, что служба отвлечет его в край отдаленной, куда одно перемещение человеку женатому должно стоить значительных издержек, и ему во всей силе слова не с чем тронуться отсюда. Всем, особенно в некоторых чинах, даются деньги на подъем, а едущим в Грузию предпочти-

тельно. Ты, конечно, не откажешь доставить ему это необходимое пособие, не как изъявление внимания к лицу, чего, впрочем, может он ожидать, смотря на многих других, но как средство единственное доехать до своего места. Сделай это скорее и так, чтобы исходатайствованное пособие было ему переправлено на имя его в Москву. Тебе это ничего не значит сделать, а меня будет ужасно мучить, если он замедлит проездом и даст повод к невыгодному замечанию, и сверх того нелегко ему будет и тебя отыскивать: ибо скорость, с каковою переносишься, всех изумляет, и я с удивлением соображаю число выезда твоего из Тифлиса, прибытие в Шемаху и появление во Владикавказе.

Вздыхаю о том, кто после тебя возьмет тебя за образец для подражания. Разве одно, что после себя оставишь ему и занятий несравненно менее сложных, и предметы несравненно в меньшем количестве, и более начертанные пути для действий. Многих из твоих предместников было заботою разрушать то, что сделано прежде их, заменяя не всегда лучшими постановлениями; ты положишь конец произволу и глубоко проложишь пути, из которых не выйдут твои наследники. Это дело тебя достойное, и так должны быть наказаны интриги и происки. Ты навсегда врежешь в гранитные скалы Кавказа имя твое.

Последнее письмо твое из Темир-Хан-Шуры получил, но прежде уже знал от Булгакова о происшествии в Кабарде и бегстве Шамиля после бесплодного его покушения. Хорошо ты сделал, что сообщил ему о происшествии для предупреждения глупых здешних толков, которые, впрочем, гораздо менее, нежели прежде, отклонялись от здравого смысла. Вскоре все узнали истину, и доверенность к знаменитому начальнику всех совершенно успокоила. Из письма твоего вижу я, однако же, сколько ты не одобрил действия всех частных начальников[4] в отданном приказе, но усмотрено тобою, что могло быть что-нибудь другое или бóльшая связь в действиях. Кабарда есть та земля, которую знаю я в большей подробности. Однако же утешило меня, что лучшие фамилии остались верными[5], чувствуют выгоды их положения и только малое весьма число шалунов увлечены были Шамилем. Это впоследствии послужит вразумительным наставлением для других и воздержит Шамиля от безрассудных надежд на кабардинцев, на которых смотрят многие другие. Все время думал он поколебать закубанцев, когда многочисленнейшие племена их пришли в покорность и готовятся отправить депутатов. На них он не должен уже рассчитывать, когда до сего времени они отвергали его внушения и не следовали его замыслам. Кто знает край и народы, должен ожидать следствий, которые вскоре обнаружатся. Немаловажна заслуга карачаевцев, по местности их стоящих внимания. Посмотрим; а Шамилю, кажется, это не нравится!

Уверен, почтеннейший князь, что с проложением дороги до хребта Анд[ий]ского и когда небольшое число войск, не обнаруживая намерений долговременными сборами и приуготовлениями, может являться внезапно по разным направлениям и безопасно, всегдашнее ожидание Шамиля нападений и разорения многих из его приверженцев заставит отклониться, искать пощады и покориться власти нашей. Без сомнения, многие пожелают водвориться на плоскости и теперешнюю нищету свою обменять на изобилие и приволье. Ты все это совершишь и скорее, нежели многие думают.

Не сравниваю я с Шамилем беглого грузинского царевича Александра. Он был ничтожен по глупости своей, но долго возмущал горцев, получая из Персии деньги, и даже делал вторжения в Кахетию. Но, страшась оружия нашего, сильные общества горцев его оставили, и он с малым числом окружавших его, скрываясь некоторое время между анцу[н]цами, должен был бежать в Персию. Конечно, более несравненно средств у Шамиля, и он еще противиться может; но Казыкумык принадлежит нам, Акуша и Зудахара в совершенной покорности и во вражде с ним, и я ожидаю, что он кончит путешествием в Мекку. Наследников же его будут выгонять сами горцы, конечно не почитающие весьма сладостною зверскую власть его.

Мало назвать великодушием внимание твое на *унтер-офицера Кучина,* и я, по приказанию твоему, утешил старика отца его, моего некогда товарища по службе. За тебя усердны его молитвы!

Ты избегаешь благодарности моей; ибо, внимая просьбам моим, исполняешь их и даже не уведомляешь о том. После узнал я от сына покойного Розена, что снято запрещение с имения его, и ты не говоришь ни слова. Дошел до меня слух, что и по просьбе жены покойного последнего грузинского царя Георгия ты дал самое великодушное мнение и сделал представление, но ты не говоришь ни слова. Угождая тебе, я не буду благодарить; но ты не отнимешь у меня права говорить тебе самому о том, чтоб ты сделал. Мог бы немало сказать и о детях моих, на которых столько милостиво твое воззрение, что я перестал их уже называть сиротами.

Прощай. Да благословит Бог успехом твои все действия и навсегда!
Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 147–150 об.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Петергоф, 28 июня 1846

Я приехал весьма хорошо и скоро и теперь, любезный брат Сергей Николаевич, живу в Петергофе, где и было празднество[1] и приуготовляются другие великолепнейшие[2], Государю Императору я имел счастие представиться 24-го числа. Здесь много иностранцев, прибывших и ожидаемых, много наших от разных пределов нашей Матери России. На что не взглянешь, везде отпечаток величия Ея Государя, Ея самой могущества!

Простого солдата далекого от пышности двора, как я, все до чрезвычайности удивляет, и я в беспрестанной работе, чтобы не казаться странным и вроде принадлежащего к депутации абазехов, которая, к удовольствию моему, не успела еще прибыть.

Здесь мало встречаю я из прежних моих сослуживцев, что нехотя заставляет заметить, что принадлежишь к числу стариков. Все почти незнакомые, но это уже по причине отдаления моего от всего значительного в настоящее время.

О назначении твоем, единственно по теперешней суматохе, не успел я узнать ничего положительного, но едва ли не основательно мое предположение,

что оно отсюда происходит. Так мне сказывал некто, но, впрочем, не утвердительно. Впоследствие постараюсь разведать! Как бы то ни было, все очень не худо[3]! Поцелуй ручку твоей милой жены за меня, кланяйся всем нашим родным и брату моему Льву Васильевичу[4]. Скажи мое почтение душевное Владимиру Ивановичу[5] и Николаю Онуфриевичу[6], также Пражевскому[7], которого люблю как брата. Прощай, будь благополучен.

Ермолов

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–13 об. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Петербург, 10 июля 1846

Жаль мне будет, любезный брат Сергей Николаевич, если я не застану тебя в Москве, помня, что ты не располагал пробыть далее 20-го числа. Я не надеюсь к тому числу возвратиться! Празднества здесь во множестве и великолепнейшие, но, однако же, я мог бы найти время писать тебе, если бы не вчера только узнал относящиеся до тебя подробности.

Князь Воронцов представил в губернаторы генерал-майора Муравьева, основываясь на вопросе, сделанном ему военным министром в феврале 1845 года о том, найдет ли он возможным употребить его на службу в Кавказском крае, как того желал Муравьев. К[нязю] Воронцову, по Высочайшему повелению, отвечал военный министр, что Муравьев получил уже назначение в Тулу[1] и что Его Величество предоставляет князю Воронцову избрать другое лицо по собственному его усмотрению и если он не имеет никого в виду и затрудняется в выборе, то Государь Император предлагает ему двух, непосредственно Его В[еличеством] избранных кандидатов, генерал-майоров: во-первых, и преимущественно, Ермолова 2-го, который до полковничьего чина служил в Генеральном штабе, потом командовал полками, 29 егерским и Брестским пехотным, а в настоящее время находится командиром 1 бригады 18 пехотной дивизии и, во-вторых, Казадаева[2], который служил в артиллерии, командовал Украинским уланским полком, исправлял должность начальника штаба 2 резервного кавалерийского корпуса и ныне считается в запасных войсках. В записке, представленной Государю, поименованы были генерал-майоры: Грессер 1-й[3], Корф 2-й[4], Ермолов 2-й[5], Дараган[6], Казадаев[7], Гогель[8], Дюгамель 2-й[9] и Лутковский[10]. Итак, ты видишь, что мои догадки основательны и что назначение твое проистекает от собственной воли Императора, что, конечно, ты примешь за величайшее счастие. В большее доказательство скажу, что к[нязь] Воронцов от 14 мая 1846 г. просил военного министра исходатайствовать определение Ермолова 2-го, как сановника всем известного за Кавказом и имеющего счастье пользоваться милостивым вниманием Его Величества.

В докладе последовало назначение 5-го июня, указ Сенату дан 7 июня и отдано в высочайшем приказе 8 июня. Вот тебе все обстоятельства в самой точности. Ты не менее меня знаешь обязанности употребить все возможные усилия и усердия заслуживать милостивое Государя Императора воззрение,

и твоя будущность и все твое счастие будет от того зависеть. Не щади никаких трудов и приложения и старайся познакомиться с новою твоею должностью. Ты способен допустить большой степени деятельности, и я знаю, сколь пламенна твоя добрая воля. Бог благословит тебя! Поцелуй ручку любезной сестры Марии Григорьевны, я желаю ей твердости при расставании с семейством.

Кланяйся всем родным нашим. Желаю тебе счастья!

Ермолов

Губернатор в Грузии получает серебром жалования 3000; столовых 2000 рублей, квартира там готовая.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 14–15 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Петербург. 17 июля 1846

Почтеннейший князь Михаил Семенович!

Ты удивишься, получив письмо мое из Петербурга, где я вижу себя не без удивления. Впрочем, я чрезвычайно был доволен свидетелем бывши и радостных и великолепных празднеств, каких я не видывал. Здесь я нашел все наполненное рассказами, молвою о твоих действиях. Я имел счастье из уст самого Государя слышать самую лестную похвалу твоим распоряжениям и его на тебя надежды. Это ты лучше меня знаешь.

Письмо твое передал мне сын ауховского кадия вскоре после писанного из Темир-Хан-Шуры.

Это письмо мое представит тебе артиллерийский офицер Давыдов[1], сын известного тебе *Дениса партизана-поэта*. Он пылает желанием служить под твоими знаменами, и конечно, нельзя не одобрить подобную мысль в молодом человеке. Удостой его твоего воззрения, чем и меня одолжишь, как близкого ему родственника.

Желаю от души тебе успехов, и они потому необходимы, что после тебя трудно будет всякому другому приобресть их.

Прощай!

Весь твой *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 153–153 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 30 июля 1846*

Почтеннейший князь Михайло Семенович.

Письмо твое мне доставил Дукай-кади[й][1] во время пребывания моего в Петергофе.

Всякой день видал я его и любовался поведением его чрезвычайно пристойным и отлично скромным. Он человек постигающий, что ему полезно

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

быть преданным правительству и лично тебе совершенно приверженным. Государь Император удостаивал его постоянного благоволения, и вся царская фамилия была к нему очень милостива. Он был свидетелем величия двора, блистательного великолепия по случаю бракосочетания великой княжны и необыкновенного стечения людей разных наций, что приметным образом его изумляло и, конечно, оставило в нем навсегда сильное впечатление. Все осматривал он с большим замечанием, и я ожидаю, что рассказов будет без конца. Гвардия в лагере в Красном Селе; он смотрел с почтением на войско, не имеющее подобия себе по красоте. Едва верил он глазам своим, смотря на блистательный вид гвардейской кавалерии.

Дукай-кади[й] теперь у меня в деревне и просит к тебе письма. Скажи ему несколько ласковых слов, что посетил меня. Нужно восстановить меня в его понятии, ибо я приметно терял в глазах его, когда в городе видел он скудный дом мой и теперь видит настоящую мою деревушку. Воображение пылкое азиатца не могло быть удовлетворено скромною наружности всего окружающего меня и образом жизни уединенного человека. Чувствую по себе, что невыгодно будет для твоих наследников, если в них будет он отыскивать сходство с тобою. Горе им, а едва ли возможно быть иначе.

Приласкай его: он точно того достоин! Скажу в простых выражениях: ты прислал человека, который не ударит лицом в грязь, и лишь слово о тебе, он неистощим в повествованиях, и обнаруживается душа, которую ты воспламеняешь.

Таковы должны быть окружающие тебя!

Прощай, вскоре буду писать тебе пространнее. Всех благ тебе желаю от души и всех ожидаю успехов.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 151–152

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Осоргино, начало августа 1846]

Любезный брат Сергей Николаевич. Письмо твое получил. Порядочный человек, каковым слывет Григорий Федорович[1], должен, воля его, быть точным в слове. Обещал приехать 5 числа, написал письмо, что в подмосковной будет 7 и, наконец, этого числа явился пред вами неожиданно. Если бы это мог я предвидеть, а потому и скорейший отъезд, не для чего было бы мне уезжать в деревню, и я с тобою бы простился и тогда уже в мое майоратство!

Грозит ненастье и уже началось гнуснейшее, но, невзирая ни на что, приеду с тобою проститься 10-го числа непременно, а может быть, и завтра к восьми часам вечера. Наведайся! Прощай!

Душевно любящий *Ермолов*.

Воскресенье.

2 ½ часа пополудни.

Его превосходительству Сергею Николаевичу Ермолову.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об. – 16. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 14 августа 1846*

Почтеннейший князь Михаил Семенович.

По возвращении из Петербурга сижу в деревне, но не здоров и потому доселе не писал тебе. Предо мною лежат сокровища: полученное письмо твое от 1 июля из Владикавказа, заключающее в себе множество предметов весьма важных и для меня в особенности любопытных; карта, доставленная мне Сафоновым[1] по твоему распоряжению, описание военных действий прошедшего года и другие, только что вчера доставленные чертежи. На все буду отвечать и многое буду спрашивать, дабы не остаться в недоразумении.

Но теперь спешу обратить к тебе несколько слов и не знаю, могу ли сметь обратить просьбу, ибо совершенно не знакомы мне обстоятельства дела, но само оно такого рода, что я желал бы найти путь к твоему состраданию и тронуть благородную и высокую твою душу.

Между подчиненными твоими служащий артиллерийским офицером *Свешников*[2] имел несчастие впасть в преступление и теперь содержится в крепости в ожидании приговора, который едва ли может дать ему надежду заслужить его или, лучше сказать, смыть его своею кровью. Пред глазами моими сестра несчастного, молодая девушка, растерзанная случившимся с ним происшествием и, конечно, не менее его страждущая от боязни, чтобы известие о том, дойдя до престарелой матери, не причинило ей смерти, по чрезвычайной ее к сыну привязанности.

Я не знаком горестному семейству, но, услышав о бедствии брата, видя сокрушение молодой девушки, готовой искупить его, буде бы возможно было, своею жизнию, я не остановился минуты писать тебе, воззвать к великодушию твоему. Беспристрастно ходатайство мое, и его призывает бедственное положение целой семьи. Ты один в состоянии сколько возможно помочь несчастному. Пусть будет он солдат, и еще найдет он услаждение, если будет под повелениями знаменитого начальника! Спасти, исправить, дать случай облегчить собственною жертвою сделанное преступление — есть дело тебя достойное. Займись этим, и Бог благословит тебя спасти жертву безрассудной порывчивости и минутного отсутствия здравомыслия. Я осмелился уверить несчастную сестру, что ты сделаешь все, что может допустить твое достоинство и совесть, и что просьбу мою не примешь с равнодушием.

Прощай, будь счастлив.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 154–155

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 31 августа 1846***

Почтеннейший князь Михаил Семенович.

Не престаю удивляться твоей неимоверной деятельности, знаю, что все время у тебя наполнено занятиями важными, но при всем том ты находишь

---

* Помета А.П. Ермолова: «Из деревни».

** Помета М.С. Воронцова: «Пол[учено] 26 сент[ября] 1826».

возможность писать ко мне и ты можешь себе представить, как я должен быть за то благодарным.

В то же самое время, при совершенной праздности моей по произволу распоряжая[сь] моими занятиями, не умел отвечать тебе на письма, начатое в Нальчике 5 мая и отправленное из Темир-Хан Шуры и другое из Владикавказа от 1-го числа июля. Теперь приступаю к сообщению тебе моих мыслей на некоторые предметы, в них заключающиеся.

По описанию твоему вторжения Шамиля в Кабарду вижу, как происходило оно настоящим образом, тогда как слухи о том распространились превратным и бестолковым образом. Впрочем, оканчивалось общим заключением, что надлежало, по крайней мере, нанести ему чувствительное поражение, которого он умел избежать. Многие замечали, что Нестеров ничего не сделал, Фрейтаг мог сделать более, а Миллер[1] не задержал на переправе в обратном пути[2]. Моего нет ни малейшего суждения: ибо совсем не знаю я Нестерова, знаю Фрейтага как отличного генерала, имеющего обширные соображения, о Миллере слышал многие похвалы. Верно, что бесплодная попытка Шамиля никого не приохотит к подобным предприятиям, и конечно, не выиграл он в мнении горцев и не приобрел большой доверенности. Это еще лучше докажут последствия. Я не обманулся, полагая, что Большая Кабарда останется спокойною. Она сделалась слишком богатою, и внимание к ней начальства издавна благотворно. Малая Кабарда слаба и противостать не имела способов. Я очень жалел, что *Бекович*[3] не попался Шамилю: он научил бы его быть благороднейших свойств. Как не похож он на молодца покойного его брата! Хорошо чрезвычайно ты сделал, что наказал эфендия Шаратлука[4]: этот плут обязан быть приверженным!

Князю Голицыну были, как говоришь сам, трудные минуты до прибытия Фрейтага; но ты, как видно, доволен был им; а мне сказывали, будто ты удалил его от командования в Кабарде. Нельзя не сказать спасибо карачаевцам, что не пристали к Шамилю: это уже признак большой доверенности к тебе и надежды на твои распоряжения; это умножит моральную нашу силу!

Благодарю за благосклонный отзыв в письме твоем насчет брата моего, назначенного губернатором. Надеюсь, что усердием к службе и расторопностию он приобретет милостивое твое расположение, невзирая на то, что род службы совсем для него новый. Офицер он был годный, а раны его доказывают, что и смелый, ибо одна из них белым оружием[5].

По письму твоему он хорошо принят был военным министром, но в рассуждение испрошения ему пособия он это совершенно оттолкнул от себя. Поздравляю тебя с восстановлением приятных с ним письменных сношений (после некоторых маленьких, как ты говоришь, экспликаций). Могу сказать на это, что многие сумневаются в возможности дружественного его расположения и даже смеют думать, что нет в нем большой к тебе нежности.

Совсем другой человек *мой приятель* фельдмаршал, совсем и не вспоминает о тебе и, конечно, не от равнодушия, а от зависти, что ему никогда не было дано подобной власти. Во время пребывания моего в Петербурге беспрестанно слышал я разговоры о Кавказе, любопытство о том, что там происходит, удовольствие при известиях приятных и любопытных. О тебе разго-

воры с изъявлением особенного уважения. Один *мой приятель* не произносит никогда имени твоего и, кажется, не почитает возможным сделать что-нибудь лучше его. Разве сам всевышний ухитрит кого-либо! Однако же мне случилось слышать, что он будто отзывался благодарным, что ты оказывал внимание его сыну[6]. Видишь ли, что я не ищу ссорить тебя с *моим приятелем*!

Запрещение снято точно с имения покойного барона Розена, которого ты назвал почтенным в письме твоем, чего, по справедливости, он достоин. Ган очернил его гнуснейшим образом в мыслях Государя, и ничего не смеют сказать в оправдание или в похвалу действий покойного. Горько видеть, что всякий бестия может вредить усердному и доброму служивому! Когда-нибудь возобновить в памяти его (réhabiliter)* есть дело тебя достойное!

В рассуждении дела грузинской царицы Марии, оно, невзирая на могущественное предстательство твое и доказательства основательности ее претензий и даже их умеренности, отказано и ей объявлено. Ты верно угадал, что министр внутренних дел[7] обиделся тем, что ты должен был сказать о прежних по этому делу действиях; мне сказывали, что в *Перовском* не замечается большой к тебе нежности, и что едва ли не потому только одному царица испытала отказ. Какая великодушная справедливость! Видно, однако же, что с твоею огромною властью, со всеми пышными к ней прибавлениями, ты не совсем отделался от министров, и Перовский может делать тебе пакости!

Ты смеешься над предсказаниями моими, что Шамиль, посланник Магомета, отправится на поклонение его гробу; но меня не оставляет эта мысль, и я вижу из письма твоего, что многие из горцев, и даже некоторые значительные лица, высказывают негодование свое на жестокое правление его и власть, достигающую до степени невыносимой[8]. Такое положение может продолжаться от единого бессилия стряхнуть тяготеющее иго, а не от недостатка доброй воли то сделать. Народы эти будут искать помощи в оружии нашем и потом защиты от мщения Шамиля. Он, теряя покорствующих и лишаясь средств питать алчность приверженных ему мюридов и содержать их в большом количестве, будет укрываться между малолюдными и бессильными племенами и, чтобы не быть изгнану, должен будет удалиться добровольно. Держись с постоянством системы проложения свободных сообщений, и, беспрепятственно являясь на них внезап[но] и угрожая женам, детям и имуществу, ты непременно восторжествуешь, и верь, что нет упорства, могущего противостать постоянно грозящей гибели.

Я не столько безрассуден или, лучше сказать, не имею безумия сравниваться с тобою, и по средствам, которыми я распоряжался, я пред тобою как скудный чернорабочий пред сильным господином; но и я находил многих страшившихся внезапного моего появления. Суди же, что ты можешь сделать с твоими грозными силами, со средствами огромными, и перестанешь смеяться над предсказанием.

Благодарю за уведомление с некоторою подробностию о местах, где возводятся новые укрепления. Я хорошо помню реку Оссу, место, где Ачхой, и простирающуюся оттуда равнину к Карабулакам и далее до Галашек. Везде я тут

---

* Реабилитировать (*фр.*).

бывал. Знаю в кумыкских владениях прекрасную речку Ярык-су: где ты строишь укрепление. Знаю лежащее на Сулаке хорошенькое селение Чир-Юрт, которое я с левого берега из Болтугая зажигал каленными ядрами. Неприятель, в больших силах и укрепленный, закрывал дорогу в Мичик, а у меня было пять некомплектных батальонов, но в числе артиллерии было несколько батарейных орудий.

Воображаю, как не порадуются горцы водворению на Сулаке Нижегородского драгунского полка, и мудрено будет, если вторгающиеся шайки хищников на Терек будут уходить обратно.

Надобно будет, почтеннейший князь, иметь Мичик в совершенной власти и истребить пристанище злодеев в Маюртупе. Тогда все течение Терека будет охранено: и Брагунское селение, и Старый Юрт сделаются честными, какими еще не бывали.

Князь Бебутов описывал мне, как он сопровождал тебя по земле Акушинской, и объяснял дело наше при Лаваше[9], и как ты терпеливо выслушивал мелочные подробности.

Не знаю, почему вздумал ты, что я не люблю Аргутинского. Я вижу в нем человека полезного, сторону, в которой он употреблен лучше знающего, нежели все другие начальники, так же как и народы, против которых он действует. Ни у кого нет людей, доставляющих вернейшие сведения. Знаю и многие другие свойства похвальные, которые ты в нем заметил. Но ты, конечно, согласишься, что выгодно распоряжаться по собственному произволу и тогда, когда хочешь, а не действовать по указанию старшего и не иметь наблюдателей, могущих делать замечания. Аргутинский видел начальника тебя первого, ибо никто прежде тебя не имел подобной деятельности и подвижности. Ты посетил каждого из отдельных начальников и еще не раз увидишь их.

Я сужу об Аргутинском по прежнему времени и делам, и многие из них знаю не хуже тебя, как и то, что верили его реляциям и, на них основываясь, его превозносили; а не всегда трудно было бы сделать более точное определение и вывести результаты. Опять скажу о выгодах отдельного действия, весьма часто не входящего в общую связь операций.

Не почитай меня, почтеннейший князь, разделяющим со многими другими невежество о происшествиях в вашей стране. На меня смотрят как на старожила любимой мною страны, и многие сообщают мне все любопытное и достойное внимания.

Итак, не думай, чтобы я не любил Аргутинского, особенно когда к тому не только не имею я причины, но почти его и не знаю. Также не могу и до того быть безрассудным, чтобы не почитать его весьма полезным для службы в краю, где пред многими имеет он чрезвычайно большие преимущества; но в то же время не боюсь впасть в большую погрешность, не находя в нем тех свойств, которые могли бы Тюрену и Вилларду служить украшением[10]. Впрочем, ты это лучше определить можешь; ибо, направляя его действия, ты должен наблюдать за исполнением, и от тебя трудно чему-либо укрыться. Некогда Головин утверждал, что если бы удалось еще Аргутинскому одержать победу

такую, как при с. Кулулы[11], то горы, конечно, подпали бы безусловной покорности. Какие сладкие мечтания! А были и веровавшие им!

Теперь перейдем к другому пункту письма твоего, к производству князя Эристова. Ты возразил мне самыми сильными аргументами, выставивши имена Бибикова[12], и Шуберта[13], но из них каждый в своем роде оказывал заслуги и приносил пользу. Эристов[14] почтен был за его храбрую и усердную службу и награждаем. Я себя могу поставить примером в оказанном уважении к его заслугам; ибо, когда невозможно было сумневаться в его сумасшествии и когда на одежде жены своей ловил он рукою чертей, как мух, я сумасшествие преобразил в белую горячку и не помешал производству его в генерал-лейтенанты. Он, стоя в Кахетии, пропадал по ночам с квартиры в одной рубашке, и, конечно, нельзя было назвать того сентиментальными прогулками; но я сберег имя его. Ты говоришь: «Конечно, ты видел в нем подчиненного, которым ты имел случай быть недовольным; но это дело прошедшее» и проч[ее]. На это отвечаю, что по службе всегда я им доволен был, и если бы осмелился он преступить обязанности подчиненного, то мне легко было показать ему на вид пребывание в России и в жилище под желтою краскою[15].

Мне представился один случай, в котором почувствовал я высокое презрение к Эристову. Мне было уже объявлено, чтобы я отправился в Россию; на место мое был назначен великий Паскевич, и Дибич[16] еще не уехал из Тифлиса. Дворянство грузинское давало обед обоим вельможам. Депутация от дворянства послана была пригласить их, и в зале выставлена была картина с изображением богини Правосудия, и подписано было число прибытия в Грузию Дибича. Картина сочинена была Кургановым[17], более известным под именем *Ваньки-Каина*, и выставлена по настоянию Эристова, который красноречиво объяснял изображение оной. Подлого дурака офицеры заставили снять и спрятать картину до прибытия к обеду обоих вельмож. За обедом Эристов встал из-за стола и, стоя за стулом их, пил их здоровье, и между самыми подлыми ласкательствами называл Паскевича отцом, данным Грузии. Я один из русских не был приглашен на пир, натурально, чтобы не был свидетелем их гнусной низости. Я никогда не показал негодования моего Эристову, и было бы несправедливо отдать ему преимущество в подобных действиях, когда могут их оспаривать многие другие.

Ты говоришь, что «производство его должно быть приятно для всей Грузии и для всей армии». Для сей последней, сумневаюсь; для Грузии непременно, ибо возбудит надежды, в подобных ему, на производство после 18-ти лет совершенного бездействия. А, право, не надлежало раздражать моего *доброго приятеля*[18], у которого из-под носу выхватил Эристов резиденцию наследника Персии[19]. Он не умел простить ему невинного его поступка и не понял, что самого его привел туда за нос Муравьев. Этому *друг мой* доселе отмщевает порядочно!

Прошу, почтеннейший князь, не сердиться, что производство Эристова я принял за опыт вашего могущества, которому верю я и без подобного доказательства.

По приказанию твоему г[осподин] Сафонов доставил мне карту Кавказа в 20-верстном размере, какой у меня не было и которую потому не отдал я Бог-

дановскому[20]. Но чтобы иметь мне понятие о действиях, невозможно обойтись без карты пятиверстной, по крайней мере, театра войны в Дагестане. Ты не любишь, чтоб они затемнены были красками, а для меня необходима топографическая карта.

Я любовался доставленною мне картою похода в Андию и Дарго. Как хорошо выгравирована! Я пороптал немного, что в мое время не было ни одного топографа, которые присланы были для Персидской войны, следовательно, пред самым моим изгнанием.

Получил я также описание похода. Не всякий, по крайней мере, будет судить по-своему: ибо есть подробности, объясняющие происшествия.

Ты драгоценные даешь мне подарки, ибо направляешь понятие мое, которое могло бы погрешать, и довольно грубо. Расстилаю пред собою карту; но нет у меня такой, по которой бы мог следовать за движениями в горы. Дожидаюсь, и я писал об этом г[осподину] Сафонову, который, конечно, напоминать тебе будет.

Из слов твоих вижу, что твой обер-квартирмейстер[21] не взялся за свое дело и помогает начальнику штаба[22]. Примечаю страсть в настоящем времени к помощникам, и скоро будут свои у сих последних. Видел в Петербурге генерал-майора Гогеля, который весьма деятелен, как я слышал, и знает дело. Недавно узнал я, что ты сам выпрашивал Коцебу, следовательно, ты хорошо его знаешь!

Повторю слова письма твоего: «С сего же месяца я велю начать делать для тебя записку для отсылки по крайней мере два раза в месяц о[бо] всем, что здесь делается».

Весьма приятно видеть, что патриарха Нерсеса[23] ты разумеешь, как он достоин. Воображаю, если бы *друг мой* не изгнал его и не был бы он праздным 15 лет, что бы мог он сделать для пользы страны. Это человек высоких способностей.

Нельзя без особенного уважения смотреть на многоразличные предприятия твои, во многих местах приводимые уже в исполнение. Постигаю пользу возобновления водопроводов, делавших Эриванскую провинцию чрезвычайно плодородною и брошенных после барона Розена. Они были причиною, что некогда население в Эривани не уступало в многолюдстве центру Германии. Я удивлялся тому в 1817 году.

О положении разного состояния мусульман я нечто слышал в Петербурге, но неосновательно. Хорошо определить их права и изгладить пагубное впечатление, произведенное в них Ганом. Жаль, однако же, если всякая негодная сволочь из беков и агаларов возведена будет в достоинство дворян, которое и без того довольно уже упало. Есть, конечно, между ними фамилии, отличающиеся давностью их происхождения, некогда богатством, предоставлявшим большие им преимущества и сильное влияние, фамилии, которым трудно отказать дворянство; и таковым, в прежнем при мне положении, не возбранялось представлять в герольдию права свои на удостоение дворянства. Я привык знать, что все постановления моего времени принимались за бессмысленные; но их, конечно, не поправляли умствования г[осподи]на Гана, которые Головин почитал даром небес, ниспосланным для счастия Грузии[24].

Я был в Петербурге свидетелем благодарности, изъявленной депутацией, присланною из Тифлиса, за этот дар небес. Ты говоришь, и я верю, что теперь составленное положение утвердит спокойствие и верность к нам мусульман, которые вообще приняли его с большою благодарностью. Это твои собственные слова.

Уразумеваю неудобство от присоединения Имеретии к Грузии и потому намерение твое составить особенную область[25]. Как хорошо, что ты видишь все собственными глазами и, конечно, соорудишь себе памятник и в признательности самого правительства.

Не решаюсь ничего сказать насчет учреждения Эриванской или Армянской области, ибо не знаю причин к тому побуждающих, но всеконечно они тебе представились. Одно подпадает понятию моему, что Эриванской и Нахичеванской провинции мало весьма для составления области, к которой, конечно, отойдет и Шурагель[26] до хребта гор Безобдала, затем останется Грузинская губерния весьма незначительною[27]. Впрочем, рассуждение мое должно уступить твоим распоряжениям, на точнейших соображениях основанным.

Твоею давнею мыслию было учреждение прибрежной дороги от Сухум-Кале до Редут-Кале[28], нужной в случай предоставления свободной за Кавказом торговли, которую ты настоятельно требуешь и которую, как кажется, неохотно допустить желают. Впрочем, не думаю, чтобы тебе противостать умели. Пользу того ты гораздо лучше знаешь. Паромные переправы чрез Кадор и Ингур не без затруднений совершаться могут; но ты без сумнения, имея все под глазами, удостоверился в возможности. Безопасность их потребует некоторых мер, но ты все для того имеешь.

Восхитился я описанием дорог от Редут-Кале до Кутаиса, и далее до Сурама[29]. Весьма удачно распорядились чиновники путей сообщения, что наконец не было проезда, и около шести месяцев дормез[30] твой путешествовал до Тифлиса. Хороши и их распоряжения, что Военно-Грузинская дорога оставалась без внимания, и все оно обращено было на новую дорогу, проводимую чрез Гудашаурское ущелье, которое в пять лет готова еще не будет. Я тебе вскоре пришлю маленькую записку о дороге, несколько раз осмотренной чрез горы на Кавказскую линию в мое время. Брось на записку взгляд твой; буде не годится, ты раскуришь ею сигарку, и дело кончено, и я ни слова! Некогда говорил я о ней Государю Императору; приказано было осмотреть ее, и это исполнено не было. Могла эта дорога представить удобства (и я знаю, что таковых много), но затруднительно было сказать, что она хороша или лучше теперешней Военно-Грузинской: нельзя было похвалить ничего до меня касающегося, и *мой приятель* мог оскорбиться, что при нем это из виду упущено было, или если бы было найдено полезным, что он не хотел найти это таковым. Невольно обнаружилось бы его благосклонное и великодушное ко мне расположение.

Весьма понимаю, какие важные доставит выгоды шоссе, учреждаемая до с[еления] Ахты. Я не только это видел, но даже целое лето продолжались у меня работы дороги чрез гору Сальват, где отрядом командовал подполковник, теперешний генерал-лейтенант, граф Симонич[31]; но работы при первом вскрытии весны разрушены были водами, единственно потому, что место и направ-

ление избраны были совершенно неудобные подполковником Торри[32], офицером, имевшим, впрочем, познания и достоинства. Впоследствии я не имел возможности продолжать этой дороги по обстоятельствам, отвлекшим средства мои на другие предметы. Гораздо после все это приписано генералу Головину, и ему отнесена честь сего соображения. Кому мог я объяснить, что эта мысль принадлежала мне, когда и теперь никто не хочет меня слушать? Ты один смеешь иногда произносить мое имя безбоязненно. Впрочем, любезнейший князь, я давно уже сделал замечание, что у нас гораздо выгоднее быть забытым, нежели худо знаемым, и давно уже из самого опыта утверждаюсь я в этой истине!

Здесь слышал я, что проехал твой адъютант князь Дундуков[33], и некоторые слышал подробности о выигранном сражении князем Аргутинским, которое должно произвести сильное влияние на горцев. Полезный дан урок гнусному изменнику, елисуйскому султану[34], и я уверен, что он себя подверг поражению против воли осторожного Шамиля. Подобное приятное известие мог бы сообщить кто-нибудь из окружающих тебя; но все молчат, и я заключаю, что ты не успел сделать обещанного распоряжения, чтобы в случаях важных доставляли мне о них сведение.

Приятно мне знать, что ты обещаешь себе некоторое время отдохнуть на полуденном берегу Крыма. Это лучшее доказательство, что дела управляемого тобою края приняли совершенно другой вид, что без всякого неудобства можешь отлучиться. Предместники твои, конечно, мысли подобной не допускали! При твоей, скажу опять, неимоверной деятельности, тебе не бесполезно отдохновение. Думаю также, что вскоре найдешь возможность посетить и Петербург или, где ближе, иметь свидание с Государем.

Бедному Дадиану ты оказал пособие сложением взыскания. Так ты его назвал, и поистине бедный Дадиан! Уже девять лет нет облегчения в его участи, и только позволено ему временно приезжать в Москву для свидания с престарелою матерью, которая почти уже не имеет движения. Горестно положение его!

Благодарю за милость к старшему моему сыну[35]. Привыкши видеть великодушное к ним внимание, я ему не удивляюсь, но от того не менее понимаю, что они должны почитать себя особенно счастливыми. Я по себе знаю, что значит маленькому офицеру взгляд главного начальника, от которого зависит успех его по службе. Мои же дети никогда не надеялись иметь покровительства не только начальника могущественного! Им внушено мною, как они должны служить, чтобы сделаться того достойными.

Конечно, наскучил я тебе письмом моим, но ты сам виноват в том, ибо ободряешь меня сообщать тебе все, что придет мне в голову, и я не могу упрекнуть себе, чтобы недобросовестно исполнил твою волю.

Прощай, желаю тебе успехов и счастия, тесно соединенных с пользою любезного отечества, которое всего от тебя ожидает!

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 156–169 об.

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], сентябрь 1846

Почтенный князь, Василий Осипович. Между прочими и до меня дошли слухи о счастливом сражении с горцами кн[язя] Аргутинского[1] и, вероятно, хорошем, ибо не было разноречивых суждений.

Один из приезжих с Кавказа говорил мне, что знатные господа, прапорщики Ермоловы удостоены милостивого отзыва их начальника, а к большему еще удовольствию моему, знакомый мне, приехавший из Петербурга, имел от кн[язя] Долгорукова[2], начальника штаба его высочества генерал-фельдцейхмейстера, поручение сообщить мне, что они кн[язем] Аргутинским представлены как отличившиеся и он особенно отзывается о них благосклонно.

Боялся я прежде Казикумыка, который имел славу страны самой нездоровой; но если обдержались мои юноши, то, конечно, нет лучшего назначения для служащих без покровительства. Когда на других пунктах может продолжаться бездействие, тут сметливый начальник всегда имеет возможность возобновлять успехи, покоряя распоряжение собственному произволу и времени собственно избранному, не вводя действие в общую связь плана. Этими преимуществами пользуется один кн[язь] Аргутинский, и пользуется, конечно, весьма искусно.

Жизнь моя летом в деревушке, которую ты, любезная собственность, один раз посетил, причиною, что проезжавших с Кавказа многих видеть мне не удалось, а потому и не богат я сведениями; впрочем, всегда попадал на радостных вестников о водворяющемся спокойствии, о том, что между горцами приметно охлаждение к Шамилю, что тягостна им зверская его власть и при всяком случае обнаруживается уменьшение к нему доверенности. Это, конечно, утешительно, если решаешься тому поверить. Я из числа тех, которых доверенность не поколеблется даже от слухов, будто Шамиль явился пред Внезапною и будто чрез форштадт. Не понимаю, где мог он пройти с артиллериею, когда вблизи ужасающее укрепление при Чир-Юрте, когда неподалеку прибывший Нижегородский драгунский полк, который назвать можно окрыленным войском, не долженствующим терпеть горцев на Кумыкской плоскости. Неужели возможно противустать десяти эскадронам, которых ведет удалый полковник? Я помню, как смешны были горцы конные; ты сам вспомнишь, с каким презрением смотрели на них при селении Лаваши наши карабахцы. Разве была у нас впоследствии особенная заботливость учить их верховой езде и они равную обнаруживали способность, как и к действию артиллериею? Не знаю, как не усматривают этой добродетели в генерале Головине? С его времени горцы считают блистательные их успехи, и происшествия при Нейдгардте были только необходимым следствием удачного начала, сделанного первым.

Приложенное письмо, сделай дружбу, отошли Аргутинскому, но прежде его прочитай и положи свою печать.

Юношей моих имей в своем благоволении и поручи их благорасположению их начальника. Ты, по родству, в сем случае более, нежели кто-либо, подействовать можешь, а он им все сделать в состоянии.

Прощай, желаю от души возможного тебе счастья, и почему же бы оно должно другим более благоприятствовать? Целую. Душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 435–436

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 27 сентября 1846

Если еще не наскучил я тебе моими письмами, то, конечно, я этого достигну, ибо редкий раз не обременяю я при том моими поручениями, которые и всегда неприятны, а еще более при твоих занятиях. Но об этом после, а начну принесением благодарности за юношей, которые, восхваляя твое милостивое к ним расположение, можно сказать, хвастают им предо мною, не скрывая, однако же, что им бывает иногда головомытие. Таковому редко, конечно, подвергается Север, как несравненно более осторожный, но тот у меня великий гайдамак и, если не свернут ему голову, заставит себя заметить. Меня уверяет, что делается благоразумнее и что впредь шалостей делать уже не будет. Кажется, в полном убеждении, что я положусь на слова его. Но чтобы не оставить его в заблуждении, я представляю ему, что отнюдь ничему не верю и на сей раз все обошлось дружелюбно и без брани.

Как догадливо я сделал, пославши через тебя письмо кн[язю] Аргутинскому. Дети мне пишут и особенно Север, что он чрезвычайно к ним милостив и внимателен. Это, право, великодушно с его стороны, и они, можно сказать, счастливы, что он взял их под свое покровительство, когда у них никакого не бывало. Теперь я нисколько не жалею, напротив, чрезвычайно рад, что они находятся при войсках под его начальством, чего для них лучше ничего случиться не могло. Ты, любезный Сципион, и первый и, конечно, бóльший благодетель их, не переставай давать им наставления и подтверди с своей стороны, чтобы всячески старались угодить кн[язю] Аргутинскому, и так, чтобы он был ими доволен. Север пишет мне, что он здоров, но что так устал, что находит нужным отдохнуть, и просит моего позволения проситься зимою в отпуск в Тифлис. Я на это согласился, но писал ему, чтобы без воли начальника своего не приступал ни к чему. Замолви от себя слово кн[язю] Аргутинскому и скажи ему, что во всей силе чувствую его милости сиротам моим.

Теперь вооружись терпением и выслушай самую скучную часть письма. Это просьба переслать деньги и письма моим юношам. Я посылал бы два раза в год, но в накладе будет один Север, ибо Клавдий, промотавши свое, не упустит его пощипать, а для Виктора надобны перуанские рудники.

Здесь есть много торгующих армян, и я буду стараться сделать так, чтобы я мог отдавать здесь деньги, а чтобы юношам там были выдаваемы. Подобные переводы были бы гораздо удобнее и мне не совестно было бы терзать Сципиона…

Доставляя юношам деньги, если неловко передать их чрез кн[язя] Аргутинского, то избранному тобою лицу поручи, чтобы отдавал их Северу, а не Клавдию, когда они вместе.

Препровождаю у сего денег 340 р[ублей] с[еребром], разделяя их поровну на каждого из двух.

Прощай, любезнейший друг и некогда моя собственность; сохрани мне прежнюю дружбу, которую я ценить умею. Душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 436–437

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 3 октября 1846

Получил письмо твое от 15 сентября, почтенный кн[язь] Василий Осипович, и всякий раз, что имею о тебе известия, я рад душевно.

Разумею заботливое твое начальствование и желаю, конечно, не того, чтобы ты долго в нем остался, но тебя удерживает кн[язь] Воронцов, конечно усмотревши, сколько ты надобен ему в этом месте.

Знаю тебя как собственность; следовательно, как человека не любящего праздности, а сами обстоятельства высказывают деятельность твою и распорядительность. Для этого довольно было происшествия в Евгениевском укреплении[1], и как оно скоро было возобновлено. Теперь озабочивает тебя Нижегородский драгунский полк, и кн[язь] Воронцов должен быть покоен. Мне приходит в голову что невзирая на охранение полком Кумыкских владений, тяжело казаться будет жителям пребывание его, по причине потребности для него пространных сенокосов, неминуемо стесняющих табуны и стада. Впрочем, по долговременности отсутствия, а могу говорить вздор и сам этому верю. Шамиля никакие неудачи не смиряют, и ты говоришь, что он готовится на попытку. Лишь бы это не было на Кахетию, где проводником будет елисуйский изменник[2]. А там наделают суматохи, возможно…

От души благодарю за милостивое внимание к моим сиротам. Это истинное благодеяние! Удивляюсь, что у вас нет верного сообщения с кн[язем] Аргутинским и что только по возвращении отряда на зимние квартиры ты перешлешь хранящиеся у тебя 360 р[ублей] с[еребром]. К этому огромному капиталу за текущую треть я еще отправил к тебе 340 р[ублей] с[еребром] субсидии. Для таких сокровищ может Шамиль предпринять покушение; будь осторожен!

Ты, почтенный Василеос[3], служил офицером и верно не более имел средств сверх жалованья. Вразуми их, что при бережливости можно существовать, не допуская большой нужды. Это понимает один Север и писал мне, что сделанное мною положение находит достаточным и долгов не делает. Другие этого не понимают!

От детей письмо от 29 июля получил и был обрадован, что они обратили на себя внимание кн[язя] Аргутинского. Они от него в восхищении! Надобно ожидать, что Шамиль не оставит его в покое.

Еще повторю мою просьбу: не стесняй себя Севером, не представляй его в адъютанты, если бы он и получил чин. Ему полезно послужить во фронте, а то могут думать, что я проискивал его укрыть от трудностей. Когда будет у тебя более адъютантов, мы с тобою, любезный друг, потолкуем.

Будь здоров; уведомляй меня обо всем, что может случиться тебе приятного. Новости до нас доходят. Благодарю за Кучина; я послал старику отцу высочайший приказ. Я служил с ним в одной роте назад тому 45 лет.

Будь здоров и благополучен. Я всегда одинаково и уважаю и люблю тебя.

Преданный *Ермолов*

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 437–438

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Москва], 2 ноября 1846

Опоздавши отдать письмо Булгакову, я успеваю сделать к нему дополнение.

Начну с просьбы объяснить недоразумение мое.

В Москве в первых числах октября было письмо, что ты отправился в Крым, чему я поверил по совершенному спокойствию в твоем краю, как то усмотришь из письма моего. Теперь же сам я получаю известие от 8 октября, что видели брата моего, которого ты назначил грузинским гражданским губернатором, отправившегося явиться к тебе в Чечню. Вот я и сбился с толку и потому еще более, что из газет видно, что ее сиятельство княгиня из Бердянска изволила отправиться в Грузию.

Кстати о брате моем[1]. Ты найдешь в нем самого усердного подчиненного, которого никакой труд не устрашит, чтобы ознакомиться с должностию, совершенно ему незнакомою. Но, конечно, по новости для него предмета будут неловкости и самые даже ошибки. Имей к нему снисхождение великодушного начальника, под повелением которого служить он почитает величайшею честию. Он много потерял по службе, принадлежавши некогда к 5 пехотному корпусу. Впоследствии хотя и был он удостоен внимания Государя Императора, но только получал благоволения во множестве и ничего более! Взгляни на его знаки отличия и в этом удостоверишься. Государь, заметивши его на маневрах в Варшаве, изволил мне говорить об нем и не раз назвал его отлично расторопным офицером. Пять лет назад он мог иметь ленту Св. Станислава, но скудное состояние заставило желать денежной награды — и что мог получить. Будь к нему благосклонен.

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 170–170 об.

А. Я. БУЛГАКОВУ

[Москва], 5 ноября 1846

Чрезвычайно благодарю Вас, почтеннейший Александр Яковлевич, за доставленное письмо Воронцова и другие известия. Наконец объяснилось, что он не ездил в Крым.

Очень порадовался я одержанной победе, каковых давно уже не было, и нет сумнения, что удачно данный урок Шамилю поколеблет могущество его и приобретенную доверенность. Надеюсь, что это не последний, и, может

быть, немного надобно таковых, чтобы от него отделаться и отнять охоту подражания у других.

Благодарю за листок, qui fait mention des mémoires du duc de Wurtemberg*[1]. Неожиданно в них много любопытного и начало в том изобличает.

Препровождаю, по желанию Вашему, приказ Воронцова о победе.

Сегодня отправил я письмо к нему, но вскоре представлю другое с поздравлением.

Вашего превосходительства преданнейший *Ермолов*.

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 7

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 24 ноября 1846

Почтенный князь Василий Осипович. Приятно и весьма легко хвалить происшествие. Когда оно достойно похвалы, как успех, тобою приобретенный над неприятелем[1], но в сем случае не решаюсь определить, более ли достоинства заключается в самой победе, которая, конечно, будет иметь важные последствия, или в предприимчивости и решительности генерала, неустрашившегося ответственности. Я склоняюсь на сторону последнего и тебя от души поздравляю. Ты можешь представить, как я был обрадован, и я в это чувство вмешал несколько гранов собственной гордости. Но для этого необходимо истолкование, и вот оно:

Довольно вероятно, что мне могло быть приятно, что блистательным образом отличился генерал, бывший моим адъютантом, что на трудное предприятие решился он с таким числом войск, с каковым давно уже не пускался ни один из самых прославленных начальников вашего края, или по крайней мере не оставил памятника столько увенчанного предприятия. Но еще чем порадовал ты меня, любезный князь, что главная сила твоего отряда состояла из 6 батальонов пехоты, кабалистического числа, которому в давние времена принадлежало немало успехов.

В продолжительное пребывание мое на Кавказе весьма часто менее, но никогда более 6 батальонов не водил я с собою. Но когда пошел в Акушу, число моих войск несравненно превосходило твой отряд, и довольно сказать, что было 30 полевых орудий и между ними 6 батарейных. У меня сохранилась подлинная строевая записка за подписанием *майора Грекова*[2], который отправлял должность окружного штаб-офицера. Тогда было одних рядовых всякого рода, войск, с казаками вместе, но без унтер-офицеров, 7000 чел[овек].

Ты воскресил прежнюю неустрашимость войск и с прежнею малою утратою. Давно уже и во многих случаях важность происшествия определялась количеством потери и времени. В этом отношении знаменитейшая беспрекословно принадлежат генералу Головину, который, однако же, допускал мысль, что для поправления дел после генерала Нейдгардта он приглашен будет. Не прими это за шутку с моей стороны.

---

* В котором упоминается о мемуарах герцога Вюртембергского (*фр.*).

Ты, любезный друг, конечно, еще более приобрел уважение твоего главнокомандующего, и он тотчас, при собственноручной записке, прислал мне отданный приказ по войскам. Конечно, не уменьшится число завидующих тебе, но уже труднейшими сделаются интриги тех, кои желали иметь твое место, и я рад, для пользы службы, что тебе оставить его уже неловко и невозможно. В этом Воронцов не потеряет.

Известие о твоей победе принято в Петербурге с восхищением и в обществе беспрерывный о ней разговор. Я только двое суток приехал из деревни, но успел уже выслушать странную молву, которою обвиняют кн[язя] Аргутинского, что он не вспомоществовал тебе действиями со своей стороны. Не знаю, где источник этой молвы, но говорят, что наша газета дала повод этому заключению.

Еще раз повторю мое поздравление тебе, любезный князь, и с душевною радостию скажу: *слава Богу*!

Как я доволен был, что ты получил Георгия 3-й степени. Другое всякое награждение придет по очереди: их даже дают за долготерпение и долголетие.

Продолжи благосклонность твою моим юношам. Они пишут мне и в особенности Север, что кн[язь] Аргутинский к нему милостив во всей силе слова и ему благодетельствует. Напиши ему, что я это знаю и искренно благодарю его. Поистине я проникнут чувством признательности обоим вам. Но ты был некогда моею собственностью, а он и не знает меня.

Прощай. Будь благополучен и меня люби по-прежнему. Преданный *Ермолов*.

P. S. Многие любопытствуют видеть письмо твое, и я даю ею прочитывать с величайшим удовольствием.

Прошу сохранить это в тайне*.

Хотел сказать тебе, что мне слог приказа по корпусу о твоей победе показался не только не довольно красноречивым, но, к досаде моей, весьма холодным. Хочу думать, что это случилось от того, что не было кому написать и отнюдь не с намерением.

Доволен ли ты приказом?

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 438–440

М. Г. ЕРМОЛОВОЙ

Москва, 25 ноября 1846

Прекрасное и премилое письмо изволили Вы написать мне, любезная сестра Марья Григорьевна, и тогда, как мне всего более хотелось знать, здоровы ли Вы и хорошо ли доехали. Вы желали потешить старика, рассказывая ему, будто сохранен он в памяти жителей страны. Благодарю за намерение столь деликатно исполненное. Это внимание, к которому я не должен быть равнодушным. Верить этому или нет, это совсем другое дело, и Вы не должны замечать это. Впрочем, согласитесь, милая сестра, что при нынешнем блистательном состоянии Грузии мудрено вспоминать о том, что в сравнение идти совсем не может, разве для доказательства тогдашнего ничтожного положения. Может быть, есть еще немного оставшихся из прежних моих сослуживцев, которые

---

* Помета А. П. Ермолова: «На особом лоскуте».

подобно мне, сделавшись негодными и не обращая уже на себя внимания за старостию, находят приятным то время, в которое их уважали. Вот что может быть источником некоторого внимания.

Здесь у нас одна из дам ваших, бывшая некогда большою победительницей, но уже нет прежних прелестей. Она поражена смертию отца и в отчаянии[1]! Позвольте мне просить о благосклонном внимании к детям моим. Старший[2] будет иметь честь часто видеть Вас и самый младший из трех, думаю, приедет зимою в Тифлис. Приласкайте е[го], как самого вежливого из всех и имеющего вид наиболее порядочного человека[3]. Я знаю, сколько он внимательным будет к малейшей ласке Вашей.

Вчера приехал я из деревни и потому не успел еще видеть Вашего Григория Федоровича[4], но слышу от своих, что Ваши здоровы.

Прошу принять уверения в чувствах теплых мо[их] и расположения искряннего родного.

Преданный *Ермолов*

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–17. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 25 ноября 1846

Любезный брат Сергей Николаевич.

Благодарю за письмо твое, весьма для меня приятное. Рад, что вы благополучно доехали и без малейших происшествий. Я уверен был, что князь[1] примет тебя благосклонно и, конечно, не может быть полезнейшей для тебя службы, если только будешь уметь угодить ему, что возможно легче, думаю, нежели многим из окружающих его. А и этим пренебрегать совсем не должно!

Воображаю, как обновлен ты жизнью, находясь среди войск и в тех местах, где ты служил до сего за 20 лет. Не удивительно, что ты почти никого не нашел знакомого, и я думаю, что таковой должна казаться тебе и самая земля. Ты видишь, что всему предпринимаемому, всему, что произведено в действие, придается наружность величия. Кажется, как все учреждаемое должно непоколебимо пройти до отдаленных времен древности. Одна мысль таковая уже утверждает доверенность к правительству. В наше время все было в мелочном виде; все, что делалось, если бы даже и с некоторою пользою, покрывалось непроницаемою тайною, а потому и доселе или неизвестно, или невероятно. Как удобно было порицать действия прежних начальников и особливо, к которым не благоволили. Мне рассказывают, что Тифлис украшается неимоверным образом и является в великолепном виде. Легко представить себе, как многое должно изумить тебя, и самое общество, чрезвычайно расширившееся, и жизнь роскошная. Ты сам тем кончишь, что будешь без всякого уважения или не совсем с презрением вспоминать о действиях в наше время. Так достается мне и, конечно, более, нежели кому-нибудь. Ты многое будешь слышать в этом роде, но я прошу тебя как брата, прошу убедительнейше не возражать ни единым словом. Каков наш Бебутов (Назика), ему много делает чести его решительность, без которой дела могли принять оборот весьма неблагоприятный. Давно уже не осмеливались входить в горы с такими малочисленны-

ми войсками или предприятия оканчивались, как в 1843 году, потерею всех укрепленных мест в горах. Едва ли уже ныне поверят, что с Бебутовым было только 6 батальонов пехоты, артиллерии легких 2, горных 6 орудий. Ему чрезвычайно способствовали драгуны, никогда еще там не являвшиеся. Это происшествие должно иметь важное влияние на дела в Дагестане и, конечно, неблагоприятное Шамилю. Но не все разделяю я мысли, тобою мне сообщенные, что уже разрушается могущество Шамиля и приобретенная им власть. Еще не одну надобно подобную победу, чтобы того достигнуть. Могут храбрые воины наши надеяться, что не последний уже раз возблистало мужество их над враждующими и что есть еще противящиеся им! В Петербурге принята победа, не менее как бы над Наполеоном. Благодарю за уведомление об юношах. Ко мне только Виктор не пишет один и, невзирая на похвалы твои ему, я не подозреваю в нем порядочных свойств и легко мне заметить в нем упорную надменность, признак ограниченных людей. Ко мне редко пишет он и тогда даже, когда имеет нужду в деньгах, а избрал легчайший случай, молча давать расписки, с которой являются ко мне заимодавцы. Это поступки грубого невежды. Ты будешь его видеть, прошу внушить ему, чтобы он не приезжал в отпуск, как то была мысль его. В этом я не малейшего не найду удовольствия и, угадывая чувство его, быть может, и воспрещу посещения. Приятно мне известие твое о храбрости Клавдия, но к чему это послужит ему? Носимое им имя не допустит лестной награды. Оне соразмеряют[ся] важности лица. Воронцов, при всей справедливости, его отличающей, и благоволении ко мне, нашел бы более удобства наградить Барятинского, Бенкендорфа и Паскевича и других тому подобных. Ты это увидишь. Сделай дружбу, отправь письмо мое к Северу, другим направлением не все они доходят. Позволь мне также и деньги доставлять им через тебя. Но об этом буду ожидать твоего ответа, без которого не решусь. Грибоедова здесь, говорят, что она не так толста и есть признаки, что бывала хороша.

Прощай, прошу Бога, чтобы был к тебе милостив.

Любящий брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 17–19. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 28 ноября 1846

Не прими, почтеннейший князь Михаил Семенович, в виде упрека сожаление мое, что давно весьма не имею от тебя никакого известия. Я знаю, что непомерная деятельность твоя редко предоставляет время, необходимое для отдохновения, а потому не могу быть до того безрассудным, чтобы роптать на твое молчание.

Собственноручную записочку твою вместе с приказом по войскам я получил и рад был чрезвычайно приятному известию.

Успехи, приобретенные князем Бебутовым, по справедливости блистательны[1]. Следствия их должны вскоре быть ощутительны в рассуждении нравственного влияния на горцев. Потери, понесенные ими, не ободрят, конечно, их; но дух войск наших чрезвычайно возвысится тем, что давно уже весьма

с таким малым числом войск, и в особенности артиллерии, никто не входил в горы и, что более, против Шамиля, который возрастает в общем мнении, и тебе одному предстоит уничтожение его могущества, за которым последует его падение. Все убеждены, что ты один сделать это можешь; а мне кажется, что это и не весьма уже отдалено. К утверждению меня в сей надежде споспешествуют последнего времени происшествия. Я хочу сказать о сражении в июле месяце князя Аргутинского, также с горстью войск действовавшего против сил гораздо превосходных[1]. Не говорю тебе, почтенный князь, приветствия, я замечаю, что войска со времени начальствования твоего являются совсем другими, каковыми Кавказ давно уже не видал их. Так скорое перерождение их являет доверенность их к знаменитому их начальнику, что обнаружилось уже при самом твоем назначении.

Не знаю давно уже, что у тебя делается, но, с любопытством расспрашивая, уведомляюсь, что устроено прекрасное укрепление на Фортанге и что ты сам при том находился[2]. Я хорошо знаю местоположение и могу судить, сколько большую принесет пользу укрепление. Слышу также о предполагаемых прорубках леса и многих других начинаниях, но не все, может быть, передается мне с точностию.

Ты имел некогда прекрасную мысль приказать доставлять мне сведения о распоряжениях твоих, сообщил даже мне о том; но, видно, ты отменил намерение, или оно кажется тебе не приличествующим.

Не у места было бы спрашивать о причинах, и мне остается жалеть, что известия почерпаю я по большей части из молвы, весьма нередко неосновательной и даже неправдоподобной для человека, имеющего некоторое понятие о крае. Мне случилось не один раз, даже в самом Петербурге, оспаривать неосновательные заключения. А там соединяются все возможные сведения. Твои дела — убедительнейшее доказательство водворяющегося порядка; но, на все это невзирая и чего, конечно, ты не воображаешь, мне случилось быть твоим адвокатом. Могущественные, конечно не слабые, возбуждают зависть!

Вчера видел я проезжающего в Петербург князя Владимира Голицына, человека тебе совершенно преданного, и мне отрадно было выслушать много о тебе чрезвычайно приятное и любопытное. Мы уверены, что нет труда, которого бы ты не превозмог, но пожелали вместе, чтобы силы тебе не изменили.

Прощай, дай Бог тебе успехов, или лучше сказать, продолжения их!

Душевно преданный *Ермолов*.

Благодарю за милостивое расположение к брату моему, новому твоему подчиненному.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 171–172 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 30 ноября 1846*

Получивши письма твои, почтеннейший князь Михаил Семенович, заключающие всегда любопытные сведения о действиях твоих, мне грустно давно

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

уже не иметь ни малейшего о тебе известия. Мне даже скучно стало, что я давно не писал, хотя совершенно ничего сказать не имею и тогда, как хорошо знаю, что пустяками не должно отвлекать внимания твоего от занятий беспрерывных и полезных.

Ты, конечно, заметил, что прежние письма мои, почасту пространные, были ответом или рассуждением о тех предметах, кои заключались в твоих письмах, а моего собственно ничего не было. Хотелось мне поговорить о тебе с князем Влад[имиром] Голицыным, но я живу в деревне, а он в постели без движения от ревматизма.

Слышу, что этот человек, весьма тебе благодарный, много хорошего говорит о стране, переменившей вид свой совершенно [от] твоего начальствования, и какое лучшее доказательство того, что ты отправился в Крым в такое время, когда горцы прежде позволяли себе наиболее предприятий.

Это одно многое объясняет знающему край!

Воображаю, что делается с Чечнею после прорубленных дорог и по устроению укрепления на Фортанге. Это должно очень не нравиться Шамилю, которому, конечно, упрекают чеченцы их стеснением. Но без этого ограждения не были бы покойны новые по Сунже станицы. Я не удивлюсь, если еще подвергнутся они нападениям; но таковые не могут быть важными, ибо обратный путь будет опасен для нападающих. Воздвиженское укрепление было основано до твоего еще прибытия, и я уверен, что если бы твое это было намерение, оно иначе или в другом виде было бы исполнено. Невзирая на выгодное его положение, думаю, однако же, что можно отыскивать и некоторые неудобства. Впрочем, рассуждение мое может быть неосновательным и не иметь места по прошествии двадцати лет. Тогда были другие обстоятельства; теперь таковы, что я их не понимаю и менее всякого другого доверяю собственному мнению. Ты, конечно, иногда смеешься моим мыслям, хотя слышу я, что имеешь неустрашимость не все находить худым, что я делал. Бывало это в моде, а у иных осталось еще привычкою. И тебя, любезный князь, не всегда щадит зависть, что я имел случай замечать. Их дразнит предоставленная тебе власть, твое могущество! А я, не ошибаясь, предполагаю, что не менее дразнит, что принимаешься за многое, полагая прочное основание, которое останется памятником. Недавно в высочайшем рескрипте о предоставленных наградах орденами сказано, что это не присваивается званию главнокомандующего, но дается из особенного уважения к лицу. [Это] дает повод к заключению, что было рассуждение о власти, и, как *думают*, происходило оно от особы, которая была облечена в это звание, но награждала только за границею. Может быть, и тут было действие зависти. Если так, я люблю ясность рескрипта!

Во время пребывания моего в Петербурге были в газетах реляции и донесения. Я видел, с каким любопытством они были прочитываемы. Из рук в руки переходили листки, и легко можно было видеть общее удовольствие. Но фельдмаршал[1] не изменял равнодушия. Он, удостаивая меня милостивого внимания, которое натурально составляло мое счастие, и позволяя мне наслаждаться рассказами его о многом, никогда не упоминал о Грузии, и имя твое не произносилось! Вероятно, это происходило от скромности, чтобы не догадывались, что многие из действий твоих основаны на его наставлениях. Но скажу, не шутя: право, казалось мне, что он не чужд чувства зависти. Впрочем,

может быть, и я говорю вздор; но во всяком случае лучше мне ошибаться, нежели человеку знаменитому и прославленному. Мне неизвестно, в переписке ли ты с ним, но и этого не довольно: ибо, кроме *Нейдгардта*, который боялся его как чумы, другие твои предместники спрашивали нередко его советов, то есть приказаний. В особенности *Головин*, как его собственное создание.

Припомни, с которого времени ты не писал ко мне, что никогда не бывало прежде. Это заставляет меня предполагать, что ты не доволен чем-нибудь. Легко быть может, что найдутся люди, которые с удовольствием смотреть будут на охлаждение между нами и тому способствовать, но лучше предупреждать это откровенным объяснением; я об этом прошу.

Скажу тебе, что не без досады отвечаю я на вопросы, получаю ли я от тебя письма; особенно когда слышу от *Киселева*[2], что ты ему пишешь, от *Меншикова*, что о многом подробно его извещаешь.

Бывало ли, чтобы ты не написал мне о предмете столько важном, каково есть устроение крепости на Фортанге. Выслушиваю разные рассуждения, будто предназначается экспедиция в горы со многих пунктов и большими силами. Говорят, что один *Аргутинский* будет действовать, что повсюду в других местах будет продолжаться прорубка дорог. Ты ни слова не сказал мне о действиях Аргутинского, поистине чрезвычайно удачных и, судя по малому числу бывших у него войск, таких, которых мало было лучше в прежнее время. В этом случае невозможно отказать в похвале, что действовал молодцом.

Сердит ли ты на меня или нет, как бы то ни было, я все не отниму у себя удовольствия благодарить тебя за многое. Молодой *Кучин* произведен в офицеры и со старшинством почти года. Это благодеяние старика отца его, храбрейшего некогда офицера, сделало моложе двадцатью годами, и тебе, конечно, ни от кого не достается более, как от него. Была работа всем святым! Жена покойного *Михаила Орлова* благодарила меня за то, что ты сделал для ее сына. А я ничего не знаю! Весьма великодушно со стороны твоей не желать изъявления благодарности, но молчаливость твоя от нее не избавит. Помню я, что просил тебя приказать составить особую записку, в которой бы заключались все мои просьбы. Воззрения твоего испрашивал я на прекрасного молодого человека Беклешова. Сделал ли ты что-нибудь ему? Не мог я отказать письма сестре несчастного офицера Свешникова, но не скрыл от нее, что по роду преступления трудно тебе будет что-нибудь для него сделать!

Нимало не удивлюсь, что могут не представляться памяти твоей пустые мелочи при занятиях важных и многоразличных, и потому просил я о записке.

С нетерпением буду ожидать ответа, который по разным соображениям мне нужен.

Прощай. Рад, что хотя немного отдохнешь на полуденном берегу Крыма, тобою любимом, красоту которого ты много возвысил. Слышу о чудесных переменах в Грузии и во всем крае. И никто не сумневается, что на все наложился другой отпечаток.

Будь здоров и благополучен.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 173–176 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 2 декабря 1846

Думаю, почтеннейший князь Михаил Семенович, что я наскучил тебе моими просьбами, но верь, что едва ли с четвертою частью являюсь я пред тебя тех*, которые до меня доходят. И прошу я не иначе, как за людей мне известных и на которых достойно обращаю я твое внимание. Неприлично не употреблю я твоего благоволения.

Вот в чем дело.

В линейные казачьи войска, и кажется в Моздокский полк, определился служивший в гвардии обер-офицером *Левицкий*[1]. Довольно долго бывши за границею, излечивал он раны, полученные им во многих дуэлях, из которых не было ни одной, которая бы не принесла ему много чести. Каждый шаг его известен был начальству в Петербурге, и ему не было ни малейшего упрека, и теперь, когда проезжал он Вену, великий князь Михаил Павлович приказал ему к себе представиться, невзирая, что он не имел с собою мундира, принял его чрезвычайно милостиво, и все подробности до него касающиеся знает. Левицкий искал иметь честь служить под твоими повелениями в намерении службою своею обратить благосклонное начальства воззрение. От близкого родственника его, с которым с давнего времени мы приятелями, слышал я, что он почитал себя в необходимости заслуживать случившееся, и он не остановился оставить выгоды гвардейской карьеры, в надежде ничего не потерять, принадлежа храбрым войскам Кавказского корпуса.

Что ты за благо рассудишь сделать с ним или поручишь его которому-нибудь из начальников, он будет счастлив решением твоим, а я почту собственным мне одолжением. Не забудь, почтеннейший князь, и других, о которых просил я тебя прежде.

Прощай, будь благополучен.

Душевно преданный *Ермолов*.

P. S. Прикажи кому-нибудь уведомить меня, чем кончилось несчастное дело артиллерии поручика Свешникова, который в нетрезвом виде убил офицера. Происшествие было на Кавказской линии или в Кизляре.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 177–178

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 22 декабря 1846

Любезный брат Сергей Николаевич.

Не подумай, чтобы я упрекал тебя, когда скажу, что с самого приезда твоего я получил только одно письмо. Я знаю, что ты мало имеешь свободного времени и сверх того, предстояло тебе обозрение обширного края. Итак, я не только не буду требовать, чтобы ты писал, напротив, предложу следующие условия: писать непременно только в том случае, когда служба представит

---

* Так в оригинале.

тебе что-нибудь приятное, когда возложится на тебя какое-либо поручение, обещающее выгодных последствий и тому подобное. Писать о расположении к тебе начальника, и доволен ли он твоим усердием, или если он сделает о тебе представление. Скажи иногда несколько слов о моих юношах, к которым прошу быть милостивым. Более ничего не пиши, новостей совершенно никаких прошу не писать. Я довольствуюсь объявлениями в газетах, ибо пять уже месяцев от князя не более получил четырех строк, сопроводивших приказ, отданный по войскам по случаю одержанного В. Бебутовым успеха. Он даже не ответил на письмо мое. Ты можешь сделать удобнейшую редкую и легкую переписку твою со мной, имея наилучшего секретаря, твою милую Марию Григорьевну, которая не поскучает уведомить меня обо всем, до тебя относящегося. Скажи ей мое совершенное почтение и что одно из величайших наслаждений моих есть уверенность, что она делает твое счастие. Проси ея от меня, чтобы удостоила внимания Виктора, который, может быть, научится от нея привязанности к родным своим или, по крайней мере, признательности. Представь, что он раз только писал ко мне, отправившись из Тифлиса на линию. Не говори ему ничего и не понуждай писать ко мне. Удаление притворства имеет цену в глазах моих и меня делает свободнейшим в моих действиях.

Ты писал мне о Клавдии, что он показал себя очень смелым офицером; но скажи мне, будет ли ему какое-нибудь награждение. Я не ожидаю, чтобы человек, носящий невыгодную фамилию, мог быть отличен, но, или не будет забыт в толпе с прочими — и это уже не худо!

Не ожидал я, что это письмо будет тебе передано человеком всеми любимым, для меня особенно бесценным, а потому и говорю я все, что приходит в голову. Ему сказывали, и я слышал, что *Ладинский* снискал полную твою доверенность, и я этого испугался. Будь, ради Бога, осторожен, ибо без видов он никому не оказывает своего расположения, а иметь на своей стороне губернатора совсем не безвыгодно. Север писал мне, что желает зимою побывать в Тифлисе, что я весьма одобряю и понимаю, что после гнусного пребывания в Казылкумыке можно хотеть видеть людей и как живут они в обществе. Если нужно будет, то попроси о том генерала Козлянинова. От Суворова[1] получишь маленькую связочку с Лексиконом для Севера, о котором он просил меня. Сделай мне одолжение, перешли к нему с письмом моим, которое прилагаю. Будь благосклонным сиротам моим и не забудь, что весьма немногие и ты первый между ними, могущие покровительствовать им.

Прощай. Будь благополучен, и Бог благословит труды твои.

Преданный брат *Ермолов*.

Ужасно наскучило мне письмо к тебе. Я все должен был переменить, ибо для показания составленное могло произвести колики, теперь уже посылаемое смягчено и не может быть очень досадным. Переменил и то, что к тебе, не имевши верных данных. Теперь все знаю, но досадую не менее. 28 декабря.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23 об. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 6 января 1847

Письмо твое, любезный брат Сергей Николаевич, от 3 декабря я получил. Имел я о тебе известие прежде, от проезжавшего молодого князя Воронцова и, наконец, говорил ехавшим от вас с князем Кочубеем[1]. Слышал до того, что весьма занят делами и мало имеешь свободного времени. Хорошо, что вникаешь в новые твои обязанности и, конечно, скоро познакомишься с ними, упражняясь с таким терпением и чистой совестью.

Я уверен, что князь наместник будет благосклонен к усердному подчиненному и сделает приятным служение твое, которое относительно выгод, в сравнении с товарищами, далеко отставляло тебя назади. Надобно стараться, любезный брат, вознаградить потерянное. Может быть, еще не получил ты последнего письма моего, но твое в строгой точности согласовано с моим желанием. Нет новостей и не надобно, ибо сообщаются оне и с большою подробностию в газетах. Там же помещаются утверждаемые распоряжения по внутреннему управлению. Итак, мы все знаем, что у вас происходит. О прежних знакомых моих ты мне ничего сказать не можешь, ибо таковых почти уже нет существующих.

Как все мною упомянутое должно облегчать твою и мою переписку, и мы взаимно должны согласиться, что ей трудно быть частою. Так и будем поступать! Мне случится писать и давать поручения и детям. Ты, конечно, простишь мои о них заботы, особенно при том чувстве благорасположения, которое ко мне имеешь и доказываешь. Виктор отзывается в душе благодарным за милостивое обращение с ним милой и достойной Марии Григорьевны. Я прошу того же внимания к двум дикарям, которые, думаю, уже явились из Казылкумыки[и]. Воображаю, что за фигуры, и какой тон после отличного общества, в котором находились. Сделай дружбу, передай им, прилагаемое у сего письмецо. Виктору пишу прямо.

Об отличии, Клавдием оказанном, было рассуждаемо в Георгиевской думе[2] в Петербурге. Большинство голосов было в пользу представленных к ордену, но, как действия всех не подходят под строгой Статут, представления возвращены обратно к вам. Теперь не знаю, что сделается. Спасибо Клавдию, и буду впредь верить глупому замечанию, что счастливы рождающиеся *в сорочке*. С него снята таковая при рождении. Поклонись от меня Павлу Астафьевичу Коцебу[3] и предупреди его, что, может быть, случится мне отнестись к нему о моих юношах. Отставной *полковник Арцруни*[4] отзывается с большой похвалою насчет поступков его с ним отлично благородных. Молчит о многих других.

Скажи любезной сестре Марии Григорьевне, что Григорий Федорович меня часто посещает. Недавно принимал Марью Владимировну. С нею большая ссора за красавицу, ибо стращают меня, что отправят ее в Грузию. Я сражаюсь отчаянно.

Прощай. Не ожидаю от тебя писем, разве что будет относиться собственно до тебя и успехов твоих по службе.

Желаю тебе благополучия.

Душевно любящий брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д.3. Л. 20–23 об. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 16 января 1847

Письмо это, любезный брат Сергей Николаевич, доставит тебе художник г[осподин] Байков[1], который послан в Грузию от Общества поощрения художников и пробудет у вас два года. Отец его известный кучер покойного Императора Александра, Илья Иванович. Он до смерти своей особенную имел ко мне привязанность и передал ее своему семейству. Сделай дружбу, возьми его во внимание и представь ея сиятельству княгине[2], как покровительнице художеств. Молодому человеку весьма лестно и, конечно, столько же полезно расположение человека, занимающего место между первенствующих властей. Прошу не оставлять без внимания моей просьбы. Меня порадовало отделение Имеретии[3], которая, кроме затруднений, ничего тебе не приносила. Довольно и без нее тебе хлопот и занятий.

Приласкай, как ты делаешь с Виктором, и других моих юношей. Север писал мне, что нетерпеливо желает тебе представиться.

Если что нужно, не иначе буду писать тебе, как по оказии и никогда с почтой.

Сестры любезной целую ручки.

Через час еду на званый огромный вечер к Григорию Федоровичу.

Прощай, будь благополучен.

Преданный брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 23 об. – 24. Копия

М. Г. ЕРМОЛОВОЙ

[Москва], 20 января 1847

Прелестнейшее письмо Ваше, любезная милая сестра Мария Григорьевна, я получил и много Вас благодарю. Часто весьма и всегда с особенным удовольствием слышу об Вас в Вашем семействе, которое утешается Вашими письмами.

И меня радуете Вы известием о моем Викторе, который пишет мне, сколько он признателен за внимание Ваше и благосклонный прием, которым Вы его удостаиваете. Воображаю, как счастлив он, когда судьба отказала ему родственные связи и обрекла на одиночество, найдя в брате Сергее и Вас, милая сестра, не только чуждающихся, напротив, оказывающих самое лестное расположение.

Вскоре прибудут к Вам еще двое сирот, и я чувствую, что мне не нужно просить Вас об них. Вы найдете две совершенно разные фигуры. Клавдий, созданный для службы армейский офицер, между которыми есть еще, подобно ему, мало обтесанные, но не многие. Север более способен к жизни в обществе и любит его чрезвычайно. За него боюсь я, чтобы Вам не наскучил, и уже принимаю некоторые предосторожности. Не престаю напоминать им, что служба должна быть главною их целью и средством единственным. Для света надо много условий, на которые они права не имеют, или не без трудов достигнуть их могут.

Вы не знаете, любезная сестра, что я воображаю себя великим физиономистом, и Вы много виноваты, что я утвердился в этом мнении. Прежде, нежели мог я хорошо узнать Вас, я уже определил, что Вы любите занятия, порядок и аккуратность и согласно с этим позволил себе обратиться к Вам с покорнейшею и, конечно, не менее странною просьбою: у брата Сергея много слишком заботы, и Вы за него, конечно, не затруднитесь исполнить. Сделайте милость, передайте Клавдию и Северу приложенное у сего письмо и денег *360 рублей серебром*, обоим поровну. Отдайте каждому половину, особенно будет нерная их бережливость. Вы простите меня, если во время пребывания их в Тифлисе я о том же Вас просить буду.

Наскучу я Вам моим даром физиономиста.

Совершенное почтение мое и привязанность беспредельны.

Преданный брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 24 об. – 25 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, январь 1847

Всегда приятно мне было, любезный князь Михаил Семенович, думать, что не пишешь ко мне единственно по недостатку времени, и это не может быть иначе, ибо со всевозможною подробностию знаем мы, сколько беспрерывны твои занятия и как распределяешь твое время. А сверх того, разъезды твои, после которых, конечно, необходимо некоторое отдохновение.

Не думай, чтобы я хотел упрекнуть тебя продолжительным молчанием, нет, я могу жалеть, что давно ничего не знаю о твоих действиях, ибо журналы говорят исключительно об одних военных, которые перестают со времени начальствования твоего быть главнейшим предметом, особенно когда внутреннее устройство края, делающее быстрые шаги, привлекает всеобщее внимание. Теперь все говорят о торговле, о необходимости способствовать сбыту наших фабричных произведений. Здесь испугались желания твоего учредить свободный торг за Кавказом[1]; испугались пребывания в Петербурге твоего директора канцелярии[2]: ибо все убеждены, что представления твои, даже мысли, не встречают ни малейшего противоречия. Я точно не имею понятия о том, что ты представлял и точно ли все утверждено; ибо торговля составляет предмет, в котором я отличаюсь невежеством. Ко мне, как старожилу твоей страны, обращаются с вопросами, и я недавно отличился тем, что совершенно попал на твою мысль, упрекая нашему купечеству нерадением об усовершенствовании изделий, как относительно прочности, так и наружного вида. Поставил на вид неумеренность барыша и не всегда добросовестность. Со мною спорил известный тебе барон Мейендорф[3], надеющийся, что, основав в Тифлисе магазин, купцы успеют удовлетворить всем потребностям, и вещи будут желаемой доброты.

Я посылаю тебе его на сей предмет записку, которую, может быть, не предполагает он, что я тебе препровожу. Он мне показывал письмо твое к нему, которое сообщил он знатнейшим из купечества, и они в восторге от тебя и надеются на могущественное твое покровительство, без которого знают они, что

не будут иметь успеха. Я, признаюсь, уверял их, что если предприятие их удостоено твоего одобрения, то обещание вспомоществовать им может служить надежнейшим обеспечением.

Твой князь Семен Михайлович[4] посетил меня, и я, прежде сего, видевши его несколько минут в Вознесенске и столь же в Бородине[5], могу сказать, что теперь только с ним познакомился. Я благодарен ему за многие любопытные известия, и он самым приятным обращением заставил жалеть, что чрез Москву пронесся он как метеор. Неловко говорить отцу похвалы о сыне, но я не-многих принимаю с таким удовольствием, и посещение его будет мне памятным. Письмо твое я от него получил[6].

Вскоре за ним князь Кочубей[7] доставил мне лично посланные тобою бумаги[8]. Ты не раз дал мне заметить, сколько необходима тайна относительно предметов заключающихся в них, и я совершенно убежден в том. Могу тебя уверить, что не только не похвастаю, что я что-либо знаю из твоих предположений, но даже по самой необходимости должен молчать, ибо ничего кроме как из газет не знаю. Так на днях прочитал о разделении Закавказского края на губернии[9].

Будь покоен, любезнейший князь, на мой счет: я очень ценю доверенность твою ко мне и потому умею достойно поместить ее. Впрочем, бумага, о которой заботишься, позволь откровенно сказать, не заключает в себе насчет будущих предприятий ничего точного, положительного; ибо все почти относится до рассмотрения более обстоятельного. Итак, согласись, что мудрено прогова-риться. Большая часть бумаги состоит из описания совершившихся уже происшествий, ибо упомянуто о построении укрепления на Фортанге и Алдинских хуторах, разорение которых представлено в газетах едва не началом уже совершенного низложения Кавказа[10]. Впрочем, не подумай, чтобы я не видел многих важных перемен и таких, которые для самого недальновидного человека покажутся весьма ощутительными. Я того мнения, что Шамиля власть должна упадать, ибо нет правдоподобия распространить ее успехами, а ничтожные хищничества ее не утвердят. Предназначенное тобою расположение войск в прочных штабах соображено отличным образом, и я доволен собою, встретившись с тобою мыслию сделать сообщение с Казыкумыком чрез владения акушинцев.

Заметь, что Акуша была посещена мною и 24 года была верною; при мне занят был и Казыкумык[11]. Итак, не смешивай меня с теми из начальников, которые влезли далее в Дагестан. Никогда не мыслил я об Аварии: мне довольно было тогдашних там раздоров, и можно было смирять их без присутствия среди них войск, но отнимая средства делать набеги и увлекать благоприятствующие нам народы. Таковыми легко было со временем сделать акушинцев и их положить им преградою. Чрез Койсу надобна верная переправа; в Гергебиле или другом месте, принадлежит твоей прозорливости. Во всяком случае, она произведет сильное моральное действие и подымет дух покорствующих нам. Жалел я, что зудахаринцы были разорены Шамилем и что он успел выполнить сделанные им угрозы. Но без сего не было бы места блистательному делу князя Бебутова[12], которое без сумнения произвело большое действие на умы горцев. Мне не раз случилось оспаривать мнение, что князь Аргутинский мог

содействовать князю Бебутову. Я утверждаю, что если бы Шамиль видел возможность того, то не только он ничего бы не предпринял, но даже не перешел бы Койсу, и, думаю, я не ошибаюсь. Шамиль, конечно, заботится о своей безопасности и обо всем извещаем обстоятельно. Если бы только тронулся князь Аргутинский, он был бы уведомлен.

Если бы удалось открыть каменной уголь в Казыкумыке, это было бы лучше золотых приисков! Князь Кочубей сказывал мне, что он найден, и превосходный, в Имеретии, и это во многих отношениях даст неисчислимые выгоды. Нельзя без особенного уважения слышать, как по всем частям управления ты, любезнейший князь, подвигаешь край вперед. Тебе предлежит начертать план для действий твоим наследникам, кои доселе разрушали труды бывших их предместников. Так истреблено из памяти то, что удавалось мне сделать, а в десять с половиною лет времени не может быть, чтобы постоянно делал я одни глупости. А когда вижу я столько памятников, воздвигнутых генералу Головину, позволительно удивляться, что остался я в памяти одних горцев, которым должен я быть благодарным, ибо отзывы их не в порицание мне.

Восхваляя дух войск наших, ты как будто укоряешь меня в противном тому мнении. Я никогда не сумневался в том и если допускал некоторые оттенки в храбрости, то, собственно, по словам свидетелей, которых случалось мне слышать рассуждения. Например, никто не сравнивал полки 5-го корпуса с прежними войсками, и немногие из них называемы храбрыми. Может быть, это неосновательно; конечно, не я, совершенно их не знающий, смел определять их достоинство. Давно переставши быть военным человеком, я не позволяю себе суждений и признаюсь, что сделался довольно ко всему равнодушным. Я даже верю повествованиям господина Данилевского[13]. Сильнее этого не могу представить доказательства!

Убедись, сделай одолжение, что, зная труды войск, их беспрерывные занятия, познакомившись со многими из молодцов твоих подчиненных, наслышавшись о делах, какое чувство кроме уважения можно иметь к ним? Итак впредь ни слова о храбрости войск, разве что другим могут они служить примером.

Ты говоришь, что когда бываешь с войсками и когда живешь в лагере, это почитаешь отдохновением в сравнении с жизнию в Тифлисе. Знаю, как обременен ты делами, сколько ежедневно часов проводишь за бумагами. Далеко не столько бывало у меня дел; ибо не было почти нововведений, продолжался прежде установленный ход, а и я отдыхал лагерною жизнию. Тебе довольно одного преобразователя, знаменитого Гана, чтобы, разрушая создание его, иметь несравненно более занятий. Я хорошо это понимаю! Было время, что удивлялись его премудрости. Были у него сильные покровители, сильные защитники, и я видел депутацию из Грузии, благодарившую за преобразование управления, как дар ниспосланный Небом. К сожалению, это было в достопамятные времена Головина.

Благодарю за обещание доставить мне гражданский отчет[14]. Конечно, весьма любопытно видеть эту важнейшую часть твоего огромного управления, ибо военные дела далеко уже не имеют прежнего вида, и Шамиля не должно быть долговременным владычество. Это делается приметным, и я думаю, что в лучшем состоянии дела должно было признавать его за предмет второсте-

пенный. Впрочем, некоторым из предместников твоих небезвыгодно было выставлять его за некоторый род гения: ибо, преодолевая его, они себя ставили натурально выше и знакомили с собою, тогда как о существовании их едва подозреваемо было. У нас есть знаменитости министерские, штабные и в армии неизвестные. Есть также и необходимость оправдываться в получаемых наградах. (Avancements et récompenses monstres*.) За все спасибо гению Шамилю!

Благодарю и буду ждать обещанную карту десятиверстного масштаба. Не имея никакой, я не понимаю говорящих о Кавказе и если не краснею, то по привычке к подобному заключению на мой счет. Ты один имеешь великодушие признавать, что я имею некоторое понятие о твоем крае, и это говорю я не в виде приветствия.

Прощай по […]** твоих занятий я не буду роптать, если […] писать ко мне не будешь, желаю тебе возможных […] неразлучных с общею пользою.

Душевно преданный *Ермолов*.

Ты пишешь мне о *Копьеве,* как будто бы я находил излишне строгим его наказание отданием под суд[15]. Я не мог иметь этого в голове, ибо совершенно не знал обстоятельств его дела до получения письма твоего; а слухи, которые доходили до меня, отнюдь его не оправдывали. Не сердись, что повторю собственные выражения в письме твоем: «о прежней его службе, которую ты называешь блистательною, я ничего не знаю». Тебе известно, что 20 лет, как я в отставке, следовательно, свидетелем его службы я быть не мог, и в целой армии почти нет уже мне знакомых, или были они не в больших чинах. О нем же говорил мне человек, строгий по службе и не дающий похвалы не заслуживающему ее, человек, которого службу и способности я хорошо знаю; это — бывший командир 5-го пехотного корпуса Муравьев[16]. В последнюю Польскую инсуррекцию он имел в команде три гренадерских полка бывшего Литовского корпуса, составленные из поляков. К ним по неблагонадежности прикомандированы были 24 офицера из гвардейских полков, из числа коих убито и ранено 16 человек, и полки дрались отлично. Муравьев сказывал мне, что Копьев был замечателен своим усердием и храбростию. Слова: *блистательной службы* принадлежат ему; а Копьева в первый раз в жизни увидел я несколько лет после того. Можешь судить, есть ли причина к особенному участию со стороны моей; но я жалел, что мог впасть в преступление офицер, отлично храбрый и имевший столько лестное звание флигель-адъютанта и такую видную в службе карьеру.

Вот что заставило меня любопытствовать о нем; но судить о наказании не мое дело, и особенно человека, которого я едва знаю, и то, только в лицо.

И так об этом более ни слова!

Несчастного Дадиана я узнал после наказания и с сожалением помню, что уже скоро десять лет и не прекращается постигшее его несчастие!

Прощай!

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 181–187 об.

---

* Производства и награды колоссальные (*фр.*).

** Здесь и далее в тексте письма дефекты оригинала.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 7 марта 1847

К тебе, почтеннейший князь Михаил Семенович, отправляется землемер господин Твердохлебов[1], о котором нахожу нужным сообщить тебе понятие. В небольшом еще чине ему поверялось большое число подчиненных, как чиновнику опытному, а мне известен он как человек бескорыстный, следовательно, надеющийся обратить на себя высокое твое внимание. Конечно, нет у тебя излишества в подобных людях и он без действия оставлен не будет. Из первых опытов увидишь ты, что я рекомендую человека небесполезного. Прощай, желаю тебе вообще со всеми людьми благомыслящими успехов во славу твою, в пользу отечества, которые со времени начальствования твоего все видят и ощущают.

Преданный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 190

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, март 1847**

В ожидании возвращения молодого твоего князя я приготовил письмо к тебе, почтеннейший князь Михаил Семенович, не надеясь, чтобы Москва успела удержать его долгое время.

Князь представит тебе бумагу, которую ты сообщил мне. Весьма понимаю ее важность и необходимость содержать в тайне намерения твои. Я в точности исполнил поручение твое и не только никому не показал ее, но даже никто не подозревает о существовании ее. Искренно благодарю за доверенность и цену ее в полной мере чувствую.

Письма твои я сохраняю; в них заключены некоторые из предположений и предприятий твоих, но возвращаемая бумага по адресу ее слишком важная и официальная, и потому она не находит у меня места. Признаюсь, что с некоторым самодовольствием заметил я, что в ней возобновляется мысль моя, почти уже 25 лет назад высказанная и на Кавказе известная.

Смотря с *Каранайского* спуска[1] на изуродованную природу гор, я сказал некогда: «В эту гнусную дыру я солдат наших не поведу». Я мог забыть это, но помнят другие, и генералу Гурке пересказывал то генерал Клугенау.

Когда ты не находишь необходимости влезать в горы и ограничиваешься Аварскою Койсу[2], то мысль моя перестает быть безумною, как признавалось все то, что я делал, признавалось не одним великим нашим фельдмаршалом! Суждений его и ты не избежишь, любезный князь; ибо власти, в которую ты облечен, не сваривает желудок расстроенный и обремененный славою. Он не понимает, как могли разрушиться твердые основания, положенные им для благоденствия края, которым ты управляешь; а ты находишь не только что исправлять, но даже сотворяешь вновь. Это не прощается!

Возвращусь к прежнему. Я занял Акушинскую область; впоследствии занят был Казыкумык, и тем я ограничился на время. Необходимым этого следствием должно было быть сообщение между ними, и, конечно, это была мысль

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 22 марта 1847».

моя, которую нетрудно было привести в исполнение, ибо тогда не было соединения народов, воспламененных религиозным фанатизмом[3]. Акуша оставалась непоколебимою до 1843 года[4]. Мне надобно было усадить на плоскости кабардинцев и отнять убежище в горах. Это заняло 1822 и 1823 годы. Могли бы твои предместники поблагодарить меня за то, ибо при их распорядительности нелегко было бы им ладить с Военно-Грузинскою дорогою. Теперь *Кабарда* совершенно в руках, и прошедший год убеждает в том. Барон Розен при его взгляде и познании края заставляет меня думать, что занятие *Кунзаха* было временное и, может быть, надобное, пока существовала там ханская фамилия[5]. После ее лучше бы оставить *Аварию* и избежать случившихся впоследствии бесславных происшествий[6].

Намерение твое занять *Гергебиль* и другой какой пункт[7] будет всегдашнею грозою *Аварии*, поставит в необходимость помышлять о собственной защите и даст причину уклониться от содействия Шамилю, которое наносит чувствительные им потери.

Неимоверная подвижность твоя познакомила тебя с местностию, и ты в два года усмотрел то, что во многие года не видели другие.

Конечно, Кавказ примет совсем другой вид.

Ты лучше меня знаешь, что происходит в Петербурге, конечно и то, что есть завидующие тебе и, может быть, не восхищающиеся твоими успехами; но Государь чрезвычайно доволен твоими распоряжениями и действиями и говорит о тебе с особенным уважением и признательностью. За что мне сердиться, когда это производит другим колики? Между ними есть и мне всегда благоприятствовавшие прежде и теперь готовые резать, хотя никому, и давно уже, не могу я быть вредным.

Слухи продолжаются, что *князя Васильчикова* заместит *князь Чернышов*[8]. Говорят, что он желал бы сохранить Военное министерство вместе, но что будто бы встречается в этом затруднение. Если это так, то ты лишишься в лице министра не лучшего из друзей твоих. Ты, конечно, это знаешь и действуешь образно тому.

Знаю, что неимоверная деятельность твоя не допускает тебе свободного времени, почему я весьма далек ропота, что ты редко весьма ко мне пишешь, и всегда терпеливо ожидаю приятных этих случаев.

Прощай, желаю тебе благополучия и всевозможных успехов.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 188–189 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 12 мая 1847**

Получив письмо твое[1], почтеннейший князь Михаил Семенович, и прежде, нежели благодарить за него, скажу, что получил с величайшим удовольствием, ибо давно уже не писал ко мне. Не подумай, однако же, чтобы в словах сих заключалось хотя малейшее негодование. Я слышу о занятиях твоих, знаю, что единственно для отдохновения прерываешь их, и нет другого времени свобод-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 1 июня».

ного. Некогда и меня мучили бумаги, и от одного воспоминания об них захватывает кровь. Поход и лагерь, как ты говоришь, большое от них облегчение.

Не без внимания выслушиваю я замечания твои, что ты для отдохновения имеешь нужду в продолжительнейшем сне, нежели прежде. Я четырьмя годами тебя старее и хотя не только трудов не имею, но в совершенном живу покое, чувствую, однако же, упадок сил и необходимость во внимании для восстановления их. Тебе, любезнейший князь, не раз поставлял я на вид, что ты чрезмерную допускаешь деятельность, спеша все осмотреть собственными глазами. Конечно, всегда лучше глаз хозяина; но есть предметы, до которых может дойти очередь впоследствии, и ты в два года времени, в обширность крае твоем, не оставил угла тобою не посещенного. Этому, конечно, всякой удивится, особливо не разумея, что это могло быть иначе. Весьма мудро сказал некто из писателей, что *уметь стариться есть наука трудная*. При всех твоих достоинствах ты этого не имеешь! Тебе надобно так рассчитывать, чтобы Кавказ мог бы еще долго быть под твоим управлением. Тогда оставишь вечные памятники и глубоко врежешь пути для твоих наследников. Иначе не должно! Я говорю из опыта. Не имевши далеко твоих средств, ни той власти, в каковую ты облечен, и тогда как Кавказ, после великих современных событий, мало обращал на себя внимания и почасту никакого удостаиваем не был, я при малых способах не мог сделать чрезвычайного; но и то малое, что я сделал, мои наследники или затмили, или себе приписали, наброся* на меня порицание. С Воронцовым не должно это случиться, и я хочу верить, что быть не может; но без сумнения наследники предложат перемены под видом необходимого улучшения и, наконец, выставят за собственное сотворение. Этого нельзя будет сделать, когда начертан будет план для их действий, обуздывающий всесокрушающий дух нововведений. Неужели член Государственного совета *Ган* должен заключить породу шарлатанов?

Согласишься, думаю, с основательностию замечания моего. На Воронцове могут возлежать обязанности и в отношении к знатному имени своему, для которого ты должен работать. Ты не имеешь, подобно нам, выгоды принадлежать к происхождению плебеянскому**. Для нас достаточна посредственная иллюстрация. За то с вами иначе совсем и осторожнее поступают, как превосходящими тот класс, который называется crévable, taillable (et je crois même un peu tuable)***, то есть мы.

Видел из публикуемых известий, что в продолжение прошедшей осени и всей зимы горцы ничего не предпринимали и что со стороны нашей все небольшие действия, по внезапности их горцами непредугаданные, имели весьма удачное окончание и наносили им потери. Это положение их должно было делать тягостным, в особенности при удручающей их бедности.

Нельзя отказать горцам в некотором уважении за твердость и постоянство, с каковыми переносят они нищету и всякого рода лишения, имея справедливый ропот на зверскую власть Шамиля. Недолго, однако же, может продолжиться столько бедственное состояние. Могущество его и к нему доверие должны быть питаемы успехами орудия его; но, конечно, уже не предпримет

---

* Так в оригинале.

** Так в оригинале.

*** Годным только на то, чтобы разорвать его на куски, разрезать на части (и даже, как я думаю, немножко убить) (*фр.*).

он ничего подобного прошлогоднему, что его последователям должно было казаться не имевшим выгодного окончания: ибо не только не приобретено никакой добычи, напротив, надобно было спасаться сумнительным бегством, на что они неохотно пускаются. Есть у меня неизъяснимое чувство, что вскоре дела примут совершенно другой вид. Не знаю, из какого источника, но доходят слухи, будто предназначена тобою большая экспедиция против Тилитлы[2], которою командует князь Аргутинский. Я не умею согласить этого с теми затруднениями, которые встречаются в высоких местах Казыкумыка для содержания войск в зимнее время и даже в мае месяце. Может быть, в Тилитлы или окрестностях сего аула найдется возможность расположить выгодно войска и тем обеспечить спокойствие и безопасность Казыкумыка, что мне совершенно неизвестно; тогда занятие Тилитлы представляется совсем с другой точки. В этом удостоверюсь я впоследствии, из самых происшествий. Мое полное убеждение состоит в том, что ты ничего не захочешь занять, что не представит существенной пользы или более твердого расположения.

Уверен будучи, как выше я сказал, что вскоре дела примут совершенно другой вид, я не разумею, однако же, чтобы покорение гор произошло немедленно; но оно случится непременно. А на некоторое время, как сильное обуздание, почитаю достаточным сделать свободное сообщение владений Мехтулинских[3] с Зудахарою и от Зудахары[4] хорошую дорогу в Казыкумык, которая в теперешнем ее состоянии довольно уже удобна. *Гергебиль* можно не так глупо укрепить, как доселе было, и, в нем имевши достаточные запасы, можно и скорой удобно перебрасывать войска с одной стороны гор на противоположную, отнюдь не обременяя затруднительными тягостями. Внезапное появление войск и быстрое соединение их в массы не допустит горцев к предприятиям, требующим времени для сборов, и уже конечно ничего не случится внезапного. В видах быстрого перемещения войск чрезвычайно важные услуги окажет пролагаемая чрез *Сальват*[5] дорога. Я восхищался описанием ее в газете. Желаю, чтобы понимали ее достоинство!

Благодарю за доставленный с *Олсуфьевым*[6] отчет за 1845 год[7], который знакомит со всеми внутренними распоряжениями.

Буду ожидать сведений на важнейшие из предметов, которые поручишь *Сафонову* сообщить мне. Это, впоследствии, можно будет наименовать *Уложением*. Видел проезжавшего князя Барятинского, восхищенного, что под твоим начальством имеет отличнейших и из храбрейших полков[8]. Подобные молодые люди, и с такою пламенною волею, могут делать чудеса, и какой пример для других!

Может главный начальник быть милостив к молодым офицерам, но я еще не видел столько великодушия, как Вы, почтеннейший князь, оказываешь к детям моим в недоумении их; но я сам поражен удивлением, докуда может восходить благотворительность высокой души. Довольно для Вас, что они не имеют покровительства, и Вы сделались их провидением. После такого ободрения не удивлюсь, если они будут уметь сделать что-нибудь порядочное. Поручусь, что все усилия употребят сделаться достойными Ваших милостей. Вам принадлежат чувства признательности моей во всей полноте. Будьте благополучны, почтеннейший князь.

Преданный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 192–192 об., 197–198 об.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 9 июня 1847

Давно ничего не знаю о тебе, почтеннейший Николай Николаевич, и сам не писал. Теперь также писать нечего, но делаю то, для собственного удовольствия или, лучше сказать, как потребность души, в уверенности, что по дружескому ко мне расположению тебе не будет это неприятным.

После отъезда твоего отсюда я продолжал ту же сидящую жизнь, потворствую возросшей лени моей до неимоверного степени. Продолжавшаяся гнусная погода удерживала меня, не выпуская в деревню, куда не прежде отправился я последних чисел мая и то, употребляя зимнюю одежду. У вас совсем не то быть должно, хотя живете Вы не под самым благотворным небом.

Теперь я на несколько дней в городе по причине проезда одного приятеля и тотчас в деревню, где хотел бы иметь частичку твоей деятельности и установить действие утучняющей меня лени.

В конце сентября имею намерение сделать прогулку по Европе без всякой совершенно цели. В мои лета одно может быть врачевание водами, но я, напротив, вывожу избыток здоровья за границу, где, может, сброшу излишнюю тучность, лишающую меня стройной талии, а более еще легкости, столько необходимой для занятий и деятельности, продолжающейся уже за двадцать лет.

Думаю, проездить не менее года, и велико будет сожаление мое, что не увижу тебя, любезный Николай Николаевич, душевно почитаемого мной друга, когда зимой приедешь ты в Москву.

Ты, верно, одобришь прогулку мою, конечно, уже последнюю в жизни.

Скажу слово о Грузии: давно весьма я ничего не знаю, кроме слухов, что там повсюду совершенно покойно и взяты деятельные меры к стеснению горцев, которых стада пользовались плоскостью под именами людей нам преданных и верных. Эта мера для них ужасная! На днях бывший здесь генерал Головин имел известие, что приуготовляется довольно продолжительная экспедиция[1]. Что войска в команде князя Аргутинского состоят из 14 батальонов. Что будут в действии расположенные в Темир-Хан-Шуре, но не знает никто предназначенной им цели. Сам главнокомандующий, как слышно, будет при войсках Аргутинского. Не исчезнут ли с лица земли Тилитлы, где не один дан урок некоторым из наших знаменитостей. Большой будет удар и потрясет могущество Шамиля! Нам из того может не выйти ни малейшей пользы, для удобнейшего расположения войск в горах, но в них первый еще удар Шамилю, ибо таковым отнюдь не почитаю Дарго, расплатясь так нерасчетливо за приобретение столицы. Нехорошо, быть может, дерзкому насмешнику, сыгравшему обидную для нас фарсу в Кабарде. За дело ему! А со стороны нашей недостатка в войсках не было!

Для меня тайною давно уже все то, что происходит в Грузии. Воронцов пишет чрезвычайно редко или совершенно ничего не заключают письма его. Впрочем, не без основания говорит он, что мало имеет свободных минут. Головин раздает знакомым описание военных действий на Кавказе в его время[2]. Генерал Граббе, раздираем в клочки почти как человек, совершенно неспособный; сам является он почти как Монтекукули[3]! По-нынешнему — это довольно скромно!

Скажи мое совершенное почтение Наталье Григорьевне[4], которой внимание ко мне и обязательное расположение ценю я весьма высоко.

Прощай, любезный Николай Николаевич. Дай Бог тебе и с семейством счастия!

Преданный *Ермолов*

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–37. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 11 июня 1847

Не хотел пропустить случая писать тебе, почтенный князь Михаил Семенович, с князем Кочубеем, принадлежащим тебе душою. Мне чрезвычайно нравится молодой этот человек, отличающийся скромностию. И не удивительно; кто не почтет за особенное счастие служить под твоим начальством и, в особенности, при лице твоем?

Имей терпение выслушать просьбу о двух молодых людях, которые готовы лететь на Кавказ и неотступно просят меня о них писать к тебе.

1. Сын известного тебе покойного *Дениса Давыдова*[1], двоюродного мне брата, которого я любил чрезвычайно, поручик гвардейской конной артиллерии. Он взял бессрочный отпуск с намерением явиться к тебе и просить позволения твоего перейти в Нижегородский драгунский полк; как уже гвардейских офицеров к тебе не посылают[2] и если бы не было в полку вакансии, то готов он перейти, куда тебе угодно будет приказать. Об нем я прошу тебя, и ты найдешь в нем очень умного и острого молодого человека. Я сказал ему, что не буду просить тебя иметь его при себе и точно надобно, чтобы служил он в полку непременно для собственной его впоследствии пользы, ибо не всегда может он быть под могущественным твоим покровительством и надобно будет стоять на собственных ногах.

2. Сын бывшего (гренадерского корпуса) дивизионного кавалерийского начальника Дохтурова[3], лейб-гвардии Уланского полка поручик, который был назначен в Кавказский корпус на 1846 год. С самим отцом я не коротко знаком, а сына и не видывал, и, следовательно, и не умею сказать, каков молодой человек. Он также готов оставить гвардию. Что ты отвечать мне будешь, я так и отзовусь так просившему меня отцу.

Здесь слухи, что ты лично находиться будешь при войсках, которые направляешь на весьма важное предприятие и будто на *Тилитлы*. Что во многих пунктах и в больших силах двинутся войска и экспедиция будет продолжительная и для горцев весьма опасная. Я выслушиваю и ничего не знаю, судить не могу, основательны ли слухи. Помнится мне, что ты не намерен был делать в нынешнем году движения против *Тилитлы*, но думать должен, что особенные обстоятельства тебя к тому побуждают или, по крайней мере, дабы оградить Казыкумык не только от опасных нападений, но даже утвердить обладание оным, в некоторое время года сумнительное по причине недостатка средств для содержания в нем войск.

Что бы то ни было, желаю тебе успехов, которых все, с полною уверенностию, ожидают. Под собственными глазами с твоею опытностию все произойдет наилучшим образом.

Я буду в восхищении, если которому-нибудь из детей моих удастся иметь счастие служить под личным твоим предводительством, и уверен, что после милостивого на них внимания твоего они употребят все усилия сделаться его достойными. Просить об них я знаю, что не нужно, напротив, я всегда в положении просить за них благодарение.

Прощай, желаю тебе одного необходимого: чтобы состояние здоровья было в соразмерность неимоверной и всех удивляющей твоей деятельности.

Твой весь душою.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 193–194 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 20 июня 1847*

Я писал тебе, почтенный князь Михаил Семенович, с князем Кочубеем, полагая, что он скоро возвратится в Грузию, но, по отъезде его, мне сказывали, что он поедет в свои деревни и некоторое время займется собственными делами. А как я обращался к тебе с просьбою и мне нужно, чтобы скорее она дошла, то я и повторяю ее.

Письмо мое представит тебе Давыдов, поручик гвардейской конной артиллерии, находящийся в бессрочном отпуску и желающий иметь честь служить под твоим начальством. Как офицер гвардии, он не мог употреблен быть на Кавказе, и потому готов переменить род службы и выйти из гвардии в полк, который тебе угодно будет назначить, если невозможно будет в драгунский, прежде бывший Нижегородским.

Ты знал отца молодого человека известного *Дениса Давыдова*, близкого моего родного, что и заставляет меня заботиться об участи его сына. Не смею сумневаться, что ты доставишь ему случай служить деятельно и будет милостиво внимание твое на него.

Так как он не будет при тебе, а принадлежать будет полку, то поручи его которому-нибудь из генералов, где будут действия.

По слухам здешним и количеству движущихся войск ожидаются важные и решительные происшествия, и, как известно, что ты по этой стороне Кавказа и повсюду сам направляешь действия, то всех вообще одинаковая уверенность в успехе.

В письме к к[нязю] Кочубею еще заключалась просьба также об офицере гвардии Дохтурове, которого я не знаю, никогда не видывал и об котором просил меня отец его, бывший начальник седьмой легкой кавалерийской дивизии, человек мне весьма мало знакомый.

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

Итак, действие мое в сем случае есть некоторый род канцелярской очистки; а что из того выйдет, это уже не мое дело!

Весьма понимаю, как скучны подобные просьбы, и удивляюсь, что молодые люди менее заботятся службою своею обратить на себя внимание начальника, а изыскивают случай быть ему известными прежде, нежели что-нибудь сделали, и представить ручательство за свои способности, которые не иначе определяются, как действием.

Кажется, довольно объяснил, которая, из двух описанных фигур, более меня занимает и более показывает желание служить.

Не хочу более скучать тебе письмом, и у тебя даже для отдохновения самого нет времени достаточного. Прощай!

Желаю от души всех успехов!

Совершенно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 195–196

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Не ранее начала 1847 — не позже августа 1847]

Можешь вообразить, почтеннейший князь, сколько обрадован я был уведомлением твоим, что один из сыновей моих[1] удостоин думою св. Георгия. До того я этому не верил, но недавно видел я одного из членов, заседавших в главной санкт-петербургской думе, который сказывал, что по причине не довольно ясного описания подвигов в реляции представленные не подходят под статут и потому орденов им не дано и реляция обращена к тебе. Он сказывал мне, что большей части членов мнение было в пользу представленных и что от тебя совершенно зависит приказать более обстоятельно описать оказанное отличие и они будут удостоены. Я передаю, что слышал, а впрочем, ты как начальник лучше знаешь!

В этом случае, как и прежде, я поступаю по правилу моему ничего не говорить о моих детях и нахожу бесполезным, ибо к старшему сыну ты столько милостив и внимателен, что если бы я просил о нем, ты ничего более не мог бы сделать. Итак они будут собственно тебе обязаны, и мною внушаемо им, что необходимы труды и усердие и что, нося *мое имя,* они не на многое должны рассчитывать.

Я позволю тебе одну и убедительную просьбу, чтобы не были они праздны и были употреблены в действие. Это ты сделай, ибо мне собственно будет величайшим угождением. Им надобно добиваться Владимирского ордена, дающего право дворянства. Недавно просил я о выдаче свидетельства, когда поступили они в офицерский чин, и писал насмешливо, что надобно молодых людей столь знатного происхождения извлекать из податного состояния.

Писать буду не иначе, как с верными случаями; с почтою — ничего важного.

Прощай.

[*Ермолов*]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 202–202 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Между 8 и 14 августа 1847]**[1]

Не достало мне места в письме к тебе, любезный князь, чтобы еще повторить благодарность мою за милости к детям моим и сказать, сколько обрадован я Владимирским орденом, данным моему Клавдию. Из Петербурга был извещен, что многие из членов Георгиевской думы находили достойным награды представленных офицеров, но причиной отказа был статут, приноровленный к европейской войне.

Прапорщик с Георгиевским крестом был бы чудо, а прапорщик Ермолов, едва ли не чудовище, и этого, думаю, довольно, чтобы отказать награду. Но как бы то ни было, я в восхищении, ибо Владимирский крест дает права дворянства, даже потомственного. Права эти, может быть, не весьма значительны, но весьма необходимы, и признаюсь, почтеннейший князь, что нетерпеливо ожидаю, когда достигнет их мой *Север,* которого перевел бы я тогда на службу внутри России или бы даже согласил выйти в отставку, ибо в летах моих небесполезно было бы иметь при себе одного из сыновей. Он был бы хранителем после меня небольшого достояния своих братьев, которые должны служить. Вот все мои желания и, конечно, других никогда не будет! Разве, чтобы они сделались достойными твоих милостей.

Преданный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 242–242 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 14 августа 1847

С равным нетерпением и любопытством ожидал я, любезный князь Михаил Семенович, письма твоего и получил от 1 числа июля из Турчидага[1].

Слухи уже были о холере в вашем краю и между войсками, и не трудно было понять, какие затруднения приуготовляла тебе проклятая эта болезнь.

Из письма твоего увидел я с досадою, что она встретила тебя уже при переправе чрез Сулак и сопровождала до Гергебиля, который без этого обстоятельства, конечно бы, не удержался[2]. Но как она в одном месте не бывает очень долго, то в минуту, в которую пишу, уверен я, что возобновились военные действия и Гергебиль уже в руках твоих, если только входит это в твои предположения. Впрочем, ты, верно, того же мнения, что его взять надобно, дабы не могли думать горцы, что могут противостать нам.

Повторю собственные слова твои, что первое дело сберечь войска и что впереди у тебя много времени. Уверен, что пребывание твое в этой части Дагестана совершенно ее устроит, и навсегда решено будет, чем ограничиться должны наши приобретения. Это чрезвычайно важно и будет служить уставом для частных начальников, смиряя произвольные их действия.

Чрезвычайно приятно и, могу сказать, лестно мне было выслушать от тебя одобрение рассуждения моего касательно черты, которую не должны мы пере-

---

* Фрагмент письма.

ступать в этой части Дагестана и того расширения, которое может быть нам полезным. Многие думают неосновательно, что все надобно занимать и повсюду строить крепости. Весьма нередко можно довольствоваться тем, чтобы убеждены были, что от нас зависит взять, когда того мы пожелаем и в чем воспрепятствовать нам невозможно.

В этом смысле писал я тебе о пользе иметь две верные переправы, укрепленные, и угрожать Аварии, отнюдь ее не занимая. Рад, что это согласно с твоими видами[3]. Казыкумык и Акуша будут назади и уразумеют, что их спокойствие от нас зависеть будет, не снискивая его рабственным угождением Шамилю. Кунзах был полезен, когда существовала в Аварии древняя фамилия ханов[4], между горцами уважаемая, но по истреблении оной Кунзах был нам в тягость по трудности сообщений, что в 1843 году доказано потерею многих укрепленных мест.

В мае месяце был здесь *генер[ал] Головин* и спорил о необходимости занятия Аварии, но я в таких случаях всегда помню известную смешную пословицу: «всякой барон имеет свою фантазию». Мы приятельски поспорили, и ни один из баронов не отстал от своего мнения.

Не сумневаюсь, что он сообщил тебе сочинение его о происшествиях на Кавказе во время его командования и о военных его действиях. О *Граббе* говорит он с озлоблением и в выражениях непозволительных, представляя его не разумеющим своего дела. Все приписывает себе, и то, что непосредственно принадлежало ему.

Сочинение напечатано без цензуры, и он не скрыл от меня, что у Государя находится экземпляр. Конечно, не новый способ писать самому о себе, но по крайней мере не в такой степени хвастливости. Впрочем, это многим ныне не удавалось! Если дойдет до сведения Граббе, без возражения не обойдется, и он умеет написать не хуже Головина.

Мне даря сочинение, он просил не делать его многим известным, а я слышу, что немало экземпляров распущено. Быть непременно полемике!

Недавно вышло сочинение *Устрялова*, где коснулось войны с персиянами, и обо мне сказано, что я просил о смене меня, признаваясь в неспособности командовать против персиян[5].

В то же время *полковник Реут* (ныне генерал-лейтенант)[6], защищавший Шушу, назван неустрашимым. Это в нынешнее время называется историею! О *Реуте* лучше всех должен знать *ген[ерал]-лейт[енант] Клугенау*, служивший в его полку майором, которого тогда прислал он ко мне с просьбою, что по крайности, в которой он находится, он держаться не в состоянии и чтобы дал я повеление сдать крепость. Клугенау ехал чрез лагерь Аббаса-Мирзы, и ему известно было об испрашиваемом позволении. Бумаги, в ответ Реуту, мною посланные, не могли заключать большой ему похвалы и, конечно, ничего угодного Аббасу-Мирзе, который ожидал возвращения Клугенау, отправленного с его соизволения. Вместо Клугенау я послал Тифлисской полиции офицера *Ахиджанова*, которого нашли убитого в преследовании подлого труса Аббаса-Мирзы после Елисаветпольского сражения[7]. О состоянии Шуши знал я все подробности из записок самого Реута чрез посланного мною армянина, верного человека, который проносил мои предписания на польском языке, ибо в армии персидской тогда поляков не было. Бумаги писал мне чиновник из по-

ляков, служивший в экспедиции губернатора *генер[ал]-майора Ховена*, теперь живущего у меня. Вот историческая неустрашимость полковника Реута! Готов был сказать тебе еще одну мерзость, но оставляю до другого времени; впрочем, о другом значительном лице.

Возвратимся к Кавказу.

Теперь все предстоит собственным глазам твоим. Какие рассказы были о Гунибе, который воспаленное воображение молодежи превращало в *Koenigstein*[8]. Много, поистине, поэзии; но зачем он надобен, и какая польза в Ругудже[9]? В эту категорию я не ввожу Тилитлы, но, конечно, не в теперешнее время может быть в них необходимость. Но, когда Казыкумык присутствием большого числа войск приучен будет к прочнейшему повиновению, тогда, буде нужно, и Тилитлы достанутся несравненно с меньшими трудностями. Приобретение может доставить величайшие выгоды впоследствии, но не иначе, как по изысканию удобного пути из Кахетии. Тогда сократится линия до Северного Дагестана, и то же количество войск, на меньшем пространстве рассеянное, могущее беспрепятственно приспевать, куда потребно, будет вселять большее к себе уважение. Все это даст нам открытие каменного угля. Мне досадно, что не постигают важности этого открытия, которого выгоды нельзя подвергнуть исчислению.

Конечно, не тотчас будет это ощутительно, но я вижу время, когда собственно по одному открытию угля можно будет уменьшить количество войск. Тебе, обращающему внимание на все обстоятельства, предлежит создать систему, которая вывела бы нас из большой погрешности размножать укрепления. Немногие из сих имеют моральное действие на окрестные земли, большая же часть развлекает войска, ничего им не предоставляя, кроме безопасного пребывания. И тут еще есть условия. Многое мог бы я сказать, имея некоторое о крае понятие, но боюсь наскучить тебе, и ты не имеешь времени читать мечтания празднолюбца, имеющего досуг. Оставь наследникам твоим начертание, которое служило бы им руководством. Надобно же иметь план, с которым бы все начальники соображались. Доселе действия их разрушающие одне других, и мы остаемся всегда при началах. Ты все имеешь, и власть, и у тебя самый верный помощник — Государь. Этого не про всех других сказать возможно!

В конце сентября намереваюсь я ехать на год за границу. Не болезнь гонит меня, но жизнь скучная, единообразная, и лень, совершенно покорившая меня. Словом, жизнь преглупая! Объеду, сколько будет возможно. Не буду представлен ни к одному двору, не сделаю никаких знакомств, кроме хозяина гостиницы, в которой буду жить. Буду пользоваться общественными удовольствиями. Где понравится, поживу долее; где не покажется хорошо, еду далее. Одно из желаний быть зиму в Италии, и более ничего не знаю. Со мною едет один из хороших моих знакомых, весьма много живший за границею[10]. Невозможно человеку в семьдесят лет не иметь с собою кого-нибудь из близких.

Не думаю, чтобы встретил я затруднение в увольнении, в чем не отказывают никому, и ожидаю на письмо о том ответа. Когда получу, буду писать тебе; прощусь и от всей души пожелаю успеха истинно в трудном подвиге твоем, совершаемом для пользы отечества и его славы.

Детей моих поручу тебе, благодетельному их начальнику, которого милостивое к ним внимание не оставляет мне ничего желать им счастливейшего, как сделаться его достойным.

Будь снисходителен к недостатку их способностей, которые, сколько они могут, заменяют усердным служением. Один из младших уже дворянин по ордену[11], чего так в короткое время я ожидать никак не смел. Если так же счастлив будет самый младший[12], мне не останется никаких желаний. Хотя одного буду я иметь ближе к себе на остаток дней моих, и ты же переведешь его сюда. Мне кажется, он менее других братьев наклонным к военному ремеслу, и я познакомлю его с умеренностию в замыслах. Он будет хозяином для братьев, которые должны служить необходимо по скудости их состояния. Вот мои планы, и я одно могу прибавить, что хорошо детям моим служить под повелениями Воронцова, не изменяющего расположения своего ко мне всегда постоянного.

Прикажи моего старшего сына употребить на службу более деятельную. Он попался туда, где главное занятие — устройство новых станиц и едва ли будет выстрел. Жалею о праздности его. Прощай, почтеннейший князь, будь благополучен. К чувствам моей преданности я прибавляю и благодарность.

Ермолов

P. S. Это прибавление прочтя, истреби.

С некоторого врем[ени] доходит до меня молва, впрочем, ни на чем не основанная, что будто ты намереваешься сократить время пребывания твоего на Кавказе. Это молва не порожденная болтливою Москвою, но перешедшая сюда из Петербурга, где, конечно, немало завидующих блистательному твоему положению, твоему могуществу, в особенности же при расположении к тебе Государя. Молве этой я не даю веры и прошу тебя не думать, что сообщаю о ней с намерением вызвать тебя на ответ, который бы мог объяснить ее. Прошу ни слова мне не говорить о том.

Позволяющие себе рассуждать об этом, естественно, встречаются с затруднением заменить тебя и ищут достойного среди отличаемых уважением Государя, а потому и падает выбор на графа Киселева[13]. Но это все та же молва, и нет ничего в основание ей. Конечно, поводом к такому назначению служат особенные к нему милости Императора, который, может быть, о том и не помышляет. Он и в Петербурге почитаем весьма надобным.

Спешу на почту. Прощай.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 203–208

Н. Г. УСТРЯЛОВУ

Москва, 17 сентября 1847

Милостивый государь Николай Герасимович[1]!

Увлекаясь общим любопытством прочитать историю достославного царствования нашего Государя Императора, долго не мог я приобресть сочинения Вашего, всеми отыскиваемого с большим желанием, и потому недавно ознакомился с его содержанием.

Не рассуждая об историческом изложении труда Вашего, я почитаю себя вправе говорить, что в нем, упомянувши обо мне, Вы изволили изобразить меня в чертах совершенно несвойственных ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мной на службе, и что прежде, нежели приступить к тому, не было бы излишним принять в руководство сведения более основательные или, по крайней мере, правдоподобные; хотя, впрочем, должен я, не желая подозревать другую причину, предположить, что в изложении Вы искали соблюдать добросовестность.

Не в защиту свою, в которой не имею надобности, решился я обнаружить ошибку Вашу, но малейшее искажение истины оскорбляет достоинство истории и потрясает доверие к целому труду.

По произволу Вашему, приписав мне недостаток способностей, Вы отрицаете прозорливость покойного Императора[2], которого продолжительная борьба с величайшим своего времени полководцем[3] и низложение его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногим достигнуть предоставляет. После сего нельзя без дерзости предположить, чтобы в лицах, им избираемых, недостатки способностей могли легко укрываться от его проницательности и легко быть замечаемы другими.

Все назначения мои по службе определяемы были непосредственно его волей. Так, в 1812 году, эпоху Отечественной войны, был я начальником Главного штаба 1-й армии; в 1814 году поручено мне было более 80 тысяч войск, расположенных на границе с Австрией; наконец, за шесть лет перед удалением моим из Грузии я был назначен начальствовать армией в Италии более, нежели из ста тысяч человек составленной. И был для того вызван в Лайбах, где отзыв обо мне покойного Императора Императору австрийскому[4] мог быть лестнейшей для каждого наградой.

Прежняя война с персиянами[5] была современной войне отечественной и, невзирая на ограниченность средств командовавшего тогда на Кавказе генерала Ртищева, кончена со славой для нашего оружия и с приобретениями. Во время пребывания моего в Грузии отличные войска Кавказского корпуса значительно умножены и сверх того ныне благополучно царствующим Государем Императором усилены были двумя дивизиями. Персиянами предводительствовал сын шаха Аббас-Мирза, столько же известный отсутствием воинственных дарований, сколько знаменитый поражениями [от] русских войск. Вам, милостивый государь, многое неизвестно, но я, знавши хорошо обстоятельства, войну с персиянами не мог встретить без основательной надежды на успех и чувствовать в себе недостаток способностей, когда во многих из подчиненных мне находил их достаточными для персиян.

Не оскорбленное самолюбие, но признательность к доверенности, которой удостоен я был покойным Императором до конца его царствования, и уважение к памяти обо мне прежним моим сослуживцам вызвали меня заметить Вам, милостивый государь, эту непозволительную ошибку.

С должным уважением имею честь быть, милостивого государя покорнейший слуга…

[Ермолов]

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 41 об. – 42 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 29 сентября 1847*

Судя по гнусной погоде, сменившей осень великолепную, можно ожидать, почтенный князь Михаил Семенович, что в горах у Вас вскоре встретит Вас подобная и ты не замедлишь кончить экспедицию.

В Москве был слух, что проскакал фельдъегерь с известием о взятии *Салты*[1], но [так] как они ни к кому не являются, то никто и не знает достоверно. Из газет мы немногое знаем, а проезжих нет. После Салты, разумеется, не замедлит падение Гергебиля, и я нетерпеливо хочу видеть, что сделает Шамиль? Доселе во многих случаях осторожный и умный, неужели будет он иметь глупость защищать его и подвергнет горцев неизбежной гибели? Сам он, конечно, позаботится спастись бегством, если еще не посягнула на него холера, от которой со свойственным тебе благоразумием сохранил ты войска. Турчидаг, как ты сам говоришь, не в одном этом случае оказал тебе услугу. Собственными глазами видел ты край, где происходят действия; определишь их на будущее время и положишь цель, до которой достигнув, не преступать без крайних и, так сказать, повелевающих обстоятельств. Это весьма важно, и для того собственный взгляд был необходим. Я уверен, что из князя Аргутинского ты извлек большую пользу, ибо лучше его никто не знает этой местности и относящихся до края обстоятельств, чему, кроме способностей его, способствовал долговременный опыт. (Il est là sur son terrain, et certes on le lui disputerait difficilement**.) Ты видишь, что я ему отдаю не только должную справедливость, но даже знаю, сколько трудно заменить его. Я был против него за пышные его реляции, не заключавшие всегда строгой истины, но и в этом случае с ним примирился, видя, что не один он исключительно обладает искусством сочинять их и, конечно, не отнимает первенства у других.

Сижу в теплой комнате, несмотря на густой снег, покрывший землю и в расположении многое писать тебе, но воздерживаюсь, боясь скучать тебе при беспрерывных занятиях и зная, что уже не получу твоего ответа за скорым отъездом.

Я получил отпуск на год за границу и в половине октября выеду отсюда. Намереваюсь быть зиму в Италии и посещу места, где был в прошедшем столетии[2].

Многое объезжу, благодаря железным дорогам, и стряхну с себя лень, самодержавно царствующую надо мною или, лучше сказать, покорившую меня совершенно, безусловно!

У нас был Государь, но только двое суток, ко всем чрезвычайно милостив, весел, доволен, и отправился далее.

Великий князь Михаил Павлович жил около трех недель, осматривал стоящие в лагере войска и оставил всех вообще с приятнейшими о нем воспоминаниями. Спрашивал меня, часто ли имею от тебя известия. Я не смел солгать и отвечал, что весьма редко и что совершенно не знаю ничего; вероятно столько же, как и он, ибо ничего не сообщил мне.

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

** Здесь он полностью в своей стихии, и это сложно у него отнять (*фр.*).

Итак, на целый год прощай, любезный князь, и переписка наша на столько же прекратится. Ты не усумнишся в желаниях моих полных успехов для пользы страны, которой ты устраиваешь благоденствие. Тебе судьбою предоставлена эта слава и готовится памятник навсегда! Прощай и сохрани лестное расположение твое ко мне.

Всею душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 215–216 об.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

[Осоргино], 29 сентября 1847*

Первый раз, почтеннейший Николай Николаевич, предположил тебе одну весьма обидную мысль обо мне и в том желал обмануться. Ты думаешь, что я уеду за границу, не простившись с тобой. Этого не могло и не должно было случиться. Столько дружественно расположение твое ко мне и столько заставил ты уважать себя, что я устыдился бы самого себя, если бы мог это сделать.

Нет, почтенный Муравьев, едва ли из оставшихся в живых сочту я нескольких по чувствам ко мне тебе подобных. Людей одной со мной генерации мне близких я всех растерял, остались младшие, с которыми нет ничего общего; но с тобой есть служба прежняя, которую старики любят вспоминать, и мне отрадно думать, что ты видишь мою к тебе признательность.

Есть, к досаде моей, некоторое сходство в обстоятельствах, до нас относящихся, но хочу верить, что они, изменившись, ничего не переменят в отношениях между нами. Ты еще молод и у тебя многое впереди, а я более двадцати лет праздный дождался семидесяти и уже ни на что не гожусь. И одно желание, чтобы сохранить малое число оставшихся добрых приятелей, между которыми ты занимаешь место из первейших.

Я уволен на год за границу, и соизволение на то изъявлено благосклонным образом; не прекращено содержание мое, что было бы чувствительно для меня, ибо им вспомоществую я детям моим и еще часть сберегаю для них, умеряя мои потребности. Впрочем, оставленное мне содержание есть тот самый пенсион, который получал я, будучи в отставке, но я обязан быть благодарным, ибо никогда не признавал достаточными прав моих пользоваться столько значительным и теперь, в службе будучи столько же бесполезным, как и в отставке.

Воображаю огорчение Натальи Григорьевны, потерявшей старшую сестру[1], достойно занимавшую место матери. Я слышал, что и муж ее болен весьма сериозно[2]. Это должно набрасывать некоторую мрачность на семейный твой счастливый быт, но чего не случается в жизни человека.

Скажи мое совершенное почтение достойной и любезной жене твоей.

Помню твоих маленьких и между ними одну звезду[3], которую и [Л]аватер[4] не лучше бы определил.

Итак, прощаясь с тобой на год, я прошу благорасположения твоего детям моим. Не откажи им при случае в наставлении, и если бы что-нибудь дошло до тебя невыгодного на счет их, побрани строго. Они знают, каким обязаны тебе уважением. Дай место у сердца твоего просьбе человека 70 лет и отца и будь

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

впоследствии покровителем их. Не всегда будут одинаково неблагоприятны обстоятельства!

Трудно вообразить тебе, сколько я жалею, что не удалось мне видеть тебя до отъезда моего. 15 октября я пускаюсь в путь, может быть и прежде. Паспорт давно уже у меня. Я не еду ни лечиться, ни к водам, но хочу стряхнуть с себя ржавчину, насиженную более 20 лет.

Прощай, люблю тебя от души и умею почитать тебя. Бог благословит прекрасное твое семейство!

Искренне преданный *Ермолов*.

После письма моего слышал я от проезжего интересную вещь, которую тебе сообщаю: на место Воронцова, если бы пожелал он удалиться или бы утомился, готовит себя Киселев, и это многим небезызвестно. Об этом, конечно, ты подумаешь.

Прощай.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 37 об. – 38 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 20 октября 1847**

Видел из письма твоего, почтенный князь Михаил Семенович, что ты не забыл обо мне, но полагал меня уже выехавшим. А. В. Богдановский исполнил поручение твое и дал мне почитать письмо к нему. Из приказа по войскам узнал я любопытные подробности всех действий и, наконец, еще обстоятельнейшие из официальных известий. Конечно, никто не ожидал столько отчаянного и твердого сопротивления горцев и нет сумнения, что едва ли повторится подобное и выищутся охотники схватиться после столько ужасного урока[1]. Вскоре должны быть ощутительные результаты и потрясется могущество Шамиля. Потери его распространят уныние и отчаяние в семействах во всем пространстве непокорного Дагестана и утвердятся покорствующие нам.

Немаловажна и потеря трех наибов, избираемых между самыми приверженнейшими к нему.

Уразумеют, наконец, что нет выгоды гибнуть для удовлетворения властолюбия злодея. Любопытно чрезвычайно наблюдать расположение горцев к нему после этого происшествия, и, конечно, трудно ему будет требовать от них равного самоотвержения. У тебя молодцы начальники, и ничто не укроется от их внимания и может представиться случай дать желаемый вид делам, которому положено начало неусыпными твоими трудами и неимоверною деятельностию.

Наконец явилась нетерпеливо ожиданная** реляция в наших газетах, переходящая из рук в руки. Салты в устах каждого[2], и новое назначение молодого твоего князя[3] и высочайший на имя твое рескрипт доказывают каждому, сколько уважены Государем Императором действия твои и распоряжения и как велики надежды его, что приближается время, когда непокорный Кавказ перестанет быть враждебным. Ни от кого из прежних начальников этого не

---

* Помета М. С. Воронцова: «Пол[учено] 30 окт[ября]».

** Так в оригинале.

ожидал. Многие весьма убеждены, что, кроме тебя, никто другой не сделает. Я со своей стороны не престаю думать, что, наконец, будет начертан план, по которому должны действовать твои наследники; основано будет внутреннее управление края, предмет важнейший; прекратится произвол начальников, и все усилия каждого устремлены будут к одной цели. Словом, все будет твоим творением, и Кавказ достойным тебе памятником. У тебя власть, у тебя огромные средства и доверенность Императора, каковой никто другой удостоен не был.

О тебе не умолкает молва! Говорят, что ты имел свидание с Государем в теперешнем его путешествии; другие утверждают, что ты зимою едешь в Петербург. На днях я отправляюсь за границу и вспоминаю с сожалением, что так долгое время не буду иметь о тебе известий. Не поверю известиям иностранным. У их печатного станка сидит зависть могуществу нашему и злоба, что не могут вредить нам. Прощай, продолжи мне твое прежнее расположение. Воспитанникам моим будь милостив, если они того будут достойны. Не забудь слова мои, что они счастливы, пока Воронцов их начальник. Внимание твое к ним уничтожает невыгоды быть моими детьми. Прощай, Бог благословит твои подвиги.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 217–218 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Москва, октябрь 1847]**

Ты вспомнишь, почтенный князь Михаил Семенович, что, ехавши на Кавказ, я не просил тебя о детях моих, там служащих, и ниже ни слова не сказал об них. Сам ты имел великодушие обратить на них внимание и еще более милостивое об них попечение. Мне оставалось сообщить им чувство гордости, что они имеют честь служить под твоим начальством, и они разумеют, что никогда столько лестного иметь, конечно, не будут ни столь могущественного покровительства, если только удостоятся его. Сам ты отозвался о них не один раз утешительным для меня образом, и как мне поступок этот не принять с достойным уважением?

Теперь, отъезжая на год (имея семьдесят лет можно и не возвратиться), я обращаюсь к тебе с просьбою об них: продолжить им милостивое внимание и приказать употреблять их на службу при войсках, предназначенных к действиям. Им внушено служить с честью и усердием и что служба есть единственным средством для них достигнуть чего-нибудь и способов существования менее бедного, нежели каковыми я могу наделить их. Я не переставал твердить им, что, не имея за себя ни известного происхождения, ни состояния независимого, они должны все приобретать непосредственными трудами. Более об них сказать нечего, разве что хорошо им служить, пока Воронцов их начальником!

---

* Письмо не датировано. Помета неизвестного лица: «1847».

Никогда ни слова не сказал ты мне о Ермолове губернаторе тифлисском. Ожидаю, что он не довольно еще ознакомился со своею должностию, но смею ручаться, что он исполнен усердия к службе, честный в строгом смысле слова и деятельный подчиненный. Не мешает и то, что был отлично смелым офицером; одну из ран получил в глазах моих. Ему в голову не приходило быть в подобной должности, и ты сам назначил его из числа предложенных кандидатов, не имевши другого, по собственному избранию. Будь к нему благосклонен, и я знаю, что он того достоин!

Прикажи представить себе *Беклешова,* молодого человека, о котором просил я тебя, и ты никогда не отозвался. Это прекрасное существо с наилучшими чувствами, и мне жаль бы было, чтобы он бесполезно потерял свое время.

По милости твоей произведен в прапорщики Кучин (Апшеронского полка), сын старого моего сослуживца, тому 46 лет. Прикажи употребить его так, чтобы мог он заслужить награду.

Зная, сколько важны и беспрерывны твои занятия, я не имел безумия ожидать ответа на каждое письмо мое, еще менее на мои просьбы о разных лицах, которые, впрочем, ограничивал я сколько возможно, и потому убеждал тебя о сих последних поручить кому-нибудь извещать меня, что тобою признано. Ты этого не сделал, и я бы не упрекнул, если бы не уезжал надолго. Кто знает, увидимся ли мы, и потому решился привесть обо всем тебе на память.

Прощай, любезный князь, Бог благословит полезные для отечества труды твои!

Душевно преданный *Ермолов*.

Слышал я, что приостановлено исполнение положения об агаларах[1]. Не верю! И жалел бы о знаменитом Ладинском, которого это сотворение провожало к бессмертию.

Верно, не забудешь просьбы баронессы Розен[2] о зяте ее, разжалованном князе Дадиане. Десять лет несчастий, кажется, не приближают его к концу страданий. От тебя одного может возродиться политическая его жизнь!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 179–180 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 3 ноября 1847

Удержанный некоторыми обстоятельствами, я только 6 числа могу отправиться за границу.

Хочу перед отъездом сказать тебе, почтеннейший князь Михаил Семенович, сколько обрадован я был известием, что младший из воспитанников моих подпоручик Ермолов 3-й произведен в следующий чин[1]. Весьма лестна для него эта награда и тем более, что под глазами самого главнокомандующего он ее удостоен.

Давно лишен я удовольствия читать твои письма. Теперь рад был бы одной твоей подписи, ибо мог бы судить о восстановлении твоего зрения, которого болезненное состояние было общим беспокойством. Но ты не пишешь, полагая меня давно уже уехавшим.

Мне легче стало высказывать тебе, сколько благодарен я за милостивое твое и, можно сказать, благодетельное внимание к моим детям, но в то же время не должен скрыть сожаления моего, что двоюродный брат мой тифлисский военный губернатор[2], как должно мне казаться, не имел счастия приобрести твоего благоволения. Я заключаю это из того, что в течение целого года от тебя не слыхал я ни одного слова. Родство не почитаю я обязанностью предстательствовать за него. Но зная его с ребячества, более 25 лет назад знавши его хорошим весьма офицером под командою моею, я могу смело говорить, что он достоин внимания; предположив даже, что я не умею определить способности офицера, я мог бы в подтверждение мнения моего о нем обратиться к благосклонному расположению к нему бывших начальников князя Сакена[3], графа Дибича и даже князя Варшавского[4], конечно не питающего большой ко мне нежности, чтобы желать сделать мне приятность и одолжение. Все замечали в нем пламенное усердие в исполнении своих обязанностей, подчиненного ревностного и не без способностей. Поведение его всегда было прямое, чуждое интриг. Но служа без протекции, он не мог достигнуть больших успехов, и я утешался мыслью, что наконец при начальнике внимательном, могущественном приобретет он их, всегда доселе отказываемых неблагоприятным счастием. Он не имел случая сделаться тебе известным и, в виду имея одну военную службу, не помышлял о занимаемой им должности и даже к занятиям лучше ему знакомым, не имел дерзости напрашиваться под твое начальство. Внезапно для него последовало назначение; твоему произолу предоставлено было избрание другого. Чем же виноват он, что теперь в Грузии. Вина на моей стороне, что я был в восхищении, что он под твоим высоким покровительством.

Не рассердись на простодушное объяснение и прилично достоинству твоему не забудь одного, что он служит без всякой подпоры и имеет весьма небольшое состояние и служба для него необходима. Припомни, если нужно будет другому его место!

Да благословит Бог подвиги твои для славы отечества.

Преданный *Ермолов*

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 213–214 об.

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 22 ноября 1847**

По прежнему письму твоему, любезный друг Павел Христофорович, ожидал я, что ты поедешь в С.-Петербург для определения сына[1] в службу, и потому не писал тебе, а для чего ты молчал, знаю только, что мне очень жаль было. Слышал, наконец, что ты в Петербурге, и, признаюсь, досадовал, что не имею ни строки. Но вчера адъютант Мих[аила] Павловича сын Гербела[2], сказывал, что он не видал тебя в день именин великого князя, и я заключил, что ты в деревне.

---

* Помета П. Х. Граббе: «От А. П. Ермолова 22 ноября 1847».

Давно порывался я писать тебе au risque même de faire des ombrages*, давно в столе у меня выписка из *Головина* о военных действиях его на Кавказе. Скажу вкратце, что по скромности его сочинение могло бы быть описанием подвигов Александра Великого. Автор не ищет бросить выгодный свет на дела твои, и даже проскальзывает злоба, которую для собственной его пользы не мешало бы выказывать скромнее. Если кто не знает души его, он ознакамливает с нею весьма удачно. Он не оскорбил бы тебя, говоря о случаях, в которых не достиг ты полного успеха, когда ты сам не скрываешь их, но можно ли не сказать о молодецкой предприимчивости молодого человек[а] и, вопреки истины, не связно, грубо выставить недостаток соображений. Словом, Головин настолько добивается в знаменитые полководцы, едва ли находя себе подобного. Он подарил экземпляр своего сочинения, напечатал его без цензуры, издание прекрасное, и я знаю, раздарил его и даже важнейшим лицам. Может быть, одному ему дана способность не подпадать цензуре, или можно будет морочить каждого, а возражения без Данилевского не напечатают. В мае нынешнего года, бывши и здесь, сказывал он мне, будто ты, видевшись с его сыном[3], говорил ему о сожалении твоем, что раздор между вами прервал отношения твои к человеку достойного особенного уважения и что ты признавал себя не правым. Не верю я великому писателю.

Ты, любезный Павел Христофорович, по характеру своему, мне известному, свыше клеветы и оскорбления направленных низким образом, а потому совершенно уверен, что не трусясь примешь против тебя написанные гадости.

Здесь присоединяю выписку тех мест, где упоминается о тебе. Может быть много пустого и недостойного внимания, ибо на разборчивость переписчика не совсем полагаюсь, а сам заниматься этим я не успел. Прочитай и употреби! Жаль мне, что не получу ответа твоего на письмо, и ты, конечно, угадываешь причину, по коей воспрещаю тебе всякое сношение со мною даже на целый год.

Я уволен на год за границу и вскоре располагаю выехать, что давно бы уже сделал, если бы не был задержан обстоятельствами, но конечно бы не сделал, не простившись с тобой, любезнейший друг. Ты не без удовольствия узнаешь, что меня не прогоняет болезнь, а еду, собственно, прогуляться в последний раз, ибо, имея 70 лет, смешно было бы обещать себе повторения. Еду стряхнуть на чужой земле ржавчину двадцатилетней праздности бездействия. Освежу воспоминания лучшего времени, которые одни могут делать сносною бесполезненную старость. Ты поймешь мое сожаление, что я не видел тебя пред моим отъездом. Со всяким из прежних воспоминаний неразлучная длинная фигура любезного Граббе, еще юного, которого угадывал я предназначения.

Итак, прощай, сохрани мне твое расположение, которое ценить могут многие, а я даже прощать самый эгоизм. Ты ко мне уже не пиши, а я, если преодолею леность, несколько строк еще напишу тебе, собственно о себе и, к удивлению твоему, любопытных. Желаю тебе всего, что могу для лучшего из друзей.

Верный *Ермолов*

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 30–31

---

* Даже с риском задеть чье-либо самолюбие (*фр.*).

П. Х. ГРАББЕ

[Москва], 24 ноября 1847

Праздные и пустые люди бывают иногда не бесполезны. От одного из таковых узнал я, что ты, любезнейший Граббе, в Петербурге, и я, не меняя ничего в письме, готовом отправиться в Прилуки, переменяю только его направление. Тебя видели 17 числа вместе с молодецким весьма человеком не военного состояния, из чего заключил я, что это сын твой, определенный на службу. Снесись с прежним расположением твоим ко мне, и оно укажет тебе виновного в том, что неизвестно мне, где ты находишься.

Я не посылаю тебе выписок из знаменитого сочинения Головина, предполагая, что ты видел, конечно, целое и вполне удовлетворен им. Из выписок ты ничего не узнал бы о его подвигах. Не думай, однако же, что я завидовал тебе, я также имею своего историографа, известного по сочинению единственному в своем роде. Профессор Санкт-Петербургского университета Устрялов вмакал меня в Историю и, конечно, не заимствовал красок у Головина. Я должен бы написать ему письмо, в котором вежливым образом назвал ошибкою то, что справедливее именовать наглою ложью. Может быть, это напоминать будет впоследствии, что не должно чернить людей по произволу и что вместо снисходительного моего пера явится перо карающее.

В первых числах декабря я пускаюсь за границу, где с первого шагу все лучше той гнусной дороги, по которой отправляюсь. Ты ко мне не успеешь уже отвечать, хотя, впрочем, досадно будет тебе не искать случая опровергнуть сделанного мною упрека за совершенное забвение обо мне. Прощай, будь благополучен вполне.

Ермолов

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 32

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Москва, между 3 ноября и 8 декабря 1847]**

Перехожу к письму гораздо приятнейшему, любезнейший князь, Михаил Семенович, к обязанности искренно благодарить тебя за милость к моим детям. Нередко в письмах твоих говоришь об них с лестною похвалою, и если бы не знал я тебя, я мог бы это отнести к великодушному намерению утешить стареющего отца, скорее нежели к потребности сердца твоего делать добро. Но я не обманываюсь! Здесь место повторить прежде сказанное мною, что хорошо им служить, имея начальником Воронцова, но зато не престаю я твердить им об употреблении всех усилий, чтобы начальника не заставить жалеть о благотворении. Молодые люди при начале служения своего, не будучи одарены никакими отличными способностями, конечно, не могут ничего сделать чрезвычайного, но должны употреблять усердие, труды и не дорожить жизнию. До сего времени, кажется, они не избегают трудов наравне с другими или бы не были удостоены твоего внимания. Что до меня принадлежит, я так

---

* Фрагменты письма без даты.

чином поручика, которым ты наградил Севера, обрадован, что как будто в первый раз слышу неожиданную новость, а еще сверх того ты уведомляешь, что представил его к 3-й Анне[1].

Я воображаю его счастие, и неужели он верит этому? Ты сделаешь наконец то, что он привыкнет носить безбоязненно мое имя. Опять необходимо для этого иметь начальником Воронцова! Ты даже поставляешь мне в виду возможность достигнуть Владимирского ордена. Желая этого дождаться, я делаюсь моложе в надежде, что при последних днях жизни будет хотя один из детей моих!

Хвалю его желание возвратиться в Дагестан, ибо князь Аргутинский был особенно расположен к нему. А к тому, если это будет твоим собственным назначением.

Клавдий обречен на службу, слышу от многих, что он смелый офицер и со временем может сделаться известным. Я в ребячестве его это угадывал.

Старший, Виктор, потерял два года, сделавши счастливое начало[2]. Прикажи его запереть и лечить. Ты уже раз прогонял его на воды. В этом случае ты был более, нежели начальник! Жаль очень, что он теряет время, а из него мог бы выделаться порядочный человек, судя по его правилам. Прикажи употребить его, где более будет дела!

Очень чувствую, что тебе скучно читать пустые письма, когда дела важные занимают все твое время. Но прости это отцу, который, все высказавши, более тебя мучить не будет и даже скучать самою благодарностию. От последней буду воздерживать себя, хотя против желания и сердца.

Преданный тебе *Ермолов*.

Можешь истребить и это письмо, ты знаешь на память мою признательность.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 211–212 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 8 декабря 1847

Прокричавши слишком рано, что еду за границу, сам виноват я, что от тебя, почтеннейший князь Михаил Семенович, и ни от кого вообще не имею писем. Одно твое передал мне Булгаков, надписанное по-французски для пересылки далее. Наконец, устроивши все нужное, вскоре надеюсь я отправиться.

Жаль мне, что не дождусь обещанного тобою описания результатов, которые ожидаются после кампании нынешнего года. Я почитаю их весьма важными в том смысле, что лежащие на правом берегу Аварского Койсу селения недолго противостанут, как бы укреплены не были. Также отнимается большое пространство самых богатых посевов, также питающих население.

Ты желаешь сделать мне удовольствие, говоря, что взгляд мой на Дагестан, где происходят военные действия, и на способ охранить покорствующие нам провинции от волнения, а иногда от необходимости принимать участие в предприятиях Шамиля, во всем сходен с твоими замечаниями.

Теперь так знакома тебе местность Дагестана, с таким рассмотрена вниманием, что никто не осмелится представить обстоятельство ничтожное за важное, и при всем этом не престаю я утверждать, что устроение укрепления на Карадагском мосту[1], содержание в нем подвижных двух батальонов, при нескольких орудиях и горсти казаков для извещений, даст неисчисленные выгоды, и по близкому расстоянию от Ходжал-Моски* и Зудахары могут удобно быть подкрепляемы для важнейших предприятий. Тогда Гергебиль оставит Шамиль, или он отрезан.

Всегда свободный вход в ханство Аварское и постоянно угрожающая опасность истребления заставят помышлять о покорности и искать помилования. Итак, не входя в ханство, можно действовать нравственно и, скажу более, обуздывая предприимчивость Шамиля, ослаблять к нему доверчивость приверженцев. Отброшенный от обществ зажиточнейших и среди небогатых, не имея удобности содержать около себя множество мюридов, он не сохранит прежнего могущественного влияния. Прекратится власть на правом берегу Аварского Койсу, и *Кибит-Магома*[2] не будет столько страшным.

Не знаю, любезный князь, имеешь ли ты в виду Карадагский мост, но мыслить не хочу, чтобы впоследствии, если не в 1848 году, когда-нибудь ты об нем не подумал и так, как он того стоит.

Припомни, что я сказал тебе насчет *Тилитлы*, и еще повторяю, что если со стороны Кахетии будет найден к ним доступ (нельзя определить с точностию времени), то приобретение сего места представит весьма большие выгоды. Ты сам ободрил меня к подобным рассуждениям, говоря, что я знаю местность лучше многих из моих наследников. Воображаю, что должно будет сказать о тебе; ибо подобной деятельности другой никто иметь не в состоянии. Ты на все обращаешь собственный взор.

Москва не перестает говорить глупости, будто, по причине зрения, ты хочешь оставить Грузию. Напротив, некоторые из принадлежащих тебе утверждают, что совершенный вздор и что зрение твое вполне восстановлено.

Жаль мне, что не видал проехавшего недавно твоего сына, который только что переменил лошадей и видел весьма немногих. Я желал бы знать достовернее о твоем здоровье.

У тебя последовали значительные перемены. Не думаю, чтобы можно жалеть об удалении *Ладинского*[3], который знал хорошо дела, но только одни плутовские. Я хорошо знаю эту знаменитость, весьма способную быть шпионом! В *Бебутове*[4] ты можешь иметь человека верного и дельного; он разумеет дело и весьма деятелен. За сим, соединенный Дагестан[5], под властию одного начальника, может быть управляем с меньшим затруднением, и не будет места интригам. Это вскоре будет ощутительно!

Слышу, что наряжена большая экспедиция для проложения дорог по разным направлениям и для разорения непокорных аулов в Чечне; но, конечно, не знаю обстоятельно.

Виноват в недостатке терпения; но решаюсь сделать упрек тебе, почтеннейший князь, за карту Дагестана, в которую должны входить Тилитлы и все оттуда пространство до Елису и Кахетии. Около двух лет назад ты мне ее обещал

---

* Так в оригинале, правильно: Ходжал-Маха.

и, верно, кому-нибудь приказал; но о том по множеству важных дел забыто. У меня ничего нет, кроме карты, доставленной мне некогда обер-квартирмейст[ером] Мендом[6], которому я совершенно незнаком и только весьма недавно в первый раз видел в жизни. Сделайте меня меньшим невеждою, подарите мне карту. По крайней мере, будут для меня понятны рассуждения других!

Благодарю за благосклонное намерение писать ко мне за границу; но я не знаю точно, где и когда я буду. Кажется, в феврале буду в Риме, в мае, не менее двух месяцев, буду в Париже. Впрочем, и это неверно, и ни одному из банкиров не будет известно.

Итак, едва ли не целый год я ничего не буду знать о тебе, и слишком много у тебя занятий, чтобы найти время писать ко мне. Мне, самому скромному из путешественников, который ни у кого представляться, ни с кем знакомиться не будет, не найдется ничего сказать о себе занимательного, по какой причине я предупредил всех, что решительно писать не стану.

Благосклонный отзыв о детях моих и еще более великодушное внимание об них меня много порадовали. Милостив к ним Бог, что при первых шагах на службе имеют они начальником Воронцова. Это может быть счастием для всякого, и не знаю, как назвать для маленьких офицеров, имеющих за себя одно усердие к службе. Вы как благотворящий им лучше это знаете!

Начал уже верить, что Ермолов 3-й поручик[7], но не понимаю, отчего считается он в чине с 8 июня, а не со времени взятия Салты, когда, как кажется мне, он произведен. Впрочем, легко быть может, что я ошибаюсь и за Салты он представлен к 3-й Анне. Ежели запутанность произошла в Петербурге, то случится, что за Салты он ничего не получит или бы уже давно получил.

Сделай милость, любезный князь, прикажи поправить, если есть ошибка. Иначе это весьма отдаляет известный тебе расчет мой в рассуждении меньшего сына. Признаюсь, чин поручика сделал мне величайшую радость!

Прощай, почтеннейший князь, прошу Бога, чтобы благословил успехом все полезные труды и подвиги твои.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 219–222 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[1847]**

Я писал тебе, почтеннейший князь Михаил Семенович, об уволенном от службы *генерал-майоре Петрове*, который служил долгое время в Кавказском корпусе; при мне командовал Моздокским линейным полком, который был в прекрасном состоянии и имел воинственный дух, впоследствии был начальником штаба генерал-лейтенанта Вельяминова и произведен генерал-майором. Окончательно имел место военного губернатора в Каменец-Подольске. Я просил, не имеешь ли места взять его на службу в Кавказский корпус.

---

* Судя по расположению в деле, отрывок является прибавлением к письмам за май-июнь 1847 г.

Он человек, имеющий хорошие умственные способности и весьма образованный, словом, могущий быть с пользою употребленным на службу. Ты просто скажи мне, может ли он надеяться иметь честь служить под твоим начальством, или ты не имеешь в виду приличной для него должности или даже не желаешь иметь его у себя, не имея в хорошем замечании. Я пожалею об этом способном человеке, но буду, по крайней мере, иметь возможность отвечать на его вопросы, сколько можно менее огорчая его. Прошу дружески не стеснять себя в свободе ответа. Легко может встретиться, что предстанут препятствия, или по другой какой причине не захочешь исполнить моей просьбы, за это негодовать или сердиться безрассудно.

Ansi franchement et sans detour*.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 199–199 об.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Москва, начало января 1848]

Любезный брат, Сергей Николаевич.

Возвратился вчера домой, нашел письмо, которое тебе посылаю. Письмо довольно водяное! Быть может, что встретишь ты равнодушие в начальниках, но уже, без сумнения, не делает он несправедливости. Не теряй здесь напрасно времени. О письме моем он тебе, вероятно, говорить будет, еще свежо, имея его в памяти, и ты заметить можешь, есть ли расположение или нет.

Ермолов

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об. – 20. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 5 января 1848

Не знаю, с чего начать, почтенный князь Михаил Семенович, так о многом желал бы говорить.

Начну поздравлением с Новым годом и, если бы можно было, приказанием заметить следующие слова: *«Есть у меня предчувствие, что 1848 год произведет на Кавказе весьма важные перемены и чрезвычайно подвинет наши дела!»*

Княгине Елисавете Ксаверьевне, как ты пишешь, угодно было меня вспомнить, прошу представить мою совершенную признательность и поздравление с Новым годом.

Последние твои письма получил от 9 ноября с французским адресом и от 20 декабря[1], по ошибке поставленным числом, ибо получено мною 25-го. На них отвечаю вместе, а о делах моих в конце письма

Взятие Салты входит в соображение, которое немногим может быть легко понятным; мне, имеющему некоторое понятие о местности, выгоды приобретения представляются под разными видами. Во-первых, хорошо преодоление

---

* Итак, чистосердечно и откровенно (*фр.*).

самонадеянного сопротивления, дабы вразумить, что может быть гибельным бесполезное усилие. Напрасные потери людей, которых не заменят рекрутские наборы, ослабят доверенность к Шамилю и потрясут повиновение, восстановления которого, если бы и решился он на жестокие меры и казнь, они никогда не будут так дорого стоить, как оборона Салты. Во-вторых, сообщу я [о] собственном взгляде на обстоятельства. Все селения, лежавшие между Аварским и Казыкумыкским Койсу, я не иначе разумею, как житницы сохранения хлеба, собираемого на богатых посевах их окружающих и особенно в окрестностях Салты, чем существует большая часть населения Аварии. Теперь без сумнения не только прекратятся работы на этих полях, но и самые селения уничтожатся, кроме тех, которые укреплены и могут противиться немногочисленному отряду войск. Их надобно будет пострашать впоследствии, чего они не выдержат, не удаливши жен и детей. В этом достаточно будет действия нескольких орудий. Голодом можно будет заменить штыки. Это назвать можно новым способом исправлять нравственность. Так некогда и я действовал, но только *солью*, которой не было тогда в другом месте, кроме озер, принадлежащих шамхалу. Вот как я смотрю на истребление Салты! Хорошо понимаю выгоды единства власти в Дагестане: исчезнут интриги, зависть, а может быть, даже и неблагонамеренность, и дело Кутишинское, приносящее много чести князю Бебутову, имело бы при содействии более решительные успехи. Теперь в особенности будут ощутительны при намерении твоем, как вижу из письма, овладеть Гергебилем. Скажу старую пословицу: *всякий барон имеет свою фантазию*. Так я в отношении к Карадагскому мосту совершенный барон; но я не только не противоречу твоим видам, но знаю, что лучше взгляд собственный и чтó возможно против убеждения? Не почти, однако же, настойчивость мою за упорство, с каким уверяет *Головин* о необходимости занять Аварию, которой потеря навлекла неудачи 1843 года[2].

Нейдгардта самого первая мысль была оставить Кунзах прежде, нежели Шамиль собрал большие силы. Ему не представилось, что для сообщения с ним устроенные слабые посты не будут иметь средств противостать. Головин, человек весьма умный, не допускает нравственного влияния без содействия штыков; а я думаю, что отнятые поля между двух Койсу скорее произведут его.

В половине года Гергебиль будет в руках твоих, но с ним вместе весьма нехороший путь далее, и Шамиль непременно укрепит тщательно Карадагский мост, как самый щекотливый пункт. Видишь ли опять барона? Шамиль, как говорят, должен быть умен, но едва ли не повредился, сменив опытных наибов[3] и, к удивленно моему, Кибит-Магому, который нашим начальникам не раз давал хорошие наставления. Он вскоре почувствует свою ошибку и потрясет доверчивость к нему других, что поправить очень трудно. Это весьма благоприятный для нас признак. Ты обратишь внимание на подчеркнутые слова в начале письма.

На Новый год ты, любезнейший князь, сделал мне дорогой подарок и, конечно, не воображаешь, сколько он мне приятен. Карта Кавказа знакомит меня с Дагестаном, о котором нередко, полагаю я, говорил наугад, следовательно нередко и вздор. Доселе был у меня клочок карты, деланный покойного Пассека рукою. Его обозрение, и ничего более! Снабженный картами *Головин*

казался мне оракулом. Виноват ты, если теперь выйдет это иначе. Я представляю себе, что́ должна быть 5-верстная карта. Мне показалась бы она лучшею историческою картиною!

Здесь был, но довольно уже давно, с тобою расставшийся *Щербинин*[4], душою преданный тебе, и порадовал меня, что никогда не слыхивал о намерении твоем оставить Грузию, смеялся даже здешней молве, будто *Киселев*[5] предназначается заместить тебя по болезни твоей. Но и насчет здоровья совершенно успокоил меня приехавший на днях из Тифлиса подполковник *Александров*[6]. Скажи, как ты этого очаровал вполне? Он об тебе только говорит, и говорит с восторгом. Я его давно знаю как умного и весьма способного человека, но признаюсь, с досадою видел его возвратившегося в [том] же чине и, зная тебя, внимательного к способностям подчиненных, огорчил его замечанием, что, конечно, не умел быть тебе угодным? Он отвечал, что, напротив, награжден деньгами и надеется иметь честь служить под твоим начальством. Я замолчал; но, по-моему, деньги — не награда для человека, который службою ищет пробить себе дорогу, дабы полезным быть семейству своему без всякого состояния. Но это твое дело, *высокого начальника*: так он тебя называет!

Наконец *Ладинский*[7] теперь отдыхает от трудов в объятиях Позена[8]. Но и без того сладка жизнь с пенсионом из 10 т[ысяч] рублей. Нередко платят щедро за шпионство; но, конечно, великодушен тот, кто награждает шпиона против самого себя. Этому соблазну, я уверен, не последуют. А подлинно странно, что *Котляревский*[9], человек превосходный, мог ошибаться в нем и даже уважать его. Мне кажется, он не останется в бездействии, и сильнейший, нежели падший Позен, покровитель употребит его способности давно известные. Какого ты важного плута сбыл с рук! Чрезвычайно рад, что ты взял *Бебутова*. Я знаю его благодарным и столько же благородным. Он это доказал покойному Розену, в котором не мог иметь ни малейшей надобности. Его я знаю!!!

Преданный тебе *Ермолов*.

Кончив служебные дела (так называю я письма мои, в которых надобно рассуждение), буду говорить о собственных делах, которые не всегда сопровождает рассуждение.

Готовившись выехать за границу в сентябре, промедлил до января и едва не отправился в самое гнусное время, в морозы жестокие, на колесах. Но вдруг сделался благоразумен и отложил до мая[10]. Это оправдывает вступление мое в письмо. Это на меня совсем не похоже.

Итак, почтеннейший князь, я пишу к тебе и от тебя с восхищением буду ждать хотя несколько строк до 1 мая. Далее не ожидаю ничего, ибо не знаю, куда иду, где и когда буду?

Желает душа подобного тебе путешествия, ибо это значило бы не к водам и не лечиться. Мне о чем писать к тебе, а тебе где меня отыскивать? Разве в Париже, общем пристанище? Ты не воображай меня иначе как самым скромным туристом. Кроме папы, ни к одному не представляюсь двору, не знакомлюсь ни с одною знаменитостию и не ищу вписаться ни в какие журналы. Увидишь в Московских ведомостях о выезде в Брест-Литовский, минуя первую знаменитость, князя Варшавского[11].

Благодарю за дружескую откровенность, с какою писал мне о брате моем *Сергее Николаевиче*. Ты говоришь, что я пишу строго о твоей несправедливости.

Рассуди сам, могу ли я это делать? Я писал простодушно, нет [от] сердца. Ты обнаружил мне его ошибки, его необдуманные действия, просто происходящие от незнания совершенно чуждой его должности, от излишней доверенности к людям, которых почитал для себя необходимыми. Словом, действия не только не извинительные, напротив, подвергающие его строгому взысканию по справедливости. Итак, далее будучи оправдать его, смею, однако же, сказать, что когда поступки его не могли укрыться от твоей проницательности и ей так легко отличать умышленность от незнания и заблуждения, тебе не трудно было поставить его на должный путь и, строго взыскав за отклонение от него, сделать из него подчиненного полезного и тебе более угодного.

Я знаю его с молодых лет, и столько есть в нем рассудка, чтобы знать, по крайней мере, собственные выгоды и что достигнуть их можно под начальством твоим более, нежели где-нибудь, и что, удостоясь твоего одобрения, пред ним везде дорога! Не умею приписать ему намерений низких, неблагородных или угождения кому-нибудь. Ты непосредственный начальник его и кто может более? Напрасно думаешь, что он мне жаловался; поверь, что нет! Неужели трудно мне понять более года совершенное о нем молчание, даже ни разу не произнесено имя его. Я не выставляю его способностей, знаю, что он хороший смелый офицер и, конечно, честный и бескорыстный человек. Обширно начальствование и тысячи подчиненных твоих, но неужели всех он наименее способный? Позволь мне сказать как перед Богом, я уверен в твоем великодушии, но вижу, что он тебе не нравится, и прошу у тебя одной милости. Переведи его в какую-нибудь порядочную из внутренних губерний, не обращая на него невыгодного замечания, которое разрушит его службу и похоронит его счастие, а по состоянию его он без службы существовать не может. Клянусь тебе детьми моими, что он не подозревает о просьбе моей и, может быть, даже упрекнул бы мне, но я не могу не предчувствовать, что счастие по службе не суждено ему! Не дай ему заметить, что я просил о нем. Тебе не откажут в переводе! Прощай!

Преданный тебе *Ермолов*.

Истреби это мое письмо, прошу убедительно.

Терзает меня мысль, что ты не доволен письмом моим, но я спрашиваю себя и не обвиню мое чистосердечие.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 223–228 об.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 8 и 9 января 1848

Почтеннейший Николай Николаевич.

Собираясь со дня на день к отъезду, пережидая лютые морозы и бесснежие, я все еще в Москве и решился остаться до 1 мая.

Не раз готов был писать к тебе, но должен был сказать: не отвечай мне, и оттого не хотел взяться за перо.

Возвращаясь, Наталья Григорьевна доставила мне этот приятный случай, и я, заготовивши письмо, увижу ее и ей представлю его. Она поступила со мной как добрая родная, известила меня о своем приезде. Спасибо тебе, что она знает, сколько отрадно мне поговорить о приятеле, давнем товарище, которого называю я просто любезным Николаем. К сожалению, ты сохраняешь право быть товарищем и по сходству положения нашего. Страшусь известного текста: «Его же царствию не будет конца», если вместо царствия принять гнев за синоним[1]. Разумеется, в одном этом случае! Вот обстоятельство, в котором желал бы я обмануться.

Неужели ты, любезный друг, не приедешь сюда зимой, хотя на короткое время? Тебя может вызвать болезненное состояние старухи[2], если еще не избавился от дел ее.

Я не почитаю тебя большим охотником до пустых прогулок, так и до всего бесполезного, а мне, совершенно праздному созданию, хотелось бы вместе воскурить сигару и при стакане чая побеседовать с тобой.

Так уединенно жил я последнее время, что не все доходили до меня вести, но немало есть любопытного и в особенности относительно Кавказа. О взятии Салты, верно, знаешь ты все подробности. Употреблено семь недель, и я оправдался, давая название Бергонцома*[3] Гергебилю, Салтам и подобным твердыням. Можно подумать, что не на Кавказе все эти происшествия! Знаем о соединении под одной властью разношерстного Дагестана, знаем горестную разлуку Грузии с Ладинским. И этот плут, облепленный разными украшениями иноземных произведений, получает пенсиона 3 тысячи рублей серебром. Когда вспомню о твоем, кажется, он может не завидовать. Непостижимо! Не знаю, премудро ли?

Слухи петербургские провозглашают *графа Киселева* на место *Воронцова*, но недавно был здесь ближайший его человек Щербинин и сказывал мне, что он в помышлении не имеет оставить Грузию, а, конечно, без желания его не отзовут. Государь был в восхищении, что здоровье его поправилось и восстановлено зрение. *Чернышев*[4] во враждебном расположении и не упускает случая делать возможные в своем роде нежности. По части администрации сделаны многие начала, и полезные, охвачено многое вдруг по разным предметам, как будто для наружного вида, за успехом движения наблюдается слабо. Награды щедрые, не прерывающиеся, привязанности нет и доверенность колеблющаяся! Не знаю, как понимать! Воронцов поставляет военные действия первостепенными и не будет конца предприятиям. Весной опять за Гергебиль! Однако же и Шамиль действует странно. Недавно сменил лучших и опытнейших из своих наибов, даже молодца *Кибит-Магому*, знаменитого защитника Тилитны**, приметя их ропот на потерю людей при бесполезных усилиях в защите укрепленных мест, каковы Салты. Подобные перемены не произведут хороших следствий, и власть Шамиля непременно потрясется. Я этого ожидаю!

Приезжай, закрой глаза на издержки, которые могут быть чувствительны после употребленных женой, конечно, непредвиденных. Прощай!

---

* Так в оригинале. Правильно: Берг-Оп-Зом.

** Так в оригинале. Правильно: Тилитлы.

С Новым годом, будь в отношении ко мне прежним старым приятелем. Душевно преданный *Ермолов*.

Абд-Эль-Кадер[5] сыграл Воронцову презлую шутку, сдавшись французам. Если тоже потребовано будет от наместника относительно Шамиля?

Сию минуту возвратился от Натальи Григорьевны, которую всегда встречаю с особенным уважением. Отдал ей письмо к тебе, но, узнавши, что по болезни Катерины Федоровны, она отложила до завтра отъезд свой, я взял обратно для дополнения.

Новостей никаких после Нового года она не сообщила, кроме малого числа нам здесь известных. Любопытнейшие мои вопросы относились до тебя, и есть нечто, могущее допустить ожидания. Ей что-то говорил Михаил Николаевич, который не увлекается пустой молвой и не говорит без основания. Я до чрезмерности буду этому рад, ибо сержусь на твое бездействие[6].

Сию минуту читаю в приказах, что Головин[7] членом Государственного совета, а на его место генерал-адъютант князь Суворов[8]. Это назначение, конечно, неожиданное и сколько не высокое по чину генерал-майора, не знаю, будет ли рад ему получивший. Вижу, что опытность идет ни во что! Или может быть есть должности, в которых она бесполезна. Говорю не шутя, что я не вверюсь моим суждениям. Так давно от всего отстал! Говорят, Головин из рук вон стал плох!

Атаман черноморский Завадовский[9] назначается командующим войсками на Кавказской линии и Черномории.

Я достоверно узнал, что он в большой доверенности у Воронцова от того, что расточает ему самую подлую лесть. Жаль за человека так высоко поставленного, почитаемого знаменитостью, что может находить ее приятной. Давно уже служащие на линии не охотно имели его начальником. Надобно думать, что Воронцов намеревается быть лично при каждом действии на линии, иначе как допустить невежду казака. А плут весьма тонкий, нечто подобное Ладинскому, который так подстроил грузин, что от имени их наш старый знакомый батушка* князь Эристов подавал Воронцову бумагу, чтобы в Грузии во все присутственные места определять одних грузин. По баловству, оказываемому татарам, скоро и от них можно ожидать того же. Воронцов, принявши просьбу от татарина, хотел рассмотреть ее после, он ухватил его за полу сюртука, заставил прочитать ее. Снисходительность беспримерная, а русские за малейшую вину под суд. При дворе его интриги неистовые, во многое, говорят, мешается жена, но этого прежде никогда не бывало, а потому и теперь не верю. Поляков немало, и они под его покровительством; есть и другие aventuriers**.

Брат Сергей, твой ученик, кажется, не пользуется благоволением и ниже благодарности не слышно.

На днях прислал мне Воронцов в подарок карту Кавказа, выделанную в прошедшем году, 10-верстного размера, прекраснейшую, ясную.

Теперь только могу видеть действия их в горах с отчетливостью. Есть карта 5-верстного размера, но только для него один экземпляр, из которого недовольный несколькими местами, приказал их переделать.

---

* Так в оригинале.

** Авантюристы (*фр.*).

Приезжай, почтеннейший Николай Николаевич, вместе с тобой побродим по карте и поговорим. Посылаю письмо мое к сочинителю исторического обозрения царствования Императора[10]. Я распустил его в Петербурге во множестве. Было прочитано, и следствие можно угадывать. Министром Уваровым[11] запрещено профессору Устрялову отвечать мне. Говорят, будто бы *самим*[12] поправлено было сочинение. Не знаю, за что на меня сердиться, я никого не трогаю! Неужели запрещено возражать автору.

Прощай, не можешь сказать, чтобы я лениво писал, а я посмотрю, не более ли утомится читатель?

Ермолов

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 38 об. – 41. Копия

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 27 февраля 1848**

На первое письмо твое, почтенный Павел Христофорович, не отвечал я потому, что содержание его относилось до Головина, а раз говоривши о нем, я поступаю как с канцелярскою чисткою и, дело зачислив решенным, обращаю в архив. Почти то же, что передаю забвению.

Любезный Граббе мой, которого знал я в первом цвете юности, определяет сына на службу. Непостижимо быстро проходит время, и даже я сам, которого жизнь сопровождена и бывшими и продолжающимися приятностями, ни разу не упрекнул ему медленностью. Меня большим числом годов уничтожил, приближает к концу, но ты бодрственно противостоишь ему! Ты в воображении моем являешься оссиановской фигурой[1], презирающей бурю. Тебя опоясываю тучами, туманами, не на одном Кавказе рождая их!

Не утомит ожидание терпения моего. Начинает омрачаться горизонт, и *скоро услышим мы дыхание смерти*[2]. Некогда читывали мы это вместе! Могу я говорить вздор, но кто сказать может положительно противное? Ты, однако же, истреби письмо мое.

Ты описываешь праздник артиллерийского училища, на который тебя приглашали. Со свойственным тебе благородством хочешь ты отвратить на ветерана то отличное уважение и удовольствие, которое произвело появление молодца настоящего времени, среди воспитывающегося на брань юношества. Весьма деликатен способ сказать мне, что меня помнишь, и я не оскорблю тебя удивлением с моей стороны. Юношество допускает резкие впечатления настоящего, давно прошедшее есть история скучающая ему в классах.

Многое написал бы я еще и с намерением задрать тебя, ибо любуюсь необыкновенным слогом твоих писем, но нет времени и уже вступает существо, которое могло бы превратиться в пищу изящного качества. Прощай, желаю тебе лучшего всего и весь твой *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 33

---

* Помета П. Х. Граббе карандашом: «Копия снята, от Ал[ексея] П[етровича] Ермолова 1848 года 27 ф[евраля.] Москва».

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 18 марта 1848

Давно весьма, любезный князь Михаил Семенович, нет от тебя ни строчки и по многотрудным занятиям твоим не удивительно, но если не пишешь по другой какой причине, весьма жалею!

Насчет даже здоровья твоего, было время, что я выслушивал неприятные рассказы и вернейшие известия отыскивал в Петербурге. Там узнал я, что ты считаешь необходимым пользоваться в 1849 году при заграничных минеральных водах и о том есть твоя в Петербурге бумага. Впрочем, это может перестать быть необходимым. И до того много еще времени!

Слышу, что большие у тебя приуготовления и собирается огромная экспедиция[1]. Нетрудно думать, что горцы не вынесут многих повторений, и если противостоят они оружию нашему, покорит их крайность. Я, как прежде писал тебе, в нынешнем году ожидаю важных последствий и просил тебя заметить слова мои. Я говорил относительно Кавказа, а необычайные происшествия являются с другой стороны.

Получая все журналы в их целости[2], не так как мы их получаем, и при обширной твоей корреспонденции, ты достовернейшие имеешь сведения и, конечно, о событиях в соседственной Пруссии. О Берлине слышны ужасы, и, после горячей резни, король согласился на все требования[3]. Не хороши известия об Австрии, но, кажется, преувеличены. Благоразумнейшая принята система — не вмешиваться во внутренние распоряжения Франции[4]; но, конечно, несравненно менее опасна она своим оружием, как соблазнительным примером, что она весьма хорошо разумеет. Скоро и в Англии перестанут быть страшными свинцовые палки констаблей; но ее может успокоить усиленное производство мануфактур, когда во Франции, по неблагонадежности правления, в неподвижности капиталы, деятельность мануфактур уменьшается и по необходимости рабочем классе обратится к военным действиям. Можно жалеть, если не в полной мере испытает бедствия ветреная и ничем не довольная нация. Я ничего не понимаю и не вижу, но едва ли возможно сохранить мирное состоянье Европы. По счастью, в Германии возникает дух народности, и видит Франция, что она не будет искать ее покровительства, которого еще свежи воспоминания; но за то всячески льстит она ей и раздражает против монархических правительств; а их не так уже много, чтобы не заметить, куда направляются злодейские ее замыслы.

В Петербурге все делалось с приметным спокойствием и без особенной поспешности: приуготовляются к движенью войска[5], собираются бессрочные[6]. Деятельность по военной части являет военного министра в полном блистании. Скрип перьев и фельдъегерских повозок в одинаковой степени, а что пишут и чтоб развозить, увидим впоследствии!

Не скоро простит тебе военный министр, что ты отнял лучшую часть головы его, *Позена*[7], в теперешнем случае для него необходимого. Предвижу большую путаницу. Фельдмаршал, говорить, очень желал бы войны, думая, конечно, что будет иметь дело с персианами или *Гяки-пашею*[8], которого армию разбил и его самого взял в плен *подполковник Верзилин*[9] с одним казачьим

полком. Нельзя вскоре ожидать войны; но конечно никто не поручится, чтобы не случилась!

Говорят, что большая часть войск будет в Царстве Польском и что Император сам будет командовать. Пойдет гвардия и гренадерский корпус. Предполагалось, если бы Австрия требовала помощи, назначить особенную армию под начальством графа Палена[10]. Это знаменитость прежних времен, почти уже баснословных. Мало уже между действующими имен знакомых армии! Мало осталось даже в числе живущих! Так и повсюду: все новое, все юное!

Я намеревался ехать в мае месяце, но теперь отложил совершенно. В Неаполе назначался прожить зиму; но, будучи в Германии, узнал бы я о возмущении в Сицилии, и оставалось на зиму ехать в Париж, как лучшее для веселостей время. Туда попал бы я за две недели до революции. В подобных обстоятельствах, если и возможно избежать опасности, то, конечно, уже не встретиться с удовольствиями, а я для того только и ехал, чтобы развеять скуку двадцатилетней праздности. Должен верить, что меня покровительствует особенное счастье! Часто благодарю судьбу, что достиг лет, дающих право на покой, сохранил способности для прочтения журналов, если, впрочем, доходить они будут. Доселе и наши отечественные довольно чистосердечны!

В стране тебе подвластной необычайная зима как нарочно продолжает полезное тебе после трудов отдохновение. Но вскоре предстоят новые труды и ты, почтеннейший князь, возвеселишь нас твоими успехами.

Прикажи кому-нибудь изредка хотя уведомлять меня о происшествиях. Тебе нет времени свободного, я знаю, но мне досадно иногда выслушивать нелепости и вздоры, против которых не всегда возразить могу решительно.

Оставил неоконченным письмо во ожидании чего-нибудь нового, но нет ничего кроме дополнительных известий или подробностей. В Берлине не так велико было кровопролитье; но во время отправления депеши собирался народ в улицах толпами, ожидали схватки значительной. В Вене уже конституция[11], и вероятно, у главных из заговорщиков заблаговременно приуготовлены были конституции, ибо в короткое время и не собирая депутатов объявлено четыре для разных частей Империи. Царствующий дурак[12] не помышлял о бегстве и не скрывался, и его не думали выгнать. Это сделано гораздо благоразумнее французов!

Не смеет собранная сволочь, называющая себя членами временного правительства республики, явно действовать в духе терроризма; но речи их, журналы, официальные акты ясно обнаруживают совершенную к тому наклонность, и французы благомыслящие убеждены, что терроризм неотвратим, и рассуждения их о том объявляются в журналах. Много еще пролито будет крови этой ветреной и гнусной канальи! Неприкосновенности собственности никто не верит; делаются угрозы капиталистам, и называется изменою, что они не употребляют или употребляют менее прежнего денег на мануфактурные изделия. Боязнь праздного класса рабочих заставит республику делать неистовства, и допущенное грабительство будет мерою самохранения правительствующих мошенников. Будущность готовит ужасные бедствия, и горе странам, где ослабевает уважение власти и в народе, доверие к ней исчезая, дает место негодовавшим и справедливому ропоту!

Боюсь наскучить тебе и потому сокращаю, имевши еще сказать многое!

Ты писал мне, что княгине Елисавете Ксаверьевне угодно было меня вспомнить, и прошу тебя, любезный князь, представить ей мое совершеннейшее почтение и в равной степени мою благодарность.

Прощай, желаю тебе всего по мыслям твоим, из которых господствующая — польза отечества!

Душевно преданный *Ермолов*.

P. S. По разговоре с приезжим из Петербурга, Государь занят беспрерывно. Сбор войск, направление их, самое их счисление и все к тому подробности начертываются его рукою.

По Военному министерству непонятная путаница, которую как будто не хотят замечать. Но у министра та же тщательность в туалете и всякий день партия виста! У фельдмаршала с министром была сильная схватка по предмету бессрочных Царства Польского. Первый говорил, что они без амуниции и нет ничего готового для них, что Государь обманываем несправедливыми донесениями. Великий полководец начинает победою!

Прибавление. По окончании письма моего прочел Манифест (здесь еще не известный) об опасности, угрожающей России общим против ее стремлением неприязненных народов[13]. Государь, взывая к народу, говорит о необходимости защищать пределы от вторжения врагов. Можно разуметь из него, что мы остаемся одни и все против нас!

В Берлине продолжалась резня не один день. Войска за короля сильно дрались. Народ превозмог, король в его руках. Толпы требуют, чтобы король являлся на балконе[14], и мимо его проносят на пиках отрезанные головы разбитой его гвардии.

Вот происшествия, которые будут иметь на нас пагубное впечатленье. Боятся нашего могущества, и против него всякие будут злоупотребленья и злодейства.

Европа загоралась постепенно, и пожар теперь у самых жилищ наших. Меттерних[15] бежал, ничего не предвидя. Может быть, наши министры прозорливее!

Предстоит широкое поле людям, в настоящее время приуготовленным и развернувшимся талантам. Желал бы взглянуть на постную фигуру первейшего из полководцев наших, на которого возложит надежды отечество. Но есть у нас Чернышев, и пусть кто другой овладеет Касселем[16]!

Поручаю великодушному покровительству твоему моих юношей и прошу, чтобы они употреблены были в предстоящем походе. Они так счастливы под твоим начальством, что должны пользоваться всяким случаем показать свою готовность и одушевляющее их усердие.

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 229–233 об.

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 7 апреля 1848

Письмо Ваше, почтеннейший Роман Иванович, единственное, давно уже получил и в ответ также единственное посылаю. Оба мы на прежних нас не похожи, но Вы более увлечены общим переворотом обстоятельств. Некогда

Ваша страсть к писанию, моя леность — были непреодолимы; но теперь, как Вы видите, я по-прежнему постоянен.

Долго собирался я за границу и отнюдь не ропщу на замедление, ибо, без совершенно крайней необходимости, порядочному человеку нельзя выглянуть за границу. В таком все и повсюду прекрасном порядке, что наши калмыки могли бы служить образцом благоустройства. Головокружение охватило даже и самых флегматичных немцев, к которым ездили мы научаться премудрости. Как должны они быть ловки в подражании французской любезности; теперь в рабственном почтении республике, ничего так не добивались как свободы печатания и, распустив студентов на военные подвиги, сами принявшись за болтовню, далеко позади себя оставят членов временного правления Франции и самого даже Ламартина[1]. Этим последним, по крайней мере, угрожает *гильотина*, а немцы направляют резанину на других. Не столько преступными, наконец, будут казаться те, которые не имели особенного чувства нежности к немцам. В числе справедливейших я нахожусь в отношении к ним, ибо всегда верил добросовестности их, любви к порядку и постоянству, и в собственное утешение, в новом их поколении признаю действие протекторства Франции над Рейнским союзом, или, яснее сказать, постоянное десятилетнее пребывание французских армий на земле Германской. Можно назвать ее стоком всех нечистот, и после того прошу доказывать шестнадцать кварталов происхождения. К подтверждению столько глубоких изысканий можно признать истину, что немцы не столько любезны, как французы, и что немки умели сделаться милыми французам. Кажется, из этой породы метисов многие заседают в германской диете[2] во Франкфурте и в кабинете короля прусского[3], которого, впрочем, не весьма желают в императоры, а, кажется, уже готов плясать по чужой дудке!

Если бы не боялся опоздать, наболтал бы и за прошедшее время. Решительно невозможно и не еду за границу, но полагаю не сидеть дома, а намереваюсь быть в Крыму, Одессе и где Бог по сердцу положит. Наскучила Москва и зимою, но надобно достать в отпуск воинов[4], которые из Шамиля не умеют сделать Абдэль-Кадера.

Я разбил себе грудь зимою и более месяца не выходил из комнаты; не тотчас сказал доктору, не лечился и выздоровел.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 242–243

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 12 апреля 1848

Получил письмо твое, почтеннейший князь Михаил Семенович, и очень рад, ибо полагал тебя в негодовании за простосердечное объяснение мое о брате Ермолове, в чем и не ошибся, но об этом ни слова более в угождение тебе.

Долго очень не имел я о тебе известия, давно не вижу никого с Кавказа и чрезвычайно доволен, что письмо твое опровергло размножившиеся здесь слухи, что здоровье и усталость заставляют тебя оставить Грузию. Ничему не верил я, ибо необыкновенная деятельность не свидетельствует усталости и не может иметь места при расстроенном здоровье. Но позволяю себе некоторое

удивление, что так поздно начал ты примечать необходимость большого отдохновения. Конечно, это не по летам, будучи четырьмя годами меня моложе и при счастливом твоем сложении, живости и подвижности. Так же как и меня, съела бы тебя праздность и бездействие! Большая разность лет ничего не значит в молодом возрасте, но в мои лета довольно четырех лет, чтобы определить способность или негодность, и я поистине скажу (конечно, не хвастая), что совершенно ни на что не надобен, благодаря великодушному попечению о двадцатилетнем моем успокоении.

Медленнее доходят до тебя известия о происшествиях в Европе, но несравненно точнейшие при обширной твоей переписке и сверх того по множеству получаемых журналов, из которых читаю я немногие и то с разнообразными вырезками и выкройками. Нам предоставляется дополнять собственным вымыслом!

Есть частные известия, что в Париже была еще порядочная, но не продолжительная резанина, чего можно желать мерзавцам от всего сердца. Какие гнусные действия мошенников временного правительства во Франции! Видя, что не могут распространить на Германию прежнего влияния, они отравляют ее развратным примером своим, притворно соболезнуя, что она страждет под игом власти, упрекая долговременным заблужденьем, что Франция полагала Германию себе враждебною. Они уверяют, что одинаковы должны быть их намеренья, равно святы усилия восстановить падшие народы, и просто говорят, что надобно вырвать Польшу и поставить ее оплотом Европы против Азии. В том же смысле действует германская диета, из каких-то сорванцов самовластно составившаяся, и сзывает представителей от всех германских государств; а как ими управляют такие же сорванцы, то диета должна скоро восприять свое действе[1]. Не отправится ли туда Совета нашего член г[осподин] Ган, ибо того же Гейдельбергского университета одна бестия[2] играет там важную ролю. Глупая представилась мне мысль, что преобразование Грузии г[осподина] Гана было приготовлением ко всеобщему европейскому порядку. Конечно, слишком он умен, чтобы предположить отторгнуть закавказские области подобно Польше; но, на случай войны, за последнюю хорошо произвести неудобства и затруднения для России, понуждающие ее разделить усилия и средства.

Право, невозможно с уверенностью утверждать противное! Конечно, не мою сообщу тебе мысль, но слышу дерзающих подозревать, что не все делается без намеренья, хотя, впрочем, облекаемого благовидною наружностью. Я не этого мненья и скорее готов предположить недальновидность и равнодушье к рождающемуся негодованью. Но это не мое дело, и решаюсь лучше скучать тебе беспутством Европы.

Каков король прусский, заставивший войска резаться под окнами его дворца, в котором сам прятался пьяный? И когда заставили его удалить войска за город, то он думал смягчить разъяренную чернь, рассказывая ей, что жена его очень плачет, не смея уже называть ее королевою.

Не умел сесть на коня и быть при войсках; брата своего наследника[3] привел в ненависть в народе, и тот должен лишиться отечества, бывши в нем любимым. Сам приобрел достойное наименование подлеца и труса! Каково это сердцу доброй нашей Императрицы[4], которая, говорят, ужасно огорчена!

А что сделалось с Австрию и что еще будет? Она истощает бесполезные усилья и Ломбардии не возвратит. Радецкого[5] армию поставляли за образец, и она не умеет даже продать дорого победы. Когда было покойно, войск было более; а когда при общем восстании народа необходимы средства, их было недостаточно. Теперь ведут туда многочисленные подкрепления, но уже поздно, и потеря Ломбардии, ободрив итальянцев, ускорить разделение Австрии на части. В Венгрии народ вдался в неистовства; магнаты, удовлетворяя их грозным требованьям, предоставили им в собственность большую часть своих имуществ и никакого влияния не имеют, напротив, устрашены разностью вероисповедания. Славянские народы также предлагают тяжкие условия, но, не уничтожая зависимости, требуют, однако же, соединения Эсклавонии[6], Иллирии[7] и Далмации[8], и вероятно, есть сокровенная мысль самостоятельности при первом удобном случае, когда более прочный порядок может обещать им или союзы, или покровительство[9].

В Богемии есть давние зародыши неудовольствия. Какая ужасная перспектива!

Галиции Австрия поблажает в своей слабости и в ней готовит злого нам неприятеля. Как ни стар и в упадке *Меттерних*, но в нем потеря для Австрии ужасная!

Очень рад, любезный князь, что в мнении твоем вижу подтверждение своего собственного. Не вижу войны ни очень скорой, ни упорной. У всякого есть свое дело и сверх того дела относительно один другого, особливо по предмету соединения Германии. И кому же из владетелей так к сердцу восстановление Польши?

Прости мне, что скучаю тебе предметом, о котором всего менее имею понятия, а мог бы еще более наговорить вздору!

Сообщу тебе слухи не здешней фабрики. В случае войны, по количеству войск, будет не одна армия, и на тебя есть виды. Это не принадлежит к пустой молве!

Сохрани письмо мое, в котором я просил тебя обратить внимание на замечание мое насчет нынешнего 1848 года. Взгляни на него, и что хочешь думай. Я почти пророк!

Желаю и не сомневаюсь в полном успехе предпринимаемой тобою экспедиции.

Шамиль разыгрывает фарсы своею *абдикациею*[10], но они выказывают не лучшее положение его дел и, уже конечно, небольшие надежды.

Собранием наибов доказывает он ожидание решительной борьбы, и не так он глуп, чтобы не видел, что нет у него средств на повторение таковых. Не отправился бы он за инструкцией пророка! В Мекку!

Действия последние в Чечне и пролагаемые дороги, достаточные убедить, что уже не так легко укрываться по близости к плоскости, к которой неудобный доступ допускал возможность ею пользоваться, не подвергаясь внезапным нападениям, заставят чеченцев испрашивать позволения переселиться на прежние места и сидеть покорными. Это будет большой шаг к тому, чтобы менее часты и менее упорны были схватки.

Не беру я на себя проникать твои намерения; может быть, не входит в них приобретение Карадагского моста, и ты находишь приличнейшим овладеть

Гергебилем; удивляюсь, если горцы будут иметь глупость испытать напрасные потери для бесполезной защиты и его не оставят. Упорная защита его и неотвратимая потеря произведут непременно ужасное нравственное влияние, гораздо сильнейшее, нежели добровольное оставление его, которому мог бы Шамиль дать благовидное истолкование.

Знаю, что тебе писать нет времени, но поручи кому-нибудь меня о том уведомить.

Весьма великодушно внимание твое к моим детям. Но и благодарность моя беспредельна, что они не остаются праздными и будут участвовать в экспедиции. Я умел только истолковать им, что служба им необходима (un beso in vital*), а ты, как начальник, лестным ободрением их усердия пристрастил их к ней, и, конечно, невозможно начать счастливее службы, как они и не находить ее приятною. Им очень хорошо под твоими повелениями, но не всякий начальник Воронцов!

Забавляю себя мыслию, что Север удостоится ордена Св[ятого] Владимира, то есть дворянства, и при мне, в старости моей, будет хотя один из детей.

Прощай, всего желаю по сердцу твоему.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 234–237 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Москва, апрель 1848]

К письму моему, готовому уже на почту, должен я по прочтении газеты *«Северная пчела»* сделать дополнение. Она объяснила мне, почему ты ничего не сказал в письме твоем о *брате Ермолове*, служащем у тебя, и я вижу, как ошибся, полагая, что ты на меня негодуешь[1]. Тебе много чести, что ты не отклоняешь внимания и от тех даже, на которых не обращается особенное твое благоволение.

Хочу предполагать в некоторых довольно благоразумия, чтобы не заключать в ордене Св[ятого] Станислава особенного для жизни счастия, но не получить никакой награды, будучи подчиненным Воронцова, есть уже в общем мнении то же, что приговор. Он непременно вредил бы службе человека, не имеющего покровительства и столько же немного состояния, невольно лишившего карьеры несравненно ему приличнейшей! Вот что заставило меня жалеть о нем. Теперь не услышишь от меня слова, и в последний раз позволю себе повторить уверенность в великодушии твоем, что ты доставишь ему перемещение в одну из внутренних губерний. Тебе ни в чем не откажут!

Честное слово даю тебе, что он не подозревает о моей просьбе и, быть может, что был бы он недоволен!

Я решительно отменил намерение ехать за границу, и трудно найти место в Европе, где не могли бы встретиться неприятности. Повторю твои слова: Бог знает, чем все это кончится? Повторяются слухи, что в Париже порядочная

---

* Жизненно (*фр.*).

была резанина. Говорят то же и об Вене, но этого ожидать менее возможно и от императора не осталось уже ничего требовать. Повсюду нравится народу именование *peuple souverain**.

Из числа свежих самых слухов следующие: эрцгерцог Иоганн[2] избирается императором германским. По смерти эрцгерцога Карла[3] умнейший и наиболее любимый в народе. Пребывание его в Вене воздержало от многих беспорядков. Король прусский впал в презрение даже в Германии. Недавно прислал к Государю одного из генералов. Посланный к нему генерал-адъютант Берг[4] не мог его видеть и возвратился.

В Англии также страшатся очень беспорядков рабочего народа; но принимаются деятельные меры, и многие весьма уверены, что худых следствий не будет, по непривычке народа иметь дело с войсками, как бы ни малы были средства последних. В Ирландии ожидают непременной схватки и не в пользу ее, ибо большая часть не расположена к беспокойствам[5]. Правительство, однако же, находит себя в необходимости иметь величайшую осторожность и принимать меры, требующие издержек, к которым оно не обвыкло и которые объясняют являющиеся новые понятия в народе о правах, ему принадлежащих, отклоняемых в пользу других сословий. Народ не восхищен этою свободою и чувствует, что может быть что-нибудь лучшее.

Умное и прозорливое правительство многое предотвратит или по крайней мере много ослабит потрясение, в чем более всего поможет ему Франция; ибо ужасы, которых она не избежит, вскоре распространят страх повсюду и не будут обольщающим примером. Республика во Франции не устоит, и этого много уже будет для общего в Европе спокойствия; а будут конституции лучше английской, которыми могут довольствоваться царствующие, добросовестно употребляя власть.

В Царстве Польском совершенно все тихо: простой народ весьма далек желания беспокойств, и буйные поляки не найдут сочувствий.

Прощай, все выболтал и долго не буду нарушать твоих важных занятий.

Прости многоглагольство мое.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 200–201об.

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 3 мая 1848

Благодарю Вас, почтеннейший Роман Иванович, за письмо Ваше от 28-го апреля, только вчера мною полученное. К Вам я не пишу, ибо совершенно не об чем, разве о том, что более двух месяцев назад разбил себе грудь и столько же времени почти не выхожу из комнаты. Разумеется, я не скоро призвал врача, не менее разумеется, что его не послушал, и, что всего лучше, лечусь сам; можете судить о последствиях. Невзирая на все это, живу очень не скучно, ибо знакомым, меня посещающим, запрещено спрашивать меня о здоровье, и я избавлен несносного повествования о ходе болезни, которая, конечно, весьма

---

* Суверенная нация (*фр.*).

мало занимает каждого, или только одних самых близких, по счастию, в весьма малом количестве состоящих. И Вас прошу не говорить ни слова, и без того мало ли мы говорим пустого? Рад очень, что, заставивши Вас немного смеяться письму моему, я, вместе с тем, выказал, что старость не омрачает характера моего, и так, кажется, будет до конца!

Граббе[1] мой обленился и почти никогда не пишет, а чрез гр. Арсения Андреевича *Закревского* весьма удобно и верно. Скажите ему об этом. Царевич Илия (Грузинский)[2] чрезвычайно признателен за великодушное внимание Ваше к его юношам и принимает это как добрый отец. А я, делая психологические наблюдения, заключаю, что в настоящее время у Вас или мало или совсем нет внучат и Вам нужны существа для упражнения преизбыточествующей нежности. Припомните, почтеннейший старик, что это бывало и для семейства пьяного столяра нашего Петра Иванова. Я никому не сообщаю моих наблюдений; но вот подъедет к Вам Елена Романовна[3], и Вы пишете, что с нею две дочери, и я совершенно успокоен на Ваш счет. Начнется особенного рода деятельность, пойдет в ход немецкий язык для составления епистол к директоршам. Помню я одну из таковых, которой одна часть составляла целую Dorf*. Позвольте спросить, две ожидаемые Вами внучки составляют последнее ли тиснение генерала Коцебу, или надо ожидать бесконечного милосердия Божия?

Чувствую весьма, что незабавны мои шутки, но я удивляюсь, что могу еще что-нибудь написать, ибо несколько тому часов как узнал о кончине брата Льва Васильевича *Давыдова*, который, будучи совершенно здоров и в самом веселом расположении, получивши удар, жил только две недели…

Мàксимович за Вас молит Бога, и только я удерживаю несколько, чтобы Мартына Лютера не внес в список святых.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 243–244

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москвы, 11 июня 1848***

Князь Семен Михайлович сделал мне честь, посетил меня, возвращаясь из Петербурга. По чувству благодарности я должен был принять обязательное предложение его доставить тебе письмо мое и потому пишу.

Так велики занятья твои, что я не только не позволяю себе негодовать на продолжительное молчанье твое и ему не удивляюсь, но даже думаю иногда, что я напугал тебя длинными моими письмами и что нередко не достает тебе времени их прочитывать, и я сократил их. Недавние в Европе перевороты увлекли меня, и в описаниях невольно я распространился; но чрезвычайно рад, что их перескажет тебе молодой твой князь, который знает их достовернее и основательнее многих других, и тем избавляюсь я от болтовни, может быть, для тебя очень скучной. Он того мненья, что войны не будет ни весьма скорой, ни весьма важной, и потому извольте, ваше сиятельство, заниматься устрой-

---

* Деревню (*нем.*).

** Помета М. С. Воронцова: «По[лучено] 17 июня 1848».

ством и основаньем будущности (avenir*) Кавказского края, чтоб едва ли не полезнее отечеству командованья армиею, особенно когда не предвидится войны тяжелой. Жалею, что ничего решительно не знаю о предприятиях и действиях твоих; слухам же не всегда верю. Был случай получить о том понятие от генерала Фрейтага, проехавшего здесь, но я был в деревне и его не видал. Теперь я здесь на короткое время по причине проезда гр[афа] Закревского[1], который сказывал, что получил от тебя письмо.

Здесь были нелепые слухи, будто по окончании нынешней экспедиции ты полагаешь иметь отпуск на год и быть на водах за границею. Может быть, последнее было бы не без пользы; но продолжение года допустить невозможно!

Прощай, всего желаю, что бы некогда мог пожелать самому себе.

Душевно преданный *Ермолов*.

Повторю от сердца, что очень был рад видеть твоего сына, который и под фраком не умел скрывать наклонностей военных.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 238–239

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Осоргино]**, 22 сентября 1848*

Последнее письмо твое, почтеннейший князь Михаил Семенович, было из Воздвиженского от 29-го июля; долго после никого не видал я с Кавказа и потому не весьма давно узнал, что ты отправился в Крым позже, нежели предполагал[1]. Жаль было бы, если бы менее времени отдохнул там, как намеревался, особливо же после трех с половиною лет отсутствия из великолепных твоих крымских владений, чтоб едва ли случалось прежде. Наконец, ты был, и это должно вразумить каждого, что дела на Кавказе в другом, нежели прежде, положении. Я ожидаю вскоре весьма важных перемен, и надобно быть горцам слепыми, чтобы не видеть, как великими жертвами поддерживают они власть Шамиля.

Удивлен я был, увидевши назначение на место, которое ты готовил графу Симоничу[2], и неужели хотел он отказаться от него? Не удержал ли его фельдмаршал, которого желание войны европейской легко может исполниться. Этот счастливец и тут встретится со всею пестротою немецких пород, составляющих мечтательную Германскую империю, которые более 30 лет не видали выстрела, и ими предводительствовать будут профессора, бежавшие из опустелых университетов, на главе которых будет викарий Иоганн[3] (в военном ремесле конечно епископ). Я воображаю, какая будет связь в делах и единодушие! Что значит подобная война нашему воеводе Паскевичу, когда в самом раю давал он баталии? Кто другой со времен христианства дрался у источников Тигра и Евфрата[4]?

Видел я здесь генер[ала] Лабинцова не более получаса, ибо на другой день уехал я в деревню; но довольно было времени заметить, что он с сожаленьем оставил Кавказ, где служил так счастливо, приобрел милостивое вниманье Государя, пользовался твоим благорасположением. Он, конечно, понимает, что он *Lamoricière*[5]; но у нас нет баррикад, и не так легко попасть в военные ми-

---

* Будущее (*фр.*).

** Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

нистры. Приметно грустит. Но как человек, так давно в дружбе со счастьем и им балуемый, он имеет свои претензии и некоторые хорошо высказывает. Но сплетни не мое дело, и ты, конечно, не пожелаешь их знать. Он был весьма тебе преданный человеке и боевой хороший инструмент!

Теперь о собственных делах.

Ты сообщаешь, что Север (Омар-бек) представлен к Владимирскому кресту[6]. Посмеялся я словам твоим: «надеюсь, что не откажут». Ожидал терпеливо и удивлен был, что вышла награда необыкновенно скоро. Пусть кто хочет льстит могущественному вельможе, это будет слабее того, что я чувствую и как благодарен за милости твои к моим сиротам, ибо для пользы их я давно уже не существую. Жалею о болезни Виктора, которая заставляет его терять многое, но сколько рад был за других, сказать не умею. Я даже (впрочем одну минуту) вооружился против тебя неблагодарностью за то, что мне не остается ничего желать, и это самое тягостное состояние человека! Оба младшие имеют по ордену, потомственное дворянство, что у нас необходимо. Могут иметь собственный угол, нужное при случае убежище! Помысли сам, какое это благодеяние! А все-таки мне уже нечего желать, и всему вина твоя!

Но вот что еще осталось сделать, и я прошу убедительнейше.

По окончании экспедиций двум младшим дай, почтеннейший князь, увольнение в отпуск в Москву и Петербург на четыре месяца[7]. Если бы не было затруднительно, я желал бы и старшего. Артиллерийское начальство может командировать под видом казенного поручения, разумеется не делая на то казенных издержек. Конечно, уже не буду я просить повторения отпуска; мне 71 год, и я очень старею. По этой причине мне необходимо иметь одного близко себя и я работаю, как бы Омар-бека пристроить в Москве. Он обстоятельнее других и сбережет для братьев что после меня останется. Ты, конечно, одобришь мое намерение, а потому и отпуск их.

Ничего не знаю, какие твои предположения, какая цель пребыванья в горах войск, а в скромности моей не имеешь причины сомневаться.

Если еще не в видах твоих оставить Кавказ, не мешало бы заглянуть в Петербург. Могут встретиться первостепенные обстоятельства и увлекать вниманье. Прощай, желаю тебе всякого рода полных успехов.

Преданный душою *Ермолов*.

Представь мое совершеннейшее почтение ее сиятельству княгине Елисавете Ксаверьевне.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 240–241 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 25 октября 1848**

Соображаясь со слухами, ты, почтеннейший князь Михаил Семенович, должен был 15-го числа возвратиться в Тифлис. Итак, вопреки предположения пробыть в Крыму несколько недель и отдохнуть, ты был довольно короткое время, о чем очень жалею. К тем же обращаясь слухам, скажу, что невозмож-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Пол[учено] 5 ноября 1848».

но было избрать удобнейшего времени для необходимого отдохновенья, ибо в твоем Кавказе все идет самым успешным образом, и Шамиль, дерзнувший нарушить повсеместный покой, как носится молва, понес наказанье, каковому никогда не подвергался[1]. Скоро неудачи охладят его предприимчивость, ослабеет доверенность к нему, приметно уже не прежняя, и конечно проявится непослушанье. Теперь, при свободном сообщении Казыкумыка с Темир-Хан-Шурою, при возможности перемещения войск с одной покатости гор на другую, Шамиль не может обещать себе ни малейшее выгодного предприятия, и я весьма могу ошибаться, но позволяю себе думать, что некоторое время можно не возобновлять наступательных действий[2]. Довольно убежденья, что они зависят совершенно от произвола начальника войск, при всех способах, имеющихся под руками и не требующих продолжительных сборов, которые обнаруживали всегда намеренья. К тому же потеря обширных и богатых посевов в окрестности Салты и других истребленных селений есть неизбежный голод, постоянный наш авангард. Всякий барон имеет свою фантазию; у меня место ее, может быть, заменяет мысль нездравая; но если бы в руках наших был Карадагский мост, я многое сказал бы другое. Не обвиняй мое упрямство и даже не говори мне ни слова на этот предмет: молчанье со стороны твоей будет доказательством, что я не угадал твоих намерений, и довольно!

Не прими, любезный князь, в виде упрека, что не исполнил обещания писать ко мне пред отъездом в Крым. Но ты имел великодушие вспомнить о детях моих, известив, что Омар-бек представлен к награде, и чего же более. Владимирский крест дает ему дворянство, и затем у меня не осталось уже никаких желаний. Так скорого счастия я не ожидал и теперь будут служить как Богу угодно. Старший выбыл болен, и ему необходимо лечиться. Прикажи его держать в госпитале. Младшим двум дай отпуск на четыре месяца в Москву и Петербург. Я уже старею, и кто знает, увижу ли их в другой раз? Вместе с ними распоряжу и небольшое их наследие и буду совершенно в покое!

Теперь еще одна до тебя просьба в отмену прежней моей. Выслушай терпеливо, почтенный друг!

Брату Сергею Николаевичу открыл я, что просил тебя о перемещении его в одну из российских губерний. Я сделал это не спрося его, и он ничего об этом не подозревал. Он пишет мне, что это совершенно противно его желанию, и справедливо заключает, что это произведет самое неблагоприятное на службу его замечание. Я испугался и рад был чрезвычайно, что ты не исполнил моей просьбы. Я признаюсь тебе, что я сделал в минуту негодования и как бы упрекал себя, ибо легко могло случиться, что при самом благосклонном отзыве об нем, он был бы внесен в список кандидатов и дожидался бы бесконечное время, не имея совершенно никакого покровительства, тогда как служба есть единственное средство к его существованию. И всему я был бы причиною. Легко стало душе моей, что это не сделалось! Ты писал ко мне, что едва ли останешься в Грузии более четырех лет. Позволь ему иметь честь служить под твоим начальством до твоего удаления. Это будет наилучшим аттестатом для служения его впоследствии. Ты мне сделаешь эту милость.

Прощай, да благословит Бог полезные твои подвиги для славы отечества!

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 243–244 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 1 ноября 1848

Письмо твое от 18 октября[1] получил с величайшим удовольствием и, конечно, немало удивился, что едва успел приехать, уже скачешь в Эривань, что свидетельствует о твоем здоровье, хотя весьма непродолжительно было отдохновенье в Крыму.

Приказ по войскам, тобою присланный, пришел в одно время с реляцией, напечатанною в газетах. Князь Аргутинской и войска под начальством его действуют славно! Какими потерями платит Шамиль за безрассудную предприимчивость; но жители Самурского округа, конечно, мошенники; ибо, без сношений с ними предварительно, невозможно позволить себе подобного движенья. Еще сильны обольщения Шамиля, и не нашлось приверженного нам человека, который бы известил о согласье жителей.

Давно знаем о смерти шаха[2], и не эта ли причина вызывает тебя в Эривань? Немного хорошего в том, что дядюшка[3] нового шаха[4] живет у тебя. Совершенно бессильная Персия ничего не значит, но под видом приличия будет желать возвращения бежавшего, и будет повод к охлажденью с ее стороны.

Весьма милостиво внимание твое к моим детям, и я не имею выражений благодарить тебя. Жалеть буду, что они не в состоянии заслужить твоих милостей. Болезнь продолжительная старшего Виктора заставила меня желать, чтобы нынешнюю зиму он остался лечиться в Тифлисе. Если возможно, прикажи так сделать. Ты увидишь, что в письме пред сим я просил о том же.

Прощай, будь благополучен.

Душевно преданный *Ермолов*.

Тебе уже известно, что Вена после сильного сопротивления сдалась. Гнуснейшее поведение венгерцев обращает все внимание Австрии, и они испытают жестокое наказание, по справедливости заслуженное[5].

Видно повсюду, что несколько мошенников волнуют целые народы; но подлее венгерцев доселе еще не являлось.

В Австрии являются люди с характером, которого прежде не обнаруживали, и славянские народы, забывая прежние утеснения, восстановляют ее могущество без пособия немецкой франкфортской сволочи[6], которой рабски повинуется один пьяный король прусской[7].

Берлину не может нравиться урок, данный Вене, и, конечно, дойдет до развязки. У короля приметно было желание к тому, но душа слабая отказывалась, и он готов перенести всякое уничижение. Оскорбленная армия не вся сохранила прежний дух, и уже бывают случаи, высказывающие одобрение нынешних всеразрушающих правил. Дано время мошенникам рассеять свои обольщения. Много будет невиданного! Бог сохраняет нашего Государя, и премудры действия его! Конечно, много завидующих спокойствию России!

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 245–246 об.

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 26 ноября 1848

Бранить Вы не умеете, почтенный Роман Иванович, но без негодования, воля Ваша, невозможно простить, что я так долго не пишу; я это хорошо понимаю и потому не оправдываюсь. С сожалением видел я, что болезнь Ваша продолжалась и была до того упорна, что еще до сего времени Вы не выезжаете. Максимович, стыдясь лени моей и видя желание мое иметь известие о Вас, изредка вступает в корреспонденцию с Вами и часто спрашивает своего Яшку, великого писаря. Таким образом, узнаю я, что не весело пребывание Ваше в Петербурге, особенно как некоторые из родных Ваших уже разъехались.

Скажу о себе, что боль от ушиба еще сильна, невзирая что уже девятый месяц; и теперь пять недель как приехал я из деревни, но за порогом моей комнаты не был. Впрочем, верю старинной пословице: *до свадьбы заживет*. Кажется, верно!..

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 244–245

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 13 декабря 1848**

Письмо твое от 5 ноября[1], почтенный князь Михаил Семенович, получил с детьми моими.

Начну поздравлением тебя с изъявлением признательности Императора к твоим заслугам отечеству. Особенное уважение к ним доказывается по представлениям твоим производством многих в генерал-майоры, чем отдается справедливость полезных их подвигов.

Генерал Коцебу посетил меня в проезд свой, и я с любопытством выслушивал о важных усовершенствованиях, которые делают Кавказ страною мне почти уже незнакомою. Немногие из предместников твоих могут оправдываться кратковременным их пребыванием в том, что они сделали мало, и этих называю я счастливцами.

Каково же нам двум с бароном Розеном! Хотел я прихватить Головина[2], но по мнению властей он принадлежит к эпохе улучшений, особенно после изданного им самим описания des faits et gestes**. Это делает он всегда при перемене должностей. Как человек умный он имеет апостолов, проповедующих его славу. Теперь восстают они на Суворова[3] и распускают клеветы словесно и письменно.

Намерение твое быть в июле в Петербурге, по письму твоему, подтверждается слухами оттуда. Ты будешь единственный из всех начальников страны, в которой не осталось места, которое бы не было под глазами твоими и укрылось от внимания. Государю много ты сообщишь нового, ибо видит он Кавказ, как ему представляет его военный министр, совсем его не знающий; пребывание же Государя в Грузии было чрезвычайно непродолжительно. Может быть, говорил он о ней с Головиным; со мною же ни слова, как с совершенною не-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Пол[учено] 26 декабря».

** Деяний и свершений (*фр.*).

веждою, к которому относятся все беспорядки. Теперь в ясном виде предстанет ему Кавказ; военные действия идут по желанию; ты предложишь многое для лучшего устройства по гражданской части и начертаешь план высочайшею волею освященный (некогда называл я его уставом), по которому должны будут действовать твои наследники. Тебе принадлежать будет слава создания закона, по которому возрастать будет благоденствие Кавказа, указание его будущности, основание прочного обладания важными приобретениями России и, облегчив таким образом способы управления краем твоим преемникам, ты кончишь четырехлетие и можешь торжествуя отдыхать от многотрудных занятий твоих. Из письма твоего видел я, что четвертый год ты почитал уже утомительным.

Не удивляет меня желание отдохновения, и я ожидаю, что изменяющееся положение Шамиля не будет уже в прежней степени требовать распоряжений и внимания главного начальника и прежней блистательной наружности иметь не будет. Устройство края будет водворяться медленно, и жаль, если бы то могло наполнять все время знаменитого начальника. Удаление твое, конечно, будет предметом общего сожаления, ибо не будут столько видны действия, столько щедры награды, и сомнительно, чтобы другому начальнику предоставлена была столь огромная власть и право награждать по произволу. После тебя быть главным начальником конечно во многих отношениях весьма невыгодно, и все примет другой вид; но ловкий человек может еще иметь возможность снискать привязанность подчиненных, ибо останется Шамиль, обильный источник происшествий и средство прославления многих действующих лиц.

Но должен сказать тебе, любезный князь, что желанию твоему оставить Кавказ никто не хочет верить. Впрочем, быть может, потому что все легко угадывают, что тебя всячески удерживать будут и, чтобы успеть в том, на все готовы будут. Много способствовать будут обстоятельства Европы, менее прежнего грозные, и армии наши могут долго оставаться без действия. Это последнее обстоятельство может продлить твое там пребывание. Иначе не отделаться бы от командования армии, ибо по количеству готовых к действию войск из них мало составить две армии.

Ты в нескольких словах очертил мне движение Шамиля на Ахты. Признаюсь, Бюрно не показал большой решительности, если не совсем струсил[4], но и генер[ал] Шварц немного сделал чудес. Всех молодцеватее поступил Шамиль; ибо нельзя осмелиться спуститься на Самур, не будучи уверенным, что будут согласны старшины округа и народ принять его. Без предварительных сношений и, может быть, с давнего времени этого не смел бы он предпринять. Странно, что не знал князь Аргутинский, у которого много приверженных ему людей и лазутчиков, каковых никто другой не имеет. Он не имел известия о движении Шамиля.

Ты сам возбудил рассуждение; я сам не сказал бы ни слова и вместе с другими, не имеющими понятия, восхищался блистательным описанием происшествия. Защита Ахты поистине славная и награждена достойно! Вероятно, Шамиль не скоро решится на подобное предприятие. Об этом наши будут жалеть более, нежели он сам о неудаче.

Воображаю, с каким чувством увидел ты места, где в самых молодых летах получил Георгиевский крест[5] и настоящее твое назначение (vocation) не сделал затруднительным для начальства. Никому не показался ты камергером!

Любопытство знать, какие действия предначертаешь на будущее лето, ты удовлетворил самым обязательным образом, и я не буду стыдиться невежества при делаемых вопросах. Ты не разрешаешь наступательных действий, да скоро уже и некуда будет. Не оспариваю мнения твоего о Карадагском мосте; на месте ты лучше об этом судить можешь. Не буду говорить о Тилитлы, которые не так скоро надобны будут. Извини, не могу не говорить вздору. Понимаю, какие каменный уголь[6] и торф доставят выгоды войскам, занимающим Казыкумык и окрестности. Это скоро почувствуют горцы.

Теперь позволь принесть мою беспредельную благодарность за детей моих. Они весьма чувствуют милости Ваши и разумеют, что не успели бы заслужить полученные ими награды, если бы употреблены они были по очереди, но ты, почтенный князь, назначил их в экспедицию и, тебе угождая, начальники не оставляли их праздными. Меня не удивили их награды[7], ибо многие подобные и бóльшие имеют, но я так доволен, что если бы гораздо позже получили их, я долго не верил бы моему счастию. И всем этим они тебе обязаны. Не будет в жизни их другого начальника, тебе подобного, и для них более могущественного покровительства. Не верится даже, что они дворяне, а это на всю жизнь их будет иметь большое влияние. Можешь судить, сколько я должен быть тебе признательным! Жалею, что Виктор мой отстал от братьев. Полтора месяца как он выехал из Тифлиса, но еще его нет здесь. Тяжелая болезнь его удерживает в Воронеже, и не знаю, когда приедет.

Уведомляешь, что писал министру[8] о переводе брата Сергея Николаевича. Не перестану упрекать себя, что не спросясь его, я просил тебя о переводе. Он был в отчаянии, когда я сообщил ему, и я боюсь, чтобы министр не подумал, что ты желаешь избавиться от него и это будет причиною, что он не получит места, без чего он существовать не может, скудное имея состояние и долги. Он много потерял, ибо моложе его службою переводятся в генерал-лейтенанты, и он не виноват, что губернатор.

Вижу ясно из письма твоего, что он имел несчастие не заслужить благоволения твоего, и это не должно мешать тебе быть великодушным. Несколько слов министру в пользу его по крайней мере не лишат его места, и он будет чувствовать благотворение. Боюсь я за бедного брата моего!

Прощай! Да благословит Бог успехами по желанию твоему!

Навсегда преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 247–250 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 6 января 1849**

Здесь видаюсь я, почтенный князь Михаил Семенович, с князем Палавандовым, бывшим гражданским губернатором Тифлиса, который любопытным чрезвычайно образом говорит мне о Грузии, до того изменившейся, что я не узнал бы ее. Чудеса рассказывает он мне о Тифлисе, с которым, по словам его, весьма немногие из главнейших городов России сравниться могут. Подумал

---

* Помета М. С. Воронцова: «Пол[учено] генв[аря] 1849».

бы я, что есть в повествовании немного излишнего; но дети мои, и в особенности Виктор, находят его умеренным.

Не знаю, все ли твои предместники, управлявшие краем, будут справедливы; но что до меня касается, я очень хорошо вижу, что только при тебе могло правительство получить точное понятие о крае. Все уже приведено в известность; определены средства земли; доходы, ею приносимые, перестают, как доселе, быть гадательными и приходят в правильную численность; внутреннее устройство приближает страну к европейскому порядку. Это не изгладится никогда и будет вечным памятником твоего начальствования. Помню, что некогда в письме к тебе я ставил себя в сравнение как дешевого чернорабочего против знатного господина. Это принадлежало ко времени и тогдашним скудным средствам во всех отношениях; следовательно, есть некоторое извинение. Но что сделал великий фельдмаршал, которому ни в чем не было отказа? Умолчу о бароне Розене, истинно полезном человеке. За ним следует Головин, убежденный, что после него немногое уже делать осталось, как то имеет он привычку всегда показывать в своих отчетах или, лучше сказать, повествованиях. Он не примечает, что его подчиненностью добровольною военному министру он сему последнему дал повод говорить: «*С тех пор, как Грузия в руках моих, она совсем в другом виде*».

Головин в жалком положении: третьего дня умер у него старший сын, молодой человек, всеми весьма похваляемый и достойный[1]. Адъютантом цесаревича наследника он подавал большие надежды в будущности.

На этой почте князь Палавандов посылает тебе просьбу или докладную записку. Удостой его, любезный князь Михаил Семенович, твоего могущественного покровительства. Здесь он с семейством в весьма болезненном положении, и нельзя не видеть, что по состоянию его нередко встречается он с затруднениями в содержании, которое должен согласовать с приличием. Помоги ему по великодушию твоему и благоусмотрению. Некогда служил он и мне, и я находил его отлично полезным по знанию края.

Весь душою твой *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 251–252

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 10 января 1849

Письмо твое, любезный брат Сергей Николаевич от 6-го декабря, названное дополнением к последнему, я получил. Ты меня впутываешь dans de telles complications que certainement je ne saurai affronter*, и вот объяснение тому. — Закревской не в таких отношениях с военным министром[1] и Перовским, чтобы захотел писать им, и не в таком положении чтобы равнодушно принять, если не вполне успеет в желании. Это знаю не по одной догадке. Сам я никогда не писывал кн[язю] Чернышеву, а он с Перовским после поступка его с Нагибиным[2] весьма далеки, чтобы быть приятелями. Итак, любезный брат, один

---

* В такие осложнения, которым я определенно не сумею противостоять (*фр.*).

кн[язь] Воронцов может что-нибудь тебе сделать, в чем я не совершенно уверен, зная весьма давно, что он к тебе не благорасположен.

Я тебе давно писал об этом, почерпая из ответов его на мои письма истину того, но ты не хотел этому верить, всегда возражая неосновательными доводами. Многое в подробности знаю я, что у вас происходит, расспрашивая многих, сличая их замечания, и от таких знаю, которые в хороших отношениях с окружающими князя, а потому, быть может, его собственное передают мнение. Люди, по расстоянию от тебя, не могущие тебе завидовать и тобою ласкаемые, многие передали мне, и я должен был заключить, что тебе лучше не служить в Грузии и что невнимание местного начальства к службе ревностной и бескорыстной, должно было высшему начальству сообщить о тебе невыгодное мнение. Лучше было не останавливать моих действий и не заставлять меня писать, противное прежнему. Я и себя обвиняю, ибо князь Вор[онцов], не показавши ни малейшего, хотя бы притворного желания тебя удерживать, довольно вразумлял меня, что я не должен был отклоняться от намерения перевести тебя в российские губернии. У меня, конечно, было затмение, когда я тебя слушал, испуганный вычетом 3 т[ысяч] рублей серебром. Если бы немного еще удержался я, мне довольно было бы одного князя Владимира[3], бывшего достаточно откровенным, и наконец ген[ерал]а Коцебу[4], который был со мною совершенным рыцарем и не без сожаления говорил, что ты не хотел понимать его, когда он ясно сообщал мысли свои о твоем положении. Божусь, не знаю что делать, и остается одного желать и искать, чтобы тебе не повредил князь, чего, впрочем, хотя я совершенно не ожидаю, не мешает, однако же, и со стороны своей употребить старание и некоторые угождения!

Если бы возможно сделать, чтобы князь[5] написал Чернышеву, это, конечно, было бы небесполезно. С Перовским он не в ладах и едва ли можно ожидать чего-нибудь успешного и, говорят, что весьма затмевается его могущество. Все, кажется, соединяется против нас, и я угадать не умею, как мы с тобою выпутаемся.

Ты пишешь Григорию Федоровичу[6] о желании твоем переменить место и, чтобы от меня узнал он о больших подробностях. Я должен был многое рассказать и что, я давно знал основательно, тебе надобно необходимо удалиться из Грузии; я сообщил ему, что тайно от тебя просил князя о переводе твоем и что он не показал ни малейшего желания удерживать тебя. Что в расчет твой входили 3 т[ысячи] рублей, которыми ты пренебрегать не можешь. Он не переставал давно твердить мне, что жить жалованием невозможно, наконец, однако же, согласился, что и в России есть губернаторы, которых содержание, будучи менее получаемого тобою, выгоднее по причине чрезвычайной у вас дороговизны. Он весьма заботится об устройстве твоего состояния, хотя, впрочем, весьма не огромного. Скромно весьма говорил он, но не удивлялся управлению воронежским имением и, кажется, после даже не все там делалось порядочно.

Мое искреннее почтение любезной и милой сестре Марье Григорьевне. Слышу чудеса о твоем дофине и вижу тобою переданную к нему нежность всему твоему семейству.

Прощай, будь благополучен и здоров.

Всею душою твой *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 82 об. – 84 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 14 февраля 1849**

Напрасно замечаешь, почтенный князь Михаил Семенович, некоторое замедление в ответе на письмо мое и ссылаешься на недостаток досуга[1]. Это всякий хорошо знает, и лучше многих я, особенно когда, имея в виду поездку в Петербург, надобно дать наставления каждому из частных начальников и на все могущие произойти случаи. Но у тебя много молодцов-генералов, и, конечно, военные действия произведутся с величайшим успехом. За князя Аргутинского ручаются и прежние его дела, и совершенное знание края; против военных его способностей никто не говорит ни [слова], и за эту страну ты можешь быть покоен. На правом у тебя фланге линии также начальник, который ничего не упустит[2]. Ты особенно хвалишь командующего на центре князя Эристова, которого, по летам его, я знать не могу. Произведенного в генерал-майоры князя Григория Орбелиана[3] я знал еще портупей-прапорщиком и офицером, даже называл его *Гришею*; он был в Грузинском гренадерском полку, когда им командовал брат мой Ермолов[4]. Мало весьма знал я начальника теперешней Джаро-Белоканской линии генерал-майора Чиляева[5] и потому не мог видеть в нем особенных военных способностей, которых он не имел случая выказать. Впрочем, и место это не почитаю важным, разве, когда войска назначаются к совокупному действию с другими, на что дается всегда особенное наставление. Я не позволяю себе судить, но говорят, что и г[енерал] Шварц[6] в последний раз мог бы сделать лучше.

Итак, для военных действий у тебя все в наилучшем положении и устройстве. Для гражданского управления есть у тебя князь Бебутов, которого способности давно мне известны, и ты, избравши его на важное место, лучшее дал в том свидетельство.

Ты говоришь о защите Ахты, и я кроме почерпаемых из реляций сведений, по простым, без всякой поэзии рассказам, любовался молодецким сопротивлением храброго гарнизона. Поистине он достоин полученной награды, и великодушие Государя явилось в полном блеске. Сражение при Мискинджe[7] не выставляется со стороны жестокости схватки, и говорят, что неприятель не имел большой потери, избавившись ее поспешным бегством. Во всяком случае примечается хитрость Шамиля, который и на штурм Ахты и на высоты Мискинджe употребил жителей Самурского округа, мало подвергая своих приверженцев, кроме начальников. Я рад, что Шамиль наказывает наших изменников, ибо без согласия их не смел бы он проникнуть так далеко в Самурский округ, где в продолжении девяти лет не было нарушаемо спокойствие, и жители, очевидно, богатели. Он дал им хороший урок в верноподданстве, лучше нежели могли то сделать наши начальники, и теперь, конечно, можно более на них рассчитывать.

Воображаю восхищение генер[ала] Головина, который, конечно, относит к прозорливости своей основание крепости Ахты[8], утверждающей владычество наше в горах. Но еще более придавал он важности покорению Рутула[9]:

---

* Помета М. С. Воронцова: «Пол[учено] 26 февр[аля]».

ибо, по возвращении его в Тифлис, был праздник и на транспаранте имя Рутула. При занятии Ахты сказано было, что там мало даже слыхали о русских; а от одного из служивших при нем слышал я, что в одном семействе найдена салвогвардия или охранный лист[10] за подписанием капитана Ермолова. Это был я, давший его, в 1796 году, по приказанию генерала Булгакова[11], который служил на линии во время князя Цицианова. Генералу Головину не помешало это выдать Ахты за открытую вновь державу. Много бы можно было составить комментарий на сочинения его, в которых он оскорбительно описывает действия других, как то сделал он с генералом Граббе[12]. Я удивился молчанию последнего, но не поверю, чтобы не появилось впоследствии что-нибудь в опровержение. Хорошо подобно тебе быть богатым знаменитостью и не иметь нужды присваивать труды других или, что еще хуже, представлять их в безобразном виде. Так мне досталось от великого фельдмаршала[13]; барону Розену [тоже] в свою очередь. Один Головин вышел с величайшими похвалами и наградами!

Предположивши выехать рано весною в Карабах, Талыш, побывать у князя Аргутинского в Чечне, на правом фланге линии и в Ейске, ты приуготовляешь себе большой труд и огромные занятия, которые могут умедлить отъезд твой в Петербург: а принимаемое тобою направление лишает меня надежды видеть тебя в Москве, и возвратный путь, конечно, не через нее будет.

Обещание сделать все возможное в пользу князя Палавандова[14] есть истинное благодеяние, и кажется он желает весьма немногого. Жаль, что при способностях его он не служит. О поступке его против Розена я слышал, но он дает этому другое истолкование.

Великодушно намерение твое помочь бедному Дадиану и его семейству, страждущему более 10 лет. Конечно, никто не в состоянии ему сделать более тебя и всего вернее, что тебе не откажут! Несколько дней после письма, в котором обещал прислать письмо баронессе Розен, я получил его от Булгакова и был удивлен, как так скоро мог ты найти время написать его. Старуха была тронута до слез благодетельным твоим вниманием и милостию. Переговоря с нею, я обстоятельно сообщу и собственно для сведения твоего короткую записку о ходе дела[15].

Благодаря тебе теперь все мое семейство вместе и, вероятно, в последний раз в моей жизни. Мне 72-й год и мудрено иначе рассчитывать. Мне утешительно видеть их служащих под твоим начальством, что впоследствии будет им величайшею пользою и рекомендациею у начальников. Все они награждены весьма лестно и чего могли бы не получить, если бы на службу наряжаемы были по очереди с прочими.

Весьма большую дает надежду Виктору милостивое внимание твое на потерю его в сравнении с меньшими братьями.

Точно жаль, что этому причиною была несносная болезнь его, которая, кажется, лишит его и будущей экспедиции, ибо ему необходимо быть на водах в Пятигорске. Поручи доктору Прибилю[16] осмотреть его внимательно и решить, нужны ли воды.

Омар-бека, особенно счастливого милостивым твоим распоряжением, я оставляю здесь в 6 артиллерийской дивизии. Приметно [...]* мне необходимо иметь одного из двух сыновей [...] дабы сохранил он для братьев по смерти [моей ост]ающееся не огромное достояние. [...] делаю это, ибо чувствую, что он [...] теряет по службе, но иначе невозможно. [...] Хотел бы поместить его адъютан[том к] гр[афу] Закревскому, но у него их мало, [зде]шние молодые люди и женатые и едва ли можно дождаться вакансии. Предлагал взять его Суворов, на что я охотно бы согласился, но если не иметь его при себе, конечно, лучше иметь его на службе в Грузии. Итак, решена участь его!

Прощай, любезный князь Михаил Семенович, будь здоров и побереги себя для поездки в Петербург, где ты во всем успеешь для основания прочного устройства на Кавказе. Повторю прежнее выражение мое: Начертаешь устав для твоих наследников. Это будет лучшим и прочным памятником твоего начальствования в стране.

Прощай! Преданный тебе *Ермолов*.

P. S. Слышал я, что *Ванька-Каин* удостоен твоего внимания[17]. Я не повторю, что всегда пр[ежде] говорил о нем, но сообщу, что по возвращении из Грузии рассказывал граф Дибич [... дом] в Петербурге. Это взято из з[аписок] умершего Данилевского: «Корганов рассорил Ермолова с П[аскевичем][18], которым овладел он совершенно, [...] уверив его, что Ермолов ищет [...] его отравить: Когда я сам заб[олел], приходит ко мне Корганов с расстроенным серд[цем] и сказал мне по секрету, что он [...] наверно, что Ермолов меня отравил. Я его выгнал».

Кажется, этого довольно, чтобы свидетельствовать о достоинстве субъекта.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 253–256 об.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

*Москва, 20 февраля 1849***

Давно чрезвычайно ни строчки не имею я от тебя, любезный брат Сергей Николаевич, и не понимаю почему. Два последних письма мои ты имел по почте и тем же путем мог писать мне, но [не] хотел. Может быть, ты негодуешь, что по предмету перемещения твоего я не нашел средства писать в Петербург. Это объясняется самым простым образом:

Военного министра[1] никогда и ни о чем я не прошу. В определение губернаторов он не мешается и, если бы захотел, то скорее, конечно, просил за тех из них, которых полагает надобными для Грузии, как и тебя самого вносил он между несколькими другими в число кандидатов. В подобных случаях может он действовать как представитель Закавказского комитета, не иначе. Министру внутренних дел[2], в последнее время, было до того нехорошо, что были слухи об отъезде его за границу и об определении другого на его место, следовательно, просьба была бы бесполезна; к тому же [из-]за *Нагибина* я с ним не весьма в хороших отношениях. Но я взял дорогу чрез особу, имеющую на него

---

* Здесь и далее в тексте письма дефекты оригинала.

** Помета: «Получено 22 марта с Шпановым».

большое влияние и которой легче других иметь успех. Это сделал я сходно с мнением твоего тестя[3]. Недавно отправлено письмо с человеком, ему знакомым. Не знаю, что произойдет из этого, а между тем кончатся три года, и ты не подпадешь вычету. Здесь один из ваших кавказцев получил письмо, будто на твое место назначается князь Гагарин из Дербента[4]. Это, вероятно, потому, что он человек, принадлежащий князю издавна. Видишь ли, любезный брат, что ты ошибался на счет князя Влад[имира] Голицына[5], а он искал места в Одессе. Он, кажется, навсегда расстался с Кавказом, особенно определивши сына своего адъютантом к князю и тем устроивши его карьеру. Он же восхищается поступком князя, который предложивши ему место, представил в то же время другого. Так он рассказывает!

Вчера, со всею семьею, обедал я у Григория Федоровича, который сказывал мне, что от Марьи Григорьевны получил письмо. Вы, как видно из него, располагаете еще долго прожить в Тифлисе. Не умею согласить этого с извещением князя Ворон[цова], что о переводе твоем он сделал представление. Я, кажется, говорил тебе, что оно сделано после того как по желанию твоему я просил позволения остаться под его начальством. Не знаю я, как он сделал представление о тебе, хотя предупредил я его, что надеюсь на его великодушие и что отзыв его может иметь влияние на будущую твою службу.

С сожалением проводил я детей моих. В Клавдии нашел добросердечного молодого человека, из которого выйдет славный и известный офицер; ветреный мот всегда без гроша. Был бы и без куска хлеба, но достанет его службою. Я его люблю душевно. В Викторе самолюбие необузданное; обращение, не допускающее иметь друзей. Мне кажется, он поставляет в большой порок, что нет у меня состояния Шереметева, из которого должна принадлежать ему, конечно, бóльшая нежели другим часть, по не умеренным его расходам. Ко мне я ожидаю доброго его расположения, если буду исправным его казначеем. Смело скажу вам, что вы в познании людей далее своего носа не видите!

Любезной и милой сестре Марье Григорьевне кланяюсь и целую ручки. Марья Владимировна[6] никогда не показывает мне писем ея, ибо угадываю я, что в них играет важнейшую роль дофин, и иногда я смеюсь тому. Теперь нетрудно также угадать, что желается инфанта и приуготовляется ей встреча. Вижу заботы матери, и тебе будет не без хлопот выезжать с целым семейством. Жаль сердечно, любезные родные, что так неожиданно обратились обстоятельства *наши,* относящиеся до службы. И к тебе, любезный брат, давно счастье спиною.

Прощай, будь здоров и старайся иметь терпение. не обнаружь холодности [к] Бебутову, который, конечно, не имеет большой к тебе горячности.

Верный брат *Ермолов*.

Сделай дружбу, любезный брат Сергей Николаевич, доставь верным образом письма мои Ивану Антоновичу[7], генералу Бриммеру и князю Бебутову. У сего последнего спрашиваю я, не может ли он сообщить мне что-нибудь на счет представления князя наместника о переводе твоем во внутренние губернии. Его уведомляю о случаях из Грузии, что на место твое назначается князь Гагарин. Вероятно, он ничего мне не скажет, ибо едва ли он в отношении к тебе не поступает как *Эйне* (?) или просто *Яшка*. Здесь сказывали мне, что в угождение Коцебу он подставил тебе *Кулебякина*[8], когда совсем не помыш-

лял ты его представить. А податель этого письма говорил о слухах, что тебе расточаются до сего небывалые нежности, что твой *Филипьев*[9] получил место уездного начальника. В подтверждение слышал я от Григория Федоровича, что брат его сделан у вас директором банка. Все это не похоже на прежнее, но не внушает мне доверенности, ибо поцелуи даже бывают опасными, как о том говорят гласно. Не лучше ли бы представление о тебе отложить до приезда в Петербург, я тогда думал бы, что он искренно желает тебе добра, но давно заметил я, и собранные о том сведения подтвердили мне, что о перемене твоей отнюдь он не жалеет. Хорошо и родные твои разделяют мнение, что ты очень благоразумно решился оставить Грузию. Прощай.

Ермолов

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 84 об. – 86 об. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 1 марта 1849

Ты видел, любезный брат Сергей Николаевич, *копию** с письма *Муравьева*, и я верю что *Перовский* не одни делает пустые приветствия, ибо он Муравьева обмануть не захочет. Теперь я сам напишу ему и поднесу букет, что, конечно, не будет ему неприятным, и если он что сделает, то не более для наместника, которому еще не отвечал, а недавно дана одна из лучших губерний. Ты знаешь, что они между собой не в хороших отношениях.

Итак, кажется, дело наше немного направляется, а там что Бог даст!

Видишь и ты наконец, что тебе оставаться в Грузии невыгодно или даже невозможно, особенно когда все в руки свои прибирает князь Бебутов. Теперь все вообще торги от него зависят; в новом вашем банке он главное лицо, и так пойдет далее, судя по той доверенности, которую он приобретает, поддерживаемой окружающими князя и его связями с ними. Этот далеко ловчее невежды Ладинского, хотя и тот много делал в свою очередь. Прекращая рассуждения о делах твоих, скажу несколько слов о достойных действиях его превосходительства братца вашего Дмитрия Николаевича. Уполномоченные им по делу раздела воронежского имения наделали пакостей и те условия, в которых он согласился и после продолжительных споров, после подписания у меня на столе, все происками в воронежской гражданской палате уничтожено! Если это по доверенности, данной Дмитрием Николаевичем, то вопреки собственного его согласия, чему я верить не хочу. Если сам сделал поверенный, то он мошенник, который должен быть предан суду. Выбор подобного отнесется к чести вашего братца. Боюсь сказать более правды, а тебе, конечно, подробнее сообщит о деле Григорий Федорович, всех нас далеко лучше разумеющий как бы надлежало поступать. Не прощаю себе величайшей и подлой глупости, что я по просьбе родных баб возобновил знакомство с его превосходительством.

Теперь позволь обратиться к тебе о собственных делах с покорнейшею просьбою. Здесь во время пребывания своего Виктор подал мне счет своих долгов, восходящих до *2625 рублей серебром*, которые рассылаю я к разным

---

* Прилагается в конце письма. — *Прим. А. П. Ермолова.*

лицам, уверен будучи, что он не уплатил бы их с такою, как я, точностию, рассчитывая, что некоторые могли бы подождать и часть денег, конечно, осталась бы здесь на покупки столько же ненадобные, как и не совсем благорассудительные. Это, вероятно, потому, что одному служителю, плуту маркеру, взятому из трактира во Владикавказ, должен был я заплатить *220 рублей серебром,* потому что и у него успел он сделать заем. Ему всяких средств мало, ибо высокомерие безрассудное и во многих случаях обыкновенный отзыв «я себя переделать не могу» в глазах его он всех совершеннее. Советы опытности суть бредни стариков, и я убежден, что включаюсь также в этот разряд. Хорошо распознавши мудреца, признаюсь я, им не восхитился и не им утешена будет старость моя. Клавдий прекрасный малый и сердце чудесной доброты, но так ветрен и легко может быть увлекаем, что Виктор управляет им как хочет и может заставить его делать глупости. Я всякой день видел, как он охлаждал его к Северу, сам его ненавидя. В моих глазах он не говорил с ним и, выезжая в путь, даже не простился с остающимся братом, но севши уже в сани, сказал: прости. Не говорю многое, что знаю, но заключу, что сердце у него гадкое, и я не говорю, чтобы мог он иметь друзей, разве *Давыдова*[1], едва ли не глупейшего из окружающих наместника. Давно знаю я подробности о поведении его от одного весьма умного человека, который ничего не сказал мне лишняго о нем. Но Клавдия я люблю душевно! У него, конечно, есть друзья! Долги обоих меньших и прежде мною уплоченные вообще составляют четвертую часть долгов Виктора, и я всем им объявил, что ни копейки платить не стану и объявлю, чтобы им, как не имеющим состояния, никто в долг не верил. Я показал им пример князя Лобанова-Ростовского[2], бывшего адъютанта князя Воронцова, которого отец не равное моему имеет состояние. Это замечание не понравилось, но я божился и готов сделать! Прилагаю список суммы, которую, сделай дружбу, разошли по назначению. Во-первых, поблагодари любезную сестру от меня и представь ей 50 рублей серебром, которые взял у нее Виктор. Полковнику Бучкееву[3], моего времени храброму офицеру, можешь написать письмо; Моллеру[4] отдай сам; всем остальным отошли чрез кого-нибудь и прикажи взять расписки.

Список долгам:
Моллеру 90 рублей
Мирзоеву 48
Блоту[5] 85
Вишингу 89
Самсону портным 60
В аптеку Шмит[6] 40
Полковнику Бучкееву 200
Эконому Института благородных девиц Крылову[7] 440
Итого 1048 руб. сереб[ром].

Крылова призови к себе и скажи ему, что я весьма благодарен ему, что он ни разу не доводил жалобы до князя Воронцова, единственно из уважения, что Виктор сын мой, что сказал он в письме своем к Северу, тогда как на многих других он жаловался. Это поистине со стороны его поступок, достойный

уважения. Поблагодари его, но скажи ему, чтобы в другой раз не верил столь значительной суммы офицеру, не имеющему состояния. Сверх суммы 1048 рублей препровождаю *50 рублей*, которые передай Марье Григорьевне.

Полюбуйся превозносимому вами Виктору. Как прилично офицеру задолжать 85 рублей за духи и помаду и ни гроша за книги? Этот Адонис проводит время пред зеркалом и полвека своего в постели, что всякий день мог я видеть. Словом, в нем все есть, что не понравилось бы мне и в постороннем совершенно молодом человеке.

Отдай ему приложенное у сего письмо к кн[язю] Воронцову, им здесь забытое. Весьма неловко явиться, не имея ни строчки от меня, я же прошу о нем. Не напоминайте ему, чтобы писал ко мне и не требуйте. Он разумеет меня исправным казначеем и другой нужды во мне не имеет.

Приласкайся к *полковнику Арцруни*, человеку отлично ученому и любящему меня, которым я совершенно доволен.

Прощай.

Преданный брат *Ермолов*.

Прибавление[8]

Милост[ивый] государь, Алек[сей] Петр[ович],

На почтеннейшее письмо В[ашего] в[ысокопревосходитель]ства от 5-го числа сего месяца, мною полученное 12-го числа, имею честь ответствовать, что я вчера же доводил до сведения министра внутр[енних] дел ходатайство Ваше о генер[ал-]майоре Ермолове. Лев Алексеевич поручил передать В[ашему] в[ысокопревосходитель]ству полную готовность свою исполнить желание Ваше, присовокупив, что ему особенно приятно сделать Вам угодное.

Хотя министр и получил от князя наместника о доставлении г[енера]лу Ермолову другого места, но он ему еще не отвечал; ныне же он не оставит иметь его в виду и, согласно с ходатайством Вашим, сделает все от него зависящее для помещения г[енера]ла Ермолова губернатором в Российских губерниях; надобно только выждать удобной вакансии, но он забыт не будет, ибо Лев Алексеевич искренно желает сделать Вам приятное.

Поставляя себе всегда за особую честь и удовольствие исполнять поручения В[ашего] в[ысокопревосходитель]ства и прочее.

Мих[аил] Муравьев

14-го февраля 1849 года. С.-Петербург

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 88–91. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Москва, март 1849]**

Не весьма давно писал я тебе, почтенный князь Михаил Семенович, и потому сказать пока нечего. Но все-таки нахожу я место и благодарности и просьбе.

Начну с первой.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 23 марта 1849».

Читал я в приказах решение участи подсудимого офицера Свешникова и, слышавши о преступлении его, удивлялся великодушной конфирмации Государя Императора. Разумею весьма, что ему угодно было утвердить твой приговор и что несчастный обязан сильному твоему покровительству снисходительным наказанием, дающему способ изгладить службою вину свою. Сохранение дворянского достоинства есть истинное милосердие! Ты не забыл просьбы моей, и лучше благодарности моей молитвы за тебя всего семейства.

Теперь приступлю к просьбе.

В полку у князя Барятинского[1] служит полковник Левицкий[2], о службе которого слышу я хорошие отзывы. На счет способностей и образования он известен. Давно слышу я, что к нему весьма не благоволит его начальник и что Левицкий охотно желал бы отдалиться от князя Барятинского, опасаясь неприятных для него последствий.

Не от него знаю я об этом, ибо не только не знаком с ним, по даже никогда его не видывал; но мне известно все, что с ним случается по приязненной связи моей с одним из его родственников. Умолчи, что я об этом довел до твоего сведения, но ты большую сделаешь милость Левицкому, если дашь ему другое назначение по твоему благоусмотрению, а он может быть полезным для службы офицером. Подумай о нем, любезный князь Михаил Семенович!

Двое из моих сыновей давно уже отправились в службу. Прикажи старшего не оставить праздным, ибо заметил я, что*…

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 257–257 об.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 31 марта 1849

Давно чрезвычайно, любезный брат Сергей Николаевич, не имею от тебя ни строки и при всей господствующей надо мною лени, кажется я пишу к тебе гораздо чаще. Последнее письмо мое было несколько для тебя затруднительно, ибо препроводив деньги на уплату детских долгов, я просил тебя разослать их, чем, конечно, не сделал я тебе большого удовольствия.

Давно уже отправил я моих воинов на Кавказ, и *Клавдий,* расторопный солдат, несмотря на гнуснейшую тогда дорогу, уверен, что в срок будет уже в черте расположения войск корпуса. *Виктор* по комиссии, следовательно без срока, может, как любящий лежать и долго спать, покоиться на станциях и делать свой туалет. Он беспрестанно жалуется на расстроенное здоровье и нельзя не согласиться с тем, ибо лицо желтое без жизни, глаза больныя, мутныя. Это без особенного внимания и, конечно, большой перемены в образе жизни останется в теперешнем положении. Не говори ему об этом и я тем же кончил, ибо в убеждении о превосходстве своем он не внемлет никаким советам. Жалею, что молодой человек не приуготовит себе ни добрых приятелей, ни хорошей будущности! Я имел время заметить много раз упорство его суждений. Не напоминай ему, чтобы писал ко мне. Этого [он] не почитает нужным, и я не буду доказывать противное. Довольно!

Поговорим о твоих делах.

---

* Далее текст утрачен.

Григорию Федоровичу ты говоришь о них удовлетворительно и в приятном виде. Желаю, чтобы так было до известного времени. О чем убеждаю тебя всячески стараться. Зная тебя, по сделанному представлению, уже […]* произведением на Кавказе, будут довольны заменить тебя собственным. Я имел случай напомнить министру внутр[енних] дел о представлении наместника, и он, отозвавшись благосклонно, дал мне повод обратиться к нему непосредственно и благодарить его. В письме моем к нему было следующее: «Перемены служения желает г[осподин] Ермолов единственно по причине здоровья, на которое свирепствующая в Грузии холера, при беспрерывных трудах и наблюдении за больными имела сильное влияние. Воля В[ашего] в[ысокопревосходитель]ства, чтобы г[осподин] Ермолов ожидал открытия места, я принимаю с благодарностию, надеясь, что Вы мне простить изволите одно желание, чтобы до того сохранил он ныне занимаемую им должность, ибо при малом весьма его состоянии, трудно было бы ему содержать себя во ожидании новой, будучи в числе кандидатов».

Кажется, я объяснился довольно обстоятельно и вот что в ответ получил от министра. «Вследствие почтеннейшего письма Вашего] в[ысокопревосходитель]ства от 5-го сего марта поспешаю уведомить Вас м[илостивый] г[осударь], что Государь Император, по всеподданнейшему докладу моему, согласно желанию Вашему и ходатайству наместника кавказского, о переводе Тифлисского военного губернатора г[енерал-]м[айора] Ермолова 2-го к таковой же должности в одну из внутренних губерний, высочайше повелеть соизволил иметь его в виду для определения начальником одной из внутренних губерний, когда представится к тому возможность. 22 марта».

Ты видишь, любезный брат, что при моей совершенной ничтожности, я только мог напомнить о представлении наместника, на которое министр довольно долго не ответствовал. Ему я очень благодарен за скорый весьма отзыв. Ты, как должно ожидать, не будешь уже в числе кандидатов, но прямо перейдешь к должности.

Если бы иначе, министр, конечно бы, упомянул. Таким образом, все улаживается согласно твоим желаниям, и ты дождешься окончания твоего в Грузии трехлетия.

Старайся, чтобы князь расстался с тобою в благосклонном к тебе расположении, которое впоследствии будет тебе полезным.

Между ближайшими к нему властями не оставь неприязненных чувств. Может быть, служение твое будет счастливее! Здешний корпусный командир третьего дня говорил со мною о тебе и жалеет, что тебя взяли у него, ибо ты был бы дивизионным начальником. Невозможно уже возвратить потерянного!

Поклонись от меня любезной сестре Марье Григорьевне в ожидании нового явления, слышу о дофине великие чудеса. А в собственном воображении я представляю сожаления твои, что не можешь иметь его адъютантом, но этому можно несколько помочь взявши его по особенным поручениям. Он был бы небезопасным соперником Шпанова[1], я разумею, по аккуратности в действиях.

Будь здоров и благополучен, прощай!

Душевно любящий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 92–93. Копия

---

* Текст неразборчив.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 16 мая 1849

Ничего не знаю, любезный брат Сергей Николаевич, подвигается ли дело перевода твоего, ибо ничего из Петербурга не имею, теперь же много важных событий и не удивительно, если подобные дела уходят от внимания. Наместник, уверяют, в половине июня будет здесь и, конечно, скорее всех совершит твое определение.

Григорий Федорович сказывал мне, что просьба твоя получена в Сенате; меня склонил он о том позаботиться, но как он уехал в Ярославль, то я и не мог иметь записки о деле. Ожидаю его возвращения.

Теперь и я знаю в подробности действия его превосходительства Дмитрия Николаевича[1] и правду сказать, что можно жалеть носить одно с ним имя. Слышно, что он вскоре удостоит посещения столицу. Опять может быть более нежели на год отсрочен раздел и не мудрено, если для обеспечения возьмется воронежское имение в опеку. Это, конечно, не расстроит человека, у которого до ста тысяч дохода, но тебе и сестрам крайне разорительно. Теперь мне понятны все мудрости его против покойного брата Петра Николаевича и сколько пользовался он твоею необдуманною доверчивостию. Не продолжаю, чтобы не высказать бесполезные укоризны.

Узнал, жалею, что не от тебя, о новорожденном рыцаре[2]. Не менее того, однако же, поздравляю.

Кланяйся от меня любезной и милой сестре. Ей очень хотелось инфанты и мне очень досадно, что не умею жалеть о том, что случилось противное. Рассудивши, можно согласиться, что в этом совсем беды нет, а по-нынешнему, невесты не сплавить без груза, особливо когда родитель не в Калифорнии губернатором.

Прощай, будь благополучен и здоров.

Душевно любящий *Ермолов*.

P. S. Искатель приключений, непобедимый Лев Владикавказский Виктор будет иметь посетителей на водах в Пятигорске, потом, как пишет, обратно в Тифлис. В этом вся цель. Здесь он был у ног одной прелестницы, остальное время на постели и у зеркала, не многое мне уделяя, достаточное, однако же, что он пустой человек, Нарцисс, восхищающийся своею красотою.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 94–95. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 7 июля 1849

Пишу тебе, любезный брат Сергей Николаевич, по свидании здесь с князем, которым я чрезвычайно доволен.

В проезде Сафонова я был в деревне и потому его не видал и прежде не видывал. Из письма этого извлеки, что может быть ответом на твое последнее.

Во-первых, благодарил я его за детей своих, и, конечно, не будут они иметь более благосклонного начальника. Севера встретил он здесь, как самого близкого ему молодого человека и им любовался.

Когда стал я говорить о тебе, вот его слова: «Я хочу стараться, чтобы назначили ему губернию, где есть военные губернаторы, и было бы жаль иначе». Вы, князь, конечно, не найдете справедливым, что его обходят при производстве в чин. «Нет причины не давать ему, когда другим не отказывают и нередко без разбора, но отнюдь не за отличие. Я об этом буду говорить, и у меня записано». Я ему из рук в руки дал мою собственную записку и, как кажется, добродушно обещал употребить старание. Сказал мне, что с некоторого времени он в хороших весьма отношениях с министром внутренних дел и что ты, будучи в числе кандидатов, до назначения места сохранишь теперешнее. Это я знал прежде его, из П[етер]бурга, но все-таки его благодарил. Думаю, что он стараться будет, ибо нетрудно заметить, что он расстанется с тобою без сожаления, и не скрыл от меня, что он не находит в тебе больших способностей к должности губернаторской, которая, по словам его, в России несравненно легче. Сказал мне несколько примеров, обнаруживающих или небрежность или опрометчивость и, как я прежде не раз слышал, излишнюю доверенность к секретарю, который был человек не самый честный[1]. И едва ли не подписывал ты бумаги, не прочитавши. Относительно благородства, чести и бескорыстия твоего он будет божиться каждому, от чистого сердца! Более сказать только то могу, что хвалит Марью Григорьевну чрезвычайно. Жалею, что разговор был не в присутствии княгини, она, верно, сказала бы много приятного.

Итак о делах, тебя касающихся, все что можно было я пересказал и врезал в память князю. Более ничего впредь говорить тебе не стану и поистине совершенно нечего. Желаю, чтобы скорее решилось твое перемещение и лучше ничего случиться не может.

Скажи мое почтение любезной сестре Марье Григорьевне, воображаю ее между семейством, ибо теперь не ограничивается оно единицею. А ты, думаю, половину времени не выходишь из детской комнаты. Прощай, будь благополучен.

Верный брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 95–96. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

[Осоргино], 24 июля 1849*

После проезда твоего, почтеннейший князь Михаил Семенович, я опять в моей деревушке, куда доходят до меня [слухи], в последние дни наиболее подтверждающиеся, что будто ты уже не возвратишься в Грузию, но замещаешь фельдмаршала в командовании армиею. Не знаю, до какой степени можно этому верить, но и совсем не верить невозможно.

Теперь позволь обратиться к тебе с воспоминанием о просьбе, которую принес тебе в Москве князь Палавандов, принятый тобою благосклонно

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

и с великодушным участием. По совету твоему он собирался в Петербург, чтобы тебя застать, но слышно, что ты не мог успеть кончить дела и должен ехать в Варшаву, а потому думаю, что он уже не поедет.

Подтвердив отзывы прежних его начальников о похвальной его службе, ты сносился с военным министром о продолжении ему аренды, в чем граф Киселев[1] сделал затруднение. Положение его затруднительное, имение заложено за уплату долгов его тестя в надежде сохранить наследство для жены своей. Но и это не удалось, и если имение не поступило еще в публичную продажу, то потому только, что остановлено по твоему приказанию. Ты большую сделал милость жене его, войдя с представлением по делу умершего отца ее Луарсаба Орбельянова, который некогда служил при мне. Итак, единое средство ему поддержать себя, по мнению моему, есть служба.

Довольно долгое время и Палавандов служил при мне бескорыстно и без малейшего упрека, и я, уважая его способности, не мог отказать ему в доставлении тебе докладной записки у сего препровождаемой. И ты сделаешь по твоему благоусмотрению.

Я сообщу тебе все, что от него слышал, чего он желает, что почитает возможным или справедливым и даже что почитает затруднительным.

Определение в Сенат по 4 департаменту, куда поступают дела Кавказского края, в какое звание удостоен будет. В теперешнем чине он более 18 лет. Если это не последует, то согласно с высочайшею волею, изъявленною на доклад военного министра иметь его в виду для определения к соответствующему званию его места, до того употребить его по делам службы в главном управлении и между тем (как то было прежде) считать его при министерстве, получая оклад по чину по внутреннему положению с сохранением теперешней его пенсии. На это может он иметь право, так как служба его высшим начальством признана беспорочной и ревностной. Тогда можно доставить ему возможность ехать обратно отсюда по казенной надобности. Иначе, я знаю достоверно, ему чрезвычайно будет затруднительно с семейством выехать отсюда, не сделавши долгу.

Император в бытность его в Грузии был чрезвычайно к нему милостив и внимателен, и при твоем могущественном предстательстве он большую имеет надежду. Конечно, не будет для него более благоприятного случая как пребывание твое в Петербурге или в присутствии Государя.

Я все сказал, что знал, а ты и лучше придумать можешь, последовав великодушию твоему. Мне нетрудно было заметить, сколько боится князь Палавандов не застать тебя в Петербурге, и, конечно, я не способствовал к рассеянию его боязни. Прощай, какие бы ни последовали в положении твоем перемены, всегда от чистого сердца желаю тебе успехов и счастия. Будь здоров.

Неограниченно преданный *Ермолов*.

Скажи мое совершеннейшее почтение княгине Елизавете Ксаверьевне. Я чрезвычайно рад был ее видеть, ибо почти не имел чести быть ей знаком, ибо в Одессе при знаменитых тогда посетителях я мог даже не быть замечен. И я совсем не знал княгини до нынешнего разу, ибо только теперь уверился, что может быть женщина такого очаровательного обращения даже с человеком, едва ей известным. После нея многим из моих знакомых невыгодна будет со мною встреча!

Тебе, любезный князь, более прежнего принадлежит моя искренняя преданность. Что благодарность моя в сравнении с милостями, оказанными детям моим, которые в тебе имеют единственного покровителя.

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 258–259 об.

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 24 августа 1849

Я писал тебе, любезный брат Сергей Николаевич, тотчас по приезде князя в Петербург, но ты молчишь; доволен тем, что я исполняю твои поручения, и не беспокоя себя ответом. Тогда дал я князю записку о твоем губернаторстве в России и что ты обойден при производстве в чин.

По возвращении из Варшавы князь от 11-го августа писал мне из Петербурга, что ты определен будешь на первую открывшуюся вакансию и что он ходатайствовал о производстве. Вчера поздно вечером он прибыл сюда и сегодня отправляется далее непременно. Сейчас я от него прямо и еще его увижу. Он мне все то же подтвердил и прибавил, что ему обещано внести тебя в производство 6-го декабря и что им дана бумага о том, что ты обойден. Не полагаю, чтобы он хотел сказать мне неправду. Я думаю, что не было бы излишним поблагодарить его вежливейшим письмом и сказавши, что ты извещен мною о его ходатайстве и о том, что им дана о производстве твоем бумага.

В этом месте оставил я письмо мое и отправился обедать к 6 часам у князя Воронцова. Прощаясь с ним, я еще повторил ему, и он дал мне слово повторить бумагу о твоем производстве в приближении декабря месяца. Между тем сегодня же был у меня Мих[аил] Ник[олаевич] Муравьев и от мин[истра] внутренних дел сообщил мне, что он с удовольствием сделает, что мне может быть приятным и что я очень ошибаюсь, если мыслю противным тому образом. Он сказал, что он знает мое недовольствие на него (это правда), но он, не менее того, всегда готов доказать, что он сделает по моему желанию и найдет в этом собственное удовольствие. Теперь твое дело употреблять все возможные способы. Старайся быть хорошо со всеми окружающими князя, в котором не вижу я благосклонного к тебе расположения, ибо многим весьма исходатайствовал он огромныя награды и об тебе он не помышлял. Надобно, по крайней мере, чтобы он остался в теперешнем к тебе отношении. Но мне кажется возможным это улучшить посредством княгини, женщины по справедливости необыкновенно любезною и с которою я хорошо познакомился. Ты можешь сказать ей, что я в восхищении от ея обращения, которому не знаю подобного. Отзывы мои об ней не покажутся неприятными. Небесполезно в твоем положении уметь всем пользоваться.

Любезная и милая сестра Марья Григорьевна, могу обещать себе удовольствие видеть Вас не весьма в продолжительном времени и рад буду вместе с тем, что брат переменит службу, которая до сего времени не приносила ему ни малейшей пользы. Как давно проводят нас обещаниями, теперь увидим, более ли вверяться им надобно.

Воображаю, с каким нетерпением ожидает Вас семейство и радость Марьи Владимировны, когда увидит ваших маленьких […]* обыкновенная бабушек. С каким удовольствием буду посещать Вас в Вашем новом месте, не скучая даже и самим расстояниям, если не будет близко.

Целую Вашего дофина.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 97–98. Копия

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 27 августа 1849

Почтенный кн[язь] Василий Осипович. С величайшим удовольствием узнал я о всемилостивейшей награде тебя орденом св. Александра. Мне сообщил это кн[язь] Михаил Семенович, уверен будучи, что тем меня порадует. Это писал он мне из Петербурга, а вчера лично подтвердил. Государь являет тем признательность к отличному служению Вашему. Во множестве наград, исходатайствованных им, я видел и генерал-лейтенантский чин Белявского[1], недавно еще обратившего негодование князя беспорядками, им произведенными в его командовании и для поправления которых ты должен был скакать в Имеретию.

О кн[язе] Эристове он ничего не сказал мне, зная что давно разумею я его сумасшедшим. Я могу быть равнодушным, но не могу забыть подлости его при обеде, данном Паскевичу и Дибичу еще во время пребывания моего в Тифлисе. Обед, знаменитый выставленною картиною сочинения Ваньки-Каина[2], изображение которой кн. Эристов объяснял с тем же красноречием, которое употребляет он при тостах в случаях чрезвычайных.

Ничего не сказал мне о награде ничтожного Реута, который повторил плач Иеремии[3] в стенах Шуши. Я не скрыл от князя, что разумею его совершенною мокрою курицею.

Пожалел я, что между множеством не нашел места брат Сергей Николаевич. Я ни слова не сказал о том князю, ибо давно видел его к нему неблаговоление. Не верю однако же, чтобы все за Кавказом ниспадающие награды непременно украшали людей достойнейших его. Но Сергей Николаевич — Ермолов и потому должен уметь терпеть. Прощай. Желаю тебе счастья и всегда постоянно уважать и любить буду. *Ермолов*

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 440–441

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Осоргино], 5 сентября 1849

Тебя, любезный брат Сергей Николаевич, может быть не успели уведомить, что ты назначен военным губернатором в Витебск. Это первая открывшаяся вакансия! Не знаю — поздравлять ли тебя, губерния незавидная, там есть генер[ал]-губернатор, о котором говорят, что он человек не деловой,

---

* Слово неразборчиво.

но слышу также, что весьма благородный. Не сумневаюсь, что можно с ним сблизиться и что, конечно, не будешь ты испытывать неприятностей, которыя ты вытерпливал. Ты не мог ожидать ничего хорошего. Я предуведомлен из П[етер]бурга, что мне пишет м[инистр] внутр[енних] дел[1] о твоем назначении, но еще его я не получил. Итак, я не уверен более ли хотел он сделать по представлению князя В[оронцова] или по письму моему? Мне не раз поручал он сказать, что он всегда готов сделать угодное.

Некогда писать более, спешу не упустить почты. Отправляю в город. Пиши мне тотчас, как предполагаешь выехать по получению назначения.

Сестре кланяюсь. Прощай!

Верный брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 98–99. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 13 октября 1849

Сегодня писал я князю М. С. Воронцову и благодарил его за перевод твой, любезный брат Сергей Николаевич, объяснив, что я тому рад чрезвычайно, давно замечая, что ты имел счастье быть ему угодным. Писал, что по состоянию твоему затруднителен тебе выезд из Грузии и что уверен я, что по собственному побуждению он напишет министру внутренних дел о необходимости пособия тебе, хотя бы и после уже твоего отъезда. Вспомнил о данном мне обещании написать представление о том, что ты не раз уже обойден при производстве. Он говорил мне, что по этому предмету он объяснялся и что 6 декабря ты внесен будешь в доклад, как ему обещано. Теперь самое время повторить представление. Между тем нашел я знающего Витебскую губернию хорошо, тамошняго уроженца, который не сравнивая ея со многими другими, находит и такия, которыя ея не лучше, вообще же отзывается о ней довольно хорошо. Поблизости Риги сообщением по Двине жить довольно недорого. Много в губернии хорошего дворянства и людей богатых, следовательно, и общество.

О генерал-губернаторе слышал, что человек весьма благородный и хороших свойств, и ты легко с ним ужиться можешь, и ему не так трудно понравиться, как знаменитому бывшему начальнику, военному человеку обязанности повиновения старшему знакомы и никакие расчеты не могут иметь места. В этом случае я боюсь супруг служащих людей, особенно в некоторой уже степени значения. Большую довольно часть службы моей я не жил внутри России, но после имел много примеров под глазами, и дражайшия половины бывают причиною немалых хлопот. Я не боюсь, чтобы ты прочитал это Марье Григорьевне, ибо она слишком умная женщина, чтобы могла допустить малейшее сходство с описанными мною дамами, каковых, кажется, отыскал бы я в твоих ближних. Заметь, что я не написал моих, ибо я один принадлежу к роду Ермоловых-простолюдинов. Извините, милостивый государь, что я не горжусь Вашим происхождением.

Теперь сообщу мысль о твоем выезде. На месте твоем я в самом начале ноября отправил бы Марью Григорьевну с детьми в Ставрополь, ибо еще

не может быть затруднения при переезде чрез горы в это время, и она тебя там дождалась бы. Детей маленьких всего легче перевозить, обложивши их пуховиками и даже хлопчатою бумагою. Можно ей остановиться и во Владикавказе, где ей доставят возможное отдохновение. Тебе не ожидать преемника, ибо он собственного поля Грузии ягода, избранный прозорливостию начальника особенный плод[1]. Прием должности не продолжится, ибо он верно хорошо уже знает должность, к которой он был приуготовлен, особенно же по отличающим его способностям. Князь при проезде своем здесь сказывал мне, что он назначен будет. Мне жаль одного, что он затемнит тебя своим превосходством и имя твое не воспомянется. Ты подпадешь одинаковому со мною жребию. Меня изгнали из памяти Паскевич и Головин. Других я не сравниваю!

Теперь прошу тебя как брат поблагодарить князя, ибо если ты ничего не получил кроме [Святого] Станислава, я почитаю большою наградою то, что он, явно не благоволя к тебе, имел великодушие не повредить тебе. Расстанься со всеми сколько можно приязненно и не оставь недовольными. Будут порицающие, но всем не угодишь. Прощай, нетерпеливо тебя ожидаю. Слава Богу, что ты оставляешь Грузию. Будь здоров!

Верный твой брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 99–100. Копия

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 24 ноября 1849

Почтенный кн[язь] Василий Осипович. Благодарю очень за уведомление о выезде брата Сергея Николаевича, который поленился мне написать.

Уверен, что ты приязненно расстался с давним сослуживцем, по крайней мере он отзывался мне о твоем к нему добром расположении.

Повторю выражения твои: «Кн[язь] Михаил Семенович исполнил „с удовольствием все то, что желал Сергей Николаевич пред своим отъездом“». Любопытен знать, в чем это заключается. Мне обещал князь повторить на бумаге о том, что он обойден не один уже раз при производстве, как объяснял он в бытность его в Петербурге, где и обещано внести его в приказ к 6 числу декабря. Я писал ему ко времени возвращения его в Тифлис, но не имею ответа. Теперь было бы уже поздно и потому прошу не говорить ему.

Смирял я сожаление мое о том, что его обходили, думая, что таковы распоряжения свыше, но видя, что произведен гораздо младший в чине Белявский и что князь не упомянул о Сергее Николаевиче, этого довольно, чтобы сообщить о нем понятие, как о недостойном.

Можно бы, кажется, обойтись без повреждения его будущей службы, ибо не могу я допустить мысли, что при необычайном множестве щедро награждаемых князем непременно все были достойнее и способнее его. Если бы таково было одно мое мнение, то ничего бы не значило; тем, конечно, пренебрегать возможно, но есть и беспристрастные и рассудительные.

За Клавдия вас не благодарю, ибо ему за то, что не пишет, не выговор надобно было сделать, а просто надлежало разругать, ибо он весьма много вам

обязан. Могу за одно ручаться, что это не происходит от неблагодарности, а скорее от неловкости. Одолжите меня, задайте ему валку.

Сообщу вам молву московскую. Говорят, что князь просил себе в помощники генерала от кавалерии барона Остен-Сакена[1], который в турецкой кампании был начальником штаба у великого полководца. Но верное есть известие, что он назначен не будет, а будто кто-то из немцев. Не знаю, как это понравится вашим главным магнатам. Вероятно, помощник будет князем употребляем для военных действий, ибо присутствие князя в Тифлисе более необходимо с некоторого времени, в особенности занимаясь внутренним устройством страны. Мы читаем в газетах большие улучшения по гражданской части. Прошу представить мое почтение княгине[2]. Я чрезвычайно благодарен за то, что она меня вспомнила, но ты, любезный князь, забыл, что я знал ее не в ребячестве, но был у тебя на свадьбе. Прошу извинить, что я нескромно обнаруживаю лета ваши.

Прощайте, любезный князь; желаю вам возможных успехов.

Покорнейший слуга *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 441–442

А. И. ФИЛОСОФОВУ

Москва, 17 марта 1850

Милостивый государь Алексей Илларионович[1].

Позвольте мне напомнить Вашему превосходительству собственную мысль Вашу, сообщенную мне в последнее свидание с Вами в Москве, мысль, внушенную Вам милостивым расположением к детям моим с самого их ребячества.

Вы советовали мне просить покойного великого князя[2] о переводе в гвардейскую артиллерию сына моего, 18-й артиллерийской бригады поручика Ермолова 3-го. Постоянно благодетельствовал мне его высочество, и хотя вижу я многие примеры переводов в гвардию без особенных отличий, боялся я испытать отказ и просить не решился, потому еще, что никому из принадлежащих мне близко, я ничего не выпрашивал. Вы, милостивый государь, обещали мне сами это сделать.

Теперь в ожидании быть адъютантом почти уже год служит он при генерал-адъютанте графе Закревском, но, полагаю я, что не состоя еще в этом звании, для перевода его в гвардию нет необходимой надобности в его представлении, впрочем, если и ему сделать о том внушение, нетрудно угадать, что успех зависеть будет от лица, которое примет в том участие.

Что же до меня касается, моя просьба была бы неуместна! Итак, вернее надежда та, что Вы изберете к тому средство, которое я придумать не умею. Судите по себе, сколько трудно мне сыскать желающего или который бы в состоянии был сделать что-нибудь для детей моих. Вы, почтенный Алексей Илларионович, имели великодушие не ожидать моей просьбы и покровительствуете им собственным побуждением.

С совершенным почтением и истинною преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

P. S. Если бы возможным был перевод, я желал бы, чтобы он остался при графе Закревском, где может дождаться звания адъютанта, и я при летах моих буду иметь близко одного из сыновей, с каковою целью испрошено его здесь назначение.

РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 1

А. И. ФИЛОСОФОВУ

Москва, 6 апреля 1850

Милостивый государь Алексей Илларионович.

За письмо Вашего превосходительства, которое я имел честь получить, я обязан благодарить Вас, но свыше всякой благодарности то, что Вы для меня сделали. Не говоря Вам приветствий, я просто спрошу, кто другой хотел бы о желании моем довесть до сведения Государя Наследника Цесаревича и склонить милостивое его внимание, изъявленное столь великодушным образом. Вы расположили инспектора артиллерии облегчить могущие встретиться затруднения, и генерал-адъютант Безак[1], которому я совершенно неизвестен, Вам не отказал в содействии. Позволяю себе похвастать сделанным мною выбором, к кому обратиться с моею просьбою. Я пересмотрел 5-й том Свода военных постановлений и статьи в пользу и против переводимых в гвардейскую артиллерию офицеров[2]. Положения, воспрещающего иметь адъютантов из гвардейской артиллерии, я не отыскал. Знаю, что у князя Воронцова адъютантом из гвардейской конной артиллерии князь Шаховской, у графа Закревского все четыре адъютанта гвардейские офицеры.

После того, что Вы, почтенный Алексей Илларионович, сделали для меня, Вам не покажется странным убеждение мое, что Вы сделали бы и остальное, продолжая милостивое расположение Ваше к детям моим, не принадлежащее моим за них просьбам.

Итак, необходимо представление графа Закревского, но я сообщаю Вам собственные слова его, которые Вам одним пусть будут известны: «Не думаете ли Вы, что я менее помышляю о Севере как Вы сами, он ничего не потеряет, но генерала Гилленшмидта я просить не стану»[3]. Я должен был замолчать, что давно уже делаю я пред лицами знатными, облеченными властию. И ожидать и, может быть, не дождаться я также умею! Но это не уменьшит удовольствия моего чувствовать, сколько я Вам обязан. От всей души благодарю Вас искренно, уважаемый мой некогда сослуживец. Понимаю также намерение Ваше утешить старика известием, что Клавдий помещен в число портретов храбрых солдат Императора, служащих на Кавказе. Подозрительна похвала отца, но товарищи его находят в нем отлично смелого офицера, до такой степени, что я приучил себя к мысли скорого исключения его из числа живущих. Недаром он удостоен внимания Вашего!

С совершенным почтением и искреннею преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 2

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Москва, не позднее 20 мая 1850]

Письмо твое прочитала мне сестра Марья Григорьевна, и потому лучше знаю все до тебя касающееся, нежели бы ты мне описывал. Рад, что ты примирился с братом[1], и это надобно было для семейства, но если в тебе есть искра благоразумия, ты не должен иметь договоренности к нему, не только не иметь с ним никаких расчетов, но об разделе ничего не говорить, ибо у твоего, конечно, не моего брата, впереди Бога идет рубль. Повторяю, что радуюсь примирению, но, если ты что-нибудь изменишь в разделе имения, на моем столе под моими глазами и по жребию сделанном, ты обнаружишь величайшую слабость души. Боюсь доброты твоего сердца, любя тебя и видя сходство с незабвенным братом Петром, который до смерти верил в добродетель мошенника Ладинского. Воздерживаюсь от сравнения.

Твой *Ермолов*

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 100–100 об. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 20 мая 1850

Благодарю Вас, любезный брат Сергей Николаевич, за письмо из Витебска. До того все происходившее с вами знал я от Марьи Григорьевны, которая во время своего здесь пребывания обходилась со мною как истинно добрая родная. Ту же справедливость должен я сказать и обо всем ея семействе, где встречаю я всегда ласковый и обязательный прием.

В новом месте Вашем желаю, чтобы сопровождало Вас лучшее нежели прежде счастие, и надеюсь, что лучшее будет к Вам расположение начальника, о чем позаботиться небесполезно!

Очень верю, что занятий будет много в губернии, которая не славилась никогда особенным благоустройством, и где между сменявшимися часто губернаторами весьма немного было людей замечательных высокими способностями, в особенности же когда придавалось им наименование *военных*. Не исключая самого себя из таковых, я и в Вас примечаю некоторое с ними сходство. Припоминаю брата моего *Каховского*, который говоря мне подобные приветствия, всегда оканчивал словами: *«не подумайте, чтобы я вам льстил»*.

С большим удовольствием видел из описания, сколько внимателен был великий князь Константин Николаевич к Вам и любопытство его к Грузии. Столько же благодарен, как и удивлен я был, что он вспомнил обо мне и, если бы на возвратном пути его, того же хотел меня удостоить, скажи ему, *что сделанную мне честь принимаю я наградою за восхищение, с которым я выслушивал известия о действиях его в войне против венгеров*. Скажи сколько возможно для него приятным образом.

Теперь позвольте мне поговорить о делах семейных. Порадовавшись прекращению неудовольствий между Вами и Дмитрием Николаевичем, я думал, что после гнусной и черной жалобы его поверенного, конечно, не без воли его

поданной, после безуспешного убеждения со стороны моей, кончит дело бесчестное, помрачавшее его в особенности. Вы будете осмотрительнее насчет его предложений, но, к сожалению, видел, что с той же ветренностью и не обдумавши вместе вы подписали бумагу к сестре Анне Григорьевне[1], заключающую жидовский расчет, свойственный Дмитрию Николаевичу и, конечно, вам чуждый. Свидетель его поступков против покойного брата, я думал, что после смерти его не будете по крайней мере резать жены его. Вы вместе изволили подписать расчет.

Вы, может быть, не знаете письма брата Вашего к ней же, которое я буду стараться сделать известным, но полагаю, что он сообщил его Вам как образец деликатности. В нем есть выражение, выказывающее благородные свойства высокой души сочинителя, выражение: *«Вы хотели слупить с меня»*. Не умея припомнить всех гнусностей, я Вам доставлю копию с письма и постараюсь, чтобы она скреплена была кем-нибудь из значительных здесь лиц. Зная Ваши свойства и правила, мне нетрудно понять, сколько неприятно Вам мое негодование, но я клянусь Богом, что оно не сравнивается с моим убеждением, и я скорее почитаю его за похвальное слово брату Вашему.

Надеюсь на великодушие Ваше, что пощадите меня от объяснений по этому предмету, и я буду стараться не упоминать о брате Вашем, которого, конечно, не заставлю я краснеть родством со мною и не оскорблю встречею с ним!

Всегда с благодарностию приму уведомление о том, что случится приятного Вам по службе, и рад буду душевно далее заключить условие не продолжать переписки, ибо писать Вам некогда, а мне нечего!

Желаю Вам счастия и успехов.

Покорнейший слуга *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 100 об. – 102. Копия

А. И. ФИЛОСОФОВУ

Москва, 4 июня 1850

Милостивый государь Алексей Илларионович.

Письмо мое представит Вам Север, удостоенный благосклонного внимания Вашего прежде, нежели я вздумал сказать Вам о его существовании. Ничем лучше не мог я угодить Вашему превосходительству, ибо мысль благотворить ему принадлежит собственно Вам, а мне самым деликатным образом оставлена догадка, что вами не выпущена из виду фигура старейшего в настоящее время артиллериста, которому Вы хотите оказать самое чувствительное одолжение.

Перевод в гвардейскую артиллерию Севера и приуготовленные к успеху в том средства, все принадлежит Вам, искренне уважаемый мною Алексей Илларионович. Виделся я с инспектором всей артиллерии, вполне готовым содействовать намерению Вашему. Теперь приблизилось время развязки и, хотя не имею я ни малейшей причины сумневаться в данном мне обещании графом Закревским, знаю, однако же, что небесполезно было бы через кого-нибудь из значительных особ ему о том напомнить.

Обрадован я буду успехом и столько же успокоен, ибо понуждаемый преклонностию лет и желая иметь близко одного из сыновей, я заставил его оставить выгоды служения в Кавказском корпусе.

Смел ли я дать надежды на покровительство Ваше молодому неизвестному офицеру? Теперь я сам не желаю другого, в уверенности, сколько оно действовать может на будущность его по службе, лишь бы он умел быть его достойным!

Не нужно мне уверять Вас в чувствах особенного моего к Вам уважения и неограниченной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 5а

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

[Осоргино], 3 октября 1850*

Почтеннейший Роман Иванович! Не могу похвастать поспешностию отвечать на письмо ваше, но равномерно и вы не торопились дать о себе весточку. Я уже отъявленный ленивец, а Вы славились неутомимым гравером, следовательно, перемена с Вашей стороны. Божусь, не раз случалось, что бумага передо мною и перо в руках, но тем начинается, что перо не хорошо и надобно его поправить. Слепой, натурально, обладает особенным искусством очинивать перья и ловкостью уловлять конец пера для усекновения: я советую Вам испытать это наслаждение, но только уведомьте меня, более ли найдется у Вас терпения, как и у меня? Мне исключительно принадлежит известное вам свойство писать глупо, когда перо не по руке, то и откладываю я операцию очинки до другого времени. Тут начинается торжество лени, за которою прячется самолюбие, не допускающее заметить, что и с хорошего пера нередко стекают глупые мысли. Я, однако же, давно поймал себя в этом случае, и самолюбие давно не первенствует между другими моими недостатками…

О себе сказать Вам прежнего не могу. Бывало, по единообразию жизни, мог бы расписать я как календарь, но теперь, проклятый новый дом дает множество забот. Подрядчики и рабочие обворовывают без милосердия; все заказанное не делается к условленному сроку, теряется время; по множеству работ в городе, материалы [на] 20% дороже обыкновенного. Ко всему надобно прибавить собственную ошибку в размере, и вышли вместо умеренного дома обширные чертоги, которые долго не решусь назвать собственными. Словом, проклинаю дом… Теперь еще не кончились работы, и я не прежде могу перейти в дом, как в будущее лето, когда я живу в деревне. Совсем расстроены мои предположения, а в наши годы нельзя распоряжаться годами. Этот дом принимаю я как наказание за какие-нибудь грехи. Я здоров, ленив, более прежнего сижу без всякого движения и тяжелею ужасно.

Вот верное описание полезной для общества моей жизни. Прощайте, почтенный некогда сожитель, будьте здоровы и утешаемы вашими вну-правнучатами, их же число толковников Библии.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 245–246

---

* Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 15 октября 1850

…Пред Вас предстанет последний мой рекрут, отправляемый на службу; будьте к нему милостивы по-прежнему. По письму Н. С. Ограновича[1] я послал Николушку[2] прямо к нему в дом; он прежде уже объяснился с полковником *Даллером*[3], и у него он будет приуготовляться к определению в училище. К Даллеру я просил определить его скорее, чтобы напрасно не терять времени, и я имел в виду, чтобы он не беспокоил его при занятиях по службе; об этом и Вы похлопочите, любезный Роман Иванович. С Даллером Вы, верно, знакомы; троньте этого германца сладостию родимого языка, и Николушку возлюбит он, как свой *Kaffe-Löffelchen**. Не примите это за шутку, я понимаю, какия выгоды может доставить его *Zärtlichkeit***; она равняется половинному числу баллов при экзамене. По временам бросьте взгляд Ваш на мальчишку, которого справедливо я называю сиротою: братьям его немало способствовало мое пребывание на земле.

Могут еще быть люди, мне доброжелательствующие, но скажу вместе с Оссианом: «*Еще несколько лет и ветер пустынный возшумит в осиротелых башнях моих и вокруг полусгнившего щита моего*»[4]. Если Вы вообразите, что в Осоргине есть башни и висит щит мой, вы очень будете растроганы. Не могу разогреть воображения моего, не нахожу башен и нет даже голубятни. Подобие щитов открыл только в одних сковородах на скромной кухне нашей. Итак, возвратимся к тому, что всего более правдоподобно, что оба мы не доживем до первого его офицерского чина, который каждого из прапорщиков делает равным всем князьям мира. В этом горестном расположении духа, как Вы видите из письма моего, я отправляю моего рекрута, и сам отправляюсь обратно в деревню утешиться прекрасным временем и прелестными вечерами. У нас уже в пол-аршина снег, метели ужасные, превращающие день в ночь. Не знаю, чему бы уподобил Оссиан блаженство подобного существования?

Не порадуетесь ли Вы, что близок конец бумаги, иначе не было бы конца моему пустословию. Способность редкая! Много вралей в свете и, думаю, я один принимающий эту способность за дар, свыше ниспосланный. За то я скуки не знаю!

Прощайте, будьте здоровы, милостивы к моему Николушке…

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 246–247

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

*[Осоргино]***, 25 октября 1850*

Почтеннейший Роман Иванович. Искренно благодарю Вас за письмо, но, конечно, оно было единственное, в течение стольких десятков лет сделавшее мне досаду. Вот в чем загадка: я получил его за *пять минут* до выезда моего в деревню; неловко было при других прочесть его, и я, обещая себе это удо-

---

* Кофейная ложечка (*нем.*).

** Чувствительность (*нем.*).

*** Помета А. П. Ермолова: «Из деревни».

вольствие наедине, думал, что положил его в портфель, а вышло, что ошибкою взял другое, а его спрятал в стол с бумагами и запер. Меня это бесит, как Вы знаете, а любопытство и у нас, стариков, бывает! Итак, за старую привычку не быть балованным и любопытство под арест! К возвращению в город желаю не одно прочесть его, и это будет большим вознаграждением за терпение.

Начну воспетием хвалы страсти Вашей к гравированию и воспламеняюсь желанием быть Вашим внуком. На них по большой части обращаемы были письма Ваши и, как я, прибывший вновь, не без страха вспоминаю, что, по порядку счисления, я вхожу в № 58-й, разумеется, с подобными мне самозванцами; впрочем, до такой степени дерзких весьма немного!..

Я здоров, обманут надеждою зимовать в новом доме; готов он мог быть, но сырость ужасная заставила отложить помышление и перейти без неудобства можно будет не ранее будущей осени. Библиотека вся уложена в ящиках, и хочется зимою перевести в дом, где, кажется, будет сухое место в маленьких комнатах.

Прощайте, почтеннейший Роман Иванович, будьте здоровы и веселы среди вашего семейства, и да продлит судьба страсть Вашу к гравированию, в чем будет и моя выгода!

Дайте наставление Николушке[1], чтобы, писавши к Северу и другим, называл их по *именам*, а не братьями.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 247

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 11 ноября 1850

У нас Цесаревич Наследник, восхищенный Грузиею[1], всем, что там видел, и огромными успехами во всех частях устройства.

Прощай, почтенный Роман Иванович, мешали, по обыкновению, разныя фигуры и спешу на почту.

Выражения чувств моих не привожу в обыкновенную форму, а скажу просто: душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 247

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 15 ноября 1850**

Почтеннейший князь Михаил Семенович.

Давно весьма не писал я тебе, и было бы не у места занимать тебя перепискою в то время, как ты принимал высокого посетителя[1]. Я уверен был, что ты порадуешься подобному свидетелю твоих трудов и успехов, и только могло быть одно лучше, если бы он видел край в положении, в котором поступил он в твое управление. Ниже сего увидишь, что об этом можно и не жалеть.

Здесь он пробыл ровно двое суток; множество предметов и особенно те, что подчинены его начальству, кадетские корпуса и прочее, были им осмат-

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 1 декабря 1850. Отвечено 6 декабря».

риваемы; следовательно, немного оставалось у него свободного времени для разговоров; но, однако же, в первый день пред представлением он призвал меня в кабинет одного и с веселым чрезвычайно видом говорил мне о Кавказе. Мне оставалось жалеть, что короток был рассказ его и некогда было сообщить подробности, конечно, весьма любопытные. Скажу вкратце, что я слышал: «Войска нашел я в прекрасном состоянии, содержаны отлично, вид воинственный, одежда превосходная. Ходят быстро, как ни одни войска и, невзирая на то, что в походах весьма часто строят крепости, дороги, мосты и для себя собственно всякие строения, они очень хорошо выучены. Конечно, не так, как войска в России, но от них этого требовать невозможно, и очень достаточно того, что они знают. Словом, войска, исполненные духа и превосходные. Я не видал больших частей в полном их составе, но видел довольно много разных частей и тем удобнее мог судить, что вообще войска обучены удовлетворительным образом». При сем я имел случай дать заметить, что при количестве войска, довольно значительном, невозможно избежать необходимости раздробления.

Он с удовольствием видел, как облегчены сообщения, какой широты просеки, какие удобные дороги. Признает чрезвычайно полезным устроение Ачхойского укрепления[2] и особенно у места поставленную на Мартене башню. Что с того времени не было происшествий при переходе чрез Хан-Кале. Ему понравились прекрасные равнины Чечни и неравнодушно рассказал мне, что не в давнем времени выселившиеся из гор жители прежние Чечни находились в сопровождавшем его конвое.

Ничего не скажу лишнего, сообщив тебе, что Наследник был в восхищении от всего, что видел и превозносил похвалою.

Его слова: за Кавказом вся страна приняла совершенно другой вид, нежели, как он слыхал, прежде; в провинциях повсюду тихо и спокойно, и последние три года представляют важные и удовлетворительные результаты. Натурально все отнесено к высоким достоинствам и чрезвычайной и неутомимой деятельности начальника.

Это мне сказано в кабинете, но в тот же самый день за большим обедом, наследник изволил говорить о Кавказе и обо всем, что видел, гораздо пространнее и о многих других предметах с удовольствием, которое выражалось на лице его и будет, конечно, приятнейшим для него воспоминанием. Прощай, будь здоров и да сохранит тебя Бог для отечества.

Душевно преданный *Ермолов*.

P. S. Сию минуту сказали мне, что по представлению твоему Государь Наследник получил Георгиевский крест и что о том есть уже в газетах, но я их не видал.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 262–264

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 15 ноября 1850

Любезный брат Сергей Николаевич.

Давно не имел никакого о тебе известия, теперь по случаю приезда Наследника Цесаревича приехал я из деревни и узнал о сделанной тобою потере[1].

Воображаю горесть сестры Марьи Григорьевны, зная чрезвычайную ея к детям нежность.

Я понимаю это чувство, но думаю, что огорчение не должно достигать до того, чтобы возненавидеть место и мечтать, что грозит оно еще большим несчастьем. Об этом говорила мне Настасья Александровна Назимова, которая Марью Григорьевну любит как сестру родную.

Не возьму на себя предлагать советы, но ты выслушаешь, чтобы сделал я в равном с тобою положении. По желанию избирать назначение невозможно для того, чтобы переменить место пребывания. В особенности *до производства* надобно довольствоваться положением, каково бы оно ни было. После можно помышлять о другом назначении и даже просить о том. Я взял бы в соображение состояние, недостаточное на необходимые потребности, не только на прихоти и старался бы найти в себе довольно твердости к перенесению того, что определено судьбою и улучшено быть не может. Позвольте мне, любезный брат, сказать откровенно, что я боюсь немало действия на вас огорчения Марьи Григорьевны и ея сильной воли. Подумайте хорошенько о вашем положении и что сколько ни горестна потеря ребенка, она не должна быть причиною потерь по службе или препятствием вознаградить то, чего лишен ты был неблагоприятным расположением к тебе прежнего твоего начальства, поставившего тебя далеко позади твоих сверстников.

Давно из опытности составил я для себя лично понятие о службе. Служить отечеству есть обязанность каждого и кроме заключающихся в том собственных выгод хорошо не упрекнуть себя праздностию. Честолюбие допускаю я в той степени, чтоб от сверстников не казаться отставшим за неспособностию, особливо когда награждаются не одни только превосходныя дарования и, наконец, разумею необходимость служить по недостатку состояния, конечно, самым благородным способом. Кажется мне, ты подходишь под последния две статьи и о том лучше меня рассудить можешь.

Прощай, желаю от души всего лучшего и не менее всего терпения. Будь здоров

Грустно мне было узнать, любезная и милая сестра, о происшедшем с Вами несчастии. Мог бы надеяться на благоразумие Ваше, что положите меру горести, но видевши, сколько мучила Вас здесь болезнь ничтожная моего тезки, я представляю себе положение ваше и сколько это имеет влияния на брата Сергея Николаевича. Моя просьба и убеждение в том состоит, чтобы Вы брата из Витебска не утащили.

Душевно почитающий брат *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 103–104. Копия

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 20 ноября 1850

Почтенный князь Василий Осипович. Ваше письмо доставил мне Лелли[1], немало удививший меня, что не будучи знаком даже приехал в мою деревушку. Это, конечно, сделал он, желая угодить Вам. На мою долю досталась обязательная его вежливость как человека весьма умного, и я благодарю Вас за

таковое знакомство. Я не отвечал Вам на письмо, знавши сколько озабочены Вы были принятием высокого посетителя[2]. Здесь он пробыл двое суток, много имея занятий, осматривая все от него зависящие части; успел, однако же, к удивлению моему, даже мне, не имеющему счастья быть ему особенно известным, сказать, какое приятное он сохраняет впечатление, всего того, что видел, и до какой степени всем доволен. Войскам не находит других подобных, удивляется, как они ходят, большим трудам при совершаемых ими работах и всегдашней готовности к бою, в котором всегда являются молодцами. Хвалил благоустройство, в особенности Закавказского края, повсюду в провинциях мусульманских совершенное спокойствие и покорность, относя все к неутомимым трудам и высоким достоинствам главного начальника. Все это выслушал я в коротких словах, но в тот же самый день, за большим весьма обедом, изволил он говорить обо всем с большою подробностью, и описание его исполнило любопытством всех слушателей. Меня всех более удивляли разнородные собранные им сведения, особенно когда подумаешь о краткости времени. Сведения эти не мог он иметь иначе как от Вас, и я знаю из самого вернейшего источника о том отличном уважении, которое он к Вам имеет. Его высочество не ошибся в предположении, что край никто лучше Вас знать не может, где Вы, управляя многими прежде частями, наконец, занимаете главную гражданскую должность.

Можно вас поздравить со счастием, которое допустило Вас сделаться известным Наследнику. Я не говорю пустого приветствия и не говорю без основания. Наследник не мог не знать, что я некогда служил в Вашей стороне, но мне не трудно было заметить, что он сведения эти дополнял совсем в другом виде. Желал бы я знать, кто этот смелый человек, решившийся дать ему понятия, что в продолжение десяти лет не все делал я глупости и беспорядки, чему, как сам я замечал, верили и долгое время и весьма охотно.

Прощайте, любезный князь Василий Осипович. Не повторю бесполезно уверений в моих чувствах, в которых Вы не можете сомневаться. Душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 443–444

М. З. АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ

*Москва, 23 ноября 1850**

Милостивый государь князь Моисей Захарович.

В самое короткое время пребывания своего в Москве Государь Наследник изволил удостоить меня весьма милостивого отзыва о сыне моем[1], имеющем честь служить под начальством Вашего сиятельства.

Подчиненных Вам, милостивый государь, большое число людей достойных и более значительных много, а потому поручик Ермолов, офицер в малом чине, всего легче мог остаться неизвестным, и без особенной воли Вашей не было бы обращено на него внимание его Высочества.

---

* Помета М. З. Аргутинского-Долгорукого: «Ответ от 22 декабря».

Более всех я это понимаю, ибо всегда постоянно было милостивое расположение Вашего сиятельства к детям моим, равно как и желание мне, старому солдату, оказать самое чувствительное одолжение. С признательностью помню, что поручик Ермолов с самого начала службы его всегда имел Вас главным своим начальником.

С совершенным почтением и преданностию навсегда имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. Л. 125

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 13 декабря 1850**

В минуту самую проезда здесь фельдъегеря узнал я, почтенный князь Михаил Семенович, что княгине пожалован орден Св[ятой] Екатерины[1]. Награда лестная, свидетельствующая высокое уваженье Государя Императора к великим твоим заслугам. Мне приятно при сем случае вспомнить, что князь Паскевич был уже 14 лет фельдмаршалом, и тогда только жена[2] его получила этот орден. Я уверен, что Стопобедный[3] сочтет это лучше меня.

Прошу представить мое искреннее поздравленье ее сиятельству княгине Елизавете Ксаверьевне. По давней с тобою дружбе она поймет мое чувство!

Могу поздравить тебя и со множеством наград твоим подчиненным, что не могло иначе произойти после восхищенья Государя Наследника от всего того, чтоб он видел в краю, тебе подвластном. Видно было собственное наслажденье его о том рассказывать. С восторгом говорил он о войсках, которым не находил он равных. На счет обученья фронтовой службы, весьма одобряя его, находил совершенно достаточным.

Скажу в заключение, что посещение его должно быть для тебя самым приятнейшим событием.

Сам ты не станешь говорить о трудах своих; многие умолкли бы от зависти, и самые добросовестные не могли бы передать точного о них понятия. Ты имел свидетеля беспристрастного и которого собственная выгода была все рассмотреть со вниманием и в настоящем виде. Это особенное счастие!

Прощай, будь здоров и все будет по желанию.

Весь твой душою *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 265–265 об.

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 14 декабря 1850

Любезный князь Василий Осипович. Благодарю Вас за письмо, в котором с некоторою подробностию описали путешествие Наследника Цесаревича, справедливо всеми обожаемого за ангельскую доброту его сердца.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Полу[чено] 26 декабря 1850».

Вы были ближе к нему и более времени, нежели другие, и видеть можете, что я ничего не сказал из лести. Он восхищен Кавказом, чрезвычайно доволен всем, что видел; видно собственное его удовольствие в справедливой похвале его. К Вам особенное его внимание. Это удалось мне узнать с другой стороны и обстоятельно.

Я поспешил предупредить Вас, любезный князь, письмом моим и слегка, то же самое высказал.

Теперь у Вас в Тифлисе праздник, и я воображаю, как обрадован князь-наместник пожалованием ордена княгине. Я разумею, сколько эта награда значительна, потому что Паскевич был уже 14 лет фельдмаршалом, когда жена его получила этот орден. Князь исходатайствовал также огромные награды и во множестве своим подчиненным, и справедливо сказать можно, что никогда лестнее и выгоднее служба не бывала и память о его начальствовании останется вечною. А как между людьми совершенных не бывает, то и награды ниспадают не всегда на превосходных, что впрочем не мешает быть превосходительным. Скажите мне, не ошибаюсь ли я, полагая, что в это звание попал Джафар-Кули-ага[1], известный изменник карабахский[2]? Рад буду, если я обманулся.

Брат мой Сергей Николаевич и теперь обойден в чине, уже в третий раз. Кто не убедится, сколько сильна рука могущественного наместника! Жалею только, что она отяготилась на человеке беззащитном.

Меня уверяли, что и Вам, любезный князь, желалось, чтобы князь Андроников был Тифлисским губернатором, следовательно, уместно удовольствие мое, что он так скоро успел заслужить чин генерал-лейтенанта.

Прошу продолжить мне благорасположение Ваше, а мое совершенное почтение к Вам и преданность всегда постоянны. Вашего сиятельства покорнейший слуга *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 444–445

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 1 января 1851

Почтенный князь Василий Осипович. Я получил последнее письмо Ваше от 8 декабря и с особенным удовольствием перечитывал его, как и прежде полученное, по любопытному содержанию обстоятельств, относящихся до путешествия Государя Наследника.

Легко представляю себе впечатление, которое он произвел на всех вообще и в особенности на тех, кои обращали на себя его внимание. Вы справедливо гордитесь счастьем, сделавшись ему исключительно известным, и он при желании его познакомиться с прелестным краем, от которого он в восхищении, не мог не заметить, что Вы лучше других могли сообщить ему основательнейшие сведения, занимая, по управлению им, важнейшее место и прежде начальствуя в разных его частях. Не ускользнуло от замечания его, что на большом пространстве путешествия его встречал места, бывшие в Вашем управлении. Имеретия, Ахалцих, Эривань и, наконец, Дагестан, столько во всех отношениях разнородные, сообщили ему точное понятие о том, кому вверяемы они были в разные

времена и властию не одного лица, следовательно без пристрастия. Я не подношу Вам букетов, а говорю на основании некоторых сведений.

Радовавшись всем выслушанным похвалам, не обошлось дело без эгоизма. Давно знаю я мнение на счет службы моей на Кавказе, противное прежнему и замолкли порицания, но в первый раз с 24 года самому мне упомянуто о ней великодушно и снисходительно. Я принял с признательностию в душе.

Мне 74-й год, которого не все достигают; давно благодарю смиривших во мне демона честолюбия.

Представь мое поздравление княгине Марии Соломоновне с получением ордена[1]. Ей, конечно, приятно было изъявление глубокого уважения Государя к заслугам вашим. Награда эта нередка между супругами людей, близко принадлежащих особе Государя, как-то придворных и генерал-адъютантов, но столько же необыкновенна между всеми другими. Покажи кавалерственной даме письмо мое и, может быть, придет ей мысль написать несколько строк старику, который был посаженным отцом при замужестве молодой девушки. Этим сделает она большое мне одолжение, в особенности если просто и без приветствий.

Теперь прошу обратить внимание к собственному моему делу.

Если вы вспомните, когда Щербинин, истинно благородный человек, оставивши минутно службу, был в Москве, с ним познакомившись в первый раз, я слышал от него, что князь Михаил Семенович имел намерение взять Виктора моего к себе в адъютанты. Весьма лестным казалось это мне, но признаюсь, что столько же и невероятным. Я говорил Щербинину, чтобы он от себя напомнил о том князю. Не раз просил я князя о милостивом внимании к моим детям, но никогда слова не сказал, чтобы взял в адъютанты: эти фигуры избираются по собственному желанию начальника. Щербинин мог забыть; князь мог переменить свое намерение, в чем должен я был увериться, ибо прошло уже не менее трех лет. Теперь Виктор, хвастающий мне расположением Вашим, постоянно благосклонным, пишет, что прибегнул к Вашему ходатайству и об отзыве князя-наместника, что это несогласно с моим желанием. Два года назад лично говорил я Виктору, чтобы всячески старался он о том, но что самому мне о том просить неловко. Теперь Вы можете, любезный старый сослуживец, это уладить, а мне легко понять, как велико будет счастие Виктора и каким будет побуждением стараться быть его достойным. Не откажите Вашего ходатайства.

Чувства уважения моего и преданности к Вам везде одинаковы. Прощайте. Покорнейший слуга *Ермолов*.

Первым письмом начинаю новый год. Не ошибусь, пожелавши Вам, чтобы таковым был прошедший. Поздравляю!

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 445–446

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 2 февраля 1851

Письмо Ваше от 15-го января, почтенный Роман Иванович, я получил. Долговременно весьма было молчание Ваше, и я готовился уже выступить на драку, обиженным будучи тем, что при всей страсти гравировать я так редко

бываю занимающим Вас предметом. Я должен был обратиться к новому роду расчетов, взяв в основание соображение, d'après le calcul des probabilitiès*, каким количеством можете Вы быть снабжены новых внуков и внучат, и увидел, что не так легко прийти Вам на память.

В свете не без ловких людей и как я остаюсь при прежнем убеждении, что между *мелочью*, насылаемою на Вас для распределения по учебным заведениям, находятся лже-внуки, то Вам и не достает времени помнить об нас. Какую другую отыскивать причину, почему так долгое время не бросили Вы взгляда Вашего на моего мальчишку? Хотя и приводите Вы в объяснение разныя стратегическия увертки, как-то: разрушенные переправы, прерванную от того коммуникационную линию, словом общий заговор стихий, в то время Николушка преодолевает неукротимую Неву и пользуется увеселениями праздников. Еще ни о чем не имеет он понятия, а уже ощутительно развивается в нем способность к маневрам. Так в Наполеоне замечен был воинственный гений, когда, бывши в школе, он играл в снежки; а мой еще и не поступил в артиллерийское училище[1] и, думаю, блаженствует среди первых начал арифметики.

Мог бы продолжать пустое до конца бумаги, но, право, совестно стало, и я, желая пощадить Вас, смиряю превосходную способность мою говорить вздор. Гораздо короче можно было сказать: желаю чрезвычайно, почтенный Роман Иванович, чтобы изредка взглянули Вы на Николушку, Вы дадите ему полезные наставления. Как человек знакомый Вам и Вас уважающий полковник Даллер скажет Вам, доволен ли он прилежанием и нравственностию мальчишки, и сей последний никого столько не послушает как Вас, точно как никто и не займется им подобно Вам, по давней дружбе ко мне и свойственному добродушию. Вот истинная цель моя!

Скажу о себе: всю зиму не оставляют меня мелочные недуги, не допускающие выезжать со двора, и это, согласуясь с ленью моею, кажется, дает мне возможность, или, лучше, удобство, выставлять все за болезнь и никуда вообще не ездить. Теперь терзает меня сыпь, периодически являющаяся, которую справедливо называю я целительною. Следовательно, благодаря Бога, все идет превосходно!

Прощайте, будьте здоровы. Почитаю и уважаю Вас, всегда и одинаково преданный *Ермолов*.

Мемека[2] в отчаянии, думая, что Вы на него гневаетесь.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 248–249

М. Г. ЕРМОЛОВОЙ

Москва, 20 марта 1851

Любезная и почтенная сестра Марья Григорьевна. Г[осподи]н губернатор на меня гневается, ибо не хотел даже отвечать на письмо мое, посланное незадолго до приезда сюда адъютанта его Гартунга[1]. Странно было бы, чтобы одно оно затерялось, когда все другия письма доходят беспрепятственно

---

* По расчету вероятности (*фр.*).

и даже адресованные не столько *знатным персонам.* В то время узнавши, сколько огорчены Вы были и как трудно переносили потерю Гриши, я боялся, чтобы не пожелали Вы переменить место проживания, а это не могло бы сделаться без некоторых затруднений и неприятностей. С радостию услышал я от Григория Федоровича, что брат на это не решится, и в этом случае Вы угадаете, что я Вам был благодарен. Видал я случаи, что воля жены могущественна бывает, а брата не заметил я упорным спорщиком. Грустно мне смотреть на службу брата, давно не приносящую ему ни малейшего удовольствия. Впрочем, ему особенно противится счастье и теперь при всем добром расположении к нему начальника, котораго отзывы о нем мне известны и желание быть ему полезным. Обмануты были надежды мои на прошедшее 6-е число декабря, и я не знаю уже, как это перемениться может. Наложил руку знаменитый покоритель Кавказа[2], и сколько ни писал я ему, не упрекает ему совесть. И меня в мою очередь также обманывает. Вспомните, что я ссорился с Вами, когда написали Вы, что он берет к себе Виктора. Теперь видите, на чьей стороне ошибка, а между тем прошло уже три года. Я против брата имею, по крайней мере, ту выгоду, что обращаюсь к нему с дружескими посланиями, требующими непременно des remèdes calmants*. Пусть хоть на минуту! Я не в претензии, чтобы от этого он сделался лучше и не мешаю, по некотором отдохновении, продолжать хитрить и обманывать. Занявший место брата, известный неспособностями и глупостию, не более как чрез год, однако же, был произведен в чин. Следовательно, могущественный начальник может иметь произвол.

Теперь одно из немаловажных его занятий с пособием натурально дражайшей супруги, есть приуготовление к свадьбе князя Гагарина, бывшего адъютанта его, ныне кутаисского военного губернатора, который женится на дочери известной *Мананы*[3].

Здесь ожидаем мы в августе месяце высочайшего смотра войск и маневров. Об этом многие говорят и никто ничего точного не знает. Ежели не так, я пускаюсь повидаться с Вами и проеду в Ригу к Суворову. Это намерение имел я в прошедшем году, но, как нарочно, встретились препятствия и хуже всех строение нового дома, из которого вышли огромныя палаты, к удовольствию прежде окончания много уже проданные. Если самому мне, вероятно, и многим казалось смешным, что из скромного домика переселяюсь я в чертоги. Не упрекайте Григорию Федоровичу, что он сказал мне об отправлении отсюда кормилицы для ожидаемого инфанта. Вольно думать, что белорусское молоко помешает быть москвичем.

Скажите от меня несколько слов Гартунгу, который показался мне весьма хорошим молодым человеком, которого, к сожалению, я редко очень видал.

Ожидаю сюда любезную сестру. Знаю, что разлука нелегка супругу, но не всегда бесполезна обязанному должностию человеку.

Желаю Вам возможного счастья и г[осподи]ну губернатору приношу мое почтение.

Искренно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 104 об. – 105. Копия

---

* Успокоительные средства (*фр.*).

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 16 апреля 1851

Когда я получил письмо твое, любезный брат Сергей Николаевич, я уже не первый день знал о производстве твоем в чин[1]. Так уже привык я к твоему несчастью по службе, что не только не ожидал ничего с[о] Светлым Праздником, но мог даже думать, что еще раз подвергнешься оскорблению. Поэтому судить должен, как я был обрадован. Теперь допускаю я надежды и даже предположения, что ты получишь губернию самостоятельную, а в случае непогоды и тихое пристанище среди верховных судей, почетно покоящихся. К нему спешить не должно. Тебе труд не в тягость и не бесполезно, ознакомя начальство со своими способностями, вынести репутацию опытного и дельного человека, имеющего собственный взгляд и мнение. Я вижу, каким люди подобные пользуются уважением и каким служат для других руководством. В особенности же приметны они между военными, редко обогощающими Сенат своими способностями. Можно до того времени получить что-нибудь для улучшения твоего состояния, которое чрезмерно ограничено. Не завидна твоя губерния и едва ли есть другая равная ей бедностию, но она на виду, по местному ея положению, и малейшее в ней улучшение будет приметно. Генерал-губернатора ты имеешь, желающего тебе добра и, как слышал я, он сильно хлопочет о твоем производстве, тогда как прежний твой начальник, знаменитый и могущественный, немало наделал тебе пакостей. Старайся ладить с твоим, которого знают как весьма доброго человека и которому не свойственно низкое мщение. Не мешает приуготовиться и самому к занятию со временем подобной должности и присмотреться, какое влияние могут иметь чиновники в ближайшие отношения поставленныя их обязанностями, что если верить слухам, и у твоего начальника случается.

Григорий Федорович читал мне твою записку. Весьма не расположенный говорить комплименты и восхищаться пустяками, скажу с чувством внутренняго удовольствия, что она составлена с большою основательностию, и взглядом точным на предметы важнейшия; упомянуто о прежних случайностях с разборчивостью; выведены сравнения, необходимыя для пояснения предметов, свидетельствующих тщание и труд в розысканиях, и, наконец, предложены меры исправления с осмотрительностию, без тягостных переворотов. Долгое время управляя губерниею, я не умел бы передать точнейшего о ея состоянии понятия. Очень рад, что у тебя не было секретаря, и вижу, что ты хороший сделал выбор людей, у которых заимствовал сведения, без которых совершенно обойтись было невозможно. Могу поздравить тебя, любезный брат, и не удивляюсь, что она заслужила одобрение, для чего нужно было только на глаза, столько я был уверен! Продолжай труды твои с терпением, может быть, столько ласковое другим счастие и на тебя бросит умильный взгляд.

Благодарю Вас, любезная и милая сестра Марья Григорьевна, за приписку Вашу, всегда ласковую и приветливую. Боюсь, чтобы благодарность моя не показалась слабою, я не говорю ни слова, а всю ея обращаю к г[осподи]ну губернатору, который перестал на меня гневаться и даже удостоил меня письма своего. Не смею однако же вверяться этому благоволению, ибо оно изъявлено было до производства в генерал-лейтенанты. Теперь разве Вы поможете мне удержаться в милости. Теперь шутки в сторону, я очень рад и даже имею приятныя предчувствия, что по нескольку раз в день воспоминая, доставляю

себе приятнейшие минуты. Готов был наговорить много, отходящая почта дает только время сказать, целую ручки любезной сестры.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 105 об. – 106. Копия

М. З. АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ

Москва, 4 мая 1851

Милостивый государь князь Моисей Захарович.

Генерал Бриммер[1] уведомил меня, что Вашему сиятельству угодно было согласиться на назначение артиллерии поручика Ермолова в другое место[2]. Этого совсем я не ожидал, и мне жаль было, что он отдаляется от наилучшего из начальников, всегда ему благосклонного и удостоившего его всех полученных им наград. Но сын мой пишет мне, что при отъезде его Вы оказать изволили то же милостивое к нему внимание, отозвавшись с похвалою о прежней его службе, и обещали ему Ваше покровительство.

Могу уверить Вас, что благодарность его не уступает ни в чем моей, которою почитаю я себя навсегда обязанным. Я помню, что первые шаги по службе сделал он под глазами Вашими, а он чувствует, что не будет иметь начальника более попечительного о его выгодах. Не могу я не желать ему успеха, но не перестану жалеть, что он не служит под Вашим сиятельством. Счастлив он будет, если когда-нибудь встретит подобного Вам начальника!

С отличным почтением и неограниченной преданностию имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

P. S. Сын мой Клавдий перед отъездом из Темир-Хан-Шуры, имея нужду в деньгах, занял триста рублей серебром у батарейного его командира. Это должно быть известно адъютанту вашему барону Деллингсгаузену[3], которому сын мой оставил доверенность на принятие денег, когда они присланы будут от меня на имя Клавдия Ермолова.

Я взял смелость отправить их на имя Вашего сиятельства для передачи их Вашему адъютанту и на будущее время я прошу убедительно Вас, милостивый государь, позволить мне пересылать деньги на имя Ваше, которые прикажите доставить матери и сестре моего Клавдия, живущим в селении Гили, недалеко от Казанищ. Я уверен, что Вы не откажете этого чувствительного одолжения.

ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 41

М. З. АРГУТИНСКОМУ-ДОЛГОРУКОВУ

*Москва, 14 мая 1851**

Милостивый государь князь Моисей Захарович.

Бывши благосклонным начальником воспитанников моих Клавдия и Севера Ермоловых, по милостивому к ним Вашего сиятельства расположению Вам

---

* Пометы: «Пятьсот рублей серебром получил с почты капитан Васильев», «Писано его высокопревосходительству частным письмом 31 августа 1851 года».

известно, что они имеют мать и сестру, живущих в селении Гили неподалеку от Темир-Хан-Шуры. Не смел я, не прося предварительно позволения Вашего, милостивый государь, обращаться к Вам с просьбою моею о доставлении им присылаемых мною денег, но теперь препровождаемые мною пятьсот рублей серебром убедительнейше прошу приказать 300 рублей из них доставить матери и 200 рублей дочери.

Не беспокоил я Вас прежде подобною мелочью, но по отбытии поручика Ермолова 2-го, не имею в краю, Вами управляемом, никого, кому бы я был знаком. Это обстоятельство будет мне извинением перед Вами!

С отличным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*[1].

ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 43

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Осоргино, 23 июля 1851

Начинаем, почтенный Роман Иванович, подпадать могуществу старости, а, помня Вас и взглянув в зеркало на себя, давно ль мы были молодцами! Никто из вежливости не спросит сколько лет тому назад, особенно когда предупреждаю я, объясняя, седые волосы бывают и у молодых людей. Вы в этом отношении гораздо в выгоднейшем положении нежели я; у вас нет на голове хронологической таблицы, а о морщинах и молодежь говорить боится!

Где деятельность Ваша? Где страсть к гравированию? Бывал ли день, в который не отсылалось письмо на почту? Бывали счастливые, когда отправлялись письма во множестве; теперь проходят месяцы, и я не дождусь ни строки! Неужели до того умножилось производство внуков и внучек, что для меня не остается минуты времени? Нет, любезный некогда сожитель, чувствую по себе, что это господствование старости. Того и гляди, что проклятая хватит нас полным размахом. Между тем, однако же, не могу жаловаться на мое здоровье, но лень достигла до степени невероятной и может занять место болезней…

Я живу в деревне, сколько возможно редко бываю в городе, избегая ужаснейшие жары. В маленькой комнате, облагороженной именем кабинета, при раскрытых дверях и всех окнах термометр в тени показывает 25°. Не ложась спать ранее полуночи, еще ни разу не ложился я менее как при 20°; это весьма напоминает мне Кавказ. Выписал я на три дня Максимовича из города, и в разговорах вспоминаем о вас; он в два года одной недели не был в деревне и сделался совершенно иностранцем. Он находится при постройке, продаже и покупке домов; теперь отделывает он приобретенный на Пречистенке, и так много перемен в нем и медленно идут работы, что едва ли прежде зимы я займу его…

Прощайте, будьте здоровы, и чтобы все случающееся согласовалось с желаниями Вашими. Не забывайте нас! Душевно преданный навеки *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 249

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 26 августа 1851

Любезный брат Сергей.

Не мешало бы тебе сегодня быть у развода, и еще более у фельдмаршала, который к тебе внимателен. Сегодня взятие Варшавы[1]. Я даже успел это сделать. Не угодно ли вместе ехать к обеду, прошу приехать в три часа ровно.

Ермолов

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 об. – 107. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 2 сентября 1851

Почтенный князь Михаил Семенович.

Долгое время носилась здесь молва, что ко времени прибытия сюда Государя ты также приедешь. Князь Меншиков, видевши княгиню Елизавету Ксаверьевну в Крыму, сказал мне, чтобы я тебя не ожидал.

Здесь была вся царская фамилия, исключая Константина Николаевича, коего супруга в недавнем времени разрешилась от бремени[1]. Государь изволил смотреть войска 6-го пехотного корпуса в полном его комплекте; были маневры, которым хотя не благоприятствовала погода, но все исполнялось хорошо. Государь был доволен и очень милостив. Здесь всегда встречаем он с восторгом, и вокруг него, как волны моря, толпы народа! Я всегда с удовольствием вижу на лицах иностранцев выражение удивления.

В нынешнем состоянии прочих народов это не делается, и недаром страна наша носит именование *Святой Руси!*

Здесь в подробности слышал я о действиях князя Аргутинского[2]. Удовольствие Императора изъявлено высокою его наградою. Государь Наследник изволил мне говорить о действии с величайшею похвалою. Словом, принято за блистательный успех. Думаю, не менее одобрения и со стороны фельдмаршала, который, совершивши много знаменитых войн, не с равным уважением смотрит на сшибки на Кавказе, но отзывается о них с благосклонностью. Никогда иначе! Большая часть, не имея о стране точных понятий, заключает, что близок час падения Шамиля и что немилость его за неудачу, к Гаджи-Мураду[3] охладит к нему его приверженцев. Ожидания больших следствий!

Доселе наград особенных не было, кроме графу Клейнмихелю[4]; но многих ожидают, и, вероятно, до отъезда императора они пожалованы будут. Вчера был день Св[ятого] Александра Невского, и был выход во дворце, истинно в великолепных чертогах царских. Говорят, что Государь изволит отъезжать 3-го числа, но верно неизвестно. В Киеве будет осматривать крепостные работы, в Луцке 4-й пехотный корпус. Князь Варшавской был здесь во все время и уехал после 30-го числа. Главные лица купечества представлялись к нему с хлебом и солью. Вообще он был очень любезен. Мне бы хотелось, чтобы ты был здесь в это время; я воображаю, каким бы особенным вниманием и почестью отличил Государь начальника обширной страны, о которой Цесаревич

Наследник всегда говорит с величайшею похвалою, и всех вообще любопытство занято происшествиями в ней.

Теперь ты пользуешься необходимым для тебя отдыхом, хотя непродолжительным, но радостное для тебя событие женитьбы князя Семена Михайловича[5], исполня тебя удовольствий, возвратит тебя к многотрудным занятиям с новыми силами. Я одного жалею, что место пребывания молодого князя в отдалении от тебя. Прелестная твоя невестка была бы большим тебе утешением. Я красавицу мать ее знал молодою еще девочкою[6].

Сегодня 2-е число, и, говорят, государь уезжает в ночи.

Ничего более не знаю, чтобы сообщить тебе, но ты, конечно, узнаешь все в подробности. Восхищаюсь мыслью, что ты удостаиваешь звания адъютанта моего Клавдия и ожидаю терпеливо, когда тебе угодно будет это сделать. Теперь остался один, о котором тебя беспокою. Делай из него, что тебе рассудится за благо!

Прощай, желание тебе успехов есть то же желание пользы отечеству.

Будь здоров!

Всею душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 266–267 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 8 октября 1851**

Не удивило бы меня, почтенный князь Михаил Семенович, продолжительное твое молчание, если бы ты был на Кавказе, где беспрерывные занятия твои мало оставляют тебе свободного времени, но знаю, что ты в Крыму и отдыхаешь среди удовольствий по случаю женитьбы молодого твоего князя; молчание твое наводило сумнение и вскоре был слух, что ты нездоров. Тогда же говорили, что болезнь прекращена удалением трудных занятий и будто ты виделся с Государем во время пребывания его в Елисаветграде. Есть и противоречащие тому слухи.

Не хочется мне, чтобы ты полагал меня в том числе людей, которые могут быть равнодушными к происшествиям до тебя относящимся, и потому прошу дать приказание кому-нибудь из окружающих тебя уведомить меня, когда болезнь может препятствовать тебе писать, ибо слухи и рассказы редко бывают без преувеличения. Довольно трех строк вроде bulletin**.

Скажу вкратце о себе. Теперь я среди моего семейства. Старший проездом в гвардию[1], переведенный по представлению твоему, может по службе достигнуть тех выгод, которых я не смел ожидать. Клавдий три часа после приезда сюда лег в постель и до сего времени не встает. Болезнь доводила его до отчаянного положения, и он был уже без движения. Теперь начинает давать надежды на выздоровление.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 7 ноября 1851».

** Бюллетеня (*фр.*).

Желаю и прошу тебя продолжить для него счастие служить под твоими повелениями. Помни обещание твое сделать его твоим адъютантом. Считаю, в сем звании полковников и надеюсь, что недолго до второй обещанной тобою вакансии.

Не могу не вспомнить при этом случае одного из писем твоих, в котором говоришь, что был очень рад, увидевши в приказах перевод Виктора в гвардию.

Может случиться, по милостивому расположению твоему к Клавдию, что и он сделает тебе подобный же сюрприз, что все мы в простоте нашей разумеем, без воли твоей произойти не может; и то знаем, что Воронцову ни в чем не отказывается. Не распространяясь, скажу короче. Не удаляй Клавдия с Кавказа, потерпи хотя в звании чиновника по особым поручениям. И мои приятели и им завидующие скажут, что ни один из всей семьи служить при тебе не годился. Суди сам, как впоследствии будет это им отзываться.

Прощай, будь здоров и имей более об этом заботливости.

Представь мое совершеннейшее почтение ее сиятельству княгине Елизавете Ксаверьевне.

Всею душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 268–268 об., 270

А. И. ФИЛОСОФОВУ

Москва, ноябрь 1851

Милостивый государь Алексей Илларионович.

Когда не подозревал я, чтобы известно было Вам о существовании детей моих, Вы во время пребывания их в артиллерийском училище обратили на них милостивое Ваше внимание. Впоследствии одному из них (Северу) и более того оказать изволили при переводе его в гвардию. После всего этого можете судить, какую смелость внушил я старшему моему сыну (Виктору), представляющему Вам письмо мое. Остается мне сказать об уверенности моей, что и его удостоите Вашего благосклонного расположения.

С искренним почтением и совершеннейшей преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга *Алексей Ермолов*.

РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 6

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 1 декабря 1851

Получил письмо твое от 7-го ноября из Темир-Хан-Шуры, в котором любопытным весьма для меня образом описываешь переезд твой по закубанской стороне, потом чрез Чечню и в Дагестан. Лучше всего доказывает спокойное состояние Чечни то, что тебя сопровождала княгиня Елисавета Ксаверьевна: при малейшей опасности ты не допустил бы ее.

Воображаю, как грустно было расставаться с вами молодым вашим. Геройский подвиг предпринимает прелестная твоя невестка, бывшая украшением лучшего общества, жить в Воздвиженском укреплении, в месте многих других скучнейшем[1]. Жаль, что полк твоего имени не по ту сторону Кавказа, собственно для тебя; но знаю, что командующий им молодой полковник рад очень иметь дело с неприятелем. Слышу от всех, что он офицер отлично смелый, каковым должен быть сын твой.

Удивляюсь твоей подвижности, ибо в непродолжительное время ты третий уже раз посещаешь Дагестан и Прикаспийский край. После тебя начальнику надобно быть тебе подобному, или не принимайся за дело! Азиятцы проницательны и разборчивы.

Много здесь было слухов о Хаджи-Мурате, и молва поставила уже его в рядах войск наших. Теперь вижу настоящим образом, по сведениям тобою сообщенным. Не верю примирению его с Шамилем, и сей последний не будет иметь к нему прежней доверенности. Нелегко прекращаются вражды, разгоревшиеся между обитателями буйного Кавказа. Не удивлюсь, если Хаджи-Мурат будет искать надежнейшего убежища и покровительства русских[2]. Лето будущее многое обнаружит.

Князь Аргутинский, хотя поправляется от болезни, но она таких свойств, что возобновляться может, и если бы даже сего не случилось, приметно отнимает прежнюю энергию. Жаль генерала предприимчивого и которому край и народы известны были в подробности. Тебе как начальнику придется чаще уже обращать внимание на происшествия в этой стороне.

Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 403–404

А. И. ФИЛОСОФОВУ

[Москва, начало 1850-х]

Научите меня, искренне уважаемый мною Алексей Илларионович, должен ли я предстать пред их Императорские высочества для принесение благодарности за милостивейшее внимание, которого угодно было им вчерашний день меня удостоить, и в какой должен я быть форме?

Знаю, что Вы не имеете свободного времени и не желал бы сделать неловкости, нарушая порядок предположенных занятий.

Совершенно преданный *А. Ермолов.*

РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 7

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 10 января 1852**

Почтенный князь Михаил Семенович.

Нечего пожелать тебе с новым годом, разве несколько более времени для отдохновения. Без сумнения должны были встретить тебя по возвращении твоем многие занятия, ибо после письма с Белой речки я ни строки твоей не имею.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 20 генваря 1852».

Булгаков, по поручению твоему, давал мне читать письмо твое о Хаджи-Мурате. Воображаю, сколько это досадно и может быть вредно Шамилю. Один из лучших его наибов, человек предприимчивый, имеющий приверженцев, заставит его быть осторожным, и он, конечно, удержит залогом жену его и семейство. Власть, с которою управляет Шамиль, долговременная борьба, хотя весьма невыгодная, доказывают, что он человек необыкновенно умный. На месте его другой будет предприимчивее, побудит горцев к решительным действиям, обещая большие выгоды в случае успеха. Две или три неудачи с чувствительным уроном не только потрясут, но могут даже разрушить власть имама. Потерянная к нему доверенность может уничтожить и самое его существование. Для этого надобно быть Даниель-Беком[1]. Он сядет на русский штык, и с ним исчезнет безобразное имамство!

Этого я ожидаю и может случиться в непродолжительном весьма времени. Ты, конечно, смеешься надо мною, что я не скорее ожидаю этого действия прямо от оружия нашего. Я не буду противоречить тебе; но, конечно, весьма много способствует тому жестокая власть Шамиля, давно заместившая *секирою* фанатизм религиозный[2]!

Перейду к другому предмету, к слухам! Вскоре ожидается юбилей военного министра[3]; к нему присоединится твой юбилей[4], и говорят, что приуготовляются два фельдмаршальские жезла[5]. Это согласно с общим ожиданием, и если изредка слышится рассуждение, оно тебя не касается. Тебе подносится принадлежащее!

Сюда вскоре ожидается генерал Реад, которого, не знаю на каком основании, выдают под названием твоего помощника. Не думаю, чтобы ты имел в таковом нужду, и ты можешь делать их из подчиненных, во множестве отлично способных и, конечно, более знакомых со страною и обстоятельствами. Впрочем, может быть, это было собственное твое желание; а если нет, то, конечно, князь Паскевич участвовал в его назначении.

Не видывал я *Слепцова*[6]; но как жалел о потере храброго! Горько пасть молодцу от пули подлого чеченца! Не одну можем мы считать подобную утрату. Ты лучше многих знаешь это, служа на Кавказе во время славного Цицианова, которого дела, по мере ничтожных средств, кажутся неимоверными. Имя, данное станице, есть награда, за которую надобно пасть на колена пред Императором. Это сотворит не одного Слепцова впоследствии!

Вижу двух твоих здесь адъютантов женихами. Оба достойные молодые люди, но кажется, немало способствует им то, что они могут служить при тебе. Магическая сила имени!

Это дает мне смысл напомнить о собственном предложении твоем взять в адъютанты моего Клавдия вместо Виктора, которому ты сделал счастие переводом в гвардию. Я принес искреннюю благодарность за Клавдия и после того спрашивал (давно уже), может ли он надеяться иметь эту честь. Ты не отвечал мне ни слова, и я боюсь, не переменил ли ты намерения.

Через две недели он отправляется к своему месту и какая бы ни была судьба его, со всем тем нет лучше службы как на Кавказе под лестным твоим начальством.

Отвечай мне по этому предмету что-нибудь, нимало себя не стесняя! Не менее я буду преданным тебе и почитать тебя беспредельно.

Ермолов

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 271–272

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 10 января 1852

Любезные родные.

За последнее письмо ваше мог бы я сердиться, но первое чувство было сожаление, что вы с ума сошли. Что могло быть вам поводом к заключению, что я имею на Вас неудовольствие и потому не пишу? Если бы это было так, я бы объяснил причину, но я и в помышлении даже не имел.

Тотчас по прежнему письму вашему обратился я к Мих[аилу] Ник[олаевичу][1], но долго весьма ожидая ответа, извещен был, что он не мог в скором времени видеться с главным лицом[2]; этому я не поверил, и когда после женитьбы возвращался сын его, я вторительно писал, но он не отвечал мне и об отказе главного лица сообщил уже мне Григорий Федорович. Если показано было мое письмо, то, конечно, не было приятным мнение мое о твоем сатрапе, с которым он, как говорят, в давних дружеских отношениях.

Что после этого делать, любезный брат?

Если мне отнестись непосредственно к нему, то ни к чему не поведет, но может раздражить могущественного, и какое право ожидать от него высоких чувств. В людях подобного происхождения можно встретить мстительность. И так надобно терпеть, необходимо, сколько это ни тяжело; какое другое остается средство? Губительную наложил на тебя руку воспетый Пушкиным герой[3]. Начинаю верить, что свидание на водах не было в твою пользу, и мне, если случится видаться с обоими, им не сладко будет мое объяснение. Твой же сатрап[4], ни на что не способный, едва ли понять может, сколько он сделал тебе вреда своим отзывом, и нет сумнения, что будет поддерживать свое мнение. Вежливым весьма образом не мешает истолковать ему это, и даже сопровождая изъявлением особенного уважения. Глупцы знатной породы обыкновенно чванливы.

Итак, любезные родные, долговременное молчание происходило единственно от ожидания последствий по двум письмам моим и потом от ощущения справедливой досады. Горько мне было не иметь ничего приятного сообщить Тебе и только говорить всегда о необходимости терпения. В этом я достаточно опытный человек, но требую от других равной степени уменья, ибо в подобных случаях преимущество неоспоримо со стороны одинокого человека. Простите, любезная и милая сестра, смелую мысль старого холостяка. А нельзя не согласиться, что легче терпеть одному, нежели слагать часть горести на существо самое милое и близкое. Впрочем, говоря с молодыми людьми, я употребляю самые убедительные доводы, что состояние женатого человека есть счастливейшее.

Я не признаюсь им в том, что не ропщу на судьбу за противное.

Подождем, любезный брат, не представится ли какой случай возобновить мои поиски; я, конечно, не упущу из виду и не полагаю трудности непреодо-

лимыми, и кажется мне, что Мих[аил] Ник[олаевич] не много оказал настойчивости. У него свои дела и сверх того различные стратагемы, в которых он ни от кого не отстанет и наше дело не из первостепенных!

Прощайте. Если стою я быть короче узнан, то прошу заметить, что от родных, которые мне по сердцу, я не скрываю неудовольствий или почитаю себя вправе иметь их и объявляю о том чистосердечно. И с вами, поверьте, не прибегнул бы к притворству.

Будьте здоровы и благополучны.

Любящий вас всею душою *Ермолов*.

До того пуста здешняя жизнь и несносно время праздников, что письмо это я писал несколько дней. Посетители не дают свободы, вероятно, полагая, что без них мне жизнь горька. Знаю по себе, сколько сладости я доставляю им собою, но они не разумеют сравнений!

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 об. – 109. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 13 января 1852

Почтенный князь Михаил Семенович.

Начинаю извинением и даже прося прощения, что осмелился удержать полковника Натта[1] с намерением успеть написать к тебе, в чем препятствовали бестолковые праздники. С трудом согласился он на это и не иначе, как уверясь, что я принимаю это на себя. Таким образом, успокоенный, я принялся за письмо, а полковник тогда же заболел, и я письмо принужден был отправить с почтою назад несколько дней, не знавши, как скоро может он пуститься в путь.

Теперь самое интересное для меня сообщу тебе то, что я познакомился с твоим *Степаном Васильевичем*[2], никогда его прежде не видавши. Благодаря тебе он сделал мне честь, посетил меня.

Вчера видел в театре персидского посланника, который, как говорят, человек очень умный, но желающий выказывать себя важным более, нежели он есть. Но здесь, в столице, он принужден соблюдать этикет. Его намеревают-ся забавлять и увеселять приличным образом, не думая, однако же, чтобы он представлял могущественнейшего из государей. Я знал Фет-Али-Шаха[3], по справедливости человека примечательного; а после него, не исключая и преемника его, Аббас-Мирзу, все ничтожество сальное!

Воображаю удивление твое действиям Наполеона-президента[4]. Молодецки обманул всех, и гордый Альбион, кажется, не без уважения на него смотрит. Если не сразит его пуля демагога, может случиться надобность со временем прибегнуть к найму ополчений на твердой земле. С ним нельзя поступать, как с королями греческим и неаполитанским, для которых достаточно было мошеннической политики Пальмерстона[5], действовавшего как министр ответственный, без сомнения в видах правительства.

Пока еще, до настоящей войны, он открыл неприязненные действия против некоторых из наших дам. Говорят, что есть уже оставившие наслаждения Парижа после предварительного им внушения чрез нашего поверенного в делах. Говорят даже, что французский посланник[6] при нашем дворе имеет при-

казание об этом предмете объясниться с графом Нессельроде. Впрочем, это болтовня московская; а ты знаешь, что у меня других никаких источников нет!

Слышал я также, что будто Даниель-Бек елисуйский последовал примеру Хаджи-Мурата; но я не поверил этому, рассуждая, что, конечно, ты приказал бы меня уведомить.

Ты, верно, имеешь все сообщаемые мною известия с большею подробностью.

Прощай, будь благополучен.

Всею душою твой *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 273–274

А. Я. БУЛГАКОВУ

[Москва], 1 февраля 1852

Благодарю, почтеннейший Александр Яковлевич, за сообщенное Вами известие. Приказ желал бы удержать, но не смел.

Не выезжая давно за болезнию, слышу я, однако же, молву о блистательных успехах храбрых войск наших. Радуюсь за сына князя[1]. Об нем всегда слышал, что он офицер отчаянно смелый!

То, что Вы сообщили заимствованное из письма князя, признаюсь, большею частию разобрать не мог. Люди, беспрерывно занятые, не имеют времени щеголять красотою почерка.

Совершенно почитающий *Ермолов*.

Прошу извинения, что долго задержал Вашего посланного. Вина моя собственная.

ОР РГБ Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 17

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 11 февраля 1852**

Верный исполнитель поручений *Булгаков* читал мне письмо твое, почтенный князь Михаил Семенович, в котором обещано было письмо мне, явившееся в скором после того времени[1].

Прежде того пронеслась и продолжается молва о победе князя Барятинского[2], и праздная Москва толкует по-своему о происшествиях, вообще приняв-ши радостно известие. Князь Барятинский, поистине храбрый и предприимчивый офицер, на посту им занимаемом не упустит случая воспользоваться обстоятельствами, и ты имеешь в нем неусыпного лейтенанта. Хорошего также ты избрал ему помощника[3]. Не помышляя говорить комплимента отцу, скажу, что давно уже знаю я сына твоего офицером блистательно смелым; от всех это слышу; не менее многих верю моему Клавдию, который нередко бывал свидетелем и разумеет, что такое храбрость, чем и сам приобрел его расположение к себе. Всегда с большим удовольствием я его выслушиваю!

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 22 февраля 1852».

Говоря о службе твоего сына, всегда вспомню обстоятельство, сделавшее на меня очень досадное впечатление. У князя Кутузова[4] был зять князь Кудашев[5], офицер, исполненный военных способностей. Получаемые им награды и те даже, которые бывали ниже оказанных им заслуг, нередко относились к сильному покровительству. Это самое может происходить и с твоим сыном, и мне досадно за молодого Воронцова, которому как молодцу многое должно принадлежать по строгой справедливости!

Можно поздравить тебя, любезный князь, с целым рядом блистательных успехов в продолжение нескольких дней. Ты можешь сказать подобно великому *Суворову*: «У меня и Розенберг бьет»[6]. Ты угадаешь, что я говорю о Суслове[7]. Знаменитость его останется незабвенною!

Воображаю, в каком положении Шамиль, и у него, конечно, не было веселой Масленицы!

Давно слышу о желаемом тобою увольнении в отпуск; разумею, как велики твои права на то и сколько может быть полезным для тебя отдохновение, особенно после болезни твоей, в Крыму; вчера же утверждали достоверно, что фельдъегерь провез тебе увольнение на шесть месяцев и вместе Георгиевской крест князю Семену Михайловичу. Скажи ему в письме своем, что я от души поздравляю его с этою лестною наградою. Не мог отыскать ленточки, чтобы послать ему по обычаю старых кавалеров: едва ли не старшего из кавалеров, ибо между служащими один князь И[ван] Леонт[ьевич] Шаховской[8], в одно время со мною получивший за взятие Праги Суворовым[9].

Не умею выразить тебе, почтенный князь, благодарности за милость, которую делаешь моему Клавдию. Это величайшая честь для молодого человека, если бы даже был знатного происхождения. А мой сын в строгой школе умеренности принимает это за сновидение. Со вчерашнего дня он начал верить возможности, ибо получил по службе бумаги, что он считается в твоем штабе. Он желает скорее отсюда отправиться, и я охотно отправлю его через 5 или 6 дней. Теперь и мне начинает казаться, что он будет твоим адъютантом[10]. Прости мне это признание! С давнего весьма времени всякого рода неудачи не вселяют верования в счастие. Коль скоро он твой адъютант, ни слова об нем более, и ход его по службе не иначе считать буду как триумфальным шествием.

У вас начинается уже весна, сближается удобное время для экспедиций в горы и для горцев для вторжения. Потеря двух отличных молодцов со стороны линии[11], болезнь князя Аргутинского, пока заменишь ты их другими, все заставляет меня думать, что не тотчас ты воспользуешься отпуском, которому не хотел я верить. Старшему по тебе генералу Реаду полезно было бы под глазами твоими сделать одну экспедицию и присмотреться к твоему образу действий, чтоб и самым опытным бывало наставлением. Он с большею к себе доверенности приступить мог бы к исполнению твоих поручений на время отсутствия из края.

Благодаря Михаилу Павловичу Щербинину с любопытством просматриваю образцовый календарь кавказский[12].

Прошу представить ее сиятельству княгине Елисавете Ксаверьевне усердное поздравление мое с новым георгиевским кавалером.

Всею душою твой *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 275–276 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 17 февраля 1852

Весьма знал я, что тебе, почтенный князь Михаил Семенович, не нужна благодарность моя; но многие из писем моих не мог я начать иначе, как изъявленьем ее. Сыновья мои под высоким начальством твоим равномерно, как и все другие, пользовались справедливостью твоею в определении наград и особенною милостью в употреблении их при войсках, которым предназначались действия, что и ускорило ход их по службе против обыкновенного порядка движения. Это принадлежало исключительно воле главного начальника, и они так же, как и я сам, хорошо знаем, что для них другого Воронцова начальника не будет. Всех сыновей моих более счастливый Клавдий, которому предстоит честь быть твоим адъютантом. Прощаю ему нетерпение, с которым ловит он высочайшие приказы, перечитывает последнее письмо твое ко мне, когда не было еще известно тебе, что князь Витгенштейн[1] сделан флигель-адъютантом, и радуется производству *Манюкина*[2] в генерал-майоры. То же бы и я делал на его месте!

Уверен я, что он употребит все усилия заслуживать неожиданное им счастие; от товарищей его давно слышу, что он офицер отлично смелый, но боюсь неловкости постоянного жителя Темир-Хан-Шуры, столицы незнаменитой. Он среди многочисленной свиты твоей, молодых людей лучших фамилий, тщательно воспитанных, должен показаться диким горцем. Понимая это, он желает быть употребляем при войсках. Окажи эту милость, почтенный князь Михаил Семенович и, конечно, нет приличнейшего места для армейского офицера, которому судьба во многих преимуществах отказала, поставивши в необходимость всего достигать трудами. Теперь сноснее будут они идущему по широкому пути!

Мой сын — адъютантом знаменитого военачальника! Давно весьма не балуемому счастьем, мне это не верится. Боюсь наскучить благодарностью. Будь милостив к Клавдию. Прощай! Тебе все искренние мои желания!

Всею душою преданный *Ермолов*.

P. S. Прочти со вниманием. Несколько лет назад, как и теперь, вижу проезжающего здесь офицера твоих войск *Покотилова*[3], вечного прапорщика драгунского наследного принца Вюртембергского полка. Он страдает за дуэль, и она внесена в формуляр его. На него навязалось наглое и дерзкое животное, и он менее других терпелив был к его оскорбленьям. Справедливая пуля помогла недостатку искусства и от животного избавила товарищей. Спроси князя В. О. Бебутова, знающего хорошо происшествие.

Конечно, поступил он вопреки Священного Писания, которое научает: если ударят в одну щеку, подставить другую. (Этого не случилось, и Покотилов был оскорблен одними словами.) Я признаюсь, что в молодых летах я сделал бы то же, и без всякого сомнения так же бы поступил князь-наместник! Скажу в заключение, что приятно мне думать, что наказания не должны быть бесконечными! Будь милостив, сколько зависит от тебя!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 277–278

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 5 марта 1852**

Почтенный князь Михаил Семенович.

Получил письмо твое и приказы по войскам[1]. Радостно каждому видеть успехи оружия нашего; мне, несколько знакомому со страною, несравненно более приятно, следя за действиями, смотреть, как согласно и стройно провождают они к достижению цели главного распорядителя. В этом смысле и дела за Кубанью не менее заслуживают внимания. Зная неудобства и местности, и пространства, нельзя не разуметь, каких требует соображений собственно распределение войск, доставляющее возможность сосредоточить значительные силы повсюду, где присутствие их необходимо. С досадою верю, что это ускользает от внимания многих военных людей; а, быть может, и не понимают они всей важности предмета. Удивляет меня упорство горцев при неудачах их и переносимых ими бедствиях. Пора, кажется, убедиться, сколько борьба с нами для них невыгодна и что кончить ее не иначе возможно, как покорностью. Не думаю, чтобы хитрость Шамиля долго могла удерживать их в заблуждении и дело, по-видимому, приближается к развязке.

Теперь скажу о собственных делах. Назначая к себе адъютантом Клавдия моего, ты делаешь ему величайшую милость. Он хорошо разумеет обязанность ее заслуживать и что честь носить это звание может быть целью самого достойного офицера. Я разумею, что этим ты хотел сделать мне одолжение, и прошу верить, что я не иначе принимаю, как за самое чувствительное. Не имея слепой любви к сыну, ни сам он глупой дерзости сравнивать себя с окружающими тебя молодыми людьми знатной породы, родителей знаменитых, он как армейский офицер будет уметь усердною службою не уступить некоторым из менее высокого разряда, особливо, если его, согласно прежней просьбе моей, ты употребишь при действующих войсках. Пребывание в пышном Тифлисе неудобно для неловкой фигуры дикаря, который в продолжение семи лет видел в Темир-Хан-Шуре великолепную столицу. Омар-бек[2], к которому ты особенно был милостив и чем не престает он похваляться, совсем не похож на своего брата. Он порядок жизни своей согласует с уставами общества, желает принадлежать ему и сделал хорошее начало, три дни тому назад помолвлен будучи с молодою и весьма милою девушкою, дочерью здешнего губернского предводителя Черткова[3], у которого весьма хорошее родство[4], и он дочери назначает изрядное состояние. Я чрезвычайно этим обрадован, и Север ничего лучшего желать не мог.

Прости мне некоторые подробности, я сообщаю их благодетелю детей моих. В первых офицерских чинах без всякого покровительства начали они службу под высоким начальством твоим, и ей положено основание великодушным о них твоим попечением.

Знаешь ли, любезный князь Михаил Семенович, что человек, перестающий иметь желания, много теряет приятностей жизни. Мне кажется, что мое

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 16 марта 1852».

последнее желание было, чтобы один из сыновей моих был твоим адъютантом. Многие думали, что нет между нами прежней дружбы и не мне упрекали, давно уже умершему политически, что ни один из детей моих того не достоин. Теперь милость твоя Клавдию других его братьев поправляет в мнении.

Прощай. Да все желания твои увенчаются полным успехом!

Вечно душою преданный *Ермолов*.

Не прекращаются московские слухи, что ты отправляешься на шесть месяцев в отпуск и что князь Горчаков Варшавский[5] на время отсутствия твоего займет твое место. Многих вижу приезжающих из Петербурга; они тоже подтверждали, но с меньшим гораздо удостоверением, и о князе Горчакове слухи были весьма короткое время. Один из близких ему людей сказывал, что ему даже легчайшего намека о том сделано не было, а на временное начальство ваше он никак не согласится. Это очень вероятно!

Он призван был по делам службы и по возвращению его в Варшаву фельдмаршал приедет в Петербург. Причина появления их в столице должна быть очень важная.

[Ермолов]

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 279–280 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 10 марта 1852**

Почтенный князь Михаил Семенович.

Пред глазами у меня высочайший приказ 6-го марта. В число адъютантов твоих поступает один новый. Теперь, любезный князь, ты оставляешь мне одну заботу: выдумывать, что мне остается желать! Разумеется, моим детям; ибо сам я давно уже кончил политическое существование, и людей моих лет воскрешать бесполезно и, смею думать, едва ли благоразумно!

Ты верно заметил в одном из иностранных журналов, будто император австрийский[1] будет приглашаем на торжество Тысячелетия России[2]. Об этом ничего не слышно из Петербурга, но возобновляются слухи о праздновании юбилея военного министра[3]. Сказывают, что доклады делает его товарищ, но что всегда присутствует при том он сам, а при нем находится всегда лекарь.

Весьма мало забочусь я о его юбилее, но твой отпраздную весьма радостно и, конечно, не с тем только одним поздравлю[4]. В этом, кажется, нет разногласия во всех доходящих до меня слухах.

Благодетельствуя детям моим, служившим под твоим начальством, я не должен просить быть милостивым [к] новому твоему адъютанту. Ему, уверен я, не помешает в том и самая дикая фигура его горца.

Всею душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 281–281 об.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 22 марта 1852».

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 10 апреля 1852

Почтенный князь Михаил Семенович.

Последнее письмо твое от 24 марта получил[1]. Странно уже кажется мне, если мое письмо к тебе не иначе начинаю я как с благодарностью, ибо часто весьма налагаешь на меня приятную эту обязанность, прежде благодетельствуя всем детям моим, теперь сделавши милость Клавдию. Много чести молодому офицеру быть адъютантом Воронцова. И я признаюсь, что очень жалел я, что до сего времени ни один из детей моих того не удостоился, полагая, что они подверглись невыгодному какому-нибудь замечанию. Назначение Клавдия дало всему другой вид и прошу судьбу, чтобы обратила на них хотя часть прежнего счастья моего, давно уже мне отказанного.

Ты сам говоришь о расположении твоего князя Семена Михайловича к Клавдию; я хорошо знал это, но боялся выставить Клавдия хвастуном. Весьма понимая существующую между ними разницу, он видал, что сын твой так же, как всякий другой офицер, подвергается опасности; он позволил себе сблизиться с ним и с благодарностью вспоминает его обращение с ним. Под Чохом едва ли проходил день, чтобы князь не призывал его к себе, всегда обращаясь с ним самым обязательным образом.

Поздравляю тебя, почтенный князь, с получением титула[2], который достся избранным весьма немногим как свидетельство до позднейшего потомства особенной признательности Государя и отечества!

Теперь остается добавить украшение эполетам и, конечно, вскоре. Более всех будет заботиться о том военный министр и не даст упрекнуть себя медленностью: ибо вчера есть известие, что он получил удар, хотя слабый, но, как говорят, третий!

Он может напомнить нам славную проповедь на смерть Тюреня: «Како паде сей сильный Израиля»[3].

Говорят, что он едет за границу. Не думаю, чтобы починка иноземная много лучше была домашней. Какую радость ты произвел в моем Севере, удостоив воспоминания Омар-бека. Этот день могла заметить невеста его, что не одна мысль о ней делала его счастье!

В преклонных летах моих утешительно видеть сына женатым; но когда возвращаюсь к воспоминаниям молодости, ничего не сравниваю с состоянием свободным. В Клавдии замечаю я призвание быть человеком военным (или, по крайней мере, de la […]*), итак, если придет ему мысль жениться, то сделай благодеяние, подвергни его казни, а он бывает иногда великим любовником. Был случай в Черномории, но я отнес это к действию лихорадки, полученной в экспедиции на Белой речке.

Скажи князю Семену Михайловичу, что за расположение его к Клавдию не менее его самого я ему признателен. Это повторение того, что ты со мною делаешь. Прощай, будь здоров. Навсегда душевно преданный *Ермолов*.

---

* Фраза неразборчива.

Представь мое совершеннейшее почтение ее светлости княгине Елисавете Ксаверьевне. Я горжусь воспоминанием ее обо мне.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 282–283

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 20 июля 1852**

Мало, думаю я, людей, которые бы отказывались от знакомства с человеком особенной известности, и ты, почтенный князь, простишь мне, если от меня самого знают о давнем между нами знакомстве а это причиною, что многие обращаются ко мне с просьбами, которыми я, конечно, тебе наскучил.

Недавно просил я тебя за подсудимого офицера, сына генерал-лейтенанта Ховена[1], не чудака тебе известного, но хорошего военного человека, который из кавалерийских дивизионных начальников должен был по обстоятельствам искать тихого убежища в сенаторах; просил сына его, сделавшего повесничество, наткнуть на кинжал или шашку горца, т. е. дать ему случай заслужить вину свою. Но теперь прибегаю с просьбою совершенно в противоположном смысле и к исполнению гораздо легчайшею.

Впрочем, если ты захочешь, то нет трудных.

Письмо мое представит тебе Кабардинского егерского полка майор Дуров[2], довольно давно служащий на Кавказе, офицер храбрый и умный. Ты удивишься, что при быстром производстве и наградах он так мало декорирован; но этому единственная причина — тяжелая рана, понудившая его лечиться за границею, что потребовало довольно продолжительного времени. Сделай благодеяние, доставь ему возможность служить здесь в Москве в провиантской или комиссариатской комиссии. Отнюдь не помышляет он иметь выгодное место, но ему нужно дослужить два года до пенсиона, а человеку с умеренным состоянием им пренебрегать не должно.

Здесь он женат на знакомой мне девушке, весьма достойной, которой не хочется жить в Темир-Хан-Шуре или другом подобном месте, а еще менее желает, чтобы муж ходил в поход, что весьма понятно. Не погуби меня и не откажи моей просьбы. Тебе стоить сказать два слова, и тебе сделают угодное. Все равно, если определят его членом военно-судной комиссии при ордонансгаузе, лишь бы мог он не терять времени до пенсиона. Иначе я не буду сметь встретиться с женой его, а мне, старику, и менее бойкая женщина опаснее Шамиля, которого вы уничтожаете; а я что могу делать?

Слышал я, что ты вскоре будешь на Кавказской линии, и к тому времени я приноровил письмо мое.

Должен сделать тебе признание, что я обнадежил майора Дурова, что просьбу мою ты не оставишь без вниманья. Впрочем, другим подобного ручательства я не даю. Прощай, всего желаю тебе как бы себе самому.

Преданный всею душою *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 284–285

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 4 сентября 1852».

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, 25 августа 1852**

Почтенный князь Михаил Семенович.

Благодарю за письмо, в котором сообщаешь об экспедиции против Даниель-Бека со стороны прежних его владельцев[1]. Привык я видеть, что предприятия оканчиваются всегда согласно с желанием; но на сей раз есть обстоятельство новое и весьма замечательное. Переселение 1500 семейств без выстрела есть дело необыкновенное, и, конечно, ничто столько не обнаруживает действия нравственной силы. Тут не были употреблены огромные военные средства. Новые переселенцы, без затруднения доступные, теперь по необходимости, может быть, сделаются менее мошенники. Весьма ощутительны успехи орудия нашего, быстро идущее внутреннее благоустройство края или, можно сказать, новое данное ему бытие, и я воображаю, каким чувством исполняется душа твоя, как виновника всему, и можно ли удивляться, что есть завидующие твоему положению.

Не понимаю я Даниель-Бека, как не ослабевает он в предприятиях, всегда наказываемый поражением, ни разу не ободренный удачею[2]. Характер замечательный! Жаль, что предместники твои не умели извлечь из него пользы.

Обрадовал я Омар-бека твоим милостивым воспоминанием о нем. И теперь приятнейшие минуты его наполняет мысль о том времени, когда он был при особе твоей. Я уверен, что не менее будет благоволения к Клавдию, когда будет он иметь счастие сделаться тебе известным. Неловко хвалить сына, но тебе скажет о нем князь Семен Михайлович, который знает, что такое офицер смелый, и видел в нем хорошую его душу.

Здесь минуту видел я генерала Головина, который с восхищением рассказывал мне, что ты хвалишь боржомские воды, обязанные ему своею известностью[3]. Говорил мне также о последней экспедиции по извещению от тебя.

Позволь мне сказать слово о генерал-майоре Лещенко[4], бригадном командире линейных баталионов за Кубанью. Он в мое время был старшим адъютантом в корпусном штабе, после дежурным штаб-офицером при Вельяминове на линии; был офицер отлично-расторопный, усердно исполнявший разные поручения и из числа тех, которым знакомы письменные дела. 40 лет на Кавказе, но по наградам его вижу, что он позади всех, что и заставляет меня думать, что он подпал невыгодному замечанию. Если я обманываюсь в догадках, то, по усмотрению твоему, почтенный князь, услади ему его служением. Быть не может, чтобы он был всех хуже на Кавказе; а назначения его невидные, не он избирает. Я хлопочу за сослуживца, а таковых повсюду остается у меня весьма немного.

Сегодня, как слышно, назначено празднование юбилея военного министра, и приверженцы его делают большие приготовления. Собираются деньги по подписке. Посмеет ли кто не желать участвовать в высоком торжестве? Вероятно, ожидает его громкая награда. Конечно, ты обо всем узнаешь лучше меня; но и я написал бы, если бы ты не был в разъездах.

Весь твой душою *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 286–287 об.

---

* Помета М. С. Воронцова: «Получено 1 сентября».

С. Н. ЕРМОЛОВУ

Москва, 1 октября 1852

Любезный брат Сергей Николаевич.

Если ты исключил меня из числа ближайших родных и даже из родственников отдаленных, ты поступил весьма справедливо, ибо невозможно вести себя хуже в отношении к тебе, как я это делаю. До того бессовестно, что перо отказывается писать об этом.

В самом деле, я так давно не писал и даже не отвечал на последнее письмо истинно доброго брата моего. Но сделал бы я это, если бы было что написать приятного. Непоколебимое постоянство замечаю я в неблагоприятствующем тебе счастии, которое не облегчая тяжелой твоей службы, сверх того еще охлаждает тех, кто сколько-нибудь мог бы тебе способствовать.

Не знаю, что будет с переменою министра[1]. Новому, вероятно, ты совершенно неизвестен, но также вероятно, что и к начальнику твоему[2] не имеет он чрезвычайной нежности как прежний министр[3]. На днях видел-ся я с Мих[аилом] Никол[аевичем] Муравьевым, который подтвердил мне о дружбе между ними, как некогда сослуживцами. Все это весьма почтенно, но не должно закрывать глаза на неспособность человека занимающего значительное место, и приносить в жертву дружбе другого достойнейшего. Но это случается нередко. Хотел я обратиться с письмом к нежному другу, и, конечно, не было бы оно весьма нежным, но доволен, что не сделал того, ибо не принес тем пользы, мог бы более раздражить его. При первом свидании не обойдется без объяснения и мне легче говорить не за себя. А правда, и вежливостью приправленная, не всегда бывает сладкою. М[ихаил] Н[иколаевич] Муравьев уверял меня, что он все употреблял в пользу твою, но безуспешно. Ссылался на тебя, что ты знаешь о том, и для большого удостоверения просил меня обратиться к тебе с вопросом о том. Воображаю, что не столько настойчиво было ходатайство его, как о костромском губернаторе, и угадываю тому причину. Потом надо было заботиться о делах своего сына, в чем полезно было споспешествование костромского воеводы. О тебе воспоминание возбуждено было может быть встречею со мною. На уверения я имею предосторожность не во всем полагаться и в подобных случаях я более доверчив к брату его Николаю.

Жаль мне, с новым министром я не только не знаком, но даже в лицо его не знаю. Может быть, встретил бы я более внимания к объяснению моему о твоей службе. Но где его видеть, как познакомиться? И почему быть ему доступнее для меня прочих знатных людей? Плохо нам жить, любезный брат Сергей! Если бы имел ты состояние, можно бы было распроститься со службою!

В прошедшем августе имел я намерение, пробывши несколько дней в Варшаве, на возвратном пути погостить у тебя. Это было бы для меня приятнейшим временем, и ты напомнил бы мне собою, что было у меня любезнейшее существо, покойный брат Петр Николаевич, потеря которого, ознакомила меня с одиночеством.

Кланяюсь любезной и милой сестре Марье Григорьевне; не смею благодарить ее за то, что меня не забывает, ибо сам я не вижу за что бы можно

помнить обо мне, разве случилось бы изобразить мне [...]* в ея совершенстве! Говорят, что старые люди любят внучат, и я начинаю думать, что я и старых пережил, ибо с удовольствием увидел бы твоих сестер. Я представляю себе Алексея молодцом и большим тебе помощником.

Жалко смотреть на семейство покойной Анны Григорьевны круглых сирот, но его ангелом-хранителем сестра Анна Николаевна. Всегда знал я ее чрезвычайно доброю женщиною, но теперь занимает она место истинно нежной матери, и ничто не вменяет в труд себе. Она заставляет особенно уважать себя. Николушка весьма хорошо ведет себя и в распоряжении по имениям следует внушениям людей опытных. Весьма основательны мысли его.

Прощайте, любезные мои родные, желание мое всего вам лучшего столько же чистосердечно, как и собственную мою пользу.

Душевно любящий *Ермолов*.

P. S. Сидит против меня Виктор и Вам свидетельствует свое совершеннейшее почтение.

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 об. – 108. Копия

С. Н. ЕРМОЛОВУ

[Москва, не позднее конца декабря 1852]

Любезный брат Сергей Николаевич.

Никогда не писал я тебе на клочке бумаги, но и никогда столько пустого письма я не писывал. Одно имею сказать тебе, что боясь за тебя, должен я был писать новому министру, которого в лицо не знаю. Отзыв получил я самый благосклонный и в том обещающем, что он не принесет тебя в жертву нежности к твоему глупому повелителю.

Целую ручки сестры.

Ермолов

РГВИА Ф. 217. Оп. 1. Д. 3. Л. 108 об. Копия

М. С. ВОРОНЦОВУ

*Москва, февраль 1853***

Почтеннейший князь Михаил Семенович.

Не думай, что я долго не писал, ожидая от тебя письма, но причина молчания моего самая простая: сказать было нечего! Не мог даже сообщить разных московских бредней, ибо три месяца со двора не выезжаю.

Благодарю за полученное письмо от 22 генваря.

О пребывании и свидании твоем в Севастополе знал я многое; знал, как все вниманье обращено было на тебя; с каким удовольствием замечены огромные успехи, обнаруженные отчетом семилетнего твоего управления,

---

* Слово не поддается прочтению.

** Помета М. С. Воронцова: «Получ[ено] 4 марта 1853».

которые останутся памятниками в краю, получившем новое бытье. Наконец, и самое производство многих генералов — лучшее свидетельство признательности!

Наслышавшись от всех, что твой князь Семен Михайлович в душе — военный человек, я был удивлен отпуском его за границу[1] и должен был угадывать, что он не мог желать сего для удовольствий. Ты объяснил мне причину, и я воображаю, сколько горестно княгине и тебе его отсутствие; но оно необходимо, чтобы в совершенном здоровье возвратить вам прелестную вашу невестку.

Давно уже знающему край приметно, что горцы очень слабеют, и действия их не обнаруживают прежней предприимчивости и смелости. Просеки, способствуя скорому войск соединению, облегчают наши атаки и защиту переселяющихся из гор жителей, которые найдут выгоду возвратиться на прежние жилища в прекрасных местах. Сколько лет переносят они ужасную нищету и бедствия; но кажется уже близким конец их страданий, и тебе, почтенный князь, может принадлежать честь довершить то, чего не успел сделать ни один из предместников, ниже сам фельдмаршал, которого взятие Эривани есть подвиг ничтожный в сравнении со взятием куруров[2] от шаха персидского, который дрожал за каждую копейку. Горцы не умели понять славы его, а закубанцам и говорить о нем невозможно.

В это время, как я пишу тебе, князь Барятинский, вероятно, оканчивает очистку Мичика[3], который нередко служил убежищем чеченцам. Бывало входили мы в него с высот Качалыковских, но занять его постоянным образом не было средств.

Вижу из письма твоего удовольствие, когда ты ехал из Сухум-Кале в Редут-Кале в экипаже по прекрасной дороге. Много занимала тебя мысль эта, наконец покорены затруднения; и были бы прежде, ибо от тебя зависело поручить устройство дороги мимо офицеров путей сообщения. Помню я неудобства дороги из Имеретии в Карталинию и одну проклятую глинистую гору, которую в мое еще время предположено обойти; но ты обладаешь магическою силою, и у тебя исполняются все предначертания. Многое сделано в твое управление страною, что наследникам твоим казаться будет неразгаданной задачею. Ты врежешь в скалы Кавказа эпоху царствования императора и имя могущественного его наместника!

Благодарю усерднейше за милостивый твой отзыв о моем Клавдии. Я знаю его весьма усердным, исполненным пламенного желания служить и способным привязываться к своему начальнику. Мне хвастает он, что удостоен внимания его светлости княгини и что ты к нему весьма милостив. Я подтверждаю ему, чтобы старался быть тебе угодным.

Ничего не имею более сказать тебе. Все новое приходит к нам из Петербурга, следовательно, в то же время к тебе, но несравненно обстоятельнее и вернее.

Прочти внимательно приложенную у сего мою записку.

Прощай, желаю тебе всего возможного.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 288–289

Ф. П. КОРНИЛОВУ[1]

[Москва], 21 мая 1853

Возьмите на себя труд, почтительный Федор Петрович, довести до сведения его сиятельства письмо, полученное мною от полковника Муравьева, у сего препровождаемое. Всегда великодушие графа готово было на помощь претерпевающему несчастие, и потому безбоязненно обращаюсь с просьбой[2].

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

А. Ермолов.

ОР РНБ Ф. 379. Оп. 1. Д. 602. Л. 1

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 1 июня 1853

Почтенный князь Михаил Семенович.

Князь Бебутов, пробыв здесь два или три дня более нежели предполагал, сообщил мне много любопытных сведений или поправил мои прежние, не во всем основательные о стране, часто воспоминаемой мною. Нередко рассказы его казались мне о чем-то мне незнакомом: так переменился Кавказ, принявший вид устройства и порядка, что говорили мне весьма многие, но не с такою основательностью и знанием обстоятельства. Не стану говорить о созданном тобою европейском Тифлисе, когда уже глухой и мрачный Владикавказ сделался красивым городом, охватившим оба берега Терека.

Приятно мне было свидание с князем Бебутовым и встретить в нем чувства ко мне долгое время служившего вместе и по должности близкого мне человека. Мало весьма мог я сделать ему пользы; но ты важными по службе поручениями, занимаемою им значительною должностью обнаружил его способности, сделал его известным государю и наследнику и для службы полезным и надобным. Он все это живо чувствует, и из множества облагодетельствованных тобою, конечно, нет более признательного и приверженного. Словом, он принадлежит тебе душою!

Мне пришла мысль вознаградить его за это, и ты верно одобришь ее. Выслушай предисловие.

Давно просил я князя Бебутова, чтобы прислал мне свой портрет. Он привез с собою из Тифлиса так гнусно нарисованный, что я отказался иметь его в доме и требовал, чтобы доставил он мне другой, по крайней мере имеющий человеческую фигуру. В бытность его в Варшаве писал его портрет хороший художник; но [так] как в короткое время невозможно было его кончить, то брат князя Бебутова[1] чрез месяц по возвращении его в Петербург прислал его ко мне из Варшавы по его приказанию. Портрет этот я тебе посылаю. Знаю совершенно, что для него это будет одною из самых лестных наград, если ты его примешь.

Он везет его с собою, нимало о том не подозревая, и ящик адресован на имя Михаила Павловича Щербинина. Письмо это, по отъезде князя Бебутова

отсюда, посылаю се экстрапочтою. Я воображаю, какой это для него сюрприз, и думаю, что за выдумку он благодарен мне будет.

В коллекции портретов обязанных во множестве тобою лиц ему принадлежит высокое место.

Давно не писавши тебе, не помню, просил ли я за статского советника, служащего в Крыму, Озерецковского[2]. Давно весьма знаю я этого благородного и отлично-честного человека. Более 25 лет назад поручал мне его знаменитый времен Екатерины профессор, отец его, некогда мой учитель[3]. Тебе давно известно мое ничтожество, и на что мог быть я ему годным?

Напиши о нем официально новому министру финансов. Не вижу, почему не быть ему действительным статским советником. Взгляни на это дело со вниманием.

Михаил Павлович Щербинин представит тебе записку, присланную мне при письме Зубаловым, которую я препроводил к нему. О деле его я никакого не имею понятия; могу только сказать, что в мое время Зубалов был весьма полезный человек, отлично-расторопный и усердный комиссионер, не раз выводивший меня из больших затруднений и нередко подвергаясь немалым утратам. Приобретая выгоды, он не был замечаем алчным. В пользу его я прошу твоего правосудия.

Слухи повсеместные о войне[4]; но мне не верится, чтобы дошло до схватки.

Много лишних войск не найдется у тебя. Князю Бебутову я смеялся, что на границе Карса будет он стоять один с мечом, и пожелал ему, чтобы на этот случай имел он меч Алия[5] длиною в 50 локтей. Это не будет лишним!

Прощай, почтенный князь, желаю тебе всего лучшего, что иначе и быть не может.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 291–292 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

*[Конец мая — начало июня 1853]**

Князь Бебутов уже уехал, а мне хочется сообщить тебе распространяющуюся здесь молву; за точность ее однако же не ручаясь.

Армией против турок будет начальствовать не князь Меншиков, а будто вызван для того князь Горчаков из Варшавы. Он уже в Петербурге и скоро выезжает.

О назначении князя Меншикова[1] ничего неизвестно: но занятия его по флоту продолжиться не могут.

Многие полагают, что сношения с Константинополем завязаться могут и, как никто не желает войны, легко найдутся желающие предложить свои услуги.

Иностранные журналы превозносят великодушие государя и на него рассчитывают. Им нет нужды употреблять лесть: есть примеры и многие, и весьма свежие. Неужели бы без него так сблизилась Пруссия с Австрией? Что

---

* Фрагмент письма. Возможно, дополнение к письму от 1 июня 1853 г.

может быть бóльшим доказательством великодушия и бескорыстия, как и надежнейшим залогом спокойствия Европы?

Ожидания общие, что все уладится!

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 290–290 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 6 июля 1853

Долго не хотел я докучать тебе, почтенный князь Михаил Семенович, письмом моим, решился наконец, не страшась, что ты найдешь его глупее всех прежних. Иностранные журналы, политическая путаница голову мою до того сбили с толку, что и самые дипломаты, кажется мне, не с большим действуют умом.

Долго можно было полагать, что войны не будет; теперь есть и такие, которые за то не ручаются. Тебе по обширным сношениям твоим это более ясно, нежели многим другим.

Порту преодолеть нетрудно; но будут ли другие равнодушными свидетелями этого и сам мудрый Нессельроде не знает. Появление войск наших в княжествах возбудит живущих за Дунаем христиан, и компликации, умножив затруднения, набросит на нас подозрения несправедливые.

Порта стоит на коленах, божится, что войны не желает, и даже боится; но все-таки не хочет, чтобы ее били в морду. Будут и тебе занятия, на которые ты не рассчитывал; а Шамиль воспользуется молвою о разрыве и утвердит власть свою, приметно уже слабевшую. Слышал я, что помышляют усилить войска твои дивизиею[1]. Невероятно, чтобы известные трусы анатольцы[2] (исключая лазов) искали давать баталии; но на грабеж и набеги найдутся охотники, и войска на границе необходимы.

В сторону политические бредни. Обращусь к собственному делу.

Клавдий мой, имеющий честь служить при лице твоем, почитает себя счастливейшим человеком и до того в восторге, что уже кажется ему, будто начинает заслуживать некоторую доверенность. При тебе много людей умных, способных и знатных, за моего могу ручаться, что в нем нет хитрости и тонких расчетов, много прямоты и чистосердечия. Ты поступаешь с ним как истинный благодетель; не даешь ему быть праздным, возлагаешь на него поручения, и он, мало-помалу привыкая к делам, со временем будет годен не с одною саблею. Я не перестаю подтверждать ему, что надобно трудиться, прокладывать себе дорогу.

Конечно, с неудовольствием узнал ты о переводе его в гвардию с понижением чина[3], а я признаюсь, что меня терзает досада. С графом Воронцовым, бригадным командиром, этого не случалось. Наместнику полномощному, могущественному главнокомандующему осмелились сделать эту пакость. Если же таково было твое представление, то я успокаиваюсь, уверен будучи, что впоследствии это вознаградится.

Моим рассуждениям здесь не место!

Прощай, желаю тебе всего по сердцу твоему.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 293–294

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 10 августа 1853

Не начинай писем твоих, почтенный князь Михаил Семенович, объяснением, что долго не отвечаешь мне за недостатком времени. Я хорошо это знаю и потому весьма благодарен, когда что-нибудь сообщишь о делах твоих, и никогда нет ропоту на продолжительное молчание. Теперь воображаю, сколько новых забот по случаю нерешенного Восточного вопроса, который как впрочем ни кажется запутывающимся, многие полагают, что войны не будет. Судя по иностранным журналам, никто войны не желает; а в Петербурге все покрывается непроницаемою тайною, и верно одно то, что положительного ничего никто не знает. Но как всегда есть люди, желающие казаться дальновидными и проницательными, то одни вымыслы переменяются другими, и происходит престранная путаница. Многому дают повод огромные приготовления к войне, формирование войск и прочее. У тебя всегда множество иностранных журналов, следовательно, известны все действия других держав. Между демократами необыкновенная деятельность, и, конечно, многое подготовлено в разных местах. На них устремлено повсюду особое внимание; мелочи попадаются в руки, важные обстоятельства ускользают. Давняя практика научила быть скрытными и хитрыми. Возбуждать и направлять мятежи и восстания приведено в правила подобно науке, и железные дороги во многих случаях немало способствуют.

Приближается время, в которое обстоятельства настоящего времени перестанут быть загадкою. Кто знает, может быть, и твои обозрения границ будут полезным образцом. Впрочем, как ты говоришь, у тебя не огромные будут ополчения против турок. Конечно, достаточно атаковать и разбить их; но они поймут невыгоду серьезной схватки, а границу охранить от вторженья едва ли возможно. Найдутся и домашние мошенники! Воображаю Шамиля ожидания и как вдруг могут разрушиться все нелепые замыслы! Как, думаю, сумасбродничают закубанцы, и уже им мечтаются английские паруса!

Проезжавший князь Дундуков[1] посетил меня, за что я чрезвычайно ему благодарен; порадовал меня очень, сказавши, сколько ты милостив к моему Клавдию; но ты, почтеннейший князь, говоря с негодованием о переводе его в гвардию чином менее, не утешил меня, сказавши: «Не знаю, когда это можно будет поправить». Трудно мне поверить, чтобы так приказал представить его, тогда как не было подобного примера между окружающими тебя, и нет причины исключительно на Клавдия обращать невыгодное всех заключение. Это, вероятно, произошло от прилива крови к голове Вольфа, что впрочем никогда не вредит собственным выгодам этих господ!

Мне не в первый раз верить фатализму! Со всем тем не умею выразить благодарности моей за то, что Клавдия не допускаешь быть праздным и, удостаивая его поручений, даешь возможность не сделаться пустым и даже со временем заслужить твою доверенность.

Вчера смеялся я случившемуся при мне разговору, будто твой князь Семен Михайлович, которого все знают отлично смелым офицером и всегда готовым

охотно на трудное предприятие, желает иметь более покойное назначенье. Не смею этому верить.

Всею душою преданный *Ермолов*.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 295–296 об.

М. С. ВОРОНЦОВУ

Москва, 10 декабря 1853

Почтенный князь Михаил Семенович.

Поздравляю тебя с целым рядом успехов, делающих честь, во-первых, тебе, как главному распорядителю, частным начальникам, исполнившим свыше того, чтоб от них требовать было возможно, и отличным войскам кавказским. Признательность царя свидетельствуют великолепный тебе рескрипт, которому великие мира позавидовать могут, и весьма щедрые другим награды.

Тебе, как прежнему некогда товарищу, сообщаю я, как понимаю происшествия; разумеется, говоря о войне вне пределов наших. Я очень был доволен решительностью князя Бебутова, когда оттолкнул он нагло ворвавшихся в наши границы турок при малых тогда его средствах[1]. Я многих лучше оценил важность случая. Ничтожно дело при Ацхуре[2], но разумею его зародышем важнейших. Я восхищался победою князя Андроникова[3], с которою, конечно, сравниться не могут первые действия князя Бебутова, особенно взявши в рассуждение, что у него войска кавказские были не в большем количестве, а прочие новые, неизвестные. Последняя князя Бебутова победа к стороне Карса[4] есть блистательная и комплектная; достоинство ее, думаю, можно справедливо определить следующим образом: от дела при Асландузе *незабвенного Котляревского*[5] до нынешнего последнего все в промежутке сего времени военные действия изгладятся из памяти людей, как ничтожные мелочи. Важны были сделанные приобретения, отодвинувшие пределы наши; но славы для оружия нашего не было равной. Великому полководцу нашему можно несколько похвастать Елисаветпольским сражением[6], особливо когда главнейшие деятели уже не существуют — Вельяминов и князь Мадатов. Но какую артиллерию имел неприятель, и сколько взято у него пушек?

Вторительно поздравляю тебя и от всей души с блистательными событиями.

Разные неприятные были слухи насчет твоего здоровья, и скорый проезд здесь твоего князя умножил опасения; но с некоторого времени прекратилась молва, и все успокоились.

Представь ее светлости княгине мое совершенное почтение и желание провести весело приближающиеся праздники. Теперь побуждения к веселости во всем краю!

Не полагаю, чтобы Шамилю было радостно.

Всею душою преданный *Ермолов*.

P. S. Не менее трех недель слух в Москве и уже дошедший до Петербурга, что адъютант твой Ермолов на возвратном пути из командировки взят в плен[7].

Судя по времени он мог бы возвратиться. Давно писал я М. П. Щербинину, ответа не имею, а слухи умножаются.

Неужели бы никто не уведомил меня.

РГАДА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 297–298

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 5 августа 1854

Почтенный князь Василий Осипович. Письмо это представит тебе сын[1] Павла Ивановича Петрова, давнего сослуживца нашего и тебе хорошо знакомого.

Затруднительно было принять его в службу, как ты писал мне прежде, но теперь он имеет увольнение и полное право располагать собою, удовлетворяя желанию войти в военную службу. Благоразумно поступил отец, не противореча ему, и кто может угадывать предназначение человека? Быть может, это есть призвание и путь, ему указываемый судьбою. Жаль если поврежденная нога будет ему затруднением, но в ней боли он не чувствует и удобно может действовать верхом. Тебе, почтенный князь, как могущественному начальнику, легко пристроить его при себе, ибо войска все, разящие врагов наших, в твоем распоряжении[2]. Дай ему случай удовлетворить нетерпению схватиться с ними.

Давно носятся здесь слухи о важной победе, тобою одержанной. Не может быть, чтобы не случилось чего-нибудь подобного. В победе все уверены, один я сомневающийся, чтобы турки имели глупость желать с тобою встретиться, разве в оправдание слов Наполеона I: «ces misérables trouvent toujours le moyen de se faire battre»*.

Какая была надобность искать срама при Баязете?[3] Не лучше ли было оставить его, не имевши средств защитить его?

По слухам не слишком грозны были ополчения Врангеля[4]. Нельзя не дать некоторого сожаления несчастным глупцам, которых ведет на гибель разная сволочь европейская. И против тебя направился один мерзавец венгерский, подкрашенный именем французским (Guyon)[5]. Пристукай эту гнусную каналью, искусно доселе скрывающуюся.

Не нравится мне Батум, особенно если в нем будут европейцы. Оттуда не одной можно ожидать мерзости, а у разбойников притон безопасный…

Согласно с мнением Панглоса[6], скажу: «Все прекрасно в наилучшем мире!»

В мои лета немногим дано рассуждать, а мне и бредить позволительно.

Прощай, любезный князь, желаю вам всего по сердцу вашему. Искренно уважающий *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 446–447

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 10 августа 1854

Всегда прося тебя за кого-нибудь, я говорю, если знаю его лично, или из отношения людей, коротко мне знакомых. Теперь пишу я о капитане Казначееве[1],

---

* Эти бедолаги всегда находят способ дать себя разбить (*фр.*).

служащем в 8-м инженерном округе корпуса путей сообщения на Кавказе. Желание молодого человека быть в действующих войсках и со временем выйти из инженеров. При войсках, командуемых тобою, такой офицер может быть тебе надобным. Всех легче ты можешь потребовать его в твой штаб и употребить его. Он должен разуметь свое дело, ибо занимает место помощника начальника 1 отделения. О нем просил меня написать тебе, по совету графа Закревского, отец его[2], долго бывший губернатором таврическим, после — градоначальником в Одессе, давний адъютант кн. Михаила Семеновича, которому ты сделаешь, конечно, большое весьма удовольствие. Если бы не отсутствие последнего, я верно не был бы избран ходатаем.

Вчера возвратился из-за границы мой Виктор; в Карлсбаде пред самым отъездом, он видел кн[язя] Михаила Семеновича, которого здоровье чрезвычайно поправилось и он уверен еще в большем улучшении, особенно после морских ванн. О возвращении его на Кавказ он ничего не говорил, но я уверен, что он с ним не расстанется, и не так трудно будет склонить его к тому и у кого в руках приманка. Октябрь многое объяснит!

Прощай. Да будет Божие благословение на успех! Совершенно почитающий *Ермолов*.

P. S. Клавдия моего князь трактует весьма милостиво, а по службе он немало потерять может. Спасибо графу Орлову[3], что доставил ему чин, как я узнал впоследствии. Многие у князя воспользовались милостями, один Клавдий переведен в гвардию с понижением чина. Особенного рода благосклонное внимание!

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 447–448

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 19 августа 1854

Почтенный Василий Осипович. В бытность на короткое время в Орле, полученное письмо твое с реляцией о последней победе, тобою одержанной, дождалось моего возвращения, но уже в Орле были газеты, возвестившие о ней[1].Известно было также о награде, всемилостивейше тебе пожалованной, во всяком случае, чрезвычайно лестной, в чине генерал-лейтенанта едва ли бывалой[2]! От всей души поздравляю тебя с нею. Нет сомнения, что она произведет много завиствующих; но любя находить хорошую во всем сторону, уверен я, что будет служить побуждением к предприятиям, которые в продолжении довольно [долгого] времени не имели места. Жду хороших последствий, лишь бы пояснились обстоятельства и предательская политика не отсрочивала действий, на которые, как видно, неохотно решаются злобные противники. Впрочем, невозможно сделать ужасных издержек, не имевши обдуманного намерения. Англия прибегла к займу[3]; Франция его уже повторила[4]. Итак, готовься, любезный князь, дать не один еще урок несчастным туркам, которых англичане провождают на убой, умевши уверить глупцов [в] сражении, что они регулярные войска, могущие противустать победоносным армиям.

Недавно писал я тебе, прося отколотить венгерского мерзавца, подкрашенного французским именем Guyon, который играл важную роль в азиатско-турецкой армии, но как теперь видно, он ускользнул от тебя, о чем жалею чрезвычайно. Впрочем, не теряю надежды, что попадется.

Недавно возвратился из-за границы мой Виктор, видел в Карлсбаде кн[язя] Михаила Семеновича, которого здоровье чрезвычайно поправилось[5]. После вод в Шлангенбаде и купанья в Остенде он без сомнения будет молодцом и возвратится в свои великолепные поместья Киевской губернии, вероятно, на короткое время.

Жаль мне очень, что князь ничего не сделал, что обещал мне. Сопровождает его Клавдий, один из множества разнородных его адъютантов, и должен потерять по службе больше всех, и чего князь, при всем могуществе, не в состоянии будет вознаградить ему. Князь писал мне, что возвратит его к войскам, предводительствуемым Вами, прежде, нежели начнут действия весною. Я благодарил князя за доставленную ему честь проводить его, и мне казалось удивительным, что ни один из адъютантов, несравненно более облагодетельствованных, не почел обязанностию того сделать. Выезд князя, не переставшего быть могущественным начальником, похож был на мой выезд, примечательный по роду своему. Итак, если продолжится война и турки не избегнут участи быть всегда битыми, позвольте мне надеяться, что мой Клавдий будет иметь честь находиться при Вас, как то, любезный князь, Вы прежде сами мне обещали. Желаю Вам продолжения блистательных Ваших успехов во славу царя нашего и победоносного его оружия. Искренно уважающий *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 448–449

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 8 ноября 1854

Получил письмо Ваше, почтенный князь Василий Осипович, от 6 октября, необычайно долго бывшее в пути и тем для меня досаднее, что умедлена искренняя благодарность моя за внимание, обращенное Вами на все мои просьбы. Я уверен, что нелегко отказать Вам, если пожелаете иметь при Вашем корпусе инженера путей сообщения Казначеева. Вы сделаете милость молодому Петрову и величайшее одолжение отцу его, если пристроите его к себе. (Это собственные слова Ваши.)

Не без робости наношу перо, решаясь назвать по-прежнему собственностью Андреевского кавалера. Никто не вправе воспретить мне некоторое чувство гордости. Это, конечно, единственный случай, могущий возбудить завидующих мне.

Совсем неожиданным образом узнал я, что князь Михаил Семенович просил настоятельно об увольнении его от занимаемых им должностей. С письмом Императору был Клавдий прислан в Петербург и возвратился в Дрезден с высочайшим рескриптом, весьма милостивым. Должно быть, здоровье князя сильно расстроено, что он решился это сделать. Много потерял Клавдий, его сопровождая, и зачем мог он быть ему надобным? Он писал мне, что прибыв в деревню, его отпустит, и что он возвратится прежде начатия военных

действий; что Вас просил он взять его к себе. Вы до возвращения Клавдия из Персии мне писали, что возьмете его как известного Вам и к которому Вы милостиво были всегда расположены. Я, однако же, благодарил князя. Вышло все иначе, и Клавдий потерял чрезвычайно много. Теперь не знаю, что с ним будет, разве будет он так счастлив, что попадет в батарею, находящуюся в Вашем корпусе. Для этого довольно одного слова Вашего генералу Бриммеру[1]. Впрочем, любезный князь, Вы лучше меня знаете, что из него сделать и да будет по воле Вашей. Я жалел бы и о постороннем человеке, так неудачно служившем при его светлости. Неужели всех вообще адъютантов был он хуже; один из всех переведенный в гвардию с уменьшением чина? Благодаря графу Орлову, это поправлено, но князю отнюдь не принадлежит моя благодарность. Может быть, теперь вспомнит князь, несколько со мною поравнявшись! Прощайте, почтенный князь, да благословит вас Бог на продолжение славного служения Вашего отечеству и Царю. Душевно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 449–450

А. А. ЗАКРЕВСКОМУ

[Москва], февраль 1855

Почтеннейший граф Арсений Андреевич!

Благодарю Вас покорно за сообщение мнения Вашего по предмету настоящих выборов и со всею откровенностию отвечаю Вам. Не знаю, можно ли избрать меня по носимому мною званию, но если я буду удостоен избрания московского дворянства, я не должен уклоняться от службы наравне с каждым дворянином, не имея пред лицом закона никаких особенных прав и не давая места суждению, еще менее негодованию, если б даже не утвержден был в звании начальника губернского ополчения, в каковое я могу быть избран[1]. Легче всего могут найтись люди достойнейшие и не в праздности дождавшиеся престарелых моих лет. 24 года, вошед в службу по приказанию, я не был употреблен на службу деятельную и в теперешнем случае немало не удивлюсь и не приму к сердцу, если как и прежде, не признан буду за годного. Впрочем, благодаря Бога, я доволен совершенно моим положением, ничего не желаю и, конечно, искать не буду.

Вот моя исповедь почтеннейшему графу и никому другому не скажу иначе.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГИА Ф. 660. Оп. 1. Д. 113. Л. 85. Копия

П. Х. ГРАББЕ

*Москва, 9 апреля 1855**

Его превосходительству Павлу Христофоровичу Граббе в собственные руки.

Поздравляю почтенного Павла Христофоровича, друга моего, с производством в чин[1]. Не есть ли это, наконец, хоть опоздалая усмешка давно неблаго-

---

* Помета П. Х. Граббе: «Копия снята. 9 апр[еля] 1855. От А. Ермолова».

приятствовавшего счастья? Все-таки лучше, хоть не столько радовать должно как прошедшее вовремя. Меня оно утешило, как средство расширить сферу действия и поставить наряду с великими нашего времени, которым не уподобиться от тебя совершенно зависит. Благодаря могущественному фельдмаршалу он хочет быть единственным и в равный с собою чин никого не пускать, следовательно, старшего над собой ты иметь не будешь. Вот мои соображения, но существует сила партий, а происков без конца! Это на твое искусство, любезный Граббе, впрочем, может быть, место и прямоте действия. Мои желания за доброго моего друга. Никогда не забуду последнего письма твоего, которое меня, старика, тронуло чрезвычайно.

Письмо мое представит тебе сын покойного брата моего известного *Дениса Давыдова*, знаю, что ты готов сделать ему, что возможно по справедливости. Но мне отвечать будешь, если он, имеющий имя Ахилл[2], ранен будет иначе как в пятку. Ты найдешь в нем офицера отменно учтивого, которого болезнь заставила жить за границею долго, но не бесполезно!

Прощай, лучше всего прошу Божия тебе благословения.

Душевно уважающий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 34

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 19 апреля 1855

Почтенный Николай Николаевич.

Хотел сообщить тебе о главнейших наградах вчерашнего дня, но приказы на мое имя как человека, не имеющего должности, доходят поздно, и до того известны мне одни слухи. Говорят, что из значительных назначений г[енерал]-адъютант граф Александр Строганов на место Анненкова[1] генерал-губернатор в Новороссийский край…*, а прежнего генерала контролером на место Кушелева-Безбородки[2].

Сделано два или три генерал-адъютанта, несколько генералов произведены в свиту и назначено довольно много флигель-адъютантов. Видно, что по-прежнему признаются они людьми необходимыми для наставления генералов в их обязанностях, а за главнейшими из них, начальствующими важными частями, быть шпионами. Натурально подобную должность отправляю из чести. Были слухи о двух фельдмаршалах Чернышеве и Воронцове. Некоторые вместо их производили Меншикова и Горчакова, вознося до небес сего последнего и ни с кем не сравнивая.

Если бы великий полководец князь Ерихонский увидел кого-нибудь в одном с ним чине, это было бы окончательным для него ударом. Впрочем, здесь есть недавно приехавший из Варшавы восхваляющий умственные способности светлейшего[3] и только заметивший некоторое изменение физических сил.

В Петербурге, конечно, не во дворце, молва не в пользу великого!

Все рассказал тебе и легко, быть может, весьма мало основательного. Теперь поговорю и о тебе, почтенный Николай Николаевич. Ты, конечно, столько же уверен, что человек, подобно тебе, занимающий высокое место в государ-

---

* Помета на полях копии карандашом: «Неразборчивое имя…».

стве и обличенный властию, должен иметь завистников и ожидать от них интриг [и] пакостей. Теперь выезжающие из Грузии люди, тобою не удерживаемые, конечно, не хвалят тебя, лишась жизни без всякого труда и даром получаемого хорошего содержания. Есть и другого рода нерасположенные, которые хотя и служат с тобою, но с ними не то обращение, которое издавна приучило их мечтать, что они люди превосходные и, может быть, трудно заменяемые.

До меня дошли слухи, что командующий во Владикавказе генерал барон Вревский[4] недоволен сделанным ему приемом, а, быть может, и замечаниями. А за него голоса готовы. Уверен, что тебя не заставит это оказывать незаслуженное уважение. Так и я поступил некогда и безбоязненно.

Не слыхивал никогда и не подозревал о существовании генерала Мусницкого[5]. Находят, что неудобно заменить генерала барона Врангеля[6] чиновником, не имеющим понятия о стране и ее народе.

Не вмешиваюсь в рассуждения о делах, до меня не принадлежащих и, не имея данных, не позволю себе иметь какое-либо мнение. Хотел только довести до тебя молву.

Мало в стране твоей осталось людей, мною знаемых, и потому потерю прежних пополняю я новыми знакомыми. Из них не менее 15 лет хорошо знаю я генерал-майора Волкова[7] и очень люблю отлично служившего офицера, которого заслоняли подлые происки и интриги могущественные при слабом твоем предместнике. Дай ему занятия, приличные его способностям, а в усердии и пламенной доброй воле недостатка не будет!

Ни одного не имел я от тебя письма иначе как твоей руки. Последнее и единственное с малою в конце припискою. Одному Золотареву[8] прочитал я его, когда он сообщил мне содержание письма сего, полученное им из Тифлиса, весьма разнящегося в смысле, и мне сказывали, что есть уже в Петербурге, может быть злонамеренно составленные списки. Трогательно для меня письмо твое, и я его сохраню до смерти. Но мое теперешнее сожги, сделай дружбу! Сделай, однако же, соображение как составлен список неизвестной бумаги, кроме одному писавшему ее. Это предостережение я обязан поставить на вид.

Прощай, да благословит тебя Бог!

Душевно любящий *Ермолов*.

Венские конференции ничего не произвели и, кажется, приостановились. Это одного Государя не встре[…]*

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17 об. Копия

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 8 июля 1855

Почтенный князь Василий Осипович. Знаю, что у Вас мало свободного времени, но столько можно найти, чтобы сказать несколько слов о себе. О происшествиях важных и только с Вашей стороны радостных мы читаем в журналах. Вам сообщить новостей не имел и не мог бы, ибо третий месяц больному мне редко позволяют видеть кого-нибудь, а писал не иначе как иероглифами.

---

* В этом месте письмо обрывается.

Молва не щадила меня, разбивала меня параличом и не раз хоронила. Мне ни разу в жизни не случилось завидовать старику 78 лет. Известные знаменитости наши прежних времен, сколько может обнимать память моя, не доживали столько поздних лет. В число таковых не включал я фельдмаршалов князя Прозоровского[1] и графа Гудовича; равно не включаю ныне существующего, в этом высоком сане единственного, который, кажется, не грозит уже врагам нашим.

Недавно видел я генерал-майора Петрова, отличного офицера, служившего при мне на Кавказской линии и после начальником штаба Алек[сея] Александр[овича] Вельяминова. Не могу выразить вам, сколько признателен он за милостивое внимание Ваше к его сыну, пошедшему в военную службу из титулярного советника в Нижегородский драгунский полк юнкером. Продолжите ему Ваше покровительство и замолвите слово кн[язю] Дондукову-Корсакову. Он достоин этого. Я хорошо знаю его и давно.

Письмо мое представит вам знакомый полковник Арцруни. Не имея обстоятельных сведений о потере его от пожара его караван-сарая, почитает ее значительною и поспешает лично в том удостовериться, ибо в том заключается главнейшая часть его доходов. Мне легко ходатайствовать за него перед Вами, ибо ничего другого не просит он, кроме законной защиты и справедливости, а в управлении Вашем иначе это быть не может. Прежде был слух, что сгорели все старые ряды, и тогда он подвергся бы общему бедствию, но я не вижу причины сделать ему предпочтение перед другими и сжечь его одного. Здесь подозревали поджог, но по слухам из Тифлиса его нет: знают про то пиршие.

Я понемногу поправляюсь, на даче выстроил себе клетку темную, куда не впускаю мух, следовательно, удалил от себя ближайших знакомых; укрываюсь от жару и живу благополучно. Все хорошо, а там что будет — вольны боги! (Из Дениса Давыдова[2].)

Прощайте, любезный князь Василий Осипович, да счастие сопровождает Вас по желанию вашему! Искренно уважающий *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 450–451

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 19 сентября 1855

Очень рад был, получивши письмо Ваше, почтенный князь Василий Осипович, от 26 августа. Не подумайте, чтобы упрекал Вас, что редко пишете. Знаю, что у Вас мало, а может быть, и совсем нет свободного времени и потому довольствуюсь расспросами у приезжих с Кавказа. Первые слова об Вас, ибо нет у меня более короткого знакомого, и отзывы вообще самые приятные. Затем весьма уже мало осталось людей, кому я известен. Военные дела Ваши идут хорошо, сколько известно мне из официальных бумаг, ибо Николаю Николаевичу[1] также некогда писать. Жаль, что позднее время года в той местности большим будет препятствием.

Иностранные газеты напускают на него Омара-пашу с турецкими войсками, находящимися в Крыму[2], чему я не верю, ибо сомнительно, чтобы решился он на то с гнусными его войсками, которых союзники, при осаде Севастополя, употребляли, как вьючный скот. Сам же Омар-паша выказал себя с начала

войны хитрейшим и искуснейшим генералом всех сражающихся армий, не исключая великого и единственного российского фельдмаршала[3]. Силистрия, кажется, заключила знаменитые его подвиги.

Теперь Вы знаете уже все подробности об оставлении Севастополя. На днях ожидаем обстоятельное донесение о последнем штурме, и потере нашей, которая, конечно, не выше третьей доли того, что потеряли союзники.

Из всего видно, что в Петербурге предупреждены были об оставлении Севастополя, и это объясняется тем, что 15 числа мост на северную сторону был построен и освящен, а 27 числа отражен был штурм. Для нас было это происшествием внезапным и всех до того поразившим, что мы не могли понять хитрого соображения главнокомандующего[4], и неприятель почти два дня не осмелился войти в город, боясь найти себя минированным. Совсем нет, и даже Корнилова редут, главный пункт, на который устремлены были все усилия, не нашел он нужным минировать. Жестоко обманут был неприятель, и мы отступление признаем за высокое весьма соображение военное. Я по старости лет моих многого уже не разумею. Надеются, что князю Горчакову продолжено будет командование.

Скажу как малороссиянин: знают про то пиршие!

Благодарю, любезный князь Василий Осипович, за уведомление о Клавдии. Истребляет бедного моего Клавдия жестокая болезнь его. Сближается холодное время, в возвышенностях Карса чувствительное.

Скажу о себе: четыре уже месяца продолжается три раза возобновлявшаяся лихорадка. Она оставила меня наконец, но с такою слабостию в ногах, что по комнате не мог я ходить без пособия, о лестницах же и помышлять не смел, почему и не имел счастия видеть Государя.

Маршрут его был на Варшаву, но здесь переменили направление на Николаев. Какие предначертаны будут действия князю Горчакову, никому неизвестно. Пелиссье[5], новый маршал, перевозя войска в Евпаторию, кажется, не хочет быть праздным и жаждет славы сразиться с знаменитым противником школы высокой нашего и других государств фельдмаршала. Прощай, почтенный князь, некогда сослуживец. В чувствах моих уверения излишни. Искренно преданный *Ермолов*.

Благодарю за юнкера Петрова, и что поручил его покровительству князя Дондукова-Корсакова.

P. S. Примите, почтенный князь, мою покорнейшую просьбу позволить мне письма мои к Клавдию адресовать в ваш штаб. С этою почтою есть уже такое письмо, которое прикажите себе представить. Другого средства доставлять я не имею.

Ермолов

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 451–453

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 6 октября 1855

Почтенный князь Василий Осипович. Из малого числа оставшихся на Кавказе знающих меня ни к кому кроме Вас, некогда мне близкому по службе, не обращусь я с большею уверенностию, что просьба старика не будет оставлена

без внимания. Это предисловие не повторится уже более и впредь, любезному князю Василию Осиповичу буду я просто объяснять просьбы мои.

Дело вот в чем: мне нужно пересылать деньги на содержание Клавдия, и я часто весьма не знаю места его пребывания в кочующей его жизни, которой и чрезвычайно рад, ибо знакомит его с краем и делами. Эта фигура пользовалась некогда Вашим особенным благоволением, во время командования Вашего в Дагестане. Случается также доставлять деньги живущей в селении Гили дочери моей Софии[1], что Вы, любезный князь, не раз делали в одолжение меня.

Вскоре поверенный мануфактур-советника г[осподи]на Ананова представит Вам кредитными билетами 600 руб[лей] для Клавдия и особенно 500 руб[лей] для Софии с матерью. Прикажите отослать их и написать генерал-лейтенанту князю Орбелиани[2], чтобы доставил Софии 300 р[ублей], а 200 руб[лей] матери. Я сам буду писать ему, если только дойдет письмо. Я любил этого вождя, знавши его в полку у покойного брата Петра Николаевича подпрапорщиком под именем Гриши. Затруднительно сношение с ним и потому решился Вас беспокоить. Начинаю, очевидно, поправляться после продолжительной и опасной болезни моей, угрожавшей тифом, но во время пребывания здесь Государя не имел сил представиться ему и не видел.

Прощайте, почтенный князь; желаю все по сердцу Вашему. Искренно уважающий *Ермолов*.

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 453–454

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 12 декабря 1855

Почтенный Николай Николаевич!

Рад я чрезвычайно, поздравляя тебя с наградой[1], достойною заслуг и трудов твоих, и сдача Карса не могла произойти в лучшее время, почему и принята со всеобщею радостию. Это начало великих успехов и случиться иначе не может.

Весною знаменитость Омер-паша соберет огромные толпы под знамена, но войска гнусного новобранного. Турки в прежних битвах умели растерять лучшие свои регулярные войска. Будет у них разнородная европейская сволочь, но едва ли французы и англичане решатся отдалиться от берегов, насмотрясь на бестолковщину турецкой администрации. С кавказскими славными войсками и в таком числе можешь начать весеннюю кампанию, ты с торжеством пройдешь, куда вознамеришься. В сражении при Кюрюк-Дара начальствовал немогущественный главнокомандующий[2]!

До самого донесения твоего о Карсе мы полагали главным защитников его англичанина Виллиамса[3], но для украшения триумфа стеклись и начальствующий Анатолийской армией и с ним восемь пашей. Как эти скоты умели попасть в западню? Это по справедливости не могло не придать важности приобретенному успеху.

А знаешь ли ты, любезный Николай Николаевич, сколько важную ты держишь победу над завистниками, которые готовы были вредить тебе.

Запомни, что я писал тебе, что никто этого сделать не может, и теперь видишь несумненное доказательство.

Вот настоящее время дать Шамилю надежду на великодушие правительства и что покорность его вознаграждена может быть правом наследия и другими выгодами. Разве нет у нас шамхала, да еще и глупого!

Ты говорил со мною в Москве, но не откровенно, и я настоящих мыслей моих не сообщил, припомня, что всякий барон может иметь свою фантазию. Я возражал даже единственно потому, что неприличествовало в то время вступать в сношение, что могло быть принято опасением с нашей стороны. Он, конечно, не афинянин, néanmoins à sa barbe* покорен Карс и совсем другой голос победителя.

Выжидал достоверного известия и потому не мог ранее поздравить тебя, что, впрочем, не мешает мне быть обрадованным в высшей степени.

Теперь обращаюсь с просьбой, исполнение которой приму благодеянием старику моих лет. Знаю от проезжающих с Кавказа сослуживцев моего Клавдия, что часто весьма возобновляется серьезная болезнь его, требующая внимательного и несколько продолжительного лечения. Главнокомандующему нетрудно найти возможность дать средство адъютанту своему пробыть в Москве два месяца, исключая проезда, я займусь его врачеванием, и ни шагу со двора. Не возможно ли под видом поручения, чтобы не показывалось отпуском? Я уверен, что иначе он погибнет.

Спаси его для старика отца!

Прощай! Да благословит Бог труды твои и службу, полезную государю и отечеству.

Душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–23. Копия

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

Москва, 4 января 1856

Почтенный Николай Николаевич!

Знаю, что если бы была возможность, ты смирил бы гнусные снеговые обвалы твоей страны, прерывавшие сообщение до того, что разом обрушились на нас четыре почты. Столько же времени, конечно, и наши письма были задержаны, и мое весьма нужное, о котором упомянуто ниже.

Читая иностранные журналы, ты, конечно, удивишься, что английские тебя не раздирают, хотя не скрывают, что взятием Карса прямо попал им в спину. Не порадует их и бедственное положение Омер-паши, спасающегося постыдным бегством. Одно утешение могут находить англичане в прочности союза с Наполеоном[1], который обнаруживши их бессилие, уничтоживши их армию, не обращая внимание на успехи оружия нашего в Азиятской Турции, высказывает нежное чувство участия сожалением, что падение Карса должно быть им очень неприятным и вредить их выгодам, это слышали в его разговорах.

---

* Тем не менее его бороде (*фр.*).

Приветствия и уверения в дружбе взаимны, но хитрые англичане не в крови корсиканской могут отыскивать забвение Ватерлоо и Св[ятой] Елены[2].

О перемещении значительных лиц ты лучше меня знаешь и без всякого сумнения гораздо обстоятельнее об рассуждениях относительно возможности мира. Мне никто не противоречит в том, что я давно уже не способен размышлять, и когда случается мне говорить, я ссылаюсь на чутье животного.

В первых числах прошедшего декабря просил я у тебя как благодеяния отпустить в отпуск моего Клавдия под видом поручения по службе, рассуждая, что всего легче может это сделать главнокомандующий адъютанту.

Мое желание, чтобы не менее двух месяцев мог он лечиться не выходя из комнаты и не числясь в отпуску. Доктор Иноземцев[3], пользовавший его, слышал, что он не раз был тяжело болен, находит необходимым, чтобы он лечился в продолжение зимы, свободный от занятий по службе. Он и прежде заметил повреждение у него печени. Я ни слова не писал ему об этом, поверивши слухам, что он послан тобою в Менгрелию, что впоследствии не оправдалось.

Сделай милость, ускори его увольнением. Искренно уважающий *Ермолов*.

РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об. Копия

Р. И. ФОН ДЕР ХОВЕНУ

Москва, 7 января 1856

Почтенный Роман Иванович, Николушка[1] похвастал мне милостивым Вашим к нему вниманием, в чем я не сомневался, и порадовал меня состоянием Вашего здоровья, чего от души желаю и нахожу нужным, чувствуя то по самому себе. Вспомнил, сколько лет употребляли мы, живши в Осоргине, поздравительную формулу с Новым годом, прося Бога, чтобы он был не лучше прошедшего; тоже сделал я и теперешний раз, и, конечно, формула не бывала употреблена приличнейшим образом. Не опровергаю мнения о стариках, что они живут воспоминаниями, и потому прошедший год назову *незабвенным*...

Искренно преданный *Ермолов*.

Русская старина. 1876. Т. 17. С. 250

В. О. БЕБУТОВУ

[Осоргино], 28 июня 1856

Почтенный князь Василий Осипович. Глаз мой поправляется, но не помогает здоровому, и потому не могу продолжать сам.

Искренно благодарю за приведение в порядок дел больного моего Клавдия. Из штаба доставлена ему бумага, свидетельствующая, что ему дано поручение и до исполнения его он должен оставаться в Москве; доставлено также и жалованье. Сомнение мое в благосклонном взгляде на Клавдия происходило от того, что сам Николай Николаевич[1] писал мне, что он, не сказавши ему ни слова, искал переменить службу. Этого не было ни в моем, ни в его помышлении, но увидел я необходимость внимательного и продолжительного лечения

в другом климате по приговору докторов, и я искал поместить его при генерале неподвижном, каковым был князь Меншиков, и Клавдий мог лечиться здесь под моими глазами. Напрасно приписывают Клавдию разглашения на счет его начальника: это не в его правилах, когда он молчал даже о князе Воронцове. Многих видел я проезжих с Кавказа, были между ними и не воспевавшие хвалебных песней, чего не слыхивал я от Клавдия. Итак, не могу не жалеть, если Николай Николаевич не благоволит к нему, но в этом будет не много справедливости. Меня уведомлял Николай Николаевич, что он надеется быть на коронации[2]. Михаил Николаевич[3] ничем не пояснил сделанные мною ему вопросы и даже о приглашении брата его на коронацию. Ожидаю, почтенный князь, и вас видеть в Москве во время торжеств коронации; мирное повсюду состояние, вероятно, не положит тому препятствия, и мне приятно будет видеть давнего сослуживца в сонме отличных мужей нынешнего времени. Вашим успехам многие из них справедливо позавидуют. Обремененных победами, кажется, не будет; впрочем, я мало что знаю и едва ли не столько же мало понимаю по старости лет моих.

Здесь пронесся слух, что Карс взорван, прикажи меня о том уведомить.

Прощай, любезнейший князь, желаю от души всего тебе лучшего.

Преданный *Ермолов*

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 454–455

П. Х. ГРАББЕ

Москва, 9 октября 1856

Итак, почтенный Павел Христофорович, ты попал на службу прежней твоей жизни мыслителя, книги и перо в твоем распоряжении[1]. В прежнем для отдохновения имеешь спутниками Егеря и Пажа, теперь же и самого Кавалергарда по временам, ежели есть свободная минута. Все милое семейство вкруг тебя и вид счастливого отца не есть зрелище обычное[2].

По совету твоему посылаю при сем на память Арк[адию] Павловичу Никитину[3] ничтожный подарок и, конечно, невозможно придумать лучше сигарницы с принадлежными к ней безделками. Жалею, что portemonnaie* доселе по размеру состояния искусного художника. Я присоединил моей руки записочку, которую прошу принять по-приятельски.

Хотелось очень иметь более, но нет дома помощника моего, которому продиктовал бы я половину письма и лучше употребил бы другую, теперь же глаза в отсутствии и не без затруднения пишу о пустяках. Это выгодно в отношении к другим, на кореспонденцию претендовать не могу. Для тебя же сохраняется остаток способности.

Прощай!

Искренне душевно преданный *Ермолов*.

РГВИА Ф. 62. Оп. 1. Д. 31. Л. 35

---

* Бумажник (*нем.*).

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], февраль 1857

Давно должен я был благодарить Вас, почтенный князь Василий Осипович, за присланный журнал «Кавказ»[1], но несвободный почерк руки изобличает, что не вполне помогает мне глаз, и я берусь за перо не без труда. Впрочем, Вы собирались быть в Петербурге, и я ожидал проезда чрез Москву перед Новым годом. Вышло, к сожалению, не так, но немалою радостию для меня поправил это первый день года производством Вас в полные генералы с сохранением должностей, не разлучающих Вас с родиной[2].

Теперь, благодаря Вам, есть у меня и Кавказский календарь и с ним приятное известие о помолвке дочери Вашей с полковником Гуриели[3]. Бывши здесь на коронации, он два раза посетил меня, и с ним был молодой человек Накашидзе[4]. Не в приветствии Вам скажу по истине, что он чрезвычайно понравился, что нетрудно было ему заметить по моему с ним обращению. Помню даже его весьма интересную наружность и манеры европейца. Это все нелишнее, и могу поздравить княгиню с выбором семьянина. Я уверен, что и она затруднилась бы назвать мне другого подобного. Помню, как я был на ее свадьбе, и утешаю себя воображением, что присутствую на свадьбе дочери, желая всех благ счастливым родителям.

Едва успел кончить; нанизываю, как бисер, каждую из букв.

Прощайте, любезный князь; да сопровождают Вас все блага. Искренно почитающий *Ермолов.*

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 455

К. В. ЧЕВКИНУ[1]

Москва, 8 августа 1857

Милостивый государь Константин Владимирович!

Немногие весьма из особ в высших государственных должностях почитают меня за нечто еще существующее. Ваше высокопревосходительство обращаете благосклонное внимание даже к просьбам моим, а письмом, в особенности для меня лестным, известить меня изволили об определении к месту часовых дел ученого* художника г[осподина] Носова[2]. Надеюсь, что он рачительно исполнит назначение свое, имея в помощь родных братьев, искусных в ремесле своем. Вы сами определите, сколько я должен быть благодарен, и не откажите мне в уверенности, что быть им умею.

С отличным уважением и постоянной преданностью, имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

Русская старина. 1887. Т. 55. С. 4

---

* Так в оригинале.

В. О. БЕБУТОВУ

[Москва], 24 ноября 1857

Часто имею об Вас, почтенный князь Василий Осипович, известия, расспрашивая проезжих и от живущих здесь, имеющих сношения. Сам давно не писал, не находя приятным уведомление о болезни старика, переступившего уже за половину 80-го года. Ноги мои в явном неповиновении, но осталось еще нечто похожее на человека. Простой мужик возвратил зрение глазу, пораженному в нерв ударом, силою удивительного магнетизма. Предо мною была стена, обтянутая черным, и тусклый свет оскорблял больной глаз, теперь не без затруднения, но вот, сколько написать мог.

Прощайте, любезный князь; будете здоровы, и желаю Вам всего наилучшего. Искренно уважающий *Ермолов*.

P. S. С 1-го января подпишитесь именем моим на журнал «Кавказ».

Русская старина. 1872. Т. 5. С. 455–456.

А. Е. ВРАНГЕЛЮ[1]

Москва, 2 августа 1859

Примите совершенную благодарность мою за письмо, которое Вы изволили писать ко мне. Вам объяснила дочь моя Софья желание свое приехать ко мне с сыном ее[2]. Это почитаю я ненадобным, ибо по летам моим она может не найти уже меня и будет здесь иностранкою. Братья ее, которых она видела во время служения их на Кавказе, также редко здесь бывают и только проездом. Она меня ни знать, ни помнить не может, ибо удален бывши с Кавказа в 1827 году, я оставил ее при матери двух лет возраста, и с намерением в мусульманском законе, чтобы могла вступить в замужество за туземца. Софье и ее матери доставлю я вскоре вспомоществование денежное, по их положению достаточное и моим средствам соразмерное. Превратя в капитал, все имущество после кончины отца я отдал четырем сыновьям моим. Всем служителям дал свободу и ни одного собственного человека не имею. С особенною благосклонностью принявши участие в обстоятельствах, до меня собственно относящихся, Ваше превосходительство дали мне смелость представить следующую покорнейшую просьбу: [когда] от г[осподина] коммерции советника Амонова доставлена будет сумма денег (звонкою монетою) для дочери моей и ее матери на имя Ваше, сделать чувствительное одолжение — приказать верным образом передать в руки дочери моей. Вас, почтенный барон, по здешним слухам, полагаю я участвующим в огромной предпринятой в горы экспедиции[3].

С отличным уважением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

Исторический вестник. 1885. Т. 22. С. 782

Р. А. ФАДЕЕВУ[1]

Москва, 15 февраля 1860

Милостивый государь Ростислав Андреевич.

Письмо и при нем книгу, Вами сочиненную, под заглавием «Шестьдесят лет Кавказской войны», я получил и почитаю приятным долгом принести Вам совершенную мою благодарность. В кратких очерках Вы определили происхождение племен Кавказа, но для того глубокие изыскания были необходимы, и я, служивший на Кавказе десять с половиною лет, почерпнул немалые сведения. Коснувшись этого времени, Вы, сколько возможно, удаляли от меня обвинения в ограниченности результатов, измерив недостаток средств, от меня зависевших. Любопытно мне развитие мюридизма, которого начало г[осподин] Прушановский[2] необдуманно и без исследования отнес к моему времени, когда после уже удаления моего в 1827 году появился первый имам Кази-Мулла.

С замечательной отчетливостию и равной степени ясностию изложены обстоятельства последних военных действий. Взятие в плен Шамиля, покорение многолюдного народонаселения, упорно враждебного; согласованное соединение войск, разделенных препятствиями, требовавшими для преодоления их неимоверных усилий; огромная масса двинутых всякого рода припасов, обеспечивших продовольствие, должны были уступить обширному общему плану, многосложным и глубоким соображениям, и генерал-фельдмаршал князь Барятинский увенчал успех блистательною славою и пользою отечеству беспредельною.

Повторив признательность мою за подаренную мне книгу, я прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть. Милостивого государя покорнейший слуга, *Алексей Ермолов*.

P. S. При книге карты театра войны не находилось.

РГИА Ф. 1100. Оп. 1. Д. 45. Л. 1. Копия

КОММЕНТАРИИ

А. А. Закревскому, 3 января 1816

[1] Закревский Арсений Андреевич (1786–1865) — генерал-майор (с 1813 г.), 29 мая 1815 г. был назначен дежурным генералом Главного штаба е. и. в. и затем участвовал в походе во Францию; 12 декабря 1815 г. при учреждении Главного штаба е. и. в. был утвержден в этой должности и занимал ее до 1823 г. (в его подчинении находились Инспекторский и Аудиториатский департаменты). С 1821 г. — генерал-лейтенант, с 1829 г. — генерал от инфантерии, с 1823 г. — финляндский генерал-губернатор и командир Отдельного Финляндского корпуса, с 1826 г. — сенатор, в 1828–1831 гг. — министр внутренних дел, в 1848–1859 гг. — московский военный генерал-губернатор и член Государственного совета.

[2] Ермолов с 1 ноября 1815 г. находился в шестимесячном отпуске (РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 157. Л. 32).

[3] Вероятно, речь идет об алмазных знаках к золотой шпаге, пожалованных Ермолову 3 июня 1813 г. или к ордену св. Александра Невского, которые были пожалованы 31 декабря 1813 г. (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 318).

[4] Прозвище А. А. Закревского.

[5] Видимо, А. П. Ермолов страдал от стриктуры уретры (сужения просвета мочеиспускательного канала). Для лечения применяется один из методов, называемый бужированием, т. е. использование катеторов (трубок). Скорее всего именно это имеет в виду Алексей Петрович, называя их «заливными трубами».

[6] Коновницын Петр Петрович (1764–1822) — граф (1819 г.), генерал от инфантерии (1817 г.), генерал-адъютант, военный министр (1815–1819 гг.). В письме речь идет о назначении Коновницына военным министром 12 декабря 1815 г.

[7] Желтухин Петр Федорович (1777–1829) — генерал-майор (с 1812 г.), командир 2-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии (1813–1819 гг.); в 1821–1823 гг. — начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1827 г. — генерал-лейтенант и киевский военный губернатор.

[8] Марченко Василий Романович (1782–1840) — действительный статский советник (1812 г.), в 1810–1812 гг. — томский гражданский губернатор; с ноября 1812 г. — помощник статс-секретаря Департамента военных дел Государственного совета, в 1812–1815 гг. находился при императоре, с августа 1815 г. — статс-секретарь е. и. в., с декабря 1815 г. — управляющий делами Комитета министров; статс-секретарь по Департаменту гражданских и духовных дел (с 1818 г.), а затем по Департаменту государственной экономии (с 1821 г.); государственный секретарь (1827–1834 гг.), с 1834 г. — член Государственного совета, действительный тайный советник (1840 г.).

[9] Ермолов Петр Николаевич (1787–1844) — двоюродный брат А. П. Ермолова, с 1806 г. — на гражданской службе, с 1808 г. — подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, с 1816 г. служил на Кавказе, с 1817 г. — полковник, в 1818–1823 гг. — командир Грузинского гренадерского полка, с 1823 г. — генерал-майор, командир бригады

21-й пехотной дивизии, позднее командир 1-й бригады 8-й пехотной дивизии; с 1828 г. находился в отставке, жил в имении Собакино Московской губернии. Известен как приемный отец чеченского художника Петра Захарова, закончившего Академию художеств в Петербурге. Во время командировки в 1823 г. для проведения новой пограничной черты России с Персией вел дневник, изданный в 1871 г.

А. А. Закревскому, 28 февраля 1816

[1] Ртищев Николай Федорович (1754–1835) — генерал от инфантерии (с 1813 г.), в 1811 г. назначен главным начальником войск, расположенных на Кавказской линии, а также начальником Астраханской и Кавказской губерний, в 1812–1816 гг. был главнокомандующим в Грузии и на Кавказской линии и управляющим по гражданской части в Грузии и в Астраханской и Кавказской губерниях, с 1817 г. — сенатор.

[2] В 1815 г. Ермолов был командиром Гренадерского корпуса (РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 157. Л. 26 об.). Корпус представлял собой соединение гренадерских полков армии. Эти части были разбросаны по нескольким точкам Европейской части России, поэтому пребывание в этой должности сопровождалось хлопотами, разъездами и неизбежными упущениями из-за отсутствия регулярного контроля.

[3] До назначения командиром Гренадерского корпуса Ермолов числился в гвардии, в 1811–1812 гг. он командовал гвардейской артиллерийской бригадой, в марте-июне 1812 г. — гвардейской пехотной дивизией, с 28 апреля 1813 г. он был начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии.

[4] Таубе Карл Карлович (1876–1816) — с 1812 г. — полковник, с 1814 г. — исполняющий обязанности командующего лейб-гвардии Артиллерийской бригадой, с июня 1815 г. — командир этой бригады.

[5] Сабанеев Иван Васильевич (1770–1829) — участник наполеоновских войн, русско-турецкой войны (1806–1812), а также походов против закубанских горцев (1807); служил в русском оккупационном корпусе во Франции; с декабря 1815 до 1827 г. был командиром 8-го (с 1816 г. 6-го) корпуса 2-й армии, расквартированной на юге России. С 1823 г. генерал от инфантерии.

[6] В. Р. Марченко.

[7] Розен Григорий Владимирович (1782–1841) — с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1826 г. — генерал от инфантерии, в 1812–1820 гг. — командир лейб-гвардии Преображенского полка, в 1821–1826 гг. — начальник 15-й пехотной дивизии, в 1831–1837 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса и управляющий гражданской частью.

[8] Розен Елизавета Дмитриевна (1790–1862) — баронесса, урожденная Зубова, с 1812 г. — жена Г. В. Розена; 9 февраля 1816 г. была пожалована малым крестом Ордена Св. Екатерины (РГИА Ф. 496. Оп. 3. Д. 29. Л. 58 об.).

[9] Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785–1831) — генерал-лейтенант (с 1813 г.), генерал от инфантерии (с 1826 г.), генерал-фельдмаршал (с 1829 г.), граф (с 1827 г.). Сын прусского офицера, перешедшего в 1798 г. на русскую службу. Служил в гвардии, участвовал в наполеоновских войнах. В 1812 г. — обер-квартирмейстер корпуса П. Х. Витгенштейна. С весны 1813 г. генерал-квартирмейстер русско-прусских войск. С 1815 г. — начальник штаба 1-й армии. С апреля 1823 г. — и. д. начальника Главного штаба (в 1824 г. утвержден в этой должности). С 1823 г. — член Государственного совета. Во время русско-турецкой войны (1828–1829) фактически руководил военными действиями на Балканах, находясь при престарелом главнокомандующем Витгенштейне, с февраля 1829 г. — главнокомандующий. С 1830 г. — главнокомандующий русскими войсками, действующими против восставших поляков.

[10] Толь Карл Федорович (1777–1842) — барон, с 1829 г. — граф, в 1812 г. — генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии, с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1815 г. — генерал-квартирмейстер Главного штаба, с 1823 г. — главный начальник корпусов колонновожатых и топографов, с 1824 г. — начальник Главного штаба 1-й армии, генерал от инфантерии (1826), с 1829 г. начальник Главного штаба 2-й армии, в 1830–1831 гг. — начальник Главного штаба действующей армии, с 1830 г. — член Государственного совета, с 1833 г. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями.

А. А. Закревскому, 24 марта 1816

[1] Волконский Петр Михайлович (1776–1852) — князь, светлейший князь (с 1834 г.), генерал-фельдмаршал (с 1850 г.). В 1801–1805 гг. — товарищ начальника Военно-походной канцелярии его императорского величества. С 1810 г. — генерал-квартирмейстер, с декабря 1812 г. — начальник Главного штаба при М. И. Кутузове, в 1815–1823 гг. — начальник Главного штаба его императорского величества, в 1826–1852 гг. — министр Императорского двора и уделов.

[2] Меншиков Александр Сергеевич (1787–1869) — светлейший князь, адмирал (с 1833). Участник наполеоновских войн; с 1816 г. — генерал-майор, с 15 февраля 1816 г. — директор канцелярии начальника Главного штаба; с 1817 г. — генерал-адъютант; состоял при императоре Александре I во время его многочисленных поездок; с 1828 г. — начальник Морского штаба и одновременно с 1836 по февраль 1855 г. — морской министр; с 1830 г. — член Государственного совета; в сентябре 1854 г. — феврале 1855 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму.

Р. И. фон дер Ховену, 13 апреля 1816

[1] Ховен Роман Иванович, фон дер (1775–1861) — генерал-майор (с 1817 г.), в 1812–1817 гг. — комендант в Вильне, в 1818–1829 гг. — грузинский гражданский губернатор.

[2] Ермолов был назначен командиром Отдельного Грузинского корпуса 6 апреля 1816 г. (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 317).

М. С. Воронцову, 15 мая 1816

[1] Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — граф, с 1845 г. — князь, с 1852 г. — светлейший князь, генерал-фельдмаршал (с 1856), генерал-адъютант; новороссийский и бессарабский генерал-губернатор (1823–1844). В 1844–1854 гг. — наместник на Кавказе. В 1815–1818 гг. — командир российского оккупационного корпуса во Франции.

[2] М. С. Воронцов в чине поручика, а затем капитана л.-гв. Преображенского полка в 1803–1805 состоял при князе П. Д. Цицианове, участвуя в действиях против горцев.

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806) — князь, участник второй русско-турецкой войны (1787–1791), войны с польскими конфедератами (1792–1794) и персидского похода 1796 г.; с 1802 г. — генерал-лейтенант, в сентябре 1802 г. назначен инспектором Кавказской линии, астраханским военным губернатором и управляющим там гражданской частью, а также главнокомандующим и главноуправляющим в Грузии; убит при переговорах с бакинским ханом в 1806 г.

[3] Нота К. В. Нессельроде чрезвычайному послу Персии в Петербурге Мирзе Абуль Хасан-хану, в которой говорится о направлении Ермолова с чрезвычайным посольством в Персию, датирована 22 марта (3 апреля) 1816 г. (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее — АКАК). Т. V. Тифлис, 1873. С. 773–774).

[4] Злодейка — польская аристократка, в которую был влюблен Ермолов во время пребывания в Кракове. По сведениям П. И. Бартенева, основанным на «предании»,

это Грудзинская, сестра будущей княгини Лович, супруги великого князя Константина Павловича (Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 371).

[5] Мадатов Валериан (Растом) Григорьевич (1782–1829) — уроженец Карабаха, генерал-майор (с 1813 г.), участник русско-турецкой (1806–1812) и наполеоновских войн, с 1816 г. — командующий войсками в Карабахском ханстве, а с 1817 г. — окружной начальник в Ширванском, Шекинском и Карабахском ханствах; позднее генерал-лейтенант (с 1826 г.), участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн.

[6] Черные Глаза — замужняя польская аристократка, жившая в Кракове, в которую был влюблен М. С. Воронцов в 1815 г. Из переписки Воронцова и Ермолова следует, что ее звали Софьей и она была сестрой Немоевской (Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 119–132).

[7] Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778–1825) — на Кавказе с 1793 г., участник Персидского похода 1796 г., русско-персидской (1804–1813) и русско-турецкой (1806–1812) войн, генерал-майор (с 1810 г.), с 1815 г. — во Франции командир 12-й пехотной дивизии, с 1818 г. — командир 7-й пехотной дивизии; с 1824 г. — командующий войсками Кавказской линии; убит 18 июля 1825 г. вместе с Н. В. Грековым.

[8] Полторацкий Константин Маркович (1782–1858) — участник наполеоновских войн, генерал-майор (с 1813 г.), генерал-лейтенант (с 1835 г.). 29 июля 1817 г. назначен командиром 3-й бригады 23-й пехотной дивизии. До 1818 г. находился во Франции в составе корпуса М. С. Воронцова. По возвращении в Россию был назначен командиром 3-й бригады 14-й пехотной дивизии. В 1830 г. переведен в чин тайного советника и назначен ярославским гражданским губернатором, в 1835 г. стал ярославским военным губернатором с управлением гражданской частью Ярославской губернии.

[9] Раевский Александр Николаевич (1795–1868) — сын Н. Н. Раевского, адъютант графа М. С. Воронцова, с 1814 г. — капитан, с 1817 г. — полковник, в 1819 г. прикомандирован к Отдельному Грузинскому корпусу, с 1824 г. в отставке; подозревался в принадлежности к тайным обществам, но обвинения не подтвердились; с 1826 г. — камергер, чиновник особых поручений при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе; с 1827 г. в отставке.

[10] Пфейлицер-Франк Отто Вильгельм Германович, фон (1788–1844) — барон, в 1815 г. — штабс-ротмистр, в 1815–1817 гг. — старший адъютант российского оккупационного корпуса во Франции, с 1822 г. — адъютант М. С. Воронцова в Новороссии, с 1823 г. — полковник, с 1829 г. — действительный статский советник и чиновник особых поручений при Воронцове, с 1831 г. — екатериновславский гражданский губернатор, в 1832–1843 гг. — таганрогский, ростовский, нахичеванский и мариупольский градоначальник

[11] Бутлер — давний знакомый Ермолова, упомянут в письме А. П. к брату, А. М. Каховскому, в Смоленск от 13 мая 1797 г.; до 1818 г. находился в составе российского оккупационного корпуса во Франции, в 1819 г. — майор 30-го егерского полка.

[12] Вероятно, Росляков Михаил Михайлович — в 1812 г. штабс-капитан 1-го пионерного полка.

М. С. Воронцову, 1 июня 1816

[1] Речь идет о посольстве в Персию. Однако из-за различных политических осложнений миссия Ермолова была отложена, и посольство отправилось в путь только 17 апреля 1817 г.

[2] Речь идет о попытках Воронцова в рамках своего корпуса навести порядок в судебной части армии. Им были введены даже особые правила судопроизводства, впрочем, основанные, по его словам, на действовавшем законодательстве. Свои взгляды на армейскую юстицию и необходимость ее реформирования Воронцов изложил в пись-

ме Закревскому от 17 (29) февраля из Мобежа (Сборник Русского исторического общества. Т. 73. СПб., 1890. С. 478–480).

[3] При чинопроизводстве в вооруженных силах России существовал принцип старшинства: из двух офицеров или генералов в одном и том же чине старшим считался тот, кто этот чин получил ранее. Ранее получивший чин должен был согласно специальным «спискам по чинам» получать первым и следующее повышение. Исключение делалось только при производстве «за отличие». Старшинство в чине офицеров определялось, по общему правилу, днем высочайшего приказа о производстве или тем днем, который указан в самом приказе, а при производстве в чин за военный подвиг — днем совершения подвига.

[4] Гурьев Алексей Иванович (1767–1819) — полковник (с 1808 г.), с 1811 г. — командир Польского уланского полка, с 1813 г. — генерал-майор, в 1813–1814 гг. был при осаде Глогау, в битве под Лейпцигом и при взятии Парижа, в 1818 г. назначен командиром 1-й бригады 3-й гусарской дивизии. В письме Воронцову от 1 июля 1816 г. Закревский сообщает, что старшинство Гурьева по спискам состоит с 30 августа 1814 г. (Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 272).

[5] Вероятно, Петр Федорович Желтухин (см. прим. к письму Закревскому от 3 января 1816 г.). Хотя речь может идти и о его брате — Сергее Федоровиче Желтухине. Желтухин С. Ф. (1776–1833) — с 1810 г. — генерал-майор, в 1812 г. командовал 3-й бригадой 22-й пехотной дивизии, в 1819–1827 гг. — начальник 13-й (с 1820 г. — 17-й) пехотной дивизии.

[6] Свечин Никанор Михайлович (1772–1849) — с 1813 г. — генерал-майор и шеф Новоингерманландского пехотного полка, с 1814 г. — командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии, в 1815–1821 гг. — командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии, в 1823–1829 гг. — начальник 10-й пехотной дивизии; с 1826 г. — генерал-лейтенант.

[7] Юшков Александр Иванович (1781 — после 1835) — участник наполеоновских войн, генерал-майор (1813), с 1813 г. — шеф Якутского пехотного полка, с 1814 г. — командир бригады, состоявшей из Ряжского и Якутского пехотных полков. С марта 1816 г. назначен состоять при начальнике 9-й пехотной дивизии, позднее генерал-лейтенант (с 1826 г.).

[8] Лонгинов Николай Михайлович (1779–1853) — статский советник (с 1817 г.), тайный советник (с 1828 г.), с 1812 г. — секретарь при императрице Елизавете Алексеевне, с 1826 г. — статс-секретарь «у принятия прошений, приносимых на высочайшее имя», с 1840 г. — сенатор, с 1840 г. — член Государственного совета. В 1816 г. жил в доме Воронцовых на ул. Малой Морской в Петербурге.

А. В. Казадаеву, 21 августа 1816

[1] Казадаев Александр Васильевич (1781–1854) — начал службу в конной артиллерии, дослужился до полковника, с 1803 г. на гражданской службе, член Берг-коллегии, в 1804–1813 гг. — командир Горного кадетского корпуса; на 1821 г. — действительный статский советник, в 1821 г. назначен обер-прокурором 2-го отделения 5-го департамента Сената, с 1824 г. — обер-прокурор 1-го департамента, управляющий канцелярией общего собрания петербургских департаментов, а также архивом и типографией Сената, в 1824 г. назначен членом Главного правления училищ и членом комитета для составления проекта устава учебных заведений. С 1825 г. — тайный советник, сенатор и статс-секретарь. В мае 1826 г. получил в управление Департамент податей и сборов. 21 декабря 1828 г. вышел в отставку по состоянию здоровья; последние годы жизни провел в Петербурге, занимаясь литературными трудами; с 1829 г. — член Российской академии.

[2] Казадаева Надежда Петровна (1775–1828) — урожденная Резвая, дочь санкт-петербургского именитого гражданина, с 1798 г. — супруга А. В. Казадаева.

[3] Казадаева Софья Александровна (1804–1864) — дочь А. В. Казадаева, была замужем за П. Г. Галаганом, жила в Киеве.

[4] Казадаев Владимир Александрович (1808–1888) — сын А. В. Казадаева, с 1823 г. — служил в Свите его величества по квартирмейстерской части, с 1826 г. — в Гвардейском генеральном штабе; участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг.; в 1833 г. — перешел на гражданскую службу в Министерство внутренних дел; с 1842–1846 гг. — почт-директор в Восточной Сибири, позднее камергер, действительный статский советник, в 1850–1853 гг. — курский гражданский губернатор.

[5] Кутайсов Павел Иванович (1780–1840) — граф (1799 г.), с 1801 г. — причислен к Коллегии иностранных дел, в 1809 г. — обер-прокурор 6-го департамента Сената, с 1815 г. — обер-прокурор общего собрания московских департаментов Сената, с 1816 г. — тайный советник, сенатор, с 1837 г. — член Государственного совета. Мать Кутайсова Анна Петровна — урожденная Резвая.

А. А. Закревскому, 26 августа 1816

[1] Фролов Степан Степанович — надзиратель по учебной и нравственной части (1814–1816) и инспектор (1816–1817) Царскосельского лицея.

М. С. Воронцову, 26 августа 1816

[1] Речь идет об ответном письме Воронцова на едкое недатированное письмо Ермолова, посланное из Петербурга (Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 161–165).

[2] Вероятно, имеется в виду Павел Филиппович Вигель, брат знаменитого мемуариста Филиппа Филипповича Вигеля. В письме от 1 июня 1816 г. Закревский сообщает Воронцову, что Вигель произведен по его ходатайству «за отличие», что было в то время нечастым явлением.

[3] Как ясно из упомянутого письма Ермолова, речь идет об одном из офицеров, преследовавшихся в корпусе Воронцова в судебном порядке. «Один из подсудимых, явившийся в Берлин, жалуется на чрезмерную строгость твоего судилища, — пишет Ермолов, — но прославляет снисхождение воинской части, которое дало ему возможность укрыться бегством» (Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 163). Как явствует из письма Закревского Воронцову от 1 июля, разжалованный и бежавший в Берлин Эрикс подал жалобу императору, в которой утверждал, что его обвиняли за то, что он не хотел заплатить 20 тысяч франков, требуемые у него адъютантом Васильковским и комиссионером, принимавшим у него, Эрикса, вещи (Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 271). В итоге Эрикс был арестован и помещен на гауптвахту в Петербурге. Упомянутым комиссионером был Быков, сын директора военной типографии Главного штаба В. М. Быкова, близкий сотрудник Закревского, в связи с чем дежурный генерал просил Воронцова взять младшего Быкова под свое покровительство (Архив князя Воронцова. Кн. 37. М., 1891. С. 266, 277).

[4] Речь идет о палатках для войск, которые просил прислать Воронцов. В упомянутом письме Ермолов сообщает Воронцову: «Я слышал, что не соглашаются дать их будто потому, что нехозяйственно разочтено их доставление. Другие уверяют, что войскам полезен чистый воздух. Некоторые догадываются, что не хотят закрывать прекрасного неба Франции грубым русским полотном, и потому советуют биваки» (там же. С. 163–164).

[5] Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818) — князь (с 1815 г.), генерал-фельдмаршал (с 1814 г.), военный министр (1810–1812), в 1812 г. командовал 1-й Западной армией, с февраля 1813 г. — главнокомандующий 3-й Западной армией, с мая 1813 г. — главнокомандующий российско-прусской армией, после перемирия командующий российско-прусскими войсками в Богемской армии, в 1814–1815 гг. — глав-

нокомандующий российско-прусскими войсками; с 1815 г. — главнокомандующий 1-й армией.

[6] Барклай де Толли (урожденная фон Смиттен) Елена Ивановна (Елена Августа Элеонора) (1770–1828) — супруга М. Б. Барклая де Толли. В упомянутом письме Ермолов писал: «Ты немецкому племени важную оказал услугу (представлением о производстве Вигеля. — *Б. М.*) и в главной колонии, конечно, воздается тебе благодарность. Ты поднес букет и прекрасному немецкому полу. Ты взял Барклая со слабой стороны. Со всем тем однако же не возвратишь прежней его нежности, хотя и пишешь Елене Ивановне разные сладости» (там же. С. 163).

А. А. Закревскому, 9 сентября 1816

[1] Шатилов Иван Васильевич — адъютант А. А. Закревского, в 1817 г. — штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка, в 1818 г. — капитан, с 1820 г. — полковник, в 1824 г. исполнял должность вице-директора Инспекторского департамента Главного штаба; позднее генерал-майор, в 1830–1832 гг. — вице-директор этого департамента.

[2] Сведений обнаружить не удалось.

[3] Ермолов Петр Алексеевич (1746–1732) — в 1793–1796 гг. — управляющий канцелярией генерал-прокурора графа А. Н. Самойлова, статский советник в отставке (с 1796), в 1800-х гг. — председатель орловского тюремного комитета, помещик Мценского уезда Орловской губернии, в частности владел с. Лукьянчиково, д. Ступишино, с. Власово и с-цом Набережное.

[4] П. Н. Ермолов.

А. А. Закревскому, 11 сентября 1816

[1] Ноинский Адам Иванович (1779–1853) — в 1812–1815 гг. — воронежский губернский прокурор, с 1815 г. — надворный советник, в декабре 1815 г. переведен в канцелярию дежурного генерала Главного штаба, с марта 1816 г. — правитель канцелярии, с 1829 г. — член Совета военного министра, с 1830 по 1852 г. — генерал-аудитор, тайный советник (1837).

[2] Имеются в виду проживавшие в России вдова Георгия XII Мария (Мариам) Георгиевна (1768–1850) и ее дочь Тамара Георгиевна (1788–1850). В 1803 г. Мария Георгиевна совершила убийство командующего российскими войсками в Грузии генерала И. П. Лазарева, а Тамара Георгиевна пыталась убить тифлисского полицмейстера. За это они были заточены в Белгородский Рождественский монастырь, но в 1811 г. им была предоставлена возможность жить в Москве.

[3] Бравин Михаил Иванович (1761–1833) — службу начал в армии, в 1787 г. перешел на гражданскую службу, действительный статский советник (с 1811 г.), в 1812–1817 гг. — воронежский гражданский губернатор, по доносу предан суду за злоупотребления, но оправдан; с 1830 г. — тайный советник и сенатор.

Н. Н. Муравьеву, 27 сентября [1816]

[1] Муравьев (Муравьев-Карский) Николай Николаевич (1793–1866) — с 1811 г. служил в Свите его императорского величества по квартирмейстерской части, с марта 1816 г. — капитан Гвардейского генерального штаба, в июле 1816 г. был прикомандирован к командиру Отдельного Грузинского корпуса и послан для осмотра персидской границы, а 30 августа произведен в капитаны; в 1817 г. состоял при Ермолове во время посольства в Персию, с 1820 г. — полковник, участвовал в русско-персидской войне (1826–1828); генерал от инфантерии (с 1853 г.), генерал-адъютант, в 1854–1856 гг. — командующий Отдельным Кавказским корпусом и кавказский наместник, с 1856 г. — член Государственного совета.

[2] Намек на родственные связи Муравьевых с немцами. В частности, Е. Ф. Канкрин был женат на Екатерине Захаровне Муравьевой (1795–1849), которая была воспитанницей М. Б. Барклая де Толли и дочерью его кузины Елизаветы Карловны Поссе.

[3] Иронизируя, Ермолов выдает за немецкие фамилии названия крепостей — Гибралтар и Роченсальм (совр. Котка).

А. А. Закревскому, 18 ноября 1816

[1] Георгиевск — основан в 1777 г. как Георгиевская крепость. В 1786 г. при образовании Кавказской области она стала уездным городом, в 1802 г. — губернским, в 1822 г. при переименовании Кавказской губернии в область административный центр был перенесен в Ставрополь, Георгиевск стал уездным городом, а в 1830 г. — заштатным.

[2] Дельпоццо Иван Петрович (1746–1821) — генерал-майор (с 1804 г.), с 1805 г. — управляющий делами Кабарды, с 1810 г. — шеф Владикавказского гарнизонного полка, комендант крепости Владикавказ, в 1814–1818 гг. — начальник 19-й пехотной дивизии, командир войск на Кавказской линии, с 1818 г. — комендант Астрахани.

[3] Кавказская линия — укрепленная линия, точнее несколько линий, от Терека до Кубани. Они представляли собой цепь крепостей и казачьих станиц, между которыми на расстоянии 25–30 километров располагались более мелкие укрепления, а через 3–5 километров наблюдательные посты — пикеты. Строительство укреплений началось в 1735–1739 гг. сооружением крепости Кизляр и укрепленной линии по Тереку. До 1776 г. укрепления на Кавказе простирались лишь от Моздока до Кизляра. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору в 1774 г. граница России стала проходить по Кубани, и в 1776 г. было принято решение о строительстве новой укрепленной линии от Моздока до Азова. Строительство линии было поручено астраханскому губернатору И. В. Якоби, которому подчинялись теперь и войска Астраханского корпуса, и военному инженеру И. И. Герману. Началось сооружение крепостей: Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской и Александровской. Уже к 1785 г. все укрепления составляли единое целое. Позднее, в 1792 г. линия прошла еще южнее — по Кубани, до крепости Усть-Лабинская, в 1792–1798 гг. центр линии был передвинут до Пятигорска и Баталпашинска. В 1817–1823 гг. была сооружена линия укреплений по реке Сунжа с крепостью Грозная, а также крепости Внезапная и Бурная. В 1832 г. к ним добавилась крепость Темир-Хан-Шура. Помимо этого существовали и другие линии укреплений. В частности, в 1830 г. между Дагестаном и Кахетией была сооружена Лезгинская кордонная линия, а в 1837–1839 гг. Черноморская береговая линия, протянувшаяся от Анапы до Сухума. В 1840-е гг. эта система была дополнена укрепленными линиями по реке Лаба, а в 1857–1858 гг. по реке Белая. Помимо этих основных существовали и другие линии укреплений. В 1860 г. кавказские линии были упразднены.

[4] Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775–1837) — по происхождению серб, начал службу в австрийской армии, при Павле I поступил на службу в лейб-гвардии Гусарский полк ротмистром; генерал-лейтенант (с 1814 г.), генерал от кавалерии (с 1828 г.), в 1826–1831 гг. — командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области.

[5] Военно-Грузинская дорога — дорога, соединявшая Кавказ с Закавказьем, постоянное сообщение по ней открыто в 1799 г., в последующие десятилетия велись большие работы по улучшению дороги, закончившиеся в 1863 г. прокладкой шоссе.

[6] П. М. Волконский.

[7] Кутузов Александр Петрович (1777–1817) — участник наполеоновских войн, с 1813 г. — генерал-майор; с 1815 г. командовал бригадами во 2-й гренадерской дивизии. С 16 августа 1816 г. — командир резервной бригады Отдельного Грузинского корпуса, а 4 января 1817 г. — начальник 20-й пехотной дивизии; во время посольства А. П. Ермолова в Персию управлял на Кавказе военной и гражданской частью.

[8] Примерами таких посланий могут служить письмо Измаил-Хану Шекинскому от 3 ноября 1816 г., в котором Ермолов угрожает ответственностью за «оторванные щипцами носы и уши» подданных, а также письмо джарцам и белоканцам от 6 ноября с требованием выдать скрывающихся у них беглых грузинских князей (АКАК. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1875. С. 281, 789).

[9] Аманаты — заложники.

[10] Бистром Карл Иванович (1770–1838) — с 1809 г. — командир лейб-гвардии Егерского полка, с 1811 г. — командир 3-й гвардейской пешей бригады, с 1812 г. — генерал-майор, с 1821 г. — начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии, с 1824 г. — генерал-лейтенант, с 1831 г. — генерал от инфантерии, с 1837 г. — помощник командира Отдельного Гвардейского корпуса.

[11] Сарбазы — персидская регулярная пехота, появившаяся в результате военных реформ первого десятилетия XIX в., проводившихся с помощью сначала французских, а затем английских инструкторов.

[12] Пятериков Василий Ильич — полковник (с 1811 г.), в 1815–1818 гг. — командир Вологодского пехотного полка.

[13] Левенцов Афанасий — полковник, в 1816–1819 гг. — командир Троицкого пехотного полка, в 1819–1821 гг. — командир Апшеронского пехотного полка.

[14] Ладинский Петр Антонович (ум. 1860) — начал службу в 1801 г., участвовал в русско-персидской войне (1804–1813); с 1816 г. — полковник, в 1816–1822 гг. — командир 7-го (впоследствии Эриванского) карабинерного полка; с 1835 г. — генерал-майор, с 1845 г. — генерал-лейтенант и начальник гражданского управления Закавказского края; уволен от службы в 1847 г.

[15] Дьячков Илларион Арсеньевич — полковник с 1816 г., в 1813–1818 гг. — командир Грузинского гренадерского полка.

[16] Рябинин 1-й Иван — подполковник, с 1819 г. — полковник, в 1816 г. — командующий Херсонским пехотным полком, в 1817–1819 гг. — командир Севастопольского пехотного полка.

[17] Пузыревский Иван Онуфриевич (ум. 1820) — подполковник, с 1818 г. — полковник, в 1817–1819 гг. — командир 15-го егерского полка, в 1819–1820 гг. — командир 44-го егерского полка, с 1819 г. — правитель Имеретии.

[18] Абхазов Иван Николаевич (1785/1787–1831/1832) — был адъютантом генерала П. С. Котляревского, с 1810 г. служил в Кавказском (позднее Грузинский) гренадерском полку; полковник (с 1822 г.), командир 44-го егерского полка, с апреля 1827 г. управлял Карабахской, Ширванской и Нухинской провинциями.

[19] Котляревский Петр Степанович (1782–1851) — в 1799 г. произведен в офицеры, в 1809–1810 гг. — командир 17-го егерского полка, в 1810–1814 гг. — шеф Кавказского (Грузинского) гренадерского полка, генерал-майор (с января 1812 г.), генерал-лейтенант (с декабря 1812 г.), герой русско-иранской войны 1804–1813 гг., вскоре после ее окончания из-за полученных ран оставил службу, генерал от инфантерии (1826).

[20] Константин Павлович (1779–1831) — великий князь, цесаревич (с 1799 г.), с 1797 г. — генерал-инспектор кавалерии, с 1815 командовал польскими войсками, в начале 1817 г. формировал Отдельный Литовский корпус и командовал им.

[21] Киселев Сергей Дмитриевич (1793–1851) — в 1816 г. — поручик лейб-гвардии Егерского полка, с 1821 г. — в отставке с чином полковника, с 1826 г. — статский советник, в 1837–1838 гг. — московский вице-губернатор.

[22] Орлов Алексей Федорович (1787–1861) — граф (с 1825 г.), князь (с 1856 г.), в 1816 г. — полковник, флигель-адъютант, в 1819–1828 гг. — командир лейб-гвардии Конного полка, генерал от кавалерии (с 1833 г.), в 1833 г. — чрезвычайный посланник в Константинополе и главнокомандующий Черноморским флотом в Босфоре и всеми десантными войсками, посланными на помощь турецкому султану; в 1844–1856 гг. — шеф жандармов и главный начальник III Отделения собственной его императорского

величества канцелярии, в 1856 г. — глава российской делегации на Парижском конгрессе, в 1856–1861 гг. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

[23] Котляревский Михаил Степанович — в 1818 г. — полковник лейб-гвардии Измайловского полка, старший адъютант дежурного генерала А. А. Закревского.

[24] М. Б. Барклай де Толли от М. С. Воронцова.

А. А. Закревскому, 18 ноября 1816

[1] Аргутинский-Долгоруков Моисей Захарович (1797–1855) — князь, в 1817 г. зачислен в лейб-гвардии Конный полк, с 1838 г. — полковник, с 1840 г. — командир 1-й бригады грузинских линейных батальонов, с 1842 г. — генерал-майор, с 1844 г. — командующий войсками в Южном Дагестане и в уездах Кубинском и Дербентском, командовал Самурским отрядом; с 1845 г. — генерал-лейтенант, генерал-адъютант (с 1848 г.), с 1847 г. — командующий войсками в Прикаспийском крае и управляющий гражданской частью.

А. В. Казадаеву, 18 ноября 1816

[1] Оленин Алексей Николаевич (1763–1843) — государственный деятель, историк, археолог, художник, действительный тайный советник, в 1814–1827 гг. — государственный секретарь, почетный член Петербургской академии наук (с 1809 г.), с 1811 г. — директор императорской Публичной библиотеки, с 1817 г. — президент Академии художеств, с 1827 г. — член Государственного совета.

[2] Резвой Павел Петрович (ум. 1841) — брат жены А. В. Казадаева.

М. С. Воронцову, 29 декабря 1816

[1] Уэлсли Артур, герцог Веллингтон (1769–1852) — британский генерал, с 1813 г. — фельдмаршал, в 1812–1814 гг. — главнокомандующий англо-испанской армией в Испании, в 1815 г. — главнокомандующий англо-голландской армией в Нидерландах, в 1815–1818 гг. — главнокомандующий союзной оккупационной армией во Франции, в 1828–1830 гг. — премьер-министр Великобритании.

[2] Симанович Федор Филиппович (ум. 1815) — перешел на русскую службу из австрийской армии в 1793 г.; подполковник (с 1800 г.) Кавказского гренадерского полка, с 1804 г. — полковник, участник штурма Ганжи в 1804 г.; в 1809–1810 гг. — командующий войсками в Имеретии, с 1810 г. — генерал-майор, в 1811–1813 гг. — правитель Имеретии, с 1813 г. одновременно грузинский гражданский губернатор.

[3] Швецов Павел (ум. 1822) — майор Грузинского гренадерского полка; был захвачен в плен 6 февраля 1815 г. между Кази-Юртом и Кизляром и долгое время провел в плену у чеченцев. Горцы рассчитывали получить за Швецова большой выкуп (до 16 000 руб.). Ермолов, прибегнув к аресту ряда знатных горцев, через земли которых чеченцы провели Швецова, добился его освобождения. Позднее Швецов — командир Куринского пехотного полка (АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 874–875; см. письмо А. П. Ермолова А. А. Закревскому от 12 апреля 1817 г.).

[4] Андреевские владельцы — старейшины селения Эндери, которое называлось русскими Андреево, Андрей, Андреевская деревня, Андреевская слобода.

А. А. Закревскому, 4 января 1817

[1] В результате русско-персидской войны в начале XIX в. к Российской империи оказались присоединенными целый ряд ханств: в 1804 г. Гянджинское, в 1805 г. Карабахское, Шекинское и Ширванское, в 1806 г. Бакинское и Кубинское, в 1809 г. Талышинское. При наличии четкой тенденции к ликвидации ханской власти некоторые ханства продолжали существовать в составе Российской империи, сохраняя традици-

онную структуру управления — Шекинское ханство сохранялось до 1819 г., Ширванское до 1820, Карабахское до 1822, Талышинское до 1826 г.

[2] «Наш брат Исакий!» — крылатое выражение, восходящее к житию одного из монахов Киево-Печерской лавры по имени Исаакий. Согласно житию, к этому монаху-отшельнику, жившему в пещере, под видом прекрасных юношей явились бесы и сказали: «Исаакий, мы ангелы, а вот идет к тебе Христос, поди и поклонись ему». Исаакий поклонился бесу, как Христу, и тогда бесы воскликнули: «Наш Исаакий!»

[3] Карабахское ханство было присоединено к России в 1805 г. С 1806 г. ханством правил Мехти-Кули-Хан (1772–1845), который в 1822 г. бежал в Персию. Наследником хана Ртищев сделал его племянника Джафар-Кули-Агу, полковника русской службы, который в 1812 г. бежал в Персию, но в 1814 г. был прощен. Надзирать же за управлением хана, как следует из письма, был послан В. Г. Мадатов.

[4] «Русский инвалид» — военная газета, выходившая в Санкт-Петербурге с 1813-го по 1917 г. Основана П. П. Пезаровиусом, и доход от нее предназначался для инвалидов войны, вдов и сирот; с 1816 г. стала изданием «Комитета 18 августа 1814» (позже Александровский комитет о раненых), с 1862 г. — официальная газета Военного министерства.

[5] Гудович Николай Николаевич — граф, в 1815 г. — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, в 1816–1817 гг. — командир Кабардинского пехотного полка.

А. А. Закревскому, 9 января 1817

[1] Имеется в виду именной указ от 12 декабря 1816 г. о прибавке жалованья штаб- и обер-офицерам и о производстве столовых денег генералам (ПСЗ-I. № 26557 от 12.12.1816. Т. XXXIII. СПб., 1830. С. 1116).

[2] После наполеоновских войн произошли изменения в хозяйственной части армии. В частности, для своевременной доставки войскам провианта решено было учредить фурштатские батальоны, куда сдавалась и большая часть обоза. Высочайшее положение о двух фурштатских батальонах для Гвардейского корпуса царь утвердил 16 января 1817 г. На гвардейский кавалерийский полк полагалась половина фурштатской роты, на пехотный полк — одна рота. Увеличивая мобильность войск, это нововведение грозило в случае плохой координации создать для действующих частей значительные трудности с продовольствием (ПСЗ-I. № 26619 от 16.01.1817. Т. XXXIV. СПб., 1830. С. 20).

[3] Жомини Анри (1779–1869) — барон, французский военный писатель и теоретик, родом швейцарец, в 1804–1808 гг. — начальник штаба маршала Нея, с 1813 г. перешел в русскую службу, с 1855 г. жил за границей. В своих работах уделял много внимания организации снабжения армии и тыловому обеспечению (логистике). Наибольшей популярностью пользовался его труд «Очерки военного искусства», где логистике была посвящена особая глава.

[4] Быков Василий Михайлович — чиновник VI класса, директор военной типографии при Главном штабе, до 1832 г. — директор типографии II отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

[5] Перетонить — поступив чересчур хитро, чересчур тонко, ошибиться в расчетах, не достигнуть своей цели.

[6] Каподистрия Иоанн-Антон (1776–1831) — граф, в 1803–1807 гг. — статс-секретарь республики Ионических островов по иностранным делам; в 1807 г. перешел на русскую службу по Министерству иностранных дел, с 1813 г. — тайный советник, в 1816–1822 гг. — управляющий Министерством иностранных дел России; с 1827 г. — глава правительства Греции, с 1828 г. — президент Греции.

[7] Аббас-Мирза (1789–1833) — сын Фетх-Али-Шаха, с 1816 г. — наиб-султан (наследник престола), во время русско-персидской войны (1826–1828) главнокомандующий турецкой армией.

[8] Мустафа-Хан — с 1796 по 1820 г. правитель Ширванского ханства, присоединенного в 1805 г. к России. Генерал-лейтенант русской службы. Бежал в Персию в 1820 г.

[9] Мехти-Кули-Хан — правитель Карабахского ханства (см. прим. 3 к предыдущему письму).

[10] Речь идет о Шекинском ханстве, которое было присоединено к России в 1805 г. После измены Селим-Хана И. В. Гудович сделал в 1806 г. правителем Джафар-Кули-Хана, владевшего в Персии ханством Хойским. Джафар-Кули с 1807 г. имел чин генерал-лейтенанта русской службы. В 1816 г. ему наследовал Измаил-Хан (1816–1819).

[11] Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849) — маркиз, генерал-лейтенант (с 1810 г.), генерал-адъютант (с 1812 г.), в 1811 — начале 1812 г. — командующий Отдельным Грузинским корпусом и управляющий гражданской частью в Грузии, с октября 1812-го по 1829 г. — рижский военный губернатор, с 1823 г. — генерал от инфантерии.

[12] Гудович Иван Васильевич (1741–1820) — генерал-аншеф (с 1790 г.), граф (с 1797 г.), с 1790 г. командующий войсками Кавказского и Кубанского корпусов. Гудович командовал войсками на Кавказской линии до 1798 г. с небольшим перерывом в 1796 г.; с 1800-го по 1806 г. в отставке; с 1806-го по 1809 г. был главнокомандующим войсками на Кавказской линии и в Грузии, с 1807 г. — генерал-фельдмаршал; в 1809–1812 гг. — главнокомандующий в Москве, с 1809 г. — сенатор, с 1810 г. — член Государственного совета; с февраля 1812 г. в отставке.

[13] Речь идет о восстании в Кахетии, начавшемся в феврале 1812 г. Оно сопровождалось вторжением персидских войск в Карабах, причем при этих войсках находился беглый грузинский царевич Александр Ираклиевич. Одной из причин бунта был «невыносимый гнет злоупотреблений чинов нашей администрации», в частности злоупотребления чиновников при заготовке хлеба; особенно обострилась ситуация в связи с неурожаем 1811 г., когда для реквизиций стали применяться войска. В частности, в ходе восстания в феврале 1812 г. был истреблен почти весь гарнизон Сигнаха, состоявший из 70 человек. Значительную роль в восстании сыграли и представители грузинского дворянства, недовольные утратой своего положения после присоединения Грузии к России. Восстание было жестоко подавлено лишь в начале лета 1813 г. (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. Тифлис, 1902. С. 336, 356).

[14] Упрекая Гудовича в прощении грузинских аристократов, участвовавших в бунте 1812–1813 гг., Ермолов и сам проводил подобную политику. Так, по его представлению 24 октября 1817 г. состоялось высочайшее повеление, в соответствии с которым были прощены с возвращением им имений целый ряд грузинских князей (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 97).

[15] Меллер-Закомельский Петр Иванович (1755–1823) — барон, военный и государственный деятель, генерал от артиллерии (1814); участник войн с Францией 1805 и 1806–1807 гг.; с 1807 г. управлял Артиллерийской экспедицией Военной коллегии, с 1808 г. — генерал-инспектор всей артиллерии, с 1812 г. — директор Артиллерийского департамента Военного министерства; участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 гг.; в 1819–1823 гг. — военный министр, с 1819 г. — член Государственного совета.

[16] П. М. Волконский.

[17] Наумов Сергей Александрович (ум. 1822) — подполковник, дежурный офицер при штабе А. П. Ермолова. По словам самого А. П., человек «неутомимой деятельности и наклонности особенной к порядку» (Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 271).

[18] Сипягин Николай Мартемьянович (1785–1828) — службу начал в Семеновском полку, с 1813 г. — генерал-майор, с 1814 г. — генерал-адъютант, в 1814–1819 гг. — на-

чальник штаба Гвардейского корпуса, с 1819 г. — начальник 6-й пехотной дивизии, с 1826 г. — генерал-лейтенант, с 1827 г. — тифлисский военный губернатор, во время русско-персидской войны командовал отрядом.

М. С. Воронцову, 10 января 1817

[1] Имеется в виду грузинский царевич Александр Ираклиевич (1770–1844) — сын Ираклия II, соперник своего брата, последнего грузинского царя, в борьбе за престол. Около тридцати лет являлся фигурой, на которую ориентировались все недовольные русской властью в Закавказье. В сентябре 1812 г. он вернулся из Персии, куда бежал в 1800 г., и принял участие в восстании против русских. После подавления восстания Александру удалось бежать в Дагестан. В июле 1818 г. он бежал из Дагестана с помощью джарских лезгин сначала в турецкие владения, а затем в Персию. Там он был с почестями принят наследником персидского престола Аббас-Мирзой и ему была выделена во владение область, пограничная с Карабахом, населенная беглецами из российского Закавказья. Во время русско-персидской войны (1826–1828) Александр командовал 23-тысячным отрядом войск, наступавших на Тифлис, пытался поднять восстание в Кахетии; в итоге был захвачен в плен и умер в Тифлисе.

[2] Мысль о необходимости уничтожения ханской власти была сформулирована Ермоловым в рапорте царю еще до его отъезда на Кавказ (*Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 119).

[3] О ханах см. подробнее прим. 3 к письму Закревскому от 4 января и прим. 9 к письму Закревскому от 9 января 1817.

[4] В первом браке Генриетта Фридерика Мильет, замужем за Н. Ф. Ртищевым с 1799 г.

[5] Имеются в виду англичане, соперники России на Ближнем Востоке и, в частности, в Иране, благодаря договорам 1809, 1812 и 1814 гг. существенно укрепившие свои позиции в этой стране. Так, договор 1814 г. предусматривал даже, что границы между Россией и Ираном будут определены по соглашению трех сторон (Ирана, России и Англии). Этот же договор предусматривал выделение англичанами 200 тыс. туманов на поддержку персидской армии в случае войны с какой-либо европейской державой. Во время посольства Ермолов неоднократно виделся с английскими офицерами, являвшимися военными консультантами иранского правительства (*Сухоруков С. А.* Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб., 2009. С. 27–29, 163).

[6] Фетх-Али-Шах (1772–1834) — второй шах династии Каджаров, правил с 1797 г.

[7] Речь идет о сочинении французского генерала эпохи революции и империи Гийома Матье Дюма (1753–1837) «Краткий очерк военных событий», составляющем 19 томов и охватывающем военные события в Европе с 1798-го по 1807 г.

[8] Речь идет о книге: *Chahan de Cirbied, J.* «Histoire arménienne: détails sur les changements politiques qui ont eu lieu en Géorgie et en Arménie dans les premiéres années du dix-neuviéme siécle». Она вышла в Париже только в 1818 г. Жак де Кирби (1772–1834) — французский профессор армянского происхождения, специалист по армянской филологии и истории.

[9] Речь идет об участнике наполеоновских войн генерале Александре Христофоровиче Бенкендорфе (1783–1844), друге М. С. Воронцова, позднее начальнике III отделения Собственной е. и. в. канцелярии.

А. В. Казадаеву, 20 января 1817

[1] Кутузов Александр Васильевич — неустановленное лицо.

[2] Лебрехт Карл Александрович (1755–1827) — знаменитый гравер и медальер, с 1794 г. — академик Императорской Академии художеств, с 1799 г. — главный медальер санкт-петербургского монетного двора, с 1800 г. возглавлял медальерный класс Академии художеств, обучал искусству резьбы по стали и камню императрицу Марию Федоровну.

А. А. Закревскому, 26 января 1817

[1] Тихановский Степан Леонтьевич — с 1811 г. — полковник, в 1812–1814 гг. — шеф Кабардинского пехотного полка, с 1813 г. — генерал-майор, с 1816 г. — командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии, окружной начальник в Дагестане, в 1817 г. — командир 1-й бригады 16-й пехотной дивизии, в 1819 г. — командир 1-й бригады 26-й пехотной дивизии, в 1823–1826 гг. — командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, с 1826 г. состоял по армии.

[2] Загорский Тимофей Дмитриевич (ум. 1818) — полковник, в 1803–1812 гг. — шеф 19-го егерского полка, с 1812 г. — генерал-майор.

[3] Мерлини Станислав Демьянович (ум. 1833) — служил на Кавказе с 1809 г., в 1810–1815 гг. — шеф Белевского пехотного полка, в 1815–1816 гг. — командир Белевского пехотного полка, с 1816 г. — генерал-майор, командир 2-й бригады 19-й пехотной дивизии, в 1817 г. состоял при командующем дивизии, с 1821 г. — командир 2-й бригады 22-й пехотной дивизии, с 1822 г. — командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии.

[4] Пестель Андрей Борисович (1779–1863) — с 1806 г. — полковник, в 1812–1815 гг. — шеф Тифлисского пехотного полка, в 1815–1816 гг. — его командир, с 1816 г. — генерал-майор, командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, в 1816–1820 гг. — окружной начальник в Дербенте и в Кубинской провинции, с 1820 г. состоял по армии, с 1834 г. в отставке.

[5] Хотунцов Николай Михайлович (1875–1818) — генерал-майор (с 1799 г.), в 1811–1814 г. — шеф Троицкого пехотного полка, в 1815–1817 гг. — в должности правителя Имеретии.

[6] Каховский Николай Александрович (р. 1802) — в 1817 г. — поручик 5-го карабинерного полка, с 1818 г. — в лейб-гвардии Егерском полку, племянник А. П. Ермолова.

[7] Каховский Александр Михайлович (1768–1827) — единоутробный брат А. П. Ермолова, обер-кригскомиссар инспекторской экспедиции Военной коллегии, с 1796 г. в отставке.

[8] Розен Михаил (Мартын) Карлович (р. 1796) — сын К. Г. Розена и В. Пржездецкой, племянницы генерала Т. Ваврженцкого, с 1813 г. — корнет Кавалергардского полка, в 1815 г. вызвал на дуэль своего эскадронного командира, полковника Ф. А. Уварова 2-го, за что по суду был лишен чинов и отправлен рядовым в Нижегородский драгунский полк на Кавказе; с 1819 г. — поручик, с 1822 г. — штабс-капитан, в 1823 г. переведен в лейб-гвардии Кирасирский его величества полк, а в 1824 г. — в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в 1828 г. вышел в отставку и вскоре поступил на гражданскую службу, в 1835–1844 гг. — предводитель дворянства Валковского уезда, с 1841 г. — председатель харьковской казенной палаты, с 1858 г. — действительный статский советник.

[9] Ваврженцкий Томаш (1759–1816) — польский военный и политический деятель, с 1794 г. — генерал-лейтенант, участник восстания Т. Костюшко, в 1794 г. командовал польскими повстанческими войсками, в 1796 г. — присягнул Павлу I, с 1813 г. — член Временного совета Герцогства Варшавского, с 1815 г. — министр юстиции Царства Польского.

[10] На углу Литейного пр. (ныне дом № 20) и Кирочной ул. в Петербурге жил А. А. Аракчеев, занимавший должность генерал-инспектора пехоты и артиллерии; в начале Литейного проспекта находились и здания Артиллерийского департамента.

[11] Тормасов Александр Петрович (1752–1819) — граф (с 1816 г.), генерал от кавалерии (с 1801 г.), в 1809–1811 гг. — главнокомандующий на Кавказской линии и в Грузии, в 1812 г. — командующий 3-й Западной армией, с 1814 г. — главнокомандующий в Москве.

[12] Имеется в виду Александр I.

[13] Речь идет о перенесении левого фланга Кавказской линии с Терека на Сунжу и продлении ее далее через земли кумыков до Сулака. Ермолов предполагал таким образом оттеснить чеченцев в глубь лесов и гор, лишить их удобных для хлебопашества и выпаса скота земель и защитить от набегов приграничные станицы. Эта тактика военно-экономической блокады, как выяснилось позднее, имела обратный эффект и привела к усилению движения горцев под знаменем ислама. Такое изменение линии также позволяло, по мнению Ермолова, построить новые крепости в местах с более здоровым климатом и обеспечить более прочную связь с Дагестаном (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 287–288).

[14] Земли Черноморского казачьего войска располагались на Кубани. Это войско было создано из бывших запорожских казаков в 1787 г. на отвоеванных у Турции землях между Днепром и Бугом. В 1792 г. войско было переселено на Кубань. К моменту приезда Ермолова на Кавказ Черноморское казачье войско было подчинено таврическому губернатору и новороссийскому генерал-губернатору. Указом от 11 апреля 1820 г. черноморские казаки были подчинены командиру Отдельного Кавказского корпуса. Черноморское казачье войско комплектовалось в основном выходцами с Украины.

[15] Ланжерон Александр Федорович (1763–1831) — французский эмигрант, с 1811 г. — генерал от инфантерии, участник русско-турецких и наполеоновских войн, с 1815 г. — херсонский военный губернатор, градоначальник Одессы (до 1820 г.), управляющий по гражданской части Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний и главный начальник черноморских и бугских казаков (до 1820 г.), в 1822 г. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор.

[16] Имеется в виду А. А. Аракчеев.

А. А. Закревскому, 19 февраля 1817

[1] Берников Павел Сергеевич (1788–1844) — с 1806 г. служил в Семеновском полку, участник наполеоновских войн, с 1816 г. — полковник, в 1817–1821 гг. — командир Херсонского гренадерского полка, с 1821 г. состоял по армии, в 1822 г. перешел на гражданскую службу с чином действительного статского советника, служил в Сенате, с 1834 г. — тайный советник, с 1838 г. — сенатор.

[2] Эристов Георгий Евсеевич (Иесеевич) (1769–1863) — князь, генерал-майор (с 1812 г.), с 1817 г. — командир Резервной гренадерской бригады и окружной начальник в Кахетии, в 1820 г. — командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, с 1826 г. — генерал-лейтенант, командир 21-й пехотной дивизии, с 1846 г. — генерал от инфантерии и председатель учрежденной в Тифлисе комиссии для рассмотрения прав лиц на княжеское и дворянское достоинство по Грузии.

[3] Фрянки — наружные проявления сифилиса.

[4] Курнатовский Иван Данилович — служил на Кавказе с 1776 г. рядовым, с 1783 г. — прапорщик, в 1807–1813 и 1815–1816 гг. с перерывами — командир 16-го егерского полка, в 1813–1815 гг. — шеф этого полка, позднее генерал-майор, в 1818–1819 г. — правитель Имеретии, с 1820 г. — в отставке.

[5] Сталь Карл Федорович (ум. 1824) — начал службу в 1790 г.; в 1801–1808 гг. — командир Нижегородского драгунского полка, в 1818–1814 гг. — шеф этого полка, с 1811 г. — генерал-майор, в 1816–1818 гг. — исправляющий должность грузинского гражданского губернатора на правах военного, затем до 1824 г. — командующий войсками на Кавказской линии, командир 22-й пехотной дивизии и с 1822 г. — начальник Кавказской области.

А. А. Закревскому, 22 февраля 1817

[1] Ключин Иван Федорович — чиновник IX класса, в должности обер-аудитора управлял делами по военной части в канцелярии главнокомандующего в Грузии.

[2] Пища святого Антония — голодание. Выражение происходит от имени христианского аскета Антония Фивского (III–IV вв.), питавшегося в пустыне травами и кореньями.

[3] Крепость Святого Дмитрия, построенная в 1761 г. под руководством А. И. Ригельмана и являвшаяся до начала XIX в. форпостом русских войск в войнах с Турцией, находилась далеко от Кавказской линии (на ее месте ныне город Ростов-на-Дону), что вызывало затруднения с доставкой провианта и амуниции.

[4] Двуклассное училище для обучения «благородного грузинского юношества» было открыто формально в Тифлисе еще до прибытия туда П. Д. Цицианова. В нем числилось 45 воспитанников и трое учителей, однако фактически оно не существовало. Цицианову пришлось его создавать заново. К всеподданнейшему донесению от 27 июня 1803 г. он приложил «Проект о просвещении грузинского дворянства и об учреждении училища в Тифлисе». Первые три набора составляли 25 учеников, затем их число предполагалось удвоить. Два учителя должны были вести занятия на грузинском языке и два на русском. Ежегодно 8 юношей за казенный счет следовало отправлять на обучение в Москву, в университетский пансион. 25 июля последовал императорский указ об организации этого училища, главным попечителем которого назначался главноуправляющий в Грузии. Училище торжественно открылось 21 мая 1804 г. (*Лапин В. В.* Цицианов. М., 2011. С. 284–288).

А. А. Закревскому, 24 февраля 1817

[1] Речь идет о казенной экспедиции — подразделении Верховного грузинского правительства, высшего административного органа управления Грузией, созданного после ее присоединения к России в соответствии с Положением об управлении Грузией от 12 сентября 1801 г. Суть претензий к казенной экспедиции видна из рапорта Ермолова в Правительствующий Сенат от 31 декабря 1817 г. Они сводились к тому, что чиновники не предпринимали необходимых усилий по взиманию причитающихся в казну платежей и учету податного населения. В рапорте Ермолов высказал мнение, что значительная доля ответственности лежит и на «главном местном начальстве», которое в течение 13 лет фактически не контролировало своих подчиненных. В связи с этим обращать взыскание лишь на членов казенной экспедиции, состав которой за прошедшее время менялся, Ермолов считал несправедливым и предлагал ограничиться лишь «строгим подтверждением», чтобы члены экспедиции были «гораздо осмотрительнее и более имели попечения о приращении казенных интересов» (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 9–13). Судя по адрес-календарям к 1818 г., по сравнению с 1816 г., персональный состав казенной экспедиции почти не изменился.

[2] Экспедиция, учрежденная «для дел исполнительных или правления», — подразделение Верховного грузинского правительства. Предписание Ермолова исполнительной экспедиции о «новом образовании» тифлисской полиции и о создании квартирной комиссии датировано 30 декабря 1816 г. К нему было приложено и «Положение о новом устройстве в Тифлисе градской полиции и об учреждении квартирной комиссии». Положение предусматривало, в частности, разделение Тифлиса в полицейском отношении на две части, организацию для охраны денежных сумм и арестантов воинского караула и т. д. (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 2). Судя по адрес-календарю, на 1 декабря 1816 г. в Тифлисе был только один полицмейстер — надворный советник Григорий Игнатьевич Тулаев, а к 1 января 1818 г. его место уже занимал коллежский советник Аполлон

Васильевич Коханов. Секретарем же исполнительной экспедиции на 1 декабря 1816 г. был надворный советник Иван Григорьевич Горленко.

[3] Речь идет об Измаил-Хане Шекинском, по приказу которого несколько евреев, обвиненных в убийстве мальчика, были подвергнуты жестоким истязаниям. 3 ноября 1816 г. Ермолов писал ему: «Едва я приехал сюда, как уже закидан просьбами на Вас. Не хочу я верить им без исследования, и приятно бы мне было, чтобы оные оказались несправедливыми, ибо в каждой из них описаны действия, одному злонравному и жестокому человеку свойственные. Я поручил удостовериться о всем том чиновнику, заслуживающему веры. Если точно откроет он те жестокости, которые делаемы по воле Вашей, что могут доказать оторванные щипцами носы и уши, то я приказал всех таковых несчастных поместить в доме Вашем, до тех пор пока вы их не удовлетворите. Чиновника Вашего, который одного жителя бил палками до того, что он умер, и тело его брошено в ров, я приказал взять и, по учинению над ним суда, он будет лишен жизни. Советую Вам, генерал-майор хан Шекинский, быть осмотрительнее в выборе чиновников, назначаемых для приведения в исполнение воли Вашей; паче еще советую Вам, чтобы воля Ваша не была противна милосердию и великодушию Государя, который управление ханством вверил Вам совсем не в том намерении, чтобы народ, его населяющий, страдал в дни славного его царствования, и ручаюсь Вам, что если найду я жалобы основательными, я научу Вас лучше исполнять намерения всемилостивейшего Вашего Государя» (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 723, 724).

М. С. Воронцову, 24 февраля 1817

[1] Измаил-Хан Шекинский — см. письмо А. А. Закревскому от 9 января и прим. 10 к нему, а также предыдущее письмо.

М. С. Воронцову, 27 февраля 1817

[1] Фалькенберг Иван Яковлевич, фон — с 1798 г. — майор, знакомый А. П. Ермолова.

А. А. Закревскому, 28 февраля 1817

[1] Клейнмихель Андрей Андреевич (1757/58–1815) — генерал-лейтенант (1812), с 1799 г. — директор 2-го кадетского корпуса; с 1807 г. — шеф Дворянского полка. Известен жестоким обращением с воспитанниками; время его управления по словам М. И. Семевского, является «самым суровым, самым мрачным периодом жизни полка». Отец П. А. Клейнмихеля.

[2] Дворянский полк — учебная часть, созданная в 1807 г. для обучения молодых дворян, поступающих на военную службу. С 1855 г. — Константиновский кадетский корпус, с 1859 г. — Константиновское военное училище, с 1894 г. — Константиновское артиллерийское училище.

[3] Опера Г. Спонтини, написанная в 1807 г. По сюжету римский полководец Лициний возвращается триумфатором, одержав победу над галлами. Он любит Юлию, но она в его отсутствие дала обет умирающему отцу стать жрицей Весты. Лициний проникает в храм, где Юлия охраняет священное пламя на алтаре богини. Потрясенная встречей с любимым, она забывает об огне, и пламя на алтаре гаснет. Жрицу, нарушившую обет, живой должны замуровать в подземелье. Тщетно Лициний умоляет верховного жреца отменить приговор. Когда Юлия спускается в подземелье и Лициний пытается освободить ее, совершается чудо: молния зажигает потухший огонь на алтаре. Веста простила жрицу и сняла с нее обет безбрачия. Спасен и Лициний, осужденный на казнь за святотатство. Торжественное бракосочетание героев завершает действие.

А. А. Закревскому, 19–21 марта 1817

[1] Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862) — граф, с 1816 г. — управляющий Министерством иностранных дел и присутствующий в Государственной коллегии иностранных дел, с 1821 г. — член Государственного совета, в 1832–1856 гг. — министр иностранных дел, с 1845 г. — государственный канцлер.

[2] 23 апреля 1817 г. Д. А. Гурьев сообщил Ермолову о высочайшем повелении, которым позволялось отпустить средства на строительство казарм и госпиталей. Гурьев, как и предлагал Ермолов, разрешил израсходовать на эти цели остатки от 100 000 руб. медью, присланных в Грузию в 1815 г. Взамен летом 1817 г. в Грузию должны были быть направлены еще 100 000 руб. (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 483–484).

[3] П. М. Волконскому.

[4] В. Р. Марченко.

[5] Пестель Иван Борисович (1765–1843) — с 1801 г. — тайный советник, сенатор, в 1806–1822 гг. — иркутский, тобольский и томский генерал-губернатор, в 1816–1822 гг. — член Государственного совета, в 1822 г. уволен от службы; отец декабриста П. И. Пестеля.

[6] Имеется в виду манифест 30 августа 1814 г., в котором говорилось: «Распространяем всемилостивейшее прощение на всех вообще сделавших по сей день преступления, не подвергающие их по законам лишению жизни, хотя бы за безгласностью, и следствия об оных начато еще не было… Весьма малое число заблудших людей… пристали к неприятелю… даруем им без всякого изъятия всеобщее прощение» (ПСЗ-I. № 25671 от 30.08.1814. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 906).

[7] Дренякин Иван Тимофеевич (1765–1857) — с 1799 г. — полковник, в 1799–1800 гг. — командир Углицкого мушкетерского полка, с 1811 г. — генерал-майор, в 1820 г. — командир Резервной гренадерской бригады.

[8] Британское и иностранное библейское общество возникло в 1804 г. по инициативе проповедника Томаса Чарльса. Целью общества являлось распространение Библии, перевод ее на различные языки и помощь библейским обществам в различных странах. В августе 1812 г. представитель этого общества пастор Джон Патерсон прибыл в Петербург с целью напечатать Библию на финском языке. Там он распространил «Обращение», в котором осведомлял русскую общественность о характере и задачах Библейского общества. Среди лиц, проявивших горячий интерес к делу, оказался князь А. Н. Голицын (1773–1844), личный друг императора Александра I. 6 декабря 1812 г. был подписан указ о создании отделения Библейского общества, преобразованного в 1814 г. в Российское библейское общество, действовавшее до 1826 г.

[9] Стихарь — одежда, богослужебное облачение священно- и церковнослужителей, прямая, длинная, с широкими рукавами.

[10] П. П. Коновницыным.

[11] П. Ф. Желтухин был женат на Екатерине Дмитриевне Тенишевой (1790–1827).

[12] То есть дипломатическую ноту.

А. А. Закревскому, 20 марта 1817

[1] Опперман Карл Иванович (1866–1831) — военный инженер, в 1783 г. перешел из гессен-дармштадтской службы на русскую, с 1811 г. — генерал-лейтенант, с 1812 г. — директор Инженерного департамента, в 1813–1815 гг. — начальник главного штаба Польской армии, с 1815 г. — инспектор Инженерного корпуса в Главном штабе его императорского величества, в 1816–1830 гг. — управлял Инженерным департаментом Военного министерства, с марта 1827 г. — одновременно и Департаментом по строительной части Морского министерства, с 1823 г. — инженер-генерал, с 1827 г. — член Государственного совета.

А. А. Аракчееву, 20 марта 1817

[1] Речь идет об имении князей Эристовых (Эристави) в Южной Осетии. В 1812 г. в своих ходатайствах к российским властям архиепископ Досифей заявил, что Осетинская духовная комиссия, которой он руководил, не может приступить к работе, поскольку из-за произвола, чинимого князьями Эристави в Южной Осетии, осетины отказываются принимать христианство. 31 августа 1814 г. царь направил Ртищеву рескрипт, в котором предписывал главнокомандующему лишить князей Эристави владельческих прав в Южной Осетии, а имения и населенные пункты, кои ранее были им пожалованы, передать в государственную собственность. Одновременно князьям назначалось вознаграждение «по десяти тысяч рублей серебром в год потомственно». В конце 1815 г. князья Эристави подали на имя Александра I прошение, в котором пожаловались на архиепископа Досифея, якобы ложно утверждавшего, что они, Эристави, были в Южной Осетии правителями, а не владельцами имений. Опровергая это, князья указывали и на незначительность денежной компенсации, назначенной им, заявив, что «…наследие» в Южной Осетии «невозможно вознаградить даже многими миллионами, так как оно бесценно…». 9 мая 1816 г. Аракчеев вручил Ермолову решение Комитета министров, который признавал имения за Эристовыми как владельцами и предлагал Осетинской духовной комиссии в случае необходимости для нее этих имений рассмотреть вопрос о компенсациях. Осенью 1816 г. Ермолов провел в Тифлисе собрание Верховного грузинского правительства и членов Синодальной конторы. По результатам обсуждения вопроса, доложенного Ермоловым царю, Александр I в феврале 1817 г. объявил: «… указа моего от 31 августа 1814 года в исполнение не приводить… [имения] оставить по-прежнему во владении князей Эристовых на основании указа моего 5 мая 1803 года».

[2] Ермолов направил всеподданнейший рапорт по вопросу переселения иностранных подданных в Грузию 24 марта 1817 г. Российское правительство с момента присоединения Грузии к России стремилось привлечь иностранных переселенцев в обезлюдившую из-за политических потрясений и нашествий конца XVIII в. страну. Однако за 15 лет удалось вызвать из-за границы и поселить на пустующих землях всего около 300 семейств. Грузинские дворяне в качестве причины такого положения дел выставляли высочайшее повеление от 22 марта 1808 г., согласно которому переселенцы объявлялись свободными или казенными, после чего грузинские помещики перестали заботиться о вывозе из-за границы даже собственных крестьян, покинувших свои земли. Ермолов предлагал предоставить помещикам власть над выходцами из-за границы и получение доходов на арендных условиях, с запретом продавать и дарить таких крестьян без земли, а также предоставить переселенцам право перехода к другому помещику или на казенные земли при определенной компенсации прежнему владельцу (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 5–6).

А. А. Закревскому, 1 апреля 1817

[1] П. П. Коновницыну.

А. А. Закревскому, 9 апреля 1817

[1] См. письмо от 22 февраля 1817 г. и прим. 4 к нему. 21 января 1819 г. Ермолов обратился к министру народного просвещения, поддержав инициативу грузинского гражданского губернатора Р. И. фон дер Ховена о необходимости назначить в училище преподавателей татарского языка, геодезии, фортификации, гражданской архитектуры и танцев, а также увеличить срок обучения с четырех до пяти лет. В 1830 г. на базе этого училища была открыта гимназия.

[2] О необходимости присылки специалиста для организации стеклянного производства Ермолов писал министру финансов Д. А. Гурьеву еще 31 декабря 1816 г. Причем в случае невозможности организации казенного производства Ермолов просил Гурьева обратиться к министру внутренних дел и «склонить его на приглашение к тому партикулярных людей», которым обещал всяческую помощь (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 256).

А. А. Закревскому, 12–17 апреля 1817

[1] Траверсе Иван Иванович (1754–1831) — маркиз, родился на острове Мартиника, служил во французском флоте, участвовал в морских сражениях в Вест-Индии, в 1791 г. перешел с французской службы на русскую и получил чин контр-адмирала, с 1797 г. — вице-адмирал, с 1801 г. — адмирал, с 1802 г. — главный командир портов Черного моря и военный губернатор Севастополя, в 1809 г. — начальник обороны Крыма и Тамани, в 1811–1828 гг. — морской министр.

[2] Султан-Ахмет-Хан (ум. 1826) — в 1802–1819 гг. — аварский хан, генерал-майор русской службы, лидер ханского движения.

[3] См. прим. 3 к письму Ермолова Воронцову от 29 декабря 1816 г.

[4] До назначения Ермолова на Кавказ на Сунже был редут Нарзановский, прикрывавший дорогу от Моздока на Грузию. Для большей безопасности этой дороги летом 1817 г. на Сунже (неподалеку от того места, где позднее располагалась станица Михайловская) было построено укрепление Преградный Стан.

[5] Имеется в виду будущая крепость Грозная, основанная в 1818 г.

[6] Вероятно, Эссен Петр Кириллович (1772–1844) — граф (с 1833 г.), с 1800 г. — генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, в 1817–1830 гг. — оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью, командир Отдельного Оренбургского корпуса и начальник пограничной части края, генерал от инфантерии (с 1819 г.), в 1830–1842 гг. — санкт-петербургский военный генерал-губернатор, с 1830 г. — член Государственного совета.

[7] Имеется в виду П. Н. Ермолов.

[8] Проконсул — в Древнем Риме государственная должность. Первоначально проконсулы выполняли военные поручения вне Рима, а с образованием провинций осуществляли высшую юридическую, административную и военную власть в провинциях.

[9] Марченко Марья Осиповна (ум. 1858) — урожденная Шмидт, с 1806 г. супруга В. Р. Марченко.

М. С. Воронцову, 17 апреля 1817

[1] В 1815 г. в Англии были введены в действие «хлебные законы» — тарифы на импорт, защищавшие продукцию английских землевладельцев от конкуренции со стороны дешевого импортного зерна, следствием чего стали высокие цены на хлеб. Кроме того, протекционистская политика европейских государств послужила причиной уменьшения сбыта английских товаров, что, в свою очередь, привело к ухудшению положения промышленных рабочих. Все это на фоне неурожая 1816 г. вызвало массовые народные волнения. В частности, 2 декабря 1816 г. вспыхнуло восстание в Спафильдсе близ Лондона. Выступления происходили также в Манчестере и графстве Ноттингем. Правительство даже добилось разрешения парламента на приостановление действия «Habeas corpus act» (История XIX века / Под. ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 4. М., 1938. С. 6–10).

[2] Отец М. С. Воронцова — Семен Романович Воронцов (1744–1832) с 1785-го по 1806 г. с небольшим перерывом был послом России в Лондоне, после отставки жил в Англии. С 1797 г. — граф. Брат Екатерины Романовны Дашковой, фаворитки Петра III Елизаветы Романовны Воронцовой и канцлера Александра Романовича Воронцова.

С. К. Вязмитинову, 17 апреля 1817

[1] Возможно, Меликов Соломон Таймуразович (1771–1829) — надворный советник, дипломат, убит в Тегеране вместе с А. С. Грибоедовым; был женат на княжне Евфимии Соломоновне Лионидзе.

А. А. Закревскому, 25 апреля 1817

[1] Эриванским сардарем (правителем области в Персии) с 1808-го по 1828 г. был Гусейн Кули-Хан.

[2] Эриванское ханство было ареной активных военных действий в ходе русско-персидской войны 1804–1813 гг., особенно в 1804 г. А неудачная осада Эривани в 1808 г. привела к смене главнокомандующего — место И. В. Гудовича занял А. П. Тормасов. В ходе следующей войны 5 октября 1827 г. Эривань была взята генералом И. Ф. Паскевичем, получившим за это титул графа Эриванского, и в 1828 г. присоединенное к России Эриванское ханство было преобразовано в Армянскую область.

А. А. Закревскому, 15 августа 1817

[1] Выехав 18 апреля, посольство 30 апреля прибыло в Талынь — первое селение на персидской границе, а на следующий день двинулось через Эчмиадзин, Эривань и Нахичевань в Тавриз.

[2] Иран являлся сферой интересов и объектом соперничества европейских держав, прежде всего Англии и Франции и России. Договор, заключенный в 1801 г. между Ираном и Британией, давал последней возможность вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику. Проникновение туда французов в эпоху наполеоновских войн наносило ущерб как российским, так и британским интересам. Франция предполагала в перспективе заставить Россию вывести войска из Грузии, передав ее в сферу иранских интересов. Вместе с тем через иранскую территорию можно было осуществлять проникновение в Индию. В 1807 г. Франция добилась кратковременного успеха, заключив с Ираном договор. Вскоре в Иран приехала большая французская миссия из 70 офицеров и гражданских лиц под руководством генерала Гардана. Однако договоры, подписанные Ираном с Англией в 1809, 1812 и 1814 гг., вновь изменили баланс в ее сторону (см. прим. 5 к письму М. С. Воронцову от 10 января 1817 г.).

С помощью английских и французских инструкторов наследник шахского престола Аббас-Мирза пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу (*Сухоруков С. А.* Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб., 2009. С. 24–27).

[3] С. Д. Киселеву.

[4] Киселев Дмитрий Иванович (1761–1820) — действительный статский советник, первоприсутствующий в Московской оружейной палате, отец П. Д. Киселева.

[5] Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — российский государственный деятель, граф (с 1839 г.), генерал от инфантерии (с 1834 г.). Участник наполеоновских войн. В 1819 г. назначен начальником штаба 2-й армии, министр государственных имуществ (1837–1856), русский посол в Париже (1856–1862).

[6] Ермолов намекает на англоманию М. С. Воронцова.

А. В. Казадаеву, август 1817

[1] В этот период Казадаев был озабочен поисками нового места службы, в частности, искал места помощника статс-секретаря в Государственном совете, в связи с чем обращался и к А. Н. Оленину.

[2] Имеется в виду А. А. Аракчеев.

[3] Речь идет о подготовительных работах по созданию будущей Военной галереи Зимнего дворца. В 1817 г. по поручению Александра I в 1-м отделении Инспекторского департамента Главного штаба были подготовлены списки генералов, принимавших участие в походах 1812–1815 гг., причем эти списки дорабатывались А. А. Закревским (*Подмазо А. А.* Декабристы и Военная галерея // http://www.museum.ru/museum/1812/Persons/VGZD/kritika_05.html#r1).

[4] Витгенштейн Петр Христианович (1868–1843) — светлейший князь, участник наполеоновских войн, с 1812 г. — генерал от кавалерии, в 1812 г. — командир 1-го Отдельного корпуса, в апреле-мае 1813 г. — главнокомандующий российско-прусскими войсками, с 1818 г. — главнокомандующий 2-й армией, член Государственного совета, с 1826 г. — генерал-фельдмаршал, в 1828 г. командовал 2-й армией в войне с Турцией.

[5] Мошков (Машков) Владимир Иванович (1792–1839) — один из первых русских художников-баталистов, находился в составе посольства А. П. Ермолова в Персии; выезжал на театр боевых действий с персами и турками в 1827–1829 гг. В письме речь идет о портрете Ермолова, созданном в 1817 г., по которому А. Г. Ухтомский выполнил гравюру.

А. А. Закревскому, 25 сентября 1817

[1] Инструкция, данная Ермолову царем, предполагала уступку ряда территорий Персии. Во время переговоров с персидскими министрами, а потом и с Фетх-Али-Шахом Ермолову удалось добиться гарантий, что вопрос об областях, отошедших к России по Гюлистанскому договору, считается оконченным и эти земли впредь в возврат требованы не будут (*Берже П.* Посольство А. П. Ермолова в Персию // Русская старина. 1877. № 6. С. 257; № 7. С. 411).

[2] Имеется в виду «Журнал посольства в Персию», который сначала распространялся в рукописных копиях, а позднее был опубликован (Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2).

[3] Согласно высочайше утвержденному штату советниками посольства были действительные статские советники А. Ф. Негри и А. Е. Соколов. В состав посольства также входили: секретарь коллежский советник Худобашев; маршал лейб-гвардии Семеновского полка капитан П. Н. Ермолов; кавалеры лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитан князь В. О. Бебутов, лейб-гвардии Преображенского полка прапорщик граф Н. А. Самойлов, свиты е. и. в. по квартирмейстерской части поручик Бобрыкин, а также офицеры квартирмейстерской части, доктор, два живописца, священник и другие лица — всего с учетом конвоя более 200 человек.

[4] Кикин Петр Андреевич (1775–1834) — образование получил в пансионе Московского университета, в 1802 г. поступил на службу в Семеновский полк, полковник (с 1806 г.), в 1812 г. исполнял должность дежурного генерала 1-й Западной армии, произведен в генерал-майоры (декабрь 1812), в Заграничных походах командовал 2-й бригадой 6-й пехотной дивизии, с 1815 г. — в отставке, в 1816 г. — переименован в действительные статские советники и назначен статс-секретарем «у принятия прошений, на высочайшее имя приносимых», и членом комиссии прошений, позднее тайный советник, с 1823 г. — сенатор, с 1826 г. — в отставке. Ему принадлежит мысль о возведении в Москве храма Христа Спасителя, которая через А. С. Шишкова была доведена до императора. В Петербурге был близок с Н. С. Мордвиновым, адмиралом А. С. Шишковым, Г. Р. Державиным; был членом Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства, одним из основателей в 1820 г. Общества поощрения художников. Известен как знаток искусства и меценат.

А. А. Закревскому, 22 октября 1817

[1] В Талыни на персидской границе Ермолова ожидал чиновник эриванского сардаря и назначенный к нему от персидского правительства в качестве михмандаря (чиновник для встречи на границе посланников и других членов дипломатического корпуса) Аскер-Хан, состоявший ранее послом во Франции.

[2] То есть царю.

[3] Имеется в виду А. П. Кутузов.

[4] Имеется в виду А. С. Меншиков, который 6 октября 1817 г. был пожалован генерал-адъютантом.

[5] Мишо де Боретур Александр Францевич (1771–1841) — уроженец Пьемонта, российский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал-майор (1813), генерал от инфантерии (1841), генерал-адъютант; в 1814 г. был отправлен с военно-дипломатической миссией в Пьемонт; в честь возвращения сардинского короля в Турин в 1816 г. пожалован титулом графа де Боретур («счастливое возвращение»); графское достоинство Российской империи получил в 1823 г.

[6] Имеется в виду папа римский, имевший право давать графские титулы.

[7] Квартирное расписание армии, определявшее дислокацию частей в зависимости от военно-стратегической обстановки, необходимости соблюдать «уравнительность» при несении населением постойной повинности и удобства обеспечения войск провиантом и фуражом, ежегодно составлялось в Военном министерстве.

[8] Речь идет об одном из распространенных лечебных приемов в то время — кровопускании, которое позволяло снизить кровяное давление.

[9] Мария Федоровна (1759–1828) — с 1796 г. — императрица, супруга Павла I.

[10] Елизавета Алексеевна (1779–1826) — с 1801 г. — императрица, супруга Александра I.

[11] Александра Федоровна (1798–1860) — с 1817 г. — великая княжна, урожденная принцесса Прусская, с 1825 г. — императрица, супруга Николая I.

[12] Екатерина Павловна (1788–1819) — великая княгиня, сестра Александра I, в 1809–1812 гг. — в браке с принцем Г. П. Ольденбургским, с 1816 г. — с наследным принцем Ф. В. К. Вюртембергским (с 1816 г. — вюртембергский король Вильгельм I).

[13] Мария Павловна (1786–1859) — великая княжна, сестра Александра I, с 1804 г. — в браке с герцогом Карлом Фридрихом Саксен-Веймар-Эйзенахским (с 1828 г. — великим герцогом).

[14] Анна Павловна (1795–1765) — великая княжна, сестра Александра I, с 1816 г. — замужем за принцем Вильгельмом Оранским (с 1840 г. — король Нидерландов Вильгельм II).

П. А. Кикину, 28 октября 1817

[1] Кикина Мария Ардалионовна (1787–1828) — жена П. А. Кикина, урожденная Торсукова, дочь бригадира А. А. Торсукова от брака с фрейлиной Е. В. Перекусихиной.

Елизавете Алексеевне, 30 октября 1817

[1] В ответном письме от 22 февраля 1818 г. императрица поблагодарила Ермолова за шали и в качестве ответного подарка послала ему бриллиантовый перстень с солитером, купленный у ювелира Классона за 8 тыс. руб. (РГИА Ф. 535 Оп. 1. Д. 10. Л. 156, 189).

А. А. Закревскому, 5 ноября 1817

[1] См. прим. 8 к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817.

М. С. Воронцову, 5 ноября 1817

[1] Гардан Клод-Матье (1776–1817) — французский генерал и дипломат, с 1804 г. — адъютант Наполеона, в 1807 г. отправлен со специальной миссией в Персию, с 1815 г. — в отставке.

[2] Малькольм Джон (1769–1833) — британский военный, колониальный администратор, дипломат, лингвист и историк. В качестве офицера в составе вооруженных сил Ост-Индской компании служил в различных регионах Индии, где изучал восточные языки. В совершенстве овладел персидским языком и в течение многих лет служил в качестве переводчика и дипломата в Персии. В 1815 г. опубликовал «Историю Персии», благодаря которой получил докторскую степень Оксфордского университета.

[3] Надир-Шах Афшар (1688–1747) — шах Ирана (1736–1747) и основатель тюркской династии Афшаридов. Создал империю с границами от Кавказа до реки Инд.

[4] Ага-Магомед-Хан Каджар (1742–1797) — шах Ирана с 1796 г., основатель династии Каджаров, в 1796 г. произвел опустошительный набег на Грузию.

[5] Магомет-Али-Мирза (1789–1821) — старший сын Фетх-Али-Шаха; матерью Магомет-Али-Мирзы была грузинская наложница.

[6] Хорасан (в переводе с персидского «откуда восходит солнце») — историческая область в Восточном Иране.

А. А. Закревскому, 30 ноября 1817

[1] Паленица — хлеб.

[2] Вельяминов Иван Александрович (1771–1837) — генерал-лейтенант (с 1814 г.), с 1818 г. — начальник 20-й пехотной дивизии, управляющий гражданской частью в Грузии, с 1827 г. — командующий Отдельным Сибирским корпусом и генерал-губернатор Западной Сибири, с 1828 г. — генерал от инфантерии.

[3] Вельяминов Алексей Александрович (1785–1838) — товарищ Ермолова по службе в гвардейской артиллерийской бригаде, с 1818 г. — генерал-майор, с 1816 г. — начальник штаба Отдельного Грузинского (с 1820 г. — Кавказского) корпуса, в 1831–1838 гг. — начальник войск на Кавказской линии и в Черномории, начальник Кавказской области.

[4] Кишкин Василий Михайлович (ум. 1831) — с 1817 г. — генерал-майор, в 1818–1829 гг. — командир лейб-гвардии Литовского полка, генерал-лейтенант с 1829 г.

[5] Самбурский Аким Петрович — в 1815–1817 гг. — командир Черниговского пехотного полка, с 1817 г. — генерал-майор.

[6] Севарсемидзев (Саварсамидзе) Леонтий (Леван) Яковлевич — князь, с 1818 г. — полковник, в 1816–1827 гг. — командир Тифлисского пехотного полка, с 1837 г. — генерал-майор.

[7] Деволлан Франц Павлович (1752–1818) — французский инженер на русской службе, архитектор Одессы, инженер-генерал (с 1810 г.), с 1812 г. — главный директор путей сообщения.

[8] Ирония Ермолова основана на том, что Деволлану как главному директору путей сообщения подчинялось и управление водными коммуникациями.

[9] Орбелиани Дмитрий Захарович (1763–1827) — князь, начал службу в 1769 г. в конной гвардии, участник 2-й русско-турецкой войны, с 1802 г. — помощник главноуправляющего Грузией П. Д. Цицианова, занимался формированием грузинской милиции, в 1803 г. после убийства И. Г. Лазарева вывозил царицу Марию из Грузии, в 1811 г. был командиром 20-й пехотной дивизии, с 1812 г. — генерал-лейтенант, в 1816 г. состоял по армии.

[10] Попов Семен Иванович (р. 1787) — служил с 1805 г. в Суздальском пехотном полку, с 1814 г. — в лейб-гвардии Уланском полку, с 1815 г. — поручик, адъютант Н. Ф. Ртищева.

[11] Салагов Семен Иванович (1754–1820) — князь, с 1771 г. служил в Севском пехотном полку, участник 2-й русско-турецкой войны, с 1800 г. — генерал-лейтенант, сенатор, с 1805 г. — президент генерал-аудиториата, с 1812 г. — член Совета военного министра.

[12] Мазарович Семен Иванович (1779–1852) — происходил из Венеции, врач, дипломат, в 1817 г. — коллежский советник, участник посольства в Персию в 1817 г., формально находился при миссии в качестве доктора; с 1818-го по 1826 г. был главой русской миссии при шахском дворе, с 1826 г. прикомандирован к командиру Отдельного Кавказского корпуса, с 1828 г. состоял чиновником особых поручений при главноуправляющем в Грузии, позднее статский советник.

[13] Астраханское казачье войско создано в 1817 г. из казаков Нижнего Поволжья, несших сторожевую службу на Волге со времени присоединения Астрахани к России (1556). В 1737 г. в Астрахани была сформирована трехсотенная команда для конвоирования курьеров, почты и караульной службы, реорганизованная 28 марта 1750 г. в Астраханский пятисотенный полк, который был расселен по правому берегу Волги от Астрахани до Черного Яра. В начале XIX в. к полку присоединили царицынскую, камышинскую, саратовскую казачьи команды, остатки волжских казаков, некоторое количество калмыков и татар. В 1815 г. численность полка составляла 1686 человек, и в 1817 г. полк был реорганизован в трехполковое Астраханское казачье войско. Сборный полк Астраханского казачьего войска был направлен на Кавказскую линию. В 1833 г. войско было изъято из ведения командования Отдельного Кавказского корпуса и подчинено астраханскому губернатору как наказному атаману (см.: *Скворцов В.* Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. СПб., 1890; Высочайше утвержденное положение Астраханскому казачьему войску от 7 мая 1817 г. см.: ПСЗ. Т. XXXIV. № 26840).

[14] Алибухара — род кисловатых абрикосов.

М. С. Воронцову, 30 ноября 1817

[1] Каджары — тюркоязычное племя в Иране, которое дало имя династии Каджаров, правившей с 1796-го по 1925 г.

[2] Каймакам — почетный титул, жалуемый заместителю крупного сановника или первого министра. В данном случае имеется в виду Мирза-Безюрг — уроженец Ферахана, который был, по значению своему, вторым лицом в государстве и пользовался особенным доверием шаха. Ему было поручено воспитание Аббаса-Мирзы, на которого он имел большое влияние.

[3] Сеид — в мусульманских странах почетный титул лиц, ведущих свой род от Магомета.

[4] Мирза-Абдул-Вехаб Исфахани (ум. 1828/1829) — государственный секретарь Персии, один из ближайших советников шаха.

[5] См. прим. 7 к письму М. С. Воронцову от 10 января 1817.

А. А. Закревскому, 22 января 1818

[1] Павлов Алексей Александрович (ум. 1865) — отставной штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, муж сестры А. П. Ермолова Анны Петровны, в 1820-х титулярный советник, позднее камергер, служил при Синоде, был близок к клерикальному миру, в частности к архимандриту Фотию и графине А. А. Орловой-Чесменской.

[2] Николай Павлович (1796–1855) — великий князь, с 1825 г. — император Николай I. Вероятно, речь идет о пребывании великого князя в Берлине осенью 1815 г., когда русские войска возвращались из похода через Пруссию на родину.

А. А. Закревскому, 27 января 1818

[1] Воейков Николай Павлович (1797–1871) — воспитывался в Московском училище колонновожатых, с 1816 г. — прапорщик, с 1816 г. служил на Кавказе, с 1818 г. — подпоручик, в 1820 г. переведен в Гвардейский генеральный штаб, в 1822 г. — в лейб-гвардии Московский полк с назначением адъютантом к Ермолову, с 1825 г. — штабс-капитан, проходил по делу декабристов, но был оправдан, в 1860–1863 гг. — медынский уездный предводитель дворянства; находился при А. П. Ермолове во время его кончины в 1861 г.

[2] А. А. Вельяминов был произведен в генерал-майоры 1 января 1818 г.

[3] Имеется в виду В. М. Кишкин.

[4] Имеется в виду Абамелик Иван Семенович (1768–1828) — князь, с 1817 г. — генерал-майор.

А. А. Закревскому, январь 1818

[1] Дворянские выборы в Грузии имели свои особенности. В январе 1818 г. Ермолов получил от ряда князей и дворян просьбу разрешить им присутствовать в дворянском собрании и участвовать в его деятельности, несмотря на отсутствие у них офицерских чинов. Некоторым из них уже не позволял служить возраст, а некоторые, согласно их утверждениям, помогали российским войскам, находясь в своих домах, и даже удостаивались благодарности российских властей. Жалованная же грамота позволяла участвовать в выборах и иметь голос в дворянском собрании только имеющим офицерские чины (годились даже полученные от грузинских царей), а также отвечающим определенному имущественному цензу. В 1803 г. к этой категории были причислены и те, кто с момента установления российской власти в Грузии исправлял какие-либо должности. Прочим же дворянам разрешалось только присутствовать в собрании. Эти ограничения Ермолов еще раз подтвердил в инструкции Р. И. фон дер Ховену 28 января 1818 г., подчеркнув, что в данном случае не играет роли ни «знатность породы», ни «знатность имений» (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 98–99).

А. А. Закревскому, 12 февраля 1818

[1] Граббе Павел Христофорович (1789–1875) — граф (1866 г.), участник наполеоновских войн, в 1812 г. в чине поручика лейб-гвардии конной артиллерии адъютант М. Б. Барклая де Толли, а затем А. П. Ермолова, генерал-лейтенант (с 1837 г.), генерал-адъютант (с 1839 г.), в 1838–1842 гг. — командующий войсками Кавказской линии и Черномории; генерал от кавалерии (1855), в 1854–1859 гг. — исправляющий должность военного губернатора Ревеля и командующего войсками в Эстляндии, с 1862–1866 гг. — войсковой атаман Донского казачьего войска, с 1866 г. — член Государственного совета.

[2] Печерский Федор Иванович — полковник (с 1807 г.), в 1808–1815 гг. — шеф 15-го егерского полка, в 1815–1816 гг. — командир этого полка, с 1818 г. — служил во внутренней страже.

[3] Дебу Иосиф Львович (1774–1842) — полковник (с 1806 г.), с 1810-го по 1826 г. служил на Кавказе, в 1809–1815 гг. — шеф Казанского мушкетерского (пехотного) полка, в 1815–1816 гг. — его командир, с 1816 г. — генерал-майор, командир 1-й бригады 22-й пехотной дивизии и начальник правого фланга Кавказской линии, в 1826 г. перешел на гражданскую службу, в 1827–1832 гг. — оренбургский гражданский губер-

натор, с 1832 г. — тайный советник, сенатор. В 1821–1822 гг. в «Отечественных записках» была опубликована его работа «Разные исторические замечания относительно народов, соседственных Кавказской линии», в 1829 г. напечатана его «Записка о Кавказской линии и присоединенных к оной Черноморских войсках».

[4] Рот Логгин Осипович (1780–1851) — с 1814 г. — генерал-лейтенант, начальник 3-й гренадерской дивизии, с 1818 г. — начальник 15-й пехотной дивизии, с мая 1820 г. — командир 3-го пехотного корпуса, в 1826–1827 гг. — командир 4-го пехотного корпуса, с 1828 г. — генерал от инфантерии, генерал-адъютант (1835).

А. А. Закревскому, 10 марта 1818

[1] Воронов Василий Иванович (р. 1786) — с 1802 г. — поручик лейб-гвардии Измайловского полка, затем в Ярославском и Московском мушкетерском полках, в 1809 г. переведен в 1-й кадетский корпус, с 1811 г. — подполковник, в звании адъютанта у наследного принца Г. Голштейн-Ольденбургского, а с 1812 г. — полковник, в 1816 г. поступил в Корпус инженеров путей сообщения, в 1818 г. находился в Богемии, куда был отпущен «к минеральным водам… для излечения раны», с 1820 г. — генерал-майор, с 1826 г. — в отставке.

[2] Имеется в виду Павел Павлович Пезаровиус (1776–1847), основатель и первый редактор газеты «Русский инвалид».

[3] Греков Николай Васильевич (1785–1825) — служил на Кавказе с 1805 г., с 1816 г. — командир 16-го егерского полка, с 1819 г. — командир 43-го егерского полка; с 1822 г. — генерал-майор, командир 1-й бригады 22-й пехотной дивизии, начальник левого фланга Кавказской линии; убит 18 июля 1825 г.

[4] Багратион Александр Иванович (1771–1820) — князь, майор, командир Хоперского казачьего полка, в 1816–1817 гг. — командир Астраханского казачьего полка.

[5] Отто — с 1811 г. — генерал-майор, в 1812 г. — дивизионный начальник отдельной рекрутской дивизии, до 1818 г. — комендант Астрахани.

[6] Багратион Петр Иванович (1869–1812) — князь, генерал от инфантерии (1809), в 1812 г. — главнокомандующий 2-й Западной армией.

[7] Иванов Григорий Тимофеевич (ум. 1818) — полковник, участник посольства А. П. Ермолова в Персию в 1817 г., с 1816 г. — обер-квартирмейстер Отдельного Грузинского корпуса; застрелился 14 ноября 1818 г. в результате тяжелого психического заболевания.

[8] Строганов Григорий Александрович (1770–1857) — барон, с 1826 г. — граф; дипломат, с 1821 г. — действительный тайный советник, в 1812–1816 гг. — российский посланник в Стокгольме, в 1816–1821 гг. — в Константинополе, в апреле 1817 г. получил орден Св. Александра Невского, с 1827 г. — член Государственного совета.

[9] Чернышев Александр Иванович (1786–1857) — князь (с 1841 г.), светлейший князь (с 1849 г.), генерал-адъютант (с 1812 г.), генерал от кавалерии (с 1827 г.), с 1828 г. — управляющий Главным штабом, военный министр (1832–1852), председатель Государственного совета и Комитета министров (1848–1856), а также председатель комитета по делам Закавказского края, затем Кавказского комитета (1840–1856).

[10] Ожаровский Адам Петрович (1776–1855) — участник наполеоновских войн, с 1807 г. — генерал-майор и генерал-адъютант, с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1826 г. — генерал от кавалерии, в 1827 г. — командир Отдельного Литовского корпуса, с 1833 г. — член Госсовета Царства Польского, с 1841 г. присутствовал в варшавских департаментах Сената.

[11] Яшвиль Лев Михайлович (1768–1836) — участник наполеоновских войн, генерал-лейтенант (с 1812 г.), генерал от артиллерии (с 1819 г.), с 1813 г. — начальник артиллерии Главной действующей армии, с 1816 г. — начальник артиллерии 1-й армии;

получил орден Св. Владимира 1-й степени в 1815 г. за блестящее состояние артиллерии при смотре ее государем во Франции.

[12] Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825) — участник наполеоновских войн, генерал от инфантерии (с 1809 г.), граф с 1813 г., с 1818 г. — санкт-петербургский военный генерал-губернатор и управляющий гражданской частью Петербургской губернии.

[13] А. П. Тормасов получил графское достоинство в 1816 г.

[14] Имеется в виду П. И. Меллер-Закомельский.

[15] Глазенап Григорий Иванович (1750–1819) — генерал-лейтенант (с 1800 г.), с 1801 г. — шеф Нижегородского драгунского полка, с марта 1804 по 1806 г. инспектор кавалерии на Кавказе и начальник Кавказской линии; после убийства П. Д. Цицианова до прибытия И. В. Гудовича по высочайшему повелению управлял Кавказским краем; в 1807–1815 гг. — инспектор войск Сибирской инспекции и начальник Сибирской линии, с 1815 г. — командир Отдельного Сибирского корпуса.

[16] Портнягин Семен Андреевич (1764–1827) — с 1800 г. — генерал-майор, в 1801–1814 гг. — шеф Нарвского драгунского полка, с 1803 г. с полком на Кавказе; герой русско-турецкой (1806–1812) и русско-персидской (1804–1813) войн, в 1812–1814 гг. — командующий войсками Кавказской линии и начальник 19-й пехотной дивизии; в 1814 г. отставлен от службы, после чего жил в Тифлисе, с 1822 г. — начальник 8-го округа внутренней стражи.

[17] Имеется в виду супруга М. Б. Барклая де Толли Елена (Елена Августа Элеонора) Ивановна, урожденная фон Смиттен.

[18] «Дух журналов» — журнал, издававшийся Г. М. Яценко в России в 1815–1820 гг. и наиболее ярко представлявший либеральное направление в русской журналистике Александровской эпохи. Выступая с переводными статьями против философии Фихте и Шеллинга, в политических вопросах этот журнал стоял на платформе конституционализма.

[19] Конскрипция — система комплектования войск, которая была введена во Франции в революционную эпоху и просуществовала там до 1872 г. Первоначально военная служба на основании конскрипции была лично обязательна для всех граждан, но уже в 1800 г. было допущено право ее замены в весьма широкой и неопределенной форме для лиц, «которые могут принести государству большую пользу, продолжая свои занятия и ученые труды». Это право замены, постепенно все более и более расширявшееся, сделалось характерной особенностью для данной системы комплектования. А. П. Ермолов имеет в виду статью «О конскрипции в прусских владениях» (Дух журналов. 1818. Ч. 25. Кн. 6. С. 193–200).

[20] Имеется в виду А. А. Клейнмихель.

[21] Шафран — растение, пряность, в XIX в. широко использовавшееся в медицине при урологических и других заболеваниях как жаропонижающее и мочегонное средство.

А. А. Закревскому, 26 марта 1818

[1] А. П. Ермолов 20 января 1818 г. был произведен за посольство в Персию в генералы от инфантерии.

А. А. Закревскому, 17 апреля 1818

[1] Речь идет о серии т. н. оправдательных записок М. Б. Барклая де Толли, составленных им осенью 1812 — в начале 1813 г. с целью объяснения мотивов своих действий на посту главнокомандующего в 1812 г. и распространявшихся в рукописном виде. Содержание этих записок, очевидно, должно было задеть А. П. Ермолова,

который с 30 июня 1812 г. занимая должность начальника штаба 1-й армии, то есть будучи ближайшим сотрудником Барклая, принадлежал к той группе генералов, которая находилась в оппозиции к отступательному плану главнокомандующего. Именно Ермолов приложил немало усилий к разжиганию в главной квартире настроений, враждебных Барклаю. В своих письмах к П. И. Багратиону он призывал его взять на себя командование армиями. Более того, 16 июля 1812 г. в тайне от Барклая Ермолов направил царю письмо, в котором высказался за назначение единого главнокомандующего над 1-й и 2-й армиями, а в письме от 27 июля прямо писал, что главнокомандующим должен стать Багратион. Со своей стороны, Барклай в одной из своих оправдательных записок — «Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году» — весьма нелицеприятно отозвался о Ермолове, назвав его «интригантом», плетущим против него козни при поддержке Багратиона и великого князя Константина Павловича. Отсюда и опасения А. А. Закревского по поводу возможной полемики Ермолова с Барклаем. Ермолов позднее владел пятью списками «Изображения», созданными в 1810–1830-х гг. (подробнее см: *Тартаковский А. Г.* Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года. М., 1996).

[2] Якимов — полковник, с 1815 по 1818 г. — командир 9-го егерского полка.

[3] Реут Иосиф Антонович (1786–1855) — в 1812 г. — майор, в 1818 г. — подполковник, командир 9-го егерского полка с 1812 по 1815 и с 1818 по 1820 г.; с 1825 г. — полковник, с 1825 г. — генерал-майор, с 1830 г. — командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии, в 1831–1832 гг. управлял Джаро-Белоканской областью; с 1836 г. состоял по армии, занимая в основном административные должности, с 1841 г. — генерал-лейтенант; в 1842–1849 гг. был членом Совета главного управления Закавказским краем, во время отсутствия начальника гражданского управления князя В. О. Бебутова исправлял его должность.

[4] Анненков Александр Петрович — в 1818 г. — полковник 9-го егерского полка, исправляющий должность коменданта в Тифлисе.

А. В. Казадаеву, 17 апреля 1818

[1] А. Н. Оленин.

[2] Сапожников Петр Семенович (1762–1828) — астраханский купец-рыбопромышленник, либо его сын Александр Петрович (1788–1827).

А. А. Закревскому, апрель 1818

[1] Гевальдигер — офицер, возглавляющий военную полицию.

[2] В марте 1818 г. по высочайшему повелению для усиления войск на Кавказской линии туда был направлен из Крыма 8-й егерский полк в трехбатальонном составе.

[3] Петров Павел Иванович (1792–1871) — в 1807 г. поступил корнетом в Александрийский гусарский полк, участник наполеоновских войн, с 1813 г. — ротмистр, с 1818 г. — командир Моздокского казачьего полка, с 1819 г. — майор, с 1820 г. — подполковник, с 1826 г. — полковник и наказной атаман Астраханского казачьего войска, с 1834 г. — генерал-майор, в 1834–1839 гг. — начальник штаба Кавказской линии и Черномории, в 1839–1841 гг. служил по Министерству внутренних дел, затем в отставке.

[4] В марте 1818 г. собрался первый сейм, открытый многообещающей речью Александра I, содержавшей намеки на введение конституции на всей территории Российской империи и на расширение Царства Польского за счет присоединения к нему земель, находившихся прежде в составе Великого княжества Литовского. Эта речь произвела большое впечатление в Польше, в России и за границей.

[5] По всей видимости, речь идет о письмах Ермолова антибарклаевского содержания, в одном из которых фигурировал и А. А. Закревский, который в 1811 г. был адъютантом Барклая де Толли, в 1812 г. заведовал Особенной канцелярией военного министра.

[6] По всей видимости, речь идет о дневнике, который вел Ермолов, или о черновых вариантах «Записок». «Записки» были напечатаны в 1864–1868 гг. в «Чтениях Императорского общества истории и древностей российских» племянником генерала Н. П. Ермоловым. Эта публикация была выполнена по оригиналу, исправленному самим А. П. Ермоловым. До того в рукописном виде ходили три ранних варианта записок о 1812 г., подлинность которых сам А. П. не признавал (*Федоров В. А.* А. П. Ермолов и его записки // Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 22–23).

[7] Анализ внутриполитической ситуации в Персии Ермолов дает в письме М. С. Воронцову от 5 ноября 1817 г. Одной из уязвимых сторон политического режима в Персии было соперничество сыновей шаха за право наследование престола. Ермолов предложил вмешаться во внутридинастическую борьбу сыновей шаха, поддержав отстраненного от наследования престола старшего сына Мухаммада-Али-Мирзу в противовес законному наследнику младшему сыну шаха Аббасу-Мирзе — сторонник европейских реформ. Гражданская война между Аббасом-Мирзой и противником европейских учреждений Мухаммадом-Али-Мирзой, управлявшим Курдистаном, надолго ослабила бы Персию. О контактах Ермолова с Мухаммадом-Али-Мирзой свидетельствует в своих записках Н. Н. Муравьев (см. подробнее: *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. 2. С. 65–102).

[8] Лисаневич Григорий Иванович (1756–1832) — генерал-лейтенант (с 1814 г.), участник наполеоновских войн. По возвращении из заграничного похода Лисаневич был вызван к государю для совещания с ним и графом Аракчеевым по поводу создания военных поселений; с 1814 г. — начальник 3-й уланской дивизии, переведенной в 1817 г. на положение поселенных войск. С 1820 г. — в отставке.

[9] Витт Иван Осипович (1781–1840) — граф, с 1818 г. — генерал-лейтенант, с 1829 г. — генерал от кавалерии; участник наполеоновских войн, по окончании которых командовал Украинской казачьей (с 1816 г. — уланской) дивизией, затем поселенной на Украине 3-й уланской дивизией, в 1819–1823 гг. командовал резервными батальонами нескольких пехотных дивизий, с 1823 г. — командир 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса, с 1832 г. — инспектор всей резервной кавалерии.

[10] Княжнин Борис Яковлевич (1777–1854) — участник наполеоновских войн, с 1813 г. — генерал-майор, с 1815 г. — командир 2-й бригады 1-й гренадерской дивизии, с 1817 г. занимался устройством военных поселений запасных батальонов 1-й гренадерской дивизии в Новгородской губернии, с 1826 г. — петербургский обер-полицмейстер, с 1828 г. — сенатор, с 1843 г. — генерал от инфантерии.

[11] Александров Иван Яковлевич — в 1811–1815 гг. — командир Чугуевского уланского полка, с 1816 г. — генерал-майор, в 1818 г. — командир бригады, с 1826 г. — в отставке.

[12] Мельгунов Алексей Петрович (1722–1788) — действительный тайный советник, с 1764 г. — генерал-губернатор Новороссийской губернии; с 1765 г. — сенатор и президент Камер-коллегии, с 1777 г. до конца жизни был ярославским, а с 1780-го еще и вологодским генерал-губернатором. Сторонник просвещения; в 1786–1787 гг. издавал ежемесячный журнал «Уединенный пошехонец» — первый провинциальный журнал в России.

[13] Чернышев Захар Григорьевич (1722–1784) — генерал-аншеф (с 1762 г.), с 1773 г. — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии (1763–1774), в 1772–1782 гг. — генерал-губернатор могилевский и полоцкий, с 1882 г. — главнокомандующий в Москве.

Ермолов предостерегает Закревского от поручения поисков Александру Яковлевичу Княжину (1771–1829), брату Бориса Яковлевича Княжина (см. выше). А. Я. Княжин — с 1822 г. — генерал-майор, в 1818 г. — вице-директор Инспекторского департамента Главного штаба.

[14] Беннигсен Леонтий Леонтьевич (1745–1826) — с 1773 г. на русской службе, генерал от кавалерии (1802), барон, с 1813 г. — граф; участник дворцового переворота 11 марта 1801 г.; участник наполеоновских войн, в 1807 г. — главнокомандующий русской армией, в августе-ноябре 1812 г. исполняющий обязанности начальника Главного штаба русских армий; в 1813–1814 гг. — главнокомандующий Резервной армией; в 1814–1818 гг. — командующий 2-й (южной) армией.

[15] Рудзевич Александр Яковлевич (1776–1829) — с 1804 г. — полковник, служил на Кавказе, с 1811 г. — генерал-майор; с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1826 г. — генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов; с 1816 г. — начальник штаба 2-й армии, с 1819 г. — командир 7-го пехотного корпуса, а с 1826 г. — командир 3-го пехотного корпуса.

[16] Самойлов Николай Александрович (1800–1842) — граф, сын генерал-прокурора А. Н. Самойлова, с 1815 г. — прапорщик Преображенского полка, в 1817–1820 гг. — адъютант Ермолова, с 1821 г. — флигель-адъютант, позднее полковник, в отставке с 1827 г.

А. А. Закревскому, 31 мая 1818

[1] Закревский вступил в брак с графиней Аграфеной Федоровной Толстой (1800–1879) 27 сентября 1818.

[2] Драбант (трабант; от *польск.* Drabant, от *нем.* Drabant, Trabant — телохранитель) — представитель категории военнослужащих, в обязанности которых входило сопровождение, охрана или прислуживание. В русской армии в XIX в. драбантами называлась офицерская прислуга из нижних чинов в казачьих и милицейских частях — денщики или вестовые офицеров.

[3] Шультен Осип Иванович (ум. 1848) — родственник П. С. Котляревского, с 1804 г. — капитан Грузинского гренадерского полка, участник русско-персидской войны 1804–1813 гг., в начале 1820-х вышел в отставку с чином подполковника.

[4] Речь идет о перенесении левого фланга Кавказской линии с Терека на Сунжу и продлении ее далее через земли кумыков до Сулака. Таким образом, линия укреплений приближалась к Дагестану, откуда через Кубинскую провинцию можно было установить сообщение с Грузией, создав альтернативу Военно-Грузинской дороге. (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 287–288). См. также прим. 13 к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817 г.)

[5] Дельпоццо в 1818 г. был назначен комендантом Астрахани.

[6] Вреде Богдан Евстафьевич (ум. 1828) — барон, из лифляндских дворян, начал службу штык-юнкером в 1789 г., с 1818 г. — генерал-майор, в 1820 г. — командир 1-й бригады в 21-й пехотной дивизии.

[7] Речь идет о посещении в мае 1818 г. земли Войска Донского императором Александром I во время его поездки на юг. Столицу донских казаков Новочеркасск царь посетил на пути из Крыма в Таганрог. Результатом этого посещения стало создание в 1819 г. Комитета об устройстве Войска Донского, разработавшего Положение об управлении Донским войском, высочайше утвержденное 26 мая 1835 г.

А. С. Шишкову, 31 мая 1818

[1] Шишков Александр Семенович (1754–1841) — с 1799 г. — вице-адмирал, с 1824 г. — адмирал, в 1812–1814 гг. — государственный секретарь, в 1814 г. — член

Государственного совета, в 1824–1828 гг. — министр народного просвещения и главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий.

[2] Шишков Александр Ардалионович (1799–1832) — племянник А. С. Шишкова, воспитывавшийся в его доме, поэт романтического направления и переводчик; с 1817 г. — штабс-ротмистр Литовского уланского полка, в 1818 г. переведен в Кабардинский пехотный полк на Кавказ, с 1819 г. — капитан, в 1821 г. переведен в Одесский пехотный полк, с 1825 г. — старший адъютант штаба 7-го пехотного корпуса, которым командовал А. Я. Рудзевич; подозревался в принадлежности к тайному обществу, что в ходе следствия не подтвердилось; в 1827 г. переведен в пехотный принца Вильгельма Прусского полк, в 1829 г. «за нетрезвое поведение и произведенную ссору с отставным офицером» предан суду и в 1830 г. уволен от службы; жил в Твери, где был в сентябре 1832 г. зарезан А. П. Черновым, которого перед тем вызвал на дуэль из-за нанесенного жене оскорбления.

А. А. Закревскому, 9 июля 1818

[1] М. Б. Барклай де Толли умер 14 мая 1818 г.

[2] А. П. Ермолов еще 31 декабря 1816 г. в отношении к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву выразил мысль о необходимости основать в Грузии колонию из немцев для распространения и усовершенствования в крае земледелия и других отраслей хозяйства. Уже 17 мая 1817 г. Козодавлев сообщил, что 31 семейство вюртембергских колонистов, прибывших в Одессу, согласились поселиться в Грузии, на что было получено разрешение Комитета министров. Эти выходцы из вюртембергского села Швайкгель (174 человека) и основали осенью 1817 г. близ села Сарти-чала около Тифлиса первую немецкую колонию в Грузии. Она получила название Мариенфельд — в честь вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Причины эмиграции этих колонистов носили не только экономический, но и религиозный характер. Она была вызвана начавшимися в Вюртемберге после воцарения короля Фридриха I гонениями на некоторые религиозные секты, а также верой последователей этих сект в предсказания о предстоящем в 1836 г. конце света и о возможном спасении на Востоке. Этим было по-видимому вызвано настойчивое стремление поселиться в Грузии еще 500 вюртембергских семейств, оказавшихся в начале 1818 г. в Херсонской губернии (они с большими трудностями сплавились вниз по Дунаю). По этому вопросу Ермолов в течение весны и лета вел активную переписку с центральными властями, доказывая, что немедленно в таком числе колонистов расселить в Грузии невозможно. Однако прибывшим депутатам предлагавшиеся им места понравились, они соглашались даже завести суконную фабрику, как того хотел Ермолов, и, несмотря на его протесты, часть колонистов в августе уже прибыла в Георгиевск. Этими и прибывшими позднее колонистами осенью 1818 г. были основаны близ Тифлиса колонии Ней Тифлис, Катариненфельд, Елисаветталь, Александерсдорф и Петерсдорф. Весной 1819 г. в Елисаветпольской губернии была основана колония Еленендорф, а в 1820 г. Аннендорф (*Гумбатова Т.* Жизнь немцев-колонистов за Кавказом// http://www.proza.ru/2012/07/19/817; АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 318–350).

[3] Имеется в виду Константин Павлович, в 1812 г. — один из лидеров антибаркла-евской оппозиции в армии.

[4] Шульц (ум. 1818) — барон, полковник, командир 8-го егерского полка.

[5] Ермолов Михаил Александрович (1794–1850) — в 1816 г. — штабс-капитан лейб-гвардии Егерского полка, в 1818–1825 гг. — командир Минского пехотного полка, в 1837 г. — генерал-майор.

[6] П. Н. Ермолов.

[7] Краббе Карл Карлович, фон (1781–1854) — с 1811 г. — полковник, в 1812–1815 гг. — шеф 46-го егерского полка, в 1815–1818 гг. — командир 46-го (17-го) егер-

ского полка, с 1818 г. — генерал-майор, бригадный командир 21-й пехотной дивизии, в 1820 г. — командир 3-й бригады 20-й пехотной дивизии, дагестанский окружной начальник, с 1835 г. — генерал-лейтенант.

[8] Столыпин Николай Алексеевич (1781–1830) — с 1812 г. — полковник, в 1815–1818 гг. — командир Оренбургского уланского полка, с 1818 г. — генерал-майор, с 1826 г. — генерал-лейтенант, начальник 3-й уланской дивизии, в 1830 г. — севастопольский военный губернатор.

[9] Курута Дмитрий Дмитриевич (1769–1733) — граф, генерал-майор (с 1812 г.), генерал-лейтенант (с 1816 г.), с 1815 г. — начальник Главного штаба великого князя Николая Павловича в Варшаве и одновременно директор 2-го кадетского корпуса и шеф Дворянского полка, с 1828 г. — генерал от инфантерии, с 1832 г. — член Военного совета.

[10] Крепость Грозная была заложена в 8 часов утра 10 июня 1818 г.

[11] Кнорринг Карл Федорович, фон (ок. 1746–1820) — в службе с 1758 г., с 1764 г. — корнет, с 1769 г. — ротмистр, с 1771 г. — секунд-майор, в 1788 г. — подполковник (с 1785 г.), командир 2-го батальона Бугского егерского корпуса; полковник (с 1789 г.), в том же году переведен в Ингерманландский пехотный полк, в 1792 г. — полковник Таврического гренадерского полка; в 1796 г. — бригадир (с 1794 г.); в марте 1799 г. в чине генерал-лейтенанта назначен инспектором кавказской пехоты и командующим Кавказской линией, в 1801–1802 гг. — одновременно главнокомандующий в Грузии.

[12] Речь идет об отношении А. П. Ермолова к министру финансов Д. А. Гурьеву от 31 декабря 1816 г. (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 256). См. прим. 2 к письму А. А. Закревскому от 9 апреля 1817.

[13] Упомянутое частное письмо Ермолова императору Александру I, внесенное последним в Комитет министров, послужило основанием для назначения в край, управляемый Ермоловым, ревизии сенаторов Б. А. Гермеса и Д. Б. Мертваго. Позже сенатор Д. Б. Мертваго вспоминал: «По приезде в Кавказскую губернию, увидел я не губернию, а хутор, для России весьма полезный, где выращивается скотина, для продовольствия внутри государства надобная. Дела производятся не столько злонамеренно, сколько глупо. Люди все дрянь, и те томятся бедностию и болезнями. Город губернский, как нарочно учрежден в таком месте, коего хуже на всем пространстве губернии найти нельзя…» После ревизии административный центр из Георгиевска был перенесен в Ставрополь, а Ермолову было предложено составить проект административного преобразования губернии. По мнению Ермолова, особое положение новой области — ее приграничный характер — вызывало необходимость введения особого управления, он аргументировал его тем, «…что нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях», и высказывался за уничтожение существующих в уездах земских судов. Ермолов предложил вместо них образовать окружные управы, ввести должности окружных начальников, а в городах Моздоке и Кизляре — комендантов, в обязанности которых входило бы выполнение функций земских исправников. Проект Ермолова был передан на рассмотрение в Сибирский комитет, созданный по инициативе М. М. Сперанского, который уже имел опыт составления проектов для управления национальными окраинами России (Записки Дмитрия Борисовича Мертваго// Русский архив. Приложение к №№ 8 и 9 за 1867 г. М., 1867. С 334; *Клычников Ю. Ю.* Деятельность А. П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С. 83).

[14] Михаил Павлович (1798–1849) — великий князь, с рождения генерал-фельдцейхмейстер, с 1819 г. вступил в управление всей артиллерией с 1825 г. — член Государственного совета, с 1826 г. — командующий Гвардейским корпусом, с 1844 г. — главнокомандующий Отдельным гвардейским и гренадерским корпусами.

Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) во время своего путешествия по Европе должен был произвести смотр корпуса Воронцова во Франции. Существовали опасения, что приверженный к внешней стороне военной службы, великий князь даст отрицательный отзыв о корпусе, однако благодаря заступничеству И. Ф. Паскевича эти опасения не оправдались.

[15] Речь идет о подготовке Аахенского конгресса, который состоялся в сентябре-ноябре 1818 г.

[16] Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович (1750–1837) — князь (с 1832 г.), генерал от инфантерии (с 1813 г.), генерал-фельдмаршал (с 1826 г.), участник наполеоновских войн, с 1814 г. — командир 5-го (с 1817 г. — 3-го) пехотного корпуса, в 1818–1835 гг. — главнокомандующий 1-й армией, с 1818 г. — член Государственного совета.

[17] Раевский Николай Николаевич (1771–1829) — участник наполеоновских войн, генерал от кавалерии (с 1813 г.), с 1816 г. — командующий 3-м пехотным корпусом, с 1817-го по 1824 г. — командующий 4-м пехотным корпусом.

М. С. Воронцову, 9 июля 1818

[1] Булгаков Сергей Алексеевич (ум. 1824) — генерал-майор (с 1789 г.), в 1790 г. участвовал в экспедиции против Батал-паши, в 1791 г. — в штурме Анапы (именно ему сдался Шейх-Мансур), позднее генерал от инфантерии (с 1801 г.), с августа 1806 по 1811 г. — командующий войсками на Кавказской линии и начальник 19-й пехотной дивизии.

[2] Речь идет о неудачном походе Булгакова против чеченцев весной 1807 г. Булгаков имел дело с главными силами чеченцев в Ханкальском ущелье, взял его штурмом, но понес огромные потери. Результатом похода было покорение только двух независимых обществ — Атаги и Гехи (см.: *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, дневниках, легендах и биографиях. Т. 1. СПб., 1887. С. 701; Русский биографический словарь. Т. Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С. 467; *Зубов Пл. А.* Подвиги русских воинов в странах кавказских. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1835. С. 33–34).

[3] Грузинский царевич Александр Ираклиевич.

[4] Ших-Али-Хан (1776–1821) — кубинский хан в 1791–1806 гг.; после присоединения Кубинского ханства в 1806 г. к России бежал в Персию, но не оставлял попыток вернуться на престол; в 1791–1799 и в 1802–1806 гг. также хан дербентский.

[5] Начало военно-экономической блокады и строительство укреплений в Чечне послужили толчком к начавшемуся в 1818 г. так называемому ханскому движению. К антироссийской коалиции присоединились все дагестанские владетели — ханы аварский, мехтулинский, казыкумухский, майсум-табасаранский, кадий акушинский и др. Исключение составили только шамхал тарковский и уцмий каракайдагский.

[6] Шамхал тарковский — титул владетеля Тарковского шамхальства, существовавший с XII в. по 1867 г. С 1794 по 1830 г. престол занимал Мехти II (Мехти-Хан).

[7] Уцмий каракайдагский — титул владетеля Каракайдага. Отношения российских властей и уцмия Каракайдага Адиль-Хана в 1818–1819 гг. были весьма сложными. В 1818 г. уцмий, сын которого находился в аманатах в Дербенте, отказался присоединиться к антироссийскому союзу дагестанских ханов. Сохранял он нейтральные позиции и большую часть 1819 г., несмотря на то, что большинство его беков присоединилось к восстанию (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

Феофилакту, 1 августа 1818

[1] Феофилакт (Русанов Федор Гаврилович) (1865–1821) — в 1796–1798 г. — настоятель Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, с 1799 г. — епископ Калужский

и Боровский, с 1803 г. — архиепископ, с 1806 г. — член Святейшего Синода, в 1809–1817 г. — архиепископ Рязанский и Зарайский, в 1812–1813 гг. возглавлял Экстраординарную комиссию по приведению в порядок епархий, разоренных во время войны 1812 г., с 1817 г. — экзарх Грузии, с 1819 г. — митрополит, с декабря 1818 г. именовался архиепископом Карталинским и Кахетинским; известен своей русификаторской политикой.

А. А. Закревскому, 10 августа 1818

[1] Вероятно, речь идет о празднествах, связанных с пребыванием в июне 1818 г. в Москве, а затем в Петербурге прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

[2] Винценгероде Фердинанд Федорович (1770–1818) — барон, генерал от кавалерии (1818), генерал-адъютант (с 1802), в 1812 г. командовал летучим отрядом, в 1813 г. — командовал российским корпусом в составе Северной армии, с июля 1817 г. командовал Отдельным Литовским корпусом, умер 25 июля 1818 г. от апоплексического удара.

[3] П. И. Петров.

[4] П. И. Петров был женат на Анне Акимовне Хастатовой (1802–1836), двоюродной тетке М. Ю. Лермонтова. Сестра Н. А. Столыпина Екатерина (1775–1830) — замужем за генерал-майором А. В. Хастатовым, другая сестра Елизавета (1773–1845), вышедшая замуж за М. В. Арсеньева, была родной бабушкой М. Ю. Лермонтова.

[5] Верзилин Петр Семенович (1791–1849) — в 1808 г. перешел из Московского ополчения в Александрийский гусарский полк, участвовал в войне 1812 г. и Заграничных походах, с 1812 г. — штабс-ротмистр; в 1820 г. поступил в Нижегородский драгунский полк, с 1821 г. — капитан, командир Волгского казачьего полка, с 1829 г. — полковник, командир Горского казачьего полка, с 1832 г. — генерал-майор, в 1832–1837 гг. — наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска.

[6] С. А. Наумов.

[7] Н. М. Сипягин.

[8] Всеволожский Всеволод Андреевич (1769–1836) — действительный камергер, статский советник, богатейший предприниматель, владелец первых пароходов на Волге. Н. М. Сипягин был женат на дочери Всеволожского Марии Всеволодовне (1800 — после 1819).

[9] См. письмо к Закревскому от 9 июля 1818 г. и прим. 13 к нему.

[10] Предположительно, речь идет об участниках предполагавшейся сенаторской ревизии Кавказского края. Саблин — возможно, Саблин Алексей Николаевич (1756–1834) — с 1809 г. — вице-адмирал, с 1817 г. — сенатор.

[11] Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844) — князь, с 1841 г. — светлейший князь, с 1814 г. — генерал от кавалерии, с 1814 г. — командир 1-го резервного кавалерийского корпуса и командир 1-й и 2-й гвардейских пехотных дивизий, с 1815 г. — командир гвардейской кавалерийской дивизии (с оставлением командиром корпуса), с 1818 г. — командир 2-го пехотного корпуса, в 1822–1844 гг. — московский военный губернатор, управляющий гражданской частью, с 1821 г. — член Государственного совета.

[12] Васильчиков Илларион Васильевич (1775–1847) — граф (с 1831 г.), князь (с 1839 г.), участник наполеоновских войн, с 1812 г. — генерал-лейтенант, с 1814 г. — начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1818 г. — начальник 1-го резервного кавалерийского корпуса; в 1817–1821 гг. командовал Гвардейским корпусом, генерал от кавалерии (с 1823 г.), с 1838 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

[13] Маневр заключался в том, что высочайшим приказом от 12 июля 1818 г. командир 2-го пехотного корпуса принц Евгений Вюртембергский назначался командиром 1-го пехотного корпуса, а командир 1-го резервного кавалерийского корпуса князь Д. В. Голицын становился командиром 2-го пехотного корпуса. На его же место 17 ию-

ля был назначен командовавший до того легкой гвардейской кавалерийской дивизией князь И. В. Васильчиков, который одновременно с 1817-го по 1821 г. командовал Гвардейским корпусом.

[14] Имеется в виду 3-й пехотный корпус, которым до 1818 г. командовал Ф. В. Остен-Сакен. Очевидно, этот корпус предполагалось поручить в командование М. С. Воронцову, но он стал его командиром в феврале 1820 г.

[15] П. Н. Ермолов.

[16] Е. П. Ефимович (ум. 1831) — в 1818 г. — ротмистр гусарского Александрийского полка, с 1819 г. — майор, командир Гребенского казачьего войска, позднее полковник.

М. С. Воронцову, 10 августа 1818

[1] Вероятно, речь идет о книге: *Lefebvre R.* Monument des victoires et conquêtes des français de 1792 a 1815: représentant au trait tous les beaux tableaux exposés par nos artistes au Museum pendant le temps de nos triomphes sur le continent. Paris, 1816.

[2] В 1818 г. оккупационный корпус под командованием М. С. Воронцова покинул Францию.

[3] Имеются в виду Джаро-Белоканские общества — территории, завоеванные в XVII в. лезгинскими племенами, переселившимися с гор. Эта область представляла собой удобный плацдарм для набегов с севера на Грузию. Весной 1803 г. после похода русских войск под командованием В. С. Гулякова Джары и Белоканы присягнули на подданство России. Однако в январе 1804 г. Гуляков вынужден был вновь предпринять против них поход, причинами которого были неуплата налогов и продолжавшиеся набеги. В сражении, которое произошло в Закатальском ущелье, Гуляков погиб, а русский отряд вынужден был отступить. Однако, несмотря на это, Джаро-Белоканские общества вновь изъявили покорность России (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1901. С. 96–98).

[4] Речь идет о восстании в Кахетии в 1812 г. — см. прим. 13 к письму А. А. Закревскому от 9 января 1817.

[5] Вероятно, Н. М. Лонгинов.

[6] Имеется в виду А. А. Вельяминов, товарищ Ермолова по службе в гвардейской артиллерийской бригаде.

[7] Монталамбер Марк Рене, де (1714–1800) — маркиз, французский военный деятель и теоретик фортификации, дивизионный генерал. Член Парижской и Петербургской академий наук. Автор знаменитого многотомного труда, известного под общим названием «Перпендикулярная фортификация» (La fortification perpendiculaire ou essai sur plusieurs maniéres de fortifier la ligne droite, le triangle, le quarré & a par le Marquis de Montalembert. Tomes I–V; La fortification perpendiculaire ou essai sur plusieurs maniéres de fortifier la ligne droite, le triangle, le quarré, et tous les polygònes… Tomes VI–X; L'art défensif supérieur a l'offensif… [Tome XI]; L'ami de l'art défensif, ou observations sur le Journal polytechnique… Paris, 1776–1784, 1793). Монталамбер решительно выступил против изжившей себя из-за неудовлетворительности флангового огня бастионной системы крепостей и выдвинул идею создания крепостных фронтов т. н. тенального начертания, в которых изломы оборонительных линий были перпендикулярны, что обеспечивало перекрестный огонь. Требовал активной обороны крепостей, усиления их артиллерийского вооружения и расширения площади путем строительства впереди крепостной ограды одной или двух цепей малых фортов.

А. А. Закревскому, 17 августа 1818

[1] Речь идет о высочайшем повелении 18 июля 1818 г. Усмотрев из донесения Ермолова, что казачьи полки на Кавказской линии, «пользуясь послаблением своих командиров, пришли до такой степени беспорядка, что к возвращению их к должному

устройству недостаточно средств обыкновенных», император предоставил главнокомандующему Отдельного Грузинского корпуса (как это было предоставлено главнокомандующему большой действующей армии) право окончательно утверждать и приводить в исполнение приговоры военных судов об офицерах иррегулярных войск, приговариваемых к лишению чинов (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 485).

[2] А. А. Аракчеев.

[3] Новая наша родня — пруссаки, поскольку в 1818 г. великий князь Николай Павлович женился на принцессе Прусской. Пудинги — англичане, стремившиеся, заключив союз с Австрией, усилить свою роль в европейских делах, что отчетливо проявилось накануне и в период Аахенского конгресса. Англия и Австрия стремились сохранить лидирующее положение в Европе Четверного союза (Англия, Австрия, Россия и Пруссия), что позволяло бы не допустить сближения России с Францией, обеспечить преобладающее влияние Англии на Испанию и ее колонии, а Австрии на германские и итальянские государства. Россия же осуждала систему «частных комбинаций» как одну из причин войн конца XVIII — начала XIX в. и предлагала включить Францию в Четверной союз, который бы превратился со временем в общий союз европейских государств.

[4] Идея разделения страны на генерал-губернаторства или наместничества была одной из основных в проектах реформ местного управления второй половины александровского царствования. В 1816 г. появился составленный неизвестным лицом по поручению императора Александра I проект разделения России на 12 округов с наместниками во главе. Присвоенные наместнику, подчиненному непосредственно императору, весьма широкие полномочия должны были уравновесить власть министров. Проект был направлен на отзыв министрам. Сохранился, в частности, отзыв на него Д. А. Гурьева. Идея разделения России на наместничества присутствует и в Государственной Уставной грамоте Российской империи. Идея разделения страны на 12 областей есть также в проекте Б. Б. Кампенгаузена, подготовленном в конце 1818 г. (Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб., 2001. С. 72–76).

[5] Егеря, действовавшие в рассыпном строю, были в условиях кавказской войны гораздо эффективнее обычной пехоты, воевавшей сомкнутым строем.

[6] П. Х. Витгенштейн (р. 1768) и Н. Н. Раевский (р. 1771) были действительно моложе М. Б. Барклая де Толли (р. 1761) и Ф. В. Остен-Сакена (р. 1750).

[7] Вязмитинов Сергей Козьмич (1744–1819) — граф (с 1818 г.), генерал от инфантерии (1798); с сентября 1802-го по январь 1808 г. — министр военно-сухопутных сил; с 1811 г. — член Государственного совета, с марта 1812 г. — главнокомандующий войсками в Петербурге на время отсутствия его императорского величества и управляющий Министерством полиции, с сентября 1812 г. — одновременно вместо заболевшего Н. И. Салтыкова председательствовал в Комитете министров, с 1816 г. — петербургский военный генерал-губернатор.

М. А. Милорадович действительно после Вязмитинова в августе 1818 г. стал петербургским военным генерал-губернатором и управляющим гражданской частью.

[8] Великий князь Константин Павлович.

[9] Обер-квартирмейстером Главного штаба был К. Ф. Толь.

[10] Речь идет о сочинении Александра Александровича Писарева (1780–1847) «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 г. и последующим…» (Ч. 1–2. СПб., 1817).

[11] 17 (29) августа 1813 г. в первый день сражения под Кульмом русская гвардия сдерживала натиск превосходящих сил французского корпуса генерала Д. Ж. Вандама. Русскими войсками командовал граф А. И. Остерман-Толстой, а после его ранения А. П. Ермолов. Генерал-квартирмейстер Главной квартиры генерал-майор К. Ф. Толь также участвовал в Кульмском сражении.

[12] Остерман-Толстой Александр Иванович (1771–1857) — граф (1796 г.), с 1806 г. — генерал-лейтенант, с 14 августа 1813 г. командовал Гвардейским корпусом, в сражении при Кульме ему ядром оторвало левую руку; в 1816–1826 гг. командовал Гренадерским корпусом, с 1817 г. — генерал от инфантерии.

[13] В Бородинском сражении 26 августа 1812 г. А. П. Ермолов лично возглавил контратаку 3-го батальона Уфимского пехотного полка на захваченную неприятелем Курганную батарею.

[14] Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна.

[15] Салтыков Николай Иванович (1736–1816) — граф (1790 г.), светлейший князь (1814), генерал-фельдмаршал (с 1796 г.), в 1796–1802 гг. — президент Военной коллегии, с 1810 г. — член Государственного совета, с марта 1812 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров с поручением управлять внутренними делами в отсутствие императора, с сентября 1812 г. отошел от дел по болезни.

[16] Р. И. фон дер Ховен.

[17] А. И. Багратион.

М. С. Воронцову, 20 октября — 30 ноября 1818

[1] Речь идет о книге: *Saint-Martin A. J.* Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie suivis du texte arménien de l'Histoire des Princes Orphélians… Vol. 1–2. Paris, 1818.

[2] С. А. Наумов.

[3] Эти события, равно как и начало ханского движения, стали реакцией на начало военно-экономической блокады Чечни. См. прим. 5 к письму М. С. Воронцову от 9 июля 1818 и прим. 13 к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817.

[4] Сын уцмия Мамад-Бек был женат на дочери шамхала Тарковского.

[5] Речь идет о Фет-Али-Хане (Фатали-Хане) (1736–1788) — кубинском хане с 1758 г., которому удалось присоединить к своим владениям ханства Дербентское, Бакинское, Шемахинское и Ширванское, а также север Персии до города Ардебиль.

[6] Султан-Ахмет-Хан.

[7] Гассан-Хан — владелец Мехтулинского ханства.

[8] Горцы появились под Башлами днем 23 октября, и после ожесточенного сражения русские покинули это селение 26 октября. Из 2000 человек русского гарнизона за эти дни были убиты 3 офицера и 137 нижних чинов, ранены 9 офицеров и 269 нижних чинов.

[9] Ермолов выступил из Тарков 11 ноября, 13 ноября был в Парауле, а уже 14-го в Большом Дженгутае.

[10] Имеется в виду селение Большой Дженгутай, которое и было резиденцией мехтулинских ханов.

[11] Малый Дженгутай.

[12] Аслан-Хан Кюринский (ум. 1836) — с 1812 г. — владетель Кюринского ханства и полковник русской службы, с 1820 г. одновременно и казыкумухский хан, с 1834 г. после истребления семейства аварских ханов управлял также Аварией.

[13] Пестель выступил из Дербента 14 ноября.

[14] Жубер Жозеф Антуан Рене (1772–1843) — виконт (с 1822 г.), французский генерал, участник наполеоновских войн, в 1815 г. — французский эмиссар в Константинополе.

Н. Н. Муравьеву, не ранее октября 1818

[1] Муравьев Александр Николаевич (1792–1863) — декабрист, основатель Союза спасения, член Военного общества и Союза благоденствия. В 1826 г. сослан в Сибирь, но с 1827 г. состоял в гражданской службе, с 1837-го по 1839 г. — архангельский граж-

данский губернатор, с 1851 г. — на военной службе, генерал-лейтенант (1861). 29 сентября 1818 г. женился на Прасковье Михайловне Шаховской.

А. А. Закревскому, декабрь 1818

[1] О неспокойном положении в Кабарде свидетельствуют письма Ермолова, адресованные летом 1818 г. верховному кабардинскому князю Кучуку Джанхотову. В них он заявлял, что более не собирается быть снисходительным «к подлым и мошенническим поступкам народа кабардинского». Вместе с тем он обещал по прибытии осенью в Кабарду сообщить, какие меры будут предприняты для обеспечения спокойствия кабардинского народа и охраны собственности. Судя по переписке Ермолова, его встреча с кабардинскими владетелями была запланирована в Прохладном на 7 октября 1818 г. (АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 318–350, 466–467).

[2] Аварский хан писал это Ермолову о своем брате Гассан-Хане Мехтулинском и некоем Хаспулате Гирее. На это 17 сентября 1818 г. Ермолов ответил, что государь «не покупает подданных милостями и выгодами, а щедро дает их тогда, когда видит усердие и верность» и поэтому «милости нужно прежде заслужить, нежели просить» (АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 23, 318–350).

[3] Попов Павел Васильевич (1795–1839) — на службе с 1811 г. юнкером в лейб-гвардии Артиллерийской бригаде, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, в 1816 г. назначен адъютантом к А. П. Ермолову, сопровождал его во время посольства в Персию; с 1820 г. — полковник, в 1821–1828 гг. — командир Херсонского гренадерского полка; с 1828 г. — генерал-майор, назначен состоять при начальнике в 21-й пехотной дивизии, с 1831 г. — командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии.

[4] Таубе К. К. с 1814 г. командовал лейб-гвардии Артиллерийской бригадой.

[5] Сухозанет Иван Онуфриевич (1788–1861) — участник наполеоновских войн, после войны 1806–1807 гг. переведен в лейб-гвардии Артиллерийский батальон и назначен адъютантом к Л. М. Яшвилю, с 1813 г. — генерал-майор, командовал 1-й артиллерийской бригадой, в 1814 г. — начальник артиллерии 4-го пехотного корпуса, затем состоял начальником штаба по артиллерийской части 1-й армии; с 1819 г. — начальник артиллерии Гвардейского корпуса; в 1832–1854 гг. — директор Императорской Военной академии.

[6] Износков 1-й — в 1818 г. — майор Севастопольского пехотного полка, в 1822 г. — командир батальона.

[7] Гермес Богдан Андреевич (1758–1839) — службу начал в артиллерии в 1774 г., с 1811 г. — тайный советник, с 1817 г. — сенатор, с 1832 г. — действительный тайный советник.

[8] Мертваго Дмитрий Борисович (1760–1824) — службу начал в гвардии, с 1799 г. — генерал-майор, в 1803–1807 гг. — таврический гражданский губернатор, в 1803 г. переименован в действительные статские советники, с 1817 г. — тайный советник, с 1818 г. — сенатор.

А. А. Закревскому, декабрь 1818

[1] С. А. Портнягин вступил в службу 8 августа 1778 г. рядовым во Владимирский пехотный полк. До 1814 г. Портнягин командовал войсками на Кавказской линии, но был отдан под суд вследствие вскрывшихся «беспорядков», начавшихся волнений среди ногайцев и перехода их в числе нескольких тысяч за Кубань в пределы Турции. Лишь в 1822 г. Ермолову удалось добиться для Портнягина назначения на должность начальника 8-го округа внутренней стражи.

А. А. Закревскому, 14 декабря 1818

[1] Сысоев Василий Алексеевич (1772–1839) — донской казак, генерал-майор (с 1812 г.), участник наполеоновских войн, с 1817 г. служил на Кавказе, в 1827–1828 гг. — в Черноморском казачьем войске, с 1828 г. — генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления польского восстания (1830–1831).

А. А. Закревскому, 13 февраля 1819

[1] Новоизбранное дворянское депутатское собрание в Грузии должно было заняться составлением дворянской родословной книги и выдачей князьям и дворянам, представившим необходимые доказательства своего происхождения, соответствующих грамот с приложением печати. На печати следовало изобразить герб Грузии — Георгия Победоносца. Проект этого герба был составлен и послан в Петербург на утверждение как раз в начале февраля 1819 г. (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 105).

[2] Вероятно, речь идет о серии рисунков, выполненных В. И. Мошковым. Они легли в основу ряда изображений, выполненных А. О. Орловским, причисленным в 1819 г. к генеральному штабу для «сочинения» рисунков военных костюмов. По некоторым из них Ш. Э. П. Мотт в 1823 г. исполнил литографии («Персидский воин, на скаку стреляющий из ружья», «Персидский кавалерист», «Персидский воин, бросающий пику на скаку», «Артиллерист, стреляющий из пушки, притороченной к седлу верблюда»).

[3] Речь идет об отношении А. П. Ермолова к министру внутренних дел О. П. Козодавлеву от 12 февраля 1819 г. В нем он просил исходатайствовать у императора выделение единовременно 300 000 руб. ассигнациями на обустройство прибывших 500 семей вюртембергских колонистов, а также 2350 руб. серебром на содержание конторы, занимающейся их делами. Суммы эти Ермолов, по его собственному признанию, испрашивал «с прискорбием» (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 339). Следует иметь в виду, что приглашение колонистов в Россию за счет правительственных средств было прекращено еще в 1810 г. в виду экономической неэффективности оказываемой колонистам поддержки.

[4] Имеется в виду П. Х. Граббе.

А. А. Закревскому, февраль 1819

[1] Имеется в виду прибытие государя с Аахенского конгресса.

[2] Л. М. Яшвиль, ставший в 1819 г. генералом от артиллерии.

[3] Штейнгель Фаддей Федорович (1762–1831) — с 1812 г. — граф, участник наполеоновских войн, с 1810 г. — генерал-губернатор Финляндии, в 1812 г. командовал Финляндским корпусом, который затем присоединился к 1-му Отдельному пехотному корпусу П. Х. Витгенштейна, в 1813–1823 гг. вновь исполнял обязанности генерал-губернатора Финляндии, с 1815 г. также командовал Отдельным Финляндским корпусом; 1 января 1819 г. произведен в генералы от инфантерии.

[4] В. И. Мошков.

[5] П. П. Коновницын.

[6] Тухолка Лев Адамович — полковник, в 1816–1819 гг. — командир 21-го егерского полка, с 1819 г. — генерал-майор.

[7] Айгустов Алексей Иванович — полковник, в 1812–1815 гг. — шеф Либавского пехотного полка, в 1815–1819 гг. — командир этого полка, с 1819 г. — генерал-майор.

[8] Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759–1816) — генерал от инфантерии (с 1810 г.), в 1812 г. — командир 6-го пехотного корпуса 1-й Западной армии, в 1813 г. — командир 7-го пехотного корпуса Польской армии.

[9] Талызин Федор Иванович (1773–1844) — генерал-майор с 1799 г., с 1806 г. — в отставке, в 1812 г. — шеф 3-го егерского полка в Московском ополчении; командир 3-й дивизии Московского ополчения; принят на службу командиром 2-й бригады

7-й пехотной дивизии, во время сражения под Малым Ярославцем под начальством Ермолова разбил итальянскую гвардию; с 1820 г. — генерал-лейтенант, в 1828 г. — в отставке по суду.

[10] Фонвизин Михаил Александрович (1787–1854) — в 1812 г. — адъютант Ермолова, с 1820 г. — генерал-майор, с февраля 1820 г. — командир 3-й бригады 12-й пехотной дивизии, с мая 1820 г. — командир 3-й бригады 22-й пехотной дивизии, с 1822 г. в отставке; декабрист, до 1853 г. отбывал ссылку в Сибири.

[11] Речь идет о М. А. Ермолове, которого Константин Павлович назначил командиром Минского пехотного полка

[12] Быков Василий Васильевич — штабс-капитан лейб-гвардии Павловского полка.

[13] Толстой Федор Андреевич (1758–1849) — граф, тайный советник, сенатор (с 1823 г.), известный библиофил, отец Аграфены Федоровны Толстой, в замужестве Закревской.

[14] В. М. Быков.

[15] Давыдов Денис Васильевич (1784–1839) — двоюродный брат А. П. Ермолова по матери, участник наполеоновских войн, в 1812 г. — командир партизанского отряда, с 1815 г. — генерал-майор, в 1818–1819 гг. — начальник штаба 7-го пехотного корпуса, в 1819–1820 гг. — начальник штаба 3-го пехотного корпуса, с 1820 г. — в отпуске, с 1823 г. — в отставке, в 1826–1827 гг. служил на Кавказе, с 1831 г. — генерал-лейтенант.

[16] П. И. Меллер-Закомельский.

[17] Шемая — род рыб семейства карповых; эта ценная промысловая рыба распространена в бассейнах Азовского, Черного и Каспийского морей; имеет средний вес 200–250 граммов; свое название получила от персидского названия «шах-маи» (царская рыба).

[18] Князь Д. З. Орбелиани.

[19] Климовский Лев Васильевич (ум. 1821) — в 1816–1821 гг. — командир Нижегородского драгунского полка.

А. А. Закревскому, 8 апреля 1819

[1] Толстой Андрей Васильевич — граф, в 1819 г. — ротмистр Гродненского гусарского полка, адъютант А. П. Ермолова, 1 ноября 1819 г. переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, в 1821 г. произведен в полковники и назначен состоять по кавалерии. Очевидно, это сын Василия Андреевича Толстого, двоюродный брат А. Ф. Закревской.

Александру I, 8 апреля 1819

[1] На это письмо А. П. Ермолова последовал ответ Александра I: «Алексей Петрович! Прочитав письмо Ваше от 2 (так в документе. — *Публ.*) числа сего месяца, я должен сказать Вам со всею откровенностию, что никого из рекомендованных Вами не оставлял без награды, но меру оных всегда оставлял и ныне оставляю по порядку в собственном моем усмотрении. Что касается до генерал-майора Вельяминова 3-го, то, не ослабевая в моей к нему признательности, как к чиновнику особенно стоящему, я считаю сделанную ему награду достаточною, тем более, что он в недавнем еще времени получил настоящий чин. Пребываю к Вам благосклонный *Александр*» (ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. 1. Д. 27113. Л. 12. Копия).

А. А. Закревскому, 20 мая 1819

[1] П. В. Попов.

[2] Аверин Павел Иванович (1775–1849) — действительный статский советник, с 1811 г. — чиновник особых поручений при министре полиции А. Д. Балашове и затем при С. К. Вязмитинове; в 1813–1815 гг. — начальник области Краковского

департамента в Царстве Польском, во время возвращения войск из Франции в 1814 г. обеспечивал их продовольствие и подозревался в злоупотреблениях; в 1817–1818 гг. работал в Кенигсбергской ликвидационной комиссии, занимавшейся расчетами за поставки продовольствия армии с местными подрядчиками; с 1820 г. — генерал-провиантмейстер 1-й армии; в 1827 г. был послан для исследования кавказских минеральных вод, в 1828–1831 гг. — волынский гражданский губернатор, в 1833–1834 гг. — бессарабский гражданский губернатор.

[3] Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758–1838) — князь, с 1807 г. — генерал от инфантерии, в 1813 г. — главнокомандующий Резервной армией, с 1813 г. — член Государственного совета, с 1817-го по 1827 г. — министр юстиции.

[4] Полемика А. П. Ермолова с центральными властями по поводу сенаторской ревизии Гермеса и Мертваго продолжалась довольно долго. 19 ноября 1819 г. Д. И. Лобанов-Ростовский препроводил Ермолову выписку из донесения сенаторов с тем, чтоб Ермолов сообщил, в чем именно «ревизия не так как должно, произведена была». В ответ на это 29 мая 1820 г. А. П. сообщил, что основной претензией к ревизии является ее скорость: «…при всей деятельности и опытности, каковые бы господа сенаторы не имели, совершенно не было не только возможности вникнуть во все нужды, недостатки и пользы общие, обнаружить злоупотребления и притеснения, претерпеваемые жителями, и прочее сему подобное, но даже мимоходом видеть все то, что они в донесениях своих Правительствующему Сенату с таковою подробностию описали» и по этой причине большая часть этих описаний «составлена не из личных удостоверений, а из тех только сведений и дел, которые местное начальство рассудило поставить им на вид». Лобанов-Ростовский, возражая на это, писал, что Сенат в соответствии с материалами ревизии согласился на удаление от должности кавказского губернатора М. Л. Малинского (РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 220. Л. 84–88).

[5] М. С. Воронцов 20 апреля 1819 г. женился на графине Елизавете Ксаверьевне Браницкой (1792–1880).

[6] Специальная «Мемельская счетная по заграничным армейским расходам комиссия», на которую возлагалась обязанность «привести в известность» все расходы на содержание действующей армии в кампанию 1806–1807 гг., была учреждена 17 июня 1807 г. Комиссия проработала без малого 10 лет, но так и не смогла проверить все документы и прекратила работу, не составив общего отчета. Главные ее усилия были направлены на то, чтобы рассчитаться с прусским правительством.

[7] П. Д. Киселев был назначен 22 февраля 1819 г. начальником Главного штаба 2-й армии.

[8] «Како паде сильный спасаяй Израиля?» («Как пал сильный, спасавший Израиля?») — цитата из Первой книги Маккавея (9:22). Так восклицал иудейский народ, узнав, что знаменитый иудейский полководец Иуда Маккавей во время сражения был неожиданно поражен ударом противника.

[9] Виллие Яков Васильевич (1768–1854) — баронет (1814 г.), врач-хирург, с 1806 г. — главный инспектор медицинской части по армии, организатор военно-медицинского дела в России; председатель Медико-хирургической академии в 1808–1838 гг.

[10] Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) — граф (с 1839 г.), в марте 1819 г. в чине полковника был назначен начальником штаба по поселенным войскам, генерал-майор с июля 1820 г.; генерал от инфантерии (с 1841 г.), в 1842–1855 гг. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, с 1842 г. — член Государственного совета.

[11] Св. Стефан был привлечен к суду Синедриона и побит камнями за христианскую проповедь в Иерусалиме около 33–36 гг. н. э.

[12] Весной 1819 г. сложился второй антироссийский союз дагестанских владетелей. В него вошел и уцмий каракайдагский Адиль-Гирей, недовольный погромом, который

учинили в его владениях российские войска в 1818 г., а также отторжением Нижнего Кайдага. В союз вошли также Ших-Али-Хан, Султан-Ахмет-Хан Аварский и его брат Гассан, а также Абдулла-Бек Эрсинский, Сурхай-Хан Казыкумухский. Часть горцев должна была не допустить появления в землях кумыков новой русской крепости Внезапная, вблизи деревни Эндери (Андреева); другая часть планировала действовать в Кубинской провинции и Кюринском ханстве.

[13] Вероятно, Гордеев Григорий Сергеевич — поручик, с 1817 г. служил в тифлисском гарнизоне, в 1819 г. работал по исправлению, съемке и триангуляции Военно-Грузинской дороги; в 1820–1830-х сотрудничал с «Тифлисскими ведомостями», публикуя работы по этнографии Грузии и Южной Осетии; один из авторов «Обозрения российских владений за Кавказом…» (СПб., 1836).

А. А. Закревскому, 1–2 июня 1819

[1] Указом от 19 апреля 1819 г. на Кавказ из России были направлены Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, Апшеронский, Куринский и Ширванский пехотные, а также 41, 42, 43 и 44-й (переименованный вскоре в 45-й) егерские полки. В Россию же выводились кадры Вологодского, Суздальского, Казанского, Белевского, Троицкого и Севастопольского пехотных, а также 8, 9, 15, 16 и 17-го егерских полков. При этом наиболее опытные офицеры и нижние чины были переведены из выводимых полков во вновь прибывшие. Учитывая, что чуть ранее на Кавказ был переведен 8-й егерский полк, количество полков в Отдельном Грузинском корпусе сохранялось, но их численность должна была быть доведена до 3900 человек в каждом (*Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск. Тифлис, 1896. С. 49–53).

[2] Знаменитая Макарьевская ярмарка, документально известная с 1641 г., проходила в 80 верстах от Нижнего Новгорода, в уездном городе Макарьев. После пожара переведена в 1817 г. в Нижний Новгород, на противоположный берег Волги.

[3] История получения Мадатовым с санкции Ермолова значительного имения от карабахского хана стала одним из пунктов обвинения Ермолова, выдвинутых Дибичем и Паскевичем при его отставке. Предки Мадатова владели в Карабахе небольшим имением, однако хан передал ему земли в сто тысяч десятин, которыми ранее владели Шах-Назаровы, вынужденные бежать от персов и бросить свое имущество. Кроме того, сама передача имений была незаконной, поскольку согласно трактату с карабахским ханом он имел право только на доходы с имений, а отнюдь не право распоряжаться ими. Против решения Ермолова выступил Комитет министров. В данном случае весьма характерна позиция Ермолова, ставившего своей задачей уничтожение ханской власти, но в конкретной ситуации защищавшего прерогативы ханов. В своем письме императору Александру I от 12 апреля 1820 г. он заявляет, что ограничение прав хана на распоряжение имениями нигде не зафиксировано и что он «отдает оные кому рассудит за благо, отбирает обратно по произволу и… делает сие тем удобнее, что жители Карабага будучи свободными, не могут принадлежать кому-либо как крепостные, а остаются только в управлении со взиманием положенных доходов с земли». «Имения ханов карабагских, — пишет он, — составились из имуществ, вырванных насилием у жителей страны, покоренной оружием, а потому возвращаемая генерал-майору князю Мадатову часть имений и может быть принимаема в виде подарка, когда сам хан разумеет ее бывшею собственностью». Последний пассаж — это ответ на аргумент Комитета министров, что находящемуся на службе российскому чиновнику неприлично пользоваться подарками от ханов (РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 219. Л. 659–660).

[4] Медведев Петр Иванович — полковник (с 1817 г.), в 1815–1819 гг. — командир 26-го гренадерского (5-го карабинерного) полка.

А. А. Закревскому, 27 июня 1819

[1] То есть Мустафы-Хана.

[2] По сообщениям российского поверенного в делах в Персии бывший кубинский (дербентский) хан Ших-Али-Хан уговорил аварского и казикумухского ханов и уцмия каракайдагского обратиться за помощью к Аббас-Мирзе. Их посланец сообщил, что оба хана и уцмий поклялись на Коране с наступлением весны выступить против русских с большими силами. Аббас-Мирза принял посланного с почестями и отправил Ших-Али-Хану 20 тыс. руб. на наем войска (см. подробнее: *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 356–357).

[3] Кумыкскаяя деревня Эндери была центром торговли Чечни и Дагестана. Поэтому контроль над ним был особенно важен для российской администрации.

А. А. Закревскому, 6 августа 1819

[1] С князем Д. И. Лобановым-Ростовским.

[2] С управляющим Министерством полиции С. К. Вязмитиновым.

[3] Имеется в виду министр финансов Д. А. Гурьев.

[4] Причиной бунта в Имеретии в 1820 г. были неосторожные действия вновь назначенного в 1817 г. экзарха Грузии Феофилакта по описи церковных имений (до того церковными доходами местное духовенство распоряжалось бесконтрольно). В ходе бунта был убит правитель Имеретии полковник И. О. Пузыревский. В восстании приняли участие и гурийцы. Отправляя Вельяминова на подавление восстания, Ермолов предписал ему казнить всех захваченных с оружием в руках (см. подробнее: *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 390–436).

[5] Имеется в виду Ших-Али-Хан, поскольку после смерти Гассан-Хана в 1802 г. он владел и Дербентским ханством.

[6] Комаровский Евграф Федотович (1769–1843) — граф (с 1803 г.), генерал-лейтенант (с 1816 г.), с 1811 г. — командующий внутренней стражей, в 1816–1828 гг. — командир Отдельного корпуса внутренней стражи, с 1828 г. — генерал от инфантерии, сенатор.

[7] Капцевич Петр Михайлович (1772–1840) — генерал-лейтенант (с 1799 г.), с мая 1819-го по июнь 1827 г. командовал Отдельным Сибирским корпусом и одновременно с 1822-го по 1827 г. — генерал-губернатор Западной Сибири, с 1823 г. — генерал от инфантерии, с 1828 г. — командир Отдельного корпуса внутренней стражи. Ермолов после опалы в первые годы александровского царствования служил под началом Капцевича, и отношения у них были весьма напряженные.

[8] Весной 1819 г. в район деревни Эндери (Андреева) был отправлен отряд под командованием начальника корпусного штаба А. А. Вельяминова. Отряд должен был осмотреть течение реки Сунжи на предмет строительства укреплений. В районе Эндери планировалось построить крепость Внезапную. Эти планы вызвали волнения андреевских жителей, в результате чего Ермолов, ускорив свой отъезд из Грузии, прибыл туда к 1 июля. Работы по строительству начались не ранее середины июля. В отряд, расположенный в Эндери, входили 8-й егерский полк, 6 рот Кабардинского полка, 30 казаков и 12 орудий (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 365–366, 369).

В. Г. Мадатову, 22 августа 1819

[1] Пока шло строительство Внезапной, отряд Мадатова в начале августа 1819 г. вступил в Табасарань. Он нанес поражение одному из лидеров антироссийской коалиции в Дагестане Абдуле-Беку Эрсинскому и привел эту область к покорности. Управ-

ление Табасаранью было поручено зятю шамхала Тарковского Абдул-Резак-Беку (там же. С. 370–372).

А. А. Закревскому, 28 августа 1819

[1] Бухарин Иван Яковлевич (1772–1858) — действительный статский советник, в 1811–1814 гг. — рязанский гражданский губернатор, в 1819–1821 гг. — астраханский гражданский губернатор, в 1821–1822 гг. — киевский гражданский губернатор, в 1827–1829 гг. — архангельский гражданский губернатор, с 1830 г. — тайный советник, сенатор, с 1832 г. — в отставке.

[2] В. А. Сысоев.

[3] Ляхович Алексей Федорович — полковник, в 1815–1820 гг. — командир 42-го егерского полка, с 1820 г. — генерал-майор, с 1831 г. — генерал-лейтенант.

А. А. Закревскому, 10 сентября 1819

[1] К середине августа 1819 г. военная ситуация вокруг строящейся крепости Внезапная серьезно осложнилась. С отрядом в 6 тысяч человек к ней прибыл аварский хан Султан-Ахмед, который взял на себя общее руководство повстанцами. Во второй половине августа 1819 г. под Внезапной сложилась «патовая» ситуация для обеих противостоящих сторон. Только после прибытия в конце августа из Таганрога 42-го егерского полка Ермолов сразу же выступил против горцев. 29 августа 1819 г. у селения Бортунай произошел жестокий бой, в котором дагестано-чеченское ополчение было разбито. Повстанцы отступили в предгорья Салатавии, на заранее подготовленные позиции. Однако из-за отсутствия продовольствия в ночь на 3 сентября повстанческая армия распалась. Преследуя отступавших, Ермолов совершил марш в дагестанские горы. Несмотря на отсутствие сопротивления, несколько селений разорено до основания, а хлеб на полях истреблен. Жители засулакской Кумыкии и Салатавии были наказаны штрафом на продовольствие войск и ежегодной данью (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

[2] Бекович-Черкасский Федор (Темирбулат) Александрович (1790–1832) — князь, генерал-майор (с 1828 г.), родом из кабардинцев, с 1816 г. переведен в лейб-гвардии Казачий полк, адъютант Ермолова, в 1817 г. участвовал в посольстве в Персию, с 1823 г. — полковник, с 1828 г. командовал бригадой 21-й пехотной дивизии. В 1830 г. стал начальником Джаро-Белоканской области.

[3] Н. А. Самойлов.

[4] В результате реорганизации войск Отдельного Кавказского корпуса Кабардинский полк, получивший мальтийские знамена в 1800 г. за битву с лезгинами на реке Иоре, переименовывался в Ширванский. Такое переименование было связано с тем, что по императорскому указу Кабардинский полк должен был находиться на Кавказской линии, а Ширванский — в Грузии. Ермолов же не хотел перемещать опытный старый Кабардинский полк из-за Кавказа. При этом бывший Кабардинский полк вынужден был отдать свои мальтийские знамена Казанскому полку, переименованному в Кабардинский, но взамен получил Георгиевские знамена старого Ширванского полка (*Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск. Тифлис, 1896. С. 53–56).

[5] Гарталов — подполковник, в апреле-ноябре командир Апшеронского пехотного полка, с ноября 1819-го по 1821 г. — командир Троицкого пехотного полка.

А. А. Закревскому, 30 сентября 1819

[1] И. А. Вельяминов.

[2] А. А. Вельяминов.

[3] За келью сказать (*устар.*) — по секрету.

[4] А. Н. Раевский, в 1819 г. в чине полковника прикомандированный к Отдельному Грузинскому корпусу.

[5] Базилевич Александр Иванович (1788–1843) — полковник, с 1820 г. — генерал-майор, командир 19-й артиллерийской бригады, с 1823 г. — в отставке.

[6] Имеются в виду восстания в военных поселениях. В июне 1819 г. началось восстание Чугуевского полка (центр Слободско-Украинского военного поселения), в августе распространилось на округ Таганрогского полка. Восставшие требовали вернуть их в прежнее состояние, захватывали отрезанные у них земли, избивали и изгоняли начальников. Расправой над восставшими руководил лично Аракчеев: из более 2 тысяч арестованных 313 были преданы военному суду. Из 275 человек (по другим данным — из 204), приговоренных к наказанию шпицрутенами (по 12 тыс. ударов каждому), 25 человек умерли; остальных сослали в Оренбургский корпус.

[7] Относительно фельдмаршала П. А. Румянцева (1725–1796) Ермолов не совсем прав. Три его сына оставили свой след в истории России. Михаил Петрович (1751–1811) был генералом, а затем действительным тайным советником, сенатором; Николай Петрович (1754–1826) стал канцлером, в 1808–1814 гг. был министром иностранных дел, а в 1810–1812 гг. — председателем Комитета министров, основателем Румянцевского музея; Сергей Николаевич (1755–1838) — дипломат, писатель, член Государственного совета.

[8] Сын Александра Васильевича Суворова Аркадий Александрович (1784–1811) обладал блестящими военными способностями, в возрасте 26 лет имел чин генерал-лейтенанта и командовал 9-й пехотной дивизией; утонул в р. Рымник, пытаясь, со сломанной рукой, спасти своего денщика.

[9] По приказу Ермолова 15 сентября 1819 г. российские войска (6 рот пехоты, 700 казаков и 4 орудия) напали на селение Дада-Юрт. Русские войска применили артиллерию, чеченцы отчаянно защищались. Дада-Юрт было уничтожено до основания. В этом бою чеченская сторона потеряла только убитыми свыше 500 человек, российская — 61 убитыми и свыше 200 ранеными.

А. В. Казадаеву, 30 сентября 1819

[1] П. П. Резвой, брат Н. П. Казадаевой.

[2] Резвой Дмитрий Петрович (1762–1823) — с 1799 г. — генерал-майор, участник наполеоновских войн, с декабря 1812 г. командовал артиллерией 1-й Западной армии, в 1813 г. переведен в Польскую армию, с 1815 г. — в отставке; брат Н. П. Казадаевой.

А. А. Закревскому, 3 октября 1819

[1] Вероятно, речь идет о занятии 1 октября российским отрядом под командованием Ермолова качкалыковского селения Исти-Су (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйлов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

А. А. Закревскому, 10 октября 1819

[1] В этот день после непродолжительного сопротивления были захвачены еще два чеченских селения — Аллаяр-аул и Ноим-Берды (там же).

[2] Н. В. Греков.

Р. И. фон дер Ховену, 18 октября 1819

[1] И. А. Вельяминов.

[2] См. прим. 2 к письму А. А. Закревскому от 9 июля 1818 г.

А. А. Закревскому, 11 ноября 1819

[1] Сутгоф 2-й — подполковник, в 1818–1821 гг. — командир 8-го егерского полка.

[2] Оранский Иван Степанович — с 1817 г. — полковник, в 1815–1819 гг. — командир Тенгинского пехотного полка, в 1819–1826 гг. — командир Суздальского пехотного полка.

[3] Максимович 1-й Павел Иванович — в 1820 г. — полковник, командир Астраханского гарнизонного полка.

И. Я. Бухарину, 19 ноября 1819

[1] Рыхлевский Андрей Иванович (1783–1830) — в 1816–1820 гг. — коллежский советник, чиновник особых поручений при главноуправляющем Грузией А. П. Ермолове, в 1817 г. участвовал в Персидском посольстве Ермолова, заведуя денежными суммами и подарками, предназначавшимися для шаха; с 1821 г. в чине статского советника назначен олонецким гражданским губернатором; в 1825–1830 гг. — вятский гражданский губернатор.

М. С. Воронцову, 6 января 1820

[1] См. прим. 8 к письму А. А. Закревскому от 6 августа 1819 г. и прим. 1 к письму В. Г. Мадатову от 22 августа 1819 г.

[2] Следует отметить, что открытых военных действий уцмий против русских не вел и всю вторую половину сентября между ним и Мадатовым шли переговоры. Однако 5 октября отряд Мадатова взял штурмом резиденцию уцмия Башлы. В итоге уцмийское звание было упразднено (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйлов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

[3] См. прим. 9 к письму А. А. Закревскому от 30 сентября 1819 г.

[4] Разгром союза сельских обществ Акуша-Дарго А. П. Ермолов считал основной целью военной кампании 1819 г. на Северном Кавказе. Поход против них он предпринял лишь в самом конце года, сломив сопротивление остального Дагестана и равнинной Чечни. Осенью 1819 г. в Акуше собрались владетели, недовольные действиями российских властей в Дагестане, — уцмий каракайдагский, аварский хан, Гассан-Хан Мехтулинский и Сурхай-Хан Казыкумухский. В Акуше возник третий антироссийский союз, поставивший себе целью отстоять общую независимость и восстановить политический строй Дагестана. Во главе союза стал кадий акушинский. Силы горцев насчитывали около 15 тысяч человек, большинство которых составляли сами акушинцы. Они планировали захватить владения шамхала, Кюринское ханство, открыть дорогу на Кубинскую провинцию (уничтожив прикрывающий ее Чирахский пост) и в итоге заставить Россию вернуть прежним владельцам Дербентское, Кубинское, Каракайдагское и Мехтулинское ханства. В середине ноября против Акуша-Дарго выступили одновременно два российских отряда: из Внезапной под командованием самого Ермолова и из Дербента под командованием Мадатова. Первый отряд состоял из 9 батальонов пехоты и 34 орудий, второй — из двух батальонов пехоты, 6 орудий, 200 казаков и 400 человек «татарской конницы». В отряд Ермолова входила также дагестанская конница под командованием шамхала Тарковского. 19 декабря у селения Лаваши произошло решающее сражение, в котором русские одержали победу. Разгром под Лавашами оказал деморализующее воздействие на горцев, и их сопротивление наступающей российской армии практически прекратилось. Ермолов через несколько дней вступил в столицу акушинцев — селение Акуша. Все селения, лежащие на пути движения российских войск, были уничтожены. Акушинцы приняли присягу на верность России. Главным кадием Акуши был назначен Зухум-Кадий, «человек, к России расположенный». С этого времени назначение на данную должность стало прерога-

тивой российских властей (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйилов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

А. А. Закревскому, 17 февраля 1820

[1] Как следует из письма Ермолова Александру I от 12 апреля 1812 г., Ермолов рассчитывал на то, что К. В. Нессельроде, как руководитель внешней политики, убедит Комитет министров, что договор с карабахским ханом не предполагает ограничений его прав на распоряжение имениями (РГИА Ф. 1263. Оп. 1. Д. 219. Л. 659–660).

[2] Строить куры (*шутл.*) — ухаживать за кем-либо, заигрывать с кем-либо. От *фр.* faire la cour — «ухаживать».

А. А. Закревскому, 5 марта 1820

[1] Голицын Александр Николаевич (1773–1844) — князь, с 1808 г. — тайный советник, в 1803–1817 гг. — обер-прокурор Синода, с 1810 г. — член Государственного совета, в 1810–1817 гг. — управляющий духовными делами иностранных исповеданий, в 1817–1824 гг. — министр духовных дел и народного просвещения, с 1823 г. — действительный тайный советник, с 1813 г. — председатель Российского библейского общества.

А. А. Закревскому, 13 апреля 1820

[1] Бибиков Алексей Петрович — генерал-майор (с 1823 г.), в 1816–1819 гг. — командир Куринского пехотного полка, в 1819–1823 гг. — командир Севастопольского пехотного полка.

[2] Пригара Павел Онуфриевич — подполковник, в 1811–1813 гг. — командир 29-го егерского полка, в 1813–1819 гг. — командир 45-го (44-го) егерского полка, в 1819–1821 гг. — командир 15-го егерского полка.

[3] Лашкевич Павел Петрович (ум. 1848) — полковник, с 1819 г. — генерал-майор, в 1808–1811 гг. — командир 21-го егерского полка, в 1815–1819 гг. — командир 41-го егерского полка.

[4] В феврале 1820 г. М. С. Воронцов был назначен командиром 3-го пехотного корпуса.

[5] Данное письмо не обнаружено.

[6] Ордр-де-баталь — боевой порядок, расположение частей.

[7] Н. В. Греков.

[8] Бетанкур Августин Августинович (1758–1824) — генерал-лейтенант (с 1809 г.), инженер-строитель, с 1808 г. — на русской службе, в 1819–1822 г. — главный директор путей сообщения.

[9] Ермолов Сергей Николаевич (1798–1856) — с 1817 г. — прапорщик квартирмейстерской части, в 1821 г. переведен в гвардейский генеральный штаб, с 1822 г. прикомандирован к Отдельному Кавказскому корпусу, с 1826 г. — штабс-капитан, позднее генерал-лейтенант (с 1851 г.); с 1846 г. — грузино-имеретинский гражданский губернатор, в 1847–1849 гг. — тифлисский военный губернатор и управляющий гражданской частью; в 1849–1853 гг. — витебский военный и гражданский губернатор.

[10] Имеретинский Константин Давидович (1789–1844) — сын имеретинского царя Давида II; в 1812 г. зачислен на службу в лейб-гвардии Казачий полк и пожалован во флигель-адъютанты, в 1813 г. переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, с 1817 г. — генерал-майор.

[11] Дадиани Нина Георгиевна (1756/1772–1847) — дочь Георгия XII, супруга последнего правителя Мингрелии Григола (Григория) Дадиани (1770–1804), присягнувшего в 1803 г. на верность России, но сохранившего за собой гражданскую власть. После смерти мужа до совершеннолетия старшего сына Левана была объявлена ре-

гентшей. Жила в Петербурге, но в 1819 г. отправилась на кавказские минеральные воды, где вступила в контакты с представителями мятежников и якобы намерена была скрыться. В результате была отправлена на жительство в Рязань.

[12] Дадиани Георгий Григорьевич (1798–1851) — князь, сын последнего правителя Мингрелии Григола (Григория) Дадиани; с 1817 г. служил в Преображенском полку; в 1820 г. находился в отпуске на Кавказе, где «оказывал явное вероломство против России», будучи фактическим лидером мятежников в Мингрелии.

Александру I, между 13 и 22 апреля 1820

[1] Гуриели Мамия Семенович (1789–1826) — князь, генерал-майор, правитель Гурии (номинально с 1792 г., факически в 1809–1826 гг.); в 1811 г. признал власть России.

[2] Гуриели Койхосро Георгиевич (ум. 1829) — князь, дядя правителя Гурии Мамия Гуриели, до 1809 г. — правитель-регент при нем; сторонник самостоятельности Гурии; у его замка произошло убийство И. О. Пузыревского.

[3] Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868) — князь, с 1814 г. — полковник, с 1818 г. — командир 17-го (впоследствии 41-й) егерского полка, с 1820 г. — генерал-майор, управляющий Имеретией и командир 3-й бригады 22-й пехотной дивизии; в 1825–1826 гг. — командующий 22-й пехотной дивизией, командующий войсками на Кавказской линии и исправляющий должность начальника Кавказской области; в 1826–1828 гг. — генерал-квартирмейстер 2-й армии, с 1829 г. — генерал-лейтенант; в 1836–1849 гг. — командир Отдельного Сибирского корпуса; с 1843 г. — генерал от инфантерии, в 1854–1855 гг. — командовал 6-м пехотным корпусом в Крыму; с 1855 г. — член Государственного совета.

А. А. Закревскому, 22 апреля 1820

[1] Н. Н. Муравьев.

А. А. Закревскому, май 1820

[1] Меры, принятые И. О. Пузыревским в Имеретии против восставших, увенчались успехом. 4 марта 1820 г. одновременно схвачены были лидеры мятежа — оба митрополита, гелатский и кутаисский, царевна Дареджан и несколько наиболее влиятельных имеретинских князей, которые под конвоем были высланы в Россию. Избежать ареста сумел лишь князь Иван Абашидзе, который встал во главе антироссийского движения и укрылся в Гурии у князя Койхосро Гуриели. Центр возмущения переместился в Гурию. Именно тут, у замка К. Гуриели 13 апреля 1820 г. был убит Пузыревский. На подавление восстания был направлен А. А. Вельяминов, который с войсками прибыл 25 апреля в Кутаис. Справившись с движением в Имеретии, он в конце июня ликвидировал восстание и в Гурии. Замок, где был убит Пузыревский, снесли, непосредственный убийца понес жестокое наказание.

[2] Леван (Леон) V Дадиани (1793–1846) — князь, с 1804 г. — правитель Мингрелии, в 1820 г. оказал большую помощь русским войскам во время восстания в Имеретии, за что пожалован чином генерал-лейтенанта. Не получив необходимого образования, не проявлял склонности к административной деятельности, предоставив управление княжеством князю Николаю Дадиани, а в 1840 г. передал управление старшему сыну Давиду.

[3] Кочубей Виктор Павлович (1768–1834) — граф (с 1799 г.), князь (с 1831 г.), государственный канцлер внутренних дел (с 1834 г.). В 1792–1797 гг. — посланник в Турции, с 1798 г. — вице-канцлер, в 1801–1802 гг. — управляющий Коллегией иностранных дел. В 1801–1803 гг. — участвовал в работе Негласного комитета. В 1802–1807 гг. и 1819–1823 гг. — министр внутренних дел. После воцарения Николая I (с 1825 г.) поставлен во главе секретных комитетов, созданных для подготовки проек-

тов государственных преобразований. С 1827 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

[4] Л. М. Яшвиль.

[5] Весной 1820 г. российские войска продолжили строительство укреплений в Чечне. У селения Исти-Су было решено возвести укрепление на 300 человек гарнизона с целью воспрепятствовать набегам чеченцев на земли аксаевцев и на Кизляр. Это укрепление назвали Неотступным Станом. Вблизи крепости Грозной, на Сунже, в урочище Трех Братьев был заложен редут на 100 человек пехоты и 30 казаков, названный Злобным Окопом. 3 мая при впадении в Сунжу реки Мартан был заложен Урус-Мартанский редут (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 436–438).

[6] Началом революции 1820 г. в Испании послужило выступление войск экспедиционного корпуса, расположенного в окрестностях Кадиссы и предназначенного для отправки в Вест-Индию и Южную Америку. В результате поддержки населения разных городов король Фердинанд VII издал 3 марта манифест о созыве кортесов.

[7] Имеется в виду газета, издававшаяся в Петербурге на французском языке, «Journal de St-Peterbourg».

[8] Потемкин Яков Алексеевич (1781–1831) — с 1812 г. — генерал-майор, в 1812–1820 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, удален с этой должности в результате интриги А. А. Аракчеева и великого князя Михаила Павловича; в 1812–1827 гг. — начальник 4-й пехотной дивизии, с 1824 г. — генерал-лейтенант.

[9] Речь идет о смене командиров двух гвардейских полков — Семеновского полка Я. А. Потемкина и Преображенского полка Г. В. Розена.

[10] Стрекалов Степан Степанович (1782–1856) — генерал-майор (с 1816 г.), в 1818–1821 гг. — командир лейб-гвардии Измайловского полка, с 1828 г. — генерал-лейтенант, в 1828–1831 гг. — тифлисский военный губернатор, с 1841 г. — сенатор, с 1843 г. — действительный тайный советник.

[11] См. прим. 14 к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817 г.

[12] В 1820 г. маршрут императора, отправившегося в Лайбах, пролегал через Тверь, Москву, Рязань, Воронеж, Курск, Чугуев, Вознесенск и Варшаву. Покинув Царское Село 8 июня, он прибыл в Варшаву 15 августа.

[13] Белая Церковь — имение Браницких в Киевской губернии.

[14] Ван Гален Хуан, граф Перакампос (1790–1864) — родился в семье нидерландских аристократов, переселившихся в Испанию в XVIII в. В юности он участвовал в борьбе против наполеоновских войск. В 1808 г. попал в плен и присягнул новому королю Испании — Жозефу Бонапарту, и даже получил место в его свите, пополнив таким образом ряды «офранцуженных», которых было немало среди образованных слоев испанского общества. В 1813 г. Гален перешел на сторону противников французов и выдал важную информацию, благодаря которой был захвачен ряд крепостей. В 1814 г. испанский король Фердинанд VII отменил демократическую конституцию 1812 г. и заявил о восстановлении абсолютной монархии. Ван Гален оказался в рядах оппозиции королю, вступил в масонскую ложу либерального толка. Вскоре Ван Гален был арестован, однако в 1818 г. бежал и перебрался в Англию. Используя свои масонские связи, он прибыл в Россию и благодаря протекции флигель-адъютанта императора Александра I князя А. Б. Голицына был принят на службу и зачислен майором в находящийся на Кавказе Нижегородский драгунский полк. В 1820 г. до сведения императора дошла информация о международных связях испанских либералов, в числе которых фигурировал и Гален. Его было приказано уволить от службы, выслать из страны, передав австрийским властям. В нарушение предписания Ермолов снабдил Галена деньгами и рекомендательным письмом к служившему в Дубно генералу Гогелю, который и позволил испанцу свободно выехать из страны. В 1821 г. Гален принял

участие в вооруженной борьбе со сторонниками абсолютизма, в 1823 г. вновь эмигрировал, жил некоторое время на Кубе, в Аргентине и США. В 1830 г. принял активное участие в революции в Бельгии. В 1836 г. вернулся в Испанию, некоторое время был губернатором Каталонии, приверженцем генерала-прогрессиста Эспартеро (с 1840 г. регента Испании). После победы в 1844 г. сил реакции последовала очередная эмиграция Галена (в Англию). С началом революции 1854 г. он вновь вернулся на родину и до поражения революции в 1856 г. был президентом военно-морского трибунала Испании. Умер в Кадисе.

А. А. Закревскому, 29 мая 1820

[1] Сорочан Терентий Варламович — подполковник, с 1826 г. — полковник, в 1813–1815 гг. — командир 15-го егерского полка, в 1822–1832 гг. — командир 43-го егерского полка.

А. А. Закревскому, 7 июля 1820

[1] 19 января 1820 г. Ермолов в прокламации объявил об измене Сурхай-Хана Казыкумухского, однако тот укрепился в Казыкумухе. Для его изгнания в начале июня 1820 г. в Курахе был собран отряд под командованием Мадатова. В сражении 13 июня Сурхай-Хан был разбит и спустя некоторое время удалился в Персию (Казыкумухские и кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869).

П. А. Кикину, 5 сентября 1820

[1] Гамба Жан-Франсуа (1763–1833) — путешественник по России и писатель, до французской революции владелец торгового дома, после реставрации Бурбонов представил правительству записку о торговле с Азией и, в частности, с Индией; в 1817 и 1819 гг. совершил два путешествия по Южной России с целью анализа перспектив российско-французских торговых связей; во время второго путешествия особое внимание уделил изучению Грузии; позднее французский консул в Тифлисе; много способствовал развитию торговых сношений Франции с Востоком и льготному поселению иностранцев в Закавказье. В 1824 г. Гамба в последний раз приехал во Францию и издал результаты своего изучения Южной России в книге под заглавием: Voyage dans la Russie méridionale: et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 / par le chevalier Gamba (2. éd. V. 1–2. Paris, 1826).

[2] В соответствии с Гюлистанским мирным договором, заключенным между Россией и Ираном в 1813 г., Шекинское ханство присоединено к России. Измаил-Хан Шекинский умер 21 июля 1819 г., не оставив наследников, после чего ханская власть была ликвидирована, а ханство превращено в провинцию (АКАК. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 739).

А. А. Закревскому, 6 сентября 1820

[1] А. Н. Раевский.

М. С. Воронцову, 6 сентября 1820

[1] Лейтенант — в буквальном переводе с французского «заместитель».

[2] Сурхай-Хан (1744–1827) — в 1789–1820 гг. — хан казыкумухский, в 1791–1811 гг. — хан кюринский. Имел прозвище хамбутай, хамутай — искаженное кунбуттай (дословно на лакском языке «большой отец», «дедушка»).

[3] Мустафа-Хан Ширванский бежал в Персию в августе 1820 г. Ермолов его лишил ханского достоинства и объявил ханство перешедшим под российское управление.

С. С. Иванову, 6 сентября 1820

[1] Житель Астрахани, надворный советник Семен Сергеевич Иванов являлся откупщиком Сальянских рыбных ловель. По контракту, заключенному с Мустафой-Ханом в 1814 г. на 10 лет, он должен был ежегодно выплачивать казне 15 500 голландских червонцев, внося их равными долями в мае и в сентябре. Об описанных обстоятельствах заключения второго контракта, о взаимоотношениях Иванова с ханом и о предложенной приставу Макаеву взятке Ермолов узнал из донесения Макаева от 20 августа 1820 г. В предписании от 27 августа Ермолов потребовал от Мадатова сделать с Ивановым строжайший расчет и в уплате им откупной суммы хану «потребовать несомненных доказательств» (АКАК. Т. VI. Ч. I. С. 46, 810–812).

А. А. Закревскому, 16 октября 1820

[1] П. Н. Ермолов.

[2] С. Н. Ермолов.

[3] Скобелев Иван Никитич (1778–1849) — участник наполеоновских войн, с 1817 г. — генерал-майор, командир 3-й бригады 2-й гренадерской дивизии, в 1821–1823 гг. — генерал-полицмейстер 1-й армии; с 1843 г. — генерал от инфантерии; военный писатель, мемуарист.

[4] Маевский Сергей Иванович (1779–1848) — участник наполеоновских войн, с 1819 г. — генерал-майор, командир 3-й бригады 3-й гренадерской дивизии, в 1824–1828 гг. — отрядный командир поселенных батальонов 2-й и 3-й гренадерских дивизий, с 1837 г. — генерал-лейтенант, с 1839 г. — в отставке.

[5] Вейер Карл — купец 2-й гильдии, с 1840 г. — почетный библиотекарь Императорской Публичной библиотеки в Петербурге.

П. А. Кикину, 30 ноября 1820

[1] Дружинин Яков Александрович (1771–1849) — действительный статский советник, с 1825 г. — тайный советник, в 1811–1830 гг. — директор канцелярии Министерства финансов; в 1830–1848 гг. — директор Департамента мануфактур и внешней торговли, член-попечитель Императорского человеколюбивого общества, с 1811 г. — член литературного общества «Беседа любителей русского слова», с 1841 г. — почетный член отделения русского языка и словесности Академии наук.

[2] В связи с революционным движением в Италии и Испании европейские монархи собрались на конгресс Священного союза в Троппау, который открылся 11 (23) октября 1820 г. В Троппау было принято решение об австрийской интервенции в Неаполь. В начале 1821 г. заседания конгресса были перенесены в Лайбах (ныне Любляна).

[3] Граф Генрих (Анри) Шарль д'Артуа, герцог Бордо, более известный как граф де Шамбор (1820–1883) — последний представитель старшей линии французских Бурбонов, внук Карла X. Появился на свет почти через восемь месяцев после убийства своего отца герцога Шарля Беррийского, племянника Людовика XVIII, рабочим Лувелем; его рождение предотвращало переход французского престола к представителю младшей ветви Бурбонов Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, который слыл либералом. В результате Июльской революции 1830 г. Карл X отрекся от престола в пользу внука. «Наместником королевства» был назначен Луи-Филипп. Он скрыл условия отречения Карла и сам принял корону как Луи-Филипп I, доказывая потом, что герцог Бордоский — бастард.

А. А. Закревскому, 27 ноября — 5 декабря 1820

[1] Весной 1820 г. М. С. Воронцов участвует в создании «Общества добрых помещиков», которые ставили своей целью освобождение крестьян от крепостной за-

висимости. В обществе приняли участие также А. С. Меншиков, П. А. Вяземский, бр. Н. И. и С. И. Тургеневы, В. Н. Каразин и И. В. Васильчиков. Однако летом император объявил, что не видит нужды в деятельности этого общества.

[2] А. С. Меншиков.

[3] Имеется в виду переписка с С. С. Ивановым. Письмо Ермолова ему от 6 сентября 1820 г. публикуется в настоящем сборнике.

[4] И. О. Пузыревского.

[5] Речь идет о царевиче Вахтанге, незаконном сыне царевича Давида (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 426).

[6] См. прим. 5 к письму А. А. Закревского от мая 1820 г.

[7] В качестве примера можно привести экспедицию, предпринятую русским командованием в 1785 г. против мятежных горцев, во главе которых под знаменем ислама выступал Ушурма (шейх Мансур) — уроженец чеченского селения Алды. В Алды был направлен отряд под командованием полковника Н. Ю. Пиери. Пиери, не дождавшись двигавшихся к нему на помощь войск бригадира С. С. Апраксина, перешел Сунжу, оставив переправу и дорогу, по которой предстояло возвращаться, без прикрытия и, судя по рапорту генерал-поручика М. Н. Леонтьева, дал «при этом пушечными выстрелами и барабанным боем время чеченцам собраться и засесть на дороге, ему предлежащей» (*Зиссерман А. Л.* История кабардинского пехотного полка. Т. I. СПб., 1881. С. 159–160). Чеченцы покинули селение, которое было разграблено и сожжено русскими войсками. После этого, как пишет тот же Леонтьев, русские, «будучи встречены неприятелем на обратном пути в густоте леса, как не храбро побеждали их, но подвергнули и себя чрезвычайным потерям» (там же. С. 160). Командир Кабардинского егерского батальона майор С. Комарский предложил остановиться на одной из полян и ожидать прибытия отряда Апраксина, однако Пиери отказался, в результате чего отряд был разгромлен, а остатки его с трудом переправились за Сунжу (*Дубровин Н.* Ф. Братья Потемкины на Кавказе. СПб., 1878. С.528). Подобные экспедиции повторялись по той же модели и позднее, особенно в первой половине 1840-х гг. Наиболее известной по своим масштабам и трагическим последствием была экспедиция под командованием графа М. С. Воронцова в резиденцию Шамиля Дарго.

[8] Власов Максим Григорьевич (1767–1848) — участник наполеоновских войн, с 1815 г. — генерал-майор, с 1819 г. — походный атаман донских полков в Грузии, в 1820–1826 гг. — главноуправляющий Черноморским казачьим войском, с 1831 г. — генерал-лейтенант, с 1836 г. — наказной атаман Войска Донского, с 1843 г. — генерал от кавалерии.

[9] Храповицкий Матвей Евграфович (1784–1847) — генерал-майор (с 1812 г.), генерал-лейтенант (с 1824 г.), участник наполеоновских войн, в 1818–1830 гг. — начальник 3-й гренадерской дивизии, с 1846 г. — петербургский военный генерал-губернатор и член Государственного совета.

Н. М. Сипягин был с 1819 г. начальником 6-й пехотной дивизии.

[10] Речь идет о выступлении в октябре 1820 г. солдат Семеновского полка, недовольных чрезмерной строгостью, взыскательностью и отсутствием такта вновь назначенного командира полковника Ф. Е. Шварца. За несколько месяцев он восстановил против себя и офицеров и солдат. В результате 16 октября солдаты роты его величества самовольно вышли на перекличку, отказались идти в караул, требовали ротного командира и не хотели расходиться, несмотря на увещевания начальства; их поддержали другие роты. В результате полк был сначала отправлен в Петропавловскую крепость, а впоследствии полностью раскассирован.

[11] Шварц Федор Ефимович (ум. 1869) — полковник, в 1815–1819 гг. — командир Екатеринославского гренадерского полка, в апреле-ноябре 1820 г. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, в результате семеновской истории был отдан в 1821 г.

под суд, но в итоге отделался отставкой; однако в 1823 г. принят на службу в Отдельный корпус военных поселений.

[12] И. В. Васильчиков был до семеновской истории командующим Гвардейским корпусом.

[13] А. А. Аракчеев.

А. А. Закревскому, 20 декабря 1820

[1] П. Д. Горчаков.

А. А. Закревскому, 22 декабря 1820

[1] Чавчавадзе Александр Гарсеванович (1787–1846) — участник войн 1812–1814 гг., в 1814 г. был адъютантом Барклая де Толли; с 1817 г. — полковник Нижегородского драгунского полка, в 1821–1822 гг. — его командир; в 1823–1827 гг. состоял для особых поручений при Ермолове, а с 1828 г. — при Паскевиче; участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., с 1828 г. — генерал-майор; позднее с 1843 г. — генерал-лейтенант, управляющий почтовой частью Закавказья; отец Нины Чавчавадзе, супруги А. С. Грибоедова.

А. А. Закревскому, 3 февраля 1821

[1] Речь идет о конгрессе Священного союза, перенесенном из Троппау в Лайбах, где 2 февраля было принято окончательное решение о вводе войск в Неаполь. Предполагалось, что свои войска для подавления революции в Италии наряду с Австрией пошлет и Россия. О переброске частей к западной границе Александр I отдал распоряжение еще в Троппау.

А. А. Закревскому, февраль — начало марта 1821

[1] Речь идет о подавлении революции в Италии. Австрийские войска вступили в Неаполь 23 марта 1821 г.

[2] Ипсиланти Александр (1792–1828) — генерал-майор русской армии (1817), участник Отечественной войны 1812 г. В апреле 1820 г. вступил в тайное греческое революционное общество «Филики Этерия» и возглавил его. 22 февраля (6 марта) 1821 г. прибыл в Яссы с целью поднять балканские народы на восстание против турецкого ига. В феврале (марте) обратился к греческому народу с призывом к восстанию, сформировал повстанческую армию и поднял восстание в Молдове, послужившее сигналом к началу греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг. В июне 1821 г. войска И. были разбиты турками в сражении при Драгошанах.

А. А. Закревскому, 7 апреля 1821

[1] В связи с обострением международной обстановки, в частности восстанием в Турине, рескриптом от 3 марта 1821 г. император Александр I, находившийся на конгрессе в Лайбахе, вызвал Ермолова к себе. Предполагалось, что А. П. возглавит 3-ю экспедиционную армию, предназначенную для подавления революции в Италии. Однако после вступления 9 апреля австрийских войск в Пьемонт поход в Италию русских войск был отменен и назначение Ермолова не состоялось. Одной из причин отмены похода стала его непопулярность в России, в первую очередь среди офицеров.

А. А. Закревскому, 15–16 апреля 1821

[1] Н. В. Греков с войсками 1 марта возобновил действия в Чечне. Велась прокладка просеки к р. Мечик, были разрушены селения Койсунгури и Исти-Су.

[2] Г. И. Эристов.

[3] Чары — Джары.

[4] Гуляков Василий Семенович (1751–1804) — участник 1-й русско-турецкой войны и войны со Швецией (1788–1790); с 1800 г. — генерал-майор, шеф Кабардинского мушкетерского полка.

[5] Константина Павловича.

[6] Леташинский — чиновник Кабинета его императорского величества, участник посольства в Персию 1817 г.

[7] Мещерская Софья Сергеевна, урожденная Всеволожская (1775–1848) — княгиня, автор религиозно-нравственных сочинений, состояла в переписке с Александром I и имела на него некоторое влияние, с 1821 г. ее сестра А. С. Голицына была дружна с баронессой В. Ю. Крюденер.

[8] Возможно, речь идет о Вольском Семене Федоровиче (ум. в 1849 г.) — докторе медицины и хирургии (с 1824 г.), почетном лейб-медике, президенте Общества русских врачей, участнике Отечественной войны 1812 г., батальонном штаб-лекаре лейб-гвардии Егерского полка, с 1829 г. — главном докторе Петербургского приказа общественного призрения, старшем враче городской больницы в Царском Селе, авторе ряда статей в медицинских изданиях (*Нувахов Б., Крылов-Толстикович А.* Верность клятве Гиппократа. Элита русской медицины XVIII — начала XX столетий: краткий медицинский биографический словарь. А.–Л.–М., 2007).

А. А. Закревскому, 27 апреля 1821

[1] Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) — австрийский дипломат и государственный деятель, один из творцов Священного союза, в 1809–1821 гг. — министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства, в 1821–1848 гг. — канцлер.

А. А. Закревскому, 27 мая 1821

[1] А. М. Каховский.

А. А. Закревскому, 4 июля 1821

[1] Речь идет об аудиенции у императора. Согласно камер-фурьерскому журналу она состоялась 3 июля 1821 г. во дворце на Каменном острове. Его величеству Ермолов представлялся в верхнем кабинете, ее величеству — «в угольной картинной комнате» (РГИА Ф. 516. Оп. 1 (28/1613) Д. 119. Л. 167).

М. С. Воронцову, 9 августа 1821

[1] Речь идет о длительном пребывании М. С. Воронцова за границей.

А. В. Казадаеву, август-сентябрь 1821

[1] А. В. Казадаев родился 28 сентября 1776 г. в день памяти мученика Александра Каталинского. Однако, судя по дальнейшей переписке, в этот день Ермолов был уже в Москве. Дни памяти святых с именем Александра отмечались также 1, 11, 12, 30 августа и 22 сентября.

А. А. Закревскому, 23 сентября 1821

[1] Поездка в Москву с А. Ф. Закревской была связана со смертью ее матери, графини Степаниды Алексеевны Толстой, урожденной Дурасовой.

[2] Рынкевич Александра Александровна, урожденная Пашкова (ум. 1823) — жена московского вице-губернатора Е. Е. Рынкевича.

А. А. Закревскому, не ранее 24 сентября 1821

[1] Пашков Василий Александрович (1764–1838) — с 1819 г. — 2-й обер-егермейстер, с октября 1821 г. — член Государственного совета; дядя А. А. Рынкевич, был женат на графине Екатерине Александровне Толстой.

[2] Царево — имение Дурасовых под Москвой.

А. А. Закревскому, не ранее 24 сентября 1821, 4 часа пополудни

[1] Скорее всего, Андрей Васильевич Толстой.

А. А. Закревскому, 8 октября 1821

[1] Аграфена Федоровна Закревская, по выражению Я. А. Гордина, «славилась своими похождениями и причудами», но при этом была «женщина явно незаурядная». Ею был увлечен поэт Е. А. Баратынский, служивший при А. А. Закревском в Финляндии. Закревской посвятил несколько стихотворений А. С. Пушкин, в т. ч. «Портрет»:

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил...

А. А. Закревскому, 8 октября 1821

[1] Грузинская царица Мария Георгиевна происходила из рода князей Цицианових.

А. А. Закревскому, 9 октября 1821

[1] Такая реакция властей, очевидно, связана с тем, что эти офицеры предполагали принять участие в борьбе за независимость Греции. Присутствие на стороне восставших офицеров русской службы могло бы вызвать нежелательные политические осложнения. На конгрессе в Лайбахе российскому императору пришлось убеждать своих партнеров по Сященному союзу в непричастности официального Петербурга к греческому восстанию, поскольку его лидер А. Ипсиланти был российским генералом.

А. А. Закревскому, 14 октября 1821

[1] Комаров Сергей Иванович — в 1821 г. — действительный статский советник, член Кабинета его императорского величества.

[2] Возможно, речь идет о семье отставного прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка Александра Петровича Хрущева, который владел ампирным особняком на Пречистенке, 12.

А. А. Закревскому, 15 октября 1821

[1] Д. В. Давыдов.

[2] Речь идет о неоднократно предпринимавшихся попытках уговорить П. С. Котляревского продолжить службу, которую он оставил по состоянию здоровья.

[3] Давыдов Евдоким Васильевич (1786–1843) — младший брат Д. В. Давыдова, участник наполеоновских войн, с 1820 г. — генерал-майор, назначен состоять при начальнике 3-й, а затем 2-й кирасирской дивизии, с 1823 г. — командир 2-й бригады 3-й кирасирской дивизии, с 1825 г. — командир 1-й бригады 2-й кирасирской дивизии, с 1828 г. состоял по кавалерии, с 1834 г. — председатель комиссии военного суда при Московском ордонанс-гаузе.

[4] В мае 1820 г. ушедшего в отпуск М. С. Воронцова в должности командира 3-го пехотного корпуса сменил Л. О. Рот. Однако утвержден он был в этой должности только в 1823 г. — после того как Воронцов был назначен новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Ф. В. Остен-Сакен в это время — главнокомандующий 1-й армией.

А. А. Закревскому, 15 октября 1821

[1] Предыдущее письмо от того же числа, очевидно, Закревский должен был показать Д. В. Давыдову, ведя с ним разговор о возможной службе на Кавказе.

[2] А. А. Павлов.

[3] Граф Ф. А. Толстой.

А. А. Закревскому, 16 октября 1821

[1] Возможно, речь идет об Афанасии Ивановиче Красовском (1781–1843) — участнике наполеоновских войн. Красовский с 1814 г. был генерал-майором, в 1819 г. был снят с должности начальника 3-й бригады 3-й гренадерской дивизии и назначен состоять по армии «до излечения ран»; с 1823 г. — вновь на службе, с 1831 г. — начальник Главного штаба 1-й армии, с 1834 г. — член Военного совета, с 1841 г. — генерал от инфантерии, с 1842 г. командовал 1-м пехотным корпусом. Красовский во время «излечения от ран» женился на орловской помещице Д. А. Глазуновой.

А. А. Закревскому, 9 ноября 1821

[1] Черноморское казачье войско было подчинено в 1820 г. командиру Отдельного Кавказского корпуса. См. прим. 14 к письму А. А. Закревскому от 26 января 1817 г.

[2] Осенью 1821 г. провоцируемые турками горцы в числе 3000 человек решили предпринять нападение на Черноморию. В начале октября они направились к Черноериковским хуторам, но были остановлены войсками Власова, расстреляны из артиллерии, а затем загнаны в Калаусский лиман. Более трети горцев погибло (*Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринослав, 1913. С. 235–238).

[3] Речь идет о войне 1821–1823 гг. Осенью 1821 г., воспользовавшись разрывом дипломатических отношений между Турцией и Россией и сосредоточением турецких сил на подавлении восстаний в Греции и Валахии, Аббас-Мирза вторгся с 50-тысячным войском в Турецкий Курдистан и Армению, занял Карский пашалык, подошел к Эрзуруму и потребовал большую контрибуцию. Однако летом 1822 г. турецкие войска стали теснить персидскую армию, к тому же в персидских войсках началась эпидемия холеры. Все это заставило Персию отозвать войска.

А. А. Закревскому, 21 ноября 1821

[1] Граф Ф. А. Толстой вошел в историю прежде всего как библиофил. Он был владельцем уникального собрания древнерусских рукописей и старопечатных книг. Библиотекарем у Ф. А. Толстого вскоре стал археограф П. М. Строев, который в 1829 г. издал «Описание старопечатных книг графа Ф. А. Толстого». Ныне основная часть собрания находится в Библиотеке Академии наук, а часть в Российской национальной библиотеке.

[2] То есть жена, С. А. Толстая, урожденная Дурасова.

[3] И. В. Васильчиков стал членом Государственного совета с 31 октября 1821 г. Это назначение связано с его отставкой с поста командира Гвардейского корпуса, последовавшей в результате семеновской истории.

[4] И. О. Сухозанет.

[5] Речь идет о должности начальника Кавказской линии. Ермолов предпочитал иметь на ней Д. В. Давыдова, но не хотел обижать исполнявшего эти обязанности К. Ф. Сталя.

[6] Эртель Федор Федорович (1768–1825) — генерал-лейтенант (с 1811 г.), генерал от инфантерии (с 1823 г.), в начале 1812 г. командовал 2-м резервным корпусом, приединным в октябре 1812 г. к 3-й Западной армии, затем до 1821 г. военный генерал-полицмейстер армии, 21 октября 1821 г. снят с должности и назначен состоять по армии, в 1823 г. вновь возвращен на прежнюю должность.

А. А. Закревскому, 6 января 1822

[1] Горчаков Михаил Дмитриевич (1792–1861) — полковник (с 1817 г.), с 1820 г. — и. д. начальника штаба 3-го пехотного корпуса; затем генерал от артиллерии (с 1843 г.), с 1831 г. — начальник штаба действующей армии, с 1846 г. — сенатор, в 1853–1854 гг. — командующий войсками 3, 4 и 5-го корпусов в Дунайских княжествах, с августа 1854 г. — главнокомандующий Южной армией, с февраля по декабрь 1855 г. — главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму, с 1856 г. — член Государственного совета по департаменту дел Царства Польского, председатель этого департамента и наместник Царства Польского. Был женат на Агафоклее Николаевне Бахметевой.

[2] Шабельский Иван Петрович (1796–1874) — в 1812 г. служил в 1-м Отдельном корпусе, затем был адъютантом Ф. Ф. Довре; с 1817 г. — полковник, с 1826 г. — генерал-майор, в 1821–1826 гг. — командир Нижегородского драгунского полка; с 1850 г. — генерал от кавалерии, участник Крымской войны, в 1854 г. — командовал войсками в Одессе, в 1855 г. — отрядом, блокировавшим Евпаторию.

[3] Довре Федор Филиппович (1764–1846) — генерал от инфантерии (с 1826 г.), в 1812 г. был начальником штаба корпуса П. Х. Витгенштейна.

[4] Возможно, Лабенский Ксаверий Ксаверьевич (1800–1855) — поэт, писатель, музыкант, чиновник Министерства иностранных дел.

[5] Возможно, Понировский Иван Яковлевич — в 1812 г. — майор.

[6] Магомет-Али-Мирза, см. письмо М. С. Воронцову от 5 ноября 1817 и прим. к нему, а также письмо А. А. Закревскому от апреля 1818 и прим. 7 к нему.

[7] Буквальный перевод фамилии П. А. Клейнмихеля.

[8] Речь идет о многочисленных наградах, розданных после высочайшего смотра гвардейских войск в местечке Бешенковичи под Вильно (сентябрь 1821 г.).

[9] Медокс Василий Михайлович (ум. 1831) — в 1822 г. — штабс-капитан лейб-гвардии Гренадерского полка, адъютант И. А. Вельяминова; позднее — полковник, состоял в 1831 г. по особым поручениям при И. Ф. Паскевиче.

А. А. Закревскому, 11 января 1822

[1] В декабре 1821 г. П. Ф. Желтухин стал начальником штаба Гвардейского корпуса.

[2] Депрерадович Николай Иванович (1767–1843) — с 1803 г. — генерал-майор, с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1803-го по 1824 г. — командир лейб-гвардии Кавалергардского полка, с 1819 г. — командовал 1-м резервным кавалерийским корпусом (с декабря 1821 г. — его командир), с 1826 г. — генерал от кавалерии, в 1833–1835 гг. — командовал гвардейским резервным кавалерийским корпусом.

[3] Начальник штаба Гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорф в декабре 1821 г. назначен командиром 1-й кирасирской дивизии.

[4] Мартынов Павел Петрович — генерал-майор (с 1820 г.), с 1821 г. — командир лейб-гвардии Измайловского полка, с 1829 г. — генерал-лейтенант, с 1831 г. — комендант Петропавловской крепости.

[5] Уваров Федор Петрович (1769–1824) — генерал от кавалерии (с 1813 г.), участник наполеоновских войн, в ноябре 1821 г. назначен командиром Гвардейского корпуса, с августа 1823 г. — член Государственного совета.

[6] 12 декабря — день рождения императора Александра I.

[7] Селявин Николай Иванович (1774–1833) — с 1803 г. служил в свите его императорского величества по квартирмейстерской части, с 1811 г. — полковник, в 1812 г. (до июля) состоял при П. М. Волконском, с декабря 1812 г. до окончания Заграничных походов — дежурный генерал Главного штаба, затем служил по квартирмейстерской части, с 1813 г. — генерал-майор, с 1826 г. — генерал-лейтенант, в 1826–1832 гг. — вице-президент Кабинета его императорского величества.

[8] Брегет — карманные часы, изготовлявшиеся в мастерской французского мастера Абрама Луи Бреге (Bréguet; 1747–1823).

[9] Булгаков Константин Яковлевич (1782–1835) — тайный советник (с 1826 г.), в 1802 г. причислен к посольству в Вене, в 1810–1812 гг. состоял правителем дипломатической канцелярии главнокомандующих Молдавской армией, в 1813 г. управлял Гродненской губернией, затем состоял при князе П. М. Волконском и графе К. В. Нессельроде, с 1816-го по 1819 г. — московский почт-директор, с 1819 г. — петербургский почт-директор.

А. В. Казадаеву, 29 января 1822

[1] Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) — граф (с 1834 г.) — адмирал, один из создателей Черноморского флота, в 1802 г. — министр морских сил, с 1810 г. — член Государственного совета, в 1816–1818 гг. — председатель Департамента государственной экономии, в 1821–1838 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел, видный экономист, основоположник национальной системы политической экономии и теории протекционизма, председатель Вольного экономического общества (1823–1840), знаменитый англоман.

Глубокий государственный ум графа Мордвинова, его энциклопедическая образованность, неподкупная честность, твердость и прямота убеждений при жизни были высоко оценены современниками. Он обладал особым умением красноречиво и убедительно излагать свои мысли. Ему принадлежит клич русских либералов: «Дайте свободу мысли, рукам, всем душевным и телесным качествам человека; предоставьте всякому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа особенно даровала!» (Новый энциклопедический словарь. Петроград, [1916]. Т. 27. С. 173–175).

[2] Казадаев Петр Александрович (1801–1885) — старший сын А. В. Казадаева; с 1821 г. — офицер гвардейской конной артиллерии, с 1834 г. — полковник, с 1843 г. — генерал-майор; участник польской кампании 1830–1831 гг., в 1854 г. заведовал ополчением Оренбургской губернии, в 1856 г. вышел в отставку.

[3] Князь Д. И. Лобанов-Ростовский. В 1822 г. отказался от предложения возглавить Военное министерство, ссылаясь на преклонный возраст.

[4] Сизов — мастер по изготовлению предметов из серебра; подробных сведений о нем обнаружить не удалось

К. Я. Булгакову, январь 1822

[1] Булгакова Мария Константиновна (1796–1879) — жена К. Я. Булгакова, урожденная Варлам, дочь валахского вестиария.

[2] Григорий V (1745/1746–1821) — патриарх константинопольский, трижды занимал кафедру (1797–1799, 1806–1808, 1819–1821). После начала войны за независимость Греции поддерживал связи с повстанцами; 10 апреля 1821 г. патриарха схватили и повесили на воротах патриархии, а затем бросили тело в море. Канонизирован в 1921 г.

А. А. Закревскому, 23 февраля 1822

[1] Начало в 1821 г. греческого восстания привело к обострению восточного вопроса в целом. В поисках военной поддержки Ипсиланти обратился к России. Однако императорское правительство, хотя и желало усиления роли России на Балканах, все же предпочитало действовать преимущественно дипломатическими средствами. Это объяснялось опасениями негативной реакции со стороны Англии и Австрии. Из-за нежелания Порты выполнять ряд условий Бухарестского договора 1812 г. (речь шла о гарантиях широкой автономии Молдавии и Валахии) обострились и собственно русско-турецкие отношения. А. П. Ермолов, наряду с А. А. Закревским, П. Д. Киселевым, М. С. Воронцовым, В. П. Кочубеем и А. Г. Строгановым, принадлежал к сторонникам активного давления на Порту, не исключая войны с ней.

[2] Криденер Карл Антонович (ум. 1856) — полковник (с 1805 г.), в 1809–1812 гг. — командир лейб-гвардии Семеновского полка, уволен от командования полком из-за грубого обращения с офицерами, с 1821 г. — флигель-адъютант, с 1822 г. — генерал-майор, позднее комендант Санкт-Петербурга.

[3] Имеются в виду Н. В. Греков, Г. И. Эристов и М. Г. Власов.

[4] Карцов Иван Петрович (1769–1836) — контр-адмирал (с 1818 г.), с 1810 г. — командир Гвардейского экипажа, с 1818 г. — начальник Черноморской гребной флотилии, с 1830 г. — в отставке.

[5] Вероятно, Абакумов Андрей Иванович (1770/1772–1841) — действительный тайный советник (с 1826 г.), с 1813 г. — обер-провиантмейстер, с 1816 г. — генерал-провиантмейстер Главного штаба и директор Провиантского департамента Военного министерства, сенатор (с 1826 г.).

[6] А. А. Шишков; см. письмо А. С. Шишкову от 31 мая 1818 г. и прим. к нему.

[7] Марков Евгений Иванович (1769–1828) — генерал-лейтенант (с 1807 г.), участник наполеоновских войн, с 1816 г. состоял по армии.

[8] Верховский Евстафий Иванович (ок. 1786–1823) — с 1812 г. в свите его императорского величества по квартирмейстерской части, с 1816 г. — на Кавказе, с 1819 г. — полковник, в 1822–1823 гг. — командир Куринского полка. История его трагической гибели описана Бестужевым-Марлинским в повести «Аммалат-бек».

[9] Имеется в виду Н. Н. Муравьев (будущий Карский), который был командирован Ермоловым в 1819–1820 гг. к туркменскому побережью Каспийского моря и в Хиву. Речь идет об осуществлении давнего геополитического проекта проникновения в Индию через побережье Каспия и Среднюю Азию. Попытками его реализации были Персидский поход Петра Великого 1722–1723 гг. и поход под командованием графа В. А. Зубова 1796 г., в котором участвовал молодой Ермолов. Идея экспедиции 1817 г. была подсказана запиской Н. С. Мордвинова «Мнением о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия». Мысль Мордвинова состояла в том, чтобы привлекать кавказских жителей к сближению с империей посредством экономических выгод. При этом Кавказ должен был стать основным путем торговли со странами Азии. Для этого требовалось закрепиться на Каспийском море, в частности основать колонию в Красноводском заливе. Идеи Мордвинова были поддержаны Комитетом министров и царем. В 1821–1822 гг. Муравьев был командирован на восточное побережье Каспийского моря еще раз (см. подробно: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974.

С. 104–132). 11 июня 1822 г. Муравьев был назначен командиром 7-го карабинерного полка.

[10] Авенариус Александр Андреевич (ум. 1828) — с 1817 г. — подполковник, старший адъютант 25-й пехотной дивизии (с 1817 г.), старший адъютант штаба 1-й армии, командир 41-го егерского полка (с 1821 г.).

А. А. Закревскому, 12 марта 1822

[1] Намек на адмирала И. И. Траверсе. На Каменном острове находился дворец императора Александра I.

[2] Возможно, Вадбольский Иван Михайлович (1781–1861) — князь, с 1813 г. — генерал-майор, с 1816 г. — начальник 3-й гусарской дивизии, с 1823 г. — состоял по армии, в 1826 г. — переведен в Отдельный Кавказский корпус, с 1827 г. — генерал-лейтенант, с 1829 г. — состоял по кавалерии.

А. А. Закревскому, 22 марта 1822

[1] Кондуитные списки — составлявшиеся в военном ведомстве списки о поведении и способностях военнослужащих, отменены в 1862 г.

[2] Граф Ф. А. Толстой, тесть А. А. Закревского.

[3] Юсупов Николай Борисович (1750–1831) — князь, действительный тайный советник (с 1796 г.), с 1800 г. — сенатор, председатель коронационных комиссий 1801 и 1826 гг., с 1797 г. управлял Эрмитажем, в 1814–1816 гг. — главный начальник над Экспедицией кремлевского строения в Москве и над Оружейной палатой.

А. А. Закревскому, 29 апреля 1822

[1] П. Х. Граббе 4 марта 1822 г. был уволен в отставку «за несоблюдение порядка службы» и освобожден от военного суда «единственно по уважению к прежней службе».

[2] Татищев Дмитрий Павлович (1767–1745) — с 1810 г. — сенатор, с 1812 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Испании (в 1814 г. прибыл в Мадрид), с 1819 г. — действительный тайный советник, с июля 1821 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Нидерландах, в феврале и мае 1822 г. командировался с особыми поручениями в Вену, в 1822 г. — 3-й российский уполномоченный на конгрессе в Вероне, посол в Австрии (1826–1841), с 1838 г. — член Государственного совета, с 1841 г. — обер-камергер.

В ходе упомянутой поездки в Вену Д. П. Татищев передал Францу I предложение Александра I созвать новый конгресс (он проходил в Вероне) для демонстрации единства союзных держав перед лицом революционного движения в Европе (в первую очередь в Испании).

[3] Константина Павловича.

[4] Набеги кабардинцев на Кавказскую линию заставили Ермолова ввести в Кабарду в начале 1822 г. отряд артиллерии полковника Коцарева из 1000 человек Кабардинского полка, 50 орудий и 200 казаков. Вся кабардинская земля была объявлена собственностью правительства, и Ермолов обещал ее раздавать по своему усмотрению тем, кто оказался преданным российским властям. Ряд аулов Коцаревым были выселены из гор и поселены на левом берегу Терека. Однако предпринятых мер оказалось недостаточно, и в мае Ермолов сам возглавил отряд из двух батальонов, восьми орудий и 300 казаков. Начальство над отрядом Коцарева было поручено Сталю. В результате действий российских войск кабардинцы изъявили покорность. Система управления Кабардой подверглась изменениям. Ермолов учредил для решения гражданских дел Временный кабардинский суд, члены которого назначались российскими властями, а делопроизводство вел российский чиновник. Уголовные же преступления подлежали рассмот-

рению в российских военных судах. «В Кабарде введен суд из князей и узденей, — писал Ермолов в своих «Записках», — на основании прежних их прав и обычаев уничтожено вредное влияние глупого и невежественного духовенства, которое со времени удаления князей от судопроизводства и уничтожения их власти в народе произвело все беспорядки и разбои… В составлении суда почти ни одного не нашлось способного человека. Никто почти из князей, и лучшие непременно, ни читать, ни писать не умеют…» (Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 379–380).

А. А. Закревскому, 4 мая 1822

[1] Крюденер Варвара Юлия, фон, урожденная Фитингоф (1764–1824) — писательница, проповедница мистического христианства, после 1815 г. имела влияние на императора Александра I.

[2] Зубов Платон Александрович (1767–1822) — светлейший князь, последний фаворит Екатерины II, в 1793–1796 гг. — генерал-фельдцейхмейстер русской армии, с 1801 г. — генерал от кавалерии, участник убийства императора Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., в марте 1801 г. стал членом Государственного совета, с 1814 г. жил в своем имении, занимаясь хозяйством.

[3] П. А. Зубов в 1821 г. женился на небогатой дочери виленского шляхтича Текле Игнатьевне Валентинович (1801–1873). После смерти мужа она уехала в Вену, а в 1826 г. в Петербурге вышла второй раз замуж за графа Андрея Петровича Шувалова (1802–1873).

Д. А. Гурьеву, 17 июня 1822

[1] Речь идет о присоединенном в 1819 г. после смерти Измаил-Хана Шекинском ханстве. Однако в 1819 и в 1820 г., до передачи доходов от бывшего ханства в ведение казенной экспедиции Верховного Грузинского правительства, военными властями по традиции, сложившейся еще при ханах, ряду беков и меликов выдавалось некоторое количество шелка; оплачивались и расходы на содержание семейства хана. С этими обстоятельствами и связаны претензии петербургских властей и оправдания Ермолова (АКАК Т. VI. Ч. I. С. 773–777).

Н. Н. Муравьеву, 11 июля 1822

[1] Убийца князя Цицианова — Ибрагим-Бек, один из приближенных бакинского хана Гусейн-Кули. 8 февраля 1806 г. при церемонии сдачи Баку, когда Гусейн-Кули вручал Цицианову ключи от города, Ибрагим-Бек выстрелом из пистолета убил его. Голову Цицианова Гуссейн-Кули отослал персидскому шаху. В октябре того же года русские войска вновь подошли к Баку, Гуссейн-Кули бежал, а его ханство перешло к России. В 1822 г. жена умершего Ших-Али-Хана дербентского Мулаим, очевидно с целью добиться разрешения похоронить мужа в Дагестане, предложила в супруги сыну шамхала тарковского свою сестру Сагиб Султану. Ее Ермолов и называет дочерью убийцы Цицианова. Свой запрет на этот брак командир Отдельного Кавказского корпуса подтвердил отдельным письмом шамхалу от 11 июля 1822 г. В письме, в частности, говорилось: «Как добрый приятель Вашему превосходительству не могу я пожелать, чтобы Сагиб Султана была женой достойного молодого человека как сын Ваш, и какая будет она жена, имевши в молодости пример распутной жизни сестры своей, которая мужу своему менее всего нужна была как жена, ибо Вы знаете подлую его слабость. Я обязан был как приятель предупредить Вас, что подобная связь для Вас неприлична, не могу скрыть и того, что как начальник в здешней службе не смею допустить, чтобы сын полезного усердием и верностью великому своему государю

Мехти-Шамхала имел женой дочь подлого убийцы князя Цицианова. Решительно говорю вам, что сего не позволяю!» (см. РГВИА Ф. 169. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об. – 5).

[2] Речь идет о строительстве крепости Бурная в Тарках. Она располагалась на скале, вблизи замка шамхала тарковского.

[3] И. А. Вельяминов.

[4] Зухум-Кадий — с 1819 г. акушинский кадий, ставленник российской администрации.

П. А. Кикину, 28 июля 1822

[1] Вильстер Иоганн Франц Конрад (Иван Францевич) (1792–?) — петербургский архитектор, в 1819–1822 гг. служил на Кавказе при А. П. Ермолове, занимался проектированием карантинов на Кавказской линии. Построил Ермоловские ванны по проекту архитектора И. Ф. Руска. По заказу Ермолова проектировал здания госпиталя и ресторана на Горячих Водах (Пятигорск), дом благородного собрания и жилые казенные домики на Кислых Водах (Кисловодск), здания для ванн на Железных Водах (Железноводск). Его проекты позднее были исправлены и дополнены архитектором И. И. Шарлеманем.

[2] Денисов Андреян Карпович (1763–1841) — в 1790 г. — казачий старшина, позднее генерал-лейтенант (с 1812 г.), в 1818–1821 гг. — войсковой атаман Войска Донского.

В 1819 г. был создан Комитет для устройства Войска Донского, председателем комитета был назначен Денисов, от Военного министерства в него вошел А. И. Чернышев, от Министерства юстиции В. И. Болгарский. Деятельность Комитета возбудила против Денисова негодование донской аристократии, опасавшейся уничтожения своих преимуществ. Все недовольные стали группироваться около Чернышева, порицать расположения Денисова и настраивать против него правительство. Его обвинили во введении питейного откупа на гибельных для края условиях, и он получил отставку в 1821 г.

[3] Болгарский Василий Иванович (1771–1848) — действительный статский советник (с 1804 г.), в 1804–1808 гг. — вятский губернатор, в 1819–1821 гг. — член Комитета по устройству Войска Донского, с 1822 г. — директор Департамента государственных имуществ, с 1823 г. — сенатор и тайный советник, в 1831–1841 гг. — председатель Медицинского совета при МВД, в 1835–1836 гг. находился в командировке по приведению в действие Положения об управления Областью Войска Донского, с 1841 г. — действительный тайный советник, в 1847 г. уволен от службы.

П. А. Кикину, 4 августа 1822

[1] Похвиснев Николай Николаевич (ум. 1828) — служил в московском почтамте, потом чиновник департамента юстиции, в 1821 г. переведен на Кавказ, затем состоял при А. П. Ермолове, с которым вместе выехал из Грузии, и затем вскоре умер.

[2] Остров Св. Елены — место ссылки Наполеона, который умер там в мае 1821 г.

А. В. Казадаеву, 30 сентября 1822

[1] См. прим. 4 к письму А. А. Закревскому 29 апреля 1822 г.

[2] Имеется в виду П. А. Казадаев.

[3] Имеется в виду В. А. Казадаев, младший сын А. В. Казадаева.

А. А. Закревскому, 8 октября 1822

[1] В 1821 г. у А. Ф. Закревской умерла мать, и якобы после этого печального события у нее начались нервические припадки, чрезвычайно беспокоившие мужа. Вероятно, по совету докторов, а может быть, и по воле самой Аграфены Федоровны, Закревский отправил ее в сентябре следующего года на лечение в Италию.

[2] Скорее всего, Андрей Васильевич Толстой.

А. А. Закревскому, [не позднее 14] ноября 1822

[1] Браницкая (урожденная Энгельгардт) Александра Васильевна (1754–1838) — племянница и любовница Г. А. Потемкина, известная как Санечка, супруга коронного гетмана Польши Ксаверия Браницкого (1731–1819).

[2] До мая 1822 г. А. Ф. Ланжерон был новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

[3] Веронский конгресс 1822 г. — последний конгресс Священного союза, происходивший в Вероне в октябре–декабре 1822 г. На конгрессе присутствовали Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, итальянские государи. Обсуждались итальянские дела, греческое восстание, русско-турецкий конфликт, торговля неграми, судьба испанских колоний в Южной Америке. Однако основной проблемой стала подготовка по инициативе французского короля интервенции для подавления революции в Испании. Страны — участницы конгресса поддержали предожение о введении в Испанию французских войск.

[4] Король Фердинанд VII под давлением военных в 1820 г. восстановил конституцию 1812 г. Он оказался фактически в заложниках у революционного правительства. Не зря Англия отказалась подписывать протокол Веронского конгресса от 19 ноября 1822 г. о введении французских войск в Испанию именно под предлогом, что он может создать угрозу жизни короля. В итоге, однако, 7 апреля 1823 г. французская армия под командованием герцога Ангулемского вторглась в Испанию и революция была подавлена.

[5] 24 июля 1822 г. был подписан указ «О переименовании Кавказской губернии областью и о назначении уездного города Ставрополя областным городом». Указ предусматривал разделение области на четыре уезда. Начальником области становился командир Кавказской линии, и до издания особого учреждения он имел право управлять областью по Общему губернскому учреждению 1775 г. (ПСЗ-I. № 29138 от 24.07.1822. Т. XXXVIII. СПб., 1830. С. 568).

[6] Левенштерн Карл Федорович (1770/1771–1840) — барон, участник наполеоновских войн, с 1816 г. — начальник артиллерии 2-й армии, с 1818 г. — генерал-лейтенант, с 1829 г. — генерал от артиллерии, с 1832 г. — член Военного совета.

[7] Розен Александр Владимирович (1779–1832) — барон, с 1812 г. — генерал-майор, с 1810 г. — шеф Кирасирского его величества полка, в 1816–1819 гг. — командир 1-й бригады 3-й драгунской дивизии, с 1819 г. — командир 3-й драгунской дивизии, с 1822 г. — в отставке.

[8] В июле 1822 г. по результатам похода в Кабарду Ермолов предложил перенести Кавказскую линию к подножию гор от Владикавказа до Верхней Кубани. Таким образом, с одной стороны, протяженность линии сокращалась, а российские гарнизоны оказывались в более благоприятных климатических условиях. С другой стороны, земли кабардинцев оказывались за линией, отрезанными линией от гор, что обеспечивало больший за ними контроль. Более того, Ермолов планировал пространство между Малкой и Кубанью вообще очистить от кабардинцев, разместив там казаков или русских переселенцев. Строительство новых укреплений начато было в том же 1822 г. Одновременно русские стали прорубать дорогу через лес до р. Белой, а кабардинцам запретили селиться на правом берегу Кубани (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 483–484).

[9] Гельфрейх Богдан Борисович (1776–1843) — участник наполеоновских войн, генерал-лейтенант (с 1814 г.), с 1814 г. — начальник 14-й (с 1820 г. — 3-й) пехотной дивизии, с февраля 1822 г. — начальник 1-й пехотной дивизии, во время болезни А. Л. Воинова временно командовал 1-м пехотным корпусом, с 1823 г. — в отставке.

[10] Возможно, Шаховской Иван Леонтьевич (1777–1860) — князь, с 1813 г. — генерал-лейтенант, с 1817 г. — начальник 2-й гренадерской дивизии, в 1823–1832 гг. — командир Гренадерского корпуса.

[11] Волков Александр Александрович (1779–1833) — в 1806–1812 гг. — московский полицмейстер, с 1816 г. — генерал-майор, в 1816–1821 гг. — московский комендант, в 1826–1829 гг. — начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов, с 1828 г. — генерал-лейтенант.

[12] П. П. Коновницын умер в августе 1822 г., с 1819 г. он был главным директором военно-учебных заведений, а также членом Совета о военных училищах и состоящего при нем комитета.

[13] С. Н. Ермолов.

[14] Очевидно, речь идет о Н. А. Каховском, сыне А. М. Каховского.

А. А. Закревскому, [не ранее 14 ноября] 1822

[1] Браницкий Владислав Григорьевич (Ксаверьевич) (1783–1843) — граф (официально утвержден в 1839 г.), брат Е. К. Браницкой, участник наполеоновских войн, с 1814 г. — генерал-майор, с 1826 г. — егермейстер, с 1831 г. — сенатор, с 1838 г. — действительный тайный советник, обер-шенк.

[2] Лабзин Александр Федорович (1766–1825) — известный мистик, религиозный писатель, с 1799 г. — конференц-секретарь Академии художеств. Когда на собрании Академии художеств зашла речь об избрании в почетные члены графа Д. А. Гурьева, Лабзин возражал против него, а на замечание о близости Гурьева к государю предложил избрать еще более близкого к нему человека — кучера Илью. На Лабзина поступил донос, и он был выслан в Сенгилей, откуда переведен в 1823 г. в Симбирск.

[3] Возможно, Шелгунов Василий Иванович (ум. в конце 1820-х) — в 1825 г. — чиновник IX класса временного отделения санкт-петербургской казенной палаты; отец публициста Н. В. Шелгунова.

П. А. Кикину, 16 ноября 1822

[1] Тимковский Василий Федорович (1781–1832) — образование получил в Киевской духовной академии, с 1810 г. — на службе в канцелярии Государственного совета, состоял при Н. С. Мордвинове; в 1812 г. — при государственном секретаре А. С. Шишкове; в 1821 г. — статский советник, управляющий отделениями Азиатского департамента Министерства иностранных дел, был откомандирован для исправления должности председателя Оренбургской пограничной комиссии; в 1822–1823 гг. был прикомандированным к Ермолову чиновником особых поручений; в 1825–1828 гг. — бессарабский гражданский губернатор.

А. А. Закревскому, 16 ноября 1822

[1] С. Н. Ермолов.

А. В. Казадаеву, 16 ноября 1822

[1] Речь идет о Н. П. Румянцеве, который был организатором ряда научных экспедиций по изучению Сибири и Дальнего Востока.

[2] Д. И. Лобанов-Ростовский.

[3] Могилевский Павел Иванович (1780–1840) — в 1822 г. — действительный статский советник, с 1816 г. — правитель канцелярии А. П. Ермолова, в 1824–1828 гг. — черниговский гражданский губернатор, в 1828–1840 гг. — полтавский гражданский губернатор.

[4] Никитин Алексей Петрович (1777–1858) — граф (с 1847 г.), участник наполеоновских войн, с 1812 г. — генерал-майор, с 1816 г. — начальник артиллерии гренадерского корпуса, с 1826 г. — генерал-лейтенант, в 1827–1832 гг. — командовал 2-м резервным кавалерийским корпусом, с 1833 г. — генерал от кавалерии, с 1856 г. — член Государственного совета.

А. А. Закревскому, 28 ноября 1822

[1] Саликов Александр Алексеевич — с 1789 г. — офицер Нижегородского драгунского полка, в 1812 г. — майор, в 1812–1816 гг. командовал Нижегородским драгунским полком, затем продолжил службу в полку, в 1824 г. уволен от службы полковником.

М. С. Воронцову, ноябрь 1822

[1] Багратион Роман Иванович (1778–1834) — князь, младший брат П. И. Багратиона; участник Персидского похода (1796), русско-турецкой войны (1806–1812), наполеоновских войн, с 1813 г. — генерал-майор, с 1817 г. — командир 2-й бригады 2-й гусарской дивизии; позднее генерал-лейтенант (с 1829 г.).

[2] См. письмо Ермолова С. С. Иванову от 6 сентября 1820 г. и прим. к нему, а также письмо А. А. Закревскому от 27 ноября — 5 декабря 1820 г.

[3] В начале 1822 г. на фоне волнений в Абхазии «начали выходить из послушания» и джарские лезгины. Для усмирения возмутившихся был послан отряд под командованием генерал-майора князя Г. И. Эристова. В марте он перешел Алазань и без сопротивления занял Джары. Жители же селения Катех, решив сопротивляться, укрылись в горах и оказали войскам сопротивление (Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 375–377).

А. А. Закревскому, 4 декабря 1822

[1] П. В. Попов.

[2] Попов Василий Степанович (1743–1822) — генерал-поручик, тайный советник (с 1796 г.), в 1793–1797 г. — управляющий Кабинетом его императорского величества, в 1797–1799 гг. — президент Камер-коллегии, в 1799–1807 гг. — в отставке, с 1807 г. — действительный тайный советник, с 1807 г. — управляющий Комиссариатским, а затем Провиантским департаментами Военного министерства, с 1808 г. — член Непременного совета, с 1810 г. — член Государственного совета, с 1812 г. — председатель Комиссии по принятию прошений при Государственном совете, в 1813–1814 гг. — член Комитета о винных откупах, в 1819–1821 гг. — председатель Департамента гражданских и духовных дел.

А. А. Закревскому, 15 декабря 1822

[1] В марте 1811 г. было утверждено положение о «Комиссии для сочинения военных уставов и уложений», которую возглавлял М. Л. Магницкий. Однако в связи с его ссылкой и начавшейся войной работа была прервана. В 1816 г. на дежурство Главного штаба было возложено издание ежегодного «Собрания законов и постановлений, к части военнаго управления относящихся», которые размещались в хронологическом порядке. К идее кодификации военного законодательства вернулись в 1822 г., в частности П. М. Волконский предложил начать с составления проекта полного военно-судного уложения. Однако император предложил для этих работ выделить чиновников из департаментов Военного министерства, без освобождения их от исполнения основных обязанностей. В результате разработка проекта уложения так и не была осуществлена. Очевидно, упомянутая желтая книга как-то связана с работами по кодификации военного законодательства.

[2] Мехти-Кули-Хан бежал в Персию 21 ноября 1822 г. Одним из поводов стало недовольство населения незаконным и сопровождавшимся насилиями сбором недоимок по налогам. Эти недоимки были прощены указом императора, однако хан обратил их в свою пользу. Другим поводом стал конфликт хана со своим племянником Джафар-Кули-Агой, которого хан обделил при разделе имущества. Джафар-Кули-Ага инсценировал покушение на себя, обвинив в этом хана. Опасаясь, чтобы и его не арестовали, Мехти-Кули-Хан решился покинуть Карабах почти без денег и с самым незначительным, бывшим при нем имуществом. Хан оставил в Карабахе всех своих жен, но захватил с собою большую часть грамот императора Александра I (*Дубровин Н. Ф.* Алексей Петрович Ермолов на Кавказе. С. 170–171).

[3] И. В. Сабанеев командовал 6-м корпусом 2-й армии, штаб которого находился в Тирасполе. Речь идет о возможном вводе войск в Молдавию и Валахию, что предотвратило бы репрессии турок против мирного населения.

[4] Именно так и произошло. Революцию в Испании пришлось подавлять с помощью французских войск.

[5] Имеется в виду указ от 26 февраля 1764 г., по которому все имения Святейшего Синода, а также монастырей, приходов и епархиальных кафедр передавались государственной Коллегии экономии. В ведение этой коллегии препоручались и проживающие в церковных имениях крестьяне, которые переводились с барщины и оброка на подушный оклад, поступающий в государственную казну.

[6] Державин Иоанн Семенович (1756–1826) — с 1807-го по 1826 г. — обер-священник русской армии, член Святейшего Синода.

[7] Доу (Dawe) Джордж (1781–1829) — английский художник, рисовавший портреты генералов — участников войны 1812 г. для Военной галереи Зимнего дворца. Его младший брат Генри Доу и Томас Райт (муж сестры Дж. Доу) выполняли гравированные копии этих генеральских портретов. В 1822 г. Г. Доу и Т. Райт объявили об издании «Собрания портретов Военной галереи»; издание было задумано в широком масштабе, но вышло гораздо меньше портретов, чем предполагалось.

[8] Речь идет о разыгранной в 1823 г. лотерее на имение покойного графа Николая Николаевича Головина (1756–1821). Граф имел такие колоссальные долги, что родственники отказались принимать наследство. Правительство объявило в «Сенатских ведомостях» о лотерее, в которой разыгрывалась недвижимость Головина. Размер ее, по словам автора заметки в «Отечественных записках», превышал «все доселе разыгранные и разыгрываемые лотереи не только в России, но и во всей Европе». Было напечатано 170 000 билетов по 50 руб. ассигнациями. Победителями были объявлены пятеро жителей Одессы, которые за 200 000 рублей уступили свои права Министерству уделов (см. Отечественные записки. 1823. № 42).

[9] Ф. П. Уваров.

[10] См.: Возвращение императорской российской гвардии в столицу: (Письмо к издателю) // Благонамеренный. 1822. Ч. 20, № 44. С. 161–182; № 45. С. 201–215.

[11] Имеется в виду сочинение: *Смирной Н. Ф.* Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. Ч. 1–3. М., 1821.

[12] Поздеев — полковник (с 1817 г.), в 1816–1822 гг. — командир гусарского принца Оранского полка.

[13] Н. А. Самойлов.

А. А. Закревскому, 2 марта 1823

[1] Скорее всего, Андрей Васильевич Толстой.

[2] П. И. Меллер-Закомельский.

[3] У П. И. Меллера-Закомельского была большая семья — семь сыновей и дочь. Старший сын, Карл, в 1817 г. покончил жизнь самоубийством.

[4] Саблукова (в замужестве Бакунина) Екатерина Александровна (1777–1846) — дочь члена Государственного совета А. А. Саблукова; была замужем за П. П. Бакуниным (1766–1805). В отрочестве перевела с французского анонимное сочинение «Упражнение Аделаиды» (1791). Героиня этого произведения — типичный персонаж сентименталистской литературы; очевидно, Ермолов называет ее по девичьей фамилии.

[5] Имеется в виду старший сын Ермолова — Виктор (Бахтияр) Алексеевич Ермолов (1821–1892) от первой кебинной жены Сюйду. Воспитывался с 1838 г. в Михайловском артиллерийском училище; в июне 1843 г. отправлен в батарейную № 1 батарею Кавказской гренадерской артиллерийской бригады; за отличие в сражении 1 июня 1844 г. произведен подпоручиком, 24 ноября 1844 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, 4 ноября 1845 г. переведен в горную № 2 батарею той же бригады, 28 ноября 1845 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, 18 декабря 1845 г. произведен в поручики со старшинством 7 июля 1845 г.; позднее генерал-лейтенант (1888) (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 316; РГВИА Ф. 400. Оп. 17. Д. 3244. Л. 15 об. – 17).

[6] Имеется в виду сын Ермолова от второй кебинной жены Тотай — Клавдий (Омар) (1823–1895). Клавдий воспитывался в Михайловском артиллерийском училище с 1838 г., произведен в прапорщики 10 августа 1845 г. с назначением в горную № 2 батарею Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, прибыл к ней 6 ноября 1845 г., позднее полковник (с 1858 г.), генерал-майор (на 1883 г.) (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 316; РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 275–276 об.).

[7] М. Д. Горчаков.

[8] Генерал-губернатор Финляндии и командир Отдельного Финляндского корпуса Ф. Ф. Штейнгель был уволен от должности по собственной просьбе 30 августа 1823 г.

[9] Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843) — граф (с 1832 г.), участник наполеоновских войн, с 1813 г. — генерал-майор, в кампаниях 1813–1815 гг. и во время Венского конгресса находился при императоре Александре I, в 1821–1822 гг. командовал войсками, оставшимися в Петербурге за выступлением гвардии, с января 1823 по декабрь 1826 г. — главный директор Пажеского, 1-го и 2-го кадетских корпусов, Дворянского полка, Императорского военно-сиротского дома, Смоленского кадетского корпуса, Дворянского кавалерийского эскадрона, Царскосельских лицея и пансиона; в 1825–1830 гг. — петербургский военный губернатор, с 1826 г. — генерал от кавалерии, с 1825 г. — член Государственного совета.

[10] П. Н. Ермолов в 1823 г. стал генерал-майором.

[11] Копылов Гермоген Иванович — в 1823 г. — полковник артиллерии, в апреле-октябре 1823 г. — командир Грузинского гренадерского полка.

[12] Симонич Иван Осипович (1792/1794–1855) — граф, родом из Далмации, служил капитаном во французской армии, был в 1812 г. взят в плен, в 1816 г. перешел на русскую службу, с 1819 г. на Кавказе, в 1823–1830 гг. — командир Грузинского гренадерского полка, с 1828 г. — полковник, позднее генерал-лейтенант, в 1832–1838 гг. — полномочный министр в Персии. Автор воспоминаний, в которых освещаются тегеранские события 30 января 1829 г. и гибель А. С. Грибоедова.

[13] П. А. Ладинский.

[14] Якубович Александр Иванович (1792–1845) — с 1816 г. — корнет лейб-гвардии Уланского полка, в 1818 г. за участие в качестве секунданта в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым переведен прапорщиком в Нижегородский драгунский полк на Кавказ, в 1823 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, с 1824 г. —

капитан; в 1825 г. отправился на лечение в Петербург, участник движения декабристов, 14 декабря 1825 г. согласно плану должен был захватить Зимний дворец и арестовать царскую семью, но отказался выполнять намеченное.

М. С. Воронцову, 9 марта 1823

[1] Кучук-Ламбат — имение на южном берегу Крыма, в 1820-х гг. принадлежавшее генерал-лейтенанту А. М. Бороздину. Дом Бороздина был своеобразным центром притяжения светского общества. Наследница и дочь Бороздина позднее вышла замуж за адъютанта Воронцова А. И. Гагарина. Прибытие Воронцова в Крым связано с его назначением в мае 1823 г. на должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора.

[2] Речь идет о системе военно-народного управления, основанной на сосредоточении административной власти на местах в руках военных начальников, с предоставлением населению широкого права во всех внутренних делах руководствоваться своими обычаями. Провинциальные коменданты обычно имели чин полковника или генерала и назначались главнокомандующим в Грузии из числа офицеров российской армии. В их руках была сосредоточена административная, судебно-полицейская и в некоторой степени духовная власть. Впрочем, во времена Ермолова никакого законодательного акта, регламентирующего пределы власти комендантов, не существовало. Секретные инструкции тифлисского военного губернатора о компетенции шекинского и карабахского комендантов появились только в 1828 г. Обычно комендант председательствовал в провинциальном суде, утверждал в должности местного главу мусульманского духовенства и шариатского суда, а также магальных наибов. Комендант подтверждал ханские фирманы о пожаловании бекам земель и крестьян, сам раздавал на различных условиях владения, мог регулировать сословные права беков. В его компетенцию входила раскладка между общинами общегосударственных налогов, отдача на откуп казенных пастбищ, рыбных, соляных и нефтяных промыслов и т. д. Система комендантского управления просуществовала в бывших ханствах до 1841 г. (*Исмаил-Заде Д. И.* Кавказ // Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 255–256).

А. А. Закревскому, 10 марта 1823

[1] Демидов Николай Иванович (1771/1773–1833) — с 1803 г. — генерал-майор, в 1809–1817 гг. — начальник 21-й пехотной дивизии, в 1812 г. был оставлен с частью войск для охраны Финляндии, с 1816 г. — генерал-лейтенант, с 1817 г. — командовал 1-й гренадерской дивизией, с 1824 г. по болезни состоял по армии, с 1825 г. — генерал-адъютант, с 1826 г. — сенатор, с 1826 г. — главный директор Пажеского, 1-го и 2-го кадетских корпусов, Дворянского полка, Императорского военно-сиротского дома, Смоленского кадетского корпуса, Дворянского кавалерийского эскадрона, Царскосельских лицея и пансиона; с 1828 г. — генерал от инфантерии.

А. А. Закревскому, 11 марта 1823

[1] Гартинг Мартын Николаевич (1785–1824) — участник наполеоновских войн, с 1815 г. — генерал-майор и генерал-квартирмейстер 1-й армии, с 1824 г. — генерал-квартирмейстер Главного штаба его императорского величества.

Н. М. Чекалову, 24 апреля 1823

[1] Чекалов Николай Михайлович — в 1823–1824 гг. — статский советник, председатель уголовной и гражданской палат Кавказской области.

А. А. Закревскому, 8 июня 1823

[1] 25 апреля 1823 г. П. М. Волконский был уволен от должности начальника Главного штаба и отпущен в заграничный отпуск. Вместо него исполняющим должность начальника Главного штаба был назначен И. И. Дибич.

[2] Репнин Николай Григорьевич (1778–1845) — князь, участник наполеоновских войн, в 1813–1814 гг. — генерал-губернатор Саксонии, с 1814 г. — генерал-лейтенант, в 1816–1834 гг. — малороссийский военный губернатор и управляющий гражданской частью, с 1828 г. — генерал от кавалерии, в 1834–1836 гг. — член Государственного совета, в 1836 г. уволен от службы.

[3] Канкрин Егор Францевич (1774–1845) — граф (с 1829 г.), в 1812 г. — генерал-интендант 1-й Западной армии, в 1813 г. — генерал-интендант объединенной действующей армии, с 1815 г. — генерал-лейтенант, в 1815–1820 гг. — генерал-интендант при Главной квартире 1-й армии; в 1823–1844 гг. — министр финансов.

22 апреля 1823 г. Д. А. Гурьев был уволен от должности министра финансов и на его место назначен Е. Ф. Канкрин.

[4] Очевидно имеются в виду:

Обрезков Михаил Алексеевич (1764–1842) — с 1805 г. — генерал-кригс-комиссар, с 1806 г. — генерал-лейтенант, с 1810 г. — сенатор, с 1811 г. — директор департамента внешней торговли и Комиссии погашения долгов; в 1823 г. уволен в отпуск по болезни, позднее вернулся на службу, в 1828 г. — переименован в действительные тайные советники, с 1832 г. — первоприсутствующий в Общем собрании ряда департаментов, а с конца 1834 г. — в Общем собрании Правительствующего Сената.

Дружинин Яков Алексеевич — директор канцелярии Министерства финансов.

Взметнев Петр Алексеевич (1791–1877) — статский советник, поэт; с 1812-го по 1823 г. — секретарь министра финансов Д. А. Гурьева; продолжал служить при Гурьеве (оставшемся после отставки с поста министра финансов министром уделов), с 1826 г. — в отставке, в 1831–1841 и в 1860–1864 гг. — предводитель дворянства Таврической губернии.

[5] В. И. Болгарский.

[6] К. Ф. Толь, бывший до того генерал-квартирмейстером Главного штаба, в марте 1823 г. стал главным начальником корпусов колонновожатых и топографов, а в апреле и. д. начальника Главного штаба 1-й армии (в 1824 г. утвержден в этой должности). Дибич же в 1823 г. занял место начальника Главного штаба.

[7] Нейдгардт Александр Иванович (1784–1845) — с 1818 г. — генерал-майор, генерал-адъютант (с 1825 г.), в 1823–1831 гг. — начальник штаба Гвардейского корпуса, с 1829 г. — генерал-лейтенант, генерал от инфантерии (с 1841 г.), в 1842–1844 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий в Закавказском крае, с 1845 г. — член Военного совета.

П. А. Кикину, 8 июня 1823

[1] В. И. Мошков.

[2] У отца П. А. Кикина и его жены М. Ф. Ермоловой было 11 детей. О ком из братьев и сестер П. А. Кикина идет речь — неизвестно.

[3] *Броневский С. М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Ч. 1–2. М., 1823.

[4] М. А. Обрезков ушел в 1823 г. в отпуск по болезни, но позднее вернулся на службу.

А. И. Базилевичу, 29 июня 1823

[1] Баратов — князь, майор, пристав при Мустафе-Хане Ширванском, позднее полицмейстер в Елисаветполе.

[2] Комаровский — полковник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса.

А. И. Базилевичу, 8 июля 1823

[1] Вахрушев — подполковник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса.

А. В. Казадаеву, 24 июля 1823

[1] Муравьев Николай Назарович (1775–1845) — в 1815–1818 гг. — новороссийский гражданский губернатор, благодаря покровительству Аракчеева в 1818 г. переведен на пост секретаря при управляющем Собственной его императорского величества канцелярией (им с 1812-го по 1825 г. был Аракчеев), затем возглавил 1-е отделение канцелярии, а после воцарения Николая I все это учреждение, тайный советник, с 1827 г. — сенатор.

[2] Н. П. Румянцев.

[3] Министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский.

[4] В. П. Кочубей был уволен в бессрочный отпуск 28 июня 1823 г.

[5] Кампангаузен Бальтазар Бальтазарович, фон (1772–1823) — тайный советник (с 1810 г.), с 1811-го по 1816 г. — государственный контролер, с 1811 г. — член Государственного совета. Управлял МВД с 28 июня по 29 августа 1823 г.

[6] А. Н. Голицына.

М. С. Воронцову, 31 июля 1823

[1] Ф. Ф. Штейнгель.

[2] Бутурлин Дмитрий Петрович (1790–1849) — с 1817 г. — флигель-адъютант, в 1823 г. в чине полковника (с 1819 г.) находился в Испании при оккупационной армии герцога Ангулемского; с 1824 г. — генерал-майор, с 1826 г. — генерал-квартирмейстер 1-й армии, в 1829–1830 гг. — 2-й армии, с 1846 г. — действительный тайный советник, сенатор (с 1833 г.), член Государственного совета (с 1840 г.), директор Императорской публичной библиотеки (с 1843 г.), военный историк.

[3] Накупаться (*устар.*) — навязываться, набиваться.

[4] Семибашенный замок (Едикуле) — знаменитая крепость в Константинополе, в которой содержались политические противники султана, в т. ч. и послы стран, с которыми Турция находилась в состоянии конфликта (в частности в XVIII в. П. А. Толстой, П. П. Шафиров, М. Б. Шереметев, А. М. Обрезков, Я. И. Булгаков).

Замечание Ермолова о том, что Воронцову, который был возможным кандидатом на должность российского посла в Константинополе, не стоит «накупаться на Семибашенный», обусловлено тем, что летом 1823 г. в результате обострения русско-турецких отношений возникла реальная угроза военного конфликта.

[5] Строганов Григорий Александрович (1770–1857) — барон, с 1826 г. — граф; дипломат, с 1821 г. — действительный тайный советник, в 1812–1816 гг. — российский посланник в Стокгольме, в 1816–1821 гг. — в Константинополе, с 1827 г. — член Государственного совета.

В ходе развернувшегося Восточного кризиса 6 июня 1821 г. Строганов вручил турецкому правительству ультимативную ноту с требованием вывода войск из Дунайских княжеств, исполнения Бухарестского договора 1812 г., свободы навигации в проливах и т. п. Ответа на ноту не последовало, 15 июля Строганов заявил о разрыве дипломатических отношений, и вскоре русская миссия покинула Константинополь.

[6] Бессарабия была присоединена к России только в 1812 г., и с тех пор в российской администрации боролись две группировки — сторонников автономии и приверженцев унификации местного управления по российскому образцу. В 1818 г. был принят Устав образования Бессарабской области, который сохранял за Бессарабией автономные права и являлся своеобразной конституцией. Высшим административным и судебным органом был Верховный совет области. М. С. Воронцов поставил задачу ликвидации автономии

и замены местных органов управления обычными губернскими учреждениями. В частности, Учреждение для управления Бессарабской областью, принятое в 1828 г., резко усилило принципы централизации и отменило всякую коллегиальность (*Булгаков М. Б., Гросул В. Я., Истомина Э. Г.* Украина. Молдавия // Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. С. 172–177).

[7] Д. И. Лобанов-Ростовский.

[8] А. П. Ермолов отправил за Кубань А. А. Вельяминова в мае 1823 г. Прибыв туда и возглавив войска, Вельяминов произвел целый ряд экспедиций на реки Малый и Большой Зеленчук и нанес поражение закубанцам на р. Лабе. Однако вскоре по болезни Вельяминов уехал в Тифлис и войска были поручены командиру 2-й артиллерийской бригады полковнику Коцареву, который продолжил действия против горцев и в 1824 г. (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 518–520).

В. А. Булгакову, 12 сентября 1823

[1] Булгаков Василий Алексеевич — подполковник, в 1818–1824 гг. — начальник войск, расположенных в Талышенском ханстве, в 1824–1826 гг. — командир Кабардинского пехотного полка.

Г. А. Сергееву, 12 сентября 1823

[1] Сергеев Григорий Алексеевич (1774–1846) — с 1814 г. — полковник, участник наполеоновских войн, с 1821 г. — командир донского полка своего имени; с 1821-го по 1825 г. находился в Грузии и участвовал в походах против горцев, затем вернулся на Дон, однако в 1826 г. вновь оказался на Кавказе, командовал Донским казачьим № 31 полком, участвовал в русско-персидской и русско-турецкой войнах, с 1828 г. — генерал-майор, управлял Белоканской и Джарской провинциями, в 1831 г. — участвовал в подавлении польского восстания, в 1833–1836 гг. — походный атаман донских казачьих полков на Кубанской линии.

Н. Н. Муравьеву, [1823?]

[1] С. Н. Ермолов.

А. В. Казадаеву, [1823]

[1] Н. П. Румянцев.

[2] Овес персидский, или людовика (*Avena persica Steud.*) — однолетнее травянистое растение, распространено по территории юго-западных районов европейской части Российской империи: Крым, Кавказ, горная часть Центральной Азии.

[3] Н. С. Мордвинов.

[4] А. И. Рыхлевский.

[5] Клокачев Алексей Федотович (1768–1823) — с 1808 г. — контр-адмирал, феодосийский военный губернатор, с 1811 г. — начальник флотских команд при архангельском порту, с 1813 г. — архангельский военный губернатор и командир архангельского порта; с 1819 г. — вице-адмирал, с 1820 г. — генерал-губернатор Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний и командир архангельского порта.

[6] Н. П. Казадаева.

[7] С. А. Казадаева.

А. А. Закревскому, 12 января 1824

[1] А. А. Закревский 30 августа 1823 г. был назначен финляндским генерал-губернатором и командиром Отдельного Финляндского корпуса.

[2] Ф. Ф. Штейнгель.

[3] Штейнгель был женат на баронессе Наталии Николаевне Энгельгардт (1777–1829).

[4] И. И. Дибич стал членом Государственного совета 30 августа 1823 г.

[5] Потапов Алексей Николаевич (1772/1780–1847) — с 1813 г. — генерал-майор, в 1813–1814 гг. — дежурный генерал при великом князе Константине Павловиче, с 1814 г. — командир лейб-гвардии Конно-егерского полка, с августа 1823 г. — дежурный генерал Главного штаба (сменил на этой должности А. А. Закревского), отличился при подавлении восстания 14 декабря 1825 г., с 1826 г. — генерал-лейтенант, с 1832 г. командовал 4-м резервным кавалерийским корпусом, в 1833–1845 гг. — 3-м резервным кавалерийским корпусом, генерал от кавалерии (с 1834 г.), с 1845 г. — член Военного совета и член Государственного совета.

[6] Слатвинский Петр Иванович (1783–1846) — с 1817 г. — полковник, с 1826 г. — генерал-майор, в 1823–1832 гг. — командир лейб-гвардии Конно-егерского полка, позднее начальник легкой гвардейской кавалерийской дивизии, с 1835 г. — генерал-лейтенант.

[7] Вероятно, Монтрезор Карл Лукьянович (1786–1879) — участник наполеоновских войн, в 1812 г. — адъютант при М. И. Кутузове, в 1813 г. переведен в лейб-гвардии Уланский полк, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в ходе которой командовал Харьковским уланским полком, а затем кавалерией действующей армии; с 1828 г. — генерал-майор, участник подавления польского восстания 1830–1831 гг., с 1838 г. — командующий 2-й драгунской дивизией, с 1856 г. — генерал от кавалерии, член Военного совета.

[8] А. А. Павлов.

[9] Н. А. Каховского.

[10] Действительно, в поздних формулярных списках Ермолова, например за 1849 г., записано, что 5 января 1787 г. он поступил каптенармусом в лейб-гвардии Преображенский полк, 28 сентября 1788 г. стал в этом же полку сержантом и только 1 января 1791 г. произведен в капитаны и определен в Нижегородский драгунский полк (РГАДА Ф. 1406. Оп. 1. Д. 157. Л. 14). Так что 40 лет службы Ермолов мог отметить только в 1827 г.

[11] А. С. Меншиков.

[12] Сукин Александр Яковлевич (1764–1837) — участник наполеоновских войн, с 1807 г. — генерал-лейтенант, с 1812 г. — член Совета Военного министерства и член Устроительного совета по ополчению, с 1814 г. — комендант Петербургской крепости, с 1816 г. — сенатор с оставлением комендантом; с 30 августа 1823 г. — член Государственного совета по Департаменту военных дел, с 12 декабря 1823 г. — генерал от инфантерии, с 1825 г. — генерал-адъютант, с 1827 г. — председатель Комитета о раненых, с 1832 г. — член Военного совета.

[13] То есть П. М. Волконскому, Д. В. Голицыну (московский военный губернатор в 1820–1824 гг.) и Ф. П. Уварову. О каком из Толстых идет речь — неизвестно.

[14] Графа Ф. А. Толстого.

[15] Шиканский (от *фр.* chicane) — опасный внезапными нападениями противника.

[16] Гурьев Александр Дмитриевич (1786–1865) — граф (с 1819 г.), дипломат, участник наполеоновских войн, с 1814 г. — генерал-майор, с 1814 г. — командир 3-й, а с 1815 г. — 2-й бригады 12-й пехотной дивизии, в 1815–1818 гг. находился во Франции, в 1822–1825 гг. — одесский градоначальник, с 1827 г. — генерал-лейтенант, с 1828 г. — сенатор, с 1839 г. — член Государственного совета, в 1848–1862 гг. — председатель Департамента государственной экономии Государственного совета.

В октябре 1823 г. А. Д. Гурьев награжден орденом Св. Анны 1-й степени, к которому полагалась лента.

П. А. Кикину, 22 января 1824

[1] Аклечеев Иван Матвеевич (1758–1824) — с 1799 г. — генерал-майор, в 1812–1814 гг. служил в ополчении, в 1814–1816 гг. — по Министерству финансов, с 1816 г. в отставке.

[2] Ланской Василий Сергеевич (1753/1754–1831) — с 1812 г. — действительный тайный советник, с 1813 г. — президент Верховного временного совета для управления герцогством Варшавским, с июня по ноябрь 1815 г. — наместник Царства Польского, с 1816 г. — член Государственного совета, в 1823–1828 гг. управлял Министерством внутренних дел.

[3] Речь идет о жене А. А. Закревского.

[4] П. А. Кикину 12 декабря 1823 г. было повелено присутствовать в Правительствующем Сенате.

А. А. Закревскому, 23 января 1824

[1] См. прим. 2 к письму А. А. Закревскому от 15 декабря 1822.

[2] П. М. Волконский 12 декабря 1823 г. получил орден Андрея Первозванного.

[3] Ф. П. Уваров в августе 1823 г. стал членом Государственного совета, а 12 декабря 1823 г. получил орден Андрея Первозванного.

[4] А. Я. Сукин 12 декабря 1823 г. получил чин генерала от инфантерии.

[5] Генерал-полицмейстер 1-й армии Ф. Ф. Эртель 12 декабря 1823 г. получил чин генерала от инфантерии.

[6] И. В. Сабанеев 12 декабря 1823 г. тоже стал генералом от инфантерии.

[7] Пален Петр Петрович (1777–1864) — граф, генерал от кавалерии (с 1827 г.), участник наполеоновских войн, с 1814 г. — командир 4-го резервного кавалерийского корпуса, в 1823 г. вышел в отставку, в 1827 г. вновь принят на службу и определен командиром 1-го пехотного корпуса, с 1829 г. — 2-го пехотного корпуса, в 1834–1841 гг. — посол в Париже, с 1834 г. — член Государственного совета, с 1847 г. — генерал-инспектор кавалерии.

[8] Бахметев Алексей Николаевич (1774–1841) — участник наполеоновских войн, с 1814 г. — каменец-подольский военный губернатор, с 1816 г. — одновременно полномочный наместник Бессарабской области, с 1823 г. — генерал от инфантерии, с 1825 г. — нижегородский, казанский, симбирский, саратовский и пензенский генерал-губернатор, с 1825 г. — член Государственного совета.

[9] М. А. Обрезков.

[10] М. С. Воронцов был назначен на должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора 7 мая 1823 г.

[11] И. В. Шатилов.

А. В. Казадаеву, 23 января 1824

[1] Н. С. Мордвинов.

[2] Имеется в виду министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский, который по должности был и генерал-прокурором Сената.

[3] Журавлев Иван Федорович (1776–1842) — действительный статский советник, с 1820 г. — помощник статс-секретаря департамента законов Государственного совета, директор департамента Министерства юстиции; с 1825 г. — обер-прокурор 1-го департамента, управляющий канцелярией общего собрания петербургских департаментов, а также архивом и типографией Сената; с 1831 г. — тайный советник, сенатор.

А. В. Казадаеву, 30 мая 1824

[1] Вронченко Федор Петрович (1779–1852) — граф (с 1849 г.), с 1818 г. — действительный статский советник, с 1819 г. — член 5-го отделения канцелярии Министерства финансов, в 1824 г. переименован из членов 5-го отделения в члены Ученого комитета министерства; одновременно с 1820 г. — управляющий 3-м отделением, после преобразования которого в 1824 г. — директор Особенной канцелярии по кредитной

части; одновременно в 1822–1824 гг. — чиновник по особым поручениям при комиссии составления законов Государственного совета; с 1827 г. — тайный советник, с 1840 г. — товарищ министра финансов, с 1842 г. — действительный тайный советник, с 1845 г. — министр финансов.

А. А. Закревскому, 30 мая 1824

[1] По возвращении из заграничного отпуска в Петербург П. М. Волконский был назначен состоять при императоре, не получив определенной должности.

[2] П. В. Попов.

[3] Д. В. Давыдов с 1820 г. находился в отпуске, а в 1823 г. вышел в отставку. В армию он вернулся только в 1826 г.

[4] Фотий (Спасский Петр Никитич) (1792–1838) — религиозный деятель консервативного направления, с 1822 г. — архимандрит и настоятель Юрьева монастыря под Новгородом; один из главных участников интриги, направленной против А. Н. Голицына, приведшей к его отставке.

[5] Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1785–1848) — графиня, камер-фрейлина, дочь А. Г. Орлова-Чесменского; отличалась особой благочестивостью, занималась широкой благотворительностью; поклонница и духовная дочь архимандрита Фотия; большую часть своего огромного состояния завещала церквам и монастырям.

П. А. Кикину, 30 мая 1824

[1] Рибопьер Александр Иванович (1783–1865) — представитель итальянского дворянского рода, представители которого проживали в Швейцарии, в 1778 г. его отец поступил на русскую службу; дипломат, с 1799 г. — при миссии в Вене, в 1806–1807 гг. — дипломатический комиссар при главнокомандующем, в 1817–1823 гг. — управлял Государственным коммерческим банком, с 1818 г. — тайный советник, в 1824–1830 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции; с 1838 г. — член Государственного совета, с 1841 г. — обер-шенк.

[2] С. И. Мазарович был женат на Анастасии Ивановне Рибопьер (р. 1781), сестре А. И. Рибопьера.

А. А. Закревскому, 8 августа 1824

[1] В 1823 г. часть шамхальцев и мехтулинцев, доведенных до крайности ростом феодального гнета, произволом российских властей и введенными с 1821 г. принудительными работами на строительстве военных укреплений, подняли восстание. Это первое крупное народное выступление в Дагестане, в котором соединились антифеодальные и антиколониальные мотивы. Оно было направлено «против шамхала и русских». Волнения начались также в Каракайдаге и Табасарани. Для подавления восстания по приказу А. П. Ермолова был сформирован особый отряд под командованием К. К. Краббе. 29 июля российские войска разбили один из отрядов повстанцев под селением Каранай, но 30 июля вынуждены были отступить у селения Эрпели, что привело к дальнейшему разрастанию восстания. Горцы собрались у Кяфыр-Кумуха, где 14–15 августа и произошло решающее сражение, продолжавшееся всю ночь и окончившееся победой русских. Тем не менее в октябре 1823 г. с отрядом из двух батальонов пехоты (один из них был отозван из Кабарды) и сотни линейных казаков при восьми орудиях Ермолов сам прибыл в Дагестан, чтобы возглавить карательную экспедицию против койсубулинцев, с особым упорством сражавшихся под Эрпели. Однако она была прекращена вскоре после ее начала из-за рано наступившей зимы. Под угрозой захвата скота, перегоняемого койсубулинцами на зиму на равнинные пастбища, они были вынуждены выдать аманатов. А. П. Ермолов провел в Казанищах

(Мехтулинское ханство) всю зиму 1823–1824 гг. (*Гапуров Ш. А., Абдурахманов Д. Б., Израйлов А. М.* Дагестан в кавказской политике России первой четверти XIX века. Нальчик, 2008).

[2] Летом 1824 г. в Абхазии началось восстание под предводительством Арслан-Бея. Оно было направлено как против молодого князя Михаила Шервашидзе, так и против российских властей и военных. В частности, горцы совершали грабежи и нападения в районе Сухума, нанесли существенный урон отряду, выступившему для их наказания, а также осадили российский гарнизон под командованием штабс-капитана Марачевского в селении Соуксу. Усилиями российских войск и флота гарнизон в конце июля был деблокирован, но укрепление пришлось в итоге уничтожить (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 512–517; Записки А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 399–401).

М. С. Воронцову, 12 сентября 1824

[1] Скаржинский Виктор Петрович (1787–1861) — камергер, специалист по сельскому хозяйству и лесоводству. Внес большой вклад в развитие сельского хозяйства Херсонской губернии и Новороссийского края. Член Вольного экономического общества, почетный член Императорского общества сельского хозяйства юга России. В 1872 г. в г. Одессе В. П. Скаржинскому был открыт памятник. Его отец, Петр Михайлович Скаржинский, в 1793–1796 гг. был наместником Кавказского наместничества, в состав которого входила Астраханская губерния (поэтому в некоторых документах он именуется астраханским губернатором). В 1797 г. вышел в отставку в чине генерал-майора, умер в 1813 г.

[2] Речь идет о введении русского управления в Мехтулинском ханстве (1818 г.), Табасаранском и Каракайдагском (1819 г.), Казикумыкском и Ширванском (1820 г.) ханствах.

[3] Известно, что Аракчеев не любил Витта, видя в нем конкурента в организации военных поселений. С. И. Маевский, генерал-майор, в своих записках о службе в военных поселениях в 1824–1826 гг. вспоминал: «Граф Аракчеев всякий раз с удовольствием показывал мне высочайшие повеления с выговорами графу Витту, говоря: „Ежели б государь написал мне или тебе хотя один такой выговор, мы с тобой умерли с отчаянья. А вот поляк — ему все ничего“». Интересно, что при этом сам Маевский был польского происхождения (*Маевский С. И.* Мой век, или История генерала Маевского //Аракчеев А. А. Свидетельства современников. М., 2000. С. 211).

[4] Имеется в виду Георгий Арсеньевич Эммануэль.

[5] Экспедиции полковника Коцарева в 1824 г. нанесли закубанцам такой ущерб, что они вынуждены были просить защиты анапского паши (формально закубанские народы были подданными Турции). Паша просил Ермолова не переходить Кубань и не нарушать дружественных отношений между державами. Ермолов ответил отказом, заявив, что он вынужден применять силу лишь в ответ на нападения горцев (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 521–522).

[6] Де Скасси Рафаэль Августинович — генуэзский коммерсант (умер после 1843 г.). С 1811 г. в. окрестностях крепостей Анапа и Седжук-Кале активно развивал торговлю с черкесскими поселениями. Под покровительством коменданта крепости Анапа, генерал-майора К. К. Бухгольца, стал настолько влиятельным лицом, что вскоре был принят на службу в Коллегию иностранных дел. Пользовался доверием К. В. Нессельроде, но, несмотря на это, русское командование относилось к деятельности Скасси с подозрением. В 1820 г. он предложил новый план торговли с горцами посредством создания меновых дворов и разрешения поселений на левом берегу Кубани, который был одобрен правительством в 1822 г. Однако А. П. Ермолов, у которого с 1820 г. оказалась в подчинении вся территория Черноморского побережья, не увидел умиро-

творяющего действия плана Скасси и отказался от многих его начинаний. Он писал в 1822 г. графу Нессельроде: «Нельзя не быть исполненным уважения к великолепному намерению правительства распространить торговые отношения с закубанскими народами и посредством оных смягчить суровость их нравов, уменьшить на них влияние Порты и, наконец, между полудикими сими народами ввести просвещение. Но превосходная сия теория неудобна в приложении, если не совсем невозможна…» Скасси, в свою очередь, жаловался в Коллегию иностранных дел, что суровые меры Ермолова против горцев мешают его планам. Деятельность Скасси по торговле с горцами продолжалась до 1829 г., когда Нессельроде сообщил И. Ф. Паскевичу, сменившему в 1827 г. А. П. Ермолова, об увольнении от службы попечителя керченской торговли с черкесами и абазинцами статского советника де Скасси. Увольнение де Скасси было вызвано вскрывшимися в его деятельности злоупотреблениями (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 3. Ч. 2. Тифлис. 1904. С. 328, 418; *Новицкий Г. В.* Воспоминания воспитанника первого выпуска из артиллерийского училища//Военный сборник. 1871, № 2. С. 292; *Скасси Р.* Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 г. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 285).

[7] Грейг Алексей Самуилович (1775–1845) — вице-адмирал с 1813 г., адмирал с 1828 г. С 1816-го по 1833 г. — главный командир Черноморского флота и портов, после отставки назначен членом Государственного совета.

[8] П. Д. Горчаков.

[9] Большая Лиахви (Лиахва) — левый приток р. Куры, протекает по территории Грузии и Южной Осетии.

[10] Река Салгир — самая длинная в Крыму.

[11] П. В. Попов.

[12] В. Г. Мадатов в 1824 г. женился на фрейлине императрицы Елизаветы Алексеевны Софье Александровне Саблуковой (1749–1828), которая была младшей дочерью сенатора и члена Государственного совета Александра Александровича Саблукова; его обширные связи и влияние открывали для Мадатова широкие возможности в Петербурге.

П. А. Кикину, 12 сентября 1824

[1] Алексей Александрович Павлов.
[2] А. А. Орлова-Чесменская.
[3] А. П. Павлова.
[4] М. А. Кикина.

А. А. Закревскому, 10 декабря 1824

[1] Речь идет о введенном в 1803 г. правиле о назначении пенсий за 20, 30 и 40 лет службы. Наивысший размер пенсии был установлен за 40 лет службы — полный годовой оклад жалованья (Военная энциклопедия. Т. XVIII. СПб., 1915. С. 339).

[2] В 1824 г. родился четвертый сын А. П. Ермолова, Петр.

[3] П. А. Ермолов, отец А. П. Ермолова.

[4] Талызин Федор Иванович. До брака имел дочь Леониду от француженки Ю. Корнет, с которой впоследствии вступил в брак.

Н. Н. Муравьеву, [1824]

[1] Манглиси — один из древних грузинских городов. В IV в. входил в состав княжества Картли.

П. А. Кикину, 20 января 1825

[1] Свиньин Павел Петрович (1787–1839) — дипломат, путешественник, журналист. В 1820–1830 гг. издавал журнал «Отечественные записки».

[2] Речь идет о наводнении 7 ноября 1824 г., самом сильном за всю историю Санкт-Петербурга.

[3] Шимановский Николай Викторович (1800–1875) — чиновник, до 1824 г. служил в Петербурге, в Комиссии принятия прошений при Кикине; примерно в конце 1824 г. перешел на службу в Отдельный Кавказский корпус, где состоял офицером при штабе, затем вновь вернулся на службу в Комиссию принятия прошений, впоследствии — действительный статский советник. Был близок А. П. Ермолову, во время кончины генерала находился рядом с ним. Друг Д. В. Давыдова. Оставил воспоминания об аресте А. С. Грибоедова (Русский архив. 1875. № 7. С. 339–344).

[4] Вероятно, речь идет о портрете П. А. Кикина, написанном Дж. Доу для Военной галереи Зимнего дворца, а затем гравированном.

[5] М. А. Кикина.

[6] Речь идет о портрете, который современники Ермолова, да и он сам, считали одним из лучших. Живописный портрет был написан членом королевской лондонской и петербургской академий художеств Джорджем Доу в 1825 г. Гравированный вариант портрета выполнил Т. Рейт. Этот портрет существовал в нескольких экземплярах. На портрете величественно грозная фигура Ермолова поставлена боком, он опирается на шашку, на мундир накинута бурка; на заднем плане скалы, над головой нависли тучи.

А. А. Закревскому, 20 января 1825

[1] Имеется в виду умерший в конце 1824 г. командир Гвардейского корпуса Ф. П. Уваров.

[2] Воинов Александр Львович (1770–1832) — участник наполеоновских войн, с 1810 г. — генерал-лейтенант, в 1812 г. командир 3-го корпуса Дунайской армии, с 1823 г. — генерал от кавалерии, с 1824 г. — командир Отдельного гвардейского корпуса.

[3] Речь идет о герое Отечественной войны 1812 г., генерале от кавалерии, командире 4-го пехотного корпуса А. Н. Раевском. Осенью 1824 г. он «до излечения болезни» был уволен в отпуск. Лишь в январе 1826 г. Николай I сделал его членом Государственного совета.

[4] Речь идет о сыновьях: Викторе, Клавдии, Севере и Петре.

[5] А. Ф. Закревская.

[6] Княжеством Финляндским, где А. А. Закревский с 1823 г. служил генерал-губернатором.

А. В. Казадаеву, 20 января 1825

[1] Н. П. Казадаева.
[2] П. А. Казадаев.
[3] В. А. Казадаев.
[4] С. А. Казадаева.

А. В. Казадаеву, февраль 1825

[1] Министр юстиции князь Д. И. Лобанов-Ростовский.

И. Г. Зеничу, 4 марта 1825

[1] Зенич Иван Григорьевич (1780–?) — с 1825 г. — артиллерии полковник. В 1797 г., по окончанию Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса,

в звании подпоручика определен в 10-й артиллерийский батальон. В 1811 г. — командир легкой роты 22-й артиллерийской бригады. Участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. Награжден золотой шпагой «За храбрость». Георгиевский кавалер (1824).

[2] Долгово-Сабуров — подполковник, командовал Кавказской гренадерской артиллерийской бригадой. Участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн.

[3] Более подробных сведений о нем обнаружить не удалось.

[4] Дейтрих Федор Карлович (1798–1857) — офицер с 1817 г.; с начала 1820-х служил на Кавказе, участник походов против горцев, русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн. В 1831 г. А. А. Бестужев-Марлинский в одном из писем писал о встрече в горах с инженер-штабс-капитаном Горбачевским, саперным поручиком Вильде и артиллерии штабс-капитаном Дейтрихом: «Они собрались на осмотр, с которого я возвратился. Желая поверить все своим опытом, храбрые офицеры эти в солдатских шинелях, с ружьями отправились к мосту, — я с ними. Рассмотрев, где и как удобнее строить новый мост, они решили построить напротив моста батарею, чтобы разбить сакли и прикрыть переправу». В 1838 г. Дейтрих был полковником; в 1839 г. назначен начальником артиллерийских гарнизонов в Царстве Польском. В 1848 г. получил чин генерал-майора и в качестве начальника штаба артиллерии действующей армии принимал участие в Венгерском походе и последующих военных действиях против турок на Дунае и в Крыму. С 1855 г. командовал 9-й пехотной дивизией, в 1856 г. произведен в чин генерал-лейтенанта.

И. Г. Гогелю, 12 мая 1825

[1] Гогель Иван Григорьевич (1770–1834) — с 1824 г. — генерал-лейтенант. Образование получил в сухопутном кадетском корпусе, служил в артиллерии. В 1806 г. назначен директором пажеского корпуса, на этой должности состоял до 1830 г. С 1811 г. — член артиллерийской экспедиции, принимал участие в комиссии по составлению воинских уставов; затем в 1812–1826 гг. — вице-директор Артиллерийского департамента Военного министерства, с 1812 г. — председатель, а с 1819 г. — директор Военно-ученого комитета. Во время войны 1812 г. занимался формированием Русско-германского легиона, был членом Комитета по управлению «германскими делами». Автор ряда книг по военной науке. Принимал участие в издании «Артиллерийского журнала» в 1808–1812 гг. и «Военного журнала» в 1827–1834 гг.

И. И. Дибичу, 12 мая 1825

[1] Симборский Валентин Михайлович — поручик лейб-гвардии Финляндского полка, сослуживец декабриста А. Е. Розена, в 1838–1839 гг. — полковник, комендант г. Пятигорска.

П. А. Кикину, 24 мая 1825

[1] Аббас-Мирза.

[2] А. А. Вельяминов.

[3] Нагибин Василий Афанасьевич — коллежский советник; служил по пограничной части Имеретии и присоединенным к Грузии провинциям и ханствам. Позднее — статский советник — гражданский губернатор Тобольской губернии в 1828–1831 гг.

[4] Устимович (Сахно-Устимович) Петр Максимович (около 1786 — после 1865) — статский советник с 1829 г. Служил в канцелярии А. П. Ермолова с 1821 г., приятель А. С. Грибоедова. Автор «Описания чеченского похода» 1826 г. Член Союза благоденствия, к следствию не привлекался.

[5] Ребров Алексей Федорович (1776–1862) — известный шелковод и писатель. В 1786 г. в возрасте 10 лет был определен своим отцом в астраханский земский суд. В 1795 г. получил первый чин и был переведен на Кавказ в канцелярию генерал-губернатора графа Гудовича. За особые заслуги в деле присоединения Грузии в 1801 г. Ребров получил чин коллежского асессора. В 1812 г. был избран предводителем дворянства Кавказской губернии В 1819–1820 гг. занимался описанием кавказских земель. В 1822 г. состоял чиновником особых поручений при А. П. Ермолове, составил Положение об управлении Кавказской губернии. В 1827 г. вышел в отставку и занялся сельским хозяйством: разводил виноградники и шелковичные плантации, имел награды Франзского королевского общества и диплом Лондонской выставки. Был действительным членом разных научных обществ, автором статей о шелководстве и виноградарстве.

А. А. Бестужеву, 7 июня 1825

[1] Бестужев Александр Александрович (1797–1837), литературный псевдоним — Марлинский. В 1825 г. в чине штабс-капитана лейб-гвардии Драгунского полка был арестован за участие в заговоре декабристов и сослан в Якутск. В 1829 г. переведен рядовым на Кавказ, за участие в многочисленных сражениях с горцами произведен в чин прапорщика, погиб в бою на мысе Адлер. Выдающийся писатель-романтик.

[2] В 1823–1825 гг. А. А. Бестужев вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда».

[3] Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) — поэт, общественный деятель, декабрист, один из пяти казненных руководителей декабрьского восстания 1825 г.

А. И. Татищеву, 7 июня 1825

[1] Татищев Александр Иванович (1763–1833) — с 1811 г. — генерал-лейтенант, с 1808 г. — генерал-кригс-комиссар, с 1823 г. — генерал от инфантерии и в 1823–1827 гг. — военный министр.

Н. Н. Муравьеву, 30 июня 1825

[1] Бедени — горная группа примерно в 30 километрах от Тифлиса. Сама гора Бедени расположена рядом с урочищем Белый Ключ.

Михаилу Павловичу, 11 июля 1825

[1] Великий князь Михаил Павлович с рождения числился генерал-фельдцейхмейстером, в 1819 г. вступил в управление всей артиллерией. Именно поэтому Ермолов и обращался к нему с просьбой об облегчении участи Водопьянова.

[2] О Водопьянове сведений обнаружить не удалось.

А. А. Закревскому, 12 июля 1825

[1] Речь идет о старшем сыне А. П. Ермолова — Викторе.

[2] Греческая война — вооруженная борьба греческого народа за независимость от Османской империи, начавшаяся в 1821 г. и завершившаяся в 1832 г. Константинопольским мирным договором, утвердившим Грецию как независимое государство.

[3] Д. Т. Лисаневич.

[4] В. Ф. Тимковский в 1825 г. стал бессарабским гражданским губернатором

П. А. Кикину, 12 июля 1825

[1] Р. И. фон дер Ховен.

[2] «Славны бубны за горами» — русская пословица. О. Михайлов в книге «Генерал Ермолов» интерпретирует эту пословицу, употребленную в отношении А. П. Ермолова, следующим образом: «Придворные клеветники и завистники судачили, что ермоловская слава — это „славны бубны за горами“, что в управлении его много произвола, что военные его подвиги — сущий дым: с нестройной толпой горцев всегда можно справиться. Дипломаты и крупные чиновники повторяли, будто Ермолов сознательно вызвал войну с Персией, чтобы стяжать себе еще большую популярность, что он окружил себя слепо преданными людьми, которые трубят о его достоинствах, а сами совершают злоупотребления. Плац-парадные генералы, любители шагистики и «палочек» твердили, что он-де распустил войска, что среди солдат нет порядка службы, выправки и даже дисциплины. По рукам в Петербурге ходила карикатура, изображающая кавказского солдата — в изодранном мундире нараспашку, в синих холщовых широких шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской папахе, с маленьким котелком сбоку и с корзинкой вместо манерки. Одну из таких карикатур не замедлили подбросить и Ермолову» (*Михайлов О.* Генерал Ермолов. М., 1983. С. 39).

М. С. Воронцову, 12 июля 1825

[1] Речь идет о войне Греции против Османской империи.
[2] Иверия (Иберия) — древнее царство на территории современной Грузии.
[3] С. И. Мазарович.

А. В. Казадаеву, 12 июля 1825

[1] А. В. Казадаев стал сенатором и получил должность статс-секретаря Александра I.
[2] А. И. Татищев.

П. А. Кикину, 30 июля 1825

[1] Речь идет о движении под руководством Бейбулата Таймиева, одного из авторитетных людей в Большой Чечне. Толчок этому движению, кстати сказать, дала совершенная в 1822 г. экспедиция Н. В. Грекова, назначенного командовать войсками левого фланга Кавказской линии. В ходе нее было уничтожено крупное селение Шали и проведена экзекуция в землях качкалыков. Немаловажным обстоятельством было и то, что по выражению А. С. Грибоедова, Греков был «человек способный, но грабитель» — он присваивал деньги, отпущенные на уплату чеченцам за участие в дорожных работах, и ценные вещи, выделенные для подарков чеченским старейшинам. Кроме того, Греков оскорбительно обошелся с Бейбулатом, ранее сотрудничавшим с российскими властями и даже имевшим чин поручика русской армии, в результате чего тот стал противником русских. С весны 1825 г. движение в Чечне приобрело особый размах. В частности, летом горцы осадили Герзель-аул. Спешно подошедшие российские войска под руководством Лисаневича и Грекова сняли блокаду с этого укрепления, а 16 июля Лисаневич потребовал собрать аксаевцев, наиболее активно участвовавших в блокаде Герзель-аула, и стал упрекать их в измене, требуя выдать зачинщиков движения. Во время этой сцены один из них, Учур-Мулла, бросился на генералов с саблей, смертельно ранил Лисаневича и убил Грекова. (См.: *Волконский Н. А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. // Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис. 1886. С. 117; *Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 185–193; *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. 2. С. 348–352.)

[2] Л. О. Рот был известен современникам как храбрый и опытный генерал, но «…не пользовался… любовью и уважением подчиненных. Человек сухой, формалист, в высшей степени придирчивый даже в мелочах, он получил в армии прозвище «Рвот».

«Запорю, закатаю!» — были самые любимые его слова. Неоднократно он служил мишенью для насмешек офицеров. Анекдотов о нем существует множество. На него писались стихи, одно из дел о которых восходило даже на высочайшее усмотрение, но за невозможностью открыть их сочинителя было прекращено. Мимо его окон однажды была направлена похоронная процессия с его же гробом, но виновников устройства ее также не удалось обнаружить. Лютая жестокость его по отношению к подчиненным нашла себе отражение даже в беллетристике» (Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16. С. 317–321).

[3] Александру I.

[4] П. Н. Ермолов.

[5] Д. А. Гурьев, покинув пост министра финансов, продолжал до смерти оставаться управляющим Императорским кабинетом и министром уделов.

А. П. Павловой и М. А. Кикиной, 14 августа 1825

[1] А. П. Павлова вместе с семьей Кикиных посетила в 1825 г. Кавказские Минеральные Воды. Об этом посещении упоминается в журнале «Отечественные записки» № 64 — в опубликованном списке посетителей и посетительниц кавказских вод в 1825 г. (по июль). В списке значатся: «Кикин Петр Андреевич, статс-секретарь Его Императорского Величества, тайный советник, из С.-Петербурга; супруга его Марья Ардалионовна, с ними Павлова Анна Петровна, полковница, брат его Алексей Андреевич Кикин, коллежский асессор; Волохов Павел Андреевич, отставной поручик».

[2] Палавандов Николай Осипович (Иосифович) (?–1855) — князь, служил чиновником еще при князе П. Д. Цицианове, с 1816 г. состоял при Ермолове, в 1822 г. — член созданной в Тифлисе комиссии для перевода грузинских законов на русский язык. В 1832–1837 гг. в чине действительного статского советника был тифлисским гражданским губернатором, затем служил по Министерству внутренних дел, с 1851 г. — чиновник по особым поручениям при наместнике кавказском, с 1853 г. — член Совета главного управления Закавказского края. В описываемое время в чине надворного советника находился на Водах и, видимо, отлучался по служебным делам в Тифлис, а затем снова возвратился. Ермолов всегда очень ценил Н. О. Палавандова и всю жизнь сохранял с ним дружеские отношения.

П. А. Нагаткину, 25 августа 1825

[1] Нагаткин Петр Александрович (ум. 1856) — подполковник, командир Апшеронского полка в 1824–1826 гг. В отставку вышел в чине полковника. Похоронен на Митрофаниевском кладбище Санкт-Петербурга.

[2] К. К. Краббе.

К. К. Крабе, 25 августа 1825

[1] Видимо, речь идет о подполковнике Карчевском Иване Степановиче — командире Апшеронского полка в 1821–1824 гг., которого сменил П. А. Нагаткин.

[2] Левенцов Афанасий — в 1819–1821 гг. — командир Апшеронского пехотного полка.

Г. А. Сергееву, 12 сентября 1825

[1] Уцмиев Муса (князь Мусса-Хасаев, аксаевский князь Муса Уцмиев) (ум. 1842/43) — генерал-майор русской службы, известный кумыкский владетель, главный кумыкский пристав. В 1820 г. он был произведен сразу в чин капитана и назначен старшим владетелем Аксая. Позднее награжден украшенной бриллиантами золотой медалью с надписью «За усердие» на Андреевской ленте. В 1825 г. — майор,

в 1828 г. — подполковник, в должности главного кумыкского пристава. В документах за 1831 г. Мусса Хасаев упоминается в чине полковника. В 1834 г. он был пожалован императорской короной к ордену Св. Анны 2-й степени, а в 1836 г. — бриллиантовым перстнем стоимостью 1200 руб. 9 ноября 1837 г. Мусса Хасаев за отличие был произведен в генерал-майоры. При коронации Николая I находился в числе делегатов от кумыкских владетелей. С его смертью российские власти на Кавказе потеряли одного из своих главных сторонников среди местных кавказских владельцев, «имевшего большое уважение к себе у самых даже соседних враждебных племен». А. П. Ермолов о нем во «всеподданнейшем рапорте» сообщал, что «здесь весьма редки люди столь непоколебимой верности и чести» (*Алиев К.* Кумыкский генералитет Российской империи. 2014. // http://kumukia.ru/?id=692).

[2] Накануне, 11 сентября, Ермолов предписал полковнику Сергееву выступить на речку Ярыксу и расположиться лагерем на ее правом берегу. В команде Сергеева состояли казаки его полка, линейные казаки, две роты пехоты и два орудия артиллерии. Ермолов предписывал Сергееву соблюдать осторожность, ибо неподалеку находились сильные партии чеченцев. Ему также предписывалось делать разъезды «вниз по правую сторону идущей на Аксай дороги, дабы не допустить мятежникам делать опустошения и вреда» (ОР РНБ Ф. 874. Оп. 2. Д. 197. Л. 2).

А. П. Сапожникову, 21 сентября 1825

[1] Сапожников Александр Петрович (1788–1827) — астраханский купец 1-й гильдии, держал на Каспии рыбные промыслы и активно торговал рыбой и хлебом как в России, так и за границей. Жертвовал огромные средства на строительство храмов и занимался благотворительностью.

[2] В 1825 г. Александр I назначил поездку на Нижнюю Волгу и оттуда степями к Азовскому морю, в Крым, и, наконец, в Таганрог.

К. К. Крабе, 22 сентября 1825

[1] Шепелев — майор, переведен в Апшеронский пехотный полк в августе 1825 г. из Каспийского морского батальона; 25 февраля 1827 г. переведен в Астраханский гарнизонный полк.

[2] Ребинин (Рябинин) — майор, в августе 1825 г. переведен в Апшеронский пехотный полк из Тенгинского пехотного полка. В 1830 г. по болезни был уволен в отставку в чине подполковника.

[3] Войнов (Воинов) — майор, в 1822 г. переведен из 41-го егерского полка в Апшеронский пехотный полк; 25 декабря 1825 г. переведен в Екатерининский внутренний гарнизонный батальон.

Г. А. Сергееву, 6 октября 1825

[1] Письмо это, очевидно, было отправлено в один день с аналогичным приказом Ермолова Сергееву. Этот письменный приказ был отдан Ермоловым уже в Таш-Кичу. В Герзель-ауле Сергеев должен был оставить два орудия, находившиеся при его отряде, взять семь чугунных крепостных орудий с лафетами и снарядами, доставить их в укрепление Амир-Аджи-Юрт и вернуться обратно на Таш-Кичу (ОР РНБ Ф. 274. Оп. 1. Д. 17. Л. 7).

К. Ф. Ольдекопу от 11 ноября 1825

[1] Ольдекоп Карл Федорович (1775–1831) — дежурный генерал 3-й Западной армии в 1812 г., с 1815 г. — дежурный генерал 1-й армии, с 1821 г. — генерал-лейтенант. В 1829 г. вышел в отставку.

[2] Е. П. Ефимович.

П. А. Кикину, 13 декабря 1825

[1] Александр I скончался в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г.

[2] Речь идет об одном из братьев Бернардацци — Иоганне Карловиче (1782–1842) и Иосифе Карловиче (1788–1840), архитекторах из Швейцарии, которые с 1822 г. были архитекторами Кавказских Минеральных Вод (Пятигорска и Кисловодска).

[3] Люстрин — шерстяная или полушерстяная с добавлением хлопка ткань с блестящей поверхностью.

[4] Гродетур — шелковая однотонная ткань, производившаяся во Франции и активно экспортировавшаяся по всему миру. Была популярна в XVIII–XIX вв. Ткань отличалась плотностью, высокой износоустойчивостью, не мялась и долго сохраняла привлекательный внешний вид. Гродетур стоил не слишком дорого и шел на пошив повседневного женского и мужского платья. В России ткань получила название «гарнитур», а вещи, сшитые из нее, именовались «гарнитуровыми». Этот материал был популярен среди купечества и духовенства. С начала XX в. гродетур не производился.

[5] Росный ладан — смола растения стиракса (styraxbenzoin), на ее основе изготовляли настойку и использовали для ароматизации.

А. А. Закревскому, 13 декабря 1825

[1] Речь идет о карательной зимней экспедиции 1825–1826 гг., предпринятой Ермоловым против чеченцев. В ней участвовал и А. С. Грибоедов. «Теперь это меня несколько занимает, — писал он С. Н. Бегичеву, — борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгревов; будем вешать и прощать и плюем на историю» (цит. по: *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II. С. 353)

[2] В движении Бейбулата впервые серьезно проявился религиозный фактор. Речь идет о начальном этапе формирования тариката. Тарикат (от арабского «таррика» — дорога, путь) — метод мистического познания и религиозно-нравственного совершенствования суфия (мусульманского мистика). Особое значение в тарикате имеют отношения учителя и ученика (шейха, мюршида и мюрида). В интерпретации Магомета Ярагского, а затем Шамиля и его сторонников тарикат приобрел агрессивный характер, путь человека к богу в кавказском тарикате связывался с религиозной войной. С идеями тариката Бейбулата познакомил в 1823 г. знаменитый дагестанский проповедник Магомет Ярагский. Из Дагестана Бейбулат вывез муллу Магомета, сыгравшего заметную роль в восстании 1820-х гг. Поселившийся в Маюртупе мулла Магомет проповедовал, что скоро придет пророк, который сбросит иго неверных. Вскоре появился и сам пророк — некий юродивый Авко из села Гременчуг, которого приискал на эту роль Бейбулат (*Блиев М. М.* Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004. С. 185–192).

[3] Речь идет о Викторе, старшем из сыновей Ермолова.

М. С. Воронцову, 19 декабря 1825

[1] Ермолов имеет в виду обстоятельства смерти императора Александра I и слухи об отказе от престола великого князя Константина Павловича.

Я. М. Тихоцкому, 2 января 1826

[1] Тихоцкий Яков Михайлович — с мая 1820 г. по март 1826 г. командир Тенгинского пехотного полка, полковник. Указ об отставке датирован 9 декабря 1826 г. После отставки проживал с семьей в имении Викнино Изюмского уезда Харьковской губернии.

А. А. Закревскому, 12 января 1826

[1] П. М. Волконский в 1824 г., возвратившись в Петербург из-за границы, состоял при Александре I. В сентябре 1825 г. сопровождал императрицу Елизавету Алексеевну в Таганрог, присутствовал при кончине Александра I (19 ноября (1 декабря) 1825 г.), заведовал всеми приготовлениями и распоряжениями по отправке его тела в Петербург; затем состоял при Елизавете Алексеевне и после ее смерти (4 (16) мая 1826 г.) руководил кортежем, сопровождавшим тело императрицы в столицу.

В. А. Булгакову, 17 января 1826

[1] Швецов 2-й (?–1829) — подполковник, командир Кабардинского пехотного полка с 1826-го по 1829 г.

[2] Подпрятов Николай Данилович — с 1811 г. — подполковник, затем полковник, в 1806–1815 гг. — командир Казанского мушкетерского полка, в 1816–1819 гг. — командир Казанского пехотного полка, в 1819–1824 гг. — командир Кабардинского пехотного полка.

А. А. Закревскому, 25 февраля 1826

[1] После вступления на престол Николая I А. А. Закревский 25 декабря 1825 г. был награжден орденом Св. Александра Невского.

А. А. Закревскому, 31 марта 1826

[1] Речь идет о сыне Ермолова Викторе.

[2] Очевидно, имеется в виду Ф. А. Толстой.

[3] А. С. Меншиков в 1823 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел, а в 1824 г. вышел в отставку, но в 1826 г. снова поступил на службу в квартирмейстерскую часть и был послан с дипломатическими поручениями в Персию.

[4] Приписка к письму, обращенная к Аграфене Федоровне Закревской.

А. А. Закревскому, 30 мая 1826

[1] Речь идет об убийстве 16 июля 1825 г. Д. Т. Лисаневича и Н. В. Грекова и последовавшем затем походе в Чечню.

П. А. Кикину, 31 мая 1826

[1] Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

А. А. Закревскому, 19 июня 1826

[1] Коронация Николая I была назначена на 22 августа (3 сентября) 1826 г.

[2] Россия предлагала уступить часть Карабахского и Ленкоранского (Талышинского) ханств, однако при шахском дворе посланник был принят холодно, переговоры успеха не имели, а Меншиков был арестован и находился в тюрьме до 1827 г.

В. А. Булгакову, 25 июня 1826

[1] Нерасторопность В. А. Булгакова стала причиной гибели мирных жителей села Солдатского.

Н. Н. Муравьеву, 10 июля 1826

[1] Л. Я. Севарсемидзев. «Это был один из последних представителей старой цициановской школы, человек с несомненно выдающимися боевыми способностями. Уроженец Моздока, сын бедных родителей, он начал службу в Тифлисском полку рядовым

и через двадцать лет без связей и покровительства добился звания полкового командира. Он имел пять ран и был известен своей храбростью еще со времен эриванского штурма при Гудовиче, когда его батальон один вошел на крепостные стены. Из всего этого батальона, как говорили, осталось тогда не больше семидесяти человек, и в том числе был сам Севарсемидзе, жестоко, впрочем, израненный. На границе он был незаменимым человеком. Знание местных языков и обычаев, при его личном характере, помогло ему приобрести такое влияние на местное население, что татары и армяне сами приходили к нему для решения своих домашних ссор и споров. Он мирил, наказывал, — и народ безусловно покорялся его приговорам. Как начальник пограничных областей, он непосредственно сносился и с карским пашой, и с эриванским сардарем и в их землях имел не только верных лазутчиков, но многих приверженцев. Отсюда непримиримая ненависть к нему эриванского сардаря, не раз подсылавшего наемных убийц, чтобы лишить его жизни. Но Севарсемидзе берегла любовь народная, и покушения не имели успеха. Войска его боготворили. Н. Н. Муравьев (Карский), хорошо знавший Севарсемидзе, характеризует его так: „Удивительно, как с малыми средствами достойный офицер этот, проведший всю свою жизнь на границе, умел просветить себя: он судит о местности и военных действиях как самый ученый полководец“. Но в то же время, из разговоров с полковыми командирами в Тифлисе Муравьев вынес убеждение, что Севарсемидзе не любят. „Мне кажется, — говорит он, — что тому есть много причин. Князь имеет полк, известный своей храбростью, управляет пограничной областью и обласкан Ермоловым; этого довольно, чтобы зависть возродилась в других господах. Но, с другой стороны, надобно признаться, впрочем, что князь не скромен и возвышает до небес свою расторопность, храбрость и храбрость своего полка…“ Замеченная Муравьевым самонадеянность Севарсемидзе, воспитанная долгой привычкой и целым рядом удачных дел, конечно, не должна была остаться без влияния в трудных обстоятельствах того времени» (*Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826–1828 гг. М., 2007).

[2] События, описанные в письме к Н. Н. Муравьеву, позже вошли в «Записки» А. П. Ермолова, он писал: «Июля 2-го числа возвратился я в Тифлис после одиннадцати месяцев отсутствия. Генерал-майор князь Меншиков находился в Тавризе, а оттуда были последние его депеши, в коих уведомлял, что по приглашению шаха отправляется он в Султанию, что Аббас-Мирзою был принят благосклонно. Повсюду на границе было совершенно спокойно и невозможно было ожидать никаких неприязненных со стороны персиян поступков, по крайней мере в то время, как у них находился князь Меншиков с изъявлением желания императора хранить и еще более сделать твердыми связи дружества, и когда император послал Аббас-Мирзе собственноручное письмо чрезвычайно благосклонное. Шаху в подарок отправлена была чрез Астрахань великолепная кровать хрустальная с серебряною оправою, сделанная по его желанию, объявленному поверенному в делах г. Мазаровичу. Со стороны Эривани с некоторым числом войск стоял сардарь Эриванский близко к урочищу Мирак. Во время отсутствия моего Аббас-Мирза жаловался генерал-лейтенанту Вельяминову на занятие войсками нашими Балыкчайского поста при озере Гохча. Мною приказано было ответствовать, что урочище Балык-Чай признаю я принадлежащим к Персии и сего не оспариваю, но что занято оное на том же самом основании, как персияне удерживают во власти большое пространство населенной земли от реки Чоундур до реки Капанак-Чай в Карабахском ханстве и что окончание дела о разграничении разрешит, должны ли мы оставить урочище Балык-Чай или получить оное взамен уступаемого нами. Генерал-лейтенант Вельяминов приказал построить небольшое укрепление при разоренном селении Мирак на границе Эриванского ханства, но работы были прекращены по просьбе Аббас-Мирзы к князю Меншикову, когда еще он был в пути к Тавризу. Он еще не знал персиян, и его можно было уверить, что если не сделает он угодного ему, то может он принять его

неблагосклонно или даже отказать принять его. Князь Меншиков прислал находившегося при нем полковника Бартоломея, убеждая генерала Вельяминова оставить Мирацкое укрепление. Я располагался ехать для обозрения границы, как вдруг 19-го числа получаю из Караклиса от артиллерии подполковника Флиге рапорт, что сардарь Эриванский напал с большими силами на пост наш при урочище Мирак и что в то же самое время истреблено селение Малая Караклиса, лежащее неподалеку от укрепления Гумри, и отогнан казенный табун, принадлежавший Тифлисскому пехотному полку, пасшийся на речке Гамзачиман в 18 верстах от Большой Караклисы. О полковнике князе Севарсемидзеве, командующем войсками на границе, который находился на Мирацком посту, не было никакого известия, и подполковник оставался по нем старшим. Из сего происшествия явно было нарушение мира, прежде обдуманное, но отнюдь не самовольный поступок сардаря Эриванского, как то поняло министерство наше. Итак, с сего времени начинается война с Персиею!» (*Ермолов А. П.* Записки. 1798–1826. М., 1991. С. 428–429).

[3] Кашутин Василий Алексеевич (1791–1842) — генерал-майор с 1838 г. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. в чине майора воевал в составе Эриванского карабинерного полка.

Н. Н. Муравьеву, 18 июля 1826

[1] Бамбакский хребет — часть Малого Кавказа, составляет границу Александропольского уезда с Ахалцихским и Ахалкалакским.

Н. Н. Муравьеву, 19 июля 1826

[1] Флиге Карл Яковлевич (1785 — не ранее 1841) — с 1839 г. — генерал-майор. В 1826 г. в чине подполковника назначен командиром Навагинского пехотного полка, в 1828 г. (по другим данным — в 1829 г.) произведен в полковники, во время русско-персидской войны за особенные труды при построении батарей против Ардебильской крепости пожалован алмазными знаками к ордену Св. Анны 2-й степени.

[2] Гюмри — второй по величине город Армении, расположен в 126 километрах от Еревана, в центральной части Ширакской котловины.

[3] Фридерикс (Фридрикс) Борис Андреевич — барон, полковник, командир Эриванского карабинерного полка с 1827-го по 1829 г.; с 1829 г. — генерал-майор.

[4] В 1805 г. восточный Шурагель (Шурагельский султанат) был занят русскими войсками, по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. он отошел к Российской империи.

Н. Н. Муравьеву, 31 июля 1826

[1] Лори-берд (Лориберд) — средневековая крепость в Лорийском марзе (регионе) Армении, на левом берегу реки Дзорагет.

Н. Н. Муравьеву, 2 августа 1826

[1] Лицо не установлено.

[2] Лицо не установлено.

[3] Угурлу-Хан — сын последнего ганжинского хана Джавата. Он был назначен правителем вновь образованного персиянами в 1826 г. Ганжинского ханства.

[4] Свеховский Иван Антонович — комендант в Нухе, в 1826 г. — старший корпусный адъютант, майор.

Н. Н. Муравьеву, 4 августа 1826

[1] Л. Я. Севарсемидзева.

[2] Орбелиани Аслан Николаевич — подполковник, пристав Казахской дистанции.

Н. Н. Муравьеву, 9 августа 1826

[1] Тифлисского пехотного полка.

[2] Ермолов поселил полки Отдельного Кавказского корпуса на постоянных местах, на пунктах, выбор которых оправдывался стратегическими соображениями, а при них образовал роты женатых солдат, которые вели полковое хозяйство, столь важное в походном быту солдат. Но во время масштабных военных действий эти роты могли стать помехой.

Н. Н. Муравьеву, 15 августа 1826

[1] Орбелиани Дмитрий Тамазович (Фомич) (1797–1868) — князь, с 1825 г. — штабс-капитан, был начальником Борчалинского уезда Тифлисской губернии; участник русско-персидской (1826–1828) и крымской (1853–1855) войн; с 1842 г. — полковник, с 1845 г. — генерал-майор, с 1856 г. — генерал-лейтенант.

В. Г. Мадатову, 22 августа 1826

[1] П. В. Попов.

В. Г. Мадатову, 23 августа 1826

[1] Грузинский царевич Александр.

А. А. Закревскому, 29 августа 1826

[1] 26 августа у Закревских родилась дочь Лидия (1826–1884), в первом браке — за сыном канцлера Дмитрием Карловичем Нессельроде, второй брак с князем Дмитрием Владимировичем Друцким-Соколинским, по определению Синода, был признан незаконным.

Н. Н. Муравьеву, 3 сентября 1826

[1] Гассан-Ага — брат эриванского сардаря, командовал отрядом в 5000 человек, состоящим из курдов и карапапахов.

В. Г. Мадатову, 7 сентября 1826

[1] 3 сентября 1826 г. произошла Шамхорская битва. Русский отряд под командованием В. Г. Мадатова разгромил авангард иранской армии, направлявшийся к Тифлису. 5 сентября отряд Мадатова освободил Елизаветполь. Аббас-Мирза был вынужден снять осаду с Шуши и двинуться навстречу русским войскам.

[2] Паскевич Иван Федорович (1782–1856) — граф Эриванский (с 1828 г.), светлейший князь Варшавский (с 1831 г.), генерал-фельдмаршал (с 1829 г.); в 1827–1831 гг. — командир Отдельного Кавказского корпуса, с 1832 г. — наместник в Царстве Польском, командующий Действующей армией.

[3] И. А. Реут.

Н. Н. Муравьеву, 18 сентября 1826

[1] Д. В. Давыдову.

[2] Монтис Уильям — секретарь английской миссии в Иране.

В. Г. Мадатову, 29 сентября 1826

[1] Аббас-Мирза.

[2] Мехти-Кули-Хан карабахский, впоследствии перешел на русскую службу.

В. Г. Мадатову, 10 октября 1826

[1] Лицо не установлено.

В. Г. Мадатову, 21 октября 1826

[1] В 1826 г. Мадатов за победу над авангардом войск Аббаса-Мирзы под Шамхором был награжден второй золотой саблей с алмазами «За храбрость» и произведен в генерал-лейтенанты.

В. Г. Мадатову, 7 декабря 1826

[1] Чиляев Николай Иванович — майор Мингрельского пехотного полка, комендант в Шуше в 1826 г.

[2] Джеваншир Гаджи-Агалар-Бек Касимбекович — в 1813–1822 гг. — капитан 42-го егерского полка, стоявшего в крепости Шуша. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. перешел на сторону Аббаса-Мирзы. В Персии ему были пожалованы титул хана и чин генерала. Впоследствии, после установления мира с Персией, неоднократно бывал в России с дружественными визитами, подарил военно-окружному начальнику закавказских провинций генерал-майору, князю Ивану Николаевичу Абхазову (1764–1832) туркменского гнедого жеребца.

[3] Родственники Гаджи-Агалар-Бека.

[4] Аббаса-Мирзы.

[5] Речь идет об экспедиции, которую Ермолов предписал совершить Мадатову на территорию Персии в Мешкинскую провинцию. Экспедиция эта была успешно проведена небольшими силами — батальоном 42-го егерского полка и карабахским ополчением.

В. Г. Мадатову, 14 декабря 1826

[1] Миклашевский Александр Михайлович 1-й (1798/1799–1831) — сын сенатора Михаила Павловича Миклашевского. Воспитывался в Пажеском корпусе в 1810 г., выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк в 1816 г., подпоручик с 1817 г., поручик с 1819 г., назначен адъютантом к генерал-майору М. Н. Гартингу в 1821 г., штабс-капитан с 1822 г., капитан с 1823 г., переведен подполковником в 22-й егерский полк — 22.10.1824. Член тайного общества офицеров Измайловского полка (февраль — апрель 1821) и, возможно, Северного общества (1821). Был арестован в имении своего отца д. Березовке Стародубского уезда одновременно со своим зятем А. Ф. Бригеном, помещен сначала на главную гауптвахту в Петербурге, затем в Петропавловскую крепость и отправлен на Кавказ. В 1826 г. определен в 42-й егерский полк. Участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, участвовал в походах Ермолова, Паскевича, князя Мадатова. За штурм Карса произведен в полковники в 1828 г., командир 42-го егерского полка в 1829 г. Убит при штурме Агач-Кале в Дагестане, похоронен в крепости Шуша (Восстание декабристов. М., 1984. Т. XVIII. С. 229–244).

В. Г. Мадатову, 13 января 1827

[1] Ата-Хан — сын карабахского Джафар-Кули-Хана (1785–1867).

Николаю I, 3 марта 1827

[1] Указ об отставке А. П. Ермолова был подписан 27 марта 1827 г. Он был освобожден от всех должностей. Николай I писал ему: «По обстоятельствам настоящих дел в Грузии, признав нужным дать войскам, там находящимся, особого Главного начальника, повелеваю Вам возвратиться в Россию и оставаться в своих деревнях

впредь до моего повеления». Начальник Главного штаба его императорского величества И. И. Дибич, после объявления Ермолову повеления императора, вскоре отрапортовал: «Генерал Ермолов <...> принял это повеление с совершеннейшей покорностью и готовностью сложить с себя полномочия, превзошедшей мои ожидания, повторив мне, что он докажет, что он это говорил прежде, что в любом состоянии будет покорным и верным подданным». Дибич не знал, что Ермолов уже отправил в Петербург письмо с просьбой об отставке, которое было датировано 3 марта. Понятно, что решение об отставке Ермолова было принято Николаем I заблаговременно (*Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II. С. 418–419).

А. В. Казадаеву, 30 марта 1827

[1] Е. Ф. Канкрин.
[2] В. А. Нагибин.

А. А. Закревскому, 31 марта 1827

[1] Речь идет об отправке Виктора к П. Н. Ермолову, который вышел в отставку и жил в подмосковном имении.
[2] Каховский Александр Михайлович — единоутробный брат А. П. Ермолова, умер в 1827 г.
[3] А. П. Павлова.

Р. И. фон дер Ховену, 23 июня 1827

[1] Вельяминовы: Иван Александрович и его младший брат Алексей Александрович.
[2] Видимо, речь идет о князе Г. Е. Эристове.

А. В. Казадаеву, 6 июля 1827

[1] В. А. Нагибин в 1828 г. в конце концов был назначен на должность губернатора Тобольской губернии.
[2] Ермолов имеет в виду А. Н. Оленина.

А. А. Закревскому, 13 июля 1827

[1] Речь идет о Викторе.
[2] Письмо Дибичу от 13 июля 1827 г. публикуется в настоящем сборнике по этой копии.
[3] В 1827 г., по возвращении Дибича из командировки на Кавказ (для расследования недоразумений между генералами Ермоловым и Паскевичем), ему был пожалован графский титул.

И. И. Дибичу, 13 июля 1827

[1] Отставка А. П. Ермолова вызвала в обществе небывалый резонанс. Ермолов в письме А. А. Закревскому от 13 июля 1827 г. правильно истолковал назначенные ему сверх полного жалованья по чину 5000 рублей серебром. Но, кроме опасения общественного мнения и личного ходатайства И. И. Дибича, немало способствовавшего такой «щедрости» Николая I, видимо, было учтено и то обстоятельство, что Ермолов ушел без сопротивления.

П. А. Кикину, 6 августа 1827

[1] Речь идет о болезни жены Кикина, Марии Ардалионовны.

[2] Имение генерала А. А. Вельяминова располагалось в селе Медведка Алексинского уезда Тульской губернии (*Матвеев О. В.* Горский Ганнибал. Памяти Алексея Александровича Вельяминова // Дворяне Юга России на службе Отечеству. Краснодар, 2004).

[3] М. А. Кикиной.

А. А. Закревскому, 6 [сентября] 1827

[1] Бенкендорф Константин Христофорович (1785–1828) — барон, родной брат А. Х. Бенкендорфа, начал службу в 1797 г. в Коллегии иностранных дел, в 1812 г. принят на военную службу майором, участвовал в войне 1812 г. и Заграничных походах, с 1816 г. состоял по кавалерии; с 1814 г. — генерал-майор, с 1827 г. — генерал-лейтенант. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. командовал отдельным отрядом кавалерии на Кавказе.

[2] К. Х. Бенкендорф в 1820–1826 гг. служил в Министерстве иностранных дел в должности чрезвычайного посланника при Вюртембергском и Баденском дворах.

[3] Ермолов с большим презрением охарактеризовал действия Бенкендорфа в Эриванской области, когда тот, преодолев горы Акзибиюк и Безобдал, занял монастырь Эчмиадзин, а затем и крепость Эривань, которая сдалась почти без боя. Бенкендорф за эти подвиги был награжден 14 октября 1826 г. званием генерал-адъютанта, пожалован за отличия в сражениях чином генерал-лейтенанта и получил орден Св. Владимира 2-й степени, а также золотую саблю с надписью «За храбрость», украшенную бриллиантами (Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. IV. С. 472). Ермолов соотносит эти награды с высоким положением брата Константина Христофоровича — А. Х. Бенкендорфа.

[4] Конница, составленная из курдов, которые с древнейших времен считались непревзайденными наездниками.

[5] Когда И. Ф. Паскевич приближался с войсками к г. Тавризу, его встретил князь Эристов с вестью о взятии второй столицы Персии. Генерал Н. Н. Муравьев, получавший почти ежедневные распоряжения от А. П. Ермолова, и князь Г. Е. Эристов сумели воспользоваться оплошностью персов и захватить город, опередив Аббаса-Мирзу, который подходил к Тавризу для его защиты, и лишь на день опередив Паскевича. С политической точки зрения падение Тавриза было для Персии равносильно потере всей северной половины государства, а захват русскими в крепости боевых средств, заготовленных персиянами, лишал ее всякой возможности продолжать войну. Паскевич, хотя и получил награды и почести за взятие Тавриза, остался непримиримый врагом Ермолова за то, что он отнял у него славу покорить Тавриз. Не остался без наказания и генерал Н. Н. Муравьев, и хотя он был награжден генеральским чином, но с этого времени началось постоянное нерасположение Паскевича к Муравьеву, в конце концов, заставившее последнего покинуть Кавказ и перейти на службу в Россию. Эристов вскоре тоже был удален из действующей армии и отправлен в Москву, сенатором (*Потто В. А.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826–1828 гг.).

[6] Бенкендорф А. Х. О реакции III (жандармского) отделения Собственной его императорского величества канцелярии на отставку А. П. Ермолова см.: *Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. С. 426–433.

[7] А. И. Красовский.

[8] Иловайский Василий Дмитриевич (1784–1860) — генерал-лейтенант с 1826 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг.; с 1823-го по 1840 г. — походный атаман донских казачьих полков в Отдельном Кавказском корпусе. С 1840 г. в отставке.

[9] В. Р. Марченко.

П. А. Кикину, 12 октября 1827

[1] Речь идет об одном из помещиков Елецкого уезда Орловской губернии Буниных. Велика вероятность, что это мог быть Николай Дмитриевич Бунин (дед писателя И. А. Бунина), владелец имения по соседству с Ермоловыми.

[2] Для Анны Петровны.

[3] Перекусихина Мария Савишна (1739–1824) — доверенное лицо, близкая подруга и личная прислуга императрицы Екатерины II. Ее племянница Екатерина Васильевна Перекусихина была замужем за Ардалионом Александровичем Торсуковым, их дочь Мария Ардалионовна вышла замуж за Петра Андреевича Кикина. М. С. Перекусихина приходилась М. А. Кикиной двоюродной бабкой.

[4] А. А. Павлов.

[5] Адербиджан — часть современного Азербайджана.

М. А. Кикиной, октябрь 1827

[1] Торсукова Е. В., мать М. А. Кикиной.

[2] С. Ф. Вольский.

А. А. Закревскому, октябрь 1827

[1] Закревский приехал в Петербург, видимо, уже для того, чтобы вскоре занять должность министра внутренних дел.

[2] А. С. Меншиков.

[3] К. Х. Бенкендорф. Ермолов называет его «зааракский» в связи с военной операцией, которую возглавлял Бенкендорф в 1826 г. за реками Аракс и Аберан в Эриванской области (Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. IV. С. 472).

А. В. Казадаеву, октябрь 1827

[1] Проскрипция (*лат.*, от pro и scribere — писать) — изгнание, ссылка, заточение; объявление кому опалы.

А. А. Закревскому, 19 декабря 1827

[1] Вероятно, Коризна Петр Иванович (1780–?) — участник войн с Наполеоном с 1807-го по 1814 г., хороший знакомый А. А. Закревского.

[2] П. Н. Ермолов.

[3] М. С. Воронцов.

[4] Дачу в Крыму Ермолов так и не получил. «Осторожный Воронцов счел, что подобный жест в сложившихся обстоятельствах выглядел бы демонстрацией <…> Столь явно связывать себя с опальным Ермоловым он не хотел» (*Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. II. С. 439).

Р. И. фон дер Ховену, 20 января 1828

[1] Нерсес V Аштаракеци (1770–1857) — католикос всех армян с 1843 г. Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. играл ведущую роль в организации армянского ополчения и присоединении Восточной Армении к России.

[2] 10 февраля 1828 г. был подписан Туркманчайский мирный договор между Россией и Персией, по которому Персия подтверждала все условия Гюлистанского мирного договора 1813 г., признавала переход к России части Каспийского побережья до р. Астара и Восточной Армении. Кроме того, персидский шах обязывался выплатить России контрибуцию в 20 млн. рублей и объявить амнистию всем жителям иранского Азербайджана, сотрудничавшим с русскими войсками.

[3] Унтилье Амплей Ананьевич (Афанасьевич) (?–1828) — генерал-майор, начальник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса. Давыдов Денис Васильевич в 1826–1827 гг. служил на Кавказе, участвовал в военных действиях против персов.

[4] Н. Н. Муравьев.

[5] П. М. Сахно-Устимович.

[6] Долгоруков Николай Андреевич (1792–1847) — князь, участник наполеоновских войн, с 1823 г. — полковник, участник русско-персидской войны, с 1828 г. — генерал-майор, в 1829 г. был отправлен в Персию в качестве полномочного министра после гибели А. С. Грибоедова; в 1831 г. — минский временный военный губернатор, с 1832 г. — виленский военный губернатор; в 1834–1840 гг. — гродненский, белостокский и минский генерал-губернатор, с 1840 г. — малороссийский генерал-губернатор.

[7] Суворов Александр Аркадьевич (1804–1882) — граф Рымникский, князь Италийский, генерал-лейтенант — с 1848 г., с 1848 г. — рижский военный, лифляндский, эстляндский и курляндский генерал-губернатор; в 1861–1866 гг. — петербургский военный генерал-губернатор, с 1859 г. — генерал от инфантерии, с 1861 г. — член Государственного совета.

[8] Фон дер Ховен Роман Романович — сын Р. И. фон дер Ховена, с 1825 г. — офицер, в 1846–1849 гг. подполковник Эриванского карабинерного полка; с 1849 г. — полковник, с 1852 г. — комендант Баку.

[9] 14 марта 1828 г. А. С. Грибоедов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с алмазными знаками.

[10] А. Н. Раевский.

[11] Маков — полковник с 1820 г., с 1819 г. — командир Таганрогского уланского полка.

[12] Вадбольский Иван Михайлович (1781–1861) — князь, генерал-лейтенант (с 1827 г.), участник наполеоновских войн, в 1826 г. перешел на службу в Отдельный Кавказский корпус, участвовал в русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войнах, в 1833 г. вышел в отставку.

[13] Коцебу Мориц Августович (1790–1861) — с 1806 г. офицер свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, участник войны 1812 г., в 1816–1817 гг. входил в состав посольства Ермолова в Персию (оставил об этом воспоминания); в 1822 г. в чине подполковника назначен обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса, в 1825 г. — обер-квартирмейстером резервных войск; участник русско-персидской войны 1826–1827 г., с 1831 г. — обер-квартирмейстер Главного штаба и генерал-квартирмейстер Резервной армии; с 1834 г. — генерал-майор, с 1845 г. — начальник 4-й пехотной дивизии, с 1847 г. — генерал-лейтенант; с 1854 г. — в отставке, с 1855 г. — сенатор. Был женат на дочери Р. И. фон дер Ховена.

П. А. Кикину, февраль 1828

[1] Талызин Иван Дмитриевич — поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, адъютант и дежурный офицер в штабе А. П. Ермолова, в 1839–1840 гг. — тобольский губернатор; с 1841-го по 1844 г. — оренбургский губернатор, действительный статский советник.

А. А. Закревскому, 10 февраля 1828

[1] Казначеев Александр Иванович (1788–1881) — в 1812 г. служил в петербургском ополчении и был ординарцем М. И. Кутузова, с 1818 г. — полковник, с 1823 г. — статский советник, правитель канцелярии новороссийского генерал-губернатора графа

М. С. Воронцова, в 1827–1829 гг. — градоначальник Феодосии; в 1829–1837 гг. — таврический гражданский губернатор, в 1848–1854 гг. — одесский градоначальник, с 1854 г. — сенатор в Москве.

[2] Д. В. Давыдов.

П. А. Кикину, 25 февраля 1828

[1] Новиков Валентин Алексеевич — адъютант А. П. Ермолова, затем И. Ф. Паскевича (АК на 1827 г. СПб., 1826. С. XIV (Прибавления)).

[2] Семья Фабиев — герои римской мифологии, которые защищали Рим от этрусков. В результате хитрости, примененной этрусками, почти весь род Фабиев был убит, кроме одного юноши Квината, который еще не достиг возраста воина. Он и стал продолжателем рода.

П. А. Кикину, 15 апреля [1828]

[1] О ком идет речь, установить не удалось.

[2] М. А. Кикина.

Н. М. Сипягину, 5 мая 1828

[1] И. Ф. Паскевич.

Р. И. фон дер Ховену, 16 июля 1828

[1] Ермолов сравнивает себя с персонажем известной английской писательницы А. Радклиф (1764–1823), основательницы готического романа. Роман «Удольфский замок» имел особенно шумный успех. Несколько романов А. Радклиф были переведены на русский язык в первом десятилетии XIX в.

[2] И. Ф. Паскевич.

Р. И. фон дер Ховену, 6 марта 1830

[1] После отъезда А. П. Ермолова и назначения на его место Паскевича была назначена сенаторская ревизия, перед которой была поставлена задача изобличить администрацию Ермолова в злоупотреблениях. Все это сделало для Ховена дальнейшую службу на Кавказе невозможной, и в 1829 г. он вышел в отставку.

[2] И. Ф. Паскевич.

[3] Персия и Турция.

[4] А. М. Каховского.

Р. И. фон дер Ховену, 8 апреля 1830

[1] В стремлении получить поддержку в высших государственных структурах Паскевич, так же как в свое время Ермолов, инициировал сенаторскую ревизию, которая была назначена 23 августа 1829 г. Ревизию возглавляли сенаторы граф Павел Иванович Кутайсов и Евграф Ильич Мечников (*Блинов И.* Отношения Сената к местным учреждениям в XIX в. СПб., 1911. С. 144).

[2] И. Ф. Паскевич-Эриванский. Получил прибавление к фамилии за взятие Эривани.

[3] Тифлисский военный губернатор.

[4] Во всеподданнейшем рапорте сенаторов от 28 ноября 1831 г. имя Ермолова неоднократно упоминается в связи с разными нововведениями в управлении краем, в том числе с назначением комендантов — военных начальников на мусульманских территориях. В рапорте позиция Паскевича всячески противопоставляется позиции Ермолова, так что эта часть документа напоминает донос, кульминацией же рапорта становится

«дело о казнях», произведенных во время народного волнения в Дагестане в 1826 г. во время вторжения Персии (РГИА. Ф. 1149. Т. II — 1833. Д. 23 «б». Л. 3–23; Ф. 1268. Оп. 1. Д. 1 «б». Л. 88. АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 1–14).

[5] Ванька-Каин — Корганов (Карганов, Курганов) Иван Осипович — армянин по происхождению, в 1810 г. — поручик, в 1830 г. — майор, переводчик в Джарах, протеже И. Ф. Паскевича, известен доносами на А. П. Ермолова. Имел репутацию казнокрада и интригана.

[6] И. Ф. Паскевич.

[7] Вместе с Ермоловым, отдавшим распоряжение о казнях переметнувшихся к Персии мусульман, сенаторы обвиняли дагестанского военно-окружного начальника К. К. Краббе, командира Апшеронского полка Мищенко и командира морского батальона Ильинского, без суда и следствия расправившихся с взбунтовавшимися жителями.

Р. И. фон дер Ховену, 11 мая 1830

[1] А. А. Вельяминов.

[2] Пригород Тифлиса.

[3] П. Н. Ермолов.

[4] П. И. Кутайсов.

[5] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[6] Форбек Федор Мартинович — титулярный советник, в 1829 г. — управляющий тифлисской казенной аптекой (АК на 1829 г. СПб., 1828. С. 516).

[7] Мартиненго Рох Антонович — коллежский советник, в 1829 г. акушер в тифлисской врачебной управе (АК на 1829 г. СПб., 1828. С. 516).

[8] В декабре 1829 г. Н. Н. Раевский был отстранен от службы Паскевичем за «излишнюю близость» с подчиненными ему ссыльными декабристами, и в течение долгого времени он добивался восстановления, ему в этом помогал А. С. Пушкин, с которым они были очень дружны (*Черейский Л. А.* Современники Пушкина. Документальные очерки. М., 1999. С. 113–114).

[9] Имеются в виду жители Джаро-Белоканской области, которые в 1830 г. оказали сильное сопротивление русской власти.

А. А. Закревскому, июнь 1830

[1] Ребров, как уже говорилось, серьезно занимался шелководством. В 1831 г. в «Земледельческом журнале» он поместил статьи «О шелководстве в России» и «О новоизобретенном на Кавказе шелкомотальном снаряде» и затем почти ежегодно в этом журнале печатал свои годовые отчеты и статьи по шелководству. Шелковичных червей он выписывал из Китая, Аравии, Франции и других стран; за достижения в шелководстве Ребровым было получено 5 золотых больших медалей; его шелк славился как один из лучших в Европе, о чем Ребров был уведомлен французским Королевским обществом шелководства, а в 1851 г. получил диплом, в котором эксперты Лондонской выставки признавали его шелк превосходным по качеству и белизне. В своем имении он устроил бесплатную школу для крестьянских мальчиков, в которой зимой учили грамоте и начаткам закона Божия и арифметики, а летом — шелководству (РБС. СПб., 1910. Т. 15. С. 531).

Р. И. фон дер Ховену, 25 августа 1830

[1] Н. Н. Муравьев

[2] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[3] Ганеман Христиан Фридрих Самуэль (1755–1843) — основатель гомеопатии.

[4] Прибиль Иван Антонович (1782–1866) — доктор медицины; получил медицинское образование в Вене. В 1808 г. он приехал в Россию по вызову русского правительства, выдержал экзамен в Петербургской медико-хирургической академии. Поступив на военно-медицинскую службу, остался в России. Карьеру начал младшим лекарем в Саратовском мушкетерском полку, затем служил ординатором в Херсонском военном госпитале, в мае 1816 г. вышел из военного ведомства и определился акушером в Грузинскую врачебную управу. 6 ноября 1819 г. Прибиль был вновь принят на военную службу на должность главного доктора Тифлисского военного госпиталя; с 1840 г. — действительный статский советник, с 1849 г. — член военно-медицинского ученого совета.

Р. И. фон дер Ховену, 24 сентября 1830

[1] В 1830 г. Ермолов купил имение Осоргино (57 душ крепостных крестьян) в 26 километрах к западу от Москвы, в Звенигородском уезде.

[2] В 1830 г. в России началось распространение эпидемии холеры.

Р. И. фон дер Ховену, 20 июля 1831

[1] П. А. Ермолов.

Р. И. фон дер Ховену, 22 августа 1831

[1] Министерству внутренних дел.

[2] Речь идет о А. А. Закревском.

[3] Ермолов называл так Р. И. фон дер Ховена, о котором в этом же письме писал как о привилегированном неудачнике. «Ликиперд» — транскрипция французского выражения «le qui perd» — «тот кто теряет».

П. А. Кикину, 14 августа 1832

[1] Николай I в 1832 г. совершил поездку во внутренние губернии России, в течение полутора месяцев проехал по европейской части страны и через Рязань заезжал в Москву.

[2] Кикин Алексей Андреевич (1772 — не ранее августа 1841) — старший брат П. А. Кикина. Жил в Москве на Арбате. Слыл заядлым карточным игроком и частым посетителем Английского клуба. Известный бытописатель Москвы начала XIX в. Д. Н. Свербеев в «Записках 1799–1826 гг.» писал о нем: «Рядом с Петром Андреевичем [Кикиным], честным, благородным, прямым, стоял старший брат его Алексей, богатый, разоряющийся, малочиновный, а потому и чванный и древностью своего рода и значением своего брата. <…> Торопливый во всем, бесцеремонный, не удовлетворенный в своем честолюбии, <…> напыщенный важностью <…> Никогда и нигде не служивший и имевший в 50 с лишним лет ничтожный чин коллежского асессора…» А. А. Кикин писал стихи и эпиграммы. Его жена Анна Константиновна Повало-Швейковская (1787–1821), предчувствуя близкую смерть, оставила духовное завещание об опеке над пятью малолетними детьми не мужу, а П. А. Кикину. Племянники после смерти невестки стали его заботой.

[3] П. А. Ермолов скончался 23 мая 1832 г.

[4] Е. В. Торсукова.

[5] О ком идет речь, не установлено.

П. Х. Граббе, 5 сентября 1832

[1] Ридигер Федор Васильевич (1783–1856) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета. В 1828 г. командовал авангардом русской армии в составе 2-й бригады гусарской дивизии и 3-й бригады 10-й пехотной дивизии.

[2] Вальмоден Людвиг (1769–1862) — граф, австрийский генерал, в 1813 г. перешел на русскую службу, командовал российско-немецким легионом и другими союзными войсками в Северной Германии, в 1815 г. снова перешел на австрийскую службу и в 1848 г. участвовал под командой графа Радецкого в итальянской кампании.

[3] П. П. Пален.

[4] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[5] А. П. Ермолов 6 декабря 1831 г. был назначен членом Государственного совета.

М. С. Воронцову, 10 января 1833

[1] М. А. Коцебу.

Р. И. фон дер Ховену, 2 марта 1833

[1] Д. В. Давыдов жил в это время в Москве.

[2] Адлерберг Владимир Федорович (1791–1884) — с 1828 г. — генерал-адъютант, с 1827 г. — директор канцелярии начальника Главного штаба; с 1832 г. — начальник Военно-походной канцелярии, позднее генерал от инфантерии (с 1843 г.), член Государственного совета (с 1842 г.), в 1852–1870 гг. — министр двора и уделов.

[3] Возможно, речь идет о денщике А. П. Ермолова.

П. Х. Граббе, 16 июля 1838

[1] Речь идет о нежелании Ермолова заседать в Государственном совете.

[2] Более подробных сведений об этом Бибикове установить не удалось.

[3] Бибиков Михаил Николаевич (1806–1845) — полковник, командир Навагинского пехотного полка (1839–1845), с 1833 г. был женат на Софье Николаевне Хитрово, племяннице декабриста С. Н. Кривцова, в 1831 г. сосланного на Кавказ. Убит во время Даргинской экспедиции 19 июля 1845 г.

[4] А. А. Вельяминов умер 27 марта 1838 г. Похоронен в родовом селе Медведково Тульской губернии.

П. Х. Граббе, 10 февраля 1839

[1] Видимо, один из кабардинский князей, состоявших на службе в российской армии.

П. Х. Граббе, 2 марта 1839

[1] П. В. Попов.

[2] Раевский Николай Николаевич (1801–1843) — брат А. Н. Раевского, с 1838 г. — генерал-лейтенант, в 1837–1839 гг. — начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии, в 1839–1841 гг. — начальник Черноморской береговой линии. Был в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным, который посвятил ему «Кавказского пленника» и «Андрея Шенье».

[3] Речь идет о Николае Соломоновиче Мартынове (1815–1875) — офицере, убившем на дуэли 15 июля 1841 г. М. Ю. Лермонтова. Он в 1837 г. из Кавалергардского полка перевелся на Кавказ, затем возвратился в Петербург, но вскоре снова вернулся на Кавказ. В чине ротмистра Гребенского казачьего полка участвовал в экспедициях против горцев, в 1841 г. вышел в отставку.

П. Х. Граббе, 2 апреля 1839

[1] Новосильцев Ардалион Николаевич (1816–1878) — близкий родственник Кикиных, выпускник Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров

(1835 г.) Служил в Кавалергардском полку. В 1840 г. переведен на Кавказ, где он принимал участие в экспедиции генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского к Анапе. Участник военных операций против горцев (1840–1849). Принимал участие в Венгерском походе 1849 г., в Крымской войне 1853–1856 гг. С 1852 г. — полковник. С 1859 г. служил в Министерстве внутренних дел. Известен как основоположник механизированного бурения нефтяных скважин и первый нефтедобытчик на Кубани.

[2] До праздника Пасхи.

[3] В Государственном совете.

[4] О каком Викторове идет речь, установить не удалось.

П. Х. Граббе, 28 декабря 1839

[1] Подробных сведений об этих студентах не обнаружено.

П. Х. Граббе, 4 января 1840

[1] Голицын Владимир Сергеевич (1794–1861) — князь, генерал-майор с 1843 г., генерал-адъютант с 1863 г. В марте 1842 г. в чине штаб-ротмистра был назначен адъютантом к военному министру князю А. И. Чернышеву, сопровождал его на Кавказ и участвовал в экспедиции против горцев, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1843–1846 гг. — начальник центра Кавказской линии, в апреле 1844 г. — назначен флигель-адъютантом Николая I, продолжая службу в Отдельном Кавказском корпусе, с 1849 г. — в отставке.

[2] Булгакова Мария Константиновна — супруга Константина Яковлевича Булгакова.

[3] Более подробных сведений о нем не обнаружено.

[4] Петр.

[5] Лазаревский институт восточных языков в Москве создан на основе частного «Армянского Лазаревых училища», основанного в 1815 г. на средства фамилии Лазаревых; учредителем считается Еким Лазаревич Лазарев (1743–1826). Главной целью основателей было создать высшее образовательное заведение для армян (русским доступ не был воспрещен). В дальнейшем училище было преобразовано в «Лазаревский институт восточных языков». В 1837 г. институт получил преимущества правительственных заведений 2-го разряда. По ходатайству армянского патриарха в 1841 г. при институте учреждено было духовное отделение; затем введен особый коммерческий курс. По уставу 1848 г. пятиклассный курс был заменен восьмиклассным (два последних класса — высшие или специальные), причем преподавание восточных языков (мусульманских, армянского и грузинского) велось во всех восьми классах; одной из главных целей института стала подготовка чиновников и переводчиков для Закавказского края (ЭС Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XVII. С. 247–248).

П. Х. Граббе, 9 февраля 1840

[1] Трубецкой Сергей Васильевич (1815–1859) — сын генерал-адъютанта Александра I князя В. С. Трубецкого, принадлежал к числу друзей Лермонтова, был секундантом на дуэли поэта с Мартыновым, состоял членом «Кружка шестнадцати».

П. Х. Граббе, 10 марта 1840

[1] Канкрин Валериан Егорович (1820–1861) — граф, с 1838 г. — прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, в 1840 и в 1844 гг. воевал на Кавказе, в 1851–1855 гг. — командир Кинбурнского драгунского полка, с 1856 г. — генерал-майор, с 1861 г. — генерал-кригскомиссар.

[2] Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — граф с 1878 г., генерал-майор с 1854 г., генерал-адъютант с 1859 г., генерал-фельдмаршал с 1898 г.; с 1839 г. служил на Кавказе, в 1843–1845 гг. — обер-квартирмейстер войск Кавказской линии и Черноморской береговой линии, в 1856–1860 гг. — начальник главного штаба Кавказской армии, в 1861–1881 гг. — военный министр; видный представитель либеральной бюрократии, инициатор военных реформ.

[3] Подробности штурма Ахульго Милютин детально описал в своих мемуарах: *Д. А. Милютин.* Воспоминания. 1816–1843. М., 1997. С. 230–264.

[4] Траскин Александр Семенович (1803–1855) — с 1842 г. — генерал-майор, в 1830 г. причислен к генеральному штабу, с 1837 г. — исполняющий обязанности, а в 1839–1842 гг. — начальник штаба войск на Кавказской линии и на Черноморской береговой линии, с 1843 г. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, с 1846 г. — на гражданской службе.

[5] Головин Евгений Александрович (1782–1858) — генерал от инфантерии с 1839 г.; образование получил в Московском университете, затем поступил на военную службу. Участвовал во всех кампаниях против Наполеона с 1807-го по 1814 г. 14 декабря 1825 г. пожалован в генерал-адъютанты «за распорядительность при усмирении бунта». В 1831 г. Головин одержал победу над польским корпусом генерала Ромарино. В 1837–1842 гг. — главноуправляющий Закавказским краем и Кавказской областью и командир Отдельного Кавказского корпуса, в 1842 г. уволен с этой должности в связи с провалом реформы управления краем по Учреждению 1840 г.

[6] Лицо не установлено.

[7] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[8] Г. В. Розен.

П. Х. Граббе, 12 апреля 1840

[1] Речь идет, вероятно, о Льве Львовиче Боде (1820–1855) — старшем сыне генерала Льва Карловича Боде (1787–1859), гофмаршала с 1842-го по 1849 г., президента Московской дворцовой конторы с 1849-го по 1858 г.

[2] Комитет по устройству Закавказского края (1840–1842).

[3] Речь идет о повышении жалованья главноуправляющему Закавказским краем генералу Головину за содействие комиссии сенатора П. В. Гана в деле введения в крае Учреждения 1840 г., которое критиковалось многими современниками, но было триумфально встречено в Петербурге.

[4] Речь идет о Н. Н. Раевском.

П. Х. Граббе, [1840]

[1] Письмо находится в архивном деле между письмами 10 февраля и 10 марта 1840 г.

[2] Граббе владел имением Тимчиха в селе Блотница Прилукского уезда Полтавской губернии.

П. Х. Граббе, 14 февраля 1841

[1] Ган Павел Васильевич (Пауль Теодор, фон) (1793–1862) — учился в Дерптском, а затем в Гейдельбергском университетах, тайный советник с 1836 г., с 1824 г. — курляндский гражданский губернатор, в 1827–1829 гг. — лифляндский гражданский губернатор, с 1836 г. — член Совета министров внутренних дел и сенатор, с 1840 г. — член Государственного совета, в 1847 г. уволен от службы.

[2] Анреп-Эльмпт Иосиф Романович (1798–1860) — генерал-адъютант с 1842 г., в 1841–1848 гг. — начальник Черноморской береговой линии, с 1860 г. — генерал от кавалерии.

[3] Петра.

П. Х. Граббе, 17 февраля 1841

[1] Петр.

[2] Михаил Павлович, великий князь.

[3] Петр погиб в одном из сражений с горцами.

П. Х. Граббе, 3 марта 1841

[1] Толстой Федор Иванович, Американец (1782–1846) — граф, отличался необыкновенным темпераментом, прославился картежным азартом, пристрастием к дуэлям и путешествием в Америку (откуда и прозвище). Был знаком со многими знаменитыми писателями своей эпохи и послужил некоторым из них прототипом для персонажей их произведений.

П. Х. Граббе, 24 марта 1841

[1] П. Х. Граббе 15 марта 1841 г. писал Ермолову: «… Горский здоров, в деле у своего воспитателя А. Ф. Реброва, который хлопочет о его обмундировке. Он определен, сходно с Вашим желанием в Тенгинский полк и в нынешнем году будет употреблен в отряде на Лабе. Все ваши приказания на его счет будут исполнены…» Позднее, 7 апреля того же года он сообщал: «Два дня тому назад, достойнейший Алексей Петрович, получил я Ваше письмо от 24 марта и 400 р[ублей] асс[игнациями] для молодого Горского. Он уже обмундирован и отправлен к генералу Зассу на Лабу» (Цит. по книге: *Михайлов О. Н.* Генерал Ермолов: http://fictionbook.ru/author/mihayilov_oleg_nikolaevich/prokonsul_kavkaza_general_ermolov/read_online.html?page=40).

[2] Более подробных сведений обнаружить не удалось.

П. Х. Граббе, 18 апреля 1841

[1] Кушинников Александр Николаевич (1799–1860) — жандармский подполковник. В апреле 1841 г. был командирован А. Х. Бенкендорфом в Пятигорск для секретного «надзора за посетителями минеральных вод». 16 июля В. И. Ильяшенков известил К. о дуэли и смерти Лермонтова, а А. С. Траскин ввел его в состав следственной комиссии. В этот же день Кушинников послал Бенкендорфу донесение о дуэли, об аресте Н. С. Мартынова, М. П. Глебова и А. И. Васильчикова (Лермонтовская энциклопедия: http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc/).

[2] В. Р. Марченко.

[3] Юрьев Никанор Иванович (1807–1878) — с 1835 г. — подполковник, с 1844 г. — полковник VI кавказского округа корпуса жандармов, служил в Ставрополе, в 1856–1859 гг. возглавлял Полтавский кадетский корпус.

П. Х. Граббе, 28 сентября 1841

[1] Греков Андрей Николаевич — полковник, чиновник особых поручений Тифлисской комиссариатской комиссии.

[2] Евгеньевское укрепление (Евгеньевский редут) — русское военное укрепление в Дагестане, на реке Сулак, построено в 1841 г. генералом Е. А. Головиным.

[3] Граббе был женат вторым браком на Екатерине Евстафьевне Ролле (?–1857), дочери доктора медицины.

[4] Лицо не установлено.

П. Х. Граббе, 1 июля 1842

[1] Возможно, речь идет о Кабате Иване Ивановиче (1812–1884) — выпускнике Императорской медико-хирургической академии. С 1833 г. он служил по военному ведомству, много ездил по гарнизонам для организации медицинской и, возможно, аптекарской части; с 1847 г. лейб-окулист.

[2] Речь идет о Петре Горском.

П. Х. Граббе, 12 августа 1842

[1] Розен Александр Григорьевич (1812–1874) — барон, полковник (с 1866 г.). Сын командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии барона Григория Владимировича Розена. 11 октября 1837 г. в чине поручика Преображенского полка был назначен флигель-адъютантом. В 1842 г., будучи штабс-капитаном, барон Розен по высочайшему повелению был предан суду за то, что, испросив разрешение императора, женился на дочери генерал-лейтенанта В. Д. Иловайского, не имея на то законного свидетельства ее отца. По высочайшей конфирмации 25 июня 1842 г. переведен майором в Апшеронский пехотный полк и лишен звания флигель-адъютанта. 13 марта 1843 г. зачислен по армейской кавалерии, с назначением состоять при Кавказском линейном казачьем войске. На Кавказе ему неоднократно довелось принимать участие в делах с горцами.

[2] По генеральному плану военных действий на 1842 г. генерал Граббе должен был утвердиться на Андийском Койсу. 11 июня Граббе выдвинулся из Герзель-аула через Аксайское ущелье, во главе 10000 человек, имея на вооружении 24 пушки. Внушительность собранных сил отрицательно сказалась на их эффективности, обозы растянулись и требовали для охраны значительных сил отряда. На самом опасном участке движения, в Ичкерийском лесу, колонна попала под обстрел чеченцев. Ситуацию усложнила изменившаяся погода — пошел сильный дождь, размывший дорогу. За три дня пути колонна Граббе прошла только 25 верст, и хотя численность засевших в лесу чеченцев не превышала 2000 человек, русские понесли значительные потери. 13 июня Граббе, осознав всю бессмысленность дальнейшего продвижения вперед, приказал войскам возвращаться по тому же пути. Боевой дух в колонне был потерян, управление утрачено. И в этой ситуации потери русских войск возросли неимоверно. Пришлось в срочном порядке уничтожать часть отстающих обозов только ради того, чтобы суметь вывезти раненых и по возможности спасти орудия. Наконец 16 июня «чеченская колонна» вернулась в Герзель-аул. Впечатление от поражения Граббе было громадным. Позиция Шамиля в Чечне и Дагестане только усилилась. Граббе попытался взять реванш в июле, но вновь потерпел поражение. Он вынужден был уйти в отставку, вскоре был уволен и Головин, на смену ему из Петербурга прислали нового командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала А. И. Нейдгардта.

[3] А. И. Чернышев.

А. И. Кучину, 17 февраля 1843

[1] Кучин Александр Иванович — сослуживец А. П. Ермолова по конной артиллерии в период французского похода 1805–1807 гг., герой Аустерлицкого сражения.

[2] Трегубов А. В. — вероятно, тульский чиновник.

[3] Младший сын Ермолова — Николай.

Р. И. фон дер Ховену, 2 февраля 1844

[1] Р. Р. фон дер Ховен.

[2] А. И. Нейдгардт.

Р. И. фон дер Ховену, 20 апреля 1844

[1] Гозиуш Карл Карлович, старший (?–1844) — генерал-майор корпуса инженеров путей сообщения, георгиевский кавалер. Служил начальником военных сообщений на Кавказе при А. П. Ермолове.

Н. Н. Муравьеву, 24 ноября 1844

[1] Племянник Н. Н. Муравьева, Николай Михайлович Муравьев (1820–1869) — будущий ковенский, а затем рязанский губернатор.

[2] А. И. Нейдгардт.

[3] Толстой Петр Александрович (1771–1844) — граф, генерал от инфантерии (с 1814 г.), с 1828 г. — управляющий Главным штабом его императорского величества по военным поселениям и главный начальник военных поселений.

[4] Герштенцвейг Даниил Александрович (1790–1848) — генерал от артиллерии, командующий артиллерией Гвардейского корпуса. Отказался в 1844 г. от предложения стать наместником кавказским, в 1848 г. покончил жизнь самоубийством.

[5] Берг Федор Федорович (1794–1874) — граф с 1856 г., генерал-адъютант, генерал от кавалерии с 1843 г., в 1843–1855 гг. — генерал-квартирмейстер Главного штаба е. и. в., в марте 1848 г. был командирован в Варшаву с особыми дипломатическими поручениями к Фридриху Вильгельму IV, в 1849 г. во время венгерской кампании состоял при австрийском императоре, с 1863 г. — наместник Царства Польского, с 1852 г. — член Государственного совета, генерал-фельдмаршал с 1866 г.

[6] Имеется в виду изданное анонимно на французском языке сочинение Ф. Ф. Вигеля ‘La Russie envahie par les` Allemands’ (P. — Lpz., 1844); «Россия, заполоненная немцами» (Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989).

[7] Лидерс Александр Николаевич (1790–1874) — граф (с 1862 г.), генерал от инфантерии (с 1843 г.), генерал-адъютант (с 1849 г.), с 1837 г. командовал 5-м пехотным корпусом; позднее командующий Южной армией (1855 г.), в 1861–1862 гг. — исправляющий должность наместника в Царстве Польском и временный главнокомандующий 1-й армией, с 1862 г. — член Государственного совета.

[8] Шамиль (1797–1871) — предводитель кавказских горцев, в 1834 г. признанный имамом; объединил горцев Западного Дагестана и Чечни, а затем и Черкесии в теократическое государство имамат. До взятия в плен при штурме аула Гуниб в 1859 г. князем Барятинским энергично вел борьбу против русской власти. Перевезенный в Калугу, а затем в Киев, получил наконец обещанное еще в Гунибе разрешение совершить паломничество, хадж в Мекку, где и умер.

[9] Муравьев Н. Н., который является адресатом данного письма, полностью приводит его текст в своих записках (РА. 1895. № 3. С. 323) и дает свои комментарии упоминающимся в письме событиям: «Помнится мне, что действия главных сил не прежде начались, как в июле месяце. Генерал Лидерс должен был сделать из Темир-Хан-Шуры наступательное движение к стороне Акуши <…> говорят, что Нейдгард не знал о том, что Шамиль со всем своим войском собрался около Буртуная, где укрепился на позиции для защиты сей дороги; но сие невероятно. Напротив, по всем действиям Нейдгарда видно, что он имел положительные сведения о местопребывании Шамиля, к коему он шел; но запоздалое движение его происходило медленно от бесчисленного количества лишнего обоза, который он с собою вез. Не говоря о продовольствии, которое ему было необходимо взять с собою, с ним тянулись бесконечные нити колясок и всякие экипажи <…> подчиненных ему начальников и, наконец, множество гвардейских офицеров или флигель-адъютантов, присланных из Петербурга для пожатия лавров в сем походе, от коего ожидали несметно огромных последствий <…>

Таких бесполезных людей в сем походе находилось много; ибо к ним можно причислить и тех, которые тут же вертелись под покровительством старшего и других начальников, из личных своих видов получить награждение. <…> Пока сие медленное и безобразное шествие тянулось, Пассек, завлеченный пылкостью, подвинулся к горцам по Акушинской дороге, был ими окружен и едва не лишился всего отряда своего, но случайно выбился и даже успел их опрокинуть с значительными для них потерями, от чего находившиеся перед ним толпы рассеялись. Лидерс, шедший за ним, настоятельно требовал у Нейдгарда позволения идти по следам бегущих в Акушу, но на постоянные требования свои получал отказы и, наконец, приказал воротиться и переправиться в Ахатли через Койсу для соединения с главными силами Нейдгарда. Недовольный тем, что ему препятствовали к достижению личного подвига занятием Акуши (что, однако, не было сообразно с общим планом кампании), он послал в Военное министерство копию с переписки своей с Нейдгардом, что навлекло Нейдгарду самые оскорбительные упреки. Упреков сих он бы не получил, если б сам лучше повел исполнение рассудительно-предположенного плана своего атаковать Шамиля соединенными силами своими; но он не успел, и оттого во всем остался один виноватым: в военном деле, более чем в каком-либо другом, судят не по действиям, а по последствиям <…> Между тем Шамиль собрал все свои войска, состоявшие из 15 000 вооруженных людей, которых он разделил на сотни и тысячи, дав им некоторый вид устройства, расположился на позиции близ селения Буртунай, <…> занял Хубарские высоты, впереди его лежащие и составляющие левый берег реки Койсу, которую надлежало Лидерсу переходить для соединения с Нейдгардом. <…> По соединении Лидерса с Нейдгардом оба отряда стали лагерем не в большом расстоянии один от другого в виду Буртунайских укреплений неприятеля, который отделялся от них весьма глубоким, утесистым оврагом. Атаковать с фронта хотя и была возможность, но предприятие сие было б сопряжено с большою потерею и выгод не представило бы никаких: ибо Шамиль мог всегда беспрепятственно уйти. Но в обход на занимаемую им возвышенную равнину вела дорога верст на 20, на которую направили Клюке с 6 баталионами пехоты, артиллерией и 1000 человек кавалерии. Неприятель узнал о сем движении, и, когда Клюке показался у него на рассвете почти в тылу, Шамиль поднялся из своего лагеря в большом порядке и в виду всего нашего войска отступил. Шамиль избегнул боя, в коем ему предстояло неминуемо быть разбитым, и увез в глазах наших всю свою артиллерию и все тяжести. Причиною сей нерешительности в действиях служило то, что ни один начальник не доверял другому: Клюке не надеялся, что его поддержат атакою с другой стороны, и остался без действия; Нейдгард все медлил и не надеялся на себя. Лидерс пошел в Акушу. Шамиль, ободренный нашим ничтожеством, переправился с отрядом 2000 человек отборной конницы через Койсу у самого лагеря Гурки и, проходя следом за Лидерсом, отбил стада у шамхальцев почти среди наших войск. Наконец, пришед к Акуше, он грозил Лидерсу, который соединился с Аргутинским, пришедшим из Кази-Кумыка; но он тут лишился 2 орудий, которые были у него увлечены небольшим обществом лезгин. Лидерсу предположено было идти обратно другим путем, где Гурко должен был ему доставить продовольствие; но, не надеясь на содействие Гурки и имея недостаток в хлебе, он возвратился тем же путем, преследуемый Шамилем, с коим арьергард его имел ежедневные сшибки. Сим кончился знаменитый поход, от коего ожидали чудес. Затем следовало совершенное изнеможение войск, как телесное, так и душевное. <…> К осени Нейдгард возвратился в Тифлис и стал просить настоятельным образом, чтобы его сменили, говоря, что сего требует благосостояние самого дела, коим он за болезнью не мог более заниматься. Лидерс также уехал лечиться в Одессу, где оставалось его семейство. Гурко сбирался выехать совсем: ему нельзя было более оставаться среди войск, пораженных столько раз под

его начальством. Клюки просился прочь. Фрейтаг также. Все главные лица старались удалиться, не предвидя ничего доброго в будущем. Разъехались также набеглые герои и флигель-адъютанты, коих скорое возвращение, говорят, разгневало Государя. Каждый из них честил, как умел, начальство» (РА. 1895. № 3. С. 324–326).

[10] Гурко Владимир Осипович (1795–1852) — генерал-лейтенант (с 1837 г.), в 1842–1845 гг. — командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории, в 1845 г. — начальник главного штаба войск на Кавказе; позднее генерал от инфантерии (с 1851 г.), начальник главного штаба всех резервных и запасных войск гвардии и армий.

[11] Е. А. Головин с 1845 г. был генерал-губернатором Прибалтийского края.

[13] Муравьева Наталья Григорьевна (1806–1884) — урожденная графиня Чернышева, вторая жена Н. Н. Муравьева (с 1834 г.).

Н. П. Годеину, 25 января 1845

[1] Годеин Николай Петрович (1790–1856) — с 1824 г. — полковник лейб-гвардии Измайловского полка; с 1825 г. — флигель-адъютант, с 1828 г. — генерал-майор, в 1819–1821 гг. — член Союза Благоденствия.

[2] М. С. Воронцов был назначен наместником кавказским и командиром Отдельного Кавказского корпуса 27 декабря 1844 г. При этом он оставался новороссийским и бессарабским генерал-губернатором.

[3] В. О. Гурко.

[4] Орден Св. Александра Невского учрежден Екатериной I и стал третьим российским орденом после ордена Св. Андрея Первозванного и женского ордена Св. Екатерины. Девиз ордена: «За труды и Отечество».

[5] Н. Н. Муравьев в 1833–1834 и 1835–1837 гг. был командиром 5-го пехотного корпуса, а затем до 1848 г. находился в отставке.

[6] Клюки фон Клугенау Франц Карлович (1791–1851) — уроженец Богемии; службу начал в австрийских войсках, был контужен в битве при Лейпциге; в 1818 г. перешел на русскую службу на Кавказ, которую и продолжал в течение более 30 лет. Генерал-лейтенант (с 1844 г.), в 1839–1844 гг. — командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане, с 1841 г. — командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, в 1845–1846 гг. — командир 19-й пехотной дивизии, в 1846–1849 гг. — командир 21-й пехотной дивизии. В 1830 г., во время экспедиции против лезгин, был ранен во время штурма селения Закаталы. С 1831 г. начинаются действия Клюки фон Клугенау в Дагестане против Кази-Муллы и Гамзат-Бека. Управляя в 1838 г. Ахалцыхской провинцией, он энергичными мерами остановил занесенную из Турции чуму. В 1839 г. Клюки фон Клугенау был назначен начальником левого фланга Кавказской линии и едва не погиб в экспедиции против аула Чиркей; 14 сентября 1840 г. разбил большой горский отряд под Гимрами, а в последовавших затем событиях 1842–1843 гг. в Дагестане проявил «твердость и присутствие духа». В 1845 г. принял участие в экспедиции к Дарго, где сыграл важную роль.

[7] Лабынцов Иван Михайлович (Лабынцев, Лабинцев, Лабинцов) (1802–1883) — генерал от инфантерии с 1859 г. В 1838–1842 гг. — командир Кабардинского егерского полка. В начале 1845 г. Лабынцев был назначен командующим 14-й пехотной дивизией и 31 июля 1845 г. был произведен в генерал-лейтенанты. После Даргинской экспедиции командовал несколькими дивизиями, с 1856 г. — командир 1-го армейского корпуса.

[8] Годеина Анна Кирилловна (1804–1875) — урожденная княжна Багратион, супруга Н. П. Годеина.

Н. П. Годеину, 26 февраля 1845

[1] Дочери Годеиных: Александра (1834–1873) и Елизавета (р. 1835).
[2] М. С. Воронцов.
[3] Сальви Лоренцо (1810–1887) — итальянский певец, гастролировавший в России в 1845–1846 гг.

Н. П. Годеину, 19 мая 1845

[1] Лист Ференц (1811–1886) — венгерский композитор, пианист-виртуоз, педагог, дирижер, публицист, один из крупнейших представителей музыкального романтизма. Основоположник веймарской школы в музыке.
[2] В Ветхом Завете, в Книге пророка Исайи (гл. 2, ст. 4), предсказывается второе пришествие на землю Иисуса Христа и вечный мир, который должен после этого наступить: «И будет Он судить народы, и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать».

М. С. Воронцову, 19 июня 1845

[1] М. С. Воронцов прибыл в Тифлис, на новое место службы, весной 1845 г.
[2] Речь идет о предписанной Николаем I экспедиции в резиденцию Шамиля аул Дарго. Основная тяжесть экспедиции падала на два отряда — Чеченский, двигавшийся из крепости Внезапной, и Дагестанский, вышедший из Темир-Хан-Шуры. 31 мая, когда Чеченский отряд вышел из Внезапной, считается днем начала экспедиции. (Подробнее об экспедиции см. сборник воспоминаний: Даргинская трагедия. 1845 год / Составление и подготовка текстов Г. Г. Лисицыной, комментарии Б. П. Миловидова. СПб., 2001.)
[3] Весть о назначении М. С. Воронцова наместником кавказским была встречена восторгом, особенно молодежью, в связи с этим многие желали назначения на Кавказ.
[4] Деятельность наместника кавказского регламентировалась двумя основными документами: Рескриптом Николая I на имя М. С. Воронцова от 31 января 1845 г. и Правилами об отношении наместника кавказского от 6 января 1846 г., которые содержали регламент, определявший границы его власти в крае, полномочий и взаимоотношений с центральным и высшим государственным аппаратом (ПСЗ-II. № 18679 от 30 января 1845 г. и № 19590 от 6 января 1846 г.). Наместнику предоставлялись самые широкие полномочия по управлению краем, он мог, минуя центральные учреждения (министерства), через Кавказский комитет обращаться с законодательной и исполнительной инициативой в высшие государственные учреждения. Кроме того, он имел право обращения прямо к императору в делах дипломатических и военных (*Лисицына Г. Г.* Гражданское управление краем, самое трудное… // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX в. СПб., 2005. С. 222–223).
[5] П. Д. Цицианов.
[6] Пулло Александр Павлович (р. 1789) — в 1834–1841 гг. командир Куринского егерского полка, в 1840 г. — главный чеченский пристав, с 1841 г. в отставке; позднее генерал-майор (с 1853). На рубеже 1830–1840-х гг. Чечней управляли поставленные русской администрацией приставы, которые подчинялись полковнику Пулло; попыткой изъятия оружия у чеченцев, жестоким обращением с заложниками и прочими злоупотреблениями, которым попустительствовал Пулло, они спровоцировали восстание 1840 г.; этому же способствовал и слух о введении рекрутской повинности среди горцев (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 356–358).
[7] И. О. Корганов.
[8] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[9] Фезе (Фези) Карл Карлович (1797–1848) — генерал-лейтенант (с 1838 г.), с 1836 г. — командир 20-й пехотной дивизии, с 1842 г. — командир 1-й пехотной дивизии.

[10] Мещерский Александр Владимирович — князь, офицер с 1839 г., в 1845 г. — корнет лейб-гвардии Гусарского полка, ранен 23 мая 1845 г.; позднее — генерал-майор, предводитель дворянства Верейского уезда Московской губернии.

[11] Александр I.

[12] В 1840 г. отряд П. Х. Граббе с большими потерями взял горный аул Ахульго, а в 1842 г. отряд во главе с ним отправился из Герзель-аула через леса Ичкерии для захвата резиденции Шамиля Дарго. Дойдя до середины дороги и понеся большие потери, отряд вынужден был вернуться обратно.

[13] Ф. О. Паулуччи.

М. С. Воронцову, 31 августа 1845

[1] За Даргинскую экспедицию 6 августа 1845 г. М. С. Воронцов получил титул князя.

[2] Хунзах — селение в центре горного Дагестана, возникло приблизительно в XII в., позднее стало крепостью Хунзах-Арани, резиденцией аварских ханов. Ахмет-Хан мехтулинский, управлявший Аварским ханством, попросил русских ввести войска в столицу Аварии Хунзах в связи с угрозой, исходившей от Шамиля. Русские войска под командованием К. К. Фезе вошли в Хунзах 28 мая 1837 г. и к июню почти закончили строительство хунзахского укрепления, в котором был оставлен гарнизон. В ходе наступления в августе-сентябре 1843 г. мюриды захватили все Аварское плоскогорье, кроме Хунзаха, и после падения Гергебиля 8 ноября русское командование распорядилось оставить Хунзах (*Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 192. *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 345, 390–391, 394).

[3] Унцукуль — аварское село в Дагестане. В марте 1842 г. русские войска вошли в аракское село Унцукуль, встреченные, по словам Е. А. Головина, «с необыкновенными между лезгинами изъявлениями радости», но в конце августа 1843 г. Унцукуль захватил Шамиль (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 376–377, 387–388).

[4] Речь идет о так называемой сухарной экспедиции. После занятия 6 июля покинутого Шамилем Дарго оставаться там было опасно, но уходить без продовольствия и с ранеными — невозможно. Необходимо было дождаться транспорта с продовольствием и фуражом. Навстречу транспорту, через лес, занятый горцами, был направлен отряд под командованием Клюке фон Клугенау. Авангардом отряда командовал бесстрашный генерал Д. В. Пассек, арьергардом — генерал Викторов. 11 июля после встречи отряда с обозом в Ичкеринском лесу разыгралась настоящая трагедия. Горцы, чувствуя себя в горах естественно и уверенно, успели соорудить завалы и бесстрашно встречали русских, обремененных обозами с провиантом и скотом. Авангард Пассека вырвался далеко вперед, оставив остальную часть отряда сильно растянутой и плохо защищенной, в результате Клюке фон Клугенау потерял в ожесточенном бою двух генералов — Пассека и Викторова, большую часть продовольствия, скота и лишился нескольких орудий (*Лисицына Г. Г.* Экспедиция в резиденцию Шамиля Дарго (1845) // *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. Приложение. С. 347–376).

[5] Пассек Диомид Васильевич (1808–1845) — генерал-майор. В 1840 г. командирован на Кавказ, участник многих сражений с горцами, отличался необыкновенной храбростью. Погиб в Даргинском походе во время «сухарной экспедиции» 11 июля, командуя авангардом.

[6] Викторов Евграф Алексеевич (ок. 1790–1845) — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г. В 1841 г. назначен на должность начальник VI округа корпуса жандармов, в который входили Кавказская область, Закавказская область и Астраханская губерния, в Даргинской экспедиции состоял при штабе Воронцова, убит 10 июля (РГВИА Ф. 395. Оп. 32. Д. 844. Послужной список 1841 г.).

[7] Фрейтаг Роберт Карлович (1802–1851) — генерал-майор (с 1842 г.); в 1840–1842 гг. — командир Куринского егерского полка, в 1842–1848 гг. — начальник левого фланга Кавказской линии, одновременно в 1844–1848 гг. командовал 20-й пехотной дивизией; за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-лейтенанты; с 1848 г. — генерал-квартирмейстер Действующей армии.

[8] 18 июля в 7 часов вечера по дороге от урочища Мискит показались войска генерала Фрейтага, он привел с собой три сотни казаков, 7,5 батальонов и 13 орудий (Обзор военных действий на Кавказе в 1845 г. Тифлис, 1846. С. 11–12). Воронцов повел остатки своего отряда ему навстречу. Под прикрытием огня войск Фрейтага отряд Воронцова дошел до Мискита и расположился там лагерем (*Лисицына Г. Г.* Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников //Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 21).

[9] М. З. Аргутинский-Долгоруков.

[10] Кибит-Мулла — наиб Шамиля.

[11] Хаджи-Мурат (конец 1790-х — 1852) — уроженец Хунзаха, молочный брат аварских ханов, наиб Шамиля, 23 ноября (5 декабря) 1851 г. Хаджи-Мурат бежал в Чечню и перешел на сторону русских, которые предполагали воспользоваться его популярностью среди горцев для привлечения их на свою сторону. Однако в апреле 1852 г. Хаджи-Мурат бежал от русских в горы и во время перестрелки был убит.

[12] А. И. Чернышев.

[13] Императору.

[14] Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — генералиссимус, полководец.

[15] В. О. Бебутов.

[16] В Даргинском походе погибли три генерала: Д. В. Пассек, Е. А. Викторов и генерал-майор Борис Борисович Фок (ок. 1796–1845). В 1843 г. Фок вышел в отставку, но в феврале 1845 г. вернулся на военную службу к М. С. Воронцову для особых поручений. Убит 6 июля (РГВИА Ф. 395. Оп. 151. Д. 540. Послужной список 1845 г.).

[17] Об этом эпизоде пишет Н. П. Беклемишев, датируя его 15 июля (*Беклемишев Н. П.* Поход графа Воронцова в Дарго и «Сухарная экспедиция» в 1845 г. // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 545).

[18] Речь идет о Викторе.

[19] Клавдий и Север.

[20] Согласно манифесту 11 июня 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою» права потомственного дворянства предоставлялись только лицам, получившим в действительной военной службе штаб-офицерский чин (ПСЗ II. Т. XX. № 19086).

[21] Согласно «Установлению о российских орденах» 1797 г. кавалером ордена мог быть только дворянин и получение ордена было связано с одновременным получением дворянства. Однако с целью ограничения пополнения рядов дворянства с июля 1845 г. награждение низшими степенями ордена Св. Станислава было прекращено, а награждение тремя низшими степенями ордена Св. Анны стало давать лишь права личного дворянства. Таким образом, учитывая иерархию российских орденов, получение потомственного дворянства обеспечивал как минимум лишь орден Св. Владимира 4-й степени (*Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 339, 348).

Н. Н. Муравьеву, 8 октября 1845

[1] Клавдий и Север.

Н. Н. Муравьеву, 10 октября 1845

[1] Лермонтов Михаил Николаевич (1792–1866) — гардемарином участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 гг, в 1809 г. окончил Морской корпус с производством в чин мичмана, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, русско-турецкой войны 1828–1829 гг.; в 1831 г. — капитан 1-го ранга; с 1832 г. — вице-директор Инспекторского департамента Главного морского штаба, с 1837 г. — контр-адмирал, с 1848 г. — командир Свеаборгского порта и военный губернатор, с 1860 г. — в отставке в чине адмирала.

[2] План экспедиции в резиденцию Шамиля Дарго был разработан в Петербурге и фактически навязан Воронцову Николаем I.

[3] То есть 5-го пехотного корпуса.

[4] Константин Николаевич (1827–1892) — великий князь, сын Николая I, с 1831 г. — генерал-адмирал, с 1855 по 1862 г. управлял Морским ведомством, один из крупнейших деятелей Великих реформ; с 1865 по 1881 г. — председатель Государственного совета.

[5] Лутковский Феопемет Степанович (1803–1852) — в 1821–1824 гг. в чине мичмана принял участие во втором своем кругосветном плавании. После восстания 14 декабря 1825 г. был арестован, но вскоре освобожден, служил на Черном море. В 1828–1829 гг. — участник русско-турецкой войны, составил описание турецкого и египетского флотов. В 1831 г. назначен офицером для особых поручений при вице-адмирале М. Н. Васильеве, а с 1839 г. — исполняющий обязанности начальника штаба при генерал-адмирале, великом князе Константине Николаевиче (он также был его наставником и воспитателем в течение многих лет). В 1839–1844 гг. Лутковский сопровождал его в плавании по Балтийскому морю. В 1844 г. на корабле «Ингерманланд» он перешел вместе с великим князем Константином Николаевичем из Архангельска в Кронштадт, а в 1845–1846 гг. плавал с ним в Черном и Средиземном морях. В 1848 г. Лутковский был назначен вице-директором Инспекторского департамента Морского министерства, в 1849 г. произведен в контр-адмиралы и зачислен в свиту императора.

[6] Литке Федор Петрович (1797–1882) — граф (с 1866 г.), русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, адмирал с 1855 г., президент Академии наук в 1864–1882 гг.

[7] Набоков Иван Александрович (1787–1852) — участник наполеоновских войн, с 1826 г. — генерал-лейтенант, с 1833 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1835 г. — генерал от инфантерии, с 1848 г. — член Военного совета, с 1849 г. — комендант Петропавловской крепости и командующий войсками в Петербурге.

[8] Вольф Николай Иванович (1811–1881) — участник Кавказской войны. В 1844 г. Вольф был послан с особым поручением от императора Николая I на Кавказ и остался там в распоряжении генерала Нейдгардта, в том же году принял участие в экспедиции в Чечню и назначен флигель-адъютантом к императору. В 1845 г. принял участие в Даргинской экспедиции и за боевые отличия произведен в 1847 г. в генерал-майоры. В 1846 г. назначен обер-квартирмейстером штаба Отдельного Кавказского корпуса; в 1852 г. за беспорочную выслугу 25 лет награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1854 г. Вольф по состоянию здоровья вышел в отставку; в 1856 г. вновь определился на службу, был назначен в Военный совет и произведен в чин генерал-лейтенанта.

[9] Вревский Павел Александрович (1809–1855) — барон, в 1830-х гг. — адъютант военного министра А. И. Чернышева, в 1845 г. — полковник, флигель-адъютант, начальник 1-го отделения канцелярии Военного министерства; позднее генерал-лейтенант, генерал-адъютант, директор канцелярии Военного министерства.

[10] Пароход «Дарго» был построен в Англии в 1846 г. для Новороссийской пароходной экспедиции. Прибыл из Англии в Одессу 15 марта 1846 г. Курсировал от Одессы до Николаева.

[11] По заказу Новороссийской пароходной экспедиции на судоверфи «B. Wallis & Cº» в Блэкуэлле в Англии был построен колесный товарно-пассажирский пароход «Андия». Порт его приписки — Одесса. В 1848 г. пароход начал работать на линии Одесса — Керчь, с заходом в Севастополь, Ялту и Феодосию; в 1849 г. пароход курсировал по линии Одесса — Николаев.

С. Н. Ермолову, 10 ноября 1845

[1] Ховен Отто Герман Кристофер (Христофор Христофорович) (1795–1890) — барон, генерал от инфантерии (с 1869 г.), сенатор, с 1833 г. — обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса, в 1838–1841 гг. — начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса, в 1841–1846 гг. — воронежский губернатор, в 1846–1848 гг. — новгородский губернатор, в 1848–1854 гг. — гродненский военный и гражданский губернатор.

[2] После трагических событий Даргинского похода кавказское командование вернулось к тактике рубки леса, введенной А. П. Ермоловым в бытность его командующим Отдельным Кавказским корпусом.

[3] Ермолов имеет в виду газету «Закавказский Вестник», которая издавалась в Тифлисе с 1837-го по 1855 г. С 1856 г. она слилась с газетой «Кавказ» и стала выходить при ней в виде официального приложения. С 1837-го по 1844 г. «Закавказский вестник» имел один официальный отдел, а с 1845 г. выходил неофициальный, редактором его был Петр Игнатьевич Иоселиани (1810–1875), ученый и исследователь истории Грузии.

Н. Н. Муравьеву, не ранее 10 ноября 1845

[1] В Елецком уезде Орловской губернии у Ермолова было 125 душ в селе Власово, 30 душ в сельце Набережное Ливенского уезда и 13 душ на хуторе Петровский, всего площадью 1134 десятины. Имение продано в 1846 г.

[2] Смирнов Николай Михайлович (1807–1870) — дипломат, в 1845–1851 гг. — калужский губернатор, двоюродный брат Николая Воейкова, бывшего адъютанта А. П. Ермолова.

[3] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[4] Викинский Иван Михайлович (1790 — не ранее 1870) — генерал-лейтенант с 1843 г. Участник Отечественной войны 1812 г., Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн.

[5] Польский орден Белого Орла вместе с орденом Св. Станислава был включен в состав российских орденов в 1831 г.

М. С. Воронцову, 24–26 ноября 1845

[1] Александр Николаевич (1818–1881) — великий князь, будущий российский император Александр II (с 1855 г.).

[2] Мария Георгиевна — грузинская царица, жена Георгия XII.

[3] Мария Кациевна (1773–1854) — жена имеретинского царя Соломона II.

[4] Царевич Илия (Грузинский) (1790–1854) — пятый ребенок в семье царя Картли и Кахети Георгия XII Ираклиевича, который скончался в 1800 г. В 1801 г. Российская империя присоединила Восточную Грузию и ликвидировала грузинский царский дом. Царская семья Багратионов подлежала высылке из Грузии в глубь России. В 1803 г. царевич Илья стал свидетелем убийства русского генерала Ивана Лазарева, которое совершила его мать, вдовствующая царица Мариам Георгиевна, отказывавшаяся выезжать в Россию. Мариам и ее дети были депортированы в Россию. Сама царица была заключена в женский монастырь, а царевич Илья Георгиевич был принят в Пажеский корпус. Князь Илья Багратиони, известный в России как царевич Илья Георгиевич, в 1812 г. в чине подпоручика в лейб-гвардии егерском полку участвовал в войне с наполеоновской Францией, сражался под Смоленском, отличился в Бородинской битве. В 1823 г. был переведен в Измайловский лейб-гвардии полк и получил чин полковника. В том же году вышел в отставку, жил в Москве. В 1832 г. привлекался к допросу по делу заговора против российской власти в Грузии, но до суда не дошел и наказания избежал. Илья Грузинский проявлял интерес к литературе. В 1844 г. он перевел с французского на грузинский язык переписку Лейбница и Кларка.

[5] Совет Главного управления Закавказского края был учрежден указом от 19 февраля 1838 г. (ПСЗ-II. № 10991 от 19 февраля 1838. Т. XIII. СПб., 1839. С. 123–127).

[6] А. Г. Розен.

А. Я. Булгакову, 26 ноября 1845

[1] Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863) — чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе (1809–1832 гг.), московский почтовый директор (1832–1856 гг.).

[2] «Journal des Débats» — французская газета, основанная в 1789 г.

[3] Иностранная пресса в России подвергалась цензуре. Цензура газет осуществлялась при почтовом департаменте. В случае, если, по мнению цензоров, издание содержало вредную с политической точки зрения информацию, то номер подписчикам не доставлялся. Однако в высших кругах столиц существовала распространенная практика тайного чтения запрещенных изданий, которые передавали своим знакомым часто сами чиновники, контролировавшие их распространение. Именно с такой просьбой о предоставлении не прошедших цензуру номеров газеты и обращается к Булгакову Ермолов.

М. С. Воронцову, 3 декабря 1845

[1] Речь идет о Викторе.

[2] Клавдий и Север.

М. С. Воронцову, 24 декабря 1845

[1] В 1837 г. для разработки положения о гражданском управлении в Закавказском крае была создана комиссия под председательством сенатора П. В. Гана. Первоначальный проект был внесен в Комитет по устройству Закавказского края, но не был окончательно утвержден. В январе 1840 г. для выработки нового проекта была создана комиссия, куда наряду с Ганом вошли М. П. Позен и Е. А. Головин. 10 апреля 1840 г. проект «Учреждения для управления Закавказским краем» был утвержден и введен в действие. Помимо собственно Закавказья действие учреждения распространялось и на большую часть Дагестана. В ходе этой реформы была предпринята попытка ввести на Кавказе гражданское управление, идентичное управлению российских губерний, а гражданское судопроизводство подчинялось общему русскому

порядку, что коренным образом противоречило обычаям местного населения. По словам М. А. Корфа, «многое в деле оказалось не соответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении; другое, противное нравам и навыкам жителей, возбудило ропот, недоразумения, вящие неустройства, <…> определенные после преобразования чиновники выказались по большей мере или неспособными или безнравственными; народу, лишенному прежней быстрой азиатской расправы, опутанному неизвестными и чуждыми ему формами, подверженному новым притеснениям, стало еще хуже и тяжелее, чем когда-либо…» (ПСЗ-II. № 13368 от 10 апреля 1840. Т. XV. СПб., 1841. С. 237–261; *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 330).

[2] В 1837 г. во время работы комиссии Гана Закавказье посетил император Николай I. Ган доложил царю, что «считает долгом раскрыть разные местные неустройства и злоупотребления, дошедшие до него при исполнении его поручения», но просил, чтобы «дозволено ему было представить эти обвинения непременно в личном присутствии барона Розена». Император согласился, однако Розен не мог дать внятных объяснений по претензиям Гана и в результате был смещен со своего поста. Одним из главных было обвинение в злоупотреблениях зятя Розена — мужа его дочери флигель-адъютанта командира Эриванского полка полковника Александра Левановича Дадиани (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 323).

Н. Н. Муравьеву, 10 января 1846

[1] Видимо, чиновник, установить не удалось.

[2] Видимо, Апухтин Андрей Петрович — участник Отечественной войны 1812 г., обедневший и рано овдовевший; возможно, поэтому Алексей Петрович считал возможным «отступиться» от части своих имущественных прав.

[3] Коцебу Павел Евстафьевич (1801–1884) — граф, генерал от инфантерии (с 1859 г.), генерал-адъютант (с 1847 г.), в 1837–1843 гг. и в 1846–1853 гг. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, с 1863 г. — член Государственного совета, в 1862–1874 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1874–1880 гг. — варшавский генерал-губернатор.

М. С. Воронцову, февраль 1846

[1] Имеется в виду письмо Воронцова от 2–18 января 1846 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 175–183).

[2] Одним из важных элементов программы Е. А. Головина наряду с прокладкой дорог было устройство укреплений, которые должны были стать центрами российского влияния не только в военном, но и в экономическом и культурном отношениях. В конце мая 1839 г. Самурский отряд выступил из селения Хазры и двинулся вверх по Самуру. Разбив горцев 31 мая на Аджиахурских высотах, 5 июня российские войска взяли селение Ахты и основали неподалеку укрепление, которое должно было стать началом новой Самурской линии. Эта линия открывала возможность сообщения с Елисуйским владением через Рутул и отделяла мусульманские провинции от лезгинских племен Дагестана (Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1996. [Т. II.] С. 52; Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV. Кн. 2. *Дубровин Н. Ф.* Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II. 1825–1864. СПб., 1896. С. 121–123).

[3] В ходе работы над реформой управления Закавказским краем Ган пришел к выводу, что в Грузии крепостного права исторически никогда не существовало и что поэтому грузинским крестьянам следует придать такой же статус, как и крестьянам Остзейских губерний. Это вызвало сопротивление грузинского дворянства, которое отправило в Петербург делегацию с резкими возражениями против позиции Гана. Для

разбора последствий неудачных реформ Гана в 1842 г. в Грузию был послан военный министр А. И. Чернышев (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII; *Иваненко В. Н.* Гражданское управление Закавказьем. Исторический очерк. Тифлис, 1901. С. 298).

[4] Речь идет об эпизоде Даргинской экспедиции 1845 г.: «Сражение началось утром 14 июня. По плану главнокомандующего силы основного отряда должны были вступить в Андию и завладеть аулами Гогатль и Анди, в которых еще находилась часть неприятельских отрядов. Заняв выгодную позицию, горцы, численностью до 6000 человек, обстреливали с высот все низменное пространство из трех орудий. В течение всего дня шло сражение за селение Анди и пространство до селения Гогатль, в результате упорных боев Чеченский отряд к ночи занял местность у селения Анди, а Дагестанский — у селения Гогатль. В этот день отряд Воронцова потерял убитыми 6 человек. В этом сражении среди других получили ранения командир батальона Кабардинского полка А. И. Барятинский и штабс-капитан О. В. фон Нейман» (*Лисицына Г. Г.* Даргинская экспедиция 1845 года в мемуарах современников // Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 12).

[5] Подкрепления, полученные русскими в 1844 г., дали возможность начать более активные военные действия в Чечне и Дагестане. В мае была совершена экспедиция в Малую Чечню, а 10 июня чеченский отряд из Внезапной отправился в Дагестан. Он двигался через Болтугай, Зурамакент в Салатавию по маршруту, известному русским со времени экспедиции в Ахульго в 1839 г. На Хубарских высотах русские обнаружили позицию Шамиля. Для того чтобы отрезать Шамилю путь отступления в Гумбет и Андию, было решено захватить селения Бортунай и Гула. Однако в ночь на 16 июня этого сделано не было. Днем же колонна Клюке фон Клугенау должна была отрезать путь Шамилю на Бортунай и далее на Суук-Буллак, но действовала медленно и нерешительно. Медленно действовала и основная часть отряда, наступавшая через Теренгульский овраг. В результате Шамилю удалось отступить за Суук-Буллак (*Ольшевский М. Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 90–98).

[6] О ней см. прим. 4 к письму от 31 августа 1845 г. Оценивая действия Клюке фон Клугенау в письме к Ермолову от 2–18 января 1846 г., Воронцов отмечал: «Тебе кажется, что, по внушениям Головина, я не отдал справедливости генералу Клюке и ни к чему его не представил, а слишком выставил Аргутинского. Но Клюке был представлен мною к шпаге с алмазами, получил оную и очень ею доволен, ибо сам чувствовал, что большего права на награду не имеет. Я его не виню за сухарную экспедицию, <…> которая нам так дорого стоила, хотя, может быть, и тут распоряжения могли быть лучше». Отмечая личную храбрость Клюке фон Клугенау, Воронцов считал, что «его военное поприще должно считаться конченым; храбрость осталась, но решительность на какую-нибудь ответственность, ежели и когда-нибудь была, то теперь уже вовсе нет. Я это имел случай видеть на деле 14 июня под Андиею, где он хотел, — продолжает Воронцов, — удержать кабардинцев от атаки на Шамиля и не умел их поддержать, а в Бортунае я видел лично то место, с которого он в 44 году <…>, видя бегущего, так сказать, под его ногами неприятеля, спустился было сперва на него с четырьмя батальонами и потом, по слуху, будто его обходят (чего не было и быть не могло), возвратился опять на гору и дал Шамилю уйти из такого положения, в котором, как Шамиль сам говорит, мы его уже никогда не застанем. От самого простого и неопасного движения тогда со стороны Клюке зависело, может быть, кончить войну одним ударом… Клюке напуган событиями 1843 года…» (РА. 1890. Кн. 1. С. 177).

[7] Шварц Григорий Ефимович (1791 — не ранее 1850) — с 1844 г. — генерал-лейтенант, начальник Джаро-Белоканского военного округа и Лезгинской кордонной линии, в 1845 г. командовал Лезгинским отрядом; в 1847 г. за жестокое обращение с солдатами отдан под суд, в 1850 г. исключен из службы без права въезда в столицы.

[8] Воронцов считал, что если не произвести Аргутинского-Долгорукова в генерал-лейтенанты, то он будет обижен и оставит службу, поскольку за Даргинскую экспедицию произведен в генерал-лейтенанты Фрейтаг, который младше Аргутинского по старшинству (РА. 1890. Кн. 1. С. 178).

[9] Речь идет об экспедиции, предпринятой в Чечню в августе-сентябре 1832 г., которую возглавляли вновь назначенный командир Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розен и командующий войсками на Кавказской линии А. А. Вельяминов. К этому времени восстание горцев в Чечне и Дагестане, вспыхнувшее в 1831 г., стало выдыхаться, попытки втянуть в общее движение Кабарду и Западный Кавказ потерпели неудачу, и русские власти перешли к ответным действиям. Целью похода было также разорение Дарго, которое стало одной из резиденций Кази-Муллы. С 7-го по 11 сентября были заняты Белгатой, а затем Дарго и Беной (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 294–300; *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 260–269).

[10] Ермолов ошибается. Упомянутое им происшествие случилось 19 августа 1832 г., то есть уже в ходе экспедиции Розена — Вельяминова. Кази-Мулла с партией горцев появился в виду станицы Червленой, командир Гребенского полка полковник Волжинский (Волженский) выступил им навстречу, чеченцы завлекли казаков в лес, окружили, разбили, а два орудия увезли в селение Беной (*Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 258–259).

[11] Бутырский пехотный полк был на Кавказе в составе 14-й пехотной дивизии с 1827-го по конец 1832 г. В походе 1832 г. участвовали и два батальона этого полка (*Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск. Ч. 1. Тифлис, 1896. С. 208; *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания о Кавказе и Грузии // Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 238, 259).

[12] Кази-Мулла (Гази-Мухаммад) (1795–1832) — первый имам Чечни и Дагестана с 1829 г.

[13] У военного министра Чернышева и Граббе были плохие отношения еще со времен Заграничных походов. Декабрист А. М. Муравьев вспоминал об эпизоде, произошедшем во время следствия по делу декабристов. Граббе проходил по нему как подозреваемый, а Чернышев был членом следственного комитета. «Полковник Граббе, — писал Муравьев, — известный благородством своего характера, весьма заслуженный офицер, при допросе его Чернышевым не признал за ним права судить, заявив, что во время кампании 1814 года он тщетно настаивал на присоединении Чернышева с отрядом <…> к нему во время дела его с неприятелем и что Чернышев, не пожелавший разделить опасности сражения, был им, Граббе, оскорблен грубыми словами» (*Муравьев А. М.* Мой журнал // *Муравьев А. М.* Записки и письма / Изд. подг. Г. Г. Лисицыной и Э. Н. Филипповой. Иркутск, 1999. С. 99).

[14] П. Х. Граббе от второго брака имел семерых детей: четверо сыновей и три дочери; 7 марта 1846 г. Граббе получил майорат Кракополь в Августовской губернии Царства Польского с доходом в 2250 руб. серебром в год (*Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 231).

[15] Засс Григорий Христофорович (1797–1883) — барон, с 1835 г. — командующий войсками Кубанской линии, в 1840–1842 гг. — начальник правого фланга Кавказской линии; известен своими кровавыми экспедициями против горцев, с 1864 г. — генерал от кавалерии.

[16] В. О. Гурко.

[17] Бельгард Валериан Александрович (1810–1897) — в 1845 г. — подполковник, командующий Прагским пехотным полком (с 1844 г.); за участие в Даргинском походе

произведен в полковники; в 1845–1849 гг. — командир Кубанского егерского полка, затем командовал несколькими бригадами и дивизиями, с 1871 г. — генерал от инфантерии, с 1872 г. — член Александровского комитета о раненых.

[18] Рубку леса обычно проводили зимой. С 4-го по 24 декабря экспедиционный отряд Фрейтага рубил большую просеку через Гойтинский лес, один из самых густых в Малой Чечне. Просека соединила реку Гойту с Урус-Мартаном, открыв дорогу в Малую Чечню. А с 18-го по 29 января 1846 г. отряды Фрейтага и Нестерова прорубили просеку в Гехинском лесу, соединив таким образом реку Гехи с Валериком (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 475).

[19] Воздвиженская была построена в 1844 г. на левом фланге Кавказской линии на берегу реки Аргун.

[20] Набеги кабардинцев и закубанцев заставили Ермолова направить в Кабарду отряд войск под командованием полковника Коцарева, который двигался от одного селения к другому и угрожал непокорным репрессиями. Жители многих селений ушли в горы. Ермолов потребовал, чтобы кабардинские владельцы явились к российским войскам, гарантировав невиновным сохранение собственности и власти над подданными. Тех же владельцев, которые не изъявят покорности, «будучи замешаны в злодействах», Ермолов грозил изгнать из Кабарды, а их подданным предоставить свободу. Все более или менее подозрительные аулы Ермолов потребовал переселить с гор на плоскость или ближе к Кавказской линии. В итоге по требованию Коцарева 14 кабардинских аулов в 1822 г. вышли из гор и поселились на левом берегу Терека, по рекам Урух, Черная, Кахун, Баксан и др. Не согласившиеся на переселение попросили разрешения остаться в горах, а в случае отказа грозили усилить набеги. В ответ на это Ермолов сам прибыл в Кабарду и организовал несколько карательных экспедиций, а укрепленная линия была перенесена с Терека в глубь Кабарды (*Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 478–486).

[21] Внезапная была построена в 1819 г. на левом фланге Кавказской линии близ селения Эндери и господствовала на Кумыкской плоскости.

[22] П. Е. Коцебу.

[23] Н. И. Вольф.

[24] Безак Николай Павлович (1804–1879) — тайный советник (с 1866 г.), в 1838–1842 гг. — председатель имеретинской казенной палаты; в 1842–1846 гг. — член Совета Главного управления Закавказского края, в 1846–1854 гг. — член Совета министра внутренних дел, в 1856–1860 гг. состоял при канцелярии Военного министерства, с 1861 г. — мировой посредник Шлиссельбургского уезда Петербургской губернии.

[25] П. А. Ладинский.

[26] Е. К. Воронцова.

[27] Козлянинов Григорий Федорович (1793–1851) — участник наполеоновских войн 1812–1814 гг., русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг., с 1833 г. — генерал-майор, в 1834 г. назначен начальником артиллерии в Отдельный Кавказский корпус, в 1842 г. произведен в генерал-лейтенанты.

[28] П. И. Петров.

М. С. Воронцову, 13 апреля 1846

[1] Козловский Николай Владимирович — князь, в 1845 г. — капитан лейб-гвардии Драгунского полка, состоял по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом.

[2] Золотарев Иван Федорович (1812–1882) — чиновник канцелярии новороссийского и бессарабского генерал-губернаторства, в 1845 г. переведен на Кавказ, в 1846 г. — титулярный советник, столоначальник гражданской канцелярии наместника. В 1847–1849 гг. — коллежский асессор, старший чиновник по секретной части;

в 1850 г. — надворный советник, старший чиновник по особым поручениям при наместнике; в 1851 г. — коллежский советник, позднее — статский советник.

[3] Инсуррекция — вооруженное восстание подданных против своего правительства, направленное к ниспровержению существующего государственного порядка. В данном случае речь идет о польском восстании 1830–1831 гг.

[4] Крейц Киприан Антонович (1777–1850) — граф, генерал от кавалерии (с 1831 г.), состоял на службе польского короля Станислава-Августа Понятовского. Когда король отрекся от престола, Крейц последовал за ним в Россию, а после смерти Понятовского в 1801 г. был зачислен в гусарский полк графа Зубова полковником. Участвовал в войнах с Францией в 1805-м и 1806–1807 гг. По возвращению в Россию Крейц командовал 1-й уланской, 3-й драгунской и 2-й гусарской дивизиями и в 1824 г. был произведен в генерал-лейтенанты. В 1827 г. Крейц по здоровью был уволен от службы, но в 1828 г., с началом турецкой войны, был назначен начальником 4-й уланской дивизии в корпусе генерала Рота. В кампанию 1829 г. Крейц во главе отдельного отряда взял Разград, Рущук и Силистрию. После заключения мира Крейц командовал 5-м резервным кавалерийским корпусом, с которым и принял участие в усмирении польского мятежа 1831 г. В конце мая 1831 г. он был назначен командиром 2-го пехотного корпуса и послан в Литву. Рассеяв здесь отряды Гелгуда, Хлоповского и Дембинского, Крейц присоединился с корпусом к главным силам и принял участие в штурме Варшавы, затем блокировал Модлин и рассеял отряд Рыбинского, завершил усмирение мятежа. В 1845 г. был назначен шефом Сибирского уланского полка.

[5] Испанский город Сарагоса прославился во время Испанской войны за независимость героической обороной против французов, осаждавших его с 1808-го по 1809 г., когда погибло около 50 тысяч защитников города.

[6] Копьев Юрий Алексеевич — полковник, флигель-адъютант, командир Грузинского гренадерского полка, в 1846 г. по ложному обвинению в жестоком обращении с солдатами и в поставке недоброкачественного провианта в полк был отрешен от командования, лишен звания флигель-адъютанта и предан военному суду, однако оправдан; позднее генерал. (См. подробнее: *Фелькнер А. И.* Дело флигель-адъютанта Копьева//Русская старина. 1873. Т. 7. С. 533–546; *Толстой В. С.* О деле флигель-адъютанта полковника Копьева//Русский архив. 1873. Кн. 2. Стлб. 1754–1762.)

[7] Дадиани Александр Леонович (1801–1865 (?)) — князь, участник русско-персидской, русско-турецкой и Кавказской войн. К 1829 г. получил чин полковника, был назначен командиром Эриванского карабинерного полка. Зять Г. В. Розена. В 1837 г. за злоупотребления по службе лишен чинов, орденов, княжеского и дворянского достоинств. Все это возвращено ему при вступлении на престол Александра II в день его коронации в 1856 г.

[8] Кучин Василий Александрович — унтер-офицер Апшеронского пехотного полка, сын Кучина Александра Ивановича. В 1845 г. был убит командир Апшеронского полка П. Д. Пассек, который, видимо, покровительствовал молодому Кучину. Кучины и Пассеки были родственниками. Жена Вадима Васильевича Пассека (брата генерала Д. В. Пассека) — Татьяна Петровна Пассек, писательница и тетка А. И. Герцена, была урожденная Кучина.

[9] Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892) — дочь Николая I, 1 июля 1846 г. сочеталась браком с вюртембергским принцем Карлом-Фридрихом-Александром, позднее вюртембергским королем Карлом I.

[10] Г. И. Эристов 7 апреля 1846 г. был произведен в генералы от инфантерии, что и возмутило А. П. Ермолова. Эристов был человек с неуравновешенной психикой. Н. Н. Муравьев рассказывал о нем в своих записках: «Князь Эристов старик, осетин или грузин, дослужился, однако, до генеральского чина. Человек сей отменно добр и честен, но столько же глуп и бестолков; он, говорят, был прежде храбр. Года три

тому назад он сходил с ума и теперь еще не совсем поправился от сей болезни, пущается охотно в разговоры о духах, бесах и философии, не читав от роду никакой книги, так, что трудно иногда удержаться от смеха при разговорах его» (РА. 1888. № 9. С. 45).

М. С. Воронцову, 15 апреля 1846

[1] Беклешов Александр Андреевич (1743–1808) — генерал от инфантерии с 1797 г., при Екатерине II был (с 1789 г.) генерал-губернатором Орловского и Курского наместничества, занимал дважды должность генерал-прокурора (1799–1800 и 1801–1802 гг.), в 1804–1806 гг. был московским военным губернатором и главноначальствующим в Москве и Московской губернии по гражданской части.

[2] Молчанов Петр Степанович (1770–1831) — с 1806 г. — действительный статский советник, с 1805 г. — обер-прокурор, с 1807 г. — статс-секретарь у принятия прошений, в 1808–1815 гг. — управляющий делами Комитета министров, с 1810 г. — тайный советник, с 1812 г. — сенатор, в 1815 г. отдан под суд и вынужден был оставить службу, в 1780–1790-х гг. сотрудничал в ряде журналов, писал стихи и прозу.

М. С. Воронцову, 7 мая 1846

[1] Орлов Николай Михайлович (1821–1886) — сын М. Ф. Орлова, закончил историко-филологический факультет Московского университета. Входил в «мыслящий студенческий кружок». Был дружен с Я. П. Полонским, А. А. Григорьевым, А. А. Фетом. Воевал на Кавказе. Депутат дворянства Петергофского уезда, уездный предводитель дворянства.

[2] Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — участник наполеоновских войн, генерал-майор с 1814 г., декабрист; благодаря заступничеству брата А. Ф. Орлова не понес сурового наказания, но был отставлен от службы с предписанием не определять на службу вновь. Был женат на дочери генерала Н. Н. Раевского Екатерине Николаевне Раевской (1797–1885).

В. О. Бебутову, 8 мая 1846

[1] Речь идет о сыновьях Ермолова.

[2] Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (около 234–183 до Р. Х.) — римский полководец и государственный деятель, успешно завершивший вторую пуническую войну против Карфагена.

[3] Ермолов Север Алексеевич (1824–1894) — второй сын от Тотай Акай-Кызы. Родился в Тифлисе, мусульманское имя Аллах-яр, так же как и брат, был вывезен отцом в Россию, в 1847 г. окончил Михайловское артиллерийское училище, служил на Кавказе, в Дагестане, дослужился до чина гвардии полковника.

А. Я. Булгакову, 8 мая 1846

[1] После неудачной Даргинской экспедиции 1845 г. Шамиль активизировал свои действия и в апреле 1846 г. предпринял наступательное движение в Кабарду, надеясь распространить свое влияние на Центральный и Западный Кавказ. Однако решительные действия русских войск под командованием генерала Р. К. Фрейтага сорвали этот план. В такой ситуации и население Кабарды не оказало массовой поддержки Шамилю. Получив известие о вторжении Шамиля, Воронцов срочно отправился во Владикавказ. См. также следующее письмо к М. С. Воронцову и прим. 4 к нему.

М. С. Воронцову, 13 мая 1846

[1] Дрейер Николай Николаевич — служил старшим адъютантом в штабе 6-го пехотного корпуса, с 1846 г. — капитан генерального штаба при Отдельном Кавказском

корпусе, в 1849–1850 гг. — подполковник, с 1851 г. — квартирмейстер Кавказской резервной гренадерской бригады; участник Крымской войны.

[2] А. Я. Булгаков.

[3] Это известие было получено от А. Я. Булгакова, вероятно, 7 мая 1846 г., поскольку Ермолов благодарил за него Александра Яковлевича в письме от 8 мая (ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 81. Д. 55. Л. 5–5 об). В 1840-е гг. переписка Воронцова с Ермоловым, очевидно по цензурным соображениям, осуществлялась непосредственно через Булгакова. В письме от 26 ноября 1845 г. Ермолов прямо писал об этом Булгакову.

[4] Речь идет о походе Шамиля в Кабарду 12–27 апреля 1846 г. Из-за плохой осведомленности о передвижениях имама русские войска под командованием Фрейтага в первые дни не смогли предпринять эффективных мер. 18 апреля у аула Эльхотово Фрейтаг наткнулся на Шамиля. Шамиль перешел на левый берег Терека и занял позицию у селения Минарет. Находившийся там отряд отошел в Урухскую, а отправленный Фрейтагом на левый берег командовавший Куринским полком П. П. Меллер-Закомельский не стал атаковать горцев. 19 апреля Шамиль двинулся на запад, прошел по Кабарде и, не встретив поддержки местного населения, 26 апреля вернулся в Минарет. Однако Меллер-Закомельский вновь избежал боя и лишь преследовал переправившихся через Терек горцев. 27 апреля Шамиль подошел к укреплению Казах-Кечу, переправился через Сунжу и ушел в Чечню. Немногочисленный гарнизон укрепления не смог ему помешать при переправе (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 475–479).

Н. Н. Муравьеву, 14 мая 1846

[1] Долгоруков Григорий Алексеевич (1811–1853) — князь, свояк Н. Н. Муравьева. Участник штурма Варшавы в 1831 г. и кавказских экспедиций против горцев в 1834–1835 гг., подполковник генерального штаба, вышел в отставку в 1839 г.

[2] В. О. Гурко в 1845 г. был назначен начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса.

[3] В конце 1845 г. Николай I навещал в Палермо больную императрицу Александру Федоровну.

[4] Бекович-Черкасский Ефим Александрович (Асланбек Каспулатович) (1794–1869) — кабардинский князь. Третий сын полковника, князя Александра (Каспулата Эльмурзовича) Бековича-Черкасского. Младший брат генерал-майора, князя Федора Александровича Бековича-Черкасского, с которым его и сравнивает А. П. Ермолов. Участвовал в российском посольстве в Персию в 1817 г., в русско-персидской войне (1826–1828 гг.), в чине капитана в 1829–1834 гг. был приставом Малой Кабарды.

[5] Речь идет о броде у селения Минарет.

[6] Левкович Александр Иванович — полковник Тенгинского пехотного полка (КК на 1846 год. Тифлис, 1845. С. 204).

[7] Нестеров Петр Петрович (ок. 1805–1854) — генерал-майор (с 1845 г.), в 1842–1846 гг. — комендант крепости Владикавказ; позднее — генерал-лейтенант (с 1850 г.), в 1846–1848 гг. — начальник Владикавказского военного округа, в 1848–1850 гг. — командующий 20-й пехотной дивизией и начальник левого фланга Кавказской линии.

[8] Меллер-Закомельский Петр Петрович (ок. 1804–1869) — барон, в 1846 г. — подполковник, командир Куринского егерского полка, с 1848 г. — генерал-майор, в 1852–1853 гг. — командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии, с 1853 г. в отставке.

[9] В XVII в. Кабарда разделилась на Большую и Малую. Большая Кабарда располагалась по левым притокам Терека, а Малая — по правым, к востоку от Терека.

[10] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[11] Имеются в виду репрессии в виде ссылки в Сибирь против участников польского освободительного движения.

Н. Н. Муравьеву, [после 14] мая 1846

[1] Почтенов Василий Иванович — коллежский асессор, секретарь гражданской палаты Воронежской губернии.

[2] Трубецкой Петр Иванович (1798–1871) — князь, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., с 1833 г. — генерал-майор, в 1837–1841 гг. — смоленский военный губернатор, в 1841–1849 гг. — орловский военный и гражданский губернатор, с 1849 г. — сенатор, с 1866 г. — генерал от кавалерии.

[3] С. Н. Ермолов.

[4] Гежелинская Мария Григорьевна, в замужестве Ермолова (1825–1905). Ее отец, Гежелинский Григорий Федорович — статский советник, в 1815–1820 гг. — вице-губернатор Харьковской губернии. Мать Марии Григорьевны — Мария Владимировна Гежелинская, урожденная княжна Яшвиль (1803–1892).

[5] Черекское ущелье находится на территории современной Кабардино-Балкарии, на высоте 1600 метров над уровнем моря, в 50 километрах от г. Нальчика.

[6] В. С. Голицын.

[7] П. П. Меллер-Закомельский.

[8] Гасфорт (Гасфорд) Густав Христианович (1794–1874) — генерал-лейтенант (с 1840 г.), с 1840 г. командовал 15-й пехотной дивизией, с декабря 1844 г. по май 1845 г. — временный командующий левым флангом Кавказской линии; генерал от инфантерии (с 1853 г.), в 1851–1861 гг. — генерал-губернатор Западной Сибири и командир Отдельного Сибирского корпуса.

М. С. Воронцову, [не позднее 28] июня 1846

[1] С. Н. Ермолов.

[2] П. Н. Ермолов.

[3] Трафандилов — русифицированная греческая фамилия, появившаяся в России с потоком эмигрантов из Греции, захваченной турками. Здесь употребляется в ироничном значении, как необычная для русского слуха.

[4] Речь идет о письме Воронцова от 5–12 мая 1846 г., написанном в Нальчике и Внезапной. Наместник отмечал, что на Тереке Фрейтаг мог бы действовать 18 апреля решительнее, «но с одной стороны счел необходимым видеть Нестерова и обеспечить себя продовольствием, а с другой они оба были обмануты фальшивыми известиями, что вся Большая Кабарда взбунтовалась и соединяется с Шамилем у Минарета» (РА. 1890. Кн. 1. С. 185).

[5] Известно, что Шамиль пошел в Кабарду по приглашению некоторых князей, письменно обратившихся к нему. Среди них были Мухаммед-Мирза Анзоров, Мухаммед Кожохов, Мухаммед Тахтарев, Мухаммед Куденетов и эфенди Гаджи Берцов. Однако большая часть князей не поддержали имама. Партия Шамиля терпела нужду, поскольку жители не хотели давать ей продовольствия (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 476–477).

С. Н. Ермолову, 28 июня 1846

[1] 25 июня Николаю I исполнилось 50 лет, и в этот же день в Петергофе состоялось обручение великой княгини Ольги Николаевны и кронпринца королевства Вюртемберг Карла-Фридриха-Александра.

[2] Праздники по случаю бракосочетания великой княгини Ольги Николаевны. Венчание состоялось 1 июля 1846 г.

[3] Речь идет о поиске новой должности для Сергея Николаевича.

[4] Давыдов Лев Васильевич (1792–1848) — генерал-майор (с 1826 г.). В 1812 г. воевал в партизанском отряде своего брата Дениса Васильевича Давыдова. В 1843 и 1844 гг. он заведовал 1-м московским кадетским корпусом и состоял при главном начальнике военно-учебных заведений.

[5] Лицо не установлено.

[6] Сухозанет Николай Онуфриевич (1794–1871) — участник наполеоновских войн, с 1840 г. — генерал-лейтенант, с 1843 г. — начальник 6-й артиллерийской дивизии, с 1849 г. — начальник артиллерии Действующей армии, с 1852 г. — генерал от кавалерии, в 1856 г. — командующий Южной армией, в 1856–1861 гг. — военный министр, с 1856 г. — член Государственного совета. Сестра Марии Владимировны Гежелинской, Евдокия Владимировна, урожденная княжна Яшвиль, была замужем за Н. О. Сухозанетом.

[7] Скорее всего, Пражевский Николай Прокофьевич (1787–1849) — в 1828–1829 гг. — в чине действительного статского советника бессарабский губернатор.

С. Н. Ермолову, 10 июля 1846

[1] Муравьев Николай Николаевич (Амурский) (1809–1881) — генерал от инфантерии. В 1838–1844 гг. служил на Кавказе в составе Отдельного Кавказского корпуса, выйдя в отставку, позже перешел на гражданскую службу и в 1846 г. был определен на службу военным и гражданским губернатором Тульской губернии. С 1848 г. по 1861 г. — генерал-губернатор Восточной Сибири.

[2] А. В. Казадаев.

[3] Грессер Петр Александрович (1799–1865) — с 1843 г. — генерал-майор, с 1852 г. — генерал-лейтенант, директор Александровского кадетского корпуса.

[4] Корф Александр Иванович (1794–1855) — барон, офицер с 1812 г., с 1838 г. — генерал-майор, в 1844 г. командир 2-й бригады 2-й драгунской дивизии, с 1850 г. — генерал-лейтенант, в 1852 г. — начальник 1-й легкой кавалерийской дивизии.

[5] С. Н. Ермолов.

[6] Дараган Петр Михайлович (1800–1875) — окончил пажеский корпус, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг., с 1841 г. — командир гусарского великого князя Михаила Павловича полка, с 1843 г. — генерал-майор, в 1844–1846 гг. — командовал бригадами 3-й, а затем 7-й легкой кавалерийской дивизии, с 1850 г. — военный губернатор Тулы и тульский гражданский губернатор, с 1855 г. — генерал-лейтенант, с 1866 г. — в отставке.

[7] А. В. Казадаев.

[8] Гогель Иван Иванович (1806–1850) — сын Ивана Григорьевича Гогеля, офицер с 1823 г., с 1829 г. — адъютант великого князя Константина Павловича, с 1837 г. — начальник штаба 2-го пехотного корпуса, с 1843 г. — генерал-майор свиты его величества, с 1846 г. — помощник начальника главного штаба войск на Кавказе.

[9] Дюгамель Александр Осипович (1801–1880) — офицер с 1820 г., состоял при канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба, участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подавления польского восстания 1830–1831 гг. В 1838–1841 гг. — полномочный министр в Персии, с 1840 г. — генерал-майор, с 1849 г. — генерал-лейтенант, в 1861–1866 гг. — генерал-губернатор Западной Сибири, с 1866 г. — член Государственного совета.

[10] Лутковский Иван Сергеевич (1805–1888) — с 1846 г. — генерал-майор, в 1852–1856 гг. — директор артиллерийского департамента, позднее — генерал от артиллерии, с 1862 г. — член Военного совета.

М. С. Воронцову, 17 июля 1846

[1] Давыдов Василий Денисович (1822–1882) — сын Д. В. Давыдова, в 1847 г. — поручик гвардейской конной артиллерии, позднее генерал-майор.

М. С. Воронцову, 30 июля 1846

[1] Ермолов принимал у себя Дукай-Кадия по просьбе М. С. Воронцова, как человека, преданного российской власти. В письме от 15 мая 1846 г. он писал: «Любезный Алексей Петрович. Я сегодня отправил по почте длинное письмо к тебе, а теперь пишу два слова с едущим в Петербург одним из отличившихся здесь людей — Дукай-Кадий Ауховский. Сделай милость, будь к нему милостив. Он привык тебя уважать, как все здешнее народонаселение; он несколько раз показал отличную храбрость и совершенную к нам преданность. Прошлого года в деле у Анди он был со мною, когда я спешил к делу кн. Барятинского и по такой дороге в гору, что ни одна лошадь под бывшими со мною не могла подниматься, и мы с ним проехали почти вдвоем. Прощай, любезный Алексей Петрович. Дукай может много тебе рассказать про здешние дела. Преданный тебе М. Воронцов» (*Удовик В. А.* Воронцов. М., 2004. С. 316).

С. Н. Ермолову, [начало августа 1846]

[1] Г. Ф. Гежелинский.

М. С. Воронцову, 14 августа 1846

[1] Сафонов Степан Васильевич (1808–1862) — чиновник, исследователь южной России, окончил курс в Харьковском университете, до 1843 г. служил при М. С. Воронцове в Одессе, в 1843 г. в чине действительного статского советника причислен к Министерству внутренних дел, с 1845 г. — директор канцелярии наместника кавказского, в 1846 г. — командирован в Петербург по делу о преобразовании карантинно-таможенного управления, с 1851 г. — сенатор, тайный советник.

[2] Лицо не установлено.

М. С. Воронцову, 31 августа 1846

[1] П. П. Меллер-Закомельский.

[2] Ермолов имеет в виду события 26 апреля 1846 г. при селении Минарет.

[3] Е. А. Бекович-Черкасский.

[4] Об эфенди Шаратлуке М. С. Воронцов писал в письме к А. П. Ермолову от 5 мая 1846 г., в котором сообщает о вторжении имама Шамиля в Кабарду по призыву нескольких богатых кабардинцев. Когда русские войска рассеяли отряд Шамиля, они скрылись в лесах или ушли в Чечню. Главный кабардинский эфенди Шаратлук, хотя и был у Шамиля, но его не призывал и потом сам явился к князю Голицыну. В связи с этим эфенди был выслан на время в Россию (*Удовик В. А.* Воронцов. М., 2004. С. 312).

[5] Холодное оружие.

[6] Паскевич Федор Иванович (1823–1903) — светлейший князь Варшавский, сын И. Ф. Паскевича; в 1845 г. — капитан, флигель-адъютант, состоял при штабе Воронцова; позднее генерал-адъютант (с 1856 г.), генерал-лейтенант.

[7] Перовский Лев Алексеевич (1792–1856) — граф, выпускник Московского университета, в 1811 г. начал службу колонновожатым, принимал участие в битвах при Бородине, Малоярославце, Вязьме и Красном, в Заграничных походах 1813–1814 гг., в 1818–1823 гг. — обер-квартирмейстер 1-го резервного кавалеристского корпуса,

с 1826 г. служил в Департаменте уделов, в 1840 г. был назначен товарищем министра уделов, в 1841–1852 гг. — министр внутренних дел.

[8] Датировка начала внутреннего кризиса имамата историками неодинакова. Это и 1846–1847, и 1847–1848, и даже 1851–1852 гг. Кризис проявлялся как в противоречиях внутри верхушки имамата, так и в росте равнодушия населения к судьбам теократического государства Шамиля. Однако первые признаки этих явлений наметились уже в середине 1840-х гг. Введение шариата и регулярное налогообложение вызывали недовольство горских обществ. Так из-под власти Шамиля попытались выйти жители чеченского селения Чеберлой, в результате чего туда в 1843 г. была направлена карательная экспедиция. В 1843 г. произошли волнения и в Гидатле. Своеобразным видом репрессий было расположение в непокорных селениях Чечни на постой войск имамата, состоящих прежде всего из тавлинцев (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 455–460, 470).

[9] Речь идет о походе Ермолова на акушинское общество в 1819 г. См. также письмо М. С. Воронцову от 6 января 1820 г. и прим. 4 к нему.

[10] Ермолов имеет в виду знаменитых французских полководцев Анри де ла Тур д'Оверна виконта де Тюрени (1611–1675) и Клода Луи Эктора Виллара (1653–1734), одержавших ряд блестящих побед.

[11] Успехи Шамиля в 1841 г. привели к распространению волнений на южные области Дагестана, в т. ч. на Казыкумух, положение в котором усложнялось борьбой различных бекских групп после смерти Аслан-Хана. В этих условиях часть беков сообщили в марте 1842 г. Шамилю о намерении отложиться от России. В итоге в конце марта Шамиль занял Казыкумух. Против Шамиля был двинут Самурский отряд под командованием Аргутинского-Долгорукова. Шамиль попытался отрезать сообщение русских с Кубой, заняв позицию у селения Кюлюли. Аргутинский-Долгоруков, рассеяв ночью 1 июня резерв горцев у с. Унжухате, 2 июня подошел к Кюлюли и после кровопролитного боя обратил Шамиля в бегство. Попытка Шамиля взять селение Кумух, где русские оставили с небольшой охраной обоз, также не удалась, поскольку Аргутинский-Долгоруков вовремя оказал поддержку (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 377–380; Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1995. [Т. I] С. 125–126).

[12] Бибиков Дмитрий Гаврилович (1791–1870) — участник русско-турецкой войны в 1810–1811 гг., Отечественной войны 1812 г., с 1837 г. — киевский военный губернатор, волынский и подольский генерал-губернатор; с 1843 г. — генерал от инфантерии, с 1848 г. — член Государственного совета; в 1852–1855 гг. — министр внутренних дел. Бибиков много сделал для просвещения, образования и культуры в Юго-Западном крае; по его инициативе были образованы Центральный архив, Временная комиссия для разбора древних актов и Постоянная комиссия для описания Юго-Западных губерний, издавшая ряд печатных трудов. Богатейшая библиотека Бибикова из 14 000 томов была пожертвована его дочерью Киевскому университету.

[13] Шуберт Федор Федорович (1789–1865) — выдающийся ученый-геодезист, генерал от инфантерии (с 1845 г.), с 1822 г. — директор корпуса топографов, с 1825 г. — управляющий военно-топографического депо, с 1829 г. — директор гидрографического депо, с 1832 г. — член Совета Императорской Военной академии, с 1843 г. — Военного совета, с 1856 г. — директор Военно-ученого комитета, член Императорского Географического общества. Свободное от государственной службы время Федор Федорович посвящал нумизматике (в 1857 г. им был опубликован капитальный труд по нумизматике: «Types des monnaies russes depuis Jean IV jusqu'à l'empereur Alexandre II»).

[14] Воронцов, оправдывая производство Г. И. Эристова в чин генерала от инфантерии, в письме от 1 июля 1846 г. ссылается на аналогичные примеры Шуберта, который, по его мнению, «тридцать лет ровно ничего не делает», и Бибикова, который десять лет «теснит и истребляет три губернии» (РА. 1890. Кн. 1. С. 195). В генерал-лейтенанты Эристов был произведен в 1826 г. — еще при Ермолове.

[15] Желтый дом — разговорный термин, означающий психиатрическую лечебницу. Стены в психиатрических лечебницах часто красили в желтый цвет. Считалось, что это действует успокаивающе на пациентов (Ср. у Грибоедова: «Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили»).

[16] И. И. Дибич с января по май 1827 г. находился в Тифлисе, выполняя поручение Николая I заменить на должности главноуправляющего Грузией и командующего Отдельным Кавказским корпусом Ермолова на Паскевича.

[17] Картина изображала эмблему правосудия, которое по мысли художника, осудило Ермолова на изгнание. Под картиной стояли месяц и число смены Ермолова. К обеду, данному в честь Паскевича и Дибича, Алексей Петрович приглашен не был.

[18] И. Ф. Паскевича.

[19] Имеется в виду Тавриз — резиденция Аббаса-Мирзы, наместника в иранском Азербайджане. Г. И. Эристов захватил Тавриз 13 октября 1827 г., за что был награжден орденом Св. Александра Невского.

[20] Богдановский Андрей Васильевич (1780–1864) — генерал-майор, участник наполеоновских войн. В 1820 г. уволен в отставку. В 1823 г. принят на службу с чином действительного статского советника и назначен керчь-еникальским градоначальником, затем градоначальником Феодосии, откуда переведен градоначальником в Одессу по указу от 1 января 1828 г., а 18 августа того же года пожалован в тайные советники. В 1831 г. освобожден от должности градоначальника и назначен сенатором. В 1849 г. произведен в действительные тайные советники. В 1856 г. уволен по болезни в отставку с мундиром и пенсией.

[21] Н. И. Вольф.

[22] П. Е. Коцебу.

[23] Нерсес V Аштаракеци — выдающийся деятель Армянской церкви. Будучи с 1814 г. архиепископом в Тифлисе, основал семинарию для подготовки священников, училище для первоначального обучения армян и среднее учебное заведение, получившее его имя. Он способствовал устройству фабрик и развитию торговли. В 1828 г. из-за конфликта с Паскевичем покинул Кавказ и до 1843 г. был главой Нахичеванско-Бессарабской епархии Армянской церкви (См.: *Тунян В. Г.* «Защитник отечества» — каталикос всех армян Нерсес Аштаракеци). 1826–1857 гг. Ереван, 2007).

[24] А. П. Ермолов начал свою деятельность на Кавказе с ужесточения политики по отношению к ханам, бекам и агаларам, ссылаясь на то, что по мусульманскому праву новый владетель подтверждает грамоты своих предшественников и мусульманам нельзя иметь рабов, он присвоил себе право увольнять одних агаларов и назначать на их место других. Реформа сенатора П. В. Гана 1840 г., проведенная в Закавказском крае, пошла еще дальше, она практически лишала мусульманское сословие агаларов возможности управлять деревнями и пользоваться доходами с их жителей. Протест против новой системы со стороны агаларов, беков и других слоев населения, недовольных реформой, был настолько велик, что обойти его вниманием русской администрации не удалось. Правительство вынуждено было, как уже говорилось, назначить ревизию края, которую в 1842 г. возглавил военный министр и председатель Комитета по устройству Закавказского края А. И. Чернышев. В результате работы ревизии владельческие права беков и агаларов сохранились в неизменном виде, но часть отобранных земель так и не была им возвращена. М. С. Воронцов вместе с наместни-

чеством получил в наследство нерешенную проблему мусульманских владельческих сословий. Он поручил начальнику гражданского управления краем генералу Ладинскому ее разрешить. Ладинский в записке «По делу об устройстве участи агаларов», по сути, занял их сторону, он писал, что «…с введением гражданского управления <…> агалары, по крайне ошибочному на них взгляду, что будто они суть не что иное, как только полицейские чиновники, с устройством этой части, признаны не нужными правительству и потому <…> устранены от управления деревнями и в виде временного вознаграждения определено выдавать из уездных казначейств по смерти каждого агалара деньгами <…> Мера эта при настоящем взгляде на действительное значение агаларского сословия, сама собою оказывается несправедливою и, как указал опыт, вредною для правительства…» Воронцов согласился с доводами Ладинского, в результате 6 декабря 1846 г. Воронцов получил на свое имя рескрипт, в котором в виде «особой милости к ханам, бекам, агаларам и прочим лицам высшего мусульманского сословия, а также к армянским меликам, утверждались в их потомственном владении все земли, которыми обладали их предки до присоединения к России». Агаларам возвращались и земли, конфискованные по реформе 1840 г. Взаимоотношения владельцев и жителей деревень были окончательно урегулированы положениями от 20 апреля 1847 г. и 28 декабря 1847 г. Однако мусульманская знать до конца XIX века так и не была уравнена в правах с российским дворянством, лишь по закону от 11 января 1849 г. она была освобождена от телесных наказаний (АКАК. Т. X. Тифлис, 1885, С. 54; // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII; *Иваненко В. Н.* Гражданское управление Закавказьем. Исторический очерк. Тифлис, 1901. С. 352–365, 369).

[25] Грузино-Имеретинская губерния с центром в Тифлисе была образована в 1840 г. на территориях упраздненных Грузинской губернии, Армянской области и Имеретинской области. Делилась на 8 уездов: Ахалцихский, Белоканский (в 1844 г. выделен в отдельный Джаро-Белоканский округ), Гурийский, Горийский, Елисаветпольский, Кутаисский, Телавский и Эриванский. В 1846 г. упразднена (на ее территории образованы Тифлисская и Кутаисская губернии).

[26] Шурагельский султанат (Ширак) был занят русскими войсками в 1805 г. и окончательно присоединен к России по Гюлистанскому мирному договору в 1813 г. Шурагельская область была важна в стратегическом отношении, так как прикрывала Грузию со стороны Эриванского ханства и турецких крепостей Карс и Ардаган.

[27] В 1840-х гг. армянские земли входили в состав Грузино-Имеретинской губернии (с 1846 г. — Тифлисской). Эриванская губерния была образована только в 1849 г. В ее состав входили Нахичиванский, Эриванский и Александропольский уезды.

[28] Редут-Кале — город-крепость, заложенный русскими на побережье Черного моря в 1804 г. к северу от Поти в устье реки Хопи. Был основан как укрепленный пункт, предназначенный для защиты Мингрелии от турок. Неоднократно возникал вопрос о переносе этого порта в другое место на побережье. В 1830-х гг. — командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Г. В. Розен предлагал перенести этот порт в Поти. М. С. Воронцов считал более целесообразным перенести его в Сухум-Кале (Сухуми). Однако препятствием к переносу порта в этот пункт являлось отсутствие дороги из Сухум-Кале в Закавказье. Дорога была построена позже, в 1853 г., но вела из Сухум-Кале через Зугдиди в Тифлис.

[29] Сурам — крепость и поселок на границе Картли и Кахетии, играл важную стратегическую роль в XVIII в.

[30] Дормез — дорожная карета, устроенная так, что в ней можно было лечь во весь рост и таким образом удобно спать во время движения.

[31] И. О. Симонич.

[32] В 1819 г. русские начали строительство дорог в Самурской долине для мобильности и оперативности перемещения войск. С целью изучения местных дорог в Ахты прибыл инженер-подполковник Торри, которого еле спас от местных жителей ахтынец Гаджи Мурат-Ага, награжденный серебряной медалью «За усердие». В данном случае речь идет о сооружении Военно-Ахтынской дороги, которая соединяла реки Алазань и Самур. По этой дороге войска Самурского отряда в два перехода могли прийти на помощь войскам Лезгинского отряда (Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV. Кн. 2. *Дубровин Н. Ф.* Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II. 1825–1864. СПб., 1896. С. 226).

[33] Дондуков-Корсаков Александр Михайлович (1820–1893) — князь, в 1845 г. — поручик, состоящий по кавалерии, состоял по особым поручениям при главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом (с августа 1844 г.); позднее генерал от кавалерии (с 1878 г.), генерал-адъютант (с 1869 г.), в 1846–1852 гг. — адъютант главнокомандующего, в 1859–1863 гг. — начальник штаба Донского казачьего войска, в 1882–1890 гг. — командующий Кавказским военным округом и главноначальствующий гражданской частью на Кавказе.

[34] Даниэль-Бек (?–1870) — елисуйский султан с 1830 г., один из кавказских владетелей, генерал-майор русской службы с 1843 г., в 1844 г. перешел на сторону Шамиля, в 1859 г. вновь перешел на сторону России.

[35] Виктор Ермолов в конце 1845 г. произведен в чин поручика.

В. О. Бебутову, сентябрь 1846

[1] В 1846 г. генерал-майор Аргутинский-Долгоруков предпринял экспедицию против Даниэль-Бека, от Турчидага двинувшись к аулу Салты, который захватил, а затем разбил лезгин у высот Чократль. После этого он зашел в тыл Шамиля, вторгшегося в Акушу, и этим заставил его ее покинуть (*Берз Н.* Краткий очерк служебной деятельности генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта, князя Моисея Захаровича Аргутинского-Долгорукова. // КК на 1856 год. Тифлис, 1855. С. 574).

[2] Долгоруков Илья Андреевич (1797–1848) — князь, член Союза Спасения, с 1832 г. — начальник штаба великого князя Михаила Павловича по управлению генерал-фельдцейхмейстера, с 1833 г. — генерал-майор, с 1844 г. — генерал-лейтенант.

В. О. Бебутову, 3 октября 1846

[1] Укрепление представляло собой две двухэтажные башни, поднятые на невысоких холмах, которые оберегали подходы к реке. От них к мосту наклонно спускались крытые галереи. Толщина их стен была недоступна для пушек горцев. При возникновении опасности мост запирали массивными металлическими воротами. Первые этажи башен населяли солдаты, а на вторых жили офицеры. В верхней части были установлены пушки. В письме речь идет о произошедшем в Евгеньевском взрыве порохового погреба от молнии и устранении последствий этого взрыва.

[2] Даниэль-Бек.

[3] Ермолов в шутку использует древнегреческую форму имени Бебутова, которое означает «царский, царственный».

М. С. Воронцову, 2 ноября 1846

[1] С. Н. Ермолов.

А. Я. Булгакову, 5 ноября 1846

[1] Вюртембергский Евгений (Фридрих-Карл-Павел-Людвиг) (1788–1857) — герцог, племянник императрицы Марии Федоровны, генерал от инфантерии. Во время Отечественной войны 1812 г. — начальник 4-й пехотной дивизии, участвовал в сражениях при Бородине, под Тарутином и Красным. Участник Заграничных походов и русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Вследствие столкновений с фельдмаршалом Дибичем покинул действующую армию и уехал в свое поместье Карлсруэ в Силезии. Его перу принадлежит: «Erinnerungen aus dem Feldzuge im Jahre 1812» (Breslau, 1846).

В. О. Бебутову, 24 ноября 1846

[1] В 1846 г. в селении Кутиши в Северном Дагестане вспыхнуло восстание. Командовавший войсками генерал-лейтенант В. О. Бебутов сосредоточил 14 октября в с. Лаваши батальоны Дагестанского и Апшеронского пехотных полков, эскадроны Нижегородского драгунского полка, соединения казаков и милиции — всего до 2800 штыков и 646 сабель. 15 октября Бебутов получил сообщение о приближении Шамиля с войском до 20 тысяч человек. 16 октября, под покровом густого тумана, войска незаметно подошли к Кутиши и захватили передовые части Шамиля. Завязался упорный бой, который уже подходил к концу, когда подоспевшие на помощь Шамилю бойцы Хаджи-Мурата едва не переломили ситуацию в свою пользу. Однако командиры конницы и пехоты не растерялись и подвергли отряд Хаджи-Мурата ожесточенной атаке, поддержанные огнем боевых орудий, они сумели рассеять отряд наиба и обратить его в бегство. Шамиль, застигнутый врасплох, спасся бегством (*Потто В. А.* 44-й драгунский Нижегородский полк. Тт. IV и V. СПб., 1894).

[2] Греков Михаил — полковник, командир Ширванского пехотного полка в 1822–1826 гг.

М. Г. Ермоловой, 25 ноября 1846

[1] Грибоедова Нина Александровна, урожденная княжна Чавчавадзе (1812–1857) — вдова А. С. Грибоедова. Ее отец, Александр Гарсеванович Чавчавадзе, генерал-лейтенант, умер 5 ноября 1846 г.

[2] Виктор.

[3] Север.

[4] Г. Ф. Гежелинский.

С. Н. Ермолову, 25 ноября 1846

[1] М. С. Воронцов.

М. С. Воронцову, 28 ноября 1846

[1] После неудачи в Кабарде Шамиль предпринял поход в Акушу. Овладение Акушой открывало возможности выхода к Каспийскому морю, создавало угрозу российскому влиянию в шамхальстве Тарковском, в Мехтуле и в Казыкумухском ханстве. В сентябре-октябре 1846 г. мюриды заняли ряд аулов Акушинского общества. 12 октября наиб Муса Балаканский занял селение Аймяки и имел приказ Шамиля двигаться в Мехтулинское ханство. Сам же Шамиль в это время у аула Леваши отвлекал Дагестанский отряд Бебутова, прибывший из Темир-Хан-Шуры. Однако 13 октября Бебутов вытеснил Мусу Балаканского из Аймяки, 15 октября нанес серьезное поражение основным силам Шамиля на Кутишинских высотах, 16-го занял селение Кутиши и 18 октября вернулся в Темир-Хан-Шуру (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 481–482).

[2] Речь идет о сооружении летом 1846 г. укрепления на реке Фортанге в Чечне. Генерал И. М. Лабынцев в рапорте П. Е. Коцебу от 23 июля 1846 г. писал: «Устройство укрепления на Фортанге, почти в сердце Малой Чечни, среди равнин-житниц, не может не иметь влияния на покорение ее. Некоторые жители изъявляют уже желание покориться, но волнуемые обещанием Шамиля не допустить устройства укрепления на Фортанге враждебными против нас предприятиями, они колеблются» (Движение горцев Северного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Махачкала, 1959. Док. № 288. С. 524).

М. С. Воронцову, 30 ноября 1846

[1] И. Ф. Паскевич.
[2] П. Д. Киселев.

М. С. Воронцову, 2 декабря 1846

[1] «Журнал для чтения воспитанников учебно-военных заведений» регулярно перепечатывал сообщения о военных действиях из газеты «Кавказ», в одном из его номеров за 1847 г. было напечатано: «С левого фланга Кавказской линии получены в недавнем времени донесения о весьма удачных поисках, произведенных нашими войсками в окрестностях кр[епости] Грозной. 19 марта командующий Моздокским казачьим полком подполковник *Левицкий*, с 4 сотнями казаков, переправился чрез реку Терек, по приказанию генерал-лейтенанта *Фрейтага*, и двинулся к укреплению Закан-Юрт, с тем чтоб захватить скот у непокорных горцев. В то же время полковник барон *Меллер-Закомельский* с одним батальоном егерского генерал-адъютанта князя Воронцова полка двинулся из крепости Грозной также к Закан-Юрту. Неожиданное движение наших войск с двух сторон увенчалось полным успехом; захватив у неприятеля 101 штуку рогатого скота и 4 лошади, они без всякой потери возвратились обратно с добычею. 2 апреля генерал-лейтенант *Фрейтаг* приказал 5 ротам пехоты, при 3 орудиях выступить из крепости Грозной по направлению к р. Аргун, где на правом берегу паслись неприятельские стада. Вслед за пехотою, несколько времени спустя, 4 сотни Моздокского казачьего полка, под начальством подполковника *Левицкого*, прибывшие ночью с Терека к крепости Грозной, двинулись на рысях и, опередив пехоту, переправились за р. Аргун, быстро бросились на чеченские стада и захватили 655 шт. рогатого скота, 9 лошадей и 500 баранов…» (ЖЧВВУЗ. Т. LXV. № 262. СПб., 1847).

С. Н. Ермолову, 22 декабря 1846

[1] А. А. Суворов.

С. Н. Ермолову, 6 января 1847

[1] Кочубей Василий Викторович (1812–1850) — князь, второй сын канцлера В. П. Кочубея. В 1845 г. поступил на службу в канцелярию наместника кавказского М. С. Воронцова, с 1846 г. — статский советник, с 1848 г. — помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

[2] Георгиевская дума была учреждена в 1782 г. Ее заседания проходили в Чесменском дворце при орденской церкви, а с 1801 г. — в Георгиевском зале Зимнего дворца. Дума определяла права на получение ордена за военные подвиги открытым обсуждением и принимала решение о награждении большинством не менее двух третей голосов. В 1849 г. имена всех кавалеров ордена были занесены на мраморные доски Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца, и позже туда регулярно заносили имена новых кавалеров. При Екатерине II в Статуте ордена Св. Георгия впервые для российского законодательства были прописаны правила выдачи пенсий кавалерам ордена.

[3] П. Е. Коцебу.

[4] Арцруни Еремия Георгиевич (1804–1877) — генерал-майор с 1860 г. В 1830 г. — главный интендант Кавказской армии. В 1836 г. временно оставил военную службу, поступив в Министерство финансов.

С. Н. Ермолову, 16 января 1847

[1] Байков Федор Ильич (1818–1890) — художник-баталист, в 1846 г. получил малую серебряную медаль Академии художеств. Много работал на Кавказе. В 1860 г. был издан альбом его литографий «Закавказские сцены и типы», имевший большой успех у современников.

[2] Е. К. Воронцовой.

[3] В декабре 1846 г. Грузино-Имеретинская губерния была разделена на Тифлисскую и Кутаисскую губернии.

М. С. Воронцову, январь 1847

[1] Воронцов был сторонником свободной торговли в Закавказье и, в частности, предлагал свободный допуск в Закавказский край европейских товаров при уплате только 5% пошлины, в то время как в России действовал запретительный таможенный тариф 1842 г. В 1845 г. в Петербурге было утверждено положение Кавказского комитета по делу о закавказской торговле. Этим положением Воронцову поручалось составить проект подробных правил для транзита товаров через Закавказье, рассмотреть вопрос о снижении пошлин на европейские и колониальные товары и т. д. При отношении к Чернышеву от 31 августа 1846 г. Воронцов приложил записку об изменении общей тарифной системы по Закавказскому краю и Черноморской береговой линии, где вновь подробно обосновал свою позицию. В частности, он ссылался на экономические успехи края, которые были сделаны в период с 1822 по 1832 г., когда такая 5%-ная пошлина, введенная по особому ходатайству Ермолова, уже применялась (АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 181–187).

[2] С. В. Сафонов.

[3] Мейендорф Александр Казимирович (1796–1865) — барон, писатель, промышленник, тайный советник, член Совета министра финансов, член Главного правления училищ, совместно с П. Зиновьевым в 1842 г. издал промышленную карту России. Долго председательствовал в мануфактурном совете в Москве и способствовал учреждению выставок и учебных заведений для торгового класса. Среди его сочинений: «Елисаветполь (Ганжа) и его окрестности. Отрывок из промышленного путешествия по Кавказу» (М., без года).

[4] Воронцов Семен Михайлович (1823–1882) — сын князя М. С. Воронцова, до 1847 г. служил по гражданскому ведомству, затем перешел на военную службу, участник экспедиции в Дарго; с 1852 г. — генерал-майор, в 1851–1852 гг. — командир Куринского егерского полка.

[5] Вероятно, на торжествах, проходивших в августе 1839 г. на Бородинском поле, в связи с 25-летием вступления российских войск в Париж.

[6] Имеется в виду письмо М. С. Воронцова от 15 декабря 1846 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 199–200).

[7] Вероятно, Кочубей Василий Викторович. Одновременно с 1846 г. в канцелярии наместника в чине титулярного советника, а затем коллежского асессора служил его брат Сергей Викторович (1820–1880).

[8] Речь идет о посланной 17 декабря с Кочубеем копии рапорта Воронцова императору от 14 декабря 1846 г., в котором излагались предположения насчет военных действий в 1847 г. Воронцов просил Ермолова в письме от 15 декабря никому не показывать этот документ (РА. 1890. Кн. 1. С. 199–201).

[9] По инициативе М. С. Воронцова в 1846–1847 гг. была проведена административно-территориальная реформа. В декабре 1846 г. все Закавказье разделено на 4 губернии: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую и Дербентскую. В 1847 г. Дербентская губерния была вместе с Тарковским шамхальством и Мехтулинским ханством объединены в Прикаспийский край — особую административную структуру, получившую форму военного управления во главе с командующим войсками. Джаро-Белоканское общество и Елисуйское султанство получили статус военного округа. На Северном Кавказе в 1847 г. Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию (*Исмаил-Заде Д. И., Гатагова Л. С.* Кавказ // Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.,1998. С. 261–295).

[10] Образовавшиеся незадолго перед тем Алдинские хутора между реками Гойтой и Рошней были разорены генералом Р. К. Фрейтагом в декабре 1846 г. (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 483).

[11] Речь идет о походе Ермолова в Акушу в декабре 1819 г. (см. письмо Ермолова Воронцову от 6 января 1820 г.). Казыкумухское ханство Ермолов завоевал в 1820 г. (см. прим. к письму от 6 сентября 1820 г.).

[12] См. прим. 1 к письму от 28 ноября 1846 г.

[13] Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1789–1848) — генерал-лейтенант, участник войн с Наполеоном, адъютант М. И. Кутузова; военный историк, официальный военный историк, действительный член Императорской Российской академии с 1831 г., академик Петербургской Академии наук с 1841 г., с 1835 г. — сенатор и председатель Военно-цензурного комитета.

[14] Отчет по управлению Закавказским краем за 1845 г. Тифлис, 1846. См. также АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 833–847.

[15] Приписка к письму, начинающаяся словами: «Ты пишешь мне о Копьеве…», сделана, как обычно, Ермоловым на отдельном листке, расположенном в архивном деле непосредственно после письма, датированного январем 1847 г.. Однако, по всей видимости, она является прибавлением к более раннему письму. По содержанию приписка является реакцией на письмо Воронцова от 5 мая 1846 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 187–188), где он подробно изложил суть дела Копьева в ответ на выраженное в письме от 13 апреля Ермоловым удивление по поводу наказания «офицера, известного блистательною храбростию». В позднейших письмах Воронцов Копьева не упоминает. Следовательно, можно предположить, что ермоловская приписка относится к маю-июню 1846 г.

[16] Муравьев Н. Н. См. прим. 5 к письму Н. П. Годеину от 25 января 1845.

М. С. Воронцову, 7 марта 1847

[1] Твердохлебов Григорий Семенович — землемер Елисаветпольского уезда Тифлисской губернии (КК на 1848 г. Тифлис, 1847. Ч. 4. С. 16).

М. С. Воронцову, март 1847

[1] Каранайский спуск с Гимринского хребта, который отделяет приморскую часть Дагестана от внутренней гористой части, где были расположены наиболее труднодоступные для русских войск аулы — Гимры, Ахульго и др.

[2] Аварское Койсу и впадающее в него Казыкумухское Койсу — реки, протекающие во внутреннем Дагестане параллельно Гимринскому хребту.

[3] Ермолов не прав. Религиозная составляющая в движении горцев появилась именно во время его управления Кавказом. См. прим. 2 к письму А. А. Закревскому от 13 декабря 1825 г.

[4] В ходе всеобщего восстания в Дагестане в 1843 г. на сторону Шамиля перешло и акушинское общество (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 392).

[5] Семейство аварских ханов было убито Гамзат-Беком летом 1834 г. До этого ханша Паху-Бике и ее сын Нуцал-Хан, несмотря на колебания, занимали пророссийскую позицию. Однако в том же году Гамзат-Бек был убит, русские войска заняли Аварию и под их давлением на престол был избран Аслан-Хан Казыкумухский. Аслан-Хан умер в 1836 г., после чего русские войска вновь заняли Аварию и провозгласили ее владетелем Ахмет-Хана Мехтулинского.

[6] Имеется в виду захват Аварии Шамилем в 1843 г. в результате восстания горцев (см. прим. 2 к письму от 31 августа 1845 г.).

[7] Занятие Гергебиля создавало бы постоянную угрозу Аварии с востока. Кроме того, Гергебиль стал одним из опорных пунктов для набегов на Акушу, Мехтулинское ханство и шамхальство Тарковское. Общий план Воронцова на 1847 г. сводился к тому, чтобы силами Дагестанского отряда овладеть Гергебилем, затем соединиться с Самурским отрядом у селения Салты и после его взятия двинуться на юг для уничтожения аула Ириб — оплота Шамиля на границах Казыкумухского ханства, откуда совершались набеги на Южный Дагестан и на Лезгинскую линию. Общий смысл этого плана сводился к тому, чтобы отсечь имамат от Приморского Дагестана (*Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М., 1994. С. 486).

[8] Речь идет об умершем 21 февраля председателе Государственного совета князе Илларионе Васильевиче Васильчикове (занимал эту должность с 1838 г.). Однако заменил его не А. И. Чернышев, а В. В. Левашев (1847–1848). Чернышев же стал председателем Государственного совета только в 1848 г.

М. С. Воронцову, 12 мая 1847

[1] Речь идет о письме Воронцова из Тифлиса от 22 апреля 1847 г., в котором наместник жаловался на здоровье (РА. 1890. Кн. 1. С. 204–206).

[2] Экспедиция против Тилитлы в 1847 г. не планировалась.

[3] Мехтулинское ханство — кумыкское государственное образование, существовавшее в XVII–XIX вв. на территории Дагестана, состояло из 13 аулов, в которых проживали кумыки и аварцы.

[4] Зудахары — лезгинская деревня в Дагестане.

[5] Салават — гора Главного Кавказского хребта, на границе Самурского округа Дагестанской области и Нухинского уезда Елисаветпольской губернии, ее высота 3642 метра. С северной стороны стекает Караван-Сарай-Чай, впадающая в р. Ахты, а с южной — несколько речек, вливающихся в Алазань. Через Салават проходит одна из наиболее известных вьючных дорог из Самурского округа в Нухинский уезд. Через Салаватский перевал, высотой 2829 метров проходит Военно-Ахтинская дорога (ЭС Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 28 А).

[6] Олсуфьев Дмитрий Александрович (1824–1899) — в 1847 г. — помощник чиновника по секретной части гражданской канцелярии наместника кавказского, губернский секретарь (КК на 1848 г. Тифлис, 1847. Ч. 4. С. 4).

[7] См. прим. 14 к письму М. С. Воронцову от января 1847 г.

[8] Барятинский Александр Иванович (1814–1879) — князь, полковник с 1845 г., флигель-адъютант с 1847 г., в 1847–1850 гг. — командир Кабардинского егерского полка, с 1848 г. — генерал-майор, генерал-адъютант с 1853 г., с 1850 г. — командир Кавказской резервной гренадерской бригады с правами начальника дивизии, в 1851–1853 гг. — командующий 20-й пехотной дивизией и начальник левого фланга Кавказской линии, в 1856–1862 гг. — наместник кавказский и главнокомандующий Кавказской армией, генерал-фельдмаршал с 1859 г., с 1860 г. — член Государственного совета.

Н. Н. Муравьеву, 9 июня 1847

[1] На 1847 г. Воронцовым было намечено взятие трех укрепленных пунктов: Гергебиля, Салты и Ириба.

[2] *Головин Е. А.* Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. Рига, 1847.

[3] Монтекукколи (Montecuccoli) Раймунд (1609–1680) — граф, с 1679 г. — имперский князь и герцог Мельфи, австрийский фельдмаршал, военный теоретик. С 1625 г. — на австрийской службе, участвовал в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг. Во время войны Дании, Бранденбурга и Австрии против Швеции в 1657–1658 гг., командуя австрийскими войсками, нанес ряд поражений шведским войскам и вытеснил их из Польши, Ютландии и Померании.

[4] Н. Г. Муравьева.

М. С. Воронцову, 11 июня 1847

[1] В. Д. Давыдов.

[2] С 1835 по 1845 г. в целях приобретения боевого опыта в годичную командировку на Кавказ посылались по офицеру от каждого гвардейского полка и от каждой армейской бригады. (См. подробнее: *Лукирский А. Н.* Командировки и переводы офицеров из столицы на Кавказ (по мемуарным памятникам) // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2005. № 1 (6).)

[3] Дохтуров Николай Михайлович (1788–1865) — участник наполеоновских войн, в 1833 г. — командующий 7-й легкой кавалерийской дивизией, в 1835 г. — произведен в генерал-лейтенанты, с утверждением начальником дивизии, в 1846 г. Дохтуров был уволен с военной службы и назначен сенатором, с 1857 г. — генерал от кавалерии. Его сын, Михаил Николаевич Дохтуров (1824–1911) — генерал от кавалерии с 1885 г., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

М. С. Воронцову, [не ранее начала 1847 г. — не позже августа 1847 г.]

[1] В письме от 17 декабря 1846 г. Воронцов сообщил Ермолову, что один из его сыновей особенно отличился и «георгиевская дума здесь сочла возможным, чтобы он получил Георгиевский крест». Правда окончательное решение оставалось за георгиевской думой в Петербурге (РА. 1890. Кн. 1. С. 201). Речь идет о Клавдии. Из следующего письма ясно, что орден Св. Владимира дан вместо ордена Св. Георгия именно ему. К тому же Ермолов пишет, что прапорщик с Георгиевским крестом был бы «чудо», а прапорщиком на тот момент из детей А. П. был только Клавдий. Клавдий Ермолов, как следует из формулярного списка, за отличие в деле с горцами 25 июля 1846 г. А. П. был награжден 8 августа 1847 г. орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, который давал права дворянства (РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 275 об.).

М. С. Воронцову, [между 8 и 14 августа 1847 г.]

[1] Фрагмент письма, расположенный в деле среди писем 1848 г. Однако его следует датировать не ранее 8 августа 1847 г., то есть даты получения Клавдием Ермоловым ордена Св. Владимира 4-й степени, и не позднее 14 августа 1847 г., когда Ермолов в письме Воронцову упоминает об этом как о состоявшемся факте.

М. С. Воронцову, 14 августа 1847

[1] Турчидаг — горная вершина в хребте Турчидаг на стыке Турчидагского плато и Кегерского нагорья. Расположена в Гунибском районе Дагестана. Речь идет о письме Воронцова от 1 июля 1847 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 207–209).

[2] Причиной неудачи осады Гергебиля была отнюдь не только холера. Аул оказался хорошо укрепленным по правилам европейской фортификации (большую роль в этом сыграл египетский военный инженер Хаджи-Юсуф), в то время как у русских осадных средств было недостаточно. 2 июня 1847 г. Воронцов подошел к аулу и после двух неудачных штурмов 8 июля вынужден был отвести войска (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 483–485).

[3] В письме от 1 июля 1847 г. Воронцов соглашался с Ермоловым, что Казыкумухское Койсу является естественной границей, на которой русским следует закрепиться. «До прибытия моего сюда я увлекался мнением многих, — пишет Воронцов, — что нам бы полезно было занять Ругуджу и Гуниб. Теперь я ясно вижу, что эта мысль была совершенно ошибочная. Что же касается до занятия Аварии, то пусть Бог простит тех, которые имели эту мысль и по ней действовали». Воронцов считал, что нужно иметь возможность сделать набег на Аварию или Тилитлы, «но думать о постоянном занятии внутренности этих проклятых гор без всякого способа существования, без всякого предмета и с огромными издержками для перевозки провианта и снарядов, есть… совершенное сумасшествие» (РА. 1890. Кн. 1. С. 208–209).

[4] См. прим. 5 к письму М. С. Воронцову за март 1847 г.

[5] *Устрялов Н. Г.* Историческое обозрение царствования государя императора Николая I. СПб., 1847.

[6] В письме А. П. Ермолов вспоминает 1826 год, когда И. А. Реут, в то время полковник и командир гарнизона крепости Шуша, был осажден персиянами и просил о выручке.

[7] 13 (25) сентября 1826 г. Отдельный Кавказский корпус под Елизаветполем разгромил 50-тысячную армию персов имея только 8 тысяч русских солдат и 24 орудия. К концу октября персы были отброшены за Аракс.

[8] Кенигштайн — неприступная крепость в Саксонской Швейцарии.

[9] Ругуджа — село, расположенное в 12 километрах от села Гуниб.

[10] Лихачев Григорий Васильевич (1797–1857) — бывший офицер лейб-гвардии Конного полка, пошехонский помещик, попечитель тверской гимназии, вошел в историю как книжник, хозяйством интересовался мало, значительную часть времени проводил в Москве и за границей.

[11] Клавдий Ермолов, получивший орден Св. Владимира 4-й степени с бантом, который давал права дворянства.

[12] Север Ермолов.

[13] П. Д. Киселев.

Н. Г. Устрялову, 17 сентября 1847

[1] Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) — историк, член Петербургской Академии наук (1837 г.). Из разночинцев. Окончил Петербургский университет, где в 1834–1870 гг. был профессором русской истории. С начала 1830-х гг. Устрялов стал приверженцем министра народного просвещения С. С. Уварова и проводником официальной теории «самодержавия, православия, народности».

[2] Александр I.

[3] Наполеон I Бонапарт (1769–1821) — французский государственный деятель, полководец, император.

[4] Франц II (1768–1835) — император Священной Римской империи (1792–1806), в качестве императора австрийского с 1804 г. носивший имя Франц I.

[5] Русско-персидская война 1804–1813 гг., велась с большими перерывами. В 1812 г. персы под командованием Аббас-Мирзы пытались использовать нападение Наполеона на Россию и перешли в наступление. 30-тысячная персидская армия сосредоточилась на р. Аракс для вторжения в Шекинское ханство и Кахетию. В октябре

ее неожиданно атаковал с тыла и разбил отряд генерал-майора П. С. Котляревского численностью всего в 2 тысячи человек. В январе 1813 г. он взял штурмом Ленкорань, и после этого сражения в 1813 г. Персия была вынуждена заключить с Россией Гюлистанский мирный договор, по которому персы признали присоединение к Российской империи Грузии, Дагестана и Северного Азербайджана.

М. С. Воронцову, 29 сентября 1847

[1] Потерпев поражение под Гергебилем, русские войска направились к аулу Салты. Салты — аул в Южном Дагестане, на р. Каракойсу, до 1847 г. был одним из опорных пунктов Шамиля. Князь Воронцов решил уничтожить его, и 27 июля 1847 г. начаты были осадные работы. В районе аула собралось до 8 тысяч вооруженных горцев под предводительством Хаджи-Мурата, Кибит-Магомы и Даниэль-Бека, которые действовали против левого фланга русских позиций. М. С. Воронцов поручил охранение лагеря и осадных работ начальнику штаба, генерал-лейтенанту Коцебу, а сам выступил в ночь на 7 августа против неприятеля и рассеял его. 8 сентября главная башня аула Салты была взорвана минными галереями русских войск, а 9 сентября часть русских войск штурмовала и овладела передовой линией неприятельских укреплений, хотя горцы продолжали упорно сопротивляться. Почти каждую ночь происходили вылазки и кровопролитные стычки, продолжавшиеся почти неделю, они стоили горцам больших потерь, поэтому к вечеру 14 сентября толпы горцев начали выходить из аула, но русские преследовали их огнем из ружей и штыками. В осаде Салты участвовали, не считая милиции, — 10 батальонов пехоты, 2 роты стрелков, рота саперов, дивизия драгун, 200 казаков при 16 полевых и осадных орудиях и командах с ракетами и крепостными ружьями. Потери горцев достигали 3000 человек. Убыль, понесенная отрядом кн. Воронцова, была также весьма значительна: 20 офицеров — убитыми, 95 — ранеными; 515 нижних чинов — убитыми и 1793 — ранеными (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 485; *Гизетти А. Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн: кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885. Тифлис, 1901. С. 84–85).

[2] В 1795 г. восемнадцатилетний Ермолов, уже получивший из рук Суворова Георгиевский крест за взятие Праги, был прикомандирован (по протекции князя П. А. Зубова, который покровительствовал его отцу) к главной квартире австрийского главнокомандующего. Тогда Австрия воевала с Францией, что дало Ермолову возможность побывать в Италии (*Гордин Я. А.* Алексей Ермолов. Солдат и его империя. СПб., 2012. Т. I. С. 77–102).

Н. Н. Муравьеву, 29 сентября 1847

[1] Кругликова Софья Григорьевна (1799–1847), урожденная графиня Чернышева.

[2] Чернышев-Кругликов Иван Гаврилович (1787–1847) — тайный советник, шталмейстер императорского двора, в 1832 г. получил фамилию Чернышев и графский титул, с 1839 г. в отставке.

[3] Речь идет об одной из четырех дочерей Н. Н. Муравьева.

[4] Лафатер Иоанн Каспар (1741–1781) — швейцарский богослов, поэт и физиономист.

М. С. Воронцову, 20 октября 1847

[1] Речь идет об отчаянном сопротивлении горцев при обороне аула Салты. Воронцов писал в рапорте к военному министру А. И. Чернышеву от 29 сентября 1847 г.: «Нет деревни в Дагестане, которая не оплакивала бы большего числа из лучших и храбрейших сынов своих…» (АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 462).

[2] Штаб Отдельного Кавказского корпуса придавал огромное значение этой победе над горцами и в том же году издал специальную брошюру «Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 году», в которой подробно рассказывается об осаде аула (Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 году. Тифлис: Военно-походная типография Штаба Отдельного Кавказского корпуса, 1847. 56 с.).

[3] В 1847 г. сын М. С. Воронцова Семен Михайлович перешел из гражданской службы в военную, зачислен штабс-капитаном в лейб-гвардии Преображенский полк, стал флигель-адъютантом и назначен состоять при М. С. Воронцове.

М. С. Воронцову, [октябрь 1847]

[1] 6 декабря 1846 г. был утвержден рескрипт «О поземельных правах беков, меликов и агаларов», в котором агаларам возвращались их наследственные полицейские и судебные права над жителями поселений, отобранные Учреждением 1840 г., главным идеологом которого был сенатор П. В. Ган (ПСЗ-II. № 20672 от 6 декабря 1846 г. Т. XXI. Отд. 2. СПб., 1847. С. 617–618). См. также прим. 24 к письму М. С. Воронцову от 31 августа 1846 г.

[2] Е. Д. Розен.

М. С. Воронцову, 3 ноября 1847

[1] Север Ермолов был произведен в чин поручика.

[2] С. Н. Ермолов.

[3] Ф. В. Остен-Сакен.

[4] И. Ф. Паскевич-Эриванский, граф, светлейший князь Варшавский с 1831 г. — второй титул получил за подавление польского восстания.

П. Х. Граббе, 22 ноября 1847

[1] Граббе Николай Павлович (1832–1896) — граф, генерал-лейтенант с 1876 г., участник Кавказской войны. Сын П. Х. Граббе в 1847 г. поступил в Пажеский корпус и был выпущен оттуда в Кавалергардский полк в 1850 г. В 1858 г. перешел на Кавказ в чине подполковника, состоял при князе А. И. Барятинском. Доставил Александру II донесение о взятии Гуниба в 1859 г., был произведен в полковники, пожалован званием флигель-адъютанта и переведен обратно в Кавалергардский полк, но через несколько месяцев снова вернулся на Кавказ.

[2] Гербель Василий Васильевич (1790–1870) — генерал-лейтенант, участник войн с Наполеоном, с 1832 г. — командир Шосткинских пороховых заводов. Его сын, Николай Васильевич Гербель (1827–1883), впоследствии стал известным поэтом и издателем.

[3] Головин Сергей Евгеньевич (1824–1889) — позднее действительный статский советник, камергер, в 1869–1882 гг. — сувалкский губернатор; либо Головин Павел Евгеньевич (1819–1849) — адъютант великого князя Александра Николаевича.

М. С. Воронцову, [между 3 ноября и 8 декабря 1847]

[1] Орден Св. Анны 3-й степени.

[2] Карьерное продвижение Виктора Ермолова действительно затормозилось; в 1845 г. он был произведен в поручики, 4 ноября 1845 г. переведен в горную № 2 батарею Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, прибыл к ней только 1 апреля 1846 г. (в декабре 1849 г. она переименована в батарейную № 2 батарею) и следующий чин, штабс-капитана, получил только 3 апреля 1850 г. со старшинством с 30 января 1850 г. (РГВИА Ф. 400. Оп. 17. Д. 3244. Л. 15 об.).

М. С. Воронцову, 8 декабря 1847

[1] Через мост на Андийском Койсу в 1837 г. вошел в Аварское ханство генерал-майор К. К. Фезе (Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV. Кн. 2. *Дубровин Н. Ф.* Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II. 1825–1864. СПб., 1896. С. 93).

[2] Кибит-Магома — владетель Тилитлы, расположенного по соседству с Казикумыком, принял сторону Шамиля и занял лежащую близ этого ханства гору Гуниб, которая вместе с селом Тилитлы служила с того времени сборным пунктом приверженцев Шамиля в Дагестане. После этого казикумыкцы скрытно стали помогать Шамилю, а при занятии Кибит-Магомою Гергебиля в его войске находились до 300 казикумыкцев.

[3] П. А. Ладинский был уволен в отставку указом от 8 ноября 1847 г., получив пенсию 3 тысячи рублей в год (АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. VII). Его преемником на должности начальника гражданского управления краем и председателем Совета главного управления Закавказского края назначен В. О. Бебутов.

[4] Вместо Ладинского начальником гражданского управления Закавказского края стал В. О. Бебутов.

[5] В 1847 г. в результате административно-территориальной реформы Дербентская губерния, в которую входили Дербентский и Кубинский уезды, Самурский и Даргинский округа, Кюринское и Казыкумухское ханства, а также остальные земли к югу от Аварского Койсу, вместе с Тарковским шамхальством и Мехтулинским ханством были объединены в Прикаспийский край.

[6] Менд (Менде) Александр Иванович (1800–1868) — участник русско-турецкой войны, в 1830–1832 гг. состоял при российском полномочном председателе диванов княжеств Молдавии и Валахии генерал-адъютанте П. Д. Киселеве, в 1833–1834 гг. — главный пристав при полномочном посланнике в Константинополе, с 1834 г. — обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса, руководил строительством укреплений, прокладкой дороги от Ахтинского укрепления через Кавказский хребет, с 1839 г. — генерал-майор. В апреле-июле 1844 г. исполнял должность начальника штаба Дагестанского отряда, участвовал в боях за аул Гергебиль, в 1845–1846 гг. начальник военной съемки Витебской губернии, в 1849–1866 гг. возглавлял топографические и картографические работы в центральных губерниях России, организованные Военно-топографическим депо Главного штаба, межевым ведомством и Русским географическим обществом для исправления межевых атласов, с 1856 г. — генерал-лейтенант.

[7] Север Ермолов.

М. С. Воронцову, 5 января 1848

[1] См.: Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 212–214.

[2] В 1843–1844 гг. Шамиль добился очередных успехов в Южном Дагестане и распространил свое влияния на черкесов. Только за 24 дня осенней кампании 1843 г. имам захватил и разрушил все русские укрепления в Аварии, кроме Хунзаха, после чего русские войска потеряли контроль над большей частью Северного Дагестана. За 4 месяца 1843 г. русские потеряли 2620 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен (в том числе 92 офицера), 27 пушек, 2152 винтовки, 819 килограммов пороха, 368 складов оружия (*Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопроивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 205).

[3] В 1847 г. произошла массовая смена наибов, свидетельствующая о трудностях, переживавшихся имаматом. Воронцов писал Ермолову 20 декабря 1847 г. о том, что Шамиль, не доверяя «Кибит-Магоме и другим наибам, которые имели желание и интерес не губить подчиненное им население, сменил их новыми сорванцами, которые

ни на что не смотрят, кроме исполнения его воли» (РА. 1890. Кн. 1. С. 207; *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 486–488).

[4] Щербинин Михаил Павлович (1807–1881) — с 1827 г. состоял чиновником по особым поручениям при М. С. Воронцове, с 1845 г. на Кавказе, за участие в Даргинской экспедиции получил чин действительного статского советника; в 1851–1856 гг. — директор канцелярии наместника кавказского, с 1856 г. — тайный советник, сенатор, в 1865–1866 гг. — начальник Главного управления по делам печати; сенатор (с 1856 г.), автор книги «Биография генерал-фельдмаршала князя М. С. Воронцова» (СПб., 1858).

[5] П. Д. Киселев.

[6] Александров Петр Кондратьевич — подполковник, командир 11-й батареи конно-артиллерийской бригады Черноморского казачьего войска (КК за 1848 год. Тифлис, 1847. С. 83).

[7] Ермолов намекает на отставку П. А. Ладинского в 1847 г. и уволенного в 1845 г. М. П. Позена, он недолюбливал обоих за возвращение агаларам мусульманских провинций некоторых сословных и владельческих прав.

[8] Позен Михаил Павлович (1798–1871) — тайный советник (с 1842 г.), статс-секретарь (с 1836 г.), с 1817 г. — чиновник Департамента народного просвещения, затем Департамента разных податей и сборов, в 1828 г. — чиновник особых поручений при управляющем Военным министерством и управляющий 1-м отделением канцелярии Главного штаба; затем вел делопроизводство разных комитетов и комиссий при Военном министерстве, с 1837 г. управлял делами Комитета по устройству Закавказского края, с 1840 г. — член Комитета по устройству Закавказского края, в 1843 г. — управляющий VI отделением Собственной е. и. в. канцелярии, с 1845 г. в отставке, позднее — участник подготовки крестьянской реформы 1861 г.

[9] Петр Степанович Котляревский.

[10] У Г. В. Лихачева, попечителя тверской гимназии, собиравшегося сопровождать А. П. Ермолова в заграничной поездке, возникли сложности с получением заграничного паспорта, поэтому поездка задержалась. Наступившие затем революции в Западной Европе побудили Ермолова остаться дома.

[11] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

Н. Н. Муравьеву, 8 и 9 января 1848

[1] Речь идет о немилости Николая I к Н. Н. Муравьеву, который был сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости, покровительствовал сосланным декабристам; за это, а также за критику порядков в армии в 1837 г. подвергся опале и был отправлен в отставку. Около 11 лет жил с семьей в деревне жены Скорняково в Воронежской губернии, занимался хозяйством, улучшал жизнь своих крестьян, многим из них дал свободу. В 1848 г. был возвращен на службу, участвовал в походе в Венгрию в 1849 г., который называл «постыдным». Здесь А. П. Ермолов проводит параллель между своим положением (опалой) и положением Н. Н. Муравьева, так как оба пострадали от Николая I.

[2] Речь идет о Муравьевой Екатерина Федоровне, матери декабристов и родственников Н. Н. Муравьева Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых. Она была больна и скончалась в 1848 г.

[3] Ермолов проводит сравнение победы над Гергебилем и Салтами со взятием французами неприступной голландской крепости Берген-Оп-Зом под Лоуфельдом в 1747 г. во время войны за австрийское наследство, начатой спором между Фридрихом II прусским и австрийской императрицей Марией-Терезией. Франция выступала на стороне Пруссии, в войну оказались втянутыми и другие страны Европы, в том числе Россия, на стороне Австрии (История Франции. М., 1972. Т. I. С. 303).

[4] А. И. Чернышев — светлейший князь, военный министр и председатель Кавказского комитета.

[5] Абд-эль-Кадер (Абд Аль-Кадир) (1808–1883) — вождь национально-освободительной вооруженной борьбы («священной войны») алжирских племен против французских завоевателей, продолжавшейся полтора десятилетия — с 1832-го по 1847 г., создатель независимого государства (эмирата) на территории Западного Алжира. Отряды Абд-эль-Кадера неоднократно одерживали победы над французскими войсками. В результате подавления восстания в 1847 г. был взят в плен и отправлен во Францию, где содержался до 1852 г., когда был отпущен на свободу. Получив от правительства Наполеона III пожизненную пенсию, остаток жизни Абд-эль-Кадер провел на Ближнем Востоке, проживая по большей части в Дамаске (БСЭ. М., 1969. Т. 1).

[6] Речь идет о новом назначении на службу Н. Н. Муравьева. Видимо, Ермолов уже знал о нем от М. Н. Муравьева, родного брата Николая Николаевича, который в 1848 г. был сенатором и тайным советником.

[7] Е. А. Головин в 1845–1848 гг. занимал должность лифляндского, эстляндского и курляндского генерал-губернатора. В 1848 г. — назначен членом Государственного совета.

[8] Александр Аркадьевич Суворов.

[9] Завадовский Николай Степанович (1788–1853) — генерал от кавалерии, с 1830 г. — наказной атаман Черноморского казачьего войска, с 1848 г. — командующий войсками на Кавказской и на Черноморской береговой линиях.

[10] Н. Г. Устрялов.

[11] Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — граф, с 1811 г. — почетный член Петербургской Академии наук, в 1818–1855 гг. — ее президент, с 1832 г. — товарищ министра, в 1838–1849 гг. — министр народного просвещения, творец теории официальной народности. [12] Николаем I.

П. Х. Граббе, 27 февраля 1848

[1] Оссиан (Ossian) — легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданиям, в III в. в Ирландии и воспевавший подвиги своего отца Финна (Фингала) Мак-Кумхайла и его дружинников-фениев (фианов). Сказания о них в течение веков существовали в Шотландии и, особенно, в Ирландии в устной традиции; некоторые из них записаны не позднее XII в. Честь «открытия» поэзии Оссиана приписал себе Дж. Макферсон, издавший в 1765 г. «Сочинения Оссиана, сына Фингала». Исследованиями ученых-кельтологов XIX и XX вв. установлено, что «Сочинения», исключая несколько фрагментов, представляют собой литературную подделку (*Ланн Е.* Литературные мистификации. М.—Л., 1930; *Масанов Ю. И.* В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963).

[2] Ср. цитату из «Оссиана»: «Я вперяю взор в племена, и они исчезают; ноздри мои источают дыхание смерти. Вольный, я ношусь на ветрах, бури предшествуют мне».

М. С. Воронцову, 18 марта 1848

[1] Речь идет о повторной экспедиции в селение Гергебиль.

[2] См. прим. 3 к письму А. Я. Булгакову от 26 ноября 1845 г.

[3] Революция во Франции стала катализатором революций в других странах Европы. Бурные манифестации проходили в Берлине. Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861), прусский король с 1840 г., обещал созвать ландтаг и ввести конституцию. Однако в толпе, собравшейся приветствовать королевский манифест, солдатами были убиты несколько человек, что привело к погромам и кровопролитным столкновениям с вой-

сками. В итоге власть вынуждена была увести войска в казармы (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 75–77).

[4] 22 февраля 1848 г. в Париже началась революция, король Луи-Филипп отрекся от престола, во Франции была провозглашена республика и 25 февраля образовано временное правительство. В данном случае речь идет о политике невмешательства европейских государств во внутренние дела Франции. Со своей стороны французское правительство, опасавшееся внешней интервенции, заявило, что Французская Республика никому не намерена объявлять войну и не будет вести «подпольной зажигательной пропаганды в соседних государствах» (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 5–16).

[5] Военные приготовления происходили на случай начала большой европейской войны и волнений в Царстве Польском.

[6] Бессрочные или бессрочноотпускные — лица, находящиеся в бессрочном отпуске от военной службы вплоть до призыва. Бессрочный отпуск практиковался в русской армии с 1834-го до 1874 г., в такой отпуск первоначально увольнялись нижние чины, прослужившие беспорочно 20 лет, однако позднее этот срок неоднократно сокращался, с 1841 г. бессрочные отпуска были введены и для офицеров.

[7] М. П. Позен был очень умным и работоспособным чиновником, он много лет работал в Военном министерстве, позже сотрудничал с А. И. Чернышевым в Комитете по делам Закавказского края, по сути, был создателем Кавказского комитета в 1845 г. Конфликт с М. С. Воронцовым возник по поводу текста Рескрипта о полномочиях кавказского наместника, подготовленного Позеном для Воронцова. На самом деле свидетели этого конфликта сходились в мнении о том, что Воронцов не хотел иметь в Кавказском комитете человека умного и более опытного в кавказских делах, чем он сам. Известный государственный деятель А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Позен уволен от должности. Бесконечные толки. Дело, между тем, очень просто объясняется пословицей: «Два медведя в одной берлоге не могут жить…» Позен настолько умен и сознателен, что не мог занимать важное место без влияния, а граф Воронцов не мог допустить, чтобы между ним и государем стоял посредником умный человек». А. А. Харитонов, чиновник Временного VI отделения и канцелярии Кавказского комитета, много лет прослуживший в администрации наместника кавказского и хорошо знавший Позена, писал в воспоминаниях, что его с Воронцовым поссорил князь А. И. Чернышев, который хотя и был de jure председателем Кавказского комитета, de facto «душой» комитета был Позен (*Никитенко А. В.* Записки и дневник. 1804–1877. СПб., 1905. Т. I. С. 357. Из воспоминаний А. А. Харитонова. // РС. 1894. № 2. С. 106).

[8] Гаки-Паша — с 1829 г. главнокомандующий турецкими войсками в Арзруме; был взят в плен русскими войсками в ходе сражения 20 июня 1820 г. Встречу с пленным Гаки-Пашой описал А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

[9] П. С. Верзилин.

[10] П. П. Пален.

[11] О том, что в Париже произошла революция, в Вене стало известно 29 февраля, а 13 марта 1848 г., в день созыва нижнеавстрийского сейма, началась революция в Австрии. Под влиянием народного движения в столице глава правительства К. Меттерних ушел в отставку и поспешно бежал в Лондон. 15 марта император обещал жителям Вены созыв учредительного собрания «в целях конституционного устройства отечества». Вслед за Веной революционное движение началось в Галиции, Чехии и Венгрии. Австрийская конституция была объявлена 25 апреля и представляла собой копию бельгийской. Действие этой конституции не распространялось ни на Венгрию, ни на Ломбардо-Венецианское королевство, ее отказались также признать Чехия и Галиция (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 111–118).

[12] Фердинанд I (1793–1875) — австрийский император (1835–1848) и венгерский и чешский король — был болезненным и не имевшим государственных способностей человеком; отрекся от престола 2 декабря 1848 г.

[13] Речь идет о Манифесте Николая I, изданном 14 марта 1848 г., по поводу начавшихся революционных событий в Европе: «После благословений долголетнего мира, — говорилось в нем, — запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства... Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России. Но да не будет так!.. Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они не предстали» (ПСЗ-II. № 22087 от 14 марта 1848 г. Т. XIII. Отд. 1. СПб., 1849. С. 181–182).

[14] После кровавых событий 18–19 марта 1848 г. толпа снесла трупы жертв революции во двор королевской резиденции и криками стала вызывать короля; «он вышел на балкон под руку с королевой Елизаветой и поклонился трупам» (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 77–78).

[15] К. Меттерних-Виннебург.

[16] А. И. Чернышев командовал отрядом, который в 19 сентября 1813 г. после трехдневного боя взял Кассель.

Р. И. фон дер Ховену, 7 апреля 1848

[1] Ламартин Альфонс (1790–1869) — французский поэт и политический деятель. В 1830 г. был избран в члены Французской академии, а в 1833 г. — депутатом палаты. В 1848 г. — министр иностранных дел во временном правительстве, автор «Истории жирондистов» (1847 г.) и «Истории Реставрации» (1851–1853 гг.).

[2] Диета — собрание выборных. Речь идет о «предварительном парламенте», заседавшем с 31 марта по 3 апреля 1848 г. во франкфуртской церкви Святого Павла (Паульскирхе).

[3] Фридрих-Вильгельм IV.

[4] Сыновей своих, служивших на Кавказе.

М. С. Воронцову, 12 апреля 1848

[1] «Предварительный парламент» подготовил выборы в Национальное собрание, открывшееся в мае 1848 г. Это был первый общегерманский парламент, задачей которого было создание единого общегерманского государства. Он разработал проект так называемой Конституции Паульскирхе, построенной на принципах парламентской демократии, и принял его 18 марта 1849 г. Конституция отвечала основным требованиям, выдвигавшимся либеральными и национально ориентированными общественными силами, которые с 1815 г. находились в оппозиции к системе реставрации, отстаиваемой Меттернихом. В частности, конституция предусматривала целый перечень основных конституционных прав и свобод, а также учреждение конституционной монархии во главе с наследным кайзером.

[2] Гагерн Генрих Вильгельм Август, фон (1799–1880) — барон, немецкий политический деятель, умеренный либерал, выпускник Гейдельбергского университета (как и сенатор Ган), в мае-декабре 1848 г. — президент Франкфуртского парламента, в декабре 1848 — мае 1849 г. — министр-президент, а также министр внутренних и иностранных дел общегерманского правительства, в 1864–1872 гг. — гессенский посланник в Вене.

[3] Вильгельм I (Вильгельм-Фридрих-Людвиг) (1797–1888) — младший брат и наследник бездетного Фридриха-Вильгельма IV; с 1858 г. — регент, с 1861 г. — прусский король, с 1871 г. — германский император. Во время революции 1848 г. занимался организацией подавления восстания в Берлине.

[4] Вильгельм IV и Вильгельм I были родными братьями императрицы Александры Федоровны.

[5] Радецкий Иоганн Иосиф Венцель (1766–1858) — австрийский фельдмаршал, командовал австрийской армией в Италии. В марте 1848 г. началось восстание в Ломбардо-Венецианском королевстве, входившем в состав Австрии, и, опасаясь быть изолированным, Радецкий вынужден был увести войска из Милана; 23 марта была провозглашена Венецианская республика; восставших поддержал сардинский король Карл-Альберт, двинувший против Радецкого свою армию; в итоге австрийские войска оказались заперты в крепостях «четырехугольника» (Верона, Мантуя, Пескиера и Леньяго) (История XIX века. / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 51–55).

[6] Эсклавония — Богемия.

[7] Иллирия — древнее название западной части Балканского полуострова, которую населяли иллирийцы.

[8] Далмация — историческая область на территории современных Хорватии и Черногории.

[9] Уступки, данные венским двором Венгрии под нажимом революционного движения, спровоцировали национальные движения среди народов, входивших в состав Венгерского королевства и опасавшихся усиления национального гнета. Лидер иллирийского движения Л. Гай в первых числах апреля прибыл в Вену во главе депутации, требовавшей автономии Хорватии по отношению к Австрии и Венгрии, а также создания Далмато-Хорвато-Славонского королевства, которое должно было стать центром объединения южных славян, в т. ч. и тех, которые со временем освободятся из-под власти турок (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 122–123).

[10] Абдикация (*лат.* abdicatio) — добровольное отречение от престола, отказ от власти, должности или сана.

М. С. Воронцову, апрель 1848

[1] Ермолов С. Н. был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени 18 марта 1848 г. (Список кавалеров российских императорских и царских орденов за 1849 г. СПб., 1850. Ч. 1. С. 182). Сообщение об этом опубликовано в «Северной пчеле» 5 апреля (№ 76). С учетом времени доставки газеты из Петербурга в Москву данный фрагмент письма, скорее всего, является продолжением письма от 12 апреля.

[2] Иоганн Баптист (1782–1859) — эрцгерцог Австрийский, фельдмаршал, дядя Фердинанда I, наиболее популярный член правящей династии, 28 июня 1848 г. утвержден Франкфуртским национальным собранием в качестве имперского наместника, в 1849 г. сложил полномочия.

[3] Карл-Людвиг (1771–1847) — эрцгерцог Австрийский, герцог Тешенский, полководец, дядя Фердинанда I.

[4] Ф. Ф. Берг.

[5] Опасения оказались напрасными, и широкого размаха протестные настроения в Англии не приобрели, хотя чартистское движение продолжалось. Этому способствовала и экономическая политика правительства, сначала смягчившего, а потом отменившего ограничения на импорт хлеба. Однако экономическое положение было сложное, особенно в Ирландии, которую в 1846–1848 гг. вследствие неурожаев охватил голод (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1938. Т. 5. С. 377–381).

Р. И. фон дер Ховену, 3 мая 1848

[1] П. Х. Граббе.

[2] Царевич Илья Георгиевич.

[3] Дочь Романа Ивановича фон дер Ховена.

М. С. Воронцову, 11 июня 1848

[1] А. А. Закревский 6 мая 1848 г. был назначен московским военным генерал-губернатором.

М. С. Воронцову, 22 сентября 1848

[1] В письме от 11 июня 1848 г. Воронцов сообщал, что предполагает поехать сначала на воды, а потом в июле или августе в Крым (РА. 1890. Кн. 1. С. 336).

[2] В письме от 11 июня 1848 г. Воронцов сообщал, что просил о назначении графа Симонича на левый фланг Кавказской линии (РА. 1890. Кн. 1. С. 335).

[3] Ермолов иронизирует над должностью имперского наместника эрцгерцога Иоганна. Викарий в переводе с латинского — наместник, заместитель. Слово «викарий» имеет и другое значение — помощник епископа или епархиального архиерея.

[4] Истоки Тигра и Евфрата находятся на Армянском нагорье. Речь идет о военных действиях Паскевича на этих территориях в ходе русско-турецкой войны (1828–1829).

[5] Ламорисьер (Lamoricière) Кристоф (1806–1865) — французский генерал, в 1830–1848 гг. воевал в Алжире, где в 1847 г. взял в плен лидера алжирского национального движения Абд-эль-Кадера; с июня по декабрь1848 г. в условиях революции военный министр. В данном случае Ермолов проводит параллель между завоеванием Россией кавказских горцев и французским завоеванием алжирских племен.

[6] Север Ермолов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом 10 августа 1848 г. (Список кавалеров российских императорских и царских орденов за 1849 г. Ч. 1. СПб., 1850. С. 633).

[7] Судя по послужному списку, К. А. Ермолов был отпущен в отпуск на 4 месяца с 8 ноября 1848 г. (РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 276).

М. С. Воронцову, 25 октября 1848

[1] Речь идет об осаде войсками Шамиля укрепления Ахты — одного из пунктов, обеспечивающих связь между Темир-Хан-Шурой и Южным Дагестаном. Она была предпринята после падения Гергебиля. Осада Ахты началась 14 сентября 1848 г., 20 и 22 последовали два неудачных штурма, а 23 сентября после подхода войск Аргутинского-Долгорукова осада была снята. После освобождения аула Аргутинский устроил жестокую расправу с теми, кого он подозревал в связях с Шамилем, — некоторые из подозреваемых были по его приказу заколоты штыками (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 490).

[2] Взятие в 1847 г. аула Салты и в 1848 г. Гергебиля давало русскому командованию такую возможность: войска Аргутинского-Долгорукова подошли к Гергебилю 9 июня и до 13 июня производили рекогносцировку; 5 июля аул был полностью обложен русскими войсками, после чего началась его бомбардировка; 7 июля Гергебиль был взят и разрушен (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 488).

М. С. Воронцову, 1 ноября 1848

[1] См.: РА. 1890. Кн. 1. С. 340.

[2] Мохаммед-Шах (1808–1848) — сын Аббаса-Мирзы, шах Персии с 1834 г.

[3] Бахман-Мирза (1811–1884) — сын Аббаса-Мирзы, в 1842–1847 гг. — генерал-губернатор Южного Азербайджана, в мае 1848 г. бежал в Тифлис.

[4] Насреддин-Шах (1831–1896) — сын Мохаммед-Шаха, шах Персии с 1848 г.

[5] Ермолов имеет в виду революционные события 1848–1849 гг. в Австрийской империи. Помимо глубокого кризиса политической системы поводом к революции послужили межэтнические противоречия в многонациональном государстве, стремление народов империи к культурно-политической автономии. В марте 1848 г. произошла

революция в Венгрии. Венгрия получила права суверенного государства лишь с оговорками, что она должна была принимать участие в расходах на содержание венского двора и дипломатического корпуса, а во время войны императору предоставлялось право распоряжаться армией. Была проведена конституционная реформа — создано отдельное ответственное министерство, введены свобода печати и суд присяжных, единственным государственным языком признан мадьярский и т. д. Однако радикальное крыло пришедшего к власти правительства во главе с министром финансов Л. Кошутом стремилось добиться создания совершенно независимого государства, в результате чего произошел полный разрыв с венским двором. Королевский манифест от 3 октября 1848 г. объявил парламент распущенным, а саму Венгрию на осадном положении. Главнокомандующим венгерскими войсками и наместником в Венгрии был назначен хорватский генерал Й. Елачич — сторонник отделения Хорватии от Венгрии. В октябре 1848 г. венский гарнизон должен был по приказу военного министра Т. Латура отправиться в Венгрию для усиления императорских войск, боровшихся с революцией. Это привело к новому всплеску революционного движения в Вене, в результате чего отправка войск была приостановлена, а министр схвачен 6 октября в своем доме и повешен толпой на фонаре. Император бежал из Вены в Ольмюц, а маршалу А. Виндишгрецу, назначенному главнокомандующим австрийскими войсками, было поручено усмирить столицу. Венгерская революционная армия, на помощь которой рассчитывали сторонники революции, была отброшена и после трехдневного сражения 31 октября Вена сдалась (История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. 5. М., 1938. С. 114–128).

[6] Имеется в виду Франкфуртское национальное собрание 1848–1849 гг.

[7] Фридрих-Вильгельм IV.

М. С. Воронцову, 13 декабря 1848

[1] Имеется в виду письмо Воронцова Ермолову от 5 ноября 1848 г., в котором речь, среди прочего, идет и о предполагаемой поездке наместника в июне 1849 г. в Москву, а затем в Петербург (РА. 1890. Кн. 1. С. 340–342).

[2] Речь идет о сочинении Е. А. Головина «Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года» (Рига, 1847).

[3] А. А Суворов.

[4] Бюрно Карл Иванович (1796 — после 1859) — инженер-генерал-майор, уроженец Сардинии, участник русско-турецкой войны (1828–1829), с 1844 г. служил на Кавказе, участвуя в экспедициях против горцев. За оставление позиции при селении Борчалы во время осады Шамилем Ахтынского укрепления был подвергнут суду и уволен от службы, с 1855 г. состоял при оренбургском генерал-губернаторе, с 1859 г. в отставке.

[5] Воронцов получил орден Св. Георгия 4-й степени 28 августа 1804 г. за отличие под Эриванью. В письме от 5 ноября 1848 г. он сообщает Ермолову о возвращении из Эривани и о посещении мест, где «получил Георгиевский крест и через чин пожалован в гвардии капитаны» (РА. 1890. Кн. 1. С. 341–342).

[6] Ранее, в письме от 1 июля 1847 г. Воронцов сообщил Ермолову об обнаружении в Казыкумухе угля, что, по мнению наместника, давало возможность содержать там постоянно войска (РА. 1890. Кн. 1. С. 209).

[7] Север Ермолов получил в 1848 г. орден Св. Владимира 4-й степени; Клавдий Ермолов 8 марта 1848 г. стал подпоручиком со старшинством с 4 июня 1847 г. (РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 275 об.).

[8] Л. А. Перовскому.

М. С. Воронцову, 6 января 1849

[1] Головин Павел Евгеньевич (1819–1849) — адъютант цесаревича Александра Николаевича, штабс-капитан лейб-гвардии Саперного батальона.

С. Н. Ермолову, 21 января 1849

[1] А. И. Чернышев.
[2] В. А. Нагибин.
[3] В. С. Голицын.
[4] П. Е. Коцебу.
[5] М. С. Воронцов.
[6] Г. Ф. Гежелинскому.

М. С. Воронцову, 14 февраля 1849

[1] 23 января 1849 г. Воронцов ответил Ермолову сразу на два письма — от 13 декабря 1848 г. и от 6 января 1849 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 344).

[2] Ковалевский Петр Петрович (1808–1855) — с 1843 г. — начальник 20-й артиллерийской бригады, с 1845 г. — генерал-майор и начальник правого фланга Кавказской линии, позднее генерал-лейтенант. В 1855 г. во время Крымской войны участвовал в осаде Ардагана, а 17 сентября того же года был смертельно ранен во время неудачного штурма Карса.

[3] Орбелиани Григорий Дмитриевич (1804–1883) — князь, генерал от инфантерии с 1862 г., с 1820 г. — портупей-прапорщик Грузинского гренадерского полка; активный участник заговора грузинского дворянства 1832 г., после раскрытия заговора был приговорен к ссылке на три года; затем переведен на службу сначала в Образцовый, а потом — в Невский пехотный полк; с 1836 г. — штабс-капитан. На Кавказ вернулся в 1838 г.; в 1847 г. Орбелиани участвовал в штурме Гергебиля, а с 14 июля командовал Апшеронским пехотным полком. В 1848 г. князь Аргутинский-Долгоруков повторно штурмовал Гергебиль, Апшеронский полк в этой экспедиции сыграл одну из ведущих ролей, и за боевые отличия Орбелиани был произведен в генерал-майоры. В 1850 г. он был назначен командиром 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, а с конца 1851 г. управлял Джаро-Белоканской областью и был начальником Лезгинской линии. В 1859–1866 гг. — председатель Совета кавказского наместника, в 1860–1866 гг. — тифлисский генерал-губернатор, с 1866 г. — член Государственного совета. Один из известнейших грузинских поэтов.

[4] П. Н. Ермолов.

[5] Чиляев Борис Гаврилович (1798–1864) — воспитанник Горного кадетского корпуса, начал службу в армии юнкером лейб-гвардии Финляндского полка в 1816 г., затем служил в Отдельном Кавказском корпусе. Участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн. С 1827 г. — майор Эриванского карабинерного полка, позже — тифлисский полицмейстер, в 1828–1829 гг. — правитель горских народов по Военно-Грузинской дороге, с 1839 г. — полковник, в 1840–1841 гг. — командовал Грузинским гренадерским полком, в 1847–1849 гг. — командир Мингрельского, а затем Тифлисского егерских полков, с 1848 г. — генерал-майор и начальник Джаро-Белоканского военного округа и всей Лезгинской кордонной линии.

[6] Г. Е. Шварц.

[7] 22 сентября 1848 г. М. З. Аргутинский-Долгоруков, двигавшийся с Самурским отрядом на выручку осажденному укреплению Ахты, разбил при селении Мискинджи выставленный против него заслон. В результате, 23 сентября, Шамиль, опасаясь удара в тыл, снял осаду с Ахты (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 490).

[8] Селение Ахты было взято русскими войсками в 1839 г., и тогда же была заложена крепость Ахты (Ахтинское укрепление). В 1848 г. она прославилась геройской защитой против атаки Шамиля. В селе Ахты располагалась штаб-квартира начальника Самурского округа Дагестанской области.

[9] В 1838 г. рутульский Ага-Бек с ополчением из Борча, Хнова и других рутульских селений Дагестана неожиданно захватил г. Нуху, хотя на третий день вынужден был бежать оттуда. Эти события в 1839 г. повлекли за собой выступления русских войск в Рутул, в результате чего рутульский магал был присоединен к России.

[10] Салвогвардия — охранная грамота или письмо, удостоверение.

[11] С. А. Булгаков.

[12] См. прим. 2 к письму М. С. Воронцову от 13 декабря 1848 г.

[13] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[14] В письме от 17 марта1849 г. Воронцов сообщил Ермолову, что о просьбе Палавандова официально писал в Петербург и получил известие, согласно которому император согласился на отсрочку долга его жены «на 18 лет по 500 руб. в год без процентов» (РА. 1890. Кн. 1. С. 348).

[15] Воронцов к письму Ермолову от 28 января 1849 г. приложил открытое письмо баронессе Розен, которое просил прочитать и передать ей. Ермолов должен был по просьбе Воронцова выяснить у баронессы, какая именно помощь нужна ее семейству, и посоветоваться с ней «когда и каким образом приступить к делу». Воронцов сомневался, следует ли ему написать о ее просьбе в Петербург немедленно или лично решить этот вопрос во время предполагавшегося приезда летом (РА. 1890. Кн. 1. С. 345).

[16] В 1849 г. Прибиль все еще служил главным доктором военного госпиталя в Тифлисе (КК на 1849 год. Тифлис, 1848. С. 96).

[17] В письме от 17 марта 1849 г. Воронцов опроверг эти сведения. Хотя наместник и позволил Корганову, по просьбе семьи и духовенства, вернуться в Тифлис, но, увидев, что он хочет вмешиваться в дела, строго предупредил, чтобы «он жил в покое и в семейственном кругу, а в противном случае ему будет еще раз и в последний раз беда» (РА. 1890. Кн. 1. С. 347–348).

[18] Корганов действительно сыграл неприглядную роль во взаимоотношениях Ермолова и Паскевича. В архиве Ермолова сохранилась в двух вариантах записка, составленная в 1827 г. переводчиком Шамир-Ханом Бегларовым, который клялся богом в достоверности сообщаемых сведений. В ней перечисляется множество прегрешений и преступлений Корганова. «Поручик Иван Курганов был всегда развратного и гнусного поведения. Женясь на богатой невесте из фамилии Аргутинской, он обокрал жену свою, расхитил все вещи и разным претеснением довел ее до гроба». В 1807 г. Гудович приказал предать Корганова суду за воровство и побег из ахалкалакского похода, а также за вредные разглашения в Тифлисе. В 1808 г. Корганов был судим за кражу денег и вещей у комиссионера Рахманова и приговорен к ссылке, но по просьбе духовенства Гудович заменил ее на семилетнее пребывание в одном из монастырей. Обвинялся он и в краже золотых часов у правителя канцелярии Могилевского и 1000 червонцев и вещей у грузинской «царевны Элены Семеновны». В 1816 г. он принял на себя втайне от Ртищева роль посредника между грузинским царевичем Александром и петербургским двором. В Петербурге он объявил, что царевич хочет возвратиться в Грузию, ему поверили, наградили чином поручика, дали для царевича деньги, вещи и письмо от государя. Часть денег Корганов украл, а когда царевич узнал об этом и приказал его повесить, то сбежал и явился в Тифлис к прибывшему на Кавказ Ермолову. Обвинялся Корганов и в подделке финансовых документов, и в предоставлении начальству ложных сведений, и в нанесении самому себе раны во время сражения с персиянами. «Курганов… таковым всему обще-

ству известен и прозван вором и Ванькою Каином, теперь только начали некоторые жители принимать его, так как он распускает о себе разные слухи и ездит с генералами», — говорилось в записке. Эта записка тогда же была представлена Ермоловым Дибичу. Как следует из ермоловской приписки на документе, Дибич «по благородным свойствам его не мог иметь доверенности к подобному мошеннику», но Паскевичем Корганов был «принимаем благосклонно, обласкан и ободрен». «По наставлению его еще до удаления моего из Грузии, — пишет Ермолов, — составлял на меня доносы и представлял Паскевичу, которому слишком понятно было намерение благотворящего ему Императора изгнать меня и дать мое место» (РГАДА Ф. 1406. Оп. 1. Д. 300. Л. 1–4). О близости Корганова к Паскевичу свидетельствует и сохранившийся в архиве Паскевича черновик письма, адресованного императору. «Вот мое положение, — пишет Паскевич, — я боюсь всего, всегда, во всякое время, получаю от всех со многих сторон, чтобы я опасался кинжалу или быть отравлену, беспрестанно сии слова доходят ко мне». В качестве доказательства обоснованности своих опасений Паскевич приводит слухи, что «здешний архиерей», враг Ермолова, был отравлен, равно как был отравлен Мадатовым по приказу Ермолова и нухинский хан — «ето все говорят». «При мне находящийся Курганов, — пишет Паскевич, — уверяет меня, что будто сам Ермолов ему давал яд, чтобы он отравил бунтующего царевича грузинского. Неистовства его превосходят все меры, и он из собственных рук бил полковников запершись… Карабагский хан прислал яд, который Мадатовым дан был его человеку, дабы его отравили, но тот ему хану отдал, он писал к Ермолову, который отвечал, что кто-нибудь из его неприятелей ему это сделал» (РГИА Ф. 1018. Оп. 4. Д. 457. Л. 1–2).

С. Н. Ермолову, 20 февраля 1849

[1] А. И. Чернышева.

[2] Л. А. Перовский.

[3] Г. Ф. Гежелинский.

[4] Гагарин Александр Иванович (1801–1857) — адъютант князя М. С. Воронцова, генерал-лейтенант, градоначальник Дербента, кутаисский генерал-губернатор. Был смертельно ранен сванетским князем Константином Дадешкилиани в 1857 г.

[5] В. С. Голицын.

[6] М. В. Гежелинская.

[7] И. А. Прибиль.

[8] Колюбакин Николай Петрович (1811–1868) — кутаисский вице-губернатор с 1850 г., с 1861 г. — генерал-лейтенант, с 1863 г. — сенатор, известный публицист.

[9] Филиппьев Александр Константинович — армейский майор, тифлисский уездный начальник (КК на 1850 год. Тифлис, 1849. С.11).

С. Н. Ермолову, 1 марта 1849

[1] Давыдов Ростислав Дмитриевич — адъютант М. С. Воронцова, в 1849 г. — ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка.

[2] Лобанов-Ростовский Михаил Борисович (1819–1858) — князь, в 1845–1846 гг. — прапорщик, затем поручик лейб-гвардии Драгунского полка, адъютант М. С. Воронцова, позднее — флигель-адъютант.

[3] Букчиев Дмитрий Иванович — полковник, в 1849 г. — комендант Александрополя (КК на 1849 год. Тифлис, 1850. С. 86).

[4] Моллер Эдуард Антонович, фон (1820–1978) — генерал-лейтенант, герой Крымской войны. В 1849 г. — штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка, состоял для особых поручений при М. С. Воронцове.

[5] Блот Поль — владелец модного магазина и парикмахерской в Тифлисе (КК на 1849 год. Тифлис, 1850. С. 108).

[6] Шмидт К. Э. — владелец аптеки в Тифлисе (там же. С. 167).

[7] Крылов Василий Антонович — эконом Закавказского института благородных девиц (там же. С. 61).

[8] А. П. Ермолов переслал С. Н. Ермолову ответ М. Н. Муравьева по поводу перевода Сергея Николаевича на новое место службы.

М. С. Воронцову, [март 1849]

[1] А. И. Барятинский.

[2] Николай Михайлович Левицкий — полковник Кабардинского егерского полка. В письме от 20 августа 1849 г. Воронцов сообщил Ермолову, что Левицкий был траншей-майором и погиб под Чохом во время ночного нападения горцев на траншею (РА. 1890. Кн. 1. С. 351). По данным А. Л. Гизетти, убитый под Чохом 24 июля полковник Левицкий был полковником Апшеронского полка (*Гизетти А. Л.* Сведения о потерях кавказских войск. 1801–1885. Тифлис, 1901).

С. Н. Ермолову, 31 марта 1849

[1] Шпанов Михаил Михайлович — младший чиновник в канцелярии тифлисского военного губернатора и управляющего гражданской частью генерал-майора С. Н. Ермолова (КК на 1849 год. Тифлис, 1950. С. 8).

С. Н. Ермолову, 16 мая 1849

[1] Ермолов Дмитрий Николаевич (1805–1872) — двоюродный брат А. П. Ермолова, генерал-майор.

[2] Ермолов Григорий Сергеевич родился 23 апреля 1849 г. в Тифлисе, умер 17 августа 1850 г. в Витебске.

С. Н. Ермолову, 7 июля 1849

[1] Вероятно, речь идет о Туманове Михаиле Бертеловиче, управляющем канцелярией тифлисского губернатора (КК на 1849 год. Тифлис, 1850. С. 180).

М. С. Воронцову, 24 июля 1849

[1] П. Д. Киселев.

В. О. Бебутову, 27 августа 1849

[1] Белявский Константин Яковлевич (1802–1857) — генерал-лейтенант с 1849 г. В 1845 г. состоял по особым поручениям при наместнике кавказском и главнокомандующем Отдельным кавказским корпусом М. С. Воронцове, в 1847 г. назначен кутаисским военным губернатором и управляющим гражданской частью.

[2] См. прим. 17 к письму М. С. Воронцову от 31 августа 1846 г.

[3] Иеремия — библейский пророк, две книги которого — «Книга Иеремии» и «Плач Иеремии» — входят в текст Ветхого Завета. «Плач Иеремии» оплакивает падение царства Иудейского в 586 г. до н. э.

С. Н. Ермолову, 5 сентября 1849

[1] Л. А. Перовский.

С. Н. Ермолову, 13 октября 1849

[1] Андронников (Андроников) Иван Малхазович (1798–1868) — князь, генерал-майор (с 1842 г.), генерал-лейтенант (с 1850 г.), в 1849–1856 гг. — тифлисский военный губернатор и управляющий гражданской частью, в годы Крымской войны командовал частью войск, расположенных на кавказско-турецкой границе.

В. О. Бебутову, 24 ноября 1849

[1] Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789–1881) — барон, в 1818 г. в чине полковника назначен командиром Астраханского кирасирского полка, в 1826 г. под началом А. П. Ермолова участвовал в походе против лезгин, участник русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, в 1828–1829 гг. — начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, участник подавления польского восстания и революции в Венгрии в 1849 г., с 1843 г. — генерал от кавалерии, с 1853 г. — командир 3-го пехотного корпуса, с 1854 г. — 4-го пехотного корпуса, с 1856 г. — член Государственного совета.

[2] Бебутов Василий Осипович был женат на Марии Соломоновне, урожденной княжне Аргутинской-Долгоруковой.

А. И. Философову, 17 марта 1850

[1] Философов Алексей Илларионович (1800–1874) — участник русско-персидской (1826–1827) и русско-турецкой (1828–1829) войн, в 1829 г. — помощник начальника артиллерии осадного корпуса под Силистрией, с 1838 г. — воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей, а с 1852 г. — выполнял при них роль попечителя, с 1847 г. — генерал-лейтенант, с 1859 г. — генерал от артиллерии.

[2] Михаил Павлович, великий князь, умер в 1849 г. в Варшаве.

А. И. Философсфову, 6 апреля 1850

[1] Безак Александр Павлович (1801–1868) — с 1848 г. — генерал-лейтенант, начальник штаба по управлению генерал-фельдцейхмейстера, а после смерти великого князя Михаила Павловича, в 1849–1852 гг. — начальник штаба инспектора всей артиллерии, с 1859 г. — генерал от кавалерии, в 1860–1865 гг. — оренбургский и самарский генерал-губернатор, с 1863 г. — член Государственного совета.

[2] В ответном письме Ермолову от 17 марта Философов писал, ссылаясь на разговор с начальником штаба артиллерии генерал-адъютантом Безаком, что закон воспрещает Закревскому брать адъютанта из гвардейской артиллерии. Предполагалось обойти этот закон причислением Севера к Закревскому офицером по особым поручениям (РГИА Ф. 1075. Оп. 1. Д. 341. Л. 3).

[3] Гилленшмидт Яков Яковлевич (1782–1852) — с 1843 г. — генерал от артиллерии, инспектор всей артиллерии с 1849 г.

С. Н. Ермолову, не позднее 20 мая 1850

[1] Д. Н. Ермоловым.

С. Н. Ермолову, 20 мая 1850

[1] Ермолова Анна Григорьевна, урожденная Оболонская (1807–1852) — вдова П. Н. Ермолова, дочь малороссийского богача, коллежского советника Григория Петровича Оболонского; ее сестра, Анастасия Григорьевна, с 1824 г. была замужем за князем Ильей Георгиевичем Грузинским (1790–1852), сыном последнего грузинского царя Георгия XII.

Р. И. фон дер Ховену, 15 октября 1850

[1] Огранович Николай Степанович (1809–1873) — генерал-лейтенант, командир гвардейской артиллерии.

[2] Николай — самый младший из сыновей А. П. Ермолова, родился в 1836 г.

[3] Даллер А. Х. — полковник лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады.

[4] Возможно, что Ермолов читал: The Poems of Ossian, in the original Gaelic, with a literal Translation into Latin, by the Late Robert Macfarlan, A. M., together with a Dissertation on the Authenticity of the Poems, by Sir John Sinclair, Bart... Published under the Sanction of the Highland Society of London, vol. I–III. London, 1807.

Р. И. фон дер Ховену, 25 октября 1850

[1] Николай воспитывался в семье Р. И. фон дер Ховена.

Р. И. фон дер Ховену, 11 ноября 1850

[1] Александр Николаевич — наследник российского престола, в 1850 г. возвращался из поездки на Кавказ.

М. С. Воронцову, 15 ноября 1850

[1] Во время поездки на Кавказ великого князя Александра Николаевича на пути из крепости Воздвиженской в Ачхой сопровождавший его конвой наткнулся на партию горцев. За участие в этой схватке по представлению М. С. Воронцова великий князь был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб., 1995. [Т. I.] С. 27).

[2] Укрепление Ачхой за Сунжей было основано в 1846 г., одновременно с укреплением на Фортанге. Его постройка являлась частью стратегии по продвижению в глубь Чечни. Опираясь на Воздвиженскую и Ачхой, русские войска систематически вырубали леса для прокладки стратегических военных дорог (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 480).

С. Н. Ермолову, 15 ноября 1850

[1] У С. Н. и М. Г. Ермоловых умер сын Григорий.

В. О. Бебутову, 20 ноября 1850

[1] Лелли Константин Федорович — в 1822 г. в чине титулярного советника был первым помощником секретаря посольства в Константинополе, в 1826–1829 гг. — консул в Молдавии, затем служил 2-м драгоманом Азиатского департамента МИД, с 1834-го до конца 1830-х гг. — консул в Кандии, с 1843 г. — управляющий дипломатической канцелярией главнокомандующего Закавказским краем, с 1845-го по 1860 г. — дипломатической канцелярией наместника кавказского, действительный статский советник.

[2] Александр Николаевич — великий князь.

М. З. Аргутинскому-Долгорукову, 23 ноября 1850

[1] Из ответа Аргутинского-Долгорукова от 22 декабря ясно, что речь идет о сыне Ермолова Клавдии (ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. Л. 128).

М. С. Воронцову, 13 декабря 1850

[1] Елизавета Ксаверьевна Воронцова в 1850 г. была награждена высшим женским орденом империи — большим крестом Св. Екатерины.

[2] Паскевич-Эриванская Елизавета Алексеевна, урожденная Грибоедова (1795–1856) — графиня, светлейшая княгиня Варшавская, 6 декабря 1823 г. в честь обручения великого князя Михаила Павловича была причислена к кавалерственным дамам малого креста ордена Св. Екатерины. Подобная награда являлась в то время исключительной, так как ее удостаивались только супруги генерал-адъютантов и высших придворных и военных чинов, между тем как Паскевич в то время был только генерал-лейтенантом. Немного позднее, в 1829 г., Елизавета Алексеевна пожалована была статс-дамой, а в 1846 г. удостоилась ордена Св. Екатерины первой степени.

[3] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

В. О. Бебутову, 14 декабря 1850

[1] Награжден был Джафар Кули-Ага Багиханов (1796–1867), потомок последнего бакинского хана Гусейна Кули-Хана. Джафар Кули-Ага состоял на русской службе, участвовал в русско-персидской войне 1826–1828 гг. и русско-турецкой войне 1828–1829 гг., за отличия был произведен в чин подпоручика. В 1838 г. за участие в экспедициях против горцев произведен в поручики Закавказского конно-мусульманского полка, в 1841 г. произведен в чин капитана. В начале 1840-х гг. участвовал в операциях в Самурском округе и в Нагорном Дагестане, в 1844–1848 гг. сражался под Салтами и Гергебилем, за особые отличия под Гергебилем в 1848 г. награжден золотой саблей «За храбрость». В 1849 г. — произведен в чин генерал-майора, в 1850 г. за беспорочную выслугу 25 лет — награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1856 г. присутствовал на церемонии коронования Александра II в Москве. С 1857 г. состоял при Кавказской армии, с 1864 г. — генерал-лейтенант.

[2] О Джафар-Кули-Аге, наследнике карабахского Мехти-Кули-Хана, речь идет в письмах Ермолова Воронцову от 10 января 1817 г. и А. А. Закревскому от 4 января 1817 г. и 15 декабря 1822 г., а также примечаниях к ним.

В. О. Бебутову, 1 января 1851

[1] М. С. Бебутова была награждена орденом Св. Екатерины 2-й степени.

Р. И. фон дер Ховену, 2 февраля 1851

[1] Артиллерийское училище было учреждено в 1820 г. по инициативе великого князя Михаила Павловича и после его кончины в 1849 г. получило название Михайловского.

[2] Прозвище старого денщика А. П. Ермолова Максимовича.

М. Г. Ермоловой, 20 марта 1851

[1] Гартунг Александр Николаевич — в 1851 г. — корнет.

[2] М. С. Воронцов.

[3] Князь А. И. Гагарин женился вторым браком на княжне Анастасии Давидовне (Тассо) Орбелиани (1825–1907), дочери известной в Тифлисе Мананы Орбелиани.

С. Н. Ермолову, 16 апреля 1851

[1] Речь идет о производстве адресата в 1851 г. в чин генерал-лейтенанта.

М. З. Аргутинскому-Долгорукову, 4 мая 1851

[1] Бриммер Эдуард Владимирович (1797–1866) — в 1822 г. перешел, по совету А. П. Ермолова, в Кавказскую артиллерийскую бригаду, участвовал в русско-турецкой

войне 1828–1829 гг., с 1848-го по 1856 г. — начальник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса, с 1866 г. — генерал от артиллерии.

[2] В ответном письме от 5 июня 1851 г. Аргутинский-Долгоруков сообщает, что командировал Клавдия Ермолова в отряд на правый фланг по желанию начальника артиллерии генерала Э. В. Бриммера, который желал таким образом доставить сыну Ермолова «новый случай к отличиям». На правом флаге предполагает быть и сам Воронцов, «который всегда и везде обращает особенное внимание на Ермоловых». В этом же письме Аргутинский-Долгоруков сообщает о получении присланных Ермоловым денег и о передаче их по назначению (ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 42).

[2] Деллингсгаузен Федор Карлович — барон, в 1851 г. — капитан Самурского пехотного полка, адъютант М. З. Аргутинского-Долгорукова.

М. З. Аргутинскому-Долгорукову, 14 мая 1851

[1] Это письмо было получено Аргутинским-Долгоруковым, как следует из его ответа от 31 августа, уже после возвращения из похода. Присланные при нем деньги (300 и 200 рублей серебром) были переданы по назначению (ОР РНБ Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 об. – 44).

С. Н. Ермолову, 26 августа 1851

[1] Речь идет о церемонии, посвященной 20-летию подавления Польского восстания 1830–1831 гг.

М. С. Воронцову, 2 сентября 1851

[1] Александра Иосифовна, урожденная Александра Фредерика Генриетта Паулина Марианна Элизабет принцесса Саксен-Альтенбургская (1830–1911) — с 1848 г. — супруга великого князя Константина Николаевича. 22 августа 1851 г. у супругов родилась дочь Ольга Константиновна, с 1867 г. — супруга греческого короля Георга I.

[2] Летом 1851 г. русские войска в основном действовали в Чечне. Шамиль в июне предпринял попытку овладеть Казыкумухом, но потерпел поражение от отряда Аргутинского-Долгорукова у Турчидага, хотя окончательное поражение его произошло только 12 июля. 21–24 июля Аргутинский-Долгоруков разбил вторгшегося в Табасарань Хаджи-Мурата (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 502–503).

[3] Хаджи-Мурат был одним из самых легендарных наибов Шамиля, царское правительство успешно воспользовалось популярностью Хаджи-Мурата среди горцев для привлечения их на свою сторону. Этому способствовал наметившийся в 1851 г. раскол в руководящих кругах имамата. Поводом для разрыва с Шамилем послужил приказ последнего построить в Табасарани крепость и организовать управление жителями. Хаджи-Мурат ограничился грабительским набегом. Шамиль потребовал отдать ему часть военной добычи, захваченной Хаджи-Муратом в табасаранской экспедиции (2500 рублей, дорогую шубу и стамбульское ружье, четырех лошадей и пленных детей Шах-Вали), но основные причины разрыва с Шамилем были связаны со стремлением наибов к укреплению собственной власти. Конфликт Шамиля с Хаджи-Муратом отразил общую тенденцию к распаду имамата. Лишь назначение наибом восточной части Аварии племянника Хаджи-Мурата Альбура позволило сохранить в тот момент единство имамата и не допустить отделения Аварии (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 440–442).

[4] 22 августа П. А. Клейнмихель получил знак отличия за 40 лет беспорочной службы, был удостоен высочайшего рескрипта, а его жена Клеопатра Петровна, урожденная Ильинская, пожалована в статс-дамы.

[5] С. М. Воронцов в 1851 г. вступил в брак с Марией Васильевной Трубецкой (1819–1895), которая была в первом браке за А. Г. Столыпиным.

[6] Трубецкая Софья Андреевна, урожденная Вейс (1795–1848) — супруга генерала от кавалерии, члена Государственного совета князя Василия Сергеевича Трубецкого (1776–1841).

М. С. Воронцову, 8 октября 1851

[1] Виктор Ермолов — с 1850 г. — штабс-капитан, 18 июня 1851 г. был переведен в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду (РГВИА Ф. 400. Оп. 17. Д. 3244. Л. 15 об.).

М. С. Воронцову, 1 декабря 1851

[1] С. М. Воронцов в 1849–1852 гг. командовал Куринским егерским полком, штаб-квартира которого размещалась в Воздвиженском укреплении в Чечне.

[2] Русским удалось переманить на свою сторону Хаджи-Мурата, 23 ноября 1851 г. он явился в отряд к Барятинскому, отсюда его отправили в Тифлис. Видя подозрительное отношение русских к себе, Хаджи-Мурат в 1852 г. сделал попытку бежать в горы и героически погиб в стычке с казаками в районе с. Нуха (Азербайджан). Его голова была выставлена в анатомическом театре Тифлиса. М. С. Воронцов в письме к А. П. Ермолову от 18 мая 1852 г. писал: «С Шамилем он бы не ужился надолго, но, может быть, на время помирился и был бы для нас немаловажной причиной беспокойства: человека, ему подобного, в Дагестане нет, не было кроме Ахверда-Магомы, убитого в 1844 г., и, кажется, не будет» (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 443). Л. Н. Толстой посвятил Хаджи-Мурату свою одноименную повесть.

М. С. Воронцову, 10 января 1852

[1] Султан елисуйский.

[2] Имеется в виду распространение учения тариката. См. прим. 2 к письму А. А. Закревскому от 13 декабря 1825 г. В 1860-х гг. в Дагестане стала распространяться новая форма тариката — так называемый «исправительный» тарикат.

[3] А. И. Чернышев. Ему в декабре 1851 г. исполнилось 65 лет.

[4] М. С. Воронцов родился в 1782 г., ему в мае должно было исполниться 70 лет.

[5] А. И. Чернышев фельдмаршалом так и не стал, а М. С. Воронцов получил этот чин только в 1856 г.

[6] Слепцов Николай Павлович (1815–1851) — герой Кавказской войны. За отличие в экспедиции против горцев 30 июня 1841 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. В сентябре 1844 г. произведен в чин майора и получил назначение в Кавказское линейное казачье войско. В 1845 г. назначен командиром 1-го Сунженского линейного казачьего полка и стал одним из руководителей создания станиц на реке Сунжа — Сунженской линии. В 1845 г. с казачьим Назрановским отрядом в Малой Чечне под начальством генерал-майора Нестерова участвовал в штурме аула Шауденьшари, за что произведен в чин подполковника. Когда в 1846 г. Шамиль переправился в ночь с 15 на 16 апреля со значительными силами через Сунжу и двинулся по направлению Большой Кабарды, Слепцов неожиданным нападением заставил его отступить. В 1847 г. Слепцов одержал победу над чеченцами на берегах реки Ассы, за что был произведен в полковники и награжден золотой саблей с надписью «За храбрость»; 14 октября того же года произвел удачное нападение на аулы ингушей-карабулаков. 19 января 1850 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. 22 августа 1850 г. казаки под командованием Слепцова штурмом взяли укрепленную линию Шамиля в Большой Чечне, преграждавшую путь к аулу Ведено, причем потеряли при штурме лишь

трех казаков. За это он был произведен в генерал-майоры и назначен начальником Верхне-Сунженской линии. 10 декабря 1851 г. на берегу реки Гехи Слепцов был убит в бою с чеченцами. По приказу военного министра от 29 декабря 1851 г., станица Сунженская была переименована в Слепцовскую.

С. Н. Ермолову, 10 января 1852

[1] Муравьев-Виленский Михаил Николаевич (1796–1866) — граф (с 1865 г.), с 1849 г. — генерал-лейтенант, с 1850 г. — член Государственного совета, с 1856 г. — генерал от инфантерии, в 1857–1862 гг. — министр государственных имуществ, в 1863–1865 гг. — виленский генерал-губернатор.

[2] Вероятно Л. А. Перовский.

[3] М. С. Воронцов. Намек на пушкинскую эпиграмму «Полумилорд-полукупец».

[4] Видимо, речь идет о витебском, могилевском и смоленском генерал-губернаторе князе Андрее Михайловиче Голицыне (1792–1863), начальнике С. Н. Ермолова.

М. С. Воронцову, 13 января 1852

[1] Нат Бурхард Адольфович — в 1852 г. — полковник Эриванского карабинерного полка, в 1854–1855 гг. — командир Нарвского 3-го пехотного полка.

[2] С. В. Сафонов.

[3] Фетх-Али-Шах (1762–1834) вступил на персидский престол в 1797 г.

[4] Наполеон III Бонапарт (полн. имя Шарль Луи Наполеон) (1808–1873) — президент Французской республики с 20 декабря 1848 г. по 1 декабря 1852 г., император Франции со 2 декабря 1852 г. по 4 сентября 1870 г. (со 2 сентября 1870 г. находился в плену). Племянник Наполеона I, после ряда заговоров с целью захватить власть, пришел к ней мирным путем как президент республики в 1848 г. Совершив переворот в 1851 г. и устранив через плебисцит законодательную власть, установил авторитарный полицейский режим и еще через год провозгласил себя императором Второй империи.

[5] Пальмерстон Генри Джон Темпль (1784–1865) — лорд, знаменитый английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем — внешней политикой государства, премьер-министр Великобритании в 1855–1858 и 1859–1865 гг.

[6] Кастельбажак Бартолеми Доминик Жан Арман (1787–1864) — маркиз, в 1849–1854 гг. — посланник Франции в России.

А. Я. Булгакову, 1 февраля 1852

[1] С. М. Воронцов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

М. С. Воронцову, 11 февраля 1852

[1] Речь идет о письме М. С. Воронцова от 17 января 1852 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 448–449).

[2] А. И. Барятинский был командующим 20-й пехотной дивизией и начальником левого фланга Кавказской линии. В начале января 1852 г. он предпринял поход в Большую Чечню, 6 января истребил аулы Автуры и Гельдыген, а 7 января выступил в ущелье Хулхулау по направлению к Ведено — резиденции Шамиля. Однако двигаться глубоко в горы он счел опасным и возвратился, уничтожив на обратном пути андийские хутора. С 10 января началось истребление аулов между Аргуном и Джалкой. А 18 января была предпринята экспедиция в Малую Чечню, где истреблены аулы по рекам Рошне и Гойте (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 508).

[3] С. М. Воронцов командовал Куринским егерским полком, входившим в 20-ю пехотную дивизию.

[4] Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1759–1813) — князь, генерал-фельдмаршал. В 1805 г. — главнокомандующий русской армией в войне с Францией, в 1811–1812 гг. — главнокомандующий молдавской армией в войне с Турцией, с августа 1812 г. — главнокомандующий всей русской армией в Отечественной войне с Наполеоном, в заграничном походе 1813 г.

[5] Кудашев Николай Данилович (1784–1813) — генерал-майор, участник войн с Наполеоном. Участвовал в кампании 1805 г. (Аустерлиц). В Отечественную войну 1812 г., будучи зятем М. И. Кутузова, состоял в его штабе.

[6] Розенберг Андрей Григорьевич (1739–1813) — генерал от инфантерии, в 1798 г. был назначен командиром вспомогательного корпуса, направленного на помощь Австрии против Франции, в 1799 г. прибыл в Верону и поступил под командование А. В. Суворова. Реплика Суворова связана с тем, что Розенберг не отличался большими военными дарованиями.

[7] Суслов Александр Алексеевич (1807–1877) — в 1846 г. — полковник, с 1847 г. — командир 6-й бригады Кавказского казачьего линейного войска, с 1849 г. — начальник Сунженской линии, с 1850 г. — генерал-майор и командир 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, с 1852 г. — командующий кавалерией в Прикаспийском крае, с 1854 г. — командир Эриванского отряда, с 1857 г. состоял при главнокомандующем Кавказской армией А. И. Барятинском; в 1858 г. произведен в чин генерал-лейтенанта.

[8] Шаховской Иван Леонтьевич (1777–1860) — князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, участник войн с Наполеоном, участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В 1823–1832 гг. — командир Гренадерского корпуса, с 1836 г. — председатель генерал-аудиториата, с 1839 г. — член Государственного совета, в 1848–1858 гг. — председатель Департамента военных дел Государственного совета.

[9] Прага, предместье Варшавы, была взята русскими войсками под командованием Суворова 24 октября 1794 г. в ходе подавления польского восстания.

[10] К. А. Ермолов стал адъютантом М. С. Воронцова 6 марта и прибыл к месту назначения 2 апреля 1852 г. (РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 276 об.).

[11] Речь идет о Н. П. Слепцове, погибшем 10 декабря 1851 г., и Ф. А. Круковском, убитом 18 января 1852 г. в ущелье р. Гойты. Круковской Феликс Антонович (1804–1852) — генерал-майор, с 1849 г. — наказной атаман Кавказского линейного казачьего войска.

[12] «Кавказский календарь» издавался в Тифлисе ежегодно с 1845 г., выходил до 1917 г.

М. С. Воронцову, 17 февраля 1852

[1] Витгенштейн Эмилий Карл Людвиг (1723 или 1724–1878) — князь, в 1845 г. — капитан гессенской службы, сопровождал принца Александра Гессенского на Кавказ; позднее генерал-майор (с 1856 г.); с 1849 г. на русской службе, участвовал в военных действиях на Кавказе до 1852 г., в войну 1877–1878 гг. находился в свите Александра II.

[2] Манюкин Захар Степанович (1799–1882) — полковник с 1847 г., командир Ширванского пехотного полка, с 1852 г. — генерал-майор, командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии, с 1858 г. — помощник командующего войсками в Прикаспийском крае, с 1859 г. — генерал-лейтенант, с 1860 г. — начальник 8-й пехотной дивизии. С 1861 г. — начальник 2-й пехотной дивизии, с 1865 г. — помощник командующего войсками Виленского военного округа, с 1870 г. — генерал от инфантерии.

[3] Более подробных сведений обнаружить не удалось.

М. С. Воронцову, 5 марта 1852

[1] Речь идет о письме М. С. Воронцова А. П. Ермолову от 18 февраля 1852 г. (РА. 1890. Кн. 1. С. 451–452).

[2] Север Ермолов.

[3] Чертков Александр Дмитриевич (1789–1858) — тайный советник, московский уездный и губернский предводитель дворянства, библиограф, нумизмат, историк и археолог; его дочь Софья Александровна (1831 — после 1903) была помолвлена с Севером Ермоловым, затем вышла за него замуж.

[4] А. Д. Чертков был женат на Елизавете Григорьевне, урожденной Чернышевой (1805–1858), которая была дочерью графа Григория Ивановича Чернышева. Ее брат Захар Григорьевич был декабристом, сестра Александра Григорьевна была женой декабриста Никиты Михайловича Муравьева и последовала за мужем в Сибирь, другая сестра — Наталья Григорьевна — была замужем за Николаем Николаевичем Муравьевым-Карским, с которым А. П. Ермолова связывали многолетние дружеские отношения.

[5] М. Д. Горчаков.

М. С. Воронцову, 10 марта 1852

[1] Франц-Иосиф I (1830–1916) — император Австрийской империи, король Богемии и Венгрии с 1848 г., с 15 марта 1867 г. — глава Австро-Венгрии.

[2] Полемика русских историков по поводу установления даты призвания варягов на Русь возникла в 1852 г. после выхода в свет анонимной статьи в № 8 Журнала Министерства внутренних дел (автором ее был историк С. М. Соловьев). Его новая датировка начала российской государственности — 852 г. — наделала много шума, но встретила решительный отпор со стороны официальной власти. Министр народного просвещения в докладе на высочайшее имя, ссылаясь на мнение историков-экспертов Н. Г. Устрялова и Я. И. Бередникова, а также на статьи М. П. Погодина, заявил, что «нет решительно никаких основательных причин отодвигать 1000-летие Российского государства, которое по ясному и неоспоримому свидетельству Нестора наступит в 1862 году». По этому поводу 21 августа 1852 г. был опубликовано Высочайшее повеление о праздновании тысячелетия России в 1862 г. (*Майорова О.* Бессмертный Рюрик. Празднование Тысячелетия России в 1862 г. // НЛО. 2000. № 43).

[3] Речь идет о 65-летии военного министра светлейшего князя А. И. Чернышева.

[4] В 1852 г. М. С. Воронцову исполнилось 70 лет.

М. С. Воронцову, 10 апреля 1852

[1] Среди опубликованных в «Русском архиве» в 1890 г. писем данное письмо отсутствует.

[2] 30 марта 1852 г. М. С. Воронцову был пожалован титул светлейшего князя.

[3] Речь идет о сочинении французского проповедника и писателя Э. Флешье «Надгробная похвала Тюренну», переведенном на русский язык И. В. Лопухиным в 1794 г. Тюрени сравнивается в нем с библейским персонажем, иудейским полководцем Иудой Маккавеем (*Флешье Э.* Надгробная похвала Тюренну. М., 1794. С. 5). См. также комментарий 8 к письму А. А. Закревскому от 20 мая 1819 г.

М. С. Воронцову, 20 июля 1852

[1] Ховен Константин Егорович (1801–1855) — в 1829–1833 гг. — командир Новороссийского драгунского полка, позднее — генерал-лейтенант, в 1852–1855 гг. — сенатор.

[2] Дуров Дмитрий Васильевич — в 1852 г. майор Кабардинского егерского полка.

М. С. Воронцову, 25 августа 1852

[1] В письме от 25 июля 1852 г. Воронцов сообщал Ермолову: «Глупое и совершенно несчастное предприятие Даниэль-Бека дало нам возможность и решительную волю

кончить важнейшее дело переселения на плоскость всех жителей верхних магалов… Теперь Даниэль-Бек сам дал на то сильный повод и дело сделано в пять или шесть дней без всякой с нашей стороны потери; около 1500 дворов, живущих в 15 деревнях, перешли и сами помогли истребить свои селения, проклинают Даниэль-Бека за его необузданное предприятие и он весьма растревожен потерею целого края, коего жители по принуждению его во всем помогали» (РА. 1890. Кн. 1. С. 455–457).

[2] В мае 1852 г. Шамиль предпринял неудачную попытку занять Военно-Грузинскую дорогу. Тогда же Даниэль-Бек атаковал Лезгинскую линию. Вместе с тем Даниэль-Бек вступил в переговоры с российскими властями с целью добиться прощения и позволения жить в Цахуре. Эти условия, однако, не были приняты (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 512).

[3] В 1841 г. Головин вылечил свою дочь Екатерину. В честь этого события он благоустроил целебный источник и назвал его именем исцеленной. Около Екатерининского источника археологи в 1912–1913 гг. во время раскопок на глубине 7 метров нашли древние каменные ванны, датируемые I в. н. э.

[4] Лещенко Василий Давидович — генерал-майор с 1851 г., в 1850–1854 гг. — командир 1-й бригады кавказских линейных батальонов.

С. Н. Ермолову, 1 октября 1852

[1] Министром внутренних дел в августе 1852 г. стал Д. Г. Бибиков.
[2] А. М. Голицын.
[3] Л. А. Перовский.

М. С. Воронцову, февраль 1853

[1] Из письма Воронцова к Ермолову от 22 января 1853 г. следует, что причиной отъезда С. М. Воронцова в отпуск за границу была болезнь его жены, которой было необходимо лечение в Париже (РА. 1890. Кн. 1. С. 460).

[2] Войска под командованием И. Ф. Паскевича в ходе русско-персидской войны 1 октября 1827 г. взяли Эривань. Согласно Туркманчайскому мирному договору от 10 февраля 1828 г. Эриванское ханство перешло к России (статья 3) и, кроме того, Персия должна была выплатить контрибуцию в 10 куруров, т. е. 20 млн. рублей серебром (Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 315, 317).

[3] В декабре 1852 — январе 1853 г. были проведены последние перед Восточной войной зимние экспедиции в Чечню. В декабре был взят и разрушен возникший неподалеку от Грозной аул Ханкала, затем русские войска совершили экспедицию в Нетхойское ущелье, а 28 января 1853 г. Барятинский выступил к Мичику. В течение первой половины февраля русские занимались рубкой просек от Мичика к укреплению Куринскому, 17 февраля войска Барятинского двинулись вперед и форсировали Мичик. Однако ни закрепиться там, ни вывести местное население на плоскость не удалось (*Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 513–514).

Ф. П. Корнилову, 21 мая 1853

[1] Корнилов Федор Петрович (1809–1895) — с 1849 г. — управляющий Канцелярией московского военного генерал-губернатора, в 1853 г. — статский советник, с 1880 г. — действительный тайный советник, статс-секретарь.

[2] Речь идет о просьбе полковника генерального штаба декабриста Александра Николаевича Муравьева, который сражался под командованием А. П. Ермолова под Бородино и под Кульмом. В письме Ермолову от 14 апреля 1853 г. из Петербурга он пишет,

что «заточенный в 1826 году за Байкал с большим семейством, отторгнутый от прямых источников существования», он жил в долг. За 13 лет, которые продолжались его странствия по России, он семь раз был переводим из губернии в губернию по службе, и его дела окончательно расстроились. Его имения оказались заложены в кредитные установления, кроме того, на них были и частные долги. В итоге имения Муравьева были назначены к продаже в январе 1853 г. Крестьяне его волоколамского имения в селе Бутово попросили принять их в ведомство государственных имуществ с тем, что обязуются взять на себя уплату большей части казенного долга, лежащего на двух имениях Муравьева. Однако назначенные торги не состоялись и московский генерал-губернатор А. А. Закревский, которому было высочайше поручено заниматься данным делом, по сведениям Муравьева, решил приобрести имение с аукциона с соблюдением максимальных выгод казны. Муравьев, опасавшийся, что в этом случае имение будет продано «почти за ничто» и он не сможет расплатиться с частными долгами, обратился с письмом к Закревскому, чтобы тот, не дожидаясь очередных торгов, приступил к приобретению имения «соображаясь с предложениями крестьян» и его действительной стоимостью. Письмо Закревскому Муравьев попросил передать Ермолову, однако тот по каким-то причинам не обратился к генерал-губернатору напрямую, а предпочел воспользоваться посредничеством управляющего его канцелярией Ф. П. Корнилова (ОР РНБ Ф. 379. Оп. 1. Д. 602. Л. 3–5).

М. С. Воронцову, 1 июня 1853

[1] Бебутов Давид Осипович (1793–1867) — брат В. О. Бебутова, генерал-майор с 1846, в 1834–1856 гг. — командир Конно-мусульманского полка, дислоцированного в Варшаве; позднее генерал-лейтенант, с 1861 г. — варшавский комендант.

[2] Озерецковский Яков Николаевич (1804–1864) — действительный статский советник, литератор, сын Н. Я. Озерецковского; участник русско-персидской войны 1826–1828 гг., с 1832 г. служил в корпусе жандармов, в 1836–1839 гг. находился в Вене, обеспечивая связь III отделения с австрийскими властями, в 1841–1863 гг. — управляющий Крымским соляным правлением.

[3] Озерецковский Николай Яковлевич (1750–1827) — русский естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук (1782). В 1768–1772 гг. участвовал в академической экспедиции по изучению производительных сил России, в которой был помощником И. И. Лепехина. Путешествовал по Онежскому и Ладожскому озерам в 1785 г., озеру Ильмень — в 1805 г., верховьям Волги и озеру Селигер — в 1814 г. Собрал обширный естественнонаучный, этнографический и статистический материал.

[4] Речь идет о надвигавшейся Восточной (Крымской) войне (1853–1856).

[5] Речь идет о легендарном мече выдающегося воина четвертого халифа Али (656–661), доставшемся по преданию ему от самого Мухаммеда. Этот меч (Зульфикар) является одним из символов ислама. Позднее меч перешел к султанам османской Турции и стал символом доблести. Полулегендарный меч был одной из эмблем турецких янычаров. Его изображение помещалось на военных знаменах, на могилах павших воинов. Название знаменитого меча стало популярным мужским именем у мусульман.

М. С. Воронцову, [конец мая — начало июня 1853]

[1] С 16 февраля по 11 мая 1853 г. А. С. Меншиков был чрезвычайным послом в Константинополе, результатом его миссии стало дальнейшее обострение отношений с Турцией, приведшее в итоге к Крымской войне. М. Д. Горчаков в 1853–1854 гг. командовал войсками 3, 4 и 5-го корпусов в Дунайских княжествах.

М. С. Воронцову, 6 июля 1853

[1] В октябре 1853 г. для усиления войск Отдельного Кавказского корпуса на Кавказ прибыла 13-я пехотная дивизия в составе 16 батальонов (Брестский и Белостокский пехотные, Литовский и Виленский егерские полки), а также 13-я артиллерийская бригада в составе четырех восьмиорудийных батарей (*Гизетти А. Л.* Хроника кавказских войск. Ч. 1. СПб., 1896. С. 110).

[2] Имеется в виду местное население Анатолии, из которого комплектовались войска на российско-турецкой границе.

[3] Клавдий Ермолов был 16 июня 1853 г. переведен поручиком во 2-ю лейб-гвардии артиллерийскую бригаду с оставлением в прежней должности (т. е. адъютантом Воронцова) (РГВИА Ф. 409. Оп. 9. Д. 13081. Л. 276 об.).

М. С. Воронцову, 10 августа 1853

[1] А. М. Дондуков-Корсаков.

М. С. Воронцову, 10 декабря 1853

[1] 2 ноября 1853 г. часть войск Александропольского отряда, которым командовал В. О. Бебутов, у селения Баяндур была атакована турками. Однако действия турок успеха не имели, и они вынуждены были ночью отвести свои войска. В этом бою особенно успешно действовала русская артиллерия (*Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856. Т. II. Ч. 1. М., 2002. С. 390–391).

[2] Ацхур — укрепление на правом берегу Куры на дороге из Гори в Ахалцых, служившее для защиты Боржомского ущелья. 6 ноября 1853 г. турки в значительных силах подошли к Ацхуру. Находившийся там с отрядом командир Белостокского полка полковник Толубеев, узнав о приближении неприятеля, занял дорогу в ущелье двумя ротами Белостокского и двумя ротами Брестского пехотных полков. Турки, решившись во что бы то ни стало прорваться, нападали всю ночь на позицию русских, но каждый раз были отбиваемы штыками нашей пехоты. Утром 7 ноября на помощь прибыл командир Брестского полка генерал-майор А. О. Бруннер (1814–1894) с тремя ротами вверенного ему полка. Неприятель также был значительно усилен регулярной пехотой и кавалерией с двумя орудиями. Но генерал Бруннер, не обращая внимания ни на огромное превосходство неприятельских сил, ни на состоявшую при них артиллерию, построил свой отряд в две линии и ударил в штыки. Когда же неприятель, не выдержав стремительного натиска, обратился в бегство, Бруннер преследовал его на протяжении более семи верст (*Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856. Т. II. Ч. 1. М., 2002. С. 394–396).

[3] В начале ноября 1853 г. турки под командованием Али-Паши блокировали Ахалцых. В связи с этим Воронцов приказал И. М. Андроникову собрать все имеющиеся между Сурамом и Ацхуром войска и спешить на выручку. Тем временем турки двинулись к Ацхуру, оборона которого была поручена Андрониковым полковнику Толубееву, были там остановлены и обращены в бегство (см. прим. 2). 12 ноября, сосредоточив в Ацхуре значительные силы, Андроников выступил к Ахалцыху, 13 ноября произвел рекогносцировку и 14 ноября в ходе упорного сражения разбил турок, обратил их в бегство и деблокировал Ахалцых (*Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856. Т. II. Ч. 1. М., 2002. С. 394–400).

[4] После баяндурского боя турецкий корпус Абди-Паши отступил за Арпачай, но, узнав, что русский отряд также отошел к Александрополю, турки вновь вернулись на прежнюю позицию. Бебутов решил в ночь с 13 на 14 ноября выступить для атаки баяндурской позиции. 13 ноября стало известно, что турки вновь очистили ее и стали отступать. Однако Бебутов не отменил принятого решения о наступлении, прика-

зал преследовать неприятеля, и 19 ноября под Башкадыкларом турецкий корпус был разбит и бежал к Карсу (*Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856. Т. II. Ч. 1. М., 2002. С. 403–415).

[5] Сражение при Асландузе на реке Аракс произошло 19 октября 1812 г. между небольшим отрядом под командованием П. С. Котляревского и персидской армией Аббаса-Мирзы. Котляревский внезапно переправился через реку Аракс и под покровом ночи разгромил персидские войска, превосходившие его силы в десять раз.

[6] В ходе этого сражения 13 октября 1827 г. русские войска под командованием И. Ф. Паскевича разгромили персидскую армию Аббаса-Мирзы. Значительную роль в сражении сыграли А. А. Вельяминов и В. Г. Мадатов.

[7] В ответном письме от 24 декабря Воронцов сообщил А. П. Ермолову, что слух о пленении К. А. Ермолова, находившегося в составе миссии, направленной в Тегеран, является ложным (РА. 1890. Кн. 1. С. 466).

В. О. Бебутову, 5 августа 1854

[1] Петров Аркадий Павлович (1824–1895) — троюродный брат поэта М. Ю. Лермонтова, который посвятил ему в 1837 г. стихотворение «Ребенку». Его отец, Павел Иванович Петров (1792–1871), генерал-майор, участник войн с Наполеоном, приходился Лермонтову дядей. Во время ссылки на Кавказ Лермонтов останавливался в г. Ставрополе в доме Павла Ивановича, в то время занимавшего должность командующего на Кавказской линии. Сам Аркадий Павлович в 1844 г. закончил юридический факультет Московского университета. Служил чиновником канцелярии Кавказского областного управления с 1844 г. и Московского главного архива Министерства иностранных дел — с 1848 г., затем в 1854 г., в возрасте 30 лет унтер-офицером завербовался в Нижегородский драгунский полк, чтобы участвовать в Крымской войне. В августе 1854 г. он, вероятно, по пути на Кавказ в действующую армию, посетил приятеля и сослуживца своего отца А. П. Ермолова. Вышел в отставку в 1856 г. На гражданской службе: в 1858 г. — почетный смотритель Костромского уездного училища; в 1860–1862 гг. — предводитель макарьевского уездного дворянства Костромской губернии. В 1870-е- гг. занимал разные должности в Костромской городской думе и Костромской городской управе. Автор дневника и каталога родовой библиотеки. Похоронен в московском Новодевичьем монастыре (Губернский дом. 2007. № 1–2. С. 76).

[2] В сентябре 1853 г. В. О. Бебутов был назначен командиром корпуса, сосредоточенного на турецкой границе от Ахалкалака до Эривани. С началом войны он разбил 19 ноября под Башкадыкларом 36-тысячный корпус Рейс-Ахмета-Паши. За эту победу Бебутов был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, который прислал ему наследник цесаревич. В 1854 г. Бебутову было поручено управление гражданской частью и войсками на кавказско-турецкой границе, не вошедшими в состав действующего корпуса. В 1856 г. он был произведен в генералы от инфантерии и 10 марта 1858 г. скончался. Народ целую неделю прощался с прахом Бебутова.

[3] 19 июля 1853 г. укрепленный турецкий город Баязет был взят Эриванским отрядом под командованием генерал-лейтенанта барона К. К. Врангеля.

[4] Врангель Карл Карлович (1800–1872) — барон, генерал от инфантерии. С 1827 г. служил на Кавказе, был прикомандирован к 42-му егерскому полку, принял с ним участие в войне с Турцией в 1828–1829 гг., участник штурмов Карса, Ахалкалака и Ахалцыха. Участвовал в подавлении польского восстания, в 1831 г. — за отличие в штурме Варшавы награжден золотой полусаблей «За храбрость». В 1834 г. — полковник. В 1837–1843 гг. — командир Эриванского карабинерного полка, принимал участие в ряде экспедиций против горцев. В 1843 г. произведен в генерал-майоры и назначен командиром Кавказской резервной гренадерской бригады, во главе которой особенно отличился при взятии Гергебиля в 1848 г. В 1849 г. назначен командующим

21-й пехотной дивизии. В 1851 г. произведен в генерал-лейтенанты. Во время Восточной войны командовал Эриванским отрядом, с которым одержал в 1854 г. блистательную победу над 15-тысячным корпусом Селима-Паши, что повлияло на бескровное занятие Баязета.

[5] Гюйон Ричард (1812–1856) — родился в Англии, в 1832–1839 гг. служил в австрийской армии, участник революции в Венгрии, после ее подавления бежал в Турцию, где служил под именем Куршид-Паши, в 1854 г. был начальником штаба в Анатолии.

[6] Панглосс — персонаж в философском романе Вольтера «Кандид», был учителем «метафизико-теологико-космолонигологии». По мнению многих исследователей Панглосс является карикатурой на философа Готфрида Лейбница, который теоретизировал на тему того, что мы живем в лучшем из миров. Так, Панглосс постоянно утверждает, что «нет следствия без причины», другими словами, все сущее от человеческого носа и до природных бедствий имеет специфическое (и чаще всего антропоморфное) предназначение.

В. О. Бебутову, 10 августа 1854

[1] Казначеев Александр Александрович (?–1880) — в 1854 г. — помощник начальника 1-го отделения VIII округа путей сообщения и публичных зданий, в 1855–1859 гг. — подполковник Эриванского карабинерного полка, позднее инженер-полковник, действительный статский советник.

[2] А. И. Казначеев.

[3] А. Ф. Орлов.

В. О. Бебутову, 19 августа 1854

[1] В ходе кровопролитной битвы 24 июля 1854 г. В. О. Бебутов с 18-тысячным отрядом нанес решительное поражение 60-тысячной армии турок под начальством мушира Зарифа-Мустафы-Паши у с. Кюрюк-Дара. У обращенного в бегство неприятеля взято 15 орудий, 16 зарядных ящиков, 2 знамени, 4 штандарта, 20 значков и более 2000 пленных.

[2] Подвиг этот прославился в солдатских и народных песнях, а император Николай I, получив донесение, по рассказам кавказцев, выразился так: «… князь Бебутов хочет удивить меня победой; удивлю же я его наградой». За Кюрюк-Дарское сражение Бебутов 9 августа 1854 г. получил орден Св. Андрея Первозванного — в чине генерал-лейтенанта награда почти беспримерная.

[3] Во время Восточной войны Османская империя сделала заем в Англии на 7 млн. фунтов стерлингов, что привело в 1858 г. к банкротству султанской казны.

[4] Франция предоставила Турции заем на 75 млн. франков.

[5] В 1853 г. наместник кн. М. С. Воронцов был болен и фактически отошел от дел. 1 марта 1854 г. он уехал на лечение за границу. Исполняющим обязанности командира Отдельного Кавказского корпуса и наместника был назначен генерал от кавалерии Н. А. Реад. Отпуск Воронцова затягивался, и в Петербурге устали ждать возвращения Воронцова, тем более что дела в Крыму приняли неблагоприятный оборот, и князю дали понять, что для блага родины ему пора просить о полном своем увольнении.

В. О. Бебутову, 8 ноября 1854

[1] Э. В. Бриммер.

А. А. Закревскому, февраль 1855

[1] Речь идет об избрании А. П. Ермолова во время Крымской войны руководителем московского ополчения.

П. Х. Граббе, 9 апреля 1855

[1] В 1854 г. Граббе был назначен главным начальником над войсками в Кронштадте, а вскоре затем командующим войсками, расположенными в Эстляндии, получив в 1855 г. чин генерала от кавалерии.

[2] Давыдов Ахилл Денисович (1827–1865).

Н. Н. Муравьеву, 19 апреля 1855

[1] Анненков Николай Николаевич (1799–1865) — с 1844 г. — генерал-адъютант, с 1854 г. — сенатор, в 1854–1855 гг. — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1855–1862 гг. — государственный контролер.

[2] Кушелев-Безбородко Александр Григорьевич (1800–1855) — граф, директор департамента Государственного казначейства с 1837-го по 1844 г., государственный контролер с 1854-го по апрель 1855 г., член Государственного совета с 1855 г., меценат, почетный член Петербургской Академии наук.

[3] И. Ф. Паскевич.

[4] Вревский Ипполит Александрович (1814–1858) — генерал-майор, в 1852–1855 г. — начальник Владикавказского военного округа, с 1856 г. — командующий войсками Лезгинской кордонной линии.

[5] Мусницкий Осип Осипович (1800–1866) — с 1847 г. — генерал-майор, в 1850–1855 гг. — командир лейб-гвардии Егерского полка, в 1855–1857 гг. — начальник 21-й пехотной дивизии, с 1856 г. — генерал-лейтенант, с 1861 г. — киевский комендант.

[6] К. К. Врангель — начальник 21-й пехотной дивизии.

[5] Волков Петр Аполлонович (1807–1889) — в 1855 г. — генерал-майор, командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии, позднее — генерал-лейтенант.

[6] Золотарев Иван Федорович (1812–1881) — воспитанник Дерптского университета (1831–1836), чиновник Министерства внутренних дел, член Русского географического общества, директор походной канцелярии М. С. Воронцова на Кавказе.

В. О. Бебутову, 8 июля 1855

[1] Прозоровский Александр Александрович (1732–1809) — князь, генерал-фельдмаршал, в 1790–1795 гг. — главнокомандующий в Москве.

[2] Строчка из стихотворного отрывка Д. Давыдова «Партизан» (1826): «Сын белокаменной Москвы, / Но рано брошенный в тревоги, / Он жаждет сечи и молвы, / А там что будет — вольны боги!»

В. О. Бебутову, 19 сентября 1855

[1] Н. Н. Муравьев.

[2] Омар-Паша (Микаэль Латтас) (1806–1871) — командующий турецкой армией, серб по происхождению, после принятия ислама получил имя Омар. Сделал головокружительную военную карьеру, стал военным губернатором Стамбула, в 1841–1842 гг. подавил восстание в Сирии, в 1848 г. возглавил турецкую армию, действовавшую в Молдавии и Валахии, в 1854 г. захватил Бухарест, в 1855 г. во главе турецкой армии высадился в Евпатории, а затем был переброшен на Кавказ.

[3] И. Ф. Паскевич-Эриванский.

[4] М. Д. Горчаков.

[5] Пелиссье Жан-Жак (1794–1864) — дивизионный генерал, затем маршал (с сентября 1855 г.), командовавший в мае 1855 — июле 1856 г. французской Восточной армией в Крыму.

В. О. Бебутову, 6 октября 1855

[1] София (Сатияр) (1825 (?) –1870) — дочь А. П. Ермолова от второй кебинной жены Тотай. От этого брака родились также два сына — Север и Клавдий.

[2] Григорий Дмитриевич Орбелиани в 1855 г. временно командовал войсками в Прикаспийском крае, поэтому к нему и обратился со своей просьбой Ермолов.

Н. Н. Муравьеву, 12 декабря 1855

[1] Н. Н. Муравьев в 1855 г. был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени.

[2] Сражение при Кюрюк-Дара произошло 24 июля 1854 г. во время Крымской войны 1853–1856 гг. между главными силами русских и турецких войск в Закавказье. Турецким войском командовал Зафир-Мустафа-Паша, о нем и идет речь. Русскими войсками командовал генерал-лейтенант В. О. Бебутов.

[3] Уильямс (Вильямс) Уильям Фенвик (1800–1883) — британский генерал, с 1841 г. находился в Турции в качестве военного советника, в 1847–1848 гг. был британским комиссаром в Эрзеруме и работал в комиссии по урегулированию турецко-персидской границы. Позднее был британским комиссаром в Анатолийской армии, с началом Восточной войны формально перешел на турецкую службу с чином ферика (генерал-майора) и во время осады Карса русскими войсками командовал обороной крепости. Холод, холера, голод и отсутствие внешней помощи вынудили Уильямса 28 ноября 1855 г. капитулировать. Перевезенный в качестве военнопленного сначала в Тифлис, а затем в Рязань Уильямс в 1856 г. был освобожден и уехал на родину.

Н. Н. Муравьеву, 4 января 1856

[1] Наполеон III.

[2] Намек на Наполеона Бонапарта, окончившего жизнь в заточении на острове Святой Елены.

[3] Иноземцев Егор Иванович — коллежский советник, старший ординатор Тифлисского военного госпиталя (КК на 1855 год. Тифлис, 1854. С. 734).

Р. И. фон дер Ховену, 7 января 1856

[1] Н. А. Ермолов.

В. О. Бебутову, 28 июня 1856

[1] Н. Н. Муравьев.

[2] Коронация императора Александра II, вступившего на престол после смерти Николая I в феврале 1855 г., проходила с 14 по 26 августа 1856 г. в Москве.

[3] Муравьев М. Н., граф Виленский с 1865 г.

П. Х. Граббе, 9 октября 1856

[1] Осенью 1856 г. П. Х. Граббе, бывший военный губернатор г. Ревеля и командующий войсками в Эстляндии, ждал нового назначения, об этом он писал А. П. Ермолову, не исключая возможности полной отставки. Поэтому Ермолов и намекает Граббе на возможность заняться писанием мемуаров. В 1873 г. в Москве вышла книга «Из памятных записок графа Павла Христофоровича Граббе». В 1888 г. в Москве была издана «Записная книжка гр. П. Х. Граббе».

[2] Сыновья: Николай (1832–1896), генерал-лейтенант; Владимир (1843–1866); Михаил (1834–1877), генерал-майор, погиб во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; Александр (1838–1863), погиб во время подавления польского восстания. Дочери: Софья, Мария, Ольга и Екатерина.

[3] Никитин Аркадий Павлович — бывший поручик Великолуцкого пехотного полка, ученик Академии художеств. В 1854 г. получил звание художника портретной акварельной живописи.

В. О. Бебутову, февраль 1857

[1] Журнала «Кавказ» не существовало, видимо, Ермолов имеет в виду газету «Кавказ», которая издавалась в Тифлисе с 1846 г.

[2] В январе 1857 г. Бебутов стал генералом от инфантерии.

[3] Гуриели Леван Давидович (1824–1888) — князь, произведен в офицеры в 1842 г., в 1850 г. — полковник Уланского полка, с 1865 г. — генерал-майор. Дослужился до чина генерал-лейтенанта. Предводитель дворянства Кутаисской губернии. Женат на княжне Софье Васильевне Бебутовой (?–1904).

[4] Накашидзе — гурийский княжеский род, возвысившийся в конце XIV в. В гостях у Ермолова с Гуриелем был скорее всего Александр Давидович Накашидзе, в 1857 г. — исполняющий обязанности адъютанта управляющего Мингрелией Николая Петровича Колюбакина.

К. В. Чевкину, 8 августа 1857

[1] Чевкин Константин Владимирович (1802–1875) — в 1855–1862 гг. — главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями, член Государственного совета и в 1863–1874 гг. — председатель Департамента экономии.

[2] Речь идет о Николае Ивановиче Носове, потомственном часовых дел мастере, который, как и его отец, известный московский часовщик Иван Петрович Носов, занимался изобретением и изготовлением особо сложных астрономических часов, которые выставлялись в качестве экспонатов на петербургских выставках российских мануфактурных произведений в 1829 г. (часы И. П. Носова) и на выставке 1861 г. (часы Н. И. Носова). (Указатель Санкт-Петербургской выставки русских мануфактурных произведений 1861 г. СПб., 1861.)

А. Е. Врангелю, 2 августа 1859

[1] Врангель Александр Евстафьевич (1804–1880) — барон, с 1831 г. служил на Кавказе, в годы Крымской войны — начальник 20-й пехотной дивизии и заведующий левым флангом Кавказской линии, с 1855 г. — генерал-лейтенант, в 1858–1860 гг. — начальник 21-й пехотной дивизии, командующий войсками и управляющий гражданской частью Прикаспийского края, с 1862 г. — член Военного совета, с 1866 г. — генерал от инфантерии.

[2] София (Сатияр) вышла замуж за жителя Гили Паша-Махай-Оглы и родила трех сыновей и четырех дочерей. Подобно матери, пользовалась от отца ежегодным содержанием.

[3] Речь идет об экспедиции Кавказской армии под командованием генерал-адъютанта А. И. Барятинского с целью взятия ставки имама Шамиля в дагестанском ауле Гуниб (август 1859 г.).

Р. А. Фадееву, 15 февраля 1860

[1] Фадеев Ростислав Андреевич (1824–1883) — с 1844 г. служил на Кавказе, с 1859 г. состоял при главнокомандующем князе А. И. Барятинском и по его поручению написал обстоятельную официальную историю Кавказской войны, вышедшую в свет в 1860 г. под заглавием «Шестьдесят лет кавказской войны». Произведенный в генерал-майоры, Фадеев выступил на поприще военного публициста в «Письмах

с Кавказа», печатавшихся в «Московских ведомостях». Относясь отрицательно к реформам, предпринятым военным министром Д. А. Милютиным, он в 1866 г. вышел в отставку. Видный идеолог консервативного направления, в 1881 г. стал одним из организаторов «Священной дружины».

[2] Прушановский Казимир Игнатьевич (?–1845) — штабс-капитан генерального штаба, в 1841 г. состоял при командире Отдельного кавказского корпуса в качестве исследователя истории края. Ему удалось собрать богатый материал о начальном этапе проповеди Магомета Ярагского в 1825–1827 гг. (*Прушановский К. И.* Выписка из путевого журнала // Кавказский сборник. Тифлис, 1902. Т. 23). Смертельно ранен в Дагинской экспедиции.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов А. И. 275, 281, 706
Абамелик И. С. 110, 672
Абашидзе И. 695
Аббас-Мирза 42, 70, 97, 101, 106, 107, 185, 270, 357, 385, 392, 396, 397, 399, 400, 411, 421, 536, 538, 615, 657, 659, 665, 667, 671, 676, 689, 704, 725, 732, 734, 735, 737, 768, 777, 786, 803
Абд-эль-Кадер (Абд-аль-Кадир) 555, 560, 782, 786
Абди-Паша 802
Абдул-Резак-Бек 690
Абдулла-Бек, эрсинский 191, 192, 688
Абдурахманов Д. Б. 680, 691–693, 721
Абхазов И. Н. 35, 655, 735
Авенариус А. А. 276, 278, 311, 706
Аверин П. И. 175, 687
Авко, юродивый 730
Авшариды 670
Ага-Бек, рутульский 789
Ага-Магомет-Хан-Каджар 97, 670
Аги Магмет (Махмет)-Хан 97
Адиль-Гирей, уцмий 191, 192, 688
Адиль-Хан, каракайдагский 680
Адлерберг В. Ф. 434, 743
Айгустов А. И. 169, 686
Айдемцов 435
Аклечеев И. М. 334, 719
Александр I, император 10, 20, 23, 29, 31, 36, 38, 40–44, 46, 49, 50, 53, 55, 56, 59, 61–63, 65, 68, 69, 72–81, 83–87, 90, 92, 94, 100–102, 104, 107, 110–113, 115, 116, 118, 120, 121, 124, 127, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 137, 139, 140, 142, 143, 145, 147, 149, 151–153, 155, 157, 160–163, 166–169, 173, 174–178, 180, 181, 183–185, 187–189, 191, 193, 194, 197–204, 207, 210, 212, 214, 218, 220–223, 226–228, 232, 234, 235, 241–243, 247, 251–253, 258, 261, 262, 267, 270, 281, 283, 286, 291, 292, 294, 296, 301, 303, 309, 311, 316, 318, 320, 321, 326, 330, 339, 343, 357, 361, 363, 365, 369, 370, 372, 373, 376, 470, 484, 521, 538, 649, 652, 661, 664, 665, 667, 669, 675, 677, 679, 683, 686, 687, 689, 694, 700, 701, 706, 709, 727, 729, 730, 744, 752, 777, 778
Александр II, император 755, 757, 761, 770, 779, 780, 787, 794, 798, 806
Александр III, император 19
Александр Великий (Македонский) 18, 545
Александр Ираклиевич, царевич 46, 141, 392, 393, 495, 658, 659, 665, 680, 734, 789, 790
Александр Каталинский, св. 701
Александр Николаевич, вел. кн. 573, 592, 598, 600–602, 627, 755, 779, 788, 792, 793
Александра Иосифовна, вел. кн. 795
Александра Федоровна, вел. кн. (после 1825 г. — имп.) 89, 561, 669, 682, 763, 785
Александров И. Я. 129, 676
Александров П. К. 552, 781
Али-Паша 802
Али, халиф 628, 801
Алиев К. 728
Алхас, елисуйский 329
Амир-Хан, сардарь 385
Амонов 645
Ананов 640
Анзоров М. М. 765
Андронников И. М. (Андроников) 602, 631, 788, 792, 802
Анна Павловна, вел. кн. 89, 669
Анненков А. П. 122, 147, 675
Анненков Н. Н. 636, 805
Анреп-Эльмпт И. Р. 442, 447, 452, 746
Антоний Фивский, аскет 662
Апраксин С. С. 699
Апухтин А. П. 491, 757
Апухтины 474
Аракчеев А. А. 51, 67, 77, 82, 88, 90, 123, 124, 129, 150, 152, 176, 177, 201, 244, 283, 347, 660, 661, 665, 667, 676, 682, 690, 691, 699, 716, 722
Аргутинский-Долгоруков М. З. 36, 461, 462, 477, 481, 493, 502, 503, 506–509, 512, 515, 517, 524, 528, 530, 539, 547, 569, 571, 575, 576, 600, 607, 609, 612, 613, 617, 619, 622, 656, 749, 753, 758, 759, 767, 770, 786, 788, 789, 792–795
Арсеньев М. В. 681
Арсеньева Е. А. (урожд. Столыпина) 681
Арсланбей 721
Арцруни Е. Г. 520, 580, 638, 773
Асед-Мирза 399
Аскер-Хан 668
Аслан, кадий 771
Аслан-Хан 157, 284, 684, 767, 775
Ата-Хан 400, 735
Ахиджанов 536
Ахмет-Бек 284
Ахмет-Хан, аварский 72, 666
Ахмет-Хан, мехтулинский 752, 775

Багиханов (*см.* Джафар-Кули-Ага)
Багратион А. И. 114, 153, 673, 684
Багратион П. И. 114, 135, 301, 674
Багратион Р. И. 300, 711
Багратиони А. Г. (урожд. Оболонская) 792
Багратиони И. Г. 470, 565, 756, 785, 786, 792
Багыр-Бек 284
Базилевич А. И. 200, 215, 322, 323, 327, 691, 716
Байков И. И. 521
Байков Ф. И. 521, 773
Бакунин П. П. 713
Бакунина Е. А. (урожд. Саблукова) 308, 713
Балашов А. Д. 687
Баратов 322, 716
Баратынский Е. А. 702

Барклай де Толли Е И (урожд фон Смиттен Е-А-Э) 30, 653, 654, 656, 674
Барклай де Толли М Б 30, 36, 53, 66, 67, 74, 117, 121, 125, 127, 135, 140, 169, 266, 652, 672, 674, 675, 678, 683, 699
Бартенев П И 6, 18, 20, 21, 649
Барятинский А И 5, 6, 514, 529, 582, 616, 626, 748, 758, 766, 775, 779, 791, 796–798, 800, 807
Бахман-Мирза 786
Бахметев А Н 335, 720
Бебутов В О 17, 462, 486, 493, 502, 507–509, 511, 513, 514, 519, 524, 549, 551, 552, 575, 578, 579, 588, 590, 599–602, 618, 627, 631–634, 637–640, 642, 645, 668, 675, 753, 762, 770, 771, 780, 791–794, 801, 807
Бебутов Д О 628, 801
Бебутова М С (урожд княжна Аргутинская-Долгорукова) 603, 792, 794
Бегичев С Н 730
Бегларов Ш-Х 789
Безак Н П 21, 480, 592, 760, 792
Бейбулат 730
Беклемишев Н П 178, 753
Беклешов (мл) 484, 517, 543
Беклешов А А 484, 762
Бекович-Черкасский А Э 763
Бекович-Черкасский Е А 489, 500, 763, 766
Бекович-Черкасский Ф А 196, 197, 691, 763
Белов 447, 746
Белый (*см* Александр I)
Бельгард В А 479, 760
Белявский К Я 588, 791
Бенкендорф А Х 12, 13, 47, 271, 414, 659, 704, 736, 737, 746
Бенкендорф К Х 407, 408, 413, 414, 514, 704, 736–738
Беннигсен Л Л 130, 676
Берг Ф Ф 451, 564, 664, 748, 785
Берже А Д 6, 667
Берз Н 770
Берийский Ш 698
Бернардацци Иоганн К 729
Бернардацци Иосиф К 729
Берников П С 52, 74, 147, 302, 661
Берцов Г 765
Бессан-Хан 397
Бестужев-Марлинский А А 6, 358, 706, 725, 726
Бетанкур А А 220, 296, 694
Бибиков 3-й 442, 443, 743
Бибиков А П 209, 218, 693
Бибиков Д Г 503, 768, 800
Бибиков М Н 435, 743
Бибикова С Н (урожд Хитрово) 743
Бистром К И 35, 147, 655
Блиев М М 727, 730, 775
Блинов И 740
Блот П 580, 791
Боборыкин 668
Богдановский А В 504, 541, 768
Боде (Баде) Л К 745
Боде (Баде) Л Л 444, 745
Болгарский В М 286, 314, 316, 709, 716
Бонапарт Ж 696
Бордо, Бордоский герцог (*см* Шамбор Г-Ш гр)
Бороздин А М 714
Бравин М И 32, 653
Браницкая А В (урожд Энгельгард) 709
Браницкий В Г 307, 710
Браницкий К 709
Бреге А-Л 704
Бриммер Э В 578, 607, 635, 794
Брокгауз Ф А 739, 744, 775
Броневский С М 321, 716
Букчиев Д И 580, 790
Булгаков А Я 14, 471, 481, 487–489, 495, 510, 548, 756, 762, 763, 771, 782, 797
Булгаков В А 15, 328, 377, 384, 576, 613, 615, 717, 730, 731
Булгаков К Я 272–274, 277, 282, 296, 305, 438, 704, 705, 744
Булгаков М Б 717
Булгаков С А 576, 680, 789
Булгаков Я И 717
Булгакова М К (урожд Варлам) 274, 705, 744
Бунин Н Д 410, 737
Бунины 737
Бурбоны 697, 698
Бутков 445, 746
Бутлер 27 149, 172, 650
Бутурлин Д П 325, 717
Бухарин И Я 210, 690, 692
Бухгольц К К 722
Быков В В 170, 652, 686
Быков В М 42, 44, 170, 652, 657, 687
Бюрно К И 571, 787
Ваврженцкий Т 49, 660
Вадбольский И М 277, 418, 706, 739
Вальмоден Л 432, 743
Ван Гален Х 226, 696
Вандам Д Ж 683
Ванька Каин (*см* Корганов или Карганов)
Василевич К Я 36, 44, 67
Васильев 607
Васильев М Н 754
Васильчиков А И 746
Васильчиков И В 147, 151, 243, 262, 266, 271, 292, 336, 527, 528, 681, 698, 699, 703, 775
Вахрушев 323, 716
Вахтанг 698
Вейер К 235, 419, 698, 738
Великий Карабинер 67
Вельяминов А А 22, 99, 102, 110–112, 117, 149, 164, 173, 175, 177, 180, 188, 199, 222, 223, 226, 231, 240, 249, 250, 253, 268, 280, 326, 332, 357, 372, 391, 393, 395, 427, 435, 478, 481, 638, 670, 672, 682, 690, 691, 695, 717, 725, 732, 736, 741, 743, 759, 803
Вельяминов И А 99, 111, 112, 114, 131, 162, 169, 188, 194, 199, 206, 217, 270, 276, 278, 280, 284, 285, 294, 311, 312, 406, 623, 631, 670, 687, 691, 692, 704, 708, 736
Вельяминовы 130, 199, 402
Верзилин П С 145, 557, 681, 783
Верховский Е И 275, 281, 706
Веста, богиня огня 663
Взметнев П А 316, 716
Вигель М Е 6

Вигель П. Ф. 30, 31, 652, 653
Вигель Ф. Ф. 5, 6, 652, 748
Викинский И. М. 469, 755
Викторов 437, 744
Викторов Е. А. 460, 752, 753
Виллар К.-Л.-Э. 503, 767
Виллие Я. В. 179, 688
Вильгельм I (Ф.-Л.) 562, 784
Вильгельм, король прусский 562, 677
Вильде 725
Вильстер И. Ф. К. 285, 708
Вильямс У. Ф. 640, 806
Винценгероде Ф. Ф. 145, 680
Витгенштейн П. Х. 83, 128, 130, 151, 213, 218, 269, 648, 667, 683, 686, 704
Витгенштейн Э. К. Л. 618, 798
Витт И. О. 129, 238, 342, 347, 421, 676, 722
Вишинг 580
Власов М. Г. 241, 265, 275, 280, 699, 706
Водопьянов 359, 726
Воейков Н. И. 109, 117, 121, 128, 352, 361, 467, 468, 488, 492, 671, 755
Воинов А. Л. 353, 724
Войнов (Воинов) 371, 729
Волжинский (Волженский) 478, 759
Волков 294, 447, 448
Волков А. А. 710
Волков В. 776
Волков П. А. 637, 805
Волконский Н. А. 727
Волконский П. Д. 431
Волконский П. М. 11, 20, 21, 25, 26, 33–35, 44, 51, 55, 63, 66, 72, 74, 75, 87, 88, 90, 101, 102, 109, 111, 112, 114, 116, 117, 119–122, 125, 128–130, 144–147, 151, 162–164, 169, 170, 172, 173, 176, 180, 181, 183, 185, 190, 193, 198, 202, 205, 207, 212, 219, 220, 224, 228, 230, 234, 242, 248, 250, 251, 253, 262, 265, 266, 268–271, 275, 276, 280, 292, 293, 298, 305, 307, 309, 311, 313–316, 318, 319, 322, 323, 326, 331–333, 335, 336, 340, 345, 377, 649, 654, 658, 664, 704, 705, 712, 715, 719, 720, 730
Воллан Ф. П. 100
Волохов П. А. 728
Вольский С. Ф. 250, 412, 417, 419, 422, 701, 738
Вольтер 804
Вольф Н. И. 480, 630, 754, 760, 768
Воронов В. И. 672
Воронцов М. С. 7, 8, 10, 12–18, 20–22, 26–28, 30, 34, 36, 38, 40–42, 44, 45, 51, 57, 58, 60, 62, 63, 66, 67, 75, 76, 81, 82, 94, 95, 98, 104–106, 115, 129, 139, 140, 145, 147, 148, 150, 152, 153, 163, 169, 175, 188, 192, 195, 198, 200, 210, 213, 216, 218, 219, 226, 229, 231, 237, 238, 240, 248, 252, 255, 262, 268, 271, 287, 290, 292, 295, 300, 307, 312, 314, 316, 325, 330, 333, 336, 341, 346, 349, 353, 360–362, 375, 377, 379–381, 383, 405, 416, 433, 434, 453–456, 459, 463–466, 469–472, 474, 475, 479–481, 483, 484, 486–489, 492, 493, 496–500, 509–512, 514, 515, 518, 522, 526, 528, 531–534, 537, 539, 541–544, 547–550, 554, 555, 557, 560, 563, 565–567, 569, 570, 572–575, 577, 578, 580–582, 585, 587–590, 592, 597, 601, 603, 609–612, 615, 616, 618–623, 625, 627–631, 633, 634, 636, 649–652, 656, 659, 663, 666, 671, 675, 679–682, 684, 688, 693, 694, 697–699, 701, 702, 704, 714, 717, 720, 722, 724, 727, 738, 740, 743, 750–760, 762–791, 793–805
Воронцов С. М. 520, 523, 565, 566, 610, 617, 623, 626, 630, 773, 779, 796, 797
Воронцов С. Р. 666
Воронцова Е. К.(урожд. Браницкая) 480, 550, 559, 567, 586, 601, 609, 611, 617, 621, 688, 710, 724, 760, 773, 793, 800
Воронцова М. В. (урожд. Трубецкая, в 1-м браке — Столыпина) 796
Врангель А. Е. 645, 807
Врангель К. К. 632, 637, 803, 805
Вревский И. А. 637, 805
Вревский П. А. 466, 755
Вреде Б. Е. 134, 137, 179, 182, 188, 311, 677
Вронченко Ф. П. 338, 720
Всеволожский В. А. 146, 681
Вульф 373, 466
Вюртембергский Е., герцог 511, 681, 771
Вяземский П. А. 698
Вязмитинов С. К. 78, 81, 151, 187, 240, 666, 683, 687, 690

Гагарин А.И. 578, 605, 714, 790, 794
Гагарина А. Д. (урожд. Орбелиани) 605, 794
Гагарина М. А. (урожд. Бороздина) 714
Гагерн Г.-В. 561, 784
Гаджи-Агалар-Бек 399
Гаджи-Магомед-Ага 394
Гаджи-Мурад-Ага 770
Гаджи Берцов 765
Гази-Мухаммад (Магомед) (*см.* Кази-Мулла)
Гай Л. 785
Гаки-Паша 557, 783
Гамба Ж.-Ф. 229, 697
Гамзат-Бек 750, 775, 777
Ган П. В. 429, 442, 473, 475, 501, 504, 505, 524, 528, 561, 741, 745, 768, 779, 784
Ганеман Х. Ф. С. 429, 741
Ганнибал 736
Гапуров Ш. А. 680, 691–693, 721
Гардан К. М. 95, 669
Гарталов 197, 209, 218, 691
Гартинг М. Н. 315, 715
Гартунг 604, 605, 794
Гассан-Ага 734
Гассан (Хасан)-Хан 161, 392, 396, 684, 690, 693
Гасфорт Г. Х. 492, 764
Гатагова Л. С. 774
Гедеонов 29
Гежелинская М. В. (урожд. Яшвиль) 521, 578, 588, 764, 790
Гежелинский Г. Ф. 492, 513, 521, 574, 578, 579, 583, 584, 605, 606, 614, 764, 766, 771, 788, 790
Гелгуд А. 761
Гельмерсен 146
Гельфрейх Б. Б. 294, 710
Георг I, греческий король 795
Георгий XII (Ираклиевич) 470, 496, 694, 756, 785
Георгий Победоносец 686
Гербель В. В. 545, 779
Гербель Н. В. 779

Герман И. И. 654
Гермес Б. А. 12, 163, 679, 685, 688
Герцен А. И. 761
Герштенцвейг Д. А. 451, 748
Гизетти А. Л. 689, 691, 759, 778, 791, 802
Гилленшмидт Я. Я. 592, 792
Глазенап Г. И. 117, 182, 673
Глебов М. П. 746
Глинка Ф. Н. 6
Гогель И. Г. 356, 696, 725, 765
Гогель И. И. 496, 504, 765
Годеин Н. П. 22, 453–455, 474, 750, 751, 774
Годеина А. К. (урожд. Багратион) 454, 750
Годеина А. Н. 751
Годеина Е. Н. 751
Гозиуш К. К. 451, 748
Голицын А. Б. 696
Голицын А. М. 797, 800
Голицын А. Н. 213, 217, 304, 324, 664, 665, 694, 716, 718 721
Голицын В. С. 438, 492, 500, 515, 516, 574, 578, 744, 766, 788, 790
Голицын Д. В. 147, 151, 332, 681, 719
Голицына А. С. 701
Голицынский В. А. 437
Головин Е. А. 15, 16, 440–442, 447, 452, 457, 460, 474, 476, 485, 503, 505–507, 511, 517, 524, 525, 530, 531, 535, 551, 555, 556, 570, 571, 575, 576, 590, 623, 745–747, 750, 752, 756–758, 776, 779, 782, 787, 789, 800
Головин Н. Н. 304, 308, 713
Головин П. Е. 573, 779, 788
Головин С. Е. 545, 546, 779
Головина Е. Е. 800
Горбачевский 725
Гордеев Г. С. 178, 179, 688
Гордин Я. А. 7, 8, 13–15, 22, 659, 676, 701, 727, 735, 737, 738, 752, 778
Горленко И. Г. 663
Горский П. А. 723, 724, 744, 746, 747
Горчаков М. Д. 268, 280, 309, 376, 620, 628, 639, 703, 714, 799, 801, 805
Горчаков П. Д. 221, 223, 228, 245, 348, 695, 699, 723
Горчакова А. Н. (урожд. Бахметева) 704
Граббе А. П. 806
Граббе В. П. 806
Граббе Е. Е. (урожд. Ролле) 746
Граббе Е. П. 808
Граббе М. П. 806
Граббе Мария П. 806
Граббе Н. П. 806
Граббе О. П. 806
Граббе П. Х. 17, 22, 111, 167, 189, 200, 280, 292, 305, 308, 432, 434–448, 457. 460, 468, 478, 479, 531, 535, 545, 546, 556, 565, 576, 635, 636, 643, 672, 686, 707, 742–747, 752, 759, 779, 782, 785, 805, 806
Граббе С. П. 806
Грейг А. С. 348, 723
Греков А. Н. 446, 746
Греков М. 511, 771
Греков Н. В. 113, 182, 205, 219, 225, 249, 275, 287, 365, 650, 673, 692, 694, 700, 706, 727, 731
Грессер П. А. 496, 765
Грибоедов А. С. 7, 418, 666, 700, 714, 723, 725, 727, 730, 739, 768, 771
Грибоедова Н. А. (урожд. Чавчавадзе) 514, 700, 771
Григорий V, патриарх 705
Григорьев 215
Григорьев А. А. 762
Грознов 63, 66
Гросул В. Я. 717
Грудзинская 650
Грузинская Е. С., цар. (урожд. княжна Абамелик) 789
Гудович И. В. 7, 19, 43, 46, 50, 72, 142, 638, 658, 667, 673, 731, 789
Гудович Н. Н. 41, 657
Гуляков В. С. 249, 682, 700
Гумбатова Т. Ф. 678
Гуриели К. Г. 695
Гуриели Л. Д. 644, 807
Гуриели М. Г. 221, 222, 695
Гуриели М. С. 221, 694
Гуриели С. В. (урожд. Бебутова) 807
Гурко В. О. 452–454, 466–468, 475, 479, 489, 492, 526, 749, 750, 759, 763
Гурьев А. И. 28, 30, 31, 316, 321, 323, 326, 366, 651
Гурьев Д. А. 139, 187, 244–246, 283, 284, 333, 366, 664, 665, 666, 679, 683, 690, 708, 711, 715, 716, 719, 727
Гусейн-Кули-Хан 667, 708, 794
Гюйон (Guyon) 632, 634, 804
Давид 698
Давид II 694
Даву Л.-Н. 742
Давыдов А. Д. 636, 805
Давыдов В. Д. 497, 766, 776
Давыдов Д. В. 6, 7, 15, 17, 18, 22, 171, 250, 261, 262, 264, 266, 267, 271, 275, 280, 293, 303, 308, 332, 345, 361, 365, 385, 396, 397, 418, 421, 434, 497, 531, 532, 636, 638, 687, 702, 703, 720, 723, 734, 740, 743, 764, 770, 778, 799, 800, 805
Давыдов Е. В. 262, 497, 532, 702
Давыдов Л. В. 493, 565, 764
Давыдов М. А. 7, 18
Давыдов Р. Д. 580, 790
Дадешкилиани К. 790
Дадиани А. Л. 482, 506, 526, 543, 576, 757, 761
Дадиани Г. Г. 224, 694
Дадиани Д. 695
Дадиани Л. 224, 694, 695
Дадиани Н. Г. 694, 695
Даллер А. Х. 596, 604, 793
Даль В. И. 6
Даниэль-Бек 613, 616, 623, 769–771, 777, 796, 799, 800
Дараган П. М. 496, 765
Дареджан 495
Дашков (А. Я.?) 425
Дебу И. Л. 111, 672
Деволан Ф. П. 670
Дегоев В. В. 775
Дейтрих Ф. К. 356, 724, 725
Деллингсгаузен Э. К. 607, 795

Дельпоццо И. П. 33, 51, 59, 61, 72, 75, 94, 99, 101, 104, 111, 113, 114, 125, 133, 153, 154, 209, 654, 677
Дембинский Г. 761
Демидов Н. И. 314, 715
Денисов А. К. 286, 708, 709
Депрерадович Н. И. 271, 704
Державин Г. Р. 668
Державин И. С. 304, 713
Дешевой 89, 104, 180, 186, 190
Джават, ганжинский хан 733
Джанхотов К. 684
Джафар-Кули-Ага 46, 602, 657, 658, 712, 735, 794
Джеваншир Г.-А.-Б.-К. 399, 735
Дибич-Забалканский И. И. 14, 25, 130, 140, 151, 217, 262, 266, 271, 290, 314, 316, 317, 319, 322, 323, 326, 330, 337, 345, 353, 356, 360, 365, 372, 380, 387, 404, 405, 408, 411, 413, 414, 416, 421, 503, 544, 577, 588, 648, 689, 718, 725, 735, 736, 768, 771, 790
Дмитриев–Мамонов А. В. 24
Довре Ф. Ф. 269, 704
Долгово-Сабуров 355, 386, 724
Долгорукий Н. А. 418, 507, 739
Долгоруков Г. А. 488, 491, 763
Долгоруков И. А. 507, 770
Долгоруков П. В. 6
Дондуков-Корсаков А. М. 506, 630, 638, 639, 770, 802
Досифей, архиепископ 665
Доу Г. 713
Доу Д. 304, 308, 318. 321, 713, 724
Дохтуров Д. С. 169, 487, 686
Дохтуров М. Н. 533, 776
Дохтуров Н. М. 531, 776
Дрейер Н. Н. 487, 763
Дренякин И. Т. 19, 65, 88, 111, 113, 124, 134, 136, 171, 177, 182, 199, 424, 664
Дружинин Я. А. 235, 316, 698, 716
Друцкой-Соколинский Д. В. 18–20, 734
Дубинкин 121
Дубровин Н. Ф. 18–20, 124, 661, 677, 689, 690, 698, 699, 710, 712, 717, 722, 757, 760, 770, 780
Дукай-Кадий 498, 766
Дуров Д. В. 622, 799
Дьячков И. А. 35. 147, 655
Дюгамель А. О. 496, 765
Дюма Г. М. 659

Еврей 28, 30
Екатерина I, императрица 750
Екатерина II, императрица 130, 168, 303, 332, 484, 625, 762, 772
Екатерина Павловна, вел. кн. 89, 669
Елачич Й. 787
Елизавета Алексеевна, императрица 89, 93, 377, 651, 669, 683, 723, 730
Елизавета, королева прусская 784
Ермолов В. А. (Бахтияр) 102, 374, 383, 404, 414, 444–446, 508, 514, 519–521, 547, 567, 569, 572, 576, 578–582, 600, 601, 603, 605, 607, 608, 611, 613, 625, 633, 638, 713, 724, 726, 730, 731, 736, 753, 756, 769, 770, 771, 779, 796
Ермолов Г. С. 605, 791, 793
Ермолов Д. Н. 579, 584, 593, 594, 791, 792
Ермолов К. А. (Омар) 486, 507, 508, 513, 519, 520, 522, 534, 547, 577, 580, 582, 590, 592, 607, 610, 611, 613, 616–621, 623, 629–631, 633–635, 639, 640, 642, 643, 713, 724, 753, 756, 762, 776, 777, 786, 788, 793, 795, 798, 802, 803
Ермолов М. А. 678, 686
Ермолов Н. А.596, 597, 604, 625, 642, 748, 793, 806
Ермолов Н. П. 675
Ермолов П. А. 17, 22, 31, 35. 91, 220, 412, 415, 416, 653, 723, 742
Ермолов П. Н. 17, 22, 24, 44, 74, 136, 147, 166, 234, 311, 402, 416, 428, 470, 494, 584, 593, 624, 640, 647, 648, 666, 668, 678, 681, 697, 714, 727, 736, 738, 741, 765, 788
Ермолов С. А. (Аллах-Яр) 149, 169, 486, 507–509, 512, 514, 519, 521, 522, 534, 544, 549, 563, 567, 568, 577, 580, 582, 585, 591, 592, 594, 597, 607, 611, 619, 623, 653, 724, 753, 756, 762, 770, 777, 780, 786, 788, 792, 799
Ермолов С. Н. 17, 22, 220, 234, 295, 298, 314, 315, 319, 329, 337, 367, 416, 467, 492–494, 496, 497, 513, 518–522, 543, 553, 555, 560, 563, 568, 572, 573, 575, 577–580, 582–584, 587–590, 593, 598–600, 602, 606, 609, 614, 624, 625, 694, 697, 710, 711, 718, 755, 762, 764, 765, 770–773, 776, 779, 785, 788, 790–795, 797, 800
Ермолова А. Г. (урожд. Оболонская) 594, 625, 793
Ермолова А. Н. 625
Ермолова М. Г. (урожд. Гежелинская) 497. 512, 519–521, 574, 578, 581, 583, 585, 587, 589, 593, 599, 604, 606, 624, 764, 771, 793, 794
Ермолова М. Ф. 716
Ермолова С. А. 640, 645
Ермоловы 589
Ермоловы, дети 346, 351, 360, 375, 383, 402, 404, 416, 420, 422, 424, 426, 431, 434, 437, 443, 449, 451, 464, 465, 475, 481, 496, 506, 508, 509, 513, 520, 530, 532–534, 537, 540–542, 544, 547, 549, 577, 762, 784, 795
Ершов 262
Ефимович Е. П. 148, 166, 219, 372, 681, 729
Ефрон И. А. 738, 744, 775

Желтухин П. Ф. 25, 28, 36, 67, 274, 277, 282, 293, 294, 299, 307, 317, 334, 404, 647, 651, 664, 704
Желтухин С. Ф. 651
Желтухина Е. Д. (урожд. Тенишева) 664
Жомени А. 42, 657
Жубер Ж. А. Р. 157, 163, 684
Журавлев И. Ф. 338, 720

Завадовский А. П. 714
Завадовский Н. С. 555, 782
Загорский Т. Д. 49, 53, 99, 100, 111, 113, 125, 134, 660
Зайончковский А. М. 802, 803
Закревская А. Ф. (урожд. Толстая) 145, 146, 164, 170, 173, 178, 190, 198, 203, 206, 209, 215, 220, 226, 229, 235, 246, 247, 249, 251, 252, 255–259, 262, 264–266, 271, 272, 275–277, 281, 283, 290, 291, 295, 306, 314, 317, 319, 332, 333, 337, 338, 340, 342, 346, 351, 361, 375, 377–381, 383, 393, 409, 417, 421, 677, 687, 701, 709, 710, 719, 724, 734

Закревская Л. А. (в 1-м браке — Нессельроде, во 2-м — Друцкая-Соколинская) 734
Закревский А. А. 7–14, 17–20, 22–39, 41, 45, 49–52, 54, 56, 60, 62–64, 66–71, 74, 78–80, 82–85, 87–91, 93–95, 98–105, 108–137, 140, 143–152, 158, 160–170, 172, 174–178, 180, 182–188, 190, 192, 194–196, 198–201, 203, 204, 206–209, 212, 213, 215–220, 222, 224, 226–230, 233, 236, 237, 239–241, 245–261, 263–267, 270, 271, 273, 274, 276–279, 281, 282, 289, 291, 294, 295, 298, 300–303, 306, 310, 313, 315–317, 321, 325, 330, 335, 337–339, 343, 345, 350, 353, 356, 359, 374, 376, 378–380, 383, 393, 402, 404, 407, 411, 413–416, 420, 424, 425, 428, 565, 566, 573, 577, 591, 592, 635, 647–649, 651–654, 656, 657, 659, 660–668, 671, 672, 674, 675, 677–682, 684–687, 688, 690–700, 702–707, 709, 711–713, 715, 718–721, 723, 724, 730, 731, 734, 736, 738, 739, 741, 742, 774, 782, 786, 792, 794, 799, 801, 804
Зариф-Мустафа-Паша 804
Засс Г. Х. 479, 746, 759
Захаров П. З. 648
Зенич И. Г. 355, 724
Зиссерман А. Л. 699
Злодейка (*см.* Грудзинская?) 649
Змей (*см.* Аракчеев А. А.)
Золотарев И. Ф. 482, 637, 761, 805
Зотов В. 6
Зубалов 625
Зубков К. 438
Зубов В. А. 6, 282, 706
Зубов П. А. 6, 707, 708, 761, 778
Зубов П. П. 680
Зубова Т. И. (урожд. Валентинович, во 2-м браке — Шувалова) 708
Зубрицкий 67
Зугум-Кадий (Зухум) 285, 693, 708

Ибрагим-Бек 708
Иваненко В. Н. 757, 769
Иванов Г. Т. 114, 673
Иванов П. 565
Иванов С. С. 232, 300, 301, 697, 698, 711
Иеремия, пророк 588, 791
Измаил-Хан 57, 655, 658, 663, 697, 708
Износков 1-й 162, 285, 685
Израйилов А. М. 680, 691–693, 721
Иловайский В. Д. 408, 448, 737, 747
Ильинский 741
Илья (Илия) Георгиевич, грузинский царевич (*см.* Багратиони)
Илья, кучер 711
Ильяшенков В. И. 746
Имеретинский К. Д. 694
Иноземцев Е. И. 642, 806
Иоганн Баптист 564, 566, 785
Иоселиани П. И. 755
Ипсиланти А. К. 248, 700, 702, 705
Ираклий II, грузинский царь 659
Исаакий, монах 657
Исайя, пророк 751
Исмаил-Заде Д. И. 715, 774
Истомина Э. Г. 717

Кабат (Кават) И. И. 447, 747
Кавтарадзе А. 6
Каджары, династия 671
Казадаев А. В. 9, 10, 14, 17, 22, 29, 36, 47, 77, 82, 89, 91, 122, 123, 203, 255, 272, 276, 288, 298, 299, 322–324, 329, 337, 338, 350, 354, 355, 364, 375, 401, 403, 414, 415, 496, 651, 656, 659, 667, 675, 692, 701, 705, 709, 711, 716, 718, 720, 724, 727, 735, 736, 738, 765
Казадаев В. А. 29, 37, 48, 78, 83, 203, 289, 354, 355, 364, 403, 652, 709, 724
Казадаев П. А. 272, 324, 354, 364, 705, 709, 724
Казадаева Н. П. (урожд. Резвая) 29, 37, 48, 78, 83, 92, 123, 204, 273, 289, 415, 651, 656, 692, 718, 724
Казадаева С. А. 29, 48, 330, 339, 355, 364, 415, 652, 718, 724
Кази-Мулла 478, 646, 750, 758, 759
Казначеев А. А. 632, 804
Казначеев А. И. 420, 633, 739, 804
Калиостро (*см.* Меншиков А. С.)
Каменский М. Ф. 6
Кампенгаузен Б. Б., фон 324, 326, 683, 716
Канкрин В. Е. 440, 744
Канкрин Е. Ф. 32, 158, 175, 249, 316, 326, 654, 715, 735
Канкрина Е. З. (урожд. Муравьева) 654
Каподистрия И. А. 42, 81, 87, 93, 119–121, 129, 146, 213, 216, 219, 220, 235, 294. 333, 657
Капцевич П. М. 189, 690
Каразин В. Н. 697
Карл-Альберт 785
Карл I (Карл-Фридрих-Александр) 761, 764
Карл X 698
Карл-Людвиг 564, 785
Карцев И. П. 275, 706
Кастельбажак Б.-Д.-Ж.-А. 797
Каховский 426
Каховский А. М. 22, 49, 130, 245, 253, 295, 307, 318, 331, 426, 650, 660, 701, 710, 736, 740
Каховский Н. А. 49, 64, 109, 111, 112, 130, 131, 133, 205, 331, 660, 710, 719
Кашутин В. А. 385, 733
Кибит-Магома 548, 551, 554, 778, 780
Кибит-Мулла 461, 752
Кикин А. 716
Кикин А. А. 431, 697, 728, 742
Кикин П. А. 12, 14, 17, 21, 85, 89, 90, 102, 229, 230, 235, 244, 245, 282, 285, 287, 297, 318, 319, 327, 333, 343, 344, 349, 352, 357, 360, 361, 365, 368, 373, 382, 393, 406, 410, 419–421, 431, 668, 669, 698, 708, 709, 711, 716, 719, 721, 723, 724, 727–729, 737, 739, 740, 742
Кикина А. К. (урожд. Повало-Швейковская) 742
Кикина М. А. (урожд. Торсукова) 91, 344, 366, 367, 374, 382, 410–412, 417, 419, 669, 723, 724, 728, 736–738, 740
Кикины 728, 743
Кирби Ж., де 659
Киселев Д. И. 667
Киселев П. Д. 7, 18, 175, 242, 517, 537, 541, 552, 554, 586 667, 688, 705, 771, 777, 779, 780, 781, 791
Киселев С. Д. 36, 67, 81, 88, 655, 667
Киселевы 279
Кишкин В. М. 100, 110, 670, 671

Кларк С. 756
Классон, ювелир 669
Клейнмихель А. А. 61, 117, 663, 674
Клейнмихель К. П. (урожд. Ильинская) 795
Клейнмихель П. А. 176, 188, 200, 234. 270, 609, 663, 688, 704, 795
Климовский Л. В. 172, 177, 246, 687
Клокачев А. Ф. 330, 718
Клычников Ю. Ю. 679
Клюки фон Клугенау Ф. К. 453, 457, 460, 465, 476, 477, 526, 535, 536, 749, 750, 752, 758, 758
Ключин И. Ф. 55, 102, 108, 662
Кноринг К. Ф. 7, 138, 678
Княжнин Б. Я. 129, 130, 676
Ковалев (Ковальский) Ф. Ф. 418
Ковалевский П. П. 575, 788
Кожохов М. 765
Козловский Н. В. 482, 760
Козлянинов Н. Ф. 481, 519, 760
Козодавлев О. П. 8, 139, 166, 678, 686
Колюбякин Н. П. 578, 790, 807
Комаров С. И. 261, 263, 699, 702
Комаровский 323, 716
Комаровский Е. Ф. 188, 690
Коновницын П. П. 23, 25, 34, 55, 66, 68, 122, 168, 218, 240, 647, 664, 665, 686, 710
Константин, грузинский царевич 220
Константин Николаевич, вел. кн. 465, 470, 593, 609, 610, 753, 754, 795
Константин Павлович, вел. кн. 36, 89, 135, 137, 140, 173, 151, 166, 169, 182, 189, 249, 253, 276, 280, 293, 655, 674, 678, 683, 686, 700, 707, 718, 730
Копылов 311, 714
Копьев Ю. А. 482, 525, 761, 774
Корганов (Карганов) И. О. 503, 577, 588, 741, 751, 767, 789, 790
Коризна П. И. 415, 738
Корнилов Ф. П. 628, 639, 800, 801
Корольков 227
Корф А. И. 262, 496, 765
Корф М. А. 757
Костюшко Т. 660
Котляревский М. С. 36, 44, 656,
Котляревский П. С. 35, 38, 40, 47, 53, 54, 100, 133, 261, 266, 552, 631, 655, 702, 778, 781, 803
Коханов А. В. 663
Коцарев 707, 717, 722, 759
Коцебу М. А. 418, 426, 433, 434, 739, 743
Коцебу П. А. 480, 489, 742
Коцебу П. Е. 475, 504, 520, 565, 570, 574, 578, 757, 760, 768, 772, 773, 777, 788
Кочубей В. В. 520, 523, 524, 531–533, 772, 773
Кочубей В. П. 224, 285, 292, 324, 326, 695, 705, 716, 772
Кочубей С. В. 773
Кошут Л. 787
Краббе К. К. 136, 137, 149, 172, 369, 370, 397, 418, 427, 678, 721, 728, 729, 741
Красовская Д. А. (урожд. Глазунова) 703
Красовский А. И. 408, 413, 418, 424, 703, 737
Красовский А. М. 264
Красота (*см.* Шатилов И. В.)
Крейц К. А. 6, 44, 67, 110, 171
Кретов 262
Кривцов С. Н. 743
Криденер К. А. 274, 705
Круковской Ф. А. 798
Крылов В. А. 580, 617, 791
Крылов-Толстикович А. Н. 738
Крюденер В. Ю., фон (урожд. Фитингоф) 282, 293, 294, 701, 707
Кудашев Н. Д. 617, 798
Куденетов М. 765
Кузьмин Ю. А. 647, 649, 713, 714, 759
Курнатовский И. Д. 182, 188, 199, 217, 223, 227, 661
Курута Д. Д. 137, 678
Куршид-Паша (*см.* Гюйон Р.)
Кусанов 311
Кутайсов П. И. 29, 652, 740, 741
Кутайсова А. П. (урожд. Резвая) 652
Кутузов А. В. 48, 659
Кутузов А. П. 24, 34, 49, 51, 52, 64, 70, 73, 79, 87, 91, 99, 102, 109, 111, 654, 669
Кутузов (Голенищев-Кутузов) М. И. 5, 617, 648, 719, 739, 774, 798
Кутузов (Голенищев-Кутузов) П. В. 310, 714
Кучин А. И. 449, 483, 747, 761
Кучин В. А. 483, 488, 495, 510, 517, 543, 761
Кушелев-Безбородко А. Г. 636, 805
Кушинников А. Н. 446, 746
Кюхельбекер В. К. 6

Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн 503, 621, 767, 799
Лабенский К. К. 270, 704
Лабзин А. Ф. 296, 304, 710, 711
Лабынцов И. М. 453, 460, 566, 750, 772
Лаватер (Лафатер) И. К. 541
Лавенцов А. 19, 35, 655
Лависс Э. 666, 783–785, 787
Ладинский М. А. 35. 311, 579, 593, 655
Ладинский П. А. 480, 519, 543, 549, 552, 554, 555, 714, 760, 769, 780, 781
Лазарев Е. Л. 744
Лазарев И. П. 653, 756, 785
Лазаревы 439, 744
Ламартин А., де 560, 783, 784
Ламорисьер К. 566, 785
Ланжерон А. Ф. 51, 226, 227, 292, 295, 316, 325, 661
Ланн Е. 782
Ланской В. С. 334, 719
Лапин В. В. 5, 6, 12, 13, 19, 662
Латур Т. 787
Лафатер И.-Г. 541, 778
Лашкевич П. П. 218, 493
Лащевский 190, 203
Лебедев К. Н. 6
Лебрехт К. А. 48, 660
Левашев В. В. 775
Левенцов А. 369, 728
Левенштерн К. Ф. 293, 710
Левицкий Н. М. 518, 582, 772, 791
Левкович А. И. 489, 492, 763
Лейбниц Г. 756, 804
Лелли К. Ф. 599, 793
Леонтьев М. Н. 699
Лепехин И. И. 801
Лермонтов М. Н. 464, 753

Лермонтов М. Ю. 6, 7, 681, 743, 744, 746, 803
Леташинский 250, 700
Летюхин 355, 356, 724,
Лефебр Р. (Lefebvre R.) 681
Лещенко В. Д. 623, 800
Лидерс А. Н. 452, 465, 748, 749
Лисаневич Г. И. 129, 676
Лисаневич Д. Т. 27, 38, 39, 47, 100, 129, 287, 360, 365, 650, 726, 727, 731, 774
Лисицына Г. Г. 12, 22, 751, 752, 753, 758, 759
Лист Ф. 455, 751
Литке Ф. П. 465, 754
Лихачев Г. В. 777, 781
Лициний, римский полководец 663
Лобанов-Ростовский Д. И. 175, 187, 272, 299, 324, 326, 355, 687, 688, 690, 705, 716, 717, 720, 724
Лобанов-Ростовский М. Б. 580, 790
Лович И. А. (урожд. Грудзинская) 650
Лонгинов Н. М. 28, 149, 255, 290, 651, 682
Лопухин И. В. 799
Лорер Н. И. 15
Лувель П.-Л. 697
Луи-Филипп, французский король 783
Лукирский А. Н. 776
Лутковский И. С. 496, 766
Лутковский Ф. С. 465, 754
Людовик XIV 5
Людовик XVIII 236, 250, 698, 709
Лютер М. 565
Ляхович А. Ф. 209, 213, 218, 690

Магницкий М. Л. 712
Магомед Ярагский 730, 808
Магомед, мулла 730
Магомет, пророк 57, 671
Магомет-Али-Мирза 97, 670, 704
Мадатов В. (Р.) Г. 13, 14, 17, 27, 36, 40, 51, 53, 64, 117, 162, 175, 181, 182, 191–193, 198, 202, 209, 211, 213, 215, 219, 220, 223, 228, 231, 246, 282, 293, 296, 302, 304, 307, 312, 332, 335, 341, 349, 385, 392–400, 423, 461, 631, 650, 657, 689, 690, 693, 697, 723, 733–735, 790, 803
Мадатова С. А. (урожд. Саблукова)
Маевский С. И. 234, 698, 722
Мазарович А. И. (урожд. Рибопьер) 343, 721
Мазарович С. И. 103, 170, 191, 226, 229, 250, 321, 338, 343, 363, 406, 407, 411, 670, 721, 727, 732
Мазепа (*см.* Закревский А. А.)
Макаев 232, 697
Маккавей И. 688
Маков 418, 739
Максимóвич П. И. 209, 692
Максúмович, денщик А. П. Ермолова 434, 570, 608, 678, 743, 794
Макфарлен Р. (Robert Macfarlan) 792
Макферсон Дж. 782
Малинский М. Г. 688
Малькольм Д. 96, 670
Мамад-Бек 684
Манин 389, 733
Мансур, шейх (Ушурма) 680, 698
Манюкин З. С. 618, 798
Марачевский (Морачевский) 721
Мария-Терезия, австрийская императрица 781
Мария (Мариам) Георгиевна, груз. царица 258, 501, 653, 702, 755, 756, 785
Мария Кациевна, груз. княжна 470, 755
Мария Павловна, вел. кн. 89, 669
Мария Федоровна, императрица 89, 105, 118, 669, 678, 683, 770
Марков Е. И. 275, 706
Марс 45
Мартин (Сен-Мартин) А. 153
Мартиненго Р. А. 428, 741
Мартынов Н. С. 436, 743, 744, 746
Мартынов П. П. 271, 704
Марченко В. Р. 24, 25, 41, 64, 76, 79, 81, 82, 85, 89, 102, 123, 446, 647, 648, 664, 666, 737, 746
Марченко М. О. (урожд. Шмидт) 76, 134, 666
Масанов Ю. И. 782
Матвеев 89
Матвеев О. В. 736
Мацнев 419
Меграли-Ага 392
Медведев П. И. 184, 189, 689
Медокс 270, 704
Мейендорф А. К. 523, 773
Меликов С. Т. 78, 666
Меликова Е. С. (урожд. Лионидзе) 666
Меллер-Закомельский К. П. 713
Меллер-Закомельский П. И. 44, 93, 116, 120, 121, 126, 171, 254, 275, 280, 282, 291, 293, 294, 305–307, 311, 313, 318, 324, 658, 673, 687, 713
Меллер-Закомельский П. П. 319, 489, 490, 492, 500, 763, 764, 766, 772
Мельгунов А. П. 129, 676
Мемека (*см.* Максúмович)
Менд (Менде) А. И. 549, 780
Меншиков А. С. 14, 26, 36, 82, 88, 102, 104, 134, 152, 165, 238, 271, 278, 332, 333, 342, 380, 383, 384, 392, 414, 452, 466, 517, 809, 628, 643, 649, 669, 698, 719, 731, 732, 738, 801
Мергали-Ага 392
Мерлини С. Д. 19, 49, 53, 113, 171, 177, 182, 188, 199, 660
Мертваго Д. Б. 12, 163, 175, 679, 685, 688
Меттерних-Виннебург К. В. Л. 251, 294, 559, 562, 701, 783, 784
Мехти II, шамхал 284, 680, 708
Мехти-Кули-Хан 43, 46, 53, 397, 657, 658, 712, 734, 794
Мечников Е. И. 740
Мещерская С. С. (урожд. Всеволожская) 250, 701
Мещерский А. В. 457, 752
Миклашевский А. М. 400, 735
Миклашевский М. П. 735
Миловидов Б. П. 18, 22, 751
Милорадович М. А. 116, 128, 140, 151, 291, 296, 673, 683
Милютин Д. А. 440, 745, 808
Мирза-Абдул-Вехаб Исфахани 671
Мирза-Абуль Хасан-Хан 649
Мирза-Безюрг 671
Мирза-Джан 398, 734
Мирза-Исмаил 284
Мирзоев 580
Михаил Николаевич, вел. кн. 792

Михаил Павлович, вел. кн. 139, 311, 359, 431, 465, 466, 518, 540, 545, 592, 679, 696, 726, 746, 792, 794
Михайлов 94, 99
Михайлов О. 726, 746
Михайлов Я. 437
Михайловский-Данилевский А. И. 524, 545, 577, 774
Мишо де Боретур А. Ф. 85, 668
Мищенко 741
Могилевский П. И. 711, 789
Моллер Э. А., фон 580, 790
Молчанов П. С. 484, 762
Монталамбер М. Р., де 149, 682
Монтекукколи Р. 531, 776
Монтеспан Ф.-А., де 5
Монтис У. 396, 734
Монтрезор К. Л. 331, 719
Морда (*см.* Абакумов А. И.)
Мордвинов Н. С. 272, 289, 324, 329, 338, 341, 668, 705, 706, 711, 718, 720
Мориц (*см.* Коцебу М. А.)
Морков 281
Мотт Ш. Э. 686
Мохаммед-Шах 786
Мошков (Машков) В. И. 83, 123, 320, 667, 686, 716
Мулаим, вдова Ших-Али-Хана 708
Муравьев А. М. 759, 781
Муравьев А. Н. 158, 684, 800, 801
Муравьев М. Н. 555, 581, 587, 614, 615, 624, 643, 782, 791, 797, 806
Муравьев Н. М. 451, 748, 781
Муравьев Н. Н. (Муравьев-Карский) 13, 14, 16, 17, 22, 26, 32, 33, 158, 223, 276, 284, 285, 327, 329, 344, 351, 359, 384–391, 394, 396, 418, 429, 450–453, 464–469, 474, 475, 488, 490, 492, 496, 503, 525, 530, 540, 553, 554, 556, 579, 624, 636, 638, 640–643, 653, 654, 676, 684, 695, 706, 718, 726, 731–734, 737, 739, 741, 748, 753, 755, 756, 762, 763, 774, 775, 778, 779, 780–782, 805
Муравьев Н. Наз. 716
Муравьев-Амурский Н. Н. 453, 750, 765
Муравьева А. Г. (урожд. Чернышева) 799
Муравьева Е. Ф. 555, 780
Муравьева Н. Г. (урожд. гр. Чернышева) 452, 465, 467, 475, 490, 492, 531, 541, 554, 555, 750, 776, 780, 799
Муравьева П. М. (урожд. Шаховская) 684
Муромцев 41, 44
Муса Балаканский 771
Мусницкий О. О. 637, 805
Мустафа-Хан 43, 58, 191, 192, 230–233. 239, 658, 689, 697, 716
Мухаммад-Али-Мирза 676
Мухаммед, пророк 801
Мухровани 427

Набоков И. А. 466, 754
Нагаткин П. А. 15, 368, 369, 371, 728
Нагибин В. А. 357, 361, 401, 403, 573, 577, 725, 736, 788
Надир-Шах-Авшар 97, 231, 670
Назимова А. А. 599
Накашидзе А. Д. 644, 807
Наполеон I Бонапарт 5, 59, 84, 85, 92, 95, 282, 292, 485, 514, 604, 632, 641, 709, 718, 739, 745, 774, 777, 779, 797, 798, 806
Наполеон III Бонапарт 615, 641, 782, 797, 806
Насреддин Шах 786
Нат Б. А. 615, 797
Наумов С. А. 45, 61, 88, 146, 154, 170, 177, 240, 288, 295, 658, 681, 684
Негри А. Ф. 668
Ней М. 657
Нейдгардт А. И. 15, 317, 451, 452, 454, 462, 470, 474, 476, 485, 507, 511, 517, 551, 716, 747–749, 750, 754
Нейман О. В., фон 757, 758
Немоевская С. 47, 650
Нерсес V Аштаракеци 418, 504, 738, 768
Нессельроде К. В. 63, 64, 69, 70, 79, 93, 103, 120, 187, 193, 198, 199, 213, 216, 218, 294, 615, 649, 664, 693, 705, 722
Нестеров П. П. 489, 490, 493, 500, 760, 763, 796
Нестор, летописец 799
Нечкина М. В. 6
Никитенко А. В. 783, 783
Никитин А. П. 299, 436, 643, 711, 807
Николай I 13, 14, 16, 373, 376, 378, 387, 395, 398, 401, 402, 404, 405, 407, 408, 413, 415, 418, 420, 426, 431, 438, 446, 449, 454, 456, 459, 462–468, 470, 473, 474, 479, 482, 483, 489, 493, 496, 497, 501, 505, 506, 510, 527, 535–537, 540, 542, 554, 556, 558, 559, 564, 570, 575, 582, 583, 586, 588, 601, 603, 609, 610, 613, 621, 626, 627, 628, 634, 637, 639–641, 669, 671, 695, 728, 731, 735, 742, 744, 750, 751, 753–757, 761, 763–765, 767, 770, 772, 777, 780, 781, 782, 784, 787, 790, 804, 806
Николай Павлович, вел. кн. 109, 151, 671, 678, 682, 792
Новиков В. А. 420, 740
Новицкий Г. В. 723
Новосильцев А. Н. 436, 743
Ноинский А. И. 32, 36, 44. 67, 653
Носов И. П. 807
Носов Н. И. 644, 807
Нувохов Б. 738
Нуцал-Хан 775

Оболонская А. Г. 792
Оболонский Г. П. 792
Обрезков А. М. 717
Обрезков М. А. 316, 321, 335, 715, 716, 720
Огранович Н. С. 596, 793
Ожаровский А. П. 115, 146, 248, 673
Озерецковский Н. Я. 801
Озерецковский Я. Н. 628, 801
Оленин А. Н. 37, 82, 122, 123, 285, 656,667, 736
Олсуфьев Д. 529, 775
Ольга Константиновна, вел. кн. 795
Ольга Николаевна, вел. кн. 483, 761, 764
Ольдекоп К. Ф. 372, 729
Ольденбургский Г. П. (принц Вюртембергский, король Фридрих-Вильгельм) 669
Ольшевский М. Я. 758
Омар-Паша 638, 640, 641, 805
Опочинин Ф. К. 21
Опперман К. И. 67, 664

Оранский В. (Вильгельм II, король Нидерландский) 669
Оранский И. С. 209, 692
Орбелиани А. Н. 390, 733
Орбелиани Г. Д. 640, 575, 788, 806
Орбелиани Д. З. 101, 103, 171, 670, 687
Орбелиани Д. Т. (Ф.) 391, 734, 605, 794
Орбелиани Л. 586
Орбелиани М. (Манана) 605, 794
Орлеанский Л.-Ф. 698
Орлов А. Ф. 36, 67, 88, 485, 633, 635, 655, 762, 804
Орлов М. Ф. 485, 517, 762
Орлов Н. М. 485, 486, 762
Орлов-Чесменский А. Г. 721
Орлова Е. Н. (урожд. Раевская) 762
Орлова-Чесменская А. А. 342, 349, 351, 721, 723
Орловский А. О. 685
Оссиан 556, 596, 782, 792
Остен-Сакен Д. Е. 591, 792
Остен-Сакен (Сакен) Ф. В. 140, 151, 218, 262, 291, 296, 314, 544, 679, 681, 683, 702, 779
Остерман-Толстой А. И. 152, 683
Отто 114

Павел I, император 227, 660, 761
Павлов, майор 250, 264, 287, 359, 360, 364, 373
Павлов А. А. 21, 108, 109, 263, 265, 273, 282, 286, 294, 318, 321, 327, 331, 338, 342, 349, 410–412, 671, 702, 719, 723, 737
Павлова А. П. (урожд. Ермолова) 21, 22, 48, 260, 262–265, 271, 273, 278, 282, 286, 287, 297, 318, 320, 321, 324, 331, 334, 338, 342, 343, 344, 349–351, 353, 362, 367, 368, 402, 410–413, 415, 417, 671, 723, 728, 736, 737
Палавандов Н. О. 367, 572, 573, 576, 585, 586, 728, 789
Пален П.П., фон дер 29, 335, 433, 558, 720, 743, 783
Пальмерстон Г. Д. Т. 615, 797
Пантелеев 370
Паскевич Е. А. 601, 794
Паскевич И. Ф. 14, 394, 396, 399, 404, 407–409, 411, 413, 414, 419, 421, 427, 489, 503, 514, 566, 577, 588, 590, 601, 602, 613, 667, 679, 689, 700, 722, 734–737, 740, 741–743, 745, 751, 755, 764, 767, 768, 772, 779, 781, 783, 786, 789, 790, 794, 800, 803, 805
Паскевич Ф. И. 767
Пассек В. В. 761
Пассек Д. В. 460, 483, 486, 551, 748, 752, 753, 761, 763
Пассек Т. П. (урожд. Кучина) 761
Патерсон Д. 664
Паулуччи Ф. О. 7, 43, 167, 271, 458, 658, 752
Паху-Бике 775
Паша-Махай Оглы 807
Пашков В. А. 256, 701
Певзнер А. 784
Пезаровиус П. П. 13, 113, 657, 673
Пелиссье Ж.-Ж. 639, 805
Перекусихина М. С. 737
Перовский В. А. 787
Перовский Л. А. 501, 573, 574, 579, 767, 787, 789, 791, 797, 800
Пестель А. Б. 49, 64, 111, 155–162, 168, 174, 182, 217, 223, 226, 660
Пестель И. Б. 64, 664
Пестель П. И. 664
Петр I 10, 370
Петрахан (*см.* Волконский П. М.)
Петров А. П. 639, 803
Петров П. И. 126, 145, 148, 219, 481, 550, 632, 638, 675, 680, 681, 760, 803
Петрова А. А. (урожд. Хастатова) 681
Печерский Ф. И. 111, 188, 229, 672
Пеше, генерал 742
Пивовариус (*см.* Пезаровиус П. П.)
Пиери Н. Ю. 12, 241, 698, 699
Пий VII, Папа Римский 669
Писарев А. А. 5, 152, 173, 683
Платов М. И. 305, 713
Погодин Н. М. 6, 18,799
Подмазо А. А. 667
Подпрятов Н. Д. 377, 731
Поздеев 305, 713
Позен М.П. 552, 557, 756, 781, 783
Покотилов 618
Покровский Н. И. 751, 752, 759–761, 763, 765, 767, 771, 774, 777, 778, 780, 781, 786, 788, 793,795–797, 800
Полежаев А. И. 6
Полешко С. Г. 760
Половцов А. А. 18–20
Полонский Я. П. 762
Полторацкий К. М. 27, 39, 60, 650
Понировский И. Я. 270, 311, 704
Понятовский С.-А. 761
Попов В. С. 348, 377, 712
Попов П. В. 131, 162, 165, 174, 175, 188, 215, 218, 223, 301, 302, 305, 309, 313, 323, 341, 392, 436, 685, 687, 720, 723, 733, 743
Попов С. И. 102, 108, 670
Портнягин С. А. 117, 164, 165, 176, 674, 685
Поссе Е. К. 654
Потапов А. Н. 331, 718
Потемкин Г. А. 709
Потемкин Я. А. 225, 243, 696
Потемкины 699
Потто В. А. 6, 680, 732, 737, 771, 774
Похвистнев Н. Н. 287, 296, 709
Похвистневы 22
Почтенов В. И. 491, 764
Пражевский Н. П. 493, 765
Пржездецкая В. 660
Прибиль И. А. 429, 576, 578, 742, 789, 790
Пригара П. О. 218, 693
Прозоровский А. А. 638, 805
Прушановский К. И. 646, 808
Публий Корнелий Сципион 762
Пузыревский И. О. 35. 52, 112, 182, 217, 221–224, 229, 655, 690, 695, 698
Пулло А. П. 457, 479, 751
Пушкин А. С. 6, 7, 14, 614, 702, 741, 743, 783
Пфейлицер-Франк О.-В. Г. 27, 192, 198, 650
Пятериков В. И. 19, 35, 144, 655

Радецкий И.-В. 562, 742, 785
Радклиф А. 423, 740

Раевский А Н 27, 200, 211, 230, 231, 353, 418, 428, 650, 691, 697, 724, 739, 743
Раевский Н Н (ст) 650, 683, 762
Раевский Н Н 140, 151, 171, 200, 230, 268, 436, 437, 441, 442, 447, 485, 486, 679, 741, 743–745
Райт Т 713
Рамбо А 666, 783–785, 787
Рахманов 789
Реад Н А 613, 617, 804
Ребинин (Рябинин) И 35, 52, 63, 371, 729
Ребров А Ф 357, 361, 428, 725, 741, 746
Ревазов 206
Резвой Д П 204, 692
Резвой П П 37, 133, 204, 656, 692
Рейс-Ахмет-Паша 803
Репнин Н Г 316, 715
Реут И А 122, 675, 734, 776
Реут П А 395, 535, 536, 588
Рибопьер А И 343, 721
Ридигер Ф В 432, 742
Ришелье А Э 229
Розен 570, 573, 576
Розен А В 293, 710
Розен А Г 448, 471, 473, 476, 478, 495, 501, 504, 552, 747, 756
Розен А Е 725
Розен Г В 15, 25, 225, 440, 648, 745, 747, 757, 759, 761, 769, 778
Розен Е Д (урожд Зубова) 543, 576, 648, 779, 789
Розен К Г 660
Розен М К 49, 93, 110, 171, 205, 660
Розенберг А Г 617, 798
Росляков М М 27, 650
Ростом-Бек 399
Рот Л О 112, 262, 294, 365, 494, 672, 702, 727, 760
Ротшильд 475
Ртищев Н Ф 7, 8, 24, 42, 43, 46, 48, 50, 53, 55, 57, 72, 78, 101, 102, 108, 167, 238, 458, 538, 648, 657, 659, 665, 670, 789, 794
Ртищева Г-Ф (в первом браке Мильет) 46, 48, 659
Рудзевич А Я 130, 676, 677
Румянцев М П 692
Румянцев Н П 298, 329, 692, 711, 716, 718
Румянцев П А 201, 692
Румянцев С Н 692
Румянцев-Задунайский А П 718
Руска И Ф 708
Рыбинский 761
Рылеев К Ф 358, 726
Рынкевич А А (урожд Пашкова) 255, 256, 701
Рынкевич Е А (урожд Толстая) 701
Рынкевич Е Е 701
Рыхлевский А И 210, 251, 288, 299, 324, 330, 343, 692, 718
Рябинин И 655

Сабанеев И В 7, 18, 25, 36, 47, 146, 151, 303, 326, 335, 648, 712, 720
Саблин А Н 146, 681
Саблуков А А 713, 723
Сагиб Султана 708
Саксен-Веймар-Эйзенахский К-Ф 669
Салагов С И 103, 670
Саликов А А 300, 711
Салтыков Н И 152, 683
Сальви Л 455, 751
Самбурский А П 100, 670
Самойлов А Н 676
Самойлов Н А 131, 196, 197, 205, 223, 253, 308, 668, 676, 691, 713
Сант-Мартин А Ж (Saint-Martin A J) 684
Сапожников А П 48, 370, 729
Сапожников П С 123
Сафонов С В 499, 504, 529, 584, 615, 766, 773, 797
Сахно-Устимович П М 418, 739
Св Антоний 55
Св Стефан 688
Свербеев Д Н 742
Свеховский И А 389, 733
Свечин Н М 28, 651
Свешников 499, 517, 518, 582, 766
Свиньин П П 352, 377, 379, 723
Севарсемидзе Л Я 100, 384–388, 394, 670, 731, 733
Селим-Хан 658
Селявин Н И 271, 704
Семевский М И 14, 18, 22, 663
Семенова А В 7
Сергеев Г А 328, 369, 371, 718, 728, 729
Сизов 273, 289, 322, 325, 330, 338, 705
Силин 121, 148, 165, 190, 203, 215
Симанович И О 311
Симанович Ф Ф 38, 656
Симборский А М 356, 725, 788
Симонич И О 389, 506, 566, 714, 733, 770
Симчевский 323
Синклер Дж (John Sinclair) 792
Сипягин Н М 45, 66, 146, 152, 176, 177, 242, 413, 423, 427, 658, 681, 699, 740
Сипягина М В (урожд Всеволожская) 681
Скаржинский В П 346, 347, 722
Скаржинский П М 722
Скасси Р А, де 347, 722
Скворцов В 671
Скобелев И Н 234, 698
Слатвинский П И 331, 719
Слепцов Н П 613, 796, 798
Смирнов Н М 468, 755
Смирной Н Ф 713
Снеженский 389, 733
Соболев 187
Соколов А Е 668
Соловьев С М 799
Соломон II, имеретинский царь 755
Сорочан Т В 227, 696
София (Сатияр) 17, 806, 807
Спасский П Н (*см* Фотий)
Сперанский М М 12, 679
Спонтини Г 663
Стабуш 93–95, 121, 165, 186, 304, 309, 314, 323
Сталь К Ф 54, 88, 99, 114, 179, 241, 266, 293, 320, 342, 345, 360, 661, 703,
Столыпин А Г 796
Столыпин Н А 137, 145, 149, 678
Стрекалов С С 225, 696
Строганов А 636
Строганов Г А 115, 325, 673, 705, 717
Строев П М 703
Суворов А В 6, 305, 462, 617, 692, 753, 778, 798

Суворов-Рымникский (кн. Италийский) А. А. 201, 418, 519, 555, 570, 574, 605, 692, 772, 782, 787
Сукин А. Я. 332, 335, 719, 720
Султан-Ахмет-Хан 666, 684, 688, 691
Сурхай-Хан 191, 192, 231, 688, 693, 697
Суслов А. А. 617, 798
Сутгоф 2-й 209, 692
Сухозанет Е. В. (урожд. Яшвиль) 764
Сухозанет И. О. 162, 266, 493, 685, 703, 764
Сухоруков С. А. 667
Сухтелен П. П. 735
Сципион Африканский П. К. 486, 508
Сысоев В. А. 11, 165, 194, 202, 205, 209, 685, 690
Сытин И. Д. 757, 793
Сюйду 713
Таймазов Б. Б. 773, 774
Таймиев Б. 727
Талызин И. Д. 419, 739
Талызин Ф. И. 169, 351, 686, 723
Талызина Л. 723
Талызина Ю. (урожд. Корнет) 723
Тамара Георгиевна, груз. царевна 653
Тартаковский А. Г. 675
Татищев А. И 358, 378, 726, 727
Татищев Д. П. 280, 281, 294, 707
Таубе К. К. 24, 162, 648, 685
Тахо-Годи А. 20, 22
Тахтарев М. 765
Тацит 8, 382
Твердохлебов Г. С. 526, 774
Терпсихора 45
Терри 506
Тимковский В. Ф. 297, 361, 711, 726
Тимофеев П. 437, 440, 745
Тихановский С. Л. 49, 51, 64, 660
Тихоцкий Я. М. 376, 730
Толстая С. А. (урожд. Дурасова) 701, 703, 709
Толстой А. А. 172, 173, 177, 179, 190, 200, 205, 215, 223, 226, 242, 244, 256
Толстой А. В. 687, 701, 709
Толстой В. А. 687
Толстой Л. Н. 796
Толстой П. А. 451, 717, 748
Толстой Ф. А. 170, 314, 263, 279, 687, 702, 703, 706, 719, 731
Толстой Ф. И. (Американец) 445, 746
Толь К. Ф. 25, 124, 151, 152, 317, 649, 683, 716
Тормасов А. П. 8, 50, 55, 116, 167, 218, 240, 661, 667, 673, 779
Торнау Ф. Ф. 759
Торри 770
Торсуков А. А. 669, 737
Торсукова Е. В. (урожд. Перекусихина) 412, 669, 737, 738, 742
Тотай Акай-Кызы 17, 713, 762, 806, 807
Траверсе И. И. 72, 666, 706
Траскин А. С. 440, 745, 746
Трафандилов 765
Трегубов А. В. 449, 747
Троицкий 35
Трубецкая С. А. (урожд. Вейс) 796
Трубецкой В. С. 744, 796
Трубецкой П. И. 492, 565, 764
Трубецкой С. В. 439, 744
Тулаев Г. И. 662
Туманов М. Б. 585, 791
Тунян В. Г. 768
Тургенев Н. И. 698
Тургенев С. И. 698
Тухолка Л. А. 169, 686

Уваров С. С. 556, 777, 782
Уваров Ф. А. 660, 724
Уваров Ф. П. 271, 290, 305, 307. 332, 335, 353, 556, 704, 713, 719, 720
Угурлу-Хан 733
Удовик В. А. 766
Унтильe А. А. 418, 739
Устимович П. М. (Сахно-Устимович) 361, 367, 725
Устрялов Н. Г. 532, 535, 538, 546, 556, 777, 782, 799
Ухтомский А. Г. 667
Уцмиев М. (Мусса-Хасаев) 369, 370, 728
Уэсли А., герцог Веллингтон 38, 656

Фабий К. 420, 740
Фабии, семья 740
Фадеев Р. А. 18, 646, 807
Фалькенберг И. Я. 60, 663
Федоров В. А. 675
Фезе (Фези) К. К. 457, 752, 780
Феофилакт 12, 142, 187, 213, 214, 216, 223, 297, 680
Фердинанд I, австрийский император 785
Фердинанд VII, король Испании 709
Фет А. А. 762
Фетх-Али-Хан 684
Фетх-Али-Шах 47, 70, 79, 80, 83–87, 90–93, 95, 97, 101, 105–107, 115, 302, 392, 615, 659, 670, 708, 732, 797
Филиппова Э. Н. 759
Филиппьев А. К. 579, 790
Философов А. И. 22, 591, 592, 594, 611, 612, 792
Финн (Фингал) Мак-Кумхайл 782
Фихте И. 674
Флешье Э. 799
Флиге К. Я. 386, 733
Фок Б. Б. 753
Фонвизин М. А. 169, 194, 197, 199, 213, 222–224, 228, 305, 308, 686
Форбек 428, 741
Фотий 342, 721
Франц И.-К., австрийский император 707, 709, 777, 799
Фрейтаг Р. К. 460, 461, 475, 481, 485, 489, 490, 492, 500, 566, 750, 753, 759, 760, 762, 763, 765, 772, 774, 786
Фридерикс Б. А. 387, 391, 733
Фридрих I, прусский король 678
Фридрих II, прусский король 781
Фридрих-Вильгельм III, прусский король 680, 709
Фридрих-Вильгельм IV, прусский король 782, 784, 785, 787
Фролов С. С. 29, 30, 652

Хаджи-Мурат Хунзахский (Гаджи-Мурат) 461, 609, 612, 613, 616, 753, 771, 778, 795, 796
Хаджи-Юсуф 777
Халфин Н. А. 706
Хан-Бутай 284

Хан Гирей 7
Харитонов А. А. 783, 783
Харуев 329
Хаспулат Гирей 685
Хастатов А. В. 681
Хастатова Е. А. (урожд. Столыпина) 681
Хлоповский Д. А. 761
Ховен Е. Р., фон дер 565, 785
Ховен К. Е. 622, 799
Ховен Р. И., фон дер 14, 17, 22, 26, 114, 152, 206, 361, 402, 409, 418, 423, 426, 427, 429, 430, 434, 450, 536, 559, 564, 570, 595–597, 603, 604, 608, 642, 649, 665, 672, 684, 692, 726, 736, 739–743, 747, 784, 785, 793, 794, 806
Ховен Р. Р., фон дер 450, 622, 739, 747
Ховен Х. Х. 467, 755
Хотунцов Н. М. 19, 49, 53, 136, 660
Храповицкий М. Е. 242, 699
Хрипунов 474, 756
Хрущев А. П. 261, 262, 264, 270, 277, 279, 702
Худобашев 668

Цицианов 258
Цицианов П. Д. 5, 8, 15, 16, 26, 28, 35, 38, 46, 50, 55, 58, 72, 142, 153, 165, 220, 249, 258, 284, 456, 576, 613, 649, 662, 673, 708, 728, 751
Цициановы 702

Чавчавадзе А. Г. 247, 311, 699
Чарльс Т. 664
Чаусов 215
Чевкин К. В. 644, 807
Чекалов Н. М. 315, 715
Черейский Л. А. 741
Чернов А. П. 206, 677
Черные Глаза (*см.* Немоевская С.)
Чернышев А. И. 115, 286, 314, 316, 527, 554, 559, 573, 574, 636, 673, 709, 744, 747, 753, 755, 758, 759, 764, 769, 773, 775, 777, 783, 784, 788, 789, 790, 796, 799
Чернышев Г. И. 799
Чернышев З. Г. 130, 676, 799
Чернышев-Кругликов И. Г. 778
Чернышева-Кругликова С. Г. 778
Черняков 32
Чертков А. Д. 619, 799
Черткова Е. Г. (урожд. Чернышева) 799
Чиляев Б. Г. 57, 788
Чиляев Н. И. 399, 734
Чингисхан 87

Шабельский И. П. 269, 704
Шамбор Г.-Ш., де 236, 698
Шамиль 20, 452, 455, 456, 458–462, 464, 465, 468–470, 478, 487–490, 492, 493, 495, 500, 501, 506, 507, 509, 510, 514–516, 523–525, 527, 529, 531, 535, 539, 541, 548, 551, 554, 555, 560, 562, 563, 566, 568, 569, 641, 629–631, 646, 699, 730, 747–749, 751–754, 758–760, 762, 763, 765–767, 770, 771–773, 774, 775, 777, 778, 780, 781, 786–789, 793, 795–797, 800, 807
Шаратлук 500, 766
Шарлемань И. И. 708
Шатилов И. В. 31, 36, 44, 62, 67, 88, 102, 110, 111, 148, 173, 245, 264, 278, 279, 282, 289–291, 296, 304, 307, 309, 314, 319, 322, 330, 332, 342, 345, 350, 353, 359, 653, 720, 786
Шафиров П. П. 717
Шах-Вали 795
Шах-Надир 231
Шах-Назаровы 689
Шаховская П. М. 158
Шаховской И. Л. 294, 592, 617, 710, 798
Шварц Г. Е. 477, 571, 575, 758, 788, 789
Шварц Ф. Е. 242, 243, 699
Швецов 377, 730
Шевцов П. 39, 72, 126, 656
Шелгунов В. И. 296, 711
Шеллинг Ф.-В. 674
Шепелев 371, 729
Шепелев Л. Е. 753
Шервашидзе М. 721
Шереметев В. В. 578, 714
Шереметев М. Б. 717
Шилов Д. Н. 647, 649, 713, 714, 759
Ших-Али-Хан 191, 192, 708
Шишков А. А. 134, 275, 677, 706
Шишков А. С. 134, 275, 668, 677, 706, 711
Шмидт К. Э. 580, 791
Шпанов М. М. 577, 583, 791
Шредер 380
Штейнгель Н. Н. (урожд. Энгельгард) 718
Штейнгель Ф. Ф. 167, 309, 314, 325, 686, 714, 717, 718
Шуберт Ф. Ф. 503, 767, 768
Шувалов А. П. 708
Шульгин 256
Шультен О. И. 133, 677
Шульц 135, 678
Шупинский 445

Щербина Ф. А. 703
Щербинин М. П. 552, 554, 577, 583, 781

Эйдельман Н. Я. 7
Эйнгольм 178, 179
Эммануэль Г. А. 33, 62, 347, 478, 654, 722
Эрикс 30, 31, 652
Эристов Г. И. 19, 52, 249, 275, 403, 409, 483, 503, 504, 555, 575, 588, 661, 700, 706, 711, 736, 737, 762, 767, 768
Эристовы 67, 71, 665
Эртель Ф. Ф. 266, 269, 335, 341, 703, 720
Эспартеро Б. 696
Эссен П. К. 73, 666

Юлий Цезарь 5, 8, 18
Юлия, жрица Весты 663
Юни 285
Юрьев Н. И. 446, 746
Юсупов Н. Б. 272, 707
Юшков А. И. 28, 651

Якимов 122, 130, 675
Якоби И. В. 654
Яковлев 118, 120
Якубович А. И. 311, 714
Яценко Г. М. 674
Яшвиль Л. М. 116, 224, 311, 673, 685, 686, 695

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Arménie *см.* Армения
Breslau *см.* Бреслау
Géorgie *см.* Грузия
Koenigstein *см.* Кёнигштайн
London *см.* Лондон
Paris *см.* Париж

Аберан, река в Армении 738
Абхазия 7, 9, 325, 345, 348, 711, 721
Авария (Аварское ханство), область в Западном Дагестане 523, 527, 535, 548, 551, 752, 775, 777, 780, 795
Аварское Койсу (Койсу), река в Дагестане 11, 207, 452, 461, 523, 524, 526, 547, 548, 551, 749, 774, 780
Августовская губерния в Польше 759
Австрия (Австрийская империя) 294, 538, 557, 558, 562, 569, 628, 682, 705, 706, 776, 778, 781, 783, 785, 786, 799
Автуры, селение в Чечне 797
Агар, город в Персии 378, 392, 400
Агач-Кала, село в Дагестане 735
Агсабенск, пост 390
Адлер, мыс на Черноморском побережье 725
Азербайджан 9, 411, 738, 768, 778, 786, 796
Азия 7, 10, 18, 92, 94, 206, 225, 561, 696, 705, 717
Азов, город Екатеринославской губ. 166, 654
Азовка, река, приток Дона 165
Азовское море 686, 728
Айду, селение в Дагестане 367
Аймяки, селение в Дагестане 771
Аксай, крепость и селение на правом берегу р. Аксай 141, 153, 189, 231, 241, 365, 371, 728
Аксай, река в Дагестане и Чечне 478
Аксайское ущелье 747
Акстафа, река в Армении и Азербайджане 389, 393
Акуша (Акуша-Дарго), селение в Дагестане 191, 228, 495, 511, 523, 527, 535, 692, 693, 748, 749
Акушинская область в Дагестане 213, 458, 502, 527, 767, 770, 771, 774
Алагирское ущелье в Северной Осетии 348
Алазань, река 711, 770, 775
Алдинские хутора в Чечне 523, 774
Алды, селение в Чечне 698
Александерсдорф, немецкая колония в Грузии 678
Александровская (Усть-Лабинская), крепость на Кубани 654, 676
Александрополь, город 790, 802
Александропольский уезд 769
Алексинский уезд Тульской губ. 736
Алжир 782, 786
Аллаяр, аул в Чечне 692
Америка 279, 746
Амир-Аджи-Юрт, селение в Чечне 729
Анапа, крепость на Черном море 262, 347, 654, 721, 722, 744
Анатолия, регион Турции 262, 802, 804
Англия 76, 169, 231, 240, 272, 292, 339, 363, 466, 557, 564, 615, 633, 656, 659, 659, 666, 667, 682, 696, 705, 709, 755, 797, 804
Анди, селение в Андии 758, 766
Андийское Койсу, река в Дагестане 747, 780
Андия, горная область в Дагестане 459, 461, 462, 465, 466, 468–470, 476, 477, 479, 495, 504, 758
Андреевская слобода (деревня Эндери) 59, 141, 153, 154, 156, 159, 187, 189, 191, 193, 195, 197, 200, 204, 206, 209, 211, 688, 689, 690, 760
Анчимер, гора Кавказского хребта 468
Аравия 741
Аракс, река в Грузии 78, 79, 411, 738, 777, 803
Аргентина 696
Аргун, река в Чечне 141, 760, 772, 797
Ардаган, турецкая крепость 769, 788
Ардебиль, город в Персии 392, 683
Ардон, река в Северной Осетии 348
Арещ, селение в Елизаветпольской губ. 398
Арзрум (Эрзерум), город в Турции 6, 702, 783, 806
Арктика 754
Армения 9, 47, 153, 659, 702, 738
Армянская область 505, 666, 769
Армянское нагорье 786
Арпачай, река в Турции 802
Архангельск 194, 739
Архангельская губерния 718
Асландуз, брод на реке Аракс 631, 803
Асса, река в Чечне 502, 796
Астара, река в Азербайджане 738
Астраханская губерния 12, 648, 721, 753
Астрахань 75, 111, 114, 139, 163, 164, 175, 188, 210, 370, 451, 654, 670, 676, 697, 731
Атаги, село в Чечне 679
Аустерлиц, город на территории совр. Чехии 798
Ахалкалак (Ахалкалаки), город в Грузии 803
Ахалкалакский уезд 732
Ахалцих, крепость 270, 602, 802, 803
Ахалцихский пашалык (Ахалцихская провинция, Ахалцыхский уезд) 268, 732, 750, 769
Ахатль, аварское село в Дагестане 749
Ахен, город в Германии 316
Ахты, река в Дагестане 775
Ахты, селение и русское укрепление в Дагестане 476, 506, 571, 575, 576, 757, 780, 786–789
Ах-Углан, крепость в Азербайджане 400
Ахульго, гора и селение в Дагестане 440, 458, 745, 752, 758
Ацхур, укрепление в Грузии 631, 802
Ачхой, селение в Чечне и русское укрепление 502, 598, 793

Байкал, озеро 801
Бакинское ханство (Бакинская провинция) 656, 683
Баксан, река в Кабарде 384, 760
Баку, город 739
Балканы 262, 785
Балтийское море 754
Балык-Чай, урочище 732
Балыкчайский пост 386, 389, 390, 394
Бамбаки, горный район 385–388, 732
Бамбакская провинция, в Южном Дагестане 386, 390
Баталбашинская, станица в Кавказской обл 654
Батум (Батуми) 632
Башкадыклар, селение в Турции 803
Башлы, город в Дагестане 155–157, 159, 161, 683, 692
Баязет, город в Турции 632, 803
Баяндур, селение в Эриванской губ 802
Бедени, горная группа 359, 726
Безобдал, горный кряж 386, 388, 389, 394, 505
Бекант, селение в Бамбакской провинции 386, 388, 389
Белая Церковь, город на Украине 226, 240, 291, 301, 307, 312, 695
Белая, река, приток Кубани 384, 612, 621, 654, 709
Белгатой, селение в Чечне 478, 759
Белоканская провинция *см* Джаро-Белоканские общества
Белоканский уезд *см* Джаро-Белоканский военный округ
Белоканы, селение в Дагестане 681, 700
Белоруссия 248
Белый Ключ (Тетри-Цкаро), город в Грузии 359, 725
Бельгия 696
Беной, селение в Чечне 478, 759
Берген-Оп-Зом, крепость в Голландии 554, 781
Бердянск, уездный город в Таврической губ 510
Берлин 557–559, 569, 671, 784
Бессарабия (Бессарабская область) 75, 276, 282, 325, 716
Бешенковичи, селение Витебской губ 270, 703
Бешкечет, урочище 322
Ближний Восток 659, 782
Блотница, село в Прилукском уезде Полтавской губ 745
Блэкуэлл, город в Англии 755
Богемия 562, 672, 750, 785
Болтугай, селение в Дагестане 758
Боржомское ущелье 802
Бородино 523, 767, 771, 800
Бортунай (Буртунай), селение в Чечне 476, 748, 749, 758
Борч, селение в Дагестане 789
Борчалинский уезд Тифлисской губ 733
Босфор, пролив 655
Боутугай, селение в на р Сулак 691
Брагуны, селение в Чечне 502
Бранденбург, германское княжество 776
Брест (Брест-Литовский), уездный город Гродненской губ 249, 251, 552
Британия, *см* Англия
Брюссель, город 6
Брянск, уездный город Орловской губ 356
Буг, река на Украине 661
Бугам, река в Дагестане 155, 157
Бурная, крепость на территории шамхальства Тарковского 654, 708
Бутово, село в Волоколамском уезде 801
Бухарест, город 805

Валахия, княжество 303, 702, 705, 805
Валерик, река в Чечне 760
Варшава 6, 112, 128, 163, 212, 249, 250, 253, 276, 282, 310, 489, 510, 586, 587, 609, 620, 624, 627, 628, 636, 639, 678, 695, 748, 763, 792, 798, 801
Варшавское герцогство *см* Польша
Ватерлоо, деревня под Брюсселем в Бельгии 642
Ведено, селение в Чечне 796, 797
Великие Луки, уездный город Псковской губ 248
Великобритания *см* Англия
Великое княжество Литовское 675
Вена 236, 252, 280, 291, 301, 518, 558, 564, 569, 706, 707, 720, 783, 787, 801
Венгрия 562, 781, 783, 785, 787, 792, 799, 804
Венеция 670, 785
Верейский уезд Московской губ 752
Верона, город в Италии 706, 709, 785, 798
Вест-Индия 695
Викнино, село в Изюмском уезде Харьковской губ 730
Виленский военный округ 798
Вильно, город 253, 649, 703
Витебск, город 588, 593, 599, 791
Витебская губерния 589, 593, 606, 780
Владикавказ, крепость в Северной Осетии 33, 39, 51, 60, 154, 180, 267, 287, 348, 365, 367, 383, 487, 488, 489, 493, 494, 499, 500, 580, 590, 627, 637, 654, 709, 763
Владикавказский военный округ 763, 805
Власово, село в Мценском уезде Орловской губ 491, 653, 755
Внезапная, крепость на левом фланге Кавказской линии 11, 190, 192, 198, 203, 210, 211, 241, 369, 371, 479, 507, 654, 688, 690, 693, 718, 751, 758, 765
Военно-Ахтинская дорога 770, 775
Военно-Грузинская дорога 33, 493, 505, 527, 654, 676, 688, 788, 800
Воздвиженская, крепость в Чечне 479, 489, 516, 566, 793, 796
Вознесенск, город на Украине 523, 695
Войска Донского область 677, 708
Волга, река 184, 193, 670, 680, 688, 728, 801
Вологодская губерния 718
Волоколамский уезд Московской губ 801
Воронеж, город 32, 184, 186, 572, 695
Воронежская губерния 764, 781
Восточная Сибирь 765
Вюртемберг, королевство и город в Германии 677, 764
Вязьма, город в Смоленской губернии 767
Вятская губерния 718

Галашки, селение в Чечне 502
Галиция, историческая область Польши и Украины 562, 783

Гамборы, урочище в Тифлисской губ. 356
Гамзачиман, река 732
Гамзачиманский пост в Армении 386
Гамзачиманское (Оруланское) ущелье 389, 390
Гассан-Су, река в Елизаветпольской губ. 396
Гельсингфорс (совр. Хельсинки) 339
Георгиевск, город Кавказской области 9, 12, 33, 125, 216, 243, 265, 279, 345, 654, 677, 678
Гергебиль, селение в Дагестане 524, 527, 529, 534, 535, 539, 548, 551, 554, 563, 752, 775–778, 780–782, 786, 788, 794, 803
Герзель-аул в Чечне 365, 369–371, 461, 462, 477, 726, 728, 747, 752
Германия 381, 479, 504, 557, 558, 560–562, 566, 743
Герменчуг, селение в Чечне 729, 733
Гехи, селение в Чечне 679, 760
Гехинский лес в Чечне 479, 482, 760
Гибралтар, город и крепость 33, 654
Гили, селение в Южном Дагестане 367, 607, 608, 640
Гимринский хребет 774
Гимры, селение в Дагестане 749, 750
Глогау, немецкая крепость на р. Одер 651
Гогатль, селение в Андии 758
Гойта, река 760, 774, 797, 798
Гойтинский лес в Чечне 479, 482, 760
Гори, селение в Грузии 348, 802
Горийский уезд 769
Горячеводское, селение, с 1830 г. — Пятигорск 205
Гохча, река в Грузии 389, 731
Греция 657, 702, 705, 726, 765
Гродненская губерния 704
Грозная, крепость в Чечне, совр. г. Грозный 12, 138, 141, 142, 156, 159, 186, 193, 202, 205, 216, 241, 287, 367–369, 378, 431, 489, 654, 666, 678, 695, 772, 800
Грузино-Имеретинская губерния *см.* Грузия
Грузинская губерния *см.* Грузия
Грузия 7, 8, 10, 12, 24, 26–28, 33, 34, 43, 44, 46, 49, 50, 55, 61, 69, 70, 71, 75–78, 80, 82, 85, 92, 94, 95, 97, 99, 102–104, 113, 116, 117, 121, 133, 136, 138, 139, 153, 154, 162, 163, 165, 169, 172, 176–178, 181, 183, 188, 194, 198, 199, 206, 208, 210, 215, 217, 221, 234, 239–241, 247, 249, 250, 251–255, 258, 262, 264, 265, 268, 285, 298, 302, 304, 315, 324, 327, 331, 335, 348, 358, 362, 363, 382, 383, 387, 404, 418, 425, 426–430, 433, 438, 441, 447, 449, 453–455, 457, 465, 466, 470, 471, 475–477, 479, 480, 482–484, 494, 497, 503, 505, 510, 512, 516, 517, 521, 525, 530–532, 538, 544, 548, 552, 554, 555, 560, 561, 568, 570, 572–574, 577–580, 583, 585, 586, 589, 590, 593, 597, 637, 648, 649, 653, 658–663, 665, 667, 670–672, 676–678, 680, 681, 685, 688, 689, 690, 692, 696, 698, 701, 708, 714, 717, 718, 722, 725, 726, 735, 737, 755–758, 768, 769, 773, 777, 790
Гула, ингушское селение 758
Гумбет, селение в Дагестане 758
Гуниб, селение в Дагестане 536, 748, 777, 779, 807
Гунибский район в Дагестане 776
Гурийский уезд 769
Гурия (Гурийское княжество), западная часть Грузии 12, 221–224, 228–230, 239, 242, 325, 807
Гюмри, город в Армении 386–390, 732
Гянджинское ханство 656, 732

Дагестан 7, 9, 11, 20, 59, 64, 65, 88, 136, 137, 141. 149, 151, 154, 155, 157, 161, 167, 168, 174, 177, 178, 180–183, 188, 191, 193, 194, 196, 198, 199, 201, 202, 206–208, 210, 211, 218, 221, 229, 234, 241, 330, 333–335, 337, 345, 477, 482, 504, 514, 523, 535, 536, 541, 547–549, 551, 554, 602, 611, 612, 640, 654, 655, 659–661, 676, 680, 689, 690, 691, 693, 707, 720, 735, 741, 746–748, 750, 752, 756, 758, 759, 767, 771, 774–776, 778–780, 786, 789, 794
Дагестанская область *см.* Дагестан
Дада-Юрт (Дады-Юрт), селение в Чечне 11, 204, 691, 721, 729
Далмато-Хорвато-Славонское королевство 785
Далмация, область на Балканах 562, 713, 785
Дальний Восток 710
Дамаск, город 782
Дания 776
Даргинский округ 780
Дарго, селение в Дагестане 16, 459–464, 466, 469, 477, 478, 504, 531, 698, 750–754, 759, 777
Двина, река 589
Делижанское ущелье в Эриванской области 389, 390, 392
Дербент, город в Дагестане 6, 43, 116, 141, 155, 157, 159, 160–162, 168, 212, 214, 231, 578, 660, 680, 693, 790
Дербентская губерния 774, 780
Дербентский уезд 655, 780
Дербентское ханство 7, 683, 689, 692
Джалал-Оглы, селение (совр. Степанован) 391
Джалка, река в Чечне 797
Джаро-Белоканская линия 575
Джаро-Белоканские общества (область, округ) 149, 674, 681, 690, 700, 717, 741, 758, 769, 774, 788
Джарская провинция *см.* Джаро-Белоканские общества
Джары, селение в Дагестане 249, 301, 399, 681, 700, 711, 741
Дженгутай (Джугунтай) Большой и Малый, селения в Мехтулинском ханстве 156, 160, 683, 684
Дзорагет, река в Армении 732
Дизах, магал в Карабахе 400
Днепр, река 661
Днепровская линия 129
Дон, река 8, 316, 717
Донского войска область 207
Драгошаны, местечко в Валахии 699
Дрезден, город 634
Дубно, город на Украине 696
Дунай, река 303, 629, 677, 724
Дунайские княжества 629, 703, 716, 801

Евгеньевское, укрепление в Дагестане 447, 509, 746, 770
Евпатория, город Крыму 639, 703, 805
Европа 58, 59, 92, 95, 160, 178, 210, 225, 292, 325, 487, 530, 557, 559, 561, 563, 565, 571, 628, 666, 682, 706, 712, 741, 781, 784
Евфрат, река в Месопотамии 566, 786

Египет 72, 185
Едикуле (Семибашенный замок), крепость в Константинополе 716
Ейск, город на Азовском побережье 576
Екатериноград, город (с 1822 г. — станица) 287, 375, 383
Екатериноградская крепость 654
Екатеринодар (совр. Краснодар), город на Кубани 377, 736
Екатеринославская губерния 146, 190, 661
Еленендорф, немецкая колония в Грузии 678
Елец, уездный город Орловской губ. 464
Елецкий уезд 737, 755
Елизаветград (совр. Кировоград), город 429, 610
Елизаветполь (совр. Гянджа), город в Азербайджане 389, 392, 393, 395, 715, 734, 773, 777
Елизаветпольская губерния 678, 775
Елизаветпольский уезд 387, 769, 774
Елисаветталь, немецкая колония в Грузии 678
Елису, селение Джаро-Белоканского округа 549
Елисуйское султанство 722, 757, 774
Ессентуки, город на Северном Кавказе 679

Железноводск, крепость, затем город-курорт на Северном Кавказе 708

Закавказский край (Закавказская обл.) 5–8, 15, 21, 450, 473, 496, 522, 598, 600, 654, 655, 659, 674, 678, 696, 744, 745, 753, 756, 757, 760, 768, 769, 773–775, 780, 781, 783, 793, 806
Закан-Юрт, селение в Чечне 772
Закаталы, селение в Дагестане 750
Закатальское ущелье в Дагестане 681, 700
Западная Сибирь 670, 689, 764, 766
Звенигородский уезд Московской губ. 742
Зеленчук (Большой и Малый), реки, левые притоки р. Кубань 717
Злобный Окоп, укрепление на р. Сунжа 12, 241, 695,
Зугдиди, селение в Грузии 769
Зудахар (Цудахар), аул в Дагестане 495, 529, 548, 775
Зурамакент, селение в Дагестане 758
Зурнабад, селение в окрестностях Гянджи 389

Иверия (Иберия), древнее грузинское царство 363, 726
Иерусалим, город 179, 688
Израиль 621, 687
Изюмский уезд Харьковской губ. 730
Иллирия область на Балканах 562, 785
Ильмень, озеро 801
Имеретия (Имеретинская область, губерния) 7, 12, 53, 125, 182, 187, 188, 194, 213, 216, 217, 220, 221–224, 226, 228, 229, 239, 242, 348, 470, 505, 521, 524, 588, 602, 626, 655, 656, 660, 661, 689, 694, 695, 725, 735, 769
Ингур (Ингури), река в Грузии 505
Индия 10, 96, 275, 362, 667, 669, 696, 705
Ионические острова 657
Иран, *см.* Персия
Ириб, селение в Дагестане 775, 776
Ирландия 564, 782, 785
Испания 108, 225, 292, 303, 313, 314, 656, 682, 695–697, 706, 709, 712, 716
Исти-Су, селение в Чечне 692, 695, 700
Италия 240, 247, 248, 252, 268, 276, 292, 295, 306, 314, 334, 537, 538, 539, 697, 699, 708, 778, 785
Иудейское царство 791
Ичкерийский лес 460, 465, 477, 747, 752
Ичкерия, часть Чечни 747, 752

Кабарда (Большая и Малая) 12, 21, 100, 158. 283, 286, 288, 305, 342, 346–349, 363, 373, 377, 383, 384, 390, 435, 479, 488–490, 493, 495, 500, 527, 531, 654, 684, 706, 707, 709, 721, 759, 760, 762–766, 796
Кабардино-Балкария 764
Кавказ 5–11, 13–22, 23, 38, 42, 62, 181, 207, 216, 220, 222, 223, 226, 227, 229, 230, 231,233, 235, 244, 265, 271, 288, 321, 327, 340, 342, 348, 357, 362, 363, 428, 442, 446, 447, 451, 452–455, 457–459, 463, 464, 466–468, 470, 473, 475–477, 479, 480, 484–489, 494, 496, 501, 504, 507, 511, 515, 523, 525, 527, 528, 531–533, 536–538, 542, 545, 550, 551, 554–558, 560, 566–568, 570, 571, 573, 577, 578, 582, 583, 586, 592, 598, 602, 603, 605, 608–613, 622, 623, 626, 627, 633, 638,641, 643, 645–647, 649, 654, 659–661, 665, 671–673, 676, 677, 679, 680, 688, 689–692, 694–696, 698, 702, 705, 708, 709, 712–715, 717, 718, 721, 722, 727–729, 732, 734, 736–740, 743–745, 750–756, 759–762, 765, 768, 770, 773, 774, 776, 779, 781, 784, 787, 788, 793, 802, 803, 805, 807, 808
Кавказская губерния 12, 139, 648, 654, 678, 685, 686, 709
Кавказская линия 9, 33, 34, 39, 50, 59–61, 67, 75, 81, 88, 94, 99, 104, 109, 113, 114, 117, 119, 123–125, 138, 139, 141, 142, 153, 158, 161, 168, 182, 183,184, 193, 203, 210, 214, 219, 231, 241, 246, 247, 250, 275, 281, 285, 286, 293, 294, 301, 308, 310, 332, 334, 337, 342, 358, 370, 371, 373–379, 382, 384, 426, 438, 452, 481, 492, 505, 518, 519, 555, 622, 638, 648–650, 654, 661, 670, 672, 673, 675, 676, 679, 682, 685, 690, 694, 703, 706, 708, 709, 717, 726, 744, 745, 747, 748, 750, 753, 759, 760, 763, 764, 772, 775, 782, 786, 788, 797, 807
Кавказская область 12, 301, 357, 381, 428, 654, 658, 660, 661, 670, 694, 725, 745, 753, 774
Кавказские горы (хребет) 116, 121, 775, 780
Кавказские Минеральные Воды 25, 320, 322, 324, 332, 337, 360, 361, 365, 366, 368, 377, 431, 547, 687, 694, 727, 729, 746
Кавказский край *см.* Кавказ
Кавказское наместничество 721
Кагальник, река, приток Дона 165
Кадиса, город в Испании 696
Казанище, селение в Дагестане 607, 721
Казах-Кечу, аул в Чечне 154, 489, 763
Казахская дистанция, регион в Азербайджане 733
Казбек, гора 468
Кази-Юрт, село и укрепление в Дагестане 656
Казыкумык (Казыкумух), селение 461, 495, 519, 520, 524, 529, 532, 568, 572, 696, 749, 767
Казыкумыкское (Казикумухское) Койсу, река в Дагестане 551, 774, 777

Казыкумыкское (Казикумухское) ханство 222, 228, 231, 482, 507, 523, 527, 535, 536, 721, 767, 771, 774, 775, 780, 787, 795
Калаусский лиман в дельте Кубани 702
Калифорния, штат США 584
Калуга, город 748
Каменец-Подольский, город 481, 550
Каменная, река в Закавказье 388
Каменный остров *см* Санкт-Петербург
Камчатка, полуостров 117, 194
Кандия (совр Ираклион), город на острове Крит 793
Капанак-Чай, река в Карабахском ханстве 732
Карабахское ханство (провинция) 7, 36, 37, 40, 53, 122, 181, 302, 303, 310, 335, 357, 387, 389, 392, 395, 397, 399, 576, 650, 655–659, 688, 689, 711, 712, 730
Карабулак, селение в Чечне 502
Караван-Сарай-Чай, река в Дагестане 775
Карадагский мост 548, 551, 562, 568, 572
Каракайдаг (Кайдаг), ханство и область юго-восточного Дагестана 680, 688, 692, 720, 721
Караклиса, город в Лорийском уезде Эриванской губ 78, 323, 385, 386, 388, 390, 391, 732
Каракойсу, правый приток р Аварское Койсу 778
Каранай, селение в Дагестане 526, 721
Каранайский спуск 774
Карапапахские деревни Дарачичагского магала Эриванского ханства 396
Карлсбад, город 306, 633, 634
Карлсруэ, поместье в Силезии 771
Карс, город и крепость в Турции 14, 628, 631, 639–641, 643, 735, 769, 788, 803, 806
Карский пашалык (область) 280, 702
Карталиния (Картвели, Картли), область Грузии 221, 626, 723, 756, 769
Карфаген, финикийский город 762
Каспийское море 7, 9, 76, 97, 102, 188, 686, 705, 728
Каспийское побережье 10, 738, 771
Кассель, город в Германии 784
Каталония, область в Испании 696
Катариненфельд, немецкая колония в Грузии 678
Катех (Катехи), селение в Джаро-Белоканской обл 711
Кафыр-Кумух, селение в Дагестане 721
Кахетия, область Грузии 160, 221, 301, 392, 393, 482, 495, 503, 509, 536, 548, 549, 654, 658, 659, 661, 756, 769, 777
Кахун, река в Северной Осетии 760
Качкалыкские селения в Чечне 202, 369, 626
Кегерское нагорье в Дагестане 776
Кенигштайн, крепость в Саксонии 536, 777
Керчь, город 399, 755
Киев, город 22, 297, 609, 652, 748
Киевская губерния 634, 695
Кизляр, город в Дагестане 50, 126, 153, 154, 171, 210, 212, 518, 654, 656, 679, 695
Кирки, селение в Дагестане 462
Кисловодск, город 287, 708, 729
Китай 741
Коджоры, селение в Грузии 327
Кодор, река в Абхазии 505
Койсуг, селение на территории Войска Донского 165
Койшаур (Кашеур), гора в Грузии 329
Константиногорская крепость у горы Бештау 285
Константинополь 115, 277, 317, 465, 628, 655, 673, 684, 716,780, 793, 801
Костромская губерния 803
Костюковское, селение на р Сулак 141
Котка *см* Роченсальм
Краков, город 163, 175, 249, 251, 649
Кракополь, майорат в Августовской губ 759
Красноводский залив Каспийского моря 705
Краснодар *см* Екатеринодар
Красное Село, пригород Санкт-Петербурга 498
Красный, город в Смоленской губ 767, 771
Кронштадт, город 431, 754, 805
Круглолесское, селение Кавказской обл 326, 347
Крым 51, 55, 75, 154, 156, 326, 341, 348, 349, 363, 377, 380, 405, 416, 463, 506, 510, 516, 517, 560, 566–569, 609, 610, 617, 628, 638, 649, 665, 675, 677, 694, 703, 714, 717, 722, 724, 728, 738, 786, 804, 805
Куба, центр Кубинской провинции 156, 159, 161, 191, 208, 371, 767
Кубанская линия 759
Кубань, река 293, 326, 427, 619, 623, 654, 661, 685, 709, 721, 722, 744
Кубинское ханство (провинция, уезд) 159, 161,168, 177, 181, 182, 184, 188, 655, 656, 660, 676, 679, 688, 692, 780
Кульм, населенный пункт в Чехии 6, 683, 800
Кума, река в Дагестане 284
Кумыкская плоскость (Кумыкские владения) 479, 507, 509, 690, 760
Кура, река в Грузии 170, 181, 232, 802
Курах, селение в Дагестане 696
Курдистан, регион в Турции 702,
Куринское укрепление в Чечне 800
Курск, город 262, 429
Кутаис (Кутаиси), город 505, 694
Кутаисская губерния 769, 773, 774, 807
Кутаисский уезд 769
Кутиша (Кутиши), аварское село в Дагестане 551, 771
Кучук-Ламбат, имение в Крыму 312, 714
Кюлюли, селение в Дагестане 503, 767
Кюринское ханство 688, 692, 780
Кюрюк-Дара, селение в Турции 640, 804, 806

Лаба, река на Кавказе 654, 717, 746
Лаваши, селение в Дагестане 502, 507, 693, 771
Ладожское озеро 801
Лайбах (Любляна), город 247, 251, 252, 255, 538, 695, 697, 699, 701
Лезгинская кордонная линия 654, 758, 775, 788, 805
Лейпциг, город 651, 750
Ленкоранское ханство 730, 778
Леньяго, крепость в Италии 785
Лиахва (Лиахви), река в Грузии 348, 722
Ливенский уезд Орловской губ 755
Литва 761
Ломбардия, регион в Италии 562
Ломбардо-Венецианская королевство 783, 785
Лондон, город 6, 666, 783
Лори (Лориберд), крепость в Армении 388, 389, 732

Лорийский марз (регион) 732
Лоуфельд, город в Голландии 781
Лукьянчиково, село в Елецком уезде Орловской губ. 402–405, 409, 423, 653
Луцк, город в Волынской губ. 609
Любек, город 431
Люблин, город в Польше 249

Мадрид, город 706
Майртуп, село в Чечне 502
Макарьев, город в Нижегородской губ. 688
Малка, река в Кабарде 492, 709,
Малороссия 41, 316, 354
Малый Ярославец (Малоярославец), город в Калужской губ. 169, 686, 767
Манглиси, город в Грузии 327, 344, 352, 391, 723
Мантуя, крепость в Италии 785
Манчестер, город 666
Мариенфельд, немецкая колония в Грузии 677
Мартан, река в Чечне 598, 695
Марьинская крепость, на р. Золке Кавказской губ. 654
Маюртуп, село в Чечне 729,
Медведково, село в Тульской губ. 736, 743
Мекка, город в Саудовской Аравии 495, 562, 748
Метехская крепость в Тифлисе 467
Мехтулинское ханство 529, 683, 692, 721, 771, 774, 775, 780
Мешкинская провинция в Персии 734
Милан, город 785
Минарет, селение в Чечне 763, 765, 766
Минаретский мост 489, 763
Мингрелия, область в Грузии 7, 125, 221, 325, 354, 642, 694, 695, 769
Мирак (Марак), пост 386, 731, 732
Мискинджа (Мискиджи), селение в Дагестане 575, 788
Мискит (Мескеты), селение на р. Аксай 461, 753
Михайловская, станица 666
Мичик, река в Чечне 700, 800
Мичик, селение в Чечне 502, 626, 800
Мобеж, город во Франции 651
Могилев, город 169
Модлин, город 761
Моздок, город Кавказской обл. 41, 50, 60, 85, 89, 119, 122, 123, 165, 184, 199, 203, 213, 215, 489, 654, 665, 678, 731
Молдавия, княжество 228, 303, 699, 705, 793, 805
Москва 15, 21, 22–31, 82, 85, 102, 108, 110–112, 118, 120, 121,170, 176, 218, 220, 255, 256, 258, 261, 262, 263, 271, 273, 274, 279, 280, 282, 317–319, 321, 333, 340–342, 350, 351, 358, 363, 380, 381, 383, 402, 403, 405, 406, 414–416, 418–421, 424, 427–429, 431, 433–445, 447–456, 459, 461, 462, 464, 465, 467, 469, 471, 472, 474, 475, 477, 478, 481, 484, 486–490, 493, 494, 497, 498, 500, 506, 510–513, 514, 518–523, 526, 528, 530, 531, 533, 534, 537–542, 544, 545, 547, 548, 550, 553, 556, 557, 559, 560, 563, 565, 567, 568, 570, 572, 573, 575–577, 579, 581, 582, 584, 585, 587, 589–594, 596–604, 606–612, 614–616, 618–625, 627–631, 634–636, 638–646, 658, 660, 662, 676 ,680, 695, 700, 701, 706, 740, 742–744, 756, 773, 777, 787, 794, 805, 806
Москва-река 341
Московская губерния 752
Муганская степь в Азербайджане 400
Мухровань, пригород Тифлиса 428
Мценский уезд Орловской губ. 653

Набережное, сельцо Ливенского уезда Орловской губ. 653, 755
Назрановский редут 665
Назрань, ингушское селение 154
Нальчик, крепость и город в Кабарде 490, 680, 690–693, 721, 722, 764, 765
Нахичевано-Бессарабская епархия 768
Нахичеванская провинция (уезд) 505, 769
Нахичевань, город 83, 666
Неаполь, город Италии 248, 558, 697, 699
Нева, река 604
Ней Тифлис, немецкая колония в Грузии 678
Неотступный Стан, укрепление на р. Сунжа 12, 241, 695
Нетхойское ущелье в Чечне 801, 800
Нидерланды 656, 669, 706
Нижний Новгород, город 688
Николаев, город-порт на Черном море 755
Николаевская, станица на р. Терек 490
Новгород, город 271, 720
Новгородская губерния 676
Новороссийский край (губерния) 361, 636, 650, 676, 721
Новочеркасск, столица области Войска Донского 677
Ноим-Берды, аул в Чечне 692
Ноттингем, графство в Англии 666
Нуха, уездный город Елизаветпольской губ. 389, 398, 796
Нухинская провинция (уезд) 655, 775
Нюрнберг, город в Германии 28

Одесса, город 316, 362, 560, 578, 586, 661, 670, 677, 703, 712, 721, 723, 749, 755, 766, 768
Олонецкая губерния 718
Ольмюц, город в Чехии 787
Онежское озеро 801
Орел, город 21, 23, 24, 25, 26, 31, 88, 89, 104, 220, 223, 247, 257–261, 263, 264, 405–407, 409–411, 413, 414, 415, 417, 418, 423–425, 427–433, 633
Оренбургская губерния 704
Орловская губерния 262, 737, 755
Оруланское ущелье *см.* Гамзачиманское ущелье
Орша, уездный город Могилевской губ. 248
Осетия 348, 664, 688, 722,
Османская империя *см.* Турция
Осоргино, деревня под Москвой 424, 426, 429, 430, 432–434, 446–448, 467, 497–499, 507–509, 515, 530, 532, 539, 540, 566, 585, 588, 595, 596, 598, 608, 632, 633, 637, 642, 742
Остенде, курорт в Бельгии 634
Остзейские губернии *см.* Прибалтийский край

Павловская крепость на р. Кубань (совр. станица Кавказская) 654
Палермо, город в Италии 489, 763

Параул, селение в Дагестане 156, 160, 210, 683
Париж 57, 162, 163, 272, 277, 305, 457, 549, 552, 558, 561, 563, 615, 651, 659, 667, 681, 696, 783, 800
Пензенская губерния 19
Персия (Иран) 7, 10, 12, 13, 19, 27–29, 33, 34, 38, 39, 43, 46, 48–50, 58–60, 64, 65, 69, 70, 72–74, 76–79, 81–84, 85, 87–98, 100–109, 111, 114, 115, 117, 120, 121, 128, 136, 141, 144, 157, 179, 181, 185, 191, 206, 226, 231, 239, 250, 265, 274, 277, 302, 312, 348, 357, 383, 411, 413, 414, 419–421, 495, 569, 629, 635, 648–650, 653, 654, 657–659, 668–671, 673, 675, 679, 683, 684, 690, 696, 697, 702, 705, 711, 713, 726, 730, 732–734, 736, 738, 739–741, 765, 778, 786, 800
Пескиера, крепость в Италии 785
Петергоф, город 151, 483, 493, 764
Петергофский уезд 762
Петерсдорф, немецкая колония в Грузии 678
Петровский хутор в Орловской губ. 755
Петропавловская крепость, в Санкт-Петербурге 699, 704
Пиразе, село в Елизаветпольской губ. 398
Пирмонт, город в Германии 316, 330
Полтава, город 199, 442
Полтавская губерния 745
Польша 27, 126, 127, 189, 240, 490, 558, 559, 561, 562, 564, 660, 673, 675, 687, 703, 709, 719, 724, 748, 759, 776, 783
Померания, историческая область 776
Порта Оттоманская *см.* Турция
Поти, город-порт на Черном море 769
Прага, предместье Варшавы 6, 617, 778, 798
Прато, город в Италии 19
Преградный Стан, укрепление в устье р. Барсуки 154, 666
Пречистенка, улица в Москве 608
Прибалтийский край 750, 757
Прикаспийский край 612, 655, 774, 780, 798, 806
Прилуки, уездный город Полтавской губ. 546
Прилукский уезд 745
Прохладное, укрепление в Кабарде 684
Пруссия, королевство 557, 628, 671, 682, 781
Пьемонт, королевство 250, 668, 699
Пятигорск, город 576, 584, 654, 724, 729, 746

Разград, город в Болгарии 761
Рачинский округ в Имеретии 348
Ревель (совр. Таллин), город-порт 672, 806
Редут-Кале, город-крепость на Черноморском побережье 466, 505, 626, 769
Рига, центр Лифляндской губ. 589
Рим 38, 549, 666, 740, 776
Риони, река в Грузии 348
Россия 5–8, 11, 13, 43, 48, 54, 55, 56, 57, 59, 63, 71, 73, 75, 79, 80, 83, 84, 87, 88, 90, 92, 94, 95, 102, 103, 106, 107, 113, 114, 116, 117, 127, 136, 144, 151, 155, 157, 181, 184, 186, 189, 190, 193, 194, 198, 199, 205, 212, 216, 217, 219, 223, 234, 237, 247, 251, 255, 259, 262, 275, 287, 291, 297, 300, 305, 307, 308, 313, 336, 342, 362, 409, 415, 470, 473, 477, 484, 493, 503, 534, 561, 569, 571, 574, 581, 585, 589, 598, 620, 648, 653, 654, 656–659, 665–668, 673, 675, 676, 679, 680, 682, 685, 688, 690–694, 696, 700, 702, 705–707, 713, 716, 721, 727, 728, 729, 734, 736–738, 742, 751, 756, 761, 762, 765, 766, 770, 773, 780, 781, 786, 789, 797, 799, 800
Ростов-на-Дону, город 661
Роченсальм, крепость, совр. г. Котка в Финляндии 33, 654
Рошня, река в Чечне 774, 797
Ругуджа, селение в Дагестане 536, 777
Рутул, село в Дагестане 576, 757, 789
Рущук, порт на р. Дунай в Болгарии 761
Рымник, река в Румынии 691
Рязань, город 694, 695, 742, 806

Саксония, область в Германии 715
Салават (Сальват), гора на Кавказе 506, 529, 775
Салатавия, область в предгорном Дагестане 690, 758
Салгир, река в Крыму 348, 722
Салта (Салты), селение в Дагестане 539, 542, 549–551, 554, 568, 770, 775, 776, 778, 779, 781, 786, 794
Самур, река в Южном Дагестане 191, 571, 757, 770
Самурская линия 757
Самурский округ, южная часть Дагестанской области 569, 575, 775, 780, 794
Санеут, селение в Южном Дагестане 232
Санкт-Петербург 10, 13, 15, 16, 22–27, 32, 36, 44, 61, 64, 65, 76, 91, 102–105, 112, 117, 118, 140, 146, 170, 175, 177, 178, 184, 186, 188, 189, 190, 198–200, 212, 213, 215, 216, 224, 226, 231, 238, 239, 242–245, 247, 249, 251, 262–265, 269, 272, 273, 276–279, 282, 286, 290, 291, 295, 296, 300, 307, 308, 313, 314, 317, 321, 326, 327, 335, 336, 341, 342, 349, 351–353, 359, 363, 364, 379, 406, 413, 414, 415, 417, 427, 428, 431–438, 440, 441, 443, 446, 451, 453–455, 462, 470, 474, 479, 481, 483, 485, 496, 497, 499, 501, 504–507, 512, 514–516, 518, 520, 522, 527, 534, 537, 542, 545, 546, 549, 556, 557, 559, 567, 568–570, 576–579, 581, 584–590, 620, 626–628, 630, 631, 634, 636, 637, 639, 644, 648, 649, 651, 652, 657, 660, 664, 668, 680, 685, 694, 695, 697, 701, 704–706, 713, 717, 720, 722, 723, 726, 727, 730, 734, 735, 737, 747, 748, 754, 757, 766, 773, 776, 789, 800
Санкт-Петербургская губерния 760
Сарагоса, город в Испании 482, 761
Саратов, губернский город 153, 186, 252–255
Сардиния, остров 787
Сарти-Чала (Сартичала), селение в Грузии 206, 677
Св. Димитрия Ростовского, крепость, совр. Ростов-на-Дону 55, 661
Св. Елены, остров 642, 708, 806
Свеаборг, крепость и порт 754
Севастополь, город-порт 625, 638, 639, 665, 755
Северный Кавказ *см.* Кавказ
Селигер, озеро 801
Сенгилей, уездный город Симбирской губ. 710
Сибирская линия 673
Сибирь 52, 65, 193, 194, 298, 684, 686, 710, 764, 799
Сигнах (Сигнахи), селение в Грузии 658
Силезия, область Польши 771
Силистрия, турецкая крепость 761, 792

Симбирск, город 710
Сирия 805
Сицилия, остров 558
Скорняково, деревня в Воронежской губ. 781
Слепцовская (Сунженская), станица 797
Слободская Украина 691
Смоленск, город 650, 756
Собакино, деревня в Московской губ. 648
Соединенные Штаты Америки 696
Солдатская, станица 384
Соуксу, селение в Абхазии 721
Спафильдс, пригород Лондона 666
Средиземное море 754
Средняя Азия 705, 706
Ставрополь, город 12, 22, 55, 250, 265, 445, 376, 589, 654, 678, 746
Ставропольская губерния 774
Старый Юрт, селение в Чечне 502
Стокгольм, город 673, 716
Ступишино, деревня в Орловском уезде Орловской губ. 653
Суджук-Кале (Седжук-Кале), крепость, совр. Новороссийск 721
Сулак, река в Дагестане 141, 153, 154, 196, 207, 502, 534, 660, 676, 746, 770
Султания, город в Персии 80, 82, 86, 87, 91, 106, 107,114, 115
Сунжа, река в Чечне 12, 39, 51, 59, 60, 72, 94, 112, 125, 126, 131, 132, 134, 135–143, 205,148, 149, 153–155, 157, 159, 163–165, 186, 214, 219, 231, 241, 479, 492, 493, 516, 654, 660, 665, 666, 676, 689, 695, 698, 763, 793, 796
Сунженская, станица *см.* Слепцовская, станица
Сунженская линия 796–798
Сурам, крепость и селение в Грузии 505, 769, 802
Суук-Булак, горный хребет над р. Сулак 758
Сухум-Кале, крепость на Черном море 466, 626, 654, 721, 769

Табасаранская область, часть Южного Дагестана 211, 690, 720, 795
Тавриз, город в Персии 79, 84, 85, 86, 105, 106, 108, 408, 411, 413, 666, 732, 736, 768
Таврическая губерния 190, 661, 715
Таганрог, город 377, 402, 677, 690, 728, , 728, 729
Талынь, селение на российско-персидской границе 666, 668
Талышинское ханство, на территории Азербайджана 7, 576, 656
Тамань, станица 51, 665
Тарки, селение в Дагестане 141, 155, 156, 157, 159, 160, 210, 211, 683
Тарковское шамхальство 679, 771, 774, 775, 780
Тарутино, село в Калужской губ. 771
Тауз (Товуз), селение в Азербайджане 392
Таш-Кичу (Ташкичу), укрепление в Дагестане 371, 372, 728, 729
Тверь, город 677, 695
Тегеран, город 27, 47, 70, 77, 666, 803
Телавский уезд Тифлисской губ. 769
Темир-Хан-Шура, крепость (совр. Буйнакск) 454, 459, 495, 497, 500, 530, 568, 607, 608, 611, 618, 619, 622, 654, 748, 751, 771, 786
Теплицкие Воды, в Чехии 291
Терек, река на Кавказе 59, 89,132, 134, 138, 141, 142, 153, 154, 162, 204, 231, 265, 348, 489, 490, 492, 502, 627, 654, 660, 706, 760, 763–765, 772
Теренгульский овраг, урочище у селения Чиркей 758
Тигр, река в Месопотамии 566, 786
Тилитлы (Тилитль), аварское селение в Дагестане 461, 482, 529, 530, 532, 536, 548, 549, 554, 572, 775, 777, 780
Тифлис (совр. Тбилиси) 6, 9, 10, 22, 27, 33, 36, 38, 39, 41, 42, 45, 47, 49, 52, 54–57, 58, 60, 63, 67–71, 76–78, 80–82, 84, 85, 88–91, 93, 94, 97–99, 102, 105, 108–112, 114, 118, 119, 122, 124, 162, 167, 169, 170, 172–174, 180, 181, 186, 208, 216, 222, 227, 229–233, 235, 236, 243, 245, 267, 271–274, 276–279, 281, 287–289, 291, 295, 297–302, 306, 311–313, 315, 316, 319, 322–325, 327–329, 333, 334, 337–339, 343, 344, 348, 350–359, 361–364, 367, 374, 375, 381–395, 397, 400–402, 406–408, 418, 428, 433, 447, 466, 467, 469, 474, 487–489, 494, 503, 505, 508, 513, 519, 522–524, 552, 567, 569, 572, 573, 576, 578, 584, 588, 590, 591, 602, 619, 627, 637, 638, 649, 655, 659, 661, 662, 665, 673, 674, 677, 681, 688, 691, 696, 717, 725, 727, 731, 734, 741, 749, 751, 753, 755, 762, 768, 769, 786, 789, 791, 794, 798, 806, 807
Тифлисская губерния 733, 769, 773, 774
Тобольская губерния 725, 735
Три Брата, урочище в Чечне 695
Троице-Сергиевская пустынь, под Санкт-Петербургом 680
Троппау, город в Силезии 236, 697, 699
Тула, город 6, 406, 449, 452, 496, 765
Тульская губерния 736, 743
Турин, город 668, 699
Турция (Османская империя, Османская порта) 7, 9, 78, 280, 641, 661, 667, 685, 695, 702, 720, 722, 740, 750, 801, 804, 806
Турчидаг, горная вершина, хребет и плато в Дагестане 534, 539, 770, 776, 795

Уджан, селение в Армении 392
Украина 716
Унжухай, селение в Дагестане 767
Унцукуль, селение в Дагестане 459, 752
Урус-Мартан, редут на р. Мартан 695, 760
Урух, река в Кабарде и Северной Осетии 760
Урухская, станица 763
Усть-Лабинская, крепость *см.* Александровская

Феодосия, город в Крыму 740, 755, 768
Ферахан, местность в Персии 671
Финляндия 194, 294, 332, 333, 340, 346, 353, 380, 686, 714, 716, 723
Фортанга, река в Чечне и Ингушетии 516, 517, 523, 772, 793
Франкфурт, город в Германии 560
Францбург, город в Германии 281, 291
Франция 26, 27, 28, 58, 75, 148, 150, 157, 163, 169, 176, 236, 240, 457, 557, 560, 561, 633, 647–650, 652, 656, 658, 667, 668, 673, 682, 687, 696, 719, 729, 741, 756, 778, 781, 782, 783, 797, 798, 804
Фридрихсгам, город в Финляндии 339

Хазар (Хазры), селение в Дагестане 756, 757
Хан-Абад (Ханабад), деревня в Азербайджане 399
Хан-Кала, селение в Чечне 141, 148, 154, 205, 211, 225, 598, 800
Харьковская губерния 730, 763
Херсонская губерния 661, 677, 721
Хива, город 276, 705
Хнов, селение в Дагестане 789
Ходжал Маха, селение в Дагестане 548
Хопи, река 769
Хорасанская область, Северо-Восточный Иран и Южная Туркмения 97, 669
Хорватия 785, 787
Хош-Гельды, селение в Чечне 369
Хубарские высоты (горы) в Дагестане 749, 758
Хулхулау, ущелье в Чечне 797
Хунзах (Кунзах), селение и крепость в Дагестане 459, 527, 535, 551, 752, 753, 777, 780

Цалка, река в Грузии 351
Царево, имение в Московской губ 256, 263, 701
Царское Село, город 695, 737
Царство Польское *см* Польша
Цахур, селение в Дагестане 800

Чардахлы, селение в Азербайджане 394
Чарская область, *см* Джарская область
Чары *см* Джары
Червленная, станица в Чечне 380, 759
Черекское ущелье в Кабарде 489, 492, 764
Черкасск, крепость и город в области Войска Донского 134
Черкесия, регион Западного Кавказа 722, 748
Черная, река в Северной Осетии 760
Черное море 9, 76, 102, 118, 188, 224, 382, 442, 444, 447, 665, 686, 754, 769
Черноериковские (Черноерковские) хутора на Кубани 702
Черноморское побережье (Черномория, Черноморская береговая линяя) 9, 555, 621, 654, 661, 670, 672, 702, 743, 745, 746, 750, 754, 769, 773, 782
Черные горы, хребты Большого Кавказа 363
Черный Яр, село в Астраханской губ 670
Чехия 783
Чеченская линия 461
Чечня (Большая и Малая) 12, 143, 202, 381, 382, 465, 475, 510, 516, 549, 562, 576, 598, 611, 679, 689, 692, 695, 726, 730, 748, 751, 753, 754, 758–760, 763, 766, 767, 772, 793, 795–797, 800
Чирагское укрепление в Дагестане 212, 692
Чиркей, селение в Дагестане 462, 750
Чиркейский мост, в Дагестане 700
Чир-Юрт, селение в Дагестане 502, 507
Чократль, горы в Дагестане 700
Чоундур, река в Карабахе 732
Чох, селение в Дагестане 621, 791
Чугуев, город на Украине 695

Шали, селение в Чечне 726
Шамхор, город в Азербайджане 397, 734
Шамшадинская дистанция, область в Азербайджане 392, 393
Шаудень-Шари, аул в Чечне 796
Швайкгель, село Вюртембергского королевства 677
Швейцария 89, 720, 729, 777
Швеция 336, 700, 776
Шекинское ханство (провинция), в Азербайджане 231, 283, 284, 357, 396, 650, 656, 658, 696, 777
Шемаха, селение в Азербайджане 398, 487, 489, 494
Шемахинское ханство (губерния) в Азербайджане 683, 721, 774
Ширванское ханство (провинция), в Азербайджане 58, 155, 231, 246, 357, 387, 389, 396, 650, 655, 656, 658, 683
Шлангенбад, курорт в Германии 634
Шлиссельбургский уезд Петербургской губ 760
Шотландия 782
Шурагельская дистанция (султанат) 386, 505, 732, 769
Шуша, крепость и город в Карабахе 536, 588, 734, 735, 777

Эзель, остров в Финляндии 194
Эльбрус, вершина Кавказского хребта 468
Эльхотово, селение в Северной Осетии 763
Эндери *см* Андреевская слобода
Эрзерум *см* Арзрум
Эриван (Эривань), город 79, 105, 392, 396, 413, 504, 569, 602, 626, 666, 731, 736, 740, 787, 800, 803
Эриванская крепость 85, 392, 397
Эриванская область (ханство, провинция, уезд, губерния) 78, 79, 275, 418, 426, 504, 505, 666, 732, 736, 769, 800
Эрпели, селение в Дагестане 721
Эсклавония *см* Богемия
Эстляндия, область в Прибалтике 672, 805, 806
Эчмиадзин, монастырь 666
Эшек-Майдан, урочище на российско-персидской границе 396

Юго-Западный край 767
Южная Америка 695, 709
Ютландия 776

Якутск, город 725
Ялта, город 755
Ярославль, город 584
Ярославская губерния 650
Ярык-Су (Ярыксу), река в Чечне и Дагестане 502, 728
Яссы, город в Румынии 699

Содержание

Предисловие
5

ПИСЬМА
23

Комментарии
647

Указатель имен
809

Указатель
географических названий
822

Ермолов А. П.
Е 74 Кавказские письма. 1816–1860. — СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. — 832 с.

ISBN 978-5-7439-0214-9

Алексей Петрович Ермолов — один из самых блестящих и загадочных персонажей среди военных и государственных деятелей России. Из среды генералитета он резко выделялся «неограниченным честолюбием», грандиозными замыслами, соответствующими скорее XVIII, чем XIX веку. Это несоответствие масштаба замыслов и окружающей его реальности стало причиной жизненной драмы Ермолова.

С детства воспитавший себя на античной героике, он мечтал о лаврах Александра Македонского, сокрушителя Персии. Это было одним из главных мотивов его стремления на Кавказ, который мыслился как плацдарм для продвижения в глубь необъятных просторов Азии — к северным границам Индии.

Человек европейской образованности и незаурядного литературного таланта, он оставил после себя не только знаменитые «Записки», в которых был сдержан и осторожен, но и мощный корпус писем, являющийся его истинной автобиографией. Именно в письмах раскрывается вся особость натуры героя наполеоновских войн, «проконсула Кавказа». Адресованные друзьям, которым он доверял, отправляемые мимо официальной почты с доверенными фельдъегерями, эти письма рисуют сложнейшую личность, сочетавшую в себе благородство и коварство, доброту и холодную жестокость, гордыню и самоуничижение.

Охватывающие почти полувековой период, письма Ермолова не только дают яркое представление о «бурных днях Кавказа», но и являют парадоксальную картину бытования военной и политической элиты Российской империи.

ББК 84.Р1

А. П. Ермолов
Кавказские письма
1816–1860

Компьютерная верстка *В. М. Бердника*
Корректор *Н. В. Виноградова*

Подписано к печати 20.10.2014. Формат 70×100$^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 67,6. Уч. изд. л. 61,44. Тираж 1000 экз. Заказ № 133.

ООО «Журнал «Звезда».
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20.
Отдел реализации: (812) 273-37-24; mail@zvezdaspb.ru

16+

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, В. О. Средний пр., 86. тел. (812) 320-52-85

Алексей Петрович Ермолов — один из самых блестящих и загадочных персонажей среди военных и государственных деятелей России. Из среды генералитета он резко выделялся «неограниченным честолюбием», грандиозными замыслами, соответствующими скорее XVIII, чем XIX веку. Это несоответствие масштаба замыслов и окружающей его реальности стало причиной жизненной драмы Ермолова.

С детства воспитавший себя на античной героике, он мечтал о лаврах Александра Македонского, сокрушителя Персии. Это было одним из главных мотивов его стремления на Кавказ, который мыслился как плацдарм для продвижения в глубь необъятных просторов Азии — к северным границам Индии.

Человек европейской образованности и незаурядного литературного таланта, он оставил после себя не только знаменитые «Записки», в которых был сдержан и осторожен, но и мощный корпус писем, являющийся его истинной автобиографией. Именно в письмах раскрывается вся особость натуры героя наполеоновских войн, «проконсула Кавказа». Адресованные друзьям, которым он доверял, отправляемые мимо официальной почты с доверенными фельдъегерями, эти письма рисуют сложнейшую личность, сочетавшую в себе благородство и коварство, доброту и холодную жестокость, гордыню и самоуничижение.

Охватывающие почти полувековой период письма Ермолова не только дают яркое представление о «бурных днях Кавказа», но и являют парадоксальную картину бытования военной и политической элиты Российской империи.

Издание снабжено подробными комментариями, именным и географическим указателями.

журнал ЗВЕЗДА